



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

Geoffrey D. Gund
Class of 1964

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІ.

1904.

ЯНВАРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

Второй выпуск
МАУ 1904
Сентябрь 1904

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшіе приказы по вѣдомству мнн. нар. пр.	3
II. Высочайшія награды по вѣдомству мнн. нар. просв.	6
III. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	7
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	10
V. Опрежденія ученаго комитета мнн. нар. пр.	17
VI. Опрежденія особаго отдѣла ученаго комитета мнн. нар. пр.	22
VII. Опрежденія отдѣленія ученаго комитета мнн. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	29
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	31
Н. Д. Чечулицъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Очеркъ I	1
С. П. Розановъ. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ	92
В. П. Лажанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIV—XXV	137
А. А. Шахматовъ. Новая хронологическая дата въ исторіи русской литературы	174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Н. Смирновъ. Сборникъ за народныя умотворенія, наука и книжнина. Органъ за нестранино изучаване на этнографска България. Т. I—XVIII. София. 1889—1901 (<i>окончаніе</i>)	180
М. Г. Попруженко. С. А. Бьлюкоровъ. Юрій Крижанецъ въ Россіи. Москва. 1902.	221
В. П. Венешевичъ. А. П. Алмазовъ, проф. Каноническіе отвѣты Іоасафа, митрополита Ефесскаго. (Малозвѣстный памятникъ права греческой церкви XV в.). Текстъ и переводъ съ предварительными очеркомъ и примѣчаніями. Одесса. 1903.—Непзданные каноническіе отвѣты патриарха Луки Христоверга и митрополита Нила. Одесса. 1903.	231
И. Д. Драгановъ. <i>Veset in Askerc. Ruska Antologija</i> . 1902.	244
— Книжныя новости	245

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССІ.

1904.

ЯНВАРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

P Slav 318.10



ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го ноября 1903 года, № 82). *Опредѣляется* на службу кандидатъ Императорскаго университета *Ротвандъ*—почетнымъ попечителемъ частнаго средняго механико-техническаго училища, въ городѣ Варшавѣ, съ 1-го октября.

Назначаются: директоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Меліоранскій*—директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи; губернскій секретарь *Елизиневъ*—вновь почетнымъ попечителемъ С.-Петербургскаго учительскаго института, на три года; директоръ Томскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Щепетевъ*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго Томскаго университета; директоръ Семипалатинской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Ремезовъ* и правитель канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Зимовновъ*—директорами: первый—Семипалатинской гимназіи, а второй—народныхъ училищъ Курской губерніи, изъ нихъ Ремезовъ—съ 1-го іюля; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Морилевичъ*—правителемъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа.

Уволяется, согласно прошенію, заслуженный профессоръ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, сверхъ штата, переводчикъ V класса перваго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, магистръ астрономіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пещуровъ*—отъ исправляемой имъ должности, съ 1-го сентября.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ерофьевъ*, съ 1-го ноября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, предсѣдатель постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, причисленный къ министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соловьевъ*, съ 20-го октября.

(17-го ноября 1903 года, № 84). Назначаются: адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Колловичъ*—профессоромъ того же института, по механикѣ, съ 1-го октября; исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Пѣжинѣ, статскій совѣтникъ *Туртсевичъ*—ординарнымъ профессоромъ того же института, по римской словесности.

(24-го ноября 1903 года, № 86). Назначаются: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, причисленный къ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, коллежскій совѣтникъ *Ковалевскій*—предсѣдателемъ постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ; исправляющій должность адъюнктъ-профессора Рижскаго политехническаго института, магистръ химіи, коллежскій совѣтникъ *Трей*—исправляющимъ должность профессора того же института, по химіи, съ 1-го іюля; директоръ Луганской Екатерининско-Александровской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Зельницкій*—директоромъ Луганской Екатерининско-Александровской гимназіи, съ 1-го августа; преподаватель Харьковской первой гимназіи, надворный совѣтникъ *Порошинъ*—правителемъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа; приватъ-доцентъ и сверхштатный хранитель ботаническаго сада Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ ботаники, коллежскій ассессоръ *Цингеръ*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Новой Александріи, по ботаникѣ, съ 1-го октября.

Перемѣщается директоръ Повгородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ князь *Арутинскій-Долгоруковъ*—директоромъ Варшавскаго реальнаго училища.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Одесской

третьей гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фесрчакъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Производится, за выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*, со старшинствомъ, причисленный къ министерству *Леманъ*—съ 26-го августа 1903 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: коллежскіе совѣтники: С.-Петербургскаго, докторъ теоріи и исторіи искусствъ *Айналовъ* и Казанскаго, докторъ греческой словесности *Шестаковъ*, оба—съ 6-го ноября 1902 года и Харьковскаго, докторъ финансоваго права *Мишулинъ*—съ 24-го апрѣля 1902 года и Томскаго технологическаго института Императора Николая II: инженеръ-технологъ, коллежскій совѣтникъ *Гобарыковъ* и докторъ химіи, надворный совѣтникъ *Кижнеръ*, оба—съ 1-го іюля 1901 года; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета: докторъ зоологій, надворный совѣтникъ *Мейеръ*—съ 1-го января 1902 года и докторъ медяцины, титулярный совѣтникъ *Амбабовъ*—съ 13-го іюля 1902 года и адъюнктъ-профессоры Рижскаго политехническаго института: архитекторъ *Гобманъ* и инженеръ-архитекторъ *фонъ-Стрикъ*, оба—съ 19-го іюля 1901 года и инженеръ-механикъ *Кларкъ*—съ 1-го сентября 1899 года; *надворнаго совѣтника*: адъюнктъ-астрономы Николаевской главной астрономической обсерваторіи: *Остаценко-Кудрявцевъ*—съ 1-го декабря 1902 года и (сверхштатный) *Васильевъ*—съ 13-го іюля 1902 года; *титуллярнаго совѣтника*, адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ минералогіи и геогнозіи *Самойловъ*—съ 1-го сентября 1902 года, по степени магистра; *коллежскаго секретаря*, адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, инженеръ-технологъ *Аловъ*—съ 1-го ноября 1900 года, по званію инженеръ-технолога.

(1-го декабря 1903 года, № 89). *Назначаются*: причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ членъ С.-Петербургской городской управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тройницкій*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его причисленнымъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и въ занимаемой имъ должности; редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, статскій совѣтникъ *Радловъ*—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, съ 11-го ноября, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; экстраординарные профессора Императорскихъ уни-

верситетовъ: Томскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Поповъ* и Варшавскаго, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Никольскій*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ, по кафедамъ: первый—систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, а второй—накожныхъ и венерическихъ болѣзней съ клинкою, изъ нихъ *Никольскій* съ 1-го октября.

Пермѣщаются: ординарные профессора Императорскаго университета св. Владимира, по кафедамъ: частной патологіи и терапіи, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Образцовъ* и врачебной діагностики съ пропедевтическою клинкою, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Ваиеръ*—ординарными профессорами того же университета, по кафедамъ: первый—терапевтической факультетской клиники, а второй—терапевтической госпитальной клиники, оба съ 31-го октября; директоръ Акъерманской гимназіи, статскій совѣтникъ *Стефановъ*—директоромъ Одесской третьей гимназіи.

Уволяется, отъ службы, согласно прошенію, директоръ народныхъ училищъ Кутаисской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I и ординарный профессоръ электротехническаго института Императора Александра III, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Евневичъ*, съ 5-го ноября.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го ноября 1903 года, № 87). По Императорскому клиническому институту великой княгини Елены Павловны. *Награждаются* орденами: св. Анны 2-й степени—сверхштатный ассистентъ, коллежскій совѣтникъ *Николай Штилицъ*.

Св. Станислава 3-й степени—неимѣющіе чина: сверхштатный ассистентъ, тѣкарь *Эдмундъ Карловичъ* и завѣдывающій аптекою, провизоръ *Феликсъ Красинскій*.

III. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (9-го октября 1903 года, № 31513). *О введеніи въ V классъ гимназій домашнихъ письменныхъ работъ по русскому языку.*

Разсмотрѣвъ доставленные учебно-окружными начальствами отзывы по вопросу о введеніи письменныхъ домашнихъ работъ по русскому языку въ V классъ гимназій въ связи съ заключеніемъ по сему предмету ученаго комитета, министерство народнаго просвѣщенія признаетъ желательнымъ, чтобы и въ названномъ классѣ, по примѣру трехъ старшихъ, учащимся задавались домашнія письменныя работы по русскому языку.

Число означенныхъ работъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онѣ уже производятся нынѣ, можетъ быть оставлено безъ измѣненія и впредь. Вообще же число этихъ работъ не должно превышать четырехъ и можетъ быть увеличиваемо (но не далѣе восьми) лишь въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія окружнаго начальства, на основаніи мотивированныхъ ходатайствъ педагогическихъ совѣтовъ и во вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ. Темы для вышеупомянутыхъ работъ должны быть составляемы преподавателями и утверждаемы педагогическими совѣтами заблаговременно на весь предстоящій учебный годъ, и списокъ означенныхъ темъ долженъ быть представляемъ попечителю учебнаго округа, для свѣдѣнія, еще до начала учебнаго года.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

2. (5-го ноября 1903 года, № 34439). *О разрѣшеніи опредѣлять въ гимназій и прогимназій сверхштатныхъ учителей природовѣдѣнія изъ лицъ, окончившихъ курсъ физико-математическаго факультета по отдѣленію естественныхъ наукъ.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи назначать въ гимназій и прогимназій, примѣнительно къ ст. 1519 т. XI, ч. 1 св. зак., изд. 1893 г., сверхштатныхъ преподавателей природовѣдѣнія, съ предоставленіемъ имъ по этому званію всѣхъ служебныхъ правъ, коими пользуются сверхштатные преподаватели прочихъ пред-

метовъ. Основаніемъ къ возбужденію сего ходатайства послужило то обстоятельство, что въ педагогическомъ составѣ большинства гимназій и прогимназій пѣтъ лицъ, которымъ, по полученному ими образованію, можно было бы, съ пользою для дѣла, поручать уроки сего предмета, лица же, имѣющія соотвѣтствующій образовательный цензъ, въ большинствѣ не склонны принимать на себя преподаваніе изъ платы по найму.

Вслѣдствіе сего и озабочиваясь возможно лучшей постановкой преподаванія природовѣднія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, признало возможнымъ опредѣлять въ названныя учебныя заведенія, впредь до учрежденія въ нихъ штатной должности преподавателя природовѣднія, сверхштатныхъ учителей этого предмета изъ лицъ, окончившихъ курсъ физико-математическаго факультета по отдѣленію естественныхъ наукъ, съ тѣмъ, чтобы означенныя лица, имѣя не менѣе шести уроковъ въ недѣлю, пользовались по упомянутому званію всѣми правами, предоставленными, по закону, сверхштатнымъ преподавателямъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, примѣнительно къ ст. 1519 т. XI ч. 1 св. зак., изд. 1893 года.

Объ этомъ увѣдомляю вамъ превосходительство, для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

3. (5-го ноября 1903 года, № 34883). *О правѣ законоучителей учебныхъ заведеній вѣдомства министерства на зачетъ въ срокъ выслуги на пенсію прежней епархіальной службы.*

Министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ представленъ на разрѣшеніе правительствующаго сената вопросъ о зачетѣ въ срокъ выслуги на пенсію епархіальной службы тѣмъ законоучителямъ учебныхъ заведеній вѣдомства сего министерства, кои въ день выслуги на пенсію состояли одновременно на учебной и епархіальной службѣ, по прослуженіи ими не менѣе 10 лѣтъ по учебной части.

Правительствующій сенатъ, сообразивъ изложенный вопросъ съ законами, нашель, что согласно ст. 335 уст. пенс. (св. зак. т. III изд. 1896 г.), законоучителя духовнаго сана по министерству народнаго просвѣщенія пользуются правомъ на пенсію, относительно же прежней службы такихъ священнослужителей, закономъ 18 ноября 1891 г. (п. с. з. 8078), вошедшимъ въ примѣчаніе 1 къ той-же

статья, установленъ зачетъ епархіальной ихъ службы въ счетъ выслуги на пенсію по учебной части упомянутого вѣдомства по расчету, который принять для зачета службы лицъ, переходящихъ въ учебныя заведенія изъ военной или гражданской службы, и съ соблюденіемъ установленныхъ дѣйствующими по сему предмету узаконеніями сроковъ для правъ на сей зачетъ (ст. 332). Точный смыслъ означеннаго примѣчанія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что всякій священнослужитель, поступившій на учебную службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, имѣетъ право на выслугу пенсіи и на зачетъ, въ случаѣ прослуженія имъ въ этомъ вѣдомствѣ 10 лѣтъ (ст. 332), прежней его неучебной службы. Такимъ образомъ, подъ содержащимся въ означенномъ примѣчаніи выраженіемъ „переходъ въ учебныя заведенія“ слѣдуетъ разумѣть поступленіе на службу по учебному вѣдомству, вгдѣ зависимости отъ того, числится ли священнослужитель вмѣстѣ съ симъ и на прежней епархіальной службѣ или нѣтъ, такъ какъ зачетъ оной до поступленія на учебную службу прямо установленъ закономъ 18 ноября 1891 г., при условіи выслуги установленныхъ сроковъ. Посему и принимая во вниманіе, что, при назначеніи законоучителямъ духовнаго сана пенсіи, таковая подлѣжитъ исчисленію, какъ за время преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, на точномъ основаніи ст. 335 уст. пенс., такъ и за выслугу на прежней епархіальной службѣ, согласно примѣчанію 1 къ той же статьѣ 335 уст. пенс., что, въ виду сего, состояніе законоучителя одновременно на епархіальной службѣ не мѣняетъ существа дѣла и порядка исчисления времени, проведеннаго имъ на службѣ съ правомъ на пенсію, правительствующій сенатъ призналъ, что, согласно закону 18 ноября 1891 г., законоучители учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, кои въ день выслуги на пенсію состоятъ одновременно на учебной и епархіальной службѣ, прослуживъ по учебной части не менѣе 10 лѣтъ, имѣютъ право на зачетъ въ срокъ выслуги на пенсію прежней епархіальной службы, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ ст. 332 уст. пенс., о чемъ и даль знать министерству народнаго просвѣщенія въ указѣ отъ 23 октября сего года, за № 10743.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

IV. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНІЯ, УТВЕРЖДЕННЫЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (18-го мая 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 8.000 р., завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Ильичемъ Щуцкимъ, учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя, размѣромъ въ 300 рублей въ годъ.

§ 2. Стипендія эта назначается студентамъ Московскаго университета, безъ различія факультетовъ и вѣтронсповѣданій.

§ 3. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются по преимуществу студенты-уроженцы города Баку.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ, въ случаѣ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ, обращаются въ капиталъ для увеличенія размѣра стипендіи.

2. (8-го іюля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Прокофьевича Васильева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣнадцать тысячъ девяти рублей свидѣтельствомъ 4% государственной ренты, отказаннаго по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Прокофьевича Васильева Императорскому С.-Петербургскому университету, учреждается при семъ университетѣ, согласно волѣ завѣщателя, стипендія имени завѣщателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Прокофьевича Васильева.

§ 2. Составляя неотъемлемую собственность С.-Петербургскаго университета и состоя въ спеціальныхъ средствахъ С.-Петербургскаго университета въ числѣ пожертвованныхъ капиталовъ, капиталъ сей остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится въ С.-Петербургскомъ

губернскомъ казначействѣ, а проценты съ него употребляются на выдачу стипендіи студентамъ С.-Петербургскаго университета, всѣхъ факультетовъ по очереди, по усмотрѣнію правленія С.-Петербургскаго университета, съ соблюденіемъ правилъ о назначеніи вообще студентамъ стипендій.

§ 3. Могущіе образоваться отъ процентовъ съ сего капитала остатки или причисляются къ капиталу, или употребляются на выдачу студентамъ пособій, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 4. Пользованіе сей стипендіею не налагаетъ на получающаго ее никакихъ обязательствъ.

3. (13-го сентября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени профессора, доктора Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ, при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣнадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ одинъ руб. восемьдесятъ пять коп., а нынѣ возросшаго до двѣнадцати тысячъ восьмисотъ руб., пожертвованнаго Императорскому Харьковскому университету вдовою профессора анатоміи въ Императорской военно-медицинской академіи, тайнаго совѣтника Венцеля Грубера, Августою Груберъ, учреждается стипендія при медицинскомъ факультетѣ означеннаго университета.

Примѣчаніе. Указанный въ семъ § капиталъ, обращенный въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ специальныхъ средствахъ Харьковского университета.

§ 2. Стипендія эта носитъ наименованіе: „стипендія для анатомовъ имени профессора, доктора Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ“.

§ 3. Стипендія выдается врачамъ, окончившимъ курсъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, на слѣдующихъ условіяхъ: каждый врачъ, посвящающій себя предпочтительно изученію анатоміи, получаетъ стипендію въ теченіе трехлѣтняго срока.

Примѣчаніе 1-ое. На лицо, имѣющее право получить стипендію, имѣетъ указать медицинскому факультету профессоръ

анатоміи, доставивъ свѣдѣнія о работахъ предполагаемаго стипендіата; рѣшеніе же медицинскаго факультета черезъ совѣтъ университета представляется на утверженіе высшаго начальства.

Примѣчаніе 2-ое. Стипендія можетъ быть выдаваема и въ видѣ пособія для путешествія съ научною цѣлью.

§ 4. Стипендіатъ обязанъ ежегодно представлять медицинскому факультету отчетъ о своихъ занятіяхъ по анатоміи.

§ 5. Если стипендіатъ за время полученія стипендіи сдѣлаетъ заслуживающую похвалы работу по анатоміи и если онъ и впредь посвятитъ себя этому предмету, то выдача стипендіи можетъ быть ему продолжена до тѣхъ поръ, пока стипендіатъ будетъ представлять новыя работы по анатоміи.

§ 6. Если при назначеніи стипендіи не окажется ни одного врача, который пожелалъ бы посвятитъ себя специально анатоміи, то стипендія можетъ быть предоставлена на прочихъ равныхъ условіяхъ врачу, посвящающему себя другому теоретическому предмету.

§ 7. Выдача стипендіи прекращается въ случаѣ полученія стипендіатомъ профессуры или иного соотвѣтствующаго мѣста.

§ 8. Если бы съ теченіемъ времени въ Харьковскомъ университетѣ медицинскій факультетъ былъ закрытъ, то стипендія передается другому вновь открытому медицинскому факультету или же, за неимѣніемъ такого, тому изъ прочихъ, который съ пожертвованной ему стипендіей достигъ бы наилучшихъ результатовъ.

§ 9. Невыданная по какой-либо причинѣ стипендія присоединяется къ основному капиталу для увеличенія на проценты размѣра стипендіи.

4. (10-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Владиміра Филипповича Томаса при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Владиміромъ Филипповичемъ Томасомъ капитала въ *шесть тысячъ руб.*, представленнаго вдовою профессора Юліей Николаевной Филипповой, въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія имени стар-

шаго врача Софійской дѣтской больницы Владиміра Филипповича Томаса.

§ 2. Стипендія эта назначается для студентовъ медицинскаго факультета, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Избраніе стипендіата зависитъ отъ правленія университета изъ числа студентовъ, заслуживающихъ полученія ея по успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Пользованіе стипендією не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи и по другимъ причинамъ, должны быть обращены въ капиталъ для увеличенія размѣра ежегодной стипендіи.

5. (18-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени мануфактуръ-совѣтника Якова Емельяновича Башкирова при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за мнѣнія народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Нижегородской городской думой учреждается при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендія имени мануфактуръ-совѣтника Якова Емельяновича Башкирова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ пятьдесятъ* руб., собраннаго служащими его для этой цѣли въ знакъ глубокой благодарности за его гуманное къ нимъ отношеніе.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, употребляются на взносъ за право ученія одного стипендіата въ названномъ училищѣ въ продолженіе всего курса.

§ 4. Оставленіе стипендіата на второй годъ въ томъ же классѣ, по уважительнымъ причинамъ, не лишаетъ его права пользоваться стипендіей. Могущіе образоваться отъ процентовъ остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно Якову Емельяновичу Башкирову, а послѣ его смерти—Нижегородской городской думѣ.

Примѣчаніе. При назначеніи стипендіатовъ Нижегородской городской думой преимущественнымъ правомъ на получение стипендіи пользуются дѣти лицъ, состоявшихъ на службѣ у Я. Е. Башкирова въ его торгово-промышленныхъ предприятияхъ или состоящихъ на службѣ у его наслѣдниковъ въ торгово-промышленныхъ же предприятияхъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, стипендіальный капиталъ съ тѣмъ же назначеніемъ переходитъ въ другое подобное учебное заведеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, по усмотрѣнію Я. Е. Башкирова, а послѣ его смерти — по усмотрѣнію Нижегородской городской думы.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (18-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственной почетной гражданки Анны Григорьевны Гусаревой при Московскомъ промышленномъ училищѣ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *девять тысячъ* рублей, пожертвованнаго дочерью Малоярославецкаго мѣщанина Екатериною Петровною Малютинной, учреждается при Московскомъ промышленномъ училищѣ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II стипендія имени потомственной почетной гражданки Анны Григорьевны Гусаревой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Избраніе стипендіата принадлежитъ пожизненно жертвовательницѣ, а по смерти ея педагогическому совѣту училища.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ государственнаго налога, ежегодно выдаются недостаточному ученику,

православнаго вѣроисповѣданія, Московскаго промышленнаго училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, заслуживающему того своими успѣхами и поведеніемъ, на предметъ взноса платы за ученіе и на учебныя пособія.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею на налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (18-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени врача Богословскаго горнаго округа Ивана Ивановича Бѣлавина при Турьинскомъ горномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. При Турьинскомъ горномъ училищѣ учреждается стипендія имени врача Богословскаго горнаго округа Ив. Ив. Бѣлавина, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу восемьсотъ двадцать три рубля, пожертвованныхъ духовенствомъ, служащими, купечествомъ, рабочими и жителями Богословскаго горнаго округа, по случаю исполнившагося 25 лѣтія врачебной дѣятельности г. Бѣлавина въ названномъ округѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляетъ неотъемлемую собственность училища и хранится въ Екатеринбургскомъ отдѣленіи государственнаго банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на выдачу стипендіи, по усмотрѣнію училищнаго совѣта, одному изъ учениковъ Турьинскаго горнаго училища — дѣтей немущихъ служащихъ, постоянныхъ рабочихъ, духовенства и мѣстныхъ жителей Богословскаго горнаго округа.

§ 4. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ закрытія Турьинскаго горнаго училища стипендіальный капиталъ передается въ одно изъ учебныхъ заведеній въ предѣлахъ Богословскаго горнаго округа.

8. (27-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени предводителя дворянства Чистопольскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Владиміра Ивановича Якубовича, учрежденныхъ въ память двадцатипятилѣтія его службы.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей, ассигнованнаго Чистопольскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, учреждаются при Чистопольскихъ школахъ ремесленныхъ учениковъ и женской прогимназіи три стипендіи имени предводителя дворянства Чистопольскаго и Мамадышскаго уѣздовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Ивановича Якубовича.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ кассѣ Чистопольскаго земства, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала расходуются на содержаніе въ теченіе всего курса ученія двухъ учениковъ въ Чистопольской школѣ ремесленныхъ учениковъ и одной ученицы въ Чистопольской женской прогимназіи.

§ 4. Право на полученіе стипендіи предоставляется лишь дѣтямъ плательщиковъ Чистопольскаго земства безъ различія сословія, кончившимъ курсъ въ одной изъ земскихъ школъ, находящихся въ уѣздѣ.

§ 5. Назначеніе на стипендіи кандидатовъ предоставляется пожизненно Владиміру Ивановичу Якубовичу, а по смерти его — предсѣдателю Чистопольскаго земскаго собранія — предводителю дворянства, по соглашенію съ Чистопольской уѣздной земской управой.

§ 6. Каждый изъ стипендіатовъ получаетъ ежегодно по шестидесяти рублей на содержаніе его въ городѣ въ учебное время; деньги эти выдаются стипендіатамъ Чистопольской земской управой подъ контролемъ собранія. Изъ этой же суммы уплачивается, если встрѣтится надобность, плата за право ученія.

§ 7. Стипендіатъ или стипендіатка, замѣченные въ дурномъ поведеніи, равно какъ оставшіеся на второй годъ въ классѣ по лѣности и нерадѣнію, могутъ быть лишены права на полученіе стипендіи; переходъ же въ другой классъ по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ не служитъ основаніемъ къ лишенію стипендіи. Право лишенія стипендіи предоставляется пожизненно В. И. Якубовичу, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ учебнаго заведенія, а послѣ

смерти Якубовича—предводителю дворянства, по соглашенію съ чисто-польской уѣздною земскою управою и педагогическимъ совѣтомъ учебнаго заведенія.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Образовавшіеся почему-либо остатки отъ процентовъ стипендій съ капитала присоединяются къ основному капиталу, который можетъ также быть увеличиваемъ присоединеніемъ къ нему пожертвованій или другихъ какихъ-либо суммъ.

§ 10. Когда при увеличеніи капитала проценты съ него достигнутъ, за удержаніемъ государственнаго налога, суммы 240 руб., то число стипендій увеличивается на одну; отъ усмотрѣнія чистопольскаго земскаго собранія будетъ зависетьъ выборъ учебнаго заведенія въ городѣ Чистополь, при которомъ должна быть учреждена новая стипендія; точно также поступаетъ чистопольское земское собраніе при дальнѣйшемъ увеличеніи каждый разъ %⁰/₀ съ капитала на 60 руб. При учрежденіи каждой новой стипендіи должно быть соблюдаемо условіе, чтобы размѣръ ея равнялся 60 руб.

§ 11. Земскому собранію предоставляется въ будущемъ, если встрѣтится надобность, право увеличивать размѣръ каждой стипендіи за счетъ остатковъ отъ процентовъ съ капитала.

§ 12. Въ случаѣ упраздненія или преобразованія тѣхъ учебныхъ заведеній, при коихъ учреждены стипендіи, отъ усмотрѣнія чистопольскаго земскаго собранія зависитъ переводъ ихъ въ другое учебное заведеніе или оставленіе въ преобразованныхъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллярминовъ, И. Руководство къ древней исторіи. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1903. Стр. VII+255+XVI. Цѣна 80 коп.“ (для IV и VІІІ классовъ мужскихъ гимназій).

— „*Kisselsof, A.* Краткая алгебра. 6-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VI+206. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Mittelmeyer, E.* Первый годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. А. Изданіе для учениковъ. Изданіе К. П. Тихомирова. М. 1903. Стр. V+170. Цѣна 80 коп.“

— „*Поповъ, Николай.* Священная исторія Ветхаго Завета. Изданіе 16-е. Вятка. 1903. Стр. 213+III. Цѣна 45 коп.“

— „*Чухановъ, Б.* Учебникъ ариометики. Изданіе 5-е. Варшава. 1904. Стр. 111. Цѣна 60 коп.“

— „*Schneil, Otto.* Leitfaden der Botanik. Verlag von Erwin Nägele. Stuttgart. 1903. 310 + 32. S. Preis 3 Mark.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Hauff, Wilhelm.* Ausgewählte Märchen. Обработалъ *H. G. Rosenbergr.* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *C. A. Манштейна*). Изданіе *C. A. Манштейна* (4-с, пересм. и доп.). С.-Пб. 1904. Стр. 126 (въ текстѣ)+100 (въ приложенияхъ). Цѣна въ напкъ съ приложениями 50 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Пономаревъ, Р. Д.* Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. 2-е изданіе, дополи. и пересм. Харьковъ. 1903. Стр. 189. Цѣна 1 р.“

— „*Шиллеръ, Ф.* Избранныя баллады и стихотворенія съ приложеніемъ объяснительнаго матеріала изъ другихъ классическихъ писателей. (Поэзія часть II). Введеніями, примѣчаніями, постатейнымъ словаремъ и правилами нѣмецкаго стихосложенія снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе 3-е. М. 1904. Стр. X+301. Цѣна 1 р.“

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „1) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовья картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденскаго альбома, воспроизведенные въ натуральную величину. 61 табл. рис.+1 карта.—2) Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ, составлены *Ө. Аделунгомъ*, вновь пересм. и

доп. А. М. Ловянымы. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1903. Стр. X+189. Цѣна не обозначена.“ (для старшаго возраста).

— „*Баранцевичъ, К. С.* Дуня Перехватова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1901. Стр. 28. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Баранцевичъ, К. С.* Первый заработокъ и другіе рассказы. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1901. Стр. 281. Цѣна 2 р. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Berkovitz, Anne.* Littérature française à la portée des élèves. Riga. 1903. Pages 116+II. Prix 1 rouble“. (съ тѣмъ, чтобы цѣна книги была понижена до 60 коп.).

— „*Бутовскій, А. Д.* Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изданіе 2-е, В. Березовскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 180. Цѣна 1 руб. 35 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бьлмородскій, А. В.* Заграничная экскурсія воспитанниковъ Кіево-Печерской гимназіи. Ревель. 1903. Стр. 71. Цѣна 35 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бьлмородскій, А. В.* Малое слово о великомъ. (По поводу 200-лѣтія основанія Петербурга). Ревель. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бьллевъ, І.* Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. С.-Пб. 1903.“ (для средняго и старшаго возраста, особенно для среднихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края).

— „*Веселовскій, Юрій.* Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. М. 1903. Стр. 92. Цѣна 75 коп.“ (также и въ ученнческія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Веселовскій, Юрій.* Литературные очерки. М. 1900. Стр. II+592. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Ворисгоферъ, С.* Среди морскихъ разбойниковъ. Переводъ съ нѣм. Г. Генкеля. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. IV+592. Цѣна 2 р.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гогъ, Антони.* Симонъ Дэль. Переводъ съ англійскаго. Подъ

ред., съ введеніемъ и примѣчаніями *А. Травецкаго*. Изданіе *А. Ильина*. (Рядъ историческихъ романовъ). С.-Пб. 1903. Стр. LXXII+346. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— *„Горталовъ, Н. К.* Княжество Черногорія и поѣздка Казанскихъ гимназистовъ въ іюнь 1902 года. Казань. 1903. Стр. 14. Цѣна 15 коп.“ (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Десѣю, Даниль.* Робинзонъ Крузо. Переводъ съ французскаго. Изданіе *А. С. Панафидиной*. М. 1903. Стр. 414. Цѣна въ папѣ 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 25 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Кирпичниковъ, А. И.* Очерки по исторіи новой русской литературы. Томъ II. Изданіе 2-е, дополн., магазина «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 225. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для старшаго возраста).

— *„Говверскій, Э.* 1) Карта Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ. Картографическое заведеніе топографическаго отдѣла главнаго штаба. 1903.—2) Замѣтка къ картѣ. С.-Пб. 1903. Стр. 42+1 карта.“ (также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Ловляинъ, А. М.* Очерки отечествовѣдѣнія и сравнительной географіи. Изданіе т-ва «Литература и наука». С.-Пб. 1903. Стр. 222. Цѣна не обозначена.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— *„Островскій, А. Н.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *М. И. Писарева*. Книгоиздательское т-во «Просвѣщеніе». С.-Пб. Томъ I. Стр. VIII+502. Цѣна за 10 томовъ 16 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *„Печерскій, Андрей (П. И. Мельниковъ).* Груня. Разсказъ. Изданіе т-ва *М. О. Вольфъ*. С.-Пб. и М. 1901. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— *„Щукинъ, А. С.* Сочиненія и письма. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе подъ ред. *П. О. Морозова*. Книгоиздательское т-во «Просвѣщеніе». Т. I. С.-Пб. 1903. Стр. XXX+696.—Т. II. С.-Пб. 1903. Стр. XI+635.“ (также и въ ученическія

библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Раюзина, З. А.* Краткая всемірная исторія. Изданіе А. Ф. Маркса. Вып. I. Древнѣйшіе народы. С.-Пб. 1903. Стр. 140. Цѣна 60 коп. — Вып. II. Древнѣйшій Египеть. С.-Пб. 1903. Стр. 127. Цѣна 60 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рёскингъ, Джонъ.* Сочиненія. Переводъ *А. П. Никифорова.* Изданіе магаз. «Книжное дѣло» и П. А. Баладина. Серія I. Книжка 1. Сезамъ и Лилия. М. 1900. Стр. 81. Цѣна 50 коп. — Книжка 2. Письма и совѣты женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ относительно: платья, воспитанія, брака, сферы дѣятельности, вліянія, работы, правъ и проч. М. 1900. Стр. 37. Цѣна 30 коп. — Книжка 3. Последнему, что и первому (Unto this last). 4 очерка основныхъ принциповъ политической экономіи. М. 1900. Стр. 92. Цѣна 50 коп. — Книжка 4. Лекціи объ искусствѣ. М. 1900. Стр. 102. Цѣна 80 коп. — Книжка 5. Оливковый вѣнокъ. 4 лекціи о промышленности и войнѣ. М. 1900. Стр. 98. Цѣна 50 коп. — Книжка 6. Этника пыли. М. 1901. Стр. 145. Цѣна 50 коп. — Книжка 7. Сельскія листья. (Frondees agrestes). Отрывки изъ «Современныхъ живописцевъ». М. 1902. Стр. 97. Цѣна 50 коп. — Книжка 8. Радость павѣи и ея рыночная цѣна или Политическая экономія искусства. 2 лекціи. М. 1902. Стр. 138. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Сизераннъ, Робертъ.* Рёскингъ и религія красоты. Переводъ *А. П. Никифорова.* Изданіе магаз. «Книжное дѣло» и П. А. Баладина. М. 1900. Стр. 202. Цѣна 80 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Уваровъ, М. С.* Гигіена. С.-Пб. 1903. Стр. 178 + II. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Герои труда. Рядъ біографій, составленныхъ по Смайльсу и др. Подъ ред. *Евдѣимы Бекетовой.* Изданіе П. П. Карбасникова.

С.-Пб. 1902. Стр. 274. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго и средняго возрастовъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги біографія Ломоносова была тщательно переработана или же вовсе исключена изъ книги).

— „*Киртоенко, А. И.* Князья растительнаго царства. Изданіе 3-е, П. С. Лексарханова. (Иллюстрированная естественно-научная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 43. Цѣна 20 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки было обращено большее вниманіе на корректурную исправность ея).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Браузеръ и Шеннратъ.* Машинистъ-практикъ. Съ послѣдняго нѣм. изданія перевелъ *В. Остерманъ*, подъ ред. *Г. Артюшкова.* Изданіе В. Губинскаго. С.-Пб. 1901. Цѣна 40 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Миттельмейстеръ, Э.* Первый годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. Б. Изданіе для учителей. Изданіе К. Н. Тихомирова. М. 1903. Стр. VIII+60+V+170. Цѣна 1 р.“—допустить въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Азбукинъ, М.* Справочникъ по русскому этимологическому правописанію. Орель. 1903. Стр. 107. Цѣна 10 коп.“

— „*Бубликовъ, М.* Русская школа. Практическій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ). С.-Пб. 1904. Стр. IV + 80. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ школъ, въ которыхъ учащіеся при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски).

— „*Герасимовъ, М.* Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, П. В. Луговникова. С.-Пб. 1903. Стр. 146. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Миръ Божій. 1-я послѣ букваря книга для чтенія. Изданіе 2-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. II + 160. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Котельниковъ, И.* Краткій учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. С.-Пб. 1903. Стр. 132. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Львова, кн. М. А.* Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта. М. 1903. Стр. 101. Цѣна 20 коп.“

— „*Смирновъ, К.* Учебная книга географіи. Общія свѣдѣнія. 39-е, перераб. изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 115 + 6 картъ. Цѣна 40 коп.“

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гейки, Арчибальдъ.* О преподаваніи географіи. Переводъ съ англ. съ дополн. къ русскому изданію, Л. Д. Ситицкаго. М. 1900. Стр. IV + 170. Цѣна 80 коп.“

— „*Дависъ, И.* Народныя школы въ Швейцаріи. Юрьевъ. 1904. Стр. 84. Цѣна 30 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Лисянскій, Г. И.* Опытъ устройства церковнаго хора по преимуществу изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Изданіе 2-е испр. Кіевъ. 1900. Стр. II + 86. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ школъ).

— „*Пузыревскій, А.* Главнѣйшія пѣснопѣнія на литургіи св. Іоанна Златоустаго. С.-Пб. 1902. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „*Терешковичъ, А. А.* Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ арифметическихъ задачъ по типамъ. Изданіе 8-е, К. П. Тихомирова. М. 1903. Стр. 99. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, а также и въ ученическія бібліотеки тѣхъ же училищъ).

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Правда въ сказкахъ. 2-е изданіе, К. П. Тихомирова. М. 1900. Стр. 59. Цѣна 25 коп.“

г) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— „*Борисомльбскій, А.* Какъ я шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ учиться. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 17. С.-Пб. 1903. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Дьяченко, Григорій.* Въ подарокъ дѣтямъ. Искра Божія. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Изданіе М. Я. Парадѣлова. М. 1903. Стр. XXII + 492. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Гроза надвигается. (Очерки изъ обороны Севастополя). Дешевыя изданія т-ва П. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Митропольскій, Ив.* Разказы про сѣдую старину. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 61. Цѣна 30 коп.“

— „*Морозовъ, П. Лѣсовикъ.* Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 19. С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Назаревскій, В.* Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. III выпускъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 74. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Немировичъ-Данченко, В.* 1) Богъ проститъ. Изданіе 2-е. Стр. 63. Цѣна 10 коп.—2) Старый фельдфебель. Изданіе 2-е. Стр. 68. Цѣна 15 коп.—3) Соловьиная ночь. Изданіе 2-е. Стр. 12. Цѣна 5 коп.—4) Черный рыцарь. Изданіе 3-е. Стр. 32. Цѣна 7 коп.—5) Забытый рудникъ. Изданіе 4-е. Стр. 48. Цѣна 8 коп. (Всѣ—изданія Д. П. Ефимова. М. 1903).“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Страна холода. Изданіе 2-е, П. П. Соѣкина. С.-Пб. 1903. Томъ I. Стр. 369.—Томъ II. Стр. 310. Цѣна за 2 тома 3 р.“ (для городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ, а также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Перельшицъ, Н. И.* Кузнецъ-механикъ. Повѣсть для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Перельшицъ, Н. И.* Молитва для ребенка. Повѣсть для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— *„Поль, А. С.* Но безъ добрыхъ людей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— *„Станюкевичъ, К. М.* Куцый. Разсказъ. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“.

— *„Сырицевъ, Г. Т. (Помилось).* Большое счастье. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Тарасовъ, В. И.* Донской атаманъ Платовъ. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 20. С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 6 коп.“

— *„Успенскій, Н. В.* Пономарь Савельичъ или Деревенскіе сироты. Изданіе „Народной бібліотеки“. М. 1887. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— *„Фишеръ, С.* Какъ люди плаваютъ по водѣ и летаютъ по воздуху. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Для школъ и народа). М. 1903. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— *„Чернышевъ, А.* Крестные ходы въ Вятской епархіи. Вятка. 1903. Стр. 48. Цѣна не обозначена.“

— *„Черскій, Л.* Покинутый. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 39. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— *„Алексеевъ, П. С.* Чѣмъ помочь великому горю? Какъ обновить пьянство? № 251. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— *„Бодановичъ, Л. А.* За чужой грѣхъ. Изданіе общества рас-

пространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 13). М. 1903. Стр. 59. Цѣна 10 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Брилліантовъ, А.* Грѣхомъ вино настоено, несчастіемъ прокурено. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 12). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Брилліантовъ, А.* До поры до времени. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 15). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“

— „*Востоковъ, Владиміръ.* Корысть къ омуту привела. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 17). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

— „*Востоковъ, В.* Утонулъ. Сгорѣлъ. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 14). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Гончаръ-самоучка. № 68. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Гибель корабля и другіе притчи и разсказы. № 391. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Красота и смерть и другіе притчи и разсказы. № 401. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Мудрецъ Солонъ и другіе притчи и разсказы. № 393. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Олень съ золотымъ обручемъ и другіе притчи и разсказы. № 399. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Настухъ и царскій казначей и другіе притчи и разсказы. № 398. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Гринченко, Б.* Поиски истины. Переводъ съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Дмитріевъ, М. М.* Страшное дѣло. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ «Отъ Божьяго ока не укроешься» № 19). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 8 коп.“

— „*Додэ, А. I.* Крушеніе корабля. II. Смерть дофина. III. Три ворона. Переводы *В. Микулчъ.* № 383. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „*Залескій, В.* Опыленіе и оплодотвореніе ^у цвѣтковыхъ растений. Кіевъ. 1903. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „Зандъ, Жоржъ. Чародѣйка. Повѣсть. Переводъ М. Шнимаревой. Изданіе С.-Пб. Комитета грамотности. № 84. С.-Пб. 1895. Стр. 200. Цѣна 15 коп.“

— „К—ой, Г. Местъ. Разсказъ изъ бессарабской жизни. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ «Отъ Божьяго ока не укроешься» № 20). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Лейкинъ, Н. А. 1) Подъ южными небесами. 5-ое изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 555. Цѣна 1 руб. 50 коп.—2) На лонѣ природы. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1900. Стр. 476. Цѣна 1 руб. 50 коп.—3) Наши за границей. Изданіе 21-е. С.-Пб. 1902. Стр. 456. Цѣна 1 руб. 50 коп.—4) Господа и слуги. Разсказы. С.-Пб. 1903. Стр. 351. Цѣна 1 руб.—5) Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1897. Стр. 216. Цѣна 60 коп.—6) Христова повѣсть. Романъ. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1901. Стр. 288. Цѣна 75 коп.—7) На дачномъ прозябаніи. Изданіе III. С.-Пб. 1900. Стр. 320. Цѣна 1 руб.—8) Рождественскіе разсказы. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 94. Цѣна 20 коп.—9) Счастливецъ. Романъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 228. Цѣна 60 коп.“

— „Ломбелло. Разлученные или Евангелина. Съ англ. Е. Л. № 386. М 1900. Стр. 89. Цѣна 6 коп.“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. 1) Васька забалуѣ. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—2) Постоико. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—3) Савва. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—4) Конь «Разбойникъ». Стр. 48. Цѣна 7 коп.—5) Малиновые горы. Стр. 48. Цѣна 7 коп.—6) Горой. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—7) Исповѣдь. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—8) Старый воробей. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—9) Приемышъ. Стр. 16. Цѣна 3 коп. (Всѣ — во 2-мъ изданіи, Д. П. Ефимова. М. 1903).“

— „Марковичъ. Онъ присягалъ. На волчьемъ хуторѣ. Разсказы. Переводъ В. И. Стромелко. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ «Отъ Божьяго ока не укроешься» № 14). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „Оболенскій, В. Проклятыя деньги. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ «Отъ Божьяго ока не укроешься» № 16). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“

— „Памѣнко, Н. И. О законѣ. (Общедоступная бібліотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распротр. полезн. книгъ подъ ред. Г. С. Фельдштейна). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учитель-

скихъ семинарій и институтовъ и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Пассекъ, О.* Свѣтъ Азіи. Индійское сказаніе. По Арнольду. № 340. М. 1899. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „*Политковская, Е.* Кто виновать? Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 18). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 8 коп.“

— „*Поселяникъ, Е.* Іоасафъ царевичъ. Христіанская повѣсть. Изданіе 2-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 62. Цѣна 35 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Семеновъ, С. Т.* Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. № 240. М. 1899. Стр. 32+IV. Цѣна не обозначена.“ (также и въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соловьева, Л.* Два сосѣда. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 18. С.-Пб. 1903. Стр. 40. Цѣна 6 коп.“

— „*Стариненковъ, И. И.* Дядя Фаддей. Разсказъ. № 274. М. 1900. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Т—ся.* Вино виновато. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 13). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Троллопъ, Антони.* На морскомъ берегу. Переводъ съ англ. *М. К. Николаевой.* № 348. М. 1900. Стр. 53. Цѣна 3 коп.“

— „*Фишеръ, К. О.* Наслѣдство по закону въ русскомъ правѣ. (Общедоступная бібліотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. *Г. С. Фельдштейна.*) М. 1903. Стр. 43. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Хрѣнновъ, К. А.* Женское горе. Сборникъ стихотвореній. (Для взрослыхъ). Изданіе 2-е, измѣн. и доп., В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 92. Цѣна 20 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Гречукинъ, С. П.* Міръ Божій. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. 1) Русская азбука. Стр. IV+60. Цѣна 15 коп. — 2) Вторая

послѣ бужаря книга для чтенія. Стр. IV+260. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Кринскій, М. О.* Религія Израиля. Изданіе „Гаоръ“. Варшава. 1903. Стр. XVI+260. Цѣна 90 коп.“—допустить къ употребленію учениками іудейскаго вѣроисповѣданія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній при обученіи ихъ закону вѣры.

— Книгу: „*Клячко, П. Г.* Баръ-Мицво. Ученіе объ обязанностяхъ еврея, достигшаго совершеннолѣтія. Вильна. 1903. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“—допустить въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ преподается дѣтямъ евреевъ законъ еврейской вѣры.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру доктора медицины *В. Мацкевича*: „Дурная болѣзнь. Разсказъ 1902 года. Изданіе Тихомирова, цѣна 4 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній съ выдачей этого изданія, ученикамъ старшаго возраста по усмотрѣнію начальства учебнаго заведенія.

— Представленныя книгоиздателемъ *К. И. Тихомировымъ* въ Москвѣ брошюры: а) *В. В. Шарковъ*. „Крестьянскія работы и сельская жизнь по мѣсяцамъ года.“ 1899 г. Цѣна 10 коп. б) Одна овца все стадо портить.“ Цѣна 8 коп., в) *В. И. Спаскій*. „Ива, польза ея, описаніе и разводеніе для различныхъ сельско-хозяйственныхъ надобностей и кустарныхъ промысловъ.“ Цѣна 15 коп. и г) *А. Прохоровъ*. „Сушка овощей грибовъ и зелени“ Москва 1899 года. Цѣна 5 коп.—

допустить въ библіотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія по сельско-хозяйственно-технической специальности.

— Книгу инженера путей сообщенія *Л. Н. Любимова* подъ заглавіемъ: „Низшая геодезія“. Лекціи, читанныя въ Томскомъ Технологическомъ Институтѣ Императора Николая II-го. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе 9-ю цинкографіями и отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Изданіе *П. И. Макушина* въ Томскѣ. 1903 года. Цѣна съ атласомъ чертежей 4 рубля,—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу профессора С.-Петербургскаго университета *П. Георіевскаго*: „Краткій учебникъ политической экономіи“ 1903 г. 2-е изданіе, исправленное и дополненное,—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *А. Рейхлера*: „Физико-химическія теоріи“. Переводъ подъ редакціей профессора *А. А. Яковкина*. С.-Петербургъ. 1903 года. Цѣна 2 руб. 50 коп. — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для ученическихъ библіотекъ среднихъ химико-техническихъ училищъ.

— Книгу *Артура Вильке*: „Электричество, его добываніе и примѣненіе въ промышленности и техникахъ“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора *В. В. Скобелыцина*. С.-Петербургъ. 1901 года,—одобрить для библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книги: 1) „*З. Галлинг*“, Коммерческая корреспонденція. Теорія и практика. «Самопомощь». Библіотека коммерческихъ знаній. Серія А. Выпускъ 1. С.-Петербургъ. Цѣна 50 коп.“ и 2) „*И. Я. Чулковъ*“. Общедоступный курсъ коммерческой ариметики въ связи съ объясненіемъ простыхъ и десятичныхъ дробей, въ 25 лекціяхъ. Руководство для самообученія. 1902 г. Цѣна 75 коп.“—допустить въ библіотеки техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу *М. А. Страхова*: „Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. 306 чертежей въ текстѣ. Изданіе 5-ое. С.-Пб. 1901 г.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ ремесленныя и техническія училища министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 2-го сентября 1903 г. состоялось открытіе частной прогимназіи г-жи Паниной въ Болховѣ.

— 22-го октября 1903 г. состоялось открытіе при станціи Бологое Николаевской желѣзной дороги городского 3-хъ класснаго училища по положенію 31-го мая 1872 года, при 45-ти учащихся.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначена на 1905 годъ, по разряду начальныхъ народныхъ училищъ, слѣдующая, дополненная по указанію г. министра народнаго просвѣщенія, тема:

„Книга для народнаго чтенія по отечественнойнїю съ отдѣломъ по исторіи Россіи“.

Прижѣрная программа.

I. *Карта Россійской имперіи.* Протяженіе Россіи съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Какія моря омываютъ ее и гдѣ идутъ ея сухопутныя границы. Съ какими государствами соприкасается Россія и какія изъ этихъ государствъ самыя важныя для насъ. Поверхность Россіи: низменности и горныя страны. Самыя большія рѣки и озера. Пространство и населеніе русскаго государства. Охрана русскихъ границъ въ настоящее время. Части Россійской имперіи: Европейская Россія, Кавказъ, Сибирь и Средне-Азіатскія владѣнія.

II. *Образованіе и ростъ Русскаго государства.* Восточные славяне. Черты изъ первоначальнаго быта. Призваніе варяжскихъ князей. Начало русскаго государства въ землѣ новгородскихъ славянъ. Объединеніе восточныхъ славянъ при первыхъ князьяхъ. Сношенія съ Византією. Крещеніе Руси при Владимирѣ Святѣмъ. Ярославъ Мудрый. Свв. Антоній и Феодосій Печерскій и ихъ монастырь. Владимиръ Мономахъ. Его поученіе. Образованіе Суздальскаго княжества. Андрей Боголюбскій. Татарское нашествіе. Александръ Невскій. Начало Московскаго княжества. Свв. Петръ и Алексій — митрополиты. Дмитрій Донской. Куликовская битва. Св. Сергій и его монастырь. Иванъ III. Сверженіе татарскаго ига. Иванъ IV Грозный. Завоеваніе татарскихъ царствъ. Смерть царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ. Смутное время. Патріархъ Гермогенъ. Главныя эпизоды изъ осады Свято-Троицкой Сергіевской лавры. Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Осодоровича Рома-

нова. Патріархъ Филаретъ. Царь Алексѣй Михайловичъ. Патріархъ Никонъ. Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи. Петръ Великій и Великая Сѣверная война. Главнѣйшія преобразованія Петра Великаго. Ложносовѣтъ. Императрица Екатерина II. Ея пріобрѣтенія. Суворовъ. Императоръ Александръ I. Отечественная война. Кутузовъ. Императоръ Николай I. Крымская война. Оборона Севастополя. Императоръ Александръ II. Освобожденіе крестьянъ. Война съ Турціею за освобожденіе балканскихъ славянъ. Подчиненіе Кавказа и Средней Азій. Императоръ Александръ III.

III. *Физическое обозрѣніе Европейской Россіи.* Какова поверхность Европейской Россіи (низменности, возвышенности и окраинныя горы). Ископаемыя богатства. Рѣки и озера. Гдѣ начинаются главныя рѣки, какъ текутъ и куда вливаются. Весеннее половодье и лѣтнее мелководье; замерзаніе. Климатъ. Времена года. Мѣста самыя холодныя и самыя теплыя. Гдѣ больше всего выпадаетъ дожди и снѣга и гдѣ меньше всего. Почвы и ихъ свойства. Растительныя области. Гдѣ простирается тундра. Что тамъ растетъ; жизнь въ тундрѣ лѣтомъ и зимой. Почему тундра неудобна для жизни челоуѣка. Гдѣ простираются лѣса. Самыя главныя деревья лѣсовъ. Лѣсные звѣри и птицы. Важность лѣсовъ для Россіи. Гдѣ простираются степи. Дѣяія степи и степное скотоводство. Обработанныя степи и степное земледѣліе. Природа южнаго берега Крыма.

IV. *Обозрѣніе Европейской Россіи по группамъ губерній или областямъ.* 1) Великорусскія губерніи и великоруссы. Природа средней Россіи. Происхожденіе великоруссовъ. Физическій типъ великоруса. Языкъ. Разселеніе великоруссовъ. Бытъ крестьянина-земледѣльца средней Россіи. Жиліище, обстановка, одежда, пища. Семейная жизнь великоруссовъ. Черты изъ духовной культуры великорусской народности. Трудовой годъ крестьянина-земледѣльца. Кустарн. Фабрично-заводская дѣятельность въ средней Россіи. Отхожіе промыслы. Торговля и пути сообщенія. Иностранцы средней Россіи: карелы, приволжскіе финны, татары и др.; выходцы Западной Европы (нѣмцы и др.). Очерки и характеристики наиболѣе замѣчательныхъ въ религіозно-историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ мѣстностей средней Россіи. 2) Озерныя губерніи. 3) Губерніи крайняго Сѣвера. 4) Приуральскія губерніи. 5) Юго-восточныя губерніи. 6) Новороссійскія губерніи. 7) Малороссійскія губерніи. 8) Бѣлорусско-литовскія губерніи. 9) Привислинскія губерніи. 10) Прибалтійскія губерніи. 11) Финляндія.

V. *Азиатская Россія. Сибирь.* Положеніе Сибири относительно Европейской Россіи. Общій характеръ поверхности. Природа Сибири. Суровость климата. Раздѣленіе на части: тундру, тайгу, культурную и горную. Разселеніе русскихъ и инородцевъ. Бытъ инородцевъ и ихъ выпращеніе. Промышленное и торговое значеніе Сибири. Замѣчательныя мѣстности Сибири. *Туркестанъ.* Положеніе и границы Туркестана. Поверхность Туркестана. Система Тянь-Шаня. Нампиръ. Туркестанская низменность. Киргизскія степи. Пустыни. Оазисы. Русское и туземное населеніе Туркестана. Киргизы, татжики и сарты. Промышленное и торговое значеніе Туркестана для Россіи. Замѣчательныя мѣстности Туркестана. *Кавказъ.* Природа Кавказа. Предкавказье: области Кубанская и Терская. Кавказскія горы. Закавказье. Западное побережье Кавказа. Долина Ріона. Долина Куры. Говчалское пагорье. Араратъ. Климатъ и рѣки Кав-

каза. Растительность и животное царство. Жители Кавказа: казаки, горцы, народы Картвельскаго племени, армяне, татары. Замѣчательныя мѣстности Кавказа.

VI. *Пути сообщенія въ Россійской имперіи.* Моря, какъ пути сообщенія: морское государство. Рѣки, какъ пути сообщенія (въ прежнее время и теперь); искусственные водные пути. Гонка илотовъ по рѣкамъ, сплавъ барокъ и движеніе париходовъ. Грунтовыя и шоссеиныя дороги. Значеніе желѣзныхъ дорогъ. Сколько по нимъ провозится грузовъ и пассажировъ. Наши важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи.

VII. *Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ и о мѣстныхъ установленіяхъ Россіи.*

VIII. *Образованіе.*

Общія условія,

коиѣ должна удовлетворять „Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи“:

„Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію“ должна быть доступна пониманію и удовлетворять любознательность читателей, получившихъ образованіе въ одноклассномъ начальномъ училищѣ. Сообразно этой цѣли, составитель книги долженъ принять въ соображеніе нижеслѣдующее:

1. Книга должна быть изложена просто, безъ длинныхъ періодовъ, безъ подѣлки подъ народную рѣчь; тамъ, гдѣ нельзя избѣгнуть какого-либо иностраннаго слова или термина, необходимо вводить соотвѣтствующее объясненіе, смотря по надобности, или въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ, подъ чертою.

2. По составу матеріала географическій отдѣлъ не долженъ походить на какой-либо географическій курсъ или справочную книгу; поэтому забота автора должна быть главнымъ образомъ направлена не столько на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на то, чтобы всѣ характерныя данныя о природѣ, а равно и о дѣятельности человѣка были представлены по возможности живо и образно.

3. Въ отдѣлѣ „Карта Россійской Имперіи“ глава „Пространство и народонаселеніе Россіи“ должна содержать отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какое пространство приблизительно занимало Русское государство за 1000 лѣтъ до нашего времени и какое занимаетъ нынѣ. Какіе народы и племена жили въ Русскомъ государствѣ 1000 лѣтъ тому назадъ и какіе живутъ нынѣ. Затѣмъ идетъ перечень главныхъ народовъ и племенъ; характеристика же ихъ вводится при описаніи Россіи по пространствамъ.

4. При описаніи Россіи по пространствамъ и областямъ обращается вниманіе на полноту или округленность въ томъ смыслѣ, что все, что необходимо сказать о данномъ пространствѣ, должно быть о немъ сообщено такъ, чтобы каждый отдѣлъ составлялъ нѣчто цѣлое. Въ общемъ, при описаніи каждой группы губерній или области, матеріалъ долженъ быть подведенъ подъ слѣ-

дуюція примѣрные рубрики: Общій видъ поверхности. Рѣки. Озера. Климатъ. Вскрытіе и замерзаніе водъ, рѣкъ. Засухи, ливни или грозы. Ископаемыя богатства. Почва. Растительный и животный міръ. Русское и нерусское населеніе. Главныя черты изъ прошлаго. Пути сообщенія. Торговля. Достопримѣчательныя мѣста въ религіозномъ, историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Въ этнографическихъ очеркахъ, при описаніи группы губерній или областей, народы и племена характеризуются преимущественно чертами своего быта.

Статистическія данныя сообщаются въ самомъ умѣренномъ количествѣ и главнымъ образомъ по отношенію къ количеству населенія. Данныя же изъ промышленной статистики сообщаются описательно и сравнительно; напримѣръ, что въ главномъ нашемъ рыбномъ бассейнѣ—Каспійскомъ—уловъ рыбы составляетъ почти половину всего добываемаго количества рыбы въ моряхъ и озерахъ Европейской Россіи.

Книга по отечествовѣдѣнію должна особенно подробно и обстоятельно ознакомить читателя съ историческими судьбами и современнымъ состояніемъ великорусскаго племени; поэтому среднюю Россію составитель можетъ разсматривать по болѣе мелкимъ группамъ губерній.

5. Въ главѣ „Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ“ слѣдуетъ вкратцѣ ознакомить читателя съ законодательными, административными и судебными учрежденіями Россіи, при чемъ главнѣйше обращается вниманіе на установленія, ближе всего касающіяся сельскаго населенія. Въ этотъ отдѣлъ входитъ также вопросъ о воинской повинности и о вооруженныхъ силахъ Россіи.

6. Отдѣлу объ образованіи не слѣдуетъ придавать справочно-статистическаго характера, а сообщить въ немъ краткій очеркъ развитія русскаго просвѣщенія отъ Петра Великаго до нашихъ дней и указать, что въ Россіи существуютъ всѣ учебныя заведенія и другія образовательныя средства (учебныя общества), какъ и въ другихъ государствахъ Европы, что учебныя заведенія доступны всѣмъ русскимъ сословіямъ, и что въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, есть ученые по всѣмъ областямъ знаній, есть художники, архитекторы, живописцы, скульпторы, инженеры и всякаго рода мастера.

7. Въ историческомъ отдѣлѣ всѣ разказы безусловно должны быть представлены въ хронологической послѣдовательности, и гдѣ внутренняя связь можетъ быть кратко выяснена, она не должна быть опущена. Но главная работа составителя должна сосредоточиться на томъ, чтобы каждый разказъ, по возможности, былъ обстоятеленъ и изложенъ наглядно. Характерныя черты изъ нравовъ русскаго народа и быта, особенно военного, приурочиваются, смотря по свойству матеріала, къ жизнеописаніямъ, войнахъ и преобразованіямъ. Всюду наблюдается, чтобы все свѣтлое, лучшее, возвышающее духъ читателя, имѣло преобладающее мѣсто, и чтобы въ общемъ весь историческій отдѣлъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ религіи, преданностью къ Престолу и любовью къ отечеству. Главныя хронологическія данныя должны быть занесены въ текстъ, а равно помѣщены въ концѣ историческаго отдѣла въ послѣ-

довательномъ порядкѣ, съ отмѣткою о совершившихся событіяхъ; также въ концѣ отдѣла помѣщается родословная таблица Государей изъ дома Романовыхъ. Въ частности, указанія на освѣщеніе, которое желательно было бы придать всѣмъ явленіямъ и событіямъ, внесеннымъ въ программу, составители могутъ найти въ объявленіи отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ на преміи Императора Петра Великаго за „Исторію Россіи для народа“, которое помѣщено въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюнь 1896 г.

Кромѣ отдѣла, специально посвященнаго исторіи, факты историческіе должны найти мѣсто: а) При описаніи губерній и областей; такъ, напримѣръ, географическому описанію Кавказа предшествуютъ краткіе очерки о первыхъ поселеніяхъ на рѣкѣ Терекѣ, затѣмъ главныя черты изъ Кавказской войны, преимущественно въ царствованіе Императора Александра II; при описаніи Сибири вкратцѣ повторяются заслуги Ермака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуга Дежнева, Хабарова, Пояркова и Невельскаго. б) При описаніи городовъ, конечно вкратцѣ, упоминается вновь объ имѣвшихъ отношеніе къ этимъ городамъ замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, а равно и лицахъ, чѣмъ либо прославившихся на какомъ либо поприщѣ. в) Въ краткомъ очеркѣ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій указываются Государя, при которыхъ возникли тѣ или другія учрежденія. г) Составитель не долженъ обходить описанія живописныхъ мѣстностей и долженъ останавливаться на болѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ русскаго искусства и техники.

8. Мѣстами, какъ въ отдѣлѣ географическомъ, такъ и историческомъ книга можетъ носить характеръ хрестоматическій и въ нее могутъ входить поэтическія и прозаическія статьи, историческія пѣсни, поговорки и т. п.

9. Къ книгѣ должны быть приложены необходимыя географическія карты, хотя бы и схематическія. Иллюстраціи желательны, но не обязательны.

Въ случаѣ представленія конкурснаго сочиненія на разсмотрѣніе въ рукописномъ видѣ, требуемыя программой географическія карты при книгѣ могутъ быть и не заново составлены, а взяты для образца изъ числа уже существующихъ въ обращеніи.

10. Книга можетъ быть составлена и нѣсколькими авторами, но съ сохраненіемъ строгой связи и систематичности въ ея содержаніи и изложеніи. Желательно, чтобы въ отпечатанномъ видѣ книга не превышала своимъ объемомъ 35 листовъ.

Сочиненія для конкурсана премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1 ноября 1904 г. и могутъ быть какъ рукописныя, такъ и въ видѣ отпечатанной книги. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени составителя (или составителей), подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложо-

ніемъ наката подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія составителя и мѣстожителство.

Въ томъ случаѣ, если ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій, представленныхъ къ 1 ноября 1904 года, не удостоится преміи Императора Петра Великаго или же будетъ присуждена одному изъ нихъ лишь малая премія, то конкурсъ на означенную книгу будетъ продолженъ еще на одинъ годъ.

II.

На конкурсѣ премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначена на 1906 годъ, по разряду начальныхъ народныхъ училищъ, слѣдующая, дополненная по указанію г. министра народнаго просвѣщенія, тема:

„Книга для класснаго чтенія во 2-мъ классъ сельскихъ двухклассныхъ училищъ, съ отдѣломъ по естествовѣдѣнію“.

Примѣрная программа.

I. *По русскому языку:* Въ „Книгу для класснаго чтенія“ для второго класса сельскихъ училищъ должны войти статьи (стихотворенія, басни, рассказы, описанія и пр.) литературно-художественныя, съ цѣлю образованія и развитія у дѣтей эстетическаго вкуса (т. е. любви къ прекрасному). Для этой цѣли составитель „Книги для класснаго чтенія“ долженъ заимствовать статьи, или отрывки, меньшаго или большаго объема, изъ лучшихъ нашихъ писателей, отличающихся высокими идеями, умѣющихъ искусно (въ надлежащей стройности) излагать свои мысли (идеи) и выражающихся чисто русскимъ языкомъ, съ образцовою точностью и изяществомъ. Статьи (стихотворенія, басни, рассказы, описанія и пр.) составитель можетъ заимствовать не только изъ первостепенныхъ нашихъ писателей (каковы: Пушкинъ, Крыловъ, Тургеневъ и др.), но и второстепенныхъ, если только найдетъ въ произведеніяхъ этихъ послѣднихъ писателей „вдохновенныя страницы“ (выражаясь словами Гоголя). Заимствованныя изъ лучшихъ писателей статьи составитель долженъ снабдить или подстрочными краткими объясненіями малопонятныхъ словъ, или напечатать на концѣ книги словарь, гдѣ были бы объяснены, въ азбучномъ порядкѣ, всѣ малопонятныя слова, находящіяся въ книгѣ для чтенія.

Не бесполезно для дѣла сообщить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о тѣхъ писателяхъ, сочиненія которыхъ будутъ напечатаны

въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ подобно тому, какъ это указано въ программѣ для городскихъ училищъ.

Касательно расположенія литературнаго матеріала, составитель не оставитъ безъ указаній, какія статьи изъ напечатанныхъ въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ онъ назначаетъ для младшаго отдѣленія 2-го класса и какія—для старшаго отдѣленія, чтобы, такимъ образомъ, видна была необходимость *постепенности* при изученіи литературнаго матеріала учениками. Желательно, чтобы въ старшемъ отдѣленіи преимущественно разбирались цѣльныя произведенія (а не отрывки).

Желательно также было бы имѣть въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ указанія на виды разныхъ письменныхъ упражненій, которыя составитель предполагаетъ соединить со статьями, въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ напечатанными.

Желательно, наконецъ, чтобы составитель предложилъ руководство, какъ пользоваться напечатаннымъ въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ матеріаломъ.

II. *По естествовѣдѣнію*: 1) Неорганическій міръ.—Почва. Какія бываютъ почвы? Какія изъ нихъ плодороднѣе. Для чего пужло удобрять почву. Каменистая почва и дикокаменные породы: гранитъ, гнейсъ, сланецъ. Вывѣтриваніе гранита. Воздухъ и его дѣйствіе на тѣла: окисленіе. Вода: три состоянія воды. Растворяющее ея дѣйствіе. Роль воды при разрушеніи горныхъ породъ. Минералы, произведенія изъ кристаллическихъ породъ: песокъ, глина. Песчаники. Известнякъ; плитнякъ. Понятіе о слоистыхъ горныхъ породахъ. Окаменѣлости. Каменная соль. Каменный уголь. Желѣзныя руды. Золотыя росыпи. Нефть.

2) Растительный міръ.—Поле. Какія растенія произрастаютъ на поляхъ? Что нужно для развитія растеній? Сѣмя и его устройство. Сѣмядоли; бѣлокъ. Проростаніе. Корень, его устройство и назначеніе. Для чего служить стебель? Листья и дыханіе растеній. Хлѣбныя растенія. Картофель; понятіе о подземныхъ стебляхъ. Лугъ. Луга заливные и искусственные. Кормовыя травы. Клеверъ и его вліяніе на почву. Необходимость посѣва клевера на поляхъ. Понятіе о сѣвооборотахъ. Лѣсъ. Краснолѣсье и чернолѣсье. Правильное устройство и рациональная вырубка лѣса. Сухостой. Подлѣсокъ. Значеніе лѣса для климата. Составъ древеснаго ствола. Главнѣйшіе виды деревьевъ хвойныхъ и лиственныхъ. Споровыя растенія; напоротники, хвощи, мхи, водоросли, лишай и грибы. Микроскопическія формы грибовъ: бактеріи.

3) Строеніе чловѣческаго тѣла и отправленіе его органовъ. — Скелетъ чловѣка. Составъ костей. Хрящи. Способы соединенія костей. Мускулы и ихъ дѣйствія на кости. Мозгъ и нервная система. Органы чувствъ. Органы пищеваженія, кровообращенія и дыханія. Органы выдѣленія.

4) Животный міръ. — Животныя полезныя чловѣку: копытныя. Откуда они происходятъ и гдѣ находятся ихъ дикіе родичи. Лошадь, быкъ и корова, овца, коза. Устройство желудка жвачныхъ. Свинья и ея тропическіе родичи: слонъ, носорогъ, гипопотамъ. Собака и ея главныя породы: дворняшка, овчарка, гончая и борзая. Дикіе родичи собаки: волкъ и лисаца. Кошка. Медвѣдь. Хорекъ. Грызуны: заяць и бѣлка. Главныя отличія птицъ отъ звѣрей. Птицы куриныя: домашнія и дикія лѣсныя породы. Черная семья — вороновыя птицы. Осѣдлыя птицы: голубь и воробей. Насѣкомоядныя птицы: ласточка, скворецъ и польза, приносимая имъ чловѣчеству. Перелетъ птицъ и для чего онъ совершается? Хищныя птицы. Земноводныя: змѣи, ящерицы и лягушки. Рыбы: отличія ихъ по строенію и образу жизни отъ другихъ животныхъ. Описаніе главныхъ представителей насѣкомыхъ. Жесткокрылыя: майскій жукъ и жукъ-кузьяка. Прямокрылыя: тараканъ, кузнечикъ, саранча. Бабочка-тутовый шелкопрядъ. Перепончатокрылыя: пчела и муравей. Клопъ и вошь, какъ представители паразитовъ на животныхъ и чловѣкѣ. Рѣчной ракъ, дождевой червь и его значеніе въ образованіи чернозема. Садовая улитка. Прудовикъ. Микроскопическія животныя: инфузоріи и корненожки.

5) Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ метеорологіи и физики. — Солнце, какъ источникъ жизни на землѣ. Атмосфера и явленія въ ней происходящія. Различная степень теплоты воздуха въ разныхъ частяхъ земли и отчего это происходитъ. Водяныя осадки, появляющіеся въ атмосферѣ. Грозовыя явленія: молнія и громъ. Объясненія грозы. Три состоянія тѣла и переходъ изъ одного состоянія въ другое подъ вліяніемъ нагрѣванія и охлажденія. Вѣсъ тѣла и взвѣшиваніе. Вѣсы. Удѣльный вѣсъ и плотность. Земное притяженіе и его направленіе. Отвѣсъ и ватерпасъ. Давленіе на тѣла, погруженныя въ жидкость. Плаваніе тѣла. Давленіе атмосферы и понятіе о барометрѣ.

Общія условія,

коимъ должна удовлетворять „Книга для класснаго чтенія во 2-мъ классѣ сельскихъ двухклассныхъ училищъ, съ отдѣломъ по естествовѣдѣнію“:

1) Содержаніе книги должно распадаться на двѣ части, каждая съ своимъ порядкомъ статей: первая часть должна содержать литературно-художественные образцы, вторая—статьи изъ области естествознанія. При этомъ каждая часть можетъ быть составлена двумя и болѣе лицами и издана отдѣльно, т. е. составить отдѣльный томъ книги для чтенія подъ общимъ заглавіемъ.

2) Рисунки въ книгѣ желательны, но не обязательны. Въ первой части желательно помѣщеніе портретовъ славныхъ отечественныхъ писателей, о которыхъ будутъ даны въ книгѣ біографическія свѣдѣнія; во второй части желательны чертежи и рисунки для объясненія излагаемыхъ свѣдѣній по предметамъ естественныхъ наукъ.

3) Книга должна быть издана съ соблюденіемъ научно-установленныхъ гигиеническихъ требованій, предъявляемыхъ къ учебнымъ книгамъ касательно бумаги, формата (длины строкъ), шрифта и печати. Стихи должны быть напечатаны въ общепринятой формѣ.

4) По объему своему книга не должна быть болѣе 40 печатныхъ листовъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября 1905 г. и могутъ быть какъ рукописныя, такъ и въ видѣ отпечатанной книги. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени составителя (или составителей), подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ накета подѣ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія составителя и мѣстожителство.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКИХ ФИНАНСОВЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

ОЧЕРКЪ I. ВЪШЕЕ УПРАВЛЕНІЕ ФИНАНСАМИ ВЪ РОССИИ XVIII В.

I.

Учрежденіе коллегій и первый регламентъ камеръ-коллегіи.

Въ теченіе всего XVIII столѣтія финансы въ Россіи вѣдались одновременно нѣсколькими совершенно самостоятельными учрежденіями. Въ началѣ царствованія Екатерины II управленіе большею частью доходовъ и расходовъ раздѣлялось между камеръ-коллегіею, штатсъ-конторою и коллегіею экономіи; кромѣ ихъ значительныя суммы государственныхъ доходовъ собирали: военная коллегія, адмиралтействъ-коллегія, коммерцъ-коллегія, бергъ-коллегія и соляная контора—и затѣмъ однѣ изъ нихъ, какъ военная коллегія и адмиралтействъ-коллегія, этими суммами пополняли часть своихъ расходовъ по удовлетворенію общегосударственныхъ нуждъ, другія, какъ коммерцъ-коллегія и соляная контора, покрывали своими доходами расходы другихъ учрежденій; въ меньшемъ размѣрѣ, наконецъ, самостоятельно собирали и самостоятельно расходовали казенныя деньги едва ли не всѣ правительственныя мѣста и полного, точнаго отчета обо всемъ движеніи государственныхъ суммъ не собиралось ни въ какомъ учрежденіи. Такое отсутствіе единства въ управленіи финансами объясняетъ многое въ ихъ исторіи за время царствованія Екатерины, а въ свою очередь такое финансовое управленіе объясняется всею предшествовавшею исторіею главной финансовой коллегіи—камеръ-коллегіи. Краткій очеркъ ея исторіи, поэтому, представляется не-

обходимымъ введеніемъ въ изученіе финансовъ Екатерининскаго царствованія ¹⁾).

Не подлежитъ спору, что коллегіи были созданы въ такое время, когда реформа центральныхъ учрежденій была насущною потребностью, и что то направленіе, въ какомъ реформа эта была предпринята, могло принести существенную пользу государству.

Общее наименованіе высшихъ учрежденій Московской Руси приказами вѣрно опредѣляетъ ихъ сущность и главную характерную черту тогдашняго управленія: оно было основано на приказахъ, то-есть, порученіяхъ тому или другому лицу вѣдать тѣ или другія дѣла. Отсюда и та легкость, съ какою иногда передавались въ Московскомъ государствѣ дѣла изъ одного приказа въ другой, и тѣ прихотливыя сочетанія самыхъ различныхъ отраслей управленія въ рукахъ одного лица, которыя на первый взглядъ поражаютъ наблюдателя,—все это объясняется, съ одной стороны степенью довѣрія государя къ данному лицу, съ другой, личными вкусами этого лица. Замѣнить систему личныхъ порученій системою учрежденій—мысль въ основѣ своей безспорно правильная и для своего времени несомнѣнно прогрессивная. Коллегіямъ и была поставлена эта задача—и идея, вызвавшая созданіе коллегій, сохраняетъ всѣ права на почетную оцѣнку, независимо отъ того, какъ оцѣнимъ мы осуществленіе ея на практикѣ; не надо еще забывать, что развитіе вновь созданныхъ учрежденій совершалось уже послѣ смерти преобразователя.

Существеннымъ образомъ отличались коллегіи отъ приказовъ по составу своему, а, въ теоріи, и по способу рѣшенія дѣлъ. Въ приказахъ засѣдалъ главный судья и иногда его товарищъ, но въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣла рѣшались единолично главнымъ судьей. Очевидно, что если иногда право единоличныхъ рѣшеній облегчало принятіе мѣръ полезныхъ—такіе дѣятели какъ Ордынъ Нащокинъ, Матвѣевъ, кн. В. В. Голицынъ, вѣроятно, были бы только стѣснены въ своей дѣятельности, если бы имъ приходилось дѣйствовать лишь по соглашенію съ другими,—что если главные судьи приказовъ не рѣшали дѣлъ всегда по личному произволу, а совѣтывались о нихъ съ кѣмъ либо, то, во всякомъ случаѣ приказная система не только

¹⁾ Сочленію *гг. Д. А. Толстого*, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II. С.-Пб. 1848 г. частями уже устарѣло, частями же имѣетъ значеніе и до сихъ поръ. Читатель замѣтитъ, что постановка вопроса и степень разработки отдѣльныхъ сторонъ предмета у насъ иныя, чѣмъ въ названномъ трудѣ.

открывала свободный доступъ личному произволу, но еще чрезвычайно затрудняла для людей не родовитыхъ и не обладавшихъ дарованіями совершенно исключительными возможность пріобрѣсти замѣтное влияние на дѣла; пока человѣкъ не дѣлался самъ главнымъ судьей приказа или членомъ боярской думы, что бывало очень рѣдко, если онъ не принадлежалъ къ знатному роду, онъ могъ вліять на дѣла высшаго государственнаго управленія лишь путемъ личнаго вліанія на главнаго судью или при личномъ его довѣрїи. Такое положеніе не содѣйствовало развитію интереса къ дѣламъ государственнымъ, не вызывало стремленія ихъ обсуждать, обдумывать, вырабатывать себѣ свой взглядъ на потребности и задачи современной жизни, а даже парализовало и подавляло такія стремленія, если они и пробуждались у человѣка болѣе спокойнаго, менѣе рѣшительнаго, или вызывало вполнѣ отрицательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, къ русской жизни, у натуръ болѣе страстныхъ, менѣе уравновѣшенныхъ, а можетъ быть и у болѣе живыхъ. Отлично извѣстно, что московскіе дѣятели являлись выразителями очень опредѣленныхъ плановъ и воззрѣній—и мы этого не упускаемъ изъ виду; мы подчеркиваемъ только, что приказная система не содѣйствовала тому, чтобы у ея дѣятелей вырабатывались свои личные оригинальные воззрѣнія и идеалы; были отличные образцы служенія дѣлу земскому и государеву—но обыкновенно въ одномъ только, давно выработавшемся направленіи; а когда пришлось разрѣшать новыя, осложнившіяся задачи—всѣ передовые дѣятели, отъ Грознаго до Матвѣева, В. Голицына и самаго Петра, испытали тотъ трудъ, когда одному приходилось тянуть въ гору, а десятки тысячъ тянули подъ гору. Въ коллегіяхъ было назначено съ президентомъ 10 членовъ и дѣла должны были рѣшаться по совѣщанію всѣхъ совѣтниковъ, ассессоровъ и президента и вице-президента; тутъ каждый имѣлъ свой голосъ и тотъ, кто вносилъ въ обсужденіе дѣлъ больше знаній, кто преслѣдовалъ ясно опредѣленные цѣли и проводилъ обоснованный и опредѣленный взглядъ—тотъ имѣлъ много случаевъ и дать торжество своему мнѣнію и лично выдвинуться, пріобрѣсти вліаніе; Петръ не только позволялъ, чтобы каждый высказывалъ свое мнѣніе, а требовалъ даже, чтобы если оно шло въ разрѣзъ съ принятымъ по большинству, а самому подававшему все-таки казалось правильнымъ, то было бы заносимо въ протоколъ¹⁾; достигнуть же званія ассессора и даже совѣт-

¹⁾ „Учлены коллегіи, то-есть, собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ

ника коллегіи было неизмѣримо легче, чѣмъ прежде сдѣлаться виднымъ и вліятельнымъ человѣкомъ въ средѣ московскихъ приказныхъ и думныхъ чиновъ.

Внося съ учрежденіемъ коллегій новый принципъ въ рѣшеніе дѣлъ, Петръ Великій сдѣлалъ крупный шагъ и къ болѣе рациональному разграниченію отдѣльныхъ отраслей управленія, что является однимъ изъ важнѣйшихъ условій его благоустройства. Приказы въ Московскомъ государствѣ возникали съ большою легкостью и по поводамъ весьма различной важности: пріобрѣтеніе новой области, случайное выясненіе какой либо отдѣльной потребности, развитіе уже существующей отрасли управленія и т. п., легко вызывали учрежденіе новыхъ приказовъ. Кругъ вѣдомства разныхъ приказовъ былъ чрезвычайно разнообразенъ и даже разнохарактеренъ. Одни приказы вѣдали опредѣленные территоріи во всѣхъ отношеніяхъ, другіе—опредѣленный родъ дѣлъ по всему государству, третьи—извѣстный разрядъ жителей во всѣхъ отношеніяхъ и по всему государству; очевидно, что такой порядокъ вызывалъ путаницу и замедленіе въ дѣлахъ, содѣйствовали созданію печальной памяти „московской волокиты“. Къ концу существованія приказовъ они одновременно дѣйствовали въ числѣ 40, если не болѣе, и трудно себѣ представить, до какой степени должно было возрасти количество приказовъ, а соотвѣтственно этому и путаница въ дѣлахъ, если бы при быстромъ развитіи и ростѣ государственныхъ потребностей была сохранена прежняя система центрального управленія.

Учреждая коллегіи, Петръ Великій стремился выдѣлать крупныя группы дѣлъ и поручить каждую особому высшему учрежденію, хотя, правда, въ этомъ отношеніи новыя система сохранила все-таки не мало недостатковъ старой ¹⁾). Ранѣе всего, въ силу хорошо извѣстныхъ

которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старыя судьи дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищей своихъ ничего учинить“. Пол. Собр. Зак., V, № 3261, декабря 22, 1718 года. Порядокъ обсужденія и рѣшенія дѣлъ въ коллегіяхъ опредѣленъ въ гл. VI „Генеральнаго регламента“, 28 февраля 1720 года, II. С. З. № 3534, т. VI, стр. 141—160. Между прочимъ: „никто при мнѣніи своемъ съ умысла, упрямства, гордости, или другого какого вида остатися не имѣеть. Но ежели отъ другого мнѣніе, которое добрыя основанія и резоны имѣеть, усмотритъ, онымъ слѣдовать долженъ; также каждому члену свобода дается, ежели голосъ его припятъ не будетъ, а онъ ко янтересу Е. И. В. благооснованнымъ и полезнымъ быть рассудитъ, чрезъ нотаріуса въ протоколъ велитъ записать“.

¹⁾ Не слѣдуя въ своемъ изложеніи вопроса о коллегіяхъ какому либо одному

и вполне понятныхъ причинъ, Петръ выдѣлилъ управленіе военными силами и иностранными сношеніями; эти дѣла были поручены коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтействъ-коллегіи—впослѣдствіи эти три коллегіи занимали положеніе нѣсколько высшее сравнительно со всѣми другими коллегіями и иногда назывались „государственными“; затѣмъ начали дѣйствовать юстицъ-коллегія и выдѣленная изъ нея вотчинная коллегія и главный магистратъ—они вѣдали дѣла судебныя и отчасти сословныя, именно дѣла купцовъ; управленіе судебными дѣлами и управленіе сословіями не были, однако, организованы единообразно и вполне удовлетворительно: функціи судебныя не были цѣликомъ отдѣлены отъ функцій административныхъ и не всѣ сословія получили учрежденія, специально ихъ дѣлами управлявшія. Среди петровскихъ коллегій вовсе не нашло себѣ мѣста учрежденіе, которое вѣдало бы специально императорскій дворъ, тогда какъ въ Московской Руси дворцовое управленіе было чрезвычайно широко и количество приказовъ, съ нимъ связанныхъ, было очень значительно. Правда, дворцовые приказы Московской Руси вѣдали не только царскій дворъ, но тѣмъ не менѣе—отличіе въ этомъ отношеніи петровской организаціи сохраняетъ свое значеніе ¹⁾, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этимъ особенное, исключительное вниманіе обращено было на управленіе финансами, на дѣла связанныя съ развитіемъ промышленности и торговли и вообще на народное хозяйство. Пять коллегій было учреждено для завѣдыванія дѣлами этого рода и всѣ эти учрежденія—если бы достигнуто было вполне удовлетворительное ихъ функционированіе—должны были другъ друга взаимно дополнять и поддерживать. Камеръ-коллегія должна была собирать доходы и даже—какъ мы это подробно разяснимъ ниже—исклѣивать и создавать новые источники доходовъ; расходоваемъ государственныхъ суммъ завѣдывала штатсъ-контора (первоначально на-

туду и не расходилъ кореннымъ образомъ съ высказанными въ нашей ученой литературѣ по этому вопросу мнѣніями, мы не считаемъ нужнымъ нестирять свое изложеніе ссылками на извѣстные труды, трактующіе эти же вопросы; главные изъ нихъ: *Миллюковъ*, Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права; *Градовскій*, Высшая администрація въ Россіи XVIII вѣка и генераль-прокуроры; *Вицинъ*, Краткій очеркъ управленія въ Россіи; *Дмитріевъ*, Сперанскій, въ *Русскомъ Архивѣ*, 1863.

¹⁾ Обязанность удовлетворить расходамъ императорскаго двора первоначально составляла одну изъ задачъ штатсъ-конторы—Регламентъ штатсъ-конторь-коллегіи п. 3.—Пол. Собр. Законовъ, т. V, стр. 651, № 3303, 12-го февраля 1719 г.

зывалась она штатсъ-конторь-коллегія) ¹⁾; мануфактурь-коллегія, бергъ-коллегія и коммерцъ-коллегія завѣдывали дѣлами промышленности и торговли ²⁾; наконецъ, дѣла, нераспредѣленные между коллегіями, находились въ вѣдѣніи нѣсколькихъ второстепенныхъ канцелярій, конторь и даже приказовъ; ревизіонъ-коллегія должна была ревизовать дѣятельность остальныхъ коллегій ³⁾.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ новый порядокъ высшаго государственнаго управленія; не только онъ открывалъ возможность лучшаго хода дѣлъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но самые принципы, на которыхъ основано было обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ въ коллегіяхъ, могли до извѣстной степени благотворно вліять на развитие русскаго общества. Конечно, однимъ учрежденіемъ коллегій такіе результаты еще не достигались—для нихъ, однако, открывался путь; чтобы путь этотъ былъ пройденъ и результаты эти достигнуты, для этого нужны были многія условія—и прежде всего внимательное и доброжелательное отношеніе къ новой организаціи со стороны выс-

¹⁾ Штатсъ-контора, какъ и вообще все устройство коллежской администраціи, заимствована была Петромъ Великимъ изъ Швеціи. Но при этомъ сохранено было лишь внѣшнее сходство со шведскою штатсъ-конторою, да и то въ такой періодъ ея существованія, когда она уже значительно уклонилась отъ задачи, для достиженія которой была создана въ 1680 г. Карломъ XI. Карлъ XI стремился придать полную твердость государственной росписи доходовъ и расходовъ и унѣтожить всякіе сверхъ-сметные расходы и экстраординарныя выдачи; однимъ изъ средствъ къ этому было то, что онъ поручилъ расходваніе государственныхъ доходовъ совершенно самостоятельному учрежденію, равноправному со всѣми другими коллегіями и потому не подчиненному ни которой изъ нихъ. Карлу XI, дѣйствительно, удалось достигнуть своей цѣли; но со смертію его нарушенія бюджета опять сдѣлались явленіемъ обычнымъ: штатсъ-контора быстро потеряла свое самостоятельное значеніе и стала какъ бы департаментомъ государственнаго казначейства; съ такими функціями она, собственно говоря, уже не имѣла основаній сохранять свое отдѣльное самостоятельное существованіе; но въ такомъ именно видѣ она вошла въ русскую систему коллегій.—Ср. *Берингъ*, Государственное хозяйство Швеціи, С.-Пб. 1890, 333.—334.

²⁾ Первые двѣ изъ этихъ трехъ послѣднихъ коллегій были первоначально соединены въ одно учрежденіе; въ послѣдующее затѣмъ время та и другая коллегія чаще всѣхъ другихъ были подвергаемы разнымъ перемѣнамъ—то онѣ соединялись, то разъединялись; мануфактурь-коллегія одно время была упразднена, бергъ-коллегія нѣсколько разъ измѣнялась въ своемъ составѣ и названіи. И неудивительно: слишкомъ еще мало было того, чѣмъ призваны были эти коллегіи управлять, и слишкомъ много приходилось имъ создавать.

³⁾ Ревизіонъ-коллегія также пережила не мало перемѣнъ въ своемъ устройствѣ и въ опредѣленіи предѣловъ своей власти.

наго правительства и присутствіе въ его составѣ обширнаго ума, способнаго понимать и цѣнить ту пользу, какую можно было извлечь изъ новыхъ порядковъ, и то хорошее, что было дано въ зародышѣ въ коллегіяхъ, поддержать въ неизбѣжной для этого новаго борьбѣ съ неблагоприятными условіями, окружавшими новыя учрежденія, каковы: малая подготовленность общества къ реформамъ, недостатокъ въ немъ образованныхъ людей, въ борьбѣ со старыми привычками приказной практики, общими большинству служащихъ и въ коллегіяхъ и т. п...

Первымъ президентомъ камеръ-коллегіи, дѣятельность которой имѣемъ мы по преимуществу въ виду, былъ назначенъ 15-го декабря 1717 г. кн. Дм. Мих. Голицынъ, одновременно съ назначеніемъ президентовъ другихъ девяти коллегій; президенты должны были подготовить все необходимое для открытія новыхъ учреждений; вступить въ дѣйствіе согласно подготовлявшимся регламентамъ коллегіи имѣли съ 1720 г.; 11-го декабря 1719 г., однако, камеръ-коллегіи разрѣшено отдалить этотъ срокъ на годъ ¹⁾ и въ тотъ же день подписано „Учрежденіе и регламентъ камеръ-коллегіи“ ²⁾. Вопросъ о томъ, какъ велико было личное участіе Петра въ составленіи этого акта, являлся ли регламентъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ произведеніемъ, лишь въ основу котораго положенъ былъ тотъ или другой, нѣмецкій или шведскій, образецъ или онъ былъ простымъ сколкомъ съ какой-нибудь иноземной инструкціи — вопросъ объ этомъ важенъ для исторіи Петра Великаго, но для исторіи камеръ-коллегискаго управленія онъ имѣетъ значеніе менѣе, чѣмъ второстепенное ³⁾—для

¹⁾ 11-го декабря 1717 г. послѣдовалъ указъ: „Начать надлежитъ всѣмъ президентамъ съ новаго года сочинять свои коллегіи и вѣдомости отовсюду брать, а въ дѣла не вступаться до 1719 г., а съ будущаго году конечно зачать свои коллегіи управлять; а понеже новымъ образомъ еще не управились, того ради 1719 г. управлять старымъ манеромъ“—П. С. З. V, № 3129; 15-го декабря того же года назначены были президенты и частью вице-президенты коллегій: иностранныхъ дѣлъ, камеръ-коллегіи, юстиціи, ревизионъ, воинской, адмиралтействъ, комморцъ, штатсъ-коммиссаровъ и бергъ и мануфактуръ — у двухъ послѣднихъ одинъ президентъ—П. С. З. V, № 3133. 11-го декабря 1719 г. по докладу президента камеръ-коллегіи кн. Голицына, что „камеръ-коллегіи не имѣеть совершеннаго извѣстія о состояніи всего государства российскаго приходовъ и расходовъ и о прочемъ, что надлежитъ ко управленію“, и что ей необходима отсрочка для собранія всего этого, послѣдовала резолюція: „на наступающій 1720 г. дается срокъ по старому, но съ начала 1721 г. конечно зачать по новому регламенту“—П. С. З. V, № 3468.

²⁾ П. С. Зак. V, № 3466, стр. 762—770.

³⁾ П. Н. Милюковъ, обсудивъ вопросъ о возможномъ шведскомъ образцѣ регла-

насть достаточно, что „сію инструкцію Царское Величество изволигь слушать декабря 11-го дня 1719 г. и указалъ: «напечатать и по ней управлять»¹⁾—она, значить, болѣе или менѣе удовлетворяла Петра, соотвѣтствовала его мыслямъ о цѣли и задачахъ камерь-коллегіи; изъ этого регламента мы можемъ, слѣдовательно, уяснить себѣ, что по мысли Петра было главнымъ и существеннымъ въ дѣятельности камерь-коллегіи, и получить исходную точку для изученія дальнѣйшей исторіи высшаго финансоваго управленія въ XVIII вѣкѣ.

Регламентъ 1719 г. содержитъ 26 пунктовъ; изложено оны, какъ и большинство указовъ того времени, не особенно стройно и систематично; систематизируя его содержаніе, мы видимъ, что 12 пунктовъ содержатъ общія разсужденія о кругѣ вѣдѣнія коллегіи и о ея задачахъ (пп. 1—8, 13, 15, 18, 19), 9—опредѣляютъ ея внутренніе порядки (пп. 14, 17, 20—26) и 5—ея отношенія къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ (пп. 9—12 и 16). Прежде всего (п. 3), коллегіи было „милостивѣйше повелѣно“ „съ вящимъ прилежаніемъ и радѣніемъ тщаться“ о немедленномъ полученіи „всѣхъ такихъ вѣдомостей, изъ которыхъ она могла бы совершенно увѣдомиться о натурѣ (природѣ), о ситуаци (состояніи) и расположеніи, о расходахъ и о оброчныхъ статьяхъ государства и подлежащихъ ко оному народовъ и провинцій“ и потомъ „расходамъ и податямъ извѣстное число положить“ (слова въ скобкахъ читаются и въ регламентѣ). Коллегія должна была заботиться о томъ, чтобы были сочинены описанія „каждому помѣстью или погосту, потомъ дистрикту, а напоследѣ всей провинціи“ (п. 5); на обязанность камерь-коллегіи возлагалось „при всякихъ сборахъ благоразсуждать и вящимъ прилежаніемъ и осторожностью смотрѣть“, чтобы всѣ окладныя земскія подати были опредѣлены „по состоянію природы и обстоятельству провинціи“, „по цѣнѣ полевыхъ плодовъ и прочихъ товаровъ и по другимъ потребнымъ резонамъ“; при распредѣленіи податей она долж-

мства камерь-коллегіи, говоритъ: „Самое содержаніе русскаго регламента показываетъ, однако же, что въ данномъ случаѣ заимствованіе было не особенно близкимъ; то же подтверждаетъ и позднѣйшее донесеніе члена коллегіи Кохюса. Надо замѣтить, кромѣ того, что порядки шведскихъ коллегій слагались постепенно и слабы не существовало указаній на тексты инструкцій, не найденные нами, мы склонны были бы заключить, что—по крайней мѣрѣ для штатовъ и камерь-коллегій—вообще не существовало формулировки ихъ порядка и дѣятельности въ какомъ либо одномъ законоположеніи“—Государственное хозяйство, 596, прим.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. V, стр. 770, № 3468.

на была „межъ вышними и нижними, убогими и богатыми, по пропорціи подлежащее равенство во осмотръннѣ имѣть“ (п. 8), „накрѣпко увѣдомлятися“ „о состояннѣ, натурѣ и плодородіи каждой провинціи и запусѣлыхъ дворовъ и земель“ и „наипаче стараться, чтобы какъ возможно запусѣлые дворы и земли помалу паки населять и всякой пустоты осторожнымъ домодержавствомъ впредь предостерегать и отвращать“, заботиться о сохраненіи хорошихъ лѣсовъ, объ улучшеніи земледѣлія и садоводства „и во всѣхъ такихъ къ приращенію всего государства подлежащихъ дѣлахъ всякимъ образомъ споспѣшествовать“ (п. 13); ей же поручалось попеченіе „и о всѣхъ жалованныхъ маестностяхъ и деревняхъ“, „чтобы такіе маестности, деревни и крестьяне къ убытку Его Величества и его государственныхъ доходовъ и сверхъ подлежащаго (отъ владѣтелей) отягощны или весьма разорены не были“ (п. 15). Подъ „вышнее надзираніе и управленіе камеръ-коллегіи“ поставлено было и монетное дѣло — она должна была слѣдить за монетою и подавать свое мнѣніе, „дабы въ государствѣ вмѣсто чаемой небольшой прибыли большей вреду комерціямъ не происходило“ (п. 19). Послѣднія постановленія распространяютъ дѣятельность Камеръ-Коллегіи на заботу о государственномъ хозяйствѣ вообще—т. е. далеко выводятъ ее по значенію за предѣлы учрежденія, только собирающаго доходы. Стремленіе поставить камеръ-коллегіи именно такую задачу особенно ясно изъ тѣхъ пунктовъ регламента, которые говорятъ уже не о завѣдываніи ею доходами государства, а объ ея участіи въ его расходахъ: штатсъ-контора должна была ежегодно присылать въ камеръ-коллегію вѣдомости „объ всѣхъ годовыхъ окладныхъ расходахъ“, дабы камеръ-коллегія могла вѣдать, „коликое число расхода по вся годы востребуется, дабы, когда нужда позоветъ, она могла чрезвычайные налоги паложить и нужное число денегъ заранѣе приготовить“ (п. 4); коммерцъ-коллегія должна была сообщать камеръ-коллегіи о произведенныхъ ею расходахъ на потребности таможенной службы ¹⁾; черезъ камеръ-коллегію шло рассмотрѣніе и удовлетвореніе всякихъ претензій по государственнымъ займамъ, платежъ за нанятыя для транспорта корабли, за поставку разныхъ вещей, потребныхъ для арміи и флота и т. д., вообще по всякимъ казеннымъ подрядамъ (п. 18 и 24). Изъ всего этого мы должны заключить, что Петръ въ осуществленіи новаго учрежденія шелъ дальше, чѣмъ, повиди-

¹⁾ Пол. Собр. Зак., VII, стр. 246, № 4453, п. 18.

тому, предполагалъ самъ: онъ ставилъ камеръ-коллегіи такія задачи, которыя дѣлали ее, дѣйствительно, настоящимъ „мѣстомъ вышняго надзиранія и правленія надъ окладными и неокладными доходами Его Царскаго Величества и всего государства“ (п. 2), а не только мѣстомъ наблюденія за поступленіемъ государственныхъ доходовъ; чѣмъ активнѣе проявляла бѣ камеръ-коллегія свои заботы о государственномъ и народномъ хозяйствѣ, чѣмъ энергичнѣе расширяла бы она тѣ общія указанія, какими очерченъ кругъ ея задачъ въ регламентѣ, тѣмъ ближе осуществляла бы она мысли и надежды законодателя. Укажемъ еще одно постановленіе, до очевидности ясно свидѣтельствующее, что камеръ-коллегія должна была именно работать надъ улучшеніемъ финансоваго положенія страны: если коммерцъ-коллегія узнавала „отъ купеческихъ людей“ о какихъ либо „непорядкахъ въ торговомъ дѣлѣ“, то она должна была „писать о томъ въ камеръ-коллегію, дабы то исправить и притомъ приложить свой совѣтъ“¹⁾.

Соотвѣственно съ порученіемъ вѣдѣнію камеръ-коллегіи „важныхъ такихъ и пространныхъ дѣлъ“ или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ „великой государственной экономіи“ (п. 16), ей дана была и достаточная организація: при Kollegii этой должны были быть учреждены камеръ-конторы, на которыя и возлагались „наибольшія той Kollegii дѣла“ т. е., какъ видно изъ контекста, большинство дѣлъ—общее наблюденіе за текущими доходами и расходами и „экономическое управленіе“, т. е. надзоръ за хозяйствомъ въ провинціи; сама же Kollegia, свободная отъ текущихъ дѣлъ, должна была направить главное вниманіе на руководительство хозяйственною дѣятельностью и экономическою жизнью государства (п. 26).

Регламентами, которые были даны Kollegiamъ, создавалась слѣдующая организація высшаго финансоваго управленія: подушныя деньги—а въ первые годы существованія камеръ-коллегіи тѣ сборы, которые послѣ замѣнены были подушною податью—собираемы были въ провинціи особыми земскими комиссарами, подъ ближайшимъ надзоромъ губернаторовъ и воеводъ; распоряжалась этими деньгами военная Kollegia, а губернаторы сообщали свои отчеты по этимъ сборамъ въ камеръ-коллегію и къ ней же должны были обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ, а камеръ-коллегія должна была „на всѣ вопросы и случаи добрый совѣтъ и наставленіе имъ давать“ (п. 12);

¹⁾ Пол. Собр. Зак. т. VII, стр. 247, № 4453, п. 24.

сборы таможенные собирала коммерцъ-коллегія и деньги отсылала прямо въ штатсъ-контору, сообщая свѣдѣнія о суммахъ ежемѣсячными вѣдомостями въ камеръ-коллегію ¹⁾; всѣ сборы въ городахъ вѣдали магистраты—главный и городовые, и сами разсылали деньги въ опредѣленные мѣста по указаніямъ камеръ-коллегіи ²⁾; соляные сборы вѣдала особая соляная контора; наконецъ, сама камеръ-коллегія вѣдала сборы питейные и всѣ тѣ сборы, которые по самому существу своему были наиболѣе удобны—или почитались таковыми—для частнаго и, такъ сказать, частичнаго ихъ повышенія и усиленія черезъ это государственныхъ доходовъ—именно, сборы съ отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе арендныхъ статей (п. 14)—они извѣстны подъ общимъ наименованіемъ канцелярскихъ.

II.

Общій очеркъ дѣятельности коллегій послѣ Петра Великаго.

И такъ камеръ-коллегія должна была заботиться объ развитіи экономическихъ силъ страны и имѣла близкое отношеніе къ вѣдѣнію государственныхъ сборовъ; она, несомнѣнно, представляла собою въ зачаткѣ настоящее „министерство“ финансовъ, конечно, въ смыслѣ поставленныхъ ей задачъ, а не въ смыслѣ способовъ управленія. И нечего, конечно, много говорить о томъ, какъ желательно и какъ важно было поддерживать такое учрежденіе—особенно же не упускать изъ виду тѣ задачи, какія указаны были камеръ-коллегіи Петромъ Великимъ—т. е. заботу объ экономическомъ развитіи государства, заботу о томъ, чтобы не только исправно собирались доходы, но правильно развивались бы и ихъ источники. Въ данномъ случаѣ потребно было особенное вниманіе, потому что приходилось, собственно говоря, создавать финансовое вѣдомство и специальное имъ управленіе: въ Московскомъ государствѣ оно дробилось, какъ извѣстно, рѣшительно между всѣми приказами. Въ данномъ случаѣ было особенно важно охранять принципъ раздѣленія вѣдомствъ, провозглашенный вообще при учрежденіи коллегій ³⁾, и слѣдовательно важно было съ

¹⁾ Второй регламентъ коммерцъ-коллегіи, 31 янв. 1724.—И. С. Зак., VII, 4453, к. 17.

²⁾ Регламентъ глав. магистрата — 16-го янв. 1721 г. — И. С. З. VI, № 3708, л. XIV.

³⁾ Генеральный регламентъ гл. XIV. Пол. Собр. Зак., т. VI, 147, № 3534. 28-го

одной стороны не возлагать на камеръ-коллегію дѣлъ не имѣющихъ прямого отношенія къ ея задачѣ по существу, съ другой, все болѣе и болѣе сосредоточивать въ ней управление и вѣдѣніе финансами, части котораго все-таки оставались и у другихъ учреждений и были не въ одинаковой степени подчинены контролю и вліянію камеръ-коллегій. Но въ этомъ отношеніи было сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ можно было желать и пожалуй даже меньше, чѣмъ могли бы сдѣлать и тогдашніе люди; впрочемъ, дѣло это было, по истинѣ, нелегкое. Для того, чтобы согласовать коренную, важную реформу съ другими явлениями государственной жизни, которая этою реформою затрагиваются, нужно много времени и иногда не много меньше энергіи и работы мысли, чѣмъ для того, чтобы выработать самую реформу; если тогда, въ началѣ XVIII вѣка, законы издавались проще чѣмъ теперь, безъ опредѣленныхъ подготовительныхъ работъ и обсужденій, если дѣйствительно нныя законодательныя мѣры введены по лаконическимъ записочкамъ Петра, то *выработать и осуществить* реформу было и тогда ничуть не легче, если только не труднѣе, чѣмъ теперь; создать учреждение—легче, чѣмъ создать для него вполне хорошихъ дѣятелей; и при всей той „неутомленности“ духа, которая свойственна только натурамъ исключительно одареннымъ и которая такъ поражаетъ въ дѣятельности Петра, нельзя, конечно, утверждать, чтобы въ тѣ пять лѣтъ, которыя Петръ прожилъ послѣ учрежденія коллегій, онъ придавалъ бы коллегіямъ—и въ частности камеръ-коллегіи—тотъ именно характеръ, какой онѣ по идѣ должны были имѣть, направилъ бы ихъ прямо къ достиженію тѣхъ цѣлей, какія имъ были поставлены. Къ тому же, масса работниковъ въ коллегіяхъ состояла изъ дѣятелей прежнихъ приказовъ или во всякомъ случаѣ изъ людей, выросшихъ подъ ихъ вліяніемъ и не вышедшихъ изъ подъ этого вліянія—къ кому, какъ не „къ дѣякамъ, въ приказахъ посѣдѣлымъ“, можно было обратиться тогда во множествѣ затруднительныхъ случаевъ тогдашней административной практики. А людямъ, тѣмъ болѣе людямъ безъ теорети-

фев. 1720 г.: „Посеже каждый коллегіумъ особливо свои отправления и дѣла пишетъ, яко о томъ особливныя инструкціи покажутъ, того ради одному коллегію въ дѣло другого не вступаться, но ежели иное что случится, которое и до другого коллегія касается, то одному съ другимъ о томъ порядочно и письменно корреспондовать“. То же повторено въ регламентѣ мануфактуръ-коллегій, п. 5.—3-го декабря 1723 г. Пол. Собр. Зак., VII, стр. 169, № 4378; хотя это постановленіе равно касается всѣхъ коллегій, но не во всѣхъ регламентахъ оно повторено—въ регламентѣ коммерцъ-коллегій, напримѣръ, такого указанія нѣтъ. Пол. Собр. Зак., VII, № 4453.

ческаго образованія, такъ свойственно дѣйствовать по старымъ привычкамъ, особенно, если случай не такой важности, чтобы на немъ останавливаться со всѣмъ вниманіемъ, а такихъ случаевъ всегда особенно много.... И вотъ, чѣмъ дальше отъ момента первоначальнаго устройства коллегій, тѣмъ менѣе вниманія къ тому, чтобы неуклонно слѣдовать намѣченному пути, и тѣмъ чаще отступленія отъ духа и характера новыхъ учрежденій. Сколько нибудь существенныхъ шаговъ въ смыслѣ лучшаго распредѣленія дѣлъ между центральными учрежденіями послѣ созданія коллегій не было сдѣлано, можно сказать, до самаго учрежденія министерствъ въ 1802 г.; а распредѣленіе дѣлъ между коллегіями при Петрѣ Великомъ хотя и представляло большой шагъ въ смыслѣ систематизаціи сравнительно съ порядками приказнаго управленія, все-таки далеко не было строго выдержаннымъ и удовлетворительнымъ; необходима была еще большая работа въ этомъ направленіи,—въ частности и для того, чтобы строже подчинить вѣдѣнію одного центральнаго учрежденія доходы и расходы всѣхъ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что при строгѣмъ приказномъ чрезвычайно глубоко укоренилась привычка каждаго учрежденія распоряжаться суммами безконтрольно и ни отъ кого независимо. Предстояла—и также не была выполнена—большая работа для того, чтобы упростить финансовую систему въ смыслѣ замѣны какими нибудь болѣе простыми и общими сборами множества частныхъ, мѣстныхъ и чрезвычайно малыхъ поборовъ—а они существовали во множествѣ, являясь большею частью остатками и пережитками прежнихъ натуральныхъ повинностей и постепенно уничтожены только уже въ царствованіе Екатерины II. Наконецъ, въ скоромъ времени создалось еще одно условіе, которое шло въ разрѣзъ съ духомъ коллежнаго управленія: вскорѣ послѣ смерти Петра выступилъ съ полною силою вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Петербурга и Москвы; невозможно было вернуть столицу въ Москву, но невозможно было не считаться и съ тѣмъ очевиднымъ тяготѣніемъ областей къ Москвѣ, которое игнорировалъ Петръ; теперь, когда значеніе столицы уже упрочилось за Петербургомъ, нельзя было не принять въ расчетъ, что Москва представляла огромныя удобства для центральныхъ учреждений по географическому своему положенію—и вотъ въ Москвѣ созданы были „конторы“ тѣхъ правительственныхъ учрежденій, которыя находились въ Петербургѣ, а нѣкоторыя учрежденія помѣщены въ Москвѣ, конторы же ихъ въ Петербургѣ; первоначально „конторы“ были созданы въ другой столицѣ по указу 19 ноября 1722 г. „для управ-

ленія дѣлъ по указамъ своей коллегіи“¹⁾—но вскорѣ созданъ такой порядокъ, что разныя губерніи были подчинены сенату и его конторѣ, камеръ-коллегіи и конторѣ и т. д.²⁾ Конторы стали какъ бы параллельными своимъ коллегіямъ, равными имъ, а не отдѣленіями для менѣе важныхъ дѣлъ, какими являлись конторы при камеръ-коллегіи по ея регламенту. Этимъ централизація управления была въ значительной степени расшатана и сохранилась лишь централизація дѣлъ—и то далеко не совершенная—по вѣдомствамъ, которыя не были уже представлены учреждениями въ полномъ смыслѣ слова центральными³⁾.

Нелегко въ краткомъ очеркѣ, да и не входитъ въ нашу задачу, слѣдить за всѣми указами и распоряженіями правительства, содѣйствовавшими тому, что центральныя учрежденія значительно уклонились отъ пути, какому должны были бы слѣдовать, если бы сохраняли вѣрность принципамъ своего учредителя, но мы можемъ намѣтить въ общихъ чертахъ направленіе правительственной дѣятельности, приведшее къ этому. Уже при Петрѣ Великомъ камеръ-коллегія стала получать такія дѣла и порученія, которыя обременяли коллегію и вмѣстѣ съ тѣмъ суживали ея задачи и компетенцію сравнительно съ тѣми широкими и важными порученіями, о какихъ говоритъ регламентъ. Въ 1720 г. камеръ-коллегіи подчинено было „всякое управление соляного дѣла“; соляная регалія имѣла тогда очень замѣтное значеніе въ финансовомъ хозяйствѣ и, потому, конечно, она должна была подлежать вѣдѣнію камеръ-коллегіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ управление солянымъ дѣломъ было тогда чрезвычайно сложно и обширно, и при томъ условіи, что составъ коллегіи не былъ усиленъ—ближайшее управленіе солянымъ дѣломъ не могло не отягочать членовъ камеръ-коллегіи, не могло не помѣшать имъ въ работахъ надъ главною

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XI, № 8617.

²⁾ Ср. Полн. Собр. Зак., т. VII, стр. 749, указъ 24-го февраля 1727, № 5017, п. 6.

³⁾ Не останавливаясь въ подробности на различныхъ переи́нахъ, происходившихъ съ высшими правительственными учреждениями и ихъ конторами, ограничимся указаніемъ, гдѣ какое изъ нихъ помѣщалось въ началѣ царствованія Екатерины. Въ Петербургѣ находились: сенатъ, синодъ, коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтействъ, бергъ, медицинская—всѣ они соответственно помѣщали конторы въ Москвѣ; въ Москвѣ находились: камеръ-коллегія, юстицъ-коллегія, вотчинная-коллегія, мануфактуръ-коллегія, коллегія эконоин и ревизіонъ-коллегія—всѣ съ конторами въ Петербургѣ; комерцъ-коллегія, находившаяся въ Петербургѣ, имѣла въ видѣ дополненія не контору, а нѣсколько комиссій—см. *Арсеньевъ*, Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII ст., 44—45.

ихъ обязанностью по регламенту—т. е. въ руководительство вообще экономической жизнью страны. Вскорѣ послѣ этого въ вѣдомство камеръ-коллегии были переданы и всѣ дворцовыя деревни; заботами же о питейномъ откупѣ коллегія была обязана уже по регламенту—и быстро послѣдовалъ рядъ указовъ, все болѣе и болѣе выдвигавшихъ этотъ питейный откупъ на первое мѣсто среди работъ и обязанностей камеръ-коллегии ¹⁾. Въ 1727 г. на обязанность камеръ-коллегии пала забота о починкѣ шлязовъ на устроенныхъ при Петрѣ Великомъ водныхъ системахъ, въ 1732 г. на нее же возложена забота о постройкѣ дороги между Петербургомъ и Москвою ²⁾. Подобныя распоряженія могли бы еще и не имѣть особенно вреднаго для камеръ-коллегии значенія, если бы сколько нибудь въ параллель съ ними развивалась и дѣятельность коллегии въ осуществленіи главной ея задачи, т. е. въ управленіе вообще государственными доходами и въ упорядоченіи ихъ источниковъ. Но этого-то и не было; ни самъ Петръ, ни тѣмъ болѣе его преемники не заставили ее сдѣлать даже первыхъ шаговъ въ томъ направленіи, по какому должна была развиваться ея дѣятельность. Въ регламентѣ, какъ мы видѣли, было повелѣно камеръ-коллегии собрать различныя вѣдомости о положеніи страны и затѣмъ, по докладу кн. Д. М. Голицына что вѣдомостей этихъ собрать еще не успѣли—самое открытіе коллегій было отсрочено на годъ; но прошелъ этотъ годъ и она начала дѣйствовать, хотя вѣдомости готовы не были, да такъ онѣ и не были собраны, хотя рѣчь о собраніи ихъ не разъ поднималась... Такъ, одновременно съ одной стороны въ камеръ-коллегію входила масса дѣлъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ ея главной обязанности, съ другой постепенно ослабѣвало вниманіе къ тѣмъ сторонамъ ея дѣятельности, которыя по регламенту были поставлены на первое мѣсто и которыя дѣйствительно должны были имѣть важнѣйшее значеніе; увеличивалось количество дѣлъ камеръ-коллегии, но по значенію своему эти дѣла были далеко ниже того, чѣмъ должна была заниматься коллегія.

Указомъ 16-го іюля 1726 г. численный составъ коллегій былъ уменьшенъ повидимому на половину, а въ сущности болѣе чѣмъ

¹⁾ См. Пол. Собр. Зак., V, №№ 3583, 3737, 3407, 3471. 28-го іюля 1719 г.—16-го февраля 1721 г.

²⁾ Пол. Собр. Зак., VIII, № 6159,—22-го августа 1732 г. см. IX, №№ 8039 8069; въ завѣдываніи камеръ-коллегии дорога эта находилась до 1741 г., когда она поручена была вѣдѣнію губернаторовъ; въ 1742 г. учреждена особая канцелярія персепективной дороги—Полн. Собр. Зак., т. XV, № 11163.

въ три раза: вмѣсто того, что прежде были въ коллегіяхъ президентъ, вице-президентъ и по 4 совѣтника и по 4 ассессора, т. е. 10 членовъ, теперь сохранено было при президентѣ и вице-президентѣ по 2 совѣтника и по 2 ассессора, т. е. всего 6 человекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ введено общее правило, что половина всего состава коллегіи, перемѣняясь ежегодно, будетъ проводить время у себя въ помѣстьяхъ „для лучшаго управленія своимъ хозяйствомъ и для экономіи въ государственныхъ расходахъ“; отсутствующіе жалованья не получали ¹⁾). Этимъ закономъ принципъ коллегіальнаго управленія былъ почти уничтоженъ; помимо того, что допускалось даже, что въ коллегіяхъ останется на лицо менѣе и трехъ членовъ—объ этихъ случаяхъ только предписано доносить верховному тайному совѣту ²⁾—обсужденіе дѣлъ въ составѣ трехъ лицъ, конечно, далеко не то, что обсужденіе въ составѣ 10 членовъ ³⁾; теперь голосъ предсѣдателя непременно являлся единственнымъ рѣшающимъ,—особенно, когда изъ самихъ высшихъ

¹⁾ „Гражданскій штатъ ни отъ чего такъ не отягощенъ, какъ отъ множества служателей, изъ которыхъ, по разсужденію, великая часть отставлена быть можетъ“—писалъ въ своемъ „мнѣніи“ принцъ голштинскій въ апрѣлѣ 1726 г.—*Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общ.*, т. LV, 189; послѣ продолжительныхъ разсужденій по вопросу объ сокращеніи штатовъ, при чемъ возможность сбереженій имѣла большое вліяніе на рѣшеніе, въ докладѣ верховнаго тайнаго совѣта, представленномъ императрицѣ 13-го іюля 1726 г., читаемъ: „по штату въ штатскихъ коллегіяхъ положено быть въ каждой... 10 человекъ. А понеже въ такомъ множественномъ числѣ въ управленіи лучшаго успѣху быть не можетъ, ибо оныя всѣ въ слушаніи дѣлъ за едино ухо почитаются и не токмо чтобъ лучшій способъ былъ, но отъ многога разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе, а въ жалованьи напрасный убытокъ происходитъ“—*Сборникъ*, т. LV, 458,—по этому докладу и постановлено упомянутое уменьшеніе штатовъ. Почти дословно то же повторено въ проектѣ указа Сенату—*Сборникъ*, т. LV, 475; въ Полн. Собр. Законовъ соответствующій указъ—16-го іюля 1726 г., т. VI, № 4934. О ходѣ дѣлъ въ коллегіяхъ любопытно свидѣтельство Библикова, назначеннаго президентомъ реформированной ревизіонъ-коллегіи: онъ просилъ, чтобы ему дали наиболѣе дѣловитыхъ чиновниковъ, такъ какъ его коллегія „противъ прочихъ коллегій весьма многотрудная“ и въ пей необходимо „чтобы каждый членъ особливый свой трудъ имѣлъ и ко общему разсужденію коллегіи основательно предлагалъ, нежеля какъ въ прочихъ коллегіяхъ все то происходитъ черезъ одніи руки секретарскія и всѣ обще слушаютъ, отъ чего въ дѣлахъ никакого поспѣшенія быть не можетъ“. *Сборникъ* т. LV, 527, мартъ 1727 г.

²⁾ См. *Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ.* т. LV, 188, 189, 363, 377, 405, 410, 458, 459.

³⁾ Указомъ 17-го сентября 1742 г. Полн. Собр. Законовъ, т. XI, № 8617—подтвержденъ составъ коллегіи въ 6 чл.; объ ежегодномъ отпускѣ половины въ свои дома ничего не сказано—очевидно, онъ сохранился.

сферѣ высказано было неодобреніе излишнимъ спорамъ и разногласіямъ въ коллегіяхъ. Указъ, устанавливавшій это ослабленіе численнаго состава коллегій, говоритъ, что императрица „донесено, что въ множайшемъ числѣ членовъ въ управленіи дѣлъ лучшаго порядка не находится, но паче въ разногласіяхъ въ дѣлахъ остановка и помѣшательство происходитъ“. Несомнѣнно, что такія явленія наблюдались, да и не могли не наблюдаться; умѣнье совѣщаться, выслушивать другихъ, вырабатывать общее рѣшеніе—сразу не дается, а приобретаетъ только путемъ практики; и эти разногласія не свидѣтельствовали ли, что въ коллегіяхъ начинались обсуждения каждаго дѣла съ полною обстоятельностью, согласно генеральному регламенту, по которому каждый членъ былъ обязанъ заявлять свое несогласіе, если онъ не былъ убѣжденъ вполне доводами другихъ, т. е., что начиналось то, что было поставлено главною и непремѣнною обязанностию членамъ коллегій? Пресѣкать въ корнѣ такія обсуждения не значило ли отречься отъ многого полезнаго, чего можно было ждаты отъ дѣятельности коллегій? При достаточной энергіи власти, при способности высшихъ руководителей смотрѣть широко, не такъ уже трудно было бы парализовать дурное вліяніе излишней склонности къ разногласіямъ, но можно было извлечь изъ свободнаго обсуждения дѣлъ много полезнаго и для дѣла и для обсуждавшихъ его. Но и помимо этого, болѣе отдаленнаго вреда, сокращеніе численнаго состава коллегій до трехъ человекъ имѣло немедленно же другое очень близкое и очень нежелательное слѣдствіе—для коллегій совершенно отпадала возможность дѣлать что-либо, кромѣ исполненія — да и то рѣдко удовлетворительнаго — текущихъ дѣлъ; для обсуждения вопросовъ государственнаго управленія въ широкихъ размѣрахъ, какъ предполагалось по регламентамъ Петра Великаго, не оставалось уже ни времени, ни силъ. Сотрудники Петра понимали важность достаточно многочисленнаго состава коллегій; еще въ 1722 г. Ягужинскій представлялъ Петру, что „для множества дѣлъ невозможно удовольствоваться другія (коллегіи), а особливо камеръ-коллегію, такимъ малымъ числомъ служителей, какъ въ адмиралтейской опредѣлено“; въ 1728 г., т. е. вкорѣ послѣ изданія поминутаго указа 1726 г., Остерманъ жаловался, что въ коллегіяхъ недостатокъ знающихъ людей, такъ какъ при отлучкахъ кого-либо изъ членовъ приходится ихъ замѣщать людьми совершенно неопытными; въ 1730 г. князь Д. М. Голицынъ, бывший первымъ президентомъ камеръ-коллегіи, высказался, что число „приказныхъ служителей убавлять не слѣдуетъ, чтобъ коллегіи недостаточнымъ числомъ слу-

жителей въ исполненіи дѣлъ впредь не отговаривались“¹⁾; по сдѣланное въ 1726 г. исправлено не было. Напротивъ, можно указать не мало другихъ распоряженій, которыми ослаблялась, только что не уничтожалась, петровская реформа въ центральномъ управленіи. Указомъ 2-го іюня 1726 г. примѣнена была къ двумъ коллегіямъ одна мѣра весьма характерная, какъ симптомъ отношенія къ началамъ, проводившимся Петромъ: именно, положено было въ главномъ магистратѣ, въ вотчинной коллегіи и юстицъ-коллегіи, съ подвѣдомственными имъ мѣстами, давать жалованья только президентамъ и членамъ, „а приказнымъ людямъ обрѣтающимся въ тѣхъ двухъ коллегіяхъ, также въ надворныхъ судахъ и магистратскимъ—не давать, а довольствоваться имъ отъ дѣлъ по прежнему обыкновению съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ; токмо для излишнихъ взятокъ тѣмъ челобитчикамъ въ дѣлахъ ихъ волокиты, такожъ ничего въ противность регламентамъ и указамъ нашимъ отнюдь не чинить“—подъ опасеніемъ наказанія²⁾. О томъ, какимъ злоупотребленіямъ открылъ дорогу этотъ указъ, не надо говорить; для насъ онъ любопытенъ, какъ свидѣтельство возвращенія при новыхъ учрежденіяхъ стараго духа, какъ доказательство смѣшенія опять въ управленіи принципа государствен-

¹⁾ *Соловьевъ*. Исторія Россіи, кн. IV, 773, 1038, 1181. Замѣтимъ, что адмиралтействъ-коллегія, о которой главнымъ образомъ говорил Остерманъ, имѣла членовъ почти столько же, какъ камеръ-коллегія—именно „восемь, а по нуждѣ пять“,—за то адмиралтействъ-контора имѣла штатъ гораздо болѣе многочисленный, чѣмъ камеръ-контора—Пол. Собр. Зак., т. VI, № 3937,—гл. I, п. 2, гл. XII и слѣд.

²⁾ Указъ объ этомъ отъ 2-го іюня 1726 г. въ Пол. Собр. Зак. VI, № 4897; исторію его узнаемъ изъ „Протоколовъ верх. тайн. сов.“, — въ *Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.* т. LV. Въ „мнѣніи его королевскаго высочества на сенатскія допосенія, которос отдать изволяли апрѣля 1-го 1726 г.“ (стр. 189), между прочимъ читаемъ: „гражданскій штатъ ни отчего такъ не отягощенъ, какъ отъ множества служителей, изъ которыхъ по разсужденію великая часть отставлена быть можетъ. Есть много служителей, которые, по прежнему здѣсь въ имперіи бывшему обычаю, съ приказныхъ доходовъ, не отягощая штатъ, довольно жить могли“. На стр. 190 напечатано „мнѣніе свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова, каковы присланы 12-го апрѣля“; тутъ между прочимъ читаемъ: „юстицъ и вотчинной коллегій и надворныхъ судовъ и въ городахъ канцелярскимъ служителямъ по мнѣнію моему жалованья давать не подлежатъ, а позволить акциденціи отъ дѣлъ противъ прежняго, чѣмъ безъ нужды могутъ довольствоватца, а дѣла могутъ справити и безпродолженія решитца, пожеже всякой за акциденцію будетъ лѣтвостно трудитца“. 23-го мая въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта записано уже постановленіе: „коллегіямъ вотчинной, юстицъ, надворнымъ судомъ, также магистратамъ и всѣмъ суднымъ мѣстамъ жалованья не давать“ (тамъ же, 302); въ протоколѣ за то же число (стр. 305) указъ этотъ формулированъ уже такъ, какъ онъ напечатанъ въ Пол. Собр. Зак.

ной дѣятельности съ характеромъ дѣятельности частной, смѣшенія, столь широко распространеннаго въ Руси до-петровской и устраненіе котораго начато было Петромъ Великимъ. Послѣ Петра видимъ мы быстро ослабленіе и принципа управленія посредствомъ учреждений, чему Петръ такъ опредѣленно положилъ начало, учредивъ коллегіи: снова, какъ въ эпоху приказнаго управленія, видимъ мы замѣчательную легкость коренныхъ перемѣнъ въ устройствѣ коллегій, соединеніе въ одно двухъ и даже трехъ учреждений, и опять распаденіе ихъ, возникновеніе учреждений, которымъ придавалось значеніе какъ бы одинаковое съ другими центральными учреждениями, но которыя весьма существенно отличались отъ этихъ послѣднихъ по характеру, обширности и важности подчиненныхъ имъ дѣлъ. Главный магистратъ былъ уничтоженъ 5-го іюля 1728 г., а въ 1737 г.—возстановленъ; мануфактуръ-коллегія была уничтожена 28-го февраля 1727 г., а 28-го марта того же года было объявлено, что дѣла ея будутъ въ сенатѣ, подъ особымъ управленіемъ, которое вскорѣ получило наименованіе мануфактуръ-конторы; 8-го октября 1731 г. мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія были соединены съ камеръ-коллегіей; затѣмъ 7-го апрѣля 1742 г. были восстановлены сначала бергъ-коллегія, подъ именемъ генераль-бергъ-директоріума, а затѣмъ и мануфактуръ-коллегія ¹⁾; 15-го іюля 1726 г. штатсъ-контора подчинена была камеръ-коллегіи, а 19-го іюля 1730 г. эти учрежденія были снова разъединены. Любопытны мотивы соединенія: „Понеже съ прошлаго 1719 г.—читаемъ въ именномъ указѣ — въ провинціяхъ опредѣлены отъ камеръ-коллегіи для сборовъ камериры и имъ подчиненные земскіе комиссары, которые сборы чинили въ городахъ и уѣздахъ; а отъ штатсъ-конторы рентмейстеры, которые отъ камерировъ сборныя деньги въ рентерен принимали и въ расходъ по ассигнаціямъ штатсъ-конторы употребляли, и такое разное установленіе было, когда съ уѣздныхъ людей сборы вѣдомы были у камерировъ; но потомъ на уѣздныхъ людей положены подушныя деньги, которыя собираютъ особливо на то учрежденныя земскіе комиссары, а камерирамъ (эти сборы) ничѣмъ не подчинены, токмо остались у нихъ одни таможенные и кабацкіе, да канцелярскіе

¹⁾ Слѣдующіе указы говорятъ о перечисленныхъ перемѣнахъ: II. С. З. VI, 5-го іюля 1728, № 5302—см. XI, № 8734; VIII, № 5860, IX, № 7047, VII, № 5017 и. 5, VIII, 5860; XI, 8513; VII, 5052—28-го марта 1727; IX, 7062; мануфактуръ-коллегія въ началѣ 1762 г., на пространствѣ менше чѣмъ въ два мѣсяца, была назначена къ переводу въ Петербургъ, а затѣмъ снова къ оставленію въ Москвѣ—II. С. З. XV, №№ 11433 и 11494.

сборы, и уже многихъ городовъ таможенные сборы положены на магистраты; того ради указали мы штатсъ-контору подчинить камеръ-коллегіи; рентмейстерамъ и ихъ подчиненнымъ не быть, а быть какъ у сборовъ, такъ и у расходу однимъ камерирамъ“ — и т. д. ¹⁾). Это соединеніе было, повидимому, частью своего рода плана перемѣнъ въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, проводившагося верховнымъ тайнымъ совѣтомъ: въ теченіе трехъ дней, 14, 15 и 16 іюля 1726 г., было объявлено 10 указовъ, болѣе или менѣе общаго значенія — въ числѣ ихъ и этотъ указъ, и вышеупомянутый указъ объ уменьшеніи состава коллегій на половину. По новому положенію камеръ-коллегія, дѣйствовавшая въ составѣ всего трехъ членовъ, получала надзоръ и за доходами и за расходами — очевидно, она теперь не могла удовлетворительно наблюдать за всѣмъ этимъ даже и въ смыслѣ соблюденія канцелярскаго порядка, разсматривать же и обсуждать какіе-либо вопросы по существу она, конечно, не имѣла уже никакой возможности. Въ 1729 г. создана была канцелярія конфискаціи; она, какъ всѣ самостоятельныя канцеляріи вообще, заняла мѣсто немного ниже коллегій, (подобное тому, какъ теперь занимаютъ главныя управленія сравнительно съ министерствами), между тѣмъ задачею вновь созданной канцеляріи было только управленіе конфискованными имѣніями до ихъ продажи или перехода къ наслѣдникамъ...

При такомъ общемъ направленіи, когда если не произошло возвращеніе къ старому порядку, то явно наблюдалось возвращеніе старыхъ порядковъ въ администрацію ²⁾), камеръ-коллегія, конечно, не получила дальнѣйшаго правильнаго развитія, какъ учрежденіе, завѣдующее государственными доходами и руководящее мѣрами, которыя бы улучшали экономическое и финансовое положеніе государства, напротивъ сохранили свою силу и даже еще развились несовершенства въ организаціи камеръ-коллегій, неизбѣгнутыя при самомъ ея основаніи.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4928, 15-го іюля 1726 г.—Приблизительно такая же, по общему характеру, мотивировка возстановленія: изложивъ исторію созданія камеръ-коллегій, штатсъ-конторы и ихъ соединенія, сенатъ продолжаетъ въ своемъ докладѣ императрицѣ: „А понеже тѣ дѣла обопхъ мѣсть состоятъ нужныя и не малаго требуютъ смотрѣнія и поправленія, а камеръ-коллегіи одной, по силѣ данныхъ дву регламентовъ какъ за сборами, такъ и за расходами въ смотрѣніи исправиться невозможно, и того ради..... не сообразованіе ли В. В. повелѣть для лучшаго порядка и смотрѣнія штатсъ-конторѣ быть по прежнему опредѣленію особо“—Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 5590, 19-го іюля 1730 г.

²⁾ Ср. *Н. Ардашевъ*, Регламентъ вотчинной коллегіи, М. 1890, 210- 213.

Регламентъ камерь-коллегии предписывалъ ей собрать различныя вѣдомости объ экономическомъ положеніи государства; но свѣдѣнія такого рода никогда не были собраны и собрать ихъ было не только вообще очень трудно, но при измѣненной организаціи камерь-коллегии и прямо таки невозможно. Въ одномъ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта, въ маѣ 1728 г., Остерманъ заявилъ, будто бы „при установленіи камерь-коллегии“ собраны были вѣдомости изъ всѣхъ губерній, но не были никогда ниѣмъ разсмотрѣны, а просто были сложены въ кучу и оставлены безъ всякаго разбора ¹⁾; однако, почти несомнѣнно, что Остерманъ тутъ или имѣлъ въ виду что-то другое, или очень сильно преувеличилъ: слишкомъ трудно было, скажемъ прямо—было невозможно собрать такія вѣдомости къ тому времени, когда онъ, по словамъ Остермана, будто бы были уже собраны; къ тому же, когда въ началѣ 1727 г. была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ князя Д. М. Голицына, бывшаго первымъ президентомъ камерь-коллегии, съ порученіемъ обсудить вопросъ о податяхъ съ населенія, особенно, съ крестьянъ ²⁾, — коммиссія эта, встрѣтивъ надобность въ разныхъ вѣдомостяхъ, не потребовала отъ камерь-коллегии уже собранныхъ вѣдомостей, о существованіи которыхъ князь Голицынъ не могъ бы не знать, а предписала коллегіи собрать вѣдомости—и камерь-коллегія, со своей стороны, не переслала въ эту коммиссію никакихъ вѣдомостей, что она, конечно, сдѣлала бы, если бы уже имѣла ихъ, и только черезъ полгода доставила далеко не всѣ тѣ свѣдѣнія, которыхъ отъ нея требовали. Въ 1727, 1728 и 1732 гг. повторялись требованія, чтобы камерь-коллегія прислала оклады доходовъ за прошлые годы и свои счета, но требованіе это ни разу исполнено не было ³⁾; обыкновенно камерь-коллегія или ничего не отвѣчала, просто

¹⁾ *Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ.*, т. LXXIX, 335.

²⁾ См. *Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ.*, LXIX, 315; Под. Собр. Зак. VI, № 5010, 5043, 9-го февраля, 21-го марта 1727 г.

³⁾ Приведемъ, для примѣра, въ сокращенномъ изложеніи, доношеніе сената верховному тайному совѣту, въ августѣ 1732 г., по поводу собранія и представленія такихъ вѣдомостей. — Камерь-коллегія 10-го декабря 1731 года затребовала изъ всѣхъ губерній установленные отчеты и разослала для нихъ формы; въ теченіе 1732 г. отправлены были неоднократно подтвердительные указы. Но къ августу 1732 г. коллегія получила только изъ Суздальской и Гостромской провинцій неполные и не по формѣ составленные отчеты; еще въ концѣ іюля 1732 г. изъ нѣкоторыхъ дистриктовъ получены были доношенія, что формы туда еще не доставлены. Весною 1732 г. коллегія, согласно регламенту, отправила въ разныя губерніи и провинціи спеціальныхъ посланцевъ. Но и послѣ ихъ появленія медленно

отмалчивалась, несмотря на разные угрозы, или же если, наконецъ, что-нибудь и посылала, то или не по всѣмъ губерніямъ, или за одинъ какой-нибудь годъ, или отвѣтъ не на всѣ пункты требованія, а на какой-нибудь одинъ. Въ 1732 г. встрѣчаемъ упоминаніе, будто бы уже въ 1724 г. сочинена была „генеральная табель и притомъ по городамъ и по провинціямъ“¹⁾, но и это сообщеніе надо признать не точнымъ, не вѣрнымъ; вѣроятно, имѣлась въ виду роспись прихода и расхода, составленная въ 1724 г. — она напечатана у П. Н. Милюкова, прил. IV — но это не есть окладная книга по губерніямъ, доходы и расходы расписаны въ этомъ документѣ по рубрикамъ, объ окладной же книгѣ П. Н. Милюковъ ничего не говоритъ, и въ 1732 же году была требуется отъ коллегіи, но безрезультатно, окладная книга съ 1719 по 1731 г.²⁾, — значить и въ 1724 г. составлена она еще не была; наконецъ и въ 1764 г. официально было прямо заявлено, что окладная книга нигдѣ до того времени не была составлена.

Такъ неудовлетворительно исполняла камеръ-коллегія возложенныя на нее первымъ регламентомъ задачи по собиранію свѣдѣній объ экономическомъ положеніи государства и составленію правильныхъ и полныхъ окладныхъ книгъ. Не лучше обстояло дѣло и съ соби-

доставлялись требуемыя свѣдѣнія. Изъ Бѣлгородской губерніи были присланы рапорты изъ одной провинціи, а изъ двухъ другихъ не было ни рапортовъ, ни какихъ-либо объясненій такого промедленія. Изъ Воронежской губерніи посланный могъ только сообщить, что разослалъ по воеводамъ въ разные города нарочныхъ унтеръ-офицеровъ; изъ Астрахани и изъ Архангельска не было ни рапортовъ, ни какихъ-либо извѣстій отъ посланцевъ; изъ Смоленской губерніи полученъ былъ одинъ рапортъ, но сто пришлось вернуть для исправленія, потому что нельзя было понять „тотъ рапортъ одного ли Смоленска или всей той губерніи“; изъ Кіева обѣщали скорѣй доставить требуемое; изъ Новгорода, Нижняго-Новгорода и Казани сообщалось, что для скорѣйшаго составленія требуемыхъ рапортовъ приказные служители содержатся „подъ карауломъ безъ выпуску“. Въ результатѣ — „за такую неприсылкою что какихъ доходовъ въ нынѣшнемъ 1732 г. въ генварскую треть было въ сборѣ, та коллегія никакаго извѣстія не имѣетъ и для того генеральной вѣдомости составить не изъ чего“. *Сборникъ*, т. CIV, 413—416. Такъ и преобразованная камеръ-коллегія — съ дѣлопроизводствомъ, по мнѣнію авторовъ новаго регламента, упрощеннымъ — ничего сдѣлать не могла; 27-го ноября 1732 г. послѣдовалъ именной указъ сенату: „наблюсти за скорѣйшимъ составленіемъ государственной о всѣхъ доходахъ книги и за собираніемъ всѣхъ необходимыхъ для нея вѣдомостей“, съ тѣмъ, чтобы окладная книга непременно могла быть къ 1733 г. „совершенно окончена и для всемілостивѣйшей нашей апробаціи прислана быть могла“, — *Сборникъ*, т. CIV, 504—505; см. еще *Сборникъ*, тт. LXIII, 791; LXXXIV, 676; CIV, 405, 413—416.

¹⁾ *Сборникъ*, т. CIV, 504.

²⁾ *Сборникъ*, т. CVI, 52.

раніемъ доходовъ. По подушному сбору недоимки начались немедленно послѣ его введенія; къ 1725 г. онѣ достигали уже 74.000 р. ¹⁾); по питейному же откупу и по таможеннымъ сборамъ за первые 13—14 лѣтъ управленія камеръ-коллегии недоимки накопилось до 7.000.000 рублей ²⁾), подобнымъ образомъ шли дѣла и въ другихъ коллегіяхъ—соляная контора, напримѣръ, въ 1734 г. имѣла до 1.200 тысячъ соляныхъ сборовъ за 1709—1731 гг. неразсмотрѣнными и не провѣренными, не рассмотрѣно было такъ же множество отдѣльныхъ дѣлъ ³⁾); если въ такомъ положеніи находилась отчетность по одной изъ важнѣйшихъ статей дохода, то ужъ изъ одного этого очевидно, что не могла существовать никакая полная окладная книга. Съ самаго начала дѣятельности коллегіи безъ Петра наблюдаются случаи, что камеръ-коллегія, собирающая доходы, считаетъ, что денегъ должно быть значительно больше, чѣмъ сколько считаетъ ихъ штатсъ-контора, обязанная производить расходы, и привести ихъ къ соглашенію никакъ не удастся ни сенату, ни верховному тайному совѣту ⁴⁾); военная коллегія неоднократно требовала отъ камеръ-коллегии разныхъ вѣдомостей о подушномъ сборѣ, но не получала ихъ ⁵⁾); камеръ-коллегія производила довольно значительные расходы изъ суммъ, которыя должны были поступать въ адмиралтействъ-коллегію, и эта послѣдняя должна была доводить дѣло до верховнаго тайнаго совѣта, чтобы получить эти деньги съ камеръ-коллегии ⁶⁾); точно также военная коллегія расходовала иногда суммы, подлежавшія распоряженію комиссаріата, и не отвѣчала не только ему, но даже и сенату несмотря на его требованія ⁷⁾).

Среди такихъ обстоятельствъ камеръ-коллегія, ослабленная въ своемъ составѣ и заваленная множествомъ дѣлъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ ея задачамъ, конечно, не могла упрочить и развить свою дѣятельность до того, чтобы явиться дѣйствительно органомъ, руководящимъ финансовою и экономическою дѣятельностью государства; мысль Петра Великаго въ данномъ случаѣ далеко не была осуществлена, какъ и большинство другихъ начинаній Петра; камеръ-коллегія при его преемникахъ не только не развила своей дѣятельности,

¹⁾ *Сборникъ*, т. LVI, 297.

²⁾ *Сборникъ*, т. CVI, 55.

³⁾ *Сборникъ*, т. CVIII, 105.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. LV, 459; LVII, 542.

⁵⁾ *Сборникъ*, т. LVI, 294.

⁶⁾ *Сборникъ*, т. LXIII, 193, — чѣмъ кончилось дѣло, мы не знаемъ.

⁷⁾ *Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, кн. IV, 1182.

но не сохранила даже и того мѣста, на которое поставлена была Петромъ, а пошла назадъ. Мы не находимъ въ дѣйствіяхъ послѣпетровскихъ правительствъ Россіи сознательной, активной реакціи; съ одной стороны, вершителями судебъ юной имперіи явились сплошь люди, выдвинутые Петромъ, имъ воспитанные и тѣсно связанные со всѣмъ, вновь созданнымъ порядкомъ вещей; возвращеніе къ старому грозило имъ потерю того положенія, какимъ они пользовались— и уже по одному этому они не могли желать такого возвращенія; съ другой стороны— эти люди даже не были достаточно крупны умственно, чтобы проводить активную реакцію. Послѣ Петра Великаго въ исторіи Россіи, а особенно въ ея высшемъ управленіи, совершились событія, обычныя и даже вполне естественныя послѣ всякой крупной реформы. Всякая новая идея— будетъ ли это идея нравственнаго порядка или просто идея иного государственнаго устройства, — проходя черезъ сознаніе людей, далеко менѣе одаренныхъ, чѣмъ тотъ, кто являлся первоначальнымъ носителемъ этой идеи, неизбежно теряетъ въ большей или меньшей степени свою ясность и чистоту и въ практическомъ примѣненіи принижается. Люди иногда не руководятся недобрымъ чувствомъ къ прежнему дѣятелю, тѣмъ болѣе не измѣняютъ умышленно къ худшему тотъ порядокъ, который они унаслѣдовали—они просто не способны понимать запросы жизни и давать на нихъ отвѣты такъ, какъ это дѣлалъ ихъ предшественникъ, тотъ, кто первый высказалъ, или даже только проводилъ известную идею, въ нашемъ случаѣ—вводилъ новое государственное устройство; преемники его по своему, хуже и хуже, понимаютъ дѣло и по своему, хуже, его осуществляютъ. Не есть ли это даже неизбежный моментъ въ исторіи всякой реформы? вѣдь истинную силу реформа получаетъ тогда, когда она становится достояніемъ массы, проникаетъ въ ея умственные привычки и черезъ то въ постоянную дѣятельность; но возможно ли поднять сразу массу до той высоты, съ какой глядѣлъ и дѣйствовалъ реформаторъ? и вотъ принижается до уровня пониманія массы идея реформы,—на время, конечно съ тѣмъ, чтобы послѣ, дѣйствуя благотворно на массу людей, вызвать въ нихъ новыя силы для новаго подъема и новаго движенія... Именно такимъ характеромъ отмѣчена дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Отнявши у сената его право высшаго руководительства государственною жизнью, верховный тайный совѣтъ и кабинетъ сами или ничего не сдѣлали, или сдѣлали очень мало, для того, чтобы руководить ею со своей стороны. Въ засѣданіяхъ и совѣта и кабинета обсуждались

всякіе вопросы и дѣла, по вопросы истинно государственные—менѣе всего. Въ этихъ учрежденіяхъ было соединено управленіе дѣлами иностранной политики и военными—это совершенно естественно; настоящая нужда въ деньгахъ заставляла обсуждать и вопросы финансовые—этими вопросами и ограничивалась государственная дѣятельность названныхъ учреждений. Но по существу вопросы финансовые обсуждались почти исключительно со стороны изысканія способовъ для болѣе успѣшнаго взысканія недоимокъ, при чемъ на самый фактъ накопленія недоимокъ смотрѣли такъ, что—де недоимки возникаютъ—главнымъ образомъ если не исключительно—вслѣдствіе послабленій со стороны сборщиковъ и невзысканія податей въ срокъ ¹⁾;—куда же исчезали у населенія эти невзысканныя въ срокъ деньги и какъ доходило до того, что—по признанію самого правительства—„скоро не съ кого будетъ и брать“—этотъ вопросъ не ставился даже, не только не разрѣшался ²⁾. Какихъ либо общихъ указаній провинціальнымъ административнымъ органамъ тѣсно искали бы мы въ протоколахъ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета; едва ли не все, что найдемъ мы тамъ, сводится къ подтвержденію своевременно собирать, безъ всякихъ взятковъ и притѣсненій, и высылать деньги да разные отчеты и вѣдомости, но заставить исполнить эти требованія не умѣли; комиссія кн. Д. М. Голицына, учрежденная въ 1727 г., представила свой докладъ въ 1729 г. и прежде всего просила для упорядоченія сборовъ произвести новую ревизію—просьба эта не была удовлетворена; въ 1739 г. въ виду финансовыхъ затрудненій повторено только, чтобы „государственные подушного сбора доходы по вся годы противъ окладовъ сполна собирать“ ³⁾; зато дѣла объ опредѣленіи недорослей на службу, о наградахъ чинами, о пожалованіи тому или другому просителю той или другой деревни, а особенно деревень или дворовъ изъ числа отписныхъ у кн. Меншикова, а потомъ у князей Долгорукихъ, нослъ ихъ наденія, зато разбирательство споровъ по наслѣдству, а иногда и прямо дракъ между чиновниками и т. п. — все это восходило до совѣта и кабинета и занимало у членовъ ихъ много вниманія и времени. Сенатъ представлялъ въ кабинетъ по опредѣленнымъ срокамъ рапорты

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. IX—X, №№ 7732, 8000, 15 января 1739 и 10 января 1740.

²⁾ Ср. предисловіе А. Н. Филиппова къ IXXVII т. *Сборника*.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. X, № 7731—12-го января 1739 г., и т. XI, № 8619, 17-го сентября 1742 г.

о рѣшительныхъ дѣлахъ,—но, по крайней мѣрѣ за первые четыре года существованія кабинета, мы не нашли въ его дѣлопроизводствѣ ни одного случая, чтобы кабинетъ сдѣлалъ какое либо замѣчаніе общаго характера по поводу тѣхъ свѣдѣній, какія доставлялъ ему сенатъ... Пасколько отличалась отъ этого дѣятельность сената въ то время, когда онъ былъ высшимъ мѣстомъ въ имперіи—это другой вопросъ; тогда быть, во всякомъ случаѣ, живъ Петръ; совѣтъ и кабинетъ вмѣли смыслъ только тогда, если они дополняли дѣятельность сената и лучше его отвѣчали на вопросы жизни и административной машины; если же они не вносили улучшенія, сравнительно съ дѣятельностью независимаго отъ нихъ сената,—то они теряли свой *raison d'être*.

Въ полномъ соответствіи съ такимъ отношеніемъ къ вопросамъ внутренняго управленія вообще, и въ частности финансоваго, стоитъ новый регламентъ камеръ-коллегии, изданный въ 1731 г. въ замѣну перваго, петровскаго, и регулировавшій дѣятельность коллегии вплоть до ея уничтоженія.

III.

Второй регламентъ камеръ-коллегии 1731 г. и дѣятельность ея съ 1731 по 1761 годъ.

29-го декабря 1731 г. послѣдовалъ именной указъ сенату „о сочиненіи каждой коллегии и канцеляріи, для порядочнаго въ дѣлахъ исправленіи, собственной инструкціи“¹⁾, такъ какъ прежніе инструкціи и регламенты „при частыхъ бывшихъ перемѣнахъ“ „остались не во всѣхъ пунктахъ дѣйствительны“. Общимъ основаніемъ для новыхъ инструкцій было указано: опредѣлить дѣла каждой коллегии такъ, чтобы „коллегии и канцеляріи, имѣя полную мочь въ правленіи и одну довольную въ инструкціи резолюцію на всѣ случаи и порядки, скорѣе и смѣлѣе дѣла оканчивать и какъ возможно сокращать могли“; требовалось, чтобы упрощено было дѣлопроизводство сокращеніемъ выписокъ и уничтоженіемъ „излишнихъ реестровъ, записокъ, конми одна волокита наносится“; образцомъ для новыхъ регламентовъ былъ поставленъ регламентъ камеръ-коллегии, изданный 23-го іюня 1731 года²⁾.

¹⁾ Сборникъ, т. IV, 102; самый указъ въ Пол. Собр. Зак., т. VIII, № 5919.

²⁾ Пол. Собр. Зак. т. VIII, № 5789.

Во вступленіи къ этому регламенту необходимость его изданія объясняется переменами въ высшихъ органахъ управленія, происшедшими со времени Петра Великаго и потребовавшими новыхъ порядковъ въ дѣятельности камеръ-коллегии; но отличія второго регламента отъ перваго весьма существенны и вовсе не ограничиваются только примѣненіемъ дѣлопроизводства коллегии къ новой организаціи другихъ высшихъ учреждений, — они раскрываютъ намъ важную перемену въ отношеніяхъ правительства къ финансовымъ дѣламъ и вопросамъ.

Уже въ самомъ опредѣленіи задачъ камеръ-коллегии въ новомъ регламентѣ находится, повидимому, небольшое, но по существу важное измѣненіе. По прежнему регламенту камеръ-коллегія должна была быть мѣстомъ, которое „имѣеть высшее надзираніе и правленіе надъ окладными и неокладными доходами, которые нынѣ обрѣтаются или впредь учреждены и назначены будутъ“¹⁾ — по новому регламенту „камеръ-коллегія имѣеть высшее надзираніе о всѣхъ нашихъ государственныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходахъ, какого бы оныя званія ни были“ (п. 1) — о „правленіи доходами“ тутъ уже нѣтъ рѣчи. И эта редакція вполне соотвѣтствуетъ всему содержанию новаго регламента, является точнымъ выраженіемъ отличія его отъ перваго. Петръ Великій ставилъ камеръ-коллегии широкія, быть можетъ, даже слишкомъ широкія задачи: коллегія должна была собрать различныя вѣдомости, уясняющія экономическое состояніе государства (п. 3 перваго регламента) и сообразоваться съ ними при разложеніи податей (п. 8), заботиться объ экономическомъ преуспѣяніи отдѣльныхъ классовъ и отдѣльныхъ мѣстностей и т. д. (см. п. 6 и 13) — въ новомъ регламентѣ всѣ эти пункты прямо выпущены. Регламентъ сосредоточиваетъ дѣятельность камеръ-коллегии почти исключительно на наблюденіи за сборомъ подушной подати и на управленіи вишнимъ откупомъ; это дѣлается главною и почти исключительною обязанностью коллегии. Подробно распространяется регламентъ о томъ, какъ собирать недоимки не особенно значительныя, и какъ большія, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда деревни, гдѣ недоимки накопились, невелики, и въ тѣхъ, когда приходится имѣть дѣло съ селеніями многочисленными — разница выражается въ различіи числа солдатъ, отправляемыхъ на экзекуцію, и въ чинѣ командующаго ими офицера; что касается откупа, то даются обстоятельныя наставленія, какъ публиковать вызовъ къ торгамъ, какія собирать поруки по откупщикамъ,

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. V, № 3466, п. 2.

какъ преслѣдовать затѣмъ тѣхъ ихъ нихъ, которые будутъ неправны, и какой отвѣтственности подвергать тѣ органы мѣстнаго управленія, которые выдадутъ неточныя свидѣтельства о кредитоспособности откупщиковъ или ихъ поручителей и чрезъ это введутъ казну въ убытки. Регламентацин всего этого посвящено 15 пунктовъ новаго регламента, а по объему почти двѣ трети его (пп. 6—8, 15—25, 27—30); въ ряду этихъ распоряженій едва ли не единственное распоряженіе, которое могло имѣть значеніе и для будущаго и дѣйствительно вносило нѣкоторое упрощеніе въ сложные и запутанные расчеты, это—постановленіе, чтобы всѣ расчеты по откупамъ и подрядамъ производить впредь всегда съ 1-го по 1-е января (п. 15); затѣмъ сохранено было изъ перваго регламента порученіе камеръ-коллегіи составить окладную книгу и для всего государства и для отдѣльныхъ областей (п. 2) и повторено постановленіе, чтобы она знала о всѣхъ государственныхъ расходахъ и чтобы она наблюдала за своевременною доставкою сборовъ, отчетовъ и вѣдомостей (пп. 4 и 31); почти тѣми же словами какъ въ прежнемъ регламентѣ сказано о сношеніяхъ камеръ-коллегіи съ штатсъ-конторою, коммерцъ-коллегією и бергъ-коллегією (пп. 10—12, 23, 30) и довольно обстоятельно о сношеніяхъ ея съ губернаторами: губернаторы доносятъ камеръ-коллегіи о всякихъ заключенныхъ ими подрядахъ свыше опредѣленной суммы и срока—именно свыше 3.000 руб. и болѣе, чѣмъ на 4 года,—сообщаютъ ей о всѣхъ лицахъ, назначенныхъ ими для участія въ сборахъ повинностей, наконецъ, спрашиваютъ ее во всякихъ затрудненіяхъ по финансовому управленію (пп. 7, 13, 16, 24). Задачи камеръ-коллегіи новымъ регламентомъ опредѣлены точнѣе, чѣмъ прежнимъ, но онѣ значительно сужены: камеръ-коллегія должна вѣдать: „гдѣ, какіе и за кѣмъ на откупъ или на вѣрѣ таможенные и кабацкіе сборы и всякія разныя пошлины, также оброчныя статьи, что называется канцелярскія, а именно—мельницы, перевозки, рыбныя ловли, мосты, отдачныя земли и пр. т. п.“ (п. 1), также „знать, кому прежде пожалованы были и впредь дадутся дворы, лавки, деревни по смерти ихъ“ и по смерти получившихъ — отписывать все это въ казну, „а о конфискованныхъ, которыя отписаны за вины и за донмки и выморочныя, о тѣхъ давать знать канцеляріи конфискацій“ (п. 26); одна изъ слѣдующихъ статей еще разъ повторяетъ, что „подъ вѣдѣніемъ камеръ-коллегіи обрѣтаются казенныя винокуренныя заводы, рыбныя промыслы, откуда привозятся икра, рыба и клеѣ“ (п. 28). Всѣ предписанія, сохранныя изъ перваго регламента, по необходимости отходили, од-

• пако, далѣе, чѣмъ на второй планъ. Во-первыхъ, не только не быть усиленъ численный составъ коллегіи, ограниченный съ 1726 г. тремя присутствующими, но не говорится ничего о конторахъ, какія должны были существовать при камеръ-коллегіи по ея первому регламенту — значить, ихъ и не заводили,—а между тѣмъ конторы камеръ-коллегіи, какъ мы знаемъ, должны были по первому регламенту вести всѣ текущія дѣла; теперь дѣла эти остались на заботѣ самой коллегіи—и узаконено было начало того хода вещей, благодаря которому камеръ-коллегія, по словамъ Екатерины II, обратилась просто въ акцизную контору. Затѣмъ, само правительство, очевидно, придавало большее значеніе обязанностямъ камеръ-коллегіи по сбору подушныхъ, канцелярскихъ и винныхъ денегъ—объ этомъ даны подробнѣйшія наставленія, они-то и составляютъ главнѣйшую часть новаго регламента, для осуществленія ихъ онъ, очевидно, и изданъ; а то, что говорится въ немъ объ общемъ вѣдѣніи финансовъ, это осталось, какъ обрывки и обломки прежняго, теперь отмѣненнаго регламента. Пакопецъ, важно категорически высказанное положеніе, что камеръ-коллегія сама не можетъ ни налагать никакихъ новыхъ податей и сборовъ, ни перемѣнять существующихъ и даже о всякой перемѣнѣ, происшедшей въ суммахъ сборовъ, непременно должна доносить сенату (п. 9 и 14)—этимъ въ значительной степени ослаблялась инициатива камеръ-коллегіи и вопросы финансоваго управленія переносились въ сенатъ, гдѣ они, по необходимости, составляли только часть въ кругѣ дѣлъ учреждений и никогда не были — да и не могли быть — обсуждаемы и разбираемы такъ специально, какъ могло бы разсматривать ихъ учрежденіе, именно и только финансы вѣдавшее...

Едва ли нужно доказывать, что второй регламентъ представляетъ сравнительно съ первымъ шагъ назадъ и довольно большой шагъ назадъ. Въ петровскомъ регламентѣ было, конечно, много недосказаннаго, многое было намѣчено, можно сказать набросано, въ самыхъ общихъ чертахъ; но въ немъ была широкая постановка важныхъ вопросовъ, въ немъ указаны камеръ-коллегіи и такія задачи, каждый шагъ къ разрѣшенію которыхъ могъ имѣть благотворныя послѣдствія, въ немъ предложена была программа, которая надолго могла служить предметомъ усиленной и полезной работы. Современники однако, повидимому, искренно предпочитали второй регламентъ. Уже въ 1723 г. одинъ изъ членовъ камеръ-коллегіи, Кохиусъ, составилъ записку, въ которой жестоко порицаетъ регламентъ 1719 г. „Инструкція, служащая основаніемъ камерной дѣятельности — ницель Кохиусъ—не

составлена ни по шведскимъ, ни, тѣмъ менѣе, по другимъ государственнымъ образцамъ; она не даетъ надлежащаго представленія о камерныхъ дѣлахъ, объ ихъ различіи по качеству, природѣ и свойствамъ и вытекающемъ отсюда разнообразіи ихъ администраціи, распредѣленія и расчета; она не указываетъ никакого метода, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ приниматься за нихъ, трактовать, регулировать, выполнять ихъ, за что браться прежде, за что позже, за что одновременно, за что врознь; въ ней нѣтъ никакихъ указаній о надлежащемъ канцелярскомъ порядкѣ, которому должны слѣдовать въ отправленіи своей должности камерные чиновники — словомъ, ничего, что должна заключать въ себѣ всякая инструкція, въ ней нѣтъ¹⁾; результатомъ такой инструкціи Кохиусъ почитаетъ то, что дѣла, прямо относящаяся къ вѣдѣнію камеръ-коллегии, и нѣкоторыя подати находятся въ вѣдѣніи другихъ учреждений¹⁾). Последнее заключеніе, какъ мы знаемъ, невѣрно; такой порядокъ не сложился при камеръ-коллегии, а былъ ею унаслѣдованъ. Но во всякомъ случаѣ критика Кохиуса объясняетъ намъ причину созданія новаго регламента, показывая, что первый былъ совершенно не по плечу большинству современниковъ, которые видѣли одни его недостатки, не понимая его достоинствъ. Когда вошелъ въ дѣйствіе второй регламентъ—замѣтны стали и его недостатки; но ихъ уже не исправляли. Внимательный наблюдатель и опытный администраторъ, гр. П. И. Панинъ, замѣтилъ, что съ 1731 г. „произошли многіе указы и учрежденія, не токмо не допускающіе оную коллегію войти въ существительное ей основаніе по тому своему регламенту, но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и выводящіе ее изъ того учреждения“; въ 1754 г. особою комиссіей было „основаніе оной коллегіи разсматриваемо и новый ей регламентъ по тѣмъ переменамъ сочиняемъ былъ; но и тотъ своего окончанія не достигнулъ“²⁾).

Регламентъ 1731 года былъ послѣднимъ регламентомъ камеръ-коллегии; по нему она дѣйствовала вплоть до своего уничтоженія въ 1785 году. Въ исторіи финансоваго управленія Россіи XVIII в. изданіе регламента 1731 года является весьма важнымъ моментомъ: оно знаменуетъ собою отказъ правительства отъ мысли организовать высшее управленіе финансами въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія. Изъ двухъ задачъ Петровской камеръ-коллегии —

¹⁾ Милюковъ, Государ. хозяйство, 681—683.

²⁾ Сборникъ, т. XXVIII, 109.

имѣть „свѣдѣніе“ и „правленіе“ всѣхъ денежныхъ доходовъ государства, вторая важнѣйшая часть „имѣть правленіе доходами“,— была прямо вычеркнута изъ круга задачъ новой камеръ-коллегіи и не была передана никакому другому особому учрежденію. Задача эта вошла въ число тѣхъ, которыя подлежали непосредственно вѣдѣнію сената. Съ этого времени всѣ распоряженія по финансовой части исходятъ отъ сената и до него восходятъ во множествѣ дѣлъ, которыя, по ихъ незначительности, конечно, должны были бы разрѣшаться не высшимъ въ имперіи учрежденіемъ. Такой порядокъ дѣлъ былъ не полезенъ и вообще для финансоваго управленія и для камеръ-коллегіи, а чрезъ это и для тѣхъ, въ сущности не столь важныхъ дѣлъ, которыя остались въ ея управленіи. Если бы даже можно было допустить, что какое либо одно учрежденіе могло бы успѣшно исправлять тѣ многочисленныя и сложныя функціи, какія лежали теперь на сенатѣ, то конечно ни Елизаветинскій сенатъ, ни позднѣйшая конференція не были такими учрежденіями. Нельзя, разумѣется, сказать, чтобы въ составѣ этихъ учреждений не было лицъ выдающихся; гр. П. Ив. Шуваловъ, Бестужевъ-Рюминъ, кн. М. П. Шаховской, конечно, были дѣятелями съ замѣчательными и разнообразными дарованіями; но и они и другіе ихъ товарищи по сенату и конференціи были, помимо обязанностей по сенату, слишкомъ заняты еще другими, спеціальными, и управленіе финансами не было въ числѣ этихъ дѣлъ, такъ что они лишены были возможности успѣшно руководить этою важною и сложною отраслью государственнаго управленія. Разработка дѣйствительно полезныхъ и важныхъ общихъ мѣръ обыкновенно возможна только при условіи обстоятельнаго, точнаго знанія массы фактовъ, массы условій, повидимому второстепенныхъ, но въ суммѣ оказывающихъ существеннѣйшее вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ извѣстной отрасли управленія. Члены Елизаветинскаго сената такими знаніями, конечно, не обладали. Что же касается камеръ-коллегіи, то она была теперь поставлена относительно сената въ положеніе прямо и непосредственно подчиненное; это повлекло за собою и назначеніе въ коллегію дѣятелей не столь выдающихся, повело къ паденію въ коллежскихъ дѣятеляхъ энергіи, инициативы, охоты работать—и, дѣйствительно, въ началѣ царствованія Екатерины II мы слышимъ о томъ, что камеръ-коллегія „въ безмолвственномъ состояніи“ и что въ состояніе это она приведена „нѣкоторыми неуваженіями отъ высшаго правительства“, т. е. отъ сената и конференціи. Въ концѣ концовъ камеръ-коллегія и при новомъ регламентѣ ведетъ свои дѣла

нѣсколько не лучше, чѣмъ при старомъ, несмотря на то, что теперь ея задачи стали несравненно ограниченнѣе, чѣмъ были прежде, и несмотря на то, что теперь ей указаны точнѣе способы управленія ими. Вотъ нѣсколько данныхъ о финансовомъ хозяйствѣ за Аннинское и Елизаветинское царствованіе.

Въ сборахъ таможенныхъ, кабацкихъ и откупныхъ съ 1720 г. по 1732 г. было залущено недоимокъ до 13¹/₂ милліоновъ, т. е. порядочно больше, чѣмъ былъ тогда годовой бюджетъ Россіи; въ маѣ 1733 г. прокуроръ камерь-коллегіи П. Мельгуновъ рапортовалъ сенату, что въ 1732 г. должно было поступить сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ 2.439.000 руб., но что въ камерь-коллегіи имѣются свѣдѣнія о поступленіи лишь 186.982 руб., и что коллегія не можетъ получить изъ областей отчетовъ по всей остальной суммѣ, въ 13 разъ превышающей ту, по которой она отчеты получила; коллегія посылала къ нѣкоторымъ губернаторамъ указы по 12 разъ, предписала взять нѣсколькихъ воеводъ и даже губернаторовъ подъ карауль и держать до представленія отчетовъ, но отчетовъ не было ¹⁾. Въ 1733 году 30 марта послѣдовалъ указъ, чтобы на имѣнія всѣхъ президентовъ, вице-президентовъ, совѣтниковъ, ассессоровъ и секретарей камерь-коллегіи, занимавшихъ свои должности съ самаго учрежденія коллегіи, были наложены запрещенія продавать, дарить, завѣщать ихъ въ виду огромныхъ недоимокъ, залущенныхъ камерь-коллегію, до выясненія степени виновности каждаго члена въ упущеніяхъ; этотъ указъ оставался въ силѣ во все царствованіе Анны Иоанновны и уничтоженъ былъ только Елизаветою Петровною, въ концѣ 1741 года ²⁾. Въ 1733 же году для приведенія въ порядокъ счетовъ и взысканія недоимокъ восстановлена ревизіонъ-коллегія и учреждены генеральная счетная контора и доимочный приказъ ³⁾; по новыя эти учрежденія не помогли. Еще доимочный приказъ жестокими экзекуціями выколачивалъ недоимку; счетная же контора къ 1736 году успѣла обревизовать только 78 счетовъ на сумму 2.204.712 руб., но раскрыла при этомъ недоимокъ и сдѣлала начетовъ всего на 1.152 руб., тогда какъ содержаніе конторы въ одинъ годъ стоило дороже ⁴⁾. Ни государственное хозяйство, ни финансы не улучшились нѣсколько за все царствованіе Анны Иоанно-

¹⁾ Соловьевъ, кн. IV, 1415.

²⁾ Пол. Собр. Зак., № 8481, 15 дек. 1741 г., указъ о прощеніи всѣхъ подлежащихъ ограниченіямъ правъ по этому указу.

³⁾ Пол. Собр. Зак., IX. №№ 6391, 6392, 6412.

⁴⁾ Соловьевъ, кн., IV, 1416.

вны. Въ послѣдній годъ его сенатъ былъ вынужденъ попросить „на самопужнѣйшіе расходы“ заимообразно изъ соляной конторы до 200.000 руб.; на это послѣдовалъ отъ императрицы суровый отказъ съ упрекомъ, что „всѣ важнѣйшія государству нашему полезныя дѣла упущены и до того дошло, что о пополненіи государственныхъ доходовъ нималой надежды нѣтъ, въ сборахъ многіе непорядки явились и отъ того сборы умалются; донмки въ нѣсколькихъ милліонахъ состоятъ, казенныя деньги частными людьми похищены и другими коварными вымыслами захвачены. Сенатъ, оставя такія дѣла, по которымъ государственная казна растеряна и раскрадена, безъ надлежащаго слѣдствія и взысканія и не разсуждая того, откуда деньги безъ утружденія насъ и безъ отягощенія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ сыскать можно, и нѣтъ ли такихъ расходовъ, которые бы могли быть и оставлены, и не разсматривая, съ какимъ порядкомъ собираются доходы, намъ самимъ представлять стали о дачѣ взаимы изъ соляной суммы. Объ этомъ мы сенату внушить принуждены, что соляной сборъ употребляется на экстраординарные расходы по особливимъ нами соизволеніямъ; поэтому его никуда и употреблять не надлежитъ. Что же и до дѣлъ челобитчиковыхъ принадлежитъ, то многіе съ многолѣтнею волокитою и до сего времени рѣшенія получить не могутъ и для того нѣкоторыя челобитчики принуждены насъ вездѣ беспокоить и своими прошеніями утруждать; такъ же и колодниковъ такъ умножилось, что и караулы обнять не могутъ“¹⁾). Таковы были результаты финансоваго хозяйства правительства Анны по его собственному признанію.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны значительныхъ перемѣнъ въ финансовомъ управленіи Россіи не было произведено. Экономическое положеніе народа и государственныя финансы въ правленіе дочери Петра Великаго улучшились; но это было не слѣдствіемъ улучшенія въ финансовой системѣ, а явилось результатомъ нѣсколькихъ удачныхъ, даже, можно сказать, просто счастливыхъ мѣтропріятій. Прежде всего имѣло благотворныя послѣдствія сложеніе всѣхъ законившихся недоимокъ — сначала съ 1719 г. по 1731 г., а затѣмъ и по 1747 г.²⁾ Указы о собираніи недоимокъ были часты, грозны, но не

¹⁾ Соловьевъ, книга IV, 1421; Пол. Собр. Зак., т. XI. № 8186, 25 іюля 1740.

²⁾ Пол. Собр. Зак. XI, № 8481—15-го декабря 1741 г.; 31-го декабря 1741 г. уничтожена допмочная канцелярія—тамъ же № 8492; XIII, № 10.061, 15-го декабря 1752 г.—о сложеніи недоимокъ по 1747 г.

вели къ желаннымъ результатамъ; недоимки не уменьшались, а росли. По существовавшимъ тогда узаконеніямъ всякіе сборы съ плательщика, за которымъ числилась недоимка, прежде всего должны были быть обращаемы въ уплату недоимки и только деньги, собранныя по совершенномъ ся погашеніи, зачитались въ уплату слѣдующихъ податей. Это не могло не парализовать въ населеніи, платившемъ подушную подать, т. е. въ главной массѣ русскаго населенія, стремленія работать усиленнѣе, приобрѣтать что либо, ибо новыя приобрѣтенія часто отбирались на погашеніе недоимки, запущенной уже давно, иногда даже не самими плательщиками, а еще ихъ отцами. Сложеніе всѣхъ этихъ недоимокъ — полученіе которыхъ къ тому же было весьма маловѣроятно, ибо даже знаменитая своею жестокостью доимочная канцелярія не могла ихъ „выбить“ — благотворно повліяло на успѣшность народнаго труда, какъ въ силу вышеуказанныхъ соображеній, такъ еще и потому, что теперь населеніе было избавлено отъ тѣхъ жестокихъ экзекуцій, которыя во все продолженіе Аннинскаго царствованія производились постоянно на всемъ пространствѣ русской земли. Затѣмъ въ теченіе Елизаветинскаго царствованія нѣсколько разъ были сдѣланы изъ подушнаго сбора сбавки: въ 1740 г. было „прощено“ 17 к., въ 1742 и 1743 собрано было не по 70, а всего по 60 к. съ души, затѣмъ съ 1749 г. повелѣно было изъ прибыли по соляной операціи передавать въ комиссаріатъ за счетъ подушной подати—въ 1750 и 1751 по 3 к., въ 1751—3½ к., въ 1753—5 к.; въ 1754 г. сбавлено изъ подушной подати 6 к., въ 1757 и 1758 — по 3 к. въ годъ; правда, въ 1746 г. было взымано съ тѣхъ, кто платилъ семигривенный подушный окладъ—лишнихъ 10 коп., а съ тѣхъ, кто платилъ сорокаалтынный—15 к.; но тѣмъ не менѣе, благодаря приведеннымъ сбавкамъ подушный окладъ за все Елизаветинское царствованіе въ среднемъ былъ пониженъ на 3 коп. ¹⁾ Какъ ни незначительна, повидимому, эта убавка, она составляла все таки около 4% главнѣйшаго налога, платимаго крестьянами и посадскими, и за рядъ годовъ эти сбавки дали, особенно для крестьянъ многосемейныхъ, такую сумму, которая при тогдашней цѣнности денегъ была замѣтна въ крестьянскомъ обиходѣ. Кромѣ того—мѣра эта замѣчательна тѣмъ, что въ облегченіе наиболѣе отягченныхъ плательщиковъ, крестьянъ, были обращены суммы, собран-

¹⁾ Пол. Собр. Зах. №№ 8264, 8481, 9696, 9712, 9857, 10.102, 10.260, 10.441, 10.717; о повышеніи оклада № 9244.

ныя не съ нихъ только, а съ лицъ всѣхъ сословій вообще: въ указѣ 15-го декабря 1749 г. ¹⁾ прямо сказано: „и сколько тѣхъ, которые въ подушный окладъ не положены, въ государствѣ нашемъ есть, безъ изъятія въ помощь положеннымъ въ окладъ всякъ съ себя заплатятъ“. Особенно важна была мѣра, осуществленная рядомъ указовъ въ концѣ 1753 и въ началѣ 1754 г.—именно уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и различныхъ мелкихъ сборовъ, съ которыми связаны были внутренняя торговля и передвиженія внутри страны ²⁾. Эту мѣру предложилъ и провелъ гр. П. И. Шуваловъ, и за нее многое можетъ быть прощено этому человѣку, причинившему во многихъ другихъ случаяхъ своею алчностью и корыстолюбіемъ не мало вреда государству. Въ замѣнъ доходовъ, какіе прежде получала казна отъ уничтоженныхъ сборовъ, повышены были всѣ таможенные ставки—пришлось поднять ихъ на 13½%, чтобы возмѣстить эти доходы. И казна получила отъ этой мѣры значительныя выгоды, и для населенія мѣра эта была благодѣтельна. Помимо того, что доставлены были весьма значительныя и очень важныя облегченія внутреннимъ сношеніямъ, что не могло не имѣть благотворныхъ послѣдствій въ смыслѣ оживленія этихъ сношеній и созданія новыхъ богатствъ, и эта мѣра замѣчательна тѣмъ, что часть тягостей, ложившихся по преимуществу на низшіе слои населенія, была перенесена на другіе, менѣе обремененные классы общества. Наконецъ, имѣла свое вліяніе и лучшая организація рекрутской повинности. Благодаря этимъ-то мѣропріятіямъ, хотя управление финансами оставляло по прежнему желать очень многого, въ теченіе 15-тилѣтняго мирнаго періода русскіе финансы значительно поправились; въ царствованіе Елизаветы Петровны они вообще находились въ сравнительно хорошемъ положеніи, и русская монета никогда не была столь полноцѣнною, какъ именно въ это царствованіе.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны сосредоточилъ у себя вѣдѣніе всякихъ, и можно даже сказать всѣхъ дѣлъ сенатъ, восстановленный въ прежнемъ значеніи послѣ 15-ти лѣтъ униженія. Но сенатъ не могъ самъ усмотрѣть все, нуждающееся въ исправленіи, а коллеги, низведенныя на роль виолігъ второстепенныхъ учрежденій, не имѣли возможности и энергіи принять на себя инициативу

¹⁾ П. С. Зак., т. XIII, 175, № 9696.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIII. № 10.164, 10.165; т. XIV, № 10.169, 10.170, 10.179, 20—22-го декабря 1753 г., 4-го и 5-го января 1754 г., 23-го января 1754 г.

сколько нибудь значительныхъ реформъ; въ частности же камерь-коллегія воплівъ согласно регламенту 1731 г. дѣйствовала въ предѣлахъ весьма узкихъ: всѣ вышеупомянутыя распоряженія, благопріятствовавшія экономическому развитію русскаго народа, были осуществлены безъ всякаго участія камерь-коллегіи—по регламенту Аннинскаго царствованія такого рода задачи уже не касались этой коллегіи; помимо ея были изданы и всѣ, довольно многочисленные указы сената, касавшіеся улучшенія въ Россіи монетнаго дѣла и монетнаго обращенія—черезъ камерь-коллегію шли за это время распоряженія о доставкѣ въ провинцію клейменыхъ мѣръ емкостей и вѣса ¹⁾, объ окраскѣ верстовыхъ столбовъ ²⁾ и содержаніи въ порядкѣ дорогъ, и—особенно—всѣ распоряженія по откунамъ, не только винному и солянному, но и табачному, рыбному и банному ³⁾. Всѣ заботы о крестьянскомъ населеніи, долженствовавшія, по первому регламенту, занимать важное мѣсто въ дѣятельности камерь-коллегіи, ограничились чуть ли не только наблюденіемъ за переводомъ крестьянъ помѣщиками изъ одного ихъ помѣстья въ другое, хотя не былъ незаконнымъ переводъ и безъ вѣдома коллегіи; такое важное распоряженіе сената, какъ предписаніе наблюдать, чтобы во время неурожая помѣщики принимали мѣры къ прокормленію своихъ крѣпостныхъ, прошло тоже мимо камерь-коллегіи и было обращено прямо къ губернаторамъ и воеводамъ; равнымъ образомъ (уже въ 1762 г.) помимо коллегіи былъ изданъ указъ, обязывавшій помѣщиковъ вносить подушныя деньги за своихъ крестьянъ, при чемъ отмѣнена была разсылка спеціальныхъ сборщиковъ и заблаговременныхъ напоминаній о предстоящей уплатѣ подушныхъ денегъ ⁴⁾. И несмотря на то, что камерь-коллегія дѣйствовала въ такомъ ограниченномъ и не глубокомъ кругѣ задачъ—сенатъ имѣлъ много поводовъ быть недовольнымъ ея дѣятельностью и дѣлалъ ей неоднократно выговоры и замѣчанія ⁵⁾. Нѣсколько воплівъ авторитетныхъ свидѣтелей-современ-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., XII, № 9559, 9-го декабря 1748.

²⁾ Пол. Собр. Зак., XII, №№ 9337, 9348, 1746 и др.; XI, № 8621, 22-го сентября 1742 г.

³⁾ См., напримѣръ, Пол. Собр. Зак. XIII, №№ 9787, 9879, 9974; 10.078; XV, № 11.096 и др., 1750—1760 гг.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., XIV, № 10.299—2-го сентября 1754 г., XV, № 11.429, 31-го января 1762 г.

⁵⁾ Пол. Собр. Зак., т. XI, № 8709, 22-го февраля 1743 г.; т. XII, № 9086, 11-го декабря 1744 г. и др.

никовъ даютъ очень неслестные отзывы вообще о дѣятельности камеръ-коллегии въ царствованіе Елизаветы Петровны ¹⁾.

Въ камеръ-коллегии найдены были упущенія не только по текущимъ дѣламъ, но „иное отъ самаго установленія ея въ неисполненіи“; камеръ-коллегія давно уже оставила „многотрудную свою должность“ и „свой главный и премолезный предметъ“—заботу объ обогащеніи государства—и обратилась лишь къ исполненію дѣлъ канцелярскимъ порядкомъ; съ изданіемъ регламента 1731 г. коллегія „потеряла свой главный предметъ“ и послѣ этого „никакое систематическое воображеніе не могло служить руководствомъ, а все распоряжалось по случайнымъ и ежедневно перемѣняющимся приключеніямъ“. „Въ сіе безмолвное состояніе—говорила Екатерина—приведена коллегія можетъ быть нѣкоторыми неуваженіями отъ высшаго къ ней правительства, и оттого вкорененною въ присутствующихъ робостью, кои, исполняя только одни насылаемые къ нимъ указы, и не смѣютъ и времени не имѣютъ мыслить о пріобрѣтеніи способовъ къ достиженію тѣхъ намѣреній, кои въ регламентѣ изображены“; камеръ-коллегія, занявшись по преимуществу текущими дѣлами и особенно—дѣлами состоявшей при ней акцизной конторы, въ концѣ концовъ „сама обратилась въ акцизную контору“. Черезъ 30 лѣтъ послѣ изданія второго регламента стало совершенно ясно, что онъ поставилъ дѣятельность камеръ-коллегии въ рамки слишкомъ узкія, лишившія эту дѣятельность государственнаго значенія; въ томъ же направленіи, конечно, вліяло и численное ослабленіе коллегій; одновременно выяснилось, что не выиграло и качество работы камеръ-коллегии даже надъ вопросами второстепенными, напротивъ, и они велись плохо—и это совершенно естественно, когда учрежденіе, поставленное лицомъ къ лицу съ важнѣйшими вопросами и задачами, не разрѣшало этихъ серьезныхъ задачъ, а организовано было такъ, что ему едва по силамъ была и простая канцелярская работа. Окладная для всего государства книга, которую и по новому регламенту должна была составить камеръ-коллегія, такъ и не была составлена: послѣ того какъ выяснилось, что камеръ-коллегія ничего сдѣлать не можетъ, въ 1741 г. сенатъ принялъ на себя заботу объ этомъ, но и онъ тоже ничего не сдѣлалъ, и въ 1754 году дѣло это было вновь и специально поручено

¹⁾ Нижеслѣдующія замѣчанія о дѣятельности камеръ-коллегии съ самаго ея основанія извлекаемъ изъ докладовъ кн. Б. А. Куракина и А. П. Мельгунова; другими замѣчаніями этихъ документовъ намъ придется воспользоваться далѣе.

камерь-коллегіи — но еще и къ 1764 г. книга была „не токмо не окончена, но еще чрезъ немало прошедшее время, хотя бы что уже было разсмотрѣно, но по тѣмъ причинамъ, что нѣкоторые сборы увеличились, другіе вновь послѣдовали, а нѣкоторые, напротивъ того, отставлены... требуетъ совсѣмъ новаго разсмотрѣнія“; такъ же неисполненнымъ осталось и другое требованіе регламента—не собирала камерь-коллегія отъ другихъ коллегій свѣдѣній объ ихъ расходахъ: камерь-коллегія съ ними „никакого сношенія не имѣла и до сего не знаетъ какъ о точномъ численіи ежегодныхъ доходовъ, такъ и издержаніи, а затѣмъ и остаткѣ тѣхъ“; въ 1766 г. было заявлено, что камерь-коллегія отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ таковыхъ вѣдомостей въ силу своего регламента никогда еще не требовала. „Безъ всякаго присмотра лежали и по разнымъ мѣстамъ разбросаны были“ въ камерь-коллегіи разныя дѣла десятками тысячъ; кн. Куракинъ черезъ какіе-нибудь полгода по вступленіи въ должность говоритъ о „запущенныхъ отъ прошлыхъ лѣтъ годовыхъ счетахъ“, въ количествѣ 14.672, и городскихъ книгахъ, въ количествѣ 1805; отдѣльныхъ дѣлъ, которыя не были разобраны и описаны, онъ нашель за время отъ 1719 по 1730 г. 2.553, а за время съ 1730 по 1750—23.152; но черезъ нѣсколько времени оказалось, что такихъ не описанныхъ и не разобранныхъ дѣлъ и счетовъ было значительно больше, именно до 96.000; недоимка съ 1730 г. возросла до 10 милл. ¹⁾ Количество не разсмотрѣнныхъ счетовъ и книгъ, конечно, поразительно и, даже имѣя въ виду, что, по крайней мѣрѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ камерь-коллегію вступало ежегодно значительно болѣе 10.000 дѣлъ и счетовъ, и что, слѣдовательно, за 30 лѣтъ черезъ коллегію прошло около 300.000 дѣлъ,

¹⁾ Основаніемъ для вышеназложеннаго намъ служили: 1) два доклада кн. Куракина, представленные императрицѣ 24-го іюня и 19-го августа 1764 г.—въ Государственномъ архивѣ, XIX, 7, 4; 2) составленный на основаніи второго изъ нихъ Высочайшій указъ 13-го сентября 1761 г.—въ Пол. Собр. Зак., т. XVI, № 12239—въ которомъ повторены нѣкоторыя замѣчанія Куракина и высказаны нѣкоторыя разсужденія отъ имени императрицы; 3) вѣсподанинѣйшій рапортъ Мельгунова, поднесенный въ февралѣ 1767 г.—въ Государственномъ архивѣ, XIX, 7, 5; 4) наказъ депутату въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ камерь-коллегіи—*Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общ.*, т. XLIII, 149—151,—наказъ этотъ почти дословно повторенъ и въ рапортѣ Мельгунова, что объясняется, конечно, тѣмъ, что наказъ и написанъ Мельгуновымъ, который былъ и президентомъ камерь-коллегіи и ея депутатомъ въ комиссію. См. еще Пол. Собр. Зак., т. XVII, № 12632, 2-го мая 1766 г.:

нельзя не удивляться тому, что почти треть ихъ оставалась не разобранною. Большое количество счетовъ объясняется тѣмъ, что мало по малу создался порядокъ дѣлопроизводства, необыкновенно богатый всякаго рода бумагами. Въ 60-хъ годахъ штатсъ-контора жаловалась, что она получаетъ въ годъ болѣе 20.000 разныхъ вѣдомостей, и утверждала, что этой цифры достигаетъ количество вѣдомостей, въ значительной степени благодаря тому, что разныя другія мѣста не желаютъ составлять изъ нѣсколькихъ, получаемыхъ ими вѣдомостей, одну общую, какъ они обязаны, а прямо всѣ вѣдомости отсылаютъ въ штатсъ-контору, для которой чрезвычайно обременительно ихъ сличать и сводить, тѣмъ болѣе, что инныя вѣдомости составлены такъ, что невозможно различить—за текущій годъ внесены въ нихъ свѣдѣнія или за какой-нибудь прошедшій, не видно, въ силу какихъ указовъ какіе доходы собираются и на что они назначены ¹⁾ и т. д. Съ другой стороны были чрезмѣрно отягощены перепискою и воеводскія канцеляріи: онѣ должны были высылать кромѣ тѣхъ вѣдомостей, которыя доставляли онѣ въ свой губернскій городъ, въ годъ въ разныя центральныя учрежденія свыше 1.700 вѣдомостей каждая, при чемъ инныя вѣдомости высылались и ежемѣсячно, и по третямъ года, и, наконецъ, ежегодно, и высылались, по заключенію сената, не на законномъ основаніи, а—какъ сказано въ сенатскомъ указѣ—„либо случайно учреждены, либо требуются присутственными мѣстами по однѣмъ только прихотямъ, дабы не имѣть у себя труда выправляться и дѣлать сличенія“. Въ частности о камеръ-коллегіи сенатъ замѣтилъ въ томъ же указѣ, что камеръ-коллегія, „надѣясь на получаемыя изъ городовъ третныя, полугодовыя и годовыя вѣдомости, не радить о томъ, чтобы мѣсячныя вѣдомости хранить, онныя сличать и одну съ другою соединять, а чрезъ то слѣдуютъ иногда упушенія и въ самыхъ дѣлахъ“ ²⁾—получался такимъ образомъ, порядокъ вещей, который отлично характеризованъ въ докладѣ одной спеціально собранной въ 1763 г. комиссіи словами, что разныя правительственныя мѣста „между собою для спознанія дѣлъ ничѣмъ, а для производства—столь связаны“ ³⁾. Если такъ или дѣла въ центральныхъ учрежденіяхъ, то, конечно, не лучше они обстоили и въ провинціи—порядки вдали отъ столицы отлично характеризованы се-

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, № 12.971, 12-го сентября 1767 г.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XX, № 14.332, 5-го іюня 1775 г.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVI, № 11.982, 3-го декабря 1763 г.

натомъ, который замѣтилъ, что многіе губернаторы на неоднократныя напоминанія сената не обращаютъ никакого вниманія, словно почитая ихъ „за единственный канцелярскій обрядъ, а не за существенныя повелѣнія“ ¹⁾. Должно прибавить еще, что очень часто счета составлялись крайне неточно и при сличеніи далеко не соответствовали другъ другу; мы увидимъ примѣры этого и въ Екатерининское царствованіе; для Елизаветинскаго же приведемъ одинъ, но зато очень рельефный примѣръ. 27-го января 1747 г. сенатъ по именному повелѣнію потребовалъ отъ всѣхъ мѣстъ, коллегій и канцелярій вѣдомости о приходѣ и расходѣ въ нихъ суммъ съ 1742 по 1747 годъ; 14-го августа того же года камеръ-коллегія донесла сенату, что она „неусыпно старается сочинить“ затребованныя генеральныя табели за 1742—1746 гг., „чего ради секретари и приказные служители держатся въ коллегіи неисходно, а нѣкоторые неисправные приказные служители и скованы“; камеръ-коллегія прибавляла, что „хотя де вышеписанныя вѣдомости весьма многотрудныя и съ прочими коллегіями и канцеляріями несравненныя, однако, по крайнему и наирилежнѣйшему той коллегіи старанію уповательно, что и оныя весьма многотрудныя и состоящія во многыхъ тетрадахъ вѣдомости къ окончанію приведены будутъ непродолжительно“; коллегія подтвердила „накрѣпко“ губернаторамъ и воеводамъ „секретарей и приказныхъ служителей, доколѣ оныя вѣдомости будутъ сочинены, держать скованныхъ“ ²⁾. Вѣдомость, наконецъ, была представлена — но вслѣдъ затѣмъ камеръ-коллегія

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, № 13606, 15-го мая 1771 г. Императрица Екатерина въ запискѣ объ учрежденіяхъ, введенныхъ въ ея царствованіе — *Сборникъ*, т. XXVII, 170,—говоритъ: „Сенатъ хотя послалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамо такъ худо исполнили указы сената, что въ пословицу почти вошло говорить: ждутъ третьяго указа,—понеже по первому и второму не исполнили“. Вотъ одинъ характерный эпизодъ. Гр. К. Г. Разумовскій былъ назначенъ гетманомъ въ 1747 г.; въ 1751 г. иностранная коллегія завела съ нимъ переписку, требуя отчетовъ въ употребленіи нѣкоторыхъ малороссійскихъ доходовъ; два года гетманъ отписывался, заявляя, что не считаетъ себя обязаннымъ давать этотъ отчетъ, и настаивалъ на этомъ, несмотря на возраженія коллегіи; въ 1755 г. сношенія съ нимъ перешли непосредственно въ сенатъ—но до 1761 г., до уничтоженія гетманства—такъ ничего отъ него и не добялся. Какъ ни исключительно было положеніе Разумовскаго — фактъ все-таки исключительный. Матеріалы для исторіи экономического, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, подъ редакціей *Н. И. Василенко*. Вып. II, 136—147.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XII, №№ 9369 и № 9431.

представила вторую вѣдомость и на ней „утвердилась“, а прежнюю вѣдомость объявила „неисправною“. Неисправности касались годовъ 1742, 1743, 1744, 1745—о 1746 ничего не говорится; въ вѣдомостяхъ за каждый годъ отдѣльно указаны остатки отъ предшествовавшаго года, приходъ и расходъ даннаго года—и вотъ за всѣ четыре года по всѣмъ статьямъ свѣдѣнія первой вѣдомости оказались неточными, и притомъ во всѣхъ случаяхъ въ первой вѣдомости остатки и приходъ показаны были больше, а расходъ—меньше, чѣмъ показаны они во второй, исправленной вѣдомости; при общей суммѣ всѣхъ приведенныхъ тутъ цифръ приблизительно въ 36 мил. руб., невѣрности достигаютъ почти 10 мил. руб., т. е. *ошибка больше 30 %*. Камеръ-коллегія представила и объясненія свои, почему произошла такая большая разниа: произошла она, по словамъ коллегин, потому, что одиѣ вѣдомости „составлены по большей части съ мѣсячныхъ рапортовъ, да и то не всѣхъ мѣсяцевъ, ибо многихъ тогда въ присылкѣ не было,—а тѣ мѣсячныя съ годовыми являются несходны, что въ тѣхъ мѣсячныхъ рапортахъ нѣкоторые сборы противъ годовыхъ рапортовъ были проронены, въ другихъ излишество оказалось и многія жъ неисправности оказались, и то несходство, какъ изъ отвѣтовъ видно, произошло болѣе отъ невыправки приказныхъ служителей, но въ тѣхъ несходствахъ ко упущенію и тратѣ казеннаго интереса никакой причины, кромѣ того какъ только оныя несходства послѣдовали болѣе отъ ошибки приказныхъ служителей, не оказалось“¹⁾. Такими объясненіями, кажется, и удовлетворились, хотя такъ объясняемы были разногласія счетовъ за четыре года, достигавшія суммы почти цѣлаго годового бюджета того времени; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что изъ-за такихъ неточностей не возникло никакого громкаго дѣла; онѣ, новидимому, почитались вполнѣ возможными, если даже не неизбежными; да и дѣйствительно, могъ ли иначе взглянуть на нихъ сенатъ, который въ наказѣ своему депутату въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія такъ говорилъ о положеніи финансоваго управленія: „Государственные доходы такъ спутаны и замѣшаны, что едва по сіе время возможно узнать о всѣхъ прямыхъ ихъ названіяхъ; къ сему доказательствомъ служить то, что въ сенатѣ, какъ первѣйшемъ правительствѣ, о названіи доходовъ никакого свѣдѣнія не было, а по посланнымъ указамъ о семъ въ камеръ-коллегію оная объявила, что и у ней таковаго свѣдѣнія не

¹⁾ Дѣло въ Государственномъ архивѣ, XIX, № 34.

имѣлось; и такъ, оставались они вѣдомы только въ тѣхъ мѣстахъ, куда изъ плательщниковыхъ рукъ вступали, отъ чего и происходило, какъ нынѣ открывается, что нѣкоторые доходы, опредѣленные еще отъ времени государя царя Іоанна Васильевича, никогда разсматриваны не были, а по разнымъ государственнымъ переменамъ и учрежденіямъ болѣе вреда обществу, нежели государственной казнѣ приносили“¹⁾).

IV.

Высшее управленіе финансами при Екатеринѣ II до введенія новаго учрежденія о губерніяхъ.

Реформа высшаго финансоваго управленія совершилась, наконецъ, въ царствованіе Екатерины II, въ концѣ 70-хъ годовъ; до этого же времени дѣйствовала та организація, о которой мы говорили. Остановимся нѣсколько пристальнѣе на разсмотрѣніи того, въ какомъ видѣ и какъ дѣйствовала она предъ тѣмъ, что была замѣнена новою. Намъ придется при этомъ повторить кое-что уже сказанное, но это представляется необходимымъ для того, чтобы достигнуть болѣе полноты въ изображеніи эпохи, которая насъ по преимуществу занимаетъ, и въ которой сохранялось еще многое изъ того, что уже встрѣчалось намъ ранѣе²⁾).

Съ изданіемъ второго регламента камеръ-коллегій въ 1731 г. высшее управленіе доходами государства перешло непосредственно къ сенату; съ этихъ поръ сенатъ управлялъ финансовыми дѣлами, непосредственно какъ и всѣми другими. Мы только что привели признаніе самого сената, что онъ не зналъ даже званія всѣхъ расходовъ; точно онъ не зналъ и о количествѣ доходовъ: когда требовались такого рода свѣдѣнія, тогда сенатъ и начиналъ собирать данныя, чтобы представить требуемыя свѣдѣнія³⁾; и во всякомъ случаѣ се-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XIII, 9.

²⁾ Финансовое управленіе Екатерины II было уже предметомъ работъ А. Н. Куломзина, который далъ пѣныя статьи: „Финансовое управленіе въ царствованіи Екатерины II“—въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, 1869 г., № 2—3. „Государственные доходы и расходы въ Россіи XVIII ст.“—въ *Вѣстникѣ Европы*, 1869 г., № 5 и обширное предисловіе къ XXVIII т. *Сборника*.

³⁾ Именно таково происхожденіе первыхъ финансовыхъ отчетовъ за 1762 г., напечатанныхъ въ *Сборникѣ Импер. Рус. Истор. Общ.*, т. XXVIII, 1—57; см. особенно стр. 4, начало № 2. Императрица Екатерина въ послѣдствіи тоже свидѣтельствовала,

нать могъ дать только приблизительно точный отчетъ за истекшій годъ, но не могъ представить бюджета на текущій годъ. Въ 1762 г., призванный высказаться о финансовомъ положеніи текущаго года, сенатъ долженъ былъ ограничиться только замѣчаніемъ, что если прекратятся чрезвычайные военные расходы, то „тогда не будетъ такого недостатка“, какой оказывался—а въ это время дефицитъ достигъ почти 8% всего бюджета ¹⁾. Отъ сената или отъ Высочайшаго имени исходили теперь всѣ важнѣйшія распоряженія по финансовой части, но среди великаго множества дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію и рѣшенію сената, онъ не могъ сколько-нибудь специально посвящать свое вниманіе вопросамъ финансовымъ; онъ рѣшалъ ихъ, когда возникалъ какой-нибудь частный вопросъ, или, точнѣе, когда частный вопросъ доходилъ до сената. Когда по указу 15-го декабря 1763 г. дѣла были раздѣлены между четырьмя департаментами сената ²⁾, тогда финансовыя дѣла вошли въ первый департаментъ, вмѣстѣ со „всякими государственными внутренними и политическими дѣлами“. Во многихъ случаяхъ сфера власти и дѣятельности сената не была достаточно точно отграничена отъ власти и дѣятельности подчиненныхъ ему коллегій; иногда сенатъ сносился съ мѣстами подчиненными коллегіямъ помимо этихъ послѣднихъ, хотя распоряженія его не могли не коснуться и ихъ. Камерь-коллегія завѣдывала винными сборами—а откупа она сдавала только для губерній, а для Петербурга и Москвы откупъ сдавался непосредственно въ засѣданіи сената, въ особенныхъ же случаяхъ, когда того просила сама камерь-коллегія, сенатъ принималъ непосредственное участіе и въ производствѣ торговъ по гу-

что въ началѣ ея царствованія сенатъ имѣлъ чрезвычайно неточныя свѣдѣнія о состояніи государственныхъ финансовъ, — см. *Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ.*, т. XXVII, 170—171; фактъ этотъ несомнѣнно вѣренъ, хотя, кажется, императрица представляетъ неточность свѣдѣній сената болѣе значительною, чѣмъ какою она была на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ 1.152.000 р. при общей цифрѣ доходовъ въ 15.250.000 р. — *Сборникъ*, т. XXVIII, 5, 16, 17.

²⁾ Мы говоримъ о четырехъ департаментахъ, имѣя въ виду раздѣленіе въ сенатѣ дѣлъ на четыре группы; собственно же департаментовъ было образовано 6—четыре въ Петербургѣ и два въ Москвѣ; московскіе департаменты вѣдали тѣ же самыя дѣла, что петербургскіе, но по другимъ губерніямъ. Въ общихъ чертахъ дѣла по департаментамъ раздѣлены были такъ, что 2-й департаментъ вѣдалъ дѣла судебныя, 3-й—дѣла провинцій, пользовавшихся особыми правами, 4-й дѣла военныя; вся обычная администрація сосредоточена была въ 1-мъ департаментѣ. Пол. Сообр. Зак., XVI, стр. 462—463, № 11.989.

беріямъ ¹⁾; дѣла по корчемству въ Петербургѣ и Москвѣ подвѣдомы были камерь-коллегіи, а дѣла по корчемству въ губерніяхъ шли въ сенатъ непосредственно отъ губернаторовъ, безъ участія камерь-коллегіи; помимо ея иногда и сенатъ давалъ указы по корчемнымъ дѣламъ прямо губернаторамъ и воеводамъ ²⁾.

Подъ главнымъ управленіемъ и высшимъ надзоромъ сената участвовали въ собираніи государственныхъ доходовъ и въ расходованіи ихъ 1) всѣ коллегии и ихъ конторы ³⁾ (всего числомъ 21), 2) особыя учрежденія, ближайшимъ образомъ связанныя въ военную коллегію и адмиралтействъ коллегіей,—какъ то: главный комиссаріатъ, конторы: главная провіантская и главная артиллерійская и т. д. (всего шесть), и 3) самостоятельныя конторы: штатсъ-контора, главная соляная и банковская, имѣвшія свои конторы, затѣмъ канцеляріи: опекунства иностранныхъ, конфискаціи, межевая, главная полиціймейстерская, ямская, изъ которыхъ три имѣли свои конторы, далѣе почтамтъ, судный приказъ, главный магистратъ съ конторою, академія наукъ, университетъ и, наконецъ, дворцовое управленіе, представлявшееся нѣсколькими учрежденіями, всего до 50 учрежденій ⁴⁾.

Первое мѣсто послѣ сената по своему значенію въ финансовомъ управленіи занимала попрежнему камерь-коллегія ⁵⁾. Въ дѣятельности ея сохранялись—какъ это и совершенно естественно—черты, отмѣченныя нами выше въ ея предшествовавшей исторіи. По прежнему, по идеѣ камерь-коллегіи имѣла „главное надъ всѣми государственнымими доходами надзираніе“ ⁶⁾—но мы видѣли, каково было ея надзираніе; она должна была составлять общую табель о государственныхъ доходахъ и расходахъ, но табели этой не составляла ни она, ни ревизіонъ-коллегія, которая тоже, съ 1733 г., имѣла обязан-

¹⁾ См. Пол. Собр. Зак., т. XVII, стр. 914, № 12.713, 3-го августа 1706 г., и т. XVI, стр. 209, № 11.786, 4-го апрѣля 1763 г.

²⁾ См. напр. Пол. Собр. Зак., т. XVIII, стр. 176, № 12.948, 16-го іюля 1764 г. и ми. др.

³⁾ Конторы были у всѣхъ коллегій, кромѣ коммерцъ-коллегіи, которая имѣла нѣсколько комиссій, при бергъ-коллегіи состояли и самостоятельно собирали и расходовали суммы и ея контора и монетный департаментъ и еще двѣ монетныя экспедиціи.

⁴⁾ Перечисленіе это составлено на основаніи доклада сената отъ 5-го іюня 1762 г.—(*Сборникъ*, т. XXVIII, 2 и 4—25, и сенатскаго указа отъ 23-го марта 1775 г.—въ Пол. Собр. Зак., т. XX, стр. 100—101, № 14.281.

⁵⁾ Въ официальныхъ адресъ-календаряхъ того времени она слѣдуетъ всегда непосредственно за первыми тремя государственнымими коллегіями.

⁶⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, стр. 817, № 12.677, 11-го іюня 1766 г.

ность объ этомъ заботиться и которая также какъ камеръ-коллегія не могла получить необходимыхъ вѣдомостей ¹⁾; о сборѣ государственныхъ доходовъ камеръ-коллегія должна была представлять по истеченіи каждаго года вѣдомости, но какъ онѣ не представлялись при императрицѣ Елизаветѣ, такъ не представлялись и при императрицѣ Екатеринѣ: въ 1763 г. сенатъ требовалъ, чтобы были представлены ему коллегіей вѣдомости за 1760, 1761 и 1762 годы и предписывалъ коллегіи озаботиться, чтобы необходимыя для этого свѣдѣнія доставлены были изъ всѣхъ губерній и провинцій ²⁾. Должна была камеръ-коллегія получать свѣдѣнія и объ урожаяхъ и о видахъ на урожай, такія же вѣдомости долженъ былъ получать и сенатъ, но самъ же сенатъ свидѣтельствуетъ, что по указамъ, установленнымъ это, „дѣйствишельно исполненія не чинились“ ³⁾. Въ 1771 г. сенатъ вспомнилъ еще одну задачу, поставленную камеръ-коллегіи уже первымъ регламентомъ, и потребовалъ, чтобы коллегія составила „генеральную о числѣ душъ въ каждой губерніи и городѣ вѣдомость“ ⁴⁾, но, конечно, и на этотъ разъ это требованіе не было исполнено, какъ не выполнялось оно раньше.

Отношеніе камеръ-коллегіи къ финансамъ проявлялось двояко: 1) въ непосредственномъ управленіи опредѣленными источниками государственныхъ доходовъ и 2) въ участіи въ распредѣленіи доходовъ, получавшихся другими коллегіями.

Въ непосредственномъ управленіи камеръ-коллегіи находилась, прежде всего, винная продажа, затѣмъ—такъ называемые канцелярскіе сборы. По управленію и тѣмъ и другимъ не было виолнѣ сосредоточено въ камеръ-коллегіи, а частями находилось въ вѣдѣніи другихъ мѣстъ. Мы уже говорили объ участіи сената въ управленіи винными сборами; кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ винные сборы отдавались на откупъ изъ собственной вотчинной канцеляріи ⁵⁾; при томъ же, до 1767 г. винный откупъ, сдававшійся камеръ-коллегіею, касался не всей суммы, получаемой при продажѣ вина, а только выручки отъ продажи пива и меда и той части выручки за водку и спиртъ, которая покрывала собою суммы, уплачиваемыя казною за получешное ею отъ помѣщичьихъ вино—такъ называемымъ тогда

¹⁾ См. Пол. Собр. Зак. т. XVII, № 12.823, 18-го іюня 1760 г.

²⁾ Тамъ же, т. XVII, 296, № 11.336, 23-го мая 1763 г.

³⁾ Тамъ же, т. XVII, 330, № 12.345, 16-го января 1766 г.

⁴⁾ Тамъ же, т. XIX, 247, № 13.387, 26-го марта 1771 г.

⁵⁾ Тамъ же, т. XVIII, стр. 53, № 12.311, 6-го марта 1767 г.

„истиннымъ виннымъ“ деньгамъ—вся же прибыль оставалась „на вѣрѣ“ у откупщиковъ ¹⁾; между тѣмъ эта послѣдняя часть была больше первой, и только въ 1767 г. отданы были на откупъ винные сборы всею суммою ²⁾. Въвѣсть съ управленіемъ откупомъ на камеръ-коллегіи лежала обязанность судить откупщиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ, которые только оя суду и были подсудны во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ криминальныхъ; въ губерніяхъ откупщиковъ судили только губернаторы ³⁾. Но уже въ это время камеръ-коллегія не была принадежна способною управлять и виннымъ откупомъ: съ отдачею на откупъ всей виной суммы для Петербурга и Москвы были образованы двѣ спеціальныя комиссіи для подряда и закупки вина, подъ особымъ смотрѣніемъ графа Брюка и на правахъ коллегіи: комиссіи эти списались съ коллегіями промеморіями ⁴⁾; особая комиссія подъ вѣдѣніемъ А. П. Мельгунова была создана затѣмъ для управленія казенными винными заводами.

Кромѣ управленія винными сборами на камеръ-коллегіи лежала еще отдача на откупъ сбора разныхъ пошлинъ — конскихъ, полавочныхъ, съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, и разныхъ другіе, такъ называемые канцелярскіе сборы ⁵⁾; она получала разные штрафныя деньги,

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, стр. 198, № 12.444, 1-го августа 1765 г.

²⁾ Дѣйствительно въ 1766 г. „истинныхъ винныхъ денегъ“ было 1.001.433 р., а прибыли отъ продажи вина каучоно было 2.977.000 р.; въ 1767 г. все было сдано на откупъ вѣнотѣ за 5.081.000 р. См. Сборника, т. V, 224—227.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, 201, № 12.441, к. 16, 1-го августа 1765 г.

⁴⁾ Тамъ же, т. XVII, 049, № 12.732, 26-го августа 1766 г., XVIII, 410, № 13.068, 22-го декабря 1767 г., 512, № 13.100, 28-го апрѣля 1768 г.

⁵⁾ (Сборъ этихъ доходовъ была возложена на камеръ-коллегію пунктами 14 и 24 регламента 1731 г., то же подтверждено и сенатскимъ указомъ 30-го декабря 1766 г. (П. С. З., т. XVII, 1124, № 12900), который предоставилъ коллегіи и губернаторамъ право произвести торги на эти сборы и на суммы востаніи, тѣмъ ограничивая регламентъ 1731 г., съ тѣмъ только, чтобы о результатѣ сообщено было сенату. Въ эту рубрику дѣл камеръ-коллегіи входило великое количество самыхъ разнообразныхъ сборовъ. Наиболье велики ихъ перечисленія въ Сборника, т. V, стр. 230—233; тутъ во трехъ раздѣлахъ перечислено до 122 наименованій — нѣкоторые изъ нихъ тутъ статьи относятся, впрочемъ, къ вѣдѣнію другіхъ коллегіи; затѣмъ въ „вѣдомости о государственныхъ доходахъ за 1760 г.“—Гос. Арх., XIX, 18, въ дѣлѣ (1. Кюмина, свѣдѣн. 12. № 9, ихъ можно засчитать во двухъ раздѣлахъ 181 наименованіе, при чемъ опять-таки нѣкоторые, помянутому, были собраны другими учрежденіями. Если не невѣроятно вполнѣ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно трудно было бы установить точный списокъ всѣхъ сборовъ, включившихъ въ число этихъ канцелярскихъ; изъ разсмотрѣнія упомянутыхъ сборовъ спискахъ можно между прочимъ видѣть, какъ случайно иногда бывали эти сборы. Въ Сборника, т. XXVIII,

прибавочныя къ цѣнѣ вина, имѣвшія специальное назначеніе на устройство нѣкоторыхъ городскихъ сооружений, такъ называемыя „гривенничныя“ и т. п. Но и тутъ компетенція ея не была вполнѣ точно опредѣлена: сборъ, напримѣръ, съ нѣкоторыхъ лавокъ въ Петербургѣ вѣдала коммерцъ-коллегія и главная надѣ таможенными сборами канцелярія, на нѣкоторыхъ горныхъ заводахъ полавочные сборы вѣдала бергъ-коллегія, а въ Твери сборы съ лавокъ были отданы прямо въ вѣдѣніе города и т. п. ¹⁾. Въ вѣдѣніи камеръ-коллегій было большинство тѣхъ сборовъ, которые были установлены въ 1763 г. для того, чтобы добыть средства на жалованье — но и ихъ нѣкоторыя части были въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегій и коммерцъ-коллегій.

Такъ рисуются намъ кругъ вѣдомства и отчасти—дѣятельности камеръ-коллегій по законодательнымъ памятникамъ; совершенно такую же картину видимъ мы, и обратившись къ документамъ ея дѣлопроизводства.

Первое мѣсто въ этихъ документахъ, мѣсто безусловно преобладающее, занимаютъ дѣла по винной продажѣ: переписка о денежныхъ сборахъ, ихъ храненіи и пересылкѣ, сношенія съ поставщиками вина, отчетность по казеннымъ магазинамъ и по отдѣльнымъ питьевымъ домамъ, разныя дѣла о куреніи вина дворянами для своего

212—218, напечатанъ сенатскій докладъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ мелкихъ сборовъ, послѣ заключенія мира съ Турціею; тутъ, между прочимъ, упомянуть сборъ съ серебряной кузни въ 20 к. и съ точильнаго бруснаго камня—въ 40 к.; изъ упомянутой вѣдомости о доходахъ за 1769 г. въ Государственномъ архивѣ узнаемъ, что эти два сбора возникли въ силу толкованія на мѣстахъ указа 15-го декабря 1763 г., установившаго нѣкоторые сборы на жалованье—значитъ по крайней мѣрѣ эти два сбора возникли уже при Екатеринѣ II; небольшой отрывокъ—повидимому, проектъ какого-то указа, вложенный въ то самое дѣло Государственнаго архива, о которомъ мы теперь говоримъ—свидѣтельствуемъ, что „указъ 1754 г. генваря 23-го—коимъ отрѣшены внутреннія пошлины, привелъ оныя (мелкіе доходы) въ большее еще замѣшательство; ибо хотя упомянуты въ ономъ главныя статьи и къ сложенію опредѣленныя, но оныя заключали въ себѣ по мѣстамъ частію разныя названія. Отчего и вышло, что каждый не только губернаторъ, но и воевода сложилъ тѣ названія, которыя у него подтѣми статьями числились и которыя ему на тотъ случай пристойными показались, не давъ знать сенату какъ о сложенныхъ, такъ и о оставшихся названіяхъ“. Во всякомъ случаѣ приведенныя сейчасъ свѣдѣнія доказываютъ, какъ случайно было происхожденіе многихъ изъ тѣхъ сборовъ, о которыхъ мы теперь говоримъ.

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, 463, № 12.525, 16-го декабря 1765; 466, № 12.528, 19-го декабря 1765; XVIII, 918, № 13.317, 18-го іюня 1769; XX, стр. 67, № 14.264, 2-го марта 1775 г.

домашняго употребленія, заботы о возведеніи и ремонтѣ питейныхъ домовъ, разныя взысканія по корчемству и т. д.—всему этому посвящено не менѣе трехъ четвертей дѣлъ камеръ-коллегіи, которыя уцѣлѣли до нашего времени въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Затѣмъ чаще другихъ встрѣчаемъ дѣла о различныхъ канцелярскихъ и оброчныхъ сборахъ. Тутъ находимъ мы переписку объ оброчныхъ мельницахъ, справки—по какимъ рѣкамъ онѣ находятся, сколько ихъ и за кѣмъ онѣ, свѣдѣнія объ оброкахъ съ рыбныхъ ловель, о сданныхъ на оброкъ лавкахъ, о вновь возведенныхъ торговопромышленныхъ заведеніяхъ — но видимъ почти всегда переписку объ отдѣльныхъ дѣлахъ и вопросахъ, преимущественно по какимъ-нибудь тяжбамъ и жалобамъ, а не общее руководство подобнаго рода вопросами; сюда же относится переписка о разрѣшеніи въ какомъ либо селеніи еженедѣльныхъ торговыхъ дней, о конскихъ попилахъ — преимущественно тоже жалобы на разные частныя непорядки,—о взысканіяхъ съ топорныхъ барокъ, за небытіе на исповѣди, за употребление не гербовой бумаги и т. д. Если прибавить къ этимъ двумъ родамъ дѣлъ еще дѣла по внутреннему управленію коллегіи—т. е. о назначеніи въ нее новыхъ служащихъ, объ ихъ увольненіи, объ отпускахъ имъ и о жалованьи, о ремонтѣ и хозяйственномъ оборудованіи помѣщенія и т. д.—то мы исчерпаемъ почти все содержаніе дѣлъ камеръ-коллегіи; можно пересмотрѣть нѣсколько десятковъ ихъ и не встрѣтитъ ничего другого, кромѣ того, что сейчасъ перечисленъ. На такомъ фонѣ мы лишь изрѣдка встрѣтимъ какія либо другія дѣла — въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какое мѣсто занимали въ дѣятельности камеръ-коллегіи управленіе питейными и канцелярскими сборами съ одной стороны — и съ другой всѣ прочіе вопросы, которые имѣлось въ виду поручить вѣдѣнію коллегіи при ея учрежденіи. По отношенію къ подушной подати мы встрѣчаемъ очень немного дѣлъ, въ которыхъ коллегія занималась такими вопросами, или, точнѣе, отвѣчала на такіе вопросы другихъ учреждений: куда выбыли плательщики подушной подати, вычеркнутые изъ списковъ плательщиковъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; сколько душъ числится по ревизіи за тѣмъ или другимъ помѣщикомъ, который желалъ занять деньги въ банкъ; куда переведены помѣщикомъ крестьяне изъ даннаго помѣстья — т. е., гдѣ собирать съ нихъ подушныя деньги и т. д. — однимъ словомъ, видимъ лишь разсмотрѣніе отдѣльныхъ, случайно возникавшихъ дѣлъ, и рѣшительно никакихъ указаній не только на то, чтобы коллегія сохранила за собою какое-нибудь руководящее

значеніе въ области этихъ отношеній, но даже — чтобы она стремилась его сохранить. Въ камерь-коллегии же наводились иногда справки о двойномъ подушномъ сборѣ съ раскольниковъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней же проходили иногда дѣла объ увѣщаніи раскольниковъ. Предположенное по первому регламенту наблюденіе камерь-коллегии надъ сельскимъ хозяйствомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ выражалось только тѣмъ, что иногда какая-нибудь провинціальная или воеводская канцелярія присылала доношеніе, что хлѣбъ не родился, что крестьяне питаются хлѣбомъ съ корою и мохомъ, — но это дѣлалось лишь въ виду того, что при цѣнѣ хлѣба выше опредѣленной запрещался отпускъ хлѣба за границу; иногда воевода сопровождалъ это сообщеніе болѣе или менѣе яркимъ описаніемъ крестьянской нужды, присылалъ и образцы хлѣба, но изъ камерь-коллегии никакихъ рѣшеній или мѣропріятій по такимъ доношеніямъ не исходило. Наконецъ, по памяти о томъ, что камерь-коллегія должна была собирать вѣдомости о провинціи, другія учрежденія обращались въ эту коллегію съ вопросами: сколько верстъ до того или другого города — для того, чтобы опредѣлить, сколько надо дать прогоновъ какому-нибудь посылаемому туда нарочному; есть ли почта до того или другого города или какъ доставляются туда казенные пакеты, когда представлялась надобность въ отсылкѣ таковыхъ; имѣются ли по тому или другому тракту „дорожные дворцы“, т. е. почтовые дома, предназначенные для остановокъ высшихъ правительственныхъ лицъ, и достаточно ли лошадей для проѣзда такого сановника, какъ гетманъ и т. д. Если можно встрѣтить и еще какія-нибудь дѣла въ камерь-коллегии, то они крайне немногочисленны и подобнаго же рода.

Дѣлопроизводство камерь-коллегии по ея документамъ представляется въ такихъ же чертахъ, какія мы отмѣтили выше по разнымъ сенатскимъ и именнымъ указамъ. Медленность въ дѣлахъ была чрезвычайная; напримѣръ, дѣла о затопленіи нѣсколькихъ оброчныхъ мельницъ, или о сложеніи оброка съ оброчныхъ прежде рыбныхъ ловель — въ виду того, что ихъ занесло пескомъ и рыба уже не ловится, — разбирательства по жалобамъ о столкновеніяхъ, происшедшихъ при освидѣтельствованіи не точныхъ винныхъ мѣръ, или по жалобѣ на откупщика, что онъ не соглашается принимать конскія пошлины тамъ, гдѣ обязанъ ихъ принимать, и дѣлаетъ разныя затрудненія при уплатѣ этого сбора и т. п. — тянулось каждое по тридцати лѣтъ; жалоба губернскихъ канцелярій на то, что провинціальныя и воеводскія не высылаютъ имъ нужныхъ и затребованныхъ свѣдѣній

и этимъ причиняютъ задержку въ высылкѣ необходимыхъ вѣдомостей—явленіе самое заурядное ¹⁾).

Этими доходами и суммами, остававшимися изъ доходовъ таможенныхъ, соляныхъ и нѣкоторыхъ другихъ за удовлетвореніемъ спеціально указанныхъ потребностей—о чемъ сейчасъ скажемъ—камеръ-коллегія и распорядилась непосредственно. Она вела имъ счетъ, наблюдала за правильностью поступленій и сообщала о своихъ ассигнованіяхъ изъ нихъ штатсъ-конторѣ, которая уже должна была заботиться о томъ, чтобы всѣ мѣста, имѣвшія получать деньги черезъ ея посредство, деньги эти получали своевременно и въ количествѣ, положенномъ по штатамъ или назначенномъ спеціальными указами. Такъ и надписывались вѣдомости, составлявшіяся штатсъ-конторою: „генеральная вѣдомость, учиненная въ штатсъ-конторѣ изъ присланной въ—такое-то—году изъ камеръ-коллегіи состоящихъ во всемъ

¹⁾ Все выше сказанное основано на ознакомленіи съ документами камеръ-коллегіи, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, ознакомленіи по необходимости довольно бѣглою, но достаточномъ для того, чтобы убѣдиться, что въ Подномъ Собраніи Законовъ дѣятельность этой коллегіи отразилась вполне вѣрно. Въ архивѣ нѣтъ нѣсколько тысячъ дѣлъ камеръ-коллегіи, въ 410 описанныхъ вѣзкахъ; изъ нихъ 215 (185—410) содержатъ дѣла, начавшіяся въ періодъ времени съ 1762 г. по первые семидесятыя годы; за многіе годы Екатерининскаго царствованія, хотя не за всѣ, нѣтъ протоколы коллегіи; есть наконецъ немало книгъ съ дѣлами сената по камеръ-коллегіи. Протоколы пятидесятихъ годовъ и 1760—1761 гг. чрезвычайно подробны; на мѣсяць приходится по толстому тому; протоколъ одного засѣданія занимаетъ до 100 стр. мелкаго письма и подписывался въ теченіе трехъ недѣль со дня засѣданія. За первые годы Екатерининскаго царствованія протоколовъ не сохранилось; они начинаются снова съ конца 60-хъ годовъ и уже значительно менѣе объемисты; протоколы за цѣлый годъ не составляютъ книги столь большой, какъ прежде протоколъ за мѣсяць; такое уменьшеніе объема объясняется тѣмъ, что записывалось только вкратцѣ—въ чемъ состояло дѣло и какое рѣшеніе принято, а не вносились цѣликомъ, какъ прежде, всѣ разсмотрѣнныя или составленныя по дѣлу бумаги. Книжки съ дѣлами сената по камеръ-коллегіи содержатъ бумаги до известной степени сгруппированныя по роду дѣлъ. Наиболѣе важны для ознакомленія съ дѣлами камеръ-коллегіи вѣзки ея дѣлъ. Онѣ описаны, между прочимъ при участіи такихъ опытныхъ архивистовъ, какъ В. И. Холмогоровъ, А. Зерцаловъ и др. Описаніе это составляетъ два толстыхъ фоліанта и даетъ вполне ясное представленіе о содержаніи каждаго дѣла. Мы и должны были ограничиться просмотромъ этого описанія и лишь нѣкоторыхъ вѣзокъ спеціально. Объемъ нашей задачи не позволяетъ намъ удѣлить достаточно времени болѣе детальному изученію бумагъ камеръ-коллегіи, въ которыхъ, какъ и мы могли убѣдиться, находятся весьма любопытныя и цѣнныя свѣдѣнія.

государствѣ, подлежащихъ до оной штатсъ-конторы окладныхъ и не-окладныхъ доходахъ“¹⁾).

Раздѣленіе учрежденія собирающаго доходы отъ учрежденія расходующаго — административный приемъ, общій всему XVIII вѣку и не у насъ однихъ; раздѣленіе это сохранилось и впоследствии, при реформѣ высшаго финансоваго управленія. Штатсъ-контора являлась во всякомъ случаѣ со значеніемъ второстепеннымъ, что отчасти отразилось и въ переименованіи ея „конторой“, хотя первоначально она учреждена была съ именемъ „штатсъ-конторъ-коллегія“; она исполняла предписанія, она распредѣляла деньги, въ полученіи которыхъ почти не принимала участія. Въ вѣдѣніе штатсъ-конторы — обыкновенно черезъ посредство камеръ-коллегіи — поступали приращенія доходовъ, являвшіяся вслѣдствіе повышенія прежнихъ или въ силу какихъ либо другихъ причинъ; такъ, когда съ учрежденіемъ коллегіи экономіи на нее была возложена выдача пенсій и т. п., суммы, освободившіяся отъ перенесенныхъ такимъ образомъ расходы, обращены были въ штатсъ-контору; черезъ нее расходовались и всѣ тѣ сборы на жалованье по указу 1763 г., которые собирала камеръ-коллегія; наоборотъ — на штатсъ-контору по преимуществу возлагались вновь возникавшія статьи расхода — такъ на нее переведена была — съ 1766 г. — выдача Московскому университету 20.000 рублей, вносившихся прежде откупщикомъ Яковлевымъ, на ея же средства было возложено содержаніе вновь учрежденной коллегіи медицинскаго факультета, вновь введенныхъ въ разныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ, выдача жалованья тѣмъ банковскимъ чиновникамъ, содержаніе которыхъ при учрежденіи банка не было отнесено ни на какую специальную сумму и т. д.²⁾ Передѣло бывало, что вновь опредѣляемый расходъ прямо и относился на какой-нибудь точно указываемый источникъ — напримѣръ, на прибыль по соляной продажѣ, по монетному передѣлу и т. д. — по чаще всего удовлетвореніе вновь возникавшихъ потребностей возлагалось на штатсъ-контору. Штатсъ-контора должна была входить въ точнѣйшее, ближайшее разсмотрѣніе и провѣрку каждаго расхода; такъ, при выдачѣ на жалованье служащимъ въ разныхъ правительственныхъ мѣстахъ, штатсъ-контора общю суммою выдавала ассигновки только на низшихъ

¹⁾ См. *Сборникъ*, т. XXVIII, 33, 34, 66.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVII, 587, № 12.576, 20-го февраля 1766 г.; XVIII. 810, № 13.280, 9-го апрѣля 1769 г.; 1024, № 13.389, 30-го ноября 1769 г.

служащихъ и на канцелярскіе расходы, а для всѣхъ членовъ она должна была выдавать отдѣльныя именныя ассигновки и при этомъ производила справки объ отпускахъ и командировкахъ каждаго служащаго, о небытіи на службѣ, недосидѣніи указныхъ часовъ и послѣ всего этого „съ немалымъ продолженіемъ“ производила расчеты и выдачи назначала не по штату, а по особымъ опредѣленіямъ; отъ этого по признанію самой штатсъ-конторы „происходило по той конторѣ великое затрудненіе и въ прочихъ текущихъ дѣлахъ остановка и помѣшательство“¹⁾. Вообще, дѣлопроизводство въ штатсъ-конторѣ шло приблизительно такъ же, какъ въ камеръ-коллегіи, порядки которой намъ извѣстны. Мы приведемъ одинъ фактъ изъ исторіи Елизаветинскаго царствованія, который рисуетъ съ достаточною ясностью отношеніе штатсъ-конторы къ тому, насколько, въ сущности, удовлетворенъ былъ тотъ или другой расходъ, если только на бумагѣ соблюденъ былъ предписанный порядокъ ассигнованія: въ 1750 и 1756 годахъ произведены были надбавки цѣны вина; изъ ожидаемыхъ отъ того доходовъ для казны назначено было (по пяти статьямъ) 998.376 р.; между тѣмъ доходъ отъ этой прибавки далъ въ первый годъ всего 821.000 р.; въ 1756 г. прибыль достигла 1.440.000 р.; затѣмъ въ 1757 г., послѣ новаго повышенія, количество потребляемаго вина уменьшилось настолько, что прибыли оказалось почти на 200.000 меньше, чѣмъ въ предшествующій годъ, а между тѣмъ штатсъ-контора ежегодно и еще въ 1762 г. считала, что отпускается на такія-то статьи изъ прибыльныхъ за вино по 998.000 р.²⁾...

Ко всѣмъ другимъ доходамъ отношеніе камеръ-коллегіи было болѣе отдаленное, такъ сказать, косвенное, и къ однимъ болѣе близкое, къ другимъ—менѣе. Къ числу послѣднихъ принадлежали тѣ доходы, которые издавна, еще со временъ Петра Великаго, имѣли постоянное опредѣленное назначеніе и цѣлкомъ шли на удовлетвореніе опредѣленной потребности. Таковы были, во-первыхъ, всѣ подушныя деньги и деньги оброчныя, собиравшіяся съ государственныхъ крестьянъ подъ разными наименованіями, соотвѣтственно разнымъ подраздѣленіямъ этихъ крестьянъ — онѣ всѣ цѣлкомъ назначены были на содержаніе арміи; съ теченіемъ времени, съ возрастаніемъ военныхъ расходовъ, на ту же статью были обращены какъ повышенія оброчныхъ денегъ, такъ и нѣкоторыя суммы изъ другихъ доходовъ.

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVI, стр. 839, № 12.209, 16-го іюля 1764 г.

²⁾ Сборникъ, т. XXVIII, 22 и 114.

Подушныя деньги были собираемы на мѣстахъ воеводскими и провинціальными канцеляріями и затѣмъ доставлялись ими туда, куда назначалъ главный комиссаріатъ; отъ военной коллегіи шли и указы о собираніи недоимокъ по подушному сбору ¹⁾. За камерь-коллегією сохранялся общій надзоръ за собираніемъ подушной подати, но роль ея въ этомъ случаѣ была довольно незначительна. Она должна была подавать совѣты губернаторамъ въ случаѣ какихъ либо вопросовъ съ ихъ стороны, должна была побуждать губернаторовъ и воеводъ къ исправному собиранію подати; но такъ какъ камерь-коллегія не имѣла въ провинціи никакихъ специальныхъ, отъ нея прямо зависящихъ органовъ и такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ іерархическомъ отношеніи она стояла нѣсколько ниже военной коллегіи, то естественно, она не могла ничѣмъ помочь тамъ, гдѣ не могла достигъ желаемыхъ результатовъ сама военная коллегія, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже видѣли, нерѣдко оставались безъ исполненія и сенатскіе указы.

Со временъ Петра Великаго имѣли опредѣленное назначеніе и сборы питейные и таможенные—послѣдніе собирались коммерцъ-коллегіей; на нихъ долженъ былъ содержаться флотъ: адмиралтействъ-коллегія получала въ годъ по 1.200.000 руб., состоявшихся изъ приблизительно равныхъ взносовъ изъ двухъ указанныхъ источниковъ ²⁾. Эти деньги адмиралтействъ-коллегіи получала непосредственно отъ воеводъ и губернаторовъ, которые высылали деньги по указамъ камерь-коллегіи; но въ случаѣ, если воеводы или губернаторы задерживали высылку денегъ, адмиралтействъ-коллегія сама имѣла право налагать на нихъ штрафы ³⁾. И въ адмиралтействъ-коллегіи управление ея суммами было устроено весьма мало удовлетворительно: сама коллегія отзывалась, что въ точности не знаетъ своихъ расходовъ, и въ объясненіе этого ссылалась на то, что счета ея вѣдомства сочиняются „кромѣ С.-Петербурга въ Ревелѣ, у города Архангельскаго и въ другихъ многихъ отдаленныхъ портахъ и во флотѣ, сверхъ того, о положенной на адмиралтейство денежной казигѣ производится счетъ съ разными провинціями“ ⁴⁾, а такъ какъ расходы и покупки

¹⁾ См., напр., Полн. Собр. Зак., т. XVII, 852, № 12.700, 18 іюля 1766.

²⁾ Изъ таможенныхъ сборовъ адмиралтействъ-коллегіи получала 526.322 руб. 50 к. и изъ питейныхъ 673.677 руб. 50 к. См. *Сборникъ*, т. XXVIII, 24. Указы, по крайней мѣрѣ главнѣйшіе, въ силу которыхъ производились тотъ или другой изъ названныхъ расходовъ, перечислены въ *Сборникъ*, т. XXVIII, 5—27.

³⁾ См., напр., Полн. Собр. Зак., XVI, стр. 105, № 11.703, 6 ноября 1762 г.

⁴⁾ Тамъ же, XVI, стр. 320, № 11.885, 27 іюля 1763.

шли черезъ разныя конторы—при адмиралтействъ-коллегіи, дѣйстви- тельно, было до 11 разныхъ конторъ и канцелярій ¹⁾—то „чинились“, по ея собственному признанію, „многіе не вовсе порядочные расходы и покупки излишнихъ вещей и матеріаловъ“.

Была, наконецъ, третья сумма, имѣвшая спеціальное назначеніе, именно—выручка отъ продажи соли; эти деньги шли главнымъ обра- зомъ на содержаніе двора, а остатокъ отъ этого назначенія упо- треблялся на разные расходы по именнымъ указамъ. Соляные сборы вѣдала главная соляная контора; она претендовала, что она не только не должна, но и права не имѣетъ давать свѣдѣнія о своихъ доходахъ какому либо правительственному учрежденію, въ томъ числѣ и ка- меръ-коллегіи, на томъ основаніи, что, по именному повелѣнію импе- ратрицы Анны Іоанновны, соляная контора не должна никому ничего сообщать иначе, какъ по именному же указу; сенатъ нашель, од- нако, что такъ какъ по регламенту 1781 г. камеръ-коллегія должна имѣть всѣ свѣдѣнія о всѣхъ доходахъ, то и главная соляная контора должна сообщать ей о своихъ доходахъ ²⁾. Въ началѣ второй поло- вины Екатерининскаго царствованія соляные сборы пришли въ чрез- вычайное разстройство; никакая другая статья государственныхъ до- ходовъ не находилась въ худшемъ положеніи; въ одномъ изъ слѣдую- щихъ очерковъ мы рассмотримъ это подробно; здѣсь же замѣтимъ только, что и въ соляной конторѣ счетоводство было весьма неудовле- творительно. Еще въ 1770 г. изъ многихъ городовъ не были полу- чены отчеты по продажѣ соли и о вырученныхъ деньгахъ съ 1762 г. ³⁾; въ томъ же году раскрылось, что главная соляная контора имѣетъ чрез- вычайно неточныя свѣдѣнія о количествѣ заготовленной соли и „не только не знаетъ о своемъ доходѣ, сколько гдѣ его состоитъ, но и въ самыхъ суммахъ запуталась, какъ, напримѣръ, начитаетъ на себя долгу 150.000 р. за тѣ ассигнаціи, кои ей при учрежденіи банка безденежно даны, и за которыя она уже большую часть заплатила, а при томъ многія суммы показаны сенатору и кавалеру Мельгунову несходственно съ тѣми, каковы написаны отъ нея въ присланной въ сенатъ за то же время вѣдомости“ и т. п. ⁴⁾.

¹⁾ Поля. Собр. Зак., XVI, 415, № 11.982, 3 дек. 1763.

²⁾ Тамъ же, т. XVII, 838, № 12.690, 7 іюля 1766 г.

³⁾ Тамъ же, т. XIX, 42, № 13.439, 29 марта 1770 г.

⁴⁾ Тамъ же, XIX, стр. 476, № 13.784, 7 апр. 1772 г. О распрезѣленіи доходовъ по статьямъ расхода въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго—см. Милю-

Въ царствованіе Екатерины II прибавилось еще одно учрежденіе, собиравшее довольно значительныя суммы и само ихъ распредѣлявшее на специально указанные расходы, именно—коллегія экономін, учрежденная 12-го мая 1763 г.; учреждена она была „для управленія тѣми церковными доходами, которые, сверхъ опредѣленныхъ расходовъ на содержаніе духовнаго чина, по благопристойности употреблены быть имѣютъ на установленіе и содержаніе въ государствѣ богоугодныхъ дѣлъ“¹⁾; на коллегію эту и были постепенно возложены пенсіи, содержаніе инвалидовъ, богадѣлень, отчасти накопецъ и содержаніе арестованныхъ; довольно значительныя суммы изъ ея доходовъ расходовались и на разныя другія назначенія, напримѣръ, на военныя потребности въ теченіе первой турецкой войны. Въ инструкціи, данной коллегіи экономін, ничего не сказано о томъ, чтобы и ея доходами вѣдала камеръ-коллегія²⁾, и дѣйствительно, слѣдствъ распространенія надзора камеръ-коллегіи на доходы коллегіи экономін мы не встрѣчаемъ; первые годы существованія коллегіи экономін шли разговоры объ реорганизации камеръ-коллегіи, а затѣмъ она стала терять и остатки своего прежняго значенія.

Перечисленныя учрежденія собирали и расходовали приблизительно отъ 85 до 90 процентовъ всего тогдашняго бюджета; другія правительственныя мѣста собирали и расходовали сравнительно уже меньшія суммы. Мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія собирали разные доходы, причитавшіеся правительству съ фабрикъ и заводовъ, а первая, кромѣ того, и за гербовую бумагу; ревизіонъ-коллегія собирала деньги по начетамъ, открывавшимся при ревизіи разныхъ счетовъ; вотчинная коллегія и юстицъ-коллегія собирали различныя актовыя пошлины; первой изъ этихъ двухъ коллегій поручена была въ 1762 г. продажа казенныхъ земель; въ теченіе ближайшихъ 14 лѣтъ, до временнаго прекращенія этой продажи, земли продано было на 418.000 руб., — но о томъ, куда и какъ расходовались эти суммы, мы не знаемъ³⁾—впрочемъ, и сумма не такъ велика, имѣя въ виду полученіе ея въ 15 лѣтъ. Ямская контора собирала деньги за пересылку по почтѣ

кош, Государственное хозяйство, 665—672; въ общихъ чертахъ тогда и было установлено то распредѣленіе статей дохода, съ какими имѣемъ дѣло мы.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., XVI, стр. 246, № 11.814, 12 мая 1763 г.

²⁾ Тамъ же, т. XVI, 271—277, № 11.814, 6 іюня 1763 г.

³⁾ Указъ о продажѣ — Полн. Собр. Зак., т. XVI, стр. 58, № 11.651, 22 авг. 1762 г.; свѣдѣнія о числѣ купленныхъ дворянами земель—тамъ же, т. XX, № 14.442, 29 февр. 1776 г., именно: „приобрѣтено дворянами 290.000 десятинъ на сумму 418.000;

и за почтовыхъ лошадей; въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ были доходы отъ сбора съ разныхъ патентовъ и съ заграничныхъ паспортовъ, банки — петербургскій и московскій для дворянства и „государственный для коммерціи“—получали и вѣдали доходы съ розданныхъ въ заемъ денегъ, далѣе, имѣли свои доходы главная дворцовая канцелярія, конюшенная канцелярія, полиціймейстерскія конторы (въ обѣихъ столицахъ), печатная контора въ Москвѣ, наконецъ Академія Наукъ и университетъ; были и еще различныя, менѣе значительныя мѣста, тоже получавшія свои собственные доходы ¹⁾, о дѣятельности которыхъ собирать свѣдѣнія надо уже въ специальныхъ, посвященныхъ каждому учрежденію работахъ. Изъ этихъ сборовъ иные самими мѣстами и расходовались; такъ, деньги, собираемыя мануфактуръ- и бергъ-коллегіями, обращались частью на содержаніе чиновъ этихъ коллегіи, частью — на поддержку заводовъ и раздачу заимообразно фабрикантамъ—не можемъ не указать здѣсь, что въ 1762 г. сборовъ по обѣимъ этимъ коллегіямъ считалось 43.429 руб. 91³/₄ к.; прибыли по банкамъ шли на выдачу жалованья банковскимъ служащимъ и на новыя раздачи подъ проценты; сборы по ревизионной коллегіи и канцеляріи конфискаціи шли на содержаніе этихъ учреждений и только сборы по послѣдней давали небольшой остатокъ; сборы ямской конторы шли на содержаніе лошадей; по полиціймейстерскимъ канцеляріямъ — на пожарные инструменты и т. д.; незначительные остатки стекались въ штатсъ-контору, которая затѣмъ и производила за ихъ счетъ различныя выдачи ²⁾. Едва ли окажется когда либо возможнымъ вполне точно установить всю сумму, такъ или иначе проходившую черезъ русскую администрацію XVIII вѣка, во всякомъ случаѣ всѣ основанія думать, что проходили суммы значительно большія, чѣмъ о какихъ знаютъ официальные источники ³⁾.

еще заявлено желаніе купить до 160.000 десятинъ, на сумму 200.000 р., но деньги еще не заплачены, частью прошли и сроки для взноса ихъ.

¹⁾ Иногда учрежденія, временно и случайно существовавшія, сами распоряжались суммами, только подъ ревизією ревизионъ-коллегіи, — ревизією, какъ извѣстно, почти всегда только номинальною. Въ 1762 г., напримѣръ, такъ расходовали суммы: контора строеній Зимняго Дому, контора строеній Воскресенскаго монастыря; цаммейстерская контора, экономическая контора лейбъ-гвардіи и нѣкоторыя другія.

²⁾ (*Боринскъ*, т. XXVIII, 69—73.

³⁾ Въ одномъ дѣлѣ Моск. Архива Мин. Юстиціи дѣла камеръ-коллегіи — вѣзка 259, дѣло 7. читаемъ, что въ 1764 г. въ гор. Кокшажскѣ собрало было „гривенныхъ по указу 1712 г. денегъ на постройку таможенъ и кабаковъ“ 221 р. съ копейками; изъ нихъ по усмотрѣнію самой этой канцеляріи употреблено 192 р., и

Въ предыдущемъ изложеніи уже не разъ приходилось намъ упомянуть о назначеніи тѣхъ или другихъ доходовъ на тотъ или другой расходъ, т. е. о такъ называемой спеціализаціи государственныхъ доходовъ; она существовала у насъ въ теченіе всего XVIII ст.; на всемъ его пространствѣ можно встрѣтить только нѣсколько попытокъ отъязаться отъ нея и соединять доходы по разнымъ статьямъ въ одну общую сумму, изъ которой уже и производились бы расходы ¹⁾). Кн. М. П. Волконскій высказывалъ пожеланіе, чтобы на всякіе расходы деньги были ассигнуемы „не взирая ни той или другой суммы, а различія суммъ только содержать для одного счету, а не такъ, какъ нынѣ разныя суммы на разныя употребленія опредѣлены“, и находилъ, что „лучше, чтобъ всѣ остатки отъ года въ одномъ мѣстѣ были, и тако всѣ источники будутъ течь въ одинъ колодезь, а изъ него куда надо черпать удобнѣе и свѣдомо будетъ“ ²⁾). Но и пожеланія и попытки эти мало имѣли практическаго значенія; единство кассъ установилось у насъ вполнѣ только въ срединѣ XIX вѣка.

Спеціализація доходовъ—это явленіе общее въ финансовой исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ и въ новой исторіи ведетъ свое начало съ ея первыхъ вѣковъ. Она явилась естественнымъ послѣдствіемъ того факта, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ при переходѣ отъ средневѣковаго государственнаго хозяйства къ государственному хозяйству новаго времени, когда значительно усилились и развились государственныя потребности, при общемъ тогда нерасположеніи къ налогамъ, всякій новый налогъ вводится не иначе какъ для удовле-

только 28 р. 86 к. отосланы въ свѣтскую провинціальную канцелярію; израсходованы были эти деньги не только безъ контроля, но и на тѣ даже потребности, какія указаны выше, а между прочимъ на содержаніе перевоза. И это вовсе не рассматривалось, какъ своевольство или нарушеніе порядка.

¹⁾ 15 сентября 1765 года былъ Высочайше утвержденъ докладъ сената—Пол. Собр. Зак., XVI, № 12472—который одобрялъ предложеніе военной комиссіи — прямо передавать сумму, назначенную на содержаніе арміи, въ вѣдѣніе главнаго комиссаріата, который бы затѣмъ и распределялъ ее самъ, вѣдѣнаго того что прежде на каждую статью расходовъ по арміи опредѣлены были суммы изъ разныхъ источниковъ. Въ 1780 году въ положеніи о штатныхъ казначействахъ опредѣлено, что въ эти казначейства будутъ высылаться деньги „суммами, а не по званіямъ доходовъ“ Пол. Собр. Зак., № 15.075, п. 3, 24 октября 1780; по спеціальнымъ доходамъ на армію и флотъ были сохранены по прежнему.

²⁾ „Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ“—въ *Сборникѣ*, т. V, 122—127.

творенія снціальной, опредѣленной потребности ¹⁾, а такъ какъ вслѣдствіе этого средства, имѣвшіяся въ распоряженіи государства, оказывались всегда уже распределенными на специально обозначенныя потребности, то для всякой новой потребности приходилось вводить новый или увеличивать старый налогъ, при чемъ обыкновенно указывалось специальное назначеніе прибавки. Съ теченіемъ времени образовался какъ бы особый пріемъ финансоваго управленія—всякую статью дохода опредѣлять на извѣстную статью расхода ²⁾. И въ Московскомъ государствѣ мы наблюдаемъ подобное явленіе. Помимо того, что въ немъ развиты были натуральныя повинности, которыя по существу представляли изъ себя то же полученіе съ населенія средствъ на удовлетвореніе специальныхъ потребностей,—таковы, напри- мѣръ, были обязанность укрѣплять городъ своего уѣзда, обязанность доставлять лошадей княжескимъ и царскимъ гонцамъ и чиновникамъ и т. н.—помимо этого существовали такія подати, какъ холопничныя деньги, стрѣльчкія деньги, ямскія деньги, сборы на жалованье ратнымъ людямъ и т. д.—т. е. чисто специальные доходы. Когда Петръ Великій вводилъ свои реформы въ финансовомъ управленіи, онъ поступалъ вполнѣ согласно и съ московскою практикою и съ практикою другихъ современныхъ ему государствъ, устроивъ русскіе финансы такъ, что важнѣйшіе источники расходовъ получили удовлетвореніе изъ специально назначенныхъ на ихъ покрытіе источниковъ доходовъ: содержаніе арміи было разложено на все податное населеніе, прямо на число душъ: дѣленіемъ суммы, потребной для арміи, на число душъ опредѣлился и размѣръ подушной — въ 70 коп.; на содержаніе флота назначены были сборы таможенные и нитейные, на содержаніе двора былъ обращенъ соляной сборъ и т. д. Этотъ порядокъ въ существенныхъ своихъ чертахъ и удержался въ теченіе цѣлаго столѣтія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственныхъ потребностей появились, естественно, и новые сборы, особенно разнаго рода актовые пошлины и сборы, связанные съ торговлею, повысились нѣкоторыя прежніе сборы—особенно оброчные и продажная цѣна вина,—но всегда, когда принимались были мѣры для увеличенія доходовъ, вся ожидавшаяся прибавка ихъ получала специальное назначеніе и всякіе новые

¹⁾ См. нѣкоторыя общія замѣчанія у *Лижула*, Основныя начала науки финансоваго права, Вступленіе, § 4, особ. 35 п слѣд.

²⁾ *Ricdel*, A. Fr. Die Brandenburgisch-Preussische Staatshaushaltung in beiden letzten Jahrhunderten, Berlin, 1866.

расходы всегда были расписываемы на опредѣленные, точно указанные источники ¹⁾; новыя статьи тогда и вводились, когда выяснялись уже настоятельныя требованія удовлетворить новыя статьи расхода. Безъ серьезной, коренной реформы въ финансовомъ управленіи эта специализація и не могла исчезнуть, а серьезной реформы произведено не было ²⁾.

Были, кромѣ того, у насъ два особыя условія, способствовавшія сохраненію специализаціи, дѣлавшія ее, пожалуй, необходимою; эти условія лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ нашего денежнаго обращенія и въ состояніи нашихъ путей сообщенія.

До 1769 г. въ Россіи не было бумажныхъ денежныхъ знаковъ, а обращалась монета, и по преимуществу мѣдная; уже къ концу царствованія Екатерины II при 157 милл. руб. бумажныхъ денегъ въ странѣ ходило около 85 милл. руб. мѣдными деньгами и около 170 милл. руб. монетою золотою и серебряною ³⁾. Если принять во вниманіе, что только въ 1782 г. были выпущены ассигнаціи въ 5 и въ 10 руб., а раньше не было бумажекъ меньшихъ чѣмъ въ 25 руб., что серебряную, а тѣмъ болѣе золотую монету хранили по преимуществу казна и капиталисты, то есть всё основанія думать, что мѣдная монета, составлявшая почти пятую часть всѣхъ денегъ въ странѣ, въ низшихъ слояхъ населенія была въ обращеніи почти исключи-

¹⁾ Приведемъ одинъ примѣръ того, какъ распредѣлились назначенія благодаря строго соблюдаемой специализаціи доходовъ. Подушныя деньги въ 1763 году распредѣлялись на четыре спеціальныя суммы, а именно на такія: 4.715.972 р., 356.487 р., 76.822 р. и 63.403 р. На тѣ же расходы, на которые шли первыя изъ этихъ суммъ— на расходы главнаго комиссаріата, было затѣмъ еще положено изъ винныхъ сборовъ 532.845 р., т. е. больше, чѣмъ содержали три суммы, назначавшіяся изъ подушныхъ денегъ; слѣдовательно, можно было бы прямо отдать на комиссаріатъ всѣ подушныя деньги и затѣмъ дополнить ихъ изъ какой-нибудь статьи дохода; такимъ образомъ во всякомъ случаѣ уничтожена была бы хоть необходимость дѣлать пропорціо-нально четыремъ вышеуказаннымъ суммамъ всѣ подушныя сборы. Сумма въ 356.487 р. изъ подушныхъ шла на артиллерию, и затѣмъ расходы на артиллерию пополнялись еще четырьмя спеціальными назначеніями до 585.000 р. (изъ новоналоженныхъ винныхъ 43.396 р., изъ прибавочныхъ винныхъ 60.162 р. и изъ соляныхъ сборовъ 124.903 р.)— слѣдовательно опять-таки возможно было всѣ расходы по артиллеріи покрывать изъ винныхъ сборовъ, если бы обратитъ на нее тѣ 532.845 р., которыми шли на комиссаріатъ, и 53.000 р. изъ тѣхъ прибавочныхъ винныхъ, которыми шли на артиллерию и теперь. Изъ документа, напечатаннаго въ *Сборникѣ*, т. XXVIII, 57—63.

²⁾ Ср. у *Милюкова*, Государственное хозяйство, 671—672.

³⁾ *Шторга*, Матеріалы для исторіи денежныхъ знаковъ въ Россіи—*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1868, мартъ.

тельно ¹⁾). Мѣдная монета была разныхъ чекановъ, отъ 40 до 8 рублей изъ пуда, больше же всего было въ обращеніи монеты по 16 руб. изъ пуда. При такомъ чеканѣ сумма въ 1.000 руб. представляла собою тяжесть въ 62 пуда, а легче 25 пудовъ за 1.000 руб. мѣдной монеты и не было. Передвиженіе суммъ было, поэтому, чрезвычайно затруднительно и, слѣдовательно, было необходимо его по возможности избѣгать. Состояніе путей сообщенія, къ тому же, было таково, что еще въ концѣ вѣка осеніе мѣсяцы официально признавались за почти невозможные для передвиженія суммъ ²⁾). Итакъ, было необходимо имѣть на мѣстахъ деньги, по возможности на всякіе расходы, которые могли или, лучше сказать, должны были на мѣстѣ представиться. Невозможно было, конечно, предоставить распределеніе собиравшихся на мѣстахъ суммъ провинціальной администраціи тѣмъ болѣе въ то время, когда вся она была представлена одними восводами во всѣхъ городахъ кромѣ губернскихъ: приходилось въ центральныхъ учрежденіяхъ сообразить количество имѣющихъ поступить въ томъ или другомъ пунктѣ доходовъ разнаго званія съ тѣми расходами, которые предстояло тамъ произвести, сообразить, хотя бы приблизительно, срокъ поступленія и расходованія денегъ—и затѣмъ предписать мѣстнымъ представителямъ власти на опредѣленные потребности употреблять доходы по опредѣленнымъ статьямъ. Такъ поддерживалась и сохранялась у насъ специализація доходовъ. Когда съ учрежденіемъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействъ явились въ провинціи въ значительномъ числѣ органы финансоваго управленія, имъ предоставлена была въ распределеніи поступающихъ суммъ нѣсколько большая свобода, но и то доходы, цѣликомъ имѣвшіе специальное назначеніе, строго предписывалось „сбирать особо и доставлять въ тѣ мѣста, до которыхъ какой доходъ принадлежитъ на прежнемъ основаніи. Прочіе же доходы, кои вновь росписаны на расходы въ губерніяхъ...

¹⁾ По словамъ одного анонимнаго разсужденія о поправленіи русской коммерціи, поданнаго въ 1762 г., въ Малороссіи и смежныхъ съ нею великороссійскихъ губерніяхъ многіе мѣстные жители „серебряной и не выдывали“. *Оурсовъ*, Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ. Казань, 1903, стр. 46.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XXII, № 15.141. Наставленіе казеннымъ палатамъ, § 2, 24 марта 1781 г.—Главный комиссаріатъ въ 1767 г. жаловался, что подушныя деньги привозятся крайне медленно: „какъ тѣ собранныя деньги отправляются на уѣздныхъ подводахъ, то за нескорою оныхъ по городамъ дачею, недѣли по двѣ въ каждомъ почти городѣ продолжаются“; комиссаріатъ просилъ, чтобы за промедленіе въ городѣ свыше трехъ дней налагался бы на городскую канцелярію штрафъ. *Сборникъ*, т. XLIII, 127, 128.

съ вышеупомянутыми, до разныхъ мѣстъ принадлежащими доходами, не смѣшивать, но собирать также особливую суммою. И понеже всякому изъ оныхъ мѣстъ равная въ деньгахъ надобность настоятъ, дабы въ расходахъ остановки не было, то всѣ оныя доходы, сколько бы ихъ когда ни вступило, раздѣлять всякій разъ по частямъ каждому изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, сколько которому по мѣрѣ опредѣленной суммы на его часть придется“—далѣе разъясняется, что надо разсчитывать на ежемѣсячные расходы каждаго мѣста ¹⁾).

Такой видъ приняло финансовое управленіе въ Россіи черезъ 40, приблизительно, лѣтъ послѣ Петра. Онъ стремился выдѣлить и сконцентрировать управленіе финансами—теперь сохранилась почти только тѣнь единства въ этомъ управленіи; учрежденія, которое руководило бы специально всею экономическою дѣятельностью и финансами государства, не было: камеръ-коллегія совершенно утратила значеніе такого мѣста; экономическое положеніе государства улучшилось очень мало сравнительно съ тѣмъ, въ какое оно было повергнуто тяжелыми войнами Петра Великаго; реформа финансового управленія являлась настоятельною необходимостью; Екатерина чувствовала это и обратила вниманіе на финансы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія своего на престолъ она такъ вспоминала о своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ направленіи: „Въ 1762 г. при вступленіи моемъ на престолъ я нашла сухонутную армію въ Пруссіи за двѣ трети жалованья не получившую; въ штатсъ-конторѣ именныя указы на выдачу 17 милл. рублей не выолненные... По восшествіи моемъ на престолъ сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милл. руб. По прошествіи двухъ лѣтъ я посадила кн. Вяземскаго и д. т. сов. Мельгунова, тогдашняго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ сочли 28 мил.—12 мил. болѣе нежели сенатъ вѣдалъ“ ²⁾). Этотъ отзывъ очень хорошо извѣстенъ; трудно, кажется, и подсчитать, сколько разъ были повторены эти слова. Въ общемъ положеніе обрисовало тутъ вѣрно, но въ частности не мало неточностей, и неточностей весьма существенныхъ. Дѣйствительно, въ 1762 г. дефицитъ былъ, но достигалъ онъ всего, по докладу сената, приблизительно 1.150.000 руб.; штатсъ-контора считала, что у нея на всѣ

¹⁾ Пол. Собр. Зак., кн. XXI, № 15.090, 30 ноября 1780 г.

²⁾ Сборникъ, т. XXVII, 170, 171.

предписанные ей расходы не хватаетъ денегъ, но не хватаетъ всего около 2 мил. р.,—17 же мил. это былъ весь предстоявшій на 1762 г. расходъ¹⁾. 28-и миллионъ бюджетъ нашъ достигъ только въ 1769 г. и вовсе не вслѣдствіе того, чтобы были раскрыты такіе доходы, которыхъ сенатъ не принималъ прежде въ расчетъ, а частью вслѣдствіе естественнаго возрастанія доходовъ, частью вслѣдствіе увеличенія податнаго обложенія и привлеченія въ число ресурсовъ казны такихъ поступленій, которыя прежде казнѣ не принадлежали — именно, съ 1763 г. казна стала получать по коллегіи экономіи свыше 1.500.000 р. съ бывшихъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній, съ 1764 г. прибавлено разныхъ сборовъ на сумму свыше 1.500.000 р. для жалованья, наконецъ въ 1769 г. шла уже война, и въ это время собиралось около 3½ мил. разныхъ налоговъ, наложенныхъ специально въ виду войны²⁾. Такимъ образомъ до 7.000.000 руб. изъ числа 12, о которыхъ упоминаетъ императрица, получаютъ совершенно не то объясненіе, какое она даетъ имъ. Но въ общемъ замѣчаніе императрицы о томъ, что финансовое положеніе было запутано — справедливо, справедливо и указаніе, что приходилось еще только собирать свѣдѣнія о государственныхъ финансахъ, что свѣдѣній этихъ не было. И императрица думала о коренныхъ улучшенияхъ въ финансовомъ управленіи. 30-го марта 1764 г. она назначила президентомъ камеръ-коллегіи довѣренное лицо — кн. Бор. Ал. Курякина и дала по этому случаю замѣчательный указъ.

Въ указѣ этомъ³⁾ императрица говоритъ о задачахъ финансоваго управленія и камеръ-коллегіи довольно близко къ тому, что говорилъ Петръ Великій. „Понеченіе о государственныхъ доходахъ произвело во всѣхъ государствахъ особыя подѣлы разными наименованіями правительства“; „Петръ Великій учредилъ у насъ къ тому камеръ-коллегію“; „сіе правительство не что иное есть, какъ мѣсто общественнаго въ Имперіи хозяйства“; излагая затѣмъ обязанности камеръ-коллегіи, императрица болѣе слѣдуетъ ея первому, петровскому, регламенту, ставившему коллегіи болѣе широкія задачи; камеръ-коллегія, читаемъ мы, „должна закономъ себѣ имѣть: надзирать за всѣми государственными окладными и неокладными доходами, какого бы званія они ни были, собирать подробныя изъ всѣхъ мѣстъ

¹⁾ Документы въ *Сборникѣ*, т. XXVIII, 16, 29.

²⁾ *Сборникъ*, т. V, 224—227.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVI, стр. 693, № 12.118, 30-го марта 1764 г.

о государственныхъ доходахъ и всякихъ сборахъ вѣдомости, внося оныя въ общую окладную книгу; наблюдать, чтобы всѣ по той окладной книгѣ бездомочно положенное на нихъ платили; знать о всѣхъ государственныхъ расходахъ, примѣчая при томъ, соотвѣтствуетъ ли приходъ расходамъ, разсматривать счета губернскихъ и воеводскихъ канцелярій и отсылать потомъ на ревизию, разсуждать и высматривать, не можно ли приобрести откуда новыхъ доходовъ безъ отягощенія народнаго и о томъ представлять — особенно замѣчательны эти послѣднія слова; они свидѣтельствуютъ, что снова мелькаетъ та мысль, которая была у Петра — мысль создать учрежденіе, дѣйствительно завѣдующее государственнымъ хозяйствомъ — и которая была оставлена въ 1731 г. Указъ 1764 г. признаетъ, что камерь-коллегія, частью отъ неумѣнья членовъ, частью отъ недостатка усердія „удалилась совершенно отъ указаннаго ей преполознаго предмета, состоящаго въ приращеніи доходовъ и обогащеніи государства“, и занялась только производствомъ „канцелярскимъ порядкомъ“ текущихъ дѣлъ. „Въ сіе безмолвное состояніе приведена камерь-коллегія можетъ быть нѣкоторыми и неуваженіями отъ высшаго къ ней правительства и оттого вкорененною присутствующихъ робостью, кои, исполняя только одни посыласмые къ нимъ указы, и не смѣютъ, и времени не имѣютъ мыслить о изобрѣтеніи способовъ къ достиженію тѣхъ дальнихъ намѣреній, кои въ регламентѣ изображены“; въ этихъ словахъ нельзя не видѣть осужденія и тому ослабленію численнаго состава коллегіи, которое явилось въ силу указа 1727 г. и лишило камерь-коллегію и всѣ другія, кромѣ трехъ государственныхъ, возможности дѣлать что-либо кромѣ отправленія текущихъ дѣлъ.

Кн. Куракинъ былъ назначенъ президентомъ камерь-коллегіи съ назначеніемъ сенаторомъ, избавленъ отъ текущихъ по коллегіи дѣлъ и получилъ разрѣшеніе представлять свои соображенія непосредственно императрицѣ — этимъ до извѣстной степени возстановлялось то положеніе, какое получила камерь-коллегія первоначально, когда всѣ текущія дѣла должны были вѣдаться конторою камерь-коллегіи, а для самой коллегіи была сохранена возможность заниматься дѣлами болѣе значительными, только теперь существовавшая камерь-коллегія получила задачи предположенной прежде конторы, а полномочія прежней коллегіи были вручены ей президенту. Кн. Куракинъ сохранилъ одновременно и ту должность, какую онъ занималъ — именно должность президента только что учрежденной коллегіи экономіи — кажется, была мысль изъ этихъ двухъ учреждений создать одно, кото-

рое бы завѣдывало, въ широкомъ смыслѣ слова, финансами страны: по крайней мѣрѣ гр. П. П. Панинъ, которому послѣ смерти кн. Куракина поручено было временно наблюдать за обѣими коллегіями, представляя, 20-го января 1765 г., императрицѣ свой отчетъ, говорить въ немъ между прочимъ слѣдующее: „если Вашего Императорскаго Величества намѣреніе о государственной пользѣ клониться соизволясть на препорученіе всѣхъ вообще государственныхъ доходовъ съ ихъ статями во управленіе и надзираніе въ одно государственное мѣсто, то сія коллегія (коллегія экономін) можетъ уже быть присоединена или и совсѣмъ обращена въ департаментъ того единого государственнаго надъ всею казною мѣста“ ¹⁾.

Кн. Куракинъ, пробывшій президентомъ камеръ-коллегіи мѣня года—онъ умеръ 22-го ноября 1764 г.,—не успѣлъ сдѣлать ничего сколько-нибудь существеннаго по переустройству коллегіи; въ должность онъ вступилъ 2-го іюня и въ іюнѣ же представилъ императрицѣ, что, изучивъ дѣятельность камеръ-коллегіи, находитъ много упущеній, „а нное и отъ самаго установленія въ неисполненія“; 19-го августа онъ представилъ отчетъ о томъ, что сдѣлано уже имъ для разбора дѣлъ коллегіи, и высказалъ, что необходимо учредить при камеръ-коллегіи особый департаментъ, которому поручить разборъ дѣлъ за прежніе годы, съ тѣмъ, чтобы сама коллегія получила возможность работать надъ другими, важнѣйшими задачами,—восемь человекъ, составлявшіе весь штатъ коллегіи, при всемъ рвеніи не могли справиться съ дѣлами ²⁾; докладъ этотъ былъ утвержденъ, и департаментъ былъ устроенъ; онъ просуществовалъ до 20-го апрѣля 1780 г., когда, по окончаніи почти всѣхъ дѣлъ за прежніе годы, департаментъ былъ закрытъ, а оставшіяся нѣсколько дѣлъ переданы снова въ коллегію для рѣшенія въ ней ³⁾; 13-го октября 1764 г., по просьбѣ камеръ-коллегіи, сенатъ постановилъ напомнить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они немедленно доставили всякаго рода вѣдомости, нужныя камеръ-коллегіи, о доставленіи которыхъ коллегія писала уже имъ (30-го іюля 1764 года), но „безъ преуспѣнія“ ⁴⁾. Какіе порядки на-

¹⁾ Сборникъ, т. XXVIII, 109.

²⁾ Всеподаннѣйшіе рапорты Куракина отъ 21 іюня и 19 августа—въ Государственномъ архивѣ. XIX, 7, 4; второй былъ рассмотрѣнъ императрицею 13 августа и этимъ же днемъ помѣченъ указъ объ учрежденіи департамента—Пол. Собр. Зак., т. XVI, № 12.239.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XX, № 15.003.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVI, № 12.262.

шелъ князь Куракинъ въ коллегіи и что началъ онъ тамъ дѣлать— узнаемъ изъ доношенія его въ сенатъ. Сообщивъ о порядкѣ своего вступленія въ должность, князь Куракинъ далѣе говоритъ: 3) „По многимъ изъ правительствующаго сената указамъ, не только начавъ отъ 740 года, но и въ нынѣшнемъ 1764 году до семидесяти, дѣйствительнаго исполненія было не учинено; равно какъ и требующихся въ слѣдующія мѣста вѣдомостей нежели (sic) не отправлено, но большею частью оныхъ и сочинять не начато, а именно: въ новоучрежденную о винѣ и о соли комиссію; о расходѣ на строеніе кабаковъ и прочаго съ 1756 по 760 годъ; о убыткахъ казенныхъ причинившихся отъ пожаровъ и другихъ случаевъ; о числѣ въ городѣхъ и въ уездѣхъ кабаковъ съ показаніемъ оклада и о числѣ же винокуренныхъ заводовъ бывшихъ до 1749 году за купцами; о продажѣ вина съ 1756 году; и о впадшихъ въ преступленіе по корчемнымъ съ 749 по воспослѣдованія Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества 1762 году сентября 22 дня указу; а къ генераль-прокурорскимъ дѣламъ: о новоположенныхъ по указамъ 1750 и 756 годовъ до 1763 году сборахъ съ показаніемъ изъ нихъ расходу и остатку по годамъ; о сборѣ жъ 1763 году и какаѣ за исключеніемъ указныхъ расходовъ сумма въ наличности гдѣ состоитъ и о счисляемой въ нынѣшнемъ 764 году суммѣ, гдѣ жъ и къ которому времени она въ наличности быть можетъ; да и по предложеніямъ моимъ (сверхъ тѣхъ, кои я уже имѣю) о коллежскомъ правленіи и упражненіи въ чемъ именно состоитъ, и послѣ даннаго камеръ-коллегіи въ 1731 году регламента по воспослѣдовавшимъ указамъ о происшедшихъ въ сборахъ переимѣнахъ, какіе порознь по сборамъ показаны оклады, и во оныя какъ тѣхъ окладныхъ и неокладныхъ въ сборѣ было, и куда оныя отсылкою положены, когда какой и по какому установленію окладъ положенъ, и съ того времени, а по крайней мѣрѣ не меньше какъ за 10 лѣтъ, поскольку въ годъ собиралось и всѣ ли въ принадлежащія мѣста отсланы, изъ чего бъ возможно было увидѣть чѣмъ по окладу и годъ противъ году приборомъ или недоборомъ и въ какихъ званіяхъ разнится, также о неокладныхъ сборахъ по какимъ оныя указамъ учреждены и съ начала, а по послѣдней мѣрѣ до нынѣ въ десяти годѣхъ бывшихъ, поскольку въ годъ собиралось; о прибавочныхъ на вино 1750 и 756 годовъ деньгахъ, сколько съ состоянія оныхъ по нынѣшній годъ въ каждомъ въ сборѣ было и куда въ расходъ употреблялись по званіямъ. 4) Генеральной, за прошлый 1763 годъ, о всѣхъ государственныхъ доходахъ, такъ, какъ и особенной, по ка-

меръ-коллегии о ся денжныхъ доходахъ и винѣ, вѣдомостей не сочинено; а изъ разныхъ мѣсть, по вступившимъ въ коллегію объ отдахъ на городовые магистраты сборовъ представленіямъ, и отъ разныхъ людей по даннымъ доношеніямъ объ отдахъ жъ на откупы, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ разсмотрѣнія не сдѣлано. 5) Въ силу именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго 1763 году декабря 15 дня о новосостоявшихся коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ штатахъ указу, приказнымъ и прочимъ служителямъ разбору и въ штатъ помѣщенія, а объ излишнихъ надлежащаго опредѣленія не учинено; что нынѣ мною дѣйствительно и исполнено, равно какъ и по регламенту камеръ-коллегии дѣла по четыремъ экспедиціямъ, въ которыхъ положено быть членамъ въ каждой по два, мною жъ раздѣлены по числу нынѣшняго членовъ положенія на три, присовокупя къ тому еще сибирскаго приказу и по корчемной канцеляріи дѣла, въ конхъ до сего учреждены были особливья правленія и въ нихъ члены, умалчивая теперь еще, какое бы изъ сего затрудненіе по малости членовъ произойти могло. 6) А какъ коллегія въ силу генеральнаго регламента настольнаго нерѣшеннымъ дѣламъ не только всѣмъ генерально, но паче интереснымъ не имѣла, слѣдовательно важности оныхъ, ни числа тѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ видѣть было не по чему, то, на основаніи онаго жъ регламента подъ неупустительнымъ взъсканіемъ нынѣ накрѣпко подтверждено, дабы всѣмъ нерѣшеннымъ дѣламъ по экспедиціямъ реестры, какъ наискорѣе возможно окончены, и учиня изъ нихъ генеральный, также какія и впредь въ коллегію вступать будутъ изъ присутственныхъ мѣсть промеморіи, а изъ губерній и городовъ доношенія и прочее требующее исполненія, оныя ежедневно вносить въ генеральной же реестръ съ очистками, и тѣ реестры для всегдашняго свѣдѣнія имѣть на судейскомъ столѣ, дабы коллегія видѣть могла изъ оныхъ, въ чемъ больше нужда требуетъ, а потому и скорѣйшее разсмотрѣніе чинить. 7) А понеже та жъ коллегія по производимымъ въ камеръ-конторѣ дѣламъ почти никакого свѣдѣнія не имѣетъ, ибо изъ оной ни о чемъ въ коллегію во извѣстіе не репортуется, а по силѣ состоявшагося въ 1722 году и впоследствии бывшаго нынѣ изъ правительствующаго сената указовъ, подчиненныя конторы состоятъ въ точной дирекціи своихъ коллегій, то и посему не преминулъ учредить, дабы отнынѣ камеръ-контора присылала въ коллегію еженедѣльные вѣдомости: 1) о наличной денежной казнѣ, 2) о наличномъ же винѣ, 3) о присутствіи членовъ и о рѣшенныхъ дѣлахъ, 4) о получаемыхъ изъ правительствующаго сената

указахъ, и какое по нихъ исполненіе чиниться будетъ, то жъ и о прочихъ рѣшенныхъ нужнѣйшихъ касающихся до казеннаго интереса дѣлахъ, какъ и о расчетахъ съ тамошними компанейщиками въ платежѣ откупной суммы и тому подобномъ; дабы коллегія, прямое свѣдѣніе имѣвъ, неисполненнаго взыскивать, а въ нужнѣйшемъ понужденіе чинить могла безъ наималѣйшаго упущенія. Затѣмъ сверхъ вышеписаннаго изъ поданныхъ по предложеніямъ моимъ отъ коллегіи объяснительныхъ вѣдомостей, усмотрѣно, 8) на виновныхъ поставщикахъ по ихъ контрактамъ на прошлые годы въ недоставѣ вина около 200,000 ведръ, отчего теперъ и коллегія чувствуетъ къ предыдущему здѣсь, и на отпуски въ нѣкоторые московскаго уѣзду города, по ихъ требованіямъ расхода, недостатка, который и послѣдовать можетъ, если учиненное нынѣ тѣмъ поставщикамъ черезъ подписки понужденіе не предуспѣетъ, о которомъ однако жъ я ко отвращенію того недостатка всевозможныя мѣры приложить не оставлю“. „Сие есть то, такъ оканчивается доношеніе—что я нынѣ по теченію канцелярскихъ дѣлъ изъяснить правительствующему сенату въ состояніи себя нашель, оставляя всѣ подробныя описанія въ исполненіи какъ оной коллегіи регламента, такъ и по послѣдующимъ узаконеніямъ, по освидѣтельствуванію объявленныхъ неонисанныхъ еще дѣлъ; а сколь скоро все мною отъ коллегіи требованное исполнено будетъ, тогда правительствующему сенату въ наблюденіе своей должности съ надлежащими примѣчаніями представлять не премину“¹⁾.

Въ 1765 г. назначенъ былъ президентомъ камеръ-коллегіи Ал. Петр. Мельгуновъ—въ должность онъ вступилъ 24-го іюня 1765 г.²⁾ Это былъ замѣчательный, еще мало оцѣненный, дѣятель. Близкій къ правительственнымъ сферамъ уже при Елизаветѣ, онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ Петра Ѳеодоровича, высоко цѣнила его и Екатерина; въ началѣ 1764 г. ею утвержденъ былъ обширный планъ заселенія и устройства Новороссійской губерніи, выработанный Мельгуновымъ и заслужившій самый лестный отзывъ И. И. и П. И. Паниныхъ, которымъ былъ онъ переданъ на разсмотрѣніе³⁾; послѣдніе годы жизни Мельгуновъ былъ намѣстникомъ ярославскимъ и вологодскимъ. Призванный на постъ президента камеръ-коллегіи,

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената по камеръ-коллегіи, кн. 9—3.580, лл. 424—426, 25 іюля 1764 года.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла камеръ-коллегіи, визка 288. № 1.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XVI, № 12.099.

Мельгуновъ въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія былъ депутатомъ отъ камерь-коллегіи и оставилъ намъ любопытное изложеніе своихъ взглядовъ на задачи и значеніе камерь-коллегіи и своихъ плановъ относительно ея—въ докладѣ, который онъ представлялъ императрицѣ въ 1767 г. и который, съ незначительными измѣненіями, является также и наказомъ ему, Мельгунову, отъ камерь-коллегіи, какъ ея депутату въ комиссіи ¹⁾).

Выразивъ свое полное согласіе съ мыслями, высказанными въ указѣ о назначеніи кн. Куракина, и повторивъ, что „намѣреніе первоначальнаго основанія“ камерь-коллегіи было въ томъ, чтобы коллегія эта стала „мѣстомъ общественнаго въ имперіи хозяйства“, Мельгуновъ говоритъ, что ради сего не только былъ данъ приличный регламентъ, „но и стараніе приложено, чтобы по мѣрѣ столь многотруднаго дѣла и способы облегчить“, именно—придана была камерь-коллегіи такая организація, которая давала возможность и вести текущія дѣла и „не только за главныхъ доходовъ теченіемъ и ихъ распределеніемъ, но наче за тѣми источниками смотрѣть, откуда тѣ доходы имѣютъ свое начало“; однако, скоро, въ силу разныхъ причинъ, коллегія занялась преимущественно акцизными дѣлами, такъ что, „оставя головоломную свою должность“, „сама акцизною конторою сдѣлалась“ и, „вступивъ въ мелочныя дѣла“, не могла уже исполнять своего главнаго назначенія. Въ 1731 г. произведена была попытка поправить дѣло учрежденіемъ „совсѣмъ новой“ коллегіи; но попытку эту Мельгуновъ не считаетъ удачною: по регламенту этого года камерь-коллегія „потеряла свой главный предметъ“—она только уже смотрѣла за общественнымъ хозяйствомъ, а не управляла имъ; благодаря этому, а также и сохраненію въ вѣдѣніи ея „всѣхъ подробностей акцизной конторы“ и многихъ другихъ мелкихъ дѣлъ, каковы дѣла корчемныя и имъ подобныя, коллегія не могла преслѣдовать никакой определенной программы, и все дѣлалось по случайнымъ соображеніямъ ²⁾. Свой очеркъ недостатковъ прежней организаціи выс-

¹⁾ Наказъ—въ *Сборникѣ*, т. XIII, 145—154, онъ помѣченъ августомъ 1767 г.; докладъ—въ Государственномъ архивѣ, XIX, 7, 5; они сходны почти дословно; различія—стилистическія; наиболѣе важное—въ п. 15, гдѣ по тексту наказа читается: „и уповательно, что на знатную бы часть расходовъ не хватало денегъ“, а въ докладѣ: „на пятую часть расходовъ...“ Начиная съ п. 15, въ наказѣ идетъ то, что къ докладу приложено въ видѣ особой записки съ заглавіемъ: „Мнѣніе, на какомъ основаніи коллегіи рассуждается быть“.

²⁾ Наказъ, п. 7: „Сіе послѣднее dokonчалъ пожаръ 1737 г., а что принадлежитъ

шаго финансоваго управленія Мельгуновъ заканчиваетъ указаніемъ на количество нерѣшенныхъ дѣлъ, остававшихся въ камерь-коллегіи ко времени назначенія туда кн. Куракина, и затѣмъ переходитъ къ выясненію того, какъ надо устроить коллегію, чтобы она удовлетворяла своему назначенію.

По словамъ Мельгунова для того, чтобы коллегія „должность свою безъ запущенія выполняла и вѣдала государственное хозяйство“, чтобы „новыя струи коронныхъ доходовъ и всеобщаго обогащенія, которыя текутъ подѣ премудрымъ, славнымъ и трудолюбивымъ господствіемъ“ государыни, „не были отводимы отъ настоящей ихъ цѣли, но всѣ равно содѣйствовали общему государственному хозяйству“, „необходимо надобна совѣтъ другая камерь-коллегія, нежели каковы онѣ были“. Новая коллегія должна быть прежде всего выведена изъ второстепеннаго положенія, какое она занимала и которое совершенно ненормально для учрежденія, вѣдающаго такую важную отрасль, она должна быть поставлена въ ближайшее отношеніе къ государынѣ, чтобы твердо и ясно знать и смѣло осуществлять ея намѣренія. Приходъ и расходъ государственныхъ суммъ долженъ быть только частью, хотя и важною, но не главною, въ дѣятельности этой коллегіи, главнымъ же дѣломъ этой коллегіи должно быть по мнѣнію Мельгунова слѣдующее: „чтобы источники государственныхъ доходовъ, народъ и хлѣбопашество, яко главнѣйшіе, не истощались, но всегда возрастая, дѣлали всеобщее обогащеніе; чтобы всѣ мелочныя доходы, кои наибольшее затрудненіе наносятъ, уничтожа, приложить къ главнымъ, или превратить оныя въ надежныя; чтобы смотрѣть и соображать, какіе сборы государству въ тягость и какими поощряется паче государственное и всеобщее домостроительство, нежели отягощается, и не настощь ли которому опасность, что пресѣчется вдругъ самымъ своимъ уничтоженіемъ или прекращеніемъ“; камерь-коллегія должна была бы имѣть „свѣдѣнія

до новой камерь-коллегіи, то хотя и казалось, что ей трудовъ убавлено тѣмъ, что штатъ-контора, которая нѣсколько лѣтъ съ нею соединена была и по существу своему ничто иное, токмо расходчица си есть, въ то время какъ отдѣлилась; но понеже сими новымъ регламентомъ всѣ подробности акцизной конторы при одной камерь-коллегіи оставлены и потому еще въ прибавокъ мелочными дѣлами, яко то корчменными и тому подобными загруженною осталась, чрезъ что и она, оставляя главный предметъ, или не имѣя способовъ и времени прилежать, частію уразнилась токмо въ нѣкоторыхъ дѣлахъ тѣмъ съ меньшимъ порядкомъ, что по потеряннѣ главнаго предмета отнюдь никакое систематическое воображеніе не могло служить руководствомъ, а все распоряжалось по случайнымъ и ежедневно перемѣняющимся приключеніямъ“. *Сборникъ*, т. XI, III, 147.

о государственныхъ крестьянахъ, о лѣсахъ, водахъ, земляхъ, минеральныхъ, о засѣвѣ и урожаѣ хлѣба и цѣнахъ хлѣбныхъ, пшленныхъ мельницахъ, чѣмъ каждый уѣздъ недостаточенъ и чѣмъ изобилуетъ, такъ же о числѣ людей по званіямъ и по ревизіямъ“; составъ ея долженъ быть значительно усиленъ — именно въ ней должны быть образованы три департамента, сверхъ того, который уже существовалъ для разбора старыхъ дѣлъ, а „для точнаго о каждомъ уѣздѣ по камернымъ дѣламъ свѣдѣнія въ каждомъ городѣ камериръ, особо зависящій отъ коллегіи, состоятъ долженъ“. Къ докладу Мельгуновъ присоединилъ и примѣрное расписаніе дѣлъ по департаментамъ и въ нихъ по экспедиціямъ; въ этихъ частяхъ предположенія его не представляютъ для насъ особаго интереса; но предположеній его объ самомъ устройствѣ камернаго управленія нельзя не признать въ высшей степени замѣчательными: они содержатъ въ общихъ чертахъ, но широкій планъ организаціи не только центральнаго, но и мѣстнаго управленія, такого, которое вѣдало бы всякія дѣла, близко относящіяся къ финансамъ страны, дѣла, входящія теперь въ кругъ вѣдѣнія министерствъ финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и, частью, внутреннихъ дѣлъ; если бы организація эта осуществилась, она едва ли осталась бы безъ весьма замѣтныхъ послѣдствій для экономическаго развитія страны... Мельгуновъ, правда, не указываетъ въ этомъ своемъ докладѣ прямо мѣръ, практически выполнимыхъ и полезныхъ для экономическаго развитія страны, но несомнѣнно все-таки, что онъ постоянно имѣлъ въ виду эту серьезную задачу, имѣлъ и кое-какіе готовые планы; помимо указаннаго нами его плана заселенія Поворосійской губерніи, замѣчательнаго особенно постановленіями, клонящимися къ развитію земледѣлія, приведемъ еще слѣдующія слова изъ его доклада о замѣнѣ частнаго винокуренія казеннымъ: „если питьевые доходы въ желаемый порядокъ по предписанному плану достигнуть, то вѣрно изъ сего произвольнаго съ народа побора остающимся за всѣми нужными расходами излишкомъ многія другія разныя отяготительныя подати въ пользу всенародную обратить можно будетъ, также и хлѣбные на все государство достаточныя магазейны (устроить), не требуя на оныя, кромѣ что на вино обыкновенно употребляемыхъ денегъ и тѣмъ на всегдашнее время отъ лютаго голода народъ предохраненъ быть можетъ“¹⁾).

Къ сожалѣнію, предположенія эти не осуществились; камеръ-кол-

¹⁾ Государственный архивъ, XIX, 7, 6; докладъ 16 февр. 1766 г.

легія получила только нѣкоторое увеличеніе штатовъ по указу 15-го декабря 1763 г., которымъ усилены были штаты всѣхъ вообще правительственныхъ мѣстъ, а больше никакихъ реформъ въ ней не произведено. Опять, какъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, двѣ счастливыя мѣры нѣсколько ослабили настоятельную нужду въ деньгахъ и этимъ отодвинули начало реформъ въ финансовомъ управленіи — мы имѣемъ въ виду отобраніе въ казну монастырскихъ крестьянъ и, особенно, сбавку съ цѣны соли; эта сбавка 10 к. съ пуда, рѣшенная въ первые же дни новаго царствованія, должна была — если бы не возрасло потребленіе соли — по количеству продававшейся соли дать уменьшеніе дохода въ 600.000 р., т. е. около 4% тогдашняго годового бюджета; на такое уменьшеніе дохода рѣшились и въ виду его ограничили на 300.000 расходы по Высочайшему двору; но продажа соли по пониженной цѣнѣ дала не уменьшеніе въ 600.000 р., а напротивъ — повышеніе соляныхъ сборовъ въ первый годъ на 65.000 р., затѣмъ на 175.000 р., а однажды — въ 1770 г. — даже на 460.000 р., такъ что правительство имѣло на 660.000, на 775.000 и даже на 1.000.000 больше, чѣмъ рассчитывало; вмѣстѣ съ доходами коллегіи экономіи получилось отъ 2 до 3½ милл. лишнихъ противъ того, чего ожидали, или почти на 25% больше ¹⁾ — это и дало возможность выйти изъ финансовыхъ затрудненій 1762 г. А такой результатъ отодвинулъ съ перваго плана мысль о финансовой реформѣ; конечно, при болѣе внимательномъ отношеніи къ финансовымъ вопросамъ можно было бы видѣть, что эти мѣры недостаточны; но этого не замѣтили. Многія причины обуславливали сравнительно малое вниманіе къ вопросамъ финансовымъ. Во-первыхъ — императрицу болѣе занимали общіе вопросы законодательства, чѣмъ устройство такой отдѣльной и специальной отрасли администраціи; вообще въ глазахъ людей XVIII в. финансовыя вопросы и экономическія отношенія не выдвинулись еще такъ на первый планъ, какъ выдвинулись они впоследствии; самая финансовая наука и политическая экономія еще только зарождались, а рядомъ существовало еще очень много такихъ явленій, которыя особенно привлекали къ себѣ вниманіе и поражали всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка: существовали повсемѣстная и явная недобросовѣстность и продажность администраціи, крѣпостное право, чрезвычайно несовершенное судопроизводство, жестокія наказанія, пытки — на этихъ явленіяхъ по преимуществу и прежде всего и оста-

¹⁾ Сборникъ, т. V, 221—227.

навливалось вниманіе лучшихъ людей того времени; по этимъ вопросамъ легче было и усвоить чужіе, прогрессивные взгляды и сказать свое слово, иногда и вѣское и полезное; вопросы же финансовой организациі требовали обширной подготовительной работы, требовали огромнаго количества точныхъ свѣдѣній, отсутствіе которыхъ иногда такъ же бросалось въ глаза, какъ и невозможность ихъ получить. Въ сферѣ этихъ вопросовъ не стояла впереди вѣка и императрица Екатерина, преданность которой просвѣтительнымъ идеямъ несомнѣнна. Второе дополненіе къ наказу — глава XXII — „О расходахъ, доходахъ, и о государственномъ оныхъ управленіи, сирѣчь о государственномъ строительствѣ, инако камернымъ правленіемъ нарицаемомъ“ (ст. 567—655) отлично свидѣтельствуетъ, какъ поверхностны, но глубоки, даже прямо сказать не серьезны, были тѣ мысли, которыми могла императрица подѣлиться по этому вопросу, а при составленіи этой главы она непосредственно пользовалась лучшимъ пособіемъ того времени, „Энциклопедіей“; эта часть Наказа не можетъ быть поставлена въ сравненіе съ тѣми его частями, гдѣ императрица говоритъ противъ нытокъ и жестокихъ наказаній, даже и съ тѣми, гдѣ она — осторожно, съ недомолвками и неясностями — говоритъ о свободѣ и правахъ чловѣка....

Не могла заняться реформой финансовой организациі императрица, еще менѣе былъ къ тому способенъ кто-либо изъ ея сотрудниковъ. Дворянскіе и городскіе наказы ¹⁾, привезенные въ комиссію 1767 г., доставляютъ весьма характерный матеріалъ для того, чтобы представить себѣ кругъ финансовыхъ идей, доступныхъ тогда большинству. Матеріалъ этотъ очень характеренъ своею бѣдностью. Избиратели были чрезвычайно обстоятельны и иногда даже краснорѣчивы, когда они говорили о своихъ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ и о своихъ desiderata въ этомъ направленіи; они были обыкновенно отличными знатоками и вполне компетентными цѣнителями современныхъ имъ судебныхъ порядковъ, особенно уголовного и гражданского процесса; они давали не лишеныя вѣрности и практической указанія и по нѣкоторымъ вопросамъ частнаго, гражданского права; они затронули многократно и вопросы финансовыя, слѣдовательно, почитали ихъ подлежащими обсужденію и въ собраніяхъ для выбора депутатовъ и въ комиссіи. Но по финансовымъ вопросамъ они умѣли дать почти только просьбы объ уменьшеніи или

¹⁾ Напечатаны въ *Сборникѣ*, тт. IV, VIII, XIV, LXVIII и XCIII.

уничтоженіи тѣхъ или другихъ поборовъ. Только одинъ наказъ, отъ клинскаго дворянства ¹⁾, предложилъ дѣйствительно общую и радикальную реформу — „подушный сборъ съ однихъ только крестьянъ, яко по земледѣльству ихъ первое благополучіе государству доставляющихъ... всемлюстивѣйше сложить, дабы они толь высокомонаршимъ Ея Императорскаго Величества милосердіемъ воспользуясь, старались паче профессію ихъ, съ пользою государства, приводить въ наилучшее состояніе“; наказъ понималъ, что „толь великой суммы безъ замѣны другою отмѣнить невозможно“ и „въ знакъ единого послушанія, не знавъ впрочемъ о дальнихъ государственныхъ обстоятельствахъ, но поелику слабость нашего разумѣнія достигаетъ“, „за возможное“ находилъ въ замѣнѣ подушнаго сбора съ крестьянъ „наложить или прибавить цѣны на вино, на пиво, на чай, на кофе, на сахаръ, на виноградныя вина, на табакъ, на карты, на духи и корсеты, на псовую охоту, на платье съ золотомъ и серебромъ и другія служащія къ роскоши обстоятельства материн, затѣмъ на паспорта вольнымъ работнымъ людямъ и на пеньку“, а если и всего этого недостаточно, то на соль. Это было единственное предложеніе, изъ числа касавшихся финансовыхъ вопросовъ, которое имѣло дѣйствительно общій характеръ. Всѣ же остальные касались лишь слѣдующихъ вопросовъ и предлагали разрѣшить ихъ слѣдующимъ образомъ: относительно подушныхъ сборовъ многіе указы просили выключать изъ оклада умершихъ и бѣглыхъ; почти всѣ дворянскіе указы просили расширенія правъ дворянъ на винокуреніе и уменьшенія стѣсненій для дворянъ при перевозѣ своего вина изъ имѣній въ города; одинъ наказъ высказался за замѣну откуповъ продажей вина подъ наблюденіемъ офицеровъ (крапивенскій), два предлагали уничтожить откупа и обратить вино въ вольную продажу, разложивъ получаемый по этой статьѣ доходъ на податныя души. Почти всѣ дворянскіе и купеческіе указы просили объ уничтоженіи рублеваго сбора съ бань или хотя объ облегченіи его и упрощеніи порядковъ его взноса; многіе указы просили вообще упростить различные мелочные, такъ называемые канцелярскіе сборы, при этомъ тоже являлось предложеніе распределить ихъ прямо по душамъ; нѣсколько купеческихъ наказовъ просили не вводить никакихъ монополій—вотъ, кажется, и всѣ вопросы, относящіеся къ государственнымъ финансамъ, которыхъ коснулись указы, вотъ и предлагавшіяся ихъ рѣшенія: надо, быть можетъ, при-

¹⁾ Сборникъ, т. IV, 264—265.

бавить сюда еще предложеніе (крапивенскаго дворянства) поднять оброкъ съ государственныхъ крестьянъ до 3 руб., и предложеніе (крапивенскаго и керенскаго дворянскихъ наказовъ), чтобы были распроданы дворянамъ всѣ бывшіе монастырскіе, экономическіе крестьяне, но такія предложенія едва ли не вѣрнѣе считать за выраженіе стремленій сословныхъ, чѣмъ за постановку и разрѣшеніе вопроса финансоваго ¹⁾. Вопросовъ о поднятіи или поддержкѣ той или другой отрасли промышленности, о попыткахъ, по крайней мѣрѣ, поддержать благосостояніе какого-либо опредѣленнаго района — не поднималъ никто, никто не ставилъ; дѣятельность въ этомъ отношеніи конечно была, но эти вопросы въ своей связи еще не выдѣлялись для тогдашнихъ людей, подобно тому какъ и теперь, безъ сомнѣнія, существуютъ около насъ какія-то отношенія, какія-то связи фактовъ, которыя вліяютъ на современную намъ жизнь, но намъ еще незримо, не поддаются еще для насъ формулировкѣ, выдѣленію и обсужденію, а когда-нибудь — будутъ выдѣлены, поняты и, быть можетъ, даже разрѣшены. Въ комиссіи 1767 г. выдвинулся на первый планъ вопросъ о реформѣ судебной и о реформѣ областной администраціи; при осуществленіи этой послѣдней въ нее какъ часть вошла впоследствии и реформа финансоваго управленія. Тому, что эта послѣдняя реформа отодвинулась на второй планъ, содѣйствовало, быть можетъ, и слѣдующее обстоятельство: въ теченіе войны, которая прервала заведенія комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, правительство Екатерины прибѣгло къ выпуску бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Они давно уже употреблялись въ государствахъ болѣе богатыхъ и развитыхъ въ экономическомъ отношеніи и при умѣренномъ выпускѣ всегда имѣли благоприятныя послѣдствія. И у насъ первое время, пока соблюдала была умѣренность въ выпускѣ ассигнацій, онѣ создали казнь сравнительно съ прежнимъ столь благоприятное финансовое положеніе, что явилось убѣжденіе, будто финансовыя затрудненія устранены, а поэтому вопросъ о лучшемъ устройствѣ финансоваго управленія сошелъ съ ближайшей очереди. Впоследствии мы увидимъ, какъ быстро дѣйствительность опровергла это убѣжденіе и какъ чрезвычные выпуски бумажныхъ денегъ привели къ новымъ

¹⁾ Любопытно, что подобное предложеніе дѣлалъ — и въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ — кн. Щербатовъ, см. нашъ очеркъ „Русскій соціальный романъ XVIII в.“ — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900, январь, и отдѣльно, С.-Пб. 1900.

и несравненно сорезивѣйшимъ финансовымъ и экономическимъ затрудненіямъ; здѣсь же мы только указываемъ, что повидимому при-мѣненіе этого сильнаго—и обоюдоостраго—средства содѣйствовало отсрочкѣ реформъ въ финансовомъ управленіи, необходимость кото-рыхъ уже признавалась. Реформа финансоваго управленія была про-изведена позже и не самостоятельно, а въ связи и какъ бы въ зави-симости отъ реформы областного управленія.

Съ этою реформою соединилось и уничтоженіе камеръ-коллегии. Камеръ-коллегія просуществовала до 1-го января 1785 г., когда послѣдовало ея закрытіе ¹⁾, возвѣщенное уже въ указѣ отъ 24-го октября 1780 г. ²⁾, но за послѣдніа пятнадцать лѣтъ своего суще-ствования коллегія эта не только не поднялась, не получила того положенія, о которомъ говорилъ Мельгуновъ, а пала еще глубже, чѣмъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. Теперь ее окончательно и повидимому сознательно обращаютъ въ контору по винному откупу; съ этихъ поръ указы, касающіеся камеръ-коллегии, трактуютъ только эту часть ея обязанностей, если не считать тѣхъ указовъ, которые содержатъ выговоры коллегии. 18-го января 1768 г. сенатъ далъ камеръ-коллегии указъ о повышеніи цѣнъ поставщикамъ вина въ виду вздорожанія хлѣба; 15-го августа 1770 г. сенатъ поручалъ коллегии озаботиться снабженіемъ капиталомъ тѣхъ сенаторовъ, которымъ поручены были въ завѣдываніе казенные винокуренные заводы, а также—своевременнымъ приѣмомъ вина, развозкою его по опредѣ-леннымъ мѣстамъ и т. д. ³⁾. За 1771—1776 гг. имѣемъ рядъ ука-зовъ сената коллегии—заняться организаціею борьбы съ корчем-ствомъ, сначала въ Москвѣ съ уѣздомъ, а затѣмъ и въ Петер-бургѣ ⁴⁾; на коллегію возлагается забота о заклеивленіи ведеръ для приѣма вина, а послѣ введенія губернскихъ учрежденій камеръ-коллегія же должна была сдѣлать, вывѣрить и заклеить образцы мѣръ и вѣсовъ для намѣстническихъ правленій ⁵⁾; и вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ два дня послѣ того, какъ сенатъ далъ камеръ-коллегии одинъ

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XXII, 28-го ноября 1784, № 16.096.

²⁾ Тамъ же, XX, № 15.074.

³⁾ Пол. Собр. Зак.—17-го января 1768 г., т. XVIII, № 13.059; № 13.338—24-го августа 1769; т. XIX, № 13.495,—13-го августа 1770.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, № 13.575—3-го марта 1771; № 14.025—20-го августа 1773; т. XX, № 14.321—13-го мая 1775; № 14.481—22-го іюня 1776 и др.

⁵⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, № 13.612, 27-го мая 1771; № 13.970—9-го апрѣля 1773; т. XX, № 14.940, 7-го ноября 1779.

изъ вышеупомянутыхъ указовъ, 11-го апрѣля 1773 г., былъ Высочайше утвержденъ докладъ гр. З. Гр. Чернышева, генералъ-губернатора вновь присоединенныхъ отъ Польши областей, согласно которому назначена была особая комиссія для устройства „хорошаго камеральнаго и экономическаго правленія“ во вновь присоединенныхъ областяхъ, и для изслѣдованія „какъ состоянія тамошней земли, такъ и того, какую бы подать жители сихъ провинцій безъ отягощенія въ казну платить въ силахъ были“¹⁾—это все должно было быть исполнено безъ всякаго участія камеръ-коллегіи, хотя эти вопросы ближайшимъ образомъ относились къ кругу вѣдѣнія камеръ-коллегіи, особенно, если опредѣлять этотъ кругъ такъ, какъ онъ уже опредѣленъ былъ Петромъ и какъ потомъ предлагалъ опредѣлить его Мельгуновъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ сенатѣ разсматривался особый „Экстрактъ изъ имѣющихся въ сенатѣ дѣлъ, по коимъ въ камеръ-коллегіи медлительство происходитъ и насланные изъ сената указы не исполняются“; изъ этого „экстракта“ узнаемъ, что нѣкоторыя дѣла тянулись уже года по 4, по 5, и коллегія относилась очень пассивно къ вопросу о приведеніи ихъ къ концу²⁾; въ 1771 г. сенатъ указывалъ камеръ-коллегіи, что по вопросу, съ которымъ она къ нему обратилась—именно, на какое учрежденіе возлагать расходы по пересылкѣ казенныхъ денегъ—есть давно совершенно ясное узаконеніе. Въ томъ же 1771 году сенатъ представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ самыми мрачными красками рисуетъ дѣятельность камеръ-коллегіи. Коллегія эта—говоритъ сенатъ—представила ему расписаніе питейнаго дохода и расхода по городамъ, и „хотя расчетъ этотъ касается только нѣкоторой части государственнаго дохода, и еще такого, который собирать и расходы изъ него производить камеръ-коллегія особенно сама обязана“, однако, „въ исчисленіи и сей части собственнаго коллегіи дохода не только вѣрнаго, по ниже основательнаго ничего нѣтъ“: „вмѣсто извѣстнаго по дѣламъ сената отъ питей и канцелярскихъ сборовъ дохода, составляющаго 7.083.000 руб., коллегією сочтено только 6.810.000 руб., а прочіе 272.850 руб., состоящіе большею частію изъ тѣхъ канцелярскихъ сборовъ, которые назначено собирать прямо въ казну, совсѣмъ не причислены“; нѣкоторые расходы, опредѣленные изъ питейныхъ сборовъ, „проронены такъ, что и Высочайше опредѣленный отпускъ на шпалерную мануфактуру 19.010 руб. не

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, № 13.971. 11-го апрѣля 1773.

²⁾ Государственный Архивъ, XIX. 7, 6.

показанъ“; камерь-коллегія „считаетъ теперь остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ только 710.000 руб., а по прежде поданнымъ вѣдомостямъ показывала ихъ отъ 1.543.000 руб. до 1.988.000 руб.“; камерь-коллегія не знаетъ даже всѣхъ своихъ долговъ и говоритъ только, что она должна „знатными суммами“. Докладывая обо всемъ этомъ императрицѣ, сенатъ говоритъ, что онъ „не оставилъ бы снадѣить коллегію наставленіемъ, если бы только можно было надѣяться, чтобы оной коллегіи члены все то исполнили съ такимъ раченіемъ и искусствомъ, съ какою вѣроятностью нужно о томъ свѣдѣніе необходимо получить надобно“; по мнѣнію сената весь составъ этой коллегіи, съ вице-президентомъ ея Моисеевымъ во главѣ, таковъ, „что сколько бы ихъ о поправленіи всѣхъ происшедшихъ по дѣламъ той коллегіи замѣшательства ни наставлятъ, однако жъ прямого изъ того успѣха, кромѣ одиѣхъ бесполезныхъ перенисокъ, ожидать неуновательно“; всѣ эти члены по самымъ важнымъ дѣламъ „одно напрасное медлительство производятъ“. Сенатъ предлагалъ назначить одно довѣренное лицо, которое бы привело въ порядокъ текущіи дѣла—особенно же, и прежде всего, дѣла питейныя,—затѣмъ опредѣлить въ комиссію новыхъ членовъ и ввести раздѣленіе въ ней на экспедиціи.

Императрица положила резолюцію: „Быть по сему; по вѣроятно, чтобъ присутствіе президента въ коллегіи много ея несправности поправить могло“ ¹⁾). Замѣчательно, что теперь сенатъ самъ предлагаетъ какъ бы обратить камерь-коллегію въ акцизную контору—попричаніе чему мы видѣли въ 1764—1766 г. Новые члены почему-то назначены не были, и дѣла не пошли со старымъ составомъ лучше; черезъ 3 года, 30-го ноября 1774 г., сенатъ опять долженъ былъ ставить камерь-коллегіи на видъ, что она почти не рѣшаетъ дѣлъ, хотя бы они и явно подлежали ея компетенціи, а прямо представляетъ ихъ въ сенатъ, такъ что ея дѣла „почти всѣ вошли въ сенатъ и составляютъ такую экспедицію, въ коей сдѣлалось гораздо больше дѣлъ, нежели вся контора камерь-коллегіи имѣтъ должна“ ²⁾); въ

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, 281 — 283, № 13.622, 30-го іюня 1771. Стат. сов. П. П. Моисеевъ былъ прежде при соляныхъ дѣлахъ; вице-президентомъ назначенъ въ концѣ 1769 г. и занималъ это мѣсто по 1776 г., когда былъ замѣненъ П. В. Бакунинымъ; Мельгуновъ почти не принималъ активнаго участія въ дѣлахъ камерь-коллегіи, съ тѣхъ поръ, повидимому, какъ отложены были предложенныя имъ реформы; онъ числился, однако, президентомъ ея до 1778 г., когда президентомъ былъ назначенъ кн. М. М. Щербатовъ, остававшійся въ этой должности до самаго закрытія коллегіи.—См. Адресъ-календари 1769—1785 гг. и Пол. Собр. Зак., т. XVІІІ, № 13.388.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, № 14.217. 30-го ноября 1776.

1778 г. сенатъ опять дѣлалъ замѣчаніе камеръ-коллегіи, что она поступаетъ „неосторожно“ и сообщаетъ ему невѣрныя и неточныя свѣдѣнія и справки ¹⁾).

Такъ доживала свои послѣдніе годы камеръ-коллегія, когда-то, по идеѣ, „мѣсто высшаго надзиранія и правленія за всѣми казенными доходами“, мѣсто „общественнаго въ имперіи хозяйства“; теперь нѣтъ уже ни малѣйшихъ попытокъ предоставить ей какое-нибудь влияние въ вопросахъ государственнаго хозяйства вообще; теперь она есть въ полномъ смыслѣ слова „акцизная контора“; она утратила „всякое систематическое воображеніе“, занята одними дѣлами по винной продажѣ, ведетъ свои дѣла только канцелярскимъ порядкомъ и довольно плохо ихъ ведетъ; 1-го января 1785 г. камеръ-коллегія окончила свое существованіе.

V.

Высшее управленіе финансами со времени введенія новаго управленія въ губерніяхъ.

Когда закрыта была камеръ-коллегія, то уже 10 лѣтъ существовала новая организація финансоваго управленія въ Россіи. Начало этой новой организаціи было положено 19-го марта 1773 г. учрежденіемъ при I департаментѣ сената экспедиціи о государственныхъ доходахъ, а завершена она была учрежденіемъ въ 1780 г. (4-го августа и 24-го октября) казначействъ для штатныхъ и для остаточныхъ суммъ; все главное въ новой организаціи было введено изданнымъ 7-го ноября 1775 г. „Учрежденіемъ для управленія губерній Всероссійской Имперіи“. Новая организація кореннымъ образомъ отличалась отъ прежней: теперь центральное управленіе сосредоточивалось все болѣе и болѣе въ рукахъ одного лица, а въ областяхъ создана была цѣлая сѣть учреждений, вѣдавшихъ специально и только дѣла финансоваго управленія и государственнаго хозяйства.

Новое устройство областного управленія, измѣнившее провинціальную администрацію кореннымъ образомъ, было связано съ важными перемѣнами и въ центральной администраціи. Губернскія правленія, казенныя палаты, рядъ судебныхъ учреждений, созданныхъ въ провинціи, являлись, по идеѣ, „департаментами“ той или другой коллегіи; они получили въ свое завѣдываніе почти всѣ тѣ дѣла, кото-

¹⁾ Пол. Соб. Зак., т. XX, 24-го ноября 1778. № 14.700.

рия составляли прежде предметъ вѣдѣнія центральныхъ учреждений, и всѣ коллегіи, кромѣ трехъ государственныхъ, должны были закрыться; онѣ и закрылись, дѣйствительно, постепенно, по мѣрѣ окончанія дѣлъ, къ 1785 г. Для высшаго управленія финансовыми дѣлами предположено было создать особый органъ. Первое указаніе на это въ официальномъ актѣ имѣемъ въ ст. 68 „Учрежденія о губерніяхъ“, гдѣ говорится, что „уѣздный казначей опредѣляется черезъ каждые три года по представленію казенной палаты государственнымъ казначеемъ“, а въ ст. 121 имѣемъ и первое, довольно общее, указаніе на его обязанности—тутъ говорится, что „казенная палата... доставляетъ всѣ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ губерніи государственному казначею“; раньше еще кн. М. Н. Волконскій говорилъ о желательности учрежденія такой должности въ упомянутомъ уже нами проектѣ объ учрежденіи судебныхъ мѣръ ¹⁾, а въ документахъ слѣдующихъ лѣтъ мы часто встрѣчаемъ замѣчанія, что то или другое постановляется „до будущаго учрежденія о должности государственнаго казначея и о всемъ вообще казенномъ управленіи“ ²⁾. Повидимому, предполагалось не создать новое, — но непрежнемую коллегіальное—учрежденіе, а вручить управленіе одному лицу—должно было быть, такимъ образомъ, введено въ управленіе начало министеріальное, тенденція къ чему въ послѣдній періодъ Екатерининскаго царствованія давно уже отмѣчена въ специальной литературѣ ³⁾. До учрежденія этой новой должности обязанности государственнаго казначея были возложены на генераль-прокурора; ему же подчинены были банки, всѣ дѣла по внѣшнимъ займамъ и вообще всякіе переводы денегъ за границу: генераль-прокуроръ съ этого времени является какъ бы министромъ финансовъ. Какъ всякій министръ вообще, онъ имѣлъ управлять ввѣренной ему частью по личному къ нему довѣрію и при томъ условіи, что онъ будетъ имѣть постоянно возможность получать непосредственныя указанія отъ верховной власти, потому и не было дано ему никакой инструкции, по крайней мѣрѣ въ видѣ официального акта. Наиболѣе подробное опредѣленіе должности государственнаго казначея находится въ 16 п. именного указа объ учрежденіи четырехъ экспеди-

¹⁾ Сборникъ, т. V, 127.

²⁾ См., напримѣръ, Пол. Собр. Зак., т. XX 27-го апрѣля 1780, № 15.008, 24-го октября 1780, № 15.075, 15.077 и др.

³⁾ Градовскій, Высшая администрація въ Россіи XVIII вѣка и генераль-прокуроры. С.-Пб. 1886, стр. 201—203, особ. 209, 235.

цій о государственныхъ доходахъ и расходахъ (24-го октября 1780 года). Тутъ читаемъ: „По прошествіи каждаго года, до установленія о должности государственнаго казначея, тотъ, кто сію должность нынѣ отправляетъ, обязанъ подавать намъ вѣдомость: 1) о всѣхъ доходахъ, 2) сколько собрано, 3) чего не добрано, 4) сколько изъ собранныхъ доходовъ въ расходъ употреблено, 5) сколько затѣмъ въ остаткѣ состоятъ и гдѣ оныя остатки находятся, 6) какіе именно доимки остались или начеты и другіе взысканія и нѣтъ ли неуплаченныхъ расходовъ и гдѣ по какимъ мѣстамъ и 7) разсужденіе свое о всемъ вышенисанномъ“ ¹⁾.

Съ ноября 1768 года засѣдалъ при Императорскомъ дворѣ совѣтъ, въ которомъ съ этого времени и обсуждались всѣ важнѣйшіе дѣла и вопросы. Въ этомъ совѣтѣ не было представителя камеръ-коллегіи, и генераль-прокуроръ являлся тѣмъ лицомъ, которое имѣетъ ближайшее отношеніе къ управленію финансами. Къ нему обращаются всѣ требованія чрезвычайныхъ, сверхштатныхъ суммъ, онъ отъ своего лица представляетъ совѣту соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія финансовыхъ нуждъ, отъ него спрашиваютъ въ совѣтѣ всевозможныхъ вѣдомостей и ему даютъ всѣ указанія по финансовой части ²⁾. Такимъ образомъ генераль-прокуроръ началъ управлять финансовою частью, и у него появились специально созданныя учрежденія—экспедиція о государственныхъ доходахъ и казначейства для штатныхъ и для остаточныхъ суммъ.

Первоначально экспедиція о государственныхъ доходахъ была учреждена 19-го марта 1773 г., согласно Высочайшему повелѣнію отъ 25-го февраля того же года; учреждена она была въ 1 департаментѣ сената. Въ указѣ объ учрежденіи читается: „для государственнаго строительства необходимо нужно не только имѣть вѣрное и обстоятельное свѣдѣніе государственныхъ доходовъ, но и содержать оное въ такомъ исправномъ порядкѣ, чтобы на всякое время вступленіе оныхъ по мѣстамъ было извѣстно“; „такое свѣдѣніе положено уже имѣть при первомъ сената департаментѣ“—согласно распределенію дѣлъ по департаментамъ, установленному еще въ 1763 г.—

¹⁾ Пол. Собр. Зак. т. XX, 1005, № 15.076, 24-го апрѣля 1780.

²⁾ См. Архивъ государственнаго совѣта, т. I, ч. II, 415—514; случаи созданія особыхъ комиссій по отдѣльнымъ вопросамъ ни мало не ослабляютъ значенія того факта, что именно генераль-прокуроръ постоянно является главнымъ руководителемъ всѣхъ финансовыхъ мѣропріятій; комиссіи эти неоднократно учреждались для разсужденій о дефицитѣ, курсѣ и т. д., см. тамъ же, въ Архивѣ и Сборникѣ т. XXVIII.

но „при сенатѣ особыхъ для сего чиновъ имѣть не положено, а упражнены въ томъ люди, занятые по своимъ экспедиціямъ другими дѣлами, отчего и происходитъ, что они никакъ не могутъ успѣвать оное съ точностью производить“; Высочайше повелѣно поэтому „учредить въ сенатѣ въ первомъ департаментѣ особую о государственныхъ доходахъ экспедицію“ ¹⁾). Черезъ 7 лѣтъ, 24-го октября 1780 г., экспедиція эта была преобразована и расширена: она была, прежде всего, изъ экспедиціи, состоящей въ составѣ перваго департамента сената, обращена въ экспедицію, состоящую прямо при сенатѣ, и это учрежденіе получило названіе экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ и подѣлено въ свою очередь на четыре экспедиціи: первая изъ нихъ собирала всевозможныя свѣдѣнія о доходахъ, сколько слѣдовало ихъ получить, сколько получено и сколько въ донимѣ, доставлены ли доходы въ тѣ мѣста, куда имъ слѣдовало поступить, сколько осталось за расходами и гдѣ; вторая экспедиція слѣдила, правильно ли, по штатамъ ли, произведены расходы; третья провѣряла счета, четвертая принимала мѣры для взысканія недонимокъ и недоборовъ ²⁾). Эти экспедиціи исполняли, такимъ образомъ, до пзвѣстной степени то, что прежде должны были дѣлать камеръ-коллегія, штатсъ-контора и ревизіонъ-коллегія; но онѣ никогда не имѣли значенія самостоятельно дѣйствующихъ учреждений: онѣ были, такъ сказать, отдѣленіями канцеляріи генераль-прокурора по должности его какъ государственнаго казначея. Поэтому, ни въ обонхъ указахъ объ учрежденіи экспедиціи о государственныхъ доходахъ, ни въ „Начертаніи“ должности ихъ, составленномъ кн. Вяземскимъ и утвержденномъ императрицею ³⁾, нѣтъ никакихъ общихъ указаній относительно того, въ какомъ духѣ и направленіи должны быть управляемы государственные доходы—въ указаніяхъ этихъ не было никакой нужды, потому что экспедиціи эти вовсе не были призваны *управлять* финансовою, или хотя бы счетною частью; онѣ были лишь канцеляріею генераль-прокурора по финансовымъ дѣламъ, управляя финансами генераль-прокуроръ. Какъ черезъ канцелярію, черезъ нихъ идутъ немедленно и другія дѣла, прямого отношенія къ доходамъ не имѣющія, но касающіяся генераль-прокурора, какъ руководителя финансовою частью; такъ, напримѣръ, черезъ эту экспедицію по-

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XIX, 738, № 13.962.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XX, 1002—1005, № 15.076, 24-го октября 1780.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XXI, № 15.120, 15-го февраля 1781, 34—66.

ступило въ сенатъ указаніе генераль-прокурора о томъ, что провинціальныя учрежденія слишкомъ обременены различными вѣдомостями и отчетами, которые они должны представлять; затѣмъ въ этой экспедиціи были сосредоточены свѣдѣнія о казенныхъ постройкахъ ¹⁾. Приведемъ одно любопытное и характерное для того времени требованіе „Наставленія“: „Всѣ вообще экспедиціи ввѣренныя имъ дѣла, заключающія въ себѣ вѣрное и подробное свѣдѣніе о всѣхъ государственныхъ доходахъ, обязаны по долгу присяги своей и по силѣ изданныхъ узаконеній содержать въ высочайшей тайности и не только сказывать или писать, но ниже въ разговорахъ околичными изъясненіями дать кому либо знать о томъ“ ²⁾.

Для управленія питейными сборами, для отдачи на откупъ разныхъ мелкихъ сборовъ, для управленія оброчными статьями, для надзора за состояніемъ дорогъ и мостовъ и т. д.,—словомъ, для того, что прежде восходило до камеръ-коллегіи и въ ней окончательно рѣшалось—были созданы въ губернскихъ городахъ казенныя палаты, а для приѣма и храненія денегъ, вносимыхъ въ казну, въ каждомъ уѣздомъ городѣ учреждены уѣздные казначеи; такъ какъ учрежденія о губерніяхъ вводились постепенно, въ теченіе 20 приблизительно лѣтъ, то вопросъ о казначеяхъ былъ рѣшенъ по Высочайше утвержденному докладу сената 18-го февраля 1776 г. такъ, что они были введены немедленно во всѣхъ уѣздахъ, не дожидаясь полного введенія въ данной области новой губернской администраціи ³⁾.

По „Учрежденію о губерніяхъ“ ⁴⁾ „казенная палата ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ камеръ и ревизіонъ коллегій, которому поручаются въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла той губерніи, какъ то: вѣдомости о числѣ народа, ревизіонныя сказки, свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ, ревизія счетовъ, солянныя дѣла, винный откупъ и подряды, казенныя всякія права, казенныя и публичныя строенія и ихъ содержаніе въ той губерніи, съ такою противъ камеръ-коллегіи отмѣною, что казенная палата никого не судить“ ⁵⁾; она поэтому „старается 1) дабы доходы сполна и въ надлежащее время

¹⁾ Пол. Собр. Зак., XX, 14332; 5-го іюня 1775; 14-го января 1777, № 14.559.

²⁾ Тамъ же, XXI, стр. 37, № 15.120, п. 14.

³⁾ Пол. Собр. Зак., т. XX, 348, № 14.435.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак., XX, 229—304, № 14.392. 7-го ноября 1775 г.; есть и отдѣльныя изданія.

⁵⁾ „Учрежденія“, пунктъ 118.

собраны были, 2) дабы доходы, куда надлежитъ, доставлены были, и 3) дабы доходы въ цѣлости сохранены были“, „сочиняетъ погодно вѣрный реестръ о доходахъ каждаго уѣзда губерніи и старается, дабы сіи реестры были исправны и точны и доставляетъ всѣ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ губерніи къ государственному казначею“¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ— „казенная палата накрѣпко смотрѣтъ имѣетъ, дабы въ губерніи съ народа никакіе запрещенные сборы собираемы не были, а гдѣ таковыя усмотритъ, то черезъ стряпчаго казенныхъ дѣлъ жалобу приносить въ то мѣсто, куда къ суду надлежитъ“²⁾ — должно указать это постановленіе, хотя неоспоримо, что если когда либо оно и было осуществляемо, то, конечно, необычайно рѣдко и рѣже какого либо другого во всякомъ случаѣ. Непосредственно казенной палатѣ подчинены были уѣздные казначеи, которыхъ казенная палата должна была ежегодно учитывать³⁾. „Всѣ казенные доходы уѣзда какого бы званія ни были, не исключая никакихъ, должны поступать въ пріемъ и подѣ сохраненіе уѣзднаго казначея“; онъ долженъ былъ быть „хранителемъ“ этихъ казенныхъ денегъ, вести имъ приходныя и расходныя книги и увѣдомлять казенную палату: „1) всѣ ли казенные сборы уѣзда собраны ими, 2) зачѣмъ не собраны и съ кого, 3) куда доходы употреблены, 4) есть ли доходы въ остаткѣ за штатнымъ расходомъ, 5) гдѣ остатки хранятся и 6) всѣ ли на лицо и таковою ли монетою, каковою въ приходѣ вступили“⁴⁾. Въ дополненіе и развитіе того, что сказано о дѣятельности казенныхъ палатъ и уѣздныхъ казначеевъ въ „Учрежденіи“, изданы были обширное „Наставленіе для производства дѣлъ въ казенныхъ палатахъ“⁵⁾ и еще болѣе обширное „Наставленіе уѣзднымъ казначеямъ“⁶⁾. То и другое составлены были генераль-прокуроромъ по его званію государственнаго казначея и утверждены императрицею. Оба эти наставленія содержатъ указанія чисто формальнаго характера, устанавливають порядокъ дѣлопроизводства и отчетности; какихъ либо общихъ вопросовъ кн. Вяземскій въ нихъ не касается, никакихъ общихъ руководящихъ идей не даетъ, и это совершенно естественно: не могли же быть поручены особо каждой ка

¹⁾ П. 120, 121.

²⁾ П. 119.

³⁾ П. 122.

⁴⁾ П. 135, 136, 137.

⁵⁾ Пол. Собр. Зак., XXI, 85—95, № 15.141, 24-го марта 1781 г.

⁶⁾ Тамъ же, XXI, 506—566, № 15.405, 26-го мая 1782.

зенной палатѣ—не говоря уже о каждомъ уѣздномъ казначей—дѣла и вопросы общаго значенія въ дѣлѣ финансоваго управленія; для этого имѣлось въ виду создать особую, центральную власть.

Порядокъ храненія и расходованія суммъ былъ установленъ такой. Уѣздные казначеи имѣли указанія—когда, изъ какихъ доходовъ и сколько денегъ куда направлять; часть они оставляли мѣстнымъ органамъ, часть отсылали въ комиссаріатъ и въ адмиралтейство; остальное поступало въ казначейства для остаточныхъ суммъ, устроенныя въ Петербургѣ и Москвѣ (4-го августа 1780 г.), и въ казначейства для штатныхъ суммъ, устроенныя тамъ же (24-го октября 1780). Последнія получали деньги на всѣ, по штатамъ опредѣленные расходы, за исключеніемъ того, что казначейства сами уже передавали на мѣстную администрацію и по распоряженію комиссаріата и адмиралтействъ-коллегии, первыя—все, что оставалось за этимъ: На казначейства для остаточныхъ суммъ были затѣмъ направляемы всѣ вновь устанавливаемые расходы и всякія сверхштатныя чрезвычайныя ассигнованія; изъ нихъ деньги расходовались не иначе, какъ по именнымъ указамъ. Не вдаваясь въ подробности о порядкахъ ихъ дѣятельности, до мелочей опредѣленныя наставленіями, имъ данными, мы приведемъ нѣсколько цифръ, которыя обрисуютъ отчасти распредѣленіе доходовъ между этими различными учрежденіями. Въ 1781 г., въ первомъ, послѣ введенія въ дѣйствіе экспедиціи о государственныхъ доходахъ и новыхъ казначействъ, бюджетъ былъ сведенъ въ суммѣ 28 мил. руб.; изъ нихъ на расходы въ губерніяхъ должно было быть оставлено 6 мил. (т. е. 21%), выслано въ казначейства для штатныхъ суммъ 5,4 мил. (16%) и въ казначейства для остаточныхъ суммъ 3,1 мил. (11%); на войско и флотъ шло около 12 мил. (т. е. отъ 43 до 45%); остальное—приблизительно 1½ мил. (около 5%) употреблялось на дворъ и на разныя мелкіе расходы. На 1796 г. бюджетъ былъ сведенъ въ суммѣ 68 мил.; на расходы въ губерніяхъ положено было употреблять 27 мил. (35%), высылать въ штатныя казначейства 15 мил. (21%), въ остаточныя—7 мил. (10%); на войско употреблялось до 19 мил. (28%)—остальные 3 мил. шли по прежнему на дворъ и мелкіе расходы (около 4—5%)¹⁾.

Новое устройство, несомнѣнно, внесло нѣкоторыя порядки въ дѣлопроизводство и отчетность; важно уже одно то, что экспедиціи

¹⁾ См. *Сборникъ*, т. V, 234—241, т. VI, 294—303.

могли составлять бюджетъ на наступающій годъ и черезъ два года обыкновенно знали точно о дѣйствительномъ исполненіи, тогда какъ прежде съ трудомъ успѣвали добывать приблизительныя свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ за истекшій годъ. Но это упорядоченіе счетоводства далеко не означало еще собою улучшенія финансоваго хозяйства и финансоваго положенія страны. Разсмотрѣніе въ подробности того и другого—задача дальнѣйшаго нашего изученія, и здѣсь мы ограничимся только двумя-тремя замѣчаніями о ходѣ новаго финансоваго управленія.

Оно не уменьшило финансовыхъ затрудненій, а скорѣе увеличило ихъ, такъ сказать нагромоздило. Прежде всего — вся областная реформа стоила очень дорого. Значеніе ея было громадно и плодотворно въ различныхъ отношеніяхъ: она и приблизила судъ и управленіе къ населенію, она и вызвала въ провинціи почти заглушенное уже самоуправленіе и самостоятельность, она, наконецъ, сдѣлала то, что больше трети всѣхъ доходовъ расходовалось въ провинціи, тамъ, гдѣ при началѣ царствованія Екатерины не тратилось и 5% бюджета. Но, какъ сказано, реформа эта была очень дорога. Сенатъ высчиталъ, что на новыя учрежденія, даже за вычетомъ того, что останется за уничтоженіемъ коллегій, — потребуется въ годъ на 2½ мил. руб. болѣе, чѣмъ расходовалось прежде, а это составляло не менѣе 12—15% бюджета того года, когда реформа вводилась ¹⁾. Большіе расходы дали себя чувствовать немедленно же, какъ только приступили къ образованію губерній по новому учрежденію: денегъ не оказывалось на новыя учрежденія. Но сенатъ отнесся къ этому явленію со страннымъ — прямо сказать — легкомысліемъ; онъ просто разрѣшилъ, въ случаѣ недостатка денегъ, поступающихъ по прежнимъ штатамъ, заимствовать изъ имѣвшихся на мѣстахъ на лицо камеръ-коллежскихъ (т. е. по преимуществу—питейныхъ) доходовъ, на время, конечно, по его убѣжденію—„поелику съ учрежденіемъ намѣстничествъ неминуемо и доходы умножатся долженствуютъ“ ²⁾, — какъ умножатся и почему—этого сенатъ не объясняетъ; между тѣмъ эти деньги имѣли уже опредѣленное назначеніе и самая задержка въ ихъ расходованіи влекла за собою затрудненія, не говоря уже о томъ,

¹⁾ Государств. архивъ, XIX, изъ дѣла Козьмина, II, № 84, „Репортъ при которомъ подносятся вѣдомости о гражданскихъ статахъ и строеніяхъ“.

²⁾ Пол. Собр. Зак., т. XX, 3-го декабря 1788, № 14.825.

что взятыя деньги не были затѣмъ возвращены. Такая увѣренность въ томъ, что финансовое положеніе удовлетворительно и даже хорошо, увѣренность, поддерживавшаяся тѣмъ, что при постоянномъ выпускѣ ассигнацій не чувствовалось долго недостатка въ деньгахъ, неумѣнье и нежеланіе серьезно и глубоко взглянуть въ финансовое положеніе—парализовали всѣ мѣры по финансовому управленію и имѣли слѣдствіемъ то, что при лучшемъ, чѣмъ когда-либо прежде, устройствѣ финансоваго управленія Екатерининское царствованіе имѣло худшіе, чѣмъ когда-либо прежде, финансы.

Затѣмъ, и дѣятельность экспедицій не была организована вполнѣ хорошо. Вотъ какъ говорилъ о нихъ государственный казначей Голубцовъ, представивъ въ 1808 г. планъ преобразованія экспедиціи о государственныхъ доходахъ,—планъ, получившій утвержденіе: „практическое въ теченіе 27 лѣтъ производство дѣлъ и долговременный опытъ доказываютъ неудобство такого распорядка... Въ самомъ дѣлѣ, первая экспедиція, имѣя обязанность считать доходы по государству, наблюдать за исправнымъ вступленіемъ оныхъ и вести общую о всѣхъ по государству расходахъ и вычетахъ разассигнацію, но не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни расходовъ, ни недоимокъ и не производя у себя какъ о томъ, такъ и о другомъ надлежащихъ счетовъ, не можетъ полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ дѣйствовать и въ собственномъ своемъ дѣлѣ, но всегда должна зависѣть отъ другихъ экспедицій, кои вѣдаютъ и повѣряютъ расходы и недоимки, ибо... не знавши расходовъ, нельзя распорядиться доходами, и не имѣвши настоящаго свѣдѣнія о недоимкахъ, недоборахъ или взыскаціяхъ, не можно вести полного и вѣрнаго по всѣмъ частямъ счета о доходахъ. Вторая экспедиція, имѣя въ вѣдомствѣ и наблюденіи своемъ расходы по государству, но удалена будучи отъ всякаго почти свѣдѣнія о доходахъ... не можетъ учинить скорой и вѣрной повѣрки ни въ расходахъ, ни въ остаткахъ; а четвертая, обязана будучи вести счетъ и наблюденіе за исправнымъ вступленіемъ недоимокъ, начетовъ и взисканій разнаго рода, но не зная доходовъ и настоящаго по мѣстамъ вступленія оныхъ, безпрерывнымъ и неуборѣшимымъ подвержена въ своемъ дѣлѣ запутанностямъ и недоразумѣніямъ... Третья, для освидѣтельствованія счетовъ экспедиція... въ исполненіи порученнаго ей дѣла нашла непреодолимая препятствія и едва-ли успѣвала ревизовать третью часть счетовъ къ ней присылаемыхъ, а первая, о доходахъ, экспедиція никогда... не имѣла возможности ни за одинъ годъ учинить и представить практическаго о всѣхъ по государству приходахъ и расходахъ

счета¹⁾. Замѣчанія эти, конечно, совершенно вѣрны²⁾; финансовое хозяйство Россіи стало уже тогда такъ сложно и такъ обширно—помимо того, что оно было и очень трудно—что успѣшно руководить имъ черезъ какія-то четыре экспедиціи было уже невозможно. Не могли быть съ успѣхомъ примѣнены тутъ и частныя передѣлки; нужна была коренная и крупная реформа, на которую не сразу явились способные люди. Дать же суровую и вѣрную критику финансоваго управленія престарѣлой императрицы оказалось подъ силу даже ея непосредственному преемнику. 17-го декабря 1797 г. изданъ былъ манифестъ, начинавшійся словами: „По вступленіи нашемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ, входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи увидѣли Мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы непрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ почитаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходъ. Недостатокъ годъ отъ году возрасталъ, умножая долги внутренне и внѣшніе; къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройство за собою влекущія“. Нельзя, къ сожалѣнію, не согласиться съ вѣрностью многихъ изъ этихъ замѣчаній, но тутъ является еще одно замѣчаніе, неоспоримая вѣрность котораго можетъ быть блистательно подтверждена еще разъ дальнѣйшими строками того же манифеста: не сравнимы легкость критики и трудность созиданія! Въ самомъ дѣлѣ, что же слѣдовало за приведенными выше вѣрными замѣчаніями? Прежде всего отличившаяся рекомендація разныхъ уже принятыхъ въ теченіи года мѣръ для удовлетворенія финансовыхъ нуждъ государства, а затѣмъ: распоряженіе, чтобы на дворянство были возложены издержки по содержанію разныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ суммѣ 1.640.000 руб. — правда, сказано было „изъ собственнаго ихъ стяжанія“—но вѣдь не было же неизвѣстно, какъ и откуда, почти какъ правило безъ исключеній, собирались эти стяжанія,—затѣмъ на города возлагалось содержаніе полиціи, повышался окладъ подушной подати до

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XXX, № 25.221, 15-го августа 1808.

²⁾ Они вѣрны въ общемъ указаніи на недостатокъ организаціи; но заявленіе, будто экспедиція не могла составить подробнаго отчета ни за одинъ годъ, опровергается существующими такими отчетами.

1 р. 26 к., и сборъ съ купцовъ на 25% (вм. 1% съ капитала—1¼%), далѣе увеличивалась цѣна гербовой бумаги и т. д. Такимъ образомъ, раскритиковавъ финансовое управленіе Екатерины II, ея преемникъ самъ всего черезъ годъ послѣ вступленія своего на престолъ, повысилъ подушныя на 26%, тогда какъ Екатерина повысила ихъ на 40% только черезъ 30 лѣтъ царствованія — не говоримъ уже о томъ, что, безъ сомнѣнія, значительная часть изъ 1.640.000 руб. должна была быть уплачена крестьянами же ¹⁾; прибавимъ еще въ заключеніе, что въ 1797 же году императоръ Павелъ сразу выпустилъ ассигнацій болѣе чѣмъ третью часть всего количества ассигнацій, выпущенныхъ при Екатеринѣ за 27 лѣтъ ²⁾...

VI.

Финансовое управленіе отъ 1796 г. до учрежденія министерствъ.

Скажемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ органовъ финансоваго управленія, за исторією которыхъ мы слѣдили, и остановимъ свое изложеніе на томъ моментѣ, когда съ учрежденіемъ министерствъ высшія правительственныя установленія были организованы на совершенно новыхъ началахъ.

Въ царствованіе императора Павла учреждена была должность государственнаго казначея и восстановлена камеръ-коллегія; но финансовыя распоряженія этой эпохи были отмѣчены тѣмъ же характеромъ крайней необдуманности, случайности, который былъ присущъ всѣмъ вообще распоряженіямъ, состоявшимся въ теченіе 1797—1801 гг.

Должность государственнаго казначея была учреждена ровно черезъ мѣсяць по вступленіи императора на престолъ. 6-го декабря 1796 года данъ былъ слѣдующій именной указъ барону А. И. Васильеву: „Опредѣливъ васъ государственнымъ казначеемъ, соизволяемъ, чтобы вы потому имѣли въ точномъ вѣдѣніи вашемъ какъ казначейства, такъ и экспедиціи о доходахъ, расходахъ, для свидѣтельства счетовъ и о доимкахъ, причисля къ онымъ и особую экспедицію для разбора и расчета внутреннихъ долговъ учрежденную. При самомъ вступленіи въ важную должность, на васъ возложенную, приложите стараніе собрать свѣдѣнія и намъ, какъ наискорѣе, доставить: о всѣхъ

¹⁾ Пол. Собр. Зак., т. XXIV, 846—850, 18-го декабря 1797, № 18.278.

²⁾ Шторга, Матеріалы, Журн. Мин. Нар. Просв., 1868, мартъ, 822.

доходахъ, о штатныхъ и чрезвычайныхъ или временныхъ расходахъ, дабы мы... могли поставить васъ въ лучшую удобность управлять сею частію и отвращать всякій недостатокъ или затрудненіе“¹⁾. Изъ этого указа не видно, чтобы государственный казначей получилъ значеніе министра финансовъ: тутъ говорится не объ управленіи финансовыми дѣлами, а только о завѣдываніи счетною частію. Но императоръ считалъ своего государственнаго казначея именно министромъ финансовъ: указомъ 10-го февраля 1797 года была восстановлена камеръ-коллегія, но вотъ на какихъ основаніяхъ: „Для удобнѣйшаго соображенія по части винной повелѣваемъ учредить въ С.-Петербургѣ камеръ-коллегію, препоруча ей винные подряды и откупа по питейнымъ сборамъ, на узаконенномъ для того основаніи, расчеты по заключеннымъ съ поставщиками и откупщиками договорамъ въ случаѣ какихъ либо по онымъ спорамъ, и винокуренные казенные доходы, съ тѣмъ, чтобы камеръ-коллегія управляла сими послѣдними на хозяйственномъ основаніи и порядкѣ. Что же касается до генеральнаго свѣдѣнія о числѣ народа, всякаго казеннаго имуществва и вообще всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ и отчета по тому, оное, яко зависящее отъ государственнаго казначея, представить по прежнему казеннымъ палатамъ съ подлежащимъ къ государственному казначею отъ нихъ отношеніемъ“²⁾—здѣсь должность государственнаго казначея понимается какъ совмѣщающая въ себѣ всѣ функціи и задачи прежней камеръ-коллегіи, до того времени, какъ кругъ ея дѣятельности былъ ограниченъ питейными дѣлами. Такимъ образомъ, финансовое управленіе осталось за казенными палатами, подъ надзоромъ государственнаго казначея; камеръ-коллегія была восстановлена прямо съ задачами „акцизной конторы“; государственный казначей объединялъ подъ своимъ наблюденіемъ прежде всего счетную часть, а затѣмъ и общее наблюденіе за финансовыми дѣлами. Ничего существеннаго въ этой области при императорѣ Павлѣ сдѣлано не было; значеніе должности не было ясно и понятно даже высшимъ сановникамъ. Когда 23-го ноября 1800 года должность государственнаго казначея занялъ Г. Р. Державинъ, онъ отнесся къ ней такъ, что, очевидно, и онъ и его предшественникъ центръ тяжести этой должности видѣли именно въ правильномъ счетоводствѣ

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XXIV, 217, № 17.609, 6-го декабря 1796 года.

²⁾ Полн. Собр. Зак. т. XXIV, 10-го февраля 1797 года, № 17.797; 18-го февраля 1797 года, № 17.815.

и отчетности; Державинъ прямо говоритъ, что свою должность онъ считаетъ именно *не* должностью министра финансовъ¹⁾.

Такое неопредѣленное положеніе продолжалось и первые полтора года XIX вѣка; въ это время обсуждались существенныя реформы высшаго государственнаго управленія. 5-го декабря 1801 года упразднена была окончательно камеръ-коллегія²⁾, а 8-го сентября 1802 года состоялся знаменитый указъ объ учрежденіи министерствъ, положившій начало новой эрѣ высшаго устройства и управленія въ Россіи. Въ V статьѣ этого указа такъ опредѣлена должность министра финансовъ и должность государственнаго казначея:

„V. Должность министра финансовъ имѣеть два главные предмета; управленіе казенными и государственными частями, кои доставляютъ правительству нужные на содержаніе его доходы, и генеральное всѣхъ доходовъ разсигнованіе по разнымъ частямъ государственныхъ расходовъ. Управленіе частями, доставляющими правительству доходы, должно быть основано на такихъ правилахъ, чтобы удаляя всякое отягощеніе народа, было столь же выгодно для казны, какъ и вообще удобно къ умноженію богатства въ имперіи нашей и чтобы источники государственныхъ доходовъ не токмо не истощались, но сколь возможно дѣлались обильнѣе; разсигнованіе же сихъ доходовъ должно быть сообразно съ самымъ точнымъ, яснымъ и хозяйственному распоряженію соотвѣтственнымъ порядкомъ“. Для сего министру финансовъ подчиняются слѣдующія мѣста: бергъ-коллегія и всѣ, отъ нея зависящія, монетный департаментъ, лѣсной департаментъ, „оброчныя статьи, отдача ихъ въ содержаніе, приведеніе ихъ въ лучшее состояніе, умноженіе съ нихъ дохода“; управленіе казенныхъ земель, государственный банкъ, со всѣмъ отъ него зависящимъ, придворный банкиръ, казенныя палаты—по нѣкоторымъ частямъ. „Сверхъ сего возлагается на министра финансовъ обязанность при концѣ каждаго года дѣлать для наступающаго подробный штатъ государственныхъ расходовъ“— по соглашенію съ другими министрами и съ утвержденіемъ государя,

¹⁾ „Онъ (Державинъ говоритъ о себѣ всегда въ третьемъ лицѣ) доказалъ (генераль-прокурору), что финансъ-министровъ въ Россіи никогда не бывало, а въ другихъ государствахъ, сколько ему извѣстно, въ сей постъ облеченный чиновникъ есть весьма великая особа: онъ изобрѣтатель и распорядитель всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, а государственный казначей ничто иное, какъ счетчикъ оныхъ“. *Державинъ*, Сочиненія. т. VI, изд. 2, 699.

²⁾ Пол. Собр. Зак. XXVI, № 20.068.

„послѣ чего министръ сей отсылаетъ его государственному казначею для надлежащаго по немъ исполненія“.

„Должность сего послѣдняго, равно какъ и присутствующихъ въ экспедиціяхъ о государственныхъ доходахъ, которая (sic) по сіе время не имѣетъ еще точнаго постановленія, мы оставляемъ на основаніи указа 1780 года, октября 24-го впредь до воспослѣдованія отъ насъ полнаго по сей части устава, съ такою разностью, что 1) вѣдомству государственнаго казначея подлежатъ казенныя палаты только по части казенныхъ сборовъ, законами установленныхъ, доставленія оныхъ въ надлежащія мѣста и храненія денежной казны, слѣдовательно, всѣ губернскіе и уѣздные казначеи со всѣми должностямъ ихъ принадлежащими дѣлами, счетныя экспедиціи казенныхъ палатъ, равно какъ и статное и остаточное казначейства; 2) что государственный казначей, безъ воли нашей, черезъ министра финансовъ объявленной, никакихъ расходовъ и никакихъ ассигнацій чинить не можетъ и что, наконецъ, 3) онъ долженъ быть въ сношеніи съ министромъ финансовъ по всѣмъ доставляемымъ ему вѣдомостямъ о доходахъ, какъ то—сколько собрано, чего недостаетъ, сколько изъ собранныхъ доходовъ употреблено въ расходъ, по какимъ частямъ, сколько за кѣмъ въ остаткѣ состоитъ и гдѣ оныя остатки находятся“¹⁾.

Эти узаконенія имѣютъ ясный и точный характеръ. Ими установлена должность настоящаго министра финансовъ и указано настоящее мѣсто государственнаго казначея, какъ начальника счетной части вновь созданнаго вѣдомства.

2-го февраля 1821 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи департамента государственнаго казначейства. „Главные предметы департамента государственнаго казначейства суть слѣдующіе: 1) движеніе суммъ по приходамъ и расходамъ всѣхъ казначействъ, 2) главное счетоводство приходовъ и расходовъ“²⁾.

Съ введеніемъ этого учрежденія должность государственнаго казначея перестала существовать, а съ нею исчезло и послѣднее, что оставалось въ Россіи XIX вѣка изъ существовавшихъ въ XVIII столѣтіи органовъ высшаго финансоваго управленія.

III. Числуишъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пол. Собр. Зак. т. XXVII, стр. 243—248. № 20.406, 8-го сентября 1802 года.

²⁾ Тамъ же, XXXVII, № 28.542.

ЗАМѢТКИ ПО ВОПРОСУ О РУССКИХЪ ХРОНОГРАФАХЪ.

Болѣе 30 лѣтъ прошло со времени изданія А. Н. Поповымъ своего труда по изслѣдованію русскихъ хронографовъ („Обзоръ хронографовъ русской редакціи“. Вып. I, 1866 г., и II, 1869 г., и „Изборникъ слав. и рус. соч. и статей, внесенныхъ въ хронографы...“, 1869 г.), между тѣмъ эта его работа и до сихъ поръ все еще остается первымъ и единственнымъ капитальнымъ пособіемъ при изученіи этого вопроса. Этимъ она обязала главнымъ образомъ своимъ достоинствамъ: поставленная тамъ задачи такъ широки и рѣшеніе ихъ въ то же время настолько научно-удовлетворительно, что, при медленномъ ходѣ разработки вопросовъ нашей литературы, солидность этой работы надолго отодвинула спеціальнѣйшій интересъ къ этому вопросу. Но наши хронографы заключаютъ въ себѣ такой обширный историко-литературный матеріалъ, что ученикъ не столкнувшись съ нимъ нельзя было: въ результатѣ этихъ столкновеній и являлась частичная критика, а съ нею и поправки работы Попова. Понятно, такая критика не могла дать многого: здѣсь интересъ къ хронографамъ былъ побочнымъ, такъ что, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ пункты вопроса о русскихъ хронографахъ остаются до сихъ поръ собственно въ томъ положеніи, въ какое они поставлены Поповымъ. Между тѣмъ знакомство съ самими хронографами даже только по тѣмъ рукописямъ, какія были въ рукахъ Попова, даетъ много матеріала и для иного освѣщенія этихъ пунктовъ.

Въ настоящихъ своихъ замѣткахъ мы и намѣрены воспользоваться нѣкоторымъ полученнымъ такимъ образомъ матеріаломъ, при чемъ имѣемъ въ виду не столько критику работы Попова, сколько—выяснить настоящее положеніе вопроса о русскихъ хронографахъ и на-

мѣтить тѣ пути, какіе теперь представляются для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу.

I.

Начнемъ прежде всего съ того пункта, которому посчастливилось быть предметомъ изслѣдованій почти всѣхъ ученыхъ въ области исторіи литературы, такъ или иначе соприкасавшихся съ вопросомъ о хронографахъ, и которому, въ концѣ-концовъ, удалось найти себѣ разрѣшеніе. Это, именно, вопросъ о происхожденіи хронографа. Какъ извѣстно, Поповъ предполагалъ юго-славянское происхожденіе хронографа (Обз. II, 22—25). Въ 1877 году Н. В. Ягичъ, на основаніи своихъ изслѣдованій по вопросу объ источникахъ сербскаго лѣтописанія, рѣшительно высказался противъ этого мнѣнія Попова. Изслѣдованные имъ наличные юго-славянскіе хронографы всѣ оказались позднѣйшимъ сокращеніемъ изъ извѣстныхъ намъ русскихъ хронографовъ (Arch. f. sl. Phil., B. II, SS. 1—109). Къ тому же выводу и на томъ же основаніи пришелъ потомъ М. П. Сперанскій (Чтенія Об. Ист. и Др. Рос. 1894 г. и Рус. Фил. Вѣсти. 1896 г.). Въ 1893 г. В. М. Истринъ въ своей работѣ надъ „Александріей русскихъ хронографовъ“ опять вернулся къ предположенію Попова о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа. Затѣмъ, въ 1900 г., А. А. Шахматовъ въ специальной статьѣ „Къ вопросу о происхожденіи хронографа“ (Сбор. Отд. рус. яз. и сл. Ак. Наукъ, т. 66) высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что хронографъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ въ обѣихъ извѣстныхъ редакціяхъ, составленъ въ Россіи южнымъ славяниномъ. Наконецъ, въ прошломъ году А. И. Соболевскій въ своей работѣ „Переводн. литер. Моск. Руси XIV—XVII вв.“ (С.-Пб. 1903 года) помѣстилъ небольшую замѣтку по тому же вопросу, гдѣ онъ предполагаетъ, что мѣстомъ составленія хронографа былъ Константинополь, а составителемъ — русскій человѣкъ (стр. 32—34).

Мы специально надъ этимъ вопросомъ не останавливались, но въ продолженіи всей своей работы надъ хронографами внимательно слѣдили за нимъ и наши наблюденія вполне подтвердили мнѣніе Шахматова. Дѣйствительно, весь характеръ состава хронографа — русскій; между тѣмъ была бы непонятна такая коренная переработка всего хронографа, если бы послѣдній явился въ Россію уже готовымъ и составленнымъ при томъ на юго-славянской, т. е. православною же

почвъ. Мало вѣроятно и то, чтобы при какой бы то ни было передѣлкѣ не проскользнули бы такія специфическія особенности происхожденія хронографа, которыя тотчасъ бы выдали свою родину; между тѣмъ все говоритъ за Россію; встрѣчающіяся же тамъ особенности языка (сербизмы) легко и удобно объясняются лишь юго-славянскимъ происхожденіемъ составителя, но работавшимъ въ Россіи и для русскихъ. Съ другой стороны, важно указаніе (Ягичъ и Сперанскій), что до послѣдняго времени не находится у южныхъ славянъ самостоятельнаго хронографа, какіе же есть — происхожденія русскаго. Очевидно, что до появленія русскаго хронографа южные славяне довольствовались лишь переводами византійскихъ хроникъ, осложняя ихъ лишь чисто внѣшнимъ образомъ статьями юго-славянскими, т. е., которые не были еще поставлены въ такую органическую связь, какую мы находимъ въ русскихъ хронографахъ. Таковъ, напримѣръ, сборникъ по рукописямъ половины XV в. Юс.-Волоколамскаго монастыря (Моск. Дух. Акад., № 230), заключающій въ себѣ сербскій переводъ хроники Зонары („Паралипоменъ Зонары“, изд. Бодянскаго, въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. за 1847 г., кн. 1) и сербскія статьи: Житіе деспота Стефана, Отвѣты еп. Іоанна о антиминыхъ, Выписки изъ сербской Александріи (Шахматовъ, стр. 72), Житіе Стефана Дочанскаго, Житіе Иларіона Меглинскаго, при чемъ почти всѣми этими статьями какъ разъ воспользовался потомъ составитель русскаго хронографа, а Паралипоменъ Зонары былъ потомъ еще и источникомъ дополненій для юго-западной редакціи хронографа.

Наконецъ, укажемъ еще на то очень важное въ этомъ вопросѣ положеніе, что всѣ главные источники, по которымъ составленъ хронографъ, ко времени составленія послѣдняго были уже въ Россіи (Шахматовъ, стр. 74). Вмѣстѣ съ предположеніемъ, что надъ составленіемъ хронографа работалъ сербъ, эти два положенія вполне достаточны для объясненія всѣхъ пунктовъ вопроса о происхожденіи хронографа.

Такой взглядъ на происхожденіе русскаго хронографа намъ можетъ быть удасться подкрѣпить еще разборомъ мнѣнія А. И. Соболевскаго.

1) Первое положеніе автора, это то, что „Русь XV вѣка имѣла слишкомъ мало общенія съ южнымъ славянствомъ, чтобы предпринять большой историческій трудъ, въ которомъ значительное число листовъ удѣлялось судьбамъ еле извѣстныхъ по названію болгаръ и сербовъ“: такимъ мѣстомъ живого интереса къ южному славянству могъ быть

скорѣ всего Константинополь.—Мы согласны съ авторомъ, что такой спеціальнѣйшій интересъ у русскихъ къ южному славянству, какой мы встрѣчаемъ въ хронографѣ, дѣйствительно является для насъ нѣсколько неожиданнымъ: другихъ подобныхъ памятниковъ мы не знаемъ; но на этомъ основаніи намъ и кажется болѣе вѣроятнымъ отнести составленіе хронографа къ перу не русскаго, а южнаго славянина, серба. Но что вообще-то въ это время интересъ къ южному славянству могъ быть не только въ Константинополѣ, а и въ самой Россіи, въ этомъ сошлемся на свидѣтельство самого автора, что „южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в.“ было особенно сильно и когда, кромѣ того, въ самой Россіи появились образованные южно-славянскіе выходцы (стр. 1—14).

2) Второй пунктъ касается вопроса объ источникахъ хронографа: авторъ доказываетъ, что эти источники, „кромѣ русскихъ лѣтописей, данныя изъ которыхъ могли быть введены въ хронографъ позднѣе, когда онъ появился уже въ Россіи“, были въ рукахъ константинопольскихъ русскихъ.—Но намъ кажется, что при вопросѣ „Гдѣ составленъ русскій хронографъ?“ уже нельзя отдѣлять отъ хронографа его русскую часть, русскія лѣтописныя извѣстія; другого рода вопросъ объ объемѣ этой части, но что она была уже въ основной редакціи, это несомнѣнно, на это указываетъ и самое заглавіе („Прилогъ сирѣчь собраніе отъ многихъ лѣтописецъ..... и отъ русскихъ лѣтописецъ и сербскихъ и болгарскихъ....“) и характеръ всего состава хронографа.

3) Далѣе, въ вопросѣ о составителѣ хронографа „статейка о послѣднемъ греческомъ царѣ (гл. 207)“ не можетъ быть принимаема во вниманіе: вѣдь несомнѣнно авторъ говоритъ здѣсь о составителѣ первоначальной редакціи, а первоначальная редакція хронографа составлена до 1453 г. (какъ, повидимому, думаетъ и самъ авторъ, относя составленіе хронографа не далѣе конца первой половины XV ст. ср. стр. 13 и 32—33), между тѣмъ въ означенной статейкѣ о завоеваніи Константинополя турками говорится уже какъ о прошломъ событіи (Поповъ, „Изборникъ“ с. 81).

4) Есть, затѣмъ, въ хронографѣ и южно-славянизмы и не только въ мѣстахъ прямо заимствованныхъ изъ южно-славянскихъ источниковъ, а и, напримѣръ, въ извѣстіяхъ о русскихъ лѣтописныхъ событіяхъ: таковы названія „Цвѣтославъ“ и „Цвѣтополкъ“; „били“ вмѣсто были, „мы“ вмѣсто ми, „путь“ вмѣсто плоть, „молчаше“ вмѣсто мучаше; „плайна“ и др. Они подробно указаны Шахматовымъ (с. 76—78). Замѣтимъ только, что кое-что вѣроятно и стерлось при

позднѣйшихъ многочисленныхъ перепискахъ хронографа: вѣдь мы пока не имѣемъ ни одного списка ранѣе первой половины XVI вѣка.

5) Въ слѣдующемъ пунктѣ авторъ приводитъ примѣръ „не всегда правильнаго пониманія составителемъ хронографа южнославянскихъ фразъ и словъ“, именно: въ статьѣ „О сербскомъ запустеніи“ (гл. 206) мы читаемъ вм. слова „по савѣ“—„въ посадѣ“¹⁾.

Но въ виду присутствія сербизмовъ и другихъ признаковъ, указывающихъ на составителя—сербъ, этотъ случай или эти случаи требуютъ только объясненія. А такимъ объясненіемъ вполне можетъ служить то, что это чтеніе („въ посадѣ“ вм. „по савѣ“) явилось уже послѣ того, какъ хронографъ вышелъ изъ рукъ его составителя—сербъ, т. е. въ одной уже изъ первыхъ переписокъ русской руки и во всякомъ случаѣ не позже появленія протографа редакціи 1512 г. и Юго-западной, такъ какъ эта ошибка встрѣчается уже въ обѣихъ редакціяхъ. Укажемъ, напримѣръ, на подобную, но уже засвидѣтельствованную памятниками, замѣну слова „деспотствовавшаго“ словомъ „господствовавшаго“: такъ мы читаемъ, напримѣръ, въ Никоновской лѣтописи, но въ спискѣ хронографа Погодина № 1404, стоитъ еще первоначальное „деспотствовавшаго“. Встрѣчаются и другіе подобныя примѣры.

¹⁾ Хронографъ: „Бысть же и другое знаменіе, проявляя хотящая быти граду злая: въ вечеръ суще глубоць, намъ еще не спящимъ, внезапно прихощааше со оныя страны рѣка яко трубный гласъ, и по малу возвышаше дондеже въ посадѣ мяшеса, таже предъ градомъ, таже по всему граду. Пребысть же на три часы, и мѣхомъ, яко воинство нѣкое прииде на градъ, яко изыти намъ со огномъ и видѣна бываемая“ (Изборн. Попов. с. 81).

Житіе Стефана Лазаровича (Констант.): „...Въ вечеръ соуштоу глубоко ноштию не спештимъ намъ яко въ истинноу Христовоу прихощааше отъ запада съ ономъ страны рѣка яко трубный гласъ и по малу возвышаше се, до видѣже по (полъ) Савѣ мѣшше се, таже предъ коулоу таже по всемоу граду отъ дверей до дверей. И съ не въ брьѣ мною ходе бѣше, нь въ часы два оубо или три, мяко тѣзонмениталого мѣшти приходешта, аште по отъ запада хощааше быти или нѣкое воинство, мяко намъ изити видѣти бываемая и огнь възгнѣштьшемъ“ (изд. Ягича. Гласник, кн. XLII, с. 324).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что хронографическій текстъ Житія, какъ намъ кажется, лучше передаетъ рассказъ объ этомъ знаменіи, такъ какъ, повидимому, здѣсь говорится не о разливѣ рѣки Савы, а о какомъ-то шумѣ, идущемъ по Савѣ и постепенно распространявшемся по всему городу: ошибка, намъ кажется, заключается просто въ неправильно данной гдѣ-то передачѣ слова „рѣка“ вмѣсто „рѣкама“, отъ чего мѣняется и весь смыслъ рассказа.

6) Обращаемся, наконецъ, къ послѣднему пункту, гдѣ авторъ говоритъ о „простотѣ изложенія“ хронографическихъ статей, „когда источники, напротивъ, излагаютъ витіевато, что показываетъ въ составителѣ хронографа русскаго человѣка безъ особеннаго литературнаго образованія“.—Намъ кажется, что нельзя выставлять характернымъ для составителя хронографа „простоту изложенія“: не нужно прежде всего забывать, что первоначальная редакція до насъ не дошла, и мы читаемъ теперь хронографъ уже въ передѣлкѣ и не въ одной, особенно это нужно сказать о болѣе распространенной редакціи 1512 г., которая именно упрощала свой оригиналь, то сокращая его, то замѣняя въ немъ слова малопонятныя болѣе понятными, или же просто выбрасывая ихъ: такъ почти всѣ греческія слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Юго-западной редакціи и восходящія несомнѣнно къ основной, въ редакціи 1512 г. отсутствуютъ: напримѣръ, въ описаніи царствованія Нерона (гл. 103) вм. фразы Юго-зап. ред. „принде и дома нога зюиницоу ѣртаа ѣца. сирѣ поага...“ въ ред. 1512 г. оставлено только „поага“; въ описаніи царствованія Августа, въ статьѣ о пришествіи волхвовъ, послѣ словъ „..ако оумрѣти хочашу“ опущено: „сѣсий же мзвком. мѣхунѣ багамѣ акгарь багѣу багагарь банакъ. банамеаѣ оуко токуетга...“ и т. д.; или напр. въ гл. 146 вм. выраж. ред. 1512 г.: „намаше же ладучаа волѣзнь“ въ сп. Погод. 1441 ¹⁾ читаемъ: „намаше же и сѣрть румом шивенна. сии рѣчь ладучаа волѣзнь“, что опять восходитъ къ первоначальной редакціи и мног. друг. под. Само собою понятно, далѣе, насколько упрощается рѣчь, если одно и то же содержаніе передается вм. 27 строкъ на 16 строкахъ, каково отношеніе Юго-зап. ред. и ред. 1512 г. въ ст. „О брани перьстей“ въ цар. Конст. Вел.; или вм. 43—на 14 строкахъ, какъ въ сп. Погод. 1441 (л. 393) и сп. Эрмит. № 2 (л. 365) въ ст. цар. Иоулиана престюпника.

Но и несмотря на всѣ эти упрощенія встрѣчается все-таки очень много мѣстъ, отличающихся запутанностью. Въ общемъ, послѣ знакомства съ хронографомъ, остается впечатлѣніе, что составитель его былъ неравнодушенъ къ фигуральному, витіеватому языку и пользовался имъ довольно часто. Въ нашихъ записяхъ мы нашли нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Такъ въ гл. 183 въ обѣихъ редакціяхъ мы читаемъ: „но оуко невозможє сердечныа отраган на скѣтхъ произвести. и показати соущи ко глаушнѣ класъ. рекше їна рѣти насаѣдника царствю.....“; здѣсь же: „...ако везвременнѣу зѣаку, везинственѣу и стару...“; въ гл. 184

¹⁾ О редакціи этого списка см. ниже.

ВЪ ОБЪИХЪ РЕДАКЦІЯХЪ: „...и еже ко властехъ и славопикное и зное ласканіе. и того корчманіе, спрѣ леств и лоукактко Ш дша ненакнаше.... но шваче нагаднбга ненадоого обратныхъ глѣцехъ, спрѣ лѣтѣ. но ꙗ вы рещи мко заакъ процкѣ і помалѣ оукану лютыли недоуги...“; въ гл. 185, въ ОБЪИХЪ РЕДАКЦІЯХЪ: „...екдока же гчады пракаане црѣтѣа коравль. но вnezапу вбѣмрѣ-пѣша пѣшкѣа коурѣ. и вездангоша засмоутенхъ кѣтрѣхъ и коаны і прещахоу плакающнхъ квананн потонити. что же оуко приккочникнега поѣтъ...“; „...на ннхже оихъ (Гоманхъ) мко замн поскѣтакхъ мко на птнща везперма. нхже погалотити хукаалаа усты востоснѣднманн. самую птнщелѣхъ мѣтрѣ и го втнщы. некѣдаше же мко мнманн сонлетеннн, оуболаютѣ по аеру летаца. и тевѣты аноплетенманн мѣкеда оуболаѣ. нападаѣ оуко ромѣ...“; или, напримѣръ, не разъ повторяющееся выраженіе Юго-зап. ред. и ред. 1512 г. по сп. Погод. 1443: „многоголеточнмъ транезы и гостну кванку“; или укажемъ, напримѣръ, на витѣватое начало ст. „Ѡ сербьскнхъ деспотѣа“ по ред. 1512 г.: „Достоитъ же рещи и сербьскнхъ деспотъ власть. первѣе оубо корень-лапатою слова окопавше и Ш корене древо всѣмъ покажемъ и сладость плода всѣмъ представимъ“ (напеч. у Поп. I, 188): это начало уже несомнѣнно принадлежитъ самому составителю хронографа. Въ источникахъ для этихъ мѣстъ—Житіи деспота Стефана и Житіи св. Саввы—такого добрословія буквально нѣтъ, но оно навѣяно несомнѣнно ими, такъ въ Житіи десп. Стефана мы въ одномъ мѣствѣ читаемъ: „Достой же... кинокнаго корень кзыскати.... и Шкудѣ. конхъ корени кѣткѣ и како процкѣтнн...“ (Поповъ, „Изборн.“ с. 99); или нѣчто подобное въ Житіи св. Саввы (въ концѣ предисловія): „надовно же възкскати шть корѣне штьрасаь, и оврѣштель и овьемаемъ не шть трѣнѣа не шть лезы гроздѣ...“ (Живот. св. Саве, изд. Данич. Беогр. 1860).

Впослѣдствіи мы намѣрены еще сдѣлать сравненіе хронографической и другихъ редакцій житія Стефана Лазаревича: есть данныя предполагать, что мы извлечемъ изъ этого сравненія и еще нѣкоторыя положительныя указанія въ пользу сербскаго происхожденія составителя хронографа.

II.

Далеко не такъ обстоятъ дѣла съ другимъ пунктомъ, котораго также касались почти всѣ упомянутые изслѣдователи, именно съ вопросомъ объ источникахъ хронографа. Я буду здѣсь пмѣть въ виду источники собственно хронографическіе, т. е. касающіеся исторіи библейской, римской и византійской. Поповъ указалъ на пять хроникъ,

какъ источниковъ нашего хронографа: хронику Манассіи (источникъ, указанный въ самомъ хронографѣ), Амартола, Зонары, Малалы и патріарха Никифора, но онъ не опредѣлилъ, въ какомъ видѣ эти источники были въ рукахъ составителя хронографа. Высказанное же имъ предположеніе, что эти источники могли быть соединены въ какомъ-нибудь сборникѣ, подобно, напримѣръ, Еллинскому и Римскому Лѣтописцу (Обзоръ II, 16 — 17), оставлено имъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но мало того, нѣкоторые его и опредѣленные указанія на источникъ при провѣркѣ не подтвердились. Такая, именно, провѣрка сдѣлана нами по отношенію къ Временнику Амартола и по тѣмъ именно спискамъ, какіе указаны самимъ Поповымъ. Мы не дѣлали систематическаго сличенія, но и того, что нами найдено, будетъ достаточно, чтобы убѣдить, что если Амартолъ и былъ въ рукахъ составителя хронографа, то совсѣмъ не въ томъ видѣ, на какой ссылается Поповъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ 115 (Обз. I, 140 — 141) для извѣстія хронографа о смерти Тита отъ солнечнаго жара, предваряемаго выраженіемъ: „а въ бытіи пишетъ“, Поповъ указываетъ источникомъ Амартола: „подъ словомъ „а въ бытіи“, говоритъ онъ, должно разумѣть Временникъ Амартола“, но 1) то же извѣстіе встрѣчаемъ мы и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ 2-й редакціи; 2) выраженія Еллинскаго Лѣтописца ближе къ хронографу, чѣмъ выраженія Амартола, такъ, напримѣръ, вмѣсто выраженія Амартола: „гѣнцѣмъ паланимъ и ѡтннѣ изнемогахъ. І еще дыхающу ему“... (Погод. 1432, л. 132), въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, какъ и въ хронографѣ, читаемъ: „и гѣнцѣмъ паланимъ вѣма, зело изнемогахъ, І еще дышающу ему“... и 3) наконецъ, подъ выраженіемъ „а въ бытіи“ скорѣе нужно разумѣть Еллинск. Лѣтописецъ, такъ какъ послѣдній встрѣчается именно съ такимъ названіемъ, напримѣръ, Еллинск. и Римск. Лѣтоп. изъ собранія Кирило-Бѣлоозерскаго монастыря (Спб. Дух. Акад. № 1/6) такъ и озаглавленъ: „Бытіе“; 2) для 9 царствованій отъ Доментіана и до Іуліана включительно Поповъ указалъ источникомъ Временникъ Амартола, при чемъ ссылается на Погод. сп. л. 135 (Обзоръ I, 141), но тамъ мы не находимъ встрѣчающіяся въ хронографѣ характеристики этихъ царей (нѣтъ ихъ и въ Еллинск. Лѣтоп., ни у Манассіи); 3) изъ Амартола, по нему, взято 41 царствованіе Максиміана Галерія и Максентія (I, 142), но въ указанномъ списокѣ (л. 146 об.) сходными оказываются лишь первыя 3 — 4 слова въ началѣ, а прочее несходно даже и по содержанію; нѣтъ у Амартола здѣсь совсѣмъ и перечня мучениковъ, что есть въ обѣихъ редакціяхъ

(впрочемъ въ ред. 1512 г. только 2 имени). Большее сходство для этого мѣста хронографа (а въ началѣ даже буквальное) представляетъ Еллинск. Лѣтон. 2-й ред.; 4) для царствованія 2 Константіева Поповъ указываетъ источникомъ Амартола (по списку Фрол. собр. № 35), но, сравнивая данную имъ выписку съ соответствующимъ мѣстомъ хронографа и Еллинскаго Лѣтописца, находимъ, что текстъ хронографа мѣстами болѣе сходенъ въ выраженіяхъ съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, чѣмъ съ этимъ спискомъ Амартола, а вѣроятноже, что источникомъ не былъ здѣсь ни Амартоль, ни Еллинскій Лѣтописецъ, такъ какъ и тотъ и другой вмѣстѣ разнятся отъ хронографа въ счетѣ лѣтъ царствованія Константія (11 и 22); 5) для 5 главъ 123—127 источникомъ опять указывается (с. 145) Временникъ Амартола, но указанный Фрол. списокъ имѣетъ другой порядокъ въ разсказѣ о событіяхъ этого царствованія; 6) для ст. О смерти Ираклія (гл. 143; с. 153) указанъ Амартоль (по Погод. сп.): сравнивая это мѣсто по Амартолу и по Еллинскому Лѣтописцу, мы находимъ, что при полномъ ихъ сходствѣ въ прочемъ, есть все-таки одно выраженіе, которымъ хронографъ роднится съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, а не съ Амартоломъ, именно: вм. выраженія Амартола „всю восточную страну погуби“ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и хронографѣ читаемъ: „всю восточную страну потреби“; 7) для 148 гл. указанъ Временникъ Амартола по списку Погодина, л. 201: но 1) сходство находимъ только въ началѣ (24 строки), кончая словами: „ѣ тыѣ глаголахъ же прѣвѣшихъ“, далѣе же тамъ идетъ совсѣмъ другая статья „О разореніи церкви“.., а ст. „О второмъ собраніи св. собора 6-го“ и „О изгнаніи Густиніана“ (объ этомъ есть впрочемъ краткое упоминаніе) тамъ нѣтъ, а 2) для сходныхъ же мѣстъ съ одинаковымъ правомъ можно считать источникомъ Еллинскій Лѣтописецъ (Г. IV. 91, 372 — 373), гдѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, мы находимъ въ этихъ памятникахъ полнѣйшее сходство; 8) для гл. 154 (цар. Θεод. Адрамент., I, 157) у Попова указанъ источникомъ Временникъ Амартола по спискамъ Погодина, л. 202: но сходство это на самомъ дѣлѣ простирается только на первые 2—3 строки, кончая словами: „въ скимоу мнишескою“ ¹⁾, а все прочее несходно даже по содержанію (нѣтъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, ни у Манассіи по Синод. сп. № 38). Выписываемъ это мѣсто хронографа по списку Погодина 1441

¹⁾ Далѣе въ хронографѣ: „зачочи“ (или по сп. Погод. 1441: „затвори“) „исолоу“, а у Амартола и въ Еллинской Лѣтописи „взмѣстова исолоуба“.

(равному съ проч. сп. обѣихъ редакцій): „но и ꙗко малѣ власти въсѣ-
шихъ славѣ црѣкѣю вскоре ѡстаклаетъ якоже прежде («спреди») речено бѣдетъ.
сєлѣ оубо феодоию пракашѣ греческаа екинеты, а затѣ же кѣзю («на во-
стоцѣ обладающе» — юго-зап. ред.) аравитскою властїю единовластвѣюще
дѣа нѣкаа бѣговорныхъ жидовъ, пришедше гѣша елюѣ, аще потребнши сѣразъ
Хѣх, и того родикшна аюга лѣта нѣашн жити. Сѣже жизнѣоубецъ сѣй по-
сѣдша нѣхъ и кѣлѣн богочинами црѣкѣаии кѣлате, по согнанъ кнѣтъ надежю
црѣкѣстїебншихъ....“ и т. д. до ст. „О лѣтѣ исаврѣ“, взятой изъ Ма-
нассїи; 9) въ главѣ 158 (цар. Прины и Констан.; с. 158) для первыхъ
трехъ статей Поповъ указываетъ источникомъ Временникъ Амартѣла
„въ сокращенїи и съ перестановкою“: по въ указанномъ мѣстѣ
(Погод. сп. л. 207, 207 об. и 208) вовсе, напримѣръ, нѣтъ словъ
Василїа Великаго и вообще всего разсужденїи о иконопочитанїи. Такъ
какъ этого мѣста нѣтъ и въ Еллинск. Лѣтоп., то мы выпи-
сываемъ его по списку Погодина 1441 (въ юго-западной ред. есть пе-
рестановки и оцущенїя): „... и прочїихъ стѣмъ ѡцѣхъ тѣхъ сокращенїа на
иконворца на хрїстіаноглѣннїкї глѣющїихъ ако овѣотворнша тѣхъ хрїтіане.
Аны же не богочорнїахъ сїихъ, но поклонающїеся шїразѣ и чєтьє коздающїє перко-
образномъ акоже рече кєанїкїи каснїи чѣ по образѣ на перкообразное кохудитъ.
перкообразное же естѣ на нїѣтѣхъ елѣд же ко шїразѣ поклонаемѣса. ересєлѣ же
началнннцы лѣвѣ нже ѡ исаврїа и патр. анастасїи царяграда и сїїхъ его копро-
ннїахъ. и црѣграда патрїарсїа нѣхъ же онѣхъ погѣнїахъ константїнїсѣ и нїкїтѣсѣ, касї-
лїа пастїнаа.... сїихъ... проклагїю предаша ¹⁾). ѡ ѡцѣхъ на томѣхъ же соворє. Гдѣ
нашего нєа хѣ проповѣдѣаша неопнганна по вожеетѣсѣ снннганна по чѣтѣсѣ. и
сєго радї предаша поклонагїсѣа пречїстѣомъ его образѣ и того роднїей и всѣхъ
стѣмъхъ и пракосаакнїю кѣрѣдъ ѡчкєрднша.... ко всѣхъ же седан сокорєхъ стѣмъхъ
отєцѣ яв. посаѣдѣемѣхъ же апѣкнїахъ преданнїахъ и шїннїихъ ѡцѣхъ нже на седан
сокорєхъ преданнїа палїхъ ѡченїа и правнїа прїемлетѣ, тако же и полѣкѣтнїа
соворы кєанїе и црѣцю Фєодорю и сынѣомъ еа анѣаналїахъ собраннїе согласїе
кѣткєннїихъ ѡцѣхъ нже до концѣа нзѣнанчнша и проклаана иконоворца и преданїа
црѣкн мєдѣдїеахъ.... празднокагїи ѡрѣкнїеннїє стѣмъхъ нконѣхъ кѣ ѡ-нѣкѣмъ сѣ. кє-
анкаго погѣа“.

Нашли мы и еще нѣсколько подобныхъ мѣстѣ, а еще больше
встрѣчались такїа мѣста, для которыхъ съ одинаковымъ правомъ
источникомъ можно считать и Еллинскїй Лѣтописецъ 2-їй редакцій.
Вообще многое наталкиваетъ на мысль — замѣнить Амартѣла Еллин-
скїямъ Лѣтописцемъ. Припоминаются здѣсь и указанїя самого Попова

¹⁾ Имена этихъ патрїарховъ есть и у Амартѣла и въ Елл. Лѣтописцѣ.

на статьи, общія хронографу и Еллинскому Лѣтописцу (вып. I, 117, 122, 127, 139 и мн. др.), а также его указанія на то, что „немногія выписки изъ Хроники Іоанна Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и могли быть оттуда заимствованы“ (II, с. 19); припоминаются, далѣе, указанія Истрина на то, что Александрія хронографовъ взята изъ Еллинскаго Лѣтонисца 2-й редакціи (с. 287—288), а особенно указанія Шахматова, прямо поставившаго Еллинск. Лѣтонисца 2-й редакціи однимъ изъ главныхъ источниковъ хронографа (с. 64—75). Но здѣсь мы встрѣчаемся все-таки съ нѣкоторыми затрудненіями. Дѣло въ томъ, что 1) есть все-таки мѣста, гдѣ источникомъ могъ быть Амартоль, а не Еллинскій Лѣтописецъ, напримѣръ, въ гл. 144 конецъ ст. „О евагріи философъ“: „и положиша писаніе всоудохранилельницю...“, начало ст. „О таксіотѣ воинѣ“: „В африкии карфагенстемъ градѣ воинѣ нѣкій блуденъ zelo...“ и конецъ той же ст.: „преже 12 дній“ — сходны въ хронографѣ обѣихъ редакцій съ Амартоломъ, а не Еллинскимъ Лѣтописцемъ; или, напримѣръ, въ описаніи (по Югозап. ред.) цар. Фоки Мучителя, въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ въ концѣ есть слово „и сожгоша“, котораго одинаково нѣтъ и въ хронографѣ и у Амартола; или въ гл. 158 (цар. Припы и Конст.) по обѣимъ ред. хронографъ цареградскій патріархъ называется „павель“, какъ и у Амартола: „павель кирианинъ“, тогда какъ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ онъ называется „кирианъ“; 2) многія мѣста, для которыхъ Поповъ не могъ найти иныхъ соотвѣтствующихъ, кромѣ какъ у Амартола, а такія мѣста буквально сходны и съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, но болѣе точномъ сличеніи заставляютъ искать другого источника, напримѣръ, въ гл. 147 (цар. Конст. Брадатаго) для ст. „О св. вселен. 6-мъ соборѣ“ ни Амартоль (указанный Поповымъ), ни сходный съ нимъ Еллинскій Лѣтописецъ очевидно не были источникомъ, такъ какъ, при большей ихъ полнотѣ въ общемъ, въ частности въ нихъ не читается мѣсто хронографа: „какоже Іеранискаго фидѣра поганъ ѿ него андрее. тогда въ маконъ. и сирмахъ питателъ. послѣди же въ архенкхъ крѣпскій. талю и каной кланкій сотвори“ (нѣтъ этого мѣста и у Манассіи); 3) встрѣчается, далѣе, довольно много мѣстъ, для которыхъ, при сходствѣ въ содержаніи, разница въ выраженіяхъ или датахъ не позволяетъ видѣть источникомъ Еллинскій Лѣтописецъ: мы уже указывали одно такое мѣсто въ пунктѣ 4-мъ, укажемъ, напримѣръ, еще на описаніе цар. Марка Философа, гдѣ въ хронографѣ читаемъ: „слевкіемъ (по Юго-зап. ред., а въ ред. 1512 г. «съкеліемъ») затемъ своимъ“, а въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ (F. IV. 91): „и с ви-

румомъ затемъ своимъ“ (во Врем. Амарт. „сх крѣб з. г.“); или, на-
 примѣръ, въ ст. о царствѣ Декія въ хронографѣ прямо указывается
 число убитыхъ христіанъ: по ред. 1512 г.—103, а по ред. Юго-зап.—
 130; въ Еллинскомъ же Лѣтописцѣ вмѣсто этого сказано только:
 „много“; укажемъ, наконецъ, 4) что въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и
 вообще нрѣдко встрѣчается сравнительно съ хронографомъ текстъ
 нѣсколько сокращенный, на примѣръ, въ гл. 119, сравнивая ст. „О
 крещеніи индіанъ, иверецъ и арменъ“ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ
 въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ (F. IV. 151), мы находимъ, что въ послѣд-
 немъ сравнительно съ хронографомъ ст. 1 и 3 („О крещ. инд., ивер. и
 арм.“ и „О арменехъ“) соединены и сильно сокращены, а ст. 2-й
 („О иверехъ“) вовсе нѣтъ, почему Поповъ и предположилъ источни-
 комъ для этого мѣста отдѣльную повѣсть.

Такимъ образомъ, все это приводитъ насъ къ мысли, что 1) из-
 вѣстія Амартола попали въ хронографъ не прямо изъ этой хроники,
 а изъ Еллинскаго Лѣтописца, а 2) повидимому и самый Еллинскій
 Лѣтописецъ попалъ въ руки составителя хронографа уже въ какой-го
 пока неизвѣстной намъ коммуніціи, т. е., можетъ быть уже въ со-
 единеніи съ хроникой Манассіи и нѣкоторыми другими источниками.
 Одинъ изъ подобныхъ сборниковъ описанъ у Попова, это сборникъ
 XVI вѣка Повг.-Соф. библ. № 1497 (Поп. I. 217), гдѣ соединены:
 Временникъ Амартола, Лѣтопись Манассіи, Паралипоменъ Зонары и
 Лѣтописецъ Пикифора патріарха. Предположить, что эта переработка
 вся принадлежитъ составителю хронографа, мы затрудняемся потому,
 что, судя по пестротѣ заимствованій, представляется просто невозмож-
 нымъ такой огромный и кропотливый трудъ въ рукахъ одного чело-
 вѣка. Намъ представляется, что центромъ работы составителя хро-
 нографа была собственно славянская часть, въ прочихъ же частяхъ
 онъ уже имѣлъ предшественниковъ и только приспособилъ ихъ трудъ
 сообразно своей цѣли. Предполагать существованіе такой предше-
 ствавшей работы надъ хронографомъ считалъ необходимымъ и Поповъ,
 указывая на нѣкоторыя раннѣйшія попытки собрать хронографъ
 (II. 16 — 17). Въ будущемъ предстоитъ задача собрать всѣ такого
 рода сборники и опредѣлить отношеніе ихъ къ хронографу. И это
 интересно не только въ отношеніи вопроса объ источникахъ хроно-
 графа, но и само по себѣ: поставленные въ послѣдовательный рядъ
 со всѣми прочими подобнаго рода памятниками древней нашей лите-
 ратуры эти сборники помогутъ намъ представить цѣльную картину
 послѣдовательнаго развитія интересовъ русскаго челоуѣка къ исторіи.

Отдѣльные переводы византійскихъ хроникъ, библейско-апокрифическіе сборники Палей, сборники изъ византійскихъ хроникъ, иногда и въ соединеніи съ Палеей, тѣ же сборники, осложненные извѣстіями русскихъ лѣтописей, собственно такъ называемые русскіе хронографы, куда вошла исторія юго-славянскихъ государствъ и пополнены свѣдѣнія по русской исторіи и, наконецъ, тѣ же хронографы, но осложненные свѣдѣніями по исторіи западно-славянскихъ и вообще западныхъ государствъ—все это представляетъ различныя ступени въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ историческихъ интересовъ.

Вопросъ объ источникахъ осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы имѣемъ дѣло не съ первоначальной, основной редакціей хронографа, до насъ дошедшей, а уже съ послѣдующими редакціями, изъ которыхъ каждая видоизмѣняла этотъ оригиналъ по своему, и такъ какъ основные источники не установлены, то иногда бываетъ трудно опредѣлить, принадлежитъ ли данное мѣсто, недостающее въ другой редакціи, основной редакціи, или оно—вставка. Относительно редакціи 1512 года, кажется, можно было бы сказать, что она, сравнительно съ основной редакціей, новыми источниками не пользовалась, напротивъ у ся составителя всюду проглядываетъ тенденція возможно сокращать оригиналъ, но, какъ мы увидимъ далѣе, эта редакція представляетъ сокращеніе не самой основной редакціи, а по крайней мѣрѣ уже второй за ней: поэтому въ вопросѣ объ источникахъ этого типа хронографа нужно имѣть еще въ виду и другія дошедшія до насъ его развѣтвленія. Юго-западная же редакція несомнѣнно дѣлала вставки. Однимъ изъ источниковъ такихъ вставокъ, какъ это было еще указано Поповымъ (I, 179—181), а потомъ Истринымъ (стр. 263—264 и 281—282), былъ Паралипоменъ Зонары. Кромѣ мѣстъ, отмѣченныхъ у Попова (для цар. Василія болгарскаго губителя, по ред. 1512 г. гл. 178) и у Истрина (въ Александріи: 1) о конѣ, 2) о переходѣ черезъ Граникъ и 3) о гробѣ Кира), укажемъ еще слѣдующія заимствованія изъ этого же источника: 1) въ той же Александріи подъ заголовкомъ: „О стражахъ даріевыхъ“, при чемъ въ Толст. и Бусл. спискахъ этотъ источникъ прямо указанъ въ заголовкѣ (Паралип. Зон., изд. Бод. с. 34); 2) въ описаніи царствованія Маврикія (по ред. 1512 г. гл. 141) большая вставка (около 1½ стран.)—разсказъ о царѣ Хозроѣ, при чемъ въ Бусл. сп. (Q. IV. 378) это мѣсто опять предваряется киноварной замѣткой: „Зонара“ (у Бодян. с. 93) и 3) въ описаніи царствованія Михаила (по ред. 1512 г. гл. 166) есть вставка изъ Зонары подъ заголовкомъ: „Владора црца даеца земак

полагромъ“ (у Бод. с. 100—101), вставка несовсѣмъ умѣстная, разорвавшая послѣдовательный рассказъ лѣтописи Манассіи.

Но и помимо Зонары Юго-западная редакція пользовалась, повидному, и еще какимъ-то источникомъ: въ описаніи царствованія Трояна (по ред. 1512 г., гл. 115), во-первыхъ, послѣ словъ „мѣрило правдѣ“ въ редакціи Юго-западной читается вставка: „погда его трайна, еѣ по-стаклахоуѣ ного на цѣтко ермиѣ, тоѣ прѣ егѣли абам постваѣемый. екагѣно глааше, еже нѣкти емоѣ ярадѣ трянамоѣ чѣтѣ аягоѣстож, довроѣктан неровнимъ“ и во-вторыхъ, послѣ словъ: „понослива и хуляща его“ другая вставка: „нѣкогда сѣоѣ его градоуѣ на войнѣ, и попра конемъ сконемъ дѣтице, сѣна нѣкогѣ едокиѣ. иже принде паде прѣ анцѣ поѣтѣ еѣ елазали глауѣнега, цѣрѣ же еказерати сѣа скоѣго, и даде его едокиѣ екаѣкто сѣа еѣ, да нѣгаѣтъ а и глаожитѣ еѣ“.

Этихъ мѣстъ нѣтъ ни въ редакціи 1512 г., ни у Амартола, ни въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, ни у Зонары, ни у Манассіи. Съ несомнѣнностью можно предполагать, что этихъ мѣстъ не было и въ основной редакціи хронографа. Между прочимъ косвенно на это указываетъ Буславскій сп. этой редакціи (Q. IV, 378), гдѣ эти два мѣста, подобно какъ и еще ранѣе указанная 3 вставки изъ Зонары (о конѣ, о стражахъ даріевыхъ и о царѣ Хозроѣ), да еще въ ст. о болгарскомъ царствѣ (гл. 191) слова: „фракію и македонію и трывалы и далматію“, помѣщаются не въ текстѣ, а на полѣ (внизу и вверху) и писаны хотя и одною рукою съ текстомъ, но нѣсколько позже (другія чернила): это наводитъ на мысль, что очевидно и въ оригиналѣ этого списка, да и въ протографѣ этой редакціи вообще, эти, а можетъ быть и другія вставки, были также на полѣ, но потомъ одни списки (какъ Толстовскій, Виленскій, Поповскій) ввели ихъ въ текстъ, а другіе (какъ Буславскій) такъ и оставили ихъ на полѣ. Что представлялъ изъ себя источникъ этихъ вставокъ, пока приходится только гадать. Впрочемъ мы и здѣсь склоняемся скорѣе къ предположенію, что въ рукахъ составителя протографа юго-западной редакціи была какая-то хронографическая компиляція, на основаніи которой онъ и дѣлалъ измѣненія въ оригиналѣ. На это опять указываетъ разнообразіе источниковъ: вставки изъ Паралипомена Зонары мы уже видѣли, встрѣчаются еще вставки, соотвѣтствія которымъ мы находимъ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ (и у Амартола): такъ, напримѣръ, въ описаніи царствованія Василія Македонянина, въ рассказѣ о смерти царя, по ред. 1512 г. (гл. 169) послѣ словъ „и овѣнѣ на роѣ его“ читаемъ прямо: „и критикъ нѣкто разрѣза ножеѣ номѣхъ его“, какъ это читается и въ Па-

ралиноменѣ Зонары (у Бод. с. 104), тогда какъ въ Юго-западной редакціи вмѣсто этого читаемъ: „и вѣгаше (олень) на рогахъ нога цѣра, единъ же ш сошчїи ея цѣремъ догна вана и кнзе мѣ прерѣза помѣх... семоѡ же шкѣракноѡ... штѣкнона глакоѡ его“, каковое чтеніе находимъ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ (Г. IV. 91, л. 436 и об.) и у Амартола (Погод. 1432, л. 222 об.). Что именно чтеніе редакціи 1512 г. слѣдуетъ относить и въ основную редакцію хронографа, а въ чтеніи Юго-западной редакціи видѣть вставку, на это указывасть то, что впереди по объѣмъ редакціямъ мы находимъ заимствованіе также изъ Зонары; или, напримѣръ, въ описаніи царствованія Коммодова въ редакціи юго-западной читаемъ другое сравнительно съ редакціей 1512 г. (гл. 115) преданіе о смерти Коммода: „иньдѣ иншеъ течении крокымаи і жалчю оѡмре“ и рядомъ сообщается еще о мученицѣ Евгеніи: оба эти извѣстія встрѣчаются и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ.

Но есть вставки, которыя не подходятъ ни къ одному изъ указанныхъ источниковъ, и въ то же время явно, что ихъ не было и въ основной редакціи. Таковъ, напримѣръ, въ концѣ описанія царствованія Михаила (по ред. 1512 г., гл. 166) рассказъ о поставленіи патріарха Месоодія: въ редакціи 1512 года этого рассказа нѣтъ, но онъ здѣсь и совершенно излишенъ, такъ какъ объ этомъ подробнѣе говорилось раньше, и составитель Юго-западной редакціи, очевидно, внесъ его сюда изъ новаго источника. Изъ этого же источника виссено и находящееся рядомъ извѣстіе о крещеніи едесскимъ арх. Θεодотомъ перскаго царя, нареченнаго Іоанномъ и пострадавшаго потомъ съ тремя отроками, какового извѣстія въ редакціи 1512 г. также нѣтъ. Изъ новыиъ источникъ указывасть, напримѣръ, еще извѣстіе Юго-западной редакціи о смерти Гордіана: по редакціи 1512 г. (гл. 116) онъ былъ убитъ сарухомъ Филипомъ (какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и у Амартола), а въ Юго-западной редакціи вмѣсто этого читаемъ: „і обдавнса въ африки, при семь алексїскаа ерекъ възрасте“. На различные источники для однихъ и тѣхъ же мѣстъ этихъ двухъ редакцій указывасть разница въ датахъ (напримѣръ, по ред. 1512 г. Гордіанъ былъ возрастомъ 13 лѣтъ, а по Юго-западной 11; преложеніе книгъ съ греческаго на славянскій по редакціи 1512 г. было въ 6414, а по Юго-западной редакціи въ 6408; походъ Олега на греки по редакціи 1512 г. былъ въ 6415 г., а по Юго-западной редакціи въ 6414 г.), разница выраженій (въ гл. 119 по ред. 1512 г.: „вкратиш къ стѣденицъ сѣѡ“, а по Юго-западной редакціи „вкратиш крокъ глаѡкокъ немлюшкѣ коды“; по редакціи 1512 г. крестъ возлагали „на женоѡ“, а по

Юго-западной „на дѣцѣ“; по редакціи 1512 г. (гл. 120) „дарія миданнина“, а по Юго-западной редакціи „дарія ѿгозлованнина цѣла перьского“; по редакціи 1512 г. по Даріи царствуютъ „Д“ раки его“, а по Юго-западной редакціи „л“ кокомы его“ ¹⁾ и т. п., приуроченіе смерти однихъ и тѣхъ же святыхъ къ различнымъ царствованіямъ (напримѣръ, о Григоріѣ Чудотворцѣ въ Юго-западной редакціи говорится въ царствованіе Севера, а по редакціи 1512 г. въ царствованіе Авреліана [что правильно], такъ какъ Григорій и братъ его Афинодоръ и по редакціи Юго-западной упоминаются на помѣстномъ соборѣ въ царствованіе Авреліана); или, напримѣръ, по редакціи Юго-западной Іоаннъ Богословъ написалъ евангеліе „въ 3 лѣто црѣтла Неронѣка, по 32 лѣтх гна вознесенна... повелѣнимъ Іакока врата Гдѣна“, а по редакціи 1512 г. — въ царство Доментіана „по 32 лѣтх по вознесенн Гдѣю, на Пачмогѣ, гдѣ онъ промакъ 15 лѣтх“ [что опять правильно]; также, напримѣръ, спаденіе съ неба „кромѣхъ гренадинъ“ редакціи Юго-западной приурочивается къ царству Авреліана, а редакція 1512 г. — къ царству Прова). Конечно, относительно послѣдняго пункта можно думать, что новый-то источникъ былъ у редакціи 1512 г., на основаніи котораго она вносила эти исправленія, отвергать это — нѣтъ данныхъ, замѣтимъ только, что вообще-то редакція 1512 г. мало заботится о точности.

Такимъ образомъ, по вопросу объ источникахъ нашихъ хронографовъ предложить еще большая работа. Слѣдуетъ, конечно, начать съ отыскиванія источниковъ для тѣхъ, указанныхъ нами, мѣстъ, относительно которыхъ нѣтъ сомнѣнія, что онѣ — вставки позднѣйшихъ редакцій: найденныя эти источники могутъ освѣтить для насъ и многія изъ такихъ мѣстъ, относительно которыхъ мы теперь не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. А тогда для насъ лучше выяснится и составъ первоначальной редакціи и ея источники.

¹⁾ Въ той же главѣ вмѣсто заголовка редакціи 1512 г.: „начало царствованія греческаго“ въ Юго-западной редакціи читаемъ: „По Александрѣ маведѣствѣ на десѣтъ чѣстимъ раздѣлѣмъ црѣтѣо его“, а на полѣ противъ такого заголовка стоитъ киноварная замѣтка той же руки: „ниного творца“: къ чему относится эта замѣтка, къ заголовку только, или къ тексту? За небольшими исключеніями текстъ обѣихъ редакцій тождественъ и остается предполагать одно изъ двухъ: или для составителя Юго-западной редакціи источникъ, въ данномъ случаѣ одинаковый съ редакціею 1512 г., былъ не основной, а „иной“, или эта замѣтка была еще въ основной редакціи и указывала на различные источники: 1) для Александріи и 2) для дальнѣйшихъ извѣстій. Но всего вѣроятнѣе, что эта замѣтка относится только къ заголовку. (О раздѣленіи царства Александра между 10-ю его полководцами встрѣчается у Амартѣла, въ греческомъ текстѣ по изданію Муральта, VI т. Учен. Зап. Акад. Наукъ. с. 28).

III.

Еще менѣе подвергся разработкѣ вопросъ о первоначальной, основной редакціи хронографа. Эта редакція до насъ не дошла, между тѣмъ съ опредѣленіемъ ея состава тѣсно связаны всѣ важнѣйшіе вопросы о хронографѣ. Поэтому необходимо возстановить ее на основаніи дошедшихъ древнѣйшихъ редакцій. Поповъ въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ ничего. Это стояло отчасти въ связи съ его взглядомъ на происхожденіе хронографа: относя составленіе хронографа къ юго-славянскои почвѣ, онъ приурочивалъ къ Россіи лишь „пересмотръ“ его, сдѣланный въ 1512 году (II, 22). А слѣдовательно, другой чисто русской основной редакціи онъ и не подозрѣвалъ. А къ тому же онъ слишкомъ поздно обратилъ вниманіе на бывшій въ его рукахъ Толстовскій списокъ юго-западной редакціи и, не прослѣдивъ за нимъ какъ слѣдуетъ во время хода своей работы надъ текстомъ хронографа, онъ не рѣшился выдѣлать его въ особую редакцію. Между тѣмъ это несомнѣнно заставило бы его говорить объ общей для этихъ двухъ редакцій основной редакціи. Впервые это указаніе на общую редакцію было внесено въ литературу Истринымъ (с. 283—288). Но Истринъ сдѣлалъ эти выводы только на основаніи изслѣдованія текста Александрин хронографовъ, самыхъ же хронографовъ онъ почти не касался. Починъ въ этой работѣ принадлежитъ Шахматову. Касаясь вопроса объ отношеніи Юго-западной редакціи какъ къ основной, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ хронографамъ и историческимъ сборникамъ, Шахматовъ естественно коснулся и состава этой основной редакціи. При этомъ, для будущаго изслѣдователя онъ далъ очень важное указаніе на то, что для возстановленія первоначальнаго состава русскаго хронографа, помимо редакцій 1512 г. и Юго-западной, необходимо еще привлечь Никоновскую лѣтопись, Русскій Временникъ и хронографъ редакціи 1599 года, сравнительное изученіе которыхъ приводитъ къ возстановленію еще третьей редакціи, болѣе древней, чѣмъ редакція Юго-западная (с. 55—57).

Этотъ выводъ — существованіе промежуточной редакціи — теперь подтверждается и съ другой стороны. Шахматовъ пришелъ къ нему на основаніи изученія главнымъ образомъ русской части хронографовъ: къ тому же выводу привело насъ изученіе византійской ихъ части (т. е. части, основанной на византійскихъ хроникахъ). Наша задача была именно возстановить основную редакцію хронографа, для чего

мы и обратились къ сравнительному изученію редакцій 1512 г. и Юго-западной. Но въ результатѣ оказалось, что эти источники недостаточны. Недостатокъ этотъ сказался на первыхъ же порахъ: Юго-западная редакція начинается прямо Александріей, а слѣдовательно вся предшествующая довольно большая библейская часть хронографа редакцій 1512 г. остается безъ сравненія; а между тѣмъ, зная, что работа этой редакціи была главнымъ образомъ направлена на сокращеніе оригинала, естественно заподозрѣваешь, что и эта часть не осталась безъ сокращеній. Но и въ послѣдующихъ частяхъ сравненіе не дало того положительнаго результата, какой ожидался. Въ общемъ ясно выступила основная для этихъ двухъ развѣтвленій редакція, но въ частности очень много статей и мѣстъ такъ и остались въ тѣни: по нимъ видно было только, что несомнѣнно обѣ эти редакціи въ своемъ удаленіи отъ первоначальной общей прошли уже не одну стадію, и поэтому для уясненія этихъ мѣстъ нужно искать редакцій промежуточныхъ. Тутъ какъ разъ попался намъ въ руки такой списокъ хронографа, который подтвердилъ это предположеніе. Это—Погодинскій № 1441. Этотъ списокъ былъ и въ рукахъ Попова, но онъ, очевидно, заглянулъ только въ конецъ его и, найдя его тамъ вполне сходнымъ съ редакціей 1512 года, отнесъ его къ этой редакціи, что, какъ увидимъ потомъ, повело его къ цѣлому ряду ошибочныхъ заключеній. Между тѣмъ, сравненіе этого списка съ обѣими редакціями даетъ не мало матеріалу для иного освѣщенія не только вопроса о самомъ этомъ списокѣ, но и другихъ общихъ вопросовъ. Въ виду этого мы войдемъ въ болѣе подробное ознакомленіе съ этимъ списокомъ.

Списокъ поздній, не ранѣе 18 ст., по статьѣ же объ отложеніи мяса инокамъ представляетъ собою редакцію 1601 года. Какъ недавно оказалось, этотъ списокъ не оканчивается данною рукописью № 1441, но имѣетъ еще продолженіе въ другой, совершенно отдѣльной рукописи того же собранія Погодина № 1442, каковыя двѣ рукописи, писанныя (съ конца № 1441) одной рукой и въ одно время, очевидно гдѣ-то составляли одно цѣлое, но потомъ, при переплетѣ книгъ, уже въ 19 столѣтіи, были разъединены, при чемъ оставшіеся въ оглавленіи первой части (№ 1441) номера 136—140, текстъ которыхъ попалъ уже во вторую часть (№ 1442), были просто вырѣзаны, а мѣсто заклеено другой бумагой (со знакомъ „1817“ г.), но и во вторую часть эти номера такъ и не попали. Но эта вторая часть, какъ пред-

ставляющая поздній прибавокъ къ первой, пока для насъ не такъ интересна ¹⁾, обратимся къ первой, т. е. къ № 1441.

Стоящая на поляхъ рукописи нумерація главъ—поздняя, до того же текстъ былъ безъ нумераціи вплоть до статьи о царствованіи Константина брата Василия, помѣченной глав. 179, какъ и въ редакціи 1512 года, и идетъ далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ до конца, совпадая съ редакціею 1512 г. не только въ нумераціи, но и въ самомъ текстѣ. До этой же главы мы находимъ въ немъ значительныя отличія отъ этой редакціи. Эти отличія заключаются: 1) въ порядкѣ статей и заголовковъ: такъ, напримѣръ, статьи: Сказаніе о латылехъ, Стихи Феофила, О Формосѣ папѣ, О проклятій латынъ, О Петрѣ Гугнивомъ и О вретаніи—въ редакціи 1512 г. помѣщены въ 159 гл., послѣ ст. Объ ослѣпленіи ц. Константина, а въ спискѣ 1441 мы ихъ находимъ далѣе, послѣ ст. О царствѣ Феофила (по редакціи 1512 г. гл. 165) и въ другомъ порядкѣ; иногда здѣсь находимъ соединенными такія статьи, которыя въ редакціи 1512 г. раздѣлены: напримѣръ, въ главѣ 100 ²⁾ статья О рѣкахъ и О испытаніи...; въ главѣ 148 статьи О ехиднахъ, О ерѣвеніи, О солнечномъ градѣ, О лусовомъ пристанищѣ и др.; иногда наоборотъ, при чемъ въ послѣднихъ случаяхъ введены и новые заголовки: напримѣръ, въ 85 гл. ст. Видѣніе Данилово 5-е о силѣ дуба (правильно) раздѣлено на двѣ статьи заголовкомъ: О созданіи града Вавилона („Сей оубо новходоносоръ...“) и др.; иногда статьи иначе раздѣлены заголовкомъ: напр., въ 8 гл. первая 5 строкъ ст. О погибели содомостей—въ сп. 1441 находятся въ предшествующей статьѣ; тоже въ главѣ 37 ³⁾. 2) Отли-

¹⁾ Укажемъ лишь кратко, что въ составъ ея входятъ: Выписки изъ Степ. кн. о родословіи рус. царей со вставками изъ Вас. Велик.; Повѣсти о Царьградѣ; О Магметѣ; Повѣсть инока Симеона суждальца; О созданіи Москвы кн. Даниломъ; Повѣсть о сраченіи; О взятіи Азова; Книга Козмографія; О Каласкомъ царствѣ; Прѣвіе Кирилла философа; Числословесникъ; Толкъ божественной литургіи; Азбукъ толковый; О курсунскомъ образѣ Николы; О мученіи кн. Михаила Черниговскаго и боярина Осодора; Повѣсть о чудотворномъ образѣ Одигитрии на Выдропускѣ; Лѣтопись новгородскимъ владыкамъ; Посланіе о раю; О ходу въ персидское царство; Слово Кирилла мняха на соборъ св. отецъ 318; Слово Кирилла александрійскаго о пресвятой Богородицѣ и о святыхъ отцахъ на Ефес. соб.; О римской епископіи наны Леонта ко Флавіану на Евтихіи; Житіе митрополита Филиппа; Исторія Авраама Палицына; О патриархѣ Феоданѣ и о грамотѣ Герасима александрійскаго и Нанисаніе инока псковскаго Филофея.

²⁾ Обозначеніе нумераціи главъ мы вездѣ будемъ дѣлать по редакціи 1512 года.

³⁾ Это показываетъ, что общій протографъ этихъ редакцій нѣкогда имѣлъ заголовки на полѣ.

чается иной редакціей нѣкоторыхъ заголовковъ: напримѣръ, въ 35 гл. вмѣсто заголовка ред. 1512 г. „О роженіи Соломани и о фамаре“ въ сп. 1441: „Ф ламонтъ ѿнѣ дѣлѣтѣ и о фамари дшери“, при чемъ извѣстіе о роженіи Соломона помѣщено въ предшествующей статьѣ; въ гл. 85 вм. „О поставленіи тѣла златаго“ въ сп. 1441: „Видѣніе 4, данилово о п. т. з.“, при чемъ и самый текстъ въ 1512 г. сильно сокращенъ: 18 строкъ вм. 2½ листовъ; въ гл. 107 вм. двухъ статей ред. 1512 г. въ сп. 1441 только одна статья—вторая, а первая (правильно) вся поставлена заголовкомъ ко второй, при чемъ и самый заголовокъ начинается иначе; въ гл. 120 вм. заголовка „О философе“ въ сп. 1441: „Чюдѣ патриарха александра“; въ гл. 121 вм. „О мессалианехъ“ въ сп. 1441: „О еретичехъ“, при чемъ здѣсь и самая статья совсѣмъ другой редакціи и мн. др. 3) Иногда текстъ передается въ другихъ выраженіяхъ: напр., въ 41 гл., въ ст. „Црѣтко агнино б“... вм. выраженія ред. 1512 г. „и шмѣть память ш зламъ“ въ сп. 1441 читаемъ: „и ш. скверная ш з.“; вмѣсто: „и побла кле шдѣніе ѿ соткорина шца его“ читаемъ: „и искорени кле ѿкланная аже г. ш. в.“; вмѣсто: „и кысокаа разкверза поблаженіемъ ѿнѣ. нуже нихъ никто по кле дни его. и кознице столны шца своего“ читаемъ: „кысокиухъ же неискорени грѣце же аскетинно къ сокершенно прѣ ѿдемъ ко кле дни его и книце согдм ѿтма шца своего“; то же въ 49 гл. въ статьѣ „О посланныхъ убити елисея..“ и въ другихъ мѣстахъ. 4) Отличается, затѣмъ, краткостью текста въ нѣкоторыхъ статьяхъ: напр., въ 47 гл. въ ст. „О наоуфеи“ нѣтъ отдѣла, читаемаго въ ред. 1512 г. подъ заголовкомъ: „тѣ, шдѣтѣ скдѣтѣльскѣѣ“; гл. 90 вообще полнѣе въ ред. 1512 г.; въ гл. 110, въ концѣ ст. „О родословіи..“ въ сп. 1441 не хватаетъ словъ 20; въ гл. 138, въ ст. „О брани на оундалы..“ нѣтъ конца ред. 1512 г., начиная со словъ: „и сему иже въ побѣдахъ великому велизарію..“ (приблизительно строкъ 22); въ гл. 142, въ ст. „Црѣтко доки..“ нѣтъ мѣста о недородахъ въ хлѣбѣ и скотѣ и о призваніи Ираклія (около 30 строкъ); есть и еще немного подобныхъ, но болѣе мелкихъ отличій. Гораздо въ большемъ количествѣ мы встрѣчаемъ обратное явленіе, т. е. лишки въ сп. 1441 сравнительно съ ред. 1512 г. Укажемъ прежде всего 5) лишки въ текстѣ: напр., въ гл. 12 ст. „Ѡ црѣхъ...“ въ сп. 1441 значительно полнѣе и раздѣлена на двѣ заголовкомъ: „Избраніе ш книги іова праведнаго“¹⁾; въ гл. 28 ст.

¹⁾ Поповъ пишетъ, что эта статья есть только въ такъ называемой имъ 2-й распространенной редакціи (II, 125), но на самомъ дѣлѣ эта статья есть и въ редакціи

„О прешествіи іердана...“ въ ред. 1512 г. сокращена въ 7—10 строкъ вмѣсто болѣе чѣмъ страницы сп. 1441, при чемъ сокращеніе шло именно по подобному тексту; въ гл. 29 въ ст. О Деворѣ и Варахѣ, О Гедеонѣ, О ругѣ ¹⁾, О избіеніи 70 сыновъ; въ гл. 36, въ ст. „О соудѣ соломанѣ“ лишній рассказъ о двухъ тяжущихся мужахъ предъ Соломономъ (Поповъ отмѣчаетъ этотъ лишекъ во 2-й распр. редакціи: II, 125); въ гл. 41 въ ред. 1512 г. нѣтъ рассказа о побѣдѣ на ефіопы, начало рассказа о прор. Ананіи; въ гл. 46: о нашествіи трехъ языкъ, о Озіплѣ и др.; въ гл. 70 въ ред. 1512 г. большіе пропуски въ ст. „Избраніе отъ книги гѣимма токиа“: нѣтъ, напр., рассказа о обѣдѣ въ домѣ Товіи, уходъ послѣдняго и погребеніе мертвыхъ (12 строкъ), о приведеніи Анною въ домъ козла и ея ужоры мужу (10 строкъ), о приходѣ Сары въ домъ Товіи (8 строкъ), опущенъ конецъ молитвы Товіи (17 строкъ) и мн. др.; въ гл. 116 въ сп. 1441 лишнее извѣстіе о 1-мъ помѣстномъ соборѣ на Палла Самосатскаго (Поповъ указываетъ эту ст. во 2-й распр. ред. [II, 129] и во 2-мъ разрядѣ 3—ей ред. [II, 184]); въ гл. 134 въ ст. „Цѣтко Зиново“ нѣтъ въ ред. 1512 г. рассказа о 2-мъ царствованіи Зинона, о поставленіи патріарховъ, объ убійствѣ Арматія и о поставленіи сына его епископомъ „въ кизице дѣтска суша“ и т. д.; въ гл. 137 ст. О созданіи церкви св. Софіи сравнительно съ обѣими редакціями гораздо подробнѣе и ближе къ полному сказанію, извѣстному въ изд. Тихонравова въ Лѣт. рус. Лит. 1859 г. т. II (Поповъ отмѣчаетъ подобную распространенную ст. во 2-й распр. ред., II, 130); въ гл. 144, въ ст. „О таксіотѣ“, и вообще болѣе полной сравн. съ ред. 1512 года, читается еще въ концѣ правоученіи (Поповъ отмѣчаетъ его еще во 2-й распр. ред., II, 130).

Наконецъ, 6) укажемъ въ спискѣ 1441 новыя статьи сравнительно съ редакціей 1512 г.: 1) Въ 4 главѣ статья „О сифе и о грамотахъ“ раздѣлена на двѣ заголовкомъ „О проявленіи всемірнаго потопа“ (нач. „Сие оубо сифовымъ внукомъ...“) и между этими двумя статьями есть новая: „Шестодневца кратцѣ...“ съ подраздѣленіями и именно

1512 года, но только она тамъ сокращена и не имѣетъ указаннаго заголовка. И сокращеніе шло, повидимому, по подобному тексту, какъ въ спискѣ 1441.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что замѣчаемый въ этой статьѣ одинаковый для списка Погодина №№ 1440, 1443, Эрмит. № 2, пропускъ словъ (въ скобкахъ): „кое добро е владѣ [вами всѣмъ сыново іеровоале ихже есть 70 мужей или владѣти] моужю единому..“, возстановляемый спискомъ 1441, отсутствуетъ также еще въ спискѣ Погодина № 1439.

та, какую Поповъ отмѣчаетъ во 2-мъ разрядѣ 3-й редакціи хронографовъ, т. е. кончающуюся на „Сказаніи о животныхъ избрано отъ Шестоднева“ (II, 179). 2) Въ 7-й главѣ двѣ новыя статьи о Мелхиседекѣ: а) Сказаніе о мелхиседекѣ („Подобаетъ же перкіе отчетство и родъ кѣженнаго...“ и б) „Ѡ толже мелхиседекѣ, сказаніе сѣго ѡфанасіа“ („Мелхисахъ црѣ аюже рекохомъ наѣшае два сына...“) ¹⁾. Обѣ статьи у Попова отмѣчены во 2-мъ разрядѣ 3-й редакціи (II, 185). 3) Между главами 82 и 83 статья: „Искниги мудреца маркуса, о десяти сибиралахъ, смръчь пророчицахъ“ и прибавокъ къ ней: „еще дѣкъ сибираламъ писаны къ книгахъ акгустина“. Поповъ отмѣтилъ эту статью во 2-й редакціи. Пока мы здѣсь укажемъ только, что здѣсь эта статья и имѣетъ иной заголовокъ и помѣщена въ составѣ статей ветхозавѣтныхъ, а не новозавѣтныхъ, какъ во 2-й редакціи. 4) Рядомъ съ этой статьей помѣщается еще нечитомая въ редакціи 1512 г. статья: Избраніе отъ книги, гѣламаа юдиѣ („ѡрфансатъ црѣ мѣцкѣй...“) съ прибавкомъ къ концу: низъ переводъ кратце, перкому несогласенъ, занеже не кто крѣма сказуетъ („По смръткѣ же кира црѣ...“) ²⁾. Поповъ отмѣчаетъ эту статью во 2-й распр. редакціи (II, 125). 5) Въ главѣ 106 статья: ѡ еже назади писано кыло о египетцкѣхъ птоломѣяхъ црѣхъ, заѣже полине... (нач. „Четвертый же царь птоломей юнѣйшій филопатръ...“, конч.: „потомже отпусти ихъ во свою землю“); 6) въ главѣ 116 послѣ статьи Ѡ царств. Филиповѣ, читаемъ статью Ѡ жидоикѣ фѣодорѣ (нач.: „При семь евреннѣ нѣкто...“, конч.: „... и постави его диакономъ“). Поповъ отмѣчаетъ эту статью во 2-й распр. редакціи (II, 129) и во 2-мъ разр. 3-й (184). Источникомъ для нея онъ предполагаетъ Скитскій Патерикъ или же Прологъ (подъ 28-мъ августомъ), но эту статью мы находимъ въ буквальныймъ сходствѣ въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и думаемъ, что она попала сюда именно изъ этого источника. Обѣ основаніяхъ для такого предположенія будемъ говорить послѣ. 7) Въ главѣ 118 вмѣсто двухъ статей редакціи 1512 г.: Ѡ крѣненіи црѣ константина и Ѡ кидѣни сѣмъхъ апѣхъ петра и пакаа, въ спискѣ 1441 находится цѣлая большая (на 15 листахъ) повѣсть: (Ѡ) исторія римскаго поѣтѣтѣ кѣлѣина црѣска и чина стѣтѣска, чюдна зело, написано кратцѣ Ѡ части

¹⁾ Сокращеніе проложныхъ сказавій (22-го мая) напечатано въ Пам. Купселева-Безбородко, въ 3 вып., стр. 21—23.

²⁾ Первое „избраніе“ представляетъ довольно подробную и вѣрную передачу библейскаго текста книги Юдиѣ, а второе—относитъ событіе не ко времени Навуходоносора, а ко времени царя Дарія Камбиза, а прочее все то же, только еще въ большемъ сокращеніи (всего на 34-хъ строкахъ).

жита ильготнаго цѣра константина римскаго. и сѣ сотворени итительскаго вѣлока клеовка. и сѣ крещени цѣра константина. и ШКСДЪ начало прѣша архіеппи великаго нока града еже носити на главахъ скоѣ. а не аже прочи митрополиты и еппи, здѣже ѡ семх икѣсно сказаніе имать елген елко (нач.: „По смерти оубо нечестиваго цѣра максимтіа...“, конч.: „и во всѣхъ странахъ и цѣртвахъ ѡ семх похваляюще, и ена оубо погланіа ѡ ітолх ѡ вѣломх клеовкѣ исписано дозѣ“). Въ эту повѣсть, какъ ея части, входятъ и вышеуказанныя двѣ статьи редакціи 1512 г. ¹⁾ Какъ прибавокъ къ этой статьѣ, помѣщена здѣсь еще другая: Погмалнаа грамота димитріа грѣка толмача нокгородца, к нокгородцкомѣ архіеппѣ геннадію ѡ вѣломх клеовкѣ (нач.: „Пречестныа и великаа ітѣма сокорныа...“, конч.: „... и нахъ во ітѣхъ сконхъ молитвахъ незавѣди аже и преждѣ“). Поповъ отмѣчаетъ эту статью въ отдѣлѣ хронографовъ особаго состава, въ хронографѣ списка Погодина № 1465 конца XVII в. (II, 266) ²⁾.

8) Въ главѣ 120, послѣ статьи: Ѡ шесткии влени цѣрци кх іерлаліа, помѣщена статья: Ѡ шкерженіи зкѣдочетѣ, и ѡ проименованіи дней елга пил (нач.: „Вх таже времена ітѣмх великестрѣ...“, конч.: „... елѣ же начало ко имѣ ітѣмх и прѣдѣланіамх тѣца“). У Попова эта статья отмѣчена во 2-й распр. редакціи (II, 129).

9) Непосредственно за этой статьѣй идетъ еще новая статья: Показаніе цѣркі писано выстѣ іценной и ітой соворной и алпалтѣи цѣрки римской, клженнымх константиномх иже ко цѣрѣхъ перкомѣ хрестіаннѣмх выкнѣ ко цѣрѣ градѣ. Поповъ нашель эту статью въ хронографѣ архіепископа Нахомія 1649 г. (II, 240).

10) Въ главѣ 131 послѣ статьи: Ѡ ітѣмх третіемх елеленскомх сокоре..., статья: Ѡ гнѣкѣ цѣра фешдогна, и ѡ кнре филологе (нач.: „Сій же цѣрѣ фешдогнѣ рагнѣкага на патрѣкѣ антишхѣ...“, конч.: „и привыкх до смерти ешвѣа“).

11) Въ главѣ 142 послѣ статьи о цар. Фоки Мучителя, статья: Елоко ѡ чернорійци (нач.: „Черноризецѣ нѣвето...“, конч.: „но не тако

¹⁾ Такая же Повѣсть, очевидно, была источникомъ для Елх. Лѣт., гдѣ изъ нея, подобно редакціи 1512 года, мы находимъ также только двѣ указанныя статьи, но въ полнотѣ Повѣсти.

²⁾ Эти статьи обѣ напечатаны въ 1 части Памятниковъ Кушелева-Безбородко (стр. 287—303). Списокъ 1441 представляетъ нѣкоторыя разности, напримѣръ, вмѣсто печатнаго: „Митя много челоуѣ бьетѣ“, здѣсь—„Митя малой ч. б.“; вмѣсто печатнаго: „воспріяша чада своя во мнозѣ радости“, здѣсь—„в. ч. с. во мнозей царской милости“ и друг.

зла останемся“). Поповымъ отмѣчена эта статья во 2-й распротр. редакціи (II, 130).

12) Въ главѣ 165, въ цар. Феофила статья: О авторѣ мартиѣ (нач.: „Потомъ бысть нѣкто ш страны ихъ...“, конч.: „... ш создаша миръ влѣто 7017“). Поповъ отмѣчаетъ во 2-й распространенной редакціи (II, 130).

13) Въ главѣ 166, послѣ статьи о царствованіи Михаила и Фео- доры, статья: Сѣ пришестви иконы прѣтѣа ѣцы римлянини ко цѣрградѣ, чюдо преславно ѣкратцѣ (нач.: „Бысть оубо кѣтѣа греческаго цѣра два исакра...“, конч.: „ѣца сентявра кѣ 8 дѣи“). Поповъ указываетъ эту статью во 2-й распространенной редакціи подъ заголовкомъ: „О преславномъ чу- деси иконы Римлянини“ (II, 131) и во 2-мъ разрядѣ 3-й редакціи (II, 184).

14) Въ главѣ 171 статья: Сѣ преложеніи книгѣ ш греческаго мѣзика на :на сложеніини, ѣ кратцѣ сказаніи о роженіи и о жити ѣтго киріаа (начин.: „Вселуностьмъ градѣ бѣ иѣкии мужъ праведенъ...“, конч.: „...кирилу философу вѣчная паматъ“). Поповымъ отмѣчена во 2-й распростра- ненной редакціи (II, 132).

15) Въ главѣ 178 вмѣсто сравнительно короткой статьи редакціи 1512 г.: „О рѣсскоихъ кванкомѣ кѣзи Владимере, и о крѣщеніи его...“, здѣсь читается большая (около 19 страницъ) статья: Начала княженна к. к. владимера нареченнаго ко ѣтомѣ крѣщеніи вѣснана крестнешаго рѣкъшъ землаю, кѣтѣо 6488 (нач.: „При тѣхѣхъ греческихѣхъ цѣрѣхъ вѣснани и константинѣ. Приде владимерѣ кнѣзѣ градѣ с караги...“, конч.: „... а игорѣ въ володи- мерѣ, вачеславѣ въ смоленцѣ“). Поповъ указываетъ эту статью во 2-й распространенной и во 2-мъ разрядѣ 3-й редакціи (II, 132 и 196).

Для насъ здѣсь особенно интересны два послѣдніе пункта, въ ко- торыхъ сп. 1441 является болѣе полнымъ сравнительно съ редакціей 1512 года. Что это за полнота? Представляютъ ли изъ себя всѣ эти лишки вставки въ редакцію 1512 г., или можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ, наоборотъ, сохранили въ себѣ первоначальный текстъ?

Разсмотримъ сначала лишки въ текстѣ. Здѣсь прежде всего бро- сается въ глаза обиліе мелкихъ лишковъ, часто въ 1—5 словъ. Срав- нимъ, напримѣръ, такія мѣста (лишки сп. 1441 ставимъ въ скобки): „И погна акимѣаѣхѣ [галаада и вѣтѣхъ синкилаанѣхъ] и падоша [прѣ акимѣаѣ- хѣолиѣ] азѣини мнози, [акимѣаѣхѣ же] кѣза городѣ...“ (въ редакціи 1512 г., гл. 29: „И погна а акимѣаѣхѣ і падоша азѣини мнози и кѣза городѣ...“); ИЛИ: [„Приложи гѣ гитѣѣѣ рагорѣтнѣа ко ѣнаѣ и поѣнже кнѣхѣ дѣда глѣа, вѣаѣѣ изѣочти иѣаа и иудѣ] и рече даѣѣ ко ишакѣ...“ (гл. 35: О изѣочтени

иіаа...); или: „принде асирійскаа каастъ [и на нима на теглатефаласара] и наени многи...“ (гл. 68: царство сарданапала..); или заголовокъ: „[видѣние 4, данилоко] о постакаеніи тѣла златаго“ (гл. 85), при чемъ укажемъ на то, что всѣ другіе рядомъ заголовки и въ редакціи 1512 г. пишутся полно, т. е. „видѣние.. данилоко..“; или: „...и пожеаѣ иѣлаианъ мѣтаъ заткорити праведнаго кнѣзъ пещеры [и тако скончаса сѣмъ доментин] и [внелашъ еашъ к перенашъ] посла кѣса на западъ, да принесетъ еашъ [оттѣдъ] откѣтъ [вмелашинухъ тало, и не множае трехъ днехъ косение и мѣтн. въ тоже время иѣковашъ мнпхъ наивеаихъ поаю, жившъ блѣ ефратцкіа реки. и ставшъ еашъ на монтке егоже монткѣ кохуодашъ к кѣшъ ажеже фиаиалшъ вѣоконшъ], и кѣраненъ вѣтъ сѣкѣрны онъ вѣкъ исполнити сажение [ажеже во крѣпко иѣкового вѣтра стрѣлаение хѣдѣ иѣковѣ птицѣ вѣвранаетъ летание, тако и сей вѣдержанъ вѣтъ. да ако вѣже] десять днн прендоша [поаин же от мѣткы неперста, стѣжжжжжж аѣкамы] и кѣратиса к стѣдношъ црю [стѣда исполненъ, и косениеа вопрошаемъ кнны откѣцакже вѣкъ и косение енашъ и вѣдѣаьно кѣвзрачение прочее же] мѣткенишю енашъ прѣнаго непокѣда [зрѣшан коанко мюжетъ чистаа мѣтка ако невѣдержанно етъ естество], и се самшахъ окаянныи иѣлаианъ,, рѣгнѣкаса зело и погрознка рекъ. егда вѣвращѣса погѣваю миншиекій чинъ [снѣ же чюдѣ самшахъ иѣкин отъ кельможъ его чюдеса, и вѣвратакаса ека екаа рѣдаа ишѣинашъ]. Шедшъ же иѣлаианъ на перекъю земаю ефратомъ рекою...“ (Погод. № 1441, л. 393—393 об.; въ ред. 1512 г. и Юго-зап. вмѣсто всего этого читаемъ только: „...пожеаѣ заградити его къ пещерѣ. И наин посла кѣса принести еашъ откѣтъ. вѣкъ же до десяти днѣй не принде и приишъ еашъ конроси его что рѣ самедан он же рѣ мнпхъ пѣлаю стоашъ на мѣткѣ. .т. днѣи и сего рѣ немногѣ мнмо ити самшахъ же иѣлаианъ рѣ егда кѣвращѣса погѣваю инѣекіи чинъ. иѣне же иѣлаианъ на перекъю земаю ефратѣ ркою...“ см. Урнит. № 2, л. 365).

Эти и подобные лишки уже явно нельзя считать за вставки, такъ какъ вѣдь это было бы какою-то инкрустацией, а очевидно они — опущенія со стороны редакціи 1512 г. А это, конечно, въ томъ же духѣ освѣщаетъ и большіе лишки списка № 1441. Укажемъ, кромѣ того, среди послѣднихъ такіе, гдѣ въ одной статьѣ ред. 1512 г. оказываются соединенными начало и конецъ разныхъ статей, такова, напримѣръ, статья „Царство ассинно“ (гл. 41), или ст. „Царство 7 надъ іудею.“ (гл. 46). Укажемъ на такіа мѣста, гдѣ распорядокъ текста статей въ редакціи списка 1441 явно возстановляетъ послѣдовательность его, нарушенную въ редакціи 1512 г., такъ, напримѣръ, въ редакціи 1512 г. мы находимъ неумѣстное перемѣщеніе статьи „О брани на Амалпка“ изъ 32 гл. въ 33, отчего получилось: въ од-

номъ мѣстѣ пропускъ, а въ другомъ неумѣстное возвращеніе къ прежней рѣчи о войнѣ Саула съ Амаликомъ, тогда какъ должна быть рѣчь „О брани на филистимляны“, какъ все это правильно и находимъ въ спискѣ 1441 ¹⁾; или иногда имъ восстанавливается исправность самого текста, нарушенная въ редакціи 1512 г., какъ, напримѣръ, въ концѣ статьи „О обличеніи Ахава“ (гл. 47), почему, вѣроятно, одинъ изъ списковъ ред. 1512 г. (Погод. № 1439) просто отбросилъ этотъ конецъ. Укажемъ, затѣмъ, напримѣръ, на непонятное несоотвѣтствіе въ редакціи 1512 г. заголовка „О прешествіи іердана і о іерихонѣ“ своему тексту, гдѣ ни однимъ словомъ не упомянуто объ іерихонѣ, между тѣмъ въ спискѣ 1441 эта статья гораздо полнѣе и тамъ говорится и о іерихонѣ: слѣдовательно, нѣкогда и въ протографѣ редакціи 1512 г. эта статья была въ объемѣ редакціи списка 1441. Укажемъ, далѣе, на такіе лишки списка 1441 сравнительно съ редакціей 1512 г., которые находятся еще въ Юго-западной редакціи хронографовъ: таковы, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перечни святыхъ (напримѣръ, въ царство Діоклитіана, Льва Исавра и др.), такова статья „О ликинѣ мучителѣ“, въ царствованіе Константина Великаго, гдѣ въ редакціи 1512 г. отсутствуетъ подробность о письмѣ Константина къ Ликинію: „книгами повелевавшіе ему... константины“, что одинаково читается и въ спискѣ 1441 и въ редакціи Юго-западной; тоже въ описаніи цар. Льва, гдѣ въ редакціи 1512 г. (гл. 133) послѣ словъ „лѣ великій“ нѣтъ: „македѣн, рекше мѣдникъ“; послѣ „лѣ 8“ нѣтъ: „и мѣцѣ 11“; нѣтъ при имени Семіона Столпника указанія „ш антишхѣа каскіа“; нѣтъ еще имени „андрѣй обородникъ хъ ра“, что все одинаково есть и въ спискѣ 1441 и въ Юго-западной редакціи; или, напримѣръ, въ описаніи царствованія Филиппа въ спискѣ 1441 есть лишняя статья о Федорѣ жидовинѣ: въ редакціи Юго-западной хотя цѣлой статья нѣтъ, но есть все-таки упоминаніе о крещеніи этого Феодора. Есть много и другихъ под. мѣстъ, а это указываетъ на то, что, слѣдовательно, въ рукахъ составителя протографа сп. 1441 былъ очень ранній хронографъ, въ которомъ редакціи 1512 г. и Юго-западные стояли ближе другъ къ другу.

Укажемъ, далѣе, на такіе лишки списка 1441, которые хотя отсутствуютъ и въ обѣихъ редакціяхъ, но присутствіе которыхъ предполагается самымъ текстомъ: такъ, напримѣръ, въ описаніи царствованія Θεодосія Великаго (гл. 126), въ статьѣ объ Арсеніи для

¹⁾ Причиной путаницы было, очевидно, сходное начало этихъ двухъ статей.

новаго читателя мало понятнымъ является мѣсто, гдѣ описывается гибѣвъ царя на Арсенія: „стоя же арсеніе учаше ихъ (т. е. дѣтей царя). видѣвъ же царь негодова на Арсенія онъ же рече царю сяце мнѣ лѣпо есть владыко яко царіе соуть“: въ спискѣ же 1441 мы читаемъ между этими словами такія еще подробности, которыя объясняютъ все дѣло; или, напимѣръ, въ описаніи царствованія Зинова, въ статьѣ Юго-западной редакціи „О патріархахъ..“ (въ редакціи 1512 г. этихъ подробностей вообще нѣтъ) непонятно, кто это послѣ Калана „и приведенъ бысть отъ изгнанія“, особенно послѣ рѣчи объ изгнаніи этого Калана, но въ спискѣ 1441 мы узнаемъ, что это былъ ранѣ низверженный патріархъ Петръ. Отсюда же мы узнаемъ, что патріархъ Петръ былъ низвергнутъ Зиномъ уже во второе его царствованіе и именно за то, что тотъ былъ „другъ“ Василиску, между тѣмъ, въ редакціи Юго-западной сначала рассказывается о перемѣнѣ патріарховъ, а потомъ, къ концу уже статьи, о двухлѣтнемъ царствованіи Василиска.

По тутъ можетъ явиться такого рода возраженіе, что можетъ быть эти лишки сп. 1441 можно объяснить не какъ вставки въ собственномъ смыслѣ этого слова (чего мелкіе лишки дѣйствительно не допускаютъ), но какъ замѣну одного текста другимъ болѣе полнымъ, почему и представляется онъ болѣе первоначальнымъ? Нельзя ли, напимѣръ, предположить, что составитель протографа списка 1441, имѣя въ своихъ рукахъ списокъ редакціи 1512 г., дополнялъ его (а мѣстами и замѣнялъ его текстомъ) по Еллинскому Лѣтописцу? А пѣкоторыя основанія для этого есть: полнота нѣкоторыхъ мѣстъ списка 1441 сравнительно съ редакціей и 1512 г. и Юго-западной очень близка къ Еллинскому Лѣтописцу. Укажемъ, напимѣръ, на статью „О бахметѣ еретицѣ“ въ царствованіе Константина (гл. 146), гдѣ списокъ 1441 послѣдовательно согласенъ съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ, тогда какъ обѣ другія редакціи то согласны съ нимъ, то расходятся: напимѣръ, вмѣстѣ съ редакціей 1512 г. въ спискѣ 1441 о составленіи Магометомъ своей вѣры изъ отрывковъ другихъ говорится постѣ рассказа о женѣ Магомета, какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ; вмѣстѣ съ Юго-западной редакціей онъ сообщаетъ подробность о женѣ Магомета „и сродницы ему соуше, нарицаемой дина“ (или „идигана“), какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ; въ отличіе отъ обѣихъ редакцій онъ даетъ болѣе полный перечень ересей Бахмета и болѣе подробенъ въ похвалѣ святой землѣ, какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ; вмѣсто выраженія „приде (князь Моавль) къ царюграду“ здѣсь,

какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, читаемъ: „припавше ꙗжеи финицѣ ливийстѣй“. Или, напримѣръ, въ описаніи царствованія Прины и Константина (гл. 158) въ редакціяхъ Юго-западной и 1512 г. царградскій патриархъ названъ „Павель“, тогда какъ въ спискѣ 1441, какъ и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ читаемъ „патриархъ же киприанъ цѣаграда¹⁾“ и другія подобныя мѣста.

Дѣйствительно, пока не разрѣшенъ вопросъ объ источникахъ, а въ частности о степени участія въ составленіи хронографа Елл. Лѣт., мы не рѣшаемся прямо отрицать и самостоятельнаго вліянія этого послѣдняго источника и на протографъ сп. 1441, конечно лишь для нѣкоторыхъ его мѣстъ; но мы напомнимъ, что вообще-то роль Елл. Лѣт. въ составленіи основной редакціи несомнѣнна, а слѣдовательно съ этой стороны можно найти поддержку предположенію, что въ мѣстахъ сходства сп. 1441 съ Елл. Лѣт. мы имѣемъ сохранившійся текстъ основной редакціи. Въ подтвержденіе такому предположенію укажемъ на такой случай, когда чтенія ред. 1512 года и списокъ Погодина 1441 вмѣстѣ возстановляютъ чтеніе Елл. Лѣтописца: такъ въ ст. „Ѡ краини иергтей“ (гл. 118) въ концѣ разсказа о смерти Діоклетіана по ред. 1512 г. мы читаемъ: „нини же гавтѣ ако раскалашаса же оставиша царьство кохотѣна пакн прѣти. и сего ради отх коннх уиенх выстѣ“; о томъ же въ сп. 1441 нѣсколько иначе: „Геласіе же еѣкнх кесарійстѣй рѣче, ако отх конны оуниина выста“, а въ Елл. Лѣт. въ ст. „Ѡ кѣнии (очевидно, о внѣшнемъ видѣ) цѣа константина“ читаемъ: „геласіи еѣкнх кесарійскій рѣ. ако раскалашаса и пакн цѣтѣовати хотѣна соудѣ оицѣ от соуниканта оуниина выста“ (Погод. № 1432, л. 240 об.). Кромѣ того, здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что общее выраженіе ред. 1512 г. и сп. 1441: „отъ воинъ убиен. быст.“ роднитъ ихъ въ то же время въ отличіе отъ Елл. Лѣтописца.

Укажемъ, далѣе, на такія мѣста сп. 1441, которымъ не находится въ Елл. Лѣт. соотвѣтствія, тогда какъ они вполнѣ параллельны съ мѣстами, гдѣ это соотвѣтствіе есть: такъ, напримѣръ, во многихъ случаяхъ бблшая полнота сп. 1441 сравнительно съ ред. 1512 года и Юго-западной находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Елл. Лѣт., а вотъ въ описаніи царств. Гратіана извѣстія сп. 1441: 1) объ отцѣ Θεодосіи и 2) о матери Уалента Іустинѣ, которыхъ нѣтъ ни въ ред. 1512 г., ни въ Юго-зап. ред., нѣтъ и въ Елл. Лѣт., при чемъ замѣтимъ, что

¹⁾ Разница объясняется Амартоломъ, гдѣ читаемъ: „патриархъ же павель кю ирѣинииз“.

во всем прочемъ всѣ эти три редакціи *буквально* сходны, въ Елл. же Лѣт. совсѣмъ другой текстъ и о святыхъ вовсе не упоминается; или, напримѣръ, въ описаніи царствованія Прины и Константина (гл. 158) подъ заголовкомъ Юго-зап. ред. „сѣми ѿци“ упоминаются Теодоръ Студитъ и братъ его Іосифъ, архіепископъ солунскій (последняго въ ред. 1512 г. нѣтъ), въ сп. же 1441 все это мѣсто читается иначе: „при снхъ цѣткн к. и пр. мучени кыша мнханахъ игуменъ мѣтра зокейска, и синихъ мнхухъ 36 за кѣру ху отъ агаранскаго алмры наалма“: этого мѣста нѣтъ и въ Елл. Лѣт. (ни у Амартола); или напр. въ описаніи цар. Конст. Велик. (гл. 119) списокъ 1441, сходясь съ ред. 1512 г. и Юго-зап. въ ст. 1) О крещеніи индіанъ и 3) О арменехъ, отличается отъ нихъ бѣльшей полнотой въ промежуточной ст. 2) О иверехъ; между тѣмъ въ Елл. Лѣт. 1 и 3 статьи мы находимъ въ сокращеніи, а 2-й ст. „О иверехъ“ даже вовсе нѣтъ. Укажемъ, наконецъ, и на такія мѣста сп. 1441, гдѣ на ряду съ лишками, находящимися и въ Елл. Лѣт., есть пропуски такихъ мѣстъ, которыя есть и въ ред. 1512 г. и въ Елл. Лѣт. (такова напр. въ 144 гл. ст. „О евагріи философе“): вѣдь если сп. 1441 *дополнялъ* ред. 1512 г. по Елл. Лѣт., то почему онъ, вставивъ оттуда одну подробность, опустилъ другую, да такую, которая находится и въ ред. 1512 г.? Но это станетъ понятнымъ, если мы предположимъ сохраненіе въ обѣихъ этихъ редакціяхъ текста одной и той же общей ихъ редакціи, по которую эти редакторы сократили каждый по своему.

Такимъ образомъ, и сходство нѣкоторыхъ лишковъ сп. 1441 съ Елл. Лѣт. все-таки не подрываетъ предположенія, что этотъ списокъ для многихъ мѣстъ сохранилъ намъ болѣе первоначальный текстъ сравнительно съ редакціями 1512 г. и Юго-зап.

При такомъ предположеніи иное объясненіе получаютъ и тѣ лишніе въ сп. 1441 два отрывка Александріи (въ статьяхъ: О посольствѣ и О плачѣ Даріевъ. См. у Истр. с. 299 и 302), для которыхъ Истринъ (с. 278), а за нимъ и Шахматовъ (с. 14) предполагаютъ самостоятельное заимствованіе этимъ спискомъ изъ Сербской Александріи: намъ кажется, что въ виду указаній самого Истрина (см. и у Попова I, 119—121) на то, что встрѣчаемая въ 4-й ред. (т. е. ред. 1512 г.) заимствованія изъ Сербской Александріи нужно относить къ общему ихъ оригиналу съ 3-й ред. (т. е. Юго-зап.), естественно же туда же отнести и подобные же лишки списка Погодина 1441, т. е. считать ихъ въ этомъ случаѣ сохранившимися отъ общаго ихъ оригинала съ ред. 1512 г. При этомъ подчеркнемъ, что 1) ред. 1512 г. сокращала

свой оригиналь, а 2) сп. 1441 представляет собой ред. по одной родственной съ ней линіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности видѣть той рукописи Юс.-Волок. мон-ря (Моск. Дух. Акад. № 230), протографъ которой, по очень правдоподобию предположенію Шахматова (с. 74), былъ въ рукахъ составителя хронографа: интересно было бы взглянуть, что представляютъ изъ себя въ этой рукописи выписки „W александра“? Но мы все-таки узнали, что тамъ есть рассказъ о тайномъ посольствѣ Александра къ Дарію, которымъ между прочимъ сп. 1441 отличается отъ ред. 1512 г. и Юго-зап., и персъ, узнавшій Александра, также называется „Кандакрусь“ (или „Кандарекусь“), а не „Паргисъ“, какъ въ тѣхъ редакціяхъ. Такимъ образомъ, это вполне подтверждаетъ наше предположеніе о характерѣ этихъ лишковъ списка 1441-го.

Обратимся теперь къ тѣмъ новымъ статьямъ сп. 1441, которыми онъ отличается отъ ред. 1512 г. и Юго-зап. Разобраться въ нихъ хоть нѣсколько—необходимо и прежде всего—въ интересахъ собственно самого списка: приводимыя нами при каждой статьѣ справки по изслѣдованію Попова налагаютъ тѣнь на этотъ списокъ: на основаніи ихъ можно было бы придти къ выводу, что этотъ списокъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ ту же ред. 1512 г., дополненію только на основаніи другихъ источниковъ и между прочимъ на основаніи 2-й распространенной и 2-го разряда списковъ 3-й редакціи хронографа. Къ этимъ справкамъ Попова мы еще вернемся, а пока продолжимъ наше изслѣдованіе другимъ путемъ.

Этотъ списокъ редакціи 1601 года оказался не единственнымъ: подобный (=сп. 1441—2) описанъ среди рукоп. Уварова подъ № 1363, XVII в. (т. III); кромѣ того, въ библи. Моск. Румянц. Музея есть точно такой же списокъ (какъ и 1441, но не 1442) въ собраніи рукописей Большакова № 21. Писанный въ концѣ 17 ст., этотъ послѣдній списокъ имѣетъ тотъ же годъ (1601) въ ст. объ отложеніи мяса инокамъ, то же буквальное сходство съ ред. 1512 г., начиная съ 179 гл., откуда также только идетъ самая нумерація главъ (впрочемъ здѣсь сохранились еще №№ главъ: 11—15 и 106, опять согласно ред. 1512 г.) и почти всѣ тѣ же указанныя отличія отъ ред. 1512 г. и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ лучше сохранилъ текстъ оригинала, да не имѣетъ ст. О бѣломъ клобукѣ и Повеленіе царско римской церкви... (см. выше №№ 7 и 9) ¹⁾.

¹⁾ Укажемъ еще слѣдующія отличія: въ 106 гл. въ этомъ сп. есть еще заголовки:

Такимъ образомъ, свидѣтельство уже трехъ списковъ тверже устанавливаетъ для насъ дѣйствительное существованіе особой редакціи 1601 года. Но есть указанія и на болѣе ранній списокъ этой редакціи: судя по описаніямъ Попова такъ называемаго имъ 2-го разряда списковъ 3-й редакціи хронографа (II, 173—198), редакція 1601 года послужила однимъ изъ основныхъ источниковъ для этой редакціи. Помимо самаго состава статей, на это прямо указываетъ выкладка лѣтъ въ ст. объ отложеніи мяса инокамъ: для одного источника—1601 г., а для другого—1617 г. (с. 183). Самый же изслѣдуемый здѣсь Поповымъ (принадлежавшій ему) списокъ этой редакціи составленъ въ 1646 году: слѣдовательно, въ рукахъ его составителя былъ списокъ редакціи 1601 года во всякомъ случаѣ близкій ко времени составленія этой послѣдней. Обращаясь къ составу статей этого списка, какъ онъ отразился въ 3-й редакціи, мы находимъ, что тамъ были: и Шестодневецъ вкратцѣ, и сказаніе о Мелхиседекѣ, и выписки изъ книги Іова, и статья о Федорѣ Жидовинѣ, и о 1-мъ помѣстномъ соборѣ, и отверженіе звѣздочетья, и распространенный рассказъ о созд. цер. св. Софіи, и ст. о Черноризцѣ, и Таксіотѣ, и о пришествіи иконы Рямлянины, и сказаніе вкратцѣ о роженіи и житіи Кирилла философа, и подробныя статьи о Владимірѣ. Такимъ образомъ всѣ эти статьи и подробности можно положительно возводить къ редакціи 1601 г. Не видно (по крайней мѣрѣ въ указ. Попова) здѣсь статей: О сивиллахъ, Книги Юдифъ съ прибавленіемъ „инъ переводъ“, О Мартинѣ Лютерѣ, Повѣсти о бѣломъ клобукѣ и ст. Повеленіе царско... римской церкви. Что касается двухъ послѣднихъ статей, то ихъ приходится отнести на счетъ списка 1441, такъ какъ ихъ нѣтъ и въ Больш. № 21 той же редакціи; рассказъ о Лютерѣ есть и въ послѣднемъ; относительно же ст. О сивиллахъ и кн. Юдифи въ двухъ ея редакціяхъ мы имѣемъ и еще свидѣтельство несомнѣнной ихъ принадлежности этой редакціи. На это именно указываетъ академической списокъ хронографа ред. 1599 года (Акад. Наукъ, ш. 31. 6. 27) ¹⁾:

1) „0 поконце снѣрѣбъ царѣ“ и 2) „0 послани прѣла царя по индѣйскомѣ царю тѣктѣтню і о послѣци; въ гл. 116 въ концѣ ст. „0 наватъ..“ нѣтъ измѣненій сп. 1441 сравн. съ ред. 1512 г.; здѣсь же вм. чтенія сп. 1441: „мамантъ и Метреуфннъ“ читаемъ: „і мамантъ отъ иконія сынъ феодотовъ и матере руплинъ“ (какъ прил. и въ Ел. Лѣт.); въ гл. 131 въ ст. О п. Зинона дата сп. 1441 столтъ на погѣ, а въ текстѣ дата ред. 1512 г., слѣд. здѣсь еще сохранился слѣдъ двухъ источниковъ.

²⁾ Описанъ отчасти въ работѣ Шахматова (с. 49—55). Хронографъ ред. 1599 г., XVII в., указанъ также еще въ опис. рукоп. Уварова подъ № 1302 (23).

въ немъ мы находимъ эти статьи сходными и по тексту и по мѣсту ихъ нахождения въ составѣ хронографа. Но и вообще эти списки оказались въ очень близкомъ родствѣ, особенно съ Больш. № 21, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ нимъ не имѣетъ статей: „Отъ исторія римскаго повѣсть...“ съ „Посыльной грамотой..“ и „Повеленіе царско..“ и сходится еще съ нимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ отличіяхъ отъ сп. 1441, хотя и не во всѣхъ. Но есть въ сп. 1599 г. и крупныя отличія отъ обоихъ списковъ ред. 1601 г. Эти отличія прежде всего касаются статей главъ 113—130, т. е. начиная съ цар. Нерона и кончая ст. „О воскресеніи 7 отроковъ...“ въ цар. Θεодосія Малаго и при томъ такъ, что съ цар. Нерона до цар. Трояна акад. сп. 1599 г. значительно больше списковъ Пог. 1441 и Больш. 21 ¹⁾, и лишь въ 2—3 мѣстахъ они все сходится въ общемъ отличіи отъ ред. 1512 г., въ прочихъ же мѣстахъ сп. 1441 и 21 сходится съ ред. 1512 г.; начиная же съ цар. Трояна и далѣе, наоборотъ, акад. сп. 1599 г. всюду и во всемъ буквально сходенъ съ ред. 1512 г., а сп. 1441 и 21 имѣютъ отличія прежняго характера. Начиная съ конца 130 гл. списки опять сходятся въ своихъ отличіяхъ отъ ред. 1512 г. и лишь спорадически акад. сп. 1599 г. отстываетъ отъ нихъ, сходясь съ

¹⁾ Въ ст. о Неронѣ кромѣ упоминанія объ Эпикурѣ въ акад. сп. говорится еще о судѣ Нерона надъ Анпой, Канафой и Платомъ; ст. „О воздвиженіи хлѣба“ подмѣно и оканчивается словами: „накѣ же воздвигнуса во иерлалімъ“; ст. „О симонѣ волхвъ“ заключаетъ 4 листа (зм. 1-го), нач. „во иѣткѣ тогѣмъ иерона прииде иѣткѣ симѣ именеа египтаи...“ конч. „сеи же неронѣ любилше венеты зело“ (ср. у Поп. I, 44); слѣд. ст. озаглавлена: „О иякове (а не „О оубіеніи іякова...“), нач. „вѣликии же иакжъ краѣ бѣши чѣтъ гымъ отъ чрева иѣтри...“ конч. „тогда весь языкъ жидовскъ отвержеся рима“ и далѣе новый заголовокъ „Начало злобо“: „Тогда неронѣ царь разгнѣвася посла къвосточнымъ воеводамъ... Вшедше же вкесарію уснасинъ отпусти препочити вся вой“ (ст. занимаетъ 11 строкъ); слѣд. ст. озаглавлена кратко „О знаменехъ“, нач. „Тѣмъ страшная имъ знаменія показоваше богъ хотяше быти имъ плененію проповѣдаше. Ибо огда во описночный празникъ въ 9 часъ ноци...“ и т. д. какъ и въ сп. 1441 и ред. 1512 г., конч.: „...лудеємъ убо крпмлянпомъ новиноциномъ и дани даати отвергшимся“. Сюда же входитъ безъ особаго заголовка и ст. объ Исусѣ. Конца же ст. „О знаменіи...“ сп. 1441 здѣсь вовсе не видно. Непосредственно за этой ст. идетъ новый заголовокъ: „О войнѣ“, нач. „Посла иерѣ йр...“ конч. „...а гуснасану же іседашу иерлалімъ“. Затѣмъ какъ и въ сп. 1441 идутъ царства 7, 8, 9 и 10. Конч. „и исправнеся римская область. доментіану погублену варвары и иримъ пришедшу“. Въ слѣд. заголовка „Третіе пришеств. титово.“ читаемъ: „О взятти иерусалиму. 3-е титово“, нач. „Не хожемъ исповѣдати вамъ еице страшной побѣде.“ Эта статья раздѣлена здѣсь еще заголов.: „паденіе. 1-я стени“, „пад. 2-я стени“ и „пад. 3-я с.“ конецъ тотъ же. Статьи: цар. Тита, Доментіана и Неруа не сохранились.

ред. 1512 г. (напр. въ ст. „Ѡ чѣкъѣ иже мѣтнню и ваѣ твора“, гл. 155; въ концѣ ст. „Ѡ сѣлк кса. 7 сокорѣ“ и въ ст. „Ѡ отцѣхъ на томже сокорѣ“, гл. 158; въ концѣ ст. „Ѡ гѣрти феофилокѣ“, гл. 165; въ ст. „Ѡ кѣзѣ рѣкнѣхъ“, гл. 177 и нѣкот. друг.). Такъ до 179 гл., откуда списки Погод. 1441 и Больш. 21 буквально сходятся съ ред. 1512 г., а акад. 1599 г. до 196 гл. продолжастъ отличаться отъ ред. 1512 года.

Такимъ образомъ, родственность этихъ редакцій—1599 и 1601 гг.—очевидна, но ожидаемой зависимости редакцій 1601 г. отъ редакцій 1599 г. нѣтъ: видно самостоятельное пользованіе редакціей 1512 г. (ср. еще главу 135: „Ѡ козаранени неправеднаго злата“; главу 178: „Ѡ кѣзѣ рѣкнѣхъ“, гдѣ редакція 1599 г. слѣдуетъ редакціи 1512 г., а редакція 1601 г.—второму источнику; есть и еще нѣсколько мелкихъ мѣстъ). По считать эти редакціи совершенно самостоятельными, предполагая, что въ рукахъ ихъ составителей, помимо редакцій 1512 г., случайно были списки одной и той же какой-то древней (возникшей до редакцій 1512 г.) редакцій, не позволяеть одинаковый составъ статей добавочныхъ къ редакціи 1512 г., что, конечно, не могло быть случайностью. Остается, слѣдовательно, предполагать, что въ основаніи редакцій 1599 и 1601 гг. лежитъ одна общая редакція. Эта редакція должна быть сравнительно недавняя, т. е. составленная во всякомъ случаѣ уже во второй половинѣ XVI столѣтія. На это указываютъ такія добавочныя статьи, какъ: „Искниги мудреца маркуса о десяти сивиллахъ“ и „О люторн мартыне“, статьи, несомнѣнно, второй половины XVI столѣтія. Мы остановимся на первой статьѣ: она, намъ кажется, можетъ служить указаніемъ на то, что эта редакція была составлена не ранѣе 1564 года. Дѣло въ томъ, что эта статья оказывается очень сходной съ таковой же въ русскомъ переводѣ хроники Мартина Бѣльскаго по 3-му изданію 1564 г. (по Попову: II, 94). Сравненіе мы дѣлали по переводу 1584 г. въ спискѣ 1671 г. (Публ. Библ. І. IV, 162, л. 313—318), но отодвинули предѣлъ къ 1564 г. на томъ основаніи, что мы встрѣтили въ редакціи 1599 и 1601 гг. кое-какія разницы въ расположеніи содержанія нѣкоторыхъ частей, а главное—лишекъ сравнительно съ этимъ переводомъ хроники ¹⁾). Конечно, перемѣну въ расположеніи содержанія

¹⁾ Именно въ рассказѣ о 6-й сивиллѣ въ послѣднемъ нѣтъ указаній на то, что эта сивилла трижды предлагала царю Таркв. купить книги. и что при послѣднемъ предложеніи царь призвалъ философовъ и, благодаря ихъ разъясненію цѣнности этихъ пророчествъ, купилъ послѣднія.

можно отнести на счетъ списка хронографа, а лишекъ на счетъ даннаго списка перевода, но, оказывается, кромѣ этого перевода быть еще другой, сдѣланный раньше, при митроп. Афанасіи (1565—1568)¹⁾. Но, говоря о хроникѣ Март. Бѣльскаго, мы тѣмъ самымъ не хотимъ сказать, что составитель протографа редакцій 1599 и 1601 гг. взялъ эту статью именно отсюда. Напротивъ, мы думаемъ, что именно не отсюда: намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы составитель хронографа, имѣя въ рукахъ хронику М. Бѣльскаго, взялъ изъ нея только эту одну статью и не соблазнился сдѣлать и другія выписки, какъ это было сдѣлано потомъ составителемъ одной изъ послѣдующихъ (такъ называемой 2-й) редакцій. Поэтому, представляется болѣе вѣроятнымъ, что эта статья попала въ хронографъ уже чрезъ какое-то посредство.

Такъ вотъ эта-то редакція, протографъ редакцій 1599 и 1601 гг., и имѣла въ своемъ основаніи тотъ древнѣйшій хронографъ, который потомъ сокращала редакція 1512 г. На чемъ оканчивалась эта редакція²⁾, почему редакція списка 1599 г. не пользовалась имъ въ главахъ 113—130 и нѣкоторыхъ другихъ³⁾, почему редакція 1601 г. оставила этотъ источникъ на 178-й главѣ и т. д.—все это требуетъ специальной работы, поверхностное же наблюденіе не дастъ прямого отвѣта на эти вопросы. Для редакцій 1601 г., напримѣръ, можно предположить дефектность этого источника; для списка же 1599 г., писаннаго не особенно бережно, разными руками и, очевидно, одновременно (мѣстами остались пустые листы), можно предположить, что одному изъ писцовъ дали на списку главы 113—130 по редакцій 1512 г. потому, что эта часть другого-то источника была уже на рукахъ другого переписчика, а вѣдь въ общемъ эти два источника были очень схожи; для отдѣльныхъ мѣстъ можно допустить и произволь редакторовъ и т. п. Для насъ здѣсь важна качественная сторона этого второго источника, т. е., по нашему предположенію, большая

¹⁾ См. у Соболевскаго, „Переводн. лит. Моск. Руся“, стр. 54.

²⁾ Въ редакцій 1599 г. сходство съ редакцій 1512 г. начинается съ 6747 г. въ статьѣ „О нашествіи Батыя въ Новгородскую землю“ (гл. 195).

³⁾ Что въ данномъ случаѣ именно редакція 1599 г. оставила этотъ источникъ и обратилась къ редакцій 1512 г., а не то, что здѣсь редакція 1601 г. пользовалась какимъ-нибудь еще новымъ источникомъ, это показываетъ и одинаковій съ прежнимъ характеръ лишковъ этого мѣста редакцій 1601 г. съ прочими въ общихъ редакціяхъ и то, что здѣсь редакція 1599 года выставляетъ №№ главъ согласно съ редакцій 1512 г., тогда какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ этой нумераціи нтъ.

древность и первоначальность его сравнительно съ редакціей 1512 г. и Юго-западной. Въ виду указаннаго тождества редакцій 1599 и 1601 гг., въ доказательство нашего положенія, привлекаемъ сюда теперь и всѣ указанія Шахматова на тождество редакцій 1599 г. съ Русскимъ Временникомъ: до 179 главы и за исключеніемъ описанія цар. Нерона— во всѣхъ отмѣченныхъ имъ случаяхъ редакція 1601 г. сходится съ редакціей 1599 г., а слѣдовательно и съ Русскимъ Временникомъ (см. у Шахматова, стр. 49—55) ¹⁾. Съ своей стороны, мы уважемъ еще, напримѣръ, на 177 главу, гдѣ ст. „*o křiží rúských*“ кончается въ спискѣ 1441 и Больш. 21 одинаково съ Русскимъ Временникомъ (стр. 21) на словахъ: „а ярополеъ посади на новѣ городѣ своя намѣстники“ (списокъ же 1599 г. слѣдуетъ здѣсь редакція 1512 г.); добавимъ еще, что въ ст. „Начало княжесія в. к. Владимира...“, также сходной съ Русскимъ Временникомъ, въ редакціи 1601 г. мы встрѣчаемъ и характерныя написанія „цвѣтославъ“ и „цвѣтополкъ“ ²⁾.

То же почти, далѣе, сходство и съ юго-западной редакціей, т. е. въ ст. „О разбіеніи зеркала“ — форма „слово“; въ ст. „Цар. Нероново“—описаніе ви́шняго вида и краткая характеристика Нерона съ упоминаніемъ объ Епикурѣ; подробности въ ст. о цар. Зинона (см. у Шахматова, стр. 52—54), на нѣкоторыя другія еще сходства мы указывали выше.

Такимъ образомъ, очевидно, что во всѣхъ разсматриваемыхъ нами спискахъ хронографа—на ряду съ редакціей 1512 г. другою крупною составною частью вошла какаѣ-то болѣе древняя редакція, которая для многихъ мѣстъ хронографа сохранила намъ болѣе первоначальный видъ. Нѣсколько болѣе точное опредѣленіе этой редакціи устанавливается на ея отношеніи къ двумъ другимъ редакціямъ и къ Русскому Временнику: сравнительно ближе (чѣмъ редакція 1512 г.) стоятъ къ редакціи Юго-западной, эта редакція все-таки строимъ своимъ примыкаетъ къ типу редакцій 1512 г. ³⁾. Очевидно, она возникла уже

¹⁾ Впрочемъ, см. „подъ дѣлѣ“, въ сп. 1441 мы находимъ „пѣдлинн“, и думается, что именно изъ этого сочетанія только могло получиться „пѣдажж“, а не изъ сочетанія „подъ державу“.

²⁾ Такое написаніе мы находимъ здѣсь подъ 6523, 24, 26, 27, 35 и 62 гг., въ Рус. же Врем., въ предѣлахъ этихъ лѣтъ, такое написаніе есть только подъ 6535 и 62 гг., а въ спискѣ 1599 г. еще подъ 6526 г.

³⁾ Раньше намъ не пришлось остановиться на этомъ пунктѣ, приводимъ, потому, здѣсь нѣсколько примѣровъ: такъ, въ описаніи цар. Конеты сп. 1441 почти ред. 1512 г. и сходится въ помянутѣ съ ред. Юго-западной, но въ порядкѣ нѣкоторыхъ сообщеній онъ стоитъ все-таки ближе къ ред. 1512 г.: напримѣръ, въ Юго-западной

послѣ раздѣленія основной редакціи хронографа на эти два типа. А слѣдовательно, какъ ни важна роль этой промежуточной редакціи въ дѣлѣ возстановленія первоначальной редакціи хронографа, она все-таки далеко не заполняетъ собою того пробѣла, какой мѣшаетъ намъ ближе подойти къ основной редакціи. Опять все-таки остается слишкомъ много мѣста догадкамъ и предположеніямъ, мириться съ которыми можно, конечно, лишь временно или при условіи дѣйствительнаго отсутствія фактическаго матеріала. Между тѣмъ есть основанія думать, что этотъ матеріалъ еще далеко не исчерпанъ. Поэтому слѣдуетъ сдѣлать новый осмотръ списковъ хронографовъ нашихъ книгохранилищъ, отдавая при этомъ вниманіе всякаго рода типамъ.

редакціи (какъ и въ Кал. Лѣт.) уже въ началѣ говорится о томъ, что Констанція „дщеря ермолюку сестра максимитику младору...“, а по ред. 1512 г. и по сп. 1441 объ этомъ говорится уже послѣ посольства Констанціи въ Персію; тутъ же въ ред. 1512 г. и въ списокѣ 1441 г. говорится и объ именахъ его сыновей и дочери, а въ Юго-западной редакціи (какъ и въ Кал. Лѣт.) объ этомъ упоминается уже послѣ разсказа о приведеніи Елены съ синоиою къ Констанціи въ Римъ; въ описаніи цар. Констан. Вел. сп. 1441 вмѣстѣ съ ред. 1512 г. не имѣетъ словъ Юго-западной редакціи: „кѣмъ ликий даламатскій Гданъ родо серкиа. и роди отъ констанцины кѣлоброша...“; вмѣстѣ съ редакціей 1512 г. мы находимъ въ списокѣ 1441 послѣдовательную ошибку въ счетѣ царствованій, начиная съ цар. Уалента, гдѣ вмѣсто 6 или, по другому счету, 47 стоитъ вторично 5 или 46 (то же мы находимъ и въ Кал. Лѣт.; также сначала были перенумерованы царствованія и въ Бусл. сп. юго-зап. ред., но потомъ киноварью же всѣ они были исправлены согласно Толстовскому и др. спискамъ); вмѣстѣ съ ред. 1512 г. не имѣетъ (въ гл. 146) разсказа о прольщеніи Магометомъ жены его друга Зиды (нѣтъ и въ Кал. Лѣт.); также въ гл. 147, въ ст. „О 6-мъ всел. соборѣ“ вмѣстѣ съ ред. 1512 г. не имѣетъ словъ юго-зап. ред. о томъ, что соборъ былъ „изъ константинѣ градѣ. къ червѣ полетина рѣкѣ къ червѣ цѣркви полата“ (нѣтъ и въ Кал. Лѣт., ни у Амарг.); въ описаніи цар. Льва Псавра им. словъ Юго-зап. ред. „и сама (т. е. Богородица) послѣ его къ римѣ къ феофилу князю“, въ ред. 1512 г. и сп. 1441 читаемъ: „онъ же (т. е. еванг. Лука) послѣ его къ римѣ къ ф. к.“; здѣсь же послѣ словъ: „пострѣлиаи ѣтѣхъ икона“, въ ред. 1512 г. и сп. 1441 нѣтъ словъ юго-зап. ред.: „но не при тѣхъ цѣркви. црѣ же прилежно вѣрѣшиа его гла. да при некоторѣхъ то црѣ вѣдѣтъ. ѣтѣй же рече слышима конана...“; здѣсь же послѣ слова „вѣтронменгтъ“ въ ред. 1512 г. и сп. 1441 нѣтъ словъ Юго-зап. ред. „ѣгохданика и развратника, рыкиа аю лѣка. идогослжителный ѣтого нарыцѣтъ; и саккераню десницю того злоушника“; здѣсь же послѣ словъ: „насажденна многоразличныи прѣмудрости“, въ редакціи 1512 г. и сп. 1441 нѣтъ: „книги оуко кѣхочу книжѣ саккеранни и сирѣа до тѣхъ тѣа и три тисащи досажѣа. и оукѣрѣны же кѣхѣ ѣкветениаи мѣжѣ. и приимѣи оумѣ прѣмѣдрости“; въ гл. 163 послѣ словъ: „и книгоу оуко глау сиккиаина пророчества“; сп. 1441 вмѣстѣ съ ред. 1512 г. имѣетъ слова: „шарѣе же или же написани кѣху зѣрѣе они, многопѣте ни разанчи кѣху“, чего нѣтъ въ ред. юго-зап. (и что есть въ источникѣ — Паралип. Зонары) и мног. мног. друг. мѣста.

хронографовъ, т. е. всякимъ хронографическимъ сборникамъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые данныя сравненія этихъ указанныхъ наиболѣе древнихъ типовъ хронографа наводятъ на предположеніе, что первоначальная редакція хронографа значительно разнилась своимъ построениемъ отъ позднѣйшихъ ея редакцій. Есть, напримѣръ, намеки на то, что славяно-русская ея часть была нѣсколько иного состава. Возьмемъ, напримѣръ, царствованіе Андроника Палеолога (по ред. 1512 г., гл. 197) и сравнимъ начала помѣщенныхъ здѣсь русской и сербской статьи: русская статья, стоящая на первомъ мѣстѣ, начинается: „При сѣлхъ къ рускѣ вѣ...“ (по редакціи 1512 г.: „при сего царствіи...“), а слѣдующая за нею сербская статья начинается: „при сѣлхъ андроникѣ гречестемъ ѿри яѣ...“ (также и въ редакціи 1512 г.): не видно ли отсюда, что когда-то сербская статья стояла первой, а русская статья вставлена послѣ? Составитель Никоновской лѣтописи обратилъ вниманіе на такую непоследовательность и исправилъ начало сербской статьи: „при семь же...“ (X, 196). Обращаетъ на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что въ этой части хронографа въ редакціяхъ юго-западной и 1512 года (а въ послѣдней еще и въ сп. Пог. № 1443) замѣчается разница въ порядкѣ русскихъ статей по греческимъ царствованіямъ, а иногда и въ самой передачѣ и даже въ составѣ ихъ. Во всякомъ случаѣ, намъ представляется очень вѣроятнымъ, что основная редакція не сразу развѣтвилась на извѣстные два типа, но пережила предварительно еще ступень, каковую собственно и раскрываетъ намъ сравненіе дошедшихъ до насъ редакцій.

IV.

Обратимся, наконецъ, къ вопросу о классификаціи списковъ хронографа, о дѣленіи ихъ на редакціи. Какъ извѣстно, Поповъ распредѣлилъ всѣ извѣстные ему списки хронографовъ въ четыре группы: 1-я редакція (1512 г.), 2-я редакція (съ 1617 г.) въ ея трехъ видахъ: а) нераспространенная, б) сокращенная и в) распространенная; 3-я редакція (послѣ 1620 г.) въ трехъ разрядахъ и хронографы особаго состава.

Начало критики этой группировки положилъ еще самъ Поповъ: во 2-мъ выпускѣ своего „Обзора“ онъ уже отмѣчаетъ, что изъ указанныхъ имъ списковъ 1-й редакціи списокъ Толст. № 172 „рѣзко выдѣляется отъ всѣхъ прочихъ“ (с. 24). Тѣмъ не менѣ Поповъ не рѣшился выдѣлить этотъ списокъ въ особую редакцію. Истринъ первый

внести точное указаніе на необходимость раздѣленія 1-й редакціи на двѣ самостоятельныхъ: редакцію 1512 г., раздѣленную на главы, и редакцію хронографовъ, нераздѣленныхъ на главы (т. е. Юго-западную редакцію въ спискахъ: Толст., Буслаев., Поповск., Тихонравовск. и Виленскомъ).

Но какъ мы видѣли, съ такимъ же правомъ долженъ быть выдѣленъ изъ этой группы и списокъ Погодина 1441, который Поповъ числитъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (I, 96 II, 183). Выстъ съ Большаковскимъ спискомъ № 21 и Увар. № 1362 онъ составляетъ особую редакцію 1601 г. Мы уже подробно описали эту редакцію въ ея отличіяхъ отъ редакціи 1512 г. Замѣтимъ опять только, что эти списки настолько близки съ академ. сп. 1599 г., что въ сущности слѣдовало бы ихъ всѣ соединить въ одну редакцію, но пока, до спеціальной разработки этой редакціи, лучше оставить ихъ разъединенными, такъ какъ: 1) въ нихъ видно все-таки самостоятельное пользованіе общими источниками, а во-2) редакція именно 1601 года, какъ увидимъ далѣе, сыграла большую роль въ составленіи нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ редакцій.

Къ этимъ послѣднимъ и перейдемъ теперь, т. е. именно ко 2-ой и 3-й редакціямъ. Оговариваемся, что вообще-то мы этими редакціями не занимались и дѣлаемъ здѣсь свои замѣтки на основаніи только тѣхъ случайныхъ наблюденій, какія приходилось дѣлать по нѣкоторымъ вопросамъ предшествующихъ редакцій.

Собственно о такъ называемой 2-й нераспространенной редакціи мы хотѣли сказать только кое-что по поводу Хроники Март. Бѣльскаго, одного изъ источниковъ этой редакціи. Поповъ указываетъ соответствующія мѣста этого источника по русскому переводу 1584 г. въ спискѣ 1671 года (Публичная Библіотека, F. IV, 162). Намъ пришлось сдѣлать сравненіе по статьѣ о Сивиллахъ: „Сказаніе о двенадцати сивиллахъ сіи рѣчь пророчицахъ, яже пророчествоваху о пречистой дѣвѣ маріи и о воплощеніи божіа слова“ (Погод. 1445, л. 151 об.), и мы нашли, что по сравненію съ указаннымъ переводомъ хроники эта статья хронографа является не только въ сильномъ сокращеніи и передѣлкѣ ¹⁾, но совершенно въ другихъ выраженіяхъ. Слѣ-

¹⁾ Напримѣръ, самый заголовокъ этой статьи въ хронографѣ является результатомъ спайки двухъ статей хроники: 1) „О пророчицахъ, а греческими словами о Сивиллахъ, како пророчествовали про Христа“, гдѣ говорится только о 10 сивиллахъ и 2) „А о двухъ сивиллахъ писалъ св. Августинъ въ своихъ книгахъ“... (ср. то же въ редакціи 1601 г.). Интересно, что одно мѣсто въ разсказѣ объ 11-и сивиллахъ

довало бы сдѣлать это сравненіе и по отношенію къ другимъ выпискамъ изъ хроники: очевидно, составитель этого хронографа имѣлъ подъ руками какой-то другой переводъ ¹⁾. Припомнимъ еще подобное же указаніе Шахматова по отношенію къ Юго-западной редакціи (О происхожденіи хронографа, с. 18): получается такимъ образомъ задача—вообще разобраться въ русскихъ переводахъ хроники М. Бѣльскаго по отношенію къ ея польскимъ изданіямъ. Это важно и для хронографовъ, важно конечно ужъ и само по себѣ, но можетъ быть важнымъ и для польской бібліографіи, имѣя въ виду ея колебанія въ вопросѣ объ изданіяхъ хроники (Поповъ, II, 88—89) ²⁾.

Обратимся теперь къ такъ называемой 2-й распространенной редакціи. Мы имѣли подъ руками два указанные у Попова (II, 123—4) списка этой редакціи: Погодина 1446 и Публичной Библіотеки, F. IV, 154. По Попову главнымъ источникомъ для распространенія 2-й редакціи служила первая редакція хронографа, именно: „списатель всѣхъ библейскія статьи и юго-славянскія (сокращенныя во второй редакціи) приводитъ по первой редакціи, удерживая и заглавія ихъ, а рассказы изъ Византійской исторіи дополняетъ по 1-й редакціи“ (с. 124). Сдѣлавши указанное сравненіе, мы нашли, что въ этихъ спискахъ библейскія статьи гораздо полнѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 года. Таковы, напримѣръ, статьи: о прешествіи іордана (по сп. 154 гл. 29), О ахитофелѣ и Царство 3 соломоново ѿна дѣла (гл. 34), Царство 6 асино во ирѣмѣ (гл. 36), Дѣяніе пророка даніила..., Откровеніе о сусанѣ (гл. 45), О зачатіи іоанна крѣпч (гл. 60) и др. При этомъ оказалось, что въ своихъ лишкахъ сравнительно съ редакціей 1512 г. эти списки сходятся съ редакціей 1601 года. То же оказалось и въ мѣстахъ дополненій въ рассказахъ изъ Византійской исторіи, такова, напримѣръ, статья О побѣдѣ Константина царя на Ликиніи (гл. 87), или въ описаніи царя Юліана преступника заголовкомъ „О видѣніи сѣго вѣснаго“, котораго нѣтъ въ редакціи 1512 г., но есть въ редакціи 1601 г.; болѣе подробные замѣтки о св. мученикахъ и мученицахъ въ рассказахъ о римскихъ императорахъ (съ гл. 70);

передѣлано даже стихами: „такъ са бѣѣ помяло что слово са его воспетило і вѣда совершено бѣѣ и чѣмъ родится тогда самъ со грѣшники кѣѣнитса. ѿего ради тако благоколла дѣкъ вѣѣѣ сведила“ (Погодинъ 1445, л. 153 об.).

¹⁾ Ср. у Соболевскаго, „Переводн. литерат. Моск. Русн“, стр. 55.

²⁾ Составъ статей 2-й редакціи намъ не приходилось касаться, но случайно мы замѣтили, что, напримѣръ, статья „Отъ житія предтечи“ во 2-й редакціи не опущена, какъ гов. Поповъ (II, 75), а только сокращена сравнительно съ редакціей 1512 г.

замѣтка о первомъ помѣстномъ соборѣ въ царствованіе Аврелиана (гл. 80); подробности въ описаніи царства Консты Зеленаго (гл. 84); подробности въ разсказѣ о созданіи церкви св. Софіи (гл. 102); правоученіе въ статьѣ о Таксіотѣ (гл. 158) и др.

Такимъ образомъ, выраженіе редакціи этихъ списковъ: „а ниде пишеть“, которымъ иногда предваряется дополнительный матеріаль, нужно относить не къ 1-й редакціи (1512 г.), а къ редакціи 1601 года.

Но отсюда же взяты и почти всѣ тѣ „новыя добавленія, конхъ нѣтъ ни въ первой редакціи, ни во второй“ (с. 125). Сюда именно принадлежатъ статьи: о потопѣ иже при Нои (гл. 9), Избраніе отъ книги Іова (гл. 19), новый разсказъ о судѣ Соломона (гл. 35), Избраніе отъ книги Іудифъ (гл. 50), О зачатіи І. Предтечи (гл. 60), О Жидовинѣ Феодорѣ (гл. 76), О отверженіи звѣздочетья и о преименованіи дней въ недѣли (гл. 87), Отрывокъ о рѣкѣ Скиргѣ (гл. 101), Слово о черноризцѣ (гл. 106), О Иванѣ Дамаскинѣ (гл. 119) ¹⁾, О люторѣ Мартинѣ (гл. 129), Сказаніе вкратцѣ о рожденіи и житіи св. Кирила Философа (гл. 131) и о вел. кн. Владимірѣ и крещеніи (гл. 139) ²⁾.

Такимъ образомъ, все подысканное (и неподысканное) Поповымъ разнообразіе источниковъ (Скитскій Патерикъ, Прологъ, Отдѣльныя житія и сказанія, Еллинскій Лѣтописецъ, Повѣсть врем. лѣтъ) для этихъ списковъ сводится къ одному источнику—хронографу редакціи 1601 года. А слѣдовательно, дѣйствительно новымъ добавленіемъ являются только выписки изъ евангелія Никодима и „Чудаевъ переводъ“ (Поповъ, II, 126 — 129), но и тѣ въ списокѣ Погодина 1446, болѣе первоначальному для этой редакціи (Поповъ II, 126), находятъ уже внѣ хронографа и только въ позднѣйшихъ спискахъ были внесены въ самый хронографъ (въ 61-ю главу).

На редакцію 1601 г. изъ вносныхъ статей ясно указываютъ двѣ статьи сербской Александрии: О посольствѣ Ійдра и объ Авиствѣ, издавна отмѣченныя въ списокѣ Погодина 1441. А что при составленіи этой ре-

¹⁾ Замѣтки въ концѣ этой ст.: „аще же хочешн вицши о преподобнствѣ иванне увѣдати и ты все въ житіи его обрещоши пространно“—въ сп. Погодина 1441 нѣтъ

²⁾ Встрѣчаются только въ этой послѣдней статьѣ другіе заголовки: вм. „О срацннской вѣрѣ“ въ сп. 1446 читаемъ: „О рѣскомъ кланкомъ князѣни Владиміроу“; вм. „О нѣмецкой вѣрѣ“—„О приходѣ римлянъ“; вм. „О жидовской вѣрѣ“—„О приходе жидовъ“. Два послѣднія заголовка явно взяты изъ начала самыхъ статей. Прочее все сходно.

дакціи играла роль редакція именно 1601 года, а не—сходная съ ней редакція 1599 г., на это указываетъ сходство первыхъ въ ст. „О возбраненіи неправеднаго злата“ (цар. Анастасіево), одинаково имѣющей наставленіе „властелямъ нетворити насплія маломощнымъ“, чего нѣтъ въ акад. сп. 1599 года.

Такимъ образомъ, такъ называемая 2-я распространенная редакція составлена на основаніи только двухъ редакцій: 1617 и 1601 гг. и только впоследствии была дополнена двумя новыми статьями.

Подобную же поправку мы должны внести въ описаніе Попова и такъ называемого имъ „второго разряда списковъ 3-й редакціи хронографа“ (II, 173—198). Поповъ нашелъ, что эта редакція составлена на основаніи 2-й нераспространенной редакціи и дополнена изъ 1-й редакціи, 2-й распространенной и другихъ источниковъ.

Но зная уже по описанію самого Попова (II, 183), что въ спискахъ этой редакціи въ статьѣ объ отложеніи мяса инокамъ одинъ изъ источниковъ прямо датированъ 1601 годомъ, мы напередъ можемъ сказать, что здѣсь опять у него произошло смѣшеніе. И дѣйствительно, все, что Поповъ относитъ къ 1-й редакціи и къ 2-й распространенной, все это было взято составителемъ изъ редакціи 1601 г. Что въ мѣстахъ, отмѣченныхъ Поповымъ 1-й редакціей, и которыя дѣйствительно могли быть оттуда, все-таки взяты изъ редакціи именно 1601 года, на это указываютъ нѣкоторыя мелкія сходства и различія. Возьмемъ, напримѣръ, ст. О русскихъ великихъ князяхъ: въ редакціи 1512 года она читается: „...Въ лѣто 6478 при семь же цари Цимисхинъ Цвѣтославъ посади Ярополка въ Кіевѣ...“ (Поп. Изборн. с. 7), тогда какъ въ спискѣ Погодина 1441 (редакціи 1601 г.) и въ спискѣ Публичной бібліотеки F. IV, 90 (2-го разр. 3-й ред.) это мѣсто читается: „...Сѣтославъ посади сѣмъ еска по градомъ, Арсепска къ кіевѣ...“ и под.

Но изъ редакціи же 1601 г. взяты, кромѣ того, и слѣдующія статьи, отнесенныя Поповымъ къ „другимъ“ источникамъ: 1) „Шестодневецъ вкратцѣ...“. Поповъ не могъ указать опредѣленно источника для этой статьи и сослался на списки 3-й редакціи перваго разряда, гдѣ этотъ Шестодневецъ также есть; но онъ несомнѣнно взялъ изъ редакціи 1601 г., такъ какъ онъ въ спискѣ 2-го разряда, какъ и въ редакціи 1601 г., оканчивается статьей „Сказаніе о животныхъ избрано отъ Шестоднева“, чего нѣтъ въ спискахъ 3-й редакціи 1-го разряда; 2) Сказаніе о Мелхиседецѣ и о томъ же Мелхиседецѣ сказаніе св. Афанасія Александрійскаго. Поповъ указываетъ источни-

комъ Прологъ и 3) О русскомъ вел. кн. Владимирѣ и О крещеніи все-народномъ. Поповъ считалъ ихъ заимствованными изъ начальной русской лѣтописи.

Сюда же, наконецъ, слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя (а можетъ быть и большинство) изъ тѣхъ статей, которыя Поповъ приурочивалъ къ Степенной книгѣ. Таковы статьи о кн. Владимирѣ: О христіанинѣ Варязѣ..., О испытаніи различныхъ вѣрѣ..., О нѣмецкой вѣрѣ, О жидовской вѣрѣ, О вѣрѣ христіанской... Помимо полного сходства этихъ статей и въ редакціи 1601 г.¹⁾, мы укажемъ на одну особенность, роднящую эту редакцію именно съ редакціей 1601 г., а не со Степенной книгой, именно: еще Поповъ указалъ, что въ ст. О вѣрѣ христіанской въ Степенной книгѣ *философъ не называется Кирилломъ* (онъ объясняетъ, что „это имя могло быть вставлено въ другихъ спискахъ, или же заимствовано изъ позднихъ лѣтописей“ — с. 196), между тѣмъ въ редакціи 1601 г. мы какъ разъ встрѣчаемъ его съ этимъ именемъ, что при другихъ заимствованіяхъ изъ этой редакціи, ясно указываетъ, что и это мѣсто отсюда же²⁾.

¹⁾ Что Степенная книга не можетъ здѣсь считаться источникомъ для редакціи 1601 г., каковая мысль естественно можетъ возникнуть въ виду того, что 1) эта статья болѣе подробно сравнительно съ редакціей 1512 г., а 2) она, какъ видимъ, совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со Степенной,—на это указываетъ одно уже то, что начала этой статьи, болѣе подробнаго въ редакціи 1601 г. (но см. 1441, л. 516—519), въ Степенной совсѣмъ нѣтъ, а конечно ужъ всѣ лишніе редакціи 1601 г. идутъ здѣсь изъ одного источника. Совпаденіе же Степенной съ хронографомъ можно объяснить только тѣмъ, что, очевидно, Степенная пользовалась какимъ-то хронографическимъ источникомъ. Въ ней, напримѣръ, мы находимъ общую съ хронографомъ ошибку въ ст. о греческомъ царѣ Мануилѣ, гдѣ говорится, что Мануилъ женился на дочери Василія Дмитріевича — Аннѣ (13 Степ. гл. 19; Изб. Поп. с. 67). Эта статья почти буквально сходна съ хронографической, только немного полнѣе, именно здѣсь говорится еще о совѣтѣ и благословеніи на бракъ митр. Фотія. Эту подробность мы находимъ въ Никоновской лѣтописи, но не тамъ, гдѣ Никоновская лѣтопись слѣдуетъ хронографу (XI, 153), а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ она даетъ болѣе вѣрное извѣстіе объ этомъ бракѣ (XI, 217—218). Сходится съ Никоновскою лѣтописью Степенная и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, отличающихся въ ней отъ хронографа, такъ что очень вѣроятно, что Никоновская лѣтопись служила источникомъ для Степенной (какъ теперь доказываетъ г. Васенко), а не наоборотъ. Подробности же статьи о кн. Владимирѣ въ редакціи 1601 г., читаемая еще въ редакціи 1599 г., въ Русскомъ Врем., въ Никоновской лѣтописи, очевидно, нужно возводить къ протографу и редакціи 1512 г. На это указываетъ и сличеніе текста редакціи 1601 г. съ редакціей 1512 г., каковое приводитъ къ заключенію, что сокращеніе шло именно по подобному тексту.

²⁾ Составъ статей этой редакціи специально мы не касались, но повидимому здѣсь у Попова есть пропуски. Такъ, не отмѣчены имъ слѣдующія статьи, которыхъ

Такимъ образомъ, хронографъ списковъ второго разряда 3-й редакціи имѣлъ главными своими источниками редакцію 1617 года (2-я нераспростр.) и редакцію 1601 года.

Итакъ, по отношенію къ вопросу о редакціяхъ хронографа стало теперь яснымъ, что 1) въ виду несомнѣннаго существованія болѣе древней редакціи, общей для редакціи 1512 г. и Юго-западной, названіе Попова „1-я редакція“ въ примѣненіи къ редакціи 1512 г. должно быть совсѣмъ оставлено, а тѣмъ самымъ, конечно, 2) разрушаются и названія „вторая“ и „третья“ редакціи, не говоря уже про то, что, какъ мы видѣли, и между первой и второй-то редакціями находятся промежуточные (1599 и 1601 гг.). А такъ какъ и вообще, конечно, нельзя поручиться, что впредь не откроются еще новые списки хронографовъ, то ясно, что и вообще дѣленіе Попова на редакціи—первую, вторую и т. д. въ этой послѣдовательности—слѣдуетъ оставить и называть редакціи по времени или по мѣсту ихъ возникновенія, или по лицу составителя и тому подобнымъ признакамъ.

Наконецъ, укажемъ нѣкоторые пропуски, сдѣланные Поповымъ какъ въ Обзорѣ хронографовъ, такъ и въ Изборникѣ статей изъ нихъ. Поповъ хотя и не всматривался въ различія самого текста списковъ редакціи 1512 г. со спискомъ Толст. № 172, но различіе состава ихъ онъ отмѣчалъ, печатая цѣлкомъ тѣ статьи Толстовскаго списка, которыхъ не находилъ въ прочихъ спискахъ. См., напримѣръ, въ Обзорѣ стр. 171, 173, 175, 179, 189, 190 194, 195, 198, 201, 203, 207 и др. И это дѣйствительно нужно было дѣлать, а теперь, когда этотъ списокъ и эта редакція вообще поднята до настоящей ея цѣнности, всякія отличія ея отъ редакціи 1512 г. приобрѣтаютъ особенно важное значеніе. Вотъ изъ такихъ-то мѣстъ и не отмѣчены у Попова слѣдующія: 1) въ царствованіе Василя Македонянина (гл. 169)

нѣтъ ни въ редакціи 1512 г., ни въ редакціи 1617 г., нѣтъ ихъ и въ редакціи 1601 г. (указываемъ ихъ по сп. Публ. библ. Ф. IV, 90): 1) Послѣ ст. „Начало 4 дни“ ст. „Ѡ сатанѣ спадшема снекеси. Пишетъ инде пространно“ нач.: „Ѡаманѣ же бѣ ковѣда нѣнѣхѣ смѣ, десатаго чина, приаѣ бѣ...“, конч.: „...отна же бѣ отъ нѣхѣ славо і скѣтлостъ, прже бышеѣ на нѣсѣхѣ“; 2) Рядомъ съ этой: „Другаго же чина“ нач. „Ѡтарѣйшина і ковѣда нѣнѣхѣ смѣ, тѣ пришеѣ...“, конч. „...доде же поѣщеніе бѣже кыцарѣако же на юка“. Далѣе какъ и въ другихъ редакціяхъ идетъ статья „Начало 5-го дни“, но здѣсь въ началѣ ея есть еще лишнія строки: „Еси день кога 3 дѣла сотвори. рыбы, птицы, гады і киты велика емори і да умножатся сіа 3 дѣла, благослови кога кнѣтый день“. Подобная же прибавка читается и въ началѣ слѣдующей статьи о 6-мъ днѣ.

ст. „Ѡ великихъ князехъ рѣскихъ“, нач. „Ѡ 12 лѣто цѣтка велика, обзоръ первый князь великий рѣский рѣрникъ...“, конч. „и дани взложи (олеги) на нихъ“. Нѣтъ этой статьи и въ Русск. Врем.; есть она въ Никоновской лѣтописи, но встрѣчаются обоюдные пропуски и лишки (IX, 15); въ болѣе полномъ видѣ встрѣчается она еще въ Тверской лѣтописи (с. 30—31);

2) въ царствованіе Льва Премудраго (гл. 170) ст. Ѡ оугрехъ нач. „Ѡ 11 лѣто цѣтка лва прѣраго, а от адама кѣто 6406 пришедше оугри мимо киев...“, конч. „...снхъ кѣхъ приша нашедши оугри и поплениша“. Нѣтъ этой статьи и въ Русскомъ Временникѣ; есть въ Никоновской лѣтописи, но не буквально (IX, 16);

3) въ царствованіе Никфора Фоки (гл. 176) ст. кнѣ велики гѣога коваѣ по вѣгѣ, начинается: „При семъ кнѣ велики великии гѣога игореѣи иде на окоу рѣкоу і на вѣгоу...“, конч.: „и многи приведе ко киевоу. и на прочі дани возложи“. Нѣтъ этой статьи и въ Русскомъ Временникѣ; въ Никоновской лѣтописи она есть, но безъ заголовка входитъ въ предшествующую русскую статью о крещеніи Ольги;

4) въ царствованіе Мануила Порфирогенита (гл. 189) ст. Ѡ происхожденіи ѣтнаго кѣта августѣ 1, нач.: „Ѡѣти подомаеѣхъ о семъ [пандократѣ имѣрѣ кириѣ фронъ ситириѣ имонъ іѣа ѣа еже есть о семъ—Бул. сл.] владѣржителякѣ днѣ гѣ...“ конч.: „...обстакиѣти празновати ѣтноу и животворащемоу кѣтоу мѣца августѣ кѣ 1 днѣ“ (Никоновская лѣтопись IX, 210);

5) послѣ статей греческаго царствованія Іоанна Дуки Ватаца (гл. 195) ст. Цѣтко. 76 [греческое — Бул. и Вилен.] фѣодора ласкара нач.: „По нканиѣ кѣтацѣ цѣткока деодорѣ ласкарѣ, вратаничѣ прѣкомѣу деодорѣ ласкарѣ, лѣтѣ 4“ и

6) вслѣдъ за этой — ст. Цѣтко 77 греческое иканиса ласкара нач.: „По фѣодорѣ ласкарѣ цѣткока иканиса ласкарѣ лѣто едино, и ослѣпи его мнѣханахъ пѣлоарѣтѣ“.

Это для Юго-западной редакціи, но есть упущенія и по отношенію къ редакціи 1512 года. Здѣсь, именно, Поповъ не далъ должнаго вниманія списку Погодина № 1443, между тѣмъ онъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ какъ представитель *полныхъ* списковъ этой редакціи ¹⁾. Но мало того, упомянувъ въ Обзорѣ, что этотъ списокъ оканчивается (обрывается) 1486 годомъ (I, 96), онъ потомъ совсѣмъ забылъ объ этомъ и, кончая обзоръ хронографовъ этой редакціи,

¹⁾ Вопросъ объ этихъ спискахъ еще не поднимался и мы намѣрены впоследствии говорить объ этомъ специально.

уже говорятъ (с. 213), что Погод. сп. 1443 ведетъ разсказъ далѣе до смерти Шемяки (1462 г.), а поэтому и въ Изборникѣ онъ забылъ помѣстить описанныя въ этомъ хронографѣ событія 6962—6994 гт., расположенныя почти въ 40 статьяхъ.

На этомъ мы пока и закончимъ свои замѣтки. Намъ кажется, что все это достаточно показывать необходимость новаго спеціального пересмотра вопроса о русскихъ хронографахъ, въ результатѣ котораго должна появиться полная переработка труда Попова. Въ своемъ знакомствѣ съ хронографами мы шли исключительно по слѣдамъ Попова, свои наблюденія дѣлали только надъ тѣми рукописями, какія были и въ его рукахъ, между тѣмъ хронографическій матеріалъ нашихъ книгохранилищъ далеко еще не исчерпанъ, даже мало этого, послѣ Попова его и не трогали, а слѣдовательно можно ожидать, что новые поиски дадутъ и нѣчто новое или во всякомъ случаѣ выяснятъ многіе вопросы, для рѣшенія которыхъ теперь недостаетъ данныхъ.

Такимъ образомъ, первый и необходимый шагъ на пути дальнѣйшей разработки вопроса о русскихъ хронографахъ—приведеніе въ наличность всего хронографическаго матеріала нашихъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ.

С. Розановъ.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

XXIV.

Если вѣрно, что русь, нападавшая лѣтомъ 860 г. на Константинополь, была не какая-то Черноморская или Тмутараканская, а русь Кіевская, Аскольдова, то слѣдуетъ, что она и получила себѣ, по словамъ Фотія, епископа и вступила де охотно (любовно—ἀγαπητῶς) въ ряды нашихъ подданныхъ и союзниковъ (ἐν ὑπηκόων ἐαυτοῦς καὶ προξένων τάξει, ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ μεγάλου τολμήματος, ἀγαπητῶς ἐκχатаστήσαντες), вмѣсто недавняго грабительства и великой противъ насъ наглости.

Но если Аскольдова, Кіевская русь съ своими полями или полянами получила крещеніе въ 861 г., то отчего же, спрашивается и спрашивали, нашъ первоначальный лѣтописецъ (конца XI начала XII вѣка), сохранившій не мало историческихъ данныхъ объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ, ничего не говоритъ о христіанствѣ въ Кіевѣ при Аскольдѣ? Вѣдь „водвореніе епископа и слѣдовательно учрежденіе настоящей частной церкви, какъ всякій понимаетъ, есть такое событіе, которому весьма трудно было бы совершенно безслѣднымъ образомъ исчезнуть изъ памяти народной. А между тѣмъ мы видимъ, что такогого преданія въ Кіевѣ вовсе не было. Лѣтописецъ знаетъ

¹⁾ См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1903 годъ.

объ Аскольдѣ и Дирѣ изъ мѣстныхъ преданій только то, что они пришли въ Кіевъ изъ Повгорода и болѣе ничего“ ¹⁾).

На это нельзя не замѣтить, что нашъ первоначальный лѣтописецъ (XI—XII вѣковъ) имѣлъ передъ собою не одни устные сказанія, а и письменные памятники-договоры съ греками и довольно древнія лѣтописныя записи. Въ Гардарики или въ наши восточно-славянскія земли въ IX вѣкѣ являлись норманскіе конунги съ шайками головорѣзовъ за тѣмъ и съ тѣмъ же, что и въ западныя страны въ Саксонію, Фризію Австразію и Нейстрію, наконецъ, въ Британію или Англію. Съ конца VIII до конца IX в. всѣ эти страны, особенно же нѣнѣшнія Франція и Англія, подвергались непрерывнымъ нападѣніямъ этихъ отчаянныхъ пиратовъ и мародеровъ, особенно жестоко расправлявшихся съ духовенствомъ, такъ какъ въ монастыряхъ и церквахъ они наиболѣе находили серебра, золота, драгоценныхъ вещей и парчей. Со второй половины VIII в. въ Скандинавскихъ земляхъ—Швеція, Норвегія и Данія, вслѣдствіе недостатка земли и сравнительно густаго населенія, при жалкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, укрѣпляется обычай выселенія:—старшіе сыновья конунговъ (ихъ было много) и ярловъ (и того болѣе) получаютъ отъ отцовъ землю, а младшимъ предлагается море-океанъ для добыванія себѣ славы, богатства, женъ и геройской смерти; падшихъ въ бою витязей ожидаетъ вѣчная радость и веселье въ Валгаллѣ въ пріятномъ общеніи съ Однимъ и другими богами, за щельемъ съ ними пива изъ широкихъ череповъ. Въ

¹⁾ Голубинскій, Ист. Р. ц., I, 1, 37—38. Прибавимъ, что и Карамзинъ уже останавливался на подобной же мысли: „Татищевъ думалъ, что кіевляне построили въ новѣйшія времена церковь надъ могилою Аскольда въ знакъ его христіанскаго благочестія: *догадка сомнительная. Если бы въ древнемъ Кіевѣ было преданіе о христіанской вѣрѣ сего князя, то Несторъ сохранилъ бы оное въ своей лѣтописи*“ (Кар. Н. г. Р. I, прим. 295). Но тотъ же Карамзинъ (въ I т. гл. IV) замѣтилъ,—что приноситъ честь его даровитости.—„Вѣроятно, что проповѣдники для лучшаго успѣха въ дѣлахъ (о первомъ крещеніи руси), тогда же ввели въ употребленіе между кіевскими христіанами и новыя письмена славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ съ Моравіи (sic!)“—(Карамзинъ относилъ нападеніе руси на Царьградъ къ 866 г.). Крещенію Руси онъ готовъ былъ отнести къ патриаршеству Игнатія. Карамзинъ же рѣшительно не соглашался съ мнѣніемъ Шлецера, недавно у насъ возобновленнымъ, о томъ, что нападала на Царьградъ русь Тмутараканская. Шлецера, какъ извѣстно, смущала хронологія—основаніе русскаго государства въ 862 г.,—въ 864 г. Аскольдъ и Диръ уходятъ въ Кіевъ и въ 866 г. нападаютъ съ большими силами на Константинополь. Карамзинъ и на это замѣтилъ основательно: „древняя хронологія нашего лѣтописца подвержена сомнѣнію“.

пѣтущую эпоху викинговъ (съ конца VIII по конецъ IX в.) норманны заставили говорить о себѣ всю Европу, сѣверъ и югъ, западъ и востокъ. За это время они успѣли обзавестись болѣе или менѣе прочными владѣніями во Франціи и въ Англии, гдѣ послѣ пораженія (871—878 гг.) великимъ Алфредомъ они, казалось должны были исчезнуть, но съ конца X вѣка норманскій элементъ въ лицѣ тѣхъ же датчанъ снова сталъ утверждаться въ Англии, пока наконецъ не смѣнился, съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, норманнами Галліи, уже въ то время христіанами и офранцуженными.

Въ восточныхъ славянскихъ земляхъ, будущей Россіи, завоеваніи норманновъ имѣли тотъ же характеръ, что и на западѣ Европы, въ странахъ германскихъ и романскихъ. Но первый же походъ варяговъ-руси изъ средняго. Подиѣпровья на Константинополь положилъ начало новымъ вліяніямъ, сначала только нѣскольکو стѣснявшимъ завоевателей, а потомъ быстро и рѣшительно помогшимъ завоеванному славянскому населенію сократить, смягчить силу и наглость завоевателей, а затѣмъ и растопить ихъ шайки въ морѣ славянскомъ.

Крещеніе руси при Аскольдѣ повело къ появленію въ Кіевской области епископа и къ образованію маленькой общины христіанской. Убѣдившись въ никогда еще ими невиданномъ могуществѣ и богатствѣ Византійской имперіи, признавая свою слабость передъ нею, варяги-русы, по обычаю норманскому, просятъ о крещеніи и заявляютъ о желаніи своемъ служить въ арміи и во флотѣ византійскомъ, рассчитавъ, что при хорошемъ жалованьи они могли бы еще добыть себѣ много добра въ походахъ на богатыхъ сарацннъ и даже, не состоя на службѣ, а проживая въ Византіи, въ качествѣ купцовъ, могли бы нажиться торговлей мѣхами, кожей, рыбою и другими товарами изъ новозавоеванныхъ земель славянскихъ.

Отправляясь въ болѣе или менѣе продолжительное плаваніе для добычи себѣ славы и богатства, викинги обыкновенно брали съ собою скальдовъ для воспѣванія подвиговъ минувшихъ и предстоящихъ.

Прошло лѣтъ двадцать послѣ крещенія руси при Аскольдѣ и Дирѣ; является передъ Кіевомъ Олегъ съ Игоремъ и съ большою ратью изъ варяговъ, словѣнъ новгородскихъ, кривичей, веси, чуди, мери, забравшею передъ тѣмъ Смоленскъ, городъ кривичей, и Любечъ, городъ сѣверянъ.

Внесенный въ первоначальную лѣтопись, весь рассказъ объ Олегѣ записанъ несомнѣнно не въ концѣ XI и не въ началѣ XII вв., а гораздо раньше. Онъ, можно сказать, раснадается на двѣ и даже на

три части. Первая двѣ части состоятъ: 1) изъ свѣдѣній, часто погодныхъ, объ убійствѣ Аскольда и Дира и занятіи Кіева, о завоеваніи Олегомъ древлянъ, сѣверянъ и радимичей, объ его войнѣ съ угличами и тиверцами, о проходѣ угровъ мимо Кіева (сказаніе о Константинѣ Философѣ и Меодин—поздѣйшая вставка не раньше XI—XII вѣковъ), 2) извѣстій о походѣ Олега на грековъ и объ его смерти, 3) изъ краткаго пересказа перваго договора Олега съ греками и цѣлаго почти списка втораго его договора съ греками. Частный пересказъ перваго и списокъ втораго договора могли быть внесены и впоследствии, хотя возможно, что Олегъ самъ приказалъ внести ихъ въ начавшуюся при немъ лѣтопись.

Если вторая часть носитъ характеръ чисто норманскій, сильно отзывалась хвастливыми преувеличеніями скандинавскихъ сагъ, то рассказъ о смерти Олега основанъ на чисто сказочномъ мотивѣ, встрѣчаемомъ въ сагахъ. Первая же часть этихъ сказаній написана почти современникомъ Олега и несомнѣнно славяниномъ, а слѣдовательно и христианиномъ, такъ какъ язычникъ славянинъ, писавшій въ Кіевѣ въ исходѣ IX вѣка и не позже первой четверти X вѣка, не могъ знать грамоты и не сталъ бы ничего записывать. Вторая же часть (собственно рассказъ о походѣ на Константинополь) характера норманскаго писана тоже славяниномъ, быть можетъ по рассказамъ или рассказу варяжскому, хотя между участниками и очевидцами этого похода были и славяне.

Вообще наша первоначальная лѣтопись, особенно за періодъ норманскій, носитъ строго-офіціальнѣйшій характеръ. Норманны любили славу и желали оставить по себѣ память.

Славянамъ-христианамъ въ Кіевѣ, съ приходомъ и воцареніемъ въ немъ Олега и съ убійствомъ Аскольда и Дира, было на первыхъ порахъ безъ сомнѣнія очень жутко. Какіе бы ни были счеты и несогласія у полянъ съ древлянами, сѣверянами и пр., но все же эти славянскія племена были гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ къ находившимся и насильникамъ-варягамъ. Каковы бы ни были варяги Аскольдъ и Диръ, но къ нимъ поляне уже успѣли попривыкнуть. Внезапно же нагрянувшій на Кіевъ Олегъ открываетъ свою завоевательную дѣятельность коварнымъ убійствомъ Аскольда и Дира. Можно быть увѣрену, что у побѣжденныхъ кіевскихъ славянъ и особенно у ставшихъ, за двадцать лѣтъ до появленія Олега, христианами приходъ и воцареніе Олега съ новыми шайками варяговъ должны были считаться великимъ бѣдствіемъ, такъ какъ вели за собой цѣлый рядъ обидъ и

насилій, какими обыкновенно сопровождалось появленіе современныхъ норманскихъ викинговъ въ другихъ частяхъ Европы. Нигдѣ они не чинились съ мирнымъ населеніемъ странъ, куда бы они ни вторгались. Въ домахъ туземцевъ, гдѣ они заказывали себѣ наилучшее угощеніе, они располагались какъ у себя дома, заставляя хозяевъ стоять передъ ними и служить имъ, молча и терпѣливо выносить ихъ наглое поведеніе съ женами и дочерьми хозяевъ. Ни за что не платя, они забирали изъ домовъ все, что имъ нравилось. За всякій отказъ или малѣйшее сопротивление туземцевъ они жестоко мстили, расправлялись безпощадно. Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашей лѣтописи, и не потому, что, при завоеваніяхъ Олега, все совершалось тихо и гладко, мирно и любовно, а потому, что лѣтопись наша, особенно норманскаго періода, была официальная. Люди писали подѣ страхомъ, оглядываясь по сторонамъ и опасаясь, какъ бы не раздражить насильниковъ. Сказавъ о томъ, какъ, подплывая къ Кіеву и остановясь подѣ Угорскимъ, спрятавъ своихъ воевъ въ ладѣ, онъ послалъ сказать Аскольду и Дирю, прибыли де гости (торговцы), идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря княжича. Когда же Аскольдъ и Диръ пришли, они всѣ повыскакали изъ ладей, и Олегъ имъ сказалъ: „вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго“, потомъ вынесли Игоря, и Олегъ сказалъ: „а онъ сынъ Рюрика“. И убили Аскольда и Дира и понесли ихъ тѣла на такъ называемое Угорское, гдѣ (нынѣ) Олмниъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олма церковь св. Николы; а Дирова могила за святою Орипою. И сѣлъ Олегъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: „се буди мати городомъ рускимъ“.

Такъ опасно, осторожно, боясь, какъ бы не проговориться и не сказать чего отъ себя, говоритъ лѣтописецъ-христіанинъ и славянинъ о великомъ переворотѣ Олега, заявившаго при этомъ о неизвѣстныхъ Кіеву правахъ на него столь же неизвѣстнаго ему Рюрика. Не редактору свода, а первому же официальному лѣтописателю Олегову принадлежитъ конечно и разсказъ о вторичномъ призваніи варяговъ-руси съ знаменитыми словами: „земля наша велика и обильна, но нѣтъ наряду, придите володѣть нами“. Олегъ старался вбѣдрить въ умы покоренныхъ славянъ о занятомъ варягами положеніи среди нихъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Еще въ XIX вѣкѣ наши историки строго держались этого *призванія*. Какъ бы въ утѣшеніе своимъ, первый лѣтописатель влагаетъ въ уста Олега про Кіевъ: „се буди мати городомъ рускимъ“. *Мать городовъ*—этотъ буквальный переводъ греческаго *μητρόπολις* встрѣчается въ древнемъ славян-

скомъ переводѣ наремеиника, и конечно это выраженіе взято отсюда, дабы скрыть затаенную, но утѣшительную мысль, что Кіевъ съ областью станетъ со временемъ вполне христіанскимъ и его епископъ (автокефальный епископъ) или митрополитъ будетъ со временемъ митрополитомъ всѣхъ русско-славянскихъ племенъ. Только въ одномъ мѣстѣ позволилъ себѣ лѣтописецъ намекнуть на варяжскія нашествія: „поча Олегъ воевати на древлѣны, и *примучитъ* я, поча на нихъ дань имать по черлѣ кунѣ“. Замѣтка о проходѣ угровъ мимо Кіева должна была быть записана не лѣтописцемъ конца XI и начала XII вѣка, а гораздо раньше. Что же касается второй части, т. е. сказаній о походѣ Олега на грековъ и объ его смерти, то первое сказаніе записано конечно не очевидцемъ. Записавшій его могъ развѣ видѣть отъѣздъ Олега и его рати къ Константинополю. Впрочемъ весь этотъ рассказъ о дѣйствіяхъ флотиліи Олега подъ Цареградомъ и о *множествѣ* взятыхъ имъ съ собою „варягъ, словѣнъ и чуди и кривичей и мери и полянъ и сѣверы и деревлянъ и радимичей и хорватовъ и дульбовъ и тиверцевъ, и что „съ сѣми всѣми понде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ“, числомъ послѣднихъ было де 2.000, весь этотъ рассказъ внушаетъ очень мало довѣрія, такъ какъ византійскіе историческіе источники совершенно умалчиваютъ о побѣдахъ Олега и слѣдовательно о вновь постигшихъ Византію отъ *безбожной руси* бѣдствіяхъ. Въ нашемъ же рассказѣ говорится, что Олегъ вышелъ на берегъ и, повелѣвъ воиамъ стащить ладьи на берегъ, сталъ воевать около города, при чемъ „мною убиство створи грекомъ и полаты многы разбиша, а цркъвы пожгоша“, а захваченныхъ жителей въ плѣнъ однихъ порубили, другихъ мучили, иныхъ разстрѣляли, а другихъ въ море побросали: „и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять“. Но Олегъ этимъ не удовольствовался, а приказалъ воиамъ изготовить колеса и поставить ладьи (въ лѣтописи корабли) на колеса и, благодаря попутному, дувшему въ паруса вѣтру, онъ быстро двинулся къ городу. Увидавъ это, греки испугались и просили Олега не губить города, обѣщая уплатить дань, какую захочетъ. Олегъ оставилъ своихъ воевъ (и свои парусные корабли на колесахъ), а греки вынесли брашно и вино, но Олегъ этого не принялъ: „бѣ бо устроено съ отравою“. Убоялись греки и сказали: „это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный на насъ Богомъ“. И приказалъ Олегъ выдать ему окупъ — на 100 или 200 кораблей ¹⁾, по

¹⁾ Въ сп. Арх. Ком. на 100, 200 кор., въ Тохст. на 100.

12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ, и того 8 или 16 тысячъ человѣкъ (по 12 гривенъ на каждаго). Греки обязались де уплатить и начали просить мира, только бы Олегъ не воевалъ греческой земли.

Молчаніе греческихъ источниковъ объ этомъ позорномъ для императора Льва VI происшествіи тѣмъ удивительнѣе, что главный византійскій историкъ его царствованія (продолжатель Теофана) относится къ нему крайне враждебно, называя его правленіе дурнымъ и несчастнымъ. Относительно вѣдшихъ дѣлъ его царствованія онъ говоритъ иногда подробно, отмѣчая почти исключительно неудачныя для грековъ, за исключеніемъ впрочемъ морской побѣды Имерія надъ арабами, и умалчивая объ успѣшныхъ дѣлахъ, о конхъ говорятъ сами арабскіе источники. Гиршъ указалъ ¹⁾ при этомъ на четыре удачныя экспедиціи грековъ противъ арабовъ, извѣстныя намъ лишь изъ арабскихъ источниковъ. Продолжатель Теофана очень хорошо знакомъ со всѣми придворными происшествіями въ царствованіе Льва VI, слѣдовательно долженъ былъ близко знать, что происходило въ Константинополѣ, и конечно не преминулъ бы рассказать о блестящемъ походѣ Олега и полномъ униженіи Льва VI.

Эти подробности и данныя нашего лѣтописнаго разсказа отличаются чисто сказочными чертами и хвастливыми преувеличеніями скандинавскихъ сагъ. Во Франціи и у насъ конечно викинги нерѣдко перетаскивали или перекатывали свои ладьи по суху отъ рѣки до рѣки, но конечно варяги Олеговы не ставили на колеса свои корабли да еще съ парусами, и корабли ихъ на парусахъ конечно не подкатились къ городу. Одна подробность нашего лѣтописнаго сказанія очень любопытна, а именно, что испуганныя греки будто говорили: „это не Олегъ, а св. Димитрій Солунскій, посланный на насъ отъ Бога“. Эта подробность позволяетъ думать, что часть Олеговыхъ варяговъ уже была на службѣ у грековъ въ Солуни, быть можетъ еще въ 904 г., во время осады и взятія ея арабами. Если цареградскіе греки (напримѣръ, патриархъ Николай Мистикъ въ своей проповѣди по поводу этого взятія Солуни) говорили: „Гдѣ св. Димитрій, непобѣдимый союзникъ! Какъ предашь ты на разрушеніе свой городъ?“, то жители солунскіе въ негодованіи на слабую помощь отъ Византіи вѣроятно грозили Византіи, что ее накажетъ св. Димитрій. Такъ бывало миланцы передъ разрывомъ съ Венеціею тайно наклеивали на стѣнахъ ея дворцовъ и

¹⁾ Hirsch, *Frd. Byzant. Stud.* I. рзг. 1870. Se. 68—69.

храмовъ записочки: „Берегись св. Марко, тебя прогонитъ св. Амвросій“. Если вѣроятно, что русы побывали въ Солуни въ 904 г., то нѣтъ никакой надобности утверждать, что русы стали приниматься на службу византіицамъ, какъ полагаетъ Васильевъ ¹⁾, лишь съ 907 г., съ похода Олега и *подготовительнаго* съ нимъ договора 907 г. Русы несомнѣнно стали служить Византіи еще съ 866—867 г., когда Фотій писалъ, что они обѣщали вступить въ ряды подданныхъ и союзниковъ (τῶν ὑπηκόων καὶ προτέρον) имперіи. Вообще въ нашемъ лѣтописномъ сказаніи объ олеговомъ походѣ смѣшаны происшествія разпорядныя и разновременныя. Такъ упоминаніе о взятіи Олегомъ съ собою конницы относится несомнѣнно къ другому году и къ другому времени. Можетъ Симеонъ Болгарскій напималъ русовъ, когда задумывалъ идти на Солунь, или подкупалъ ихъ Левъ VI, чтобъ они угрожали Симеону и тѣмъ удержали его отъ этого предпріятія, или тутъ разумѣется то время, когда Николай Мистикъ писалъ Симеону ²⁾, что Византія будетъ принуждена обратитъ противъ него русовъ, печенѣговъ и аланъ съ сѣвера и мадьяръ съ запада, но это уже было при Игорѣ.

Всячески вѣрній Олегъ не былъ легкомысленъ и безразсуденъ, какъ его предшественникъ Аскольдъ или преемникъ Игорь, такъ неудачно покончившіе свои походы на Царьградъ. Отрицать безусловно его плаваніе подъ Константинополь нельзя, но нельзя и принимать его въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ онъ представленъ въ лѣтописномъ сказаніи. Конунгъ Олегъ былъ вполнѣ самовластенъ надъ подавленнымъ ему славянскимъ населеніемъ, но подъ его рукою были тоже конунги, сидѣвшіе въ городахъ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и Любечѣ, и многочисленныя ярлы, жившіе въ Кіевѣ и во всѣхъ этихъ городахъ. Тѣ и другіе далеко не считали себя настолько же подвластными Олегу, насколько были подвластны ему имъ покоренные и покорившіеся славяне. Мы знаемъ изъ сагъ, какъ малые конунги и ярлы относились къ великому конунгу и какого вниманія они отъ него къ себѣ требовали ³⁾. Получивъ себѣ города (Черниговъ, Пере-

¹⁾ *Васильевъ*, Византія и арабы (867 — 959 гг.). Спб. 1902 г., стр. 166 и слѣд. Нельзя согласиться, что подготовительный договоръ русовъ съ греками 907 г. былъ подтвержденъ письменно въ 911 г. И договоръ 907 г. былъ конечно письменный, только цѣликомъ не сохранился.

²⁾ Migne P. gr. Ep. XXIII.

³⁾ Въ сагѣ Heimskingla (Snorri Sturlason'a) Торпнїй говоритъ Олафу конунгу шведскому въ присутствіи младшихъ конунговъ и ярловъ: „Всѣ сидѣвшіе встали съ своихъ мѣстъ и стояли, чтобы слушать его: tunc primum exstitit strepitus et

иславль и пр.) въ кормленіе подручные князья и менѣе надѣленные ярлы, проводя жизнь въ извѣстномъ довольствѣ и праздности, забавляясь охотою и пирами, разъѣзжали по селеніямъ, гдѣ забирали все и вся, чтѣ и ктѣ (изъ дѣвушекъ и женщинъ) имъ нравился, все-жъ таки скучали и, какъ герои-романтики, буржуазнымъ счастьемъ не довольствовались. Мечталъ о славѣ и богатствѣ (серебрѣ, золотѣ, нарцахъ), они съ жадностью и завистью слушали рассказы о богатствахъ сарацинскаго и греческаго юга отъ наѣзжавшихъ купцовъ мусульманъ и своихъ, торговавшихъ въ Греціи, варяговъ. Они слыхали, что въ Греціи ихъ мало уважаютъ и притѣсняютъ, что, при иныхъ условіяхъ, и торговлею и службою въ войскѣ и во флотѣ императорскомъ они бы могли гораздо больше нынѣшняго заработать себѣ и серебра и золота. Сознавая опасность скуки и праздности своихъ варяговъ, вѣщій Олегъ не могъ не внять созрѣвавшей въ нихъ мысли о необходимости набѣга на Грецію. Походъ Олеговъ дѣйствительно былъ, по неперемѣнно въ 907-мъ году или нѣсколько раньше или нѣсколько позже, конечно нельзя сказать съ увѣренностью, но всячески онъ

fremitus armorum. Наконецъ воцарилось молчаніе“. Торгній заговорилъ: про своего дѣда, служившаго у Ойрика, сына Аймундова, конунга Унсальскаго: „будучи еще въ цвѣтущемъ возрастѣ этотъ конунгъ (приводимъ латинскій переводъ Рафна) evocatis quavis aetate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finuiam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partes Orientis subegisse et etiamnum cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta quae facienda curavit; neque tamen adeo erat fastu inflatus, ut aures non praeberet hominibus, si de rebus necessariis cum eo colloqui vellent“. Далѣе Торгній вспоминалъ своего отца, долгое время сообщавшагося съ сильнымъ же конунгомъ Ијорне, который де тоже erga amicos facilem se praebebat. Самъ, наконецъ, Торгній припоминалъ лично ему знакомаго „Giricum victoriosum“, сопровождалъ де его во многихъ походахъ—и *hic imperium Scionum amplificavit fortiterque defendit; at ille consiliis nostris faciles aures praebeuit; qui vero nunc est rex, nemini libertatem permittit secum colloquendi, nisi solummodo de his, quae ipsi placeant, atque hoc summa contentione urget; provinciis vero tributariis se spoliari potitur propter inertiam et ignaviam; Norvegiae regnum sub sua potestate tenere cupit, quod nemo ex regibus Suionum ante eum appetivit; quae res multis hominibus molestiam facessit; jam nostra colonorum voluntas est, ut pacem cum Olavo crasso, rege Norvegiae, facias, et Ingigerdam filiam tuam in nuptam des; quod si provincias Orientis, quas cognati majoresque tui ibi possederunt, recuperare cupis, te omnes ad hanc rem sequi volumus; sin vero dictis nostris aures praeberere nolueris, impetum in te faciemus atque te interficiemus, neque turbari a te pacem legesque violari patiemur, sic praesci majores nostri fecerunt, qui quinque reges, eodem, quo tu in nos, fastu antea inflatos, comitiis Mulensibus in unam paludem praecipitarunt.* (Raffn. Antiquités russes I. 316—317).

былъ не таковъ, каковымъ его представлялъ варяжскій скальдъ или славянскій лярникъ, передававшій или почти что продиктовавшій свой рассказъ о немъ записавшему его въ Кіевѣ неизвѣстному писателю, грамотному славянину христіанину. Очень вѣроятно, что этотъ рассказъ сообщенъ очевидцемъ же. Не надо забывать, что умѣнье точно и достоверно передать извѣстное событіе является у народовъ не сразу. Оно развивается медленно. И теперь о какомъ-нибудь чрезвычайномъ или даже простомъ фактѣ, но происшедшемъ въ совершенно новой и поразительной для рассказчика обстановкѣ, простой человѣкъ съ поэтической способностью, съ развитымъ на сказкахъ, былинахъ и думахъ воображеніемъ, передать этотъ простой фактъ такъ, что тутъ же съ нимъ бывшіе и все видѣвшіе и слышавшіе, люди развитые и къ анализу привыкшіе бываютъ перѣдко готовы обвинить этого простого человѣка въ преднамѣренной хитрости и въ сознательномъ лукавствѣ. Правда, тутъ есть ложь и обманъ, но совершенно искренній, исходятъ не изъ испорченнаго сердца и не изъ хитраго ума; это ложь присущая всякому поэтическому представленію, это „насъ возвышающій обманъ“ художника. Рассказчикъ передавалъ добросовѣстно то, что ему представлялось и что въ немъ одновременно объяснялось и обдумывалось, что въ немъ запечатлѣвалось и наконецъ, по прошествіи извѣстнаго времени, окончательно запечатлѣлось и сложилось. Такимъ образомъ и самое сказаніе объ Олеговомъ походѣ могло быть записано еще при жизни Олега и всячески не позже первой четверти X вѣка. То же самое надо сказать и о вошедшемъ въ нашу лѣтопись, поэтическомъ преданіи о смерти Олега. И въ памяти варяговъ, и въ памяти славянъ, и въ памяти огромнаго большинства язычниковъ, и въ памяти небольшой кучки тогдашнихъ христіанъ лицо Олега было окружено почетомъ и уваженіемъ. Язычникъ, онъ не преслѣдовалъ христіанъ и даже оцѣнилъ великую пользу книжнаго и письменнаго ихъ знанія; понимая, что они лучше неграмотныхъ его скальдовъ передадутъ потомству объ его подвигахъ, онъ привлекалъ грамотныхъ славянъ христіанъ и къ участию въ заключеніи имъ письменныхъ договоровъ съ греками. Благодаря Олегу, мы имѣемъ на русскомъ языкѣ и позднѣйшіе съ ними договоры Игоря и Святослава, руководившихся въ этомъ случаѣ уже примѣромъ Олега. Благодаря Олегу, такъ какъ не безъ его участія христіане изъ славянъ стали въ его правленіе вести лѣтописныя замѣтки,—мы русскіе получили въ концѣ XI и въ началѣ XII в. лѣтописца Нестора или Сильвестра, справедливо называемаго—редакторомъ лѣтописнаго свода, первая за-

писи коего восходятъ къ исходу IX вѣка. При преемникахъ Олега: Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ, записи увеличиваются количествомъ и объемомъ.

Эти мелочныя подробности приведены нами для возможно-лучшаго отвѣта на поставленный въ началѣ предыдущей главы вопросъ: „отчего въ начальной нашей лѣтописи ничего не говорится о такъ называемомъ первомъ крещеніи Руси?“ (6369—6370 г. или 861—862 г.).

XXV.

Начатки нашей лѣтописи, какъ и значительной части лѣтописей западно-европейскихъ, совпадаютъ съ начатками христіанства и государственности. Первые наши лѣтописныя записи были официальнаго характера. Онѣ были начаты въ исходѣ IX вѣка, лѣтъ черезъ двадцать послѣ перваго крещенія Руси славянскими первоучителями, Солунскими братьями Константиномъ Философомъ и Меодіемъ, въ 855 г. составившими славянскія письма и переложившими на славянской языкъ рядъ молитвъ и нужныя для богослуженія Евангельскія и апостольскія чтенія. Крещено ими было въ такъ называемой хозарской (русской) миссіи двѣсти человѣкъ простой чади съ женами и дѣтьми. Съ тѣмъ вмѣстѣ было основано патріархомъ Фотіемъ епископство для крещеной Руси. При выраженной тогдашними правителями Аскольдомъ и Диромъ терпимости и даже доброжелательности къ христіанамъ, эта маленькая христіанская община, съ появленія на Руси епископа, за двадцать лѣтъ своего существованія успѣла нѣсколько устроиться, при церкви обзавелась и школою, гдѣ сверхъ чтенія и письма славянскаго, способнѣйшіе ученики пріѣзжими, съ епископомъ, греками или южными славянами греческаго образованія, обучались и греческому языку. Для Царьградскаго патріархата и имперскаго правительства этотъ постъ въ обширной завоеванной русыми славянскою землѣ, незадолго передъ тѣмъ давними себя знать Византіи, имѣлъ очень важное значеніе. Дорожили имперія и патріархатъ какъ успѣхами христіанства въ этой новооткрытой для нихъ странѣ, такъ и всѣми мирными отношеніями ея населенія къ Византіи и успѣхами какъ въ развитіи торговыхъ сношеній русовъ съ Византією, такъ и въ поступленіи ихъ на службу въ ея флотъ и въ армію. Можно думать, что Царьградъ выбиралъ людей особенно годныхъ и способныхъ для охраненія и развитія недавно основанной на далекомъ отъ него сѣверѣ общины христіанской.

Эта внимательность къ ней особенно должна была усилиться съ совершеннаго Олегомъ переворота въ Кіевѣ и убійствомъ первыхъ привителѣй русскихъ, нападавшихъ на Константинополь и потомъ искавшихъ его покровительства. Карамзинъ совершенно вѣрно замѣчалъ, говоря: „Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со времени Аскольда и Дира; вѣроятно, что цари и патріархи греческіе старались умножить число христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ принималъ можетъ быть священниковъ отъ патріарха и дары отъ императора, вѣрилъ болѣе всего мечу свосему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ греками и терпимостью христіанства. Мы знаемъ, по византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась 60 архіепископіею ¹⁾ въ спискѣ епархій, зависѣвшихъ отъ главы константинопольскаго духовенства; далѣе Карамзинъ привелъ не относящіяся къ дѣлу данныя въ пользу совершенно впрочемъ вѣрнаго положенія, что русы находились на службѣ Византіи въ первыхъ годахъ X вѣка ²⁾).

¹⁾ Объ этомъ у насъ рѣчи будетъ ниже,—оно не совсѣмъ такъ.

²⁾ Карамзинъ ЭЯн. с. 78. Васильевъ, Византія и арабы. II. С.-Пб. 1902, стр. 165 и сл., указалъ, что прежде морскую экспедицію Имерія невѣрно относили къ 902 г., затѣмъ къ 903, даже къ 906, 907, 908 годамъ. тогда какъ она произошла въ 910 году. Константинъ Порфирородный, не обозначая времени этой экспедиціи, говоритъ, что въ ней участвовало 700 человекъ русовъ. Но эта экспедиція Имерія относится несомнѣнно къ концу 909 или къ началу 910 года. Изъ этого впрочемъ еще не слѣдуетъ, что до этого года русы не вступали на службу Византіи. Изъ словъ патріарха Фотія (объ изъясленномъ русами желаніи креститься и встать въ ряды ея τῶν ὑπηκόων καὶ προέχων) можно заключать, что еще до Олега русы искали и просились на службу Византіи. Постоянно нуждаясь въ пушечномъ мясѣ, она охотно принимала къ себѣ разныхъ варваровъ, достигая этимъ, между прочимъ, повода и права вѣшиться при случаѣ въ дѣла ихъ странъ и возвышать въ нихъ свой авторитетъ. Нельзя согласиться съ соображеніями Васильева о походѣ Олега на Константинополь, какъ будто вывращаемаго удачному минутой для нападенія. Но Олегъ гѣтомъ 907 года не могъ знать объ измѣнѣ Андроника (весною 907 г.) и могъ лишь въ концѣ 907 или въ началѣ 908 года услышать о блестящей побѣдѣ Имерія (6 октября 907 г.). Гѣтомъ же Византія 907 года вовсе не находилась въ такомъ критическомъ положеніи, какъ, напримеръ, гѣтомъ 860 года. Что русы ходили въ Византію и до 907 года, видно изъ условій этого же года, гдѣ между прочимъ читаемъ: „аще приидуть Русь бес купивъ, да не взимають мѣсячины; да запрятитъ князь людемъ своимъ, приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селехъ и въ странѣ нашей“. А въ договорѣ 911 года: „на удѣржаніи и на извѣщеніи отъ многихъ лѣтъ межю Христіяныи и Русью бывшую любовь“ (внимательный падежъ вмѣсто роди-

Нельзя не считать совершенно вѣрнымъ соображеніе Карамзина, что Византія сносилась съ Олегомъ и, благодаря особенно посажденнымъ уже начаткамъ христіанства, желала ладить съ нимъ. Судя по заключеннымъ имъ договорамъ съ греками (907 и 911 г.), Олегъ въ своемъ походѣ преслѣдовалъ уже другія цѣли, чѣмъ Аскольдъ и Диръ, хотѣвшіе только поворовать и пограбить. Онъ снарядилъ свою флотилію и поплылъ къ Константинополю, дабы занять и развлечь своихъ подручныхъ конунговъ, свою и ихнюю дружину, быть можетъ даже спустить и устроить часть варяговъ въ Греціи, взять съ Византіи побольше поминковъ за будущую дружбу къ ней, за обѣщаніе впредь не позволять своимъ русамъ грабить царскія земли, хотѣлъ наконецъ добиться увеличенія платы за наемную службу русовъ у грековъ, улучшенія положенія русскихъ торговцевъ въ Греціи и расширенія торговыхъ съ нею сношеній. Наконецъ умный Олегъ хотѣлъ самъ посмотреть Византію и ея порядки. Очень вѣроятно, что его конунги и яры не упускали случаевъ, гдѣ можно было, поворовать и пограбить. По свидѣтельство договоровъ и совершенно иное положеніе Византіи въ 907—911 гг., чѣмъ въ 860 г., наконецъ самый умъ Олеговъ, не позволяютъ придавать его походу хищническаго, пиратскаго значенія походовъ Аскольда и Игоря. Неупоминаніе въ Олеговыхъ договорахъ о русахъ-христіанахъ и упоминаніе о нихъ въ договорѣ Игоря, кажется, показываетъ, что христіанская община въ Кіевѣ состояла преимущественно изъ славянъ или по крайности русы-христіане при Олегѣ, не такъ, какъ при Игорѣ, въ Константинополѣ не хаживали ¹⁾. При заключеніи договора Олега съ греками присягаютъ русы только по язычески, тогда какъ договоръ Игоря обязательно скрѣпляется христіанскою присягою русовъ-христіанъ и языческою русовъ язычниковъ. Въ лѣтописи читаемъ, что, по заключеніи этого договора, пришли въ Кіевъ съ послами Игоревыми и послы греческіе, объявившіе Игорю, что его послы присутствовали при присягѣ цари нашего, мы же посланы царемъ привести тебя къ присягѣ (ротѣ). И на другой день послалъ Игорь за послами и пошелъ на холмы, гдѣ

толького). Да и разныя условія 907 года указываютъ уже на сложившіяся, а не на только что возникшія, отношенія и связи русъ и грековъ.

²⁾ И еще ускользнуть челядинъ отъ Руси, понеже приидуть въ страну царства нашего, я отъ святаго Мамы, я еще будетъ и обратиться, да поимуть и; аще ли не обратиться,—да на роту идуть наши крестыанъ Русь, а не хрестыанъ и по закону своему: ти тогда взймають отъ насъ иѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 наволоцѣ за челядинъ. (Дог. Нг.).

стоялъ *Перунъ*, и положили они оружья свои и щиты и золото, и ходилъ Игорь къ ротѣ (присягѣ) и мужи его и *елико поганые русы; а хрестьянню Русь водили въ церковь св. Ильи...* При этомъ въ лѣтописи прибавлено, очевидно, позднѣйшею рукою: „се бо бѣ съборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни“.

Передъ *Перуномъ* ли или *Одиномъ* присягалъ Игорь съ своими единовѣрцами? Кто могъ помѣщать тогдашнимъ варягамъ поставить на тѣхъ же холмахъ и *Одина* и *Тора*? Поклонялись ли они уже въ это время богамъ завоеванныхъ? Или авторъ записи (сохраненной въ первоначальной лѣтописи) называлъ истукана скандинавскаго *Перуномъ*? Последнее вѣроятнѣе и можетъ представить лишь новое доказательство, что авторъ лѣтописныхъ замѣтокъ, не только при Олегѣ, но и при Игорѣ, былъ изъ славянъ-христіанъ. Слѣдующая затѣмъ позднѣйшая прибавка выражаетъ какъ бы особое удовольствіе. Только что прочитавъ, что христіане-варяги присягнули „въ церкви св. Ильи, *яже есть надъ ручьемъ, коньць Пасынцѣ бесѣды и Козарѣ*“, переписчикъ и можетъ быть ближайшій продолжатель не могъ воздержаться и не прибавить съ чувствомъ удовлетворенія: „се бо бѣ съборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни“.

Если бы церковь св. Ильи въ Кіевѣ была варяжская и богослуженіе въ ней происходило на готскомъ языкѣ, то всѣ первоначальныя лѣтописныя замѣтки, вошедшія въ сводъ Нестора или перваго нашего лѣтописца, а также и договоры съ греками—были бы писаны на готскомъ языкѣ или по-славянски, но готскими буквами. *Мнози бо бѣша варязи хрестьяни*. Слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ, что въ то время въ Кіевѣ были христіане только варяги, и грамотные изъ нихъ читали и писали по готски? Тогда слѣдовало бы признать, что славянъ-христіанъ въ Кіевѣ, за время Олега и Игоря, т. е. до половины X вѣка, или вовсе не было, или, если были, то они тоже понимали по готски? Но небольшая толпа норманскихъ завоевателей у насъ и вездѣ въ Европѣ принимала языкъ побѣжденныхъ, а не прививала имъ свой языкъ. Такъ норманны приносили и привнесли нѣкоторое количество словъ въ языкъ французскій ⁴⁾ занятой ими части Франціи; она и понынѣ носитъ названіе Нормандіи. Точно также первое завоеваніе Англіи норманнами внесло въ англійскій языкъ цѣлый рядъ словъ датскихъ и норвежскихъ, а второе ея завоеваніе уже офранцузженными норманнами—порядочное количество словъ французскихъ.

⁴⁾ Depping, Hist. des Normands. Paris, 1826, II, 228 ss., 237 ss.

Внесли норманны, преимущественно если даже не исключительно шведы, известное число своихъ словъ и въ нашъ языкъ, передали и свое имя (Рось, Русь) сначала Киевской области, а потомъ и всему славянскому племени, а затѣмъ и всему населенію нашего края и нашего государства. Какъ бы мы ни увеличивали количества нашихъ норманскихъ завоевателей въ IX в., однако все же они въ занятомъ ими краѣ составляли незначительный процентъ населенія, потому должны были мало по малу обучиться языку славянскому и со второго поколѣнія стать *bilingues*, при чемъ эти *bilingues* только уже съ третьяго поколѣнія, и то вѣроятно не всѣ, могли уже свободнѣе владѣть языкомъ славянскимъ, чѣмъ скандинавскимъ.

Первоначальныя лѣтописныя записи объ Аскольдѣ и Дирѣ и о правленіи Олега и Игоря, равно какъ и ихъ договоры съ греками, служа наилучшимъ подтвержденіемъ свидѣтельства мниха Храбра о появленіи кирилловской азбуки и появленіи главнѣйшихъ переводовъ Константина Философа въ 855 г. и представленнаго нами объясненія хазарской миссіи славянскихъ апостоловъ, заставляютъ насъ признать, что въ періодъ времени отъ начала 60-хъ гг. IX вѣка до половины X вѣка, т. е. отъ перваго крещенія Руси при Аскольдѣ до частнаго крещенія княгини Ольги ¹⁾, большинство христіанъ въ Киевѣ состояли изъ славянъ, изъ побѣжденныхъ, а не изъ варяговъ побѣдителей. Житіе Константиново говоритъ о *крестившихся простою чашю съ женами и дѣтьми*—да и проповѣдь христіанская на родномъ или близко-родственномъ языкѣ была понятнѣе и доступнѣе славянамъ русскимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, чѣмъ русамъ-варягамъ, ихъ завоевателямъ и оскорбителямъ, въ то время мало еще и понимавшимъ по славянски. Въ сохранныхъ нашимъ первоначальнымъ лѣтописцемъ или редакторомъ древнихъ записей—замѣткахъ объ Олгѣ, Игорѣ ибѣги ни слова сожалѣнія о погибшихъ отъ руки Олега Аскольдѣ и Дирѣ,—первые же наши христіане не могли ихъ не жалѣть и не чтить ихъ памяти за ихъ терпимость и за вызовъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Воздержаніе отъ выраженія негодованія или сожалѣнія о гибели Аскольда и Дира, равно какъ и молчаніе нашей лѣтописи о первомъ крещеніи Руси и его ближайшихъ послѣдствіяхъ—появленіи енискона и осно-

¹⁾ Впрочемъ съ Ольгой въ Константинополь была многочисленная прислуга, вѣроятно и большая часть бывшихъ въ ней язычниковъ тоже была крещена, какъ была вѣроятно крещена и княгиня Ольга, рабыня, конечно не норманка, Малуша, сестра Добрынича, мать Владимірова.

валіи небольшой христіанской общины объясняются официальнымъ характеромъ этихъ начатковъ русской лѣтописи, веденныхъ, въ теченіе ста съ небольшимъ лѣтъ, въ правленіе строгихъ язычниковъ первыхъ князей варяжскихъ, Олега, Игоря ¹⁾, Святослава и Владимира до его крещенія. Всякая рѣчь о первомъ крещеніи Руси при Фотіи напоминала бы Аскольда и Дира, убитыхъ Олегомъ быть можетъ и не за одно то, что они были не княжескаго рода. Епископъ, его ближайшіе служители монахи и послушники изъ грековъ и первые священники, если не чистые греки, то все же люди съ греческимъ образованіемъ, вѣроятно изъ славянъ, учениковъ братьевъ-апостоловъ, должны были въ это время особенно заботиться о сохраненіи и воспитаніи небольшой христіанской общины, постоянно уговаривать и предостерегать ее старшихъ отъ всякихъ рѣзкихъ и неосторожныхъ поступковъ по отношенію къ господствовавшему, вокругъ горсти христіанъ, язычеству, какъ между туземцами славянами, такъ и между находниками варягами, представителями власти и высшихъ классовъ. Византія и непосредственно много помогла сохраненію, укрѣпленію и распространенію христіанства въ Кіевѣ за этотъ тяжелый варяжскій, столѣтній слишкомъ періодъ. Поощряя и развивая мирныя торговыя сношенія съ варягами-русью, принимая и вызывая цѣлыя ихъ отряды къ себѣ на службу, пріучая ихъ къ культурной жизни, незамѣтно прививая имъ высшія понятія и привычки, Византія давала понятъ русскимъ князьямъ, что ихъ выгоды въ общеніи съ имперією будутъ возрастать, но мѣрѣ ихъ благопріятнаго отношенія къ греческому епископу на Русѣ и его паствѣ. И мы видимъ, что христіанская община постепенно росла и пріобрѣла наконецъ извѣстное значеніе въ завоеванномъ варягами-русью краѣ. Такъ, при заключеніи договоровъ съ греками, повелители варяги-язычники прибѣгаютъ къ помощи славянъ-христіанъ переводчиковъ. Славянскій языкъ принимается норманскими завоевателями, какъ ихъ языкъ официальный. Рядомъ съ этимъ подъемомъ славянскаго и христіанскаго его элемента мы замѣчаемъ постепенное распаденіе и даже вырожденіе элемента варяго-русскаго.

Вслѣдъ за могучимъ, вѣщимъ Олегомъ проходятъ неспособный, злой и несчастный Игорь, сильно разбитый греками и убитый древля-

¹⁾ Предположеніе о томъ, что Игорь былъ *внутреннимъ христіаниномъ*, неприемлемо, какъ яп на чемъ не основанно. Ольга приняла христіанство уже значительно послѣ своей дикой расправы съ древлянами и, при жизни Игоря, пользовалась несомнѣнно большимъ вліяніемъ, но христіанкой не была.

нами за обиды и насилія, хитрая и коварная (потому и названная современниками мудрою) княгиня Ольга съ сердцемъ и нервами Брунегильды, хладнокровно и усмѣхаючись совершившая страшную кровавую месть надъ древлянами, эта желѣзная натура, достойная сродница героинь старой Эдды не могла однако избѣгнуть сильнаго нравственнаго осужденія отъ кого-то изъ христіанской общины Кіевской. Въ ней пробудилось сокрушеніе, сознаніе своихъ злодѣяній—и она, не рѣшаясь открыто принять христіанство, принимаетъ его тайно у себя дома. Уѣхавъ затѣмъ въ Константинополь, гордая и надменная норманка пускаетъ слухъ, что она крестилась въ Константинополь и самъ царь былъ ея воспріимникомъ. Сынъ ея Святославъ, прямой, честный, правдивый воинъ, но лишенный способностей правителя, не можетъ выносить ни правилъ, ни поступковъ отца и матери: ему претитъ его семья, ему не любъ Кіевъ. По благородному сердцу болѣе матери христіанингъ, онъ стремится вонъ изъ завоеваннаго его предками края и находитъ себѣ смерть на чужбинѣ. Его сыновья Ярополкъ и Олегъ, личности слабыя, ничтожныя орудія въ рукахъ нелюбимыхъ въ странѣ кознопдѣвъ—ярловъ—воеводы Свѣпелда у Олега и воеводы Блуда у Ярополка. Братъ ихъ, третій сынъ Святослава, повидимому любимый внукъ Ольгины, былъ храбръ, хорошій воинъ и дѣльный правитель; но не въ отца, а въ бабу, хитрый и лукавый Владиміръ подкупаетъ Блуда на убійство брата Ярополка, затѣмъ надуваетъ нанятыхъ имъ варяговъ, помогшихъ ему вмѣстѣ съ Блудомъ убить Ярополка и овладѣть Кіевомъ. Когда эти варяги стали напоминать Владиміру объ обѣщанной платѣ, онъ сначала проситъ ихъ подождать съ мѣсяць, пока соберутъ куны. Прошелъ мѣсяць, а они ничего не получаютъ. Тогда они прямо ему говорятъ: „надулъ ты насъ (солъстидъ еси намъ), но крѣпости отпусти и снаряди въ Грецію“. Избравъ изъ этихъ варяговъ людей наиболѣе ему пригодныхъ, или какъ льстиво, но эпически, выражается официальный лѣтописецъ, „мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ“, роздалъ имъ города (но умалчиваетъ, попали ли въ это число убійцы Ярополка), а всѣхъ прочихъ спустилъ въ Грецію, отправивъ передъ тѣмъ тайно отъ варяговъ своихъ посланцевъ къ царю съ предупрежденіемъ и просьбой: „се идутъ къ тебѣ варязи, не мози ихъ держати въ городѣ, или то створять ти въ градѣ, яко золь (sic), но расточи я раздно, а сѣмо не пуцай ни единого“.

Такъ надвигалась ликвидація варяжскаго владычества отъ собственной руки правнука Олегова (не по родству, а по времени) и единокровнаго внука Игоря и Ольги, сына благороднаго и прямого

Святослава,—ему опротивѣлъ Кіевъ и тяжело было вспоминать объ отцѣ и слушать наставленія повообращенной Ольги, можетъ и не потому только, что она уговаривала его креститься. Вслѣдъ за выше приведеннымъ разсказомъ о разрывѣ Владимира съ его благопріятелями варягами, лѣтописецъ переходитъ къ главнымъ дѣламъ княженія Владимира, причѣмъ сообщаетъ о кумирахъ, имъ воздвигнутыхъ въ Кіевѣ, и о множествѣ его наложницъ, при этомъ деликатно выражается: „Бѣ же Володимиръ побѣженъ похотью женскою“, словно главная вина падала на побѣдительницъ, а не на побѣжденнаго. Тутъ же перечисляются сначала его жены (болѣе важныя), числомъ 6, все разныхъ народностей, отмѣчено, какихъ онъ имѣлъ дѣтей отъ той или другой изъ нихъ, а затѣмъ приводятся круглыя цифры его наложницъ, по 300 въ Вышгородѣ и Бѣлгородѣ, 200 на Берестовомъ. Само собою этимъ цифрамъ довѣрять нельзя; если бы и производилась перепись въ гаремахъ князя, то записавшему близкому по времени къ Владимиру лѣтописцу эта перепись не была бы доступна. Вслѣдъ за тѣмъ идетъ несомнѣнно позднѣйшая вставка (вѣроятно редактора лѣтописнаго свода), цѣлое разсужденіе о сходствѣ и несходствѣ князя Владимира съ Соломономъ: одинъ де былъ мудръ и наконецъ погибъ, другой былъ невѣголъ, наконецъ обрѣлъ спасеніе. Зло, говорилъ де покаявшійся Соломонъ, въ женской прелести, и затѣмъ приводятся изреченія Соломона о злыхъ и добрыхъ женахъ. Далѣе идутъ въ лѣтописи погодныя древнѣйшія записи (совершенно въ такомъ же стилѣ, какъ и всѣ подобныя предыдущія, еще болѣе древнія) о походахъ Владимира на ляховъ и объ отнятіи у нихъ червенскихъ городовъ (съ позднѣйшею прибавкою: иже суть и до сего дня подъ Русью), о двухъ подъ рядъ походахъ на вятичей (заратишася вятичи, послѣ перваго похода, „и иде на ня Володимиръ, и побѣди я второе“) о походѣ на ятвяговъ, потомъ на радимичей. Словомъ Владимиру пришлось вновь завоевывать тѣ самыя племена славянскія, чтò были покорены еще Олегомъ. Какъ не одновременно рождались у Владимира сыновья и дочки, хотя въ предыдущей записи они всѣ поименованы заразъ, даже четыре сына отъ одной Рогнѣды, какъ не одновременно и не заразъ устроились и такъ полно обставились его гаремы, точно также не одновременно соорудилъ Владимиръ въ Кіевѣ цѣлый пантеонъ славянскихъ боговъ. Лѣтописная замѣтка говоритъ: „И нача княжити Владимиръ въ Кіевѣ одинъ, и постави кумиры на холму вѣнъ двора теремнаго: *Исруна* деревяна, а голова его серебряна, а усъ золотъ, и *Хорьса* и *Дажьбога* и *Стрибога* и *Симарыла* и *Мокошь*“.

Можно думать, что эти истуканы были трофеями походовъ Владимира на вновь покоренныхъ имъ вятичей и радимичей, а можетъ и на славянскихъ ятвяговъ. Выказанное Владиміромъ пренебреженіе къ варягамъ и удаленіе значительной ихъ части изъ Руси какъ бы знаменуютъ наступленіе новаго періода въ завоеванной странѣ, именно въ ея отношеніяхъ къ бывшимъ ея завоевателямъ и ихъ потомкамъ. Рубичичъ, сынъ Малушинъ, князь Владиміръ хочетъ быть и слытъ въ народѣ славяниномъ. Онъ замышляетъ создать изъ Кіева славянскую языческую митрополию, въ замѣнъ варяжско-языческой, дабы тѣмъ крѣпче связать съ своею столицею недавно вновь завоеванныхъ имъ славянъ. Но созданіе новаго языческаго капища въ Кіевѣ вноситъ раздраженіе и смуту въ его населеніи и порываетъ непрочныя, но уже сложившіяся мирныя отношенія между языческою и постепенно выраставшею за послѣднія 120 лѣтъ христіанскою частью его населенія. И вотъ, совершенно, надо думать, неожиданно для Владиміра, происходитъ смута въ Кіевѣ. Съ сожалѣнію, мы имѣемъ о ней свѣдѣніе въ пересказѣ позднѣйшаго редактора, а не современнаго автора лѣтописныхъ замѣтокъ. Разумѣемъ убійство двухъ христіанъ варяговъ, отца и сына. Есть основаніе предполагать, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно намъ передано. Съ сожалѣнію, во всѣхъ мѣстахъ нашей лѣтописи, имѣющія какое-либо отношеніе къ крещенію Владимірову, представляютъ большія затрудненія и давно ждутъ подробнаго критическаго разбора, такъ какъ современныя замѣтки сильно передѣланы и дополнены отрывками изъ древнѣйшаго славянскаго, нѣсколько передѣланнаго, памятника (бесѣды Константина Философа) и явно выдуманнаго впоследствии разсказа о приходѣ къ Владиміру другихъ учителей вѣры и замѣтъ о посылкѣ Владиміромъ своихъ пословъ для изученія римской и греческой вѣры.

Такъ и въ разсказѣ объ убійствѣ двухъ варяговъ. Идетъ рѣчь о томъ, что по возвращеніи съ похода на ятвяговъ Владиміръ пріѣхалъ въ Кіевъ и сталъ творить требу кумирамъ съ людьми своими; и сказали старцы и бояре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на кого падеть, зарѣжемъ его богамъ. Былъ варягъ одинъ, былъ дворъ его, гдѣ теиерь (въ др. си. гдѣ была) церковь св. Богородицы, построенная Владиміромъ. Этотъ же *варягъ* (прибывшій де изъ Цареграда), по одному списку, *держалъ въ тайнѣ вѣру христіанскую*. И былъ у него сынъ „красенъ лицомъ и душою“, и, по зависти дьявола, на него палъ жребій. Посланные къ варягу объявили объ этомъ отцу его: „избрали его себѣ боги, да сотворитъ требу богамъ“. Ва-

рягъ же имъ сказалъ, что это не боги, а дерево, они дѣланы руками изъ дерева, съкирою и ножемъ, а „Богъ единъ есть, ему же служить грѣши“. Посланные объявили о томъ людямъ, и они, взявъ оружье, пошли на этого варяга—и убили его съ сыномъ. „Бяху бо человекѣи тогда невѣгласи и погани; и дьяволъ радовашеся сему, не видя, яко близъ пошибель хотѣше быти ему“.

Это кievское происшествіе, какъ отмѣчено внизу страницы въ одномъ изъ списковъ нашей лѣтописи, *убыеніе хрестьянина Ивана и сына его*, отнесено въ ней къ 983 году, хотя быть можетъ и даже вѣроятно случилось нѣсколько позже. Вслѣдствіе едва ли было простою случайностью почти одновременное съ нимъ возстаніе датчанъ и лютичей противъ введеннаго у нихъ христіанства. Датчане возстали противъ своего короля Гаральда, христіанина и вассала императора (Оттона II); родной его сынъ Свенъ былъ во главѣ возстанія, направленнаго противъ христіанства и противъ саксовъ. Устроенныя Оттономъ, пограничныя остроги были сожжены, саксонскіе въ нихъ отряды вырѣзаны. Саксонскій герцогъ Бернгардъ съ трудомъ защищалъ шлезвигскую марку ¹⁾. За одно возстали и лютичи на Гаволѣ и пизжемъ Одерѣ. При его устьѣ былъ извѣстный въ сагахъ Iomsburg, сѣверная Сѣчь Запорожская со сбродомъ изъ пиратовъ и головорѣзовъ датчанъ, шведовъ, норвежцевъ и славянъ (вендовъ) ²⁾; 29 іюня войско лютичей явилось передъ Гавельбергомъ, городъ былъ взятъ, саксонскій гарнизонъ вы-

¹⁾ Giesebrecht, W. Gesch. d. d. Kaiser. 1860, I, 602—603. Thietmari Chron. III, 17—18. По раззореніи монастыря св. Лаврентія—„nostros sicuti fugaces servos insequebantur; nostra etenim facinora nobis formidinem et his suggerebant validam mentem“.

²⁾ Giesebrecht, L. Wend. Gesch. I, 203 ff. Про этотъ городъ Юмну говоритъ Адамъ Бременскій (пис. въ 1075 году): In cujus ostio (Oddarae), nobilissima civitas lunne celeberrimam praestat stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu... Est sane maxima omnium quas Europa claudit civitatum, quam incolunt Sclavi cum aliis gentibus, Graecis et barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen christianitatis titulum ibi morantes non publicaverint. Omnes enim adhuc paganiceis ritibus oberrant, ceterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inveniri. Urbs illa mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nichil non habet iocundi aut rari... Ab ipsa urbe vela tendens quartodecimo die ascendes ad Ostrogard Russiae. (Новгородъ). Cuius metropolis est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae. (Шк. пзд. Mon. Germ. II sp.). Здѣсь *Graeci* прежде всего обозначаетъ нашихъ варяговъ-грекчиковъ и словянъ новгородскихъ православныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что между скандинавами и позднѣйшаго времени, какъ шведами, норвежцами, такъ лѣтронно, и датчанами встрѣчаются христіане восточные. У исландцевъ-монаховъ XII—XIII вв., встрѣчаемъ отзывы о грекахъ самые сочувственные (см. Rafn. Ant. r. I, 124). Mon. Oddi и его лат. пер. свщц. Strimerfrode († 1215), житіе Олера Tryggvason.

рѣзанъ, епископская церковь разрушена. Три дня спустя напали лютичи въ полночь на городъ Бранденбургъ (Браниборъ). Епископъ и гарнизонъ бѣжали, всѣ оставшіеся изъ духовенства были перебиты или взяты въ плѣнъ, золотая и серебряная церковная утварь разграблена, могила второго епископа Бранденбургскаго раскопана и трупъ покойника сожженъ вмѣстѣ съ дорогими украшеніями его одежды. Возстали и бодричи не столько противъ христіанства, которое въ нихъ удержалось, сколько противъ саксовъ. Князь ихъ Мстивой пошелъ на монастырь св. Лаврентія и сжегъ его. Мстивой пошелъ потомъ на Гамбургъ, городъ былъ подоженъ и ограбленъ. Присутствуемъ при поразительномъ явленіи—почти одновременномъ взрывѣ языческаго фанатизма противъ христіанства у скандинавовъ въ Даніи и у сѣверо-западныхъ славянъ на Одерѣ съ одной стороны и у скандинавовъ и славянъ на Дибурѣ съ другой. Разница только въ томъ, что сѣверо-западные славяне въ извѣстной части своего края поклоняются богамъ скандинавскимъ—Воддану, Тору и Фриггъ. Не только въ XVI, но еще въ XVIII вѣкѣ, простонародье въ Мекленбургѣ молило охотника Водена о добромъ урожаѣ, когда онъ въ зимнія ночи рыскалъ съ своими охотничьими собаками по полямъ. Между тѣмъ у насъ на Дибурѣ скандинавы присягаютъ Перуну и приносятъ жертвы Хорсу, Дажьбогу и пр. Тамъ видимъ возстаніе язычества противъ христіанства, насильственно вводимого саксами, а здѣсь—взрывъ злобы господствовавшаго язычества на небольшую общину христіанъ, принявшую, сто лѣтъ съ небольшимъ назадъ, крещеніе отъ двухъ греческихъ учителей, принесшихъ съ собою славянскія книги и писмена съ новымъ ученіемъ.

Ограничился ли кievскій взрывъ фанатизма стараго благочестія убіеніемъ отца и сына, варяговъ-христіанъ, и какъ отнесся къ нему князь Владиміръ? мы не знаемъ.

Едва ли онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участие и одобрялъ это убійство, и не потому, чтобы онъ сочувствовалъ христіанству, а потому, что и къ язычеству онъ былъ довольно равнодушенъ. Можно предполагать, что если при этомъ не было другихъ убійствъ, то было совершено не мало безчиствъ и съ прочими христіанами и ихъ имуществомъ. Князю стало ясно, что его эстетическая и политическая затѣя языческаго пантеона для вящаго объединенія всѣхъ подвластныхъ ему племенъ была неудачна. Христіане кievскіе несомнѣнно жаловались ему отъ лица своихъ старшинъ и духовенства и, вѣроятно, дали знать обо всемъ этомъ патріарху и царю христіан-

скому въ Константинополь. Бывавшіе въ Кіевѣ купцы изъ сосѣднихъ и дальнихъ странъ и русскіе купцы (изъ христіанъ), ѣздившіе уже въ это время и въ Чехію, и въ Баварію, разнесли конечно извѣстіе объ этомъ случаѣ въ Кіевѣ даже съ прикрасами и преувеличеніями. Вслѣдствіе же этого въ Константинополѣ стали считать князя Владиміра своимъ врагомъ ¹⁾, и надъ русью, проживавшею въ имперіи или пріѣзжавшею въ нее съ своими товарами, начались репрессалии. Потерпѣла и торговля съ западными странами, такъ какъ не только христіане, но и евреи стали бояться кіевлянъ, вслѣдствіе этой кровавой расправы въ угоду новымъ истуканамъ, воздвигнутымъ волею князя. Раньше Ярослава, Русь своей монеты не имѣла, но она уже давно пережила періодъ исключительной мѣновой торговли. Прежде, благодаря хазарамъ, арабскія деньги были порядочно распространены и у насъ и въ Скандинавіи, но благодаря разгрому хазарскому при Святославѣ, они стали теперь рѣдки, а благодаря замикѣ въ торговлѣ съ Византіею и съ западными странами остановился и приливъ въ Русь монеты византійской и западной. Но какъ Византія нуждалась въ товарахъ сѣверныхъ, то теперь многіе изъ нихъ пошли къ ней другимъ путемъ отъ болгаръ волжскихъ черезъ Восноръ и Крымъ. Надо полагать, что во время похода болгарскаго и въ тихомъ плаваніи по Волгѣ Владиміръ съ Добрыней въ долгихъ бесѣдахъ своихъ переговаривали о многихъ дѣлахъ, помянули и данный ими промахъ въ неудавшемся опытѣ возстановленія древняго славянскаго благочестія, надъ которымъ такъ нехотати потрудились Владиміръ въ Кіевѣ, а Добрыня въ Новѣгородѣ. Безъ сомнѣнія, на Владиміра произвели сильное впечатлѣніе послѣднія рѣчи и насильственная смерть обоихъ христіанъ, вспоминались ему часто и рассказы его бабки о Цареградѣ, его дворцахъ и храмахъ, много слышалъ онъ о греческомъ царствѣ и объ одномъ изъ лучшихъ его царей Іоаниѣ Цимисхиѣ отъ воеводы Свѣисльда и другихъ стариковъ, бывшихъ въ рати Святослава. Нельзя забывать, что Владиміръ и Добрыня, при всей своей безграмотности, были люди умные, много видѣвшіе и слышавшіе, словомъ люди бывалые, съ большимъ здравымъ смысломъ. Записанныя въ лѣтописной, почти современной замѣткѣ, слова Добрынины Владиміру проливаютъ свѣтъ на думы и предметы, ихъ обоихъ занимавшіе въ походѣ болгарскомъ ²⁾: „сглядахъ колодникъ, и суть

¹⁾ В. Розска. П. Василій Болгаробойца. С.-Пб. 1883. С. 23.

²⁾ Нельзя согласиться ни съ Соловьевымъ, ни съ Голубинскимъ, полагавшимъ,

вси в сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать ланотниковъ“. Добрыи выходилъ на берегъ осмотрѣть отрядъ торковъ, шедшихъ берегомъ и захватывавшихъ, гдѣ было можно, разныхъ болгаръ, осмотрѣлъ и ихъ, и сообщилъ князю свое заключеніе: съ болгарями намъ не сладити, они образованиѣ насъ, мы можемъ имѣть усгѣхъ лишь въ борьбѣ съ ланотниками. Такое элогическое заключеніе привело ихъ къ часто и прежде уже затрогиваемой мысли, что съ Греціею де намъ порывать нельзя и небольшая часть нашихъ христіанъ куда де умѣе и образованиѣ нашихъ поклонниковъ Перуна и Хорса. И затѣмъ вспоминались многочисленныя, въ разное время слышанныя ими рассказы о могуществѣ и богатствѣ грековъ, о томъ, что въ сосѣднихъ западныхъ странахъ многое чище и лучше, чѣмъ въ странѣ ланотниковъ. Останавливались по разъ пании собесѣдники и на книжномъ умѣнии христіанъ, магометанъ и евреевъ. Можетъ быть, Владимиръ и остановился бы наконецъ на рѣшеніи искать примиренія съ греками и на средствѣ, какъ его вѣрнѣе достигъ. Быть можетъ онъ уже и подумывалъ о походѣ на грековъ въ родѣ Олеговскаго съ цѣлью поугатъ ихъ и вынудить ихъ къ выгодному миру. Ему было, конечно, извѣстно, что дочь царя Никифора Фоки (967—969 г.) выдана была замужъ царемъ Іоанномъ Цимисхиємъ (969—

въ слѣдъ за Татищевымъ, что Владимиръ ходилъ на болгаръ дунайскихъ (по Голубинскому въ 985 году). Въ 985 году, говоритъ онъ, часть Болгарскаго государства, между Дунаемъ и Балканами (нынѣшняя Болгарія) была во власти грековъ. (Ист. русской церкви I, 1, 167 прим.). Но въ 986 году (17 августа) императоръ Василій II понесъ жестокое пораженіе отъ Самуила. Вудь Болгарія дунайская тогда въ рукахъ грековъ, Василій легко могъ бы Чернымъ моремъ усилить греческіе отряды въ дунайской Болгаріи и сдѣлать такимъ образомъ диверсію противъ Самуила. Да и Самуилъ считалъ себя совершенно обезпеченнымъ съ сѣверной стороны и направляетъ всѣ свои военныя силы на юго-западъ—въ Македонію, въ Илирикъ (южный) и въ сѣверную Грецію. Только въ 1000 г. греческіе полководцы патрикій Теодороканъ и протоспаварій Никифоръ Тесифио овладѣваютъ Мисією (т. е. сѣвѣрною Болгарією), только города Виддина не удалось имъ взить. Виддинъ былъ взятъ лишь въ 1002 г. Василіємъ II послѣ восьмимѣсячной осады. Очевидно, что искорѣ по смерти Іоанна Цимисхія († 976 г.), сѣверная Болгарія была греками утрачена. Голубинскій, впрочемъ, полагаеъ, что нынѣшніи Валахія и Молдавія, тоже частью заселенны болгарями, *съ значительномъ объемѣ принадлежали въ то время Болгаріи, и эта де часть въ 1080 годахъ была или оставалась „за болгарскими государями или же объявила себя самостоятельной“*. „Часть сей то части владѣній“ (болгарскихъ ли государей или самостоятельной) „и хотѣлъ, какъ нужно думать, подчинить своей власти Владимиръ въ 985 году“ (ib. 107, прим.). Но въ то время тамъ уже расположились печенѣги, и едва ли бы спустился туда Владимиръ да еще съ торками.

976 г.) за наслѣдника нѣмецкаго, позже императора Оттона II (978—† 983), и что эта молодая вдова Теофанія была правительницею нѣмецкаго царства, по малолѣтству своего сына—наслѣдника престола и императора. Владимиръ много разъ слыхалъ отъ своихъ варяговъ, что его Гардарики не меньше Германіи, и зналъ, что, напримѣръ, арабы и другіе на востокъ, даже христіане, называютъ его царемъ русовъ¹⁾. Если бы можно было относить херсонскій походъ Владимира къ 986 году, то я бы остановился на немъ, какъ на остановившейся мысли Владимира объ исправленіи его отношеній къ грекамъ. Возможно также, что начавшій отчаянную борьбу съ императоромъ Василиемъ, Самуилъ Болгарскій если и не звалъ къ себѣ въ Болгарію Владимира, потому что помнилъ, сколько ей затрудненій и бѣдъ причинилъ отецъ его Святославъ, то подстрекалъ, быть можетъ, Владимира учинить диверсію нападениемъ на греческія владѣнія въ Крыму. Такая диверсія могла быть очень полезна Болгаріи. Но на счастье Владимира и Руси положеніе императора Василия II было очень критическое въ это время. Въ 986 году обращенный въ бѣгство Самуиломъ, Василиій потерялъ военный обозъ, свою палатку и съ опасностью жизни достигъ столицы. Не успѣвъ еще оправиться отъ этого пораженія, какъ услыхалъ Василиій о возстаніи въ Малой Азій отличнаго полководца Цикифора Фоки, провозгласившаго себя императоромъ, и въ то же время Самуилъ Болгарскій, съ успѣхомъ подвигался на крайній западъ полуострова, началъ свои завоеванія на счетъ Албаніи и земель сербскихъ, а сарацены заняли и грабили Калабрію. Положеніе императора было отчаянное.

Императоръ Василиій II нашель себя вынужденнымъ обратиться за помощью къ врагу грековъ и христіанъ (такъ въ то время смотрѣли на русовъ въ Царьградѣ), князю Владимиру. Былъ заключенъ договоръ Византіи съ Русью, при чемъ, кромѣ конечно извѣстной суммы денегъ,—Владимиръ потребовалъ руку принцессы Анны (царскаго происхожденія), а она съ свою очередь—крещенія Владимира. Русскій отрядъ несомнѣнно былъ отправленъ, и успѣшными дѣйствіями въ Малой Азій и оказалъ имп. Василию II большую услугу¹⁾. Какъ и гдѣ совершилось крещеніе Владимира, о томъ точно не знали и въ первой половинѣ XII вѣка, не знаемъ мы и теперь. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное и объ упоминаемомъ нашею лѣтописью походѣ Владимира на Корсунъ, какъ объ его датѣ, такъ и объ его

¹⁾ Роземъ. ib., с. 23 и сл.

цѣли и связи съ оказанною Владиміромъ помощью грекамъ. Имѣются пока объ этомъ болѣе или менѣе сомнительныя или болѣе или мѣнѣе вѣроятныя предположенія. Но насъ занимаетъ не этотъ, а другой вопросъ, а именно: какимъ образомъ можно себѣ объяснить не принудительное и даже болѣе или менѣе насильственное крещеніе народа Владиміромъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ и Добрынею въ Новгородѣ, оно понятно и естественно: хотя еще незадолго до этого великій князь въ Кіевѣ, а его дядя въ Новгородѣ, утверждали древне-языческое благочестіе. Мы видѣли, что эта ревность о древнемъ славянскомъ благочестіи была для тогдашней руси уже неумѣстной и запоздалою. Она пришла, надо думать, съ запада и вызвана была тогдашнимъ взрывомъ фанатизма у датчанъ и поодерскихъ славянъ. Все это легко объяснимо и понятно. Но необъяснимо и непонятно, какъ изъ пяти-семи-лѣтнихъ ребятъ, крещенныхъ съ своими отцами и матерями по приказу княжескому, въ 990-хъ г., могъ черезъ 30—40 лѣтъ явиться на Руси цѣлый рядъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ дѣятелей христіанской культуры, письменности и литературы: переписчики древне-славянскихъ рукописей, какъ Упырь Лихой, переписавшій для князя Владиміра Ярославича въ Новгородѣ книги пророковъ съ толкованіями въ 1047 г., или дяконъ Григорій, писецъ Остромирова Евангелія, въ 1057 г. Кто рѣшится утверждать что такихъ писцовъ въ половинѣ XI вѣка было очень и очень мало? ¹⁾ Въ сказаніи Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ († 1015 г.) говорится о чтеніи Борисомъ житій и мученій святыхъ, а въ болѣе раннемъ сказаніи

¹⁾ Сохранился цѣлый рядъ рукописей XI в., наиримѣрь, Студійскій уставъ, Сбор. Святославовъ, Арханг. Ев., Служебныя мшени (за сентябрь—ноябрь) и пр. Срезневскій, Древн. пам. русск. письма и азбука (X—XIV в.) 2 изд. С.-Пб. 1882. Стр. 11—37. Все сохранившееся дошло до насъ совершенно случайно, и значительнѣйшая часть рук. XI в., конечно, до насъ не дошла. Но вѣрное пониманіе медленнаго роста и развитія человѣческой культуры заставляеть, на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ русской христіанской культуры XI в., предполагать цѣлый слишкомъ вѣкъ предыдущаго развитія. Такъ въ одно или въ два поколѣнія писцовъ и книжниковъ не могли сложиться такой русско-славянскій или славяно-русскій языкъ, стиль, правописаніе, какія мы видимъ, наиримѣрь, въ Служ. Мшенихъ, или у черныхъ нашихъ писателей. На Симеоновѣ вѣкъ болг. писм. странно указывать. Подъ крещеніемъ болгаръ въ IX в. надо разумѣть тогдашнихъ болгаръ-тюрокъ, а не подвластныхъ имъ славянъ, начавшихъ принимать христіанство съ конца VI в., въ VII в. Да и языкъ кирилловскихъ переводовъ былъ роднымъ нарѣчіемъ этихъ славянъ, прожившихъ уже слишкомъ два вѣка въ земляхъ культурныхъ, въ государствѣ образованной. Сербы и хорваты крещены были еще въ первой половинѣ VII в. и что осталось отъ ихъ письменности XI в.?

Іакова—помянуто, что онъ помышлялъ о мученіи и страсти св. Никиты Готскаго и св. Вячеслава чешскаго. Упомянутое Іаковомъ житіе чешскаго святого важно тѣмъ, что оно было, значить, извѣстно на Руси еще въ концѣ X вѣка, и пришло къ намъ не изъ Болгаріи, гдѣ оно было неизвѣстно, а непосредственно изъ Чехіи, можетъ быть еще въ половинѣ X вѣка, слѣдовательно до крещенія Руси Владиміромъ. Въ нашей лѣтописи говорится о князѣ Ярославѣ († 1054), что онъ любилъ церковныя уставы, любилъ поповъ и черноризцевъ, и *книгамъ прильжа*, читая ихъ днемъ и по ночамъ. Онъ собралъ *многихъ писцовъ* и самъ переводилъ съ греческаго на словѣнское письмо (на славянскій языкъ). И *списали* (у него) книгъ много. Правда и уставы Ярослава, по свидѣтельству древней Новгородской лѣтописи, были даны новгородцамъ еще въ 1019 г., слѣдовательно еще раньше были имъ написаны (по сей грамотѣ ходите, *тоже писавъ вамъ*). Несомнѣнно Ярославъ обучался грамотѣ съ дѣтства, быть можетъ еще до крещенія Владимірова.

Говорятъ, что тотчасъ по крещеніи Руси, при Владимірѣ начались поученія народу, постройки и освященія церквей, выписаны были духовныя лица изъ Греціи и Болгаріи. Но греки славянскаго языка хорошо не знали и могли ему выучиться хорошо, и то далеко не всѣ, не иначе, какъ по прошествіи добраго десятка лѣтъ, а Болгарія многихъ учителей и писцовъ дать намъ не могла. Болгаре исхода X вѣка не могли охотно ѣхать въ Русь, такъ какъ русы Святослава оставили въ ней дурную память. Болгаре не могли не глядѣть на нее, какъ на страну и народъ имъ враждебные, да и такъ ли богата была Болгарія людьми книжными, чтобы отпускать ихъ въ чужія страны?

Греки могли быть и несомнѣнно были полезны Руси конца X вѣка и начала XI вѣка, какъ епископы, зодчіе, иконописцы, учителя грѣнія, греческаго языка, какъ преподаватели и руководители юношей княжескаго и боярскаго рода, такъ сказать для высшаго образованія (напримѣръ, кн. Ярослава, митр. Іларіона).

Но принявшихъ крещеніе при Владимірѣ простыхъ горожанъ и поселянъ могли лишь съ успѣхомъ обучать одни русскіе священники, дяконы, псаломщики, вообще воспитанники и члены старой христіанской общины, выросшей не на готскомъ (!), а на славянскомъ богослуженіи и воспитанной не готскою и не греческою, а славянскою грамотою. Если бы, напримѣръ, наши договоры съ греками (время Олега, Игоря и Святослава) были первоначально написаны готскими или греческими, а не славянскими письменами, то несомнѣнно

въ ихъ правописаніи остались бы нѣкоторыя улики и слѣды этихъ письменъ, сказавшіеся бы въ тѣхъ или другихъ промахахъ правописанія, какъ остались въ нихъ слѣды извѣстнаго и совершенно естественнаго неумѣнья владѣть письменнымъ языкомъ, что всегда замѣчается, особенно при желаніи какъ можно ближе держаться греческаго подлинника въ первыхъ опытахъ письменности всѣхъ юныхъ народовъ. Вообще мы недостаточно вдумались въ языкъ и слогъ первыхъ нашихъ писателей (XI вѣкъ). Многіе и теперь пожалуй думаютъ, особенно въ духовенствѣ, что искусственный языкъ митрополита Филарета гораздо выше простаго языка Пушкина, не предполагая, что эта простота пушкинской прозаической рѣчи и есть верхъ развитія нашего литературнаго языка. Такъ и произведенія митрополита Иларіона служатъ лишь свидѣтельствомъ его богословскаго образованія и личнаго дарованія. Но простыя писанія на чисто-русскомъ языкѣ новгородскаго архіепископа Луки Жидяты служатъ доказательствомъ, что у насъ въ половинѣ XI вѣка были люди, умѣвшіе писать не только языкомъ славянскимъ, по возможности *обрусѣлымъ*, но и на чисто народномъ языкѣ вполне хорошо и свободно. Такая же выработка письменнаго, т. е. извѣстное *обрусѣніе* древне-славянскаго и свободное и умѣлое обладашіе чисто-русскимъ, народнымъ языкомъ несомнѣнно указываетъ на цѣлый рядъ единоличныхъ опытовъ въ старѣйшихъ поколѣніяхъ, т. е. не только отцовъ, но и дѣдовъ Упыря Лихого, переписчиковъ Остромирова Евангелія, Сборника Святославова 1073 и нѣсколько болѣе позднихъ служебныхъ Миней Новгородскихъ и нашихъ первыхъ, до насъ болѣе или менѣе случайно дошедшихъ писателей—Іакова, Нестора, Θεодосія, Иларіона, Луки Жидяты. Эта опытность и извѣстная легкость и самоувѣренность въ письмѣ и въ языкѣ заставляютъ насъ возводить начатки русской письменности, — какъ она дошла до насъ отъ XI в., — не только къ началу X в., а даже къ исходу IX в. Всѣ эти указанія заставляютъ насъ признать, что при первомъ крещеніи Руси (въ 861 г.) были принесены къ намъ и славянское письмо и славянское богослуженіе. Безъ славянскаго богослуженія, а при готскомъ (очень проблематическомъ) и греческомъ богослуженіи, христіанство не могло бы имѣть въ древней Руси такого успѣха и получить такое распространеніе, какихъ нельзя не признать, въ виду хотя бы сильнаго распространенія отшельничества и монашества еще въ первой половинѣ XI вѣка. Довольно вспомнить первыхъ извѣстныхъ подвижниковъ Кіево-Печерской Лавры—Антонія, еще до 1050 г. онъ

уходить на Аоонъ и остается тамъ, не годъ и не два, Шикиту, постригаго Θεодосія въ 1055—1056 гт., Варлаама, ухотившаго въ Константинополь въ Студійскій монастырь. Прожившая въ христіанствѣ 15 лѣтъ († 969 г.), княгиня Ольга, уже христіанка, ѣздила въ Константинополь и представлялась императору съ многочисленною дворнею, конечно тоже крещеною. Княгиня Ольга разумѣется молилась не по норманскп-росски, а по славяно-русски, слушала богослуженіе не готское и не греческое. Насильственно отстрилившій Аскольда и Дира,—при конхъ состоявшее такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и такъ называемое первое крещеніе Руси,—Олегъ признавалъ славяно-русскій, а не готскій и не скандинавскій языкъ—официальнымъ языкомъ своего княжества. Договоры Олега 907 и 911 гт., какъ и договоры Игоря (944—945 гт.) и Святослава съ греками, имѣли два законныхъ, официальныхъ текста, одинъ греческій, а другой не готскій, а славянскій. И оно понятно, наши варяги, особенно во 2-мъ и 3-мъ поколѣніи, не могли не знать лучше по славянски, чѣмъ по готски. Такъ не только Екатерина II, но и Петръ III и Анна Леопольдовна лучше понимали по русски, чѣмъ, напримѣръ, по вѣнски или по баварски. Да и въ Константинополь IX—X вѣковъ между чиновниками патріархата и вѣдомства иностранныхъ и военныхъ дѣлъ было конечно больше распространено знаніе славянскаго, чѣмъ готскаго языка. Въ тогдашней Византійской имперіи готскій языкъ былъ пожалуй еще большею рѣдкостью, чѣмъ языкъ сербо-лужицкій или кашубскій въ современной Германіи. Славянская стихія въ тогдашней Византійской имперіи имѣла значеніе нисколько не меньшее, чѣмъ въ нынѣшней Австро-Венгеріи. Договоры съ греками съ нѣкоторыми лини болгаризмами (аще, прич. наст. на *и* въ косв. пад. вм. *и*) писаны чисто-русскимъ языкомъ, и официальные переводы ихъ съ греческаго были сдѣланы не болгарами, а русскими славянами, такъ какъ вполне ославиившихся варяговъ при Олегѣ, по крайности, допустить трудно. На этомъ основаніи нельзя допустить, будто первое наше знакомство съ славянскими письменами и съ славянскими богослужебными книгами идетъ отъ моравянъ. Тогда надо было бы признать, что первое крещеніе Руси пошло не отъ Византіи, не отъ патріарха Фотія, а изъ Моравіи. Не отрицаемъ, что во второй половинѣ IX вѣка могли быть и были сношенія русскихъ славянъ съ Моравіею, могли доходить изъ нея и должно быть попадали къ намъ и кое какія славянскія книги и нѣкоторыя духовныя лица съ Кирилло-Меодіевскими преданіями, особенно нѣсколько позже, послѣ разгрома Мадьярскаго

(906 г.). У мораванъ Ростислава и Святополка своихъ священниковъ, писцовъ и писателей было мало и не шли они въ Русь, такъ какъ имъ было много дѣла и у себя дома, гдѣ ихъ скорѣи не хватало, чѣмъ былъ избытокъ, какъ недавно у чеховъ относительно преподавателей-классиковъ. Не мораване и были у насъ первыми насадителями христіанства со славянскимъ богослуженіемъ. Не отвергая достовѣрнаго свидѣтельства мнѣха Храбра о 855 г., какъ годъ появленія славянской азбуки и первыхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, столь же достовѣрнаго свидѣтельства патріарха Фотія о крещеніи Руси и о назначеніи русамъ епископа вскорѣ послѣ отступленія руси изъ Царьграда и ново-найденнаго (Кюмономъ) извѣстія о нашествіи руси (не Тмутараканской, а Аскольдовой, Кіевской) не въ 865 г., а въ 860 г., не отвергая важности полигѣишаго умолчанія Фотіемъ о какой-либо хазарской миссіи и о хазарскомъ епископѣ, не отвергая, что Фотіи, а не кто либо иной посылалъ Константина Философа съ его братомъ Меодіемъ въ сѣверскую страну, гдѣ онъ и крестилъ 200 душъ *простой чади* съ женами и дѣтьми, не отвергая этихъ свидѣтельствъ, нельзя не признать, что первымъ апостоломъ и крестителемъ Руси въ 861 г. былъ никто иной, какъ Константинъ Философъ. Отъ него она получила и славянское письмо и славянское богослуженіе. Изъ дѣтей, крещеныхъ славянскимъ апостоломъ въ числѣ этой *простой чади*, и вышли потомъ переводчики первыхъ договоровъ Руси съ греками (907—911 гг.). Проникши къ намъ христіанство въ 861 г. на греческомъ языкѣ, оно бы не имѣло успѣховъ, и основанная при Фотіѣ въ 861—862 гг. христіанская община не пустила бы корней. Между тѣмъ мы видимъ, что при Олегѣ являются грамотные люди—они ведутъ лѣтошныя записи, переводить съ греческаго на русскій языкъ договоры Олега съ греками 907 и 911 гг., при Игорѣ продолжаютъ эти записи, являются переводы съ греческаго на русскій языкъ договора Игоря съ греками 944—945 гг. По несомѣнному современному свидѣтельству, сохраненному нашею лѣтошнейю, при отправкѣ русскихъ пословъ и гостей въ Царьградъ, князь Игорь вмѣсто печатей золотыхъ и серебряныхъ сталъ *посылать* съ послами и гостями „грамоту къ цсарьству нашему“. „Иже посылаеми бывають послы и госте, да *приносятъ грамоту, пишуче еице, яко послахъ корабль селико и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, еже съ миромъ приходять*“. При Игорѣ упоминается въ Кіевѣ церковь св. Іліи, въ которой русскіе послы изъ христіанъ присягали передъ греческими послами о соблюденіи заключеннаго договора съ греками. Принявшая христіан-

ство черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ страшной, дикой расправы съ древлянами въ отмщеніе за убійство ея мужа, княгиня Ольга ѣздила въ Царьградъ и была торжественно принята императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ 957 г. Самъ подробно описавшій ея пріемъ, Константинъ Багрянородный упоминаетъ, что при ней были 20 пословъ, ея племянникъ и 6 родственницъ съ 18 служительницами, ея священникъ-духовникъ Григорій, три переводчика, изъ коихъ одинъ княгининъ. Безъ сомнѣнія, если не всѣ изъ этой дворни и свиты Ольгиной, то значительное большинство было крещеное. Такъ росла постепенно христіанская община въ Кіевѣ. Только при Владимірѣ, въ 983—984 гг. проявился взрывъ языческаго фанатизма противъ христіанъ въ Кіевѣ. Можно полагать, что жертвами его были не одинъ варягъ Ивалъ съ сыномъ. Позднѣйшій составитель лѣтописнаго свода, для сохраненія доброй памяти о князѣ Владимірѣ, почелъ нужнымъ опустить разныя другія подробности о тогдашнемъ преслѣдованіи христіанъ. Быть можетъ, тогда же былъ изгнанъ изъ Кіевской Руси (изъ Кіева или Переяславля?) и тогдашній ея епископъ или митрополитъ, послѣдній преемникъ поставленнаго патріархомъ Фотіемъ русскаго епископа. Очень вѣроятно, что за такое изгнаніе епископа и считали въ Византіи Владимира врагомъ грековъ, т. е. христіанъ. Оттого и заслуживаетъ вниманія принятое и Соловьевымъ извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что въ Корсунь „явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять *новою* русскою церковію (sic),— извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица столь необходимаго для утвержденія *нового* порядка вещей на сѣверѣ“ ¹⁾. Съ этими словами Соловьева нельзя не согласиться, но конечно не безъ извѣстнаго ограниченія. Такъ *новый* порядокъ вещей на сѣверѣ, *новал* русская церковь съ крещенія князя Владимира, эти два выраженія допустимы лишь въ томъ смыслѣ, что русская христіанская община и слѣдовательно русская церковь возникла у полянъ при Аскольдѣ, еще въ 861 г., вслѣдъ за неудачнымъ его походомъ на Царьградъ и его же посольствомъ къ императору Михаилу, въ патріаршество Фотія, благодаря проповѣди Константина Философа ²⁾, крещенію имъ 200 простой

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р. съ др. вр. С.-Пб. Изд. Т-ва Общ. II. I, 168.

²⁾ Хазарская миссія Константина Философа была собственно русская миссія, ибо хазары о крещеніи просить въ Царьградъ никого не посылали, а посылали русы въ 860—861 гг. (6868—6869 гг.), и патріархъ Фотій избралъ именно Константина Философа для Руси, такъ какъ зналъ, что тутъ живетъ самая многочисленная отрасль

чади съ женами и дѣтьми и введенію имъ и его братомъ въ тогдашнюю Русь славянскаго богослуженія и славянской грамоты. Слѣдовательно, новая русская церковь и новый порядокъ вещей на сѣверѣ, собственно говоря, появились еще за 120 слишкомъ лѣтъ до крещенія Владимира и до отправленія изъ Константинополя въ Русь митрополита Михаила: первый для Руси епископъ (митрополитъ) былъ поставленъ еще патриархомъ Фотіемъ. Новыми же русская церковь и порядокъ вещей на сѣверѣ съ крещенія Владимира могутъ быть названы лишь въ томъ смыслѣ, что при немъ *впервые* на Руси представитель верховной власти и тогдашній ея официальный міръ не только присоединились къ христіанству, но и стали принуждать и обязывать къ нему все языческое населеніе. Владимира наши древніе писатели и іерархи сравнивали съ Константиномъ Великимъ. И тутъ, *si licet parva comperere magnis*, если можно приравнивать древнюю Русь отъ Аскольда до Святослава и Владимира (перваго его періода) съ древнимъ греко-римскимъ міромъ III и начала IV вѣка, есть извѣстная доля правды. Пока Константинъ Великій строго держался Миланскаго эдикта 313 г., дѣятельность его была благотворна для христіанскаго просвѣщенія, но когда онъ сталъ покровительствовать христіанамъ мѣрами государственными, то церковь и христіанское просвѣщеніе, благодаря вышнему покровительству и ряду стѣснительныхъ мѣръ противъ иномыслящихъ и иновѣрующихъ, начали много терять въ своемъ благотворномъ вліяніи на возвышеніе духа и полетъ мысли, на очищеніе общественныхъ нравовъ и на проникновеніе христіанскими началами гражданскихъ и государственныхъ законовъ и порядковъ. Съ того времени, когда императоры стали христіанами и начали христіанству покровительствовать, весь придворный, окружавшій ихъ міръ, всѣ государственные люди и чиновники, военные и гражданскіе, быстро становятся христіанами не столько изъ внутренняго убѣжденія, сколько изъ-за и для карьеры. Такимъ образомъ мало-помалу христіанство становится вѣрою государственною. Оно обязательно для каждаго подданнаго Римской имперіи не изъ-за внутренняго своего значенія, а изъ-за того, что Римъ (первый и второй) и его императоръ признали христіанство своею религіею. Дѣятельность преемниковъ Константина Великаго и всѣхъ византійскихъ императоровъ была вполнѣ

славянскаго племени. Славянское же письмо и первоначальные переводы Константина Философа (и Меѳодія) были уже готовы въ 855 г., о чемъ хорошо было извѣстно не только мнѣху Храбру, но и патриарху Фотію.

согласна „съ общимъ характеромъ“ римскаго государственнаго права. „Точно также все уголовное право съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безнравственными судами и разрядами преступленій, было наслѣдіемъ того Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія Восточной имперіи. Точно то же должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ; точно то же и о всей общественной жизни, съ ея играми, торжествами (кромя церковныхъ), съ ея триумфами, съ ея гордостью, съ ея самоуспоеніемъ и со всею этою позолоченною ветошью языческаго міра, которая обхватывала все общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противухристіанскихъ началъ; оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества; ибо самыя великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполне уразумѣть ни всей лжи римскаго государственнаго права, ни *безконечной трудной задачи общественнаго построения на христіанскихъ началахъ*. Ихъ благотворительная сила разбивалась о правильную и слитную кладку римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Лучшія, могущественнѣйшія души удалились отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли спасти. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи“¹⁾.

Въ этихъ словахъ Хомякова много правды. Но нельзя скрывать, что „чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала“, хранившаяся, но его словамъ, „въ ученіи школъ духовныхъ“, въ монастыряхъ—не только иногда, но всегда почти была обязательно требуема отъ императора и его сотрудниковъ, ближнихъ и дальнихъ, а они, въ свою очередь, обязывались охранять эту чистоту и цѣльность просвѣтительнаго начала во всей имперіи и никомъ образомъ не допускать и не давать жить и развиваться разномыслию и иновѣрью, не давать ходу, на примѣръ, на службѣ государственной, военной или гражданской, такимъ людямъ, которые, какъ бы даровиты и честны они ни были, заявили себя или заподозрѣны были въ томъ или другомъ еретическомъ мнѣніи касательно ли лицъ св. Троицы или почитанія чудотворныхъ иконъ. Въ Византіи съ IV до XV вѣка монастыри (за

¹⁾ Соч. Хомякова. М. 1861, I. 218 и сл.

немногими, можетъ быть, исключеніями) съ жаромъ отдавались политикѣ, тѣмъ болѣе, что императоры нерѣдко наказывали своихъ политическихъ противниковъ насильственнымъ постриженіемъ, иногда даже съ осклопленіемъ, сдачею ихъ въ монастырь, что, впрочемъ безъ осклопленія, употреблялось и у насъ какъ въ московскомъ, такъ и въ петербургскомъ періодѣ. Нѣкоторые изъ византійскихъ монастырей особенно славились своею нетерпимостью—да и въ не немногихъ изъ нихъ господствовали обычные монастырямъ всѣхъ странъ грѣхи и неурядки—и самую беспощадною борьбою съ лучшими иногда императорами (напримѣръ, иконоборцами). Таковъ былъ, напримѣръ, монастырь Студійскій, гдѣ назрѣвалъ планъ полнаго подчиненія верховной государственной власти—власти ни отъ кого не зависимаго и выше всѣхъ смертныхъ стоящаго епископа. Такъ какъ въ Византіи не было для нея почвы, то студиты съ своими надеждами и внутренними обратились къ Риму и не мало, съ своей стороны, помогли развитію властолюбивыхъ притязаній папства. Строго-логическое развитіе христіанскаго ученія было, конечно, желанно и его сохраненіе въ цѣлости и чистотѣ могло и должно было быть внутренне-обязательно для каждаго христіанина, для церкви въ особенности, но оно не могло и не должно было быть для каждаго лица внѣшне-обязательно и принудительно, на подобіе законовъ гражданскихъ, государственныхъ, пока они дѣйствуютъ и законодательною властью не отмѣнены. Внутреннія же отношенія души христіанской къ Богу составляютъ тайну и никакому надзору и попеченію внѣшней власти не подлежатъ. Этой простой истины Византія не признавала. Были въ ней во всѣ времена одинокія личности, болѣе или менѣе ясно сознававшія свободу вѣры и сомнѣній, но онѣ не могли провести этого начала ни въ общественной, ни, тѣмъ болѣе, въ государственной жизни.

Совершенно вѣрно замѣчаніе Хомякова, что Византіи „не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества. Но ей было дано великое дѣло уяснить вполне христіанское ученіе. Сама имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ *лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей*, въ ученіи (слѣдуетъ прибавить: нѣкоторыхъ) школы духовныхъ сохранялась чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала“.

Къ числу такихъ дѣятелей Византіи принадлежали великіе славянскіе апостолы, солунскіе братья Константинъ Философъ и старшій

его братъ Мееодій. Они сознавали общественное безсиліе Византіи и возлагали свои надежды на обновленіе дряхлаго міра привлеченіемъ къ христіанству свѣжаго и бодрого, многочисленнаго племени славянскаго: съ языкомъ и правами его они ознакомились еще съ дѣтства. Они нашли себѣ сильную опору въ мужѣ великаго ума и твердаго характера, патріархъ Фотіи, провидѣвшимъ грядущее зло для христіанскаго просвѣщенія въ возраставшемъ влеченіи римскаго епископа къ самовластью римскаго самодержца и старавшемся отвлечь отъ его вліянія и опеки заволащивавшее европейскій востокъ славянское племя, такъ какъ занятые народами романскими и германскими югъ и западъ Европы привыкли уже издавна покоряться еще языческому Риму. Византія, правительство и общество, особенно же монашество, не прощавшее Фотію его широкаго образованія и не сословно-монашескаго направленія, не умѣли и не могли понять и оцѣнить Фотія. Для сверженія его они вступили въ союзъ съ Римомъ и такимъ образомъ не мало помогли разрушенію великаго дѣла славянскихъ апостоловъ и Фотія въ славянскихъ земляхъ на западѣ.

Дѣло же великаго патріарха въ просвѣщеніи Руси не пропало, и благодаря посланнымъ имъ учителямъ миссіонерамъ, насажденное ими христіанство (въ 861 г.) среди горсти людей въ одной изъ областей величайшаго впоследствии изъ всѣхъ народовъ славянскихъ, привилось прочно и постепенно, хотя и медленно, развивалось въ теченіе 120 лѣтъ съ лишнимъ. Если вслѣдъ за тѣмъ, когда князь Владимиръ съ своимъ дядей Добрынею, крестившись сами, стали потомъ погонять киевлянъ и новгородцевъ въ Днѣпръ и Волховъ для того же, черезъ двадцать-тридцать лѣтъ послѣ такого принудительнаго введенія въ страну ученія благодати и свободы, явился въ ней такой сравнительно отраднѣй разцвѣтъ юной христіанской образованности, какой замѣчается на Руси съ половины XI вѣка, то его нельзя не приписать болѣе раннему и умѣлому, волюнѣ свободному, единственно соответственному завѣту благодати, введенію христіанства. Благодарность русскаго народа князю Владимиру красному солнышку, окруженному, въ народной памяти, богатырями русской земли, волюнѣ понятна и естественна, но историческая наука твердо знаетъ, что ничто новое и великое въ жизни народовъ не является внезапно, тѣмъ болѣе по приказу и по мановенію властной руки, какъ бы она сильна ни была, а напротивъ подготавливается медленно, растетъ въ тиши и въ тайнѣ. Разъ уже сдѣлано было сравненіе Владимира князя съ Константиномъ Великимъ, то признаемъ же, что если нельзя приписывать императору Констан-

тину разцвѣтъ христіанскаго просвѣщенія IV—V вѣка съ его великими отцами и учителями церкви, такъ и великому князю нашему Владимиру далеко не преимущественно обязаны всѣ ростки нашей младенческой (сравнительно съ древне-культурными странами Греціи, Малой Азіи, Египта и Италіи) культуры XI вѣка.

Результатомъ, послѣдствіемъ этой проповѣди славянскихъ апостоловъ въ землѣ полянъ (въ 861 г.) было основаніе христіанской общины, появленіе славянскаго богослуженія и славянской грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно у насъ на Руси бесѣды и наставленія Константина Философа или даже Кирилла Философа или просто Философа ¹⁾. Эта бесѣда редакторомъ лѣтописнаго нашего свода была внесена въ нашу первоначальную лѣ-

¹⁾ Объ этомъ словѣ Философа „чего ради Богъ съиде на землю“ приведемъ цѣнный отзывъ Срезневскаго. Это краткое припоминаніе судебъ рода человѣческаго отъ сотворенія міра и паденія перваго человѣка до Спасителя и его учениковъ. Напоминанная своимъ содержаніемъ сказанія древнихъ хроникъ византійскихъ, оно отличается и древностью языка: такимъ образомъ нѣтъ никакой причины усомниться, что оно было дѣйствительно извѣстно Владимиру. Подлинникъ былъ греческій, какъ видно по нѣкоторымъ выраженіямъ. Переводъ мѣсть изъ Св. Писанія отличенъ отъ сохранившагося древняго перевода. (Др. пам. Р. из. С.-Иб. 1863, С. 7.). Голубинскій, въ передачѣ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владимира, говоритъ: въ странной рѣчи Философа „подробно излагается вся свещенная исторія ветхаго и новаго завѣта отъ начала до конца, отъ сотворенія міра до вознесенія Иисуса Христа и проповѣди апостоловъ. Показавъ такимъ образомъ планъ божественнаго домостроительства о спасенія людей или то, для чего Богъ сходилъ на землю, Философъ заключилъ свою рѣчь: „Предуставилъ же Богъ день, въ который хочеть судить, приидеть съ неба, живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ царство небесное.. и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ безконечную муку“. (И. Р. Ц. I; 1. 108). Давъ Философу дары многіе, Владимиръ отпустилъ его съ честью великою. Въ одной изъ лѣтописныхъ замѣтокъ Владимиръ принимаетъ христіанство отъ патріарха Фотія. Словомъ Владимірово крещеніе смѣшивается съ первымъ крещеніемъ (861 г.) и миссіонеру греческому у Владимира приписывается то, что входило въ первоначальный текстъ житія Константинова, при разсказѣ объ его хазарской (т. е. русской) миссіи и что въ дошедшемъ до насъ текствѣ житія именно и отсутствуетъ. Отмѣтимъ, что въ письмѣ Анастасія къ Гавдерику читаемъ: „Perhibebat (Митрофанъ митрополитъ Смирнскій) quod idem Constantinus philosophus a Michaele imperatore in *Gasaram* pro divino praedicando verbo directus, cum Cersonam quae *Chazarorum* terrae vicina est peregrinus ac rediens frequentaret“. Здѣсь едва ли случайно какъ бы отдѣляется страна *Газара* отъ народа *Хазаръ*. *Газар(а)* очень напоминаетъ *Gardhariki*. Только съ Олега, говоритъ наша лѣтопись, пошло прозваніе Руск, и долго Русью звалась лишь одна область полянъ. Въ 860—1 г. и до смерти Аскольда и Дира и появленія въ Кіевѣ Олега, Русью она не звалась.

топись и приписана неизвѣстному философу греку, современнику князя Владимира. Не могли же точно знать кievскіе христіане IX—X в., что христіанскій просвѣтитель, грекъ философъ, хотя бы нѣкоторымъ и извѣстный подъ именемъ Константина, и есть тотъ самый св. Кириллъ, которому славяне болгарскіе и моравскіе приписывали славянскую азбуку и славянскій переводъ священныхъ книгъ. Не братья же было простодушнымъ нанять грамотѣямъ монахамъ конца XI—XII в. за разысканія о времени появленія славянской азбуки на Руси. Этому вопросу не задавали у насъ и не ставили строго говоря и въ XIX вѣкѣ. Чуть ли не одинъ у насъ покойный Куникъ подымалъ этотъ вопросъ (да и то лишь въ частныхъ бесѣдахъ). Онъ здраво глядѣлъ на свидѣтельство мниха Храбра и на найденное Гильфердингомъ извѣстіе о Брегалницѣ, но его упорство въ отнесеніи нападенія Аскольда на Царьградъ къ 865 г. не позволяло ему признать настоящей смыслъ хазарской миссін Константина Философа. Только „узнавъ о томъ, что было сдѣлано Философомъ въ этой хазарской провинціи, князь Ростиславъ, заботясь о своемъ племени, послалъ къ императору (Михаилу) пословъ, говоря, что народъ его оставилъ идолопоклонство и желалъ соблюдать христіанскій законъ; но они (мораване) не имѣютъ такого учителя (doctorem talem), который бы научилъ ихъ читать и обучилъ ихъ совершенно закону (qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoccat: rogare se ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat), и онъ (Ростиславъ) проситъ (императора), чтобъ онъ направилъ въ его край такого человѣка, который бы сумѣлъ вполне (ясно) раскрыть этому народу вѣру и порядокъ закона божьего и путь истины“. Въ Моравіи уже лѣтъ съ тридцать передъ тѣмъ явилось христіанство, съ латинскимъ духовенствомъ. Оно безъ сомнѣнія учило дѣтей и взрослыхъ моравянъ грамотѣ латинской, а Ростиславъ желалъ имѣть такихъ священниковъ и учителей для своего народа, которые бы учили его читать на понятномъ ему языкѣ, слѣдовательно славянскія книги. Князь Моравскій могъ запросить у императора такого учителя, лишь услышавъ, что есть такія славянскія книги. Въ бытности же ихъ онъ убѣдился послѣ того, какъ узналъ, что было сдѣлано Константиномъ Философомъ въ хазарской провинціи или области. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до него, по относительной близости этой области и его княжества и благодаря взаимнымъ сношеніямъ обоюдного населенія. Это важное свидѣтельство записки

Гавдерика рѣшительно говоритъ въ пользу того, что 1) Константинъ Философъ былъ не у собственныхъ хазаръ, а у руси, т. е. въ недавней Хазаріи или въ прозванной варягами *Gardhariki*, а по письму Анастасія, въ *Газарь*, 2) Константинъ Философъ привезъ съ собою славянскія книги и письмена. Оба же эти вывода получаются и изъ другихъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга данныхъ.

В. Ламанскій.

НОВАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ДАТА ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ, В. М. Истринъ пришелъ къ весьма важному выводу относительно времени составленія „Пророчества Соломона“, памятника близкаго „по характеру, тону и способу изложенія“ къ Толковой Псалтѣ; этотъ выводъ далъ ему возможность опредѣлить время составленія другого русскаго произведенія, „Еллинскаго Лѣтописца“ такъ называемой 2-й редакціи ¹⁾. Памятникъ, открытый Истринымъ, содержится въ сборникѣ Кир.-Бѣл. монастыря № 67/1144, XV вѣка. Онъ озаглавленъ въ рукописи *Прѣрѣчко соломона съ хрѣ гна дѣдка цѣа иже проречествока на изѣа*. Другой списокъ того же памятника представляетъ изъ себя, какъ весьма основательно предполагаетъ Истринъ (с. 208), та русская „довольно осмысленная компиляція“, которую Н. Е. Евсѣевъ привлекъ въ качествѣ источника для открытыхъ имъ Толкованій пророчествъ съ обличеніями противъ жидовина ²⁾. Евсѣевъ знаетъ этотъ памятникъ въ списокѣ XV вѣка и называетъ его „Словесами св. Пророкъ“.

Составъ и источники этого памятника, который вслѣдъ за Истринымъ будемъ называть „Пророчество Соломона“, остаются пока не изслѣдованными, но Истрину удалось указать на сдѣланныя въ немъ заимствованія изъ Еллинскаго Лѣтописца, а именно изъ второй редакціи (второго вида) этой хронографической компиляціи. Отсюда онъ

¹⁾ „Изъ области древне-русской литературы“, стр. 208—216.

²⁾ „Замѣтки по древне-славянскому переводу св. Писанія“, *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* 1900 г., кн. 3-я, с. 794.

заклучилъ о русскомъ происхожденіи открытаго имъ и извѣстнаго Евсеѣву памятника.

Время составленія этого памятника можетъ быть, по указанію Истрина, опредѣлено совершенно точно на основаніи хронологической замѣтки, читаемой въ серединѣ памятника, въ одномъ изъ обращеній автора къ жидовину; мы читаемъ именно здѣсь (Кир.-Бѣл. списокъ, л. 37 об.): *Ш того во полона титова до ѿгнѣннаго лѣта камѣ оужѣ ропотачи оу насѣ естъ лѣтѣ ѿ и ѿ вѣзѣ тридцатѣхъ и трѣ лѣтѣ, т. е. отъ плѣненія Титова до нынѣшняго года прошло 1167 лѣтъ. „Такъ какъ Титово взятіе Іерусалима,—замѣчаетъ Истринъ,—имѣло мѣсто въ 75 году, то приложивъ къ нимъ 1167 лѣтъ, получимъ 1242 годъ—годъ составленія „Пророчества Соломона“, т. е. слѣдовательно половина XIII вѣка“. Правильенъ ли однако расчетъ Истрина? Въ подстрочномъ примѣчаніи (на с. 212) онъ объясняетъ, что лѣтосчисленіе въ этомъ памятникѣ слѣдуетъ Георгію Амартолу, а у послѣдняго отъ Адама до плѣненія Іерусалима считается 5575 лѣтъ. Прибавляя къ этой цифрѣ 1167, получимъ 6642, который и есть искомый годъ. Слѣдовательно, видимъ указаніе не на 1242, а на 1234-й годъ ¹⁾.*

Изъ того что „Пророчество Соломона“, составленное въ 1242 году, пользовалось въ качествѣ источника второю редакціей (вторымъ видомъ) Еллинскаго Лѣтописца (см. выше), Истринъ заключаетъ, что эта редакція возникла до 1242 года. Но въ ней содержится повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами въ 1204 году. Отсюда Истринъ выводитъ, что время составленія второй редакціи Еллинскаго Лѣтописца 1204—1242 годы.

Выводъ Истрина вноситъ, наконецъ, опредѣленные вѣхи въ литературную исторію какъ Толковой Псалти, такъ и нашихъ хронографическихъ компиляцій. *И Толковая Псалти и второй видъ Еллинскаго Лѣтописца существовали уже до 1234 года. Не вижу пока необходимости предполагать, чтобы второй видъ Еллинскаго Лѣтописца возникъ непременно послѣ 1204 года, такъ какъ статья о взятіи Царяграда фрягами могла быть вставлена въ одинъ изъ позднѣйшихъ списковъ этого вида, а именно въ протографъ списковъ Чу-*

¹⁾ Для древне-русскаго книжника, какъ и для Амартола, 6642-й годъ отъ сотворенія міра равнялся дѣйствительно 1242-му году отъ Р. Хр., такъ какъ отъ сотворенія міра до Р. Хр. считалось 5500 лѣтъ (примѣры подобнаго расчета перѣдки у насъ въ XV и XVI вѣкахъ). Замѣтимъ, что И. Н. Ждановъ, который зналъ сборникъ № 1144, извлекъ изъ него указаніе на 1237 годъ, такъ какъ относилъ игнѣненіе Титово къ 70 году. (Ср. Изв. университета св. Владиміра за 1881 г.).

довскаго, Пискаревскаго и Синодальнаго № 86. Допустивъ, что Чудовской списокъ опустилъ конецъ своего протографа (ср. опущеніе статьи „О ризѣ“, тѣсно связанной съ предшествующею статьею „О иконѣ святой Богородицы“), заключаемъ, что общій протографъ всѣхъ названныхъ списковъ составленъ послѣ 1391 года, года вступленія Мануила Палеолога на царство.

Можно ли однако согласиться съ Истринымъ, что „Пророчество Соломона“ составлено именно въ 1242 (или по нашему расчету въ 1234) году? Такъ же ли чптается приведенное выше мѣсто въ „Словесахъ святыхъ Пророкъ“ и еще въ другомъ спискѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, о которомъ упоминаетъ Истринь (с. 208)? Впрочемъ, если они содержатъ то же указаніе на 1167 лѣтъ „до нынѣшняго лѣта“, какъ и Кир.-Бѣл. списокъ, все же останется основаніе для иного толкованія извлеченной Истринымъ даты.

Сомнѣнія эти возбудилъ во мнѣ списокъ „Пророчества Соломона“ по рукописи, принадлежащей библиотекѣ графовъ Красинскихъ и описанной Е. Θ. Карскимъ въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1894 годъ. Списокъ, помѣщенный въ этой рукописи на лл. 195 и сл. (по старой нумераціи), озаглавленъ: Прѣрѣчаніе сѣмъ прѣрѣкъ ѡ прѣрѣчаніи роженіи сѣа ѣжа ѣ ѡ ѡца и ѡ коплощеніи хѣтѣ же ѡ сѣма дѣмъ кѣа дѣра ¹⁾.

Къ сожалѣнію списокъ гр. Красинскихъ неполный. Онъ доходитъ только до сказанія о пятомъ знаменіи, бывшемъ въ Иерусалимѣ передъ послѣднимъ его взятіемъ, а именно до словъ князистѣ агницю кѣню закѣкъ мирѣ заколаемоу (Списокъ гр. Красинскихъ, л. 215 об.; Кир.-Бѣл. л. 39). За этимъ слѣдуетъ иное произведеніе, однородное по содержанію съ предыдущимъ: оно содержитъ, какъ кажется, тоже толкованія на пророковъ, начинается съ полуфразы: акѣ но ѡцѣ. ѡцѣ есть. а не тѣхъ ни дѣхъ; въ одномъ мѣствѣ я замѣтилъ и здѣсь обращеніе къ жидовину (л. 217: смотри хѣа дела гѣтъ да сукажоу ти жидокни. кнѣхъ цѣръ есть вечныи). Заслѣдуетъ на л. 217 об. Сѣго ѡца мѣфедна еѣпа патрѣрска сказаніе истинное (объ Адамѣ, его сыновьяхъ и другихъ ветхозавѣтныхъ событіяхъ); на л. 219 об. Сказаніе того же сѣго ѡца мѣфедна ѡ цѣткѣ и ѡ послѣдній летѣ к ни же што налѣ кѣтн; и т. д.

Неполный, вслѣдствіе утраты окончанія, списокъ гр. Красинскихъ

¹⁾ Вслѣдъ за этимъ другое заглавіе: Прѣрѣство солемонѣ же ѡ хѣ. и въкоризна на ѣлегнии евѣки. Нач. сѣтѣ солемонѣ сѣа сѣки прѣрѣ ѡ соке нѣжѣ же прѣрѣченѣ сѣ ѡцѣмъ.

съ интересующаго насъ памятника оказывается неисправнымъ вообще. Такъ въ немъ утрачена ббольшая часть пророчествъ Соломона: пропускъ начинается послѣ словъ како можеша си слова гдѣская к соломонѣ приагити по истиннѣ; опущенъ текстъ отъ словъ погывахъ еси ѿ жидокине и до по по ѿ актѣ преслабна дѣла начинание скршаша и (Кир.-Бѣл. лл. 1 об. — 6 об.) Тѣмъ не менѣе списокъ гр. Красинскихъ заслуживаетъ всякаго вниманія изслѣдователей отчасти и по той связи, которая замѣчается между статьей „Проричаніе свитыхъ пророкъ“ и предыдущими статьями, однородными съ нею по своему содержанию ²⁾. Кроме того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его чтенія исправленіе и древнѣе не только „Пророчества Соломона“ (Кир.-Бѣл. сп.), но и „Словесъ свитыхъ пророкъ“ (изъ которыхъ приведены извлеченія Евсеѣевымъ). Такъ, напримѣръ, въ Кир.-Бѣл. списокѣ на л. 15 об. читаемъ: штроча хѣ естѣ сѣихъ ѿни. ѿгомхъ шцѣлахъ данхъ намхъ емоу рѣ каастъ къ на рамѣ его (и)да во на раснатіе понесе на рамоу крѣтх. то естѣ баѣ его. тѣлахъ повѣди ада. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ списка гр. Красинскихъ находимъ (л. 201 об.): отроча хѣ гѣихъ ѿни ѿгомхъ шцѣлахъ данхъ на емоу рѣ каастъ на рамѣ его. сеже его крѣтх на не же раснаше и. гомхъ во изнесе из града егда шгдѣнша и. и на рамѣ своен кза прегрешеніи наниѣ волезни. гомоу же дѣтишѣ намена нарѣтъ по деломхъ его а прх да се по своен амрхъ кѣѣ. ѿгомхъ кланка скѣта. скѣти во его проповѣда кѣѣ колю своего шца. скѣдынъ кѣе шчѣе и оу него сѣи ѿно.—Ни въ Кир.-Бѣл. списокѣ (л. 10 об.), ни, судя по статьѣ Евсеѣева (стр. 809), въ „Словесахъ св. Пророкъ“ передъ пророчествомъ Наана, вставленнымъ въ толкованіе притчей Соломона 9, 11, не указано, откуда оно заимствовано: здѣсь же (на л. 198) читаемъ передъ Наановымъ пророчествомъ ѿрече ижегано вкратце. и истолковано асно еже кх гѣѣ шцѣлахъ шфѣдѣлахъ шпокоѣ (такъ) натрѣкѣ. — По вообще крупныхъ отличій между спискомъ гр. Красинскихъ и Кир.-Бѣл. не замѣчается.

Тѣмъ важнѣе указать на то, что приведенное выше мѣсто, послужившее Истрину для хронологическихъ соображеній, читается въ

²⁾ На л. 170 и сл. помѣщено Прореченіи сѣѣѣ ѿрѣка ѿ хѣ ѿѣ, а именно пророчества Моисея, Осии, Амось, Захаріи, Ілліи, Іезекіиля, Іереміи, Малахія, Псаіи, Наана, Давыда и Соломона (пророчества приведены безъ толкованій). На л. 181: Отгаданіе кышше кх крѣтѣ кх ѿрамѣ. при софоніи архивѣни ѿ кере хрѣтаньстен. шкѣрѣ сошѣшамса и хрѣстианомъ На л. 189 об. приведены имена пророковъ. На л. 190: ѿ латѣскѣи шпалки. На лл. 190 об. — 194 приведены пророчества (безъ толкованій) Іакова и двѣнадцати его сыновей. На лл. 193—194 об. — пасха жидокаская (толкованіе на Исх. 12, 3—11).

спискѣ гр. Красинскихъ иначе, чѣмъ въ спискѣ Кир.-Бѣл. А именно здѣсь на л. 214 об.—215 читаемъ: *W* того по плена титока до нѣѣшнаго лѣта кѣ оуже рапогаюци к нѣ еств оуже волѣ „а лѣ“. Итакъ, вмѣсто точной даты, вмѣсто цифры 1167, находимъ неопредѣленное указаніе—болѣе 1000 лѣтъ. Предстоитъ рѣшить, какое же чтеніе болѣе древнее—чтеніе Кир.-Бѣл. списка или списка гр. Красинскихъ? Определенно отвѣтить на этотъ вопросъ не рѣшаюсь, но думаю, что преждевременно приписывать указаніе на 1234 годъ автору разсматриваемаго сочиненія. Авторъ могъ ограничиться болѣе общимъ указаніемъ; одинъ изъ послѣдующихъ редакторовъ могъ провѣрить это указаніе и замѣнить его болѣе точнымъ опредѣленіемъ. Такъ составитель хронографа 1512 года, прочтя въ своемъ оригиналѣ, что Теодоръ Студитъ былъ по седьмомъ соборѣ, и соображая, что седьмой соборъ приходился въ 6320 году (что ошибочно), написалъ „Теодоръ Студитъ былъ по седьмомъ соборѣ за семьсотъ лѣтъ безъ двадцатыхъ до скончанія седмыя тысящи а до сихъ временъ за семьсотъ какъ былъ Теодоръ“. Отсюда выяснилось, что хронографъ составленъ въ 7020 (1512) году. Составитель одной изъ позднѣйшихъ редакцій, редакціи 1599 года, еще точнѣе замѣтилъ: „а до сихъ временъ до 7107-го лѣта за (пропускъ) какъ былъ Теодоръ Студитъ“ (рукопись академіи наукъ № 4/1278). Вспомнимъ слова И. Н. Жданова относительно приведеннаго мѣста Кир. Бѣлос. списка: „Это указаніе на 1237 годъ (70+1200—33), очевидно, позднѣйшая поправка одного изъ переписчиковъ. Въ болѣе исправныхъ спискахъ можетъ отыскаться болѣе вѣрное указаніе“¹⁾.

Списокъ гр. Красинскихъ, какъ выше указано, интересенъ еще по той связи, которую онъ устанавливаетъ между „Пророчествомъ Соломона“ и предшествующими ему статьями; среди нихъ находимъ „Стязаніе бывшее въ кратцѣ въ Іерусалиме при Софоніи (чит. Софроніи) архиепископе о вере христіанстеневреомъ сошедшимся и христіаномъ“. Стязаніе это извѣстно, повидному, по многимъ спискамъ: укажу на сборникъ Погод. собранія №№ 1560 и 1952, Синод. библ. № 333. Въ этомъ сочиненіи, изложенномъ въ формѣ діалога между христіаниномъ и жидовиномъ (въ одномъ изъ отдѣловъ „Стязанія“ названнымъ Палискомъ), выясняются христіанскіе догматы и опровергаются нападки на нихъ со стороны іудеевъ. Христіанинъ обращаетъ вниманіе своего противника на ветхозавѣтныя пророчества: „Принесемъ оубо

¹⁾ Изв. унив. св. Владиміра за 1881 г.

нынѣ пророки,—восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—иже Бога провозвѣстише, грядущаго Христа явѣ, како пришеды и отъ насъ поклоняемы. И тои есть истинныи Христосъ, а его же ожидаютъ сѣи, яко грядеть. прелестнигъ есть и антихристъ. и аще же не представимъ пророкъ, глаголющихъ того Бога, ему же мы поклоняемся, явѣ оубо, яко мы прелъщени есмы, Иоуден же истинствуютъ“. Далѣе слѣдуютъ пророчества и толкованія къ нимъ, при чемъ приемы толкованій напоминаютъ приемы составителей „Толковой Палеи“ и „Пророчества Соломона“. „Не зриши ли яко Бога проповѣдаша“—читаемъ мы здѣсь; „Где соуть соудіа ваши, гдѣ князи, но оскудѣша, гдѣ жертвы ваша, гдѣ храмъ вашъ“, и т. д.—Этими словами укоряетъ христіанинъ жидавина. Ниже читаемъ: „кои грѣхъ сотворше предъ Богомъ, яко се толико лѣтъ по всей земли расточи васъ и наведе Тита Еуспасиана отъ Рима... и есте по всей земли разсѣяни и беззаконующе даже до днесь“.—Итакъ „Стязаніе“—памятникъ вполне однородный съ „Толковой Палеей“ и „Пророчествомъ Соломона“. Поневолю возникаетъ давно уже поставленный, но и теперь еще не разрѣшенный вопросъ, не было ли извѣстно русскимъ компиляторамъ, рука которыхъ видна и въ „Толковой Палее“ и въ „Пророчествѣ Соломона“, такое *чуждое* сочиненіе, которое содержало изложеніе ветхозавѣтной исторіи и толкованія пророчествъ съ полемическими выходками противъ евреевъ. Родину такого сочиненія естественно искать въ Іерусалимѣ, гдѣ дѣйствительно могли происходить стязанія о вѣрѣ между христіанами и евреями.

Во всякомъ случаѣ списокъ гр. Красинскихъ долженъ быть принятъ во вниманіе при будущемъ изслѣдованіи и желательномъ изданіи открытаго В. М. Истринымъ памятника. Копія съ упомянутыхъ выше статей списка гр. Красинскихъ имѣется въ бібліотекѣ академіи наукъ.

А. Шахматовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Органъ за всестранно изучаване на етнографска България. Т. I—XVIII. София. 1889—1901 г.)

IX. И. Д. Шишмановъ. „Приносъ къмъ българската народна етимология“. (443—646). Послѣ обстоятельного введенія, заключающаго въ себѣ обзоръ работъ, посвященныхъ народной этимологiи въ западно-европейскихъ литературахъ, проф. Шишмановъ упоминаетъ аналогичныя работы славянскихъ изслѣдователей (Соботки, Гатталы, Карловича, Крушевскаго, Липелля, Черпаго, Маретича, Л. Малиновскаго, Савинова, Рылова) и отмѣчаетъ фактъ, что изслѣдованіе явленій народной этимологiи въ области болгарскаго языка еще не начиналось. Этотъ фактъ опредѣляетъ происхождение его труда. Изложенію фактическаго матеріала проф. Шишмановъ предпосылаетъ теоретическія разсужденія о народной этимологiи. Мы опускаемъ эти разсужденія и обращаемся прямо къ примѣрамъ славянской и въ частности болгарской народной этимологiи, насколько эти примѣры имѣютъ культурно-историческое значеніе. На первомъ мѣстѣ у г. Шишманова стоятъ примѣры изъ области славянской мнѳологiи—*Волось*, *Световитъ*, *Сварожь*. Велесь или Волось, по мнѣнію проф. Шишманова, есть измѣненное подъ вліяніемъ народной этимологiи христіанское имя Власiи (Власіоꙗ). Почему христіанскій святой сдѣлался у славянъ скотыимъ богомъ, онъ объясняетъ одной деталью житія святого; въ числѣ чудесъ имъ произведенныхъ житіе упоминаетъ, что

¹⁾ Окончаніе. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ.

онъ спасъ отъ нападенія волка подвѣтника одной бѣдной женщины. Соображенія автора на этотъ счетъ подтверждаются тѣмъ, что и греки, ранѣе славянь чтившіе святого, считали его также покровителемъ скота (525). Особенное значеніе Власія у болгаръ и русскыхъ объяснено созвучіемъ его имени съ словомъ *власъ*, которое вызывало представленіе о домашнемъ скотѣ „волосатыхъ животныхъ“ (526). Догадку эту проф. Шишмановъ подтверждаетъ указаніемъ на то, что слово *власъ* употреблялось и употребляется у болгаръ въ смыслѣ *шерсти* животныхъ и особой коровьей болѣзни.

Русскіе язычники могли заимствовать у сосѣдей христіанскіе культы Власія и превратить святого въ божество (527). Въ подтвержденіе такой возможности проф. Шишмановъ приводитъ примѣры заимствованія чужихъ божествъ греками и римлянами и обращеніе св. Николая въ божество у самоѣдовъ (528). Проф. Шишмановъ находитъ въ русскыхъ источникахъ и прямое указаніе на связь именъ Волосъ и Власій: въ Стопенной книгѣ и Никоновской лѣтописи скотій богъ прямо называется Власіемъ (не обратная ли здѣсь, однако, этимологія приуроченія непонятнаго имени языческаго бога къ знакомому имени святого?). Крекъ противъ гипотезы о происхожденіи Волоса изъ Власія, указывая на то обстоятельство, что русскіе язычники могли заимствовать культъ Власія только у болгаръ, а у послѣднихъ онъ не пользуется будто бы особеннымъ уваженіемъ. Проф. Шишмановъ приводитъ рядъ фактовъ, сдѣлавшихся извѣстными позднѣе второго изданія книги Крека и свидѣтельствующихъ объ этомъ уваженіи очень убѣдительно (530—532). Въ числѣ этихъ фактовъ одинъ могъ бы быть использованъ и защитниками приоритета Волоса: Мариновъ сообщаетъ, что по вѣрованіямъ болгаръ существуетъ *злой духъ*, который въ видѣ болѣзни *власъ* проникаетъ въ животное и умерщвляетъ его (531. Ж. стар. I, 113); для умилостивленія его учрежденъ праздникъ, который совершается въ Власовъ день (13-го февраля). Плодомъ народной этимологіи, по предположенію проф. Шишманова является и Световить—по Миклошичу Sanctus Vitus, свети Вить (536); догадку свою авторъ, однако, не обставляетъ такой аргументаціей, какъ догадку относительно Власія-Волоса; мы не видимъ мотивовъ, въ силу которыхъ святой обратился у славянь въ божество.

По вопросу о Сварогѣ проф. Шишмановъ исходитъ изъ гипотезы Игича, по которой русскій Сварогъ или заимствованъ чрезъ посредство Новгорода у западныхъ славянь, гдѣ онъ является под именемъ Сварожница, или является изобрѣтеніемъ русскаго глоссатора.

вставленнымъ въ славянскій переводъ Малалы: Сварогъ—имя, сочиненное глоссаторомъ (для чего?) на основаніи дѣйствій Гефеста, которыя вызываютъ въ сознаніи русскія слова *сварить* (= спаять) и *сварьба*. Гипотеза Ягича встрѣтила, между прочимъ, очень логичныя возраженія со стороны проф. Мочульского. Проф. Шиммаковъ не рѣшается утверждать категорически, что Сварогъ изобрѣтенъ русскимъ глоссаторомъ, и ограничивается замѣчаніемъ; „что намъ кажется однако убѣдительною это то, что цѣлая глосса Ипатьевской лѣтописи о Гефестѣ—Сварогѣ возникла дѣйствительно изъ сближенія имени *Сварога* съ „сварить, сварка, сварщикъ, сварьба“. Что „русскій глоссаторъ“ этимологизировалъ по поводу имени Сварогъ и старался его истолковать, это несомнѣнно и ясно всѣмъ; что онъ его сочинилъ, это больше, чѣмъ сомнительно: 1) ему не было для этого никакой необходимости и 2) откуда же западно-славянское, патронимическое *Сварожичъ*?

За примѣрами изъ области мифологіи слѣдуютъ примѣры изъ демонологіи. Авторъ останавливается прежде всего на нашихъ *русалкахъ* (которыя фигурируютъ, замѣтимъ, и въ болгарской народной поэзіи), излагаетъ по Миклошичу данныя о *rosaria*, *rosalia*, *ρουσάλια*, которыя слились *вѣроятно* съ *какими-то* приходившимся на то же время славянскимъ праздникомъ, и послужили матеріаломъ для возникновенія новыхъ духовъ. Во всемъ этомъ процессѣ роль народной этимологіи не ощутительна. Она сказывается, какъ въ русскихъ „глоссахъ“ о Сварогѣ, въ стремленіи осмыслить существующій уже терминъ: въ Берковскомъ округѣ *Русалска четвъртъкъ* объясняютъ тѣмъ, что въ этотъ день когда-то разлилась и все потопила *рыба Русала* (547), въ другихъ мѣстахъ русали — пункты, куда сносятся въ русальскую недѣлю болыныя, приводятся въ связь съ растеніемъ *росен*, любимымъ цвѣткомъ самодивъ (548), *русалки* съ *росными* ливадами — любимымъ мѣстомъ ихъ шприць и прогулокъ, русали же съ именами городищъ, рѣкъ и горъ, въ которыхъ слышится *рос* или *рес* (р. Росица, холмъ Роснягъ); въ южной Болгаріи между Казанлыккомъ и Трѣвной народъ рассказываетъ, что Русалски гробища оставили исполнины русали (это уже не народная этимологія); въ Триновскомъ округѣ русальскій праздникъ связываютъ съ болѣзнию *русита*. Народной этимологіи обязаны своимъ происхожденіемъ далѣе черты, подъ которыми болгары представляютъ себя русалокъ (ихъ русыя косы) и нѣкоторые обряды, совершаемые въ русальскую недѣлю (въ Македоніи дѣвушки и женщины въ русу среду валяются голыя на посѣвахъ ячменя и набираютъ съ лѣкар-

ственными цѣлями въ пузырьки *росы*) и повѣрья относительно роли русалокъ (онѣ *рослятъ* живою водою нивы во время цвѣтенія, 550).

Изъ близости *вашировъ* — *лешировъ* — *встировъ* къ *встри* родилось повѣрье, что турецкіе покойники обращаются въ дикихъ свиней. (550—551).

Народной этимологіи обязанъ своимъ происхожденіемъ образъ, подъ которымъ болгары представляютъ себѣ заимствованнаго изъ турецкихъ повѣрій духа *Караколчо* (Кара-Колдолозь): на половину человѣкъ, на половину *конь* — съ конскими ногами, крыльями и человѣческими головою, грудью и руками (552).

Подъ вліяніемъ народной этимологіи складывается пониманіе имени *лива*, *самодива*, въ смыслѣ *дикихъ*: въ Свищовскомъ округѣ рассказываютъ о *самодивскихъ* людяхъ, которые живутъ въ *лѣсахъ* (553) и которымъ нѣкогда подчинилось мѣстное населеніе.

Сильно сказалось вліяніе народной этимологіи на народномъ календарѣ. Обряды и вѣрованія, приуроченные къ опредѣленнымъ днямъ, находятся въ тѣсной связи съ толкованіями, которыя народъ давалъ заимствованнымъ именамъ святыхъ и праздникова. Въ день св. Андрея (*а-адръ*, *адръ*, *могленское эндро*—*ядро*, *Едрей*, *Идрей*, *Ендрей*) день начинается увеличиваться (*наіедръва*); земледѣльцы варятъ жито, чтобы у нихъ росли (*едръять*) *посѣвы*; съ тою же цѣлью совершаются обряды, имѣющіе характеръ заклинаній (555).

Посѣвы, сдѣланные въ Благовѣщеніе, будутъ *блани*, сладки. Чтобы выползающія по народному вѣрованію въ этотъ день змѣи были *блани*, добры, имъ готовятъ сладкія, *благія* кушанья (555).

Въ день св. Варвары *варятъ* плоды, день се *заваруа* — не прибываетъ. Въ связи съ толкованіемъ имени Вартоломай изъ *вэрти*, *ломи* стоитъ обычай умилюивлять облака, чтобы они не ломили градомъ (557), и вѣрованіе, что въ день святаго 12 апостоловъ поворачиваютъ солнце на зиму (*вѣртать*), и при этомъ могутъ возникать вихри.

Св. Германъ (12-го мая) по созвучію съ *грмъ* умилюивляется, чтобы не шелъ градъ. Какимъ образомъ то же повѣрье слилось съ формой *Джерманъ*, *ѣрма*, въ какой связи стоитъ съ этими же формами обычай дѣлать *Джермана*, авторъ не объясняетъ.

Имя Елисей по связи съ сѣю связывается съ нѣкоторыми предписаніями земледѣльческаго характера. Въ ломскомъ округѣ это имя сближается съ болѣзною волосъ *лисеб*, и больныхъ ею въ этотъ день глѣчать заговорами (559).

Въ силу созвучія же св. Еремія сдѣлался въ народныхъ предста-

вленіяхъ южныхъ славянъ преслѣдователемъ змѣвъ. Одно изъ приводимыхъ любопытно, какъ показатель того, какъ христіанскіе святыи могутъ превращаться въ народномъ сознаніи въ злыхъ духовъ. Противъ змѣй въ этотъ день употребляется заклинаніе христіанскаго характера:

Бѣгай, бѣгай поганя
 Это ти го Еремія
 Со светато Николая.

Еремія здѣсь является преслѣдователемъ змѣй.

Въ вариантѣ этого же заклинанія изгоняется уже самъ Еремія.

Бѣгай, бѣгай *Ерemia*
 И то ти іе гладурна
 Ке ти мотать червата
 Сось желѣзна мотовила.

Въ Охридѣ Ереміи считается семь и они принимаются за женскія божества (561). Проф. Шишмановъ ставитъ вопросъ, не съ Эриніи ли перенесены на Еремію эти представленія. Если это такъ, то мы имѣемъ, конечно, дѣло съ старо-византійскимъ народнымъ осмысливаніемъ Іереміи.

Сродни семи Ереміямъ должны быть и девять сестеръ Ерменокъ.

Имя Игнатъ сближается съ словомъ дигнать, и возникаетъ представленіе, что на Игната день подвигается, т. е. увеличивается на иглу; женщины въ этотъ день начинаютъ какую-нибудь работу, чтобы она подвигалась (562).

Въ Рупчосѣ Игнатъ сближается съ огнемъ и представляется его повелителемъ.

Кирикъ путемъ сближенія съ чурч=дымъ (Чурецъ) становится также въ связь съ огнемъ; Улита превращается въ Люту.

Для объясненія Колады болгары опираются на глаголь колоть и создали сказаніе о царѣ Коладѣ, истребившемъ 12.000 младенцевъ; царь этотъ правилъ когда-то въ Пиротскомъ округѣ. Въ Пригльѣ Колада ставится въ связь съ обѣтомъ колоть въ это время поросятъ (563).

Имя Макавен связывается у болгаръ или съ мака или съ словомъ мѣка.

На почвѣ созвучія имени Наумъ съ словомъ умъ возникло у болгаръ представленіе о святомъ, какъ о цѣлителѣ душевныхъ болѣзней (565).

Св. Модѣстій — Мулешта благодаря созвучію съ муле сдѣлался покровителемъ скота (565).

Къ св. Мину обращаются съ молитвами отправляющіеся въ путь, чтобы разминувшись всякія бѣдствія и злые духи, вредящіе на пути (*ibidem*).

Образцомъ древней народной этимологіи является прозваніе св. *Пантелеймона* путникомъ (пѣт).

Св. Полихроній (Поляхранія) по созвучію съ словами поле, хран-ить чувствуется въ Кюстенживскомъ округѣ ради полей (567).

Св. Стиліанъ (Цилианъ) сдѣлался по созвучію съ *цѣл-ить* цѣлительмъ (568).

Въ день св. Устины (Юстины) не раскрываютъ ножа, чтобы у волковъ не раскрывались *уста* (568).

На почвѣ народной этимологіи возникъ у болгаръ рядъ легендъ и преданій о народностяхъ, лицахъ и мѣстностяхъ.

Власи (Влахи) по связи съ *власъ* фигурируютъ въ одной легендѣ, какъ одичавшіе и обросшіе волосами люди (569), древніе пеоны (пеонцы) благодаря народной этимологіи обратились въ *пѣнцевъ* (571).

Названіе Родоповъ *Славневы* горы есть народное толкованіе стараго административнаго обозначенія страны, какъ удѣла деспота Слани (*terra de Slave*. 1228).

Въ связи съ народной этимологіей проф. Шишмановъ объясняетъ значеніе воды въ свадебныхъ обрядахъ. У сербовъ въ Юрьевъ день дѣвушки, желающія выйти замужъ, выходятъ на воду: „идемъ на воду, да *воде* и *мене* и *тебе*“. Въ рукахъ онѣ несутъ по горсти проса, „да просе“ (585).

Какъ пассивныя народныя этимологіи онъ разсматриваетъ также славянскія формы древнихъ мѣстныхъ названій Балканскаго полуострова: *Almus* — Ломъ (ломъ — болотистое мѣсто), *Margus* — Моравъ (мервь, — *morus*), *Scardus* — Шаръ (шаръ — краска), *Ulpia* — Липлягъ (липа), нѣкоторыя названія бытовыхъ принадлежностей (ободъ — ободцо — обѣсци отъ корня *вьс*, суyman — верхняя одежда и турецкаго названія обуви черезъ *сукно*, погача — россасія — *бомъча* — *бювония*, *vitello* — видѣло, щитъ — щица = дѣщица).

* * *. „Великенска расходка по Поленниско“ (647—715).

Авторъ описываетъ экскурсію въ окрестности Поленнискаго озера и сообщаетъ не мало интересныхъ археологическихъ и этнографическихъ данныхъ — о курганахъ, по мѣстному *тумбалъ* по р. Галику (649—650), о торлакахъ, живущихъ близъ этой рѣки (650), о пу-

ливаковцахъ, живущихъ на западъ отъ нея, о религіозномъ употребленіи камня, имѣющаго видъ *столба*, на одной изъ высотъ хребта Лазарницы (сюда въ великій четвергъ выносятъ икону, къ которой прикладываются большыя послѣ того, какъ они пролѣзутъ черезъ отверстіе пробитое въ камнѣ), о сборѣ, который собирается на Лазарницѣ на второй день Огненной недѣли (654).

— *Константиновъ*. „Кранието Бабекъ въ Родоискиѣ планини“. (716—731). Бабекъ или „Бабешки Колби“ — недоступный почти уголокъ въ Западныхъ Родопахъ. Въ составъ его входитъ одно село и нѣсколько сотъ *колибаковъ* — небольшихъ сочетаній колибъ (3—5—10—15), разбросанныхъ на водораздѣлѣ Марицы и Месты, съ населеніемъ въ 15—20.000 человекъ. Бабекъ такъ мало извѣстенъ, что на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба онъ представленъ, какъ незаселенное пространство, да едва ли, думаетъ авторъ, подозрѣвали о его населеніи до русско-турецкой войны и турки. Бабешскіе помаки даютъ историкю яркую иллюстрацію политическихъ отношеній, которыя имѣли мѣсто въ Родопахъ въ средніе вѣка: они считаютъ себя ни отъ кого независимымъ народомъ и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою свободу противъ румелійскихъ болгаръ, которые пожелали распространить на нихъ власть своего правительства согласно берлинскому трактату.

„Въ говорѣ бабешскихъ номаковъ, говоритъ г. Константиновъ, встрѣчаются слова, которыхъ нѣтъ въ говорахъ сосѣдей; есть слова, значенія которыхъ они и сами не понимаютъ; много словъ, непохожихъ ни на болгарскія, ни на турецкія, ни на греческія, ни на валашскія. Такія слова встрѣчаются и въ говорахъ другихъ окраинъ, но въ меньшемъ количествѣ. Палѣвы ихъ также отличаются отъ другихъ“ (729). Сообщаемыя данныя заслуживаютъ во всякомъ случаѣ вниманія славистовъ: г. Константиновъ, какъ не лингвистъ, можетъ, конечно, и переоцѣнить особенности бабешскаго говора съ точки зрѣнія его лексическаго состава, но въ основѣ все же должно быть нѣчто реальное. Родопы хранятъ, несомнѣнно, не мало обломковъ глубокой старины; не даромъ теперь еще болгарскія баячки и магѣсницы употребляютъ здѣсь по мѣстамъ валашскія заклинанія. До какой степени уединенно отъ міра жили бабешскіе помаки, показываетъ то, что они не знали о русско-турецкой войнѣ, и когда въ ихъ горахъ появились топографы и члены разграничительной комиссіи, они сначала приняли послѣднихъ за „дивихъ людей“ или „шейтановъ“, вылѣзшихъ изъ пещеръ, а потомъ приняли толкованіе авторитетнаго старика, что это

были джины — духи-хранители горъ и закопанныхъ въ нихъ сокровищъ (721).

— *Л. Милетичъ и Д. Агура*. „Дако-ромънигѣ и тѣхпата славянска письменность“. (161—210, 211—399). Гг. Милетичъ и Агура начинаютъ свой соединенный трудъ съ выясненія тѣхъ условій, въ силу которыхъ литературная исторія Молдо-Влахіи представляетъ крупный интересъ для слависта: въ XIV вѣкѣ на политическомъ горизонтѣ являются два воеводства съ ярко выраженнымъ славянскимъ характеромъ и сохраняютъ этотъ характеръ въ теченіе трехъ столѣтій, въ эпоху, когда „звѣзда Болгаріи“ почти погасла; литературный славянскій языкъ, проявившійся здѣсь въ произведеніяхъ церковной и свѣтской письменности, не остается неизмѣненнымъ, какъ слѣдовало бы ожидать отъ заимствованнаго чуждаго языка, но проявляетъ признаки жизни и развитія. Объясненіе этого факта должно заключаться, по мнѣнію авторовъ, въ предположеніи, что славянскій элементъ игралъ важную роль въ образованіи румынской культуры и народности. Этимъ же предположеніемъ должно объясняться и то участіе, которое принимали румыны въ образованіи второго болгарскаго царства. Къ обоснованію этой гипотезы должны служить экскурсы въ область вопроса о происхожденіи румынъ и новые матеріалы для характеристичнаго языка и быта ихъ въ видѣ 80, впервые издаваемыхъ влашскихъ и молдавскихъ грамотъ.

По первому вопросу гг. Милетичъ и Агура высказываются въ томъ смыслѣ, что въ старой Дакии осталась большая часть славянъ, стремившихся на Балканскій полуостровъ. Къ болгарскимъ славянамъ, оставшимся въ Дакии, присоединились позднѣе славяне (мало) русскіе, въ настоящее время ороманившиеся. Славяне эти въ моментъ своего поселенія нашли здѣсь романизованныхъ даковъ. Допуская послѣдній фактъ, наши изслѣдователи становятся естественно на сторону юнговской теоріи о безпрерывномъ пребываніи, если не римскихъ колонистовъ, то романизованнаго дакійскаго населенія на территоріи Дакии. Они послѣдовательно и съ сочувствіемъ цитируютъ Гунмана, который предполагалъ, что часть дакійскихъ римлянъ удержалась въ горахъ и одичала, и въ особенности Юнга („генналенгъ защитникъ“) и румынскихъ историковъ — Хаждеу, Ксенопола. Возраженія, которыя дѣлались противъ юнговской теоріи, тщательно устраниаются: Рёслеръ ссылается на отсутствіе готизмовъ въ румынскомъ нарѣчій, какъ на доказательство того, что римскаго населенія не было на Дунаѣ въ пору готскихъ передвиженій; гг. Милетичъ и Агура выдвигаютъ

гаютъ противъ этого аргумента возраженіе Ксенопола, что въ *сущности* готы никогда не *владѣли* Трансильваніей, а только опустошали ее изъ своихъ жилищъ по Днѣстру и Пруту, да *романы* и не жили въ равнинахъ, а въ горахъ (ср. приводимое выше (219) утвержденіе Юнга, что романизованные даки не имѣли причинъ оставлять своихъ жилищъ).

На почвѣ юнговской теоріи между болгарскими и румынскими историками возникаетъ интересный компромиссъ. Румыны, отстаивая теорію, оказываются вынужденными для ея защиты признать, что на сѣверъ отъ Дуная на равнинахъ съ VI вѣка оставалось непрерывно славянское населеніе, съ которымъ послѣ нашествія мадьяръ слились спустившіеся съ горъ романы; болгары отступаются въ свою очередь отъ исключительно славянской точки зрѣнія Дринова, который не можетъ примирить непрерывное пребываніе славянъ на Дунаѣ съ теоріей происхожденія румынъ отъ колонистовъ Траяна (220); Карпаты оказываются и для г. Милетича прибѣжищемъ романскаго элемента (221). Какъ густо должны были залегать въ Карпатахъ романы-румыны, примѣнительно къ предположеніямъ гг. Милетича и Агура, показывается возраженіе, которое они дѣлаютъ противъ теоріи переселенія: чтобы образовать современную румынскую народность, количество переселенцевъ должно было простираться отъ одного до двухъ милліоновъ, а о передвиженіи такихъ массъ не знаютъ византійскіе историки (ib.); въ Карпатахъ скрывалось, стало быть, къ XIII вѣку до 2.000.000 романтъ—объ этомъ тоже, кажется, до сихъ поръ не зналъ ни одинъ историкъ.

Стремленіе отстоять юнговскую теорію происхожденія румынъ опредѣляетъ точку зрѣнія нашихъ авторовъ на вопросъ о степени романизации Балканскаго полуострова и судьбахъ еракійскаго элемента: не считая доказанной полную романизацию населенія вообще и еракійскаго въ частности (227), они отрицаютъ вмѣстѣ съ Пичемъ существованіе на полуостровѣ романскаго фонда, избытки котораго могли бы образовать румынскую народность (225). Аргументация гг. Милетича и Агура въ общемъ намъ представляется правильной, но въ специальномъ вопросѣ объ образованіи румынской народности она можетъ имѣть силу лишь въ томъ случаѣ, если намъ непремѣнно нужны милліоны, чтобы образовать зерно этой народности. Затѣмъ она выиграла бы въ убѣдительности, если бы не переходила въ крайность; наши авторы готовы чуть не совсѣмъ отрицать существованіе романскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ: „отъ 271 г. до X вѣка нѣтъ

никакихъ упоминаній“ (230); въ X—XII вѣкѣ нигдѣ не являются „съ характеромъ политическаго народа“ (231), „не могли играть роли ни въ политическомъ, ни въ социальномъ отношеніи“ (232). Эти аргументы могутъ быть обращены съ одинаковымъ успѣхомъ и противъ юнговской теоріи; лишь съ XI вѣка является условная возможность говорить о влахахъ за Дунаемъ (извѣстіе Анны Компенъ отъ 1087 г., приурочиваемое согласно съ Успенскимъ и вопреки Васильевскому не къ мадьярамъ, а къ задунайскимъ дакамъ-влахамъ, неопредѣленное извѣстіе Кляннама о влахахъ въ арміи Льва Ватаца, предназначавшейся для нападенія на Венгрію, извѣстіе Никиты Аюмината о плѣненіи влахами Андроника близъ границы Галиціи или на пути въ Галицію—послѣднее, кажется, вѣрнѣе); о политическомъ значеніи задунайскихъ влаховъ также нигдѣ нѣтъ поминъ.

Допуская истинное пребываніе за Дунаемъ бокъ о бокъ романы и славяны, гг. Милетичъ и Агура обставляютъ новыми доказательствами палаузовскій взглядъ на участіе влаховъ въ образованіи второго болгарскаго царства. Были ли Асѣны влахи или болгары, несомнѣнно, по ихъ мнѣнію, одно, что они обязаны своимъ успѣхомъ влахамъ *Дакки* (а не южнымъ, какъ толкуеть между прочимъ Успенскій). Утверждая послѣднее, наши авторы рѣшительно игнорируютъ замѣчаніе Аюмината, что его влахи, бывшіе *Мозси*, живутъ около Балканъ, „землю низовъ“ считаютъ за Румынію и навязываютъ Асѣнямъ планъ воссоединить когда-то одинаково стоявшія подъ властью болгарскихъ царей земли по обѣ стороны Дуная (237).

Гипотеза выходитъ и стройной, и интересной, но она покоится дѣликомъ на „предположительныхъ данныхъ“ (249). Не доказано, что на Молдо-Влахію простиралась власть Византіи или Угріи (? уступка въ 1224 г. земля саксамъ); стало бытъ здѣсь существовало мѣстное управленіе, сохранившее традиціи перваго болгарскаго царства; сюда *могли* бѣжать знатные болгарскіе роды отъ преслѣдованія Василія Болгаробойцы (гдѣ указанія на эти „свирѣпства“ по окончаніи войны?); здѣсь *могли* задумываться планы освобожденія Болгаріи; отсюда подъ предлогомъ эмиграціи *могли* совершаться передвиженія влаховъ въ Балканы; здѣшніе болгары *не могли* не пойти на помощь южнымъ, когда къ нимъ на помощь шли куманы (251); умолчаніе о влахахъ въ титулѣ Асѣня II должно свидѣтельствовать, что Влахія получила автономію, но безъ самостоятельныхъ коронныхъ правъ (257); съ половины XIII вѣка упоминаются влашскіе правители, которые были

несомненно въ вассальныхъ отношеніяхъ къ асѣневцамъ (260), и типъ болгарскаго управленія легъ въ основу строя Молдо-Влахін.

Затронувши вопросъ объ участіи дакійскихъ влаховъ въ образованіи второго болгарскаго царства, гг. Милетичъ и Агура съ особенной подробностью останавливаются на связяхъ, соединяющихъ Молдо-Влахію съ Болгаріей въ VII—X вѣкахъ. Они очень обстоятельно доказываютъ, что болгары, съ переходомъ за Дунай, не отказались отъ земель на лѣвомъ берегу: здѣсь ихъ знаютъ баварскій географъ, *Annales Fuldenses* (892), византійцы IX вѣка („*Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ ἰστροῦ ποταμοῦ*“ 813) и X вѣка топархъ, мадьярскіе хроникеры—анонимный нотарій короля Бэлы; о бывшей зависимости Валахіи и въ частности Фогарона отъ болгаръ упоминаетъ, наконецъ, одинъ мадьярскій судебный актъ XIII ст. („...temporibus jam, quibus ipsa terra Blacorum terra Bulgarorum extitisse fertur...“ 1231). Цѣль доказательствъ, собранныхъ нашими авторами, очень внушительна, но она говоритъ только о связяхъ, существовавшихъ въ періодъ перваго царства; вопросъ о томъ, сохранились ли воспомнанія объ этихъ государственно-правовыхъ связяхъ до конца XII вѣка и были ли они настолько сильны, чтобы вызвать участіе предполагающихся въ западной Влахіи влаховъ и болгаръ въ возстановленіи болгарскаго царства, остается открытымъ.

Между тѣмъ именно положительное, документальное рѣшеніе этого вопроса необходимо для того, чтобы принять конечные выводы авторовъ относительно значенія болгарскаго элемента въ культурной исторіи румынъ. Гг. Милетичъ и Агура утверждаютъ, что въ результатъ вассальныхъ отношеній къ Болгаріи и позднѣйшаго болгарскаго протектората „названія всѣхъ государственныхъ должностей остались болгарскія“ (264) не только въ Валахіи, но и въ Молдавіи, гдѣ византійско-болгарскіе государственные порядки копировались при посредствѣ Валахіи.

Гипотеза гг. Милетича и Агуры обставлена, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, недостаточно убѣдительно, и объ этомъ можно только пожалѣть: обладая бблшей доказательностью, она имѣла бы огромное значеніе для исторіи государственныхъ порядковъ въ Болгаріи: мѣстный, болгарскій запасъ источниковъ скуденъ чрезвычайно; акты, сохранившіеся до насъ отъ времени самостоятельнаго существованія Болгаріи, можно буквально перечестъ по пальцамъ; при такихъ условіяхъ акты молдо-влашскіе, воспроизводящіе болгарскія государствен-

ныя и социальныя отношенія, были бы безцѣннымъ пособіемъ. Можетъ быть, въ будущемъ болгарскіе историки подведутъ подъ нее болѣе прочный фундаментъ, но пока этого фундамента нѣтъ, матеріалъ, на который они своей публикаціей 84 актовъ только еще указываютъ, долженъ изучаться историками южныхъ славянъ безъ отношенія къ Болгаріи. Содержаніе актовъ скорѣе говоритъ, что въ нихъ мы имѣемъ источникъ для скрытой отъ насъ мадьярскимъ нашествіемъ социальной исторіи паннонскихъ славянъ. Обоснованію этого положенія мы посвящаемъ особую статью.

— *А. Теодоровъ*. „Български книгописъ. Дѣлъ I. Отъ врѣмето на първата новобългарска печатна книга до послѣдна-та русско-турска война“. (1641—1877). Предшественниками Теодорова въ дѣлѣ составленія болгарской библиографіи являются К. Иречекъ („Книгописъ на новобългарска-та книжнина“. 1806—1870 г.) и рагѣ, Копитаръ, Ю. Венелинъ, Н. Мурзаевичъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1838 г., апрѣль „Современное состояніе просвѣщенія у болгаръ“), В. Априловъ („Денница новобългарскаго образованія“ 1841 г.), П. Срезневскій (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1846 г., сентябрь), Шафарикъ, Шоповъ („Царградскій Вѣстникъ“) 1852 г. и отдѣльно „Списокъ за българските книги които са издадени до сегѣ“. Ц. 1852 г.), „Росписи“ книжной торговли Данова. Кромѣ печатныхъ матеріаловъ въ распоряженіи составителя были неизданные обзоры книгъ, вышедшихъ послѣ 1871 г.—Стойнова, Манчева, Папайотова и новѣйшіе матеріалы Иречка. Теодоровъ добавилъ тремя стами №№ списокъ, составленный Иречкомъ по отношенію къ книгамъ за 1870 г., исправилъ въ этомъ списокѣ значительное количество неточностей. Въ концѣ „книгописа“ помѣщенъ систематическій указатель по предметамъ, указатель книгъ въ порядкѣ выхода, указатель по мѣстамъ изданія, указатель по языкамъ, на которыхъ написаны оригиналы переводныхъ книгъ.

Х, 3—68 и VIИ, 257—315. *Драгомановъ*. „Забѣлѣжкы върху славянскитѣ религіозно-етическы легенди. Дуалистически-то миротворенне“. (3—69). Второй этюдъ Драгоманова посвященъ космологической темѣ, которая имѣетъ очень крупное значеніе, какъ матеріалъ для изученія отношеній славянскаго міра къ урало-алтайскому. За точку отправленія приняты болгарскія легенды; съ этими легендами сопоставляются родственныя украинскія, излагаются возникшія на почвѣ изученія ихъ теоріи (первобытнаго славянскаго религіознаго дуализма—Егбен'а и Афанасьева; заимствованія чрезъ богомильскую апокрифическую литературу съ востока—Веселовскаго, Сумцова, Мо-

чульскаго. Заимствованія отъ урало-алтайскихъ племень Ю. Крона, Веселовскаго, самостоятельнаго зарожденія дуалистическихъ мифовъ— (Веселовскаго) и затѣмъ устанавливаются основанія собственной теоріи автора. Драгомановъ находитъ, что ни Калевала, ни американскіе дуалистическіе мифы, которые смутили Веселовскаго, не могутъ разсматриваться совмѣстно съ болгарскими. Эти послѣдніе составляютъ одну семью съ сибирскими, турецкими и якутскими. Общая основа всѣхъ родственныхъ болгарскихъ дуалистическихъ легендъ сводится къ тому, что въ нихъ соперничаютъ въ дѣлѣ мірозданія два божественныхъ лица и одно отправляетъ другое въ воду, чтобы достать часть матеріи для созданія суши. Въ Калевалѣ нѣтъ ни этого соперничества, ни попытокъ достигнуть своей цѣли обманомъ со стороны одного изъ соперниковъ (VIII, 272); иначе происходитъ въ Калевалѣ процессъ творенія (кованіе), иную цѣль имѣетъ и ныряніе въ воду.

Что славянскія легенды должны быть заноснаго происхожденія, какъ и урало-алтайскія, очевидно изъ несоотвѣтствія океаническаго характера легендъ съ континентальной средой, въ которой жили и живутъ славяне и урало-алтайцы. По той же причинѣ родиною этихъ легендъ не можетъ быть и Иранъ, не говоря уже о томъ, что въ священной литературѣ до мусульманскаго Ирана нѣтъ ничего подобнаго фабулѣ славянскихъ и тюркскихъ разсказовъ о сотвореніи міра (276).

И славянскіе, и тюркскіе варьянты легенды должны имѣть общій, азиатскій источникъ: въ пользу этого предположенія говорятъ ихъ необыкновенное сходство и широкое распространеніе среди сибирскихъ тюрковъ.

Зерно основной фабулы сложилось по теоріи Драгоманова въ океанической Индіи: здѣсь, по предположенію Лякеля, еще у до-арійскаго населенія существовало воззрѣніе, что земля создана изъ персти, которую вытащилъ со дна моря творецъ. Но въ индійскихъ разсказахъ еще нѣтъ характернаго для славяно-тюркскихъ легендъ соперничества двухъ деміурговъ. Изъ Индіи космогоническая тема проникла въ Месопотамію, въ Халдею, здѣсь ассимилировалась съ мѣстными океаническими легендами, приняла дуалистическія черты частію изъ халдейскихъ, частію изъ заносныхъ иранскихъ сказаній. Созданный такимъ образомъ синкретическій ирано-халдейскій дуализмъ былъ переработанъ Манесомъ и распространенъ по Азіи—въ Иранъ, Туркестанъ и зап. Китаѣ (289). Манихеи старались популяризировать свое ученіе, излагая его въ видѣ доступныхъ

пониманію рассказовъ о божественныхъ существахъ. Въ числѣ такихъ манихейскихъ апокрифовъ должны были находиться и легенды о міро-твореніи, образовавшіяся на ирано-халдейской почвѣ. Мы ихъ встрѣчаемъ именно тамъ, куда прямо или косвенно проникала манихейская проповѣдь (290). Въ сѣверо-восточномъ углу территоріи, на которую распространился манихейзмъ, у алтайскихъ тюрковъ и монголовъ циркулируютъ рассказы, ближе всего подходящіе къ предполагаемымъ Драгомановымъ ирано-халдейскимъ легендамъ (296). Родственные имъ легенды имѣютъ мѣсто въ бывшей Халдеѣ до сихъ поръ— у представителей секты сабеевъ или мандеитовъ (297). Съ нѣскольکو яснѣе выраженнымъ дуалистическимъ элементомъ выступаетъ міро-зданіе у езидовъ— „поклонниковъ дьявола“. Драгомановъ въ езидскихъ вѣрованіяхъ видитъ отголоски цервализма, который также характеризуется уваженіемъ къ злему началу—Ариману (299). По езидскимъ вѣрованіямъ міръ, созданный Богомъ былъ прекрасенъ, но злой духъ Малькъ-Таусъ сказалъ Творцу, что красота его созданіи можетъ быть постигнута только путемъ контраста, и Богъ разрѣшилъ ему создать этотъ контрастъ. Малькъ-Таусъ создалъ зло: холодъ, бури, ядовитыя растенія, хищныхъ звѣрей, злыхъ духовъ. Богъ проклялъ Малькъ-Тауса, и онъ долго скитался по землѣ, пока не нашелъ пріюта у езидовъ.

Ближайшее сходство съ болгарскими легендами обнаруживаютъ грузинско-сванетскія (303—307): въ нихъ также договоръ съ дьяволомъ заключаетъ Богъ, а не Адамъ, какъ въ писаныхъ славянскихъ апокрифахъ. Это обстоятельство вызываетъ у Драгоманова предположеніе, что болгарскіе, грузинскіе, финно-тюркскіе рассказы о твореніи міра созданы ранѣе писаныхъ апокрифовъ (307) и ближе къ иранскимъ рассказамъ о договорѣ между Ормуздомъ и Ариманомъ, чѣмъ къ книжнымъ апокрифамъ. Еще старше и ближе къ ирано-халдейскимъ легендамъ стоятъ легенды грузино-сванетскія. Данныя, добытыя путемъ сравненія алтайскихъ, мандейскихъ, езидскихъ, закавказскихъ и цыганскихъ легендъ, приводятъ Драгоманова къ заключенію, что основа всѣхъ этихъ дуалистическихъ сказаній образовалась окончательно въ ирано-халдейской части Передней Азии (314). На Балканскій полуостровъ они проникли черезъ посредство армянъ-павликіанъ, которыхъ не разъ переселяли сюда византійскіе императоры (X, 3), но павликіанство отразилось въ нихъ только въ основномъ положеніи—въ предполагаемомъ дуализмѣ творенія, при которомъ видимый міръ является созданіемъ Сатанаила. Въ устныхъ бол-

гарскихъ легендахъ дуализмъ ослабъ сильнѣе, чѣмъ даже у умѣренныхъ богомиловъ. Очевидно основа ихъ развивалась подъ влияніемъ устнаго переноса передне-азиатскихъ космогоническихъ легендъ (4). Фабула, аналогичная съ устными легендами, встрѣчается только въ одномъ апокрифѣ, который носитъ разныя названія: „О Тиверіадскомъ озерѣ“, „О бытіи неба и земли“, „Сказаніе о созданіи свѣта“, „Свитокъ божественныхъ книгъ“. Въ этомъ апокрифѣ имѣетъ мѣсто эпизодъ о встрѣчѣ Господа съ Сатанайломъ, имѣющій мѣсто во всѣхъ устныхъ легендахъ. Эпизодъ этотъ по предположенію Драгоманова составлялъ первоначально самостоятельное цѣлое и былъ позднѣе вставленъ въ рассказъ, который начинался съ происхожденія божественной Троицы. Вопросъ о происхожденіи этого апокрифа Драгомановъ рѣшаетъ отлично отъ А. Н. Пыпина. Въ то время, какъ академикъ Пыпинъ включаетъ его въ число произведеній болгарской литературы, Драгомановъ обращаетъ вниманіе на то, что повѣсть о Тиверіадскомъ озерѣ и „Свитокъ“ найдены до сихъ поръ только въ сѣверной Россіи и позднихъ спискахъ (XVII—XVIII вв.), и заключаетъ отсюда, что оба произведенія написаны въ Великороссіи, въ довольно позднее время—не ранѣе XVI вѣка—и частію на основаніи устныхъ источниковъ (рассказъ о птицѣ—сатанайлѣ, 13). Затѣмъ, касаясь вопроса объ отношеніи эпизода съ ныряніемъ Сатанайла къ письменнымъ богомильскимъ апокрифамъ, Драгомановъ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ эпизодъ совершенно неизвѣстенъ сербамъ, едва затронутъ въ одномъ сказаніи у болгаръ и съ большими подробностями рассказывается у русскихъ (13, 20). Переходя отъ балканскихъ дуалистическихъ легендъ къ русскимъ, Драгомановъ отмѣчаетъ огромное количество этихъ послѣднихъ, собранное у Веселовскаго и въ „Этнографическомъ обзорѣніи“ (XIII—XV), и выражаетъ сомнѣніе, чтобы „балканская бѣдность могла родить такое богатство“ (21). Въ пользу того, что русскія дуалистическія легенды возникли независимо отъ балканскаго, болгарскаго вліянія, Драгомановъ приводитъ другіе аргументы.

Тема о ныряніи Сатанайла встрѣчается въ украинскихъ колядкахъ, которыя должно признать возникшими ранѣе, чѣмъ прозаическіе рассказы о Сатанайлѣ, и эти колядки заключаютъ въ себѣ черты, сближающія ихъ непосредственно съ космогоническими рассказами египтянъ и ирано-халдейскими представленіями о міровомъ деревѣ и идеями цервалистовъ (три птицы на деревѣ среди первобытнаго моря, 22). Такъ какъ аналогичныхъ образовъ нѣтъ въ народной словесности

балканскихъ славянъ, то они могли быть заимствованы прямымъ путемъ изъ малоазійско-кавказской области. Что такое прямое вліяніе передней Азіи на Русь могло быть, свидѣтельствуютъ литературные факты. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1071 г. приведены разсужденія волхвовъ о созданіи человѣка изъ пота, отертаго Богомъ—разсужденія совершенно тождественныя съ мандейской космогоніей и иранскими разсказами о происхожденіи человѣка (въ Vindehesch 6, cap. 3, X, 12. Др. 24). Иранскіе разсказы этого рода проникли на русскій сѣверъ, очевидно, по Волгѣ и рѣкѣ, чѣмъ тамъ утвердилось христіанство (24). Другой путь указывается прозаическими разсказами.

Прозаическіе русскіе разсказы содержатъ подробности, которыхъ нѣтъ въ болгарскихъ и которыя встрѣчаются во всѣхъ русскихъ и финско-тюркскихъ варьянтахъ—о возникновеніи горъ изъ земли, которую Сатанаилъ утаилъ отъ Бога во рту, относительно вида, въ которомъ до созданія земли существовали деміурги (птица). Орнито-морфическій характеръ представленій о деміургахъ побуждаетъ Драгоманова считать источникомъ великорусскихъ варьянтовъ инородческія сказанія, въ которыхъ онъ господствуетъ въ отличіе отъ антропоморфныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ (27). Инородческія сказанія по своимъ подробностямъ представляются болѣе древними: договоръ возникаетъ между двумя богами, а не Адамомъ и шайтаномъ, и по своему содержанію напоминаетъ примиреніе Ормузда и Аримана, дьявольскій представитель болѣе могущественнымъ, чѣмъ даже въ кавказскихъ и болгарскихъ легендахъ. Драгомановъ заключаетъ отсюда, что другимъ пунктомъ, откуда проникали въ славянскій міръ ирано-халдейскіе дуалистическіе разсказы была Средняя Азія, гдѣ они сохранились въ наиболѣе полной формѣ (28). Отсюда же проникли и разсказы о происхожденіи ангеловъ и демоновъ изъ искры, которая выскочила изъ камня Богъ и сатана (55), о порчѣ дьяволомъ тѣла Адама. Въ великорусскій народный оборотъ инородческіе мотивы могли проникать параллельно съ процессомъ обрусенія инородцевъ, который длится съ незапамятныхъ временъ (59—60).

— *Начовъ*. „Тиквешки рѣкописъ“ (VIII, 389—419, IX, 85—161). Оригиналь издаваемого г. Начовымъ подъ приведеннымъ заглавіемъ рукописнаго сборника хранится въ бібліотекѣ Солунской гимназіи и названъ по мѣсту жительства жертвователя (село Мързепъ-Тиквешко) Христо Антова. Правописаніе сборника смѣшанное, характерное для

рукописей XVI—XVIII вѣка, языкъ церковный, но въ него пробивается уже народная рѣчь; встрѣчаются сербизмы (IX, 118). Когда, гдѣ и для кого была писана рукопись, неизвѣстно, такъ какъ ни заглавнаго, ни первыхъ и послѣднихъ листовъ у рукописи не сохранилось. Христо Антовъ заявилъ лишь, что рукопись досталась ему отъ прадѣда. По письму и нѣкоторымъ особенностямъ языка издатель догадывается, что списокъ сдѣланъ на рынѣ половины XVII вѣка, но происхожденіе его восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени. Анализъ лексикальныхъ, фонетическихъ, морфологическихъ и синтаксическихъ особенностей списка (119 — 147) и списка словъ (148—160) составляютъ первый отдѣлъ изслѣдованія г. Начова, который мы обходимъ въ нашемъ отчетѣ. Второй отдѣлъ представляютъ историко-литературныя замѣтки. Г. Начовъ на основаніи языка предполагаетъ, что сборникъ переписанъ въ Македоніи (X, 88). Въ языкѣ этомъ есть сербизмы, но эти сербизмы — естественный результатъ вліянія, которое приобрѣла въ XIV — XV вѣкѣ на славянскомъ югѣ сербская литература; языкъ рукописи въ основныхъ чертахъ обнаруживаетъ всѣ характерныя черты мѣстнаго болгарскаго нарѣчія (ib.). Кромѣ сербскаго вліянія въ памятникѣ замѣтны и слѣды русскаго (89): въ одномъ листѣ фигурируетъ царь *Игорь*, въ другомъ питье *медъ*. Эти послѣднія вызываютъ у автора предположеніе, не былъ ли памятникъ переписанъ съ оригинала, принесеннаго на Аоонъ изъ Россіи и здѣсь переведеннаго „на южно-славянское нарѣчіе“. По составу рукопись — сборникъ статей, связанныхъ механически, изъ категорій тѣхъ, которыя составлялись въ монастыряхъ для поученія братіи и народа; въ него входятъ и богословскія статьи и свѣтскія повѣсти, переведенныя по большей части съ греческаго. Большая часть статей уже давно изданы, и г. Начовъ перепечатываетъ сборникъ цѣлкомъ лишь въ интересахъ болгарскихъ читателей. Самую цѣнную часть комментаріевъ издателя составляютъ параллели и аналогіи изъ народной словесности, которыя онъ приводитъ по поводу отдѣльныхъ статей.

Отмѣтки по поводу того, извѣстна или нѣтъ та или иная статья въ другихъ редакціяхъ, не отличаются рѣшительностью.

Комментаріи идутъ по листамъ рукописи.

По поводу второй статьи—разказа о дѣлѣ св. Іоанна Александрійскаго съ братьями Сидоромъ и Глитіаномъ—г. Начовъ замѣчаетъ, что онъ не знаетъ другихъ ея редакцій (95); то же замѣчаніе онъ дѣлаетъ и по поводу легенды о св. Василіѣ, который исторгаетъ у

дьявола запись, данную ему нѣкимъ Еладіемъ за помощь, оказанную при женитбѣ на богобоязненной Кераси, и встрѣчающагося здѣсь имени главнаго бѣса *Фармакія* (96). По поводу слова о Самсонѣ г. Начовъ замѣчаетъ, что оно относится къ рѣдкимъ явленіямъ въ славянской письменности. Отъ редакціи драгобичкаго сборника тиквешская отличается существенно (100). Существеннымъ отличіемъ тиквешской редакціи разсказа отъ Палеи является то, что Самсонъ раскрываетъ тайну своей силы изъ любви къ Далилѣ, а не подт. вліяніемъ пьянства (101).

Слово о томъ, какъ св. Ілія бѣжалъ отъ жены — одинъ изъ рѣдкихъ апокрифовъ — останавливаетъ на себѣ вниманіе уже потому, что въ немъ является *Игорь-царь*. Затѣмъ состязаніе съ жрецами Ваала въ словѣ происходитъ на иной почвѣ, чѣмъ въ библии — на осушеніи огромной печи, которая наполнилась водой (103).

По поводу „Разумника“ г. Начовъ отмѣчаетъ, что въ текстѣ разсматриваемаго сборника Богъ называетъ Сатанала *братомъ*, сообразно съ богомильскими представленіями (131).

Къ сказанію о трехъ головняхъ г. Начовъ указываетъ параллели въ одной прилѣвской сказкѣ (СбМ. VI, 115—117) и сказкахъ о покающемся разбойникѣ (145): стр. 147 — 150 приводятся народныя переработки сказанія о жертвоприношеніи Исаака, на стр. 154 — мотивъ выманиванія у умирающаго души яблокомъ, на стр. 173 — легенды о кровосмѣсителяхъ.

По поводу „видѣнія ап. Павла“ г. Начовъ замѣчаетъ, что редакція тиквешской рукописи совпадаетъ съ текстомъ Тихонравова (182), хотя въ немъ есть и нѣкоторыя мелкія отличія, которыя перечисляются на стр. 182—185.

— *Н. Бобчевъ*. „Изображеніето въ българска народна списка“ (194—220). Г. Бобчевъ затрагиваетъ вопросъ, очень любопытный съ народно-психологической стороны.

Народная поэзія привлекаетъ къ себѣ больше всего вниманіе своимъ содержаніемъ. Характерныя особенности формы облыковенно игнорируются, если они не помогаютъ разрѣшенію историко-литературныхъ вопросовъ. Между тѣмъ особенности народно-поэтической творчествa заслуживаютъ такого же вниманія этнографа и историка культуры, какъ мотивы орнамента, какъ народныя мелодіи.

Основныя особенности народно-эпического изложенія (*Darstellung*) г. Бобчевъ, по Миклошичу, усматриваетъ въ длительности картинъ

(Continuität), повтореніяхъ словъ и предлоговъ, употребленіи постоянныхъ эпитетовъ и сравненій, повтореніи цѣлыхъ пассажей (207).

По поводу повтореній авторъ цитируетъ параллель, которую приводитъ Миклошичъ между славянскимъ и гомерическимъ эпосомъ, и подсчетъ гомерическихъ повтореній, сдѣланный С. Е. Schmidt'омъ (9.253—16.000 на 27.853 стиха въ обѣихъ поэмахъ). Говоря о постоянныхъ эпитетахъ, которые также сближаютъ славянскій эпосъ съ греческимъ, г. Бобчевъ отмѣчаетъ такіе случаи, въ которыхъ привычный эпитетъ употребляется тамъ, гдѣ ему не можетъ быть мѣста: *бѣлы* руки у *црка* аранина. Нѣкоторые изъ такихъ эпитетовъ встрѣчаются въ соединеніи съ какимъ-нибудь однимъ существительнымъ: *ведуръ* съ *небо*, *орылъ* *солнце*. На стр. 212—217 авторъ приводитъ постоянные эпитеты въ алфавитномъ порядкѣ. По поводу сравненій авторъ отмѣчаетъ, какъ болѣе характерный для славянской поэзіи оборотъ — вопросительное сравненіе, которое сопровождается отрицаніемъ (220).

— *К. Махаль*. „Нашитѣ напѣви“ (221—235). Болгарскія народныя мелодіи до сихъ поръ остаются неизвѣстными музыкальному міру. Л. Куба и С. Мокраляцъ отмѣтили ихъ особенности лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и недостаточно точно.

На ряду со всѣми юго-славянскими мелодіями болгарскія характеризуются ритмическими неправильностями. Происходятъ эти неправильности частію отъ вліянія турецкой музыки, которое особенно сильно въ Болгаріи, частію вслѣдствіе стремленія подчинить мелодію удареніямъ текста (222).

По вопросу о происхожденіи пѣсенныхъ мелодій авторъ высказываетъ предположеніе, что народъ создалъ не напѣвы, а слова пѣсенъ и прилаживалъ ихъ къ мелодіямъ, которыя слышалъ отъ гайдарей и флейтистовъ (кавалджія); потому-то однѣ и тѣ же пѣсни поются въ одномъ селѣ на одинъ напѣвъ, въ другомъ на другой (233).

Различіе между болгарскими и сербскими мелодіями авторъ видитъ, во-первыхъ, въ интервалахъ: въ то время, какъ въ болгарскихъ мелодіяхъ sexta, septima и octava являются обычными интервалами, обычнымъ сербскимъ интерваломъ является quinta, затѣмъ въ большемъ мелодическомъ богатствѣ (234).

— *Д. Матовъ*. „Бѣлежки върху българската народна словесность“ I (268—323). Статья Матова начинается вводными соображеніями о значеніи фольклора. Затѣмъ авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ сюжетамъ народнаго творчества, рассматриваетъ варьянты пѣсни о же-

нитьбѣ солнца, оспариваетъ предположеніе Краусса, что солнце и денница являются въ этихъ пѣсняхъ лишь ласкательными терминами, метафорами, сводитъ факты, говорящіе о культѣ солнца у славянъ (282 и сл.), сопоставляетъ болгарскую пѣснь съ аналогичными произведеніями другихъ народовъ, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на извѣстной мордовской пѣснѣ (299) и германской сагѣ о женитьбѣ Фрейра, греческими народными сказками и приходитъ къ заключенію, что эта пѣсня составила изъ элементовъ, которые ранѣе были сказками и легендами (323).

— *К. Шапкаревъ.* „По народната медицина и пейната номенклатура въ Македоніи“ (324—344). Г. Шапкаревъ сообщаетъ народныя представленія относительно нѣкоторыхъ болѣзней и ихъ лѣченія (водобоязни — 325, уроковъ — 331, сирмы — отека — 339).

— *В. Н. Златарски.* „Письма на цариградския патриархъ Николая Мистика до българския царь Симеона“ (372—428). Изданныя сначала Анджело Майо въ X т. „Specilegium Romanum“, потомъ Мигне-емъ (Patrolog. CXI), письма патриарха Николая Мистика были уже въ 1866 г. оцѣнены Григоровичемъ, широко использованы въ 1875 г. Дриновымъ („Южные славяне и Византия въ X вѣкѣ“), но во всей полнотѣ этотъ источникъ оставался нетронутымъ: Дриновъ пользовался не оригиналомъ, а переводными выдержками въ русской біографіи П. Мистика. Г. Златарскій предпринялъ благодарную задачу издать точный болгарскій переводъ писемъ съ возможной ихъ хронологіей и комментаріями и выполнилъ ее съ большимъ успѣхомъ. Трудъ болгарскаго историка заслуживаетъ тѣмъ болѣе признанія, что въ письмахъ Мистика крупныя исторіи растворены въ огромныхъ количествахъ риторической воды, и не только для перевода, но даже для простого прочтенія ихъ нужно вооружиться немалымъ терпѣніемъ. Письмами устанавливается, что Симеонъ стремится захватить императорскую власть, на которую „не имѣлъ никакихъ правъ по своему происхожденію“, что патриархъ грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви, если бы онъ задумалъ осуществить свои замыслы (II — 5), и рекомендовалъ держаться въ предѣлахъ договоровъ, заключенныхъ отцами много ранѣе (V — 8). Письмами устанавливаются далѣе энергическія попытки болгаръ войти въ соглашеніе съ печенѣгами; болгары старались укрѣпить добрыя сношенія путемъ брачныхъ союзовъ съ степными воеводами, не стѣсняясь, видимо, различіемъ религій (VI — 9; XI, 6). Положеніе болгаръ въ варварскомъ мірѣ опредѣляется напоминаніемъ Симеону объ аваряхъ, вѣтвью которыхъ и подданными (рабами) были болгары

(VII—10). Письма выясняютъ и высокоумѣрный взглядъ византійцевъ на болгаръ и славянъ; эти послѣдніе являются для патріарха рабами, отпущенными на свободу (ib.); для красоты стилия и отвода глазъ дѣлается впрочемъ разъясненіе: они были рабами дьявола и освобождены греками. Въ одномъ изъ писемъ заключается довольно ясное указаніе на то, что еще въ X вѣкѣ славяне разсматривались, какъ особый отъ „болгарскаго племени“ „подчиненный народъ“ (XI—16). Письмо XVIII (23) содержитъ интересный для русскихъ историковъ намекъ, что противъ Симеона приготовлялась коалиція, въ которой рядомъ съ печенѣгами, мадьярами, аланами должны были принять участіе и русскіе (XII, 149) „и другія скинскія племена“ (150). Письмо XXIII имѣетъ значеніе не столько для исторіи болгаръ, сколько для характеристики взглядовъ II. Мистика на папство, которые онъ считалъ возможнымъ развивать предъ Симеономъ (179—180).

— „Българитѣ въ неиздаденитѣ мемуари на Чайка-Чайковскій (Садѣкъ-паша)“ (429—468). Статья представляетъ собою извлеченіе данныхъ о болгарахъ изъ мемуаровъ Чайковскаго, сдѣланное его дочерью Каролиной Суходольской. Послѣ краткаго біографическаго очерка Чайковскаго приводятся выдержки изъ мемуаровъ, которыя рисуютъ положеніе болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX столѣтія. Рядомъ съ картинами социальнаго быта встрѣчаются факты изъ области духовной жизни ихъ, вызывающіе впрочемъ нѣкоторое сомнѣніе: рассказывается, напримѣръ, о портретахъ всѣхъ болгарскихъ царей, сдѣланныхъ воскомъ (на пергаментѣ и полученныхъ авторомъ въ даръ отъ монаховъ близъ Трнова, о рукописи, въ которой на славянскомъ языкѣ кириллицей описывалось путешествіе византійскаго посольства къ Атилѣ (Приска?) Любопытныя приобрѣтенія были отправлены французскому министру внутреннихъ дѣлъ Вильмену. Какъ курьезъ можно отмѣтить антрополого-историческія соображенія Чайковскаго о болгарахъ. Южные болгары не имѣютъ, по его словамъ, туранскаго типа сѣверныхъ и болѣе похожи на поляковъ. Чайковскій не затрудняется и объяснить это сходство: въ царствованіе Османа III значительное количество польскихъ плѣнныхъ было поселено за Балканами, часть ихъ отуречилась и получила названіе помаковъ (=поляки!), часть сохранила католицизмъ подъ именемъ *павликианъ* (отъ Павлика, своего духовника). Приводитъ г. Суходольская и выдержку относительно проекта Чайковскаго поручить полякамъ воспитаніе въ турецкомъ государственномъ духѣ болгарскаго юношества (446)—проекта, встрѣ-

ченнаго сочувственно министерствомъ Гизо, и о неудачныхъ попыткахъ его реализаціи подъ руководствомъ „директора народнаго просвѣщенія въ Болгаріи“ нѣкоего А. Раоуча, мастера танцовать, но плохого педагога (447), избраннаго А. Чарторыйскимъ и графомъ Замойскимъ. „Директоръ“ подобралъ соотвѣтствующій учительскій персоналъ исключительно изъ офицеровъ, но они ограничились тѣмъ, что усердно пили за здоровье своихъ будущихъ учениковъ, Гизо, Чарторыйскаго, но не двигались изъ Парижа.

*** „Пятуваніе по долини на Струма, Места и Брегалница“ (469—535). Авторъ путевыхъ очерковъ сообщаетъ безхитростию все, что привлекало его вниманіе на пути—легенды, которыя онъ слышалъ по поводу остатковъ старины (470. „Не бой-се, куло“; о змѣѣ покровителѣ, журущемъ около камня Давковъ-Камъкъ, родоначальника одной изъ семей села, XI, 244). Павѣянныя мѣстными названіями историческія воспоминанія (473—Богданъ-Войвода), повѣрья о происхожденіи урочищъ („свѣтицы“)—отъ бѣжавшихъ изъ монастыря иконъ—XII, 248—р. Места отъ красавицы Месты, струмы—248, свѣдѣнія о памятникахъ старины („градище“ около Крушево; монеты, стрѣлы; выѣченныя въ скалахъ *Киновоы пещеры*—527; находки въ курганахъ около села Дебрець—XII, 238) и рѣже встрѣчающіяся у туристовъ—о постройкахъ страны (жилища, выѣченныя террасами въ скалахъ въ Мельникѣ—XI, 211, двухъ этажные дома въ с. Горно-Броди—242, мандры—XIII, 347).

Отмѣчаетъ путешественникъ и остатки языческой старины въ религіозныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ населенія (XIII, 342—343).

Особенный интересъ представляютъ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ относительно областей или этнографическихъ группъ, на которыя распадается славянское населеніе Македоніи. Группы эти были слегка затронуты между прочимъ въ маленькой брошюрѣ Верковича „Македонскіе болгары“.

Первую изъ этихъ группъ составляютъ *мрваки*, заселяющіе горную область Мрвашко, отроги Алн-Ботуша. Авторъ описываетъ ихъ какъ особое племя, нѣкогда жившее главнымъ образомъ желѣзной индустріей, отмѣчаетъ обычай жить родами (XIII, 350—351), языческіе обряды (хожденіе вокругъ сосны на масляницѣ, *ibid.*, 351).

Другую группу составляютъ *поляне*, заселяющіе „Сърско поле“, плодороднѣйшее въ Македоніи. Бытъ этого племени не соотвѣтствуетъ природнымъ условіямъ страны. Поляне бѣдняки; ихъ села — кучи хижинокъ, глѣпящихся одна около другой или раскиданныхъ по не-

загороженнымъ тѣснымъ дворамъ. Любимые цвѣта полянь чернѣй и синѣй; мужчины носятъ черные „дрехи“, подпоясываются чернымъ поясомъ, фесы съ большой черной кистью (503); женщины — синюю „ентерию“, красный поясъ и передникъ (прѣгачтъ, прѣстижката), спускающііся до ногъ, вытканный изъ шерсти съ рисунками квадратными и ромбовидными.

Каждое село имѣетъ свой праздникъ, который справляетъ самымъ торжественнымъ образомъ.

Часто этотъ праздникъ совпадаетъ съ днемъ чествованія святого, которому посвящена церковь, во многихъ случаяхъ празднуется и другой святой (504).

По поводу мѣстности Чечко авторъ сообщаетъ свѣдѣнія очень цѣнныя, какъ матеріалъ для реставраціи старинныхъ политическихъ отношеній въ Македоніи. Чечская область (Чечъ) населена помаками; въ составъ ея входитъ болѣе 60 селъ. Помаки подчиняются безусловно во всемъ своимъ старѣйшинамъ („големцы“). Частью Чеча, которая входитъ въ составъ Певроконской каазы, завѣдуетъ старая аристократическая *фамилія* изъ с. Осойпицы, первенцы которой носятъ титулъ пашей. Современный старѣйшина, старикъ 70 лѣтъ Али-Паша является неограниченнымъ повелителемъ болѣе 40 селъ. Онъ рѣшаетъ всѣ распри и налагаетъ наказанія; онъ держитъ въ своихъ рукахъ полицейскую власть, выплачиваетъ ограбленнымъ отнятыя у нихъ деньги или товары, раскладываетъ издержки на область (=жупа по законнику Душана) и караетъ виновныхъ, если таковые попадаютъ. Авторъ высказываетъ очень основательное предположеніе, что Али-паша и его фамилія являются потомками бывшей княжеской фамиліи (XII, 239). Аналогичныя отношенія имѣли мѣсто въ Бабекѣ (269). Чечскіе помаки ненавидятъ турокъ и сохранили много христіанскихъ и языческихъ обрядовъ — почитаютъ, на примѣръ, св. Георгія, при родинахъ, бракахъ и погребеніи совершаютъ тѣ же обряды, что и болгары-христіане (240).

Интересныя этнографическія данныя сообщаетъ авторъ относительно области Банско. Банчане рѣзко отличаются отъ другихъ македонцевъ своими обычаями: они не принимаютъ чумаковъ въ домъ, справляютъ погребеніе, какъ свадьбу, во второй день послѣ похоронъ ходятъ на могилу „на разбудъ“ (261).

XI. Д. Е. *Такелм.* „Нѣюгашинтѣ павликиани и сегашните католици въ Пловдивско“ (103—134). Коротенькій очеркъ Такела основанъ на лѣтописныхъ извѣстіяхъ, актахъ, изданныхъ Фермендѣинъомъ, данныхъ,

собранныхъ въ Римскихъ архивахъ, архивахъ католической мисси и народныхъ преданіяхъ.

Очеркъ начинается съ переселенія Іоанномъ Цимисхиємъ въ Филиппополь армянъ манихеевъ. Это была секта павликіанъ, которая, основываясь на посланіяхъ апостола Павла, отрицала тѣлесную смерть Христа на крестѣ, не почитала Креста и Богородицы. Новые колонисты докончили дѣло, начатое еще ихъ собратьями при Константинѣ Копронимѣ. Авторъ слѣдитъ за ихъ судьбами въ XI—XIII вв., съ 1205 г. до 1581 г. въ исторіи пловдивскихъ павликіанъ наступаетъ перерывъ. Обращеніе ихъ въ католицизмъ начинается съ первыхъ годовъ XVII ст. и заключилось къ половинѣ XIX. Въ какомъ состояніи въ это время находилось вѣроученіе секты, показываетъ извѣстіе Марсилли („*Stato militare del imperio Ottomano*“, 24): храмъ ихъ „плоское мѣсто, въ одной сторонѣ его возвышалось большое дерево, на которомъ были набиты деревянныя колья для подвѣшиванія жертвъ (части заколотыхъ коровъ и овецъ); передъ деревомъ былъ забитъ въ землю грубо сдѣланный каменный крестъ, передъ которымъ сектанты отбивали поклоны; среди площади стоялъ каменный столъ, на которомъ приносились жертвы, и маленькіе столшны, на которыхъ ѣли жертвенное мясо“. Авторъ не допускаетъ того, чтобы Марсилли самъ посѣщалъ павликіанскія села, но это сомнѣніе намъ представляется недостаточно обоснованнымъ, и картина, нарисованная итальянскимъ авантюристомъ, сохраняетъ свою культурно-историческую цѣнность. Другія подробности относительно религіознаго состоянія сектантовъ въ XVII в. сообщаютъ рапорты первыхъ софійскихъ католическихъ епископовъ: священникъ крестилъ ихъ огнемъ, прикасаясь къ головамъ въ крещеніе зажженною свѣчю („Крещеніе пламенемъ св. Іоанна Крестителя“); почитаніе иконъ и особенно креста они отвергали; въ церквахъ не держали ничего, кромѣ столовъ, за которыми пили и ѣли, священниковъ не имѣли, а избирали честиѣйшаго въ общинѣ старосту и вручали ему жезлъ, обязанности его ограничивались тѣмъ, что онъ предсѣдательствовалъ за трапезами, и крестилъ огнемъ, благословлялъ браки (связывая руки молодыхъ) и мирялъ распри (XI, 117). Павликіане, какъ ни низокъ былъ уровень ихъ развитія, пользовались св. книгами въ пергаментныхъ спискахъ XIV в. (писанными кириллицей). Такева думаетъ, что книги эти были занесены къ пловдивскимъ павликіанамъ дунайскими, у которыхъ были, по другимъ свидѣтельствамъ, въ ходу древніе списки богослужебныхъ книгъ—между прочимъ боснійскіе XIV в.

Суровая обстановка богослуженія у павликианъ мало измѣнилась и послѣ принятія ими католичества: подѣ страхомъ турецкихъ нападений литургія совершалась въ подпольяхъ или домахъ, имѣющихъ обычную обстановку. Алтарь приносилъ съ собой въ такой храмъ священникъ; столпо появлялся вдали туркамъ, какъ богослуженіе прекращалось, на огнищѣ показывался заранѣе посаженный на рожень лгисенокъ, молившіеся составляли хоръ и турокъ увѣряли, что собраніе празднуетъ свадьбу (124).

— *Н. Златарски.* „Повн извѣстия за найдревния периодъ на българската история“ (145 — 150). Болгарскій историкъ обращаетъ въ своей статьѣ вниманіе соотечественниковъ-спеціалистовъ на имѣющіяся въ византийской хроникѣ Іоанна, епископа Никіи въ Нижнемъ Египтѣ (*Journal asiatique* vol. X, XII, XIII; текстъ въ „*Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale* t. 24, 1-re partie, 125—605), извѣстія о Кувратѣ, отцѣ Аспаруха, основателя болгарскаго царства. Епископъ Іоаннъ жилъ въ VII в., при составленіи своей хроники сильно пользовался хроникой Малалы или ея первоисточниками. Разсматриваемый Златарскимъ отрывокъ хроники сообщаетъ, что послѣ смерти Ираклія I (640) возникъ проектъ утвердить власть за его сыновьями, и авторомъ этого проекта былъ „Кувратъ, начальникъ гунновъ, двоюродный братъ Органа. Этотъ человекъ былъ еще въ дѣтствѣ крещенъ и выросъ при императорскомъ дворѣ и былъ связанъ неслыханной дружбой съ Иракліемъ“. Этого Куврата г. Златарскій сближаетъ съ Куртомъ, который упоминается въ именникѣ Попова, и Ковратомъ хроники Никифора (806—815). Извѣстія эти, правду сказать, не совсемъ согласны. Іоаннъ говоритъ о Кувратѣ, что онъ постоянно жилъ при дворѣ, а Никифоръ приблизительно подѣ 835 г. рассказываетъ, что „въ то время возсталъ Ковратъ, двоюродный братъ Органа, повелитель хуногундуровъ, противъ аварскаго хана... и послалъ пословъ къ Ираклію и заключилъ съ нимъ миръ, который оба сохраняли до конца жизни“. Сближеніе оказывается еще менѣе основательнымъ, когда мы узнаемъ, что въ рукописи Іоанна говорится не о Кувратѣ, а о какомъ-то *Quetrades*, родичѣ *Куерпакѣ* (будто бы = *Ορυανας*). Г. Златарскій предполагаетъ, что имена Куврата и Органа были искажены переводчиками и переписчиками. Возможно; но разъ имена Іоанну приходится подставлять изъ Никифора, то нужно имѣть увѣренность, что оба хроникера говорятъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ; увѣренность эта можетъ возникнуть подѣ влияніемъ тождества извѣстій, но этого тождества нѣтъ: *Quetrades* Іоанна — повидимому служилый

человѣкъ Праклія христіанинъ, Кавратъ — ханъ, сбрасывающій иго аваровъ. Что Quetrades Іоанна былъ, дѣйствительно, служилый человекъ имперіи показываетъ контекстъ: „войскитѣ отъ провинціята Каппадокія... съставиху едно писмо... Когато жителитѣ на Византие получиху тази новина, тѣ казаха че авторитѣ на този проектъ е *Кубратъ*... Кубратъ—Quetrades, очевидно, находился при арміи въ Каппадокіи и не имѣлъ ничего общаго съ болгарскимъ ханомъ.

Г. Златарскій не принялъ въ расчетъ взятыхъ нами изъ его же перевода строкъ и, отождествивши Quetrades съ Кувратомъ, старается пополнить и исправить текстъ Никифора текстомъ Іоанна. Въ виду сдѣланнаго нами сопоставленія данныхъ Іоанна эта работа оказывается продѣланной напрасно; напрасно-же потрачены усилія и на то, чтобы объяснить, какимъ образомъ болгары, еще при Кубратѣ бывшіе христіанами, такъ основательно забыли христіанство ко времени появленія на Балканскомъ полуостровѣ.

— С. Христовъ. „Пиротскія окръжъ и неговото населеніе“ (259—225). Г. Христовъ даетъ обстоятельный сводъ свѣдѣній, имѣющихся относительно пиротскаго округа съ древнѣйшихъ временъ, приводитъ извлеченія изъ путешественниковъ XV — XVIII вв. и въ краткихъ чертахъ знакомитъ съ современными обычаями пиротскаго населенія, съ чествованіемъ „свѣтца“ (=слава), дѣлаетъ неудачную попытку объяснить это чествованіе (321, 322). Въ объясненіи этого видно желаніе такъ истолковать зарожденіе обычая, чтобы не было необходимости припоминать сербскую „славу“: „едни ой пиротчана тѣй сѣ съ нечелили своя свѣтець, а други по наслѣдство или прѣпесено изъ Сърбія, *идъ-то пиротчанитъ ходили по трговлятаси (!)*“. Предположеніе, что обычай, имѣющій такое огромное значеніе въ жизни семьи—большой или малой—могъ быть занесенъ путемъ торговли, не выдерживаетъ, разумѣется, критики, и авторъ чувствуетъ это самъ, такъ какъ тотчасъ дѣлаетъ другое, болѣе научное и правдоподобное замѣчаніе, что обрядъ имѣетъ сродство съ языческими курбанами былаго времени (322). Далѣе сообщаются подробности относительно „свѣтца“: о способѣ выбора, объ излюбленныхъ „свѣтцахъ“ (Архангелогъ день, св. Никола, менѣе св. Димитрій). Другимъ интереснымъ сообщеніемъ является сообщеніе о сельскихъ „оброчищахъ“ и крестахъ, предъ которыми приносится жертва (322—3).

— Черновъжда „Спомени за унпята на 18 декемвра 1860 г.“ (326—345). Статья Черновъжда посвящена одному изъ любопытныхъ эпизодовъ новѣйшей исторіи болгарскаго народа—попыткѣ путемъ униіи съ римскою

церковью добиться обособленнаго отъ грековъ церковнаго управленія и признанія своей національности въ сферѣ церковной. Въ движеніи принимали участіе цареградскіе болгары, молодежь и учителя изъ болгарскихъ областей. Органомъ этого движенія былъ журналъ „Българія“, основанный въ 1859 г. Драганомъ Цанковымъ. Противники писали въ „Цариградскія Вѣстникъ“, „Български книжица“ и „Дунавскій Лебедь“. Сторонники униі готовы были на всякія вѣроисповѣдныя уступки, лишь бы добиться своей основной цѣли (327); большія надежды возлагались на Наполеона III, къ которому обращались съ прямыми ходатайствами.

„Българія“ горячо нападала на православную церковь, но—черта характерная—съ чужого голоса: полемическія статьи писаль по французски французъ изъ ордена лазаристовъ Favergial, Цанковъ и другіе его сторонники ихъ переводили. Въ статьяхъ оспаривались догматы православной церкви, законность власти цареградскаго патріарха, противники униі объявлялись продажными орудіями Россіи. Журналъ печатался въ католическомъ монастырѣ и состоялъ подъ покровительствомъ французскаго посольства (328). Инициаторы движенія рассчитывали путемъ временнаго соединенія съ римскою церковью и при содѣйствіи Наполеона III добиться того, чтобы Порта признала ихъ самостоятельность въ церковномъ отношеніи, и потомъ, при удобномъ случаѣ, отступить отъ папы. Вѣроисповѣдныя убѣжденія въ данномъ случаѣ не имѣли никакого значенія (329). О значеніи униі догадывались очень немногіе. Въ 1859 г. жители города Кукуша около Солуня объявили себя униатами и обратились къ папѣ съ мольбой принять ихъ „въ стадо свое“. Прошеніе кукушанъ стоятъ того, чтобы привести его основныя пункты. Кукушане „ради того, чтобы сохранить вѣру свою цѣлой и невредимой, какъ унаслѣдовали отъ прадедовъ своихъ... рѣшивъ признать Пія IX и его преемниковъ своимъ духовнымъ главою... на слѣдующихъ основаніяхъ: мы истинно вѣруемъ, что Пій IX есть истинный намѣстникъ с. Петра... мы желаемъ и молимъ Пія IX, чтобы онъ не производилъ никакихъ измѣненій въ церковныхъ обрядахъ (обычаяхъ, празднествахъ, богослуженіи), въ преподаваніи таинствахъ, въ состояніи нашихъ священниковъ и въ языкѣ, на которомъ имѣютъ быть у насъ церковныя молитвы, каковой языкъ есть староболгарскій или словенскій; наша епархія ввѣряется архіепископу, избранному согласно нашему общему желанію, архіепископъ и подвѣдомственное ему духовенство должны быть изъ болгаръ... болгарскій языкъ съ народнымъ алфавитомъ...

долженъ быть основаніемъ ученія въ училищахъ; учителя должны избираться архіепископомъ и народомъ“ (330: „България“ 1859, № 25). Патриархъ, чтобы предупредить унию, назначилъ самъ кукушанамъ епископомъ болгарина, воспитанника Московской духовной академіи Пароенія. Уступка была сдѣлана подъ давленіемъ русскаго посольства (330).—Попутно авторъ останавливается на той роли, которую во всемъ дѣлѣ играло русское посольство. Греческіе ученые увѣряли въ журналахъ и отдѣльныхъ книгахъ, что болгаръ возмущаетъ противъ грековъ Россія; авторъ не отрицаетъ этого, но говоритъ, что посольство поддерживало и патриархію въ ея противодѣйствіи болгарскимъ стремленіямъ. Въ интересахъ исторической истины были-бы нелишни доказательства по этому послѣднему пункту. Турецкое правительство, кажется, не раздѣляло возрѣвій автора, такъ какъ, подобно грекамъ, видѣло въ болгарскихъ притязаніяхъ русскую интригу и стало склоняться въ пользу униі, чтобы раздѣлить русскихъ и болгаръ (331).

18-го декабря 1860 г. униа была провозглашена. Болѣе 2.000 константинопольскихъ болгаръ, назвавшихся уполномоченными болгарскаго народа, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ архимандритовъ и священниковъ явились къ папскому намѣстнику въ Константинополѣ II. Брунони и подали написанное по французски заявленіе относительно того, что *болгарскій народъ* желаетъ вступить въ нѣдра католической церкви съ условіемъ, чтобы обряды, обычаи и славянское богослуженіе оставались неприкосновенными. Въ прошеніи къ папѣ, которое затѣмъ было составлено и подписано, указывалось на то, что нѣкогда болгарскій народъ имѣлъ свою іерархію, поставленную римской церковью, и въ интересахъ охраненія *православной* вѣри желаетъ возстановить ее и теперь (въ формѣ особой, независимой патриархіи безъ всякихъ ограниченій); въ прошеніи высказывалась готовность признать обряды и догматы римской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалась увѣренность, что, примѣнительно къ постановленіямъ флорентинской униі, останутся неприкосновенными обряды, богослуженіе и принципы исповѣданія догматовъ („България“ 1860, № 92). 25-го декабря 1860 г. было совершено торжественное болгаро-униатское богослуженіе. Извѣстный Садыкъ-наша прислалъ уполномоченныхъ поздравить болгарскій народъ съ освобожденіемъ отъ русскаго вліянія (334). По „освобожденію“ было кратковременно: русскій посоль, князь Лобановъ-Ростовскій пригласилъ къ себѣ болгарскихъ владыкъ, которые уже выразили согласіе на унию, посовѣ-

товаль не принимать ея и протестовать противъ совершившагося акта, обѣщала добиться для болгаръ независимой отъ патріарха К. и папы экархіи. Владыки согласились и выпустили воззваніе къ болгарскому народу, въ которомъ осудили состоявшійся „актъ соединенія“; подъ воззваніемъ подписалось значительное количество купцовъ, которые четыре дня передъ тѣмъ подписали и „актъ“. Лобановъ не сдержалъ своего обѣщанія, но дѣло уніи разстроилось. Въ 1861 г. для скорѣйшаго достиженія той же цѣли проектировалось присоединеніе болгаръ къ англиканской церкви, но проектъ этотъ не встрѣтилъ поддержки въ английскомъ посольствѣ (336). Тѣмъ временемъ и папа не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ: онъ далъ болгарамъ не патріарха, а архіепископа (338), но этотъ архіепископъ въ султанскомъ бератѣ превратился уже въ патріарха. Уніаты, казалось, достигли цѣли, но Лобановъ еще разъ выступилъ противъ ихъ предпріятія: „патріархъ“ Іосифъ былъ похищенъ и препровожденъ въ Россію. Герою похищенія былъ Пестко Славейковъ. Славейковъ выманилъ Іосифа на прогулку, завлекъ его на русскій пароходъ и увезъ на этомъ пароходѣ въ Одессу. Изъ Одессы „патріархъ“ былъ препровожденъ въ Кіевъ и здѣсь скончался въ 1880 г. въ одномъ изъ монастырей, но прежде своего отправленія онъ написалъ или подписалъ посланіе къ уніатамъ, въ которомъ увѣдомлялъ ихъ, что отрекается отъ уніи самъ и проситъ ихъ послѣдовать его примѣру (340). Черезъ нѣсколько дней кипнули уніатскую общину и другіе члены болгарскаго духовенства. Община вначалѣ еще нѣкоторое время существовала благодаря главнымъ образомъ поддержкѣ польскихъ ассоціацій въ Австріи и Франціи (въ Парижѣ особенное сочувствіе дѣлу уніи обнаруживала княгиня Чарторыйская, 342), но поляки же нанесли уніи и послѣдній ударъ: поддерживая уніатскую общину матеріально, они считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея внутреннюю жизнь и ставили въ затруднительное положеніе ея верховныхъ управителей. Кончилось тѣмъ, что люди честные и уважавшіе себя отказывались отъ управленія, и въ общинѣ остались только люди, получавшіе за свою службу деньги.

XII. И. Бакаловъ. „Материалы изъ области на българската народна медицина“ (349—358). Статья г. Бакалова посвящена положенію болгарской рукописной книжки „Лекарственникъ“. Содержаніе „Лекарственника“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; въ одномъ указываются лѣкарства въ собственномъ смыслѣ, въ другомъ — различные приемы медицинской магіи; въ книгѣ совѣты того и другого рода преподаются смѣшанно. Г. Бакаловъ останавливается исключительно на второмъ

отдѣлъ матеріаловъ и приводитъ заключенія и молитвы въ дословныхъ копіяхъ. „Лекарственникъ“ представляетъ книжку въ 170 стр. Составлена или переписана она въ 1863 г.

— *У. Милетичъ*. „Повѣсть за паденне-то на Цариградъ въ 1453 году“. (399—462). Проф. Милетичъ издаетъ полный текстъ „Повѣсти“ съ обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ говоритъ о рукописныхъ повѣсти—изъ XVIII вѣка одной отдѣльной и двухъ, вошедшихъ въ такъ называемые „дамаскини“, сборники или „энциклопедійки“, которыми удовлетворялась болгарская любознательность въ XVII—XVIII вѣкахъ (объ этихъ „дамаскинахъ“ ср. Цоневъ въ Бѣлг. Прѣгл. ч. I, кн. VIII, 80—94). Первый изъ „дамаскиновъ“ относится къ половинѣ XVIII столѣтія, писанъ народнымъ, восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ. На этомъ же нарѣчій, по предположенію г. Милетича, писанъ былъ и оригиналъ „цареградской повѣсти“ (401) — оригиналъ здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ первоначальной болгарской рукописи, такъ какъ „повѣсть“, по мнѣнію Милетича, представляетъ переводъ съ русскаго (403). „Повѣсть“ имѣетъ крупный интересъ и историко-литературный и какъ матеріалъ для исторіи болгарскаго литературнаго языка, матеріалъ изъ эпохи, предшествующей болгарскому „возрожденію“ (404).

Болгарская „цареградская повѣсть“ состоитъ изъ трехъ рассказовъ: 1) обширной повѣсти о паденіи Царьграда, 2) краткой повѣсти о томъ же „Аквализія историка“ и 3) „Сказанія“ о сооруженіи церкви св. Софій и „Пророчества“ о будущемъ избавленіи Царьграда.

Первая повѣсть есть вольный переводъ обширной русской повѣсти, которая входила въ хронографъ, лѣтописи были обследованы Березинковымъ, Срезневскимъ и Леонидомъ. Архимандритъ Леонидъ, какъ извѣстно, считаетъ ее произведеніемъ современника, русскаго потурченца Нестора-Искандера. Проф. Милетичъ не раздѣляетъ увѣренности русскаго ученаго: по стилизаціи повѣсти онъ заключаетъ, что авторомъ былъ грекъ, а по историческимъ неточностямъ и проблемамъ сравнительно съ ближайшими къ событію извѣстіями и по эпизодическому характеру изложенія—что грекъ-авторъ не могъ быть очевидцемъ событія; но осматривая мнѣніе Леонида, проф. Милетичъ не раздѣляетъ и высказанныхъ Игичемъ и Пыпинымъ соображеній, что русская повѣсть имѣла юго-славянское происхожденіе.

Сходясь въ основѣ съ обширной русской повѣстью, болгарская повѣсть отличается отъ нея кое-какими деталями (411), которыя сближаютъ ее между прочимъ съ „повѣстью“ толстовскаго хронографа.

Въ концѣ повѣсти есть подробность, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ известныхъ русскихъ списковъ: „Комеръ и Стриковскій историки пишутъ, зачѣмъ помогналъ на турцитѣ някуй чутепъ грекъ на име Гертукъ“... По смыслу дальнѣйшаго разсказа оказывается, что *Гертукъ* есть искаженное архидуксъ Киръ Лука, о судьбѣ котораго въ повѣсти сообщается выше (414—415). Въ „Комерѣ“ и Стриковскомъ проф. Милетичъ узнаеть Кромера и Стрийковского, польскихъ историковъ XVI вѣка. Извѣстія этихъ историковъ внесены были въ 3-ю редакцію русскаго хронографа, и русскій компиляторъ искаженное имя Киръ Лука=chirluca=Gerluca прочиталь, какъ Gertuca.

Вторая меньшая повѣсть сборника, начинающаяся словами „Акалвизій пише“ также переведена, по мнѣнію г. Милетича, изъ русскаго хронографа, при чемъ русское „а к(К)алвизій...“, съ котораго начался новый разсказъ въ хронографѣ, болгаринъ прочель, какъ *Акалвизій* (415). Этотъ новый разсказъ заимствованъ у Calvisius'a или Seth Kallwitz (Opus chronologicum. 1605). Третья статья болгарской рукописи есть сокращеніе главы 137 первой редакціи русскаго хронографа „О созданиіи церкви святыхъ Софія въ Царь-градѣ“ (416). На стр. 419—425 г. Милетичъ указываетъ мелкія отклоненія болгарской „повѣсти“ отъ обширной русской.—Въ заключеніи введенія идетъ рѣчь о правописаніи и языкѣ. Правописаніе рукописи фонетическое. Въ области языка проф. Милетичъ обращаетъ вниманіе на заключающіяся въ рукописи данныя для исторіи члена, какъ историка сложнаго склоненія: „Майдоилова—того сына, царя—того, царать—того“ (428).

— „Люблянскіяты болгарски рукописи отъ XVII вѣка“. (463—560). Люблянская рукопись сдѣлалась извѣстна ученому міру благодаря В. П. Ламанскому, который обратилъ вниманіе на ея народный языкъ. Она была извѣстна уже Григоровичу, который отнесъ ея „inter memorabiliores“.

— Д. Цухлевъ. „Духовно-литературный животъ на българския народъ при царии Симеона“. Авторъ начинаетъ свой очеркъ съ характеристики внутренней жизни болгарской церкви при Симеонѣ, говоритъ о литературныхъ трудахъ Константина епископа, Іоанна экзарха, Григорія Мняха и Черноризца Храбра.

Въ спорномъ вопросѣ о происхожденіи Константина г. Цухлевъ высказывается въ пользу гипотезы, по которой Константинъ является представителемъ мѣстнаго младшаго поколѣнія просвѣтителей, бол-

тарскимъ патриотомъ, хорошо знавшимъ нужды народа, способности и недостатки (564).

Такъ же рѣшительно въ пользу болгарскаго происхожденія высказывается авторъ и относительно Іоанна эвзарха, оспаривая догадки, по которымъ онъ объявляется то сербомъ, то моравяниномъ. Въ доказательство онъ приводитъ мѣсто, гдѣ Іоаннъ эвзархъ языкъ перевода называетъ своимъ языкомъ (571), затѣмъ фактъ, что онъ хорошо зналъ нравы, обычаи и вѣрованія болгаръ.

Второй отдѣлъ статьи содержитъ подробный перечень переводовъ, сдѣланныхъ въ эпоху Симеона.

XIII. Д-ръ Л. Милетичъ. „Седмиградскіе българи“. (153—256). Седмиградскіе болгары или, какъ ихъ называли менѣе рѣшительно, „славяне“ представляютъ большой интересъ для историка-слависта: Милетичъ въ позднѣйшее время видѣлъ въ нихъ потомковъ старыхъ „словенъ“, которые остались на лѣвомъ берегу Дуная въ Дакіи и сохранили въ своемъ языкѣ черты чуждыя ново-болгарскому языку, напримѣръ, флексивныя формы склоненія, раньше—болгарь. Проверять вопросъ о происхожденіи и народности „дакійскихъ славянъ“ можно было только на мѣстѣ, и профессоръ Милетичъ предпринялъ для этой цѣли специальное путешествіе—въ Чергедь, Баумгартегъ и Райсдѳрхенгъ для этнографо-лингвистическихъ изслѣдованій, въ архивы Германштатскій и государственный мадьярскій въ Будапештѣ для историческихъ.

Статья представляетъ путевыя замѣтки, сдѣланныя во время этого путешествія. Въ Чергедѣ г. Милетичъ констатировалъ, что мѣстные „славяне“ сами считаютъ себя болгарами (158); здѣсь же ему указали на неизвѣстный доселѣ рукописный славянскій „Канціональ“ 1812 г. Мѣстные румыны называютъ своихъ славянскихъ сосѣдей швен (=славяне). Чергедскіе славяне сохраняютъ строго старые обычаи—коляду (юланда), хотя не понимаютъ уже смысла рѣчей и пѣсень, которая поется при этомъ (160).

Въ Райсдѳрхенгѣ народъ не называетъ себя болгарами, а румынскими *шкен*; священники знаютъ, что населеніе было когда-то славянскимъ, но предками своей паствы считаютъ малоруссовъ (рутени, 170) или сербовъ. (Попутно проф. Милетичъ замѣчаетъ, что въ Румыніи и Трансильваніи слово *сербъ* означало въ послѣдніи столѣтія всякаго южнаго славянина). Сербами называли его еще въ XVIII вѣкѣ (176—177). По вопросу о времени, когда въ Чергедѣ могли поселиться болгары и откуда, г. Милетичъ цитируетъ Пича,

который предполагать, что въ Чергедѣ могли переселиться богамилы въ 1018—1186 г. и началъ XIII вѣка (185).

— Къичевъ. Новонайдени охридски старини. 257—265. Въ числѣ рукописей, описываемыхъ въ статьѣ, слѣдуетъ отмѣтить требникъ съ „нехристіанскими“ молитвами, которыя въ ней перепечатываются (261—262).

— *Г. Лириновъ*. „Паметници на Кратово“. (266—281). Сообщаются свѣдѣнія о рукописяхъ: 1) „Поигъ Славкова Книжница“, изъ которой перепечатывается Хожденіе Богородицы (268—271), Агапиевъ разсказъ, троянска повѣсть, 2) „Поигъ Нишково молитвениче“ (извлечены апокрифическія молитвы, 275—276), 3) „Поигъ Байковъ апостолъ“ (1515 г.),— 4) Апокрифическомъ сборникѣ, заключающемъ въ себѣ „Слово Методія Патирскаго...“, „Камень адамаиди“, „въпроси и отвѣти“, „Исусъ Христосъ поигъ“.

— *В. П. Златарски*. „Писмата на византийския императоръ Романа Лакамена до българскія царь Симеона“ (282—322). Три письма Р. Лакамена извлечены изъ рукописи XII вѣка, хранящейся въ монастырѣ св. І. Богослова на о. Патмосѣ, и изданы въ Аѳинахъ Саккеліономъ. Письма писаны не лично императоромъ, а Теодоромъ Дафнонатомъ по его порученію. Г. Златарскій издастъ ихъ въ точномъ болгарскомъ переводѣ и сопровождаетъ комментаріями, касающимися хронологіи ихъ и содержанія.

— *П. Франко*. „Притча за едноорога и пѣлниятъ български вариантъ“ (570—620). Г. Франко останавливается на одной изъ притчъ, вошедшихъ въ составъ знаменитаго романа о Варлаамѣ и Иосафѣ, послужившей первообразомъ „притчи о богатыхъ, отъ книгъ болгарскихъ“. Въ составъ статьи входитъ текстъ притчи, помѣщенной по изданной Веселовскимъ рукописи XV вѣка и по червонорусской рукописи XVIII вѣка, составляющей собственность г. Франко.—„Притча о богатыхъ“ была достаточно популярна среди южныхъ славянъ, часто переписывалась, исправлялась, расширялась и украшалась (597). По своему происхожденію она представляетъ подражаніе притчѣ объ единорогѣ (601), возникшее на славянской почвѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ къ заглавію притчи имѣется прибавка „отъ книгъ болгарскихъ“. Что значать эти „болгарскія книги“?—Въ XVI вѣкѣ на Руси были въ большомъ ходу „болгарскія басни“—подражанія апокрифамъ, въ XIII—XIV вѣкѣ, приписывавшіяся Еремію—Богомилу. Но „притча о богатыхъ“ не имѣеть въ своемъ содержаніи ничего апокрифическаго (604).

„Притча о богатыхъ“ существенно отличается отъ притчи объ

единорогъ по своей морали. Основная идея послѣдней притчи заключается въ томъ, что всякое наслажденіе грѣховно, и долгъ человѣка постоянно мыслить о смерти. Авторъ „притчи о богатыхъ“ не такъ глубоко философски затрагиваетъ вопросъ; онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на социальныхъ противоположностяхъ — бѣдности и богатствѣ—не обнаруживая и здѣсь аскетической тенденціи (606): человѣкъ гибнетъ отъ жадности, стремясь перенрыгнуть съ дерева съ серебряными листьями на дерево съ золотыми (607). Эта идея совпадаетъ съ богомильскими взглядами на сребролюбіе и богатство (615) и даетъ автору основаніе предположить, что „притча“ есть произведеніе богомильской, еретической литературы, возникшее одновременно съ романомъ о Варлаамѣ и Іосифѣ или даже ранѣе (619); въ XIV вѣкѣ она распространена была богомилами-прозелитами на славянскомъ югѣ, въ XV вѣкѣ проникла на Русь и сохраняла еще въ своемъ языкѣ слѣды болгаризма (618). Въ пользу богомильскаго происхожденія памятника говоритъ и дуалистическая прибавка къ нему—эпизодъ съ двумя птицами, олицетворяющими ангела и дьявола (615).

— „Славейковиятъ български географически рѣчникъ“. Покойный П. Р. Славейковъ собралъ огромный матеріалъ для описанія Болгаріи, но этотъ матеріалъ погибъ у него во время пожара. Позднѣе онъ пытался возстановить часть этого матеріала, и отрывки, выбранные редакціей „Сборника“, даютъ понятіе о томъ направленіи, въ которомъ собирался историко-географическій матеріалъ.

XIV. *Л. Милетичъ*. „Заселеніето на католички българи въ Седмиградско и Банатъ“. (284—543). Обширная статья проф. Милетича основана на архивномъ матеріалѣ и снабжена обширными приложеніями. Ея содержанія мы не излагаемъ въ виду незначительности ея общеславянскаго интереса.

— *Л. Куба*. „Тоналности на българскитѣ пѣсни“. (641—664). Л. Куба переноситъ въ настоящей статьѣ на болгарскія пѣсни выводы, къ которымъ онъ пришелъ по отношенію къ другимъ юго-славянскимъ пѣснямъ—на основаніи съ одной стороны сравненія собраннаго болгарскаго матеріала съ другимъ южно-славянскимъ, съ другой—общихъ условій развитія балканской народной музыки. Въ мелодіяхъ болгаръ видны слѣды 1) старо-греческой музыки, 2) турецко-арабской. Балканскіе славяне употребляютъ старо-греческія гаммы—фригійскую, дорійскую, гипофригійскую, гиподорійскую и миксолдіійскую (642—643).

XV. *Константиновъ*. „Чопнио“. (222—265). Статья представляетъ

собой продолженіе помѣщеніи въ IV т. и содержитъ въ себѣ историческій очеркъ области и кое-какія этнографическія данныя о Чепинскихъ момакахъ, рисующія ихъ мусульманскій фанатизмъ (231—232), любопытныя извѣстія объ укрѣпленіи села Бани въ интересахъ защиты цѣлой области (233), приводитъ протестантское вѣроисповѣданіе „славянъ“ въ отличіе отъ православныхъ румынъ и языкъ, близкій къ средне-болгарскому (не ранѣе XIII вѣка). Г. Милетичъ расходится съ Пичемъ только относительно точнѣйшаго опредѣленія даты: ему кажется, что болгары могли переселиться не ранѣе конца XIII вѣка.— Въ концѣ статьи помѣщенъ калціональ 1812 г.

— *Поливка*. „Магьосникъ и неговиятъ ученикъ“. (393—448). Извѣстный чешскій ученый избираетъ свой сюжетъ для того, чтобы выяснитъ на отдѣльномъ примѣрѣ, въ какой степени на народной литературѣ балканскихъ славянъ сказался фактъ, что Византія и Балканскій полуостровъ были однимъ изъ путей, которыми восточные рассказы проникли въ Западную Европу.

Тема о колдунѣ и его ученикѣ отмѣчены еще Бенфсемъ въ монгольскомъ сборникѣ Siddhi-kür. Проф. Поливка начинаетъ съ балканскихъ вариантовъ сказанія, переходитъ потомъ на западъ и затѣмъ на востокъ къ первоисточнику.

— *И. Шишмановъ*. „Пѣсень-та за мъртвиятъ братъ“. (489—600). Въ итогъ объемистаго изслѣдованія проф. Шишманова устанавливается, что всѣ балканскія версіи пѣсни о мертвомъ братѣ греческаго происхожденія. Исходную точку греческой версіи нужно искать въ Малой Азій въблизи Вюшніи. Изъ Малой Азій мотивъ пѣсни распространился двумя путями—черезъ южно-греческія колоніи на Балканскій полуостровъ (Византію) и Элладу. Прямо изъ греческой версіи развились албанская, ароманская и болгарская. Болгарскіе варианты заимствованы частью изъ Византіи, частью изъ областей, прилежащихъ къ границамъ Фессаліи и Македоніи. Отъ болгарскихъ вариантовъ ведутъ свое происхожденіе варианты сербо-хорватскіе (589—590). Въ приложеніи помѣщены въ оригиналахъ всѣ записанныя на Балканскомъ полуостровѣ варианты пѣсни и приложены варианты сюжета о мертвомъ женихѣ.

XVI—XVII. *И. Кузнецовъ*. „Писмата на Льва Магистра и Романа Лакапина и словото „Ἐπί τῇ τῶν Βουλγάρων ἐπιβάνει“, като изворъ за исторіята на Симеонова България“ (179—245). Г. Кузнецовъ поставилъ своей задачей исправить на основаніи названныхъ выше источниковъ существующія въ наукѣ со времени Палаузова представленія объ эпохѣ Симеона. Представленія эти основаны главнымъ образомъ на извѣ-

стіяхъ современныхъ хроникеровъ, очень далекихъ отъ безпристрастія и точности въ своихъ сообщеніяхъ. Главную ошибку Палаузова и послѣдующихъ историковъ г. Кузнецовъ видитъ въ томъ, что они разсматриваютъ Болгарію, какъ организованное государство, а Симеона, какъ государя съ широкими политическими замыслами. Такой роли болгары никогда не играли; эпоха Симеона—миражъ, созданный сильной волей одного человѣка, а не цѣлымъ народомъ; самъ Симеонъ очень мало соотвѣтствуетъ тому портрету, который рисуютъ историки, напримѣръ, Дриновъ, основывался на льстивыхъ фразахъ Н. Мистика; въ его письмахъ „сквозитъ варварство достойнаго преемника Крума“. На счетъ размѣровъ образованности Симеона г. Кузнецовъ очень не высокаго мнѣнія: къ концу своей жизни онъ даже разучился говорить по гречески. нравственную характеристику Симеона, извлеченную Дриновымъ изъ Н. Мистика, г. Кузнецовъ считаетъ льстивою и склоняется къ враждебнымъ Симеону воззрѣніямъ новѣйшихъ греческихъ историковъ и ихъ источниковъ. По этимъ воззрѣніямъ Симеонъ былъ „ἡγεμὼν ἀλαζών, ἄνομος, ἄδικος, ὀλίσις, ψεύστης, ἐπίτοχος, ὑβριστής, ἠθροσύμων, ἄρπαξ, χρημάτων ἀπληγτος“. Въ бытность въ Константинополѣ онъ присмотрѣлся къ тому, какъ добывался ловкими людьми тропь цезарей, и пробраться на этотъ тропь сдѣлалось мечтою его жизни; никакихъ вышшихъ національныхъ стремленій онъ не имѣлъ.

Высказываясь отрицательно по поводу мотивовъ воинственныхъ операций Симеона, г. Кузнецовъ иначе, чѣмъ предшествующіе историки, излагаетъ и самыя операціи, и связанныя съ ними событія внутренней жизни Болгаріи: ни перерыва военныхъ дѣйствій послѣ битвъ при Ахеловѣ и Катасиртѣ, ни послѣдовавшихъ за ними внутреннихъ преобразованій, ни перемирія послѣ свиданія съ Романомъ на Козмидейскомъ берегу онъ не признаетъ. Статьи г. Кузнецова еще не кончена, но ея характеръ и значеніе уже опредѣлились: она дастъ цѣныя поправки въ деталяхъ, но не произведетъ переворота въ воззрѣніяхъ на эпоху и личность Симеона. Г. Кузнецовъ слишкомъ увлекся тѣмъ низкопробнымъ матеріаломъ, который оказался для „развѣдчанія“ Симеона въ современной греческой исторіографіи, и въ ущербъ истинѣ затратилъ свои силы. Что политичесанствующіе греческіе историки воюютъ съ непріятными имъ покорниками, можно понять; не такъ понятно, какимъ образомъ молодой русскій историкъ, знакомый съ новыми широкими задачами, которыя ставятся исторической наукой въ наше время, можетъ находить нравственное удовлетвореніе въ возможности сказать нѣсколько непріятностей по адресу давнымъ давно

умереннаго дѣятеля, хотя бы ради этого удовольствія пришлось погрѣшить противъ здраваго смысла и фактовъ. Мы не будемъ, конечно, полемизировать съ г. Кузнецовымъ и его руководителями-греками по поводу такихъ смѣшныхъ упрековъ Симеону, какъ „*υπερημάτων ἀπληστος*“ и т. п.; это насъ перенесло бы въ средніе вѣка, когда писались съ одной стороны „похвалы“ святымъ и политическимъ дѣятелямъ, съ другой такія же голо—или точнѣе—пустословныя обличенія. Замѣтимъ только, что 1) отрицать въ Болгаріи IX—X вѣковъ извѣстную степень организаціи не позволяетъ намъ одинъ фактъ упорной, долготѣлней борьбы съ Византіей; неорганизованная и неодушевленная какими-нибудь общими для всѣхъ интересами масса не могла бы проявить такой энергіи и стойкости; греки разложили бы ее на составные элементы подкупами; 2) отрицать у Симеона широкіе замыслы не личнаго только характера мы не имѣемъ права въ виду, во-первыхъ, того, что у насъ нѣтъ для этого данныхъ, во-вторыхъ—въ виду того, что тенденціи Симеона мы видимъ у всѣхъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей южнаго славянства; въ нихъ есть, стало быть, нѣчто стихійное; 3) рисовать Симеона невѣждой потому, что у него вышла какая-то контроверза по части греческой грамматики, не позволяетъ намъ 1) литературная эпоха, справедливо носящая его имя, 2) цѣнность, которую имѣютъ грамматическія познанія Симеона съ точки зрѣнія духовныхъ нуждъ современныхъ ему болгаръ.

— *Н. Д. Шимановъ*. „Критическѣ прѣгледъ по вопроса за происхода на прабългаритѣ отъ сзиково гледище и этимологнитѣ на името българинѣ“ (505—753). Это первая изъ монографій, задуманныхъ талантливымъ болгарскимъ ученымъ, относительно чуждыхъ элементовъ въ матеріальной и духовной культурѣ болгаръ. Она слагается изъ трехъ частей:

- 1) Обзоръ теорій по вопросу объ языкѣ древнихъ болгаръ;
- 2) Обзоръ этимологій имени „болгаринѣ“;
- 3) Критика этихъ теорій и этимологій.

Излагать подробно содержаніе перваго и втораго отдѣловъ монографіи нѣтъ надобности: соображенія Венелина, Пловайскаго, Купника, Хвольсона, Радлова, Золотницкаго, Шестакова, Флоринскаго (В. М.) достаточно извѣстны русскимъ читателямъ. Другое дѣло — взглядъ болгарскихъ ученыхъ: краткое резюмэ статей и брошюръ, добыть которыя при наличныхъ нашихъ литературныхъ связяхъ съ Болгаріей и при наличной постановкѣ тамъ книжнаго дѣла зачастую прямо невозможно, очень полезно для всякаго слависта.

Наибольшую популярность среди болгаръ, по понятнымъ волигъ причинамъ, приобрѣла славянская теорія Венелина. Въ пользу ея высказался Крвстовичъ въ „Кратко изслѣдованіе на българска тж древность“ („Български Книжници“. Цар. 1858, май, ч. II, кн. 2, юнь. ч. II, кн. 1 2) и „История блъгарска подъ име Уиновъ“ (Цар. 1871). Крвстовичъ повторяетъ аргументы Венелина и Ростиславича Савельева и категорически высказывается въ пользу того, что болгары представляли собою славянское племя и говорили на чисто славянскомъ языкѣ. Согласно съ Крвстовичемъ высказывается Любенъ Каравеловъ (Знаніе I, 136), Раковский (Ключъ блъг. 112), Захаріевъ (Географико-историко-статистическо описание на Тат. Наз. Каазл. Вѣна. 1870), Славейковъ („Гайда“ год. I, 102), Оджаковъ („История на блъгарско-то право“. Видинъ 1894). Исключеніе между болгарскими историками представляютъ Дриновъ, высказывающійся въ пользу финской теоріи Шафарика („Погледъ врѣхъ происхождение то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарската исторія“. 1869 и „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“) и Златарскій—въ пользу Томашковской редакціи тюркской теоріи („Студии по блъгарската исторія: 1) приемници на Омартага, 2) Кой е било Тударъ Черноризецъ Доксонъ“.

Въ третьемъ, критическомъ отдѣлѣ своей монографіи проф. Шишмановъ обращается прежде всего къ личнымъ именамъ, какъ материалу для рѣшенія вопроса о народности древнихъ болгаръ. Материалъ этотъ, по его мнѣнію, не можетъ имѣть значенія при рѣшеніи вопроса объ языкѣ болгаръ: толкованій столько же, сколько толкователей; выходъ на правильный путь въ этомъ дѣлѣ авторъ справедливо видитъ въ раскрытіи принциповъ, на которыхъ покоится образование современныхъ и древнихъ тюркскихъ именъ. Замѣчаніе проф. Шишманова слѣдуетъ однако ограничить: имена даютъ очень мало для рѣшенія вопроса—*тюрки* или *финны* были древніе болгары, и значатъ очень не мало, когда приходится рѣшать, были они славяне или урало-алтайцы; ихъ неславянской характеръ совершенно ясенъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ (Токтай) наблюдаются даже полныя совпаденія древне-болгарскихъ именъ и древне-татарскихъ.

По вопросу о происхожденіи такихъ титуловъ, какъ ханъ, тарканъ, текинъ, бойла, кавганъ, баганъ, багатуръ, юбиче и др. авторъ высказывается болѣе рѣшительно въ пользу тюркской теоріи. Возраженіе, что титулы заимствовались и не могутъ служить показателемъ народности (и русскіе называли своихъ князей каганами), ав-

торъ устраняетъ: въ Кіевѣ заимствованные титулы стояли нзопро-
ванно, въ Болгаріи они составляютъ часть общей явно-тюркской эти-
мологіи (664). Въ противорѣчій съ предполагаемымъ характеромъ
болгарской общественной терминологіи стоятъ терминъ *владавиц*, ко-
торымъ волжскіе болгары будто бы обозначали своего правителя, но
проф. Шиншановъ совершенно основательно замѣчаетъ, что 1) чте-
ніе *владавиц* условное и сомнительное: рядомъ съ нимъ по характеру
писма можетъ имѣть мѣсто и другое чтеніе *блтваръ*, 2) предпола-
гаемая параллель этого слова *владици*, будто бы существующая у
южныхъ славянъ, отсутствуетъ на самомъ дѣлѣ въ живыхъ южно-
славянскихъ нарѣчіяхъ, 3) противъ истолкованія темнаго слова изъ
славянскаго говорить *в* въ началѣ славянскаго слова вмѣсто болгар-
скаго или арабскаго *б*.

Самымъ рѣшительнымъ показателемъ народности древнихъ болгаръ
могли бы служить остатки ихъ языка въ древнемъ словарѣ со-
временнаго населенія приднубавья и въ памятникахъ средневѣковой
арабской и греческой географической и исторической литературы.
Корифеи славистики признавали въ древне-славянскомъ языкѣ нали-
чность анарийскихъ заимствованій, но приурочивали ихъ къ до-болгар-
ской эпохѣ. Шафарикъ считалъ слова *кумир*, *мльнл*, *кашице*, *вльгъ*,
припратъ, *сонель*, *чудъ*, *исполнл*, заимствованными у финновъ въ
періодъ, когда славяне сосѣдили съ финнами; Дриновъ относитъ эти
заимствованія — изъ того же анарийскаго источника — къ эпохѣ раз-
грома основаннаго Аттилой государства; Миклошичъ различаетъ три
періода въ исторіи тюркскаго вліянія на славянскія племена и три
наслоенія тюркскихъ элементовъ въ языкѣ: 1) періодъ сосѣдства съ
тюрками еще нераздѣльной славянской семьи, 2) періодъ, открываю-
щійся основаніемъ болгарскаго государства на Дунаѣ и 3) періодъ
турецкаго владычества. Къ первому и второму онъ относитъ заим-
ствованія: *баранъ*, *батог*, *бятти*, *бисеръ*, *боляринъ*, *буятти*, *бьяльъ*,
казна, *клубукъ*, *ковъчель*, *капъдило*, *катунъ*, *коръда*, *кералтда*, *льнья*,
нашеноъ, *санъ*, *топоръ*, *телъна*, *тльмачъ*, *товаръ*, *хаганъ*, *чеканъ*,
чрътог, *чума*, *шуръ*. Проф. Шиншановъ подвергаетъ эти заимство-
ванія критическому пересмотру, выдѣляетъ сомнительныя и распе-
дѣляетъ остальные по періодамъ; въ результатѣ этой операціи заим-
ствованіями изъ болгарскаго, по его мнѣнію, оказываются 11 словъ,
(въ числѣ которыхъ занимаетъ мѣсто *бятти*, *бисеръ*, *боляринъ*, *бья-
льъ*, *нашеноъ*, *санъ*, *хаганъ*, *чрътогъ*), т. е. ровно столько, сколько
осталось въ ново-греческомъ славизмѣ послѣ ассимиляціи греками

когда-то наводившихъ Элладу славянъ. Проф. Шишмановъ допускаетъ, что при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи церковно-славянскаго лексическаго матеріала и живыхъ діалектовъ болгарскихъ, число это можетъ увеличиться. Въ заключеніи отдѣла о заимствованіяхъ въ языкъ авторъ высказываетъ нѣсколько соображеній по поводу теоріи Куника о родствѣ древнихъ болгаръ съ чувашами. Чувашъ онъ рѣшительно объявляетъ отуречившимися финнами—можетъ быть черемисами—я, какъ таковыхъ, не находитъ возможности считать родичами тюрковъ—болгаръ; попытки истолковать изъ чувашскаго слова „Именника“ онъ считаетъ неудачными.

Свои выводы относительно древнихъ болгаръ проф. Шишмановъ формулируетъ въ слѣдующихъ двѣнадцати тезисахъ:

- 1) Языкъ праболгаръ—не славянскій;
- 2) „ „ не финскій;
- 3) принадлежитъ къ турецко-татарскимъ нарѣчіямъ;
- 4) по своей фонетикѣ приближается къ южно-тюркскимъ нарѣчіямъ;
- 5) сходство его съ чувашскимъ объясняется тѣмъ, что чувашин—потуреченные финны;
- 6) судить по современному чувашскому языку о древне-болгарскомъ ошибочно, такъ какъ послѣдній потергѣлъ сильныя измѣненія на финской почвѣ;
- 7) чувашин могутъ считаться потомками древнихъ волжско-камскихъ болгаръ лишь по столько, по сколько эти послѣдніе исчезли въ большой финской массѣ, хотя и сообщили ей свой языкъ;
- 8) обратный процессъ совершился на балканскомъ полуостровѣ, гдѣ абсорбирующимъ элементомъ явились славяно;
- 9) раздѣленіе праболгаръ на нѣсколько колѣнъ предполагаетъ самостоятельное существованіе праболгарскаго языка до этого раздѣленія;
- 10) первоначальную родину праболгарскаго языка нельзя установить на основаніи его остатковъ;
- 11) съ помощью однихъ лингвистическихъ данныхъ нельзя опредѣлить ни времени раздѣленія праболгаръ, ни продолжительности эмиграцій отдѣльныхъ вѣтвей ихъ до утвержденія ихъ на берегахъ Волги и Дуная;
- 12) во время этихъ скитаній праболгаръ могло имѣть мѣсто смѣшеніе ихъ съ нетюркскими племенами.

Конецъ монографіи проф. Шишманова посвященъ вопросу объ

этимологіи имени „болгарь“. Авторъ предполагаетъ, что это имя дали болгарамъ сосѣди; оно не славянскаго происхожденія и состоитъ изъ финнскаго названія рѣки *Волга* + суффиксъ *ар* = мужъ, герой. Гипотеза проф. Шиннианова еще нуждается въ фундаментѣ: у мѣстнаго населенія, живущаго здѣсь на протяженіи тысячелѣтій Волга называется *Юль* у черемисъ, *Рава* у мордвы, *Адля* у татаръ (ср. Птиль): имѣется ли связь между *вол* и *юль*, должны рѣшить финнологи.

XVI—XVII. Д-ръ *Л. Милетичъ*. „Къмъ брашовскитѣ влахобългарски грамоти“. (496—504). Статья проф. Милетича представляетъ интересъ по тѣмъ поправкамъ, которыя онъ вноситъ въ свою теорію непрерывнаго пребыванія славянъ—болгарь на сѣверъ отъ Дуная и такого же непрерывнаго пребыванія здѣсь романскаго элемента. На этотъ разъ онъ уже выводитъ романовъ изъ романизованныхъ областей Далматинскаго и Хорватскаго приморья и Срема: часть ихъ подъ вліяніемъ вторженія аваровъ и южныхъ славянъ чрезъ Венгрію, будто бы перебралась въ Трансильванію; малочисленный въ началѣ, романскій элементъ усилился къ концу XIII вѣка настолько, что началъ поглощать славянскій. Въ XIV вѣкѣ онъ имѣлъ уже преобладаніе въ городахъ; здѣсь только часть горожанъ и бояръ сохраняла славянскій языкъ, еще господствовавшій въ селахъ. Но это преобладаніе романскаго языка въ жизни не мѣшало тому, что славянскій языкъ, употреблявшійся въ канцеляріяхъ, былъ понятенъ пероманизованному славянскому населенію всѣхъ сословій.

XVIII. *А. П. Стопловъ*. „Молба за дъждъ. Фолклорна студия“. (641—652). Этуго г. Стопловъ принадлежитъ къ числу такихъ работъ, которыя въ настоящее время являются безусловно желательными и въ Сборникѣ, и въ болгарской этнографической литературѣ вообще. Периодическая печать въ Болгаріи растетъ, растетъ, можетъ быть, даже непропорціонально росту духовныхъ интересовъ и литературныхъ силъ. За вычетомъ злободневныхъ политическихъ темъ, ей приходится въ силу этого прибѣгать къ сырому матеріалу, и статьи, посвященныя вѣрованіямъ и обычаямъ народа, встрѣчаются и въ журналахъ, и въ газетахъ. Г. Стопловъ предпринялъ сводъ разбросаннаго въ повременной печати матеріала относительно обрядовъ, имѣющихъ цѣлью вызвать дождь — переруды и германа. По сколько дѣло касается подбора матеріала, автора можно поблагодарить; но въ „фолклорной студіи“ долженъ рядомъ съ сводкой фактовъ имѣть мѣсто и элементъ анализа и истолкованія,—и этотъ элементъ въ сту-

ди г. Стоклова представленъ слабо: авторъ не счелъ нужнымъ отвѣтить относительно пеперуды, напимѣрь, такіа интересные детали, что въ одномъ мѣстѣ ее называютъ „пономъ“—въ виду налагаемой на нее обязанности молиться,—а въ селѣ Селце-жуна входящія въ составъ процессіи молодые люди берутъ посылки, на которыхъ послать покойника и бросаютъ ихъ пустыя въ ближайшую рѣку. Одна изъ этихъ чертъ сближаетъ пеперуду съ германомъ, который

Плаче отъ суша зъ киша

и долженъ принести много здравія: пеперуда видимо, тоже когда-то въ концѣ концовъ приносилась въ жертву—бросалась въ рѣку послѣ продѣланныхъ надъ ней символическихъ операций; не даромъ въ пеперуды избирается дѣвочка-сиротка, о которой некому пожалѣть; другая переноситъ насъ въ эпоху, когда жреческія функціи выполняла женщина.

— *Г. Поливка.* „Вълѣжки къмъ приказки-тъ въ Шапкаревия „Сборникъ etc“ (605—640). Статья Поливки представляетъ опытъ сравнительнаго изученія темъ, которымъ посвящены „приказки“ Шапкарева. Авторъ указываетъ къ нимъ параллель въ другихъ болгарскихъ сборникахъ и въ народной словесности родственныхъ и сосѣднихъ народовъ.

III. Смирновъ.

С. А. Вьлокуровъ. Юрий Крижаничъ въ Россіи. (По новымъ документамъ), Москва 1902.—Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ. (Цѣна 2 руб.).

Въ русской литературѣ имя Юрія Крижанича упоминается въ первый разъ въ 1772 году,—именно въ „Опытѣ историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ Повикова; съ этого времени указанія на него являются обязательными во всѣхъ словаряхъ о писателяхъ, въ различныхъ трудахъ по русской исторіи или литературѣ, при чемъ съ каждымъ разомъ изслѣдователями обнаруживался все болѣе интересъ къ дѣятельности его. Разростающаяся такимъ образомъ литература о Крижаничѣ постепенно охватывала всѣ стороны дѣятельности его, и многіе труды, посвященные ему, освѣтили немало вопросовъ, которые такъ или иначе трактуются въ сочиненіяхъ этого оригинальнаго писателя, стоящаго особнякомъ въ нашей литературѣ. Но освѣщеніе это всегда оставалось не глубокимъ; большинство авторовъ перечислили въ своихъ работахъ—сочиненія Крижанича, излагая болѣе

или менѣе подробно содержаніе ихъ, но не давали намъ такихъ руководящихъ взглядовъ на нихъ, при которыхъ мы могли бы составить определенное мнѣніе о задачахъ и цѣляхъ Крижанича. Этому главнымъ образомъ препятствовало то обстоятельство, что въ распоряженіи изслѣдователей всегда очень мало было матеріаловъ для изученія біографическихъ данныхъ о Крижаничѣ, жизнь котораго — въ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ моментахъ — была невыясненной, почему оставались темными тѣ факты, которые могли бы дать ключъ къ пониманію его сочиненій, что особенно затруднялось и затрудняется тѣмъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ вполне хорошаго и полного ихъ изданія ¹⁾. Изъ работъ Безсонова, Брикнера, С. М. Соловьева, М. И. Соколова и др. намъ достаточно были извѣстны факты пріѣзда Крижанича въ Россію, его пребыванія въ Сибири; изъ нихъ мы могли довольно детально ознакомиться съ процессомъ писанія Крижаничемъ своихъ сочиненій, т. е. съ ихъ источниками и пособіями, но окончательно нельзя было установить причинъ, которыя побудили Крижанича къ далекому переѣзду въ Россію, а также заставили всю жизнь посвятить на писаніе трудовъ, въ значительной степени трагующихъ о состояніи Россіи, объ ея нестроеніяхъ, нуждахъ и задачахъ. Искоторые ²⁾ хотѣли видѣть въ Крижаничѣ эмиссара, высланнаго къ намъ западной образованностью и при томъ, несмотря на свое панславистское рвеніе, „слишкомъ“ западнаго человѣка, который не былъ способенъ мириться съ русской лѣтствительностью, заставлявшей его краснѣть и вызывавшей желаніе встряхнуть и обновить государство, которому въ мечтаніяхъ его отведена была великая роль. При такомъ взглядѣ на Крижанича особое значеніе получали его укеры русскихъ въ необразованности („нашего народа люди суть коснаго ра-

¹⁾ Начатое въ 1891 году по идеѣ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей — изданіе собранія сочиненій Крижанича — ограничилось тремя выпусками (вып. 3 вышелъ въ 1893 году), въ которыхъ помѣщены нѣкоторыя лишь работы Крижанича, при чемъ многія мѣста ихъ прочтены далеко не всегда точно. Въ этомъ мѣѣ пришлось убѣдиться, напримѣръ, при сравненіи съ рукописью (тверской духовной семинаріи) сочиненія „Объясненіе ввводно о письмѣ словенскомъ“, изд. въ I выпускѣ подъ редакцію Колосова. Весьма желательно, чтобы это изданіе возобновилось и чтобы въ свѣтъ поскорѣ вышла „Политика“, съ которой для общества уже спята копія. Затрудненія печатанія этого сочиненія въ виду плохо написаннаго оригинала (вѣроятно, черновика) въ Москвѣ легко устранимы, такъ какъ корректуры могутъ быть читаемы по подлиннику.

²⁾ Ср. напримѣръ, *Алексыя Вессловскаго* — „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“ (М. 1883) стр. 17, 18.

зума и неудобно сами что выдумаютъ, еще имъ ся не покажетъ... Наше людство есть лѣно и непромысленно и сами себѣ не хотятъ добра учинить, еще не будутъ пѣвако силою принужены“), а также и поученія, что „безъ слободнигъ“, т. е. вольностей жить нельзя.

У всѣхъ, принимавшихъ такое воззрѣніе на Крижанича, не могло являться никакихъ подозрѣній на счетъ чистоты побужденій, толкавшихъ его на дѣятельность въ Россіи: въ немъ должно было видѣть лишь убѣжденнаго панслависта въ лучшемъ смыслѣ этого слова и при томъ, весьма доброжелательно настроеннаго по отношенію къ нашему отечеству. Но изрѣдка выступавшіе новые документы объ этомъ „панславистѣ XVII в.“ должны были колебать такого рода убѣжденіе и вселять пѣкоторое недовѣріе къ нему, позволяя допускать, что далеко не все, что онъ говорилъ, исходило отъ сердца незлобиваго, искренно расположеннаго къ искони *православной* Руси, которую онъ былъ не прочь видѣть у ногъ папы. Къ такому мнѣнію ¹⁾ о Крижаничѣ могли, напримѣръ, склонять извѣстные документы, опубликованные въ 1886 г. о Фермеджиномъ въ изданіи Загребской академіи наукъ „Starine“ (кн. XVIII)—„Prinos za životopis G. Krizanića“. Такого рода колеблющееся положеніе вопроса о Крижаничѣ требовало пересмотра вопроса о немъ, но для этого необходимы были такіе новые документы, которые неоспоримо рѣшили бы дѣло въ ту или другую сторону.

С. А. Бѣлокуровъ, столь много уже сдѣлавшій для изученія русской исторіи и литературы, просматривая имѣющіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ неразобранные столбцы, нашелъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ документовъ о Крижаничѣ; объ этомъ важномъ открытіи стало извѣстно еще въ 1894 году ²⁾; документы эти представились сразу настолько интересными, что изданіе ихъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ.

Г. Бѣлокуровъ не торопился ихъ публиковать; открытые имъ документы возбудили въ немъ естественное желаніе произвести дополнительные розыскы въ архивахъ съ цѣлью представить возможно болѣе подробныя свѣдѣнія о Юріи Крижаничѣ.—Все это заняло у автора около 10 лѣтъ, и плодомъ этой работы явилась недавно вышедшая въ свѣтъ книга, заглавіе которой мы вынесали выше.

¹⁾ Въ 1887 году А. А. Кочубинскій, — въ работѣ своей „О нашей католической братіи на югѣ хорватахъ“ (Одесса 1887) говоритъ: „Такъ, вѣроятно, разрѣшается загадка дѣятельности и судьбы хорватскаго энтузіаста XVII в.“

²⁾ См. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1894 г., кн. I.—протоколы, стр. 38.

Книга г. Бѣлокурова дѣлится на шесть главъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ „приложенія“, заключающія въ себѣ цѣлый рядъ документовъ.

Первая глава посвящена обзору литературы о Крижаничѣ; въ этомъ обзорѣ авторъ имѣлъ цѣлью показать,—какія свѣдѣнія о пребываніи Юрія Крижанича въ Россіи имѣются въ нашей литературѣ.

Окончивъ свой въ достаточной степени полный перечень литературы о Крижаничѣ, г. Бѣлокуровъ говоритъ ¹⁾: „все эти статьи и замѣтки, имѣя то или другое значеніе въ свое время, нынѣ по большей части не представляютъ цѣнности для біографіи Крижанича“; съ такимъ мнѣніемъ можно согласиться лишь отчасти, такъ какъ, хотя во многихъ изъ прежнихъ работъ нѣтъ установки точныхъ датъ о Крижаничѣ, нѣкоторые вопросы о его жизни все-таки были выяснены или по крайней мѣрѣ въ нихъ даны довольно важныя точки отправленія для дальнѣйшихъ изслѣдователей, и самъ г. Бѣлокуровъ не малымъ обязанъ прежней литературѣ о Крижаничѣ. Вторая глава. — „Юрій Крижаничъ до пріѣзда въ Москву въ 1659 г.“, т. е. обнимающая первый 40 лѣтъ жизни его, изложена авторомъ главнымъ образомъ по неизвѣстной до сихъ поръ „запискѣ Крижанича“ отъ 1641 года ²⁾. Главный интересъ этой „записки“, обращенной къ префекту пропаганды, заключается въ томъ, что въ ней изложена программа, которой Крижаничъ намѣревался держаться въ дальнѣйшей своей дѣятельности во время миссіи въ Московіи, къ которой, какъ видно изъ словъ Крижанича, сама конгрегация пожелала его укрѣпить и вдохновить (*confirmare et inanimare*). „Я считаю москвитянъ, формулируетъ Крижаничъ свои взгляды на предстоящее дѣло, — не за еретиковъ или схизматиковъ (такъ какъ ихъ схизма происходитъ не изъ настоящаго корня схизмы, не изъ гордыни, а изъ невѣжества), а считаю ихъ за христіанъ, введенныхъ въ заблужденіе по простотѣ душевной“. „И потому, продолжаетъ онъ, я полагаю, что отправиться для собесѣдованія съ ними не значитъ еще идти проповѣдывать вѣру (каковое дѣло я никогда и не помыслилъ взять на себя), а значитъ лишь увѣщевать ихъ къ добродѣтели, къ наукамъ и искусствамъ, по введеніи какихъ было бы уже болѣе легкимъ дѣломъ указать имъ заблужденія

¹⁾ Стр. 51.

²⁾ Записка найдена о. П. Пирлиномъ въ архивѣ конгрегации de Propaganda Fide и съ согласія его издана г. Бѣлокуровымъ, стр. 87—126 (приложеніе) въ подлинникѣ (по итальянски) и въ переводѣ, сдѣланномъ В. А. Кожевниковымъ.

и обманъ...“ „Я имѣю въ виду вовсе не упоминать о схизмѣ, а только буду увѣщевать ихъ добродѣтелямъ и внушать имъ ненависть къ порокамъ“. Онъ не хочетъ проповѣдывать, онъ думаетъ, „пробывая только при дворѣ,“—не отвергать, какъ Поссевинъ русскихъ святыхъ, но заниматься выясненіемъ русскимъ—заблужденій грековъ, а также пересмотромъ и исправленіемъ русскихъ книгъ черезъ указаніе заключающихся въ нихъ ошибокъ. — Составивъ такой планъ, Крижанничъ, однако, еще не считалъ себя подготовленнымъ для дѣятельности въ Россіи; онъ находилъ необходимымъ еще заняться изученіемъ славянскаго языка, „чтобы достигнуть до нѣкоторой степени краснорѣчія въ немъ, хотя онъ и родной ему“.—На свое подготовленіе къ миссіи въ Россіи (миссія утверждена конгрегаціей 12 сентября 1642 г.) Крижанничъ посмотрѣлъ очень серьезно; г. Бѣлокуровъ, пользуясь указанной запиской и другими новыми документами изъ архива конгрегаціи¹⁾, въ настоящей главѣ и налагаетъ ходъ занятій Крижанничъ за этотъ періодъ сперва въ коллегіи св. Анастасія, а послѣ на практикѣ во время его переѣздовъ въ Варшаву, Смоленскъ и наконецъ въ Москву, куда онъ прибылъ лишь 25 октября 1647 г. и гдѣ на этотъ разъ остался около двухъ мѣсяцевъ. Что дѣлалъ въ это пребываніе въ Москвѣ Крижанничъ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что онъ воспользовался этимъ пребываніемъ, чтобы пополнить свои познанія о Московіи и москвитяхъ. Это утвержденіе г. Бѣлокурова²⁾ должно быть признано вполне основательнымъ, такъ какъ несомнѣнно все эти подготовительныя работы и были причиной того, что „декретомъ конгрегаціи пропаганды отъ 1-го октября 1657 года“ Крижанничъ постановлено было отправить „въ Московію для миссіи“. Постановленіе это однако не было приведено въ исполненіе (стр. 72); Крижанничъ рѣшили задержать еще нѣкоторое время въ Римѣ и приказали „докончить начатые уже труды противъ схизматиковъ“. Но онъ этому не подчинился и самовольно отправился въ Москву, куда и прибылъ въ 1659 году.

Съ какими цѣлями и мыслями стремился Крижанничъ въ Москву, мы уже знаемъ, а отвѣтъ на вопросъ, что сталъ онъ здѣсь дѣлать, мы получаемъ изъ III главы книги г. Бѣлокурова „Ю. Крижанничъ въ Москвѣ 1659 — 1661 гг.“. Въ этой главѣ авторъ опредѣленно на

¹⁾ Они напечатаны въ приложеніяхъ, стр. 127—285; найдены эти документы секретаремъ конгрегаціи о. *Семадими* и въ копіи сообщены *К. А. Губастову*, который ихъ переслалъ г. Бѣлокурову.

²⁾ Стр. 68/14.

основаніи новыхъ документовъ показалъ, что Крижаничъ немедленно же по прибытіи въ Москву *подалъ* въ посольскій приказъ хорошо извѣстныя такъ называемыя „польскія письма“ ¹⁾, о которыхъ раньше думали, что они были отобраны насильственно у Крижанича, и „сербское письмо“, подлинникъ котораго пока неизвѣстенъ и нынѣ въ первый разъ издается г. Вѣлокуровымъ въ *русской копіи*. Подавая такъ называемыя „польскія письма“, Крижаничъ, очевидно, хотѣлъ сообщить русскому правительству свое мнѣніе о дѣлахъ Малороссіи, чрезъ которую онъ проѣзжалъ по пути въ Москву. Изъ вновь открытаго „сербскаго письма“ ²⁾ видно, что онъ тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Москву предложилъ свои услуги сразу для нѣсколькихъ работъ: 1) въ виду существованія иностранныхъ книгъ, въ коихъ изложены „нѣкоторыя мерзкія злоглашенія“ о русскихъ, Крижаничъ предлагаетъ поручить ему написать „исторію правдиву и совершенну сего царства и всего народа словенска“ и проситъ его назвать—„историкомъ—лѣтописцемъ царскаго величества и подъ симъ именемъ служить“ и 2) прося назначить царскимъ бібліотекаремъ, обѣщаетъ перевести рядъ сочиненій, которыя были бы полезны для „государскихъ ближнихъ людей“, издать славянскіе лексиконъ и грамматику, а также издать подъ личнымъ „дворомъ“ славянскую біблію, въ коей де ощущается большая нужда.

Эта программа, начертанная Крижаничемъ, показываетъ, что онъ рѣшилъ заняться въ Москвѣ главнымъ образомъ такими работами, которыя помогли бы ему выдвинуться и занять выдающееся положеніе у царя Алексѣя Михайловича.

Этотъ выводъ, который является возможнымъ въ виду положеній, находящихся въ открытомъ г. Вѣлокуровымъ „сербскомъ письмѣ“,—долженъ быть признанъ вполне несомнѣннымъ и логически соответствующимъ вообще замысламъ Крижанича, который, какъ мы видѣли выше, еще въ 1641 году писалъ, что по пріѣздѣ въ Москву онъ прежде всего постарается заручиться царскимъ довѣріемъ и только послѣ этого приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Приступилъ ли Крижаничъ къ этимъ дѣйствіямъ и, если приступилъ, то въ чемъ они

¹⁾ Говоря объ этихъ письмахъ, г. Вѣлокуровъ вполне основательно утверждаетъ, что давно изданныя сочиненія Крижанича „Всѣда къ черкасамъ“ и „Усмотрѣніе о царскомъ величествѣ“—не два отдѣльныхъ сочиненія, а лишь логически связанными между собой двѣ части *одной* его работы.

²⁾ Оно напечатано у Вѣлокурова стр. 88—92 (въ текстѣ книги).

заклучались, мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, какъ вообще были встрѣчены всѣ вышеуказанныя предложенія Крижанича.

Намъ извѣстны лишь очень немногія сочиненія, относящіяся къ московскому періоду жизни Крижанича (1659—1661), это 1) „Объясненіе изводно о письмѣ Словенскомъ“ и 2) замѣтки въ одномъ словарѣ. Обѣ эти работы совсѣмъ не такого рода, чтобы въ нихъ можно видѣть проявленіе тенденцій Крижанича. Но онѣ, несомнѣнно, какими либо образомъ тенденціи эти высказалъ, и онѣ показались, вѣроятно, нежелательными, такъ какъ Крижанича поторопились удалить изъ Москвы. 8 января 1661 состоялся указъ объ отпращиваніи Крижанича изъ Москвы въ Сибирь, куда онъ 20-го января того же года, т. е. чрезъ 16 мѣсяцевъ послѣ прѣзда,—и выѣхалъ. Фактъ этого невольнаго отъѣзда Крижанича въ Сибирь (въ Тобольскъ) вызываетъ въ высшей степени интересный вопросъ о причинахъ столь суроваго отношенія къ Крижаничу, такъ какъ выясненіе поводовъ ссылки Крижанича могло бы пролить свѣтъ и на его дѣятельность въ Москвѣ. Этимъ вопросомъ занимались почти всѣ изслѣдователи жизни Крижанича, но къ опредѣленнымъ выводамъ никто не пришелъ: все оставалось лишь въ области гаданій. Г. Бѣлокуровъ затрагиваетъ этотъ вопросъ, но, не найдя для выясненія его никакихъ новыхъ документовъ, также ограничивается лишь одними предположеніями. Вполнѣ вѣроятно, что Крижаничъ, какъ человѣкъ страстный и увлекающійся, слишкомъ скоро по прѣздѣ въ Москву въ разговорахъ съ москвичами сталъ высказывать свои задушевные мечтанія религіознаго и церковнаго характера; кто либо изъ москвичей (г. Бѣлокуровъ [стр. 101] допускаетъ, что это могли быть Ртищевъ и Морозовъ) поставили эти разговоры Крижаничу въ вину.

Четвертая глава посвящена изложенію жизни и дѣятельности Крижанича въ Сибири (1661—1676 гг.). Новыхъ данныхъ г. Бѣлокуровъ здѣсь приводитъ не особенно много; его изложеніе лишь представляетъ сводъ свѣдѣній, которыя добыты были изслѣдователями раньше и уже обнародованы. Г. Бѣлокуровъ собралъ ихъ и провѣрилъ весьма тщательно, а также далъ обзоръ тѣхъ документовъ (напримѣръ, сибирскаго приказа), которые имъ просмотрѣны, такъ какъ въ нихъ можно было надѣяться найти какія либо данныя по интересующему вопросу. При отпращиваніи Крижанича въ Тобольскъ двумя грамотами царскими предписывалось ему „быть у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно“, но воеводами тобольскими по словамъ г. Бѣлокурова (стр. 131) не было на Крижанича возложено никакихъ опре-

дѣланныхъ занятій, почему онъ, имѣя много досуга, посвящалъ свое время литературнымъ занятіямъ, благодаря чему въ этотъ періодъ жизни Крижанича и появились тѣ именно сочиненія, которыя привлекаютъ наше вниманіе и составляютъ славу его. Г. Бѣлокуровъ вполне основательно думаетъ (стр. 131), что Крижаничъ, работая надъ этими сочиненіями, преслѣдовалъ все ту же цѣль,—напомнивъ о себѣ, стать извѣстнымъ и необходимымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Остановившись на давно уже извѣстныхъ сочиненіяхъ Крижанича (грамматика, историческія работы, „Политика“ и др.) и коснувшись отношеній Крижанича къ Славянофиламъ, о чемъ трактовалъ въ свое время Безсоновъ,—авторъ знакомитъ насъ съ послѣднимъ писаннымъ Крижаничемъ сочиненіемъ „Смертный разрядъ“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи Крижаничъ наконецъ высказался откровенно; онъ выступаетъ здѣсь противъ православія, противъ русскихъ раскольниковъ, ученія Кальвина и вообще отступленій отъ католицизма.

Пятую главу своей книги г. Бѣлокуровъ посвящаетъ разсмотрѣнію лишь одного года жизни Крижанича, именно 1676—1677, когда онъ пробылъ въ Москвѣ послѣ разрѣшеннаго ему царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ возвращенія. Глава эта написана исключительно на основаніи до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ, а потому въ ней сообщаются весьма любопытные факты, освѣщающіе оставшіяся темнымъ періодъ жизни Крижанича. Прибывъ въ Москву около 25-го марта 1676 г., Крижаничъ „для ради своей старости и слабости“ не билъ челомъ о поверстаніи на службу, а просилъ объ отпускѣ за предѣлы Московскаго государства. Просьба его не была уважена, и ему велѣно „быть въ Посольскомъ приказѣ во переводникахъ“—славянскаго, славянскаго, латинскаго, итальянскаго и цесарскаго (нѣмецкаго) языковъ. Г. Бѣлокуровъ (стр. 167—169) предполагаетъ, что на службѣ этой Крижаничъ числился очень непродолжительное время, около 2 мѣсяцевъ, не исполняя никакихъ особыхъ порученій и опредѣленнаго жалованья не получалъ; ему назначались выдачи единовременныя; таковы были произведены 25-го мая—10 рублей, 14-го іюня—10 рублей, „на кормъ для сво старости“ 18-го августа 1676 г. даны были ему 2 рубля, а кромѣ того 3 октября онъ получилъ 5 рублей и было велѣно купить для него овчинную шубу въ 1½ рубля.

Г. Бѣлокуровъ полагаетъ, что одна изъ выдачъ была вызвана со-

¹⁾ Рукопись открыта Безсоновымъ; въ первый разъ о ней было сообщено имъ въ 1884 г. Соч. „Смертный разрядъ“ все еще не издано.

чищеніемъ, письменною рѣчью Крижанича— „на счастливое вѣщаніе“ Федора Алексѣевича; вмѣстѣ съ этимъ онъ думаетъ, что нежеланіе отпустить Крижанича изъ Москвы должно быть объяснено (стр. 174) тѣмъ обстоятельствомъ, что его хотѣли имѣть подъ рукою для различныхъ литературныхъ работъ; къ числу такихъ работъ, вѣроятно, относится и вышеуказанная привѣтственная рѣчь. Такого рода неопредѣленное положеніе не могло не тяготить утомленнаго жизнью Крижанича, и онъ продолжаетъ подавать челобитныя ¹⁾ объ отпускѣ его изъ Москвы. Просьбы эти увѣщались усгѣхомъ лишь въ первой трети 1677 года, когда ему разрѣшено было уѣхать, но самый отъѣздъ состоялся не сразу, такъ какъ онъ затянулся вслѣдствіе переговоровъ о разрѣшеніи ему выѣхать изъ Россіи вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Габелемъ, который обѣщался взять Крижанича съ собою въ Данію и передать его пребывающему тамъ цесарскому посланнику, объясняя такое свое желаніе тѣмъ, что этого требуетъ „должность христіанская“, а также и тѣмъ, что Крижаничъ подданный цесаря:— „моего государя, писалъ Габель, надежнаго союзника“ (стр. 185). Выѣздъ Габеля и Крижанича изъ Москвы на Псковъ состоялся въ октябрѣ 1677 года, а въ январѣ 1678 Крижаничъ выѣхалъ уже изъ предѣловъ Московскаго государства и уже болѣе въ него не возвращался (стр. 193—194).

Послѣдняя глава книги г. Бѣлокурова озаглавлена— „Юрій Крижаничъ по выѣздѣ изъ Россіи“ (1678—1683); данныхъ за этотъ послѣдній періодъ странствованій Крижанича авторомъ собрано не особенно много, но ему все-таки удалось сообщить немало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній. Изъ протокола конгрегаціи пропаганды вѣры отъ 5-го мая 1682 г. и изъ письма Крижанича секретарю пропаганды отъ 10-го марта того же года видно, что Крижаничъ въ началѣ 1678 г. прибылъ въ Вильну— „вступилъ въ орденъ св. Доминика и далъ въ немъ обѣтъ“, при чемъ его обѣщали отпустить въ Римъ, чтобы дать отчетъ въ томъ, „что онъ исполнилъ и какія сдѣлалъ наблюденія въ Московіи“, куда, однако, онъ уже не имѣлъ желанія болѣе возвращаться, хотя и стремился къ званію миссіонера (стр. 196, 205). Страстному желанію Крижанича побывать въ Римѣ и подѣлиться добытыми свѣдѣніями о Московіи со своими единомышлен-

¹⁾ Г. Бѣлокуровъ издалъ полностью одну изъ открытых имъ челобитныхъ; она подана 9-го октября 1678 г. Она очень важна и цѣнна, такъ какъ Крижаничъ излагаетъ въ ней всѣ свои службы Московскому государству (см. стр. 174 и далѣе).

никами—исполнителю было не суждено; онъ, несмотря на отсутствіе полного согласія, отправился въ путь, но доѣхалъ только до Вѣны, гдѣ и умеръ въ 1683 г. около 2 сентября.

Г. Бѣлокуровъ каждый главный моментъ жизни Крижанича прослѣдилъ на основаніи документальныхъ данныхъ ¹⁾, а потому его изложеніе и выводы являются убѣдительными и могутъ считаться уже настолько обоснованными, что на нихъ нетрудно строить дальнѣйшія изслѣдованія о Крижаничѣ.

Благодаря добросовѣстному, усердно исполненному труду почтеннаго автора, намъ ясенъ теперь нравственный обликъ Крижанича, понятны и его тенденціи. Крижаничъ все время мечталъ только объ одномъ—объ обращеніи „схизматиковъ“, распространеніи католицизма и уніи восточной и западной церкви. Его стремленіе въ далекую Московію имѣеть одну лишь цѣль—привлечь въ католичество русскихъ или по крайней мѣрѣ подготовить почву къ этому. „Не политика, говоритъ г. Бѣлокуровъ (стр. 208), наполняетъ его сердце, не славянствомъ поля его душа... Всѣ его сочиненія имѣли одну цѣль—приобрѣсти болѣе довѣріе, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать *ad maiorem Dei gloriam*“... Этимъ замысламъ, въ которыхъ послѣ работы С. А. Бѣлокурова сомнѣваться трудно, осуществиться не удалось; слѣдовъ фактической дѣятельности Крижанича въ данномъ направленіи на Руси не осталось, здѣсь сохранились лишь его главнѣйшія работы, которыя, какъ вышедшія изъ подъ пера весьма образованнаго и талантливаго человѣка, должны были вызывать къ себѣ интересъ со стороны тружениковъ на пользу просвѣщенія Россіи, которая приближалась къ реформаціонному періоду своего существованія. Мы имѣемъ кое какія свѣдѣнія ²⁾, что сочиненіями этими

¹⁾ Въ „Приложеніяхъ“ къ своей книгѣ г. Бѣлокуровъ помѣстилъ, какъ всѣ открытыя лично имъ, такъ и извлеченныя другими изслѣдователями, но мало известные, документы. Весьма цѣннымъ является изданіе извѣстій о Крижаничѣ Витсена (въ подлинникѣ по пад. 1785 г. и въ переводѣ); снабжены хорошими русскими переводами гг. Слудкаго, Кожевникова и Рождественскаго и документы изъ архива конгрегаціи, сообщенныя впервые автору К. А. Губастовымъ. „Статья, описанная изъ Львова до Москвы“ напечатана по новому, найденному авторомъ, списку перевода на русскій языкъ, при чемъ даны различія изъ того списка Арх. М. И. Дѣла, по которому статья эта была падана мной въ 1897 г. по не совсѣмъ удачно сдѣланной согласно моему порученію копіи, благодаря чему въ печатный текстъ и вкразось нѣсколько ошибокъ.

²⁾ Г. Бѣлокуровъ лишь затронулъ вопросъ о судьбѣ сочиненія Крижанича (стр. 208—210).

интересовались и некоторые переходные деятели русские, но намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ выражался этотъ интересъ, и каковы были результаты его. Прослѣдить все это весьма важно; въ этомъ, а также и въ детальномъ изученіи сочиненій Крижанича, должна, по моему мнѣнію, состоять задача дальнѣйшихъ изслѣдователей, которымъ дана масса необходимыхъ и полезныхъ указаній въ весьма цѣнной работѣ С. А. Бѣлокурова.

М. Неуроженице.

Алмазовъ А. П. проф., Канонические отвѣты Юасафа, митрополита Евфесскаго. (Малозвѣстный памятникъ права греческой церкви XV в.) Текстъ и переводъ съ предварительнымъ очеркомъ и примѣчаніями. Одесса. 1903. Стр. 62.

Его же, Невзданные канонические отвѣты константинопольскаго патриарха Луки Хрисоверга и митрополита Родосскаго Писла. Одесса. 1903. Стр. 84.

Благодаря содѣйствію высокоотнаго бібліотекаря Аоонскаго Пантелеймонова монастыря о. Матѳея и неутомимой, заслуживающей всякаго удивленія и уваженія личной энергіи, проф. Алмазову удалось обогатить нѣсколько приунывшую со смертью А. С. Павлова литературу византийскаго церковнаго права сразу тремя ¹⁾ совершенно новыми памятниками ²⁾.

I.

Отвѣты Юасафа (Ἰωάσαφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις αἱ ἡρώτησαν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερῷ καὶ ἁγίῳ Γεώργιος ὁ Δραζίνος) изданы ³⁾ по тремъ рукописямъ (Athous Ἰβήρων 339 XVI вѣка, Patm. 540 XVI вѣка и Patm. 373 XVI вѣка), а по слышкѣ или отчасти извѣстны издателю еще три (Athous Ἰβήρων 351 XVII вѣка, Venet. S. Marci 556 XV вѣка и Ottobon. 418 XVI вѣка).

¹⁾ Въ прим. 18 на стр. 10—14 изданъ и большой отрывокъ изъ канонари, стоящій въ cod. Ἰβήρων 382 рядомъ съ отвѣтами патр. Луки и имѣющій самостоятельное не малое значеніе для исторіи покаяннаго Номоканона.

²⁾ См. замѣтки объ обоихъ изданіяхъ въ Визант. Врем., 1903, X, 211 — 216 (Н. Н. Соколова) и Богосл. Вѣстн., 1903, II, 372—375 (проф. П. А. Заозерскаго).

³⁾ Рѣга имѣлъ намѣреніе издать отвѣты Юасафа (Historia, I, graef. p. XVII), существованію которыхъ могло быть ему извѣстно изъ Fabr.—Harl. XI 658 (по Venet. S. Marci 556).

Кромѣ того, добавлю, что тѣ же отвѣты находятся и въ Nap. 228, л. 393а (XVI вѣка) и Atheniens. 1398, л. 11а—29b (XVII вѣка)¹⁾. Глухое упоминаніе есть и у Zachariae, Prochiron, 278: въ Bodl. 26 Bagoss. 26 на л. XV вѣка за посланіемъ Никифора хартофилакса къ Θεοδοσίῳ затворнику (л. 364) adduntur alia quaedam fragmenta Ioannis Furni, Ioasaph Hieromonachi, ex synodo VI, ex ἐρωταποκρίσεσιν (I) (въ каталогѣ Сохе не отмѣчено статей послѣ Иоанна Фурна). Наконецъ, можетъ быть, найдется и тотъ списокъ, о которомъ упоминается въ каталогѣ рукописей Константинопольскаго Μετόιον τοῦ Ἀγ. Γάβριλ, 1731 года: Ἰωάσαφ ἀποκρίσεις πρὸς ἐρωτήσεις ἐκκλησιαστικάς χειρόγραφον (Γερσολλ. Βιβλιοθ. IV 429).

Отвѣты въ полномъ своемъ составѣ впервые появляются въ свѣтъ теперь въ изданіи проф. Алмазова, такъ какъ рѣдкое венеціанское изданіе 1574 года Π θαία λειτουργία μετὰ ἐζηγήσεων, два экземпляра котораго мнѣ пришлось видѣть въ м-рѣ Діонисія на Аѳонѣ, не содержать полнаго изданія ихъ²⁾, и я даже не припомню, чтобы хоть одна статья книги произвела на меня впечатлѣніе текста отвѣта (при мнѣ не было текста, а въ книгѣ ни разу не встрѣтилось имя Иоасафа).

Греческій текстъ отвѣтовъ снабженъ небольшимъ введениемъ, русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Свѣдѣнія о жизни Иоасафа могутъ быть пополнены. Krumbacher (Gesch.³ 176) среди гомилетовъ и панегиристовъ, deren Zeitbestimmung nicht erzielt werden konnte, указываетъ Ioasaph Hieromonachos und Protosynkellos, Homilia in hymnum Φῶς ἱλαρόν in cod. Vat. Reg. 45 saec. XVI. Въ самомъ же каталогѣ греч. рукоп. Reginae Suec. (digessit H. Stevenson, Romae. 1888, p. 35) сообщается, что эта гомилія (f. 40, нач. Οὐχ ἄπλοῦν ἐν-ρίσκω...) написана rogatu Nili monachi, accedit in fine epistola Ioasaphi ad Nilum. Отсюда есть надежда, что объ Иоасафѣ возможно будетъ установить болѣе точныя свѣдѣнія, болѣе соответствующія значенію его отвѣтовъ, а теперь можно только сказать, что онъ написалъ свои отвѣты не около середины XV вѣка, а раньше, такъ какъ умеръ въ 1437 г. среди приготовленій къ поѣздкѣ на Флорентійскій соборъ (см. Π. Καλλιγᾶ, Μελέται καὶ λόγοι. Ἐν Ἀθῆν. 1882, стр. 17, 20, 22; Ἀ. Ν. Διαμαντοπούλου, Μάρκος ὁ Ἐὐγενικός. Ἐν Ἀθήναις, 1899, стр. 59, 62; здѣсь же ссылка на Сиропула Vera historia unionis non verae, edid. R. Creyghton, 1660. III, 17, 51; этой книги я не могъ до-

¹⁾ Изъ обѣихъ текстъ списанъ мною въ 1901 и 1902 гг.

²⁾ Сомнѣнія самого проф. Алмазова по этому поводу блестяще подтвердились

быть въ С.-Петербургѣ). Можно точнѣе опредѣлить время появленія только той редакціи отвѣтовъ, въ которой Иосафъ названъ митрополитомъ: онъ пробылъ на митрополичьей кафедрѣ менѣе года, вступивши на нее въ томъ же 1437 году ¹⁾; значить редакція явилась не ранѣе 1437 года.

О распространенности отвѣтовъ въ практикѣ греческой церкви достаточно свидѣтельствуется обиліе передѣлокъ, отмѣченное издателемъ; о томъ же говоритъ и любопытная попытка на основѣ отвѣтовъ создать новую редакцію эпитиміаго Номоканона, какъ это мы видимъ въ Atheniens. 1398 (прежн. 30). Этотъ списокъ (XVII в., 83 лл. формата 13,5"×10", текстъ 10,5"×6,25", одной рукой по 14 строкъ; съ записью на л. 83b: θεοῦ τὸ δῶρον καὶ τοῦ ρίζου ὁ πόνος· τέλος τοῦ νομίμου:—) имѣетъ на л. 1a—10b (заставка) Πίναξ σὺν θεῷ ἁγίῳ τοῦ παρόντος νομίμου τῶν ἁγίων ἀποστόλων καὶ τῶν ἁγίων πατέρων:— а на л. 11a—83b самый текстъ (для заглавія подѣ заставкой оставлено мѣсто), раздѣленный на 250 главъ, изъ которыхъ первыя 50 суть отвѣты (для вопросовъ иногда только оставлено мѣсто) Іоасафа за исключеніемъ 21, 43, 47—49; главы 51—57 слѣдующія:

- α'. Περὶ τῶν θρόνων τῶν πατριαρχικῶν:—
- β'. Περὶ πατριαρχῶν:—
- γ'. Περὶ τῶν ἐβ' ἁρθρῶν τῆς πίστεως:—
- δ'. Περὶ τοῦ δεκαλόγου τοῦ μωϋσῆ:—
- ε'. Περὶ τῶν ἐπτὰ μυστηρίων τῆς ἐκκλησίας:—
- ς'. Ἐπεὶ τὰ θανάσιμα ἁμαρτήματα:—
- ζ'. Περὶ τῆς θαίας λειτουργίας:

Главы 58—78 образовались изъ раздѣленія на части изданнаго А. Павловымъ чинопослѣдованія исповѣди; начиная же съ главы 79-й до главы 250-й подѣ заглавіемъ Συνοδικοὶ καὶ ἀποστολικοὶ κανόνες καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου:—идутъ изданныя А. Павловымъ правила 1—175 въ нѣсколько иномъ сочетаніи.

Нап. 228 (=N) и Atheniens 1398 (=A) даютъ много вариантовъ къ греч. тексту (прибавленія отмѣчаются разрядкой); варианты изъ Patm. 373 (=P) приведены въ изданіи не всегда точно и нуждаются въ дополненіяхъ.

Заглавіе въ текстѣ А проп., но въ оглавл. есть Ἰωάννης ἱερομο-

¹⁾ Ἐπισκοπικὸὶ κατάλογοι Αποίμα Αλεξудι (Νεολόγος, 1890, № 6190, 2 марта указываютъ, что до Иосафа былъ Мануилъ 1431—1437, а послѣ—Маркъ 1437—1450; ср. вв. Εὐαγγελικὸς; Κῆρυξ III 270.

νάχου καὶ πρωτοσυγγέλου ἀποκρίσεις; Ν Ἰωάσαφ ἱεράρχου (= Venet. 556, по Fabr.-Harl. I. c)... πρὸς ὃν τὸ προσίμιον:—Зачѣмъ: Ν Ἐποδέχομαι σου... εἰ γὰρ βούλει φησὶ πολομαθῆς γενέσθαι ἔσο φιλομαθῆς...; Α ἐρωτήσεων ВМ. ἐρωτημάτων, κεχωρισμένα ВМ. κεχαρισμένα (чтение Α означаетъ: „по пунктамъ“, „раздѣльно“, и заслуживаетъ предпочтенія).

Ν всегда вмѣсто οὐ имѣеть въ вопросахъ εἰ.

Вопр. I: Α проп. οὖν; Ν θείας λειτουργίας.

Отв.: Α καὶ λέγομεν τὰς μεγάλας ἑορτάς καὶ τὴν ἀγ. καὶ μεγ. μ' ἐν αἷς ἐκτελεῖται ἡ λειτουργία τοῦ μεγ. βασιλείου ἀρχομένης τῆς τρίτης ὥρας καὶ πληρουμένης τῆς ἐννάτης... ἕκτης (ВМ. τρίτης) ὥρας... τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐπὶ τοῖς ἀγ. αὐτοῦ μαθητάς; καὶ ἀποστόλους, проп. ἐπεὶ послѣ κοινόν.

Отв. II: Ν ἄγραφον (= Ρ) ВМ. ἔγγραφον; Α ὅποιος ἱερεὺς τοῦτο ποιῆσαι ВМ. ὁ ποιήσας τοῦτο ἱερεὺς (Ρ проп. τοῦτο).

В. III: Ν μετὰ ἄρτων εὐλογηθέντων ἐν τῷ μεγ. ἑσπερινῷ; Ρ μετὰ ἄρτων τῶν... εἰς τὸ μέγα ἑσπερινόν.

Ο.: Ν проп. ποτα; Α μηδὲν σὺ μὴν τὸ ποιήσῃ ВМ. διὰ τοῦτο... ποιήσῃς; Ρ ὅμεις μὴ ποιήσητε.

В. IV: Α νίπτειν.

Ο.: Α σῆς проп.

В. V: Α ὅταν λέγῃ (ВМ. λέγοντα)... οὐράνιον ἄρτον; Ν проп. ὁ τὸν οὐράνιον.

Ο. VI: ВМ. ὁ λαός; Α οὐδὲ λ., Ν. ὁ δὲ λ. (послѣднео и правильно); Α θεός; ἡμῶν ἐν; ὑπὲρ проп.; Α ἢ Ν проп. ὑπερευλογ. δεσποίνης; Ν μετὰ τοῦτο εὐθύς; Α проп. τοῦτο; Ν проп. καὶ послѣ εἶτα; Α εἶτα καὶ ζῶν ποιεῖ ὧν καὶ σὺ οὕτως; τῆς εἰσόδου δὲ γενομένης; Ν εἰσόδου γενομένης; Α ἵνα καὶ.

В. VII: Α αἶρειν (ВМ. αἶροντα)... καὶ ποιεῖν; Ν ἀστέρα (ВМ. ἀστερίσκον); Α ἡ δὲ τύπτειν αὐτοῦ (?).

Ο. IX: Α καὶ πίστειν προσέλλητε... μέχρι τῆς κεφαλῆς (ВМ. γῆς)... αἷμα καὶ σῶμα τοῦ Χριστοῦ (ВМ. σῶμα καὶ αἷμα τὸ δεσποτικόν) ...ποιεῖ (ВМ. ἂν εἶπη).

В. X: Ν ἢ Α ἡ καὶ μετὰ; Ρ καὶ (ВМ. ἡ) μετὰ.

Ο.: Α проп. οὔτε... λειτουργίαν; Ν τὸ πρῶν; Α λειτουργεῖτω.

В. XI: Ρ λειτουργῆσαι ἱερεὺς ἰδόντα (!); Ν βαστάζειν (ВМ. βαστάσαντα).

Ο.: Α проп. οὐ передъ κωλύει; Ν ὡς μυστήριον; Α μετασχεῖν ВМ. μετὰῖ παραδεδώκαμεν.

В. XII: Α διακόνων.

Ο.: Α Ἐταξία ἐστὶ δύναται (!) πολλοὶ ἱερεῖς λειτουργῆσαι ἄνευ διακόνου καὶ λέγει ὁ εἰς ἄνευ ῥημικὰ (!) ὁ δὲ ἐκφώνησιν (такъ нонудачно передѣлано

начало до словъ ὁ δὲ πάλιν ἐκφώνησιν βελιочит.); N ἐκφώνησιν ἑτέραν εἶτα; A ἐξέρχεται ἕκαστος κρατοῦντος (!) τὸ... καὶ ποῖον... ἐλάττωμα... τοῦτο δεκτὸν καὶ τίμιον εἰς Θεὸν ἀλλὰ ἀτιμίαν καὶ ὕβριν ἰδοῦ γὰρ ὁ ἱερὺς ἐνεργῶν μόνος λειτουργεῖ λέγων καὶ τὸ εὐαγγέλιον... αὐτὸ ποιήσει εἶδον (!); N προп. καὶ передъ ἐν τῇ λειτουργίᾳ, HO BCTABЛ. ЕГО ПОСЛѢ; A μετὰ τὸ εὐαγγέλιον, проп. ἐξέλωσι... ἀκόλουθον, проп. ἡ ἀτιμία πόση πάλιν; εὐαγγελίων πόση ἀτιμία καὶ ἀταξία ἐστὶ; BM. οὐδὲ γὰρ ἐξουσιν... καταλύεται поставл. только καὶ οὐδὲ ἐσὺ μὴν τὸ ποιήσας;—N ἐπεφέροντο εἰσαδεύοντες; проп. ἀνάγκη... καταλύηται:—

B. XIV: A μέσης; N εἰδότα.

O.: A проп. Τὸ; N Τὸ περὶ τούτου; A λειτουργίας; N προσκομιζει; A ἡ προηγιασμένη; N προηγιασμένα; A τῇ τραίδι (?) ἐστίν; τῇ παρασκευῇ ἢ μιᾷ τῶν ἡμερῶν τῆς ἐβδομάδος BM. τῇ δ'; проп. καὶ передъ проκκομισμένα; N προκκομισμένα (BM. проκκομισημένα) ...προηγιασμένα.

B. XV: N ἀσθενεῖς... δύνανται; A проп. ἕτερον B' κοινῶ.

O.: A οὐδέν BM. δέν; N οὐδέν κεκώλυται; A ἀλλὰ μᾶλλον.

B. XVI: A проп. весь вопросъ; N η P Πύσων χρόνων... γενηρόμενος.

O.: P οἱ ἅγιοι πατέρες; A Οἱ ἅγιοι πατέρες ὤρισαν τοῦτο ὅτι εἶπαρ... εἶναι τῶν μ' ἐτῶν καὶ ἐπέκεινα. κάτω... διὰ πνευματικόν; P θαρρήσητε; N η A αὐτῶ τι; A ἠθασουρίζει ἐν αὐτῶ; A η N ὑπάρχει; A проп. καθ' ἡμέραν; P προσεθήκατε; N проп. καὶ передъ γέροντα; P καὶ σύμβιον; A переставл. ὁ παναγ. ἡμ. δεσπ. ὁ οἶκ. μετὰ ἀφ.

B. XVII: P πνευματικὸς ἱερομόναχος.

O.: A ἀταξία ἔργων ἐστὶ; N πνευματικὸς ἐστὶ μόνος καὶ; A ἐκτελεεῖν τὴν ἀποτετ. ἀκολ. αὐτοῦ; P τὴν ἀποτεταμμένην; A ἔμπαιρος (BM. ἔμπορος). N ὁ τοιοῦτος οὐκ ἐστὶ; A ἀγίου BM. παναγίου.

O. XVIII: N ἱερομόναχος ἢ ὁ; P ἱερομόν. κἄν πνευματικὸς ἦ; A καὶ εὐλογῆσαι; ἀλλ' BM. μέχρι τούτου; N ἄδειαν μόνον:—

B. XIX: A проп. весь.

B. XX: тоже.

O.: A ἐκκλησίαν ἡγουν τὸν ἀρχιερέα καὶ παρ' αὐτοῦ κανονισθῆναι:—

B. XXI: A проп. весь; N καὶ μοναχὴν ἀναδέξασθαι.

O.: A проп. весь; N αὐ BM. αὐθις.

B. XXII: A проп. весь.

O.: A νόμου BM. κανόνος; проп. καὶ.

B. XXIII: A проп. весь.

O.: A Λι (Ναί?) πολλὸν μισθὸν ἔχει ἐάν... ἡγουν νὰ διδάχῃ αὐτὸν τὴν...; проп. τῶν χριστιανῶν; N τῶν χριστ. ἀρετ.; проп. ὡς πρέπει.

В. XXIV: долженъ оканчиваться словами τὸ παιδίον, а слова εἰν ἔχη καιρὸν относятся уже къ отвѣту.

О.: А λέγεται τούτους μίαν καὶ μόνην ВМ. ἀπαξ... συγγορεῖ; N συγγορεῖν.

В. XXV: 'Α καὶ εἶποι τις ὅτι καλῶς ἐδιάβασεν ὁ ἱερ. τοὺς ἀφορκ.; N ἐδιαβίβασε; А μεταδιαβασθῆναι ВМ. διαβιβάσαι.

О.: N καὶ ἀπαξ; А δύο καὶ τρεῖς οὐ κωλύει ВМ. ἀπαξ... κωλύεται; А проп. διὰ τούτου; N πάλιν ἀναγκάζεσθαι; А ἐστιν ὡς ἔοικεν παλιν... βούλονται ὅπερ κάκιστον καὶ παράνομον:—N βούλονται.

В. XXVI: А проп. весь.

О.: А ἀγίων πατέρων.

В. XXVII: N проп. ἐν τοῖς; А н P μετὰ τοῦ ἀνδρός.

О.: А ἀφίσταται ВМ. ἐφείται; τούτο ВМ. τι τοιοῦτον.

В. XXVIII: А н N ἱερεὺς μνηστειάν.

О.: А проп. μόνον.

О. XXIX: N καὶ ἄκουσαν εἰσελθεῖν... ὕστερον ἐβελήσει... N н А καὶ ἐκβληθῆναι αὐτὴν ἀπὸ τοῦ πορνείου καὶ συζευχθῆναι; N ἀνδρὶ πλήν ὁ αὐτὸς νόμιμος ἀνὴρ εἰς νόμιμος αὐτὸν ἐλύθη ἢ τέθνηκεν ὁ αὐτὸς εἰ δὲ ζῶντος αὐτοῦ οὐ χρὴ γενέσθαι αὐτῆς ἀθέμιτον ἐστίν:

В. XXX: А проп. μονάση... πρόσωπον; А συναφθῆναι ἕτερον (N ἐτέρω);

О.: А ἀπὸ τῶν νόμων; N εἰθέλει ВМ. βούλει.

В. XXXI: А μνηστ. αὐτόν; N ὁ τοιοῦτος ὀφείλει.

О.: N ἐπόρνευεν; проп. τὸ ἀμάρτημα; А δὲ ВМ. μήπου; проп. αὐτῆ; ВМ. τούτην есть αὐτήν; N αὐτήν ВМ. αὐτῆ.

В. XXXII: А проп. весь.

В. XXXIII: А проп. Ἰὴ ὁεῖ διδόναι; А θεοφανείων ὀφείλει διδόναι; А проп. αὐτῶ; N αὐτό.

О.: А ἐνάρετος καὶ εὐλαβής... δόται αὐτόν...

В. XXXIV: А н P γίνεσθαι.

О.: А н P δύναται; P ἕτομος ἱερεὺς; А καὶ θείαν.

В. XXXV: А μένη ἢ ἐκκλ.; P проп. ἐπί; N ἢ καὶ; А τί ποιῆσαι ἐν αὐτῇ ὀφείλει:—

О.: N проп. τελείται.

В. XXXVI: А нная ред.: Τοῦ οἰκήματος τὴν στέγην οὐ δεῖ συνάπτεσθαι τὸ τοίχος τῆς ἐκκλησίας:—P проп. τήν.

О.: А περιελθὼν ἐκεῖ κολάζονται.

В. XXXVII: А "Οτι οὐ ψάλλειν...

О.: А μὲν ὁ; ἔσω ВМῆστο ἐν μέσῳ.

В. XXXVIII: А λειψ. ἐν ἐκκλ.; N ἐν τῇ ἐκκλ. А проп. Καὶ; N над-

ΠΙΣ. νόμοι **НАДЪ** κανόνες; πλὴν γίνεται· γίνεται; **A** προπ. δὲ, προπ. οὐκ; **A** μέσον τοῦ ναοῦ... τοῦ ἁγίου βήματος οὐ δεῖ θάπτειν; **N** βήματος **ВМ.** βαπτίσματος:—

B. XXXIX: **A** θάπτειν (**N** θάψαι) **ВМѢСТО** ψάλλεσθαι; **A** ἔσω τῆς ἐκκλ. θανούσαν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ:—

O.: **A** τοῦ ἁγ. δώρου ὀφείλει ψαλλθῆναι ἔσω τῆς ἐκκλησίας:—

B. XL.: **N** Ποῦ δεῖ; **A** οὐ χρῆ (**ВМѢСТО** Οὐ δεῖ).

B. XLI.: **A** Περὶ εἰ δεῖ.

O.: **A** ἀναμάρτημα; ἔκταρον **ВМѢСТО** ἀπαναίνου; **N** αὐτοῦ **ВМѢСТО** αὐτοῖς.

B. XLII. P εὐρέθη νεκρὸν λεγόμενον... κατακλιθῆνον; **N** γίνεσθαι.

O.: **A** ταῦτα σημεῖα... προλέγει τὰ μέλλοντα καὶ ἄλλα τινα; **P** πίστιν εἰς θεόν; **A** ἧ καὶ (=P) πολυχρόνιος δοκεῖ νεκρός (?); **P** **η** **N** ἐπὶ πῦρ; **P** συνάγοντες; **A** καίγοντας **ВМ.** καίους; **N** αὐτὸ μὲν ἀφανίζουσι; **A** μετὰ πυρός μεταφαν. αὐτό; **A** **η** **P** πῦρ ἐκείνο ἵνα; **A** προπ. μὴ **перодѣ** μετανοήσωσι; **P** σπουδάσατε; **A** νομίζων εἶναι τὸ τοιοῦτον οὐδέν; **N** τι τοιοῦτον. **Въ добавл. P** (**см. прим. 69**) κυψελὸν (**ВМ.** κυψέλι); συνεργήσαντας... εἰρηγνται... ἀλλὰ νεκρῶν (**ВМ.** νεκρώσιμον)... σὺν τῷ ἁγ. ἐλαίῳ.

B. XLIII: προπ. **A**; **P** περιστατηθῆ.

O.: προπ. **A**.

B. XLIV: **A** προπ. Ποῖα; **A** μὲν κωλύουσι τὸν τεθνηκότα ... ὑπὲρ αὐτοῦ οὐδὲ λειτουργίαν ποιεῖτο (?) κατ' αὐτοῦ:—**P** τοῦ τεθνεώτος.

O.: **A** καὶ ἂν ἀποθάνῃ **ВМ.** ἐὰν ἀρπασθῆ; **N** **η** **P** ἄξιος **ВМ.** ἀξιωθήσεται; **A** ὁ συναποθάνων αὐτοῦ; **A**, **P** **η** **N** καὶ ὁ μοιχὸς καὶ ὁ ἐν μέλλῃ δεηνεκεῖ καὶ ὁ βλασφημῶν; **A** πίστιν του; **A** **η** **N** (=P) οἱ τοιοῦτοι ἐὰν (**N** **добавл.** μὴ) μετανοήσωσι καὶ ἐξομολογήσονται (**только N** ἐξομολογηθήσονται); **A** εἰσὶν ἄξιοι φησὶ γὰρ ὁ μέγας ἀθανάσιος καὶ ἡ θεία... καὶ εὐξωνται ὑπὲρ αὐτοῦ οὐκ εἰσακούσομαι (=N) αὐτοῦ; (**N** αὐτῶν) ὁ δεγόμενός τι ἀπὸ τῶν τοιούτων καὶ ἐμμένων; **P** ἐμμένοντος... καὶ μετανοήσαντος; **A** ἔργοις αὐτῶν ὁ συγχωινωνῶν τῷ ἀκοινωνήτῳ ἀκοινωνήτος ἔσται φησὶν ἡ θεία γραφή; **P** ἀποδείκνυσι **ВМ.** ὑποδ.; **A** **η** **N** μηδὲν **передѣ** νομίζουσιν; **A** ἐπεὶ οὐ **ВМ.** ἐπειδὴ **передѣ** προσδέχεται; **P** περὶ τῶν ἀδίκων; **A** τοῦ κακοῦ ὁ γὰρ ἦσαῦ.

B. XLV. **A** Ἄρα πληγὰς γοητεύειν ἁμαρτία ἐστίν; **N** καὶ τιθέναι.

O.: **A** ὄνομα; **N** προπ. τ'; **A** ἐντάλας καὶ διδόναι τοῖς ἀνθρώποις... ἱασι λήσαν; — (?); **N** λύσεως ἧ διὰ δῆλωσίν τινος κλαπέντος πράγματος:—

B. XLVI: **A** προπ. **весь.**

O.: **A** Τὸ παιδίον χρῆ βαπτίζειν πρὶν τῆς λειτουργίας εἰτ' εὐθὺς ἀπολύσαι τὴν θεϊαν λειτουργίαν μεταδοῦναι αὐτῷ τῶν... ἁγιόσις ὁ ἀρεσπα-

γίτης; N μεταδοῦναι αὐτῷ; A проп. здѣсь Тὸν δὲ μοναχὸν... ἐρωτᾷν αὐτὸν (см. ниже); N ὑπὸ ὄνο μοναχῶν... καὶ εἰς τὰ ἅγια θύρα πάλιν προσκυνεῖ; N представлено прѡτον передъ ὑποκάμισον; A прибавл. прѡτον и постѣ ἐνδύσαι; N σταυρωμάτων βн. στρωμάτων; N δὲ καὶ φορεῖν... ..ψαλλόντων τὸν τρίτατον ὕμνον; A вторая половина ипаче: καὶ ψαλλεῖ ὁ ἱερεὺς τρίτατον καὶ τὴν εὐχὴν καὶ αἶρει τὸ κουκούλιον τοῦτο ἐπὶ τοῦ προγράμου: — (Ομοίως καὶ τὸ ἀνδρόγυνον μετὰ τὴν θεῖαν λειτουργίαν στεφανωθῆναι, ἵνα μεταλάβωσι τῶν θεῶν καὶ ἀχράντων μυστηρίων:—(пропущенное раньше:)) Τῶν δὲ μοναχῶν γενησομένων γεγενημένης τῆς μικρᾶς εἰσόδου... ὑπὸ ἐν (?) μοναχῶν... ἀνοπόδετος (!)... ψαλμῶν... πατρικᾶς με εἰπευσ [] ...ἐρωτᾷ αὐτόν: — N μικρᾶς εἰσόδου καὶ ἴστανται οἱ νεόνυμφοι ἀκρωμένοι τῆς θείας λειτουργίας καὶ κοινωθήσαντες...

B. XLVII: A проп. весь.

O.: A проп. весь; N κοινωνίας βнѣсто μεταλήψεως; τῶν εὐχαλαίων; проп. κωπεῖτ ταῦτα εἰσὶν... ἐκκλησίας:—

B. XLVIII: A проп. весь.

O.: A проп. весь; N κανονίζεται μὲν οὐ μὴν ἀναγκάζεται φορεῖν αὐτό:—

B. XLIX: A проп. весь.

O.: A проп. весь; N μὴ ἐπιδοόμενον; πένθει (βнѣсто παρθενία); ἀπειχομένου βнѣсто ἀπερχομένου; проп. ὑπὲρ αὐτοῦ καὶ; N ποιεῖν μάχρις.

B. I: A νεομανίας; N τὸ βнѣсто ἀπό.

O.: A проп. Ἐὰν γυθῆ... θεοφαν. ἀγίασμα; N проп. θεοφανίων; N ορταί; A τόπον ἴδιον... κατάθετες αὐτό; N κατάθετες ταῦτα; A νεομανίας; μετὰ τοῦ βнѣсто ἄμα τῷ; проп. καὶ ἀντλησθῆναι; N ῥαντισθῆναι βнѣсто ἀντλησθῆναι.

B. II: A проп. весь; N εἰ καί.

O.: A проп. весь; N αὐτόχειρα; P περὶ τοῦ.

B. III: A проп. весь; N до словъ μάχην τόψη, такъ какъ дальше вырваны листы съ текстомъ остальныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

O.: A проп. весь.

B. III: P γυλοῦδες.

O.: A Οὐ γρή ἀλλὰ τοῦ διαβόλου πλάνη ἐστὶ βнѣсто Τοῦτο ...πλάνη; P παρδξήται; A ὑποπτεύειν τινὰ κακά; P ὅση σοι; проп. только ἐπεὶ ἀπὼλ. ἐστίν.

IV: A ἄνθρωποι φαντάσματα... ἀεὶ ἐπικαλοῦντα καὶ ἔρχονται βнѣсто εἰ... ἔρχεται.

Такимъ образомъ A даетъ намъ третью сокращенную редакцію отвѣтовъ (рядомъ съ Ratn. 373 и 540). Сравнение N и A съ

изданнымъ текстомъ показываетъ съ очевидностью, что текстъ лежащаго въ основѣ изданія Пверскаго списка не можетъ быть признанъ за „наиболѣе отвѣчающій оригиналу“, какъ это дѣлаетъ проф. Алмазовъ, склонный видѣть въ немъ даже „точную копию оригинала“ (стр. 5): этотъ оригиналъ надо еще установить критически. Надо, однако, признать и то, что дѣйствительно принятыю во вниманіе проф. Алмазовымъ списки даютъ разногласія, которыя могутъ быть разсматриваемы или какъ легкія редакціонныя поправки или какъ ошибки писцовъ.

Въ виду обнаруженнаго сравненіемъ N и A факта недостаточной устойчивости текста, нельзя не быть особенно благодарнымъ автору за тѣ весьма интересныя и поучительныя „примѣчанія“ (стр. 73 — 62), которыми онъ снабдилъ каждый изъ отвѣтовъ и которыя иногда представляютъ довольно обширныя историко-каноническія комментаріи; но нельзя въ то же время не высказать сожалѣнія, что имъ не расширены „примѣчанія“ насчетъ присоединеннаго параллельно перевода вопросовъ и отвѣтовъ на русскій языкъ: этотъ переводъ, какъ теперь оказывается изъ оцѣнки изданнаго текста на основаніи приведенныхъ выше разночтеній, былъ дѣломъ несвоевременнымъ, если имѣлась въ виду „большая публика“; для лицъ, близкихъ къ дѣлу, ясно, что недостатки перевода въ значительной мѣрѣ объясняются качествами подлинника, и очень часто онъ способенъ только увеличить недоумѣніе.

II.

По нѣскольکو иному плану сдѣлано проф. Алмазовымъ изданіе двухъ остальныхъ произведеній канонической литературы: *Ἐπιτίματα ἀπὸρ ἔλλοσζν ὁ πατριάρχης Λουκᾶς* (всѣхъ 20) и *Ἰωάν ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαίων καὶ ἀποκρίσεις χόρι* (sic) *Νείλου τοῦ ἀγιωτάτου μητροπολίτου Ῥόδου* (всѣхъ 21). Къ обоямъ этимъ памяткамъ одно предисловіе (стр. 1—18), склеенное внѣшнимъ образомъ изъ двухъ частей. Относительно отвѣтовъ патр. Луки можно безъ долгихъ разговоровъ согласиться, что они могутъ быть приписываемы только Лукѣ Хрисовергу (1155—1169), на смѣннія котораго часто указываетъ Вальсамонъ (Σόντ. I 159; II 410, 452, 498, 571, 582, 662, 700; III 27, 304, 324, 345, 579, 604; IV 168, 237); въ подлинномъ текстѣ изъ его синодальныхъ актовъ извѣстно (не всегда вполне) немногое (Σόνт. III 345 — 348, V 95—99; Acta et diplom. VI 113—117; Русск. Ист. Библи., VI, 65 — 76, гдѣ изданъ древнѣйшій русскій переводъ съ неоткрытаго пока гре-

ческаго оригинала) ¹⁾. Вопросъ въ томъ, принадлежать ли издаваемая рѣшенія въ настоящемъ ихъ видѣ патр. Луки и когда они появились. Издатель защищаетъ самобытность всего дошедшаго до насъ состава памятника довольно оригинальнымъ путемъ. Отъ его вниманія не ускользнуть тотъ фактъ, что содержаніе нѣкоторыхъ отвѣтовъ—не самостоятельное: 1) 12-й (только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями) повторяется въ каноническихъ отвѣтахъ Петра Хартофилакса; 2) этотъ же самый вопросо-отвѣтъ и затѣмъ вопросо-отвѣты 13 и 14 вносились въ старинныхъ кодексахъ въ статью, написанную Ἐκ τῶν ἐκκλησιαστικῶν λόγῶν (Никифора Константинопольскаго) εὐταξίῶν καὶ τῶν σὺν αὐτῷ ἁγ. πατέρων; 3) цѣлыхъ пять вопросо-отвѣтовъ (13 — 16 и 18) читаются и въ памятникѣ Ἐρωτήσεῖς μοναχῶν τινῶν ἐξῶ τῆς πόλεως ἀσκουμένων при патр. Николаѣ III Грамматикѣ (Σύντ. IV 417., вопросы 11, 10, 9, 6 и 5); 4) послѣдній отвѣтъ читается еще въ комментаріи Вальсамона на Неоксе. 8, „въ качествѣ нѣкотораго дополненія къ этому комментарію“ (стр. 3—4). Представляется вполне естественнымъ, что патріархъ воспользовался авторитетными мнѣніями жившихъ частью очень незадолго до него лицъ ²⁾, а Вальсамонъ, такъ хорошо знакомый съ административною дѣятельностью Луки Хрисоверга, широко пользовался рѣшеніями его. Издатель же отвѣтовъ до того смущенъ этими совпаденіями, что не находитъ „особенно вѣскихъ данныхъ въ защиту подлинности нашего памятника въ полномъ его объемѣ“ (стр. 4) и не находитъ лучшаго способа доказать ее, какъ только тѣмъ, что не только заподозрѣваетъ принадлежность одинаковыхъ правилъ соответственно и Петру Хартофилаксу и Никифору Пеновѣднику, и Николаю Грамматику, но и старается доказать, что всѣмъ имъ приписаны правила, взятые изъ текста Луки (!); относительно Вальсамона колеблется, не приписать ли сходство заимствованію изъ какого-нибудь другого источника, если нельзя считать текстъ вообще принадлежащимъ Вальсамону (!). вмѣстѣ съ самимъ авторомъ не слѣдуетъ придавать приводимымъ имъ въ доказательство своей гипотезы соображеніямъ особое значеніе; даже болѣе: для вопроса объ

¹⁾ Въ томъ же Иверскомъ спискѣ, по которому изданы отрывки Луки Хрисоверга, находится еще (л. 414) статья Λογὴ τοῦ ἀριστάτου πατριάρχου подъ заглавіемъ Πῶς ὀφείλει διατάξαι μοναχὸς εἰς τὸ καλλίον αὐτοῦ, пач.: Τὸ νουθήμιον ποίει εὐχὰς. Въ Ἱβήρων 329 (Λαμπρῶν 4449) XVI в. есть Περὶ ἡγασίας διὰ στίχους Λουκᾶ πατριάρχου.

²⁾ На правиза Никифора сдѣлана ссылка даже прямо (отв. 6), потому что Лука Хрисовергъ держался другого взгляда; повидному, случаи согласія онъ и не считалъ нужнымъ отмѣчать.

авторствѣ патриарха Луки то или другое рѣшеніе гипотезы автора, мнѣ кажется, не имѣетъ никакого значенія. Если бы даже и доказано было, что такіе-то отвѣты не принадлежатъ никому изъ названныхъ лицъ, не слѣдовало бы само собою, что они должны принадлежать патр. Лукѣ! Объ авторствѣ же Вальсамона или кого нибудь другого по отношенію къ 20-му отвѣту нѣтъ никакихъ данныхъ, и разъ самъ уважаемый издатель отмѣтилъ, что Вальсамонъ „не всегда наблюдалъ свою обязанность отмѣчать источники своихъ заимствованій“ (стр. 7), то нисколько не странно, что и въ данномъ случаѣ онъ не счелъ нужнымъ отмѣтить автора (ср. стр. 6).

Безпорядочность содержанія и лаконичность заглавія отвѣтовъ говорятъ не столько о томъ, что отвѣты явились не какъ цѣльное произведеніе (стр. 8) или что они собраны только послѣ смерти ¹⁾ Луки Хрисоверга (стр. 8—9), сколько скорѣе о томъ, что текстъ отвѣтовъ дошелъ до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а въ извлеченіи. Былъ одинъ адресатъ отвѣтовъ, задававшій вопросы отъ своего лица (В. II ἡσκασιμεθα; В. III Εἶδον; В. IV Ἀχοῶ), священникъ (іеромонахъ?), судя по содержанію его вопросовъ и по отвѣтамъ патриарха, можетъ быть, даже духовникъ, разъ возобновляетъ вопросъ объ употребленіи Постникава Пимокалона (В. XIII). При совпаденіи вопросовъ и отвѣтовъ съ извѣстными подъ другими именами нѣтъ нужды непременно думать сейчасъ о позднѣйшей интерполяціи: для спрашивающаго важно было имѣть аутентическое подтвержденіе соблюдавшіея практики, но могъ получиться и отвѣтъ, не совсѣмъ сходный съ даннымъ раньше на его заимствованный чуть не буквально вопросъ (сравни В.-0. I и Николая III В.-0. VII). О времени происхожденія отвѣтовъ опредѣленнаго нельзя ничего сказать, особенно пока не всѣ произведенія патриарха Луки изданы и самые эти отвѣты не являются въ точно установленномъ текстѣ; но заслуживаетъ вниманія для хронологическихъ изысканій то, что В. XI говоритъ о туркахъ, венграхъ и сербахъ какъ непріятеляхъ; а извѣстно, что въ патриаршество Луки Хрисоверга императоръ Мануилъ Комнинъ уже въ 1168 году заключилъ миръ съ венграми.

Объ вопрошатель митрополита Цила іеромонахъ Іоаннъ свѣдѣній нѣтъ. Вопросъ о томъ, какого Цила нужно разумѣть здѣсь, того ли, который былъ митрополитомъ Родоса съ 1357—1369,—или того,

¹⁾ Отсутствие почтительныхъ эпитетовъ въ заглавіи Ἰβήρων 332 находитъ себѣ противовѣсъ въ Patm. 540.

который занималъ эту кюедру съ 1455 года ¹⁾, издатель отвѣтовъ разрѣшаетъ въ пользу авторства перваго (стр. 15); доводы его достаточно убѣдительно: пока о литературной дѣятельности второго ничего неизвѣстно, возможно было бы приписать отвѣты ему развѣ только потому, что они встрѣчаются, вмѣстѣ съ отвѣтами Іосафа (XV в.) ²⁾, какъ приложение въ составѣ особой редакціи *πρόχειρον κανονικόν* 1379 г. (Patm. 373); но прямо противъ авторства Нила XV в. говоритъ тотъ фактъ, что онъ былъ уніатъ ³⁾, тогда какъ отвѣты написаны въ строго православномъ духѣ.

Для изданія греческаго текста проф. Алмазову пришлось воспользоваться только двумя списками: для отвѣтовъ Луки—Athous Ἰβήρων 382 (Ламброта 4502) XV в., для отвѣтовъ Нила—Patm. 540 XVI в.; кстати, напечатапы (стр. 18, прим.) по Patm. 540 Λουκᾶ πατριάρχου τοῦ οἰκουμηνικοῦ ἐρωταποκρίσεως для показанія, что къ дѣйствительнымъ вопросамъ Луки они отношенія не имѣютъ. Пужно думать, что во всякомъ случаѣ долженъ быть еще хоть одинъ списокъ отвѣтовъ патр. Луки, если не въ какой-нибудь изъ прочихъ европейскихъ библиотекъ, то навѣрное въ Ватиканской: Pitra, не знакомый съ сокровищами Патмосской и Аѳонскихъ библиотекъ, имѣлъ въ виду издать и Luciae CP Cnysgobergae sententiae (Hist., I, praef. p. XVIII). Единственный списокъ отвѣтовъ Нила извѣстенъ издателю среди Патмосскихъ, именно 540, а между тѣмъ каталогъ Сакелліона не только упоминаетъ тѣ же отвѣты въ Patm. 373 XVI в. ⁴⁾, но и содержитъ нѣкоторые соображенія объ авторѣ ихъ (Патр. ββλ., 168 и прим. 5).

Обращаясь къ разсмотрѣнію греческаго текста обоихъ памятниковъ, слѣдуетъ признать, что онъ изданъ удовлетворительно, за исключеніемъ досадныхъ опечатокъ въ придыханіяхъ и удареніяхъ, изрѣдка и въ самыхъ словахъ (В. XI: Βασιλείους; О. XIII: ἐπανορθώσαντα; и др.). Но нельзя сказать, чтобы сами рукописи давали исправный текстъ. Въ отвѣтахъ Луки Хрисоверга видимъ, напримѣръ:

В. I: Τετλεούτηθεν ἀδελφός συνήθως καὶ ἡσπασάμεθα („Умеръ братъ обыкновеннымъ образомъ и мы цѣловали...“), но отвѣтъ: Τὸ θεομηκότα

¹⁾ См. Πατριαρχὴ Ββλ., 168 прим. 5.

²⁾ Какой это Нилъ, къ которому Іосафъ писалъ? (см. выше стр. 232).

³⁾ Посвященъ въ Римѣ въ церкви св. Андрея уніатскимъ патриархомъ КП. Григоріемъ Маймой (а не Гепнадіемъ Схоларіемъ въ КП!) см. Εὐαγγελ. Κήρυξ XI (1867) 563—Πανόρα XVIII, 452. Этими указаніемъ я обязанъ А. И. Пападопуло-Керамевсу.

⁴⁾ Съ этого текста мною сдѣланъ списокъ въ 1902 г. на о. Патмосѣ.

ἀδελφὸν συνήθως ἀσπασσῆναι показывается, что и въ вопросѣ συνήθως (значить: „по обычаю“) должно быть отнесено къ ἡσπασάμεθα, тѣмъ болѣе, что въ отвѣтѣ съ видомъ смерти не связывается никакихъ особыхъ послѣдствій для цѣлующаго іерея.

О. II: ὁ δὲ γε μετὰ καιρὸν μεταμεληθεὶς, ὅθεν ἐξῆλθε κακῶς, εἰσελήλυθε, περὶ τε τὰ ἄλλα ἄμεμπτος εὐρεθείη—должно быть εἰ δὲ вмѣсто ὁ δὲ; вмѣсто οὐκ ἐαθείς должно быть οὐκ ἐαθῆ (замѣна будущаго изъявит., въ соотвѣтствіи съ находящемся выше ἀξιωθήσεται).

Рatm. 373 (л. 73^a и слѣд.) даетъ только очень немного вариантовъ къ изданному тексту, но есть существенные:

О. III: λύεται ταύτη... θερμῶν δακρυῶν... μὴ ἐσθίουν.

О. IV: παρασκοσάββατον.

О. V: ἱεουργῆσαι.

В. VI: συχοφαντισθέντων; πρωτοϊερέων (вмѣсто страннаго πρὸ τῶν ἱερέων). О.: ὄρκον βεβαιωσαμένων... εἴ μάρτυρες συνόρκων βεβαιωσάντων.

О. VII: ἱερεὺς (ошибочно!).

В. IX. Καὶ проп.; ὑπὸ τῶν. О.: Μύρον.

О. X: τὸ αὐτὸ καὶ πατριάρχης ἀντιοχείας ᾧδε φησὶ (in m. iwάννης patr. ἀντ... πδ'); κοινωνεῖα вмѣсто μὴ κοινωνεῖν δὲ; ἀφροσύνη вм. ἀφροσύνης; ἐπιφύττεις ἔστιν... αὐτὸς ἔφη ἐν; γυναικὸς вм. γυναικείου.

О. XII: ἀφανισθῆ вм. ἡφανισθῆ.

В. XIII: ἀθενῆσαι... θνηῆσαι... ἔδει... О.: τόπον вм. μέρος; γένγς вмѣсто γίνγς.

О. XIV: καὶ κανόνος.

О. XV: γραῦς.

О. XVI: οὐν εὐχῶν(?).

О. XVII: Οὐχ ἁμαρτίαν κείρει (!) τὰς συνήθεις τρίγας.

О. XVIII: γοητείας τοῦτο... οἱ ἅγιοι ἀνάργυροι... Слово κουενόν, по поводу котораго находится въ недоумѣннн проф. Алмазовъ, извѣстно даже не всякому греку и не находится въ ходячихъ словаряхъ; оно означаетъ на о. Патмосѣ небольшой глиняный сосудъ (ихъ привозить обыкновенно съ о. Хиоса) для масла; его употребляютъ и для устройства кровопусканія („ставить банки“); на о. Патмосѣ да и въ др. мѣстахъ еще теперь это обычное средство противъ колликъ въ животѣ.

В. XIX: γυναῖχα μυστικῶς. О.: φορεῖ вм. φορέσας.

В. XX: ἵνα μεσοβδομάδος ποιῆσαι. О.: ἀρχιερεὺς вм. ἱεράρχης; ἐλεημοσύνη ἔλεγεν αὐτὸς... λειτουργῆσαι... μετὰ τὴν τελείαν λειτουργίαν ὀλιγώτερον.

Къ каждому изъ издаваемыхъ памятниковъ присоединены замѣ-

чанія вслѣдъ за соответствующимъ вопросомъ и отвѣтомъ и переводъ на русскій языкъ; о значеніи этихъ частей работы приходится сказать то же, что уже сказано выше по поводу отвѣтовъ Іоасафа.

В. Венещевичъ.

Ruska Antologija v slovènjakim prevodih. Zbrala i uredila Ivan Vesel in Anton Askerc. V. Gorice Tisk. in zal. „Goriška Tiscarna“. A. Gaberšček. 1902 г. стр. 467+2н. л. 8°.

Во всѣхъ славянскихъ литературахъ, западныхъ и южныхъ, въ разрядъ книгъ этого рода, мы не знаемъ другой, которая была бы такъ добросовѣстно, умѣло и, сравнительно говоря, полно составлена, и проникнута такою любовью къ своему предмету. Ручательствомъ выбора и успѣха выполненія могли бы служить имена редакторовъ и сотрудниковъ изданной „Русской Антологіи“.

Четырнадцать писателей Хорутаніи, во главѣ съ пламеннымъ любителемъ и знаткомъ русской поэзіи Ив. Веселомъ и съ словянско-хорутанскимъ „вѣчнымъ поэтомъ“ А. Ашкерцомъ, пожелали совокупными усиліями перевести на хорутанское родное нарѣчіе, избранныя произведенія семидесяти четырехъ русскихъ поэтовъ второй половины XVIII и всего XIX вѣка.

Было бы весьма несправедливо думать, что всѣ эти переводы выполнены лишь ad hoc. По крайней мѣрѣ, добрая половина этихъ переводовъ идетъ почти непрерывно 50 лѣтъ. Антонъ Ашкерць, общепризнанный на своей родинѣ poeta laureatus (съ 1900 г.), извѣстный литераторъ, редакторъ солиднаго изданія „Люблянскій Колоколь“ (Ljubljanski Zvon, вѣ Лайбахѣ), убѣжденный славянофилъ въ самомъ широкомъ и благородномъ значеніи этого слова. Хорошо изучивъ русскій языкъ подъ руководствомъ безкорыстнаго почитателя Россіи, самоотверженнаго распространителя ея языка, доктора Людевита Енко (Ljudevit Ienko), поэтъ Ашкерць приобрѣлъ обширныя познанія въ новой русской литературѣ, особенно въ поэтической. Наши писатели, издатели и журналисты, конечно, оцѣнили бы надлежащимъ образомъ эту любовь малочисленныхъ и бѣдныхъ словянцевъ къ духовнымъ сокровищамъ своихъ болѣе благопріятно обставленныхъ братьевъ и постарались бы дать ей посильное удовлетвореніе, если бы знали, съ какими затрудненіями сопряжено приобретеніе русскихъ книгъ для этого даровитаго и привлекательнаго, но обиженнаго судьбой славянскаго народа, который изъ послѣднихъ силъ отстаиваетъ

своѣмъ языкѣ и самобытность отъ надвигающагося все грозѣе германизма. На бѣдность по части источниковъ и пособій жалуются и г. Ашкерцъ въ разбираемой книгѣ и кое-какіе ея недостатки, сознаваемые имъ самимъ, — нѣкоторая случайность въ выборѣ матеріала для перевода и отсутствіе свѣдѣній о нѣкоторыхъ русскихъ поэтахъ — зависятъ несомнѣнно отъ того, что переводчикамъ часто приходилось довольствоваться стихотвореніями, помѣщенными въ хрестоматіяхъ и въ журналахъ, а редакторамъ — тѣми книжками по русской литературѣ, какія Богъ послалъ. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ не осуждать редакторовъ за пропуски или за не всегда удачный подборъ образчиковъ, а скорѣе дивиться ихъ трудолюбію и находчивости въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Самая большая заслуга въ дѣлѣ ознакомленія хоругатъ съ русскою поэзіею принадлежитъ самому Ив. Веселу, къ сожалѣнію, скончавшемуся во время печатанія его „Русской Антологіи“, послѣ чего редакція ея перешла къ А. Ашкерцу. Пѣзъ русскихъ авторовъ переведены Ив. Веселомъ въ разное время (начиная съ 1865 года) въ „Русской Антологіи“ произведенія баснописцевъ, поэтовъ и, вообще, писателей-стихотворцевъ, именно: П. П. Дмитріева, П. А. Крылова, И. И. Козлова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, графа А. Толстого, Каролины Павловой, П. М. Языкова, князя П. А. Вяземскаго, барона А. А. Дельвига, Я. П. Полонскаго, А. С. Хомякова и Н. А. Некрасова. Мы уже не говоримъ о переводахъ Ив. Весела изъ Гоголя и другихъ русскихъ беллетристовъ.

За Ив. Веселомъ по всей справедливости слѣдуетъ поставить его продолжателя, поэта Антона Ашкерца. Имъ переведены, какъ олимпийцы, такъ и діи minoreс русскаго Парнаса, именно: А. С. Пушкинъ, Ф. И. Тютчевъ, П. Огаревъ, А. Н. Майковъ, Л. А. Мей, К. С. Аксаковъ, А. М. Жемчужниковъ, А. Н. Плещеевъ, Ю. В. Жадовская, П. Д. Хвощинская (В. Крестовскій), П. С. Пикитинъ, М. Л. Михайловъ, В. С. Курочкинъ, Д. Д. Минаевъ, П. А. Добролюбовъ, Оммулевскій (Н. В. Федоровъ), А. П. Барыковъ, А. П. Анхутинъ, В. С. Лихачевъ, П. З. Суриковъ, Л. П. Пальминъ, кн. Д. П. Цертелевъ, великій князь Константинъ Константиновичъ, С. Я. Надсонъ, С. Г. Фругъ, П. М. Минскій, П. Ягубовичъ-Мельшигъ (Рамшевъ), К. М. Фофановъ, Д. С. Мережковскій, К. П. Льдовъ, В. Л. Величко, А. Ф. Ивановъ-Классикъ, О. К. Соллогубъ, К. Д. Бальмонтъ, кн. Э. Э. Ухтомскій, А. М. Федоровъ, В. П. Ладженскій, Л. М. Медвѣдевъ, Ф. Филимоновъ, В. А. Гиляревскій,

А. А. Коринфскій, П. А. Павловъ, О. Н. Чюмина (Михайлова), В. П. Лебедевъ, С. А. Сафоновъ, А. П. Будищевъ, М. А. Лохвицкая (Жиберь), В. А. Мазуркевичъ, Н. М. Соколовъ, П. Ф. Порфирьевъ, В. Г. Танъ (Богоразъ), Д. М. Ратгаузъ, В. А. Шуфъ, Ф. А. Червинскій, Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Сотрудниками-вкладчиками Пв. Вессла и А. Анкорда по открытію хорутанамъ сокровищницы русской поэзіи, какъ упомянуто было выше, явились всѣ наличныя силы современной словянско-хорутанской словесности, которыя представляютъ слѣдующія лица: Александровъ (псевдонимъ переводчика С. Я. Надсона); Вида (псевдонимъ переводчицы стихотвореній баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ и М. А. Лохвицкой); Грегориъ С. — переводчикъ В. А. Жуковского, Н. П. Козлова и А. С. Пушкина; Драгутинъ Кетте, познакомившій своихъ родичей съ И. А. Крыловымъ, А. В. Кольцовымъ и К. Н. Батюшковымъ; Фран. Левстикъ — съ Державинымъ и Пушкинымъ, поэтъ Антонъ Медвѣдъ, вновь переводившій Пушкина; докторъ И. Менцингеръ—Пушкина и Лермонтова; Незнамецъ (т.-е. Незнакомецъ) — П. П. Дмитріева; Радивой Плетершникъ, поэтъ и лексикографъ, переводчикъ Лермонтова, и, наконецъ, молодой беллетристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ докторъ Вѣнскаго университета Ив. Пріятель, переводчикъ О. П. Тютчева, Я. П. Полонскаго, С. Я. Надсона, К. М. Фофанова, Н. С. Тургенева и Ф. К. Соллогуба. Не ограничиваясь этимъ, сказанныя словянско-хорутанскія и руссофильскія пчелы, благодаря библиографическимъ разысканіямъ профессора А. Штрекела въ Пушкинскомъ юбилейномъ 1899 году (въ статьѣ вышеупомянутаго „Люблянскаго Колокола“) доконались до какого-то, давно забытаго самими хорутанами писателя, нѣкоего Жакела, печатавшагося когда то подъ псевдонимомъ Радивоя Лединскаго, которому, какъ оказалось, принадлежитъ честь первоначальнаго ознакомленія родной страны съ русскою поэзію, путемъ перевода. Этотъ Р. Лединскій еще въ 1846 году перевелъ нѣкоторыя стихотворенія забытаго теперь и въ Россіи харьковскаго поэта Мих. Дан. Делярю. Онъ же, Лединскій, позже перевелъ кое-что изъ стихотвореній барона Егора Оед. Розена (въ 1852 г.) и даже самого Пушкина (въ 1855 г.). И вотъ переводныя стихотворенія этихъ поэтовъ тоже попали въ „Русскую Антологію“. Эта „Антологія“, быть можетъ, еще болѣе выиграла бы въ качественномъ отношеніи, еслибъ въ нее были помѣщены переводы русскихъ авторовъ и нѣкоторыхъ другихъ словянцевъ, отличныхъ знатоковъ обѣихъ языковъ и литературъ. Но, по неизвѣстной намъ

причинѣ, эти авторы съ ихъ переводами почему-то отсутствуют. Такъ въ „Русской Антологіи“ мы не видимъ отличныхъ, къ тому же комментированныхъ переводовъ, исполненныхъ въ свое время профессоромъ русскаго языка и литература Загребскаго университета Фр. Целлестина († 1895 г.), М. М. Хостника, Л. М. Лѣсковца, Пв. Желѣзничаря, Іована Весель-Косескаго, М. А. Терновца-Ламурскаго, С. Семеновича, Г. Когея и др., помѣщавшихъ свои переводы въ прекрасномъ изданіи доктора Фр. Подгорника „Slovanski Svet“ (Вѣна). Наконецъ, слѣдовало помѣстить, а читателямъ вдвойнѣ пріятнѣе было бы увидѣть въ „Русской Антологіи“ первый по времени переводъ изъ Пушкина („Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ“) на словянско-хорутанскій языкъ по штирійскому нарѣчію еще потому, что онъ принадлежитъ перу одного изъ величайшихъ языковѣдовъ XIX вѣка, знаменитому Фр. Миклошичу (въ его хрестоматіи „Verilo“, 1853 г.). Но не будемъ взыскательны, а удовольствуемся лишь тѣмъ, что даетъ намъ перелистываемая „Русская Антологія“.

Оставляя въ сторонѣ разборъ сдѣланныхъ переводовъ съ точки зрѣнія вѣрности подлиннику, эстетики и метрики (послѣднее сдѣлано знатокомъ своего дѣла профессоромъ О. Е. Коршемъ на страницахъ „Извѣстій Отд. русскаго языка и слов. Пмп. Акад. Наукъ“ за 1902 годъ), мы замѣтимъ, что переводы эти порѣдко сопровождаются необходимыми подстрочными примѣчаніями.

Въ слѣдъ за текстомъ „Русской Антологіи“ идетъ небольшой, но прекрасный этюдъ „Біографическія и литературно-критическія замѣтки о переводныхъ русскихъ поэтахъ“, принадлежащій перу А. Ашкерца. Наложеніе идетъ, конечно, ab ovo, отъ „Слова о полку Игоревѣ“, но объ этомъ сказано всего полстранички, о простонародной же поэзіи ни слова, иначе былъ бы нарушенъ планъ книги. П сейчасъ послѣ этого г. Ашкерць вводитъ своихъ земляковъ въ пантеонъ новой русской поэзіи, которую начали по его сообщенію князь А. Кантемиръ (1708 — 1744), В. К. Тредьяковскій (1703 — 1769) и М. В. Ломоносовъ (1711 — 1765). И вотъ послѣ этого слѣдуютъ краткіе критическіе отзывы съ еще болѣе краткими свѣдѣніями о всѣхъ вышеприведенныхъ русскихъ поэтахъ до діі minores включительно. Характеристики русскихъ поэтовъ XIX вѣка въ этой нерусской книгѣ сжатыя, рельефныя и мѣткія. Такъ относительно Мирры А. Лохвицкой (Жиберъ), которая нашла себѣ большую поклонницу въ словянско-хорутанской поэзіи въ лицѣ поэтессы-переводчицы г-жи Виды (псевдонимъ), сказано, кажется, вѣрно, что „любовь это

альфа и омега ея поэзіи“, и при этомъ она названа „русскою Сафо“.

Книга Ив. Весела и А. Ашкерца и въ техническомъ отношеніи производит самое благопріятное впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, что въ ней, несмотря на многочисленность цитатъ, русскихъ текстовъ и великаго множества именъ, нѣтъ ошибокъ и типографскихъ опечатокъ, чѣмъ она такъ выгодно отличается отъ болгарскихъ и сербскихъ книгъ, посвященныхъ русской литературѣ.

Подъ конецъ А. Ашкерць помѣстилъ „некрологъ“ Ив. Весела. Иванъ Весель (родился въ 1840 г., умеръ 10-го декабря 1900 г.) былъ, по словамъ его біографа, личностью во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательною. Онъ первый обратилъ самое серьезное вниманіе на изученіе новой русской литературы у себя на родинѣ и представилъ съ 1865 года блестящіе переводы русскихъ классиковъ на свое родное нарѣчіе. Ему же принадлежитъ отличный переводъ Гоголевскихъ „Тараса Бульбы“ (напечатанъ въ „Лѣтописи Словянской Матицы“) и „Ревизора“, который много разъ давался на сценѣ національнаго театра въ Лайбахѣ. Далѣе, А. Ашкерць сообщаетъ, что покойнымъ въ 1892 году была переведена „Псалтырь“ съ классическаго еврейскаго подлинника римованными стихами. Въ рукописяхъ Ив. Весела, разобранныхъ его другомъ и душеприказчикомъ А. Ашкерцомъ, нашлась драма „Droh“, написанная еще 30 лѣтъ тому назадъ (сюжетъ относится къ средне-хорутанской исторіи, именно къ принятію словянами христіанства, слѣдовательно весьма напоминаетъ подобную же тему, разработанную величайшимъ поэтомъ Хорутаніи Преширномъ, въ „Крещеніи на Савицѣ“). Мѣстные критики Стритаръ и Левстисъ отзываются о ней, какъ о крупномъ поэтическомъ произведеніи. Говоря о нравственныхъ качествахъ Ив. Весела, А. Ашкерць отзывается о немъ, какъ о мудромъ и незапятнанномъ человѣкѣ. Въ общественномъ отношеніи онъ былъ славяниномъ въ полномъ смыслѣ этого слова и, какъ таковой, былъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго литературнаго общества имени свв. Кирилла и Меодія. Другой поэтъ современной Хорутаніи Сим. Грегорчичъ, съ музою котораго въ переводѣ познакомилъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ читателей „Вѣстника Европы“ два года тому назадъ, въ качествѣ стараго друга и единомышленника Ив. Весела, прочелъ надъ его гробомъ написанную по этому случаю „Похвальную эпитафію“.

Въ самомъ концѣ книги А. Ашкерць говоритъ о генезисѣ „Рус-

ской Антологіи“, объ ся несовершенствахъ, о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, съ которыми было сопряжено составленіе этой книги, благодаря скудости пособій и неудовлетворительности взаимныхъ литературныхъ сношеній въ славянскомъ мірѣ.

Желая самого широкаго распространенія „Русской Антологіи“ среди поголовно грамотнаго славянско-хорутанскаго народа (2.000.000 человѣкъ), мы въ то же самое время желали бы видѣть въ ожидаемомъ, второмъ, изданіи этой антологіи образцы изъ поэзіи замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ послѣдней четверти XIX вѣка, которые остались издателямъ и редакторамъ перваго изданія „Русской Антологіи“ совершенно неизвѣстными. Имѣемъ въ виду нѣкоторыя стихотворенія А. Фета, графа А. Голенничева-Кутузова, И. С. Аксакова, Б. Алмазова, Розенгейма, Щербини, П. П. Вейнберга, Вл. С. Соловьева, К. Случевского.

III. Драгановъ.

Книжныя новости.

Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство“. Съ предисловіемъ *В. Г. Короленко.* Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи. Томъ XXVIII, вып. I. С.-Пб. 1903. Стр. 112.

Книжка Хохлова появилась въ печати слѣдующимъ образомъ. Живя въ Уральской области гдѣто въ 1900 году, В. Г. Короленко узналъ о путешествіи трехъ казаковъ—„никудышниковъ“, т. е. старообрядцевъ-безпоповцевъ, въ Индо-Китай и Японію, совершенномъ съ цѣлью разыскать сказочное „Бѣловодское царство“, гдѣ сохранилась будто бы непосредственная преемственность благодати отъ апостоловъ. Краткое описаніе этого необычнаго путешествія еще раньше было составлено однимъ изъ участниковъ и затѣмъ напечатано, но раздобыть экземпляръ рѣдкой книги нашему беллетристу долго не удавалось. Впрочемъ, случай свелъ В. Г. Короленко съ другимъ казакомъ, Хохловымъ, отъ котораго можно было узнать нѣчто болѣе интересное. Знакомство произошло въ одной изъ станицъ на среднемъ Уралѣ, а именно, въ Гырянской. Познакомившись съ участникомъ этого оригинальнаго путешествія, Короленко просилъ его составить книжку, гдѣ были бы изложены впечатлѣнія путешествія. Теперь она издана Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Въ предисловіи къ ней г. Короленко даетъ обстоятельную характеристику причинъ, вызвавшихъ это не совсемъ обыкновенное путешествіе.

Какъ уже замѣчено, Хохловъ и его товарищи были „никудышниками“, т. е. не признавали ни одной изъ существующихъ церковныхъ іерархій. Въ силу

этого они не переставали мечтать о такой странѣ, гдѣ преемство благодати отъ апостоловъ сохранилось бы въ „настоящемъ“, чистомъ видѣ. Эти мечтанія о какой-то идеальной церкви въ сущности общи всѣмъ старообрядцамъ. Какъ извѣстно, одинъ изъ нихъ учредилъ въ Австріи свою собственную бѣнокри-ницкую іерархію, гдѣ первымъ епископомъ былъ Босно-Сараевскій митрополитъ Амвросій, приглашенный двумя начетчиками-иноками, Павломъ и Алимпіемъ. Другая партія старообрядцевъ примкнула къ единовѣрью; наконецъ, третья осталась при прежнихъ ожиданіяхъ и мечтахъ о „правильной“ церкви. Вскорѣ эти неясныя мечтанія воплотились въ легенду о какомъ-то „Бѣловодскомъ царствѣ“. Характерно, между прочимъ, что возникновение этой легенды связы-вается съ именемъ Марка, инока Топь-Езерской обители, чѣмъ въ Архангель-ской губерніи. „Лицо это, несомнѣнно, мнѣстическое,—говоритъ Короленко,— но совпаденіе именъ невольно напоминаетъ о другомъ путешественникѣ, ве-неціанцѣ Марко-Поло, объѣхавшемъ въ XIII вѣкѣ много восточныхъ странъ и оставившемъ описаніе своихъ скитаній, ни мало кажется не фантастиче-скими для того времени, но теперь давно уже задернутыхъ загадочной дымкой отдаленнаго прошлаго. Есть еще одна черта, сближающая путешествіи Марко-Поло съ фантастическимъ сказаніемъ ипока Марка объ его путешествіи въ Бѣловодію. По послѣдней сказанію, христіанство въ Бѣловодскомъ царствѣ процвѣтало отъ проповѣди апостола Фомы, и у Марка-Поло упоминается о странѣ, гдѣ жилъ и умеръ апостолъ Фома, признаваемый однаково за свя-того и христіанами, и сарацинами“. Эта заманчивая легенда и побуждала ста-рообрядцевъ совершить путешествіе сначала въ Іерусалимъ, затѣмъ въ Антіо-хію и Абиссинію. Неудачи поисковъ не разочаровывали мечтателей, а только отодвигали отъ нихъ реальную страну „съ правой вѣрой“ все дальше и дальше.

Конечно, находились люди, утилизовавшіе эту мечту, а темная масса народа легко поддавалась обману. Въ „Путешествіи“ Хохлова говорится, на-примѣръ, объ извѣстномъ Бѣловодскомъ епископѣ Аркадіи. До сихъ поръ о его личности и происхожденіи нельзя сказать ничего достовѣрнаго. Вѣроятнѣе всего, что этотъ Аркадій—сынъ мелкаго чиновника, Антонъ Савельевичъ Пякульскій, именовавшій себя то протоіереемъ села Зарехенскаго, Томской епархіи, то единовѣрческимъ архимандритомъ, то „противураскольничьимъ“ миссіонеромъ и, наконецъ, епископомъ Бѣловодскимъ.

Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1899 годъ была помѣщена автобіографія Аркадія и грамота, которую онъ будто бы получилъ въ „Бѣло-водіи“ отъ „смирненнаго Мелетія, патріарха славяно-водскаго, камбайскаго (Камбоджу), японскаго, подстанскаго, индуанскаго, англо-индѣйскаго, остри-индїи и юсть-индїи и феть-индїи, и Африки, и Америки, и земли Хили, и ма-геланскія земли, и Бразилїи, и Абиссинїи“, и подписанную епископомъ чуть ли не всѣхъ городовъ земнаго шара. По поводу этого г. Короленко замѣчаетъ, что авторъ этой грамоты составлялъ ее, повидимому, съ какимъ-нибудь ста-риннымъ учебникомъ географіи въ рукахъ, ни мало не заботясь трудностью—сводитъ въ одну епархію Нью-Йоркъ и Потоки, Калькутту и Швейцарскій Ааргау, Вальядалидъ и Парагвай. Столь же велика, дѣтски наивная и невѣжественная автобіографія Аркадія, расказъ его о путешествіи въ Бѣловодію и описаніе этой страны. „Грустно подумать, что эта полуграмотная пачкотня способна еще и въ XX столѣтіи производить въ нашемъ отечествѣ свое дѣйствіе“,—завлю-

часть авторъ предисловія. Появленіе Аркадія на Уралѣ и дало толчекъ рѣшенію казаковъ лично отправиться въ эту страну съ цѣлью провѣрить рассказы о ней Аркадія. Подобныя путешествія производились казаками и раньше. Такъ, Хохловъ рассказываетъ, что незадолго до ихъ путешествія, донской казакъ Шалопниковъ отправилъ трехъ казаковъ, снабдивъ ихъ тремястами червонцевъ, на поиски „древней хиротоніи священства“. Они доѣхали до Ост-Индіи, были въ Бомбей и на Малабарскомъ берегу, но далѣе почему-то не поѣхали и вернулись назадъ.

Хохловъ со своими товарищами побывалъ въ Константинополѣ, на Авоиѣ, въ Солуни, въ Смирнѣ, на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, въ Бейрутѣ, Сидонѣ, Тирѣ, Рамлѣ, Поддежанѣ, Іерусалимѣ, Яфѣ, Портъ-Сандѣ; побывали они и въ Суэзскомъ каналѣ и Черномъ морѣ, откуда открывался путь на Дальній Востокъ. Побывали русскіе казаки въ Индійскомъ океанѣ, на островѣ Цейлонѣ и Суматрѣ, въ Сингапурѣ, въ Сайгонѣ, въ Гонгъ-Конгѣ, въ Нагасакахъ и, наконецъ, во Владивостокѣ, откуда направились на Уралъ. Описаніемъ этого путешествія и заняты цѣлый выпускъ „Занисовъ“ географическаго общества. Читается оно съ большимъ интересомъ. Авторъ обладаетъ незаурядной наблюдательностью, свойственной всѣмъ русскимъ людямъ, начиная съ нашихъ древнихъ паломниковъ въ святую землю и кончая крестьянами-эмигрантами самаго позднѣйшаго времени. Иногда въ рассказѣ Хохлова можно замѣтить критическое отношеніе къ разнаго рода росказнямъ о диковинкахъ „Индіи богатой“, иногда онъ простодушно вѣритъ фантастическимъ легендамъ, изрѣдка его изложенеіе пересынается юморомъ, хотя въ общемъ автору серьезно. А главное, въ каждой почти строкѣ чувствуется его непосредственное чувство, чувство наивнаго человѣка, движимаго самыми идеальными побужденіями.

В. В. Ситовскій. Изъ исторіи русскаго романа и новеллы. (Матеріалы по библіографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I: XVIII вѣкъ. Изданіе 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1903. Цѣна два рубля. Стр. XIII+336.

„Въ основу нашей работы“, говорятъ авторъ, „положены библіографическіе (рукописные) матеріалы изъ собранія В. И. Саитова, любезно предоставившаго ихъ въ наше пользованіе. Эти матеріалы нѣсколько разъ были нами провѣрены, исправлены и дополнены, какъ по трудамъ Сонникова, Анастасевича, Плавильщикова, такъ и по трудамъ—Геннади, Губерти, Венгерова, Березина-Шираева, Остроглазова и др. Кромѣ того, мы просмотрѣли почти всѣ существующія въ Императорской Публичной Библіотекѣ каталоги книжныхъ магазиновъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка, любопытные библіографическіе матеріалы, никѣмъ еще не использованные. Составленный списокъ былъ провѣренъ и дополненъ по карточнымъ каталогамъ Императорской Публичной Библіотеки и Императорской Академіи Наукъ и по печатному каталогу С.-Петербургской Духовной Академіи“ (стр. 1).

Предлагаемая читателю книга—необходимый предварительный трудъ для того изслѣдованія, которое авторомъ готовится къ печати: „Очерки по исторіи русскаго романа и новеллы XVIII вѣка“. „Вышущая въ свѣтъ эту

книгу“, говоритъ авторъ, „мы не только затруднились бы назвать ее *библиографіей* романа, но даже *опытомъ* такой библиографіи. Это—только матеріалъ, нуждающіеся въ детальной разработкѣ специалистовъ. Правда, попутно намъ удалось разрѣшить немало библиографическихъ сомнѣній, но, конечно, библиографы встрѣтятъ въ нашей работѣ много вопросовъ, хотя заслуживающихъ вниманія, но обобщенныхъ нами (установленіе именъ нѣкоторыхъ авторовъ и переводчиковъ, раскрытіе исевдоименовъ, установленіе числа изданій, формата книгъ и пр.), мимо которыхъ мы прошли совершенно сознательно, боясь отклоненія въ сторону“.

В. В. Сиповскій сообщаетъ въ своемъ предисловіи нѣсколько выводовъ и наблюденій. Мы не будемъ говорить о нихъ: ждемъ обѣщаннаго изслѣдованія; но не можемъ удержаться, чтобы не сдѣлать одного замѣчанія.

„Обратившись къ переводамъ“, говоритъ В. В. Сиповскій, „мы поражены будемъ той хронологической непоследовательностью, съ которой переводились у насъ романы разныхъ эпохъ и направлений; повидимому, эта непоследовательность свидѣтельствуетъ о полной спутанности литературныхъ вкусовъ“... И далѣе: „Еслибы мы взяли всѣ романы, напечатанные, хотя бы, въ текущемъ 1903 году, мы столкнулись бы съ такою же пестротой, съ такими же курьезами и неожиданностями“ (XI—XII). Слѣдовательно, поражаться нечѣмъ. Авторъ и самъ говоритъ: „Конечно, между Херасковымъ и какимъ нибудь недоучившимся самоучкой-одновѣрцемъ — громадное разстояніе,—у нихъ не могли быть одинаковыя вкусы и требованія“ (XII). Итакъ, наоборотъ, мы были бы поражены, если бы встрѣтили одинаковыя литературные вкусы и требованія или хронологическую последовательность переводовъ, употребляя выраженіе В. В. Сиповскаго.

Въ заключеніе своей обѣлой замѣтки должны сказать, что, какъ всякій можетъ видѣть, библиографическій трудъ В. В. Сиповскаго необходимая книга для интересующагося исторіей русской литературы XVIII вѣка. Можно только пожалѣть, что у насъ рѣдко появляются библиографическія работы и лишь разрозненно, по отдѣльнымъ вопросамъ. Тяжело отзывается такое положеніе дѣлъ на людяхъ, занимающихся литературной работой.

Славяновѣдніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. С.-Пб. 1903. Стр. 226. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Считаемъ излишнимъ распространяться о значеніи подобныхъ библиографическихъ сборниковъ, какъ второй выпускъ „Славяновѣднія“, составленный группой славистовъ при общемъ наблюденіи главнаго редактора академика А. Н. Соболевскаго, подъ редакціей профессоровъ и доцентовъ С.-Петербургскаго университета и при участіи многихъ русскихъ и заграничныхъ сотрудниковъ. Если сравнимъ этотъ выпускъ съ предыдущимъ, предпринятымъ два года тому назадъ вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, то найдемъ, что онъ значительно полнѣе перваго выпуска, что матеріалъ расположенъ въ лучшей системѣ и т. д. Все это служитъ доказательствомъ необходимости такихъ указателей, которые сберегали бы время и трудъ тѣхъ, кто интересуется тѣмъ или инымъ вопросомъ въ области науки о славянахъ, но

исторіи, этнографіи, литературѣ, языковѣдѣнію, отчасти, современной жизни и о странах, заселенныхъ въ настоящее время славянами. Въ засѣданіи IV секціи предварительнаго съѣзда славистовъ С. Л. Пташицкій указывалъ на неотложность подобныхъ коллективныхъ трудовъ, указывая на примѣръ Краковской академіи наукъ, образовавшей съ этой цѣлью особую библиографическую секцію и издающей ежегодно по 4 выпуска „Litterature scientifique“. Пять лѣтъ тому назадъ кружкомъ краковскихъ ученыхъ сталъ издаваться хорошо теперь извѣстный „Věstník slovanskich starožitnosti“, а три года—„Вѣстникъ славянской филологіи“. Подобныя же указатели выходятъ и у другихъ зарубежныхъ славянъ. Однимъ словомъ, уже многіе замѣтили пробѣлы въ славянской библиографіи и стараются его восполнить коллективными трудами. Рецензенты справедливо замѣтили нѣкоторую неравномѣрность въ обработкѣ отдѣловъ. „Такъ, въ библиографіи польскаго отдѣла приняты во вниманіе и сдѣланы ссылки на статьи и замѣтки, иногда лишенные всякаго значенія, даже маленькихъ газетъ и варшавскихъ листковъ, а въ чешскомъ отдѣлѣ оставлены безъ вниманія газеты, хотя въ нѣкоторыхъ, какъ на примѣръ, „Nahodní Lysti“, нерѣдко находимъ статьи гораздо большаго значенія, чѣмъ отмѣченныя въ польскихъ листахъ. Отмѣтимъ также, что въ польскомъ отдѣлѣ не приняты во вниманіе статьи и отзывы въ галицко-русскихъ изданіяхъ, хотя тутъ же находимъ ссылки на чешскія, сербскія, болгарскія изданія и что вообще не находимъ отмѣтки статей о славянахъ этнографическаго, историческаго или литературнаго характера въ русскихъ газетахъ, хотя въ нѣкоторыхъ органахъ печати, особенно столичныхъ, нерѣдко попадаются статьи этого рода“. Дѣйствительно, эта неравномѣрность сразу бросается въ глаза. Но, какъ оказывается, она является результатомъ хорошей организаціи польскаго отдѣла, которымъ завѣдуетъ г. Пташицкій, пригласившій нѣсколькихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а также просмотрѣвшій почти всѣ періодическія польскія изданія, которыми богатъ славянской отдѣлъ нашей академической библиотеки, до сихъ поръ еще носящій характерное для разсматриваемаго случая названіе „Польскаго отдѣленія“. Однимъ словомъ, польская библиографія въ настоящемъ выпускѣ „Славяновѣдѣнія“ можетъ служить образцомъ для остальныхъ отдѣловъ слѣдующихъ выпусковъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ.

— *Owzjannikow, Ph.* Das Rügenmark und das verlängerte Mark des Neunauges. Mit 1 Tafel. С.-Пб. 1903. 32 стр. Цѣна 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 4).

— *Радловъ, В. В.* Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ семнадцатый. Третій томъ, выпускъ пятый. С.-Пб. 1903. Столбцы 1281—1600. Цѣна 1 р. (Изданіе Императорской Академіи Наукъ).

— *Chavannes, Edouard.* Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. С.-Пб. 1903. 378 стр. Цѣна 3 руб. (Изданіе Императорской Академіи Наукъ).

— Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1903. 15 стр. Цѣна 40 коп.

— *Sykora, J.* OBSERVATIONS DIRECTES ET PHOTOGRAPIES DES AUBORES BOREALES. Avec 7 planches phototypiques. С.-Пб. 1903. 49 стр. Цѣна 1 р. 60 коп. (Observations sur l'aurore boréale effectuées pendant l'hivernage 1899—1900 de l'expédition russe à Konstantinovka, Spitzberg). Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 5.

— Труды IV Хабаровскаго съѣзда, созваннаго приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Д. П. Суботичемъ. Издано подъ редакціей главнаго секретаря съѣзда П. П. Слюгина. Хабаровскъ 1903. V+5+10+2+59+15+7+68+8+20+50+52+23, отъ 69+153+9, отъ 164—212+9+3+5+4+4+4+2+5+2+6, отъ 260—262+III стр.

— *Катаповъ, Н. Ѡ.* Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань 1903. XLII+1538+LX.

— *Гротъ, Н. Я.* Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей подъ редакціей Московскаго Психологическаго Общества. Съ приложеніемъ портрета фототипіи автора. С.-Пб. 1904. CIV+313 стр. Цѣна 2 руб.

— *Хаматълицъ, П.* Армянскіе Аршакиды въ „Исторіи Арменіи“ Момска Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Часть I. Изслѣдованіе. Часть II. Матеріалы. Москва 1903. XVI+400+143 стр. Цѣна 3 руб. (Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ XIV).

— *Петрушевскій, Дмитрій.* Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. С.-Пб. 1903. Часть первая. V+262 стр. Цѣна 1 р. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей Н. П. Карьева и П. В. Лучицкаго. Изданіе Авд. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ).

— *Дурново, Н.* Описаніе говора деревни Парфеновъ, Русскаго уѣзда, Московскои губерніи. Варшава 1903. VI+267+VII. (Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“).

— *Саввинскій, Іоаннъ.* Историческая записка объ астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 г.). Астрахань 1903. (Составлена по порученію Астраханской духовной консисторіи). 390+II стр.

— *Стрѣльцовъ, П.* О высшемъ учебномъ заведеніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Очеркъ. Витебскъ 1903. 34 стр. Цѣна 30 к.

— Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. VIII. Выпускъ 3. Софія 1903. Отъ 163—341 стр.

— Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 5-го ноября 1903 года. Казань 1903. 74+251+23 стр.

— *Шейнъ-Фогель, А.* Къ реформѣ орфографіи или правописанія русскаго языка (съ разборомъ русскаго алфавита). Тифинскъ 1901. 14 стр.

— Воронежская старина. Выпускъ третій. Юбилейное изданіе Воронеж-

скаго церковнаго историко-археологическаго комитета, 23-го ноября 1703—1903 гг. Воронежъ 1903. IV+360 стр.

— *Карасевъ, А. П.* Безилатныя вечерня школы хороваго пѣши. Вятка 1903. 16 стр.

— *Останчукъ, В. С.* Опытъ опредѣленія продолжительности учебнаго дня на основаніи физиологическихъ данныхъ. 7 стр. (Оттискъ изъ „Русскаго Врача“, № 39).

— *Горбуновъ-Посадовъ, Н.* Русскій сельскій календарь. Съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ. 1904. (Безилатное приложение къ „Вятской Газетѣ“). Годъ XI. 80 стр.

— Большой всемирный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей Э. К. Петри и Ю. М. Шокальского. 62 главныхъ и 148 дополненныхъ картъ на 53 большихъ двойныхъ таблицахъ in folio. (Подъ №№ 1—60). С.-Пб. 1903. Изданіе А. Ф. Маркса. (Иллюстрированная библіотека Нивы на 1904 годъ. Выпускъ 1-й).

— Отчетъ Коломенской общественной библіотеки имени Ивана Ивановича Лажечникова за 1902 годъ. 24 стр.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія хѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ тридцать второй. Тифлисъ 1903. XI+167+158+21 стр.

— *Карзинъ, Н. Н.* Съ сѣвера на югъ. Томъ I и II. С.-Пб. 1903. 346+11+308+11 стр. Цѣна 3 руб. (Изданіе П. П. Соѣкина).

— *Андреевъ, В.* Шарлатанство въ бухгалтеріи. Самара 1903. 277 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Смил, Дж. Р.* Расширеніе Англии. Два курса лекцій. Переводъ В. И. Герда. С.-Пб. 1903. IV+239 стр. Цѣна 2 р. (Издательство О. Н. Поповой).

— *Шжидтъ, П. Ю.* Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Съ 22 рисунками и картою. С.-Пб. 1903. 108 стр. Цѣна 40 коп. (Издательство О. Н. Поповой. Разказы о разныхъ странахъ и народахъ).

— *Нансенъ, Фритіофъ.* На крайнемъ Сѣверѣ. Сокращенный переводъ О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. 91 стр. Цѣна 30 коп. (Издательство О. Н. Поповой. Разказы о разныхъ странахъ и народахъ).

— Отчетъ комиссіи по учрежденію въ городѣ Вѣрномъ Общества ревнителей просвѣщенія. 28 стр.

— *Бобчевъ, С. С.* Старобългарски правни паметници. (Помогало при изучаване исторіята на старобългарското право). Часть I. Софія. 1903. VII+176 стр. Цѣна 2. 50 лева.

— *Клоссовскій, А.* Развогъ способа предсказанія погоды Н. А. Демчинскаго. 192 стр. Одесса 1903.

— *Рагозина, З. А.* Исторія Мидии, второго Вавилонскаго царства и воз-

никновенія Персидской державы. Съ 90 рисунками и 1 картой. С.-Пб. 1903. XVI+522 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Изданіе А. Ф. Маркса.

— *Мартинъ, Ф.* Три царства природы. Зоологія, ботаника, минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Приспособленный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ нѣмецкаго *Н. М. Эйзена*, подъ редакціей *А. М. Никольскаго*. Съ 54 отдѣльными таблицами, печатанными красками и содержащими 1125 рисунковъ, и 306 гравюрами въ текстѣ. С.-Пб. 1903. XXII+1167 стр. Цѣна 8 р. (Изданіе А. Ф. Маркса).

— Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ II. Подъ редакціей *Г. В. Левицкаго*. Юрьевъ 1903. XVI+656 стр.

— *Фридманъ, М.* Общество сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. Подъ редакціей *Озерова*. Москва 1903. Цѣна 6 к. (Изданіе Московскаго попечительства о народной трезвости).

— Урожай 1903 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ двадцать первый. С.-Пб. 1903. XXIX+116 стр. (Статистика Россійской Имперіи. LVII).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

УЧЕБНАЯ КНИГА ГЕОГРАФІИ. Россійская Имперія. Курсъ гимназическій. Составилъ *В. А. Лебедевъ*. 22-е изданіе, значительно исправленное, съ тремя вновь награвированными картами Европейской и Азіатской Россіи. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 1 р.

Вышепоименованный учебникъ, при первомъ появленіи своемъ, представлялъ наилучшую книгу по составу матеріала и отчасти по расположенію, но по количеству данныхъ онъ былъ приспособленъ къ учебному плану географіи, по уставу 1864 г., когда урокъ продолжался не 55 минутъ, какъ въ настоящее время, а часъ съ четвертью; сократить своего учебника, а равно улучшить, авторъ не успѣлъ по причинѣ смерти. Въ теченіе почти тридцатилѣтняго существованія, учебникъ былъ пересмотрѣнъ и нѣсколько исправленъ только въ 12-мъ изданіи.

Настоящее изданіе пересмотрѣно и исправлено болѣе внимательно, Прежде всего изъ него исключены излишнія статистическія данныя, а оставшіяся замѣнены новыми, болѣе современными. Въ общемъ обзорѣннѣи нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ рѣкъ описаны, тогда какъ въ предшествующихъ изданіяхъ онѣ только упоминались. При частномъ обзорѣннѣи Европейской Россіи по пространствамъ второстепенныя свѣдѣнія перенесены изъ крупнаго шрифта въ мелкій; Олонецкая губернія присоединена къ другой группѣ губерній, гдѣ ей по естественнымъ условіямъ болѣе мѣста. Сверхъ того, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ обзорѣннѣи введены нѣкоторыя дополненія, хотя и незначительныя. Но особенно важное измѣненіе состоитъ въ при-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

бавленіи къ книгѣ трехъ хорошо проэктированныхъ и хорошо исполненныхъ картъ; все это, безъ сомнѣнія, улучшаетъ достоинства учебника сравнительно съ прежнимъ изданіемъ; но необходимо сказать, что онъ при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ остается все-таки крайне обременительнымъ для учениковъ. Первое, на что слѣдовало бы обратить вниманіе, это—сокращеніе номенклатуры, равно какъ устраненіе мимолетныхъ, неуловимыхъ даже для внимательнаго ученика, характеристикъ, какъ въ отдѣлѣ физическомъ, хозяйственномъ, такъ и въ этнографическомъ; исправитель въ этомъ отношеніи сдѣлалъ очень мало; скажемъ больше: онъ даже мѣстами затруднилъ учебникъ еще новою номенклатурою; такъ, напримѣръ, на стр. 25-й, введены двѣ новыхъ вершины Таврическихъ горъ, изъ которыхъ одна, Кемаль-Агерекъ, даже не нанесена на приложенной къ книгѣ картѣ, да едва ли ее можно найти и на какомъ-либо учебномъ атласѣ. Или: на стр. 28, прибавлена совершенно неважная р. Свидъ.

Цельзя также не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ исправленія оказываются искаженіемъ, такъ, на стр. 23-й о хребтѣ Пай-Хой сказано, что онъ примыкаетъ къ Сѣверному Уралу, что совершенно не вѣрно; тогда какъ въ прежнемъ изданіи, хотя и сказано не точно, но все-таки ближе къ истинѣ; на стр. 138 говорится, что количество добываемаго въ Сибири золота съ 1860 г. все увеличивается и дошло до 1.500 пудовъ среднимъ числомъ за послѣднее пятилѣтіе; тогда какъ въ прежнемъ изданіи было указано количество въ 2.000 пудовъ ежегодно, что ближе къ дѣйствительности. Что же касается до вынесенныхъ пополненій, то мѣстами они представляютъ грубыя ошибки; такъ, для примѣра, на стр. 41, сказано, что въ средней части Европейской Россіи находится 36 губерній, и онѣ сплошь заселены великоруссами. На стр. 52—54 сказано, что въ Финляндіи существуютъ каменные дороги, и что тамъ число учащихъ составляетъ 20% населенія. Но особенно исправитель заслуживаетъ упрека за то, что онъ, кромѣ вышеупомянутаго перенесенія Олонецкой губ. изъ одной группы въ другую и распредѣленія матеріала при обзорѣ губерній по двумъ шрифтамъ, ничего болѣе не сдѣлалъ въ видахъ устраненія педагогическихъ и научныхъ неудобствъ, проистекающихъ изъ того, что губерній съ разнородными физическими и хозяйственными условіями часто соединяются въ одну группу. Не хорошо также, что остались безъ пересмотра этнографическіе очерки населенія Россіи: въ нихъ много лишняго, общихъ мѣстъ и устарѣлыхъ свѣдѣній.

Съ вѣншей стороны учебникъ улучшенъ въ томъ смыслѣ, что

напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ и на бумагѣ болѣе прочной; но, во всякомъ случаѣ, ему съ этой стороны недостаетъ диаграммъ, мелкихъ карточекъ, которыми снабжены всѣ другіе учебники не только по географіи Россіи, но и по всеобщей географіи.

- 1) Карта Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ. Составилъ генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба *Коверскій*. Картографическое заведеніе военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба. 1903. Масштабъ: $\frac{1}{2,400,000}$ (200 верстъ въ 1 дюймъ). 2) Замятка къ картѣ Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ. Э. *Коверскій*. С.-Пб. 1903. Стр. 42 + 1 карта.

Пояснительная къ этой картѣ замятка, составленная къ Х-лѣтію комитета Сибирской желѣзной дороги, состоитъ изъ 42-хъ печатныхъ страницъ, въ 8-ю долю листа; приложенная къ ней схематическая карта Азіи даетъ возможность ориентироваться при чтеніи.

Содержаніе замятки, несмотря на ея сжатость, представляется весьма интереснымъ: въ ней данъ общій очеркъ постройки Сибирской и Китайскихъ желѣзныхъ дорогъ въ связи съ описаніемъ природы прилегающихъ мѣстностей; изображены всѣ трудности, съ которыми приходилось имѣть дѣло при постройкѣ и при изысканіяхъ; указаны условія колонизаціи Сибири при существующихъ обстоятельствахъ; указаны результаты развѣдочныхъ работъ на каменный уголь и на золото; указано „значеніе Сибирской магистрали, какъ послѣдняго звена желѣзно-дорожной сѣти, проложенной къ концу 1902 года отъ Атлантическаго до Тихаго океана“.

Карта представляетъ изящное и весьма интересное изданіе. Полное отсутствіе обозначенія на ней горныхъ системъ не можетъ считаться недостаткомъ, въ виду специальныхъ цѣлей, для которыхъ эта карта составлена, и въ виду малаго ея масштаба, 200 верстъ въ 1 дюймъ. Составитель карты задался цѣлью назначить: а) направленіе согласованныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и водныхъ путей; конечные и узловыя пункты построенныхъ, проектированныхъ и даже намѣченныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также судоходныя рѣки, какъ будущія вѣтви главныхъ желѣзно-дорожныхъ артерій Сибирской и Багдадской, б) въ бездорожныхъ частяхъ Якутской и Приморской областей, въ Сиріи, Аравіи и въ Тибетѣ пути русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, какъ болѣе изслѣдованныя направленія, показаны знакомъ торговыхъ-грунтовыхъ дорогъ, в) границы переселен-

ческихъ участковъ и топографо-геологическихъ изслѣдованій золотоносныхъ районовъ и г) мѣста находенія золотыхъ приисковъ, каменнаго и бурого угля въ Сибири. Кроме того, составитель внесъ, по его словамъ, много другихъ деталей, которыя представляли живой интересъ въ моментъ изданія карты, какъ относительно Багдадской линіи, такъ и относительно проектовъ менѣе значительныхъ.

Интересною особенностью карты представляются нанесенные на ней пути изслѣдователей Сибири, странствовавшихъ по ея отдаленнымъ и малодоступнымъ областямъ въ различное время. Но при этомъ обнаруживается, какъ, въ сущности, мало сдѣлано для картографіи Сибири—при разсмотрѣніи теченія рѣкъ, очертанія озеръ становится яснымъ, что въ большинствѣ случаевъ все это нанесено на карту или на основаніи разспросовъ, или же на основаніи глазомѣрной съемки. Составитель замѣтки къ картѣ указываетъ, что „значительная часть Россійской Имперіи, обнимающей около 19.365,000 квадратныхъ верстъ, пока остается не снятою инструментально, хотя и изображается на картахъ“.

Карта эта могла бы служить хорошимъ пособіемъ при классномъ изученіи географіи Сибири и значительной части Азіи въ политическомъ отношеніи, при изученіи системъ сибирскихъ рѣкъ и проч. Помѣщенная на стѣнѣ зала въ среднемъ учебномъ заведеніи, карта останавливала бы на себѣ вниманіе учениковъ, интересующихся землеописаніемъ, въ виду большого количества свѣдѣній, которыя она содержитъ. Но цѣна такого изданія не можетъ быть дешева, поэтому, разсматриваемая карта, при всѣхъ ея достоинствахъ, для огромнаго большинства среднихъ учебныхъ заведеній будетъ носить характеръ предмета роскоши, а не предмета необходимости.

Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Составилъ *И. Беллярминовъ*. Изданіе десятое, исправленное, съ рисунками и картами. Цѣна 80 коп. С.-Петербургъ. 1890.

Десятое изданіе элементарнаго курса всеобщей исторіи г. Беллярминова свидѣтельствуетъ о неуклонномъ стремленіи составителя къ улучшенію своего руководства. Улучшенія эти касаются, однако, не общаго плана изложенія учебнаго матеріала, по отдѣльныхъ параграфовъ, и выражаются или въ исправленіи нѣкоторыхъ погрѣшностей и неточностей, или въ болѣе внимательномъ разсмотрѣніи того или другого вопроса.

Целья, напримѣру, не счесть за улучшеніе той оговорки, кото-

рую мы находимъ въ § 12 (стр. 24), относительно политическаго и общественнаго строя Спарты; благодаря этой оговоркѣ, Лисургъ уже не могъ бы представляться какою-то титаническою личностью, самолично установившею разъ навсегда политическіе и общественные устои названнаго государства. Но оговорка эта влечетъ за собою настоятельную необходимость подвергнуть нѣкоторымъ измѣненіямъ редакцію § 13-го. Въ § 17 (стр. 28) возбуждающая естественное недоумѣніе фраза „Солонъ считалъ только сельское хозяйство занятіемъ, поддерживающимъ въ людяхъ здоровые духъ и тѣло“ заключена теперь въ скобки, но ее безусловно необходимо изъять изъ учебника. Впрочемъ, большинство исправленій отличается болѣе рѣшительнымъ характеромъ; такъ, напримѣръ, уже нѣтъ 23-хъ ранъ на груди Юлія Цезаря (§ 56), исчезло указаніе на мѣстѣ современниковъ о несовѣмъ естественномъ происхожденіи гунновъ (§ 64), сомнительное *право кораблекрушенія* замѣнено несомнѣнно существовавшимъ *береговымъ правомъ* (§ 111), сотрудникъ Гутенберга получилъ, наконецъ, свое настоящее имя (§ 125), годъ Бѣлогорской битвы показанъ правильно (§ 143) и т. п. Однимъ словомъ, большая часть указаній, сдѣланныхъ нами въ предыдущей рецензій, принята во вниманіе.

Съ другой стороны, внимательно пересмотрѣно, частью видоизмѣнено, частью дополнено изложеніе такихъ выдающихся явленій, какъ гуманизмъ, реформація, эпоха Стюартовъ въ Англіи и Великая французская революція. Можно сказать, что отдѣлы, посвященные такъ называемой Новой исторіи, изложены теперь лучше, чѣмъ въ предыдущихъ изданіяхъ.

Къ сожалѣнію, анекдотизмъ и всякаго рода фразы историческихъ дѣятелей, болшею частью имъ не принадлежащія, и въ настоящемъ изданіи выступаютъ довольно рѣзко. Учебникъ рѣшительно выигралъ бы, если бы въ немъ было поменьше того и другого.

Что касается отдѣльныхъ мѣстъ въ руководствѣ, безусловно необходимо обратить г. Беллярminoву вниманіе на нижеслѣдующія.

Въ § 16 (стр. 27) отсутствуетъ указаніе на то, что въ Афинахъ, въ эпоху, предшествовавшую аристократической республикѣ, существовало монархическое правленіе.

Въ началѣ § 47 (стр. 66) сказано: „карагенянами назывались жители финикійской колоніи Карагена, лежавшей на мѣстѣ нынѣшняго города Туниса“, и немного далѣе — „передъ пуническими войнами Карагенъ считался многолюднѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ на Средиземномъ морѣ... въ Карагенѣ было много 6-ти и 7-ми этаж-

ныхъ каменныхъ домовъ...“ и т. д. Учащимся дается совершенно ложное представленіе о Кароагенѣ; послѣдній разсматривается лишь какъ городъ, а не великое западно-финикійское государство. Это — великая погрѣшность, и ее необходимо исправить. Невѣрно и топографическое опредѣленіе города Кароагена.

Въ § 64 (стр. 96) германцы неправильно названы народомъ, а затѣмъ упоминаются датѣе (стр. 97) вестготы и вандалы. Въ вопросъ, и безъ того для учащихся трудный, приносятся еще путаница.

Въ § 96 (стр. 138) пересказывается, какъ историческій фактъ, старая басня о томъ, что „Петръ Амьенскій на ослѣ объѣхалъ Италію и Францію“. Пора бы отпустить этого осла на покой: уже г. Иловайскій заѣздилъ его окончательно. Такихъ проповѣдниковъ, какъ Петръ, было много; ихъ создала эпоха. Самъ онъ проповѣдывалъ лишь въ небольшой части сѣверной Франціи.

Въ § 101 (стр. 145) читаемъ о томъ, что „*со времени крестовыхъ походовъ на Средиземномъ морѣ появились многочисленные торговые города, какъ-то: Марсель, Генуя, Венеція и друг.*“ Выраженіе совершенно неудобное, если имѣть въ виду, что Марсель уже съ галльскихъ временъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ торговыхъ пунктовъ на Средиземномъ морѣ, что и Генуя, и Венеція возникли за много вѣковъ до крестовыхъ походовъ. Выраженіе же *появились* учащимся да и неучащимся можетъ быть понято лишь въ своемъ буквальныйномъ смыслѣ.

Напрасно г. Беллярминовъ приписываетъ учрежденіе Святѣйшей инквизиціи Фердинанду Католику (§ 138, стр. 202): она существовала въ Испаніи еще до него и даже въ XIII вѣкѣ.

Въ § 151 (стр. 225) говорится про Тюрення, что онъ, воюя въ Пфальцѣ, сжигалъ, по приказанію короля, города, деревни и фермы, *но людей не убивалъ*. Послѣднія слова напечатаны даже курсивомъ. Но слова эти хороши лишь, какъ одинъ изъ курьезовъ учебной литературы. На самомъ дѣлѣ, походъ Тюрення въ Пфальцъ былъ, по заявленію самихъ французскихъ историковъ, *жестокою военной экспедиціей*. Обращаемъ вниманіе г. Беллярминова на то обстоятельство, что крестьяне Пфальца жгли на медленномъ огнѣ попадавшихся въ плѣнъ французскихъ солдатъ, вѣшали ихъ головами внизъ, вскрывали у нихъ сердца, выкалывали глаза и т. п. „Тюреннь не былъ въ состояніи сдерживать раздраженія своихъ солдатъ“ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ, очевидно, желая поста-

внѣ страшныя жестокости французовъ въ вину самому же населенію Пфальца.

Всего же курьезнѣе то, что Австрійская имперія, по словамъ г. Беллярминова, появилась въ послѣдней половинѣ XIX вѣка (§ 189, стр. 287). Между тѣмъ, на стр. 261, въ примѣчаніи, г. Беллярминовъ указываетъ совершенно вѣрно время возникновенія Австрійской имперіи въ началѣ XIX вѣка. Здѣсь, очевидно, мы снова имѣемъ дѣло съ неточнымъ выраженіемъ, но неточныхъ выраженій въ учебникѣ быть не должно.

Народный университетъ. Собраніе общедоступныхъ статей, лекцій и руководствъ для самообразованія, подъ редакціей *В. В. Битнера*. Изданіе *П. П. Соикина*. Силы природы и пользованіе ими. Съ 102 рисунками и 2 картинками. Стр. 130. Цѣна 1 руб. С.-Пб. Годъ не обозначенъ.

Въ июньской книжкѣ „*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ былъ помѣщенъ разборъ другого томика того же „Народнаго университета“, озаглавленнаго „Чудеса электричества“. Въ этомъ разборѣ было достаточно убѣдительно показано, что авторъ, г. Битнеръ, не имѣетъ никакого понятія о самыхъ элементарныхъ вопросахъ физики. Тутъ же было высказано сожалѣніе, что громкое названіе „Народный университетъ“ вводитъ публику въ заблужденіе, заставляя ее думать, что книга написана авторитетомъ науки. „Публика не знаетъ, что имѣетъ дѣло съ университетомъ самозванымъ, и что университетская наука, которая ей преподносится, стряпается лицами, къ наукѣ никакого прикосновенія не имѣющими“.

Теперь передъ нами новый выпускъ того же изданія, написанный, какъ видно изъ предисловія, тѣмъ же авторомъ.

И на этотъ разъ каждая строка, посвященная какому-либо вопросу изъ физики, изобличаетъ полное незнаніе, или непониманіе авторомъ того, о чемъ онъ говоритъ. Въ изобиліи встрѣчаются ошибки, которыя не могли бы быть прощены ученикамъ средней школы (см. напримѣръ, ниже о барометрическомъ давленіи, или о магнетизмѣ стали). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что авторъ, дразируясь въ тогу величайшей учености, таинственно обѣщаетъ постараться объяснить читателямъ самые глубокіе вопросы, если они (читатели) напрягутъ „все свое воображеніе, всю свою способность къ отвлеченному мышленію“ (стр. 14).

Но прежде, чѣмъ обучать другихъ физикъ, не бесполезно самому постараться ознакомиться хотя бы съ какимъ-нибудь изъ гимназическихкихъ учебниковъ физики.

Выписывать всё пессообразности, встрѣчающіяся въ этой книгѣ, невозможно. Да и бесполезно! *Mundus vult decipi*—ergo ничего не подѣлаешь! Интересенъ только вопросъ: возможны ли подобныя печальныя и вредныя явленія въ заграничной литературѣ? Ограничиваемся немногими выписками.

Авторъ черезъ всю книгу проводитъ мысль, что давленіе газовъ и паровъ происходитъ вълѣдствіе того, что частицы ихъ взаимно отталкиваются. Дѣйствительно онъ пишетъ:

„Она (вода) то падаетъ,... словно подъ вліяніемъ какого-то притяженія, то, наоборотъ, не повинуется послѣднему, что бываетъ во время жары, при повышеніи температуры; тогда ее что-то начинаетъ отталкивать, и въ видѣ пара она поднимается куда-то вверху“ (стр. 6).

„Отчего же происходитъ это отталкиваніе ея малѣйшихъ частицъ, наступающее (sic!) при возвышеніи температуры?“ (стр. 6).

„Насколько можетъ возрасти отталкивательная сила частицъ при нагрѣваніи, или съ какой силою онѣ могутъ стремиться удалиться другъ отъ друга, мы можемъ судить и т. д.“ Указывается на силу пороха и пара (стр. 7).

„Солнце, нагрѣвая атмосферу, увеличиваетъ отталкиваніе; на полюсъ же, благодаря низкой температурѣ; это взаимное отталкиваніе частицъ воздуха меньше“ (стр. 80).

„Атмосферный воздухъ, какъ газъ, обладаетъ свойствомъ безпредѣльнаго расширенія, т. е. взаимнаго отталкиванія его частицъ“ (стр. 80).

Неужели авторъ ничего не слыхалъ о кинетической теоріи газовъ, которая существуетъ болѣе, чѣмъ полустолѣтіе?

На стр. 33 авторъ намѣревается „сказать подробнѣе“ о законѣ сохраненія энергіи. Что же оказывается? Упомянувъ объ эквивалентности теплоты и работы и сообщивъ невѣрные историческія свѣдѣнія и невѣрные числа (365 килогр.-метровъ вмѣсто 425!), авторъ продолжаетъ (стр. 35); „важность этого великаго принципа и т. д.“. Какого принципа? Ни слова о томъ, что такое энергія, какія бываютъ формы энергій, и — главное — ни полслова о сохраненіи энергій! И это понятно, ибо представленіе автора объ этомъ законѣ и объ энергій вообще достаточно явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ:

„Убѣдившись, что всякая работа, являясь слѣдствіемъ (?) теплоты и другихъ связанныхъ съ нею (?) видовъ энергій, никогда не

пропадаетъ, мы научаемся доискиваться, куда дѣвается сила (!), раньше казавшаяся безъ слѣда растраченною“ (стр. 35).

„Исходя изъ того же закона сохраненія энергій, приходится допустить неизбежное наступленіе всеобщей смерти на земномъ шарѣ“ (стр. 36). Очевидно, намекъ на *второе* начало термодинамики, т. е. на законъ возрастанія энтропій. И этотъ законъ, по мнѣнію автора, вытекаетъ изъ принципа сохраненія энергій! Возможно ли идти далѣе по части непониманія дѣла? Оказывается, что возможно, ибо на стр. (40) мы читаемъ: „... и превращается въ теплоту, другими словами, невидимую потенциальную энергію“.

Лицо, считающее теплоту за форму потенциальной энергій въ роли учителя основъ физики вообще и ученія объ энергіи въ частности! Недурно также то мѣсто на стр. 36, гдѣ говорится о „суммѣ тепла и энергій“.

На стр. 8 говорится о тепловыхъ и химическихъ лучахъ.

Приведемъ два примѣра изъ гимназическаго курса:

„За среднюю высоту барометра, соответствующую среднему давленію, принимаютъ 760 миллиметровъ, при *поперечномъ сеченіи, равномъ 1 кв. сантиметру*“ (стр. 82).

„Если обмотать проволокой *стальной* брусокъ... и мгновенно терять эти свойства при прекращеніи тока“ (стр. 120).

За это ставятъ единицы не только въ средней, но и во всякой низшей школѣ, гдѣ преподаются „начальная понятія“ изъ физики.

Стр. 19: „Движеніе называется равномернымъ, если тѣло въ равные *небольшіе* промежутки времени проходитъ равныя пространства“. Особенно хороша стр. 20; здѣсь мы узнаемъ, что скорости бываетъ ускоренная и замедленная, что угловая скорость и угловое ускореніе измѣряются линейными единицами, что при постоянной скорости „*отношеніе пройденнаго пути къ единицѣ времени*“ одинаково во всѣхъ точкахъ пути и много подобнаго.

Стр. 27: „Единицей рабочей силы называется обыкновенно такая сила, которая въ единицу времени (секунду) сообщаетъ единицѣ массы единицу ускоренія (1 метръ)“. Здѣсь во всякомъ случаѣ больше ошибокъ, чѣмъ словъ.

Стр. 82: „Перье... убѣдился, что давленіе обратно пропорціонально возвышенію надъ уровнемъ моря, т. е. (sic!) чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ меньше будетъ давленіе“. Очевидно, авторъ въ математикѣ такъ же силенъ, какъ въ физикѣ.

Довольно!

Въ концѣ книги приложенъ списокъ сочиненій автора съ указаніемъ ихъ содержанія. Этотъ списокъ все объясняетъ.

L. Feuille et L. Martin. PRÉCIS DE GRAMMAIRE FRANÇAISE DISPOSÉ PAR ORDRE ALPHABÉTIQUE. AVEC REMARQUES SUR QUELQUES CONSTRUCTIONS ET LOCUTIONS. Nouvelle édition, revue et augmentée, St.-Petersbourg, 1904. Pp. 37. Prix 15 kop.

Авторы выбросили изъ своего сочиненія тотъ балластъ ненужныхъ свѣдѣній, туманныхъ опредѣленій и другихъ всякаго рода соображеній, не подлежащихъ практическому примѣненію, которыми все еще въ настоящее время составители грамматикъ неумолимо продолжаютъ загромождать учебники. Полученный такимъ образомъ сокращенный матеріалъ расположенъ здѣсь по алфавитному порядку грамматическихъ рубрикъ, Accent, Adjectif, Adverbe, Article, и проч. Это распределеніе по алфавиту является, можетъ быть, болѣе удобнымъ для наведенія справокъ: само же по себѣ, оно не больше имѣетъ значенія, чѣмъ общепринятое, такъ какъ это послѣднее не извѣстно чѣмъ обуславливается. Въ каждой статейкѣ собраны, какъ грамматическія свѣдѣнія чисто описательнаго характера, такъ и объясненіе нѣкоторыхъ идиоматическихъ выраженій и предостереженія отъ болѣе распространенныхъ ошибокъ.

Благодаря указаннымъ приемамъ, получилась грамматика въ весьма сжатой формѣ, объемомъ въ два печатныхъ листа, такъ что, если судить по вышности этой тоненькой брошюрки, невольно возникаетъ вопросъ: можно ли подобную книжонку употреблять какъ грамматику? Если же поближе разсмотримъ ее, то окажется, что не только можно, но что даже, въ сущности, она въ себѣ и заключаетъ всѣ нужныя, имѣющіяся въ общеупотребительныхъ учебникахъ грамматическія свѣдѣнія. Прежде постановка обученія языкамъ была такова, что казалось, будто, путемъ изученія разныхъ болѣе или менѣе вѣрныхъ и болѣе или менѣе научныхъ данныхъ о языкѣ, можно достигнуть знанія самаго языка: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ многолѣтняго опыта, догадался наконецъ, что это знаніе можно получить только путемъ изученія самаго языка, или письменнаго, по книжкѣ, или устнаго, разговорнаго; при чемъ, однако, необходимой принадлежностью является все еще грамматика: только, кромѣ новыхъ, чисто описательнаго характера, языковыхъ данныхъ, изъ прежней схоластической грамматики нужно уже не все, а нужна лишь извѣстная часть ея. Эту часть въ настоящее время все еще остается опредѣлить и къле-

сообразно подобрать: и вотъ въ этомъ направленіи авторы разсматриваемой книги сдѣлали очень симпатичную и удачную попытку.

Они очень ловко съумѣли изъ всего грамматическаго схоластическаго хлама выбросить за бортъ всякія ненужныя и непримѣнимыя наставленія, удержавъ только такія, которыя подлежатъ фактическому примѣненію.

Напримѣръ, въ схоластической грамматикѣ преподается пространное ученіе о страдательномъ залогѣ, добросовѣстно и добросердечно заимствованное изъ латинской грамматики, гдѣ оно естественно находитъ себѣ мѣсто, такъ какъ латинскій языкъ обладаетъ спеціальными для страдательнаго залога формами и настоящимъ страдательнымъ спряженіемъ: во французскомъ же языкѣ такое ученіе является неумѣстнымъ, такъ какъ собственно страдательныхъ формъ нѣтъ, и нѣтъ, слѣдовательно, болѣе основанія спрягать во всѣхъ лицахъ и временахъ сочетанія: Je suis aimé, tu es aimé, и т. д., чѣмъ спрягать по русски (если только это можно назвать спряженіемъ): я люблю, ты любишь, и т. д. Тутъ имѣется просто глаголь être въ своемъ собственномъ значеніи, въ сопровожденіи какой-нибудь отглагольной формы (все равно было бы какое-нибудь прилагательное), сохраняющей свое же собственное значеніе. Въ разбираемомъ учебникѣ ученіе о такъ называемомъ страдательномъ спряженіи упразднено, и, взявши его, имѣются всего на всего 3 строчки параграфа 91, которыя, можетъ быть, даже по совѣмъ нужны.

Рядомъ съ этимъ, въ грамматикахъ преподаются самыя обстоятельныя указанія относительно мнимаго преобразования предложенія изъ страдательнаго въ дѣйствительное или наоборотъ (Pierre aime Paul, Paul est aimé de Pierre). А такое преобразование — чистый вымыселъ, такъ какъ оно на практикѣ не производится, да въ немъ нѣтъ и надобности. Несообразности въ родѣ приведенной, которой въ рѣдкой грамматикѣ не отведено мѣста, совершенно отсутствуютъ въ разбираемой книжкѣ.

Кромѣ того, всѣ удержанныя въ ней правила — вѣрны, удобопонятны и полны, несмотря на сжатость изложенія. Нѣкоторыя изъ нихъ поразительны своимъ совершенствомъ: напримѣръ, вопросъ о вспомогательныхъ. У авторовъ приведены: 1) указаніе 10-ти глаголовъ, какъ разъ изъ самыхъ употребительныхъ, не допускающихъ употребленія вспомогательнаго avoir, 2) указаніе двухъ категорій такихъ же глаголовъ, не принимающихъ avoir, а именно, мѣстоименныя и страдательныя; наконецъ, въ примѣчаніи, обращается вниманіе на то,

что нѣкоторые глаголы (изъ которыхъ приводятся три самыхъ употребительныхъ, *monter, descendre, passer*) принимаютъ и то и другое, смотря по случаямъ, вспомогательное. Больше ничего нѣтъ въ книжкѣ по этому поводу, — и больше ничего, на самомъ дѣлѣ, не нужно. А въ рѣдкомъ учебникѣ все это изложено такъ, съ надлежащей полнотой и краткостью.

То же самое можно сказать, напримѣръ, о вопросительныхъ мѣстоименіяхъ (стр. 15, § 43). Чуть не во всѣхъ учебникахъ говорится только, что они тѣ же, что относительныя, за исключеніемъ *dont*; это вѣрно, но они употребляются совсѣмъ иначе: напримѣръ, относительное *que* служить одинаково для лицъ и для вещей, между тѣмъ какъ, какъ вопросительное, оно употребляется только для вещей. И относительно даннаго вопроса въ разбираемой книгѣ имѣется только нужное и все нужное, въ 4-хъ строкахъ, включая и примѣры, которые представляются, а это не менѣе важно всего остального, въ высшей степени удачными по своей простотѣ, умѣстности и практичности.

Если должна существовать цѣлесообразная нормальная грамматика, все равно, въ виду ли наведенія справокъ, или же въ виду систематическаго прохожденія, то авторы настоящаго учебника указали въ немъ, чѣмъ эта нормальная грамматика должна отличаться отъ шаблонной, и это не малое достоинство. Въ немъ все еще, конечно, имѣются кое-гдѣ лишнія наставленія (напримѣръ, объ употребленіи члена), все еще есть части, нуждающіяся въ передѣлкѣ, какъ-то ученіе о глаголѣ, которое, въ виду важности предмета, должно составить основную часть всякой грамматики. За то онъ обладаетъ двумя первостепенными преимуществами: во-первыхъ, все, что въ немъ имѣется—вѣрно; во-вторыхъ, тѣ части общепринятой грамматики, которыя въ немъ отсутствуютъ, — какъ разъ или не вѣрны, или не цѣлесообразны.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ ЗА 1898—99, 1899—900, 1900—901 И 1901—902 УЧЕБНЫЕ ГОДА.

ЗА 1898—1899 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Предсѣдателемъ общества состоялъ *В. В. Латышевъ*, товарищемъ его *Ө. Фр. Зѣлинскій*, казначеемъ *Э. Ю. Керберъ*, секретаремъ и библиотечкаремъ *Ө. А. Лютеръ*, помощникомъ его *А. І. Маленнъ*; членами правленія были: *Я. Г. Моръ*, *А. П. Щукаревъ* и *К. В. Гибель*.

Въ отчетномъ году вступилъ въ дѣйствіе новый уставъ общества, выработанный частью въ предыдущемъ, частью въ этомъ учебномъ году, и утвержденный г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 2-го декабря 1898 года.

Въ почетные члены были избраны въ отчетномъ году проф. *В. П. Модестовъ* и *Н. П. Некрасовъ*.

Число дѣйствительныхъ членовъ возросло до семидесяти.

Всѣхъ засѣданій въ 1898—1899 учебномъ году было десять; на нихъ было прочитано тринадцать докладовъ.

Засѣданіе 23-го сентября 1898 года. *М. П. Ростовцевъ* прочелъ докладъ, озаглавленный „По руинамъ римской Африки“. Въ немъ докладчикъ изложилъ результаты своей поѣздки по римской Африкѣ, главнымъ образомъ по Тунису. Специально описаны были руины Карфагена (пуническія гробницы и стелы, руины римскаго города), Утины (Oudna), гдѣ особый интересъ представляютъ руины римскихъ домовъ,

которыя, будучи сопоставлены съ руинами домовъ въ Thomugadi (Tim-gad), даютъ ясное представленіе о схемѣ дома, какъ она развилась въ римской Африкѣ. Докладчикъ указывалъ на возможность выведенія ясной схемы не изъ схемы греко-римскаго дома, а виллы, и именно villa rustica, соединенной съ греческимъ перистильнымъ домоу. Затѣмъ демонстрированы были руины гор. Thugga (Dougga), лежащаго въ горахъ у р. Бюгради (Medjerda). Здѣсь особый интересъ представляютъ руины римско-финикійскихъ храмовъ (Сатурна и Coelestis), схему которыхъ докладчикъ сравнивалъ со схемой такъ называемыхъ fora въ Римѣ и храмъ Ларовъ въ Помпеяхъ. Изъ руинъ гор. Sufetula (Sbeetla) демонстрированы были фотографіи трехъ храмовъ Капитолія Адриановскаго времени и руины триумфальной арки, при чемъ какъ аналогичныя арки африканскаго типа были приведены арки въ Ain-Иаэдра (Аммодара), Лимбезѣ, Тимгадѣ и др. Изъ руинъ Аммодары (Ain-Иаэдра) особенное вниманіе обращено было на руины гробницъ, при чемъ какъ параллель показаны были фотографіи другихъ римско-африканскихъ надгробныхъ памятниковъ. Въ концѣ доклада рѣчь шла объ африканскихъ сельско-хозяйственныхъ поселеніяхъ, о типѣ жилища колона, средняго и крупнаго замлевладѣльца, при чемъ въ основу положена была демонстрація многочисленныхъ мозаикъ, изображающихъ сцены изъ жизни колона и помѣщика: эта демонстрація дала поводъ докладчику сказать нѣсколько словъ о колонизаціи Африки въ императорское время и о причинахъ процвѣтанія страны въ римское время.

А. Г. Маленн сдѣлалъ краткій докладъ о только что появившемся Указателѣ по греческой филологіи П. И. Прозорова.

Слѣдствія, сообщенныя референтомъ о самомъ ходѣ работъ, были пополнены нѣсколькими указаніями г. предсѣдателя общества, который также обратилъ вниманіе на нѣкоторыя ограниченія, кои поставилъ себѣ составитель въ выборѣ матеріала. — Докладъ г. Маленна напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣнн т. XV.

Засѣданіе 13-го октября 1898 года. *Фр. Эльмскій* прочелъ докладъ о сочиненіи Э. Нордена „Die antike Kunstprosa“.

Опредѣливъ сначала точно объемъ темы, поставленной собѣ авторомъ, и указавъ, что заглавное понятіе „Kunstprosa“ соответствуетъ понятіямъ какъ „художественной“, такъ и „искусственной“ прозы, докладчикъ отмѣтилъ, что при разработкѣ этой темы, исторіи развитія художественной прозы, авторъ добивается возможно большей, и дѣйствительно достигаетъ значительной полноты матеріала, при чемъ онъ работаетъ всюду по первоисточникамъ и по спеціальнымъ сочиненіямъ

по каждому вопросу, обнаруживая въ избранной области огромную эрудицію.

Затѣмъ докладчикъ изобразилъ планъ, по которому расположенъ весь матеріалъ; расположеніе это страдаетъ нѣкоторымъ чрезмѣрнымъ дробленіемъ и подраздѣленіями, иногда затемняющими общій планъ и даже не совсѣмъ послѣдовательными, и мѣстами доходитъ до сухой схематизаціи. Послѣ этого докладчикъ изложилъ послѣдовательно содержаніе всей книги, состоящей изъ двухъ частей, изъ коихъ первая, обнимающая древность, въ свою очередь распадается на четыре отдѣла: 1) развитіе греческой прозы до Августа, 2) римской прозы до Августа, 3) прозы греко-римской отъ Августа до Траяна, 4) послѣ Траяна съ преобладаніемъ снова греческаго языка; вторая часть обнимаетъ средніе вѣка и заканчивается эпохой гуманизма. На всемъ протяженіи своего изложенія авторъ параллельно разсматриваетъ теорію и практику художественной прозы.

Особенно подробно докладчикъ остановился на изображеніи у Нордена зарожденія двухъ стилей греческой прозы: азіатскаго и возникшаго въ противовѣсъ ему аттицистическаго, дальнѣйшаго ихъ развитія, взаимной борьбы, чередованія, переплетенія на почвѣ греческой, затѣмъ римской, греко-римской и наконецъ средневѣковой литературы; вплоть до времени гуманизма и возникновенія, все на томъ же двойномъ основаніи, прозы новообразовавшихся языковъ. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ докладчикъ съ авторомъ не соглашался; такъ, вполнѣ соглашаясь съ тѣсною связью, въ которую авторъ ставитъ т. н. африканскую латынь, съ азіатскимъ стилемъ, докладчикъ не одобрилъ упраздненія термина латыни африканской, какъ имѣющаго полное *raison d'être*.

Въ заключеніе докладчикъ призналъ книгу Norden'a однимъ изъ самыхъ выдающихся явленій за послѣдніе годы въ области классической филологіи.—Докладъ Э. Фр. Зѣлинскаго въ значительно переработанномъ видѣ напечатанъ въ Вѣсти. Евр. 1898 года, кн. 11.

В. В. Латышевъ прочелъ докладъ о новомъ изданіи сочиненій скончавшагося 15 лѣтъ тому назадъ К. К. Гёрца¹⁾. Упомянувъ о томъ, что новое изданіе это вызвано завѣщаніемъ сестры К. К. Гёрца, оставившей капиталъ для изданія біографіи и сочиненій брата и для назначенія премій за сочиненія по археологическимъ предметамъ, входившимъ въ кругъ изслѣдованій брата, докладчикъ сообщилъ объ орга-

¹⁾ Собраніе сочиненій К. К. Гёрца вышло въ свѣтъ подъ редакціей академика В. В. Латышева въ девяти томахъ за періодъ времени 1898—1901.

низацин труда по исполненію этого завѣщанія, для чего при Академіи составлена комиссія подъ предѣдательствомъ докладчика. Въ бѣгломъ очеркѣ В. В. изложилъ затѣмъ жизнь Гёрца, ходъ его образованія, начало литературной дѣятельности, путешествія за границу, участие, по возвращеніи изъ-за границы, въ разныхъ ученыхъ учрежденіяхъ и командировки, полученныя имъ съ научной цѣлью на югъ Россіи. Плодъ этихъ командировокъ—два археологическихъ изслѣдованія о Таманскомъ полуостровѣ—составляютъ содержаніе первыхъ двухъ, уже вышедшихъ, изъ всѣхъ намѣченныхъ семи выпусковъ новаго изданія. Эти изслѣдованія, по мнѣнію докладчика, несмотря на давность ихъ составленія (1869 и 1875) сохраняютъ крупное значеніе и понынѣ, какъ по строгой научности метода, такъ и по нѣкоторымъ изъ результатовъ, напр. приуроченію древней Фанагоріи къ мѣсту нынѣшней станціи Сѣнной, являющемуся исходной точкой прочихъ приуроченій.

Въ заключеніе докладчикъ указалъ на цѣнность популярно-научныхъ статей Гёрца и его корреспонденціи по вопросамъ археологии и искусства въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 50 годовъ и другихъ газетахъ отъ 50—70 годовъ, какъ живое и яркое отраженіе тогдашняго движенія и интересовъ въ этихъ областяхъ знанія.

Засѣданіе 4-го ноября 1898 года. *А. Н. Щукаревъ* прочелъ свой докладъ о новомъ взглядѣ на Венеру Милосскую. С. Рейнакъ высказалъ гипотезу, что эта статуя изображала не Афродиту, но Амфитриту, и составляла группу или пару со статуей Посейдона въ Аѳинскомъ музеѣ, найденною быть можетъ тамъ же въ Милосѣ. Докладчикъ разобралъ исторію знаменитой статуи, а также ея востановленія и толкованій со времени ея нахожденія въ 1820 г., при чемъ отмѣтилъ тѣ черты, которыя дали поводъ къ остроумной гипотезѣ Рейнака (возможность принадлежности этихъ статуй одному и тому же художнику); съ своей стороны, докладчикъ счелъ невозможнымъ принять эту гипотезу, въ виду, во-первыхъ, различныхъ размѣровъ упомянутыхъ двухъ статуй и, во-вторыхъ, различія художественнаго совершенства работы.

Фр. Эрн. Видеманъ разобралъ небольшой отрывокъ надписи, найденной на островѣ Сикинѣ. — Докладъ г. Видемана напечатанъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899, в. 4.

С. А. Жебелевъ сдѣлалъ сообщеніе о новонайденной любопытной надписи времени реставраціи демократіи въ Аѳинахъ, доказывающей, что участвовали въ этомъ дѣлѣ и метэки—и получили въ награду право гражданства.

Засѣданіе 18-го ноября 1898 года. *М. И. Ростовцевъ* прочелъ докладъ объ основныхъ чертахъ экономической жизни Птоломеевскаго Египта и римской республики. Упомянувъ объ очевидной и всѣми историками признанной неправильности ходячаго въ политико-экономической литературѣ подведенія всей экономической жизни древности подъ схему натурального хозяйства, референтъ поставилъ себѣ цѣлью дать очеркъ хозяйства наиболѣе развитыхъ въ политико-экономическомъ отношеніи государствъ древняго міра въ эпоху ихъ наибольшаго разцвѣта, какъ добавленіе, въ нѣкоторомъ родѣ, къ очерку развитія примитивнаго хозяйства, данному въ двухъ брошюрахъ Э. Мейера („Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums“ и „Die Slavery im Alterthume“). Наиболѣе яркимъ примѣромъ развитаго народнаго хозяйства можетъ считаться Египетъ, какъ представитель остальныхъ эллинистическихъ послѣ-Александровскихъ монархій. Находя, что наиболѣе яркимъ показателемъ экономического развитія страны является ея финансовое управленіе, референтъ далъ краткій очеркъ системы государственнаго хозяйства, указавъ на соединеніе развитаго чиновничества съ частной предпримчивостью въ видѣ государственнаго откупа. Особенно характернымъ явленіемъ казалось референту развитіе монополій въ государственномъ хозяйствѣ Египта. Охарактеризовавъ вкратцѣ промышленность и торговлю страны, референтъ указалъ на то поразительное сходство, которое представляетъ экономическая жизнь Египта и Франціи въ XVIII в.,—аналогія, простирающаяся даже на мелочи, какъ напримѣръ въ управленіи монополіями.

Перейдя затѣмъ къ характеристикѣ экономической жизни римской республики, докладчикъ указалъ на капитализмъ, какъ на явленіе, лежащее въ основѣ всего экономического развитія римской республики. Прослѣдивъ за развитіемъ капитализма въ области сельскаго хозяйства и торговли, докладчикъ подробнѣе разобралъ тѣ формы денежнаго бесплоднаго капитализма, которыя развились на почвѣ государственнаго откупа. Условія этого послѣдняго способствовали развитію денежной спекуляціи, вылившейся въ формы, не разнящіяся отъ современныхъ. Въ заключеніе было указано, что плодотворнымъ капитализмъ сталъ только съ имперіей.

Рефератъ, выслушанный съ живымъ интересомъ, вызвалъ въ нѣкоторыхъ частяхъ возраженія, въ особенности со стороны *Θ. Фр. Зѣлинскаго*, указавшаго, что не всегда государственные откупа вели къ бесплодному капитализму, но являлись нерѣдко органическимъ звеномъ во всемъ хозяйственномъ оборотѣ страны (города въ роли откупщи-

ковъ). — Докладъ г. Ростовцева напечатанъ въ журналъ „Русская Мысль“ за 1899 годъ.

А. М. Ловягинъ прочелъ докладъ о книгѣ С. А. Бѣлокурова „Библиотека московскихъ государей XVI вѣка.“ Перечисливъ данныя, на которыхъ основывается легенда о царской библиотекѣ XVI вѣка, докладчикъ изложилъ доводы, которыми С. А. Бѣлокуровъ опровергаетъ всѣ предположенія о нахожденіи въ библиотекѣ московскихъ государей Василя Ивановича и Ивана IV большого количества греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ книгъ. По многочисленности свѣдѣній о судьбѣ классическихъ рукописей въ московскихъ собраніяхъ названный трудъ Бѣлокурова, по мнѣнію г. Ловягина, слѣдуетъ считать весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію классической филологіи въ Россіи.—Докладъ г. Ловягина напечатанъ въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899 года.

В. В. Латышевъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о недавно найденномъ на мѣстѣ древняго Херсонеса Таврическаго обломкѣ, который содержитъ отрывокъ декрета, дополняющій свѣдѣнія, сохранившіяся намъ въ извѣстномъ декретѣ въ честь Діофанта Синопскаго, воеводы Митридата Великаго.—Надпись эта издана въ сборникѣ В. В. Латышева: *Inscriptiones orae septentr. Ponti Euxini*, IV, n° 67.

Засѣданіе 16-го декабря 1898 года. *Фр. Эрн. Видеманъ* прочелъ докладъ о послѣднихъ раскопкахъ Гиллера-фонъ-Гертрингенъ на о-вѣ Оеръ.

А. М. Ловягинъ прочелъ отзывъ о книгѣ С. А. Жебелева „Изъ исторіи Аэинъ“.

Ө. Фр. Зьльмискій прочелъ докладъ о послѣднемъ изданіи стихотвореній Вакхилида (*Vacchylidis carmina cum fragmentis edidit Fr. Blass, Lipsiae 1898*)

Всѣ три доклада напечатаны въ Филологическомъ Обзорѣнн, первый въ т. XVI, а второй и третій въ т. XV.

Годичное засѣданіе 20-го января 1899 года. *И. Ө. Анненскій* прочелъ докладъ о трагедіи „Іонъ“ Еврипида и составленной на тотъ же сюжетъ трагедіи Леконтъ-де-Лиля „Аполлонидъ“. — Докладъ И. Ө. Анненскаго напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣнн т. XVI.

Ө. Фр. Зьльмискій прочелъ докладъ объ античномъ мірѣ въ поэзії *А. Н. Майкова*. Освѣтивъ роль античности въ поэзії новѣйшихъ народовъ, докладчикъ перешелъ къ характеристикѣ Майкова, какъ поэта античности. Его недостатокъ состоялъ въ томъ, что онъ, не будучи изслѣдователемъ, не могъ почерпнуть изъ античности болѣе глубокаго

слож идей; тѣ же идеи, которыя онъ уразумѣлъ и воспроизвелъ, сводятся къ двумъ: идеѣ красоты, представительницей которой для него является Греція, и идеѣ разума, представленной Римомъ. Для воспринятія греческой красоты у Майкова было одно драгоценное средство — то, что онъ былъ также и живописцемъ; поэтому его поэзія носитъ преимущественно живописный характеръ. Все же эта красота не была чисто греческой красотой, каковою ее создали поэты и художники V-го вѣка: подобно тому, какъ въ скульптурѣ, слѣдуя теченію своего времени, онъ увлекался преимущественно поздними эпохами, точно также и въ поэзіи его сердцу была наиболѣе близка та красота, которая была — по настроенію ли, или по времени — наиболѣе близка къ Риму. — Что касается Рима, какъ носителя идеи разума, то Майковъ изобразилъ его главнымъ образомъ въ своихъ двухъ крупныхъ поэмѣхъ „Три смерти“ и „Два міра“, изъ коихъ вторая, по первоначальному замыслу, должна была служить продолженіемъ первой. Въ „Трехъ смертяхъ“ носитель идеи разума — Сенека; но это разумъ специально философскій. Болѣе широка по замыслу фигура Деція, героя „Двухъ міровъ“; при этомъ интересно убѣдиться путемъ сравненія рѣчей Деція съ разными стихотвореніями Майкова изъ Рима какъ поэтъ для созданія этой главной фигуры воспользовался тѣми впечатлѣніями, которыя на него произвелъ Римъ въ его бытность тамъ. А впрочемъ нельзя не сознаться, что при всемъ величій этого Деція, онъ напрасно выведенъ представителемъ языческаго Рима; таковыми были не Децій и подобные ему гордые люди, а тѣ труженики, благодаря которымъ произошло, въ концѣ концовъ, примиреніе обоихъ міровъ. — Докладъ О. Фр. Зѣлинскаго напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 годъ.

Засѣданіе 10-го февраля 1899 года. А. М. Ловягинъ сдѣлалъ докладъ о второмъ томѣ сочиненія Мельцера о кареагеніахъ и о третьемъ томѣ книги Гольма: „Исторія Сициліи“; указавъ на точки соприкосновенія между обоими трудами, докладчикъ подробно изложилъ взглядъ Мельцера на кареагенское государственное устройство, а по отношенію къ книгѣ Гольма остановился болѣе всего на объясненіяхъ автора къ рѣчамъ Цицерона противъ Верреса.

По поводу реферата было сдѣлано нѣсколько замѣчаній О. Фр. Зѣлинскимъ, указавшимъ на нѣкоторую устарѣлость критическихъ приемовъ Гольма, прилагающаго къ оратору то же мѣрило достовѣрности, какъ и къ историку, и несправедливо обвиняющаго Цицерона въ намѣренной темнотѣ юридическихъ толкованій.

Г. Г. Зоргенфрей прочелъ докладъ о „Методикѣ преподаванія греческаго языка“ Деттвейлера. Докладъ г. Зоргенфрея напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣни т. XVI.

Б. В. Варнеке прочелъ докладъ на тему: „Теренцій на западно-европейской сценѣ XVI и XVII столѣтій“. Докладчикомъ было отмѣчено широкое распространеніе пьесъ Теренція какъ въ древнемъ Римѣ, такъ и въ средневѣковой Европѣ. Въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи пьесы Теренція находили себѣ широкій кругъ читателей и исполнялись на латинскомъ языкѣ во время школьныхъ спектаклей: затѣмъ появились переводы и многочисленныя передѣлки, которыя самымъ благотворнымъ образомъ вліяли на развитіе европейской комедіи. Комедіи Теренція были высоко цѣнимы представителями реформаціоннаго движенія, тогда какъ духовенство—особенно же іезуиты—всячески противились распространенію его комедій и старались замѣнить ихъ произведеніями, написанными въ духѣ христіанства. Среди такихъ произведеній особеннаго вниманія заслуживаютъ комедіи инокини Росвиты и Terentius Christianus Шопеуса; но эти безжизненныя дѣтища обскурантизма не имѣли никакого успѣха и косвеннымъ образомъ только способствовали распространенію пьесъ римскаго комика.—Докладъ г. Варнеке напечатанъ въ Вѣстникѣ Всемирной исторіи 1900 кн. 10.

Засѣданіе 10-го марта 1899 года. А. О. Савицкій прочелъ докладъ о книгѣ, изданной К. П. Побѣдоносцевымъ подъ заглавіемъ: „Новая школа“.

Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи государство изнемогаетъ отъ перепроизводства кандидатовъ на казенныя мѣста. Въ виду этого г. Демолень (авторъ статей, собраніе которыхъ и составляетъ разбираемая книга) описываетъ, какъ идеаль для подражанія, школу въ Аббатсгольмѣ, поставившую себѣ цѣлью развитіе въ своихъ воспитанникахъ предприимчивости и самостоятельности. Изъ распредѣленія дня видно, что физическое и эстетическое развитіе поставлено наравнѣ съ умственнымъ. Учебный курсъ раздѣляется на общій (безъ древнихъ языковъ) и спеціальный. Спеціальностей четыре: словесность (съ преподаваніемъ древнихъ языковъ), науки, земледѣліе и колонизація, промышленность и торговля. Указавъ, что понятіе о классическомъ и реальномъ образованіи складывалось исторически, и что умѣніе говорить на нѣсколькихъ языкахъ еще не предполагаетъ развитія ума, авторъ доклада, разобравъ упреки автора современной гимназіи, остановился на преподаваніи языковъ въ „Новой школѣ“.

Одобривъ для первой ступени преподаванія пользованіе естествен-

нымъ методомъ, а также легкимъ текстомъ съ подстрочнымъ буквальнымъ переводомъ, докладчикъ замѣтилъ, что съ помощью этихъ двухъ пріемовъ оказывается возможнымъ даже этимологическія формы разучивать индуктивно. Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ о своемъ опытѣ поручать иногда веденіе урока самимъ ученикамъ.

По поводу доклада *А. М. Ловжинъ* замѣтилъ, что недостаточное вниманіе обращено докладчикомъ на практическую и матеріальную сторону устройства подобной школы, между тѣмъ какъ изъ трехъ вопросовъ, разбираемыхъ въ книгѣ Демолена—о замѣнѣ старой школы новою, о классицизмѣ и о методахъ преподаванія—особенно отгвѣненъ именно первый, а два другихъ рассмотрѣны довольно поверхностно.

А. И. Малеинъ указалъ на явленіе, нѣсколько сходное съ разбираемой школой: школу Рамбальдони да Фельтро въ окрестностяхъ Мантуи въ эпоху Возрожденія.

Н. Кес. Невзоровъ отмѣтилъ рядъ цѣнныхъ указаній въ разбираемой книгѣ, которыя могли бы оживить преподаваніе, даже при сохраненіи въ общемъ настоящей системы.

В. В. Латышевъ напомнилъ о нѣкоторыхъ педагогахъ, ратовавшихъ у насъ за сходные съ вновь предлагаемымъ методомъ преподаванія, такъ напр. Дрбоглавъ, профф. К. Я. Люгемилъ, Д. Θ. Бѣляевъ и др.

Засѣданіе 31-го марта 1899 года. *И. Θ. Анненскій* прочелъ свой стихотворный переводъ Электры Еврипида.—Переводъ *И. Θ. Анненскаго* напечатанъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1899 годъ.

Э. А. Вертъ предложилъ собранію свой отзывъ объ „Очеркѣ римскихъ древностей“ *И. В. Салчурскаго*, напечатанный въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 кн. 9.

Засѣданіе 5-го мая 1899 года. *Б. В. Вартеке* прочелъ свой докладъ о двухъ новыхъ книгахъ по исторической грамматикѣ латинскаго языка: *О. Altenburg'a*: „De sermone pedestri Itolorum vetustissimo“ и *М. М. Покровскаго*: „Матеріалы для исторической грамматики латинскаго языка“. Въ первой изъ этихъ работъ докладчикъ отмѣтилъ множество недостатковъ: *Altenburg* не исполнилъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ: не рассмотрѣно развитіе древнѣйшаго языка, отсутствуетъ историческая перспектива; неизбѣжная неполнота получается отъ полного исключенія поэзіи, которая въ разсматриваемое авторомъ время слишкомъ близка къ прозѣ, чтобы можно было ее совершенно отдѣлать отъ послѣдней; нерѣдко получается ложное освѣ-

щеніе явленій италійскихъ языковъ отъ того, что авторъ держится совершенно въ сторонѣ отъ сравнительнаго языкознанія; наконецъ самая группировка матеріала не вездѣ правильна и удачна. Совершенно обратное впечатлѣніе производитъ изслѣдованіе М. М. Покровскаго: построенное на психологической подкладкѣ оно въ широкихъ размѣрахъ пользуется сравнительнымъ языкознаніемъ; цѣнные результаты извлекаются авторомъ изъ пользованія глоссаріями; мозаичность изслѣдованія нигдѣ не наноситъ ущербъ извѣстной широтѣ взгляда и обобщенію однородныхъ явленій.—О книгѣ Altenburg'a напечатано въ Филологическомъ Обозрѣніи т. XVII, а о книгѣ М. М. Покровскаго въ Liter. Centralbl. 1899.

С. А. Жебелевъ, изложивъ въ самыхъ краткихъ чертахъ исторію собранія греческихъ надписей, подробнѣе остановился на трехъ вышедшихъ въ послѣднее время книгахъ изъ этой области: 1) *Sylloge inscriptionum graecarum, iterum edidit G. Dittenberger*; 2) *Handbuch der griechischen Epigraphik von W. Larfeld*; 3) *Recueil d'inscriptions grecques par Ch. Michel*.—Докладъ г. Жебелева напечатанъ въ *Филологическомъ Обозрѣніи* т. XVII.

ЗА 1899—1900 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Въ составѣ должностныхъ лицъ и правленія общества не произошло измѣненій, за исключеніемъ только замѣны Я. Г. Мора, отказавшагося отъ участія въ правленіи, Ст. Ф. Орловскимъ, выбраннымъ на его мѣсто 3-го ноября 1899 года.

Въ почетные члены общества были избраны Н. П. Боголѣповъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Я. Сонинъ и Л. П. Лаврентьевъ. Изъ прежнихъ почетныхъ членовъ общество лишилось двоихъ, скончавшихся въ 1899 году, профессора и академика Василя Григорьевича Васильевскаго и бывшаго попечителя С.-Пб. учебнаго округа Михаила Николаевича Капустина; память ихъ была почтена въ засѣданіяхъ 22-го сентября и 1-го декабря.

Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ общества смерть похитила Н. П. Виноградова и В. В. Майкова, нѣкоторые другіе оставили общество за недостаткомъ свободнаго времени, но благодаря поступленію новыхъ членовъ (9) число членовъ все-таки немного возросло.

Засѣданія общества съ декабря 1899 перенесены были въ видахъ большаго удобства изъ VI гимназіи въ любезно предоставленное обще-

ству для этой цѣли помѣщеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (Литейн. просп. 44).

Всѣхъ засѣданій въ отчетномъ году было восемь; на нихъ было прочитано четырнадцать докладовъ.

Въ 1899 году исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія общества (первый уставъ его утвержденъ 3-го іюня 1874 г.); въ ознаменованіе этого первое засѣданіе, 22-го сентября 1899 года, посвящено было чтенію *А. И. Маленинымъ* составленнаго имъ по бумагамъ, хранящимся въ архивѣ общества, „Очерка дѣятельности общества классической филологии и педагогики за первое двадцатипятилѣтіе его существованія“.

Очеркъ *А. И. Маленна* напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣи т. XVII.

Засѣданіе 13-го октября 1899 года. *Э. А. Вертъ* предложилъ обществу продолженіе и окончаніе своего отзыва о книгѣ *Н. В. Санчурскаго*: „Очеркъ Римскихъ древностей“¹⁾.

А. Θ. Эманъ, отмѣтивъ нѣкоторую, по его мнѣнію, неудовлетворительность до сихъ поръ существующихъ производствъ слова „Βασίλευς“, предложилъ новую любознательную и остроумную этимологию этого слова, которое онъ производитъ отъ корней βῆσ-, входящаго еще въ греческое слово βῆστος, и λο-, входящаго въ глаголь λῶσ. Такое производство, по мнѣнію докладчика, даетъ возможность видѣть въ этомъ словѣ обозначеніе всѣхъ трехъ функций царя въ древнѣйшее время: судебной, военной и жреческой, а прежде всего главнѣйшей изъ нихъ, первой. Противъ предложенной этимологии было сдѣлано нѣсколько возраженій со стороны языка (*И. Θ. Анненскимъ*, *Э. А. Вертомъ*, *В. В. Латышевымъ*).

В. В. Латышевъ далъ отзывъ объ изданной проф. *Ю. А. Кулаковскимъ* къ археологическому съезду въ Кіевѣ, „Картъ Европейской Сармаціи по Птоломею“, напечатанный въ *Филологическомъ Обзорѣи* т. XVI.

Засѣданіе 3-го ноября 1899 года. *Θ. Фр. Злинскій* прочелъ свой докладъ „О первомъ свѣтопреставленіи“.

Изобразивъ переходъ предсказаній о концѣ міра, отъ Троянской (Эриорейской) Сибиллы черезъ посредство Кумъ въ Римъ въ связи съ введеніемъ религіи Аполлона, докладчикъ обрисовалъ дальнѣйшее развитіе этого повѣрія на римской почвѣ и закончилъ разборомъ ряда

¹⁾ См. засѣданіе 31-го марта.

явленій какъ въ жизни, такъ, въ особенности, въ литературѣ Рима, вызванныхъ обострившимся въ концѣ республики ожиданіемъ предстоящаго конца міра и желаніемъ предупредить его путемъ религіознаго и нравственнаго очищенія.

Докладъ *Θ. Фр. Зѣлинскаго* напечатанъ въ „Вѣстникѣ Всемирной Исторіи“ 1899 года кн. 1.

Засѣданіе 1-го декабря 1899 года. *М. И. Ростовцевъ* прочелъ свой отзывъ о книгѣ *Wilcken'a* „Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien“, напечатанный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900 года.

Б. Н. Некрасовъ доложилъ свой отзывъ о книгѣ проф. *Θ. Фр. Зѣлинскаго* — комментированномъ изданіи Софокловой трагедіи „Трахинянки“, напечатанный въ *Филологическомъ Обзорѣ* т. XVII.

Годичное засѣданіе 9-го февраля 1900 года. *И. Θ. Анненскій* прочелъ три отрывка изъ приготовленной имъ для печати работы: „Художественная обработка мѣта объ Орестѣ-матереубійцѣ у Эсхила, Софокла и Еврипида“. — Отмѣтивъ полувѣковой промежутокъ времени между „Орестіей“ Эсхила и „Орестомъ“ Еврипида и, въ связи съ этимъ, рѣзкій контрастъ между двумя концепціями въ области одного и того же мѣта, референтъ сдѣлалъ попытку объяснить, почему у младшихъ трагиковъ не могло быть трилогіи въ эсхилоскомъ смыслѣ, и почему, въ частности, ни Софоклъ, ни Еврипидъ не обработали сюжета трагедіи „Агамемнонъ“. Затѣмъ была представлена детальная параллель между творчествомъ Эсхила и Еврипида, при чемъ докладчикъ объяснилъ слушателямъ, почему онъ, несмотря на столько блестящихъ антитезъ и параллелей, уже существующихъ въ филологической литературѣ, взялся еще разъ за эту задачу: дѣло въ томъ, что творчество Еврипида, почти во всѣхъ сопоставленіяхъ, до сихъ поръ сдѣланныхъ, является, по его мнѣнію, освѣщеннымъ односторонне и принижается сравнительно съ поэзіей Эсхила и Софокла. Вслѣдъ за общимъ введеніемъ, докладчикъ прочелъ подробный анализъ „Агамемнона“, гдѣ старался выяснять особенности эсхилоскаго лиризма; съ особой подробностью были разобраны хоровыя пѣсни и трагедія Кассандры.

Второй отрывокъ обнимаетъ анализъ „Евменидъ“, при чемъ референтъ указывалъ, что идейный центръ этой трагедіи лежитъ въ грандіозномъ завершеніи трилогіи, что его надо искать въ побѣдѣ свѣтлаго начала аѣннской гражданственности надъ темными силами родовой жизни и въ претвореніи силы злотворной въ благоую. Референтъ

сдѣлать также попытку объяснить, почему мифъ объ Орестѣ явился особенно благодарнымъ сюжетомъ для прославленія религій, въ центрѣ которой Эсхиломъ былъ поставленъ Ζεύς Ἀγροαῖος, и какова была историческая основа нравственного лозунга этой религій „πάθει μάθος“.

Третій отрывокъ представляетъ собою детальный анализъ еврипидовскаго Ореста, при чемъ выдѣлялись забываемыя критикой несравненные достоинства этой пьесы, и она многообразно сопоставлялась съ другими произведеніями изъ второй половины творчества Еврипида.

Референтъ закончилъ параллелью между концомъ „Евменидъ“ и апоэосой Елены въ исходѣ еврипидовскаго „Ореста“.

П. П. Митрофановъ прочелъ докладъ о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ въ античномъ мірѣ“, гдѣ онъ проводитъ главнымъ образомъ ту мысль, что просвѣщенный абсолютизмъ, который считается специфическимъ явленіемъ въ государственной жизни XVIII вѣка, имѣлъ мѣсто и въ античномъ мірѣ, какъ въ греческой тиранніи VII и VI вв. до Р. Хр., когда благо народа проводилось тираннами въ жизнь безъ участія народа, такъ особенно и въ Сициліи при Діонисіи Старшемъ, въ характерѣ коего встрѣчается много сходныхъ чертъ съ характеромъ Фридриха II, при чемъ оба властителя находились въ постоянномъ сношеніи съ представителями литературы той эпохи.

Засѣданіе 1-го марта 1900 года. *Э. Ю. Керберъ* прочелъ рефератъ о послѣдней реформѣ среднеучебныхъ заведеній въ Румыніи. Какъ на главнѣйшія характерныя черты этой реформы докладчикъ указалъ на слѣдующія: 1) среднеучебныя государственныя заведенія раздѣляются на реальныя и классическія, число первыхъ 11, послѣднихъ 32; въ классическихъ гимназіяхъ (называемыхъ въ Румыніи лицееми), начиная съ 5-го класса курсъ раздвояется: для желающихъ подготовиться въ университетъ продолжаются древніе языки, для прочихъ же расширяется программа математики и прибавляется еще одинъ новый языкъ, по выбору англійскій или итальянскій; 2) число преподаваемыхъ предметовъ очень большое: сверхъ преподаваемыхъ у насъ еще естествовѣдѣніе, химія, политическая экономія, румынское право, исторія педагогики, гигиена и др.; 3) матеріальное положеніе педагоговъ весьма удовлетворительное: жалованье доходитъ до 4.500 руб. въ годъ для преподавателей гимназій, для директора 6000 руб.; 4) число уроковъ не большое, максимумъ двадцать четыре урока въ недѣлю, но обыкновенно отъ шестнадцати до двадцати уроковъ.

А. М. Ловягинъ прочелъ отзывъ о русскомъ переводѣ „Очерка римской исторіи“ Б. Низе. Рецензентъ выразилъ сожалѣніе, что редак-

торы перевода не обратили никакого вниманія на иностранные отзывы о книгѣ Низе, вслѣдствіе чего оказались переведенными не только ошибки, но и опечатки подлинника (въ родѣ напр. 195 центурій).

Далѣе онъ отмѣтилъ легкую возможность и желательность пополненія литературныхъ указаній Низе.

Въ переводѣ рецензентъ указалъ нѣкоторыя погрѣшности и пропуски сравнительно съ подлинникомъ; нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей объясняются неподготовленностью переводчицы (напр. „короли“ изъ Маккавеевъ, анонимъ „Валесіана“ и другія выраженія). Транскрипція, по мнѣнію рецензента, непослѣдовательна, указатель не полный. Списокъ русскихъ трудовъ по римской исторіи слѣдовало расположить не по алфавиту авторовъ, а систематически.

Засѣданіе 22-го марта 1900 года. *Фр. Эри. Видеманъ* прочелъ докладъ: о задачахъ классическаго образованія и о постановкѣ греческаго языка въ гимназіяхъ. Указавъ на плачевные результаты реформы 70 годовъ, референтъ высказалъ убѣжденіе, что корень зла заключался въ той постановкѣ, которая была дана тогда преподаванію древнихъ языковъ, а отнюдь не въ самомъ предметѣ, какъ теперь твердятъ такъ часто. Докладчикъ старался выяснитъ все перво-степенное значеніе древняго міра, особенно греческаго, какъ колыбели просвѣщенной Европы; всего подробнѣе онъ разсмотрѣлъ высоконравственное значеніе Гомера, древней трагедіи и древней философій, при чемъ онъ отвергъ мнѣніе, будто чтеніе древнихъ, въ особенности Гомера, прививаетъ взгляды противорѣчащія христіанскому воззрѣнію. Главная цѣль, которой должно достигнуть преподаваніе древнихъ языковъ,—развить въ юношѣ вкусъ къ изящному и благородному. Въ видахъ достиженія этой цѣли, первой обязанностью преподавателя слѣдуетъ признать возбужденіе въ ученикахъ живого интереса къ древнему міру, и въ частности, къ образцамъ художественнаго творчества, по которымъ знакомятъ съ этимъ міромъ. Этой конечною цѣлью обуславливается и подготовительное прохожденіе грамматики, которая, впрочемъ, по мнѣнію докладчика, кромѣ значенія подготовительнаго имѣетъ и самостоятельное значеніе, какъ ознакомленіе съ языкомъ тонко обработаннымъ и богатымъ, къ тому же лучшимъ въ основу новѣйшихъ. Переводы съ отечественнаго языка на древніе должны имѣть чисто служебное значеніе, какъ средство къ усвоенію грамматики, и носить характеръ домашній. Переводъ древнихъ писателей, чтобы вызвать интересъ къ читаемому, долженъ отличатся какъ изяществомъ, такъ и точностью, и во всякомъ случаѣ соотвѣт-

ствовать духу подлинника, въ случаѣ надобности должны составляться два перевода: болѣе близкій къ подлиннику, и другой—болѣе литературный. Референтъ представилъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ переводовъ. Большое значеніе докладчикъ придаетъ также заучиванію наизусть избранныхъ мѣстъ изъ читаемыхъ поэтовъ. При такой постановкѣ предмета, при наличности въ то же время въ учителѣ искренняго интереса къ дѣлу и умѣнія увлечь учениковъ, по мнѣнію докладчика, изученіе древнихъ языковъ должно привести къ самымъ благотворнымъ результатамъ, сообщая юношеству извѣстныя возвышенныя вкусы и взгляды, твердые принципы и свѣтлыя идеи и идеалы.

Мысли, выраженные докладчикомъ, были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ, только нѣсколько частныхъ возраженія и пренія, какъ напр. сужденія его о значеніи Ксенофонта, какъ школьнаго автора, о нравственномъ значеніи Гомера для современныхъ юныхъ читателей и нѣкоторыя другія.

Θ. Фр. Зѣлинскій прочелъ избранныя мѣста изъ своего перевода рѣчи Цицерона pro A. Cluentio Habito, предпославъ этому вступленіе съ изложеніемъ семейной драмы, служащей подкладкой рѣчи Цицерона.— Семейная драма Клуенціевъ изложена Θ. Фр. Зѣлинскимъ въ статьѣ „Уголовный процессъ XX вѣковъ назадъ“ (въ журналѣ „Право“, 1901, кн. 7 и 8), а переводъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи рѣчей М. Туллія Цицерона т. I, стр. 530 и слл.

Засѣданіе 19-го апрѣля 1900 года. Θ. Фр. Зѣлинскій прочелъ свой докладъ „О старыхъ и новыхъ путяхъ въ Гомеровскомъ вопросѣ“. Докладъ Θ. Фр. напечатанъ въ 5-ой книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

И. О. Араловъ прочелъ докладъ о судьбахъ классицизма въ русскихъ гимназіяхъ. Послѣ краткихъ историческихъ свѣдѣній о трехъ первыхъ по времени гимназіяхъ въ Россіи (Академической въ С.-Петербургѣ, Университетской въ Москвѣ и Казанской) докладчикъ приступилъ къ болѣе подробному ознакомленію гг. слушателей съ гимназіями по уставу 1804 года при 4-хъ лѣтнемъ курсѣ съ однимъ латинскимъ языкомъ, при чемъ были приведены болѣе существенныя статьи этого устава; указаны были измѣненія особенно по отношенію къ древнимъ языкамъ, какимъ съ теченіемъ времени подвергся этотъ первый уставъ. При этомъ кромѣ перечисленія главныхъ употреблявшихся въ то время учебниковъ и пособій прочтены были и отрывки изъ школьныхъ воспоминаній Погодина о преподаваніи латинскаго языка за этотъ періодъ, изъ официальныхъ донесеній о производствѣ испытанія по латинскому

языку въ С.-Пб. гимназіи и изъ записки С. Т. Аксакова объ Казанской гимназіи.

Говоря затѣмъ объ уставѣ гимназій 1828 года, докладчикъ коснулся тѣхъ преній, которыя предшествовали выработкѣ и утверженію этого устава, а также охарактеризовалъ въ краткихъ чертахъ личность главнаго дѣятеля этого періода г. С. С. Уварова. Послѣ этого были сообщены подробныя свѣдѣнія о количествѣ учебнаго времени, удѣленнаго по этому уставу на древніе языки, о постановкѣ ихъ преподаванія по учебнымъ планамъ, по официальнымъ донесеніямъ и по воспоминаніямъ современниковъ, а также на основаніи учебниковъ и пособій по древнимъ языкамъ этого періода. Рассказывая затѣмъ о превратностяхъ судьбы, пережитыхъ классической средней школой въ долгій періодъ времени отъ 1851 по 1871 годъ, докладчикъ напомнилъ мнѣнія о классическомъ образованіи, высказанныя Ппроговымъ и Грановскимъ, и подробно прослѣдилъ тѣ измѣненія, которымъ подверглось преподаваніе древнихъ языковъ въ это переходное время. Свой сжатый историческій обзоръ судебъ, пережитыхъ классицизмомъ въ средней школѣ, г. Араловъ довелъ до 1890 года.

ЗА 1900—1901 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Въ составѣ правленія произошла одна перемѣна: въ члены совѣта избранъ былъ П. О. Анненскій (на мѣсто скончавшагося А. Н. Щукарева). Въ почетные члены общества избраны были 22-го нояб. 1900 года: товарищъ предсѣдателя Императорскаго Археологическаго Общества графъ Иванъ Ивановичъ Толстой, секретарь того же общества Василій Григорьевичъ Дружининъ и профессоръ Казанскаго университета Феодоръ Герасимовичъ Мищенко.

Въ отчетномъ году скончались изъ числа почетныхъ членовъ общества: кн. Ник. Петр. Мещерскій, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ общества, и министръ народнаго просвѣщенія Ник. Павл. Боголѣповъ, коихъ память была почтена въ засѣданіяхъ 24-го января и 14-го марта 1901 г.; изъ числа же дѣйствительныхъ своихъ членовъ общество потеряло также двоихъ: Г. О. Вороновича и А. Н. Щукарева, въ лицѣ котораго общество утратило одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и цѣнныхъ своихъ членовъ, часто оживлявшаго засѣданія какъ своими докладами, такъ и участіемъ въ обсужденіи чужихъ докладовъ, а послѣднее время состоявшаго и членомъ совѣта; память перваго была почтена рѣчью Э. Ю. Кербера въ засѣданіи 20-го сентября, а втораго—глу-

боку прочувствованнымъ словомъ г. предсѣдателя общества, В. В. Латышева, въ засѣданіи 18-го октября 1900 г. Всѣхъ засѣданій въ отчетномъ году было десять; но сверхъ этихъ очередныхъ засѣданій нельзя не упомянуть еще объ одномъ, особенно многолюдномъ товарищескомъ собраніи, состоявшемся 20-го ноября для чествованія предсѣдателя общества В. В. Латышева по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія учено-педагогической его дѣятельности.

Въ десяти же очередныхъ засѣданіяхъ общества прочитаны были нижеслѣдующіе семнадцать докладовъ.

Засѣданіе 20-го сентября 1900 года. Почетный членъ общества, профессоръ *Вас. Ив. Модестовъ* сдѣлалъ докладъ: „О Римѣ, какъ центрѣ археологическаго, историческаго и филологическаго образованія и о своихъ въ немъ занятіяхъ“. Докладъ былъ повторенъ, съ разрѣшенія автора, въ Московскомъ археологическомъ обществѣ 27-го октября 1900 года, и напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣнн, т. XVIII.

Засѣданіе 4-го октября 1900 года. *А. И. Маленинъ* прочелъ свой докладъ о Н. Ѳ. Кошанскомъ: сперва докладчикъ остановился главнымъ образомъ на учено-литературной дѣятельности Кошанскаго, перечисливъ съ значительною подробностью его многочисленныя труды и изложивъ содержаніе главнѣйшихъ изъ нихъ. Во второй половинѣ доклада референтъ старался охарактеризовать службу Кошанскаго въ лицѣ, его отношенія къ ученикамъ вообще и къ А. С. Пушкину въ частности. Относительно этого послѣдняго вопроса А. И. пришелъ къ такимъ выводамъ: во-первыхъ, Кошанскій вовсе не преслѣдовалъ Пушкина изъ зависти къ его таланту, какъ это полагаютъ обыкновенно, и во-вторыхъ, преподаваніе Кошанскаго могло оказать только самое ничтожное вліяніе на развитіе таланта Пушкина. Конецъ реферата посвященъ былъ краткому разсмотрѣнію дѣятельности Кошанскаго въ качествѣ директора института слѣпыхъ и члена комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій при Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, на основаніи данныхъ, собранныхъ докладчикомъ въ архивахъ того и другого учрежденія ¹⁾.

Г. Г. Зорненфрей высказалъ нѣсколько соображеній по поводу новыхъ учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ. Въ самомъ началѣ онъ указалъ, что цѣлью его сообщенія является не критическій разборъ этихъ плановъ, а желаніе вызвать обмѣнъ мыслей среди членовъ филологическаго общества по такому животрепещущему вопросу. За-

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ сборникѣ: Памяти Леонида Ник. Майкова, С.-Пб. 1902.

тѣмъ докладчикъ остановился на сходствѣ нѣкоторыхъ явленій школьной жизни у насъ и въ Германіи, на томъ возбужденіи противъ классической системы образованія, которое замѣчается въ обѣихъ странахъ, указать на реформы 92 года въ Германіи и 90 года у насъ, сопоставить учебные планы обѣихъ странъ и перечислить недостатки нашей реформы 90 года: малое число уроковъ по древнимъ языкамъ, окружныя темы въ VI классѣ, изгнаніе грамматики изъ старшихъ классовъ и т. п. Затѣмъ указано было на дальнѣйшее движеніе противъ средней школы и результатъ его—образованіе комиссій въ Германіи для пересмотра программъ и таковой же комиссій у насъ (созванной при покойномъ министрѣ Н. П. Боголъповѣ). Существенная разница въ работахъ этихъ комиссій видна уже изъ того, что въ Германіи работы и до сихъ поръ еще не приведены къ концу ¹⁾, а у насъ несмотря на очень короткій срокъ занятій комиссій уже опубликованы новые планы по древнимъ языкамъ. Существеннымъ нововведеніемъ слѣдуетъ признать 1) отбѣну систематическаго курса грамматики начиная съ V-го класса, 2) уничтоженіе письменныхъ экзаменовъ, 3) систематическое повтореніе латинскаго синтаксиса въ VII-омъ или VIII-омъ кл., 4) исключеніе римскихъ поэтовъ изъ числа авторовъ, переводимыхъ на выпускномъ экзаменѣ, 5) предоставленіе большей свободы въ выборѣ читаемыхъ авторовъ, 6) требованіе отъ преподавателей подробныхъ программъ ихъ предмета и предоставленіе имъ права налагать эти программы примѣнительно къ составу класса. Изъ этихъ нововведеній особеннаго сочувствія, по мнѣнію докладчика, заслуживаютъ: отбѣна окружныхъ темъ въ VI кл., систематическое повтореніе латинскаго синтаксиса въ VII или VIII кл.; исключеніе римскихъ поэтовъ изъ числа авторовъ, предлагаемыхъ для перевода на выпускномъ экзаменѣ, и предоставленіе преподавателю большей свободы въ выборѣ авторовъ. Менѣе понятной кажется отбѣна письменныхъ экзаменныхъ переводовъ съ древняго на русскій языкъ, такъ какъ все сказанное противъ письменныхъ работъ въ циркулярѣ г. министра отъ 1-го августа текущаго года можетъ относиться лишь къ переводамъ на древніе языки; весьма неопредѣленнымъ является затѣмъ вопросъ о составленіи подробныхъ программъ каждымъ отдѣльнымъ преподавателемъ, и въ циркулярахъ г. министра и г. попечителя округа нельзя найти на этотъ счетъ почти никакихъ разъясненій. Указавъ затѣмъ на неправильное толкованіе нѣкоторыми лицами словъ

¹⁾ Прусскіе учебные планы и разъясненія опубликованы лишь весной 1901 года.

г. понечителя округа (въ цирк. № 8509), что древніе языки ставятся нынѣ въ гимназіяхъ въ сущности въ такое же положеніе, какъ и новыя языки, докладчикъ выразилъ горячее пожеланіе, чтобы число часовъ, отведенныхъ древнимъ языкамъ, отнюдь не уменьшалось, серьезныя же письменныя переводы съ древнихъ языковъ на русскій практиковались и впредь, какъ весьма важное подспорье для изученія родного языка, и закончилъ свой рефератъ указаніемъ на тѣ поистинѣ ужасныя условія, при которыхъ приходится работать въ настоящее время преподавателю древнихъ языковъ.

Вопросы, затронутыя въ сообщеніи Г. Г. Зоргенфрея, вызвали оживленный обменъ мнѣній между присутствующими.

Прежде всего В. В. Латышевъ указалъ на то, что предполагаемые нынѣ планы составляютъ результатъ работъ по всей комиссиі, о которой шла рѣчь въ докладѣ, а лишь отдѣльной подкомиссиі, или даже фракціи.

О переводахъ высказался Фр. Эри. Видеманъ, который, соглашаясь съ отнѣной письменныхъ грамматическихъ переводовъ на древніе языки, указалъ съ другой стороны на всю важность и пользу письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій; П. В. Рубинскій и Эдм. Альб. Вертъ старались выяснитъ, при какомъ характерѣ письменныхъ классныхъ переводовъ на древніе языки, отличномъ отъ прежняго ихъ характера, они и впредь должны бы быть признаны не только полезными, но и необходимыми.

А. М. Якимыхъ высказалъ желаніе знать мнѣніе членовъ общества о томъ, требуется ли въ подробныхъ программахъ только указаніе матеріала, подлежащаго прохожденію въ данномъ классѣ, или также метода, котораго думаетъ держатся преподаватель.

Ф. Э. Видеманъ для поясненія своего взгляда на это прочелъ составленныя имъ программы по греческому языку для IV, VII и VIII классовъ. Прочитанныя программы, по мнѣнію нѣсколькихъ присутствовавшихъ, страдаютъ даже излишней дробностью и точностью.

П. П. Беллярминовъ указалъ на недостаточную выясненность метода прохожденія грамматики въ младшихъ классахъ: для аналитическаго метода требуется точно къ тому приуроченная хрестоматія (впрочемъ прежняя неправильная постановка синтаксиса во II классѣ теперь устранена).

Въ заключеніе П. Я. Шубинъ развилъ свои мысли о томъ, что преподаваніе древнихъ языковъ слѣдуетъ во всякомъ случаѣ поставить такъ, чтобы результатомъ его были: любовь къ древней словес-

ности, пониманіе ея красота и значенія и созерцаніе воплощенныхъ въ ней идеаловъ.

Засѣданіе 18-го октября 1900 года. *М. И. Ростовцевъ* сдѣлалъ сообщеніе о производимыхъ въ послѣднее время раскопкахъ на римскомъ форумѣ, при чемъ иллюстрировалъ свой докладъ цѣлымъ рядомъ фотографическихъ снимковъ.

И. О. Араловъ прочелъ свой докладъ о новыхъ учебныхъ планахъ преподаванія древнихъ языковъ. Свой докладъ *И. О.* началъ съ той мысли, что изданіе новыхъ учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ, какъ и по всякому другому предмету, налагаетъ на преподавателей обязанность сравнить новое со старымъ, схватить новую руководящую идею и сохранить то хорошее изъ стараго, что не отмѣнено новой программой. Главная идея преподаванія древнихъ языковъ та же — всестороннее развитіе юношества: умственное, нравственное и эстетическое. Въ возможность такого развитія на почвѣ знакомства съ языками, литературой и бытомъ древнихъ грековъ и римлянъ вѣрили авторы и 3-хъ послѣднихъ учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ; и пока есть высокообразованные умы, которые приписываютъ свое развитіе изученію древнихъ языковъ, до тѣхъ поръ еще дѣло классицизма не проиграно. Далѣе докладчикъ прослѣдилъ по объяснительнымъ запискамъ къ учебнымъ планамъ, какъ измѣнялись взгляды на ближайшія цѣли и средства преподаванія классическихъ языковъ (1870: твердое усвоеніе грамматики, 1890: осмысленное чтеніе классиковъ и точный переводъ ихъ на русскій языкъ, 1900: пониманіе авторовъ). При этомъ г. Араловъ старался выяснять причины неудачъ классической системы съ 1870 года до сихъ поръ (сухость преподаванія, дедуктивный методъ, незнаніе русскаго языка многими изъ преподавателей). Обращаясь къ новымъ учебнымъ планамъ, гдѣ грамматическій курсъ ограниченъ уже 4 классами по латинскому языку и 2-мя по греческому, докладчикъ находилъ, что курсъ грамматики сокращенъ неравномѣрно; курсъ 3-го класса по латинской грамматикѣ едва ли выполнимъ, такъ какъ онъ обширенъ и затрудненъ внесеніемъ синтаксиса *congruentiae*. Для облегченія его докладчикъ рекомендуетъ концентрический методъ, а вообще при прохожденіи синтаксиса отдастъ рѣшительное предпочтеніе индуктивному методу, какъ болѣе оживляющему преподаваніе. Что касается до того, что латинскій синтаксисъ разбитъ на рубрики русскаго синтаксиса, то неопредѣленность терминовъ „дополненіе“, „опредѣленіе“ и „обстоятельныя слова“ сильно затрудняетъ это сближеніе. Повтореніе ла-

тискаго синтаксиса въ VII или VIII классахъ при краткости времени, на него отведеннаго, можетъ быть сознательнымъ, лишь если ограничить его синтаксисомъ сложнаго предложенія. Относясь безразлично къ отгѣнѣ классныхъ переводовъ съ русскаго языка, докладчикъ недоумѣвалъ, почему не сохранены въ прежней силѣ письменныя переводы съ древнихъ на русскій, являвшіеся могучимъ средствомъ къ основательному изученію всѣхъ 3-хъ языковъ и не вызывавшіе вовсе нареканій. Говоря о чтеніи авторовъ, докладчикъ отнесся какъ къ анахронизму къ допущенію все еще Корнелія Непота. Рѣчи Цицерона, по его мнѣнію, за весьма небольшими исключеніями недоступны ученикамъ VI класса; чтенію Ливія въ VII классѣ можно лишь порадоваться, но не педагогично отказываться отъ чтенія Энеиды Вергилія, подражательность которой искупается художественностью отдѣльныхъ мѣстъ, а главное проникновенностью духомъ древняго римлянина. Трудными представляются Тацитъ, даже для VIII класса, и многія мѣста Киропедіи для V-го; желательно было бы допущеніе Еврипида. Въ переводахъ должно сохранить всю свою силу требованіе учебныхъ плановъ 1890 года, чтобы урокъ древнихъ языковъ былъ особенно урокомъ и русскаго языка. Преподаваніе древнихъ языковъ при національно-русской окраскѣ должно зарожать любовь къ древнимъ авторамъ, къ филологіи и стремленіе къ бережному обращенію со словомъ вообще. Читать авторовъ лучше одновременно и курсорно и статарно, чтобы заинтересовать учениковъ содержаніемъ при ускореніи чтенія и обиліи прочитываемаго. Съ этой точки зрѣнія странно читать Гомера по уроку въ недѣлю въ VIII классѣ. При чтеніи не разъ представится случай для историко-литературныхъ и филологическихъ сближеній. Одной изъ главнѣйшихъ цѣлей преподаванія древнихъ языковъ теперь г. Араловъ признаетъ возстановленіе нормальныхъ взглядовъ на классицизмъ и стремленіе сдѣлать его предметомъ не отвращенія и страха, но симпатій и довѣрія.

Докладъ г. Аралова, почти во всѣхъ своихъ положеніяхъ, встрѣтилъ сочувствіе присутствовавшихъ; высказанныя въ немъ мысли о важности письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій были подкрѣплены еще новыми соображеніями со стороны г. Зоргефрея, который впрочемъ стоялъ за необходимость и переводовъ на древніе языки. Вопросъ о возможности перенесенія части курса греческой грамматики въ пятый классъ, а именно прохожденіе такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ попутно при чтеніи Ксенофонта, вызвалъ пренія, въ которыхъ большинство склонялось къ утвердительному раз-

рѣшенію вопроса, но указано было на необходимость все-таки сведенія всѣхъ такъ называемыхъ несправильныхъ глаголовъ въ опредѣленную систему. Не встрѣтили сочувствія со стороны г. Зоргенфрея и взгляды, высказанные докладчикомъ по поводу чтенія рѣчей Цицерона въ VI классѣ и упраздненія обязательнаго чтенія Вергилія; г. Зоргенфрей считаетъ рѣчи противъ Катилины какъ неслызя болѣе подходящими для VI класса по объему, содержанію и формѣ. Въ заключеніе нѣсколькими изъ присутствовавшихъ было высказано мнѣніе о недостаткахъ многихъ введенныхъ у насъ комментированныхъ изданій.

Засѣданіе 22-го ноября 1900 года. *Г. Г. Зоргенфрей* прочелъ свой докладъ о комментированіи Горация. Докладчикъ развилъ то положеніе, что между прочими способами разъясненія мыслей поэта слѣдуетъ прибѣгать также всегда, когда это возможно, къ сопоставленію ихъ съ похожими мыслями, встрѣчающимися въ родной поэзіи. Для лучшаго выясненія этого приѣма комментирования докладчикъ прочелъ примѣрную передачу содержанія ряда одъ Горация, составленную частью самимъ Г. Г., частью изъ отрывковъ стихотвореній разныхъ русскихъ поэтовъ. Мысль Г. Г. была принята весьма сочувственно, и выражено было желаніе видѣть его рефератъ еще дополненнымъ разборомъ и прочихъ наиболѣе читаемыхъ одъ и въ такомъ видѣ напечатаннымъ.

В. В. Латышевъ прочелъ докладъ о раскопкахъ древняго Херсонеса за послѣдніе годы, въ особенности начиная съ 1897 года.

Излагая попутно исторію раскопокъ, В. В. подробнѣе остановился на замѣчательномъ храмѣ, въ которомъ, какъ полагаютъ, принялъ крещеніе Святой Владиміръ; потомъ ознакомилъ слушателей на основаніи отчасти аутописи, отчасти послѣдняго отчета руководителя раскопокъ въ Херсонесѣ, г. Косцюшка-Валужинича, съ вновь открытыми постройками, среди которыхъ особенно любопытны стѣны и ворота города, описалъ и разъяснилъ затѣмъ наиболѣе замѣчательныя изъ цѣнныхъ находокъ, сдѣланныхъ въ некрополѣ.

Свои интересныя объясненія докладчикъ иллюстрировалъ множествомъ фотографическихъ снимковъ.

Засѣданіе 20-го декабря 1900 года. *Б. В. Варнеке* прочелъ докладъ: „О томъ, какъ играли римскіе актеры“, напечатанный въ Фил. Обзор. т. XIX.

Годичное засѣданіе 20-го января 1901 года. *И. Θ. Анненскій* прочелъ докладъ: „О поэтической концепціи Еврипидовой *Алькесты*“,

напечатанный потомъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

М. Н. Ростовцевъ прочелъ докладъ: „О греческихъ революціонныхъ движеніяхъ въ I и II вѣкахъ по Р. Х.“, главнымъ образомъ которыхъ служили такіе центры, какъ Александрія и Антиохія. Докладчикъ изобразилъ, отчасти на основаніи новыхъ документальныхъ свѣдѣній въ папирусахъ, борьбу народностей въ Александріи, возмущенія противъ Римскаго владычества и судъ надъ главными виновниками этихъ волненій предъ лицомъ римскаго императора. Докладъ *М. Н. Ростовцева* напечатанъ въ журналѣ „*Міръ Божій*“ 1901 года, кн. V.

Засѣданіе 14-го февраля 1901 года. *Фр. Эри. Видеманъ* прочелъ докладъ: „О начаткахъ греческаго письма“. Указавъ въ началѣ реферата, что, согласно изслѣдованіямъ послѣдняго времени, греки должны были явиться въ южную часть Балканскаго полуострова съ сѣвера, а не изъ Малой Азіи, и притомъ еще въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., референтъ немного остановился на первобытныхъ временахъ исторіи Греціи. Первымъ эллинскимъ племенемъ, явившимся въ южную часть Балканскаго полуострова, были, по его мнѣнію, эоляне; ахеяне же и іоняне были вѣтви великаго эолийскаго племени (это подтверждается сопоставленіемъ свидѣтельствъ Геродота и Страбона съ древнимъ преданіемъ, этимологіей названій этихъ племенъ и остатками діалектовъ Аркадіи, южной Элиды, южной Фессалии, Эолиды и о. Кипра). Въ Греціи эоляне застали неласговъ, съ которыми, по предположенію докладчика, мирно слились; по берегамъ же производили разбоя карійцы, лелеги, а потомъ и финикіяне, на что указываетъ рядъ мифовъ, равно какъ другія преданія указываютъ и на то, что мало по малу греки сами начинаютъ знакомиться съ заморскими странами и завладѣваютъ моремъ. Это относится ко второму тысячелѣтію до Рожд. Христова. Поводомъ къ выселенію послужилъ толчекъ, данный съ сѣвера и отразившійся также въ Пелопоннесѣ. Однако это переселеніе, въ которомъ участвовали и доряне (участіе Геракла въ походѣ Аргонавтовъ и дорійскія поселенія на югъ Эгейскаго моря), совершилось еще до перенятія греками исторической финиційской письменности, на что указываетъ совершенно отличный характеръ письма дорійскихъ поселеній въ южной части Эгейскаго моря, а также Кипрское письмо. Последнее есть не что иное, какъ перешедшее на о. Кипръ критско-карійско-микенское письмо, существованіе котораго на Критѣ доказано раскопками Пвенса; сюда же принадлежатъ и „*σῆματα λογρά*“ Гомера. Изъ него возникло и письмо финиційское, составитель котораго несомнѣнно

быть знакомъ и съ халдейскимъ письмомъ (какъ показываетъ порядокъ и наименованіе нѣкоторыхъ буквъ). Созданіе алфавита финикійскаго относится вѣроятно къ XII—XI вѣку, такъ какъ въ XIV вѣкѣ, судя по дощечкамъ изъ Тельэль Амарны, во всей передней Азіи еще въ ходу клинопись, древнѣйшія же надписи финикійскія—надписи Хирама X вѣка и Мени начала IX вѣка.

Порядокъ, числовое значеніе, начертаніе буквъ древнѣйшаго греческаго алфавита, равно какъ и первоначальное направленіе письма указываетъ, что греческій алфавитъ заимствованъ изъ финикійскаго. Изъ того, что гласные звуки А, Е, I, О, включая сюда же и отсутствующее въ финикійскомъ алфавитѣ У, одинаковы,—референтъ заключаетъ, что переходъ финикійскаго алфавита на греческую почву долженъ былъ совершиться въ одномъ мѣстѣ. Этимъ мѣстомъ, по мнѣнію докладчика, слѣдуетъ признать островъ Критъ, судя по старинному характеру письма на немъ и эпиграфическимъ соображеніямъ, касающимся нѣкоторыхъ буквъ, особенно *zade* и *beta*. Съ о. Крита финикійско-греческая письменность перешла на о. Милосъ съ одной и о. Оеру съ другой стороны. Черезъ о. Милосъ затѣмъ письмо перешло въ Арголиду и дальше, съ острова же Оеры съ одной стороны въ область Эврипа, съ другой въ Іонію. Изъ области Эврипа письменность съ одной стороны оказала прямое вліяніе на письмо Лаконіи, съ другой—на письмо Эоліи. Эолійская же письменность перешла въ Іонійскую, и послѣдняя уже рано одержала верхъ въ Малой Азіи.

Отсюда уже это письмо затѣмъ стало оказывать сильное вліяніе на западъ, начиная со времени правленія Федона Аргосскаго въ первой половинѣ VIII вѣка, преимущественно въ Арголидѣ, Истмѣ и, отчасти, Аттікѣ; особенно ярко связь письма этихъ областей съ Іоніей сказывается въ начертаніи и значеніи дополнительныхъ знаковъ φ , χ , ψ , ξ , которыхъ еще не имѣли Критъ, Оера и Милосъ. Дальше другихъ противилось общему вліянію съ востока письмо коринфское, которое при Періандрѣ оказало даже вліяніе на письмо о. Оеры.

Здѣсь докладчикъ вставляетъ пространное изложеніе исторіи развитія и видоизмѣненія четырехъ упомянутыхъ дополнительныхъ знаковъ.

На основаніи всего изложеннаго референтъ находитъ, что слѣдуетъ совершенно отказаться отъ мнѣнія, будто греческая письменность обязана своимъ происхожденіемъ арамейской, перешедшей въ область Эгейскаго моря черезъ Малую Азію.

Что касается до времени перехода письма съ о. Крита, то его

слѣдуетъ отнести приблизительно къ 900 году до Р. Хр. Такимъ образомъ во время Гомера письмо уже существовало въ Греціи, но находилось на первыхъ ступеняхъ развитія. Къ VII вѣку относится образованіе милетскаго числового алфавита, составителемъ котораго докладчикъ по нѣкоторымъ признакамъ считаетъ Симоида Аморгинскаго. Къ VII же вѣку относится перемѣна направленія письма послѣ нѣкоторыхъ переходныхъ формъ, постепенно приведшихъ къ окончательному установленію направленія слѣва направо. Къ тому же VII вѣку относится и введеніе папируса, тогда какъ до того времени писали на камнѣ, металлѣ, кожѣ (δερμάτι). Съ этого времени становятся болѣе удобными пространныя литературныя записи: и дѣйствительно, къ первой половинѣ VI в. относится Анаксимандръ Милетскій, первый философъ, оставившій по себѣ письменный трудъ, порыве прозаики Кадмъ Милетскій и Ферекидъ Сирскій, а въ половинѣ VI вѣка, какъ извѣстно, Пизистратъ, тиранъ афинскій, велѣлъ записать поэмы Гомера, обвинавшія десятки тысячъ стиховъ.

Б. Н. Некрасовъ прочелъ докладъ: „Объ общемъ направленіи публицистической критики въ отношеніи учителей-педагоговъ“, при чемъ референтъ, приводя выдержки изъ разныхъ газетныхъ статей, показалъ, насколько несправедливо судить наша печать о нелегкомъ и нуждающемся въ поддержкѣ и сочувствіи трудѣ многихъ добросовѣстно и съ умѣніемъ исполняющихъ свой долгъ учителей-педагоговъ.—Докладъ г. Некрасова напечатанъ былъ въ одномъ изъ июньскихъ номеровъ Нового Времени.

Засѣданіе 14-го марта 1901 года. *Θ. Ф. Зильтинскій* прочелъ первую половину своего доклада: „Судьбы астрологин въ греко-римскомъ мірѣ“—объ астрологин въ Греціи. Свой докладъ *Θ. Фр.* началъ съ указанія на то, что лишь въ самое послѣднее время историко-филологическая наука обратилась къ изученію обширнаго, за послѣдніе годы еще возросшаго матеріала, завѣщаннаго намъ царившею въ теченіе двухъ слишкомъ тысячелѣтій надъ умами людей наукою, *αστρολογίαι*, въ созданіи которой самую видную роль играли греки. Рядомъ съ филологической обработкой матеріаловъ, сдѣлана также попытка научнаго обобщенія всей названной области въ цѣлой книгѣ Буше-Леклерка (*Bouché Leclercq*): *L'astrologie grecque*, Paris 1899. Эта книга дала толчекъ и автору доклада къ его изслѣдованіямъ и соображеніямъ въ этой области.

Послѣ этихъ вступительныхъ объясненій *Θ. Фр.* въ яркихъ краскахъ изобразилъ древнѣйшее міровозрѣніе Греціи, вылившееся въ ся

народномъ творествѣ: проникнутое догматомъ всемірной симпатіи (*συμπάθεια τῶν ὄλων*), оно одухотворяло всю вселенную, а въ частности ставило и звѣздное небо въ ближайшее родство и тѣсную связь съ земными существами. Почва была какъ нельзя болѣе благоприятна для воспріятія халдейскихъ астрологическихъ ученій. Охарактеризовавъ кратко несложную сущность этихъ послѣднихъ, докладчикъ представилъ дальше, какъ и безъ того уже благоприятная въ Греціи „почва народнаго сознанія, для того, чтобы она могла воспринять и выростить восточное сѣмя, была всахана сохой *философской мысли*“. Уже въ VI-мъ, а главнымъ образомъ въ V-мъ и IV-мъ вѣкахъ греческая философія, развивая и приводя въ стройныя системы греческія народныя воззрѣнія, опредѣляла и отношеніе ихъ къ положеніямъ астрологін: благоприятно къ нимъ отнеслись уже іонійскіе физики, спеціально Гераклитъ, и школа Пифагора, но въ особености плодотворными оказались ученія Эмпедокла и еще болѣе Платона. Враждебно къ астрологическимъ догматамъ въ своемъ корнѣ, хотя и не во всѣхъ частностяхъ, была система Аристотеля, а равнымъ образомъ и школа эпикурейцевъ; за то вѣрнѣйшую союзницу астрологія нашла себѣ въ школѣ стоической, благодаря центральному въ ней догмату о существованіи божества и заботѣ его о человѣкѣ.—Наконецъ въ III-мъ вѣкѣ, послѣ завозованій Александра Великаго, произошло особенно близкое сліяніе съ восточной цивилизаціей, ученицею которой продолжала себя сознавать Греція. Посредникомъ между нею и Египтомъ выступилъ Манефонъ, а съ Вавилономъ и его древней ученостью ее снова связалъ вавилонскій жрецъ Беросъ: въ его-то школѣ, на островѣ Косѣ, вѣроятно и было достроено, по словамъ докладчика, зданіе *научной греческой астрологін* изъ соединенія „восточнаго оккультизма съ греческой наукой“. Разъясненіемъ главнѣйшихъ теорій, получившихъ здѣсь свое начало и царившихъ затѣмъ, лишь съ небольшими измѣненіями, десятки вѣковъ, референтъ закончилъ первую часть своего доклада.

В. Н. Некрасовъ прочелъ свой отзывъ о книгѣ проф. Ю. А. Кулаковского: „Смерть и бессмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ“, напечатанный въ Филологическомъ Обзорѣніи т. XIX.

Засѣданіе 11-го апрѣля 1901 года. *Ө. Фр. Зильинскій* читалъ о судьбахъ астрологін въ Римѣ. Паломнивъ въ краткихъ чертахъ первую половину своего реферата, прочитанную въ предшествующемъ засѣданіи (объ астрологін въ Греціи), докладчикъ началъ съ указанія причинъ, способствовавшихъ развитію астрологін въ періодъ рес-

публики (появленіе даровитой личности Посидонія, этого „философа астрологіи“ и переживание римскимъ обществомъ такого состоянія, когда вѣра въ астрологию стала для него логической необходимостью). Упомянувъ далѣе о появленіи перваго римскаго астролога-антератора (Нигидія Фигула) и о соперничествѣ въ Римѣ астрологовъ халдеевъ съ астрологами египтянами, референтъ перешелъ къ главной части своего доклада—судьбамъ астрологіи въ періодъ имперіи. Изложеніе свое авторъ раздѣлилъ на три главныя части: I—отношеніе къ астрологіи императора и придворныхъ, II—греко-римскаго общества, III—греко-римской науки. Приведа общезвѣстные факты объ астрологіи въ правленіе Августа и Тиберія, докладчикъ сдѣлалъ выводъ, что астрологія была союзницей императорской власти, но союзницей опасной, такъ какъ придворные знакомились съ генитурой императора. Поэтому ограничительныя мѣры противъ астрологіи начинаются уже при Августѣ; при Тиберіи поводомъ къ преслѣдованію астрологовъ послужило дѣло Друза Либона. Біографіи дальнѣйшихъ императоровъ полны исполненными предсказаніями астрологовъ. Часты также обвиненія противъ лицъ, вопрошающихъ о судьбѣ императора, или женщинъ, интересовавшихся его женитьбой. Проблески здраваго смысла со стороны императоровъ противъ этихъ преслѣдованій были очень рѣдки; къ числу таковыхъ проблесковъ относятся слова М. Аврелія Луцію Веру: „Никто не убиваетъ своего преемника“. Стремленія астрологовъ оградить себя отъ преслѣдованій начинаются съ Фирмика Матерна (при Константинѣ Великомъ). Онъ совѣтуетъ своимъ братьямъ давать отвѣты публично, а о судьбѣ императора не говорить вовсе, такъ какъ онъ одинъ не подлежитъ вліянію звѣздъ. Но эта мысль Фирмика пропала даромъ: астрологія считалась поблагонадежной до конца античнаго міра.

Что касается греко-римскаго общества, то и среди него астрологія пользовалась популярностью, такъ какъ это общество испытывало вліяніе римскаго двора. Объ этой популярности свидѣлствуютъ намъ писатели: Гораций, Вергилій, Проперцій, Овидій и, особенно, Манилій, который пишетъ дидактическую поэму астрологическаго характера. О вліяніи астрологіи на женщинъ краснорѣчиво говоритъ Ювеналь. Что же дѣлала при усгѣхахъ астрологіи греко-римская наука? Она, конечно, боролась, но шансы не были на ея сторонѣ. Изученіе этой борьбы астрологіи и науки возможно только при болѣе тщательномъ изученіи источниковъ, а потому пока возможно только самое общее изложеніе. Наука не могла осаривать главнаго догмата

астрологін—міровой симпатін, такъ какъ это значило бороться противъ основного воззрѣнія греческаго міросозерцаія. Затѣмъ астрологія опиралась на глубокую древность, на вѣру народа, и требовала доказать противное своему ученію, что было невозможно. Если же противники приводили какое-нибудь серьезное возраженіе, то астрологія сейчасъ дополняла и исправляла свою систему и такимъ образомъ выходила изъ борьбы торжествующей. Астрономія обратила въ свою вѣру самаго знаменитаго астронома древности—Клавдія Птолемея, который оградилъ астрологію со стороны астрономіи такъ же, какъ Посидоній со стороны философіи. Не потерялась астрологія и съ началомъ христіанства. Тутъ ей помогъ неоплатонизмъ. Онъ придалъ астрологін такую безобидную форму, что она могла ужиться со всякой религіей, не исключая и христіанской. Въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству астрологія удачно воспользовалась тѣмъ, что въ моментъ рожденія Иисуса Христа на небѣ явилась звѣзда, а первые поклонились ему волхвы. Значить, заключала астрологія, Создатель міра пользуется звѣздами, чтобы объявить людямъ о важномъ событіи, а такъ какъ смыслъ этого знаменія поняли только волхвы, то, значить, эта наука богоугодна. Волхвы поклонились Спасителю, принесли ему въ даръ свою науку; такимъ образомъ она должна быть освящена купелью крещенія. Изъ христіанъ наиболѣе мягко отнеслась къ астрологін александрійская школа богослововъ (Оригенъ). Когда (въ 399 г.) Оригенъ объявленъ былъ еретикомъ, то астрологія на востокъ успѣла уже проскользнуть въ Византію. Затѣмъ на западѣ ожесточеннымъ врагомъ астрологін явился блаж. Августинъ, противники котораго пелагианцы также были противъ астрологін, такъ какъ они отстаивали полную свободу воли. И изъ этихъ затрудненій астрологія вышла съ честью, но это было уже во 2-й половинѣ среднихъ вѣковъ.

Докладъ О. Фр. Зѣлинскаго напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1901 г., окт. и ноябр. книжки.

Рефератъ С. А. Жебелева, прочитанный, за отсутствіемъ докладчика, г. предсѣдателемъ общества, представлялъ собою разборъ 2 книгъ: Н. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. Tome I и P. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Последнее сочиненіе, по мнѣнію докладчика, гораздо выше перваго. Отзывъ о книгѣ Guiraud напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣи т. XIX.

Засѣданіе 2-го мая 1901 года. П. П. Зоренцфрей прочелъ докладъ о книгахъ М. Schmidt'a: 1) Zur Reform der klassischen Studien auf den Gymnasien, 2) Realistische Stoffe im humanistischen Unterricht и

3) *Realistische Chrestomathie aus der Litteratur des klassischen Alterthums*. Отзывъ г. Зоргенфрея напечатанъ въ Филологическомъ Обозрѣніи т. XIX.

ЗА 1901—1902 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Въ составѣ правленія общества не произошло никакихъ измѣненій. Въ число почетныхъ членовъ избраны были г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Григорій Эдуардовичъ Зенгеръ и попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Николаевичъ Шварцъ. Скончался изъ числа дѣйствительныхъ членовъ общества преподаватель VI гимназій М. А. Кеммерлингъ, память котораго была почтена въ засѣданіи 6 марта 1902 года.

Всѣхъ засѣданій въ отчетномъ году было девять; докладовъ на нихъ прочтано было семнадцать.

Засѣданіе 10-го октября 1901 года. *В. Н. Некрасовъ* прочелъ докладъ: *о значеніи гуманитарныхъ предметовъ въ системѣ среднего образованія*.

Содержаніе доклада г. Некрасова въ существенной своей части состоитъ изъ опредѣленія характера гуманитарныхъ идей и обуславливаемого ими міровоззрѣнія. Авторъ между прочимъ говоритъ: „Характерное отличіе гуманитарныхъ идей отъ другихъ, почерпаемыхъ изъ ознакомленія съ природой,—помимо первенствующаго значенія ихъ объекта (т.-е. человѣка) въ живомъ мірѣ, состоитъ еще и въ томъ, что гуманитарныя идеи могутъ измѣнять и на самомъ дѣлѣ измѣняютъ теченіе жизни человѣческой среды, тогда какъ тѣ идеи, что составляютъ достоинствѣ естественныхъ наукъ, не вносятъ измѣненій въ жизнь природы“. Въ связи съ характеристикой области гуманитарнаго мышленія, авторъ разсматриваетъ вопросъ о сущности педагогическихъ стремленій общеобразовательной школы. Главная цѣль, преслѣдуемая этой школой, должна состоять въ разностороннемъ развитіи логической способности юнаго ума. Подъ разностороннимъ же развитіемъ ума должно разумѣть организацію такого умственнаго построенія, въ которомъ сказывалось бы умѣніе мысли ориентироваться въ различныхъ областяхъ вѣдѣнія, т.-е. извѣстное посвященіе въ сущность разнообразныхъ объектовъ знанія. Наибольше цѣннымъ моментомъ для кліента средней школы высшаго типа должно быть развитіе логической способности къ созданію въ себѣ сознательнаго отношенія къ міру религиозно-нравственныхъ идей, какъ достоянію чистаго ра-

зума, всегда честнаго въ противоположность чувству. Примѣнительно къ этимъ соображеніямъ общаго характера авторъ доклада опредѣляетъ впрядь значеніе отдѣльнаго предмета въ учебной программѣ новообразуемой школы, при чемъ высказывается объ исторіи въ слѣдующихъ словахъ: „Отнынѣ, когда свѣдѣнія, связанныя съ изученіемъ греческаго языка, уступаютъ свое мѣсто другимъ предметамъ въ средней школѣ,—пусть исчезающая струя гуманитарнаго воздѣйствія на юные умы присоединится къ потоку нравственной стихіи историческихъ занятій. Пусть тотъ философскій элементъ общенія между учителемъ и учениками, при чтеніи хотя бы Ксенофонта и Платона, скрашиваетъ впрядь уроки политической исторіи античной Греціи. Пусть на представителяхъ ея культуры узнаютъ юноши, какъ попираютъ геніи ума стараніе вѣковъ ихъ развѣчивать для попой жизни; какъ современны эти геніи, всегда обладая тайной разгадывать ту общечеловѣческую правду, для которой нѣтъ времени, нѣтъ и пространства“.

Охарактеризовавъ, къ слову, великую личность Сократа какъ мыслителя-моралиста, авторъ заканчиваетъ свою рѣчь такъ: „Таковы мысли великаго Сократа. Онѣ глубоко справедливы и теперь, какъ справедливы были 23 столѣтія назадъ. А вдумываясь въ эти мысли, невольно пожелаешь одного: побольше бы такихъ идей запаало въ душу каждаго ученика! Тогда бы въ школѣ, озаренной христіанскимъ свѣтомъ, умъ со своею честной прозой былъ навѣрно плѣснень религіозно-нравственной поэзіей души и преклонился бы предъ нею!“.

В. В. Латышевъ прочелъ докладъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ въ 1900 году. Докладъ этотъ непосредственно примыкалъ къ читанному имъ же 22-го ноября 1900 года „О раскопкахъ въ Херсонесѣ за послѣдніе годы“, т. е. до 1899 года включительно. Напомнивъ вкратцѣ о ходѣ раскопокъ до 1900 года, докладчикъ затѣмъ по начерченному имъ на доскѣ плану указалъ дальнѣйшее движеніе работъ въ 1900 г. Выяснивъ причины, почему пришлось отложить пока разрытіе внутреннихъ частей города и продолжать раскопку ближайшихъ къ стѣнѣ частей, только по правую сторону отъ того пролома, который составлялъ границу прежнихъ раскопокъ,—В. В. поименовалъ и охарактеризовалъ главнѣйшіе результаты новыхъ раскопокъ: раскрытіе самой стѣны, замѣчательной кладки, съ двумя въ ней, одна подъ другой, каменными, затѣмъ множество любопытныхъ находокъ въ открытой части некрополя, дагѣе два колодца, одинъ повидимому негодный и обращенный въ мѣсто сброса мусора, другой, служившій для водоснабженія города, печь для обжиганія амфоръ и др. Многіе изъ упоминаемыхъ

предметовъ были представлены слушателямъ и въ фотографическихъ снимкахъ.

Засѣданіе 31-го октября 1901 года. *Θ. Фр. Зильмскій* прочелъ докладъ: „О сущности и значеніи ритмическаго элемента въ рѣчахъ Цицерона“.

Приведа и разобравъ сужденія самого Цицерона и Квинтилиана о необходимости соблюденія въ концѣ періодовъ извѣстнаго ритмическаго закона, сущность и объемъ котораго однако ими опредѣляется очень неполно, докладчикъ вкратцѣ изложилъ несложную исторію этого вопроса въ новѣйшее время вплоть до послѣднихъ явленій въ этой области: нѣкоторыхъ отдѣловъ книги Norden'a о художественной прозѣ въ древности и спеціальнаго изслѣдованія Wolf'a De clausulis Ciceronianis. Но послѣднее сочиненіе, по отзыву докладчика, несмотря на обширный собранный матеріалъ, не внесло ясности въ разбираемый вопросъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе слишкомъ механическихъ, а не органическихъ принциповъ группировки матеріала. Затѣмъ докладчикъ представилъ статистическіе выводы изъ собраннаго имъ и тщательно разобраннаго матеріала, расположивъ притомъ различныя ритмическія фигуры заключеній періодовъ по степени встрѣчаемости ихъ у Цицерона; при этомъ все лучшія и значительно чаще другихъ примѣняемая формы заключенія (70%) были объяснены докладчикомъ, какъ органически составляющіяся изъ крѣтиска съ надбавкой, постепенно нарастающей. Строгое соблюденіе Цицерономъ этихъ правилъ дало референту возможность сдѣлать рядъ весьма любопытныхъ выводовъ: во-первыхъ, въ отношеніи просодіи и отчасти грамматики (напримѣръ, *deesset, deero; ceperimus, proposueritis, fuerimus; illius, unius; deprehendi, reprehendendum, comprehenderent; laudum, а не laudium*); во-вторыхъ, для критики текста и оцѣнки достоинства рукописей, наконецъ, въ одномъ указанномъ докладчикомъ чрезвычайно интересномъ случаѣ, даже для освѣщенія вопроса объ отношеніи авторовъ къ своимъ источникамъ: такъ ритмическія соображенія рѣшаютъ въ пользу подлинности письма Лентула у Саллюстія, а не у Цицерона.

Г. Г. Зоргенфрей познакомилъ собраніе съ трудомъ К. Поля: „Lehrbuch der Reform-Pädagogik für höhere Lehranstalten“. Рецензія г. Зоргенфрея напечатана въ Филологическомъ Обзорѣиіи т. XX.

Засѣданіе 28-го ноября 1901 года. *П. П. Соколовъ* прочелъ докладъ: „Къ хронологіи гимновъ Каллимаха“, при чемъ привелъ въ собственномъ стихотворномъ переводѣ гимнъ Каллимаха εις Ἀπόλλωνα.

Докладъ г. Соколова напечатанъ въ Филологическомъ Обзорѣніи т. XX.

Э. Ю. Керберъ прочелъ свой докладъ на тему: „Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ преобразованія средней школы въ отношеніи развитія идейности въ ученикахъ“. Опредѣливъ свой взглядъ на высшія цѣли средняго образованія (понимать мысли другихъ, умѣть критически ихъ разобрать и возможно точнѣе передать другимъ) и указавъ на одностороннее обсужденіе въ прессѣ школьнаго вопроса и на причину такой односторонности, докладчикъ привелъ какъ одно изъ хорошихъ послѣдствій введенной реформы—то, что классическія гимназіи будутъ освобождены отъ элементовъ, не стремящихся къ высшему образованію и ищущихъ только знаній, непосредственно примѣнимыхъ къ жизни, а затѣмъ исчислилъ цѣлый рядъ нежелательныхъ послѣдствій: 1) пониженіе общаго умственнаго уровня, 2) упадокъ эстетическаго развитія, 3) переходъ отъ жизнерадостнаго идеализма лучшихъ представителей молодежи къ утилитарному эгоизму или угрюмому пессимизму (въ зависности отъ успѣховъ на жизненномъ поприщѣ). Подтвердивши такой взглядъ рядомъ наблюденій преимущественно надъ воспитанниками такихъ учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ и классическое и реальное отдѣленіе, докладчикъ въ заключеніе выставилъ слѣдующіе тезисы: 1) масса не можетъ быть судьей о годности и негодности различныхъ системъ образованія; 2) слѣдовало бы ограничиться умноженіемъ реальныхъ и техническихъ школъ въ размѣрѣ 4 на одну гимназію; 3) для лучшей по способности и стремленіямъ части молодежи слѣдовало бы оставить гимназіи съ полнымъ курсомъ обоихъ древнихъ языковъ, безъ утрировки, конечно, грамматической стороны; 4) большую пользу могли бы принести умѣлые, опытные и гуманные руководители (школьные совѣтники, *Schulrätthe*), которые своими указаніями содѣйствовали бы усовершенствованію методовъ преподаванія преимущественно молодыхъ преподавателей.

Докладъ г. Кербера вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ на замѣчанія г. Стефанова (гостя), что классическая система была вызвана главнѣйшимъ образомъ политическими соображеніями, что всегда имѣла противъ себя общественное мнѣніе, что древніе языки являлись ненужнымъ тормазомъ, задерживающимъ развитіе молодежи, — послѣдовалъ цѣлый рядъ возраженій: при проведеніи классической реформы имѣлись въ виду именно образовательныя цѣли, а не политическія (В. В. Латышевъ); такое заблужденіе и предразсудокъ былъ вызванъ тогдашнимъ настроеніемъ общества, и можно надѣяться, нынѣ

этотъ кошмаръ отпадетъ (Варнеке); ошибка заключалась, быть можетъ, только въ томъ, что всю Россію захотѣли провести черезъ классическую школу, не было одновременно достаточнаго количества реальныхъ школъ (Образцовъ, Лютеръ и Смирновъ); проведенъ былъ принципъ пропускать только способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ, но не путемъ усиленнаго прохожденія лишь древнихъ языковъ, а также и математики (Латышевъ, Образцовъ); общественное мнѣніе вовсе не было такъ единогласно настроено противъ классицизма, газетные толки не представляютъ отраженія общественнаго мнѣнія (г. Араловъ).

Засѣданіе 12-го декабря 1901 года. *Б. Вл. Фармаковскій* сдѣлалъ сообщеніе о раскопанномъ ямѣ въ Ольвіи монументъ Еврисивія и Ареты.

Указавъ на громаднѣйшій интересъ, который представляетъ археологій Россіи вообще и въ особенности археологій юга Россіи, докладчикъ далъ въ краткихъ чертахъ обзоръ изслѣдованій, производившихся въ древней Ольвіи, близъ села Парутина Херсонской губерніи. Затѣмъ онъ перешелъ къ собственнымъ своимъ раскопкамъ 1901 года, при которыхъ былъ открытъ и монументальнѣйшій склепъ Еврисивія. Указавъ на его положеніе, Б. Вл. перешелъ къ подробному описанію склепа и демонстрировалъ фотографіи, представляющія виды склепа внутри и снаружи. Извѣстный уже давно, склепъ былъ раскопанъ и обследованъ полностью только въ 1901 году. Изъ него несомнѣнно происходитъ надпись, изданная проф. Э. Ф. Штерномъ и В. В. Латышевымъ (*Inscr. Ponti, IV, № 461*). Слѣдуя проф. Э. Ф. Штерну, докладчикъ полагалъ, что слова надписи: „ἐν ἡμέραις 17“ представляютъ приписку новѣйшаго времени. Потомъ докладчикъ обратился къ вопросу о времени сооруженія склепа. Какъ архитектура сооруженія, такъ и всѣ находки въ склепѣ позволяютъ съ увѣренностью датировать его концомъ II или началомъ III вѣка по Р. Хр. За то же говорить и алфавитъ надписи съ именами Еврисивія и Ареты.—Изъ находокъ особеннаго вниманія заслуживаютъ фрагменты большой вазы, покрытой красивой зеленой глазурью. Давъ въ общихъ чертахъ исторію глазури и эмали, докладчикъ указалъ на особую распространенность такой посуды въ эпоху римской имперіи. Въ Ольвію подобная посуда могла скорѣе всего попадать черезъ культурные центры Малой Азіи. Большаго вниманія заслуживаетъ фрагментъ разноцвѣтнаго стекляннаго сосуда техники такъ называемаго теперь въ Венеціи *mille fiori*. Открытый въ Ольвіи склепъ представляетъ, такимъ образомъ, выдающійся памятникъ античной культуры на почвѣ нашего юга.

По поводу мнѣнія, высказаннаго докладчикомъ относительно приписки упомянутой надписи, В. В. Латышевъ, вопреки утверженію проф. Штерна, убѣдительно развилъ свое мнѣніе, что приписка эта не есть позднѣйшая фальсификація, но, по всей вѣроятности, сдѣлана еще въ древнее время, быть можетъ самими же соорудителями склепа. Докладъ Б. Вл. Фармаковского напечатанъ въ Изв. Имп. Арх. Ком. 1902, вып. 3.

Б. Н. Некрасовъ прочелъ докладъ: „Нѣкоторыя соображенія, вызываемыя основными положеніями устройства общеобразовательной средней школы“. Въ своемъ докладѣ референтъ указываетъ на несоотвѣтствіе между предназначеніями высшихъ педагогическихъ сферъ въ пору начального момента реформы, ознаменованнаго министерскимъ циркуляромъ отъ 8-го іюля 1899 года гг. попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ—съ одной стороны, и съ другой—результатомъ трудовъ особой Высочайше утвержденной комиссіи по улучшенію школьнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по скольку результатъ этотъ выражается въ осуществляемой уже реформѣ. Имѣлось въ виду усовершенствовать оба функционировавшихъ типа нашей средней школы—классическую гимназію и реальное училище, а на дѣлѣ проводится принципъ единой правительственной общеобразовательной школы. О первомъ тезисѣ основныхъ положеній устройства общеобразовательной средней школы, по которому „общеобразовательная средняя школа должна быть единою“, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода, говорится какъ о заслуживающемъ особаго вниманія по той причинѣ, что этотъ тезисъ, служа исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи вопросовъ, связанныхъ съ учебнымъ дѣломъ, объявляется какъ бы орудіемъ, разсѣкающимъ ихъ гордіевъ узелъ. Референтъ находитъ, что рѣшеніе школьнаго вопроса въ смыслѣ организаціи единой средней школы лишено той прочной, логически ясной основы, которая бы убѣдительно свидѣтельствовала, что корень зла, присущаго нашему педагогическому дѣлу, заключается именно въ отсутствіи этого единства въ нашемъ среднемъ образованіи.—Обсужденіе „основныхъ положеній“ референтъ заканчиваетъ словами: „Въ общемъ впечатлѣніе отъ программы новаго общеобразовательнаго курса то, что проектируемая средняя школа не идетъ навстрѣчу интересамъ ни высшихъ прикладныхъ ученыхъ заведеній, понизивъ требованія по математикѣ, ни университетовъ, содѣйствуя скорѣе образованію въ своихъ кліентахъ практическаго склада ума, чѣмъ развитію въ нихъ умозрительной способности мышленія“.

Заключает докладчик свой рефератъ слѣдующимъ образомъ: „высказанія нами соображенія—по характеру своему несходны съ господствующимъ настроеніемъ повседневной нашей печати. И намъ поэтому остается только пожелать, чтобы къ организуемой средней школѣ не пришлось со временемъ примѣнить слова Фокіона о морали: „когда толпа одобряетъ и рукоплещетъ, нужно тотчасъ же обратиться къ себѣ съ вопросомъ: въ чемъ же я ошибся, или погрѣшилъ?“

Годичное засѣданіе 23-го января 1902 года. Прочитанъ былъ Борисомъ Вас. Варнеке стихотворный переводъ еврипидова *Ипполита*, составленный *И. Ѡ. Аппенскимъ* и напечатанный затѣмъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

Засѣданіе 13-го февраля 1902 года. *А. М. Ловягинъ* прочелъ докладъ, озаглавленный имъ: „Попытка оживить античныя вѣрованія (по поводу двухъ романовъ Д. С. Мережковского)“. Въ русской литературѣ, по замѣчанію докладчика, античный элементъ представленъ мало. Тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, обращаютъ на себя вниманіе два сочиненія, въ которыхъ этотъ элементъ играетъ громадную роль, романы Мережковского: „Смерть боговъ“ и „Воскресшіе боги“. Авторъ этихъ романовъ противопоставляетъ античныя вѣрованія христіанскимъ и рисуетъ намъ, въ эпоху паденія язычества и въ эпоху возрожденія, борьбу однихъ вѣрованій съ другими; по мнѣнію референта въ обоихъ романахъ ясно замѣтно желаніе представить возможнымъ синтезъ обоихъ вѣрованій, намѣчавшійся, какъ это изображено у г. Мережковского, не только въ возрѣніяхъ многихъ дѣятелей IV и XIV—XV вѣковъ, но и въ исторіи изобразительныхъ искусствъ того же времени. — Докладъ г. Ловягина въ главной своей части былъ напечатанъ въ журналѣ „Литературный Вѣстникъ“ 1901, кн. 8.

Э. Ю. Керберъ прочелъ докладъ: „О главныхъ задачахъ школьной гигиены съ точекъ зрѣнія нравственной и физиологической“. Въ немъ референтъ остановился, во-первыхъ, на вопросѣ о томъ, какой системы и какихъ методовъ должно придерживаться преподаваніе, дабы учениковъ не обременяло домашнее приготовленіе къ урокамъ и не утомляли чрезмѣрно классныя занятія; затѣмъ, какимъ условіямъ должны въ гигиеническомъ отношеніи удовлетворять классныя помѣщенія, а также и рекреационныя залы и помѣщенія для гимнастическихъ упражненій; наконецъ докладчикъ развилъ свои мысли о томъ, какое, по его мнѣнію, положеніе долженъ былъ бы занимать въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ гигиены школьный врачъ.

Засѣданіе 6-го марта 1902 года. *Б. Вл. Фармаковский* сдѣлалъ

сообщеніе о катакомбѣ *Месаретъ-Абу-Схейлъ въ Пальмиру*. Указавъ на неполноту изданія фресокъ профессоромъ Стржигловскимъ (*Orient oder Rom* 1901), докладчикъ перешелъ къ детальному описанію катакомбы и ея живописи. Сюжеты картинъ—миологическія сцены и портреты погребенныхъ. Въ первыхъ проглядываетъ идея о неизбежности судьбы. Портреты сдѣланы на цитахъ (εἰχόνες ἔνοπλοι, imagines clipeatas), поддерживаемыхъ Викторіями. Остановившись подробно на выясненіи значенія изображеній Викторій съ портретами и на исторіи мотива такихъ изображеній, докладчикъ перешелъ къ общей характеристикѣ росписи Пальмирской катакомбы. Хотя въ ней покоились вѣчнымъ сномъ арамейцы, роспись обнаруживаетъ чисто греческія воззрѣнія. Безъ сомнѣнія, авторы ея были греки, воспитанные въ духѣ эллинистической цивилизаціи. Роспись катакомбы, относящаяся ко времени около 259 г. по Р. Хр., представляетъ драгоцѣнный памятникъ для исторіи искусства и даетъ понятіе о томъ, на какой высотѣ оно стояло на востокѣ еще въ III в. по Р. Хр. Въ основу новаго христіанскаго искусства, которое формируется именно въ это время, легло не искусство Рима, а эллинистическаго востока.

Вторымъ докладчикомъ былъ *В. В. Латышевъ*, который сдѣлалъ сообщеніе о цѣломъ рядѣ весьма любопытныхъ эпиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ за послѣднее время на югѣ Россіи. Наиболѣе замѣчательные изъ нихъ слѣдующіе: найденная въ Ольвіи свинцовая дощечка (разломанная на двѣ части), которая была предъявлена собранію въ подлинникъ; на ней В. В.—чу удалось по сохранившимся остаткамъ вырѣзанныхъ словъ разобрать любопытное письмо частнаго характера отъ отсутствующаго главы семейства къ своимъ домашнимъ, съ распоряженіями о переходѣ въ другой домъ въ случаѣ изгнанія изъ собственнаго (кредиторомъ?).

Затѣмъ докладчикомъ объяснены были обломки Херсонскаго декрета, предложеннаго магистратами „νομοφύλακες“ и надпись о постройкѣ стѣны, найденная въ Мангупъ-Кале, съ упоминаніемъ ральше нигдѣ не встрѣчавшейся должности ὑποθηρητής. Особенно много надписей, преимущественно надгробныхъ, дала почва древняго Боспорскаго царства: между ними интересна обрамленная надпись, заключающая въ себѣ только слово „στратηγῶν“, которую В. В. съ большимъ вѣроятіемъ истолковалъ какъ выѣску при входѣ въ особое мѣсто погребенія стратеговъ на общемъ кладбищѣ. Подробнѣе докладчикъ остановился еще на одной стихотворной надгробной надписи, гдѣ говорится о пристрастіи погребеннаго подъ ней къ Вакху; что подобный мотивъ пред-

ставлялъ не рѣдкость въ надгробныхъ надписяхъ у древнихъ, референтъ подтвердилъ рядомъ примѣровъ изъ антологій. Наконецъ докладчикъ отмѣтилъ еще нѣкоторыя надписи замѣчательныя или по вышнему своему виду (напримѣръ, двойное употребленіе одного надгробнаго памятника), или потому, что представляютъ подлинникъ къ подложной копій, ранѣе уже извѣстной.—Докладъ В. В. Латышева напечатанъ въ Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссіи за 1902 г., вып. 3-й.

Засѣданіе 27-го марта 1902 года. А. Г. Маленъ прочелъ рефератъ „Изъ области церковной латыни“, которымъ имѣлъ въ виду доказать, что циркулирующіе нынѣ тексты загадокъ перваго латинскаго поэта Англій, епископа Альдгельма († 709), не соответвуютъ потребностямъ современной филологической науки.

Докладъ А. Г. Маленна напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

Ө. Фр. Зьлинскій прочелъ докладъ: „О фабуль Менэхмовъ до и послѣ Плавта“. Указавъ на присутствіе мотива „братствъ близнецовъ“ во множествѣ народныхъ сказокъ у разныхъ народовъ, докладчикъ подробно изложилъ содержаніе одной новогреческой сказки, построенной на этомъ мотивѣ. Древнегреческая комедія возникла также изъ сказокъ; позднѣе же—въ средней и новой античной комедіи—постепенно былъ исключенъ элементъ сверхъестественнаго, комедія приближается къ современной новеллѣ, фабула начинаетъ преобладать надъ характерами. Въ этомъ видѣ античная комедія перешла къ римлянамъ. Въ средніе вѣка Плавтъ совершенно забытъ, но въ эпоху возрожденія оживаетъ и комедія Плавта, притомъ въ двойномъ видѣ: на придворной сценѣ и въ школьныхъ представленіяхъ. Особенно въ этомъ послѣднемъ видѣ греко-римская драма имѣла значительное вліяніе на всю современную интеллигенцію. Такимъ путемъ комедіи Плавта дошли и до Англій, и здѣсь явились однимъ изъ корней, изъ которыхъ выросла классическая англійская драма. Первымъ, создавшимъ органическое сліяніе древней школьной комедіи съ болѣе національнымъ „моралитетомъ“, долженъ быть признанъ Марловъ, старшій современникъ Шекспира. Шекспиръ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, приведеннымъ докладчикомъ, былъ лично знакомъ съ подлинными комедіями Плавта, слышавъ ихъ вѣроятно на школьной сценѣ. Въ заключеніи докладчикъ подробно разобралъ „Комедію ошибокъ“ Шекспира, сравнивая весь ходъ дѣйствія, а также отдѣльныя сцены и характеры съ Менэхмами Плавта, и въ нѣкоторыхъ сценахъ съ Амфитріономъ его же, при чемъ

комедія Плавта почти во всѣхъ отношеніяхъ оказалась выше, законченнѣе и сценичнѣе передѣланнаго изъ нея юношескаго творенія Шекспира. Докладъ О. Фр. Зѣлянскаго напечатанъ въ собраніи сочиненій Шекспира, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. 1.

Засѣданіе 24-го апрѣля 1902 года. *Б. В. Вариек* прочелъ свой отзывъ о составленныхъ Д. С. Мережковскимъ стихотворныхъ переводахъ нѣкоторыхъ трагедій Эсхила (Прометей), Софокла (Царь Эдипъ, Эдипъ въ Колонахъ и Антигона) и Еврипида (Ипполитъ и Медея). На основаніи сравненія цѣлаго ряда мѣстъ перевода съ подлинникомъ, докладчикъ пришелъ къ выводу, что переводъ Д. С. Мережковскаго не только не достаточно точенъ, но въ немъ находится не мало мѣстъ, гдѣ смыслъ подлинника совершенно искаженъ.

И. О. Араловъ прочелъ составленный имъ въ размѣрѣ подлинника переводъ 1-ой книги Фастовъ Овидія.

Ф. Лютеръ.

ПАМЯТИ МОММЗЕНА ¹⁾.

1 ноября н. ст. въ Шарлоттенбургѣ близъ Берлина скончался на исходѣ 86 года жизни всесвѣтно знаменитый Моммзенъ. Преклонный возрастъ почившаго устраняетъ отъ этой кончины скорбь, сѣтованія и жалобы. Въ спокойномъ сознаніи неизбежности смерти можемъ мы повторить слова древняго поэта

. . omnes una manet nox
Et calcanda semel via leti

и вспомнить слова родного поэта, въ которыхъ вылилось его чувство при вѣсти о смерти другого великаго человѣка, соотечественника почившаго, достигшаго также преклоннаго возраста, поэта Гёте:

Предстала, и старецъ великій смежль
Орлиныя очи въ покоѣ..
Почилъ безмятежно, завѣ совершилъ
Въ предѣлѣхъ земномъ все земное.
Надъ дивною могилою не плачь, не жалѣй,
Что гевія черемъ настѣдѣ червей...

Но преклоняясь предъ неизбежностью этой утраты, трудно свыкнуться съ мыслью, что нѣтъ болѣе въ живыхъ этого великаго и властнаго царя науки...

Рѣдкая слава и мало кому достававшаяся знаменитость вывалили на долю этого человѣка при его жизни, и онъ стяжалъ ихъ своими исключительными дарованіями и упорнымъ, непрерывнымъ, поразительнымъ по своей напряженности трудомъ. 60 лѣтъ тому назадъ,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ собраніи Историческаго Общества Нестора Летописца въ Києвѣ, 16 ноября 1903 года.

въ 1843 году, выступилъ онъ на учено-литературное поприще, и съ тѣхъ поръ до самыхъ послѣднихъ дней его жизни выходили изъ подъ его пера все новыя и новыя ученые труды, общее число которыхъ перешло за тысячу. И во всѣхъ ихъ, большихъ и малыхъ по объему, давнихъ и самыхъ новѣйшихъ по времени изданія, представлялъ все тотъ же Моммзенъ въ царственномъ орелѣ абсолютнаго знанія, дивнаго владѣнія матерьяломъ, гениальной памяти, поразительнаго дара комбинаціи, орлиной остроты и свѣжести мысли, ясности и силы слова.

Памятникъ, который онъ создалъ себѣ своею ученою дѣятельностью, переживетъ вѣка, и на всѣ времена останется жить въ скрижаляхъ европейской науки его имя. Нерасторжимыми узами связалъ Моммзенъ свое имя съ Римомъ, и та вѣчность Рима, въ которую вѣрили римляне, когда влагали эту вѣру въ легенды, когда говорили о ней устами своихъ поэтовъ и гордыми словами историковъ даже въ ту пору, когда настоящее было омрачено готской грозой, а въ грядущемъ уже видѣлись тучи гуннскаго нашествія, та вѣчность, не посрамившая вѣры древнихъ, будетъ удѣломъ и для имени Моммзена...

Поразительная по своимъ размѣрамъ ученая продуктивность Моммзена, невѣроятное количество оставленнаго имъ ученаго наслѣдія лишаютъ меня всякой возможности пытаться представить здѣсь полный отчетъ о томъ, что сдѣлалъ Моммзенъ, а тѣмъ болѣе дать оцѣнку его великаго ученаго подвига такой рѣдкой продолжительности. Но я бы считалъ исполненнымъ свой долгъ въ отношеніи памяти нашего общаго учителя, если бы мнѣ удалось въ общихъ чертахъ намѣтить главныя теченія его ученаго творчества и назвать цѣльныя по преимуществу труды въ избранной имъ области знанія, которыми онъ вновь вспахалъ обширную ниву, гдѣ трудилось до него столько великихъ и малыхъ и будетъ трудиться послѣ него, пока живъ будетъ научный интересъ къ прошлому культурнаго человѣчества.

Сынъ пастора, родомъ изъ Голштиніи, Моммзенъ проходилъ свое университетское образованіе въ Килѣ по юридическому факультету, гдѣ и получилъ степень доктора правъ, которая позволила ему впоследствии занять кафедру римскаго права. Первая ученая работа Моммзена вышла въ Килѣ въ 1843 году. Она озаглавлена: *De collegiis et sodaliciis Romanorum*. Общій намекъ на ея содержаніе могутъ дать слѣдующія обозначенія главъ, на которыя раздѣлено изслѣдо-

ваніе: 1) De sodalitatibus sacris, 2) De collegiis opificum, 3) De collegiis sodaliciis, 4) De legibus contra collegia latis, 5) De collegiis licitis sub imperatoribus, 6) De iure collegiorum.

Съ первой страницы и до конца изслѣдованіе ведется непосредственно по матерьялу источниковъ, въ число которыхъ включены и надписи. Одинъ крупный эпиграфическій текстъ, давшій главный матерьялъ для пятой главы изслѣдованія, lex collegii Dianae — (памятникъ, найденный въ 1816 году и принадлежащій времени императора Адриана)—приложенъ къ книгѣ въ копіи съ критическими замѣчаніями. Въ этой работѣ уже виденъ будущій Моммзенъ.

Не нормы и формулы юридической мудрости римлянъ интересуютъ здѣсь молодого романиста, какимъ онъ былъ тогда по законченному университетскому образованію. Онъ владѣетъ этимъ матерьяломъ и властно пользуется имъ въ предѣлахъ поставленнаго себѣ вопроса; но вниманіе его сосредоточено на исторіи института отъ самыхъ раннихъ временъ до той поры, когда есть уже непосредственные свидѣтели, говорящіе намъ съ камня о томъ, какъ нормировалась жизнь обществъ въ предѣлахъ закона того времени и условіи тогдашняго быта. Въ своемъ изслѣдованіи онъ считается не съ теоріями и построениями, выставленными въ разработкѣ исторіи права современными учеными; онъ называетъ ихъ имена лишь изрѣдка въ примѣчаніяхъ, но считается исключительно съ источниками и въ предѣлахъ ихъ свидѣтельствъ возсоздаетъ исторію даннаго института. Такимъ остался Моммзенъ на всю жизнь и выпуская въ свѣтъ на склонѣ своихъ дней свой послѣдній крупный трудъ, *Das römische Strafrecht*, заявлялъ въ предисловіи: „Sodann habe ich mit den Quellen versucht einigermaßen mich abzufinden“.

Указаніемъ на будущаго Моммзена было въ этой его первой ученой работѣ привлеченію въ сферу источниковъ живого матеріала эпиграфическихъ свидѣтельствъ; онъ придавалъ ему особое значеніе и въ заключеніе своего послѣсловія писалъ такъ: „Короче и въ то же время полнѣе можно будетъ изъяснить форму коллегій, если вопросъ этотъ будетъ трактоваться въ корпусѣ римскихъ надписей, какъ дѣлаютъ то Бёкъ въ собраніи греческихъ эпиграфическихъ текстовъ. Но сколько еще времени придется намъ съ вождѣльніемъ ожидать этого? Смерть похитила Келлормана. О, если бы его мѣсто заступилъ почтенный мужъ, Янъ, профессоръ Грейфсвальдскій, подъ ауенціями котораго писалась моя книга, пока онъ былъ еще нашъ“ (т. е. состоялъ профессоромъ въ Килѣ).

Изъ за этого молодого романиста, который хочет поскорѣ видѣть собраннымъ въ одномъ корпусѣ весь эпиграфическій матерьялъ, вскорѣ выступилъ съ полной опредѣленностью филологъ и историкъ, когда въ 1846 году появились въ свѣтъ его труды: *Oskische Studien* и *Die römischen Tribus*, а въ 1850 году капитальное изслѣдованіе: *Die unteritalischen Dialecte*. Что же до того ученаго предпріятія, въ руководители котораго Моммзенъ прочилъ Яна, то судьба рѣшила иначе. 13 лѣтъ спустя, онъ самъ сталъ на пустовавшемъ со смерти Келлермана мѣсто, привелъ въ исполненіе эту колоссальную задачу и этимъ положилъ самый незыблемый камень своего научнаго памятника. Но прошли долгіе годы, прежде чѣмъ онъ могъ выпустить въ свѣтъ первый томъ корпуса латинскихъ надписей. Это случилось только въ 1863 году, и хотя съ тѣхъ поръ вышло около 30 огромныхъ фоліантовъ этого изданія, но и въ часъ своей кончины Моммзенъ могъ видѣть это предпріятіе, хотя и прочно поставленнымъ, но все еще не законченнымъ...

Своимъ великимъ дѣломъ Моммзенъ подвелъ итоги многолѣтнихъ усилій ученой мысли. Интересъ къ латинскимъ эпиграфическимъ текстамъ имѣетъ очень давнюю дату, къ давнимъ временамъ восходятъ и попытки собирать ихъ. Въ библіотекѣ Элизидельскаго монастыря хранится рукопись начала IX или конца VIII вѣка, въ которую благочестивый паломникъ, неизвѣстный намъ по имени, занесъ нѣсколько десятковъ эпиграфическихъ текстовъ, списанныхъ имъ не всегда правильно—съ памятниковъ Рима, а отчасти нѣкоторыхъ городовъ Италіи, черезъ которые лежалъ его путь. Были и отчасти сохранились и другіе такіе же сборники. Въ XIV вѣкѣ надписями интересовался знаменитый Кола ди Ріензи, который на основаніи эпиграфическаго текста объяснялъ римскому народу его права, а также и свои—самозваннаго, коронованнаго семью вѣнцами, римскаго трибуна. Съ начала XV вѣка интересъ этотъ получилъ ученый характеръ, составлялись сборники, изъ которыхъ нѣкоторые попадали въ печать, а другіе и доселѣ хранятся въ рукописяхъ въ разныхъ библіотекахъ Италіи.

Въ 1603 году, въ завершеніе многихъ работъ, появился даже корпусъ латинскихъ надписей, изданный Грутеромъ — *sub auspiciis Scaligeri et Valesii*. Цѣлый рядъ ученыхъ трудился надъ собраніемъ эпиграфическихъ текстовъ въ теченіе XVII, XVIII и начала XIX вѣковъ, и много сборниковъ появилось за это время общихъ, областныхъ или специальныхъ по группамъ памятниковъ. Въ этой связи заслуживаетъ особаго упоминанія двухтомный сборникъ, трудъ Орелли,

изданный въ 1828 году, съ систематическимъ подборомъ надписей—*ad illustrandam Romanae antiquitatis disciplinam* ¹⁾). Основаніе въ Римѣ въ 30-хъ годахъ международнаго ученаго учрежденія, *Instituto di corrispondenza archeologica*, оживило и усилило научный интересъ къ надписямъ. Но разбросанность этого матерьяла, а вслѣдствіе этого и малая доступность, ненадежность старыхъ изданій въ смыслѣ точности списковъ съ подлинника, включеніе въ сборники текстовъ подложныхъ, все это вмѣстѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ, что эта группа живыхъ и непосредственныхъ источниковъ знанія о древнемъ мірѣ стояла особнякомъ, интересъ къ надписямъ оставался своего рода любительствомъ и привлеченіе къ изслѣдованію эпиграфическихъ текстовъ имѣло характеръ случайности.

Осуществленію Бёкомъ изданія свода греческихъ надписей въ строго систематическомъ порядкѣ съ примѣненіемъ филологической критики къ текстамъ, трудъ, который началъ выходить выпусками въ 1825 году и былъ законченъ въ 1848 (третій томъ вышелъ уже по смерти Бёка въ 1853 году, а четвертый—въ 1856)—поставилъ на очередь вопросъ о такой же систематизаціи эпиграфическаго наслѣдія, оставленнаго античнымъ міромъ на латинскомъ языкѣ. Берлинская академія наукъ признала своей эту задачу, руководство въ ея осуществленіи возложено было на Келлермана, а за смертью его дѣло приостановилось, о чемъ и скорбѣлъ Моммзенъ въ заключительныхъ словахъ послѣловія своей первой ученой работы. Трехлѣтняя ученая командировка, съ 1844 по 1847 годъ, которой Моммзенъ воспользовался для пребыванія преимущественно въ Италіи, сблизила его съ великимъ итальянскимъ ученымъ, Боргезе, котораго послѣдствіемъ Моммзенъ охотно называлъ своимъ учителемъ. За это время Моммзенъ обдумалъ и выработалъ планъ изданія корпуса латинскихъ надписей, который и представилъ въ 1847 году Берлинской академіи наукъ ²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовилъ также свой первый огромный трудъ, которымъ началъ осуществленіе своего плана: въ 1851 году вышли въ свѣтъ два огромныхъ тома *in folio* подъ заглавіемъ *Inscriptiones Regni Neapolitani*. Здѣсь примѣнена та система, какою онъ предлагалъ для из-

¹⁾ Въ 1856 году вышелъ дополнительный третій томъ къ сборнику Орелли, принадлежащій Генпену.

²⁾ Ueber Plan und Ausführung eines Corpus inscriptionum latinarum, gedruckt als Handschrift für die Herren Mitglieder der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1847.

данія корпуса. Въ основу положенъ территоріальный принципъ: надписи распредѣлены по территоріямъ, а въ территоріяхъ по отдѣльнымъ городамъ и уже въ этихъ группахъ—въ систематическомъ порядкѣ по содержанію и въ хронологической послѣдовательности, поскольку она можетъ быть установлена или угадана. По возможности всѣ тексты проверены по подлинникамъ; къ сохранившимся въ подлинникѣ надписямъ присоединены и тѣ, какія оказались въ сборникахъ рукописныхъ и печатныхъ прежняго времени, а также въ разныхъ изданіяхъ. Примѣненіе ученой критики къ этому матеріалу привело къ выдѣленію значительнаго количества подложныхъ надписей, которыя и собраны въ началѣ тома съ особой нумераціей. Всякій текстъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ по своему содержанію, снабженъ точными указаніями на его мѣстонахожденіе, исторію (если онъ издавался), внѣшній видъ и сопровождается дополненіями, если они возможны, которыя въ отличіе отъ ланидарнаго шрифта, въ какомъ дается сохранившійся подлинный текстъ, печатаются курсивомъ, и наконецъ—критическими и подчасъ экзегетическими замѣчаніями. Въ заключеніе всего труда приложенъ цѣлый рядъ указателей, безъ которыхъ этотъ матеріалъ остался бы мало доступнымъ въ виду своей дробности и чрезвычайнаго разнообразія. Указатели разработаны по особой системѣ, которая облегчаетъ пользованіе этимъ матеріаломъ для различныхъ цѣлей: исторіи, хронологіи, географіи, грамматикѣ.

Другой аналогичный сборникъ издалъ Моммзенъ въ 1854 году подъ заглавіемъ: *Inscriptiones Confederationis Helvetiae Latinae*. Выборъ территоріи обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Моммзену пришлось пробыть два года въ Швейцаріи, съ 1852 по 1854 г., въ званіи профессора римскаго права въ Цюрихскомъ университетѣ. Изъ Цюриха Моммзенъ перешелъ въ томъ же званіи въ Бреславль и уже оттуда былъ приглашенъ въ 1856 году въ Берлинъ, гдѣ онъ уже перемѣнилъ факультетъ и занялъ кафедру древней исторіи. Въсѣтъ съ этимъ переходомъ на Моммзена возложено было Берлинской академіей наукъ осуществленіе его давней мечты: изданія корпуса латинскихъ надписей. Быстро началась организація подготовительныхъ работъ. По состоянію и количеству матеріала, рѣшено было выдѣлать въ первый томъ будущаго изданія древнѣйшія надписи до эпохи, каковой является смерть Цезаря, а весь остальной матеріалъ расположить по территоріальной системѣ отдѣльныхъ странъ. Примѣнительно къ количеству текстовъ, о которыхъ можно было приблизительно составить представленіе, на весь востокъ римской державы, начиная отъ

древней Паннионіи и Пллирика, отведенъ одинъ томъ (III-й), по одному тому отведено на Африку, Испанію, Британію, а Италія и Галлія подѣлены каждая на нѣсколько томовъ, при чемъ на городъ Римъ отдѣльно положенъ свой томъ (VI-й). Сначала изданіе было рассчитано на 12 томовъ; при исполненіи пришлось увеличить это число до 15, а многіе томы, въ свою очередь, разбились на цѣлый рядъ фолиантовъ. Хозяиномъ дѣла былъ Моммзенъ: онъ взялъ на себя общее руководство и значительную часть работы; онъ прискивалъ сотрудниковъ, увеличивалъ ихъ число, бралъ на себя окончаніе работы умиравшихъ до конца дѣла сотрудниковъ и непрерывно слѣдилъ за всѣмъ. Изданіе корпуса было его *Lebensaufgabe*, какъ говорятъ нѣмцы, и онъ вѣрно служилъ ей до своего послѣдняго издыханія.

Въ 1863 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ корпуса подъ редакціей и въ обработкѣ Моммзена (сводная таблица консульскихъ фастовъ принадлежитъ Генцену). Почти одновременно съ этимъ изданы были Ричлемъ въ точныхъ литографскихъ снимкахъ древнѣйшіе болѣе цѣльные намятники, вошедшіе въ этотъ томъ ¹⁾. Затѣмъ послѣдовалъ томъ II-й, заключавшій надписи Испаніи, изданный проф. Гюбнеромъ, и IV-й—надписи Помпей, Геркулана и Стабин, изданный Пангемейстеромъ. Въ 70-хъ годахъ дѣло изданія пошло быстрее: среди другихъ вышли томы III-й (1873)—надписи восточной половины имперіи и V-й (1876)—сѣверной Италіи, каждый въ двухъ частяхъ, изданіе которыхъ взялъ на себя самъ Моммзенъ. Являясь душею этого научнаго предпріятія, Моммзенъ просматривалъ корректуры всѣхъ листовъ, всѣхъ томовъ этого изданія и во всѣхъ томахъ во множествѣ разсыяны конъектуры, поправки, замѣтки, дополненія, принадлежащія ему, прибавленныя къ остальному тексту въ кривыхъ скобкахъ и отмѣченныя буквой *M*. Такимъ образомъ, корпусъ во всемъ его объемѣ является его изданіемъ, не въ ущербъ трудамъ тѣхъ ученыхъ, которымъ поручено было изданіе отдѣльныхъ томовъ.

Если бы изданіе преслѣдовало только одну цѣль: установленіе и группировку текстовъ, то и тогда колоссальный трудъ непосредственнаго руководства подобнымъ изданіемъ былъ бы достаточенъ, чтобы увѣковѣчить имя человека, которому онъ оказался подъ силу. Установленіе текстовъ и самая группировка ихъ предполагаютъ уже огромную предварительную работу и требуютъ универсальнаго знанія.

¹⁾ *Priscae latinitatis monumenta epigraphica ad archetyporum fidem exemplis lytographis repraesentata. 1862.*

Истолкованіе текстовъ и комментарий къ нимъ принципиально устранены изъ корпуса. Но для перваго тома Моммзенъ сдѣлалъ исключеніе. Въ этотъ томъ вошло не мало документовъ (Urkunden): тексты законовъ, календари, факты и др. Всѣ эти документы явились въ сопровожденіи обширныхъ комментариевъ, въ которыхъ истолкованы и всесторонне освѣщены эти тексты.

Когда дѣло изданія корпуса было уже поставлено твердо и прочно, Моммзенъ основалъ, въ сотрудничествѣ съ Генцеомъ, Де-Росси и Вильманнсомъ, особый органъ подъ именемъ *Ephemeris Epigraphica*. Изданіе это должно было служить живымъ предварительнымъ пополненіемъ корпуса, какъ бы ремонтомъ выстроеннаго зданія. Такимъ сравненіемъ объясняла редакция основаніе этого журнала. Предположено было четыре выпуска въ годъ, которые должны были составить томъ. Вскорѣ, впрочемъ, изданіе это потеряло характеръ періодическаго, и выпуски выходили по мѣрѣ накопленія матеріала. Въ текущемъ 1903 году вышелъ первый выпускъ IX-го тома.

Въ *Ephemeris Epigraphica* появлялись, во-первыхъ, новыя надписи по территориямъ въ группахъ, какъ предварительное изданіе для подготовки „дополненій“ (Supplementa) къ отдѣльнымъ томамъ корпуса. Эти послѣдніе предполагено было выпускать въ свѣтъ уже послѣ того, какъ накоплялось достаточное количество матеріала, чтобы составить болѣе или менѣе значительный выпускъ. Къ III-му тому появилось уже два тома дополненій: первый въ трехъ выпускахъ, а второй, вышедшій въ 1902 году, за одинъ разъ; во-вторыхъ, мелкія дополненія и добавки къ разнымъ текстамъ въ отдѣльности; въ-третьихъ, крупныя эпиграфическіе тексты съ комментариемъ, и, въ-четвертыхъ, изслѣдованія, произведенныя на основаніи эпиграфическаго матеріала. Если статьи первой и второй категоріи принадлежали разнымъ сотрудникамъ Моммзена, то авторомъ статей двухъ послѣднихъ категорій былъ почти исключительно онъ самъ. Изъ третьей категоріи назову его изданіе текстовъ съ обширными комментаріями: *Lex coloniae Iuliae Genetivae* (II, 105—151; 221—232; III, 91—112) и *Commentarii ludorum saecularium quintorum et septimorum* (VIII, 225—309). Что касается до спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ частнымъ вопросамъ, то Моммзенъ объединилъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: *Observationes epigraphicae*, число которыхъ къ концу VII тома (1888) дошло до 69. Одни изъ нихъ заключали въ себѣ толкованіе какого нибудь эпиграфическаго текста и освѣщеніе его матеріаломъ истори-

ческих справокъ, другія были цѣлыми изслѣдованіями по разнымъ частнымъ вопросамъ на основаніи всего эпиграфическаго матеріала, появившагося уже въ корпусѣ или еще имѣющаго появиться въ подготавливавшихся къ изданію томахъ. Въ однихъ онъ устанавливалъ темныя историческія факты,—укажу для примѣра эту: *Reges Thraciae inde a dictatore Caesare* (р. 17. II, 250—262), въ другихъ уяснялъ исторію учреждений, каковы, напримѣръ, этюды: *Nomina et gradus centurionum* (п. 26. IV, 226—240), *Protectores Augusti* (п. 35, V, 121—141), *Evocati Augusti* (п. 36. 142—184), *Militum provincialium patriae* (п. 38. V, 159—249). Эти и подобныя работы Моммзена, разъясняя по живымъ и непрекаемымъ документамъ исторію и существо того или другого института римской государственной жизни, служили затѣмъ какъ для него самого, такъ и для другихъ изслѣдователей, фундаментомъ для историческихъ построений.

Въ *Ephemeris Epigraphica* помѣщала Моммзенъ свои этюды, написанные на латинскомъ языкѣ. Если же онъ писалъ ихъ по-нѣмецки и давалъ болѣе широкій характеръ, то помѣщала ихъ обыкновенно въ журналъ *Hermes*. Для примѣра назову изслѣдованіе по исторіи и организациі римской имперской арміи: *Die Conscriptionsordnung der römischen Kaiserzeit* (XIX. 1884), *Das römische Militärwesen seit Diocletian* (XXIV. 1889), а также изслѣдованіе объ аукціонныхъ распискахъ, найденныхъ въ 1875 году въ одномъ домѣ въ Помпеяхъ: *Die Pompeianische Quittungstafeln des L. Caecilius Iucundus* (XII. 1877).

Этимъ не исчерпываются эпиграфическія работы Моммзена. Какъ нѣкогда, въ свои молодые годы, издавалъ онъ въ видѣ особыхъ изслѣдованій крупныя памятники, какъ: *Lex Salpensana* и *Lex Malacitana* (*Die Stadtrechte der latinischen Gemeinden Salpensana und Malacitana*. 1855), такъ и позднѣе важныя и большіе по объему эпиграфическіе тексты выходили въ специальныхъ монографіяхъ. Дважды былъ имъ изданъ знаменитый *Monumentum Ancyranum*, основной документъ для уразумѣнія реформы государственнаго строя, проведеннаго Августомъ, въ 1865 и 1884 гг.

Эта огромная творческая работа, сопровождавшая осуществленіе завѣтной идеи Моммзена, все болѣе ширившаяся, по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изданіе, оборвалась только съ кончиною этого великаго человѣка. Не стало болѣе страстной энергіи, которую влагалъ въ это дѣло его инициаторъ; но онъ такъ прочно поставилъ дѣло, что оно не замедлитъ придти къ своему вождѣльному концу.

И можно сказать, что мечта юныхъ лѣтъ Моммзена—полное собраніе латинскихъ надписей—осуществилась.

Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи того факта, что въ настоящее время ученый міръ находится въ обладаніи такимъ свѣжимъ непосредственнымъ и обильнымъ источникомъ знанія объ античномъ мірѣ, какимъ является полный сводъ латинскихъ надписей. Въ вѣтви филологической науки питаются отъ этого источника, и не только просто обогащаются данными, получаютъ новый матеріалъ, но и обновляются въ своемъ существѣ и въ самыхъ методахъ. Моммзену принадлежитъ какъ инициатива этого научнаго предпріятія, такъ и его осуществленіе.

Работа Моммзена по изданію древнихъ текстовъ не ограничивалась надписями. Онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ другого грандіознаго ученаго предпріятія Берлинской академіи наукъ: *Monumenta Germaniae historica*. Руководство изданіемъ перваго отдѣла: *Auctores antiquissimi*, было предоставлено Моммзену. Онъ распредѣлялъ работу, подбиралъ сотрудниковъ и цѣлый рядъ твореній взялъ на себя. Въ его обработкѣ появились: Кассіодорій, *Variae historiae* (т. XII. 1861), Іорданъ, *Romani et Getica* (т. V, 1. 1882) и цѣлый рядъ томовъ *Chronica minora* (IX; XI; XIII). Въ этой серіи стоитъ изданіе Солина, *Collectanea* (вышло два раза, 1864 и 1895 гг.), и другое, быть можетъ, самое извѣстное и наибольшему числу ученыхъ и учащихся полезное и для нихъ настольное, — *Двѣсти* Юстиніанова Кодекса римскаго права. Непрерывно до самой смерти длилась издательская дѣятельность Моммзена. Въ текущемъ году вышелъ первый томъ твореній историка церкви Евсевія, en regard съ латинскимъ переводомъ Руфина, текстъ котораго появился въ редакціи Моммзена. Постѣдніе годы своей жизни заняты онъ былъ подготовленіемъ новаго изданія Θεодосіева кодекса (*Codex Theodosianus*); еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ докладывалъ онъ въ засѣданіи Берлинской академіи о приближеніи къ концу этого ученаго предпріятія, которому суждено увидѣть свѣтъ уже по смерти своего инициатора.

Издательская дѣятельность Моммзена, поразительная по своему разнообразію и несобятная по своимъ размѣрамъ, создаетъ вѣчность его имени въ наукѣ. Она простиралась на источники, а изъ нихъ будутъ черпать свое знаніе о древнемъ мірѣ грядущія поколѣнія, какъ черпаемъ теперь мы, съ благодарною памятью о тѣхъ, кто ихъ со-

бралъ, очистилъ, уяснилъ и оставилъ на вѣчное пользованье. Этими трудами создалъ себѣ Моммзенъ вѣчность, но не они стяжали ему ту всеобщую извѣстность, популярность и славу, которыми онъ былъ такъ богато награжденъ при жизни. Если имя Моммзена извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, то въ соединеніи съ эпитетомъ — историкъ. Моммзенъ былъ авторомъ „Исторіи Рима“ и затмилъ этимъ трудомъ всѣхъ, какъ предшественниковъ, выступавшихъ на этомъ поприщѣ, такъ и современниковъ. Въ 1854—55 годахъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свою *Römische Geschichte*, въ которой представилъ детально разработанную картину развитія и судебъ римскаго государства отъ начала Рима и до рѣшительнаго момента торжества Цезаря надъ республикой, битвы при Тапсѣ. Семь разъ переиздавалось это сочиненіе въ нѣмецкомъ оригиналѣ (последнее, восьмое, изданіе вышло въ 1888—89 годахъ), оно было переведено на итальянскій, французскій, англійскій, русскій языки и стало, такимъ образомъ, мировымъ произведеніемъ. До третьяго изданія включительно Моммзенъ дѣлалъ дополненія и измѣненія въ своемъ текстѣ, а потомъ уже перепечатывалъ безъ всякихъ измѣненій, какъ гармонично и цѣльно уравновѣшенное художественное произведеніе.

Появленіе въ свѣтъ исторіи Моммзена было событіемъ въ судьбахъ науки. Свою задачу историка Моммзенъ понималъ, какъ полный отчетъ о судьбахъ народа во всемъ объемѣ его творчества политическаго, духовнаго, словеснаго и художественнаго, и онъ сумѣлъ и смогъ дать полную картину. Онъ совмѣстилъ въ себѣ критика, стоящаго на высотѣ ученой разработки матеріала, съ блестящимъ повѣствователемъ и глубокимъ мыслителемъ. Въ виду исключительныхъ условій судебъ историческаго преданія о прошломъ римскаго народа, критика составляетъ здѣсь невѣроятно трудную, сложную и подавляющую работу. Великій предшественникъ Моммзена, Нибуръ, съ котораго принято начинать новую эру исторической критики, успѣлъ издать при жизни свою обработку римской исторіи до эпохи Лициніевыхъ законовъ, третій томъ, до пуническихъ войнъ, издавъ уже по его смерти Классеномъ въ 1832 году. Самый крупный изъ ученыхъ, выступившихъ на поприще критическаго изученія преданія непосредственно послѣ Нибура, старшій современникъ Моммзена, Шwegлеръ, который выпустилъ первый томъ своей „Римской исторіи“ въ 1853 году, остановился на эпохѣ Лициніевыхъ законовъ, да и то третій томъ, въ которомъ онъ дошелъ до этой эпохи, былъ изданъ въ 1858 году уже по смерти автора. Моммзенъ одолѣлъ свою колоссальную задачу

сразу и далъ въ свои молодые годы цѣльную критическую и въ то же время художественную римскую исторію. Онъ смогъ сдѣлать это потому, что всю огромную критическую работу, которая являлась предварительнымъ условіемъ его труда, онъ оставилъ въ своей гениальной головѣ и далъ въ общемъ и цѣльномъ изложеніи результаты этой работы. Взявъ за исходный пунктъ своей попытки возстановить въ его истинѣ прошлое Рима принципъ заключеній къ предшествующему, отъ исторически достовѣрнаго (*Methode der Rückschlüsse*), выдвинутой его старшимъ современникомъ *Rubino*, и раздѣляя идею Нибура, что учрежденія Рима гораздо достовѣрнѣе переданной намъ въ нашей традиціи богатой и обильной внѣшней исторіи, Моммзенъ не повелъ своего читателя на путь непосредственнаго извлеченія изъ источниковъ того, что можно признать достовѣрнымъ въ свидѣльствахъ преданія посредствомъ его всесторонней критики; но, обобщивъ свое критическое отношеніе къ традиціи, предложилъ связный обзоръ тѣхъ фактовъ, которые онъ призналъ подлиннымъ и достовѣрнымъ или по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ зерномъ ея. Подобно древнему историку Рима, Ливію, Моммзенъ становится все болѣе и болѣе полнымъ въ своемъ изложеніи по мѣрѣ приближенія къ эпохамъ, гдѣ уже критика преданія позволяетъ историку чувствовать подъ ногами твердую почву современныхъ записей о событіяхъ, и наибольшей полноты и цѣльности его изложеніе достигаетъ тамъ, гдѣ наши источники не только восходятъ къ современнымъ записямъ, но даютъ подчасъ живую лѣтопись изо дня въ день, хотя и въ субъективной окраскѣ переживавшихъ тѣ времена людей. Таково время Цезаря, благодаря главнымъ образомъ Цицерону.

Умомъ, сердцемъ и страстью пережилъ Моммзенъ великую исторію Рима до времени паденія республики и смерти перваго императора. Свою страсть вложилъ онъ въ самое изложеніе и трактовалъ борьбу политическихъ партій въ древнемъ Римѣ, какъ живую исторію настоящаго. Въ нестройныхъ, далеко неполныхъ и часто неясныхъ свидѣтельствахъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Гракховъ и Суллы, умѣлъ онъ угадать живую дѣйствительность и далъ полную картину политической жизни, въ которой дѣйствуютъ живые люди. Съ любовью одухотворялъ онъ великій образъ Гая Гракха, угадывая въ немъ предшественника Юлія Цезаря; всею силой своей страсти негодовалъ на враговъ прогресса римской государственной жизни, рѣзкими чертами обрисовывалъ безспіе и безпомощность политической мысли друсеі стараго порядка и повеличилъ Цезаря, какъ единаго гениаль-

наго, абсолютно трезваго и яснаго творца исторіи тогдашней дѣйствительности, на которой воздвиглись основы будущаго величія міровой державы Рима. Всѣмъ извѣстны страстные инвективы Моммзена по адресу Цицерона, мнившаго себя великимъ политикомъ, неустойчиваго и вѣчно колебавшагося въ своемъ отношеніи къ нарождавшемуся новому порядку. Несправедливость Моммзена къ Цицерону усиѣла стать общимъ мѣстомъ. Упоминая объ этомъ, я далеко отъ всякой мысли дѣлать упрекъ великому человѣку, который сталъ самъ достояніемъ исторіи нашего времени, и дѣлаю это лишь для того, чтобы привести наиболѣе наглядное свидѣтельство о тонѣ и характерѣ историческаго изложенія Моммзена. Подъ перомъ Моммзена люди живутъ и борются со всею страстью, на какую они способны. Не сопоставленіе свидѣтельствъ источниковъ, послѣ ихъ критической провѣрки, даетъ Моммзенъ въ своей исторіи, но свои гипотезы, построенныя на этомъ основаніи, онъ излагаетъ; онъ возсоздаетъ картину исторической жизни. По условіямъ преданія этого нельзя сдѣлать для Цицината, Коріолана, Спурия Кассія и даже Лицинія, но можно для Гракха и Цезаря съ ихъ врагами и антиподами...

Въ своей Римской исторіи Моммзенъ предсталъ въ такомъ вооруженіи исторической критики, выказалъ такую полноту знанія обо всѣхъ сторонахъ жизни Рима и современнаго тѣмъ эпохамъ состоянія другихъ народовъ и государствъ, надъ которыми Римъ совершалъ свое побѣдное шествіе на пути къ міродержавію, такое мастерство изложенія, такую силу слова, что со времени появленія его Римской исторіи ему невозбранно принадлежало первое мѣсто среди широкаго круга ученыхъ историковъ на его родинѣ, столь богатой научными силами Германіи. Много лѣтъ спустя, когда Берлинская академія наукъ чествовала 50-лѣтіе докторской степени Моммзена, его коллеги такъ характеризовали его исторію:—

„Въ Вашей Римской исторіи, этомъ твореніи, столь удивительномъ по широтѣ историческаго взгляда и глубокопроникающему анализу, по сочетанію пронизательной критики и гениальнаго дара комбинаціи, по силѣ поэтическаго возсозданія и блеску изложенія,—Вы подарили нѣмецкому народу классическое произведеніе, которое съ тѣхъ поръ стало для всѣхъ націй богатымъ образовательнымъ элементомъ и пребудетъ такимъ на всѣ времена“ ¹⁾. Будемъ вѣрить, что эти достойные цѣнители Моммзена не ошиблись въ своемъ предсказаніи...

¹⁾ Sitzungsberichte der Berliner Akademie. 1893, стр. 920.

Исторія Моммзена написана строго догматически, безъ ссылокъ на источники, безъ доказательствъ и мотивовъ такого именно въ каждомъ данномъ случаѣ отношенія автора къ свидѣтельствамъ традицій; авторъ не входитъ также никогда въ полемику съ воззрѣніями и выводами другихъ ученыхъ, работавшихъ раньше его на той же почвѣ; онъ даетъ лишь результаты своей творческой переработки всего достоянія источниковъ, сохранившихъ свидѣтельства о жизни Рима за семь столѣтій. Та колоссальная предварительная работа, которую онъ продолжалъ раньше, чѣмъ такъ написать, хранилась въ сокровищницѣ его гениальной головы. Уже послѣ появленія его Римской исторіи она увидала свѣтъ въ цѣломъ рядѣ специальныхъ этюдовъ и монографій. Въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ (*Annali del Instituto di corr. arch., Rhenisches Museum, Archäologische Zeitung, Hermes*) помѣщались Моммзенъ свои этюды, и нѣкоторые изъ нихъ, а именно: относящіеся къ разработкѣ древнѣйшихъ эпохъ, онъ соединилъ въ двухъ томахъ своихъ *Römische Forschungen* (I. 1864, II. 1879). Многія однопородныя работы позднѣйшей даты остались разсѣянными въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ ¹⁾. Что касается до монографій, то назову капитальные труды: *Römische Chronologie* (1859) и *Römisches Münzwesen* (1860).

Римская исторія Моммзена доведена была до конца республики. Всѣ ждали отъ него продолженія, и ожиданія эти были, казалось, тѣмъ основательнѣе, что непрерывная работа надъ изданіемъ корпуса надписей держала Моммзена, по самому существу матеріала, на періодъ имперіи. Когда въ 1880 году пожаръ опустошилъ квартиру и самый кабинетъ Моммзена, пошли слухи, что рукопись четвертаго тома исторіи сгорѣла, и въ печати высказывались надежды, что гениальный старецъ найдетъ въ себѣ силы возстановить свое изложеніе. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Моммзенъ далъ продолженіе своей „Римской исторіи“, но выпустилъ въ свѣтъ не IV-й, а V-й томъ, и этимъ признаніемъ промежутка какъ бы обязывался заполнить его. Въ V-мъ томѣ Моммзенъ представилъ обзоръ императорскаго періода Рима по землямъ, входившимъ въ міродержавную имперію. Тутъ нѣтъ ни лицъ, ни характеристикъ, а лишь удивительно полный и точный обзоръ фактовъ жизни и судебъ отдѣльныхъ областей, составлявшихъ имперію, съ детальнымъ выясненіемъ внутреннихъ измѣненій формъ по-

¹⁾ Такими, напримѣръ, его изслѣдованія: *Remuslegende* (*Hermes*. XVI. 1881); *Tatiuslegende* (ib., XXI. 1886) и др.

литического и общественного быта отдѣльныхъ странъ. Въ цѣломъ— это отчетъ о культурномъ воздѣйствіи Рима на покоренный міръ и о превращеніи бассейна Средиземнаго моря, съ захватомъ и далекой Британніи, въ единое по формамъ жизни и культурѣ государство. Здѣсь нѣтъ той *исторіи имперіи*, какой ждали и продолжали ждать почитатели Моммзена. Вопреки широко распространенному мнѣнію, что такая исторія была въ бумагахъ Моммзена и ее уничтожилъ пожаръ, позволяю себѣ думать, что это совсѣмъ не такъ. Въ зрѣлые годы Моммзена не прельщала мысль изобразить въ живыхъ образахъ дѣятелей, исторію первыхъ вѣковъ имперіи, дать намъ портреты императоровъ и ихъ сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ культурнаго роста античнаго міра. Въ отношеніи къ этому періоду онъ сталъ историкомъ фактовъ; такимъ онъ былъ въ V-мъ томѣ своей „Римской исторіи“ и въ необозримомъ множествѣ этюдовъ и специальныхъ изслѣдованій, которые продолжали появляться до самаго послѣдняго года его жизни. Одни изъ нихъ относились къ разработкѣ источниковъ (*Quellenforschung*), каковы для примѣра: *Zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius* (*Hermes*. III. 1868) ¹⁾, *Cornelius Tacitus und Cluvius Rufus* (ib., IV. 1869); въ другихъ онъ точно устанавливалъ факты и давалъ ихъ оцѣнку, напримѣръ: *Der letzte Kampf der römischen Republik* (ib., XIII. 1878), или разъяснялъ исторію учреждений—*Die Lagerstädte* (ib., VII. 1872), *Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln* (ib., XVIII. 1888) и др. Въ своихъ изысканіяхъ Моммзенъ уходилъ въ позднія времена имперіи. Таковы его изслѣдованія: *Bruchstücke des Iohannes von Antiochia und des Iohannes Malaclas* (*Hermes*. VI. 1872), *Ostgothische Studien* (*Neues Archiv*, XIV. 1886), *Die Diocletianische Reichsprefectur* (*Hermes*. XXXVI. 1901), *Aelius* (ib.), *Stilicho und Alarich* (ib., XXXVIII. 1903). Сюда же относится его этюдъ: *Religionsfrevel nach römischem Recht* (*Historische Zeitschrift*. 1890), который вызвалъ большое оживленіе въ ученой литературѣ по древнѣйшимъ судьбамъ христіанства, но только нѣмецкой, но также французской, англійской и русской.

Помимо воссозданія исторіи Рима въ цѣльной картинѣ, помимо критической разработки преданія и огромнаго обогащенія и очищенія фактическаго матеріала по исторіи Рима, Моммзенъ далъ еще нѣчто, столь же великое, какъ его исторія. То была какъ бы вторая поло-

¹⁾ Переведено на французскій языкъ въ серіи изданій: *École de hautes études*

вина обработки того же матеріала, но съ другой стороны и по другому принципу. Въ наукѣ классической филологіи издавна существуетъ особая дисциплина, нѣкогда какъ бы независимая отъ исторіи, пока эта послѣдняя понималась на манеръ Ливія, а именно: „древности“. Еще въ концѣ XVI вѣка опредѣлился кругъ вопросовъ, которые подлежали трактовкѣ въ „древностяхъ“. Таково *Corpus antiquitatum Romanarum absolutissimum* Розина, вышедшій въ свѣтъ въ 1595 году. Въ половинѣ истекшаго XIX столѣтія наиболѣе обширнымъ ученымъ и полнымъ трудомъ по римскимъ древностямъ былъ *Handbuch der römischen Alterthümer*, авторомъ котораго были Беккеръ и Марквардтъ. Когда потребности книжнаго рынка позволили завести рѣчь о второмъ изданіи этого сочиненія, то часть, принадлежавшую Беккеру, уже умершему, предложено было переработать для новаго изданія Моммзену, а Марквардтъ принялся за пересмотръ составленной имъ части *Handbuch*'а. То, что далъ Моммзенъ, оказалось совѣмъ не похожимъ на трудъ Беккера. Моммзенъ отбросилъ первый томъ, заключавшій въ себѣ топографію Рима, и переработалъ отдѣлъ, обнимавшій магистратуру, сенатъ и народное собраніе. Для магистратуры у Моммзена потребовалось два тома въ трехъ частяхъ. Они вышли въ 1871 году и затѣмъ два раза переиздавались съ дополненіями, значительно увеличивавшими объемъ книгъ. Третій томъ вышелъ въ двухъ большихъ частяхъ: *Bürgerschaft* въ 1887 и *Senat* — въ 1888 г. Этотъ огромный трудъ получилъ въ цѣломъ заголовокъ: *Das römische Staatsrecht*. Уже въ этомъ терминѣ опредѣленно сказалась новая свѣжая точка зрѣнія на матеріалъ старой дисциплины „древностей“, заключавшая въ себѣ протестъ противъ антикварнаго и коллекціонерскаго принципа, который господствовалъ въ прежнее время.

Изложеніе Моммзена также догматично, какъ и въ его исторіи; но здѣсь онъ приводитъ оправдательные документы въ видѣ ссылокъ на источники по всѣмъ вопросамъ и по всѣмъ ихъ деталямъ. Въ этихъ удивительныхъ по богатству примѣчаліяхъ использовано все литературное наслѣдіе античнаго міра и, по мѣрѣ надобности, весь эпиграфическій матеріалъ. Авторъ считается только съ источниками и только ихъ приводитъ. Ученыхъ трудовъ своихъ предшественниковъ и современниковъ онъ не цитируетъ и не называетъ именъ ученыхъ, какъ соглашавшихся съ нимъ и поддерживавшихъ его воззрѣнія, такъ и возражавшихъ ему и развивавшихъ мотивы своего разногласія. Онъ шествуетъ царственнымъ путемъ своего универсальнаго

знанія, своего пониманія, своего проникновенія въ смыслъ и духъ политической жизни античнаго міра.

Наиболѣе оригинальнаго и новаго дали томы, соотвѣтствующіе заголовку *Magistratur* въ прежней редакціи *Handbuch*'а. Прежде всего Моммзенъ выдѣлялъ общія идеи, принципы и формы, дѣйствовавшія въ римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ за тысячелѣтіе ихъ существованія въ исторической дѣйствительности, и разсмотрѣлъ ихъ теоретически ¹⁾. Во второмъ томѣ, состоящемъ изъ двухъ частей, Моммзенъ послѣдовательно прошелъ представителей государственной власти въ Римѣ, начиная съ царя, черезъ всѣхъ республиканскихъ магистратовъ до принцепса, какъ называлъ свою новую власть Августъ и какъ она затѣмъ называлась въ теченіе столѣтій. Подведя императорскую власть подъ понятіе магистратуры, Моммзенъ видѣлъ въ самодержавной монархіи, какой онъ признавалъ верховную власть императоровъ съ Діоклетіана, уже полное вырожденіе стараго порядка и древнихъ римскихъ идей, нѣчто существенно новое въ жизни античнаго міра.

Сила логики и ясность мысли Моммзена, которыя являются во всемъ блескѣ въ этомъ его твореніи, поработаютъ читателя. Тѣмъ не менѣе, многіе оспаривали принципиальную правильность такого способа разсмотрѣнія предмета. Моммзенъ далъ то, чего не имѣли и не сознавали сами римляне. Ни одно государство не развивается по логической послѣдовательности основныхъ принциповъ, имманентныхъ народному сознанію, а римское государство свершило свою жизнь безъ конституціонныхъ хартій. Послѣ того кодекса права, который былъ данъ въ законахъ 12 таблицъ, римское государство не сводило своихъ законовъ въ систему и не приводило ихъ въ согласованіе. Политическая жизнь проходила въ напряженной борьбѣ противорѣчивыхъ и взаимно себя исключавшихъ и отрицавшихъ толкованій основныхъ законовъ, а самые законы имѣли характеръ отвѣта на данный

¹⁾ Намекъ на содержаніе этого тома могутъ дать заголовки отдѣловъ: 1) *Aut und Amtsgewalt*, гдѣ наибольшее мѣсто отведено принципу коллегиальности; 2) *Die magistratische Competenz*—здесь послѣдовательно разсмотрѣны принципы: *auspicium*, *imperium*, *coercitio*, *iurisdictio* и т. д.; 3) *Magistratische Verbiethungsrecht und magistratische Intercession*; 4) *Magistratische Emolumente*; 5) *Die Rathmänner (consilium) der Beamten*; 6) *Die Dienerschaft der Beamten*; 7) *Insignien und Ehrenrechte der fungirenden Magistrate*; 8) *Lebenslängliche magistratische Ehrenrechte*; 9) *Qualification für die Magistratur*; 10) *Designation. Austritt und Rücktritt. Amtsfristen*; 11) *Stellvertretung der Beamten*, и 12) *Verantwortlichkeit der Magistrate*.

частный вопрос.—Голоса возражавших Моммзену были не слышны за единодушным хоромъ благоговѣвшей предъ Моммзеномъ плеяды ученыхъ. Позволю себѣ прибавить, что какъ бы ни смотрѣть на основную идею, вызвавшую къ жизни этотъ трудъ Моммзена, въ смыслѣ приложимости ея къ римскому государству, его *Römisches Staatsrecht* сохранить навсегда свое значеніе, какъ дополненіе къ его „Римской исторіи“. Великолѣпно разработанная логическая схема изложенія предмета и то обстоятельство, что Моммзень по каждому частному вопросу и по каждой детали своей системы даетъ весь матеріалъ источниковъ, какими только владела его гениальная память, дѣлаетъ это его твореніе незаменимой настольной и справочной книгой для всякаго историка, филолога и юриста.

Своимъ *Römisches Staatsrecht* Моммзень обновилъ науку римскаго права вообще, и всѣ новѣйшіе труды романистовъ въ области исторіи римскаго права стоятъ на плечахъ Моммзена. Достаточно будетъ назвать имена изъ нѣмцевъ—Карловы, изъ французовъ—Жирара. То обстоятельство, что Карлова во многихъ существенныхъ пунктахъ не соглашается съ Моммзеномъ, нисколько не противорѣчитъ правильности высказаннаго выше утвержденія: безъ Моммзена не было бы и Карловы.

Будучи юристомъ по факультетскому образованію и докторскому диплому, а также первымъ годамъ академической дѣятельности, Моммзень въ теченіе всей своей жизни являлся дѣятельнымъ сотрудникомъ ученыхъ юридическихъ журналовъ, помѣщая въ нихъ свои изслѣдованія о новыхъ эпиграфическихъ памятникахъ, относившихся по своему содержанію къ вопросамъ права. Онъ далъ юристамъ классическое изданіе *Дигестъ*. Юристовъ онъ имѣлъ въ виду, когда на старости лѣтъ рѣшился составить краткій общій очеркъ римскаго государственнаго права подъ заглавіемъ: *Abriss des römischen Staatsrechts* (1893, въ серіи изданій Биндинга: *Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft*). Уже на склонѣ своихъ дней Моммзень, въ сознаніи того, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ юриста и филолога, принялся за обработку дисциплины, за которой онъ признавалъ промежуточное положеніе между юриспруденціей и исторіей, а именно: уголовное право. Въ 1899 году вышелъ въ свѣтъ томъ, свыше тысячи страницъ, подъ заглавіемъ: *Römisches Strafrecht*. Оговаривая въ предисловіи огромные размѣры этого сочиненія, что онъ самъ считалъ неудобствомъ, онъ въ то же время отмѣчалъ и его неполноту въ смыслѣ отсутствія подробныхъ разъясненій по спорнымъ пунктамъ и вопро-

самъ, гдѣ онъ расходился съ разными учеными. Но въ восполненіе этого недочета пришлось бы, какъ онъ замѣчалъ, по меньшей мѣрѣ, удвоить размѣры этой книги, на что онъ не рѣшался, предвидя близко предъ собою конецъ своихъ дней: „Alles hat seine Zeit, auch der Mensch“. И этотъ трудъ, написанный уже тогда, когда автору шель къ концу восьмой десятокъ лѣтъ, блистаетъ все той же ясностью мысли, полнотой владѣнія матеріаломъ, яркостью и силой изложенія. До конца дней своихъ не выпускалъ Моммзенъ изъ своихъ рукъ пера, какъ не оставлялъ онъ и руководства въ дѣлѣ изданія корпуса надписей.

Такъ жилъ и работалъ для науки Моммзенъ, такъ воздвигалъ онъ себѣ во вѣки несокрушимый памятникъ въ своихъ непреходящаго значенія твореніяхъ. Но онъ не былъ только кабинетнымъ ученымъ, какъ его друзья: Боргезе, Де-Росси, Генценъ. Съ тридцатиплѣтняго возраста былъ онъ профессоромъ и только два послѣдніе десятка лѣтъ онъ былъ свободенъ отъ обязанностей преподаванія, когда старость брала свое; но и тогда остался онъ членомъ факультета и находилъ время принимать участіе въ засѣданіяхъ корпораціи, членомъ которой оставался до самой своей смерти.

Съ 1847 года по 1856 Моммзенъ преподавалъ римское право, а съ этого срока, вмѣстѣ съ переходомъ въ Берлинъ, сталъ уже официально филологомъ. Учиться къ Моммзену стекались германскіе студенты со всѣхъ областей Германіи. Среди его слушателей были всегда также и иностранцы: австрійцы, швейцарцы, итальянцы, французы, голландцы, англичане, американцы. Профессорскіе стипендіаты, посылаемые за границу нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, обыкновенно не миновали Берлина, и многіе изъ нихъ являлись туда ради Моммзена. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія ученикомъ Моммзена былъ, знаменитый впоследствии, нашъ византистическій Васильевскій, оставившій о томъ намъ въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ ¹⁾. Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности отзывается онъ о преподаваніи Моммзена, стоявшаго тогда въ цвѣтѣ лѣтъ.

Мнѣ лично пришлось учиться у Моммзена, когда онъ былъ уже старцемъ и помышлялъ оставить преподаваніе. На зимній семестръ 1878—1879 года Моммзенъ объявилъ четырехчасовой курсъ по рим-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 117 (1863), отд. II, стр. 291 сл.

ской эпитафійкѣ и двухчасовыя практическія занятія. Въ лѣтнемъ семестрѣ 1879 года онъ уже не читалъ курса, но сохранилъ за собою практическія занятія. Мнѣ кажется, что я выражу чувство всеѣй тогдашней аудиторіи Моммзена, если скажу, что онъ вызывалъ къ себѣ благоговѣніе. Помимо его славы такъ дѣйствовалъ и самый видъ этого человѣка. На маленькомъ щедедушномъ тѣлѣ красовалась чудесная голова съ острыми чертами лица, изрытой морщинами кожи, правильнымъ носомъ, большимъ ртомъ, съ великолѣпнымъ ореоломъ порѣдѣвшихъ уже, длинныхъ, бѣлыхъ, кудрявившихся на концахъ волосъ надъ прекраснымъ огромнымъ челомъ, подъ которымъ блистали острые, пропизывавшіе, пылавшіе огнемъ глаза. Никто не забудетъ этихъ глазъ, кто ихъ видѣлъ. Въжливая, безъ малѣйшей предупредительности, дѣловая манера обращенія внушала нѣкоторую робость при первомъ свиданіи. Свои профессорскія обязанности онъ исполнялъ съ удивительной аккуратностью. Лекціи онъ читалъ отъ 8 до 9 часовъ утра, и хотя жилъ въ Шарлоттенбургѣ и тратилъ на перѣздъ около часа времени на трамваѣ — (тогда еще не было берлинской Ringbahn),—но не было случая, чтобы онъ пропустилъ лекцію или опоздалъ. Съ ударомъ четверти девятого на университетскихъ часахъ входилъ онъ въ аудиторію и, ставъ у кафедръ и разложивъ предъ собою листки своихъ замѣтокъ, начиналъ говорить своимъ тихимъ голосомъ, подергивая и поворачивая время отъ времени голову своимъ особымъ жестомъ. Ровная серьезная рѣчь текла спокойно съ сѣверо-германскимъ акцентомъ, никогда не оживляясь, но и не становясь вялою.

Курсъ, который привелось прослушать мнѣ, начался съ длиннаго введенія о судьбѣ римской эпитафики, заключившейся изданіемъ корпуса латинскихъ надписей. Тутъ Моммзену по необходимости пришлось упомянуть о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Обойти этого онъ не могъ, но сказалъ объ этомъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ, словно желая ступешать значеніе своей личности въ этомъ грандіозномъ ученомъ предпріятіи. Предисловіе затѣмъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія, Моммзенъ перешелъ къ толкованію отдѣльныхъ текстовъ, которые раздавалъ своимъ слушателямъ на листкахъ, по нѣскольку надписей на каждомъ. Такихъ листковъ получили мы шесть. Семестръ кончался въ субботу 15-го марта, послѣдняя лекція Моммзена приходилась въ пятницу 14-го. На предпослѣдней лекціи 13-го числа Моммзенъ закончилъ объясненіе надписей шестого листка и тутъ же роздалъ намъ седьмой, изъ котораго на слѣдующій день

объяснилъ первый текстъ. Такъ ревностно и аккуратно относился онъ къ своимъ обязанностямъ.

На свои практическія занятія Моммзенъ допускалъ ограниченное число участниковъ и предварительно подвергалъ испытанію, не самолично, а черезъ старшаго — остатокъ *famulus'a*, имѣвшаго нѣкогда въ академической жизни Германіи характеръ учрежденія. Въ мое время на „упражненія“ являлись къ Моммзену уже болѣе зрѣлые студенты, болшею частью заканчивавшіе уже свои университетскія занятія, пріѣзжавшіе въ Берлинъ на одинъ — два семестра, чтобы пропустить черезъ критику Моммзена свою будущую докторскую диссертацию. Иные пріѣзжали со своими темами, другіе брали ихъ изъ числа предлагавшихся Моммзеномъ. Два часа практическихъ занятій проходили обыкновенно въ томъ, что Моммзенъ разбиралъ представленную ему работу, требовалъ объясненій у автора, и почти никогда не случалось, чтобы выходилъ общій разговоръ. Обыкновенно всѣ участники семинарія, кромѣ автора реферата, лишь почтительно слушали и дѣлали себѣ замѣтки со словъ Моммзена. Самъ Моммзенъ придавалъ большое значеніе общенію съ молодежью на своихъ практическихъ занятіяхъ, относился къ нимъ съ обычной аккуратностью и видѣлъ въ нихъ пользу и лично для себя. Когда въ концѣ лѣтняго семестра 1879 года участники семинарія устроили въ его честь „коммерсъ“ въ одной изъ берлинскихъ *Weinkneipe*, онъ охотно принялъ приглашеніе и провелъ нѣсколько часовъ въ непринужденной бесѣдѣ за стаканомъ вина. Черезъ день онъ отвѣтилъ такимъ же коммерсомъ у себя на дому. Много рѣчей и спичей было въ обоихъ этихъ собраніяхъ, говорилъ и Моммзенъ между прочимъ и о томъ, какъ возбуждаетъ его это общеніе съ стремящейся къ научному знанію молодежью и какъ не рѣдко разборъ рефератовъ наталкивалъ его самого на вопросы и вызывалъ ту или иную его работу. Въ заключительномъ своемъ словѣ, прежде чѣмъ намъ разойтись, Моммзенъ какъ бы формулировалъ свой завѣтъ, закончивъ свою рѣчь возгласомъ: *Lebe hoch unsere deutsche Philologie... nicht Geschichte, nein... Philologie soll leben!*... Когда у насъ въ Россіи называютъ Моммзена постоянно историкомъ и такъ его понимаютъ, я невольно вспоминаю про себя этотъ убѣжденный возгласъ старца — Моммзена. Исторія, какъ частное, входитъ въ обширное понятіе филологіи, духъ которой — изслѣдованіе и уразумѣніе памятника. Углубленіе анализа, изощреніе метода изслѣдованія, живое и развивающееся знаніе памятниковъ прошлаго — вотъ что такое филологія. Призывая своихъ

учениковъ быть въ процессѣ этого изслѣдованія, какъ пребывалъ онъ самъ въ немъ непрерывно и неустанно, онъ давалъ тѣмъ и характеристику своей дѣятельности въ цѣломъ и высказывалъ свой завѣтъ грядущему....

Таковъ былъ Моммзенъ какъ ученый и профессоръ. Но его гениальной дѣловитости хватало и на политику. Въ юные свои годы заплатилъ онъ дань тогдашнему смутному времени, бросился въ политику, былъ въ 1848 году редакторомъ одной радикальной газеты и поплатился вскорѣ кафедрой, которую только что занялъ въ Лейпцигѣ. Пламенный нѣмецкій патриотъ, онъ вѣрилъ въ счастливую звезду Пруссіи и съ увлеченіемъ пережилъ процессъ возсозданія Германской имперіи подъ эгидой прусскаго короля. Въ 1870 году, когда началась франко-прусская война, онъ писалъ страстныя статьи, настаивалъ на исключительномъ правѣ германцевъ на Рейнъ, который со времени Цезаря нѣсколько разъ превращался въ нѣмецкую рѣку и опять утрачивалъ этотъ характеръ влѣдствіе романизации населенія. Рѣзкій тонъ этихъ статей оскорбилъ французовъ, тѣмъ болѣе что Моммзенъ до того времени пользовался самымъ искреннимъ расположеніемъ императора Наполеона и всеобщимъ вниманіемъ со стороны представителей французской науки. Этотъ разрывъ превратился и въ ученый раздоръ, когда профессоръ Дижардентъ, желая сдѣлать неприязность Моммзену въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ, опубликовалъ большой томъ in folio подъ заглавіемъ: *Desiderata Corporis Inscriptionum Latinarum*.

Позднѣе, съ 1873 по 1882 годъ, Моммзенъ былъ членомъ прусскаго ландтага, гдѣ онъ примкнулъ къ партіи національ-либераловъ. За одну свою рѣчь 1883 года, гдѣ онъ рѣзко нападалъ на политику Бисмарка, онъ былъ привлеченъ къ суду, но былъ оправданъ. Острые вопросы текущей политической жизни вызывали его отклики до самаго послѣдняго времени. Въ концѣ 80-хъ годовъ, въ пору обостренія антисемитизма, онъ высказался въ томъ смыслѣ, что единственный выходъ для евреевъ — принимать христіанство. Это обидѣло многихъ его ученыхъ коллегъ, такъ какъ Моммзенъ въ сферѣ науки оказывалъ полное безпристрастіе и среди его ближайшихъ сотрудниковъ были евреи. Рѣзкимъ и обиднымъ для славянъ словомъ отозвался нѣсколько лѣтъ тому назадъ Моммзенъ на обостренныя отношенія между нѣмцами и чехами въ Вѣнскомъ парламентѣ. И въ послѣдній годъ своей жизни, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, выступилъ онъ съ примпрительнымъ словомъ между Германіей и Англіей.

Такъ хватало силъ и чувствъ этого великаго человѣка и на вниманіе къ текущей дѣйствительности, сознательнымъ и полноправнымъ членомъ которой онъ себя чувствовалъ. Но не политика дала славу Моммзену, и когда мы теперь, по его смерти, вызываемъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ его образъ, онъ возстаетъ предъ нами въ грандіозномъ величій автора огромнаго ученаго наслѣдія, которое онъ оставилъ міру, какъ плодъ своей неустанной работы, своего таланта... Закончу словами Тацита: *Si quis piorum manibus locus, si, ut sapientibus placet, una cum corpore exstinguuntur magnae animae, placide quiescas, nosque.... ab infimo desiderio... ad contemplationem virtutum tuarum voces, quos neque lugeri neque plangi fas est. Admiratione te potius quam temporalibus laudibus... decoremus. Is verus honos...*

Юліанъ Куликовскій.

В. В. ДОКУЧАЕВЪ.

(Некрологъ).

26-го октября на Церковной улицѣ Петербургской стороны въ скромной квартиркѣ дома № 25 тихо отошелъ въ вѣчность бывшій профессоръ минералогіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василій Васильевичъ Докучаевъ, имя котораго никогда не забудется на страницахъ исторіи науки въ Россіи. Покойный, по справедливости, считался основателемъ новой школы почвовѣдѣнія въ Россіи, школы, которая такъ быстро обратила на себя вниманіе и въ короткое время сдѣлала такъ много для изученія почвъ Россіи. Лѣтняя доля въ этой работѣ принадлежитъ В. В. Докучаеву. Профессоръ В. В. Докучаевъ обладалъ удивительными организаторскими способностями. За какое дѣло онъ ни брался, сейчасъ же около него собирались многочисленныя группы лицъ, большею частью совершенно безкорыстно отдававшихъ и свое время, и свой трудъ въ распоряженіе Василя Васильевича. У него было неподражаемое умѣнье заинтересовывать другихъ тѣми вопросами, которыми интересовался онъ самъ. Вотъ почему около него всегда кипѣла работа. Утрата, понесенная русскимъ почвовѣдѣніемъ, въ которомъ такъ нуждается Россія, тяжелая, невозвратимая утрата!

Впрочемъ, смерть В. Докучаева является тяжелой утратой не только для почвовѣдѣнія, потому что Василій Васильевичъ не былъ узкимъ специалистомъ и кабинетнымъ ученымъ. Это былъ широкій обобщающій умъ, глубоко вѣрившій въ силу науки, какъ фактора для достиженія блага человѣчества. Его взглядъ по этому предмету особенно отчетливо выраженъ въ „Трудахъ комиссіи по изслѣдованію Петербурга и его

окрестностей“, изданныхъ подъ его общей редакціей въ 1894 году, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: „при этихъ изслѣдованіяхъ необходимо имѣть въ виду... по возможности *всю* природу, *взятую въ цѣломъ, единую* и нераздѣльную... важнѣйшей задачей должно быть разъясненіе тѣхъ *соотношеній и взаимодѣйствій*,—той *живой и постоянной* связи, каковыя несомнѣнно существуютъ между всѣми силами, тѣлами и явленіями природы. Какъ извѣстно, познаніе именно *такихъ* соотношеній и... служить вѣрнѣйшимъ средствомъ *овладѣть* упомянутыми силами, явленіями и тѣлами, и *направить ихъ на службу и благо человечества*; а это и есть единственная, такъ сказать, завѣтная цѣль всѣхъ истинно общественныхъ и государственныхъ мѣропріятій“. Въ этихъ словахъ вылился весь В. В. Докучаевъ. Эта мысль сквозила во всѣхъ его работахъ, руководила всѣми его начинаніями.

Умеръ Василій Васильевичъ 26-го октября, но русскую науку постигло несчастіе уже давно. Гораздо ранѣе тѣлесной смерти смертельно заболѣла душа Василя Васильевича.

В. В. Докучаевъ былъ сыномъ священника Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Родился онъ въ 1846 году; первоначальное и среднее образованіе получилъ въ духовной семинаріи. Временно открывшійся для окончившихъ духовныя семинаріи доступъ въ Россійскіе университеты далъ возможность В. В. Докучаеву попасть въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета физико-математическаго факультета, гдѣ онъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Первая его ученая работа (1869 г.) посвящена описанію геологическаго строенія рѣчки Качки въ окрестностяхъ его родины—села Милюкова. Въ 1870 году В. В. Докучаевъ былъ назначенъ хранителемъ геологическаго кабинета при С.-Петербургскомъ университетѣ. Съ этого времени въ теченіе 6—7 лѣтъ (на средства и по порученію С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, Императорскаго минералогическаго общества и Императорскаго вольно-экономическаго общества) онъ совершилъ рядъ экскурсій въ среднюю и юго-западную Россію и Финляндію съ цѣлью изученія послѣднѣтнихъ образованій и современныхъ геологическихъ явленій, изъ которыхъ его особенно интересовали образованіе и жизнь рѣкъ восточно-европейской равнины. Результаты своихъ изслѣдованій В. В. Докучаевъ изложилъ въ солидномъ трудѣ „Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европейской Россіи“ (1878 г.), за который физико-математическій факультетъ присудилъ ему ученую степень магистра геогнозіи

и минералогин. Въ этомъ трудѣ В. В. Докучаевъ собралъ обширную литературу, касающуюся предмета, подвергъ серьезной критикѣ существовавшіе взгляды и далъ новую теорію происхожденія большинства рѣчныхъ долинъ восточно-европейской равнины, теорію, которая въ настоящее время можетъ считаться общепризнанною. Кромѣ названной работы за это же время напечатаны были: „Къ вопросу объ осушеніи болотъ Польши“ и „О предполагаемомъ обмелѣніи рѣкъ“. Время съ 1877 по 1881 годъ В. В. Докучаевъ посвятилъ изученію русской черноземной полосы, именно въ 1876 году, благодаря докладу В. В. Докучаева въ Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ былъ „выдвинутъ вопросъ объ основательномъ изученіи чернозема, какъ главнѣйшей хлѣбородной почвы Россіи“. Естественно-историческое описаніе и научное изученіе чернозема возложено было обществомъ на В. В. Докучаева, для чего изысканы были денежные средства. Исполняя порученіе вольно-экономическаго общества, В. В. Докучаевъ искрестилъ обширную черноземную полосу вдоль и поперекъ, посѣтилъ Крымъ и Сѣверный Кавказъ, сдѣлалъ въ лѣтнее время за 1877—1879 гг. около 10,000 верстъ и собралъ богатый почвенный матеріалъ (отъ 600—900 образцовъ), часть котораго была подвергнута физико-химическому анализу. Результаты своихъ изслѣдованій В. В. Докучаевъ изложилъ въ капитальномъ сочиненіи „Русскій черноземъ“, опубликованномъ въ 1883 году.

Здѣсь авторъ, увлекательнымъ и въ то же время строго научнымъ языкомъ, разобралъ существовавшія теоріи происхожденія чернозема, сталъ на сторону теоріи, высказанной раньше Гюльденштедтомъ, Эверсманомъ, Гюо и Рупрехтомъ, устранилъ имѣвшіеся у нея недостатки, указавъ на климатъ, материнскія горныя породы (грунтъ), рельефъ мѣстности, растеній и животныхъ, какъ на главные почвообразователи. В. В. Докучаевъ нанесъ на карту области распространенія чернозема гораздо точнѣе, чѣмъ это было ранѣе. Благодаря большому количеству опредѣлений гумуса (перегноя), которыя были произведены надъ образцами различныхъ почвъ, собранныхъ авторомъ, получилась возможность выяснить законность распредѣленія почвенныхъ типовъ въ зависимости отъ климатическихъ полосъ, что изображено В. В. Докучаевымъ на картѣ въ видѣ изо-гумусовыхъ полосъ, раздѣлившихъ черноземную полосу на рядъ естественныхъ районовъ, отличающихся по составу, мощности, цвѣту и количеству перегноя покрывающихъ ихъ почвъ. Такимъ образомъ положена была прочная основа рациональной оцѣнкѣ почвъ, — результатъ, имѣющій

огромное практическое значеніе. „Русскимъ черноземомъ“ В. В. Докучаевъ заложилъ прочный фундаментъ русскому почвовѣдѣнію. Ученый міръ оцѣнилъ важность и достоинства труда Василя Васильевича. С.-Петербургскій университетъ, послѣ блестящей защиты, присудилъ степень доктора минералогіи и геогнозін, Академія Наукъ — полную Макарьевскую премию, а Вольно-экономическое общество поднесло В. В. Докучаеву благодарственный адресъ, читанный въ общемъ собраніи 1883 года. Работы В. В. и его доклады, главнымъ образомъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ, всегда вызывали цѣлую бурю возраженій, страстныхъ дебатовъ. Онъ былъ новаторъ и долженъ былъ встрѣтить многочисленныя препятствія, воздвигаемыя рутиной, непониманіемъ, завистью и личными отношеніями. Собранія Вольно-экономическаго общества, въ которыя назначался какой-нибудь докладъ Василя Васильевича, всегда были многолюдны. Собирались не только интересовавшіеся предметомъ, но и тѣ, которые любили смотрѣть на состязанія. А зрѣлище было дѣйствительно необычайное: десять противъ одного. Борьба была отчаянная. Но для нищущихъ истину уже тогда было очевидно, чья сторона возьметъ. В. В. Докучаевъ ощущалъ подъ собою твердую *научную* почву. Около него всегда были люди, твердо вѣрившіе въ правоту его воззрѣній. Указанное время было лучшее время въ жизни Василя Васильевича. Дальнѣйшія изслѣдованія въ области почвовѣдѣнія показали, на сколько прочны и жизненны принципы, положенные Василіемъ Васильевичемъ въ основу почвовѣдѣнія. Въ это же время (1882 г.) Нижегородское губернское земство пригласило В. В. Докучаева для изслѣдованія почвъ въ губерніи. Изслѣдованія эти подъ руководствомъ В. В. производились многими молодыми почвовѣдами и ботаниками въ теченіе четырехъ лѣтъ. Описаны были геологія, почвы, растительность и климатъ Нижегородской губерніи, что составило 14 томовъ „Матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи“ съ геологической и почвенной картами. I и XIV т. являются и въ настоящее время капитальными сочиненіями по почвовѣдѣнію. Здѣсь впервые изложена стройная естественно-историческая классификація русскихъ почвъ. Печатаніе трудовъ закончено было въ 1886 году. Отсюда видно, съ какою немовѣрною быстротою шла работа. Кромѣ того результатомъ изслѣдованій В. В. Докучаева явилось учрежденіе въ Нижнемъ-Новгородѣ земскаго естественно-историческаго музея. Въ слѣдующемъ же 1887 году В. В. получилъ приглашеніе произвести подобныя же изслѣдованія въ Полтавской губерніи, которыя были закончены въ періодъ времени 1888—1890 г.

Результаты изслѣдованій составили шестнадцать томовъ, вышедшихъ подъ общей редакціей Василя Васильевича за время 1890—1894 г. Кромѣ текста составлены и изданы почвенная, гипсометрическая и др. карты губерніи. Въ городѣ Полтавѣ основанъ былъ, какъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, земскій естественно-историческій музей. Въ 1890—1892 годахъ по идеѣ и подъ руководствомъ В. В. на средства владѣльцевъ были произведены подробныя изслѣдованія геологіи, почвъ, воды, растительности и животныхъ обширныхъ имѣній В. Л. Нарышкина (имѣніе Пады Саратовской губерніи) и дачи свѣтлѣйшаго князя Воронцова-Шувалова (Павловскаго уѣзда Воронежской губерніи). Одновременно съ указанными выше работами научно-организаторская дѣятельность В. В. выразилась въ основаніи въ 1888 году при Вольно-экономическомъ обществѣ особой „почвенной комиссіи“, имѣвшей цѣлью общими силами подвинуть впередъ изученіе почвъ Россіи, государственную важность котораго В. В. такъ ясно понималъ. Кромѣ того В. В. принималъ весьма дѣятельное участіе въ комиссіяхъ (1886 — 1887 г.) по выработкѣ программъ для испытательныхъ сельско-хозяйственныхъ и метеорологическихъ станцій въ Россіи. Въ 1890 году В. В. Докучаевъ является главнымъ организаторомъ, буквально бравировавшимъ своимъ дѣйствительно рѣдкимъ здоровьемъ, VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ. В. В. Докучаевъ былъ избранъ секретаремъ съѣзда. По его инициативѣ на VIII съѣздѣ была организована агрономическая секція, которая по многолюдству, обилію докладовъ и интересу вышла блестящей. Вообще 1889 — 1892 годы отличались особою напряженностью работы В. В. Кромѣ сказаннаго въ тотъ же періодъ В. В. подымаетъ вопросъ объ изслѣдованіи С.-Петербурга и его окрестностей, въ естественно-историческомъ, физико-географическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. В. В. мечталъ завершить изслѣдованія къ 200-лѣтнему юбилею Россійской столицы и тѣмъ самымъ дать возможность городскому столичному управленію достойно ознаменовать важный историческій юбилей. Около В. В. собралось свыше восьмидесяти лицъ съ самыми почтенными именами изъ разныхъ научныхъ областей; тутъ были геологи, почвовѣды, ботаники, зоологи, врачи, гидрологи и другіе. Всѣ несли свой трудъ и время на общее дѣло. Результатомъ совмѣстныхъ работъ были „Труды комиссіи по изслѣдованію Петербурга и его окрестностей“, содержащіе въ себѣ тридцать печатныхъ листовъ. На всомирной парижской выставкѣ 1889 г. В. В. выставляетъ коллекцію почвъ Россіи, за что и получаетъ большую золотую медаль.

Съ 1891 года В. В. Докучаевъ принимаетъ дѣятельное участіе въ Высочайше утвержденной комиссіи по вопросу объ организаціи высшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи вообще и въ реформѣ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ особенности, и его участіе и труды въ названной комиссіи немало способствовали возрожденію упомянутаго, въ то время подлежавшаго полному упраздненію института. Большое значеніе въ спасеніи Ново-Александрійскаго института имѣло то вниманіе и уваженіе, которое питаль къ В. В. Докучаеву покойный графъ Н. Д. Деллиновъ, въ то время министръ народнаго просвѣщенія. Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства былъ спасенъ, расширена была программа института, обновленъ составъ профессоровъ, учреждена первая въ Россіи кафедра почвовѣдѣнія, составлявшая давнишнюю мечту В. В. 1-го іюня 1892 года Василій Васильевичъ, оставаясь профессоромъ С.-Петербургскаго университета, по Высочайшему повелѣнію становится во главѣ Ново-Александрійскаго института въ качествѣ его временнаго директора. Въ томъ же году, благодаря сочувствію и содѣйствію бывшаго директора лѣсного департамента г. Писарева, В. В. на средства лѣсного департамента организуетъ на югѣ Россіи, въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской и Екатеринославской, на казенныхъ земляхъ, особые опытные участки по испытанію и учету различныхъ способовъ и приѣмовъ лѣсного и воднаго хозяйства въ степяхъ Россіи. Непосредственнымъ толчкомъ для такого важнаго дѣла послужили предшествовавшіе годы неурожая въ лучшей житницѣ Россіи. Въ тѣ годы самые инертные, самые индифферентные къ выводамъ науки люди обращали свои растерянные взоры въ ея сторону. В. В. Докучаеву яснило, чѣмъ кому либо, была видна важность „учета способовъ и приѣмовъ.... хозяйствъ въ степи“. Онъ не упустилъ благопріятнаго момента. Экспедиція была быстро снаряжена и энергично принялась за дѣло. Выбранные участки были изслѣдованы въ гидрологическомъ, геологическомъ, почвенномъ и ботаническомъ отношеніи. Произведена также детальная инвентаризація участковъ. Отчеты объ этихъ изслѣдованіяхъ, а также различныя карты къ нимъ были изданы въ 1894 г., подъ редакціей В. В. Докучаева. Наконецъ въ этотъ же періодъ при участіи В. В. организуется при министерствѣ земледѣлія бюро почвовѣдѣнія, завѣдывающимъ котораго былъ назначенъ Василій Васильевичъ. Подъ его редакціей нѣкоторые члены бюро занимаются составленіемъ общей почвенной карты Европейской Россіи на основаніи тѣхъ самыхъ принциповъ, которые вы-

работаны В. В. Докучасвымъ и созданною имъ школою почвовѣдъ. Пельза не указать также на одну завѣтную мечту Василія Васильевича, которую онъ неуклонно стремился осуществить. Мечта эта уже обрисовывалась въ первомъ трудѣ Докучаева по почвовѣдѣнію, именно въ его „Картографіи русскихъ почвъ“, изданной въ 1879 году и теперь ставшей библиографическою рѣдкостью. Въ определенной формѣ она была выражена въ томъ же 1879 году, когда по предложенію проф. Докучаева, Иностранцева, Мушкетова, Теофилактова, Ходнева, Шмидта и нѣкоторыхъ другихъ членовъ VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ, распорядительный комитетъ отъ лица всего съѣзда постановилъ ходатайствовать предъ г. министромъ государственныхъ имуществъ объ открытіи почвеннаго музея при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Вопросъ объ организаціи центрального почвеннаго учрежденія не разъ возбуждался В. В., и не мало на этотъ счетъ было написано, а частью напечатано различныхъ ходатайствъ и докладныхъ записокъ. Всѣхъ ихъ постигла одна и та же участь. В. В. Докучасвъ умеръ, не дождавшись не только осуществленія, но даже намековъ на осуществленіе своей мечты. Впрочемъ, подобная участь не отвѣчала ни „своевременности“, ни высокой пользы, ни „крайней необходимости скорѣйшей организаціи самостоятельнаго почвеннаго учрежденія“, а была обусловлена другими причинами, не имѣющими во всякомъ случаѣ ничего общаго съ перечисленными.

Выше приведенный перечень занятій и работъ В. В. не исчерпываетъ еще всего. В. В. читалъ лекціи въ университетѣ, кромѣ обязательныхъ, еще нѣсколько часовъ въ недѣлю сверхъ нормы, а также читалъ лекціи въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, устраивалъ экскурсіи со студентами и пр. Какъ могъ одинъ человекъ дѣлать такъ много? Вотъ невольный вопросъ, который возникаетъ у каждаго, кто знакомится съ дѣятельностью В. В. Онъ обладалъ огромною работоспособностью. Это была крупная русская натура и физически и умственно, также какъ и большинство крупныхъ русскихъ натуръ нерасчетливая въ расходованіи своихъ силъ. Василій Васильевичъ не зналъ усталости. Работать почи напролетъ — это было обычно для В. В. Достаточно упомянуть, что типографія, которая постоянно имѣла дѣло съ В. В., нерѣдко назначала ночную смѣну рабочихъ, чтобы къ утру не только напечатать, но и сброшюровать, однимъ словомъ окончательно приготовить какой-нибудь докладъ, записку и пр.; корректуру же онъ держалъ самъ...

Ясно, что такую жизнь не можетъ выдержать никакой, хотя бы

и весьма сильный организмъ. Дѣйствительно, уже въ 1892 — 1893 г. можно было видѣть рѣзко выраженную у В. В. неврастенію. Силы этого работника были надорваны. Въ 1894 году В. В. Докучаевъ подаетъ г. министру народнаго просвѣщенія прошеніе объ освобожденіи отъ обязанностей временно управляющаго Ново-Александрійскимъ институтомъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а въ слѣдующемъ году окончательно покидаетъ профессорскую дѣятельность и другія служебныя занятія. Но вулканъ никогда не гаснетъ сразу. Послѣ годичнаго отдыха и полнаго невольнаго удаленія отъ всякой умственной работы, В. В. неожиданно проявилъ снова необыкновенно кипучую дѣятельность. Онъ выставилъ превосходнѣйшую коллекцію почвъ на Всероссийской Нижегородской выставкѣ, весьма успѣшно организуетъ по преимуществу для сельскихъ хозяевъ лекціи по сельскому хозяйству и сопредѣльнымъ наукамъ, пригласивъ, кромѣ петербургскихъ, профессоровъ и специалистовъ изъ Харькова, Варшавы, Юрьева и пр. Но это пробужденіе не прошло для В. В. даромъ...

Послѣ вторичнаго перерыва В. В. Докучаевъ проявляетъ новую, на этотъ разъ послѣднюю, вспышку. Въ 1898 и 1899 годахъ, по приглашенію Закавказскаго статистическаго комитета, онъ два раза посѣщаетъ Закавказье съ цѣлью изученія этой страны въ почвенномъ отношеніи и составленія общаго плана производства земельной оцѣнки въ краѣ. Результаты этой интереснѣйшей поѣздки В. В. Докучаева вкратцѣ изложены имъ въ протоколѣ общаго собранія членовъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества 26-го сентября 1898 года и въ „предварительномъ отчетѣ объ изслѣдованіяхъ на Кавказѣ лѣтомъ 1899 года“, помѣщенныхъ въ „Извѣстіяхъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества“ (т. XII, вып. III, 1899 г.). Въ томъ же 1899 году В. В. печатаетъ въ запискахъ Императорскаго минералогическаго общества (втор. сер. XXXVII ч., 2-й вып.) интересную статью „Къ вопросу о Ронетекскихъ гипсахъ“. Это была лебединая пѣснь В. В. Послѣ этого онъ совершенно смолкъ, удалившись отъ всего того, что его когда-то такъ живо интересовало, отъ всего того, чѣмъ онъ исключительно жилъ. За послѣднее время больной, подавленный, В. В. не хотѣлъ видѣть никого изъ своихъ знакомыхъ, даже друзей. Онъ усердно молился, чтобы Господь прекратилъ его страданія. 26-го октября молитва В. В. была услышана. Молясь, В. В. отошелъ въ вѣчность... Миръ праху твоему, неутомимый борецъ, за свое любимое русское почвовѣдствіе! В. В. похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ

рядомъ съ Анной Егоровной Докучаевой, которая была для него при жизни неизмѣннымъ добрымъ гениемъ.

Кромѣ многочисленныхъ научныхъ сообщений, сдѣланныхъ въ собраніяхъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, Императорскаго минералогическаго, Императорскаго вольно-экономическаго общества и др., перу В. В. принадлежатъ многочисленные труды и замѣтки (свыше 150); назовемъ главнѣйшія:

„Къ вопросу объ осушеніи болотъ Полясья“ 1875 г. „О предполагаемомъ обмелѣніи рѣкъ“. „Обзоръ свѣдѣній о русскомъ черноземѣ“ 1876 г. „О распространеніи эрратическихъ валуновъ въ Россіи и о характерѣ пашинъ южныхъ наносовъ“ 1876 г. „Объ аллювиальныхъ образованіяхъ долины р. Оки и объ остаткахъ доисторическаго челоука у д. Волосово, около Мурома“ 1878 г. „Очеркъ важнѣйшихъ изъ существующихъ почвенныхъ классификацій“ 1878 г. „Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европейской Россіи“ 1878 г. „Овраги и ихъ значеніе“ 1876 г. „Итоги о русскомъ черноземѣ“ 1877 г. „Предварительный отчетъ по изслѣдованію юго-восточной части черноземной полосы Россіи“ 1879 г. „Предварительный отчетъ по изслѣдованію юго-западной части черноземной полосы Россіи“ 1878 г. „О нормальномъ залеганіи чернозема“ 1878 г. „Картографія русскихъ почвъ“ 1879 г. „О подзолѣ“ 1880 г. „Tchernozème de la Russie d'Europe“ 1879 г. „Какія общія мѣры могли бы способствовать поднятію крайне низкаго уровня почвоугодія въ Россіи?“ 1880 г. „Отвѣтъ на возраженія по поводу доклада о мѣрахъ къ поднятію низкаго уровня почвоугодія въ Россіи“ 1881 г. „Ходъ и главнѣйшіе результаты предпринятаго Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ изслѣдованія русскаго чернозема“ 1881 г. „О законности распредѣленія по Россіи растительно-паземныхъ почвъ“ 1881 г. „Разборъ книги гр. Уварова „Каменный вѣкъ въ Россіи“ 1881 г. „О геологическомъ строеніи юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи“ 1882 г. „Схематическая почвенная карта черноземной полосы Европейской Россіи“ 1882 г. „Русскій черноземъ“ 1883 г. „О происхожденіи русскаго чернозема“. 1884 г. „О такъ называемомъ юрьевскомъ черноземѣ“, 2 ст. 1884—1885 г. „Къ вопросу о русскомъ черноземѣ“ 1885 г. „О пользѣ изученія мѣстной номенклатуры русскихъ почвъ“ 1886 г. „Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи“ (вып. I—XIV, 1882—1886 гг.; Докучаеву принадлежитъ 1 выпускъ и нѣкоторыя главы XIII и XIV и ближайшая редакція всего труда). „Объясненія къ почвенной картѣ Нижегородской губерніи“ 1887 г. „О нормальной оцѣнкѣ

почвъ Европейской Россіи“ 2 ст. 1887 г. „Геологическое строеніе и почвы имѣнія А. Н. Энгельгардта Батищево, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи“ 1888 г. „Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи?“ 1888 г. „Общій петрографическій анализъ скелетовъ изъ почвъ малоазійскихъ и македонскихъ табачныхъ плантацій“ 1889 г. „Краткая программа почвенныхъ изслѣдованій въ полѣ“; 2 ст.; изданіе 1891 г. „Краткій научный обзоръ почвенной коллекціи, выставленной въ Парижѣ, въ 1889 г.“ „Матеріалы по оцѣнкѣ земель Полтавской губерніи“ (вып. 1—XVI, 1890—1894 гг. подъ редакціей Докучаева). „Вопросъ объ изслѣдованіи Петербурга и его окрестностей, въ естественно-историческомъ, физико-географическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ“ 1890 г. „Проектъ почвеннаго комитета и объяснительная записка къ нему“ 1891 г. „Къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности, съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ съ другой“ 1891 г. „Овражный аллювій Новыхъ Сенжаръ“ 1890 г. „О главныхъ результатахъ почвенныхъ изслѣдованій въ Россіи за последнее время“ 1890 г. „Наши степи прежде и теперь“ 1892 г. (работа переведена на французскій и англійскій языки). „О происхожденіи русскаго лѣсса“ 1892 г. „Note sur le loess“ 1893 г. „Общій проектъ работъ особой экспедиціи лѣснаго департамента, по испытанію и учету различныхъ способовъ и приѣмовъ лѣснаго и воднаго хозяйства“ 1893 г. „Почвовѣдѣніе въ Россіи; его прошлое и настоящее“ (на англійскомъ языкѣ) 1893 г. „Труды комиссіи по изслѣдованію С.-Петербурга и его окрестностей въ естественно-историческомъ, сельско-хозяйственномъ, гигиеническомъ и ветеринарномъ отношеніяхъ“ 1894 г. „Къ вопросу объ открытіи при русскихъ университетахъ каедръ почвовѣдѣнія и ученія о микроорганизмахъ“ 1895 г. „Значеніе учрежденія почвеннаго комитета“ 1895 г. „Объясненіе и описаніе почвенной коллекціи профессора В. Докучаева и его учениковъ, экспонированной на Всероссийской выставкѣ въ Москвѣ въ 1895 г.“. „Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ на Кавказѣ лѣтомъ 1899 г.“. „Почвенныя зоны вообще и почвы Кавказа въ особенности“ 1899 г. „Къ вопросу о Репетекскихъ гипсахъ“ 1899 г.

III. Землѣдѣческій.

КУЛЬТЬ АПОЛЛОНА НА ВОСПОРЪ И ВЪ ОЛЬВИИ.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ культовъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, начиная отъ Аполлоніи и кончая Фанагоріей и Танаидомъ, былъ культъ Аполлона ¹⁾.

О значеніи культа Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвии свидѣтельствуеъ и сравнительное обиліе сохранившихся до нашего времени *ольвійскихъ* и *воспорскихъ* надписей, имѣющихъ къ этому культу то или иное отношеніе. Самыя раннія изъ нихъ восходятъ къ IV вѣку до Р. Хр., самыя позднія — къ II и III вѣкамъ христіанской эры. Эти надписи являются и главнѣйшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній: никакихъ литературныхъ свидѣтельствъ о почитаніи Аполлона на сѣверныхъ берегахъ Евксина намъ неизвѣстно.

Надписи, прежде всего, сообщаютъ намъ, что Аполлонъ почитался въ сѣверно-черноморскихъ колоніяхъ подъ тремя эпитетами:

Δελφίνιος, Ἰητήρς и Προστάτης.

О культѣ Аполлона *Делфинія* свидѣтельствуеъ лишь одна ольвійская надпись, вырѣзанная на недесталѣ статуи его жреца ²⁾. Статую посвящаютъ богу сыновья жреца: Ἀγρότας καὶ Ποσειδῶς οἱ ἀδελφοὶ τοῦ πατέρα Διονύσιον [Ἀπ]όλλωνι Δελφίνιῳ ἱερησάμενον. По характеру письма и нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, надпись можетъ быть отнесена къ началу III вѣка до Р. Хр. ³⁾.

¹⁾ На преобладаніе въ южно-русской нумизматикѣ типа монетъ съ изображеніемъ Аполлона обращалъ вниманіе уже кн. *Сибирскій* въ своемъ трудѣ „Каталогъ монетъ Воспора Киммерійскаго и изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ Воспорскаго государства“ (С.-Петербургъ 1860).

²⁾ *Latyschev*, *Insgr. P. Eux. I* 106.

³⁾ Имя Діонисія, сына Агрота, встрѣчается въ спискѣ ольвійскихъ гражданъ

Съ культѣмъ Аполлона Врача мы встрѣчаемся въ Пантикапей и Фанагоріи. До насъ дошли три пантикапейскіихъ ¹⁾ и одна фанагорійская ²⁾ надписи, относящіяся къ Аполлону Врачу. Такъ какъ древнѣйшая изъ нихъ (Latyschev, Inscr. P. Eux. I 6) датируется правленіемъ Левкона I (387—347 г. до Р. Хр.), то мы имѣемъ полное основаніе признать, что документально культъ Аполлона Врача на Воспорь засвидѣтельствованъ уже для начала IV вѣка до Р. Хр.

Къ этимъ четырѣмъ документамъ можно присоединить еще одинъ фрагментъ ольвійской посвятительной надписи въ честь Аполлона, нынѣ хранящійся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ ³⁾.

Какъ ни скуденъ сопоставленный матеріалъ, все же мы можемъ, на основаніи его, сдѣлать нѣкоторые выводы. Такъ мы можемъ утверждать, что жречество Аполлона Врача не принадлежало одному какому-нибудь роду, а было доступно всѣмъ гражданамъ. Право на такое заключеніе даютъ, кажется, имена жрецовъ Аполлона Врача: изъ разсмотрѣнія, какъ этихъ именъ, такъ и именъ отцевъ и сыновей жрецовъ не видно, чтобы жрецы Аполлона стояли въ какой-либо родственной связи другъ къ другу ⁴⁾. Это же заключеніе подтверждается фактомъ жречества „паревича“ Левкона, лица завѣдомо принадлежавшаго къ роду Спартокидовъ, наследственныхъ архонтовъ Воспора. Сохранилась надпись, которую Левконъ поставилъ въ честь Аполлона ⁵⁾: Λεύκων Παρισάδου ἀνέθηκε τὸν ἀνδριάντα Ἀπόλλωνι [Ἰ]ητρῶ[ι] ἱερῆσάμενος, ἄρχοντας Παρισάδου τοῦ Σπάρτοχου Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλεύοντος Σινδῶν καὶ Μαίτων πάντων καὶ Θεάτων. Что упомянутый въ надписи

Latyschev, Inscr. P. Eux. I 114, col. 2, v. 27, наряду съ именемъ Ἦροσῶν Протоγίνοус, а этого послѣдняго можно съ большою вѣроятностью считать отцемъ знаменитаго Протогена (ср. Inscr. P. Eux. I, p. 133). Такимъ образомъ, если признать вмѣстѣ съ В. В. Латышевымъ, что упоминаемый въ спискѣ Діонисій, сынъ Агрота, тождественъ съ Діонисіемъ, жрецомъ Аполлона Дельфинія приведенной надписи, то и съ этой точки зрѣнія придется относить ее къ первой половинѣ III вѣка.

¹⁾ Latyschev, Inscr. P. Eux. II 6. 10. 15.

²⁾ Latyschev, Inscr. P. Eux. II 348.

³⁾ Latyschev, Inscr. P. Eux. I 93, верхняя строка:χίτος Ὀρβιπολίτης? или, можетъ быть, Ὀλυμπιόδωρος?, нижняя строка: [Ἀπ]όλλωνι Ἰητρῶνι. Такъ какъ стоящая на камнѣ I послѣ слова [Ἀπ]όλλωνι, по сообщенію В. В. Латышева, читается въплотѣ ясно, то предполагать иное прозвище врядъ ли есть основаніе.

⁴⁾ Жрецы Аполлона Врача въ Пантикапей: 1) Δεινοστράτης Latyschev, Inscr. P. Eux. II 6, сынъ его носитъ имя Στρατοκλής; 2) [Σ]αυρίων Πατρίου Inscr. P. Eux. II 10; 3) Λεύκων Παρισάδου Inscr. P. Eux. II 15. Въ Фанагоріи: [Θ]εόφιλος[ος] Σίνγου Inscr. P. Eux. II 348.

⁵⁾ Latyschev, Inscr. P. Eux. II 15.

Левконъ, сынъ Перисада *архонта*, царевичъ, а не простой гражданинъ, доказывается уже тѣмъ, что имена Λεύκων и Παρισάδης принадлежали, насколько извѣстно, исключительно роду Спартокидовъ. То обстоятельство, что въ надписи не обозначено царское достоинство, или вѣрнѣе—достоинство архонта, отца Левкона, Перисада, не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что въ „памятникѣ Комосаріи“ ¹⁾ жена архонта Перисада называется просто *Κομοσαρῆ Γοργίππου θυγάτηρ, Παρισάδου* [τυγῆ]. Выраженіе Λεύκων Παρισάδου вполне соотвѣтствуетъ именамъ другихъ жрецовъ Аполлона Врача, напримѣръ, [Σ]ατυρίων Παταίου, [Θ]εόφιλο[ς] Σάνχου.

Тѣ же надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что жречество Аполлона Врача, равно какъ и Аполлона Дельфинія, не было пожизненнымъ, а продолжалось лишь нѣкоторый, опредѣленный, срокъ: заключаемъ мы это изъ постоянно встрѣчающейся при именахъ жрецовъ формы причастія медіальнаго аориста, *ιερωάμενος*, стоящей въ томъ или иномъ падежѣ, въ зависимости отъ конструкціи.

Указаній на то, какова была продолжительность срока жречества Аполлона мы въ нашихъ документахъ не находимъ. Нельзя ли, однако, для уясненія этого вопроса, воспользоваться слѣдующей аналогіей? Въ Истрополѣ, тоже древней милитской колоніи на берегу Чернаго моря, мы, какъ и въ Пантисалеѣ, встрѣчаемся съ культомъ Аполлона Врача. Диттенбергеръ во второмъ изданіи I тома своего сборника (*Sylloge*) помѣстилъ подъ № 325 истропольскую надпись I вѣка до Р. Хр., въ общемъ напоминающую своимъ характеромъ протогонвскій декретъ. Надпись представляетъ постановленіе въ честь нѣкаго Аристагоры, сына Анатуриа, жречествомъ котораго датируется и самый документъ. Конецъ надписи до насъ не дошелъ, и мы не знаемъ, какъ почтилъ Истрополь Аристагору. Сохранилось перечисленіе государственныхъ заслугъ Аристагоры, оказанныхъ имъ отечеству, и тѣхъ должностей, отправленіе которыхъ Аристагора бралъ на себя. Въ числѣ заслугъ Аристагоры особенно подчеркивается то, что онъ неоднократно принималъ жреческій вѣнецъ Аполлона Врача. Изъ 35-ой строки декрета слѣдуетъ, что срокъ жречества Аполлона въ Истрополѣ былъ годичный. Мы читаемъ тамъ, что Аристагора принялъ жречество въ третій разъ, и *черезъ годъ*, когда опять не находилось никого, кто бы предложилъ свои услуги, онъ принялъ вѣнецъ бога въ четвертый разъ:

¹⁾ *Latyschev, Inscr. P. Eux. II 346.*

μετά ἐνια[υ]τόν τε μηδενός ἑαυτὸν ἐπιδιδόντος, τὸν αὐτὸν ἀναλαβὼν στέφανο[v] ἱερέησато ¹⁾).

Положеніе жречества Аполлона Врача въ Истрополѣ сходно съ положеніемъ этого жречества на Воспорѣ. И здѣсь, и тамъ должность жреца была очень важною: στέφανος бога былъ въ Истрополѣ ἐκώνυμος τῆς πόλεως; въ Истрополѣ и въ Паптикапесѣ жречество не принадлежитъ опредѣленному роду. Всѣ эти соображенія даютъ основаніе предполагать, что на Воспорѣ жречество Аполлона Врача и, можетъ быть, въ Ольвіи жречество Аполлона Дельфинія было *родичнымъ*.

Можно, пожалуй, вывести изъ надписей и третье заключеніе.

Всѣ дошедшія до насъ посвященія, дѣлаемыя Аполлону его жрецами, состоятъ изъ статуй. Агротъ и Посидій посвящаютъ Аполлону Дельфинію статую своего отца Діонисія ²⁾. Стратоклъ ставитъ Аполлону Врачу статую: форма камня, на которомъ вырѣзана надпись, показываетъ, что онъ служилъ пьедесталомъ для статуи ³⁾. Сатирионъ посвящаетъ тоже статую ⁴⁾. Левкопъ посвящаетъ Аполлону Врачу τὸν ἀνδριάντα, какъ гласитъ надпись (см. выше). На камнѣ, на которомъ читается фанагорійская надпись Теокла, находятся слѣды ногъ стоявшей нѣкогда на немъ бронзовой статуи ⁵⁾. Такъ какъ посвященія или исходятъ отъ жрецовъ Аполлона, окончившихъ срокъ своего жречества, ἱερηζαμένων, или отъ дѣтей жрецовъ, совершающихъ посвященіе за своихъ отцевъ, опять-таки окончившихъ срокъ жречества, то, естественно, является предположеніе о существованіи на Воспорѣ обычая, въ силу котораго жрецъ Аполлона Врача (а въ Ольвіи Дельфинія) посвящаль богу свою статую, по окончаніи своего жречества. Мы, разумѣется, на нашемъ предположеніи не настаиваемъ, такъ какъ, возможно, факты, на которые оно опирается, должны быть признаны чисто случайными ⁶⁾.

¹⁾ Косвеннымъ образомъ на годовой срокъ указываетъ также и то, что съ жречествомъ Аполлона въ Истрополѣ была соединена эпонимія.

²⁾ *Latyshev, Inscr. P. Eux. I 106.*

³⁾ *Latyshev, Inscr. P. Eux. II, p. 5.*

⁴⁾ *Latyshev, Inscr. P. II 10, замѣчаніе къ надписи.*

⁵⁾ На это указываютъ *Л. Стефани, Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1867, 199.*

⁶⁾ Въ эпиграммѣ Фаномаха, времени Персеада I, т. е. второй половинѣ IV вѣка (*Latyshev, Inscr. P. Eux. II 9*), мы видимъ новый примѣръ посвященія Аполлону статуи отца сыномъ. Фаномахъ ставитъ Фиву статую своего отца Антистасія, причемъ называетъ свой даръ бессмертнымъ, ἀθάνατον ἕρμας, указывая этимъ, можетъ быть, на его пѣнность. Былъ ли Антистасій жрецомъ Аполлона, мы не знаемъ.

Новыя данныя сообщаютъ намъ двѣ надписи изъ Фанагоріи. Одна изъ нихъ датирована правленіемъ Перисада I ¹⁾. Нѣкто Мисторъ посвящаетъ Аполлону въ память или честь своего отца Пинсосена, надо думать, статую. Посвященіе мотивируется агонеееіей Мистора. Отсюда проще всего допустить, что агонь, о которомъ идетъ въ надписи рѣчь, совершался въ честь Аполлона. Въ чемъ агонь состоялъ, мы сказать не можемъ, такъ какъ агонеееіа имѣла мѣсто при различнаго рода агонахъ.

Вторая надпись ²⁾ болѣе поздняго времени, а именно около Р. Хр.: она датирована царствованіемъ Аспурга (8 г. до Р. Хр.—38 г. по Р. Хр.). Это актъ манумиссіи. Фодакъ, сынъ Повона ([Φ]όδακος Πόθωνος), отпускаетъ на волю своего раба, τὸν ἑαυτοῦ [θρ]επ[τό]ν, Діонисія, черезъ посвященіе его Аполлону.

Итакъ, то, что мы можемъ извлечь изъ сопоставленнаго эпиграфическаго матеріала, сводится къ слѣдующему:

1) Жречество Аполлона Врача на Воспорѣ въ IV и III вѣкахъ до Р. Хр. не являлось принадлежностью какого-либо жреческаго рода.

2) Оно продолжалось опредѣленный срокъ, вѣроятно всего—годинчій.

3) Повидимому, жрецы, по окончаніи этого срока, посвящали бо-жеству свои статуи.

Отдѣльно стоитъ извѣстіе объ агонѣ въ честь Аполлона въ IV вѣкѣ.

Несравненно богаче серія документовъ, относящихся къ ольвійскому культу Аполлона *Простата*.

Въ Ольвіи, въ греко-скинской ея періодъ, Аполлонъ Простатъ является патрономъ коллегіи стратиговъ. Слѣдствія нашей объ этой коллегіи основываются почти исключительно на надписяхъ, представляющихъ посвященія Аполлону Простату. До насъ дошло 26 записей ³⁾ о пожертвованіяхъ, которыя коллегіи стратиговъ посвящали въ его храмъ, при оставленіи должности ⁴⁾. 27-я записка найдена недавно Б. В. Фармаковскимъ при его раскопкахъ въ Ольвіи. Всѣ записи, по времени, относятся къ греко-скинскому періоду, болѣею частью ко II и III столѣтіямъ по Р. Хр.

¹⁾ *Latyshev, Inscr. P. Eux. II 325=Dittenberger, Syll³. 132.*

²⁾ *Latyshev, Inscr. P. Eux. II 364.*

³⁾ *Inscr. P. Eux. I 50—74. IV 15. 16.*

⁴⁾ *В. В. Латышевъ, Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи, С.-Пб. 1887, 282.*

Форма этихъ посвященій очень однообразна. Она различается лишь нѣкоторыми деталями, касающимися, главнымъ образомъ, того или иного рода приношеній, хотя и здѣсь не наблюдается большого разнообразія. Обычная форма посвященія такова: Ἀγαθῆι τύχη. Ἀπόλλωνι Προστάτηι οἱ περὶ τὸν δεῖνα στρατηγοὶ (слѣдуетъ пять именъ стратиговъ) ἀνέθηκαν (слѣдуетъ описаніе дара) ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Иногда заключительная часть формулы бываетъ болѣе пространной ¹⁾: ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθείας καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας.

Большаго вниманія заслуживаетъ другое видоизмѣненіе этой заключительной части, встрѣчающееся въ нашихъ документахъ четыре раза ²⁾.

Подробнѣе всего оно развито въ слѣдующемъ видѣ ³⁾: ὑπὲρ εὐσταθείας τῆς πόλεως καὶ εἰρήνης καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας καὶ ἀνδραγαθίας. И въ остальныхъ трехъ надписяхъ также упоминается о „доблести“ (ἀνδραγαθία) стратиговъ. Выраженіе ὑπὲρ ἀνδραγαθίας, повидимому, поставлено неслучайно и можетъ быть, такъ или иначе, объяснено.

Начнемъ съ надписи Inscr. P. Eux. I 57. Въ концѣ ея сдѣлана приписка: Ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τοὺς καλῶς στρατηγήσαντας ἐτίμησεν χρυσοῦ στεφάνῳ. Надо думать, совѣтъ и народъ почтилъ стратиговъ золотымъ вѣнкомъ именно ἀνδραγαθίας ἕνεκα αὐτῶν.

Вторая надпись, Inscr. P. Eux. I 68, вполне аналогична первой. Хотя она и дошла до насъ въ очень фрагментированномъ видѣ, конецъ ея дополняется легко: [Ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τοὺς σ]τρατηγήσαντας [ἐτίμησεν χρυσοῦ σ]τεφάνῳ. И стратиги посвящаютъ Аполлону ὑπὲρ [τῆς πόλεως καὶ τῆς ἑαυτῶν] σωτηρίας καὶ ἀνδραγαθίας] золотой вѣнокъ, очевидно, тотъ самый, который они получили.

Итакъ въ обѣихъ надписяхъ слова ὑπὲρ ἀνδραγαθίας стоятъ въ связи съ тѣмъ, что стратиги получили награду отъ совѣта и народа за свою доблесть.

Въ третьемъ документѣ (Inscr. P. Eux. I 63), оканчивающемся словами: (такіе-то стратиги) ἀνέθηκαν Νείκην χρύσεον ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθείας καὶ τῆς ἑαυτῶν ἀνδραγαθίας, мы прямыхъ указаній на причины, заставившія упомянуть въ надписи объ ἀνδραγαθία стратиговъ, не находимъ. Но намъ извѣстенъ зато почетный декретъ въ честь Посидея сына Сатира—предсѣдателя коллегіи стратиговъ въ

¹⁾ Latyshev, Inscr. P. Eux. I 52. 54. 59. 62. IV 15.

²⁾ Latyshev, Inscr. P. Eux. I 57. 63. 64. 68.

³⁾ Latyshev, Inscr. P. Eux. I 57.

нашей надписи ¹⁾. Въ этомъ декретѣ, изданномъ въ его честь и память, мы читаемъ, что Посидея, сына Сатира, народъ увѣнчиваетъ *золотымъ вѣнкомъ*; а въ началѣ декретъ упоминается и о стратигіи Посидея. Такимъ образомъ и въ надписи Inscr. P. Eux. I 63 упоминаніе объ ἀνδραγαθία стоитъ въ связи съ наградою золотымъ вѣнкомъ. Возможно, наряду съ нашей записью стратиговъ о посвященіи былъ поставленъ почетный декретъ совѣта и народа съ похвалою коллегіи стратиговъ подъ предсѣдательствомъ Посидея, и это дало поводъ упомянуть объ ἀνδραγαθία стратиговъ въ посвященіи ихъ Аполлону Простату.

Изъ всѣхъ ольвійскихъ надписей, упоминающихъ Аполлона Простата, быть можетъ, ни одна не представляетъ такого интереса, какъ надпись, помѣщенная въ Inscr. P. Eux. I 58. Въмѣсто обычныхъ даровъ, жертвуемыхъ божеству стратигами, въ родѣ ожерелья, Ники или фіалы, въ ней говорится, что стратиги выстроили крышу храма Аполлона и то, чего не доставало кругомъ храма. Внизу надписи стоитъ эпиграмма, возстановленная В. В. Латышевымъ. Стратиги называютъ въ ней себя „служителями святилища Аполлона“. Вотъ эта эпиграмма:

Σὼν σπῆ[ω]ν π[ρ]όπολοι, Ἀ[η]τοῦς υ]ιέ(?), τὰζότα Φοῖβε,
 κόσμησα[ν] ν[α]όν, κύδαϊ γηθόμενοι,
 δυσμενέ[ων] ἐν ὄχ[λ]οσ[ι] τροπαιοφόρον κατὰγον[τ]ε[ς]
 νείκην, ἣν πάτρη πασα θυη[τ]ο[λέει],

т. е. „храмъ украсили гордые славой служители твоего святилища ²⁾, о Фивъ, сынъ Латоны, мечущій стрѣлы, сведя на толпы враговъ несущую трофей побѣду, которую все отечество празднуетъ жертвоприношеніями“. Какъ указываетъ В. В. Латышевъ, текстъ эпиграммы въ нѣкоторыхъ частностяхъ возбуждаетъ сомнѣнія. Однако изъ сопоставленія этой эпиграммы съ предшествующей ей записью стратиговъ, во всякомъ случаѣ, ясно, что здѣсь имѣется въ виду какое-то

¹⁾ *Latyschev*, Inscr. P. Eux. I 25.

²⁾ Въ поэтической литературѣ πρόπολοι часто по значенію равняются ἱερείς: такъ Софоклъ называетъ Епмолидovъ πρόπολοι Oed. Col. 1051. Думать, однако, о томъ, что въ Ольвин со стратигіей соединялось жречество Аполлона Простата, мы, кажется, не имѣемъ достаточно оснований въ виду того, что, повидимому, у Аполлона Простата были свои особые жрецы: *Latyschev*, Inscr. P. Eux. I, p. 221, addenda ad №№ 66 et 86 (ἱερεὺς Μικ[ί]ων Εὐχαίρου). Выраженіе σὼν σπῆ[ω]ν π[ρ]όπολοι еще не говорить о жреческихъ стратиговъ: стратиги называютъ себя служителями не бога (ор. Eurip. Suppl. 2 οἱ τε ναοὺς ἔχετε πρόπολοι θεῶν), а служителями его святилища.

нашествіе или набѣгъ неизвѣстныхъ намъ непріятелей Ольвіи, окончившіяся для нихъ пораженіемъ. Побѣдителями являются сами стратиги: *τροπαιοφόρον κατάργον[τ]ε[ς] νείκην*. Надо думать, непріятель причинилъ во время набѣга сильныя поврежденія храму Аполлона, который стратиги и поправляютъ.

Эта надпись съ эпиграммой представляетъ, какъ уже сказано, ту особенность, что стратиги, вмѣсто посвященія обычныхъ даровъ Аполлону, заявляютъ о поправкѣ храма: они, какъ гласитъ надпись, *ἐπεσκεύασαν τοῦ Ἀπόλλωνος ν[α]οῦ τὴν τε ὀροφὴν [x]αὶ [x]ύκλωθεν τὰ ἐνλαί[π]οντα, [x]αίνισαντες ὑπὲρ τῆς πόλεος [x]αὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγεί[α]ς*.

Работа надъ возстановленіемъ храма, поврежденнаго во время непріятельскаго нашествія, замѣняетъ у нихъ обычное *ἀνάθημα*.

На чей счетъ была произведена работа? Надпись не даетъ на этотъ вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта, но его можно, кажется, найти при сравненіи ея съ другою записью коллегіи стратиговъ, у которой предсѣдателемъ былъ нѣкто Папіій, сынъ Праксіанакта ¹⁾. По имени предсѣдателя, назовемъ, для удобства, и самый документъ—*документомъ Папія*. Въ первый разъ документъ былъ опубликованъ еще въ 1803 году Палласомъ ²⁾: [*Ἀγ*]αθῆ τόχ[η]. Ἀπόλλωνι Προστάτῃ οἱ περὶ Παπίαν Πραξιάνακτος στρατηγοὶ (слѣдуетъ 5 именъ стратиговъ) ἀνέθησαν Νείκην χρό(σ)εον ὑπὲρ τῆς πόλεος καὶ τῆ[ς] ἑαυτῶν ὑγεί[α]ς]. Слѣдующая затѣмъ приписка, вырѣзанная на камнѣ болѣе мелкими буквами, долго не поддавалась правильному пониманію. Кёлеръ ³⁾ первый старался ее разобрать. Въ началѣ ея онъ прочелъ слова *ἐπὶ τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκεύασθη*, а въ концѣ тоῦ ναοῦ Ἀπόλλωνος Ἰθόπορον, давъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что въ припискѣ говорится о постройкѣ храма Аполлона Пенпора. Чтеніе Кёлера было принято Бёкомъ ⁴⁾ и прозвище Аполлона Ἰθόπορος вошло въ научный обиходъ ⁵⁾. Новое внимательное изслѣдованіе надписи, сдѣланное въ

¹⁾ *Latyschev, Inscr. P. Eux. I 61.*

²⁾ *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Zweiter Band, Leipzig 1803. Tab. II, pl. 2, fig. 4.*

³⁾ *Serapis, II, 32 сл.*

⁴⁾ *CIG. 2072.*

⁵⁾ См. объ этомъ *В. В. Латышевъ, Иссл. объ ист. и гос. строѣ г. Ольвіи, 170^о*. Даже въ энциклопедіи *Pauly—Wissowa, II, 51*, въ числѣ *ἐπικλησις* Аполлона, *Wernicke* помѣстилъ прозвище Ἰθόπορος. Ср. *Köhler, Mémoire sur les îles et la course cons. à Achille, 644.*

концѣ пятидесятихъ годовъ П. Беккеромъ ¹⁾, показало, что вмѣсто кѣлеровскаго Ἀπόλλωνος Ἰθυπόρου на камнѣ читается ἐ[χ] τοῦ δη[μοσίου] πόρου. Весь текстъ приписки, съ тѣми добавленіями, какія предложилъ В. В. Латышевъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: Ἐπί τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκευάσ[θησαν] αἱ στοαὶ τοῦ ναοῦ ἐ[χ] τοῦ δη[μοσίου] πόρου, т. е. „при тѣхъ же стратигахъ поправлены портики храма изъ общественнаго дохода“. Замѣтимъ, выше въ томъ же документѣ сказано, что стратиги принесли въ даръ Аполлону Нику. Слова ἐπί τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκευάσ[θησαν] αἱ στοαὶ τοῦ ναοῦ противопоставляются, такъ сказать, словамъ ἀνέθηκαν Νείκην χρύ(σ)εον: колоннады храма возстановлены ἐ[χ] τοῦ δη[μοσίου] πόρου, а золотую Нику стратиги приносятъ въ даръ Аполлону Простату на свой собственный счетъ. Очевидно, и во всѣхъ другихъ случаяхъ стратиги дѣлають посвященія на свой счетъ. Теперь, возвращаясь къ надписи, содержащей въ концѣ эпитафму, мы видимъ, что въ ней никакой приписки, на чей счетъ стратиги поправили крышу храма [χ]αὶ [χ]ύκλωθεν τὰ ἐνλεί[π]οντα, нѣтъ, но зато нѣтъ и указанія на особый даръ божеству, который въ документѣ Папія, напротивъ, обозначенъ (золотая Ника). Объясняется это, на мой взглядъ, тѣмъ, что стратиги въ надписи съ эпитафмою производятъ работу надъ поправкою храма *амисто посвященія обычнаго дари*. Такое объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ характерѣ заключительной формулы, общемъ для всѣхъ подобныхъ посвященій: [χ]αίνεσσαντες ὑπὲρ τῆς πόλεος [χ]αὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγεί[α]ς. И такъ какъ эта работа замѣняетъ у стратиговъ обычное ἀνάθημα, то ясно, она производится на ихъ собственный счетъ.

Приписка ἐ[χ] τοῦ δη[μοσίου] πόρου, относящаяся къ поправкѣ храмовыхъ колоннъ, указываетъ на необычность факта. Поэтому мы въ правѣ предполагать, что забота о поддержаніи хорошаго состоянія храма Аполлона Простата лежала на стратигахъ. Ремонтныя работы производились на ихъ средства и лишь въ исключительныхъ случаяхъ государство приходило имъ на помощь.

Должность ольвійскаго стратига была, такимъ образомъ, своего рода литургіей. Въ декретѣ, той же греко-синоскою эпохи, поставленномъ въ честь нѣкоего Θεокла, сына Сатира ²⁾, говорится, между прочимъ, что Θεоклъ во всемъ отдавалъ себя на служеніе отечеству, отправляя

¹⁾ *Zap. Odessk. Obsc. Ist. u. Drevn.* IV, 127 сл. („О двухъ ольвійскихъ надписяхъ“).

²⁾ *Latyshev, Inscr. P. Eux.* I 22, v. 23.

стратиги и всяческія литургіи: *στρατηγί[α]ς καὶ λειτουργίας ἀπάσαις ἑαυτὸν ἀφελῶς τῇ πατρίδι εἰς ἅπαντα ἐπέδιδου*. Стратигія поставлена наряду съ литургіями. Невольно вспоминается при этомъ Аристагора истропольской надписи, который, принимая на себя жречество Аполлона, совершалъ благодѣяніе городу.

Объ разсмотрѣнныя нами надписи, съ эпитагмой и документъ Напія, сообщаютъ намъ цѣнное свидѣтельство о существованіи въ Ольвіи храма, посвященнаго Аполлону Простату. Къ сожалѣнію, никакихъ другихъ свидѣтельствъ объ этомъ храмѣ у насъ нѣтъ.

Резюмируя все сказанное о культѣ Аполлона Простата въ Ольвіи, мы приходимъ къ такому выводу.

Надписи говорятъ намъ о почитаніи Аполлона Простата въ Ольвіи въ греко-скиоскій періодъ. Въ этотъ періодъ у него былъ въ Ольвіи особый храмъ и, можетъ быть, особые жрецы. Аполлонъ Простатъ считался покровителемъ коллегіи стратиговъ, которые посвящали ему, по окончаніи срока должности, отъ лица всей коллегіи, какой-нибудь даръ. Посвященія эти они дѣлали на свой счетъ. На стратигахъ же лежала обязанность заботиться о благоустройствѣ храма, и *ремонтныя работы совершались на ихъ же счетъ*. Ольвійская стратигія была, такимъ образомъ, своего рода литургіей.

Какъ извѣстно, въ Афинахъ существовалъ культъ Аполлона Простатірія, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Простатѣтъ есть только видоизмѣненная форма Простатѣтіосъ ¹⁾).

Простатѣтіосъ такъ же, какъ и Простатѣтъ, значить „заступникъ“ или „защитникъ“, „покровитель“. Отсюда понятно, почему въ Ольвіи къ культу этого божества имѣли ближайшее отношеніе стратиги: Аполлонъ Простатѣтъ защищаетъ городъ отъ непріятелей, а коллегія стратиговъ является высшимъ органомъ военной власти.

Въ болѣе широкомъ смыслѣ Аполлонъ Простатѣтіосъ почитался, какъ защитникъ отъ всякаго вообще несчастья или бѣдствія ²⁾. Его символическое изображеніе ставилось передъ дверьми дома, такъ какъ оно охраняло домъ отъ зла ³⁾. Въ частности, Ἀπόλλων Простатѣтіосъ является охранителемъ здоровья, прямое указаніе на что у насъ имѣется въ

¹⁾ *Восскh*, *CIG.* 2067: „Ἀπ. Простатѣтъ manifesto idem est qui Athenis Простатѣтіосъ“.

²⁾ Ср. *Л. Стефани*, Аполлонъ Боздроміосъ. *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, 1863, III, прил. № 1, 66 и 67.

³⁾ Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ, кажется, понимать слова *Ἰσχυία s. v. Простатѣтіосъ τὸν Ἀπόλλωνα οὕτω λέγουσι, παρόσον πρὸ τῶν θυρῶν αὐτὸν ἀφῆρσαντο*.

дельфійскомъ оракулѣ, приводимомъ Димосееномъ въ рѣчи κατά Μειδίου (52): περί ὑγείας θύειν καὶ εὐχεσθαι Διὶ ὑπάτῳ, Ἴνρακλαῖ, Ἀπόλλωνι Πρостатτήριφ. Функціи Аполлона Простатирія напоминаютъ, такимъ образомъ, функціи Аполлона Врача: первый только *охраняетъ здоровье*, ограждая его отъ вредныхъ вліяній, Аполлонъ Ἴητρός — *врачуетъ болѣзни* ¹⁾.

Мы уже говорили, что третій эпитетъ, который носилъ Аполлонъ въ Ольвіи, былъ Δελφίνιος.

Культъ Аполлона Дельфинія засвидѣтельствованъ для многихъ мѣстъ эллинскаго міра. Аполлонъ Дельфиній стоитъ въ тѣсной связи съ моремъ, являясь покровителемъ мореплаванія и укротителемъ морскихъ бурь, на что указываетъ и самое прозвище его.

Смыслъ этого прозвища открывается уже изъ того значенія, какое въ древности придавали дельфинамъ моряки: praesagiunt et animalia, читаемъ мы у Плинія ²⁾, delphini tranquillo mari lascivientes flatum, ex qua venient parte, item spargentes aquam, iidem turbato tranquillitatem. Вотъ почему съ почитаніемъ Аполлона Дельфинія мы встрѣчаемся преимущественно въ торговыхъ и приморскихъ городахъ Греціи. Такъ былъ храмъ Аполлона Дельфинія въ Аоннахъ ³⁾; Δελφίνιον находимъ мы въ Халкидѣ ⁴⁾, на островѣ Хиосѣ ⁵⁾, въ Массилии ⁶⁾; въ Оропѣ Аполлону Дельфинію была посвящена гавань, какъ это видно изъ словъ Стравона ⁷⁾: ὁ ἱερός λιμήν, ὃν καλοῦσι Δελφίνιον, и т. д.

Какъ покровитель гаваней, какъ божество, охраняющее мореплавателей отъ несчастій, Аполлонъ Дельфиній имѣетъ въ данномъ случаѣ почти то же значеніе, что и Аполлонъ Простάτης; только защитительная дѣятельность Дельфинія проявляется специально на морѣ:

¹⁾ Въ сущности, уже изъ обычной заключительной формулы посвященительныхъ записей стратиговъ, ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας можно было бы, пожалуй, вывести заключеніе, что Аполлонъ Простάτης—богъ податель здоровья (ср. *Bruchmann, De Apolline et Graeca Minerva deis medicis, diss. Vratisl. 1885, 54*), но формула эта слишкомъ обща и встрѣчается въ ольвійскихъ надписяхъ, посвященныхъ и другимъ божествамъ, напр. Ермію Ἄγροαῖος (Inscr. P. Eux. I 75) или Ахиллу Πονταρχу (Inscr. P. Eux. I 77. 79 etc.), такъ что строить подобное заключеніе на одной только этой формулѣ было бы рискованно.

²⁾ Plin. Nat. hist. XVIII, 361. Ср. *Roscher's Lex. I, 429.*

³⁾ Pausan. I, 19.

⁴⁾ Plutarch. Flam. 16.

⁵⁾ Thuc. VIII, 38.

⁶⁾ Strab. IX, p. 403.

⁷⁾ Ibidem.

у Плутарха ¹⁾ Онсей, отправляясь на Критъ, приносить просительную жертву Аполлону Дельфинію и молится ему о счастливомъ исходѣ предпріятія. Сходство Дельфинія съ Простатомъ идетъ еще дальше. Макробій ²⁾ приводитъ свидѣтельство Ферекида о томъ, что и Аполлонъ Дельфиній также считался *подателемъ здоровья*: Pherecydes refert Thesea, cum in Cretam ad Minotaurum duceretur, novisse pro salute atque reditu suo Ἀπόλλωνι Οὐλίφ καὶ Ἀρτέμιδι Οὐλίφ. Аполлонъ Улііи является здѣсь вмѣсто Дельфинія, о которомъ говоритъ Плутархъ, а Οὐλίος; древніе толковали именно какъ ὑγιαστικός. Наконецъ, объ этомъ же говоритъ поздняя аттическая надпись ³⁾:

[Κή]ροῦ Σμάραγδος Μα[ραθώνιος] τυχὼν ὑγείας Δελφ[ινίφ Ἀπόλλωνι].

Такимъ образомъ, всѣ три прозвища Аполлона, подъ которыми онъ почитался на нашемъ югѣ: Ἴητρος на Воспорѣ, Δελφίνιος и Προστάτης въ Ольвии—носятъ одинъ общій характеръ ⁴⁾.

Теперь является вопросъ, гѣтъ ли у всѣхъ трехъ культовъ Аполлона: Врача, Дельфинія и Простата, объединенныхъ внутренне однимъ общимъ характеромъ, и *одного общаго источника*?

Надписи говорятъ что Аполлонъ Врачъ почитался въ Фанагоріи и Пантиканеѣ. Какое прозвище носилъ Аполлонъ въ Танаидѣ, мы не знаемъ: надпись II вѣка по Р. Хр. ⁵⁾ называетъ его просто θεός Ἀπόλλων. Аполлонъ Врачъ, по всей вѣроятности, почитался въ Ольвии (см. выше). Изъ истропольскаго постановленія совѣта и народа въ честь Аристого, сына Апатурія, видно, что Аполлонъ Ἴητρος занималъ среди боговъ Истрополя первенствующее положеніе. Въ Аполлоніи Оракійской, самое названіе которой показываетъ уже, какое именно божество должно было пользоваться въ ней особымъ значеніемъ, находилось знаменитое святилище Аполлона: изданная Иречкомъ надпись изъ Аполлоніи ⁶⁾ показала, что и здѣсь Аполлонъ почитался въ

¹⁾ Plutarch. Thes. 18.

²⁾ Saturnalia, I, 17, 21.

³⁾ CIA. III 138.

⁴⁾ Культъ Аполлона Дельфинія въ Ольвии иллюстрируетъ также, до известной степени, то значеніе, какое имѣло для этого города море. И въ этомъ отношеніи прозвище Δελφίνιος должно быть ближайшимъ образомъ сопоставляемо съ прозвищемъ Αχιλλια Ποντάρχης.

⁵⁾ Latyshev, Inscr. P. Eux. II 422.

⁶⁾ Arch. Epigr. Mitt. aus Oesterreich-Ungarn, 1886, 163.

качествѣ „врача“ ¹⁾). Наконецъ, долго приписывавшійся Малой Азіи ²⁾ типъ монетъ съ легендой Ἀπόλλωνος Ἱατροῦ, впервые опубликованный Саллетомъ ³⁾ и Ламбросомъ ⁴⁾, теперь, послѣ публикаціи Tassella ⁵⁾, долженъ быть также отнесенъ къ Аполлоніи Θρακίῆσσι ⁶⁾).

И кажется, что для рѣшенія вопроса о происхожденіи культа Аполлона Врача на Черноморьѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что онъ былъ распространенъ здѣсь исключительно въ колоніяхъ Милиты ⁷⁾. Отсюда всего естественнѣе искать и начала его въ общей для всѣхъ этихъ колоній метрополіи.

Мы знаемъ, что главной милитской святыней было Дидимское святилище Аполлона, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ почитались Артемида и Зевсъ. Въ числѣ прозвищъ Аполлона въ Дидимахъ, встрѣчаются Οὔλιος и Δελφίνιος. Объ Аполлонѣ Уліи Стравонъ говоритъ слѣдующее ⁸⁾): Οὔλιον δ' Ἀπόλλωνα καλοῦσι τινα καὶ Μιλήσιοι καὶ Δῆλιοι, οἷον ὑγιαστικὸν καὶ παιωνικόν. Толкованіе прозвища Οὔλιος словомъ παιωνικόςъ показываетъ, что этотъ Аполлонъ находитъ себѣ ближайшую аналогию въ Аполлонѣ Ἱητροῦς. Замѣчаніе, которое дѣлаетъ Стравонъ далѣе, еще болѣе подтверждаетъ это: τὸ γὰρ οὔλειν ὑγιαίνειν, ἀφ' οὗ καὶ τὸ οὐλή καὶ τὸ „οὐλέ τε καὶ μέγα χαῖρε“. ἰατικὸς γὰρ ὁ Ἀπόλλων. И у Свида мы читаемъ s. v. Οὔλιος: ὁ Ἀπόλλων ἱατρὸς γὰρ ἦν σημαίνει δὲ καὶ ὀλέθριος.

Есть, такимъ образомъ, несомнѣнное сходство между черноморскимъ Аполлономъ Ἱητροῦς и милитскимъ Аполлономъ Уліомъ, поскольку каждый изъ нихъ является богомъ врачующимъ.

Въ Милитѣ же находимъ мы и другой эпитетъ черноморскаго Аполлона: Δελφίνιος. Свидѣтельство объ этомъ намъ сообщаетъ Діогенъ Лаертскій въ разсказѣ о Θαλῆσσι ⁹⁾): Θαλῆς Ἐξαμίου Μιλήσιος

¹⁾ Это посвященіе нѣкаго Митока, сына Тавруза, Ἀπόλλων Ἱητρ[ω].

²⁾ Ср. H. Usener, Götternamen, Bonn 1896, 152.

³⁾ Zeitschrift f. Num. V, 108 („Apollon Jatrov auf einer kleinasiatischen Kupfermünze“).

⁴⁾ Bull. Corr. Hell. II (1878), 508 сл.

⁵⁾ Revue Num. 1898, 210 сл. („Monnaies autonomes d' Apollonie de Thrace“).

⁶⁾ См. статью Пика „Observations sur les monnaies d' Apollonie de Thrace“. Revue Num. 1898, 229. Ср. Jahrbuch d. Arch. Inst. XIII (1898), 67 сл.

⁷⁾ Исключеніе, можетъ быть, составляетъ одна Фаиагорія, основанная, по преданію, теосцами.

⁸⁾ Strab. XIV, p. 635.

⁹⁾ I, Θαλῆς, 29.

Ἄπολλων Δελφίνιφ Ἑλλήνων ἀρισταῖον δις λαβῶν κτε. Группе ¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что Menagius, а также и Шнейцеръ ²⁾, совершенно произвольно измѣняютъ рукописное чтеніе Діогена Лаэртскаго Δελφίνιφ въ Διδυμαίφ, желая привести въ согласіе эти слова Діогена съ однимъ изъ фрагментовъ Каллимаха. Въ пользу существованія въ Милетѣ культа Аполлона Дельфинія и, въ то же время, защиты рукописнаго чтенія Δελφίνιφ, говоритъ сравненіе текстовъ Плутарха и Макробія, указанное нами выше: мы видѣли, что плутарховъ Аполлонъ Дельфиній соотвѣтствуетъ Аполлону Улію Ферекида. Аттическая надпись, о которой мы упоминали (СІА. III 138), также показываетъ, что Аполлона Дельфинія сближаетъ съ Уліемъ качество, выражаемое Стравономъ словомъ ὑγιαστικός.

Въ другой далекой іонійской колоніи, въ Массиліи, основанной фокейцами, было святилище Аполлона Дельфинія и рядомъ съ нимъ находился храмъ Артемиды Эфесской ³⁾. Аналогію этому мы находимъ и въ черноморскихъ колоніяхъ: въ Ольвіи почитается Аполлонъ Дельфиній, а одна пантикапейская надпись второй половины IV вѣка до Р. Хр. ⁴⁾ говоритъ намъ о культѣ Артемиды Эфесской на Воспорѣ: какъ въ Массилію, такъ и въ Ольвію и Пантикапей, культъ Аполлона Дельфинія и Артемиды Эфесской былъ, вѣроятно, перенесенъ изъ ихъ іонійской родины.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, рядъ данныхъ, указывающихъ на нѣкоторую зависимость черноморскаго культа отъ милитскаго. Одно изъ трехъ прозвищъ, которыя носилъ Аполлонъ на берегахъ Евксинскаго Понта, Δελφίνιος, встрѣчается и въ Дидимахъ. Другое прозвище, Ἴητρος, находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ прозвищѣ Οὔλιος, указывающемъ именно на врачевныя функціи бога. Что же касается третьяго прозвища—Προστάτης Ольвійскаго Аполлона, то и оно, пожалуй, можетъ быть возведено къ тому же Οὔλιος'у, поскольку и Аполлонъ Простата и Аполлонъ Улій являются „охранителями здоровья“. Впрочемъ, состояніе нашихъ источниковъ позволяетъ намъ говорить о культѣ Аполлона Простата только въ греко-скиоскій періодъ Ольвіи. Поэтому прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о томъ, созданъ ли и этотъ культъ также подъ влияніемъ Милита, необходимо

¹⁾ Griech. Mythologie, 126.

²⁾ Callimach. II, 261.

³⁾ Strab. IV, p. 179.

⁴⁾ Latyschev, Inscr. P. Eux. II 11.

выяснить, почитался ли Аполлонъ Простатъ въ Ольвиі и въ болѣе раннюю эпоху? Быть можетъ, рѣшеніе этого вопроса предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ: во всякомъ случаѣ, надо надѣяться, что производимыя теперь систематическія раскопки въ Ольвиі прольютъ свѣтъ и на него.

Гр. И. Толстой.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ПЕРВАГО ТОМА ЦЕЛОНОНИССКИХЪ НАДПИСЕЙ
М. Френкеля ¹⁾.

764.

Изъ Тризина: Τοὶ αὐτοὶ δαμιουροὶ καὶ προτάνας τὰς ἡρώσας με ἀνέθη-
καν, и ниже въ двухъ столбцахъ названо по семи лицъ съ отчествами.
Издавъ сначала Легранъ, потомъ „exscripsit“ Френкель, отмѣчающій
ошибки ἡρώσας и Αἰνε;—II, 7, исправленные-де позднѣе самимъ Ле-
граномъ (гдѣ? въ письмѣ къ Френкелю? ср. къ 749 и 774). Но над-
пись, по Френкелю, IV вѣка, и отсутствіе iota сомнительно, а „оши-
бочное“ Αἰνεσίδα[μος] Леграна остается и въ транскрипціи Френкеля,
хотя въ копіи стоятъ II вмѣсто E,—чему же вѣрить? Къ Σενοφῶνος
I 4 ср. параллели въ Епидаврѣ 1484 59, 67. Въ II, 3 „Στόμα“ = Στομά?
Отмѣчаемый въ надписи στουτηδόν по копіи трудно признать, да и
предполагался ли онъ здѣсь? Подъ ἡρώσας Френкель (съ Леграномъ)
разумѣетъ Федру, и по его мнѣнію οἱ αὐτοὶ κτλ. указываетъ, что на-
стоящее посвященіе помѣщалось подлѣ другого, сдѣланнаго тѣми же
лицами иному божеству, можетъ быть, Ипполиту (Paus. II, 32, 1);
при этомъ ссылка на епидаврійскую надпись 873. Последняя гласитъ
полностью: Οἱ αὐτοὶ | δὲ καὶ τὸν | βωμόν. И о ней Френкель говоритъ,
что имена посвятившихъ были на другомъ, находившемся рядомъ, по-
священіи, и ссылается на нашу тризинскую надпись и еще на ди-
лосскія ВСН. XXIII, 60 сл.: οἱ αὐτοὶ καὶ τοὺς θεοῦς, οἱ καὶ τὸν ναόν

¹⁾ *Продолженіе. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1903,
ноябрь — декабрь, отд. класс. филolz.

ἀνέθηκας или только οἱ καὶ τὸν Ἰρακλῆν и т. п. Объясненіе и сравненіе съ дилосскими вполне уместно для 873, но ни то, ни другое, по моему, не пригодно для тризинской 764. Въ 764 нѣтъ ни δά ни καί. Это одно, пожалуй, еще не исключаетъ возможности сопоставленія. Но въ 764 стоитъ τοὶ αὐτοὶ κτῆ. με ἀνέθηκας, и этимъ με представляется говорящимъ какъ бы самое посвященіе, статуя. Спрашивается, отъ чьего имени могла быть рѣчь въ предположенномъ у Френкеля соседнемъ посвященіи: параллелизмъ едва ли допускаетъ, чтобы тамъ было просто сказано: „такіе-то поставили“; скорѣе и тамъ ожидалось бы дополненіе με и рѣчь, слѣдовательно, отъ имени той статуи, но въ такомъ случаѣ у насъ тѣмъ болѣе необходимо было бы καί. Кромѣ того, епидаврійская и дилосскія формулы вызваны были, если не исключительно, то, вѣроятно, по преимуществу желаніемъ не повторять перечня однихъ и тѣхъ же жертвователей, а у насъ въ 764 за τοὶ αὐτοὶ δαμιοῦροὶ καὶ πρυτάνεις слѣдуетъ какъ разъ полный перечень, съ точки зрѣнія Френкеля совершенно излишній. Не слѣдуетъ ли, бросивши мысль о соседнемъ посвященіи, скорѣе объяснять текстъ такъ, что перечисленные лица были одновременно и дамiургами и пританами? Это совпаденіе могло бы имѣть мѣсто, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если дамiурги въ цѣломъ составѣ представляли собою тризинскій совѣтъ, а пританы—дежурную комиссію совѣта. Разумѣется, функціи дамiурговъ и притановъ были въ разныхъ городахъ разныя, а о Тризинѣ въ частности опредѣленныхъ данныхъ нѣтъ, и потому я предлагаю мое объясненіе лишь въ качествѣ простой догадки. Лепранъ считаетъ дамiурговъ магистратами, а притановъ — комиссіей совѣта, видя въ перечнѣ примѣрно 4 дамiурговъ и 10 притановъ, если-де филъ въ Тризинѣ было десять.

789.

Изъ „LIAI“ Френкель дѣлаетъ Θεια[τον по примѣру дополненія Бѣка въ SIG. 2263 b, гдѣ теперь въ SIGIns. III (не II, какъ у Френкеля) 733 дополняютъ Ἐστ[ιατον. Уже лучше было сослаться на аттическое Θε[α]τος *Ath. Myth.* XIX, 163 = SIG². 541, см. Kirchner, PA. 6642, ср. *ibid.* 6623 сл. Θεαῖος. И въ 1206 (изъ Епидавра) Френкель дополнилъ Θε[α]τος.

790.

Въ Οἱ ἀλειφόμενοι Βίτον (изъ Β'ITON, у другихъ или ничего или T.. или ION) Θεωδώρου τοῦ Καλλίππου τοῦ αὐτῶν εὐεργέτα френкелево

Βίτον все-таки сомнительно. См. 792, гдѣ въ надписи совсѣмъ одинаковаго типа за οἱ ἀλειφόμενοι сряду стоитъ genitivus, соотвѣтствующій здѣшнему Θεοδώρου. Не воплиѣ обычно и поименованіе *δῆδα*. Объясненіе Френкеля—искусственно: ефивы-де чтятъ сотоварища, дѣдъ котораго былъ гимнасіархомъ. Эта гимнасіархія, конечно, продуктъ фантазій, а кромѣ того уже не нужно ли тогда и въ 792 дополнить предъ genitivus имя, соотвѣтствующее этому Βίτον, и опять прибѣгнуть къ дѣду?!—Объ οἱ ἀλειφόμενοι см. вообще E. Ziebarth, Gr. Vereinswesen, 116 сл.

791.

См. „Къ SIGR. I, 752 и 941“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, октябрь, 446.

797.

Форма ἀφῆρσεν вмѣсто ἀφῆρώσεν сомнительна, особенно при ΡΩΙC Ляграна, хотя и отрицаемомъ у Френкеля (объ ἀφῆρσεν вмѣсто ἀφιέρωσεν думать еще труднѣе). Впрочемъ, надпись поздняя.

800.

Πραξιτέλει τόδε μνᾶμα ἴσον ποίησε θανόντι·
 τῆοῦτο δ' ἑταῖροι σᾶμα χέαν, βα[ρ]έα στενάχοντες,
 ἑέργον ἀντ' ἀγ[α]θόν, κέπάμερον ἐξετέλεσαν.

Конецъ истолкованъ Френкелемъ такъ: „neque id quidem (ut humana omnia) diuturnum confectum esse credi potest“. Однако такой смыслъ, если я вѣрно понялъ, едва ли умѣстенъ. Обыкновенно заботились, чтобы памятникъ оставался на-вѣки. Оставляя въ сторонѣ „exegi monumentum aere perennius“ или „я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“ и пр., сравни, напримѣръ, [Simonid.] 112 (Anth. Lyr. p. 257 Miller): μνῆμα — ἀθάνατον θνητοῖς παισὶ или Kaibel, Epigr. Graeca, 21,189 и мн. др. Памятникъ ставили μνήμης или μνείας χάριν. Μνήμα и много другихъ словъ того же корня (см. S. Reinach, Epigr. grecque, 427 сл.) специально обозначаютъ надгробный памятникъ. За порчу послѣдняго грозили и штрафомъ и гнѣвомъ боговъ. Ужели же здѣсь товарищи хвалятся, что они соорудили ἐφῆμερον σῆμα? Не лучше ли думать, что они скоро или въ одинъ день покончили? Различается здѣсь μνῆμα, т. е. самый памятникъ, колонна или статуя, произведеніе Висона, и σῆμα, т. е. вѣроятно насыпь (ἐχεαν), воз-

вышеніе, холмъ, насыпанный товарищами, и *ἐπάμερον* относится только къ послѣднему (*ὄβυ σαμα* = *le tertre funéraire* и *μνάμα* = *le monument architectonique* см. и Legrand, *ВСН.* XXIV, 181; издавая эту надпись, Легранъ благоразумно умалчиваетъ о значеніи *ἐπάμερον*). Подтвердить примѣрами *ἐφήμερον* въ значеніи *αὐδήμερον* я не могу, но, во всякомъ случаѣ, при толкованіи Френкеля, по моему, остаться нельзя.—Герверденъ (*Lexic. Gr. suppl. s. v.*) напрасно сомнѣвается въ формѣ *ἐπάμερος*; у Пиндара.

823.

Въ этой богатой числовыми знаками, но и теперь не вполнѣ тщательно изданной тризинской надписи я, оставивъ въ сторонѣ знаки для 5000, 1000, 500, 100, 50, 10, 5 и 1 драхмы, остановлюсь лишь на знакахъ овола и его долей. Оболъ обозначается горизонтальной чертой: —, =, ≡, ≡≡, ≡≡≡ = значить 1, 2, 3, 4, 5 оволовъ. Больше пяти не встрѣчается, т. е., какъ скорѣе всего и ожидается, въ тризинской драхмѣ было шесть оволовъ. Справа отъ знаковъ овола, т. е. для выраженія его долей встрѣчаются Γ, Ι и Ο = $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ овола по Френкелю. Относительно Γ и Ι съ Френкелемъ можно согласиться. Знакъ Ι встрѣчается девять разъ одинъ и однажды (стр. 39)—тройной (III), причѣмъ всегда или послѣ оволовъ (6 разъ) или послѣ драхмъ (4 раза). Отсюда естественно принять Ι за $\frac{1}{4}$ овола, III за $\frac{3}{4}$ и допустить особый знакъ для $\frac{1}{8}$ овола, именно разъ только попадающійся Γ (стр. 16), стоящій послѣ оволовъ. Относительно Ο Френкель, находясь подъ давленіемъ ходячаго дѣленія овола на 8 халковъ, говоритъ: *Itaque certo dixeris O (vs. 46, 65 est OOO) esse partem oboli octavam, sed obstare videtur v. 11 OO, post quae diserte adnotat Prott sequi spatium vacuum. Sed non video quomodo rem expedias, nisi statuas lapicidam hic per errorem aut supra iustum addidisse alterum O, aut omisisse tertium.* Странное заключеніе! Я не понимаю, почему для вывода, что Ο = $\frac{1}{8}$ овола, особенно важно *тройное* Ο, которое Френкель готовъ ввести даже въ стр. 11. Далѣе, я не знаю, почему онъ только для 11-й стр. говоритъ о двойномъ Ο, хотя OO есть еще и въ 32 и 54 и 57. У насъ имѣется слѣдующій матеріалъ. Въ стр. 52 стоятъ=Ο и въ стр. 4-й IO,—случаи безотносительные. Остальные шесть случаевъ всѣ говорятъ противъ $\frac{1}{8}$. Въ стр. 54 и 57 встрѣчается OO послѣ драхмъ, и это уже странно: по Френкелю OO = $\frac{2}{8}$ = $\frac{1}{4}$ овола, почему же предпочли дважды вырѣзать болѣе трудный круглый

знакъ, когда для $\frac{1}{4}$ овола есть простѣйшій знакъ I? Въ стр. 11 и 32 стоитъ: IOO, т. е. по Френкелю $\frac{1}{4} + \frac{2}{8}$ овола, иначе говоря всего $\frac{1}{2}$ овола, но прямо невѣроятно, чтобы примѣнялась такая запутанность обозначенія, если бы можно было тоже выразить и чрезъ $\Gamma = \frac{1}{2}$ и чрезъ $\Pi = \frac{3}{4}$. Наконецъ, въ стр. 40 и 65 имѣемъ: IOOO, по Френкелю это $= \frac{1}{4} + \frac{3}{8}$ овола! Кто этому повѣритъ?! Противъ господства ходячаго взгляда о халкѣ, какъ о $\frac{1}{8}$ овола, я возставалъ въ статейкѣ „О доляхъ овола“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, декабрь, 101 сл.), указывая дѣленіе овола на 12 халковъ для Халкидона и Аркесины, какъ въ Орхоменѣ и Дилосѣ. Для Тризинна дѣленіе на 12 не примѣнимо, потому что при немъ IOOO $= \frac{1}{4} + \frac{3}{12} = \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$ было бы такой же несообразностью, какъ для Френкеля IOO. По всѣ затрудненія исчезаютъ при дѣленіи овола на 16 халковъ, т. е. если $O = \frac{1}{16}$ овола: OO $= \frac{2}{16}$, OOO $= \frac{3}{16}$, — нигдѣ нѣтъ совпаденія ни съ $\frac{1}{4}$, ни съ $\frac{1}{2}$ овола. Допустимо также и дробленіе овола на 20 халковъ. То или другое допускали для Епидавра. Намъ пока нѣтъ нужды спускаться ниже дѣленія на 16. У насъ нигдѣ нѣтъ OOOO, можетъ быть, не случайно, а именно потому, что для $\frac{4}{16} = \frac{1}{4}$ овола былъ собственный знакъ (при $O = \frac{1}{20}$ могло бы встрѣтиться и четырехкратное O).—Возстановлять текстъ 823 полиѣ придется лишь послѣ новаго сличенія обѣихъ обломковъ: самъ Френкель выразилъ пожеланіе (стр. 165), чтобы и второй обломокъ былъ перевезенъ изъ Дамалы (= Тризинъ) въ Аены для сравненія съ перевезеннымъ уже.

[*Добавленіе при корректурѣ.* Незаконченную копію перваго обломка далъ Френкелю точнѣйшій эпиграфистъ А. Вильгельмъ, и ес провѣрилъ еще Проттъ. Трудно было сомнѣваться въ наличности III стр. 39-ой и Γ стр. 16-ой. На дѣлѣ теперь на камнѣ и эстампажахъ въ 39, гдѣ у Френкеля „:ΠC:Π:“, я послѣ C вовсе не нашелъ того, что онъ далъ, и по едва замѣтнымъ слѣдамъ скорѣе возстановляю все число въ видѣ „ΠC≡:“ (при этомъ исчезаетъ и среднее двоеточіе, — среди числовыхъ знаковъ двоеточія не должно быть), а въ 16, гдѣ у Френкеля „:Π≡Γ:“, я опять не нашелъ Γ и лишь съ предвзвѣтой мыслью могъ бы признать только слабую тѣнь его, а скорѣе усматриваю на его мѣстѣ знакъ = (изъ трехъ предшествующихъ горизонтальныхъ чертъ средняя не ясна, — и тамъ возможно =). А разъ нѣтъ никогда ни III, ни Γ , то знакъ I оказывается стоящимъ всегда solo, т. е. можетъ быть принятъ за $\frac{1}{2}$ овола, а знакъ халка O можно принимать за $\frac{1}{8}$ овола, и въ наличныхъ сочетанія вполне понятны: IO $= \frac{1}{2} + \frac{1}{8}$, IOO $= \frac{1}{2} + \frac{2}{8}$ и IOOO $= \frac{1}{2} + \frac{3}{8}$].

853.

О плохомъ изданіи этой надписи см. въ началѣ моихъ „Крит. Замятокъ“.

872.

Слово *φρουρός* вездѣ заставляетъ Френкеля думать объ иноземномъ (македонскомъ или иномъ) гарнизонѣ. Это, конечно, вполне вѣрно для тризинской надписи 769: *Φρούραρχος* Κυρβα[τος τοῦ δεῖνος Μακεδῶν] καὶ φρου[ροὶ ἀνέθεν], именно въ виду *φρούραρχος* (правильности дополненій и отнесенія къ послѣдней трети IV или первой половинѣ III вѣка не касаюсь). Но Френкель тоже безъ оговорки допускаетъ и для 872 изъ города Епидавра: *Πυθίας, Τιταίνετος, τοὶ φρουροί, Λυκείωι*, и для 1352 изъ епидаврійскаго святилища: *Γοργίας, Κρηθεύς, τοὶ φρουροί, ἀνέθεν* (ср. и 194 съ островка Сароническаго залива Киры *οἱ φρουροὶ μ' ἀνέθεν...*). Имена *Τιταίνετος* и *Γοργίας* извѣстны для Епидавра (894 I₂₂, 1484₂₄), впрочемъ, они и не изъ рѣдкихъ; имя *Κρηθεύς* есть въ Аргосѣ, 618 II, (въ index Френкеля оно не попало по недосмотру, какъ и имя *Αἰσχίνας* отсюда же). Въ той и другой надписи упомянуто *два* лица, при *φρουροί* есть членъ. Нельзя ли здѣсь думать просто о мѣстной стражѣ, о сторожахъ святилища или святилищъ? Да мы имѣемъ, вѣроятно, объ этихъ *φρουροί* и прямое свидѣтельство для епидаврійскаго святилища въ 914: *τοῦ δευτέρου βουδῶ τοῖς ἀοιδοῖς δόντω τὸ σκέλος, τὸ δ' ἄτερον σκέλος τοῖς φρουροῖς δόντω καὶ τένδοσθίδια* (стр. 11—15, ср. и дополненія въ стр. 29—32). Что здѣсь рѣчь не о гарнизонѣ, это, я думаю, видно изъ параллели съ *οἱ ἀοιδοί*, да и самъ Френкель этихъ *φρουροί* ставитъ въ index IV, 3: „sacerdotes et magistratus sacri“ (стр. 401), тогда какъ всѣ упомянутые выше у него въ V, 9: „res militaris“ (стр. 403). Бр. Кейль (*Anonymus Argentinensis*, 310), по поводу этихъ послѣднихъ *φρουροί*, опредѣленно говоритъ о „die epidaurische Tempelwache“. Я рѣшился бы вывести даже, что этихъ храмовыхъ сторожей было нормально два.

873.

См. объ *οἱ αὐτοί* къ 764.

874.

εἰς τοὺς τῶν Σεβαστῶν ἀγῶνας по копіи Фредриха, провѣренной Френкелемъ. Можно отмѣтить эти *τὰ Σεβαστά* вмѣсто болѣе обычнаго *τὰ*

Σεβάστεια, ср. напримѣръ, SIG³. 677 Ῥωμαία Σεβαστά (едва ли у насъ genitivus отъ οἱ Σεβαστοί).

894.

См. мою статью: „Эпидаврійскій списокъ павшихъ въ Исемійской битвѣ 146 до Р. X. (SIGP. I 894)“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, январь и февраль.

896.

Σατηρίων Ἐπικρατέας — „aut nothus aut ἀπελεύθερος“. Ср. у Френкеля еще къ 76, кромѣ указанныхъ имъ 1219—1245, и въ моей только что названной статьѣ, 33 сл.

899.

Χα]ρίλωσ, χαῖρε (ниже Πρατόνικε, χαῖρε): Френкель видитъ слитную форму отъ Χαρίλαος, — слѣдовательно, и для vocativus? Надпись очень поздняя.

919.

По Френкелю, στοιχηδόν, кромѣ 4-й стр., но въ изданіи нивѣжъ не видно στοιχηδόν и приходится полагаться на расчетъ издателя въ сдѣланныхъ уже имъ дополненіяхъ. Стр. 4—6 онъ дополнилъ такъ:

..... χα]ι θεαροδόχ[ον Ἄ-
5, σκλαπιού Φ?]άωνα Σιμεν-
..... ἀπ]ὸ Κύπρου

Во-первыхъ, по сравненію съ дополненнымъ концомъ 4-ой можно и въ концѣ 5-ой ожидать еще *три* буквы послѣ Σιμεν. Во-вторыхъ, само Σιμεν —, какъ начало личнаго имени (Σιμένεος или Σιμένα Френкель), сомнительно. Въ-третьихъ, мы по господствующему употребленію ожидаемъ предъ Ἄσκλαπιού членъ τοῦ. Не лучше ли допустить, что τοῦ Ἄσκλαπιού здѣсь отсутствовало? Буква Ω въ Φ?]άωνα сохранилась не цѣликомъ, а только часть закругленія сверху, такъ что возможно думать и объ Ο. Тогда получилось бы, напримѣръ:

θεαροδόχ[ον Ἄ-
ριστόναχτ]α Ὀνασιμέν[εος
Λαπαθεία ἀπ]ὸ Κύπρου

Имена съ 'Οναςι—на Кипрѣ распространены,—даже у Collitz I (см. стр. 78) ихъ указано разныхъ до дюжины. Другія имена, конечно, лишь для примѣра.

924.

Важно было бы убѣдиться въ дѣйствительной принадлежности всѣхъ шести обломковъ изъ епидаврійскаго святилища къ одной и той же надписи и имѣть эстампажи или фотографіи какъ для этой цѣли, такъ и для взаимнаго распредѣленія обломковъ. Предъ нами отрывки какого-то договора между городами съ участіемъ Аениѣ (діалектъ аттическій), по Френкелю, IV или III вѣка. Тутъ есть и πρόεδροι и σύεδροι и, можетъ быть, δικασταί (см. -καστων A+B, стр. 4, и ||αστων A+B, 2). Возстановить, конечно, удастся лишь немного въ виду незначительности обломковъ, но хорошо было бы провѣрить, по крайней мѣрѣ, интересный отдѣлъ, возстановленный Френкелемъ изъ F и G такъ:

3 ἂν μὴ] ἀποστείλη τὴν δύ[ναμιν τὴν] τεταγμένην———

4 ἀποτιν]έτω ἐκάστης ἡμέρας [κατὰ] τὸν ἰππέα ἡμίμ[ναϊον, κατὰ δὲ ὁ-

5 πλίτην ε]ἴκοσι δραχμάς, κατὰ [δὲ ψιλὸν] δέκα δραχμ[άς, κατὰ δὲ ξένον

6 πέντε (?) δ]ραχμάς, ἕως ἂν [ἐτέλθῃ ὁ χ]ρόνος τῆς στρα[τείας.

При оцѣнкѣ этой интересной подробности о разныхъ штрафахъ за невысылку воиновъ примѣнительно къ разрядамъ послѣднихъ, мы встрѣчаемся съ градаціей: $\frac{1}{2}$ мины : 20 драхмъ : 10 др. : 5 (?) др. и, конечно, должны поставить вопросъ, съ какой миной имѣемъ дѣло, т. е. съ 100- или съ 70-драхмовой. Послѣдняя для епидаврійскихъ счетовъ признана уже Рейнакомъ. Что здѣсь вѣроятнѣе: 50 : 20 : 10 или 35 : 20 : 10? Казалось бы съ перваго взгляда, послѣднее, но если въ договорѣ участвуютъ Аенины, какъ одинъ изъ членовъ, то скорѣе придется остановиться на обычной аттической минѣ.

925.

О невозможномъ изданіи этого важнаго списка проксеновъ см. въ началѣ моихъ „Крат. Замѣтокъ“.

928.

Надпись интересна по упоминанію объ ἀφίδρουσις — объ учрежденіи филиальнаго культа Аскліпія въ Пергамѣ и о осородокіи Διο[ν]ιса и

Асклипія. Френкель думаетъ здѣсь о еоородокіи при пергамскомъ культѣ Діониса, но еоородокію-то даютъ вѣдь епидаврійцы пергамцу, а не наоборотъ, а у нихъ обыкновенно дается еоородокія Аполлона и Асклипія. Жертвенникъ Діониса въ епидаврійскомъ святилищѣ извѣстенъ изъ 1031. Но допускать отсюда и діонисовскую еоородокію я не рѣшаюсь. Надпись Френкель только „exscripsit“ (никѣмъ другимъ не издана), и возможно, что тоѹ ΔΙΣ, дополняемое имъ въ тоѹ Διο[νύ-σοϋ], на дѣлѣ окажется тоѹ Ἀπό[λλωνος]. Въ надписи, „очень истертой и трудно читаемой“, многое слишкомъ смѣло возстановлено Френкелемъ. Въ первыхъ трехъ строкахъ не вполне сохранившаяся датировка по ахейскому секретарю [—] и стратигу Діофану и мѣсяцу [—] и по епидаврійскому жрецу [—] и мѣсяцу [—]. отождествляя Діофана съ упоминаемымъ у Поливія не позднѣе 169 года, Френкель получаетъ опредѣленіе времени надписи, которое и кладетъ въ основу дальнѣйшихъ возстановленій. Послѣ [μη]νί непосредственно слѣдуетъ: ΑΛΙΑΔΕΙΕΝΙΟΣΑΣΚΙ, отсюда у Френкеля: ἀλια[ί]α <έ[ν]> ἐν[τ]ός Ἀσκλη[απίου], слѣдовательно, съ дополненіемъ iota, для котораго въ копіи лагуна не указана, съ допущеніемъ диттографическаго ἐν и съ рискованнымъ ἐντός. Непосредственно дальше у Френкеля:

[ἔδοξεν περὶ

τοῦ πρεσβευτῆ παρὰ τοῦ βασιλέως Εὐμένεος
ἐν (копія ΕΙ') ταῖ πόλει τῶν Ἐπιδαυρίων.

Но ἐν таῖ πόλει не вяжется ни съ ἔδοξεν, ни съ πρεσβευτῆ. Не лучше ли: [παράγενομένου] τοῦ πρεσβευτῆ παρὰ τοῦ βασιλέως Εὐμένεος ἔδοξεν таῖ πόλει τῶν Ἐπιδαυρίων? Вѣроятно же, что тутъ было еще и имя посла. Непосредственно дальше: [Ἀρχίαν Ἀσκληπιῶ]δος Περγαμηνὸν ἱερ[ατεύοντα Ἀσκληπιῶ] Περγαμοῖ πρόξενον εἶμεν, — все это потому, что культъ Асклипія въ Епидаврѣ былъ учрежденъ Архіемъ и въ родѣ его было-де распространено имя Асклипіадъ. Вся надпись требуетъ новой реконструкціи. Дополненія Френкеля отчасти соблазнительны, но нужно было снабдить ихъ вопросительными знаками, а не говорить: „de supplemento constat“.

929.

Въ послѣдней строкѣ обломка Френкель пишетъ: α εἶμεν ἀπο——, хотя по его же копіи на первомъ мѣстѣ стоитъ не Α, а Λ. Почему же не таῖ πό]λει μὲν ἀπο—— (напримѣръ, ἀποδόμεν)?

931.

[στᾶσαι δὲ αὐτοῦ καὶ
εἰκόνα ἐν Ἐπιδ[αύρῳ ἐν τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Μα-
λαάτα καὶ τοῦ Ἀσ[κλαπιῶ ἱερῶι καὶ τάνδε τὴν
ἐπιγραφὴν ἔχουσαν· Ἄ πόλις ἀνέστασε.
..η Τιμοκρά[τεος ———

Въ 932, 51—52, на который ссылается Френкель, конечно, прекрасно сказано ἐν τῶι ἱερῶι τοῦ Ἀπ. τοῦ Μ. καὶ τοῦ Ἀσ., но френкелевское восстановление здѣсь (ἐν τοῦ κτέ. ἱερῶι) хорошо, можетъ быть, только по-нѣмецки. Смущаетъ и καὶ послѣ ἱερῶι. У Френкеля можно даже сбиться, согласовано ли ἔχουσαν съ εἰκόνα или съ ἐπιγραφάν. Да и τάνδε τὴν едва ли удачно въ декретѣ о постановкѣ статуи съ надписью.

932.

Большая и важная, но трудно читаемая надпись въ честь Еваноа, сына Евнома, епидаврійца. Онъ въ „94 году“ былъ агораномомъ и на то же время падаетъ дѣятельность Μ[άρχ]ου Ἀντωνίου τοῦ ἐπὶ [πάν]-των στρατηγῶ, затрогивающая и Епидавръ. Френкель призналъ здѣсь дѣятельность Антонія триумвира въ 31 году до Р. Х. и соответственно этому для „94 года“ открылъ неизвѣстную эру 125 года. Прекрасно его разоблачилъ А. Вильгельмъ (*Ath. Mitth.* XXVI, 419 сл.). На эстампажѣ не ΚΑΙΓΝΕΝΙ |, но ΚΑΙΕΙΛΟ.. |, т. е. не ἐνενη|κοστόν, а ἑβδομη|κοστόν, не 94, а 74 годъ, конечно отъ коринфской эры, т. е. 72 годъ до Р. Х., и Μ. Антоній здѣсь не триумвиръ, а отецъ его Creticus, въ 74 получившій imperium infinitum (ὁ ἐπὶ πάντων στρατηγός) противъ пиратовъ по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и надъ всѣмъ флотомъ, своеобразно злоупотребившій властью и въ позорѣ умершій на Критѣ въ 72—71 г. до Р. Х.

Установленіе этой даты для агораноміи Еваноа и для данной надписи важно для вопроса о времени учрежденія праздника Ἀπολλωνιεῖα καὶ Ἀσκλαπιεῖα, дважды называемаго въ данной надписи. По Каввадіасу (его мнѣніе въ „Τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιῶ“ мнѣ извѣстно лишь изъ ссылокъ Френкеля), онъ учрежденъ лишь въ началѣ императорской эпохи. Онъ, вѣроятно, исходилъ изъ 1431, гдѣ о Гнеѣ Корнелии, сынѣ Содама, Никитѣ, говорится: ἱερέα τοῦ Σεβαστοῦ Καίσαρος δις, ἀγωνοθετή-

σαντα πρῶτον τὰ Ἀπολλωνεῖα καὶ Ἀσκληπιεῖα κτίσαντα τε τῶν Καίσαρ-
ρήων πανάγουρι καὶ ἀγῶνας καὶ πρῶτον ἀγωνοθετήσαντα: особенно изъ
параллелизма обоихъ прῶτον казалось бы, что, дѣйствительно, интере-
сующій насъ праздникъ появился поздно ¹⁾). По Каввадіасу, до того
времени былъ праздникъ только Ἀσκληπιεῖα. Френкель опровергаетъ
по поводу 932 Каввадіаса, указывая, что почитаніе ΰμῆστῆ и Апол-
лона и Аскллінія было всегда въ Елидаврѣ, что общій праздникъ по
932 былъ до начала императорской эпохи, что его только писатели и
не-мѣстныя надписи неточно называли Ἀσκληπιεῖα вмѣсто точнаго
двойного имени. Однако, если 932 падала на время послѣ Ахтійской
битвы, послѣ 31 г. до Р. Х., то разстояніе отъ предѣла, даннаго
Каввадіасомъ, было уже очень незначительно, и, въ крайнемъ случаѣ,
показаніе 932 могло бы быть примирено съ его мнѣніемъ. Теперь же,
если 932 относится къ 72 или слѣдующему году до Р. Х., очевидно
мнѣніе Каввадіаса окончательно опровергается. Мнѣ эта датировка
пригодится ниже для 1508 С.; ср. къ 1138.

Вильгельмъ попутно уже исправилъ френкелевскія ἐπιθ]ύ]σας 46—
47 и [δωρήμα]το; 74—75 въ σπεύ]σας и δόγ]ματος. Сомнительнаго
остается еще немало, въ родѣ, напримѣръ, ὡσαύτω; σω]νθ]ει; [καὶ
περ]ῖ | τὸ πλῆθος τῶν στρατιωτῶν [ε]ύλα[β]εστ[ά]τ[α]ς φιλα[γ]αθ[ί]ας 26—
28, [χ]ατεσταμένο; 39 и др. Для возстановленія нужно точно знать,
какія буквы несомнѣнны, какія сомнительны, а въ такихъ случаяхъ
на копіи Френкеля полагаться нельзя.

934. 935.

О текстѣ 934—всего шесть небольшихъ и хорошо сохранившихся
строкъ, вырѣзанныхъ буквами въ 0,03—Френкель говоритъ: „claris-
simum est, ut *solus Baunack vitia commiserit*: vs. 4 Τιμοχράτ[ου]ς (вмѣ-
сто —ράτη), vs. 5 μ τὸν ΰ(вм. αὐτῶν), *totum versum sextum omisit*“.
Эта замѣтка прекрасно совпадаетъ и съ моимъ мнѣніемъ о бауна-
ковскихъ дельфійскихъ эпиграфическихъ заслугахъ. Но она же, какъ
увидимъ ниже по поводу 1508, примѣнима иногда и къ Френкелю, и
даже еще въ сильнѣйшей степени: Баунакъ пропустилъ цѣлую строку,

¹⁾ Выраженіе ἀγωνοθετήσαντα πρῶτον можетъ имѣть два смысла, какъ и въ переводѣ:
„бывшаго первымъ агонистомъ“, т. е. или первымъ послѣ какого-либо момента,
напримѣръ съ учрежденія праздника, или первымъ въ числѣ его сотоварящей, агон-
истовъ того же самаго года и праздника. Говорилось: οἱ ἀγωνοθέται οἱ περὶ τὸν θεῖον.
Ср. SIGP. I 589: ἀγωνοθετήσαντα πρῶτον Πυθίων μετὰ τὸ ἀναῶσαι αὐτὸν τὸ δίκαιον τῆς
ἀμφικτυονείας τῆ πατρίδι.

издавая надпись *первыя*, а Френкель пропускаетъ уже имѣвшуюся въ изданіяхъ.

Въ 935 мѣѢ не нравятся нѣсколько мѣствъ. Въ ст. 2—3 ἀπαντι τῶι προγε[γενημέ]νῳ σεμνῶς | και θαυμαστῶς βίωι κάλλιστον πολιτεύμα [ἐπολιτεύσατο]. Нарѣчія при προγε[γενημέ]νῳ какъ будто не особенно умѣстны. Я бы предпочелъ τῶι πρότε[ρον χρό]νῳ, но тогда нужно заподозрить и βίωι, да и Каввадіасъ видѣлъ даже —μένωι, такъ что тутъ лучше пока не трогать. Въ ст. 6—7 δι' ὧν [π]ο[λ]λά[χ]ις και| καλῶς διέθηкен ἡμᾶς και τὰ τῆς ἐλευθερίας ἐτι πλανώμενα [x]αταστή[μ]α[τα δι]ὰ | πάντα ταῦτα и пр. Френкель хвалится, что прибавилъ къ копіи Каввадіаса „vs. 7 litteras post πλανώμενα, quas quamvis adesas certo enucleavisse mihi videor“. Можетъ быть, это и вѣрно, но едва ли правильно дополненіе этихъ буквъ въ слово [x]αταστή[μ]α[τα]. Во-1-хъ, какъ-то неудобно параллельное соединеніе при διέθηкен такихъ объектовъ, какъ ἡμᾶς и καταστήματα (у теперешнихъ грековъ κατάστημα означаетъ лавку, магазинъ и т. п.). Во-2-хъ, еще менѣе удобно διέθηкен τὰ πλανώμενα καταστήματα. Наконецъ, едва ли τὰ καταστήματα можно называть πλανώμενα (тогда уже скорѣе было бы τὰς καταστάσεις). Я бы предложилъ: και (etiam или quocumque) τὰ τῆς ἐλευθερίας ἐτι πλανώμενα καταστή[σ]α[ς]. Тогда получится и *передъ* слѣдующимъ διὰ | πάντα ταῦτα ἔδοξε небольшой пробѣлъ въ строкѣ (такой же есть и *послѣ* ταῦτα).—Въ ст. 9—10: ἐν τε τοῖς πανηγυριστηρίοις τῶν Π[αναχαϊῶν ἐν τῶι τοῦ δεῖνος θεοῦ] | [τεμ]ένει και ἐν Ἐπιδαύρῳ ἐν τῶι τοῦ Ἀσκληπιῶ ἱερῶι при восстановленіи Френкеля панахейскими панигиристіями оказываются чье-то τέμενος и епидаврійское святилище. Это едва ли соответствуетъ исторической дѣйствительности. Скорѣе здѣсь говорится о панигиристіяхъ съ одной стороны и объ епидаврійскомъ святилищѣ съ другой. Слѣдовательно, въ лакунѣ пропало, вѣроятно, то или другое обозначеніе нѣсколькихъ святилицъ, а не одного какого-то; въ лакунѣ, можетъ быть, было названо и еще одно святилище, противоположенное панахейскимъ, подобно епидаврійскому. Самъ Френкель приводитъ (изъ-за слова πανηγυριστήριον) изъ ликосурской надписи ('Εφημ. Ἀρχ. 1896, 118): ἐν τοῖς κοινοῖς τῆς Ἑλλάδος πανηγυριστηρίοις Ὀλυμπίασι και Ἰσθμοῖ και Νεμέῃ. Примѣчаній къ текстамъ я намѣренно пока не касаюсь.

941 А. и В.

См. мою статью: „Къ СIGP. 1, 752 и 941“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, октябрь, 444—467, и добавленіе къ ней: „Обыкновенная справка“, 1903, мартъ, 143—144. Ср. еще выше къ 929.

944.

„μηνὸς δωδεκάτου συνόδοις καθημένον τοῦ συνεδρίου καὶ γινόμενον ἐμ[φαν]-
ισμοῦ ὑπὸ πλειόνων, ὅτι“ и пр., — такъ пишетъ Френкель въ ст. 1—2
и отказывается понять, какой смыслъ видѣли прежніе издатели въ
сυνόδοις, не отдѣлявшіе этого слова знакомъ препинанія. Самъ онъ
разсуждаетъ такъ: въ ст. 14—15 говорится о постановленіи „архон-
товъ, синедровъ и народа“, а въ 1—2—только о синедрахъ (καθημέ-
νου τοῦ συνεδρίου), слѣдовательно, синедры соотвѣтствовали совѣту дру-
гихъ городовъ,—первые обсуждали данное дѣло и ихъ рѣшеніе под-
лежало передачѣ на утверженіе въ собраніе архонтовъ и народа;
„συνόδοις ἰgitur inscriptio est quasi *epistolaris*“; мимоходомъ отмѣчая,
что совѣтники въ Епидаврѣ звались ἀρτῶνοι (Plut. Qu. Gr. 1) и что
здѣсь рѣчь, можетъ быть, о συνεδρίον артиновъ, онъ заключаетъ: „certe
senatus συνεδρίον *oppositum* est συνόδοις et magistratum et populi“.
Едва ли я ошибусь въ пониманіи словъ: „inscriptio epistolaris“, если
переведу συνόδοις, по Френкелю, словами: „въ собраніе“, т.-е. при-
равняю нашимъ надписямъ въ началѣ дѣловыхъ бумагъ или на адре-
сахъ конвертовъ: „въ московскую городскую думу“ и т. п. По моему,
однако, Френкель правъ только въ требованіи интерпункціи *послѣ*
сυνόδοις, а въ толкованіи этой части прескрипта онъ просто оригиналь-
ничаетъ безъ всякой нужды. Подобное обозначеніе „рода собранія“
(Art der Versammlung, по терминологіи Свѣбоды) вовсе не рѣдкость
въ прескриптахъ, напримѣръ, въ аттическихъ: ἐκκλησία, ἐκκλησία χορία,
ἐκκλ. хор. ἐν θεάτρῳ и т. п. (см. въ сокращенныхъ перечняхъ Ларфсльда
въ Griech. Epigr. или въ Handbuch d. gr. Epigr.), или вѣдъ Аттики
напримѣръ, ἐν χορίᾳ ἐκκλησία (Киосъ, Swoboda, Griech. Volksbeschl.
278), ἀλίασμα ἕκτας διμήνου (Акрагантъ, ibid. 258) и т. п. Слѣдуетъ
ли при этомъ отдѣлять συνόδοις интерпункціей и отъ μηνὸς δωδεκάτου,
или лучше писать: μηνὸς δωδεκάτου συνόδοις, я не рѣшаюсь сказать
при отсутствіи параллелей изъ Епидавра, — при послѣднемъ способѣ
письма пришлось бы заключать, что собранія были по разу въ мѣсяцъ.
Нѣтъ нужды настаивать и на томъ что въ καθημένον τοῦ συνεδρίου
рѣчь *непрелмно* о синедрахъ и что этотъ „синедріонтъ“, противопоста-
гается общему собранію „властей, синедровъ и народа“. Терминъ со-
неδρίον примѣнимъ и къ народному собранію (см. напримѣръ, Dittenber-
ger, SIG². II, стр. 383, примѣч. къ № 607, ср. Swoboda, ук. соч. 307).

Послѣ ὅτι καλῶς ἔχον ἐστὶ καὶ δίκαιον τῇ πόλει εὐεργέτα γεγονόςος εἰς αὐτὰν ἐν πολλοῖς Ἀριστοβούλου съ дальнѣйшими десятию причастіями слѣдуетъ сразу ἔδοξε κτέ. ἐπαινέσαι κтл., а что именно „хорошо и справедливо“, такъ и осталось не указаннымъ, иначе говоря пропущено подлежащее; по смыслу послѣднимъ будетъ, конечно, дальнѣйшее ἐπαινέσαι и пр. Анаколуоъ легко объяснимый.

Ст. 4—5: ποιουμένου (т.-е. Ἀριστοβούλου) διὰ παντὸς αὐτοῦ δαπάνας ἐκ τοῦ ἰδίου βίου καὶ πλείονα[ς]. Къ этому πλείονας Френкель подразумевает genitiv. compar. изъ предшествующаго, именно τοῦ ἰδίου βίου и переводить: „impndens vel excedentia opes suas“, прибавляя въ поясненіе: „mutuum ergo sumpsit“. При такомъ объясненіи пришло бы признать, что Аристовуль въ своемъ общественномъ усердіи хватилъ уже черезъ край. Но скорѣе черезъ край хватилъ только Френкель. Во-1-хъ, объясненіе, что Аристовуль для дѣла общественныхъ не только потратилъ свои средства, но даже въ долгъ бралъ деньги, какъ-то не вяжется съ δαπάνας ἐκ τοῦ ἰδίου βίου, — если бы до этого дошло, то, вѣроятно, и сказано было бы объ этомъ яснѣе, а не такъ глухо, что для пониманія нужно приглашать Френкелей. Во-2-хъ, и ниже дважды говорится, что Аристовуль „наносилъ ущербъ своимъ средствамъ“, но это далеко не то, что у Френкеля. Въ-3-хъ, по поводу городскихъ построекъ: καὶ εἰς ταῦτα δαπανῶντος διάφορα καὶ πλείονα, и въ заключеніе вообще: καὶ διὰ ταῦτα βεβλαβότους καὶ πλείονα τὸν ἴδιον βίον,—Френкель объ этихъ καὶ πλείονα благоразумно молчитъ. Ужасн и тутъ рѣчь о „vel excedentia opes suas“? Въ-4-хъ, почему онъ не сравниваетъ этого хотя бы съ ἐφηλκωμένου; ἐξ ἐτῶν καὶ πλείονων имъ же издаваемой аргосской надписи 558, стрк. 9? Въ-5-хъ, ср. еще изъ декрета аттическихъ технитовъ СІА. II 628, стрк. 11: ὧν (т. е. σπονδῶν καὶ παιάων) ἐπισχ[εθέντων] ἐπὶ ἐτη καὶ πλείονα. Мнѣ кажется, во всѣхъ этихъ случаяхъ есть сходство, — вездѣ καὶ πλείονα служатъ только для усиленія, въ родѣ нашего: да и не разъ, да и много разъ, да и въ разныхъ отношеніяхъ и т. п. — Въ примѣчаніи: „habemus statuam Aristobulo posito [такъ] basim n° 1453“, конечно, опечатка.

987.

Очень странное имя: „Κουῖδας“ (у Френкеля и у Блинкена-берга).

1101.

Имя Ὀσομένης (въ accusat.) стоитъ и у Френкеля и у Каввадіаса, такъ что трудно заподозрить точность копіи (могло бы быть, напримеръ, Ὄξομένης, Θεομένης и др.); можетъ быть, вмѣсто Ὀσομένης?

А. Шниттсвѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

V A R I A ¹⁾.

XXXVII.

Къ вопросу о *codex Paezianus* Константиновскихъ извлеченій *περί πρῶτου βεβου* и его прямыхъ и косвенныхъ копійхъ,—съ критическими замѣчаніями по поводу новѣйшаго сочиненія Карла де Боора ²⁾.

Ознакомивъ читателей съ крайнею неудовлетворительностью дебооровскихъ разсужденій по вопросу объ оригиналѣ (*Vorlage*) *cod. Escorialensis R. III. 21*, теперь перейдемъ къ разбору нѣкоторыхъ соображеній, высказанныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ относительно паззовскаго кодекса.

Сдѣлавъ детальный обзоръ содержанія паззовскаго кодекса на основаніи данныхъ, почерпаемыхъ изъ каталога Кольвилля (*cod. Ambrosianus Q 114 sup.*), де Бооръ замѣчаетъ: „Aus dieser Zusammenstellung erhalten wir für die legationes gentium, die in den Handschriften in verschiedener Reihenfolge überliefert sind, den definitiven Beweis, dass die im Ambrosianus, in den Handschriften des Escorial und des Ursinus überlieferte Ordnung, wie bereits allgemein angenommen wurde, die des Archetypus war, die des Monacensis, Bruxellensis, und der Palatini späteren Ursprungs sein muss. Für die streitige Frage, in welcher Folge die beiden Excerptreihen im Archetypus standen, ergibt

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1903 г., отд. класс. филол.

²⁾ *C. de-Boor*, Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten—въ *Sitzungsber. der. Berliner Akademie der Wiss.*, 1902, 146—164.

sich, dass diejenigen im Rechte sind, welche die legationes gentium an die Spitze stellen, wenigstens für die spätere Zeit; denn der [die?] Frage, ob der, wie mehrfache durch Ausfall ganzer Quaternionen entstandene Liicken zeigen, zeitweilig wenig fest gefügte Codex auch ursprünglich so beschaffen war, wird hierdurch nicht präjudicirt. *Ich werde vielmehr anderwärts beweisen, dass die Excerpta de legationibus gentium mit Procop begannen und mit Menander endeten* ¹⁾, und dass es ursprünglich überhaupt nicht zwei getrennte Abtheilungen, sondern nur eine einheitliche Sammlung *περί πρέσβων* gab“ ²⁾.

Мы нарочно привели всё эти разсужденія де Боора in extenso — именно съ цѣлью дать возможность читателямъ непосредственно ознакомиться со всѣмъ *контекстомъ*. Изъ этого контекста достаточно ясно видно, что оба результата де-бооровскихъ изысканій ³⁾, которые сообщаются въ концѣ вышеприведенной выписки, и правильность коихъ почтенный ученый обѣщаетъ „доказать въ другомъ мѣствѣ“, — относятся именно къ паззовскому кодексу.

Въ ожиданіи этихъ обѣщанныхъ доказательствъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что оба упомянутыхъ результата намъ представляются, такъ сказать, *наглядными несообразностями*.

Для надлежащей оцѣнки перваго результата (курсивъ въ нашей выпискѣ), — что де нѣкогда (но, какъ видно, изъ дальнѣйшаго, не „ursprünglich“) въ паззовскомъ кодексѣ „Excerpta de legationibus gentium начинались Прокопіемъ и кончались Менандромъ“, — необходимо пояснить, что по сообщеніямъ Кольвилля эти извлечения изъ *Менандра* занимали въ паззовскомъ кодексѣ fol. 110—129, затѣмъ слѣдовали извлечения изъ Ософилакта Симокатскаго (fol. 129—134), а далѣе — изъ *Прокопія*, на fol. 134 — 147 ⁴⁾; иными словами, — на ли-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 148 сл.

³⁾ Слѣдуя де-бооровской терминологіи надлежало бы назвать эти результаты его изысканій — „ничѣмъ не обоснованными *интотезами*“, но мы не склонны поступать à la de Boor.

⁴⁾ Не мѣшаетъ упомянуть о разногласіи между выписками де Боора изъ миланской копій каталога Кольвилля (cod. Ambrosianus Q 114 sup.) и выписками Джузеппе Меркати, которыми намъ удалось пользоваться благодаря любезности Др. Джованни Меркати. По де Боору, извлечения изъ Прокопія начинались въ паззовскомъ кодексѣ съ *оборотной* страницы 134-го листа (*Sitzungsber.* 1902, 148: „134 B — 147 Procop.“), а по Меркати — съ *лицевой* страницы: „ex eodem (sc. Procopio Caesariensi) sunt et eclogae de legationibus gentium ad Romanos I. Ө. 4 pag. 134 usque ad 147“ (cod. Ambrosianus Q 114 sup., fol. 289*).

цевой страницѣ fol. 129 кончались извлеченія изъ Менандра и начинались извлеченія изъ Теофилакта, причемъ послѣднiя, естественно, занимали и всю оборотную страницу того же листа; что же касается 134-го листа, то, по де Боору, вся лицевая страница fol. 134 была занята концомъ извлеченiй изъ Теофилакта, а по Меркати на этой страницѣ кромѣ конца теофилактовыхъ отрывковъ помѣщалось и начало извлеченiй изъ Прокопiя.

Отсюда явствуетъ, что, если вѣрить точности сообщенiй Кольвилля, т. е. извлеченiя *περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* въ назовскомъ кодексѣ никогда и никакимъ образомъ не могли „начинаться Прокопiемъ и кончатся Менандромъ“, какъ это воображаетъ де Бооръ, — ибо если, по рецепту почтеннаго изслѣдователя, размѣстить упомянутый отдѣлъ извлеченiй *περί πρέσβων* такъ, чтобы fol. 134 находился во главѣ, а fol. 129 — въ самомъ концѣ этого отдѣла, то все же окажется, что извлеченiя *περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* начинаются концомъ извлеченiй изъ Теофилакта и кончаются началомъ извлеченiй изъ того же автора, — иными словами, серiя извлеченiй изъ Теофилакта оказалась бы при этомъ разорванной на три части самымъ страннѣмъ и невѣроятнѣмъ образомъ ¹⁾.

Во избѣжанiе такого „разодратiя“ серiи теофилактовыхъ отрывковъ почтенному изслѣдователю, очевидно, оставалось бы только одно — довольно радикальное — средство, а именно объявить сообщенiя Кольвилля неточными и „исправить“ ихъ, примѣрно, слѣдующимъ образомъ: „fol. 110—128 B Menander, 129 — 134 B Theophylactus Simocattes, 135—147 Procop“, для того чтобы извлеченiямъ изъ Теофилакта былъ отведенъ совершенно отдѣльный терпiонъ.

Принципиально, мы ничего не имѣемъ противъ такого исправленiя, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неточность сообщенiй Кольвилля не подлежитъ не малѣйшему сомнѣнiю, — но полагаемъ, что прибѣгать къ подобнымъ средствамъ позволительно лишь на основанiи *безусловно солидныхъ соображенiй*; имѣются ли таковыя въ распоряженiи почтеннаго изслѣдователя, это — вопросъ открытый, отвѣта на который слѣдуетъ ждать отъ обѣщанныхъ де-Бооромъ „доказательствъ“; мы лично

¹⁾ На сопоставленiе съ этой операцией несомненно напрашивается уже извѣстное читателямъ дѣло, въ которомъ до извѣстной степени замѣшанъ тотъ же де Бооръ, — о „разодратiи“ двухъ квинтiоновъ аугустиновской рукописи (codd. Escorialenses IV. N. 7 и 8) — въ ея первоначальномъ (по де Боору) видѣ, — ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 516 и 518.

однако думаемъ, что въ данномъ случаѣ ошибся де-Бооръ, а не Кольвиль.

Что касается второго результата де-бооровскихъ изысканій, который подобно первому имѣеть быть доказанъ почтеннымъ изслѣдователемъ лишь впоследствии, то прежде всего не мѣшаетъ замѣтить, что взятое само по себѣ предположеніе, будто извлеченія *περί πρέσβων ἔθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* и *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς* составляли не два, но одинъ отдѣлъ или титулъ (*titulus, ὑπόθεσις*) исторической энциклопедіи Константина Багрянороднаго, — въ сущности отнюдь не блещетъ новизною. Уже Шарль Гро въ 1880 году въ своемъ капитальномъ и общезвѣстномъ *Essai* говорилъ слѣдующее: „Le principal joyau de la collection Paez consistait en un manuscrit du *De legationibus*, soit le XXVII-e titre de la vaste compilation historique, divisée en cinquante-trois titres ou lieux communs, de l'empereur Constantin Porphyrogénète“ ¹⁾. Равнымъ образомъ и Вәшке (H. Väsche) въ 1882 году въ своей статьѣ: „Ueber die reihenfolge der excerpte Konstantins“ ²⁾ вездѣ говоритъ объ извлеченіяхъ *περί πρέσβων* какъ объ *одномъ* отдѣлѣ („*titel*“) вышеупомянутой энциклопедіи, причѣмъ отводитъ, какъ и Гро, этому отдѣлу, то же 27 мѣсто ³⁾. Наконецъ, въ 1887 году де Нольякъ, излагая результаты изслѣдованій Гро, говоритъ объ „le fameux manuscrit de Juan Paez de Castro, qui contenait le vingt-septième livre (*sic*) de la grande compilation historique de Constantin Porphyrogénète“ ⁴⁾.

Это предположеніе оказывается однако *вдоймъ ошибочнымъ*, такъ какъ изъ предисловія (*προόμιον*), предпосланнаго извлеченіямъ *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς*, — гдѣ говорится между прочимъ (р. 5, 14 ed. Bonn.): ὡν κεφαλαίων ὑποθέσεων ἢ προχειμένη αὐτῆ καὶ ἐπιγραφομένη „*περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς*“ *τοῦχάνει οὕσα ἐβδόμη ἐπὶ ταῖς εἰκοσι, τῆς πρώτης τὸ ἐπώνυμον λαχούσης „περί βασιλέων ἀναγορεύσεως“* — совершенно ясно видно, что серія извлеченій *περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς* была *совершенно самостоятельнымъ отдѣломъ* Константиновской исторической энциклопедіи, занимавшимъ въ послѣдней XXVII мѣсто. Отсюда въ свою очередь естественно слѣ-

¹⁾ *Graux*, Essai sur les origines du fonds grec de l'Escorial, 93. — Разрѣдка въ вышеприведенной выпискѣ принадлежитъ намъ.

²⁾ *Philologus*, XLI (1882), 270—283.

³⁾ *Ibid.*, 279, 281.

⁴⁾ *P. de Nolhac*, La bibliothèque de Fulvio Orsini (Paris, 1887), 47.

дуетъ выводъ, что серія извлеченій *περί κρίσεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίων* была *тоже совершенно самостоятельнымъ отдѣломъ* упомянутой энциклопедии, которому принадлежало сосѣднее мѣсто, т. е. либо предшествующее XXVII-му отдѣлу, либо непосредственно слѣдующее за нимъ; принимая во вниманіе, что въ паззовскомъ кодексѣ эта серія извлеченій предшествуетъ вышеупомянутому XXVII отдѣлу, Кольвилль заключилъ, что она являлась *XXVI отдѣломъ* Константиновской энциклопедии ¹⁾, и это мнѣніе намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, о чемъ подробнѣе поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Засвидѣтельствованный вышеупомянутымъ предисловіемъ фактъ въ достаточной, полагаемъ, степени подрываетъ разбираемый второй результатъ де-бооровскихъ изысканій, и если почтенный ученый не только утверждаетъ, но и обѣщаетъ „доказать“ правильность этого результата, то надобно предположить одно изъ двухъ: или де Бооръ проглядѣлъ то, что такъ ясно сказано въ *προόμιον*, — какъ это случилось и съ тремя его предшественниками, о которыхъ мы говорили выше, — или же онъ заручился — быть можетъ, благодаря собственнымъ изысканіямъ въ области „*der Vorgeschichte der Sammlung de legationibus*“ какими-либо необычайно вѣскими и убѣдительными данными, позволяющими ему игнорировать несомнѣнный фактъ, засвидѣтельствованный упомянутымъ предисловіемъ. Оставляя послѣдній вопросъ — въ ожиданіи обѣщанныхъ де Бооромъ „доказательствъ“ — открытымъ, позволимъ себѣ замѣтить, что намъ лично представляется единственно правильнымъ именно *первое* предположеніе.

Остается упомянуть, что мы догадываемся, какіе именно факты и отчасти соображенія послужили для де Боора исходнымъ пунктомъ его изысканій, увѣнчавшихся обоими (неудачными) результатами, о которыхъ мы только что говорили выше, — но сообщать такого рода догадки теперь же было бы, разумѣется, преждевременно.

Непосредственно далѣе де Бооръ разсуждаетъ о „двойной“ ошибкѣ, вкравшейся въ обзоръ содержанія паззовскаго кодекса, по частямъ сообщаемый въ каталогъ Кольвилля. Дѣло въ томъ, что извлеченіямъ (*περί κρίσεων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*) изъ Евнапія Кольвилль отводитъ *fol. 185 — 190*, а непосредственно слѣдовавшему за этими евнапиев-

¹⁾ Cod. Ambrosianus Q 114 sup., s. vv. *Ioannes Constantinopolitanus* и *Legationes*; ср. выписки у де Боора, *Sitzungsber.* 1902, 147.

скими отрывками предисловію къ извлеченіямъ περί πρέσβων Ρωμαίων πρὸς ἔθνη, онъ же—по словамъ де Боора ¹⁾—отводитъ fol. 187—190.

По этому поводу де Бооръ замѣчаетъ: „Die Angaben Colvill's verlaufen übrighens, wie man sieht, nicht ganz glatt, da die Blattzahlen 187 — 190 zweimal vorkommen, bei den legationes gentium aus Eunap und dem Prooemium der legationes Romanorum; es muss ein doppeltes ²⁾ Versehen Colvill's vorliegen, da sich aus einer vergleichenden Berechnung des Blattumfangs des Archetypus aus dem anderer Handschriften ergibt, dass der Raum von Fol. 185 bis 190 gerade für Eunap und das Prooemium ausreicht. Für die 185 Blätter ³⁾, welche der Schreiber des Archetypus bis zum Beginn der Eunap-Excerpte verwendete, brauchte Darmarius im Ambrosianus 693¹/₂ Blätter ⁴⁾. Das ergibt ein Verhältniss von 1 zu 3,7. Im Ambrosianus füllen die Excerpte aus Eunap 15¹/₂ Blätter ⁵⁾, das Prooemium in dem ganz entsprechend im Format von Darmarius geschriebenen Scor. III R 14 3¹/₂ Blätter, zusammen 19 Blätter, die 5 Blättern des Archetypus entsprechen würden“ ⁶⁾.

Намъ кажется довольно страннымъ, что почтенный ученый заблуждался воздержаться отъ болѣе опредѣленнаго исправленія „двойной“ ошибки Кольвилля, т. е. точно указать, къ какимъ именно листамъ пазовскаго кодекса слѣдуетъ приурочить извлечения изъ Евнапія и къ какимъ предисловіе. Если бы онъ потрудился взять на себя и эту задачу, то, быть можетъ, усмотрѣлъ бы, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ „двойной“, а съ тройной ошибкой Кольвилля.

Извлечения изъ Евнапія въ амброзіанской рукописи (A) кончаются словами καὶ ὁ μὲν ἔχειτο περὶ τῶν, ὁ νεοπολήσας τὴν ἄδικον ἐπιβουλήν· οἱ δὲ fr. 60 p. 253,20 sq. ed. Dind. [ELG. p. 599,6 sq.] ⁷⁾, и незакончен-

¹⁾ *Sitzungsber.* 1902, 148; ср. п. 149 (выписка приводится ниже).

²⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

³⁾ Слѣдовало бы сказать: 184 листа съ небольшимъ, — такъ какъ извлечения изъ Евнапія начинались въ П съ fol. 185^r.

⁴⁾ Точнѣе сказать: 692¹/₂ листа, — такъ какъ въ A извлечения изъ Евнапія начинаются на fol. 693^r.

⁵⁾ Точнѣе сказать: 15³/₄ листовъ (fol. 693^r—709^r), ср. *Византійскій Временникъ* 1901, 482.

⁶⁾ *Sitzungsber.* 1902, 149.

⁷⁾ Сокращеніемъ ELG. мы означаемъ вторую часть де-бооровскаго изданія извлеченій περί πρέσβων (Excerpta de legationibus ed. C. de Boor, Berolini 1903,—

ность послѣдней фразы свидѣтельствуетъ о томъ, что конецъ этихъ извлеченій былъ утраченъ и въ паззовскомъ кодексѣ. Отсюда же, естественно, слѣдуетъ заключить, что словами *οὐ δὲ* кончалась послѣдняя строка на оборотной страницѣ того листа паззовскаго кодекса, который непосредственно предшествовалъ предисловію къ извлеченіямъ *περὶ κρίσεως Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς*.

Этому предисловію Кольвилль, по словамъ де Боора, отводитъ въ паззовскомъ кодексѣ *fol. 187—190*, т. е. *fol. 187^r—190^r*, иными словами, — *болѣе трехъ листовъ*¹⁾. Ошибочность этого сообщенія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ это же самое предисловіе занимаетъ всего только $3\frac{1}{2}$ листа въ *cod. Escorialensis R. III. 14*, форматъ котораго, какъ и амброзіанской рукописи, почти вдвое меньше формата паззовскаго кодекса. Съ другой стороны, остающихся на долю извлеченій изъ Евнапія въ паззовскомъ кодексѣ *fol. 185* и *186* (въ общей сложности — *меньше двухъ листовъ*, такъ какъ часть *fol. 185^r* была занята концомъ извлеченій изъ Пириска, оказывается слишкомъ недостаточно для $15\frac{3}{4}$ листовъ, занимаемыхъ этими евнапіевскими извлеченіями въ амброзіанской рукописи.

Предисловіе, несомнѣнно, занимало не болѣе одного листа въ паззовскомъ кодексѣ, и этимъ листомъ, очевидно, являлся *fol. 189*; такимъ образомъ на долю извлеченій изъ Евнапія приходится *fol. 185^r—188^r*, т. е. *около четырехъ листовъ*, чему не противорѣчить и указанное де Бооромъ общее отношеніе 1:3,7.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу той оговорки („по словамъ де Боора“), которую мы сочли нелишнимъ сдѣлать въ обоихъ случаяхъ, когда говорили, что предисловію Кольвилль отводитъ въ паззовскомъ кодексѣ *fol. 187—190*. Дѣло въ томъ, что за нимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи достаточно полныхъ свѣдѣній о каталогѣ Кольвилля для насъ не совсѣмъ ясно, дѣйствительно ли въ

pars II: Exc. de legationibus gentium ad Romanos). Равнымъ образомъ сокращеніе ELR. указываетъ на *первую* часть того же изданія (pars I: Exc. de legationibus Romanorum ad gentes, Berol. 1903).—Необходимо пояснить, что вся эта XXXVII-ая глава нашихъ *Variā* была написана и уже отослана въ редакцію *Журн. Мин. Нар. Пр.*, а затѣмъ частью даже прокорректирована (до настоящей страницы),— прежде нежели де-бооровское изданіе было получено нами въ Юрьевѣ. Прибавленія, сдѣланные нами при корректурѣ, мы отмѣчаемъ угловатыми скобками.

¹⁾ Не мѣшаетъ пояснить, что непосредственно слѣдующія за предисловіемъ извлеченія изъ Петра патриція начинались въ паззовскомъ кодексѣ съ *fol. 190^r*.

этомъ каталогѣ гдѣ нибудь ¹⁾ сказано, что это предисловіе оканчивается на fol. 190^r, или же это сообщеніе является просто *продуктомъ (ошибочнымъ) соображеній самого де Боора*.

Все, что намъ извѣстно изъ сообщеній Кольвилля относительно предисловія, сводится къ слѣдующему. Подъ рубрикой *Ioannes Constantinopolitanus* (fol. 233^v) Кольвилль говоритъ: „*Ioannis Constantinopolitani (ut ei attribuitur manu recentiori) eclogae historiarum digestae libris 53 ut dicitur in I. Θ. 4 pag. 187 et IV. Η. 8 pag. 3. quorum primus erat de renunciatione Imperatorum, sed ex omnibus illis extant hic tantum duo, vigesimus sextus de legatis gentium ad Romanos sine principio I. Θ. 4 pag. 1 et IV. Η. 6. et IV. Π. 7. et vigesimus septimus qui expresse dicitur esse de legatis Romanorum ad gentes I. Θ. 4. pag. 190 cuius prooemium est pag. 187. ||. IV. Η. 8*“. Кроме того подъ рубрикой *Legationes* — fol. 234^r по де Боору ²⁾, 254^r по Меркати — у него же читаемъ между прочимъ слѣдующее: „*deinde pars 2^a. de legationibus Romanorum ad gentes I. Θ. 4 p. 190 cuius prooemium est pag. 187*“ и проч.

Фраза „*cuius prooemium est pag. 187*“ допускаетъ, по нашему мнѣнію, два толкованія: 1) „предисловіе *начинается съ fol. 187^r*“, и 2) „предисловіе *содержится на fol. 187* (т. е. на обихъ страницъ этого листа)“. Нѣтъ надобности доказывать возможность перваго толкованія, такъ какъ, на примѣръ, уже непосредственно предшествующее этой фразѣ „*pag. 190*“, несомнѣнно, употреблено Кольвиллемъ въ смыслѣ „*начинается съ fol. 190^r*“; что же касается втораго объясненія („*pag. 187*“ = fol. 187^r — 187^v), то въ качествѣ вполне аналогичныхъ примѣровъ такого не совсѣмъ точнаго обозначенія можемъ указать два слѣдующихъ:

1) на fol. 284^r каталога Кольвилля читаемъ: „*Ex Petri Patricii et magistri historia eclogae.....de legatis Romanorum ad gentes I. Θ. 4 pag. 190*“, — здѣсь „*pag. 190*“, несомнѣнно, слѣдуетъ понимать, какъ fol. 190^r — 190^v, а не какъ fol. 190^r только, такъ какъ, занимая въ cod. Escorialensis R. III. 14 *шесть страницъ* ³⁾, эти извлечения изъ Петра патриція, очевидно, не могли бы умѣститься на одной только страницѣ (fol. 190^r) паэзовскаго кодекса.

¹⁾ На примѣръ, подъ рубрикой „*prooemium*“, — если только таковая имѣется въ каталогѣ Кольвилля.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 147.

³⁾ Ср. *Miller*, Catalogue des mss. grecs de la bibliothèque de l'Escorial, Paris 1848. 28.

2) Равнымъ образомъ, на fol. 168^r того же каталога сказано объ извлеченіяхъ изъ Флавія Іосифа: „eclogae.....de legationibus Romanorum ad gentes I. Θ. 4. pag. 229“, — гдѣ „pag. 229“ тоже слѣдуетъ понимать, какъ „fol. 229^r — 229^v“, а не какъ fol. 229^r только, такъ какъ эти извлечения изъ Іосифа занимаютъ въ cod. Escorialensis R. III. 14 семь страницъ¹⁾, а потому еще менѣе, чѣмъ извлечения изъ Петра, могли бы умѣститься на одной только страницѣ паэзовскаго кодекса (fol. 229^r), часть которой къ тому же была занята концомъ извлеченій изъ Зосима.

Что же касается нашего предположенія, что въ паэзовскомъ кодексѣ предисловіе занимало не болѣе двухъ страницъ, т. е. только fol. 189^r — 189^v, не переходя на fol. 190^r, — то доказать это можно при помощи слѣдующихъ фактовъ и соображеній:

1) въ cod. Escorialensis R. III. 14 это предисловіе занимаетъ 3¹/₂ листа или семь страницъ, и слѣдовательно для него оказывалось совершенно достаточно мѣста на двухъ (полныхъ) страницахъ паэзовскаго кодекса (fol. 189^r — 189^v); по этому поводу не мѣшаетъ припомнить, что, какъ это мы только что отмѣтили, извлечения пері πρόσθετων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς изъ Флавія Іосифа, которыя помѣщаются въ cod. Escorialensis R. III. 14 тоже на семи страницахъ, занимали въ паэзовскомъ кодексѣ даже менѣе одного листа.

2) Въ вышеприведенномъ краткомъ описаніи паэзовскаго кодекса, которое сообщаетъ Кольвилль подъ рубрикой *Ioannes Constantinopolitanus*, находится ссылка на предисловіе съ указаниемъ соотвѣствующихъ страницъ какъ этого кодекса, такъ и третьяго тома агустиновской рукописи: „.....eclogae historiarum digestae libris 53 ut dicitur in I. Θ. 4 pag. 187 et IV. H. 8 pag. 3.“ Говоря это, Кольвилль, несомнѣнно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто предисловія (р. 5, 6 ed. Bonn. [ELR. р. 2, 6]): *καταμερίσαι εἰς ὑποθέσεις διαφόρους τρεῖς ἐπὶ ταῖς*²⁾ *πεντήκοντα τὸν ἀριθμὸν ὄσας*. Изъ его цитаты видно, что въ паэзовскомъ кодексѣ (I. Θ. 4) это мѣсто находилось на „pag. 187“ т. е. на fol. 189^r³⁾, а въ агустиновской рукописи (IV. II. 8) на

¹⁾ *Miller, ibid.*

²⁾ Возстановляемъ это ταῖς вмѣсто явно ошибочнаго рукописнаго чтенія τοῖς, которое до сихъ поръ страннымъ образомъ не было исправлено никѣмъ изъ издателей — къ числу которыхъ, кстати сказать, принадлежить и H. Wäsche (*Philologus*, XLI, 1882, 271 сл.).

³⁾ Изъ объясненій, сообщенныхъ нами выше, читателямъ уже извѣстно, что

„pag. 3“, т. е. на *fol. 3^r*. Сомнѣваться въ точности обоихъ этихъ указаній Кольвилля нѣтъ никакихъ основаній, къ тому же мы имѣемъ возможность и провѣрить ихъ до нѣкоторой степени ¹⁾, — и вотъ, если отвести вышесприведенной фразѣ предисловія самый конецъ лицевой страницы *fol. 189*, то на оборотной страницѣ того же листа (*fol. 189^v*) не только хватитъ мѣста для остальной части предисловія [ELR. p. 2,7 — 35], но и останется еще нѣсколько строкъ, не занятыхъ текстомъ, — даже если предположить, что въ перечнѣ авторовъ, которымъ заканчивается предисловіе [ELR. 2, 20 sqq.], каждому автору было отведено въ паззовскомъ кодексѣ по особой строкѣ [какъ въ де-бооровскомъ изданіи].

Остается добавить, что и для помѣщенія на *fol. 189^r* всей предшествующей части предисловія [ELR. p. 1,4 — 2,7) — естественно, вмѣстѣ съ заглавіемъ (Ἰκόθασις τοῦ περὶ πρέσβρων τούτου Ρωμίων πρὸς ἔθνικου. Προοίμιον) — не представляется никакихъ затрудненій: въ этомъ нетрудно убѣдиться при помощи простого вычисления, — зная что паззовскій кодексъ былъ, такъ сказать, близнецомъ турецкаго *cod. Peirescianus* ²⁾.

Итакъ, извлеченія изъ Евнапія занимали въ паззовскомъ кодексѣ *fol. 185^r — 188^v*, а предисловіе къ извлеченіямъ περὶ πρέσβρων Ρωμίων πρὸς ἔθνικου — только *fol. 189*, т. е. только *fol. 189^r — 189^v*. Кто изъ двухъ, — Кольвилль или же самъ де Бооръ, — ошибочно перенесъ конецъ предисловія на *fol. 190^r*, — это обнаружится въ недалекомъ будущемъ.

цифра 187 въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Кольвилль говоритъ о предисловіи, является его ошибкой или опяской вмѣсто 189.

¹⁾ О такого рода контролѣ по отношенію къ паззовскому кодексу см. ниже въ текстѣ; что же касается агустиновской рукописи (IV. Н. 8), то можно указать на то обстоятельство, что въ мюнхенской рукописи (*cod. Monacensis gr. 267*), имѣющей такой же форматъ, какъ и агустиновская, но писанной нѣсколько убожествѣе, чѣмъ эта послѣдняя (въ мюнхенской рукописи предисловіе занимаетъ $2\frac{1}{2}$ листа, а въ IV. Н. 8 занимало не менѣе *четыре*), разбираемое мѣсто предисловія находится въ концѣ *fol. 2^r*; — отсюда видно, что въ агустиновской рукописи, какъ писанной болѣе разгоряченнымъ почеркомъ, это мѣсто, дѣйствительно, должно было находиться на *fol. 3^r*.

²⁾ Послѣднее будетъ, какъ мы уже говорили выше, доказано нами въ другомъ мѣстѣ.

„Der verlorene Archetypus“ — продолжаетъ де Бооръ — „muss somit erheblich grösser im Format und enger beschrieben ¹⁾ gewesen sein“ ²⁾.

И здѣсь намъ кажется довольно страннымъ, что почтенный ученый заблагоразсудилъ воздержаться отъ болѣе точнаго опредѣленія формата паэзовскаго кодекса. Восполняя этотъ пробѣлъ, мы должны прежде всего сказать, что паэзовскій кодексъ во второмъ систематическомъ каталогѣ греческихъ рукописей Эскориальской библиотеки, который былъ составленъ Николаемъ де ля Торре подъ редакціей Бенито Арія Монтано въ концѣ 1587-го или въ началѣ 1588 года (cod. Escorialensis X. I. 16), — значится подъ рубрикой „Φ. Ἱστορία ἐν φύλλῳ“ (т. е. *in folio*), на второмъ мѣстѣ въ предѣлахъ этой рубрики, которое, по счету Миллера, оказывается 77-мъ отъ начала каталога ³⁾.

Объ эскориальскихъ сигнатуры — I. B. 4 (де ля Торре) и позднѣйшая — I. Θ. 4 (Хозе де Сигуенза) — совершенно опредѣленно свидѣтельствуютъ, что паэзовскій кодексъ былъ именно *крупнымъ фолиантомъ* ⁴⁾.

Наконецъ, еще болѣе точныя и опредѣленныя свѣдѣнія относительно формата и вообще размѣровъ паэзовскаго кодекса (приблизительно $36,5 \times 27,5$ сантим., т. е. подобно cod. Peirescianus) мы получаемъ путемъ детальнаго разъясненія вопроса о принадлежности паэзовскаго кодекса къ той же самой семьѣ архетиповъ Константиновскихъ историческихъ извлеченій, членами которой являются cod. Peirescianus извлеченій περί ἀρετῆς καὶ καχίας, ватиканскій палимпсестъ (cod. Vaticanus gr. 73), содержащій извлеченія περί γυναικῶν, и утраченный архетипъ извлеченій περί ἐπιβουλῶν, послужившій общимъ источникомъ для эскориальской и парижской рукописей этихъ послѣднихъ извлеченій (codd. Escorialensis I. Q. 11 и Parisinus gr. 1666). Съ нѣ-

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 149.

³⁾ *Miller, Catalogue*, 338, n. 77.—() курсивной ошибкѣ Миллера, который отожествилъ упоминаемую въ этомъ мѣстѣ рукопись (*in folio*) не съ паэзовскимъ кодексомъ, но съ codd. Escorialenses R. III. 13 и 14, не обращая вниманія на форматъ обѣихъ этихъ рукописей (*in quarto*), — объ этомъ мы подробно поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

⁴⁾ За подробностями и по этому вопросу отсылаемъ читателей къ нашей статьѣ, имѣющей вскорѣ появиться въ *Визант. Временникъ*; ср. кромѣ того нашу замѣтку въ *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 551¹.

которыми деталями разъясненія вышеупомянутаго вопроса читатели познакомятся нѣсколько ниже.

Затѣмъ, что касается второго де-бооровскаго вывода, что де паэзовскій кодексъ долженъ былъ „*eniger beschrieben gewesen sein*“, — то нельзя не пожалѣть, что почтенный ученый формулировалъ этотъ выводъ довольно туманно или даже двусмысленно.

Если онъ хотѣлъ этимъ сказать, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ болѣе убористымъ почеркомъ, чѣмъ амброзіанская рукопись, — *противоположая эту убористость общенезыбтливой разюнистости почерка Дармарія*, — то онъ безусловно ошибается. Въ другомъ мѣствѣ мы докажемъ, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ тѣмъ же самымъ писцомъ, что и три остальныхъ архетипа, о которыхъ мы говорили выше, — а почеркъ этого писца — „*Constantiniana, si fas ita loqui, scriptura*“, по выраженію Май ¹⁾ — оказывается гораздо болѣе разюнистымъ, чѣмъ почеркъ Дармарія, въ чемъ нетрудно убѣдиться путемъ сличенія соответственныхъ факсимиле ²⁾ — и тому, кто не имѣетъ непосредственнаго знакомства ни съ дармаріевскими рукописями, ни съ обоими сохранившимися до нашего времени кодексами Константиновскихъ историческихъ извлеченій (codd. Peirescianus и Vaticanus gr. 73).

Если же де Бооръ хотѣлъ сказать, что вмѣстимость строки паэзовскаго кодекса превышала вмѣстимость строки амброзіанской рукописи, то и это (фактически вѣрное) предположеніе оказывается неправильнымъ — *при наличности мнѣнія де Боора, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ въ два столбца, а не въ полную строку* ³⁾.

Вдаваться въ дальнѣйшее разъясненіе туманнаго выраженія де Боора считаемъ совершенно излишнимъ; напротивъ, не мѣшаетъ упомянуть, что съ аналогичными туманностями неоднократно приходится имѣть дѣло въ другихъ мѣстахъ разбираемаго сочиненія почтеннаго изслѣдователя ⁴⁾.

¹⁾ A. Mai, Scriptorum veterum nova collectio, II, Romae 1827, praef. p. XXXI, § XII.

²⁾ Факсимиле турскаго кодекса см. у Омона, Catalogue des mss. grecs des Départemens, Paris 1886, — ватиканскаго палимпсеста у Май въ томъ же II томѣ его Collectio, — дармаріевскихъ рукописей у Омона, Fac-similés de mss. grecs des XV^e et XVI^e siècles, Paris 1887, pl. I, и у Гро и Мартена, Fac-similés de mss. grecs d'Espagne, Paris 1891, pl. XVIII, n. 63.

³⁾ Ошибочность этого мнѣнія де Боора мы не замедлимъ доказать ниже.

⁴⁾ Ср. Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 566⁴ и 567¹.

Непосредственно далѣе де Бооръ вскользь касается вопроса о принадлежности паэзовскаго кодекса къ тому же самому собранію рукописей, въ составъ котораго входитъ и cod. Peirescianus вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ ватиканскимъ палимпсестомъ, и высказываетъ сомнѣніе въ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, причемъ оставляетъ за собою право обосновать свое мнѣніе впоследствии, ограничиваясь упоминаніемъ, что этотъ скептицизмъ его обусловливается, съ одной стороны, результатами его изысканій въ области „der Vorgeschichte der Sammlung de legationibus“, съ другою — „нѣкоторыми признаками“, указывающими на то, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ въ два столбца.

„Es ist die Vermuthung ausgesprochen,“ — говоритъ онъ — „er [т. е. паэзовскій кодексъ] habe einen Band des Exemplars gebildet, zu dem auch der Turonensis der Excerpte de virtutibus und der Vaticanus de sententiis gehören. Der ermittelte Umfang eines Blattes widerspricht dieser Annahme nicht geradezu. Im Turonensis entsprechen z. B. die 3 Excerpte Polybius Lib. XXII, 20—22 p. 1108, 16—1110,5 ed. Hultsch einer Seite des Codex (Fol. 306^r [читай 306^r] Z. 32—307^r Z. 32) ¹⁾, d. h. es kommen etwa 37 Zeilen jenes Textes auf eine Seite. Mit dem folgenden Polybius-Fragment Lib. XXIII, 1 p. 1110, 8 Hultsch beginnt im Ambrosianus das Fol. 101^v, und das Ende der nächsten 37 Zeilen schliesst auf Fol. 103^r ziemlich genau in der Mitte. Es würde sich danach zwischen dem Ambrosianus und dem Turonensis das Verhältniss etwa wie 3,5 zu 1 stellen, also annähernd wie zum verbrannten Scorialensis“ ²⁾.

Останавливаясь сперва на этихъ разсужденіяхъ де Боора, прежде всего считаемъ нелишнимъ пояснить, что упомянутое почтеннымъ

¹⁾ Не мѣшаетъ упомянуть, что де Бооръ слѣдуетъ *новѣйшей* пагинаціи турецкаго кодекса, произведенной Duboz'омъ; по старинной же пагинаціи, которой, кстати сказать, придерживаемся мы, — указанныя де Бооромъ нѣдры листовъ увеличиваются на единицу (fol. 307^v — 308^r). Попутно позволимъ себѣ замѣтить, что эта старинная пагинаціи турецкаго кодекса не принадлежитъ „Peirescio vel Valerio“, какъ это думалъ Буассевонъ (Cass. Dio, vol. I, praef. p. XI), но восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени, какъ видно изъ одного письма де Пейреска къ Дюлю (1627 г.), которое нѣсколькими страницами выше пишетъ самъ же Буассевонъ (l. c., p. VII); въ этомъ письмѣ де Пейрескъ говоритъ о своемъ кодексѣ между прочимъ слѣдующее: „ce volume a esté relié en la forme qu'il est et *les feuillets cotez il y a bien 200 ans*“.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 149.

ученымъ предположеніе было высказано Буассевэномъ ¹⁾, — приче́мъ за отсутствіемъ иныхъ доказательствъ роль таковыхъ приходится приписать, въ 1-хъ, (голословнымъ) догадкамъ Буассевэна, что паззовскій кодексъ былъ писанъ на пергаментѣ и имѣлъ форматъ in folio ²⁾, — во 2-хъ, его же примѣчанію: „Non aliter codex antiquus ille Hispanus ut ex apographis eius patet“ ³⁾, сопровождающему слѣдующую догадку: „Neque dubito quin in hoc nostro quoque Vaticano ut in codice Turonensi fragmentorum ex quoque scriptore exceptorum seriei litteris auratis titulus appictus fuerit in hunc modum:

Ᾱ † ΠΕΡΙ ΓΝΩΜΩΝ ∴ † ⁴⁾.

Едва ли нужно пояснять, что такого рода соображенія никоимъ образомъ не могутъ послужить достаточно солидными точками опоры для вышеупомянутой гипотезы Буассевэна.

Затѣмъ, возвращаясь къ де Боору считаемъ не бесполезнымъ указать по поводу взаимнаго сопоставленія отношеній 1 : 3,7 и 1 : 3,5 на то, что эти отношенія оказываются не совсѣмъ однородными, такъ какъ въ первомъ случаѣ (1 : 3,7) мы имѣемъ результатъ сравненія Π' съ Α почти въ полномъ объемѣ этихъ рукописей ⁵⁾, а во второмъ (1 : 3,5) — результатъ сравненія только одной, взятой наудачу, страницы турскаго кодекса съ соотвѣтственнымъ количествомъ текста Α.

Если бы объектомъ такого сравненія являлись печатныя произведенія, то, разумѣется, было бы совершенно безразлично, какія циф-

¹⁾ *Boissevain*, l. c. XVI: „Nec suspicionem meam premam eiusdem bibliothecae dicam an collectionis olim fuisse et Peirescianum et Vaticanum et fortassé etiam Hispanum illum librum (πὰρὶ πρῆξιν) quod incendio Escorialensi periit“; ср. также р. XXII, adn. 2: „Pacii [читай: Paezii] codex membranaceus formae maximae fuisse videtur, hic illic mutilatus. ut ex apographis eius cognoscitur, et omnino, ut mea fert opinio, codicibus Peiresciano et Vaticano simillimus“.

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ *Boissevain*, l. c. XVI, adn. 4.

⁴⁾ *Ibid.* XVI. — По поводу буассевэновской реконструкціи части заглавія извлеченій περὶ γνώμων не мѣшаетъ замѣтить, что она нуждается въ двухъ поправкахъ: 1) вмѣсто περὶ γνώμων слѣдуетъ возстановить περὶ γνώμων ἀποστομῶν, какъ показываетъ удѣлѣнная subscriptio къ извлеченіямъ изъ Полибія; 2) цифру Α' слѣдуетъ пошѣстить на полѣ.

⁵⁾ Мимоходомъ упомянемъ, что сравненіе этихъ рукописей въ ихъ полномъ объемѣ (188 fol. Π' и 708¼ fol. Α) приводитъ къ тому же самому результату, т. е. Π' : Α = 1 : 1,7 (точнѣе — 1 : 3,75).

ровыя данныя сопоставляются одни съ другими, но по отношенію къ рукописямъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, такъ какъ почеркъ переписчика лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ отличается полною равномерностью и одинаковостью по отношенію ко всѣмъ частямъ рукописи болѣе или менѣе солидныхъ размѣровъ.

Если взять cod. Peirescianus, который, какъ извѣстно, на всемъ своемъ протяженіи писалъ однимъ и тѣмъ же писцомъ, то нетрудно убѣдиться, что, напримѣръ, извлеченія изъ Діодора въ немъ написаны болѣе крупнымъ и разгонистымъ почеркомъ, нежели, напримѣръ, извлеченія изъ Кассія Діона.

Неравномерно былъ написанъ и паэзовскій кодексъ. Такъ, въ первой его половинѣ (П¹), съ которой намъ и приходится имѣть дѣло въ данномъ случаѣ, *извлеченія изъ Полибія* занимаютъ 69 съ небольшимъ (примѣрно, $69\frac{1}{4}$) листовъ въ П¹ (fol. 1^r—70^r) и $244\frac{1}{2}$ листа въ А (fol. 1^r—245^r); стало быть, объемъ листа П¹ въ предѣлахъ этихъ извлеченій относится къ объему листа А какъ $69\frac{1}{4}$ къ $244\frac{1}{2}$, т. е. какъ 1 къ 3,5¹⁾.

Такое же отношеніе — 1 : 3,5²⁾ — между П¹ и А констатируется и въ предѣлахъ извлеченій изъ шести слѣдующихъ за Полибіемъ авторовъ (*Флавій Иосифъ, Зосимъ, Дексинъ, Сократъ, Петръ патрицій и Діодоръ*), такъ какъ совокупность этихъ извлеченій содержится въ П¹ приблизительно на 24 листахъ (fol. 70^r—94^r), а въ А на $86\frac{1}{2}$ листахъ (fol. 245^r—331^r).

Затѣмъ въ области извлеченій изъ четырехъ непосредственно слѣдующихъ авторовъ (*Кассій Діонъ, Геродотъ, Фукидидъ и Агавій*), которыя въ совокупности занимаютъ приблизительно 16 листовъ въ П¹ (fol. 94^r—110^r) и $61\frac{1}{2}$ листъ въ А (fol. 332^r—393^r), отношеніе равно уже 1 : 3,8.

Далѣе, въ области извлеченій изъ 12-го автора — *Менандра*, ко-

¹⁾ Точнѣе, — какъ 1 къ 3,53.

²⁾ Точнѣе однако — уже 1 : 3,58. Многое замѣтимъ, что разница между этимъ отношеніемъ и предыдущимъ (1 : 3,53), на нашъ взглядъ, обуславливается не столько прогрессивнымъ увеличеніемъ убоности почерка писца П¹, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что Дармарій каждую новую серію извлеченій начинаеть въ А съ новой страницы и каждый новый отрывокъ съ новой строки, вслѣдствіе чего въ А и оказывается постепенное нарастаніе общей массы остающагося пустымъ мѣста (такъ напр. fol. 245^r. 275^r. 287^r. 293^r — въ предѣлахъ извлеченій изъ первыхъ семи авторовъ — въ А остаются „partim vacua“), тогда какъ въ П¹ текстъ шелъ почти непрерывно.

торыя въ II' занимають приблизительно 19 листовъ (fol. 110^r — 129^r), а въ A — 75 листовъ (fol. 393^r — 468), отношеніе оказывается уже равнымъ 1:3,9.

Наконецъ, въ области извлеченій изъ остальныхъ семи авторовъ (*Феофилактъ, Прокопій, Арріанъ, Аптіанъ, Малхъ, Прискъ и Евнапій*), которыя въ общей совокупности занимають въ II' около 60 листовъ (fol. 129^r — 188^r), а въ A — 240^{3/4} листовъ (fol. 468^r — 709^r), отношеніе равняется уже 1:4.

Въ виду вышеуказанныхъ фактовъ, констатирующихъ при общемъ отношеніи II' къ A равномъ 1:3,75 колебанія отъ 1:3,5 до 1:4, мы не колеблемся признать общее отношеніе между cod. Peirescianus и амброзіанскою рукописью (A) *не приблизительно только равнымъ* общему отношенію между паэзовскимъ кодексомъ (II') и A, какъ это думаетъ де Бооръ, но *совершенно одинаковымъ* съ этимъ послѣднимъ отношеніемъ, — а потому, естественно, приходимъ къ выводу, что въ среднемъ вмѣстимость листа (resp. страницы) паэзовскаго кодекса (II') была равна вмѣстимости листа (resp. страницы) турецкаго кодекса (cod. Peirescianus), — а, стало быть, и ватиканскаго палимпсеста извлеченій *περί γυναικῶν* ¹⁾.

Этотъ выводъ, естественно, распространяется и на вторую половину паэзовскаго кодекса (II''), которая была написана тѣмъ же самымъ писцомъ, что и первая (II') но только нѣсколько равномернѣе и въ общемъ немного менѣе убористымъ почеркомъ: извлеченія (*περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐδικούς*) вмѣстѣ съ предисловіемъ занимали въ II'' около или, скорѣе, ровно 116^{1/2} листовъ (fol. 189^r — 305^r), изъ которыхъ однако fol. 301^r — 302^r, т. е. ровно двѣ страницы, содержавшія рѣчь посла Коментіола (*Theophyl. Simoc. Hist. I, 5 p. 48, 6 — 50, 24*), были случайно пропущены Дармариемъ [чего страннымъ образомъ не замѣтилъ де Бооръ, какъ видно изъ ELR. p. 221, 28 sq.], а въ эскориальской рукописи (*E = codd. Escorialenses*

¹⁾ Какъ извѣстно, этотъ ватиканскій палимпсестъ и codex Peirescianus писаны однимъ и тѣмъ же писцомъ (впервые этотъ фактъ былъ констатированъ Дюберомъ, ср. *L. Dindorf, Histor. Gr. min., I, graef. LVII*), имѣютъ одинаковый форматъ и строки одинаковой длины, причемъ на каждую страницу приходится по одинаковому количеству строкъ (32). — Тутъ же попутно упомянемъ о фактѣ, ускользнувшемъ отъ вниманія Буассевэна (*Cass. Dio, I, graef. XVI и XXII, adn. 2*): догадка, что „*eiusdem exemplaris partes esse Turonensem et Vaticanum*“, была высказана уже задолго до Буассевэна — Людвигомъ Диндорфомъ, ср. его *Histor. Gr. min. I, graef. LVI* сл.

R. III. 14 и R. III. 21, fol. 1 — 12), которая имѣетъ такой же форматъ, какъ и амброзіанская (A), и писана тоже Дармариемъ, — они содержатся на 409 листахъ (397 + 12), — стало быть, общее отношеніе между П^н и E равно 1:3,5 ¹⁾.

Остается добавить, что въ другомъ мѣстѣ мы постараемся доказать, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ тѣмъ же самымъ писцомъ что и cod. Peirescianus съ ватиканскимъ палимпсестомъ, и такимъ образомъ сдѣлаемъ еще болѣе очевидною правильность нашего вывода относительно тождественной въ среднемъ вмѣстимости листа паэзовскаго кодекса (П), съ одной стороны, и листа турскаго (resp. ватиканскаго) кодекса съ другой.

Теперь слушаемъ, что говорятъ де Бооръ дальше.

„Auch darin stimmen die alten Handschriften überein,“ — продолжаетъ почтенный изслѣдователь — „dass sie nicht wie Darmarius das Bestreben hatten, den Anfang einer neuen Excerptreihe auf den Anfang einer neuen Seite zu bringen, sondern ihn unmittelbar an's Ende der vorhergehenden Reihe knüpften. Dennoch bezweifle ich, dass die verlorene Handschrift zu jenem alten Exemplar gehörte ²⁾; doch würde es hier zu weit führen, diese auf der Vorgeschichte der Sammlung de legationibus und einigen Anzeichen dafür, dass die Handschrift zwispaltig geschrieben war ³⁾, begründeten Bedenken eingehender darzulegen“ ⁴⁾.

Мы не погружались въ изслѣдованіе „der Vorgeschichte der Sammlung de legationibus“, — каковая, надо полагать, уже досконально обслѣдована почтеннымъ ученымъ, — но думаемъ, что *правильное* рѣшеніе даннаго вопроса довольно легко можетъ быть достигнуто и безъ помощи изысканій въ области этой „Vorgeschichte“. Мало того, мы сказали бы даже, что такія *vorgeschichtliche* изысканія оказываются и не безвредными для дѣла, такъ какъ безъ нужды затемняютъ вопросъ, допускающій совершенно ясное и опредѣленное рѣшеніе на основаніи однихъ, такъ сказать, *историческихъ* матеріаловъ, — мы сказали бы это, если бы не были вполне убѣждены въ томъ, что вина въ такомъ затемненіи даннаго вопроса падаетъ не на означенную „Vorgeschichte“, но на самого ея изслѣдователя, т. е. на самого де Боора.

¹⁾ Точнѣе, — 1 : 3,54.

²⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

³⁾ Разрядка тоже наша.

⁴⁾ *Sitzungsber.* 1902, 149.

Въ продолженіи нашего изслѣдованія: „*О рукописномъ преданіи Константиновскихъ извлеченій о послахъ*“, имѣющемъ, какъ мы уже говорили выше, вскорѣ появиться въ *Византійскомъ Временникѣ*, читатели найдутъ (§ 3) цѣлый рядъ доказательствъ, основанныхъ на различнаго рода фактахъ и соображеніяхъ, въ пользу того, что паэзовскій кодексъ (а равно и утраченный архетипъ извлеченій *keri éproulōv*) дѣйствительно былъ членомъ той самой семьи рукописей, къ которой принадлежали *cod. Peirescianus* и ватиканскій палимпсестъ (*cod. Vaticanus gr. 73*). Отсылая поэтому нашихъ читателей за всѣми подробностями по рассмотрѣнію даннаго вопроса къ только что упомянутому изслѣдованію, мы позволимъ себѣ ограничиться въ настоящей статьѣ разъясненіемъ лишь нѣкоторыхъ деталей и въ частности — опроверженіемъ де-бооровской догадки, что паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца, — доканчивая такимъ образомъ рассмотрѣніе того самаго вопроса, который уже былъ затронутъ нами въ XXXV-ой главѣ нашихъ *Varia* ¹⁾, гдѣ мы уже доказали ошибочность разсужденій Бюттнеръ-Вобста, пытавшася доказать, что паэзовскій кодексъ былъ „*in zwei Kolumnen geschrieben*“ ²⁾.

Едва ли нужно доказывать, что отъ рѣшенія этого частнаго вопроса въ весьма значительной степени зависитъ окончательное рѣшеніе и вышеупомянутаго главнаго вопроса — о принадлежности паэзовскаго кодекса къ той семьѣ рукописей, членами которой являются *cod. Peirescianus* и ватиканскій палимпсестъ. Если бы де Бобру удалось доказать, что паэзовскій кодексъ, дѣйствительно, былъ писанъ въ два столбца, то *eo ipso* ему удалось бы болѣе или менѣе поколебать и наше рѣшеніе упомянутаго главнаго вопроса.

По счастью, однако, такая опасность отнюдь не угрожаетъ ни основному, ни частному результату нашихъ изслѣдованій въ данной области; мы имѣемъ достаточно солидныя основанія съ полной увѣренностью утверждать это — даже несмотря на то, что ни одного изъ де-бооровскихъ аргументовъ мы не знаемъ.

Теперь позволимъ сообщить *наши аргументы*.

Въ пользу *нашего рѣшенія* вопроса о написаніи паэзовскаго кодекса, т. е. въ пользу предположенія, что этотъ кодексъ былъ написанъ *въ полную строку*, а вовсе не въ два столбца, — говорятъ, во первыхъ, слѣдующіе примѣры диттографій и пропусковъ подлиннаго

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1902, октябрь, 486 — 489.

²⁾ *Philologus*, LIX (1900) 563⁶.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>Е. А. Лебедевъ.</i> Учебная книга географіи. Россійская Имперія	1
<i>Э. Коверскій.</i> Карта Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ	3
<i>И. Белярминовъ.</i> Курсъ всеобщей исторіи	4
<i>В. В. Битмеръ.</i> Народный университетъ	7
<i>L. Feuille et L. Martin.</i> Précis de grammaire française	10

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>Ө. А. Лютеръ.</i> Краткій отчетъ о дѣятельности общества классической филологіи и педагогики за 1898—1899, 1899—1900, 1900—1901 и 1902—1902 учебные года	1
<i>Ю. А. Кулаковскій.</i> Памяти Моммзена	39
<i>П. А. Земятченскій.</i> В. В. Докучаевъ (<i>некрологъ</i>)	62

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

<i>Гр. П. П. Толстой.</i> Культъ Аполлона на Восторѣ и въ Ольвіи	1
<i>А. В. Никитскій.</i> Критическія замѣтки (<i>продолженіе</i>)	16
<i>М. Н. Крашенинниковъ.</i> <i>Vagia</i> (<i>продолженіе</i>)	31

О ВЪЯВЛЕНІЯ. 1—6

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го января).

—22*

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

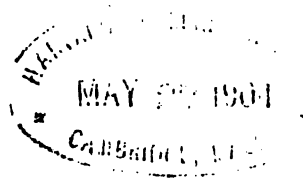
Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 и 1903 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по высшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“; но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ издание. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г.: безъ доставки 2 р. 50 к., съ доставкой 3 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА



НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛІ.

1904.

ФЕВРАЛЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв.	43
II. Высочайшія приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	101
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	108
IV. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	124
У. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . .	126
VI. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	137
Открытіе училищъ	138
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія . . .	138
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. IV (продолженіе).	267
И. П. Соловейчикъ. О значеніи загадочныхъ словъ: Мани, Фе- кель, Фаресъ въ книгѣ Давіида	296
И. А. Джаваховъ. Къ исторіи церковныхъ реформъ въ древней Грузіи	358
М. Н. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ котинахъ самоочевидныхъ (продолженіе)	373
А. Н. Веселовскій. Къ вопросу о родинѣ легенды о св. Граалѣ . . .	396
Н. Н. Дурново. Одинъ изъ источниковъ Стоглава	454

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. М. Кулишеръ. <i>Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. Die Ge- nesis des Kapitalismus. B. II. Die Theorie der kapitalisti- schen Entwicklung. Leipzig. 1902.</i>	457
В. П. Чернышевъ. Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. С.-Пб. 1903	472
В. К. Поржезинскій. Отвѣтъ академику и профессору А. И. Собо- левскому	476
А. П. Соболевскій. Забѣтка на „Отвѣтъ“ В. К. Поржезинскаго . . .	481
— Книжныя новости	482

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССCL.

1904.
ФЕВРАЛЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го января 1904 года, № 1). *Производятся*, за отличие: изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, попечитель Оренбургскаго учебнаго округа Иванъ *Ростовцевъ*; изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ тайные совѣтники: членъ совѣта министра и вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Николай *Дебольскій*; попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Харлампій *Головинъ* и директоръ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Цвѣтаевъ*; изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель Кіевскаго учебнаго округа Владиміръ *Вьяшевъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Александръ *Ляпуновъ*; ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Александръ *Ждановъ*; чиновникъ особыхъ порученій, V класса, при министрѣ и редакторъ журнала министерства Эрнестъ *Радловъ*; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Варшавскаго, Федоръ *Владиміровъ* и Кавказскаго, Александръ *Словинскій*; профессора: заслуженные ординарные Императорскаго Казанскаго университета: Василій *Сорокинъ* и Федоръ *Мищенко*, ординарные Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Введенскій*, Казанскаго, Николай *Миславскій* и Михайль *Сергѣевъ*, св. Владиміра: Антонъ *Высоковичъ* и Левъ *Малиновскій*, Новороссійскаго, Петръ *Меликовъ*, Юрьевскаго, Вильгельмъ *Кохъ*, Томскаго: Алексѣй *Зайцевъ* и Михайль *Курловъ* и Харьковскаго, исправляющій должность, Андрей *Чириковъ*, Казанскаго

ветеринарнаго института, Григорій *Кирилловъ* и Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Василій Альбицкій*; инспекторы студентовъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Михаилъ *Лыцовъ* и С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Михаилъ *Смирновъ*; директоры гимназій: Гязанской 2-й, Іосифъ *Латъзъ*, Орловской, Осипъ *Петрученко*, Тульской, Сергій *Радецкій*, Ярославской, Николай *Высотскій*, Самарской, Пля *Рудниковъ*, Саратовской 1-й, Александръ *Кулакинъ*, Харьковской 3-й, Петръ *Косыгъ*, Ахтырской, Романъ *Миротворцевъ*, Воронежской 2-й, Григорій *Исѣтловскій*, Ростовской-на-Дону, Константинъ *Капетанакъ*, Прилуцкой, Михаилъ *Фирсовъ*, Ковенской, Александръ *Рубцовъ*, Екатеринбургской, Степанъ *Бегъ*, Лодзинской, Михаилъ *Гогольцовъ* и бывшіе, нынѣ въ отставкѣ, Ялтинской, Александровской, Александръ *Преображенскій* и Аккерманской, Иларіонъ *Шрамковъ*, Измаильской прогимназіи, *Василій Смирновъ*, реальныхъ училищъ: Выборгскаго, Иванъ *Гьльмъ*, Иваново-Вознесенскаго, Иванъ *Сыромятниковъ*, Муромскаго, Владимиръ *Шольцъ*, Тульскаго, Михаилъ *Каржинъ*, Казанскаго, Дмитрій *Львовъ*, Пензенскаго, Веніаминъ *Студенцовъ*, Рижскаго городского, Генрихъ *Гельманъ*, Кутаисскаго, *Василій Бабанскій*, Дербентскаго, Савватій *Непадкевичъ*, Темиръ-Ханъ-Шурипскаго, Иванъ *Кодратовичъ*, Петропавловскаго, Петръ *Бережковъ* и въ посадѣ Александровскомъ, на островѣ Сахалинѣ, Александръ *Бульчовъ*, учительскихъ семинаріи: Новинской, Александръ *Зеленецкій*, Деберкальской, Павелъ *Миловскій*, Молодечненской, Иванъ *Годыцкій-Цвирко*, Вольмарской, Петръ *Адамовъ*, Благовѣщенской, Николай *Вишневецкій*, Ставропольской, Константинъ *Брневъ*, Эриванской, Иванъ *Паскутевичъ* и Омской, Митрофанъ *Водяниковъ* и пародныхъ училищъ: губерніи: Новгородской, Арсеній *Чижачевъ*, Олонецкой, Григорій *Поповъ*, Калужской, Петръ *Богдановъ*, Тульской, Сергій *Анциферовъ*, Воронежской, Дмитрій *Георіевскій*, Полтавской, Николай *Парижскій*, Виленской, Александръ *Семіановскій*, Курляндской, Павелъ *Брянцевъ* и Вятской, бывший, нынѣ въ отставкѣ, Александръ *Красевъ*; бывший инспекторъ чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ *Яковлевъ*; предсѣдатель временной коммисіи по устройству Виленской публичной бібліотеки и музея Флавіанъ *Добрянскій*; вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Алексѣй *Соколовъ*; правитель дѣлъ ученаго комитета министерства Сергій *Манштейнъ*; помощникъ директора Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III,

Алексѣй *Предтеченскій* и почетные попечители: Апанѣевской гимназіи, Антоиъ *Горбе* и Камышинскаго реальнаго училища, Михаилъ *Готовицкій*; въ *коллежскіе ассессоры*, старшій хранитель Императорскаго російскаго историческаго музея въ Москвѣ имени Императора Александра III Алексѣй *Орѣшниковъ*; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, почетный попечитель С.-Петербургскаго учительскаго института Григорій *Елизьевъ*; въ *коллежскіе регистраторы*, письмоводитель Кіевской 2-й гимназіи Иванъ *Козловскій*.

Награждаются орденами: *Бѣлаго Орла*: тайные совѣтники: ординарные академики Императорской академіи наукъ: Николай *Бекетовъ* и Андрей *Фаминцынъ*.

Св. Анны 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечитель Кавказскаго учебнаго округа Михаилъ *Завадскій*; директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Всеволодъ *Миллеръ* и заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Александръ *Крутикій*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: товарищъ министра Сергѣй *Дукьяновъ*; директоръ департамента народнаго просвѣщенія Василій *Рахмановъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Иванъ *Бородинъ*; дѣлопроизводитель, V класса, департамента народнаго просвѣщенія Николай *Гусаковскій*; помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Иванъ *Почадскій-Духовской*; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Рижскаго, Василій *Поповъ* и Харьковскаго, Сергѣй *Раевскій*; профессора: Императорскихъ университетовъ: заслуженные ординарные: С.-Петербургскаго, Дмитрій *Бобылевъ* и Сергѣй *фонъ-Глазенапъ*, Московскаго, Николай *Умовъ*, Харьковскаго, Павелъ *Ясинскій*, св. Владимира, Іосифъ *Баранецкій* и Варшавскаго, исправляющій должность, Федоръ *Зисель*, ординарные: Харьковскаго, Александръ *Бридтъ* и Варшавскаго: Василій *Максимовъ* и исправляющій должность, Александръ *Смирновъ* и заслуженный, С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Павелъ *Котурницкій*; директоръ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Николай *Гасвъ*; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: Введенской, Александръ *Якубовъ* и двѣнадцатой, Іосифъ *Фиртиксъ*, Харьковской четвертой, Филимоиъ *Максимовичъ*, Новочеркасской, Григорій *Холодный* и Благовѣщенской, Флорентій *Васильевъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго, Николай *Гилибитъ* и втораго, Карлъ *Фогтъ*, Моршанскаго, Михаилъ *Клемъ*, Полтавскаго, Иванъ *Дзюблевскій-Дзюбенко*, Ровенскаго, Андрей *Дьяченко*, Кременчугскаго,

Константинь *Картинскій*, Херсонскаго, Алексѣй *Месняевъ* и Владиміава-казскаго, Митрофанъ *Молитъ*, народныхъ училищъ Таврической губерніи Арсеній *Дьяконовъ* и Херсонской прогимназіи, бывшій, нынѣ въ отставкѣ, Александръ *Супруненко* и почетный попечитель Тобольской гимназіи Николай *Давыдовскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Тихомировъ*; чиновникъ особыхъ порученій, V класса, при министрѣ Дмитрій *фонъ-Бенкендорфъ*; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Московскаго: Анатолій *Флоровъ* и Рафаиль *Державинъ* и Одесскаго, Иванъ *Соловьевъ*; профессора Императорскихъ университетовъ: заслуженные ординарные св. Владиміра, Василій *Ермаковъ* и Новороссійскаго, Ефимъ *Клименко* и ординарный, Московскаго, Владиміръ *Тихомировъ*; директоры: гимназій: Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, Андрей *Истоинъ*, Варшавской второй, Владиміръ *Охрыменко*, Тифлисскаго 3-й Александръ *Козюлкинъ*, Бакинскои, Маринской женской, Флорентинъ *Карповичъ* и Иркутской, бывшій, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ *Румовъ* и Харьковскаго ветеринарнаго института Аркадій *Расвскій*; начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи Павелъ *Васильевъ* и причисленный къ министерству Василій *Давыдовскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа Дмитрій *Архангельскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Дмитрій *Анучинъ* и Евгений *Несфедьевъ*, св. Владиміра, Тимофей *Флоринскій*, Казанскаго, Викторъ *Ивановскій*, Харьковскаго, Николай *Сумцовъ* и Томскаго, Феофиль *Ерофьевъ*; профессора: Императорскаго Московскаго техническаго училища: Петръ *Худяковъ* и, исправляющій должность, Александръ *Колли* и С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Леонидъ *Богаевскій* и директоры: гимназій: Императорскаго человеколюбиваго общества, въ С.-Петербургѣ, Евгений *Груздевъ*, Одесской Риншельевской, Василій *Громиаъ*, Гродненской, Александръ *Щуцковскій*, Гомельской, Василій *Роменскій* и Кутаисской, Осипъ *Чебинъ*, реальныхъ училищъ: Тамбовскаго, Владиміръ *Егоровскій*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, Николай *Каминскій*, Рижскаго, Императора Петра I, Ѳедоръ *Покатиловъ* и Бакинскаго, Иванъ *Денферъ*, Виленскаго учительскаго института, Всеволодъ *Боявленскій* и народныхъ училищъ губерніи: Тверской, Нико-

лай *Добровольскій* и Ставропольской, Павелъ *Франтовъ* и Пижнега-гильскаго горнозаводскаго училища, бывший, нынѣ въ отставкѣ, Андрей *фонъ-Зиель*; статскіе совѣтники: директора: С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Дмитрій *Зертвъ* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Семень *Федоровъ*; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Ковалевскій*; правитель дѣлъ канцеляріи правленія Императорской академіи наукъ Владиміръ *Котте*; окружный инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа Николай *Бравинъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Владиміръ *Палладинъ*, Московскаго: Левъ *Лопатинъ*, Иванъ *Ошевъ*, Константинъ *Павлиновъ*, Сергій *Соболевскій*, Адрианъ *Крюковъ* и Эрнестъ *Лейтцъ*; Казанскаго, Александръ *Александровъ*; св. Владиміра: Гавріиль *Сусловъ*, Сергій *Реформатскій*, Борисъ *Буркеевъ*, Соломонъ *Гіазаровъ* и Владиміръ *Орловъ*; Харьковскаго: Михаилъ *Халаевскій*, Яковъ *Анфиловъ* и Александръ *Шилтовъ* и Поворосійскаго, Владиміръ *Подольсоцкій*; директора: гимназій: Елатомской, Николай *Крестьяшевъ*, Житомирской первой, Юліанъ *Антоновъ*, Екатеринославской, Кириллъ *Драгошъ*, Петроковской, Иванъ *Хабаровъ*, Калишской, Семень *Анисимовъ*, Плоцкой, Иванъ *Михальскій* и Витебской, Оедоръ *Вознесенскій*, реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Владиміръ *Якимовъ*, Новочеркасскаго, Пикандръ *Головинъ* и Якутскаго, Дмитрій *Зетреть*; учительскихъ семинарій: Рязанской Александровской, Евгеній *Воскресенскій*, Повочеркасской, Антонъ *Макаревичъ* и Коростышевской, Сергій *Каравасъ*; народныхъ училищъ: Тобольской губерніи, Иванъ *Курочкинъ* и Акмолинской и Семипалатинской областей, Александръ *Алекторовъ* и училищъ: С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго, Алексѣй *Юрьевъ* и Саратовскаго средняго механико и химико-техническаго, Николай *Пановъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Петръ *Дьяконовъ*, Варшавскаго, Семень *Ицинскій* и С.-Петербургскаго, исправляющій должность, Илья *Шлякинъ*; почетные члены попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища: Александръ *Рубановскій* и Николай *Переделкинъ*; бібліотекаръ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Семень *Долговъ*; инспекторъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, Александръ *Михайловъ*; преподаватель Императорскаго Казанскаго университета Николай *Андерсонъ*; инспекторы гимназій: Императорскаго челоѣко-любиваго общества въ С.-Петербургѣ, Василій *Владимірскій*, Императорской Нико-

лаевской Царскосельской, Иванъ *Тривчатовъ*, Воронежской первой, Михаилъ *Высоцкій*, Житомирской второй, Петръ *Яципскій*, Виленской первой, Георгій *Опошко*, исполняющіе обязанности: Гельсингфорской Александровской, Константинъ *Чертыхевъ*, Казанской третьей, Василій *Кузнецовъ*, Царницкой Александровской, Василій *Киртсвъ* и Бердянской, Григорій *Добровъ*, реальныхъ училищъ: Великолукскаго, Сергѣй *Взоровъ*, Ливенскаго, Николаій *Богдановъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Петръ *Веселовъ*, Полтавскаго, Климентій *Берученко-Мусяенко* и Варшавскаго, Михаилъ *Быковъ*; народныхъ училищъ губерній: Тверской, Николаій *Чистяковъ*, Смоленской, Николаій *Тертиловскій*, Ставропольской, Антогъ *Твалрелидзе* и Донской области: Алексѣй *Кузнецовъ* и Александръ *Кирилловъ*; старшій учитель и старшій наблюдатель гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревнича Николая Владиміръ *Глазковъ*; астрономъ-наблюдатель Императорскаго С.-Петербуркскаго университета Николаій *Тачаловъ*; инспекторъ - руководитель Андреевской учительской семинаріи Евлампій *Щуровскій*; помощники инспектора студентовъ Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, Иванъ *Знаменскій* и Казанскаго, Николаій *Пушковъ*; заслуженные преподаватели: гимназій: С.-Петербургской восьмой, Даниль *Ильсвицъ*, Смоленской, Константинъ *Казанцевъ*, Харьковской второй, Владиміръ *Дербуневъ*, Холмской, Иванъ *Кубиевичъ*, Екатеринославской, Николаій *Катаевъ*, Благовѣщенской, Александръ *Кириловъ* и Оренбургской, Борисъ *Островъ*, реальныхъ училищъ: Московскаго, Александръ *Жилтскій*, Зарайскаго, Василій *Проселковъ*, Сумскаго, Яковъ *Порубитовскій* и Оренбургскаго, Михаилъ *Галамисъ*; учителя гимназій: мужскихъ: С.-Петербургской второй, Эмиль *Шеве*, Московской первой, Николаій *Орлингъ*, Смоленской, Ома *Марекъ*, Императорской Казанской первой, Николаій *Нечаевъ*, Рижской Александровской, Францъ *Клюге*, Варшавской второй, Степанъ *Околовъ*, Елисаветградской, Петръ *Дубняковъ*, Феодосійской, Яковъ *Ивановъ*, Виленской первой, Василій *Новоцадовъ*, Троицкой, Матвѣй *Вукъ* и Тифлисскихъ: первой, Аркадіи *Орловъ* и третьей, Ипполитъ *Пламеневскій* и женскихъ: Люблинской, Дмитрій *Гутниковъ*, Повгородской Николаевской: Николаій *Вейпертъ* и Александръ *Вознесенскій*, Елисаветградской, Аноллонъ *Руденко* и Вѣрненской, Леонидъ *Нахтманъ*, прогимназій: Лебедянской, Осдоръ *Вамбергскій* и Варшавской первой, Фридрихъ *Гиро*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго второго, Юсефъ *Витцманъ*, Кроунитадскаго, Николаій *Баженовъ*, Казанскаго, Христофоръ *Пашковскій*, Саратовскаго, Александро-Маринскаго, Яковъ

Меклеръ, Сумскаго, Владиміръ *Рышетилловичъ* и Ровенскаго, Геннадій *Макаровъ* и Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, Никита *Канцевичъ* и воспитатели при пансіонахъ гимназій: С.-Петербургской, третьей, Иванъ *Калининъ* и Московской второй, Николай *Смирновъ*; коллежскіе совѣтники: правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Евгений *Михайловъ*; начальники отдѣленій канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа: Николай *Трансмиловъ* и Александръ *Стенановъ*; завѣдывающій отдѣленіемъ станицъ третьяго разряда Николаевской главной физической обсерваторіи Эмилиі *Беръ*; лекторъ Императорскаго Московскаго университета Яковъ *Вельмъ* и сотрудникъ Императорской археографической комиссіи Павелъ *Ежовъ*; надворные совѣтники: почетные попечители: Демидовскаго Юридическаго лица въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, Павелъ *Демидовъ* и Мариупольской Александровской мужской гимназій, Давидъ *Хараджавъ* и директоръ Костромскихъ имени О. В. Чижова промышленныхъ училищъ Александръ *Поповъ*; исправляющій должность профессора Императорскаго Московскаго технического училища, неимѣющій чина Владиміръ *Щемлевъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Иванъ *Грамматикати* и директоръ Гатчинской учительской семинаріи Василій *Соллертинскій*; статскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Левъ *Кассо*, Робертъ *Винперъ*, Веніаминъ *Хвостовъ* и князь Сергій *Трубецкой*, Казанскаго: Дмитрій *Зейлигеръ* и князь Петръ *Арутинскій-Долгоруковъ*, Харьковскаго: Леонидъ *Орловъ*, и Петръ *Мишулинъ*, Юрьевскаго: Карлъ *Девіо*, Антогъ *Ясинскій* и Михаилъ *Крашенинниковъ*, св. Владиміра: Георгій *де-Метцъ*, Николай *Яснопольскій*, Адольфъ *Сонни* и Алексій *Садовень*, Варшавскаго, Иванъ *Федоровъ*, Поворооссійскаго, Николай *Ушковъ*, Томскаго: Павелъ *Буржинскій*, Федоръ *Романовъ* и Василій *Синоженниковъ* и С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Георгій *Форстенъ* и Сергій *Буличъ*, профессора институтовъ: Харьковскаго технологическаго Императора Александра III, Петръ *Мухачевъ* и Николай *Пильчиковъ*, сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Владиміръ *фонъ-Гранке* и Рижскаго политехническаго: Вольдемаръ *фонъ-Гинрихъ*, Бенедиктъ *Водзинскій* и Бруно *Досъ*; директора гимназій: Псковской, Николай *Кусовъ*, Вятской, Александръ *Павловъ*, Борисоглѣбской, Федоръ *Заркевичъ*, Ченстоховской, Кирилъ *Май*, Аккерманской, Апатолій *Стефановъ*, Томской,

Иванъ *Муретовъ* и Бакнинской, Федоръ *Котылевскій*, Луцкой гимназій, Лука *Орда*, реальныхъ училищъ: Камышинскаго, Евгений *Салищевъ* и Мелитопольскаго, Николай *Вавиловъ*, при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, Артуръ *Брокъ*, Θεодосійскаго учительскаго института, Сергій *Мартиновъ*, Костромскаго, имени Θ. В. Чицова, промышленнаго училища, Николай *Чуриловъ*, народныхъ училищъ губерній: Вологодской, Всеволодъ *Флоровъ*, Орловской, Иванъ *Гойчевскій* и Тамбовской, Иванъ *Поповъ* и Курскаго дворянскаго Александровско-Николаевскаго пансіонъ-пріюта, Несторъ *Борцовъ* и ремесленно-воспитательнаго заведенія, имени П. П. Тралезникова, въ Иркутскѣ, Антоній *Шанинъ*; экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Николай *Корсаковъ* и св. Владимира, Александръ *Муратовъ*; адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Павелъ *Селезневъ*; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Валентинъ *Біанки*; инспекторы гимназій: Псковской, Сергій *Мирошниковъ*, Костромской, Алексій *Владимірскій*, Харьковской первой, Алексій *Стефановъ*, Курской, Викторъ *Блукетъ*, Кіевской второй, Филиппъ *Миловидовъ*, Острожской, Александръ *Леплинскій*, Симферопольской, Владиміръ *Георіевъ*, исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Гуревича, въ С.-Петербургѣ, Дмитрій *Цинзерлингъ*, Архангельской, Александръ *Ермошинъ*, Новгородсѣверской, Николай *Парковъ*, Черкасской, Титъ *Грабовичъ*, Стародубской, Іуліанъ *Гутковскій*, Тамбовской, Владиміръ *Евеновъ*, Варшавскихъ: пятой, Василій *Шимановскій* и шестой, Аркадій *Ширлевъ*, Калишской, Василій *Силинъ*, Сѣдлецкой, Евлампій *Гомеровъ*, Θεодосійской, Степанъ *Гамаловъ-Чурасъ*, Ковенской, Иванъ *Ракъ*, Тифлисской первой, Михайла *Карпинскій* и Ташкентской, Алексій *Новиковъ*, реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Матвій *Дьдовъ*, Харьковскаго, Сергій *Запорожцевъ*, Пензенскаго, Михайла *Соловьевъ*, Рижскаго, Императора Петра I, Михайла *Крыминъ*, Ревельскаго, Григорій *Барховъ*, и Таганрогскаго среднетехническаго училища, Константинъ *Тороповъ*; инспекторы: Саратовскаго средняго механико-и химико-техническаго училища, Николай *Юматовъ*, и народныхъ училищъ: губерній: Новгородской, Петръ *Дворянскій*, Вологодской, Аванасій *Знаменскій* и Николай *Офицеровъ*, Олонецкой, Петръ *Шухаревъ*, Калужской, Николай *Дешевой*, Астраханской, Петръ *Поповъ*, Вятской, Петръ *Лаговскій*, Самарской, Алексій *Покровскій*, Курской, Николай *Ильинскій*, Пермской: Александръ *Поповъ* и Александръ *Безсоновъ*, Елисейской, Пяканоръ *Сер-*

иевскій, областей: Донской, Дмитрій *Кумицацкій* и Семипалатинской, Александръ *Злобинъ*; преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Людвигъ *Явейнъ*; постоянный ординаторъ Императорской Екатерининской больницы, въ Москвѣ, Андрей *Заболотскій*; заслуженные преподаватели гимназій: Императора Александра III Смоленскаго земства, въ гор. Вязьмѣ, Иванъ *Розановъ* и Павлоградской, Доминикъ *Пасколо*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, Оедоръ *Видеманъ*, Мариинской, Оедоръ *Шубинъ*, и десятой, Евгенийъ *Лятинъ*, Кронштадтской, Василій *Софроновъ*, Псковской, Карлъ *Юансонъ*, Московской четвертой, Петръ *Молчановъ*, Ярославской, Оедоръ *Тымчукъ*, Рязанской, Иванъ *Юрасовъ*, Нижегородской, Андрей *Макаренко*, Костромской, Карлъ *Дотцауеръ*, Калужской Николаевской, Сергій *Благовъщенскій*, Елецкой, Сергій *Сокольскій*, Владимірской, Николай *Чамовъ*, Царицынской Александровской, Григорій *Потановъ*, Воронежской первой, Гавриилъ *Новоцадовъ*, Тамбовской, Георгій *Війчукъ*, Пензенской второй, Александръ *Митропольскій*, Таганрогской, Иванъ *Барлаковскій*, Пермской, Василій *Заниъ*, Кіевскихъ: Кіево-Печерской, Владиміръ *Ляскоронскій*, третьей, Сергій *Воскресенскій* и четвертой Андрей *Серюевскій*, Каменецъ-Подольской, Иеронимъ *Калиновскій*, Житомирскихъ: первой: Василій *Булаковъ* и Яковъ *Мрецкій*, и второй, Андрей *Клименко*, Полтавской, Константинъ *Поплавскій*, Варшавскихъ: первой: Александръ *Соколовъ* и Семень *Говорко* и пятой, Михаилъ *Любарскій*, Бѣльской, Николаи *Козачекъ*, Виленской второй, Владиміръ *Лидеръ*, Одесской четвертой, Иванъ *Шуллеръ*, Симферопольской, Арсеній *Маржевичъ*, Херсонской, Иванъ *Слободскій*, Евпаторійской, Иванъ *Саницкій*, Керченской, Карлъ *Мютель*, Николаевской: Михаилъ *Токмаковъ* и Карлъ *Деншардтъ*, Пермской, Константинъ *Борликовъ*, Троицкой, Александръ *Зеленецкій*, Вѣрненской, Николай *Коромискій*, Тифлисскихъ: второй, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Николаевича, Василій *Храико* и третьей, Николай *Сидоровъ*, женскихъ: С.-Петербургскихъ: Покровской, Александръ *Ешевскій*, Е. П. Шаффе, Михаилъ *Обрицковъ*, и Е. В. Ставской, Николай *Соболевъ*, Кронштадтской Александринской, Александръ *Ивановъ*, Вятской Маріинской, Василій *Казиковъ*, Шавельской, Лонгинъ *Долотскій*, Одесской второй, Константинъ *Гринчевскій*, Анапьевской, Стахій *Мржембковскій*, Симферопольской, Михаилъ *Волошенко*, и Тифлисской второй, Великои Княгини Ольги Θεодоровны, Сергій *Шульгинъ*, прогимназій: Луцкой, Антонъ *Камаритъ*, Измаильской, Александръ *Петрашевскій* и Пятигорской,

Алексѣй *Салойловичъ*, реальныхъ училищъ: Ливенскаго, заслуженный, Евгений *Карякинъ*, Выборгскаго, Иванъ *Фроловъ*, Московскаго: Ефремъ *Калыи* и Фердинандъ *Гржег.* Смоленскаго, Александръ *Костицынъ*, Орловскаго Александровскаго, Вильгельмъ *Ферховъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Александръ *Борманъ*, Астраханскаго: Александръ *Перуанскій* и Антонъ *Вихманъ*, Изюмскаго: Николай *Черновъ* и Иванъ *Поповъ*, Моршанскаго, Августъ *Лейтениъ*, Повочеркаскаго, Феодоръ *Леримовъ*, Либавскаго, Леонидъ *Силловъ*, Ромненскаго, Матвѣй *Бабакинъ*, Повозыбковскаго, Иванъ *Петровъ*, Николаевскаго, Аркадій *Казакъ*, Севастопольскаго, Николай *Киселевичъ*, Минскаго, Робертъ *Грегерь*, Поневѣжскаго, Александръ *Грушинскій*, училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: главнаго нѣмецкаго св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Конопъ *Шороховъ* и реального св. Михаила, въ Москвѣ, Евгений *Крарже*, Глуховскаго учительскаго института, Николай *Цибулевскій*; воспитатель Петровско-Александровскаго пріюта Московскаго дворянства Николай *Козыревъ* и наставникъ Свислочской учительской семинаріи Степанъ *Вслосковичъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ Поливановской учительской семинаріи Всеволодъ *Гильюстинъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Сербскій* и Харьковскаго, исправляющій должность, Анастасій *Зайкевичъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Олонецкой, Василій *Кортаковъ* и Московской, Матвѣй *Окосмовъ* и Тургайской области, Иванъ *Хохловъ*; завѣдывающіе отдѣленіями Николаевской главной физической обсерваторіи: станицы второго разряда, Антонъ *Камитскій* и наблюденій и повѣрки инструментовъ, Іосифъ *Шукевичъ*; правитель дѣлъ Императорской археографической комиссіи Василій *Дружининъ*; лекторъ Императорскаго Казанскаго университета Густавъ-Адольфъ *Бергъ*; лаборантъ Императорскаго университета св. Владиміра Василій *Савинскій*; помощникъ бібліотекаря бібліотеки того же университета Константинъ *Щебровъ*; врачи С.-Петербургскихъ городскихъ училищъ: Казанскаго 4-хъ класснаго, Петръ *Фроловъ* и Вознесенскаго, Прокопій *Зворыкинъ*; инспекторы ветеринарныхъ институтовъ: Казанскаго, Владиміръ *Ивановъ* и Юрьевскаго, Николай *Леонтьевъ*; преподаватель въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Михаилъ *Антая* и учителя гимназій: Кіевской третьей, Пгнатій *Эмель*, Варшавской третьей, Петръ *Бенедиктовъ*, Бѣльской, Романъ *Киричипскій* и Варшавской первой женской гимназій, Алексѣй *Крюгинъ*; надворные совѣтники: директоръ Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Александръ *Сиво-*

Лобовъ; экстраординарной профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Викентій Хмьлевскій*; инспекторъ народныхъ училищъ Петроковской губерніи *Серафимъ Старосивильскій*; писмоводитель при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ *Павель Симоги*; библиотечарь перваго отдѣленія библиотеки той же академіи *Эдуардъ Вольтеръ*; ученый хранитель рукописей того же отдѣленія библиотеки той же академіи *Всеволодъ Срезневскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа *Петръ Клопотовскій*; учитель Калишской женской гимназіи *Михаиль Литвиновскій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Михаиль Панковскій* и Ямбургскаго, *Николай Марковъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ Кіевской второй гимназіи *Михаиль Ступинскій*; почетный попечитель Владикавказской гимназіи, коллежскій ассессоръ *Михаиль Кербедъ*, почетный попечитель Изюмскаго реальнаго училища, титулярный совѣтникъ *Алексѣй Деметьевъ*; немѣющіе чина: директоръ реальнаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, въ Кіовѣ, *Эмилій Крэйцманъ* и учитель гимназіи доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, *Альбертъ де-Рамакеръ*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Всеволодъ Удинцевъ*; исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ Императорскаго Новороссійскаго университета: *Сергѣй Иловайскій* и *Александръ Казанскій*; исполняющій обязанности инспектора Самарскаго реальнаго училища *Василій Волковъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Нижегородской, *Николай Горданскій* и Екатеринославской, *Евгеній Юцковскій*; преподаватель Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Валентинъ Джонсъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской Ларинской, *Фаустинъ Добошинскій*, Московской десятой, *Василій Добрянскій*, Рыбинской, *Федоръ Круцикинъ*, Саратовской первой, *Александръ Сильвестръ*, Харьковской второй, *Леонидъ Горкевичъ*, Ахтырской, *Иванъ Сапельниковъ*, Корочанской Александровской, *Андрей Гукъ*, Елатомской, *Сергѣй Корневъ*, Кіевской четвертой, *Михаиль Кушнеръ*, Полтавской: *Викторъ Метес* и *Сергѣй Прокофьевъ*, Рижской Александровской, *Викентій Корвинъ-Коссаковский*, Ревельской Императора Николая I, *Иванъ Хилуля*, Кѣленкой, *Федоръ Колоколовъ*, Сувальской, *Владиміръ Шенелевъ*, Одесскихъ: третьей, *Иванъ Давидъ* и пятой, *Карлъ-Вольдемаръ Виренъ* и Пермской, *Африкалъ Шапинъ*, женскихъ: частной Гельбихъ, въ Москвѣ, *Михаиль Прокудинъ*, Орловской Николаевской, *Василій Маклашинъ* и Царицынской Маріинской,

Алексѣй *Лостровъ*, реальныхъ училищъ: частнаго Мазинга, въ Москвѣ, Василій *Бѣлшинъ*, Кіевскаго, Лука *Жукъ*, Кременчугскаго, Романъ *Костеничъ*, Елабужскаго, Михаилъ *Емельяновъ*, Курскаго, Николай *Алферовъ*, Митавскаго, Карлъ *Арнольдъ*, Херсонскаго, Евфимій *Лукашевичъ*, Тюменскаго Александровскаго, Петръ *Перешиваловъ* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Юрій *Роменскій*, главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Евгеній *Нусбаумъ*, Θεодосійскаго учительскаго института, Арева *Климентовъ*, училищъ: Московскаго промышленнаго Евгеній *Пышневъ*, Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго, Александръ *Воскресенскій* и Нижнетагильскаго горнозаводскаго, Василій *Квятковскій* и Вейверской учительской семинаріи, Михаилъ *Пыжовъ* и наставникъ Херсонской учительской семинаріи Иванъ *Матвѣевскій*; коллежскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Юлій *Лауденбахъ*; директоръ Ялтинской Александровской гимназіи Артуръ *Готлибъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Викторинъ *Груздевъ* и Александръ *Аибабовъ*, Харьковскаго: Алексѣй *Альбицкій* и Николай *Мельниковъ-Разведенковъ*, Варшавскаго, Николай *Брусянинъ* и Томскаго, исправляющій должность, Павелъ *Прокошевъ* и историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Пѣжинѣ, Бернардъ *Бурзи*; адъюнкты-профессоры: институтовъ: технологическихъ: С.-Петербургскаго Императора Николая I, Левъ *Шишко* и Харьковскаго Императора Александра III, Викентій *Гербутъ-Гейбовичъ* и Рижскаго политехническаго, Михаилъ *Берловъ* и Императорскаго Московскаго технического училища, Николай *Мерцаловъ*; инспекторы: гимназій: Полтавской, Алексѣй *Кантуревъ* и Бакинской Императора Александра III, исполняющій обязанности, Константинъ *Некрасовъ*, реальныхъ училищъ: Барнаульскаго Императора Николая II, Валеріанъ *Галанинъ* и Выборгскаго, исполняющій обязанности, Николай *Филимоновъ* и народныхъ училищъ: Рижскаго учебнаго округа, Михаилъ *Успенскій* и губерній: Саратовской, Александръ *Смирновъ* и Самарской, Константинъ *Рыловъ*; младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Николай *Аделунгъ*; ассистентъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Эдуардъ-Альфредъ-Арманъ *Готъ-Дюфайсъ*; преподаватель Императорскаго Московскаго технического училища Владиміръ *Зворыкинъ*; лекторъ Императорскаго Юрьевскаго университета Яковъ *Лаутенбахъ*; наставникъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Пѣжинѣ, Евменій

Кашпровскій; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: седьмой, Михаилъ *Скудновъ*, восьмой, Сергѣй *Рункевичъ*, Императорскаго человѣколюбиваго общества: Густавъ *Зорненфрей* и Андрей *Мазюкевичъ*, доктора Видемана, Карлъ *Букъ*, Гельсингфорской Александровской, Владиміръ *Ивановъ*, Серпуховской Александровской, Александръ *Корсаковъ*, Казанскихъ: второй, Митрофанъ *Александровъ* и третьей, Василій *Андронниковъ*, Самарской, Эрнстъ *Шифнеръ*, Харьковскихъ: первой, Михаилъ *Масловъ* и третьей, Степанъ *Вольскій*, Корочанской Александровской, Алексѣй *Полъвъ*, Ростовской-на-Дону, Владиміръ *Ивановъ*, Кіевской второй, Робертъ *Вольтнеръ*, Новгородѣверской, Михаилъ *Живаго*, Рижской, Императора Николая I, Алексѣй *Андреевъ*, Аренбургской, Адамъ *Нанель*, Либавской Николаевской, Сергѣй *Романовъ*, Симферопольской, Иванъ *Гусевъ*, Ченстоховской, Дмитрій *Бурневскій*, Витебской, Андрей *Воскресенскій*, Могилевской, Ивалъ *Курьковъ*, Екатеринбургской, Георгій *Эберардтъ*, Красноярской, Николай *Гасюкъ*, Читинской, Михаилъ *Стефанъвъ* и Ставропольской, Леонидъ *Соколовъ*, женскихъ: Нарвской, Александръ *Эссенъ*, частной Арсеньевской, въ Москвѣ, Александръ *Соловьевъ*, Брянской, Эдмундъ *Якошицкій*, Кіевской, Николай *Домбровский*, въ Одессѣ: Г. Р. Березиной, Писколай *Соколовъ* и Г. С. Пашковской, Григорій *Сариджанцъ*, Херсонской Маріинской, Геннадій *Литвиновъ*, и Уральской, Эдуардъ *Галлеръ*; Херсонской прогимназій, Александръ *Шевцовъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго, Апполинарій *Глѣбовскій*, третьяго, Антонъ *Андрушиевичъ*, и Гуревича, Василій *Келтулла*, Новгородскаго, Петръ *Маленьковъ*, Вологодскаго Александровскаго, Василій *Маслениковъ*, Великолуцкаго, Семенъ *Желъзнякъ*, Костромскаго, Никаноръ *Ивановъ*, Харьковскаго, Павелъ *Крюковъ*, Рижскаго городского, Германъ *Гунъ*, Либавскаго, Адріанъ *Моссиговскій*, Кіевскаго: Владиміръ *Тумасовъ* и Леонидъ *Добровольскій*, Новозыбковскаго, Вольфганъ *Ретиеръ*, Кременчугскаго, Павелъ *Долушинъ*, Варшавскаго: Филаретъ *Ростовцевъ* и Сигизмундъ *Гибшевичъ*, Двинскаго, Николай *Адамовичъ*, Томскаго Алексѣевскаго, Германъ *Йоганзенъ*, Тифлискаго: Алексѣй *Валлингъ* и Яковъ *Гуладзе*, Владикавказскаго, Павелъ *Леонтьевъ*, Еіискаго, сверхштатный Валеріанъ *Михайловъ*, Бакинскаго: Пиларіонъ *Лорткитанидзе* и Ивалъ *Даниловъ* и Якутскаго, Антонъ *Важеевскій* и главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Иванъ *Зейботъ*, промышленныхъ училищъ: Красноуфимскаго, Ивалъ *Манохинъ* и Иркутскаго, Пилъ *Шешуновъ*, ремесленно-воспитательнаго заведенія имени П. П. Трапезникова, въ

Иркутскѣ, Василій *Болотовъ* и сверхштатный учитель реального училища при реформатской церкви, въ Москвѣ, Семень *Алексеевъ*; наставникъ, Воронежской учительской семинаріи Константинъ *Вавановъ*; хранитель кабинета географіи и антропологіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Александръ *Сутулинъ* и врачи: гимназій: Нижегородской, Фридрихъ *Томсонъ* и Екатеринбургской женской, Николай *Русскийъ*, Вятгорской женской прогимназій, Николай *Базискій* и Гатчинскаго реального училища имени Императора Александра III, Дмитрій *Теремецкій* и учительскихъ семинарій: Тотемской, Павелъ *Соколовъ* и Повочеркавской, Николай *Норкинъ*; палатные совѣтники: исправляющіе должность профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Николай *Антоскій* и Алексѣй *Лихачевъ*; библиотечарь библиотеки Императорскаго Юрьевскаго университета, Вольфгангъ *Шлютеръ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, Петръ *Никольскій* и Повороссійскаго, исправляющій должность, Владиміръ *Решенкамфъ*; адъюнкты-профессоръ Рижскаго политехническаго института Карлъ *фонъ-Благеръ*; помощники библиотечаря Императорской публичной библиотеки: старшій, Николай *Чечулинъ* и младшій, Дмитрій *Никольскій*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Кедровскій*; сверхштатный ассистентъ того же университета Алексѣй *Мартыновъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Александръ *Стуковъ*; библиотечарь библиотеки зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Рихардъ *Шмидтъ*; лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета Александръ *Михайловъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургской второй, Георгій *Земель*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Сергѣй *Дневъ*, Олонекской, Александръ *Кириковъ*, Архангельской, Альфонсъ *Климъ*, Симбирской: Александръ *Коробовъ* и Сергѣй *Демидовъ*, Бѣгородской, Николай *Мильскій*, Житомирской первой, Сергѣй *Заверткинъ*, Варшавской четвертой, Михаилъ *Лебедевъ*, Благовѣщенской, Иосифъ *Корсакъ* и Тифлисской второй, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Георгій *Гехтманъ*, женскихъ гимназій: Лодзинской, Михаилъ *Богдановъ* и Мариупольской, Александръ *Александровичъ*, реальныхъ училищъ: частныхъ въ Москвѣ: Воскресенскаго, Александръ *Воронцовъ* и Мазинга, Рудольфъ *Кунце*, Юрьевскаго, Евгенийъ *Черноусовъ*, при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: въ Одессѣ св. Павла, Константинъ *Гончаровъ* и въ С.-Петербургѣ: св. Анны, Эдуардъ *Грюнвальдтъ* и св. Екатерины, Павелъ *Зеборъ*, Рязань

своей Александровской учительской семинаріи Дмитрій *Шумовъ*, завѣдывающій Кемскими городскими училищами Николай *Серебровъ*, городскихъ училищъ: Свято-Троицкаго, Георгій *Карабановъ*, Псковскаго, Ѳеодоръ *Инюшинъ*, Повѣнецкаго, Василій *Кирсановъ*, Рыбинскаго Викторъ *Пареновъ*, Пензенскаго, перваго, исправляющій должность, Гавріилъ *Капрановъ*, Изюмскаго, Иванъ *Жмайловъ*, Новочеркасскаго, сверхштатный, Яковъ *Дулковъ*, Ревельскаго Императрицы Екатерины II, сверхштатный, Алексѣй *Душечкинъ*, Сейнскаго, Іосифъ *Кайрукитисъ*, при учительскомъ институтѣ въ Ѳеодосіи, Иванъ *Путиминъ*, Георгіевскаго, Иванъ *Месхи* и Самаркандскаго, Петръ *Гобышевъ* и Одесскаго городского ремесленнаго училища, Ѳеодоръ *Воронцовъ*; наставники: Тамбовскаго Еватерининскаго учительскаго института, Викторъ *Комлевъ* и Иркутской учительской семинаріи, Діонисій *Тобѣтъ*; руководитель работъ и завѣдывающій учебною частью химическаго отдѣленія Московскаго промышленнаго училища Владиміръ *Пантелеевъ*; почетный смотритель Валковскаго городского училища Василій *Гуровъ*; инспекторы городскихъ училищъ: Валковскаго, Дмитрій *Ручевъ*, Повобаязетскаго, Яковъ *Дзеценидзе*, Владикавказскихъ: Николаевскаго, Николай *Перевезовскій*, и второго, Леванъ *Гвирамадзе*, и Орѣховскаго, Владиміръ *Кандауровъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ораніенбаумскаго, Дмитрій *Гришанинъ*, Вытегорскаго, Михаилъ *Залкинъ*, Вязниковскаго, Яковъ *Кануновъ*, Шуйскаго, Владиміръ *Сенатскій*, Владимірскаго, Александръ *Веселовъ*, Юрьевецкаго Города-Миндовскаго, Петръ *Голубевъ*, Арзамасскаго, Николай *Забѣлинъ*, Болховскаго, Іосифъ *Лотинъ*, Рязанскаго, Яковъ *Максимовъ*, Смоленскаго перваго, Николай *Стражесъ*, Царевскаго, Андрей *Корневъ*, Глазовскаго Дмитрій *Петровъ*, Сарapulьскаго, Яковъ *Быловъ*, Уржумскаго, Гавріилъ *Верецанинъ*, Сердобскаго, Михаилъ *Касаткинъ*, Кузнецкаго, Василій *Назаровъ*, Задонскаго, Інокентій *Набока*, Еліонскаго, Діонисій *Ольшевскій*, Николаевскаго, Іосифъ *Рыпскій*, Аккерманскаго, Ѳерапонтъ *Кречунъ*, Бахмутскаго, Николай *Картамышевъ*, Старокрымскаго, Николай *Мырза*, Херсонскаго, Иванъ *Вандревскій*, Лепельскаго, Пареніи *Чубовъ*, Игуменскаго, Василій *Крачина*, Кунгурскаго, Михаилъ *Визинъ*, Ирбитскаго, Владиміръ *Мартыновъ*, Петро-Александровскаго, Ософилъ *Корниловичъ*, и Воровскаго, Алексѣй *Мещеринъ*; смотритель Владикавказскаго, графа Лорисъ-Меликова, ремесленнаго училища Дмитрій *Рудаковъ*; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Николай *Аменцкій*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Императорской Нико-

лаевской Царскосельской, Георгій *Финсеръ*, Московскихъ: третьей, Алексѣй *Глазовскій*, и четвертой, Сергѣй *Флако*, Бѣльской, Владиміръ *Транковскій*, Нижегородской, Василій *Кудрявецъ*, Ржевской, Александръ *Введенскій*, Тамбовской, Андрей *Сѣтосаровъ* и Читинской, Александръ *Даниловъ*, Карачевской прогимназіи, Василій *Вертоградскій* и реальныхъ училищъ: Скопинскаго, Викторъ *Виноградскій*; Рижскаго городского, Марьянтъ *Гельднеръ* и Екатеринославскаго перваго, Ольвій *Кармазинъ*; смотритель Рачинско-Михайловскаго нормальнаго училища Гавріиль *Нижарадзе*; завѣдывающіе городскими училищами: Сапожковскимъ, Иванъ *Королевъ* и Селегинскимъ, Александръ *Ченцовъ*, и врачи: Красноярской гимназіи, Андрей *Прейнъ*, Ново-ржевскаго городского училища, Абрамъ *Валкъ* и Казанской центральной крещено-татарской школы, Петръ *Дмитріевскій*; коллежскіе ассессоры: директоръ Вязниковскаго низшаго технического училища имени Базанова, Николай *Тюремновъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Курской, Захарій *Циценко* и Тобольской, Елпидифоръ *Соколовъ*; дѣлопроизводитель, VII класса, департамента народнаго просвѣщенія, Александръ *Вильяевъ*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, Александръ *Фейденгольдъ*; завѣдывающій читальною залою Императорской публичной бібліотеки, Николай *Гавриловъ*; смотритель зданій Императорской академіи наукъ, Викторъ *Тулиновъ*; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи, въ гор. Павловскѣ, Сергѣй *Савиновъ*; инспекторъ метеорологическихъ станцій Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Коростелевъ*; физикъ по отдѣленію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня той же обсерваторіи Измаиль *Семеновъ*; секретари совѣта Императорскаго Московскаго университета, Сергѣй *Прображенскій* и по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Харьковскаго университета, Апполинарій *Сабо*; архитекторъ Казанскаго учебнаго округа, Степанъ *Бечко-Друзинъ*; инспекторъ Кулибинскаго училища въ Нижнемъ-Новгородѣ, Василій *Григорьевъ*, учителя гимназій: Калишской, Михаилъ *Александровскій*, Виленской первой, Павелъ *Янковичъ*, Бакинской, Императора Александра III, Иванъ *Геннеръ* и Эриванской, Константинъ *Семеновъ* и Бѣлостокской женской, Александръ *Якубовскій*, приготовительныхъ классовъ гимназій: Старобѣльской, Василій *Любарскій* и Радомской, Павелъ *Петровскій*, Варшавской второй прогимназіи, Кипріанъ *Лебединскій* и городскихъ училищъ Балтскаго, Прокофій *Калинчакъ* и С.-Петербургскаго Никольскаго, Моисей *Хаустовъ*; наставники учительскихъ семинарій:

Вольмарской, Иванъ *Шевко* и Закавказской, Михаилъ *Зааловъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Аткарскаго, Александръ *Корвяковъ*, Хоперскаго, Иванъ *Шевченко*, Невельскаго, Григорій *Мулярчикъ*, Варшавскаго второго, Иванъ *Клементьевъ*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Михаилъ *Барановъ*, лаборантъ лабораторіи Императорской академіи наукъ, Дмитрій *Нелюбовъ*; письменоводитель Императорскаго Московскаго университета, Василій *Лобановъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Либавской-Николаевской, Карлъ *Темель* и Одесской второй, Сергій *Иматьевъ*, Юрьевскаго реальнаго училища, Густавъ *Готте*, Касимовскаго средняго техническаго училища, Константинъ *Стенькинскій*; титулярные совѣтники: экстраординарные профессеры: Императорскаго Варшавскаго университета, Владиміръ *Францевъ* и Томскаго технологическаго института Императора Николая II, Михаилъ *Янишевскій*; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Макарій *Колоколовъ*; инспекторъ-руководитель Вейверской учительской семинаріи, Павелъ *Гринкевичъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Николай *Лейнвеберъ*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета, Дмитрій *Миллеръ*; учителя гимназій: Варшавской третьей, Александръ *Истринъ* и Плоцкой, Ѳедоръ *Троицкій* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи правленія Императорской академіи наукъ Ѳедоръ *Процинъ*; коллежскіе секретари: инспекторъ народныхъ училищъ Кіевской губерніи, Владиміръ *Бутовичъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа, Евменій *Соболевъ*; учитель Сѣдлецкой гимназій, Адрианъ *Блещкій*; старшій препараторъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Сергій *Приходко* и сотрудникъ Императорской археографической комиссіи министерства Владиміръ *Сысоевъ*; губернскіе секретари: управляющій типографіею Императорской академіи наукъ Осдоръ *Мартенсъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисскаго третьей гимназій Алексѣй *Гарковенко*; неизмѣющіе чина: экстраординарные профессеры: Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Порфирій *Пятницкій*, св. Владиміра, Георгій *Челпановъ*, Повороссійскаго: Александръ *Маньковскій*, Владиміръ *Циммерманъ* и Магнусъ *Влаубергъ* и Юрьевскаго, Владиміръ *Грабаръ* и Томскаго технологическаго института Императора Николая II, исправляющій должность, Юсифъ *Рончевскій*; врачъ Кіевскаго третьяго городского училища, лѣкарь Викторъ *Соколовскій*; учитель-инспекторъ Тверской школы ремесленныхъ учениковъ Андрей

Коняевъ и штатный смотритель Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища *Герасимъ Соболевъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: причисленный къ министерству Алексѣй *Ржаницынъ*; ординарные профессеры: Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Алексѣй *Остроумовъ* и Владиславъ *Замѣтскій*, С.-Петербургскаго, Николай *Марръ*, св. Владимира, Дмитрій *Граевъ* и Новороссійскаго: Петръ *Бучинскій*, Иванъ *Литвиненко* и Василій *Мочульскій* и историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, Владиміръ *Пискорскій*; исправляющій должность директора Петергофской Императора Александра II гимназіи Николай *Шубинъ* и директоръ Свислочской учительской семинаріи, Клавдій *Тихомировъ*; экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: Яковъ *Денисовъ* и сверхштатный, Николай *Рязанцевъ* и Юрьевскаго: Николай *Бѣляевскій* и Леонгардъ *Мазинъ*; адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Михайль *Дешевой*; сверхштатный экстраординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института, Карль *Гантхъ*; почетный членъ почетнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища, Александръ *Шиллеръ*; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, Алексѣй *Бялыницкій-Буруля*; первый ученый хранитель ботаническаго музея той же академіи Дмитрій *Литвиновъ*; инспекторы: студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея, Дмитрій *Невскій* и гимназій: Рязанской первой, Николай *Верининъ* и исполняющіе обязанности: Тверской, Петръ *Чертышевъ*, Ростовской-на-Дону, Николай *Балануровъ*, Одесской второй, Евгений *Вотникъ*, Владикавказской, Василій *Сертьенко* и Бакинской Императора Александра III, Михайль *Глушаковъ*, Сандомирской прогимназіи, Владиміръ *Красницкій*; реальныхъ училищъ, исполняющіе обязанности: Калужскаго, Михайль *Архателъскій*, Усть-Медвѣдицкаго, Сергѣй *Аванасевъ*, Винницкаго, Анатолій *Дипице-Чикунскій*, Елисаветградскаго, Николай *Марковъ* и Екатеринбургскаго, Владиміръ *Ансеровъ*, Иркутскаго промышленнаго училища, Дмитрій *Обуховъ* и народныхъ училищъ губерній: Новгородской, Никифоръ *Ахутинъ*, Псковской, Андрей *Лебедевъ*, Архангельской, Василій *Ивановскій*, Орловской, Петръ *Протопоповъ*, Костромской, Василій *Веселовскій* и Сергѣй *Пертаткинъ*, Казанской, Алексѣй *Жеребцовъ*, Вятской, Николай *Князевъ*, Саратовской: Александръ *Кузнецовъ* и Николай *Лозановъ*, Харьковской, Николай *Жудро*, Воронежской, Григорій *Барановскій*, Черниговской, Василій *Бабіевскій*, Люблинской, Евстафій

Черняковскій, Таврической, Александръ *Школьниковъ*, Витебской, Яковъ *Тарановскій*, Гродненской, Петръ *Марковъ* и Иркутской, Петръ *Александровъ*, Рижскаго учебнаго округа: Михаилъ *Сассъ* и Николай *Прошляковъ* и Бакинской губернии и Дагестанской области, Викториня *Успенскій*; хранитель Дашковского этнографическаго музея, при Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ Николай *Янчукъ*; прозекторы при Императорскомъ Московскомъ университетѣ: Михаилъ *Гарднеръ* и Николай *Алмуховъ*; инспекторъ-руководитель Сѣвницкой учительской семинаріи Евгений *Рклицкій*; инспекторъ Кунгурскаго техническаго Губкина училища Николай *Морозовъ*; лекторъ итальянскаго языка Императорскаго Московскаго университета Евгений *Браунъ*; заслуженный преподаватель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Александръ *Вильпертъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской одиннадцатой, Яковъ *Рудневъ*, Нарвской, Константинъ *Антроповъ*, Московскихъ: первой, Августъ *Корде*, шестой Николай *Шаменинъ* и Юлій *Вильоме*, седьмой, въ память Императора Александра III, Алексѣй *Шенинъ*, Шуйской, Яковъ *Зезинъ*, Рыбинской, Оттонъ *Байеръ*, Тверской, баронъ Вильгельмъ *Энцелмартъ*, Калужской Николаевской, Вячеславъ *Миролюбовъ*, Астраханской: Василій *Гуулъ* и Петръ *Александровъ*, Самарской, Александръ *Кузовниковъ*, Саратовской первой, Михаилъ *Переверзевъ*, Харьковской четвертой, Михаилъ *Постоевъ*, Сумской Александровской: Алексѣй *Сыдлецкій*, и Николай *Безсоновъ*, Старобѣльской, Михаилъ *Поповъ*, Курской, Михаилъ *Архангельскій*, Рижскихъ: Императора Николая I, Николай *Матяевъ* и городской: Павелъ *Элерсъ*, Викторъ *Срттенскій* и Николай *Бибиковъ*, Митавской, Илья *Васильковъ*, Ревельской Александровской, Галактіонъ *Тумаковъ*, Кіево-Печерской, Аполлонъ *Зубковскій*, Немировской, Василій *Естушенко*, Златопольской, Григорій *Литтикъ*, Острожской, Павелъ *Федоровъ*, Варшавскихъ: третьей, Никаноръ *Литвиновскій*, четвертой, Всеволодъ *Власовъ*, шестой, Яковъ *Рута*, Холмской, Василій *Зубовскій*, Плоцкой, Степанъ *Рутскій*, Бердянской, Алексѣй *Тищенко*, Елисаветградской, Антонъ *Кондрацкій*, Керченской, Иванъ *Домадинъ*, Мариупольской, Василій *Ефремовъ*, Гродненской: Иванъ *Ивановъ* и Юлій *Марти*, Витебской, Николай *Левинъ*, Шавельской, Генрихъ-Эмилій *Зеemannъ-фонъ-Езерскій*, Уфимской, Константинъ *Соколовскій*, Вѣрненской, Альбертъ *Фишеръ*, Елисаветпольской, Василій *Сиземскій* и Екатеринодарской городской, Михаилъ *Штепенко*, женскихъ гимназій: Выборгской, Владиміръ *Большегатаринскій*, Псковской, Маринской, Августъ *Галлеръ*, при евангелическо-лютеранской церкви св.

Петра и Павла, въ Москвѣ, Эмиль *Титце*, Елецкой, Алексѣй *Савицынъ*, Сумской, Яковъ *Назаревскій*, Пензенской первой, Николай *Державинъ*, Варшавской первой, Семелъ *Чуевъ* и Петроковской, Аполлинарій *Замьскій*; прогимназій: Орловской, Дмитрій *Мышцынъ*, Рыльской, Михайлъ *Смирнитскій*, Измайльской, Θεодосій *Гонтаревскій*, Севастопольской, Александръ *Григорьевъ* и Азовской, Петръ *Чернявскій*, Ново-Александрійской женской, Олдоръ *Годановъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго второго, Германъ *Шейбергъ*, Иваново-Вознесенскаго, Константинъ *Кривобоковъ*, Вятскаго Александровскаго, Михайлъ *Богатыревъ*, Самарскаго, Владиміръ *Кожевниковъ*, Саратовскаго, Александро-Маринскаго, Василій *Коноваловъ*, Харьковскаго, Эмилій *Крюгеръ*, Воронежскаго: Владиміръ *Смирновъ* и Митрофанъ *Поповъ*, Ростовскаго-на-Дону, Петръ *Кудіусъ*, Полтавскаго, Георгій *Знькевичъ*, Ловичскаго, Георгій *Архателскій*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла, въ Одессѣ, Николай *Струве*, Екатеринославскаго второго, Василій *Гудковъ*, Елисаветградскаго, Владиміръ *Тарановичъ*, Комратскаго, Андрей *Хмелевскій*, Двинскаго, Сергѣй *Безмертвый*, Тюменскаго Александровскаго, Николай *Кузьминъ*, Ейскаго, Поликарпъ *Крачковскій* и Владикавказскаго, Николай *Баланчивадзе*; училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквяхъ, въ С.-Петербургѣ: главнаго нѣмецкаго св. Петра, Артуръ *Кохъ* и св. Анны, Карлъ *Рейманъ*, св. Петра и Павла, въ Москвѣ: Иванъ *Леонгарди* и Генрихъ *Дайъ* и Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго, Петръ *Изенфламъ*; наставники учительскихъ семинарій: Карачевской, Владиміръ *Бьялковъ* и Казанской, Александръ *Рождественъ*; учитель-руководитель Варшавской учительской семинаріи, Иванъ *Морововъ*; учителя Коммисаровскаго техническаго училища: Гуго *Маккеръ*, Дмитрій *Бажковъ* и Сергѣй *Раишковъ*; надзиратель Иркутскаго промышленнаго училища, Александръ *Ермолаевъ* и врачъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Павелъ *Добрадинъ*; коллежскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Михайлъ *Покровскій* и Владиміръ *Вернадскій*, Казанскаго, Сергѣй *Шестаковъ*, Варшавскаго, Василій *Кудревецкій* и Томскаго, исправляющій должность, Викторъ *Юшкевичъ*; директоръ Николаевскаго средняго механико-техническаго училища Владиміръ *Уленкій*; профессора технологическихъ институтовъ: Харьковскаго Императора Александра III, Иванъ *Красускій* и Томскаго Императора Николая II, ординарный, Иванъ *Бобарыковъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ

Гулевичъ и Харьковскаго, *Исаакъ Орианскій*; исполняющій обязанности инспектора Московской пятой гимназіи, *Николай Тарасовъ*; инспекторы: Маргеланской прогимназіи, *Александръ Яхонтовъ*, народныхъ училищъ: губерній: Рязанской, *Алексѣй Одинцовъ*, Воронежской, *Сергѣй Любимовъ* и Кіевской, *Павель Матвѣевъ* и Рижскаго учебнаго округа, *Константинъ Талантовъ*; младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, *Георгій Якобсонъ*; завѣдывающій канцелярією Николаевской главной физической обсерваторіи, ученый секретарь, *Евгеній Гейнцъ*; главный надзиратель пансіона Императорскаго лицея въ память Цесаревича *Николая Корнелій Яворонскій*; бібліотекаръ того же лицея, *Николай Муравьевъ*; помощники бібліотекаря бібліотеки Императорскаго Московскаго университета: *Николай Крюпачевъ* и *Георгій Соколовъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго университета св. *Владимира Евменій Лозинскій*; учителя: гимназій: Императорской Царскосельской Николаевской, *Аркадій Мухоминъ*, Юрьевской, *Дмитрій Золотаревъ*, Петроковской: *Алексѣй Корзинъ* и *Матвѣй Жемайтисъ*, Люблинской, *Василій Срътенскій*, Оренбургской, *Иванъ Кузменко-Кузмицкій* и Благовѣщенской, *Владиміръ Ершовъ*, женскихъ: Тифлисскихъ великой княгини *Ольги Θεодоровны*: первой, *Федоръ Агапьевъ* и второй, *Александръ Никольскій* и Ташкентской, *Михаилъ Дьяконовъ*, прогимназій: Замостской, *Михаилъ Степановъ* и Пятигорской, *Михаилъ Постыевъ*, Екатеринбургскаго, реальнаго училища, *Викторъ Гауриловъ* и Усачевско-Чернышевскаго женскаго училища, *Василій Хитровъ* и врачи: Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Матвѣй Мизеровъ*, Екатеринбургскаго перваго городского училища, *Владиміръ Падучевъ* и Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ, *Эдуардъ Адамовичъ*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. *Владимира Конрадъ Ванеръ*; профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: *Константинъ Глинка* и *Иванъ Калужинъ*; директоръ Кутаисской учительской семинаріи *Василій Дьвинскій*; дѣлопроизводители, VI класса, департамента народнаго просвѣщенія *Дмитрій Георіевскій* и *Михаилъ Левенитеръ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Фридрихъ-Карль Рейнцъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Рязанской, *Феодосій Жаворонковъ* и Кіевской, *Дмитрій Кишка*; завѣдывающій хозяйственною частью Императорской публичной бібліотеки *Иванъ Трескинъ*; бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія *Евгеній Янковскій*; бібліотекаръ бібліотеки Николаевской главной физической обсерваторіи

Петръ *Ваннари*; учителя: Благовѣщенской женской гимназіи, Гавриилъ *Волковейновъ* и Екатеринбургскаго реального училища, Александръ *Миловзоровъ*; штатные смотрители городскихъ училищъ: Новоушицкаго, Лаврентій *Семеновичъ*, Житомирскаго, Іуліанъ *Шуликовъ* и Владиміровольнскаго, Василій *Быльдинъ*; инспекторы городскихъ училищъ: Венденскаго, Дмитрій *Сваренскій*, Юрьевскаго, Антонъ *Никоновичъ*, Пухинскаго, Василій *Емельяновъ* и Грозненскаго Пушкинскаго, Василій *Пашовъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Царско-сельскаго, Николай *Высоцкій*, Ярославскаго, Михаилъ *Лаврентьевъ*, Бѣльскаго, Павелъ *Архангельскій*, Курмышскаго, Ѳеодоръ *Виноградовъ*, Елабужскаго, Николай *Кутше*, Повочеркаскаго, исправляющій должность, Константинъ *Ермоловъ*, Бѣлецкаго, Иванъ *Марандичъ*, Могилевскаго, Николай *Потаповичъ*, Чериковскаго, Степанъ *Товстикъ*, Мензелинскаго, Николай *Никольскій*, Асхабадскаго, Иванъ *Цыловальниковъ* и Маргеланскаго, Михаилъ *Горбановскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: имени Григорія Шелапутина, въ Москвѣ, Семень *Завитасъ*, Императора Александра III, Смоленскаго земства, въ гор. Вязьмѣ, Николай *Соколовъ*, Одесской второй, Емельянъ *Маккавейскій* и Тифлисской третьей, Ѳеодоръ *Елоровъ* и реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго второго, Николай *Малковъ*, Муромскаго, Михаилъ *Соколовъ* и Рижскаго Императора Петра I, Михаилъ *Ивановичъ*; помощникъ воспитателя при пансіонѣ Тифлисской первой гимназіи, Михаилъ *Стеценко* и учитель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Евфимій *Гораслидзе*; коллежскіе ассесоры: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Петръ *Бараковъ*; помощникъ управляющаго дѣлами управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ князь Александръ *Мурузи*; почетные члены попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища: Владиміръ *Шуховъ* и Анатолій *Солома*; инспекторъ народныхъ училищъ Нерчинскаго и Нерчинско-Заводскаго уѣздовъ Анатолій *Малевичъ*; старшій помощникъ бібліотекаря бібліотеки Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Николай *Боборыкинъ*; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи, въ гор. Павловскѣ, Василій *Кузнецовъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Болеславъ *Машарскій*; учителя: Ловичскаго реального училища, Петръ *Ковалевскій* и Екатеринбургской женской гимназіи, Василій *Шабердинъ*; заслуженный преподаватель Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища Иванъ *Кувшиновъ*; бухгалтеръ

Императорскаго Казанскаго университета Александръ *Романовъ*; почетный смотритель Кубинскаго училища Персесь *Сарумовъ* и смотритель Ново-Сенакскаго городского училища Спиридонъ *Енукидзе*; исправляющій должность адъюнкты-профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскій секретарь Владиміръ *Павловъ*; почетный попечитель Казанской второй гимназіи, губернский секретарь Леонтій *Кескинъ*; неимѣющіе чина: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Мѣдниковъ* и Томскаго, исправляющій должность, Михаилъ *Соболевъ*.

Св. Станислава 3-й степени: коллежскіе совѣтники: учителя: гимназій: С.-Петербургской первой, Александръ *Васильевъ*, Томской, Алексѣй *Миралъ*, Ставропольской: Василій *Кудрявцевъ*, Антонъ *Рукавишниковъ* и Михаилъ *Фирсовъ*, Николаевской Маріинской женской, Василій *Воскобойниковъ*, реальныхъ училищъ: Тамбовскаго, Николай *Хановъ* и Ростовскаго-на-Дону, Василій *Иванчикій*, средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, Дмитрій *Хмельницкій* и городскихъ училищъ: Рижскаго женскаго, Вильгельмъ *Люцельшвабъ* и Варшавскаго, Василій *Павловскій* и врачи: Бѣлостокской женской гимназіи, Александръ *Касаткинъ*, Живдринской Маріинской женской прогимназіи, Михаилъ *Львовскій*, Московскаго техническаго училища и ремесленной школы дѣйствиельнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, въ Рыбинскѣ, Василій *Соснинъ*, С.-Петербургскаго Коломенскаго городского училища, Владиміръ *Израсцовъ*, Одесскаго перваго еврейскаго начального училища, Исаакъ *Винокуровъ* (онъ же Винокуръ) и Тверской школы ремесленныхъ учениковъ, Алексѣй *Елькинъ*; надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи Семень *Лосевъ*; прозекторъ Императорскаго Томскаго университета Николай *Спасскій*; приват-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Баранниковъ*; астрономъ-наблюдатель Императорскаго Повороссійскаго университета Федоръ *Бабичевъ*; преподаватели: Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Гетье* и Матвѣй *Дужинъ* и Рижскаго политехническаго института, Борисъ *Ивановъ*; ассистентъ Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Маклацовъ*; лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Василій *Шарвинъ*; бібліотекаръ Рижскаго политехническаго института Карлъ *Лейландъ*; инспекторъ Благовѣщенскаго ремесленнаго училища имени графа Муравьева - Амурскаго Григорій *Орловъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской третьей, Петръ *Лытовъ*, Московской первой, Гри-

горій *Поляковъ*, Орловской, Александръ *Колесниковъ*, Тульской, Алексѣй *Шинаревъ*, Рязанской второй, Владиміръ *Булатовъ*, Астраханской, Леонидъ *Щужинъ*, Пензенской первой: Борисъ *Ризниковъ* и Евгений *Макаровъ*, Таганрогской, Павелъ *фонъ-Фелькманъ*; Ревельской Александровской, Германъ *Гельдъ*, Каменецъ-Подольской, Дмитрій *Жудинъ*, Бѣлоцерковской, Даніилъ *Савченко-Боженко*, Глуховской, Антонъ *Николаевъ*, Прилукской, Николай *Столяновичъ*, Варшавской четвертой, Владиміръ *Ижакъ*, Прагской, Ивалъ *Добровольскій*, Мариупольской, Павелъ *Гьялевъ*, Херсонской, Константинъ *Мироничъ*, Екатеринбургской, Карлъ *Поніенжковичъ*, Екатеринодарской, Николай *Галакъ* и Новороссійской, Николай *Евровъ*, Пултусской прогимназін, Александръ *Бутусовъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго, Георгій *Гобаръ*, третьяго, Николай *Григорьевъ* и К. Мая, Георгій *Солмышковъ*, Скопинскаго, Николай *Каневецъ*, Смоленскаго Александровскаго, Василій *Утиловъ*, Вольскаго, Петръ *Первушинъ*, Сарапульскаго Алексѣевскаго, Алексѣй *Пельцъ*, Изюмскаго, Евгений *Чеботаревъ*, Урюпинскаго, Нпполитъ *Теміукъ*, Кіевскаго, Эдуардъ *фонъ-Тессейръ*, Пермскаго, Дмитрій *Николаевъ*, Уфимскаго: Александръ *Шляевъ* и Александръ *Литвиненко*, Тифлискаго, Иванъ *Заринъ*, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, Петръ *Густяковъ*, женскихъ гимназій: Красноярской, Станиславъ *Величко*, частной Гельбигъ, въ Москвѣ, Сергѣй *Моравскій*, Томской Маріинской, Леонидъ *Дирдовскій*, Уфимской, Вячеславъ *Нелетцъ*, Тифлисской первой, Великой Княгини Ольги Θεодоровны, Михаилъ *Перестюкъ*, Рижской Ломоносовской, Василій *Харламовъ* и Омской, почетныхъ гражданъ Поповыхъ, Павелъ *Шестакъ*, училищъ: Оренбургскаго ремесленнаго, Александръ *Кущиновъ*, городскихъ: С.-Петербургскаго Исаакіевскаго, Сергѣй *Калунинъ*, Холмскаго, Николай *Гепортъ*, Порховскаго, Алексѣй *Поляковъ*, Басмьянаго, въ Москвѣ, Николай *Феклизогъ*, Симбирскаго, Иванъ *Козловъ*, Краснослободскаго, Петръ *Фриновскій*, Саранскаго, Иванъ *Цыценко*, Ревельскаго, Иванъ *Зандбергъ*, Погарскаго, Иванъ *Ивженко*, Борзенскаго, Фодоръ *Титовичъ*, Березовскаго, Александръ *Гуцинъ*, Нухинскаго, Яковъ *Теръ-Поюсовъ*, Грозненскаго, Константинъ *Бокрадзе*, Соликамскаго, Юсифъ *Ревинъ*, Орскаго, Александръ *Добродѣевъ* и Екатеринбургскаго, Григорій *Уминовъ*, Красноуфимскаго промышленнаго, Германъ *Бабинскій* и Ростовскаго-на-Дону средне-техническаго, Александръ *Стефановъ*; учитель и надзиратель техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, въ Рыбинскѣ, Василій *Арсеньевъ*; преподаватель Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища Гурій *Зво-*

рыкинъ; руководитель работъ Тульского ремесленного училища *Сергій Шатровъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Тамбовскаго, *Никаноръ Филитовъ*, Наровчатскаго, *Николай Остремощкій*, Луковскаго, *Адамъ Попенюкъ*, Очаковскаго, *Василій Михельчукъ*, Новомосковскаго, *Александръ Рыбаковъ*, Ялтинскаго, *Григорій Неклюковъ*, Пржевальскаго, *Андрей Куценко*, Больше-Алматинскаго, *Василій Архангельскій* и Лепсинскаго, *Алексѣй Прокудинъ*; врачи: гимназій: Императора Александра III, въ Болградѣ, *Георгій Жельзко* и Царицынской Маріинской женской, *Владиміръ Шаровъ*, Томскаго учительскаго института, *Павель Ломовицкій*, Юрьевскаго городского училища, *Эдуардъ Кенсенъ* и Брестскаго начальнаго еврейскаго училища, штатный, *Леонъ Шерешевскій*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Вятской, *Михаилъ Кашименскій*, Царицынской Александровской, *Петръ Елисейевъ*, Юрьевской, *Владиміръ Карцовъ*, Одесской четвертой, *Георгій Ильиневичъ*, Бердянской, *Иванъ Рудой*, Тифлесской первой, *Петръ Нацагаловъ* и Ставропольской, *Петръ Борисовъ* и учителя-завѣдывающіе городскими училищами: Перемышльскимъ, *Алексѣй Ястребовъ*, Рузскимъ, *Иванъ Волковъ*, Касимовскимъ, *Николай Визиревъ* и Новопрагскимъ, *Филимонъ Костевичъ* и Орловскимъ центральнымъ, *Александръ Колесниковъ*; коллежскіе ассессоры: дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: VI класса, отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами *Михаилъ Георгіевскій* и VIII класса, баронъ *Борисъ Клодтъ-фонъ-Юргенбургъ*; членъ Императорской археографической комиссіи *Борисъ Тураевъ*; помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета: *Федоръ Григорьевъ* и *Константинъ Никифоровъ*; преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Фридрихъ Видеманъ*; ассистенты: астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета, *Сергій Шарбе* и Харьковского ветеринарнаго института, сверхштатный, *Николай Петровичъ-Юрковскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, *Владиміръ Меліоранскій*, пятой, *Николай Ястребовъ*, шестой, *Павель Соколовъ* и седьмой, *Эрастъ Цытовичъ*, Вологодской, *Александръ Лазановъ*, Московскихъ: второй, *Николай Кашиинъ*, седьмой въ память Императора Александра III, *Николай Соловьевъ* и десятой, *Фридрихъ-Аргуръ-Александръ-Людвигъ Вюннеръ*, Черкасской, *Степанъ Войцеховскій*, Новочеркасской, *Иванъ Вахнерманъ*, Плоцкой, *Александръ Никольскій*, Бахмутской, *Дмитрій Пичахчи*, Омской, *Григорій Кастровъ*, Маріампольской, *Косьма Важевскій*, Перновской, *Георгій Фельдбахъ*, Гомельской, *Робертъ Кюнгъ*, Мин-

ской, Василій *Воиновъ*, Тобольской, Александръ *Васильевъ*, Читинской, Станиславъ *Бирбаумъ*, Кутаисской: Николай *Ушаковъ* и Михаилъ *Саарадзе*, Тифлисской второй, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Борисъ *Крамаренко*, Новороссійской: Петръ *Краузе* и Андрей *Колосовъ* и Бакинской, Императора Александра III, Эмиль *Бахъ*, Мозырской прогимназіи: Дмитрій *Очкинъ* и Иванъ *Ивановъ*, реальныхъ училищъ: Тульскаго, Алексѣй *Покровский*, Казанскаго, Ипполитъ *Забусовъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Александръ *Тюткинъ*, Повочеркаскаго, Василій *Аванасьевъ*, Повозыбковскаго, Александръ *Гадзимовскій*, Барнаульскаго, Императора Николая II, Григорій *Антоновъ*, Бѣлостокскаго, Антонъ *Мазлумовъ*, Пинскаго, Леонидъ *Яковсонъ*, Оренбургскаго, Александръ *Ивченко* и Пермскаго, Алексѣй *Строгановъ*, учительскихъ институтовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Мошлянскій* и Московскаго, сверхштатный, Романъ *Бодановъ*, городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ: Андреевскаго, Петръ *Никоновъ* и Сампсоніевскаго, Владиміръ *Александровъ*, Гатчинскаго: Александръ *Гавриловъ* и Иванъ *Котельниковъ*, Новгородскаго, Павелъ *Самойловъ*, Никольскаго, Николай *Альбовъ*, Тотемскаго, Василій *Гаврюшенко*, Великоустюжскаго, Василій *Ильшевъ*, Елецкаго, Константинъ *Киселевъ*, Рогожскаго, въ Москвѣ, Александръ *Купчеровъ*, Астраханскаго третьяго, Николай *Острецовъ*, Одесскаго, имени В. Н. Литина, Павелъ *Пановъ*, Бѣльскаго, Илья *Рублевскій*, Бирскаго, Василій *Кузлевъ*, Дербентскаго, Несторъ *Монабде*, Горійскаго, Лука *Ханичковскій*, Перовскаго, Владиміръ *Губачевъ* и Кіевскаго перваго, Василій *Рознатовскій*, С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго, Александръ *Корчанинъ*, завѣдывающій Старицкимъ городскимъ училищемъ, Степанъ *Бажановъ*, завѣдывающій Елисаветградскимъ вторымъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ, Григорій *Сетраковъ*, Задонской школы ремесленныхъ учениковъ, техникъ, Александръ *Пивоваровъ*, Петропавловскаго пятикласснаго городского училища, Иванъ *Куминовъ*, и женскихъ гимназій: Серпуховской Николаевской, Александръ *Бодэ*, частной Перепелкиной, въ Москвѣ, Константинъ *Манковъ*, Донской Маріинской, Николай *Григорьевъ*, Пензенской первой, Владиміръ *Леоневъ*, Бѣлоцерковской, Иосифъ *Аллеманъ*, Одесской Маріинской, Иванъ *Марковъ*, Уральской, Алексѣй *Троновъ*, Читинской, Алексѣй *Шуевичъ-Жицкій*, Хаминова, въ Иркутскѣ, Яковъ *Корейша* и Живдринской Маріинской женской прогимназіи, Алексѣй *Комаровъ*; воспитатель пансіона при Глуховской гимназіи, Григорій *Мессонъ*; врачъ Измаильской прогимназіи; Николай *Фетовъ*; настав-

ники учительскихъ семинарій: Псковской, Иванъ *Малышевъ*, Киржачской, Дмитрій *Рубашкинъ*, Преславской, Григорій *Олихновичъ* и Туркестанской, Иванъ *Никифоровъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Сольвычегодскаго, Иванъ *Михайловъ*, Яренскаго, Константинъ *Поповъ*, Олонецкаго, Аркадій *Васильевъ*, Ветлужскаго, Иосифъ *Богомолловъ*, Краснохолмскаго, Макарій *Пановъ*, Ефремовскаго, Василій *Яковлевъ*, Алексинскаго, Виталій *Юдинскій*, Дубовскаго, Константинъ *Тудаковъ* и учитель Уфимскаго перваго городского училища, Николай *Сыдельниковъ* и учитель-завѣдывающій Лодейнопольскимъ городскимъ училищемъ, Василій *Яковлевъ*; исправляющій должность инспектора Каменскаго городского училища, Ѳедоръ *Ястребова*; штатные смотрители городскихъ училищъ: Балтскаго, Павелъ *Поповичъ* и Острожскаго Алексѣй *Мецевцевъ*; секретарь правленія историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Пѣжинѣ, Василій *Добретинскій*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Казанскаго, Петръ *Петровъ*, и Виленскаго, Петръ *Лесковичъ*; сверхштатные лаборанты С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I: Валеріанъ *Нелюбовъ* и Михаилъ *Тихоновъ*; хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Андрей *Рихтеръ*; экономъ и экскурсоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Николай *Синицынъ*; письмоводители и бухгалтеры училищъ: Московскаго промышленнаго, Иванъ *Василевскій* и Костромскаго реальнаго, Николай *Рогаткинъ*; преподаватель Пѣжинскаго низшаго технического училища имени Кушакевича Исидоръ *Милоченко*; завѣдывающіе низшими ремесленными школами: Богучарскою, Алексѣй *Виноградовъ* и Новоросійскою, Иванъ *Кизиловъ*; помощники классныхъ наставниковъ, гимназій: Владимірской, Иванъ *Ширскій*, Коломенской, Павелъ *Каплинъ*, Воронежской первой, Митрофанъ *Дикаревъ*, Ревельской Императора Николая I, Илья *Корниенко* и Черниговской, Авдѣй *Пусецъ* и Бѣлостокскаго реальнаго училища, Левъ *Смольскій*; помощникъ воспитателя пансіона Эриванской мужской гимназіи, Николай *Сыроваткинъ* и сверхштатный учительскій помощникъ Елецкаго городского училища Самсонъ *Рябининъ*; титулярные совѣтники: дѣлопроизводитель, VII класса, отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами Абрамъ *Гокжаненъ*; исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Александръ *Горбуновъ*; младшій помощникъ бібліотекаря Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Сергѣй *Соколовъ*; помощникъ

инспектора студентовъ Императорскаго университета св. Владимира Иванъ *Краснянскій*; лаборанты химическихъ лабораторій Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Евгенийъ *Биронъ*, Здиславъ *Погоржельскій* и баронъ Михайль *Вревскій*; штатный провекторъ Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Заборовскій*; сверхштатные ассистенты того же университета: Яковъ *Щелмоновичевъ* и Александръ *Павловъ*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой, Адольфъ *Метцлеръ* и двѣнадцатой, Трофимъ *Гриневичевъ*, Немировской Порфирій *Червинскій*, Варшавской шестой, Михайль *Ястребовъ* и Ковенской, Петръ *Ивановъ*, женскихъ: Саратовской, Викторъ *Соколовъ* и Воронежской, содержимой г. Печаевой, Борисъ *Магалифъ*, Казанскаго реальнаго училища, Федоръ *Твердышевъ*, городскихъ училищъ: Акмолинскаго Андрей *Ситниковъ*, С.-Петербургскихъ: Казанскаго, Яковъ *Мамаевъ*, Никольскаго, Михайль *Казимирчикъ* и Сампсоньевскаго, Алексѣй *Новожилловъ*, Баускаго, Петръ *Бабакъ*, Переяславскаго, Антонъ *Бурдымскій*, Витебскаго, Николай *Кривошій*, Ставропольскаго, Константинъ *Ивановъ*, Таращанскаго, Иванъ *Чернышъ* и Житомирскаго: Никита *Олейниченко* и Харлампій *Садиленко* и завѣдующіе городскими училищами: Краснокутскимъ Герасима Дашкевича, Иванъ *Дроволюковъ* и Чечерскимъ, Никандръ *Орловскій*; учителя: Комиссаровскаго технического училища, Левъ *Кротковъ*, Александровскаго учительскаго института въ гор. Тифлисъ, Алексѣй *Ивановъ*, Казанской учительской семинаріи, Макарій *Евсеевевъ* и Таманскаго начальнаго училища, Василій *Ловягинъ*; учителя-инспекторы: Чистопольской школы ремесленныхъ учениковъ, Николай *Порманъ* и Пирятинскаго городского училища, Михайль *Храбровъ*; учитель мужскаго отдѣленія пріюта Цесаревны Маріи, учрежденнаго въ гор. Москвѣ попечительнымъ обществомъ о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, Сергѣй *Рыкуновъ*; руководители и преподаватели Читинскаго ремесленнаго училища Императора Николая II: Герасимъ *Осиновъ* и Дмитрій *Пантелеевъ*; завѣдывающій Дуванскою низшею ремесленною школою Григорій *Дудкинъ*; помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища Александръ *Семеновъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Рязанской, Николай *Павловъ* и Енисейской, Дмитрій *Автономовъ* и реальныхъ училищъ: Воскресенскаго, въ гор. Москвѣ, Владиміръ *Ивановъ* и Якутскаго, Юсафъ *Охлопковъ*; почетный смотритель Лужскаго городского училища Леонидъ *Фубаевскій*; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Николай *Вележевъ*; письмоводители гимназій: Стародубской, Артемій *Поленчикій* и При-

лукской, Николай *Раишевичъ* и хранители кабинетовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: ботаническаго Александръ *Генкель* и минералогическаго, Петръ *Сушинскій*; коллежскіе секретари: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища Степанъ *Оссовецкій*; бухгалтеръ Томскаго технологическаго института Императора Николая II Дмитрій *Соколовинъ*; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Новой Александріи, Василій *Устьянцевъ*; лаборантъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Владиміръ *Эйхвальдъ*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Георгій *Рахмановъ*; учителя: Асхабадской мужской гимназіи Борисъ *Ивановъ*, Рижскаго городского реальнаго училища, Марцелинъ *Шикитисъ*, Виленскаго средняго химико-техническаго училища, Серафимъ *Гороховъ*, городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ: Воздвиженскаго, Николаіи *Лазаревъ* и при учительскомъ институтѣ, Иванъ *Никифоровъ*, Горбатовскаго, Михайла *Сорокинъ*, Курскаго, Алексѣй *Филипповъ*, Екатеринославскаго, Степанъ *Костунъ*, Елисаветпольскаго, Степанъ *Теръ-Аветиковъ*, Бакинскаго Михайловскаго, Герасимъ *Джани*, Баргузинскаго, Алексѣй *Подсосовъ* и Красноярскаго, Иванъ *Денисовъ*, Гомельской женской гимназіи, Фелоръ *Лукашевичъ* и Гельсингфорскаго народнаго училища, Александръ *Рыбаковъ* и учителя-завѣдывающіе: городскими училищами: Брянскимъ вторымъ, Иванъ *Борисовъ* и Нижнеудинскимъ, Прокопіи *Ганжара* и Шенкурскимъ приходскимъ училищемъ, Дмитрій *Ежеевъ*; учитель - инспекторъ С.-Петербургскаго Сампсоніевскаго городского училища Петръ *Цетковъ*; наставникъ Ровненской учительской семинаріи Андрей *Коридалинъ*; помощники классныхъ наставниковъ: Полтавской гимназіи, Иванъ *Кармазинъ* и реальныхъ училищъ: Кубанскаго Александровскаго, Григорій *Волошинъ* и Кутаисскаго, Ясонъ *Габаевъ*; наблюдатель Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища Феодоръ *Абуховъ*; помощникъ архитектора Московскаго учебнаго округа, Николай *Никитинъ*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Всеволодъ *Шамраевскій*; экзекуторъ Казанскаго ветеринарнаго института Иванъ *Мальковскій* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Кузьма *Сиричевъ*; губернскіе секретари: секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Казанскаго университета Владиміръ *Гурьевъ*; смотритель Назрановской горской школы Алексѣй *Гусевъ*; помощникъ бухгалтера Императорскаго Харьковскаго университета Владиміръ *Браиловскій*; учителя: Митавской гимназіи, Ва-

силій *Евграфовъ*, Мзріупольской женской, Николай *Лащилинъ* и городскихъ училищъ: Новоградволинскаго, Иванъ *Моисіенко-Меленовскій*, Кіевскаго четвертаго, Семень *Губернарчукъ*, Воронежскаго втораго, Валеріанъ *Гиждоу*, Чигиринскаго, Николай *Мозовой*, Тифлисскаго, втораго, Сергій *Митрофановъ* и Новоушицкаго, Иванъ *Кузнецовъ*, городскихъ приходскихъ: Егорьевскаго женскаго, Андрей *Терновскій*, Харьковскаго, Николай *Злиберскій*, Тамбовскаго перваго, Николай *Дубровскій*, Козловскаго перваго, Михаилъ *Постыловъ*, Саранскаго мужскаго, Николай *Гридинъ* и Болградскаго втораго, Иванъ *Бирциховскій*, Рыбинскаго втораго, Павелъ *Владимірскій*, Владимірскаго втораго, Иванъ *Ильинскій*, Харьковскаго имени А. С. Пушкина, Александръ *Колесинскій*, Нифантовскаго, Иванъ *Волочковъ*, Трофимовскаго, Дмитрій *Денисовъ*, Константиновскаго втораго, Андрей *Поповъ*, Усть-Медвѣдицкаго, Александръ *Минаевъ*, Новочеркаскаго перваго, Семень *Сорокинъ*, Чеботовскаго, Карпъ *Маногинъ*, Успенскаго, въ гор. Иркутскѣ, Иванъ *Блюсовъ*, Нукутскаго, Фодоръ *Петелинъ* и Дучарскаго, Кипріанъ *Павлуцкій* и городскихъ начальныхъ: Перновскаго, Карлъ *Круминъ* и Рижскаго Марейнскаго женскаго, Фридрихъ *Доне*; старшіе учителя училищъ: Стрѣтенскаго, Иванъ *Ивановъ* и Ломовскаго, Алексій *Блюголовкинъ*; учитель Келеменецкаго сельскаго приходскаго училища, Онуфрій *Гаррилюкъ*; завѣдывающій первымъ Ташкентскимъ русско-туземнымъ училищемъ Савва *Сычевъ*; помощникъ учителя Устюжскаго городского училища Василій *Крыловъ* и учительскіе помощники городскихъ училищъ: Брянскаго перваго, Алексій *Гороховъ* и Московскаго третьяго, Иванъ *Бадьевъ*; коллежскіе регистраторы: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго, техническаго училища Александръ *Листъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа Николай *Фиксенъ*; почетные смотрители городскихъ училищъ: Николаевскаго, Георгій *Властелица* и Александрійскаго, Сергій *Золотницкій*; письмоводители: дирекціи народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, Никита *Гончаренко* и Казанскаго промышленнаго училища, Василій *Миньевъ*; смотритель Чурукъ-Суйскаго нормальнаго училища *Иса-Бекъ-Абакаровъ*; завѣдывающій Повороссійскимъ городскимъ начальнымъ училищемъ Владиміръ *Кобалцкій*; учителя: приходскихъ городскихъ училищъ: Повочеркаскаго втораго, Павелъ *Горда* и Павловскаго, Адріанъ *Морозовъ* и Верхнеудинскаго городского училища, Николай *Байбородинъ*; старшіе учителя училищъ: Тамирскаго, Константинъ *Щербакъ*, Чиронскаго, Дмитрій *Мацкевичъ*, Ду-

рулгуевскаго, Филиппъ *Васильевъ*, Олочинскаго, Владиміръ *Ворхолинъ*, Цаганъ-Олуевскаго, Ѳаддей *Эповъ*, Нерчинскаго Михайловскаго приходскаго, Афиногенъ *Колосовъ* и Зюльзинскаго, Илья *Абидинъ* и учитель Велико-Княжескаго Колонійскаго училища, Баталпашинскаго отдѣла Кубанской области, Давидъ *Классенъ*; неизмѣющіе чина: инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Калишской, Николай *Гонимевичъ* и Радомской, Николай *Гильченко* и Тургайской области, Николай *Бьялевъ*; прозекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Владиміръ *Павловъ*; старшій лаборантъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II Веніаминъ *Титовъ*; лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Осигъ *Эймондъ*; дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Степанъ *Дворницкій*; лекторы: Императорскаго Харьковскаго университета, Павелъ *Риттеръ* и Восточнаго института, Яковъ *Гойль*; воспитатель коллегіи Павла Галагана Илья *Кожинъ*; главный надзиратель Императорскаго Московскаго лицея въ память Цесаревича Николая Сергѣй *Крыловъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургской третьей, Василій *Кузнецовъ*, Новгородской, Михаилъ *Сперанскій*, Московской шестой, Руфъ *Ржаницынъ*, Казанской второй, Василій *Гавриловъ-Румянцевъ*, Киевской третьей, Владиміръ *Дебольскій*, Житомирской второй, Сергѣй *Базилевичъ*, Лодзинской, Иванъ *Остроумовъ*, Ченстоховской, Александръ *Соникъ*, Маріампольской, Ромуальдъ *Гриммель*, Уфимской, Эмилій *Шенбергъ*, Иркутской, Дмитрій *Былкинъ*, Тифлисской первой, Василій *Замятинъ* и Бакинской Императора Александра III: Филиппъ *Степановъ* и Георгій *Буржанадзе*, прогимназій: Бобровской, Георгій *Столбе* и Грубешовской, Николай *Попель*, реальныхъ училищъ: доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, Леонидъ *Лобовъ*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ, Артуръ *Лютеръ*, Костромскаго, Сергѣй *Поповъ*, Тверскаго, Леонидъ *Колаковский*, Винницкаго, Илья *Аристовъ*, Пинскаго, Петръ *Костровъ*, Мелитопольскаго, Владиміръ *Мурзановъ*, Хабаровскаго, Стефанъ *Раценко* и Владикавказскаго, Николай *Виддиновъ*, женскихъ гимназій: Архангельской, Мстиславъ *Рудницкій*, Муромской, Вячеславъ *Борковский*, Одесской А. И. Бракенгеймеръ, Николай *Родзевичъ*, Тираспольской, Михаилъ *Юрьевъ*, Мелитопольской, Гуго *Текамъ* и Екатерининской, Калишникъ *Дзяманъ*, училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ: Густавъ *Гиренсонъ* и Бруно *Радазевскій*, Казанскаго промышленнаго, Константинъ *Олешкевичъ*, Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго, Николай *Карининъ*, Иркутскаго промышленнаго, Илья

Камовъ и средне-техническихъ: Брянскаго, Павелъ *Бакинъ* и Ростовскаго-на-Дону, Алексѣй *Бѣляевъ*, Московскаго учительскаго института, Петръ *Барановъ*, Чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова, Алексѣй *Черняевъ*, Казанской татарской учительской школы, Иванъ *Петляевъ* и городскихъ училищъ: Петровскаго, князь Николай *Цициановъ* и Бакинскаго Михайловскаго, Эдуардъ *Лунинъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Бериславскаго, Василій *Парамоновъ* и Канскаго, Ѳедоръ *Талызинъ*, воспитатели: пансіона Кутаисской гимназіи Георгій *Пушкаревъ* и Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта Московскаго дворянства, Александръ *Шкляревскій*; инспекторъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ Артемій *Оганезовъ*, наставники учительскихъ семинарій: Гатчинской, Александръ *Соболевъ*, Иркутской, Сергѣй *Никоновъ*, Красноярской, Пппокентій *Петровъ* и Эриванской, Валентинъ *Добротинъ* и помощники классныхъ наставниковъ: Варшавской второй гимназіи, Константинъ *Клычко* и Рославльской прогимназіи, Михаилъ *Авоинскій*.

Удостоиваются награжденія: подарками съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Ею Императорскаго Величества Имени: дѣйствительные статскіе совѣтники: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа Алексѣй *Бѣлецкій* и директоры: Кишиневской первой гимназіи, Василій *Соловьевъ* и реальныхъ училищъ: Двинскаго, Алексѣй *Князевъ* и Минскаго, Иванъ *Самойло*.

Подаркомъ по чину: заслуженный преподаватель Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Владиміръ *Франкенъ*; архиваріусъ Виленскаго центрального архива, коллежскій совѣтникъ Иванъ *Спроишъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: учителю Одесской третьей гимназіи, коллежскому совѣтнику Станиславу *Лущинскому*—въ той же гимназіи, съ 1 августа 1889 г. по 1 августа 1892 г.; инспектору для наблюденія за промышленными училищами, инженеръ-технологу, надворному совѣтнику Леониду *Москалеву*—въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, съ 11-го іюня 1886 г. по 11-е іюня 1889 г.; немѣющимъ чина: учителямъ реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Камиллу *Мамбре*—въ томъ же училищѣ съ 20-го мая 1896 г. по 20-е мая 1899 г. и Гуревича, въ С.-Петербургѣ, Павлу *Медему*—въ томъ же училищѣ, съ 1-го февраля 1896 г. по 1-е февраля 1899 г.; руководителю работъ Благовѣщенскаго ремесленнаго училища Александру *Полячку*—въ томъ же училищѣ, съ 1-го октября 1898 г. по 18-е сентября 1899 г.; инспектору Никольско-Уссурийскаго ремесленнаго училища

Константину *Прокофьеву*—въ Благовѣщенскомъ ремесленномъ училищѣ, съ 7-го января 1899 г. по 18-е сентября 1899 г.; дѣлопроизводителямъ: при директорѣ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, Тимоѣю *Воробьеву*—въ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, съ 1-го іюля 1897 г. по 1-е іюля 1900 г. и дирекціи народныхъ училищъ Томской губерніи, Ивану *Малинкову*—въ канцеляріи инспектора народныхъ училищъ Новгородской губерніи, съ 1-го сентября 1897 г. по 1-е сентября 1900 г., исправляющему должность чиновника X класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Николаю *Коржикову*—въ правленіи Кавказскаго округа путей сообщенія съ 19-го февраля 1892 г. по 1-е сентября 1893 г. и въ правленіи Тифлискаго городского кредитнаго общества съ 8-го февраля 1894 г. по 26-е іюля 1895 г.; смотрителю-учителю Теджентскаго русско-туземнаго училища Таиру-беку-*Кіясбекову*—на частной учебной службѣ, съ 1-го іюля 1893 г. по 1-е іюля 1896 г.; письмоводителю Ташкентскаго ремесленнаго училища Павлу *Кокеткину*—на риги-орловской желѣзной дорогѣ, съ 10-го августа 1886 г. по 10-е августа 1899 г.; канцелярскому служителю канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Александру *Воронько*—въ сей канцеляріи, съ 6-го декабря 1896 г. по 6-е декабря 1899 г.; учительскому помощнику Подольскаго, Московской губерніи, городского училища Осодору *Курнаеву*—въ Рузскомъ приходскомъ училищѣ, съ 13-го ноября 1896 г. по 15-е января 1899 г. и учителямъ приходскихъ училищъ: Нижне-чирскаго, Донской области, Антонію *Зеленскому*, съ 21-го августа 1898 г. по 21-е августа 1901 г., Ильинскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, Петру *Клюкову*, съ 5-го апрѣля 1890 г. по 5-е апрѣля 1893 г., Новониколаевскаго, Донской области, Георгію *Насонову*, съ 1-го сентября 1890 г. по 1-е сентября 1893 г., Повочеркаскаго, Козьмѣ *Балашеву*, съ 1-го января 1893 г. по 1-е января 1896 г., Маньчскаго, Донской области, Василию *Луковскому*, съ 1-го сентября 1894 г. по 1-е сентября 1897 г., Грушовскаго, Донской области Якову *Булакову*, съ 28-го августа 1888 г. по 25-е августа 1891 г., Аксайскаго, той же области, Дмитрію *Плохову*, съ 19-го сентября 1891 г. по 1-е сентября 1893 г., Сумковско-Кундрюческаго, той же области Василию *Изварину*, съ 1-го сентября 1896 г. по 1-е сентября 1899 г. и Качальницкаго, той же области, Пантелеймону *Абрамову*, съ 1-го сентября 1893 г. по 1-е сентября 1896 г.—всѣмъ девяти въ должностяхъ учителей народныхъ училищъ.

Предоставляются права дѣйствительной государственной службы,

съ причисленіемъ къ 3-му разряду канцелярскихъ служителей: исполняющему обязанности эконома и смотрителя дома С.-Петербургской третьей гимназіи, личному почетному гражданину Алексѣю *Станкузевичу*; исправляющему должность, по найму, письмоводителя С.-Петербургской седьмой гимназіи, изъ крестьянъ Владиміру *Казакову*; исправляющему должность письмоводителя С.-Петербургскаго учительскаго института, потомственному почетному гражданину Александру *Анопову* и вольнонаемному писцу департамента народнаго просвѣщенія, мѣщанину Владиміру *Шеловцову*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министра народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы, 24-го ноября 1903 года, *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди, на Александровской лентѣ*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя училищъ: Олонецкаго уѣзда: Горскаго однокласснаго Афанасій *Порошинъ*, Колать-Сельскаго начальнаго Николай *Поповъ*, Каргопольскаго уѣзда: Плесскаго 1-го земскаго Федоръ *Клоковскій*, Большемальскаго образцоваго Иванъ *Зыковъ*, Устьвольскаго образцоваго Иванъ *Пылаевъ* и Олонецкаго уѣзда: Кондушскаго начальнаго сельскаго Григорій *Яковлевъ* и Кошкзерскаго начальнаго Константинъ *Королевъ* и учительницы училищъ: Петрозаводскаго уѣзда: Петрозаводскаго Александровскаго заводскаго Анна *Аврамова* и Кончезерскаго заводскаго Елисавета *Шуцкая* и Каргопольскаго уѣзда, Каргопольскаго Екатерининскаго женскаго Марія *Николаевская*; по Московскому учебному округу: учительница-завѣдывающая Орловскимъ 2-хъ-класснымъ женскимъ училищемъ Евдокія *Конькова*, учителя завѣдывающіе училищами: Орловскимъ 2-мъ мужскимъ приходскимъ Павелъ *Рыбинскій* и Богородицкимъ 2-хъ-класснымъ министерства народнаго просвѣщенія, Орловскаго уѣзда, Иванъ *Быстровъ*, учительницы училищъ: женскихъ приходскихъ: Болховскаго Марія *Тихомирова* и Мценскаго Анна *Масакова*, начальныхъ народныхъ: Брянскаго уѣзда, Бытошскаго Марія *Андреева*, Княвичскаго Ольга *Иванова*, Страшевичскаго Елена *Александрова* и Толмачевскаго Татьяна *Любомудрова*, Трубчевскаго уѣзда, Филипповичскаго Варвара *Синайская*, Арельскаго Марѳа *Татарнинова* и Гололобовскаго Анна *Федосьева*, Сѣвскаго уѣзда: Бобриковскаго Наталья *Якушева*, Литижскаго Ольга *Бунина* и Потаповскаго, Подольскаго уѣзда, Людмила *Скворцова*; приходскихъ: Брянскаго женскаго Евлалія *Соколова*, Трубчевскаго женскаго Зинаида *Спаская* и

Боровскаго земскаго Лидія *Лихачева*; сельскихъ начальныхъ: Тарусскаго уѣзда: Буринскаго Елисавета *Молчанова*, Высокиничскаго Евдокія *Баталина*, Исканскаго Анна *Златковская*, Калугинскаго Лидія *Дубова*, Сивцевскаго Елисавета *Знаменская* и Тростьевскаго Анна *Логина*, Богородскаго уѣзда: Балабановскаго Евдокія *Рождественская*, и Фрянновскаго Ольга *Смирнова* и Подольскаго уѣзда: Любучанскаго: Анна *Злобина* и Елена *Ушкина*, Ознобишинскаго Агафія *Полякова*, Антроповскаго Клавдія *Цѣткова* и Акулининскаго Агриппина *Морозова*; учителя училищъ: Ильинскаго Василій *Васильевъ*, Каменскаго мужскаго Николай *Протасовъ*, начальныхъ народныхъ: Трубчевскаго уѣзда: Кокоревскаго Иванъ *Никитскій*, Усохскаго Михаилъ *Михалкинъ*, Красносельскаго Евѣмій *Пищулинъ*, Городецкаго Андрей *Кашпаровъ* и Сѣмязковскаго Василій *Гонорскій* и Сѣвскаго уѣзда: Брасовскаго Иванъ *Грабиминъ*, Добриковскаго Иванъ *Картутченковъ*, Лемяшевскаго Алексѣй *Бенедиковскій*, Лубошевскаго Яковъ *Желудковъ*, Стрѣлецкаго Николай *Петровъ* и Фащевскаго Евгеній *Слесаревъ*, сельскихъ начальныхъ: Тарусскаго уѣзда: Татянинскаго Александръ *Чистяковъ*, Троицкаго Дмитрій *Всесвятскій* и Ропщинскаго Ѳеодоръ *Лимачевъ*, Серенско-Заводскаго, Козельскаго уѣзда, Василій *Себякинъ* и Подольскаго уѣзда: Астафьевскаго Петръ *Масляковъ*, Городяихскаго Александръ *Маркеловъ*, Кленовскаго Ѳеодоръ *Ульиновъ* и Тюфонскаго Николай *Успенскій*; учительницы училищъ: Стрѣлецкаго 2-хъ-класснаго министерства народнаго просвѣщенія, Трубчевскаго уѣзда: Анна *Датунова*, Тарусскаго городского женскаго начальнаго Лидія *Золотухина*, Ивановскаго Александра *Маркова*, Маломаховскаго Александра *Волжска* и Рябушинскаго Лидія *Гастунская*, учителя училищъ: начальныхъ народныхъ: Георгіевскаго, Орловскаго уѣзда, Григорій *Солнцевъ* и Вороновскаго, Брянскаго уѣзда, Сергѣй *Дмитріевъ*, Воробьевскаго Ѳеодоръ *Латышевъ*, и Козельскаго мужскаго городского 2-го приходскаго Михаилъ *Чекушкинъ*, бывший учитель Селецкаго начальнаго народнаго училища, Трубчевскаго уѣзда, Василій *Луленковъ*, помощница учителя Боровскаго начальнаго училища Марія *Смирнова*, учителя училищъ: Аргуновскаго Михаилъ *Доброхотовъ*, Брызгуновскаго Иванъ *Медведевъ*, Большегорѣцкаго Павель *Елисинъ*, Елецкаго Василій *Пуранскій*, Ефремовскаго Николай *Либеровскій*, Зиновьевскаго Дмитрій *Харламовъ*, Ионовскаго Федоръ *Грачевъ*, Пльодинскаго Алексѣй *Кротковъ*, Крутецкаго Иванъ *Филитовъ*, Матренинскаго Василій *Герасимовъ*, Никольскаго Ѳеодоръ *Наумовъ*, Никольскаго Алексѣй *Мельниковъ*, Никольскаго Ѳеодоръ *Паленовъ*, Никольскаго Петръ

Смирновъ, Никольскаго Дмитрій Любимовъ, Никольскаго Иванъ Ильинскій, Никольскаго Алексѣй Левковъ, Новосельскаго Николай Замышляевъ, Перепиковскаго Яковъ Кузнецовъ, Саннинскаго Василій Акимовъ, Старо-Петушенскаго Василій Костеринъ, Доштинскаго мужскаго Леонидъ Архангельскій, Архангельскаго Григорій Стыновъ, Невѣро-Слободскаго Михайль Корнеевъ, Нижнеландеховскаго Иванъ Колобовъ, Щепачихинскаго Алексѣй Козловъ, Захаровскаго Николай Зеньдинъ, Гумнищенскаго Яковъ Надеждинъ, Талицкаго Кирьялъ Зуиковъ, Шереметевскаго Петръ Сафонцевъ, Куваевскаго, въ гор. Ивановѣ-Вознесенскѣ, Шуйскаго уѣзда, Сергѣй Кобатовъ, Алферьевскаго Павелъ Сваицкій, Богородскаго Василій Числовскій, Пустошенскаго Павелъ Коноплевъ, Тюгаевскаго Федоръ Покровскій, Тихоновскаго Николай Куляевъ, Аксеновскаго Петръ Соколовъ, Борисовскаго Петръ Дорофеевъ, Глуховскаго Василій Столыговъ, Лыковскаго Михайль Гортинскій, Ново-Лемешенскаго Алексѣй Спиридоновъ, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: при фабрикѣ Викулы Морозова: Андрей Предтеченскій, Василій Ильинскій, Сергѣй Зайцевъ, Семень Сидоренковъ и Сергѣй Ланцовъ, Зарѣчскаго Иванъ Масловъ, Кудыкинскаго Иванъ Митрофановъ, Дулевскаго Степанъ Комиссаровъ, Шеметовскаго Григорій Виноградовъ, Гусевскаго: Дмитрій Бочаровъ, Алексѣй Казанскій, Василій Постниковъ, Сергѣй Герасимовъ и Александръ Чернышевъ, Тучковскаго Иванъ Козловъ, Мошенскаго Сергѣй Бедринскій, и Давыдовскаго Фѣдоръ Новскій, учитель Владимірской ремесленной школы Матвѣй Урвачевъ, учителя училищъ: начальныхъ: Ново-Николаевскаго, Судогодскаго уѣзда, Фѣдоръ Лебедевъ, Саливановскаго Егоръ Бѣдовъ, Гусевскаго мужскаго Дмитрій Тютинъ, Ляховицкаго Михайль Братолюбовъ, Торчинскаго Иванъ Алексеевъ, Елизаровскаго Василій Житниковъ, Осинковскаго Фѣдоръ Авроровъ, Гришинскаго Иванъ Сперанскій, Балахнинскаго уѣзда: Гнилицкаго мужскаго Сергѣй Трофимовъ, Городецкаго Нижне-Слободскаго Иванъ Разумовъ, Зарубинскаго Михайль Колокольниковъ и Курцевскаго Петръ Пазомовъ, городскихъ приходскихъ: Иванъ Жилинъ и Иванъ Петровъ и Ивано-Вознесенскаго Александръ Баженовъ, приходскихъ: Владимірскихъ: перваго Иванъ Георгиевскій, втораго Дмитрій Полетико, и третьяго Константинъ Никифоровъ, Александровскаго Александръ Лисицынъ и Балахнинскаго Покровскаго Григорій Гладышевъ, старшій запасный учитель Покровскаго уѣзда Сергѣй Зиновьевскій, учительницы училищъ: Аргуновскаго Анна Куляева, Боровковскаго Надежда Бѣлоруссова, Вауловскаго Фѣодосія Палладина, Власовскаго Прасковья Удольская, Городищен-

скаго Юлія *Красовскій*, Карабановскаго Марія *Титова*, Мошнинскаго Александра *Гавельстромъ*, Карабановскаго Лидія *Съкачева*, Карабановскаго Марія *Двойневская*, Карабановскаго Анна *Боданова*, Афонасьевскаго Анна *Романова*, Ильинскаго Александра *Орлова*, Махринскаго Анна *Съкавина*, Струнинскаго Анна *Велямовичъ*, Струнинскаго Надежда *Лаерова*, Струнинскаго Софья *Маврина*, Струнинскаго Варвара *Попова*, Струнинскаго Екатерина *Ястребцова*, Мордвиновскаго Зинаида *Лаерова*, Котцынскаго, Шуйскаго уѣзда, Елисавета *Фокина*, Кохомскаго Елисавета *Никитина*, Иваново-Вознесенскаго земскаго Варвара *Бьлтова*, Богданцевскаго Елисавета *Губанова*, Больше-Григоровскаго Софья *Аменицкая*, Гридинскаго Ольга *Сергеевская*, Улыбышевскаго Наталья *Соколова*, Порѣцкаго Александра *Оранская*, Собинскаго Елисавета *Божцанинова*, Ундольскаго Марія *Знаменская*, Паткинскаго Евдокія *Блаонравова*; женскихъ: Балахнинскаго Матрона *Барбатенко* и Балахнинскаго уѣзда: Василево-Слободскаго Екатерина *Арентова*, Гнилицкаго Анна *Вишнякова* и Передѣльновскаго Екатерина *Птенцова*, городскихъ начальныхъ женскихъ: Покровскаго Надежда *Федорова* и Судогодскаго Наталья *Ромейкова*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Дулевскаго Марія *Говоркова* и Екатерина *Овчинникова* и Бектышевскаго Екатерина *Сокольская*, начальныхъ: Воскресенскаго Евдокія *Преображенская*, Семеновско-Шуйскаго Анна *Покровская*, Хмѣльниковскаго Марія *Виторадова*, Шмелевскаго Зинаида *Харламова*, Кожинскаго Анна *Минервина*, Своинскаго Варвара *Львова*, Степановскаго Анна *Любимова*, Шуйскаго женскаго Елисавета *Троицкая* и Балахнинскаго уѣзда: Бурнаковскаго Анна *Успенская*, Рѣшетихинскаго Фелицата *Хованская*, Желѣнинскаго Марія *Солкина* и Гавриловскаго Елисавета *Парадизова*, Артемовскаго однокласнаго министерства народнаго просвѣщенія Вѣра *Волосова*, надзирательница Владимірскаго городского женскаго двухкласснаго училища Алевтина *Алякринская*; учителя училищъ: сельскихъ начальныхъ народныхъ: Рузскаго уѣзда: Кожинскаго Иванъ *Щербаковъ*, Молодиновскаго Сергѣй *Красовскій*, Павлицевскаго Алексѣй *Роцинь*, Брыньковскаго Константинъ *Томковъ*, Никольско-Гагаринскаго Евгеній *Лебедевъ*, Горбово-Хованскаго Василій *Воробьевъ*, Рубцовскаго Миронъ *Зубовъ*, Денъковскаго Александръ *Яхонтовъ* и Клишинскаго Михайлъ *Николаевъ*, Леонтьевскаго, Вяземскаго уѣзда, Иванъ *Голубковъ* и Овиновщинскаго, Дорогобужскаго уѣзда, Владиміръ *Ивановъ*, двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія при станціи „Рязань“ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги: Яковъ

Денисовъ, Дмитрій Филатовъ и Исаія Евранинъ, Титовскаго Иванъ Ивановъ, Михайловско-Васильевскаго: Арсеній Ионинъ и Семень Смирновъ и Горицкаго Алексѣй Жерниковъ, сельскихъ: Рязанскаго уѣзда: Солотчинскаго Павелъ Пахомовъ, Горяиновскаго Сергѣй Кузнецовъ и Кузьминскаго 1-го Сергѣй Ивановъ, Спасскаго уѣзда, Краснохолмскаго Иванъ Ѳедотьевъ, Щатрищевскаго Антонъ Малининъ, Ѳедосѣево-Пустынскаго Сергѣй Мельниковъ и Ряскаго Михаилъ Гришковъ, Скопинскаго уѣзда: Катинскаго Михаилъ Кудринъ, Мипалскаго Григорій Гмалуновъ и Чуриковскаго Владиміръ Акуминскій, Васюнинскаго, Егорьевскаго уѣзда, Сергѣй Орлинъ, Саложковскаго уѣзда, Борскаго Григорій Васинъ и Больше-Можаровскаго Василій Кондратьевъ и Перевлѣсскаго, Пронскаго уѣзда, Дмитрій Годуновъ, образцовыхъ двухклассныхъ Верхнебѣлоомутскаго, Зарайскаго уѣзда, Василій Назаровъ, Муравинскаго, Данковскаго уѣзда, Николай Неокесарійскій и Дмитрій Гаевскій, Скопинскаго уѣзда: Павелецкаго Александръ Матонъ и Павелецкаго Агапій Трофимовъ, однокласнаго Ѳеодотьевскаго, Спасскаго уѣзда, Александръ Алексеевъ, городскихъ приходскихъ: Скопинскаго мужскаго, Иванъ Столяровъ и Раненбургскаго Ѳедоръ Сазоновъ, сельскихъ: Михайловскаго уѣзда: Новопанскаго Иларіонъ Кислянцева, Малинковскаго Григорій Чудаковъ, Мещенско-Высольскаго Иванъ Вельминъ, Проне-Городищенскаго Василій Ушаковъ, Стрѣлецко-Высельскаго Павелъ Никифоровъ и Захаровскаго Павелъ Безостовъ, Пронскаго уѣзда: Пасиловскаго Василій Соколовъ, Никольскаго Степанъ Маниковъ, Чернобаевскаго Степанъ Ѳедоровъ и Овсянниковскаго Алексѣй Тардовъ, Рыково-Заборьевскаго, Рязанскаго уѣзда Василій Гавриловъ, Горловскаго, Скопинскаго уѣзда, Прокопій Прошковъ, Спасскаго уѣзда: Перкинскаго Александръ Быстровъ, Устринскаго Михаилъ Успенскій, Тамошкинскаго Иванъ Жирковъ, Тонинскаго Василій Кротковъ и Стариковскаго Иванъ Корминъ, Егорьевскаго уѣзда: Лелечинскаго Александръ Большаковъ, Колычевскаго Сергѣй Андроновъ, Круговскаго Василій Пуновъ, Алферовскаго Александръ Кочуровъ, Лузгаринскаго Ѳедоръ Черенковъ, и Парыкинскаго Нестеръ Тимковъ, Зарайскаго уѣзда: Григорьевскаго Викторъ Виноградовъ, Сушковскаго Николай Сидоровъ и Щуровскаго Леонтій Степановъ и Рязанскаго уѣзда: Алкановскаго Павелъ Дмитриевскій, Долгининскаго Пгнатій Ильинъ, Мурашинскаго Терентій Алленовъ и Полянскаго Дмитрій Ильинъ, Ухоловскаго двухкласснаго образцоваго, Рязскаго уѣзда, Иванъ Амоскинъ, сельскихъ: Спасскаго уѣзда: Бѣльскаго Ѳедоръ Трушинъ, Гавриловскаго Александръ Дроз-

довъ, Ершовскаго Андрей *Козловъ*, Кутуковскаго Гавріиль *Древляинъ*, Михальскаго Дмитрій *Незабудкинъ* и Санскаго Степанъ *Ракчеевъ*, двухклассныхъ образцовыхъ: Аграфенино-Пустынскаго, Рязанскаго уѣзда, Михаилъ *Орловъ* и Григорій *Ивановъ*, Гиблицкаго, Касимовскаго уѣзда, Иванъ *Ивановъ*, Дмитріево-Погостинскаго мужскаго, Егорьевскаго уѣзда: Иванъ *Орловъ*, Сапожковскаго уѣзда: Путятинскаго Ѳедоръ *Кожеевниковъ* и Василій *Воробьевъ* и Канинскаго Яковъ *Паршинъ*, Маковскаго, Михайловскаго уѣзда, Григорій *Филатовъ* и Истобенскаго, Раненбургскаго уѣзда, Иванъ *Бутаковъ*, одноклассныхъ образцовыхъ: Дѣдиновскаго, Зарайскаго уѣзда, Семень *Ивановъ* и при станціи „Рязскъ II“ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги Сергѣй *Святиковъ*, сельскихъ: Ирицкаго, Спасскаго уѣзда, Сергѣй *Титковъ*, Витулинскаго, Сапожковскаго уѣзда, Иванъ *Муромскій*, Рязанскаго уѣзда: Насуровскаго Иванъ *Протопоповъ*, Стружанскаго Петръ *Окаемовъ*, Ушморскаго Тимофей *Аксинъ*, Спасъ-Клениковскаго Иванъ *Сысоевъ*, Волынскаго Михаилъ *Гарасеевъ*, Полянскаго Ефимъ *Митинъ*, Калдевскаго Василій *Кокоревъ*, Затишьевскаго Сергѣй *Гуськовъ*, Казарскаго Петръ *Воскресенскій*, Константиновскаго Павелъ *Ивановъ* и Истобниковскаго Егоръ *Миловзоровъ*, Касимовскаго уѣзда: Борковскаго Александръ *Чудотворцевъ*, Ждановскаго Александръ *Покровский*, Невѣровскаго Терентій *Матѣевъ*, Ломовскаго Ѳедоръ *Филкинъ*, Свинчусскаго Архипъ *Савинъ* и Борковскаго Тимофей *Харитоновъ*, Михайловскаго уѣзда: Щетининскаго Иванъ *Урбанскій*, Плахинскаго Василій *Давыдовъ*, Средне-Шурловскаго Василій *Рождественскій*, Глѣбовскаго Иванъ *Пичуинъ*, Виленскаго Николай *Скураговъ* и Мало-Дорогинскаго Григорій *Меліоранскій*, Сапожковскаго уѣзда: Смыковскаго Филиппъ *Филиповъ*, Завидовскаго Арсеній *Понкрушинъ*, Меньше-Можаловскаго Константинъ *Ястребовъ*, Поникскаго Сергѣй *Борковъ*, Стровскаго Семень *Воронцовъ*, Деревягинскаго Андрей *Кондрашевъ* и Воршевскаго Михаилъ *Воронцовъ*, Пронскаго уѣзда: Гребневскаго Иванъ *Григорьевъ*, Колѣнцовскаго Петръ *Цукановъ*, Никитинскаго: Михаилъ *Орминъ* и Николай *Стахановъ*, Рождественскаго Василій *Въшивескій*, Суйскаго Алексѣй *Сухановъ* и Истѣнскаго Петръ *Гьяляинъ* и Егорьевскаго уѣзда: Макшеевскаго Пётръ *Ѳедоровъ*, Среднековскаго Василій *Крутичатовъ* и Бобковскаго Николай *Бобровъ*, Канинскаго двухкласснаго образцоваго, Сапожковскаго уѣзда, Яковъ *Степаниковъ*, Егорьевскаго Хлудовскаго начальнаго Ѳедоръ *Мальцевъ*, учителя завѣдывающіе двухклассными министерства народнаго просвѣщенія училищами: Юреневскимъ сельскимъ, Вяземскаго уѣзда,

Яковъ *Бьяльцовъ*, Рыбковскимъ сельскимъ, Дорогобужскаго уѣзда, Нилъ *Васильевъ*, Шопотовскимъ Бѣльскаго уѣзда, Иванъ *Янинъ* и Тесовскимъ, Сычевскаго уѣзда, Петръ *Инатенковъ*, учителя училищъ: министерства народнаго просвѣщенія: Шопотовскаго двухкласснаго, Бѣльскаго уѣзда, Пикифоръ *Соколовъ* и одноклассныхъ сельскихъ: Дорогобужскаго уѣзда: Ромодановскаго Моисей *Щелкинъ* и Пушкинскаго Иванъ *Соколикъ* и Аванасовскаго, Вяземскаго уѣзда, Василій *Ильинъ*, помощникъ учителя Вержинскаго сельскаго начальнаго училища, Дорогобужскаго уѣзда, Павелъ *Оглоблинъ*, учителя училищъ: Бѣжскаго приходскаго Иванъ *Михайловъ*, начальныхъ народныхъ: Повоторскаго уѣзда, Архангельскаго Алексѣй *Ершовъ*, Климовскаго Иванъ *Галкинъ*, Скомороховскаго Иванъ *Матвеевъ*, Тверскаго уѣзда: Бурашевскаго Иванъ *Шевелевъ* и Кумординскаго Михаилъ *Воскресенскій*, Успенскаго начальнаго въ городѣ Торжкѣ Василій *Бьяльцевъ*, начальныхъ народныхъ: Грузинскаго Новоторскаго уѣзда Сергѣй *Нестеровъ*, Спировскаго, Корчевскаго уѣзда, Алексѣй *Бульгинъ*, Троицкаго Михаилъ *Вершинскій*, Ручьевскаго Викторъ *Воробьевъ*, Паскинскаго Семень *Костомаровъ*, Гайновскаго Алексѣй *Зыковъ*, Оедоровскаго Григорій *Лаврентьевъ*, Зиновьихинскаго Михаилъ *Косухинъ*, Красновскаго Петръ *Печетовскій*, Сутоцкаго Петръ *Прутенскій*, Садуновскаго Дмитрій *Тихомировъ*, Слободскаго Василій *Оивскій*, Квашенскаго Григорій *Алимовъ*, Николо-Опухтинскаго Гавріиль *Прянишниковъ*, Талдомскаго Николай *Симоновъ*, Семендяевскаго Владиміръ *Виноградовъ*, Совцынскаго Алексѣй *Морошкинъ*, Елисейевскаго Иванъ *Воскресенскій*, Корчевскаго приходскаго Александръ *Евдокимовъ*, Чудинскаго Иванъ *Яковлевъ*, Карамышевскаго Алексѣй *Вершинъ*, Крюковскаго Петръ *Успенскій*, Михайловскаго Николай *Мядяниковъ*, Порожскаго Павелъ *Медведевъ*, Туханскаго Николай *Петровыхъ*, Печетовскаго Иванъ *Сухановъ*, Юрьевскаго Александръ *Никольскій*, Дубровскаго Иванъ *Ронжиновъ* и начальныхъ: Бронницкаго уѣзда: Раменскаго Сергѣй *Холмооровъ*, Раменскаго Алексѣй *Носыревъ* и Раменскаго Николай *Парусниковъ* и Пятницкаго, Алексинскаго уѣзда, Григорій *Гудковъ*, учительница училищъ: русскаго женскаго городскаго начальнаго Вѣра *Устинская*, сельскихъ начальныхъ народныхъ: Рузскаго уѣзда: Булыгинскаго Лидія *Смѣльская*, Немировскаго Марія *Муратова*, Петровскаго Людмила *Рубинская* и Чановскаго Ольга *Епифанова*, Ново-Киструскаго женскаго министерства народнаго просвѣщенія Екатерина *Арбекова*, Саложковскаго женскаго начальнаго городскаго Елисавета *Макарьева*, Покровско-Гагаринскаго, Скопинскаго уѣзда, Татьяна *Ое-*

дотьева, сельскихъ: Залѣсно-Чулковскаго, Скопинскаго уѣзда, Анастасія *Васильева*, Раненбургскаго уѣзда, Карновскаго Александра *Павлинова* и Буховскаго Александра *Сереброва* и Кочуровскаго, Данковскаго уѣзда, Марія *Данковская*, Дмитріево-Погостинскаго женскаго однокласнаго образцоваго, Егорьевскаго уѣзда, Анна *Богородицкая*, женскихъ городскихъ начальныхъ: Рязскаго Анна *Проснякова*, Пронскаго Александра *Константинова*, Скопинскаго Лариса *Воскресенская* и Спасскаго Анастасія *Иванова*, сельскихъ Данковскаго уѣзда: Муравинскаго Вѣра *Любилова*, Политовскаго Евдокія *Фаддѣева*, Кривоноянскаго, Раненбургскаго уѣзда, Пелагея *Чумакова*, Зарайскаго уѣзда: Сѣвницкаго Марія *Гусева*, Луховическаго Анастасія *Орлова* и Ловецкаго Елисавета *Строилова*, Рязанскаго уѣзда: Шереметево-Песочинскаго Екатерина *Маслова*, Бусаевскаго Анна *Смирнова*, Ямскаго Александра *Сперанская*, Спасъ-Клениковскаго Варвара *Власова*, Солотчинскаго Александра *Пазомова*, Алешинскаго Александра *Вѣрина*, Ямскаго женскаго Ираида *Меженнинова*, Алтуховскаго Вѣра *Детлянская*, Рыково-Заборьевскаго Параскева *Гаврикова*, Семкинскаго Надежда *Никольская*, Волынскаго Марія *Гусевская* и Салауровскаго, Касимовскаго уѣзда, Мавра *Алексѣева*, Кензинскаго, Рязскаго уѣзда, Марія *Макова*, Сановскаго, Спасскаго уѣзда, Александра *Виталина*, Сапожковскаго уѣзда: Кривельскаго Евдокія *Милованова*, Никольскаго Анна *Смольева*, Больше-Можаровскаго Марія *Новоселова* и Карауловскаго Оекла *Феоктистова*, Матѣевскаго, Пронскаго уѣзда, Анна *Детлянская* и Мещерско-Высельскаго, Михайловскаго уѣзда, Варвара *Лазарева*; городскихъ приходскихъ: Рязанскаго 1-го, Александра *Смирнова*, Рязанскаго 2-го, Марія *Краснова*, Рязанскаго 3-го, Екатерина *Беневоленская*, Егорьевскаго, Екатерина *Смарагдова* и Касимовскаго, Юлія *Лебедева*, Ухоловскаго женскаго 2-хъ-класснаго образцоваго, Рязскаго уѣзда, Софія *Шалецкая*, Егорьевскаго Хлудовскаго женскаго начальнаго: Антонина *Доброхотова* и Александра *Смирнова*, сельскихъ начальныхъ народныхъ: Хорошовскаго, Рославльскаго уѣзда, Татьяна *Ноздровская*, Мольковскаго, Смоленскаго уѣзда, Оеодосія *Залѣтская*, Вяземскаго уѣзда: Покровскаго, Зинаида *Ефремова* и Царево-Займищевскаго, Ольга *Лебедева*, Перстенковскаго, Дорогобужскаго уѣзда, Александра *Руженцова* и Вѣльскаго уѣзда: Холоповскаго, Елена *Головкина*, Батуринскаго, Александра *Алексѣева*, Ляпкинскаго, Марія *Домошкова* и Понизовскаго, Анна *Юдетичъ*, нормальнаго начальнаго при Тверской женской земской учительской школѣ П. П. Максимовича, Екатерина *Яковлева*, начальныхъ въ гор. Твери: Со-

мовскаго: Антонина *Крестникова* и Людмила *Кириллова*, Затверецкаго, Стефанида *Ручкина*, Заволжскаго: Ольга *Вишнякова* и Надежда *Кобранова*, Александровскаго, Руфима *Соколова* и Пушкинскаго, Вѣра *Гусева*, начальныхъ народныхъ: Тверскаго уѣзда: Садыковскаго, Елисавета *Суходольская*, Крупшевскаго, Анна *Синева*, Кумординскаго, Лидія *Воскресенская* и Эммаусскаго, Антонина *Соболева*, Архангельскаго, Евдокія *Алексѣева*, Селиховскаго, Капитолина *Шевелева*, Неклюдовскаго, Ольга *Вяжирева*, Гайновскаго, Анна *Зыкова*, Погорѣльцевскаго, Евдокія *Косухина*, Вѣдновскаго, Анна *Мокеева*, Ильинскаго, Надежда *Павлова*, Санинкова, Параскева *Никонова*, Михайловскаго, Анна *Берзина*, Ярипскаго, Ольга *Глазовицкая*, Пикитскаго, Надежда *Пльинская*, Никулинскаго, Александра *Лаврова*, Константиновскаго, Софія *Носова*, Стельковскаго, Александра *Преображенская*, Спасскаго, Екатерина *Рослякова*, Старобисловскаго, Марія *Докучаева*, Георгіе-Хотчинскаго, Клавдія *Завьялова*, Плещевскаго, Елисавета *Израцова*, Богородскаго, Параскева *Кириллова*, Семеновскаго, Екатерина *Никольская*, Талдомскаго, Анна *Симонова*, Зятковскаго, Наталья *Судницына*, Скнятинскаго, Марія *Чередѣва*, Лавровскаго, Анна *Андропова*, Башвинскаго, Вѣра *Панова*, Кесовскаго, Юлія *Преферанская*, Карцевскаго, Ольга *Носова* и Николо-Тютчевскаго, Марія *Головина*, приходскихъ: Вышневолоцкихъ: третьяго, Лариса *Бминова* и четвертаго, Ольга *Воскресенская* и Осташковскаго мужскаго, Ирина *Давыдова* и Надежда *Михайловская*, начальныхъ народныхъ: Березкинскаго, Марія *Федулова*, Мало-Козловскаго, Капитолина *Романовская*, Ильинско-Зашегринскаго, Екатерина *Коновалова*, Коломенскаго, Марія *Архангельская*, Ясеновскаго, Елисавета *Орлова*, Котловановскаго, Вѣра *Ламсакова*, Паношинскаго, Елисавета *Танина*, Поддубскаго, Елисавета *Малета* и Елисавета *Сибирская*, Подольскаго Александра *Дешевая*, Старопасонскаго Марія *Чубакова*, Федовскаго Аграфена *Сомихина*, Холохоленскаго Любовь *Лебедева*, Борзынскаго Екатерина *Соколова*, Дмитровскаго Валентина *Миролюбова*, Заевскаго Елисавета *Антонова*, Звягинскаго Евгенія *Троицкая*, Селижаровскаго Любовь *Колтыпина*, Ивановскаго Анна *Гумилина*, Борщовскаго Пелагея *Козева*, Борисковскаго Ольга *Бьялева*, Власихскаго Анастасія *Бьялкова*, Горбачевскаго Софія *Градова*, Дорскаго Екатерина *Улова*, Дроздѣвскаго Татьяна *Покровская*, Залужскаго Марія *Сылкина*, Краснохолмскаго Анна *Варенцова*, Лукнинскаго Анна *Воскресенская*, Макаровскаго Анна *Голованова*, Монаковскаго Ирина *Мьдяникова*, Никольскаго Паталія *Воскресенская*, Нивицкаго Ольга *Никольская*, Павскаго

Евдокія *Плотникова*, Пневскаго Татьяна *Красавцева*, Путиловскаго Марія *Андреева*, Ргненскаго Евдокія *Варенцова*, Савеловскаго Лукія *Смирнова*, Сушигорницкаго Марія *Соболева*, Титовскаго Елисавета *Страхова*, Ушовскаго Анна *Гаттенбергъ*, Кимрскаго Вознесенскаго Анна *Болдырева*, Лосевскаго Александра *Плетнева*, Неклюдовскаго Юлія *Никотина*, Новосельскаго Антонина *Соловьева*, Паскшнскаго Серафима *Костомарова*, Поповскаго Анна *Іерусалимская*, Федоровскаго Павла *Лаврентьева* и Печетовскаго Зинаида *Колычева*, начальныхъ: Ашитковскаго, Бронницкаго уѣзда, Евдокія *Лебедева*, Новосильскаго уѣзда, Безобразовскаго Екатерина *Глаголева*, Глубковскаго Раиса *Инатьева*, Колтовскаго Наталія *Ильинская*, Кругловскаго Варвара *Малаховская*, Киришовскаго Анастасія *Оболенская*, Влжевскаго 2-го Екатерина *Орлова*, Архангельскаго Надежда *Свиридова* и Косаревскаго Марія *Филатова* и Алексинскаго уѣзда: Першинскаго Людмила *Воскобойникова*, Ново-Яковлевскаго Елисавета *Донорская*, Страховскаго Капитолина *Руднева* и Подмоковскаго Александра *Шенбергъ* и приходскихъ: Алексинскаго мужскаго городскаго Анна *Покровская* и Алексинскаго женскаго Александра *Вишлинская* и учительская помощница Дорогобужскаго приходскаго училища Юлія *Смольянинова*; по Казанскому учебному округу: преподавательница Сызранской женской гимназіи Анастасія *Дряхлова*, учителя училищъ: Лаишевскаго городскаго мужскаго приходскаго Василій *Мельниковъ*, Казанскаго V-го начальнаго Михаилъ *Гудковъ*, Казанской русско-татарской школы Мирхязъ *Иманаевъ*, сельскихъ училищъ: Масловскаго, Спасскаго уѣзда, Петръ *Самарцевъ*, Больше-Тоябинскаго, Тетюшскаго уѣзда, Андрей *Григорьевъ*, Банновскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Петръ *Брастовъ*, Лаишевскаго уѣзда: Масловскаго, Василій *Орловъ*, Урѣво-Челнинскаго Андрей *Семеновъ*, Верхне-Сердинскаго Гавріиль *Григорьевъ* и Верхне-Казыльскаго Иванъ *Семеновъ*, учительницы училищъ: начальныхъ городскихъ женскихъ: Тетюшскаго Евгенія *Смирнова* и Чебоксарскаго Софія *Псарева* и начальныхъ гор. Казани: Петровскаго женскаго Варвара *Ронинская*, десятаго Зинаида *Смирнова* и пятнадцатаго женскаго Елисавета *Кузнецова* и сельскихъ: Казанскаго уѣзда: Мало-Лызинскаго Екатерина *Макарова*, Савиновскаго Екатерина *Никитина* и Сабакинскаго Анастасія *Гурьянова*, Спасскаго уѣзда: Новоспасскаго Евдокія *Тисомирова* и Левашовскаго Леонилла *Соколова* и Лаишевскаго уѣзда: Емельяновскаго Любовь *Яковлева*, Танѣевскаго Надежда *Землина*, Ключищинскаго Ирина *Павлова* и Остолоповскаго Ольга *Кремкова*, помощница учителя Лаишевскаго городскаго мужскаго приходскаго училища Елисавета *Мельникова* и по-

мощница учительницы Чебоксарскаго городского женскаго училища Клавдія *Степанова*; по Оренбургскому учебному округу: учительница Таушинскаго начальнаго народнаго училища, Осинскаго уѣзда, Лидія *Волкова*, завѣдывающій Судинскимъ двухкласснымъ училищемъ, Осинскаго уѣзда, Сергѣй *Богородскій*, учительница Осинскаго городского приходскаго училища Марія *Жемчужникова*, учителя училищъ: Оренбургскаго 8-го мужскаго приходскаго Николай *Сипшинъ* и Маслейскаго начальнаго народнаго, Челябинскаго уѣзда, Николай *Шубинъ*, учитель Оренбургскаго русскаго класса при медресе Хаджіахметъ *Байтеряковъ*, учителя училищъ: Баймурзинскаго инородческаго, Бирскаго уѣзда, Алексѣй *Сизовъ*, Челкаовскаго башкирскаго, Бирскаго уѣзда, Мифтахединъ *Сайдашевъ*, Бакалинскаго начальнаго народнаго, Белебеевскаго уѣзда, Михаилъ *Тазовъ* и Миряевскаго инородческаго, Белебеевскаго уѣзда, Гизетулла *Абдуль-Каримовъ*, бывшій учитель Касевскаго двухкласснаго училища, Бирскаго уѣзда, Николай *Буланжинъ*, учителя училищъ: Нижнейскаго русско-башкирскаго, Шадринскаго уѣзда, Хайдаргалій *Султаналиевъ*, двухклассныхъ: Пожевскаго, Соликамскаго уѣзда, Александръ *Терехинъ* и Чердынскаго уѣзда: Вильгортскаго Константинъ *Филатовъ* и Юрлинскаго Андрей *Зайцевъ*, начальныхъ народныхъ: Чердынскаго уѣзда: Пакчинскаго Иванъ *Кондрашинъ*, Юмскаго Максимъ *Мырзинъ* и Цидвинскаго Егоръ *Камневъ* и Богородскаго, Пермскаго уѣзда, Николай *Ладыжниковъ*, бывшая учительница Куртамышскаго женскаго начальнаго училища, Челябинскаго уѣзда, Аполлинарія *Броневская*, учительницы училищъ, Оренбургскаго смѣшаннаго, содержимаго обществомъ приказчиковъ, приходскаго Татьяна *Карандакова*, начальныхъ народныхъ: Челябинскаго уѣзда: Щучинскаго Елисавета *Мутовкина*, Алабужскаго Евгенія *Краснова*, Варлаковскаго Марія *Дмитріева* и Карачельскаго Екатерина *Земляничкина*, Каргалинскаго, Оренбургскаго уѣзда, Марія *Ухина*, Бирскаго уѣзда: Сарсинскаго Александра *Касимовская* и Усы-Степановскаго Марія *Деньщикова*, Белебеевскаго уѣзда: Верхнетроицкаго Любовь *Бруина*, Нижнетроицкаго Елисавета *Алафузова*, Покровскаго Екатерина *Михеева* и Михайловскаго (Дурасовскаго) Екатерина *Торашева*, Ново-Песковскаго, Шадринскаго уѣзда, Лидія *Тепляшенина*, Соликамскаго уѣзда: Ощепковскаго Надежда *Попова*, Кудымкорскаго женскаго Александра *Процекальникова*, Воскресенскаго Надежда *Притчини* и Усть-Косьвинскаго Конкордія *Топоркова*, Осинскаго уѣзда, Осинскаго приходскаго Евдокія *Яковкина*, Бикбардинскаго Глафира *Третьякова* и Аряжскаго Надежда *Кеймъ* и Чердынскаго уѣзда: Чи-

гиробскаго Екатерина *Глаголева*, Чажеговскаго Марія *Денисова*, Пачинскаго Юлія *Котлецова* и Ныробскаго Марія *Попова*, помощницы учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ Оханскаго уѣзда: Очерскаго женскаго Инна *Попова* и Верхъ-Очерскаго Марія *Плетнева* и помощницы учителей двухклассныхъ училищъ: Пермскаго уѣзда: Пермскаго приходскаго Марія *Титкова* и Пермскаго 2-го мужскаго Агнія *Селятина*; по Харьковскому учебному округу: учителя училищъ: двухклассныхъ: начальнаго министерства народнаго просвѣщенія при станціи „Ворожба“ Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги, Сумскаго уѣзда, Давидъ *Юзю* и Казанскаго, Донской области, Андрей *Власовъ* и Михаилъ *Шумилкинъ*, Ульяновскаго народнаго, Сумскаго уѣзда, Яковъ *Преметко*, начальнаго на Сулиновскомъ заводѣ П. П. Пастухова, Донской области: Иванъ *Ивакинъ* и Георгій *Аванасевъ* и приходскихъ, Донской области: Веселовскаго, Авраамъ *Самсоновъ*, Хомутовскаго Иванъ *Леоновъ*, Каменскаго: Иванъ *Сазоновъ* и Іосифъ *Науольновъ*, Верхне-Митякинскаго Павелъ *Розинъ*, Земцово-Боксовскаго Иванъ *Писковатсковъ*, Волченскаго Иванъ *Чуреиновъ*, Кочетовскаго Степанъ *Бирюковъ*, Арчадинскаго Семенъ *Ефремовъ*, Островскаго Прокопій *Марковъ*, Егоровскаго Яковъ *Волковъ*, Рязуваевскаго Иванъ *Себряковъ* и Ермаковскаго Стефанъ *Кондрашевъ*, смотрительница Великокняжескаго женскаго четырехкласснаго училища Татьяна *Иванова*, учительницы училищъ: Харьковскаго городского приходскаго имени генераль-адъютанта М. Д. Скобелева Марія *Давыдова*, Донской области: Пономаревскаго Ольга *Писковатскова*, Нижне-Чирскаго женскаго четырехкласснаго Антонина *Овечкина* и женскаго 3-го разряда: Луганскаго Александра *Завьялова* и Митякинскаго Пелагея *Луова* и Ростовскаго-на-Дону мѣщанскаго мужскаго начальнаго народнаго Марія *Абаза*; по Одесскому учебному округу: учителя училищъ: Одесскаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго Акимъ (Акиба) *Мазоръ*, министерства народнаго просвѣщенія: одноклассныхъ сельскихъ: Аккерманскаго уѣзда: Михайловскаго Андрей *Букинъ* и Кокланскаго Николай *Барбаровъ* и Матеуцкаго, Оргѣвскаго уѣзда, Сергій *Корсунъ* и двухклассныхъ: Бахмутскаго уѣзда: Гришменскаго желѣзнодорожнаго Иванъ *Притуленко* и Владиміръ *Сидоренко* и при Донецкомъ содовомъ заводѣ Любимовъ, Салье и К^о Павелъ *Христіановскій*, начальныхъ Одесскаго 2-го двухкласснаго еврейскаго Калменъ-Беръ *Ландитрассъ*, Ананьевскаго уѣзда: Криво-Озерскаго Валеріанъ *Делинскій*, Гвоздовскаго Антоній *Митрофановскій*, Завадовскаго Михаилъ *Діоцунъ* и Мостовскаго Василиій *Стрѣлецкій*, Новомосковскаго уѣзда:

Новомосковского Полякарпъ *Шереметьевъ*, Николаевского Иванъ *Никоновъ* и Пеньковского Григорій *Чернушенковъ*, Нелѣповскаго Бахмутскаго уѣзда, Григорій *Гладновъ*, Тираспольскаго № 4 Петръ *Лазаренко* и Елисаветградскаго Завадовскаго Дмитрій *Пилипенко* и нѣмецкихъ церковно-приходскихъ: Тираспольскаго уѣзда, Коноплевскаго Александръ *Гросвальдъ* и Ней-Березанскаго Иванъ *Бейтельштахеръ* и Посталяскаго, Аккерманскаго уѣзда, Христіанъ *Герлингъ*, содержатель частнаго еврейскаго мужскаго училища въ городѣ Одессѣ Яковъ *Каминскій*; учительницы училищъ: Кишиневскаго 3-го приходскаго Ека-терина *Россетъ*, Драсличанскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія сельскаго, Кишиневскаго уѣзда, Доминикія *Деминская* и начальныхъ: Бахмутскаго уѣзда: Александро-Шультенскаго Марія *Артановская*, Андреевскаго Александра *Алекстеева*, Ясиноватскаго Александра *Васютинская* и Серебрянскаго Татьяна *Верещкая*, Θεодосійскаго уѣзда: Насыпшайскаго Евгенія *Семенченко-Даченко* и Владиславскаго Капитолина *Кобанъ* и Одесскаго № 19 Раиса *Гуляева*, содержательницы профессиональныхъ частныхъ женскихъ еврейскихъ въ гор. Одессѣ: втораго разряда: Марія *Глазеръ-Дзюбинъ* и Анна *Тончукъ-Гецельдъ* и третьяго разряда Марія *Вассербергъ*; учителя-завѣдывающіе училищами: Чадырь-Лунгскимъ 2-хъ-класснымъ министерства народнаго просвѣщенія, сельскимъ, Бендерскаго уѣзда, Георгій *Кюссе*, Орловскимъ центральнымъ, того же уѣзда, Корнелій *Уиру* и Симферопольскимъ евангелическо-лютеранскимъ начальнымъ Адольфъ *Армакъ*, учителя училищъ: центральныхъ, Бердянскаго уѣзда: Орловскаго: Иванъ *Брейль* и Иванъ *Яценъ* и Гальштаттскаго: Вильгельмъ *Нейфельдъ* и Давидъ *Дикъ*, нѣмецкихъ начальныхъ, Мелитопольскаго уѣзда: Вальдорфскаго Лоренцъ *Кауль*, Фридрихфельдскаго Фридрихъ *Штихлингъ*, Альтнассатскаго Эмили-Фридрихъ *Бланкъ*, Лейтергаузенскаго Петръ *Геймъ* и Эйгенфельдскаго Рейнгольдъ *Вернеръ*, сельскихъ одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія, Измайлскаго уѣзда: Баймаклійскаго Николай *Тимошенко* и Карагачскаго Николай *Сопатовъ* и Камснскаго начальнаго, Новомосковского уѣзда, Иванъ *Мороховецъ*, учительницы-завѣдывающія женскими приходскими училищами: Бендерскимъ Надежда *Рекало* и Измайлскимъ Александровскимъ 2-хъ-класснымъ Марія *Трещина* и учительницы училищъ: приходскихъ женскихъ: Бендерскаго Леонида *Гамолко* и Вилковскаго однокласснаго, Измайлскаго уѣзда, Ольга *Нанко*, Біясальскаго начальнаго народнаго, Симферопольскаго уѣзда, Екатерина *Наумова* и Резенскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія сель-

скаго, Кишиневскаго уѣзда, Варвара *Вукотичъ*; по Кіевскому учебному округу: учитель Мринской ремесленной школы *Василій Буай*; по Кавказскому учебному округу: учительницы училищъ: министерства народнаго просвѣщенія: одноклассныхъ: Повогригорьевскаго перваго Екаторина *Хмаладзе*, Медвѣженскаго перваго Олимпіада *Ефимова* и Развиленскаго *Марія Забаровская* и начальныхъ: Ставропольскихъ: Повофорштадскаго *Марія Карманова* и Варваринскаго *Вѣра Васильева*, завѣдывающій Воронцово-Александровскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ *Георгій Коноваловъ* и учитель Романовскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища *Христіанъ Цахеръ*, учительницы начальныхъ училищъ: Старомышастовскаго женскаго *Елена Бровченко*, двухклассныхъ Медвѣдовскаго *Анна Билличенко*, Старощербиновскаго *Марія Иванченко*, Брюховецкаго *Анастасія Дрозжина* и Павловскаго *Людмила Кривцова*, Переяславскаго женскаго *Софія Мельникова* и Крыловскаго станичнаго *Варвара Рязанская* и завѣдывающая Ейскимъ 1-мъ женскимъ училищемъ *Анастасія Семенова*; по Туркестанскому краю: смотрительница Ташкентскаго Маріинскаго женскаго училища *Александра Свинцова*, учительница Лецинскаго приходскаго женскаго училища *Евдокія Оедорова*, завѣдывающая Никольскимъ женскимъ приходскимъ училищемъ *Анна Кошурникова*, завѣдывающая приходскими училищами: Грозненскимъ *Никита Буровъ*, Казалинскимъ мужскимъ *Андрей Кондратьевъ*, Чернорѣченскимъ *Василій Сикеетовъ* и Кауфманскимъ *Михаилъ Сидоровъ* и русско-гузскими школами: Ходжентскою *Оедоръ Веретенниковъ*, Ташкентскою 2-ю *Галій-Аскаръ-Байрамъ Калининъ* и Ауліеатинскою *Филипъ Колесниковъ* и по Приамурскому краю: старшіе учителя двухклассныхъ приходскихъ училищъ: Байхорскаго *Николай Степурскій* и Желтуринскаго *Дмитрій Ждановъ*; старшая учительница Калгинскаго двухкласснаго приходскаго училища *Екатерина Лещицкая* и учительница Нерчинскаго Михайловскаго приходскаго городского училища *Марія Толмачина*.

Поименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, 24-го ноября 1903 года, *медалями съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на шею: *золотыми на лентѣхъ: Андреевской:—членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища, купецъ Павелъ Дрезмейеръ; Александровской: первой гильдіи купцы: почетный попечитель Александровскаго учи-*

тельскаго института въ Тифлисѣ Шамси-Гаджи-Асадулла-заде *Асадуллаевъ* и почетный блюститель Троицкаго двухкласснаго русско-татарскаго училища Абдулвалій *Яуиевъ* и второй гильдіи купцы: староста церкви при Ташкентской мужской гимназіи Александръ *Блиновскій* и почетный попечитель Кутаисской гимназіи и почетный смотритель Дербентскаго городского училища Юлій *Гиттисъ*; *Владимірской*: потомственные почетные граждане: почетный попечитель Иркутской учительской семинаріи Александръ *Второвъ* и попечитель Перскаго начальнаго училища, Устюжскаго уѣзда, Дмитрій *Позднеевъ*; первой гильдіи купцы: почетный блюститель Чернорѣцкаго двухкласснаго училища, Балахнинскаго уѣзда, Николай *Смирновъ* и почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ Адрианъ *Пятидесятниковъ*, почетный смотритель Нѣжинскаго четырехкласснаго городского училища, второй гильдіи купецъ Яковъ *Дмитренко*, почетные блюстители приходскихъ училищъ: Канскаго женскаго, второй гильдіи купецъ Семенъ *Тимофеевъ* и Евпаторійскаго втораго, второй гильдіи купецъ Илья *Васильевъ*, членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ, второй гильдіи купецъ Павелъ *Коротавъ*, предсѣдатель попечительнаго совѣта Весьегонской женской прогимназіи, купецъ Ефремъ *Ефремовъ*, Читинскій второй гильдіи купецъ Степанъ *Красиковъ* и с.-петербургскій второй гильдіи купецъ Георгій *Борманъ*; *Аннинской*: попечитель Глобинскаго начальнаго народнаго училища, Кременчугскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Михаилъ *Шапошиковъ*, писецъ департамента народнаго просвѣщенія, личный почетный гражданинъ Иванъ *Никитинъ*, почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ, сынъ первой гильдіи купца Иванъ *Замитинъ*, почетный смотритель Оренбургскаго перваго городского училища, второй гильдіи купецъ Гавріилъ *Оглодковъ*, почетный смотритель и предсѣдатель попечительства Ташкентскаго ремесленнаго училища, купецъ Петръ *Собенниковъ*, попечители училищъ: Валуйскаго городского приходскаго и Казанскаго женскаго, второй гильдіи купецъ Николай *Ивановъ*, Щербинскаго начальнаго купецъ Іосифъ *Тютинъ* и Калачевскаго двухкласснаго, Донской области, временный купецъ Семенъ *Кравченко* и староста церкви при Тифлисской второй гимназіи, изъ иностранныхъ дворянъ Халдійской епархіи въ Малоі Азіи, принявшій русское подданство, Георгій *Кундуровъ*, и *Станиславской*: учитель-завѣдывающій Новоукраинскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Елисаветградскаго уѣзда, Петръ *Сисаревскій*, завѣдывающій Таганскимъ двух-

класснымъ училищемъ, Каневского уѣзда Алексѣй *Бычковъ*, почетный смотритель Новогоріевскаго городского трехкласснаго училища потомственный почетный гражданинъ Владиміръ *Шапошниковъ*, потомственный почетный гражданинъ Зельманъ *Зусьманъ*, учителя училищъ: Никольскаго начальнаго, Покровскаго уѣзда, Аркадій *Алякринскій*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Никольскаго при фабрикѣ Викулы Морозова: Иванъ *Архангельскій*, Иванъ *Озерецкій* и Петръ *Былинскій* и Мошенскаго, Судогодскаго уѣзда, Павелъ *Музалевскій*; однокласснаго желѣзнодорожнаго на станціи „Нижегородъ-Провскъ“, Повомосковскаго уѣзда, Николай *Озеровъ*, Верхне-Ландеховскаго начальнаго, Гороховецкаго уѣзда, Николай *Сперанскій*, Егорьевскаго Хлудовскаго фабричнаго начальнаго Михаилъ *Дмитриевъ*, Егорьевскаго женскаго городского приходскаго Андрей *Терновскій*, сельскихъ начальныхъ: Тарусскаго уѣзда: Мышегозаводскаго Михаилъ *Пиуновскій*, Сашкинскаго Сергѣй *Мусатовъ* и Заворовскаго Николай *Боголюбовъ* и Драсличенскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія: Кшишевскаго уѣзда, Владиміръ *Делинскій*, попечитель Острожской талмудъ-торы, второй гильдіи купецъ Кельманъ *Френкель* и Пятигорской второй гильдіи купецъ Гавріиль *Власовъ*; и серебряными на лентахъ: Александровской: второй гильдіи купцы: почетный смотритель Бериславскаго городского четырехкласснаго училища, Херсонскаго уѣзда, Евграфъ *Пономаренко* и членъ попечительнаго совѣта Нерчинской Софійской женской прогимназіи Евграфъ *Эповъ*; Владимірской: потомственные почетные граждане: классные надзиратели мѣщанскаго мужскаго училища московскаго купеческаго общества Иванъ *Постыловъ* и Владиміръ *Скворцовъ*, почетный блюститель Котлубанскаго народнаго, Качалинскаго, Вертячевскаго и Иловненскаго приходскихъ училищъ, Донской области, личный почетный гражданинъ Гавріиль *Бабушкинъ*, членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ, первой гильдіи купецъ Ефимъ *Замятинъ*, почетный блюститель Салкоуцкаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища Бендерскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Петръ *Недовъ*, саратовскій второй гильдіи купецъ Илья *Медведевъ* и отставные унтеръ-офицеры: служитель при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Дмитрій *Строгановъ*, швейцаръ С.-Петербургской пятой гимназіи Антонинъ *Торбинъ* и служитель Шуйской мужской гимназіи Фаддей *Ефимовъ*; Амурской: начальницы женскихъ гимназій: Смоленской второй Варвара *Ромейко-Гурко* и Тифлисскаго первой великой княгини Ольги Теодоровны Маг-

далина *Клаусъ*, вдова штабсъ-капитана Елизавета *Семенова*; потомственные почетные граждане: почетный блюститель Шилкинского двухкласснаго приходскаго училища Евгений *Нельмъровъ* и попечитель Есинскаго начальнаго народнаго училища Константинъ *Сушкинъ*, почетный членъ попечительнаго совѣта Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища, личный почетный гражданинъ Петръ *Мушинъ*; второй гильдіи купцы: почетные блюстители училищъ: Миасскаго однокласснаго мужскаго Троицкаго уѣзда, Павель *Дунаевъ* и Камышевскаго и Хорошевскаго приходскихъ, Донской области, Иванъ *Воронинъ*, фельдшеръ при пансіонѣ Оренбургской гимназіи Игнатій *Балтакъ*, служитель Императорскаго Казанскаго университета, отставной фрейерверкеръ Егоръ *Михайловъ*, учитель гимнастики Казанской татарской учительской школы, отставной фельдфебель Мифтахутинъ *Шамсутдиновъ*, отставные унтеръ-офицеры: служитель Императорскаго С.-Петербургскаго университета Дмитрій *Бутинъ*, швейцаръ частной женской гимназіи М. Ѳ. Калайдовичъ въ Москвѣ Петръ *Юровъ*, служитель Киевской первой гимназіи Артемій *Шовкунъ*, швейцаръ С.-Петербургскаго реальнаго училища Богинскаго Максимъ *Ниловъ* и служитель Екатеринбургскаго реальнаго училища Абрамъ *Кощеевъ* и вяхтинскій мѣщанинъ Егоръ *Самаринъ*, и *Станиславской*: почетная блюстительница Кударинскаго казачьяго двухкласснаго училища, потомственная почетная гражданка Серафима *Синицына*, личные почетные граждане: корреспондентъ Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Коноваловъ* и почетный блюститель Чугунно-Радичкаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Брянскаго уѣзда, Павель *Маркинъ*, лекторъ японской словесности при Восточномъ институтѣ, японскій подданный Маеда *Кіюцуцу*, классный надзиратель мѣщанскаго мужскаго училища московскаго купеческаго общества изъ личныхъ почетныхъ гражданъ Петръ *Соболевъ*, попечитель Читинскаго ремесленнаго училища Императора Николая II, первой гильдіи купецъ Константинъ *Колешъ*, Баргузинскій первой гильдіи купецъ Яковъ *Фризеръ*, второй гильдіи купцы: почетный блюститель Паурскаго двухкласснаго станичнаго училища Яковъ *Марцвеладзе* и почетный смотритель Никопольскаго городского трехкласснаго училища Алексѣй *Ченовъ*, почетный блюститель Майкопскаго перваго городского училища, купецъ Макарій *Терзиевъ*, попечитель Велико-Вражскаго земскаго училища, Нижегородскаго уѣзда, купецъ Николай *Банкировъ*, Вологодскій второй гильдіи купецъ Николай *Кубряковъ*, помощникъ фактора типографіи Императорской Академіи

Науку, сынъ штурмана Карлъ *Крузе*, попечитель Липноанглийскаго начальнаго народнаго училища, Бердянскаго уѣзда, поселянинъ Яковъ *Зудерманъ*, служители гимназій: С.-Петербургской первой, запасный фельдшеръ Александръ *Рачевъ* и Корочанской Александровской, мѣщанинъ Кирилль *Кривобоковъ*, учителя училищъ: Серебряницкаго начальнаго, Тихвинскаго уѣзда, Алексѣй *Андрехсонъ*, Ставровскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Владимірскаго уѣзда, Петръ *Наумовъ*, Пикольскаго начальнаго, Покровскаго уѣзда, Никита *Палладинъ* и Афанасій *Палладинъ*, Павловскаго перваго приходскаго Ѳедоръ *Мокровъ*, Липногорскаго однокласснаго образцоваго начальнаго народнаго, Тихвинскаго уѣзда, Михаилъ *Мясниковъ*, Атяшевскаго, Ардатовскаго уѣзда, Алексѣй *Терехинъ*, Егорьевскаго женскаго городского приходскаго Маріянъ *Добрынинъ* и Александровскаго городского приходскаго Гавріиль *Доброшчевъ* и староста церкви при пансіонѣ Рязанской гимназій, цеховой Гавріиль *Федотовъ* и для пошенія на груди: золотыми на лентахъ: Аннинской: попечительница Гжатской Александровской женской прогимназій, графиня Вѣра *Татищева*, почетная блюстительница Болотинскаго, Бисериканскаго и Кажбинскаго сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ, Бѣлецкаго уѣзда, вдова генераль-маіора Розалія *Клокачева*, вдова генераль-маіора графиня Екатерина *Клейнмихель*, начальницы женскихъ гимназій: Шуйской Серафима *Ананьина*, Бѣльской Вѣра *Цызырева* и частной Ржевской въ Москвѣ Любовь *Ржевская*, главная надзирательница Бѣлостокской женской гимназій Лидія *Иванницкая-Василенко*, учительницы женскихъ гимназій: Одесской О. Г. Шольцъ Софія *Фокина*, Бердянской: Софія *Потова* и Вильгельмина *Сессаревская*, Анапьевской Маріинской Анна *Лукашевичъ*, Николаевской Маріинской Зинаида *Нечкина*, Николаевской второй Марія *Филипповичъ* и Асхабадской Елизавета *Орахелавили*; классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Тульской второй Александра *Лебединская*, М. О. Калайдовичъ въ Москвѣ Евгенія *Аванасьева* и Херсонской первой Евгенія *Богушевская*, классная дама Московской частной женской гимназій г. Пусселя Александра *Сивостьянови*, начальница Юхновской женской прогимназій Марія *Лизовская*, содержательницы С.-Петербургскихъ частныхъ учебныхъ заведеній: Елизавета *Рыбикова-Штейнъ* и Татьяна *Тарасова*, попечительница Сумскаго женскаго училища Марія *Лоренцъ-фонъ-Эблингъ*, почетная блюстительница Тесовскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Сычевскаго уѣзда, Марія *Тимофьева*, учительница—завѣдывающа

Казанскимъ XIV Петровскимъ городскимъ женскимъ начальнымъ училищемъ Марія *Аникина*, учительницы—училищъ: Акташскаго мужскаго земскаго, Мензелинскаго уѣзда, Агриппина *Дударь*, Новодмитріевскаго перваго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія Марія *Карабашева*, Меденковскаго женскаго начальнаго Елизавета *Восійкови* и Старо-Пьяно-Борскаго земскаго однокласснаго, Мензелинскаго уѣзда, Фанна *Шаловская*, попечительница Тыраспольскаго № 7 городского начальнаго училища Домника *Тимченко*, почетная попечительница Вешенскаго женскаго 3-го разряда училища, Донской области, дочь войсковаго старшины Софья *Попова*, почетная блюстительница частнаго женскаго училища въ гор. Енисейскѣ Вѣра *Баладина*, содержательница и учительница частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда Марія *Рубашкина*, преподавательницы Усачевско-Чернявскаго женскаго училища: Марія *Потулова* и Августа *Иванова*, попечительница Башкировскаго женскаго начальнаго училища въ Нижнемъ-Повгородѣ, жена мануфактуръ-совѣтника, Анна *Башикирова*, староста церкви Кіевской четвертой гимназіи, потомственный почетный гражданинъ Иванъ *Розовъ*, попечительница Добрянскаго женскаго начальнаго училища, Пермскаго уѣзда, вдова личнаго почетнаго гражданина Любовь *Смалева*, первой гильдіи купцы: почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ Николай *Поляковъ* и почетный блюститель Тамирскаго двухкласснаго училища Иванъ *Коркинъ*, второй гильдіи купцы: почетный членъ попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ Пикифоръ *Новицкій* и почетный попечитель Тотемской учительской семинаріи Константинъ *Замятинъ*, вдова второй гильдіи купца Гея *Эльманъ*, членъ попечительнаго совѣта Ставропольской Ольгинской женской гимназіи купецъ Андрей *Меслякинъ*, почетный блюститель Лабинскаго Александровскаго двухкласснаго училища купецъ Константинъ *Сушковъ*, почетный смотритель Орѣховскаго городского трехкласснаго училища, сынъ купца, Иванъ *Шестаковъ* и служитель Императорскаго С.-Петербургскаго университета, заласный унтеръ-офицеръ Дмитрій *Кутиковъ*, и *Статиславской*: главная надзирательница Самаркандской женской гимназіи Надежда *Шейкеръ*, классная надзирательница Кутанскаго женскаго учебнаго заведенія св. Инны Ольга *Тирютина*, учительницы женскихъ гимназіи: Одесской Маринской: Ольга *Мирецъ*, Анна *Бажанова* и Елена *Гильковская*, Херсонской второй Евгенія *Крижановская*, Ставропольской св. Александры Анна *Жаритцева*, Орловской Николаевской Антонина *Кедрова*, Одесской С. И. Видинской Юлія *Усаневичъ*,

Николаевской второй Анна *Волдвиченская*, Херсонской первой Юлія *Морозова* и Антонина *Литвинова* и Орловской Николаевской Анастасія *Попова*, воспитательница Ставропольской женской св. Александры гимназіи Вѣра *Поколовская*, классныя надзирательницы женскихъ гимназіи: Одесской Маріинской Марія *Масловская* и Ольга *Фролова*, Николаевской Маріинской Екатерина *Кузнецова*, Одесской С. П. Видинской Марія *Виллеръ*, Одесской Г. Р. Березиной Ольга *Березина*, Херсонской первой Варвара *Березина*, Тульской второй Ольга *Заведеева* и частной М. Ѳ. Калайдовичъ въ Москвѣ Александра *Надеждина* и Ольга *Нечаева*, начальница Камышловской женской прогимназіи Елизавета *Ковалихина*, надзирательницы Орловской Николаевской женской гимназіи Евгения *Казачекъ*, Ольга *Критская* и Марія *Волохова*, преподавательница частной женской гимназіи Е. Е. Константъ въ Москвѣ Луиза *Фельшъ*, учительница и классная надзирательница Тифлисской третьей женской гимназіи Александра *Козьмина*, учительницы Тульской второй женской гимназіи: Матильда *Преторіусъ*, Елизавета *Юргенсонъ* и Юлія *Баранова*, учительницы женскихъ прогимназіи: Гжатской Александровской Антонина *Михайлова*, Александропольской Екатерина *Моисеева* и Дорогобужской Елизавета *Яковлева*, учительница приготовительнаго класса Читинской женской гимназіи Лидія *Козлова*, учредительница и содержательница частнаго бесплатнаго еврейскаго профессиональнаго училища въ гор. Симферополь Анна *Зусмановичъ*, учительницы училищъ: Ново-Петровскаго начальнаго народнаго, Бирскаго уѣзда, Наталія *Кудрявцева*, Оренбургскаго VI мужскаго приходскаго Татьяна *Блашинина*, одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Воронцовскаго Пелагія *Рибезеръ*, Бешпагирскаго перваго Марія *Яновская*, Прасковейскаго перваго Анна *Вишлеевская*, Александрійскаго Екатерина *Остроумова* и Карагачскаго женскаго, Измаильскаго уѣзда, Марія *Волтача*, городскихъ начальныхъ гор. С.-Петербурга: Адмиралтейскихъ женскихъ: перваго Надежда *Добржинская*, втораго Елизавета *Храмова* и третьяго мужскаго Евгения *Картинская* и Казанскаго восьмаго женскаго Елизавета *Архиреева*, и начальныхъ: Очерскаго женскаго Охалскаго уѣзда, Александра *Попова* и Владимірскаго уѣзда: Клементьевскаго Марія *Полетаева* и Порѣцкаго Анна *Оранская*, попечительница Тульской второй женской гимназіи потомственная почетная гражданка Марія *Балашова*, попечитель Николо-Желѣзовскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Иванъ *Кашиневъ*, учительница рукодѣлія и классная надзирательница Читин-

ской женской гимназіи Алоксандра *Вараксина*, второй гильдія купцы: почетные блюстители училищъ: Еленендорфскаго сельскаго Христофоръ *Фореръ*, Больше-Токмакскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія Генрихъ *Валль* и мѣщанскаго перваго казеннаго начальнаго въ гор. Москвѣ Тимофей *Подръжковъ*, попечительница Якутской женской гимназіи, жена купца Ольга *Пизтина*, попечительница Вязовскаго земскаго училища, Нижегородскаго уѣзда, жена купца Антонина *Ламанова*, почетный смотритель Ачинскаго городского трехкласснаго училища, сынъ купца, Иванъ *Максимовъ*, учительницы женскихъ гимназіи: Николаевской Мариинской Юлія *Воронцова*, Херсонской первой: Прасковья *Шило*, Елизавета *Казанская*, Елена *Петрова*, и Эмма *Рудольфъ*, Шуйской Анна *Павлова*, частныхъ въ Москвѣ: г. Пуссель Альма *Пралъ* и Ю. П. Бесъ Александра *Тейгъ*, Одесской второй Луиза *Бендръ*, и Херсонской второй Анастасія *Пржемоуилъ*, содержательница С.-Петербургскаго частнаго учебнаго заведенія 3-го разряда Лидія *Локощенко*, содержательница и учительница Симферопольскаго караннскаго общественнаго двѣнчьяго училища Рахиль *Хиджи*, учительница Верхне-Чусовскаго женскаго начальнаго пароднаго училища, Пермскаго уѣзда, Елизавета *Пономарева*, классная дама и преподавательница частной гимназіи г. Пуссель въ Москвѣ Марія *Пошманъ*, классная надзирательница Керченской женской гимназіи Ольга *Лащенко*, учительница Дорогобужской женской прогимназіи Анна *Михайлова*, учительница Ново-Егорлыкскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища Пелагія *Лазарева*, фельдшеръ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, отставной фельдшеръ Ѳаддей *Борисовъ*, запасные унтеръ-офицеры: служитель при томъ же университетѣ Петръ *Архиновъ* и попечитель Верхне-Себряковскаго начальнаго училища, Донской области, Логвинъ *Ивановъ*, почетный блюститель Екатерининскаго, Кременскаго и Усть-Быстринскаго приходскихъ училищъ, урядникъ Борисъ *Харламовъ*, отставные матросы: швейцаръ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Григорій *Булатовъ* и служитель Императорскаго Казанскаго университета Игнатій *Амфиновъ*, служитель С.-Петербургской пятой гимназіи, отставной ефрейторъ Ѳедоръ *Алексеевъ*, швейцаръ Кропитадтской мужской гимназіи, отставной рядовой Францъ *Окуневскій*, почетный блюститель Уянскаго двухкласснаго приходскаго училища, Нижнеудинскаго уѣзда, временной купецъ Ѳома *Чуринъ*, членъ попечительнаго совѣта Перчинской женской прогимназіи, мѣщанинъ Афанасій *Болышаковъ* и почетный блюститель Устьмошскаго

образцоваго начальнаго народнаго училища, крестьянинъ Миронъ *Поздяковъ* и серебряными на лентахъ: Аннинской: личные почетные граждане: писецъ Екатеринославской гимназіи Григорій *Иллѣевичъ*, учитель пѣнія Тихвинской женской прогимназіи Иванъ *Кривоборскій* и служитель Мясницкаго казеннаго начальнаго училища въ Москвѣ Иванъ *Орловъ*, бывшій учитель пѣнія Сумской Александровской гимназіи почетный гражданинъ Николай *Никольскій*, почетный блюститель Калиновскаго 1-го станичнаго училища, второй гильдіи купецъ Семень *Марцелладе*, членъ попечительства Павловскаго двухкласснаго училища, купецъ Илларионъ *Язно*, почетный блюститель Серединобудскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Новгородсѣверскаго уѣзда, купецъ Иванъ *Новиковъ*, попечительница Тилининскаго земскаго училища, Нижегородскаго уѣзда, жена купца Марія *Ганкирова*, предсѣдатель попечительнаго совѣта Яранской женской гимназіи купеческій братъ Алексѣй *Калининъ*, почетные смотрители двухклассныхъ городскихъ училищъ: Спасскаго, сынъ купца, Василій *Колсановъ* и Лихвинскаго, сынъ купца, Иванъ *Хлюпинъ*, учительница Тульской 2-й женской гимназіи Текла *Яковская*, надзирательницы женскихъ гимназій: Московской Петропавловской Любовь *фонъ-Неллеръ* и частной Ржевской въ Москвѣ Маргарита *Бабанисова*; запасные фельдфебели: служитель Корочанской Александровской гимназіи Яковъ *Гриценковъ* и гардеробщикъ при С.-Петербургской Ларинской гимназіи Андрей *Александровъ*, запасные унтеръ-офицеры: служитель Императорскаго С.-Петербургскаго университета Антонъ *Путырскій*, исполняющій обязанности эконома при пансіонѣ Уфимской гимназіи Николай *Осипцевъ*, швейцаръ С.-Петербургской одиннадцатой гимназіи Иванъ *Клепшинъ*; служители гимназій: Кіевской первой: Владиміръ *Хоманьковъ* и Антонъ *Михневъ* и Одесской второй Петръ *Вакицукъ* и служитель при особомъ отдѣленіи департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами Никаноръ *Клементьевъ*, служитель Одесской пятой гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Яковъ *Николенко*, почетные блюстители училищъ: Бараковскаго начальнаго станичнаго, фельдшеръ Петръ *Антоновъ* и двухклассныхъ: Новоминскаго урядникъ Андрей *Педбайло* и Повотронскаго, урядникъ Випгоръ *Тимоновъ*, служители Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, отставной бомбардиръ Артамонъ *Тимоновъ* и отставной рядовой Павелъ *Мошановъ* и Казанскаго: отставной рядовой Гаматутдинъ *Хасановъ* и мѣщанинъ Василій *Васильевъ*, почетный блюститель Должанскаго однокласснаго

училища, казакъ Андрей *Митроподскій*, почетный смотритель Красноуфурскаго городского трехкласснаго училища, мѣщанинъ Евстигней *Потыгинъ*, дочь Орѣвскаго мѣщанина Анна *Брановеръ*, попечитель Нижне-Выксунскаго сельскаго начальнаго училища финляндскій уроженецъ Карлъ *Стрембергъ*, попечитель Глуховскаго сельскаго начальнаго училища, финляндскій уроженецъ Петръ *Лейно*, бывшіе почетные блюстители приходскихъ училищъ: Митрофановскаго, мѣщанинъ Гаврилъ *Котельниковъ* и Владимірскаго, Донской области, мѣщанинъ Иванъ *Поджонасовъ*, служители Императорскаго С.-Петербургскаго университета: крестьянинъ Людвигъ *Гируцкій*, крестьянинъ Михайлъ *Самуйленко* и крестьянинъ Самуилъ *Гизевскій*, служитель С.-Петербургской первой гимназіи, крестьянинъ Михайлъ *Калининъ*, исполняющій обязанности эконома при Красноуфимскомъ промышленномъ училищѣ, крестьянинъ Андрей *Трифоновъ*, учитель пѣнія и музыки при Изюмскомъ реальномъ училищѣ, крестьянинъ Степанъ *Любимовъ*, корреспондентъ Николаевской главной физической обсерваторіи крестьянинъ Вароломей *Гроль-Жеведенко*, почетные блюстители училищъ: Бѣльскаго двухкласснаго приходскаго крестьянинъ Александръ *Таксеръ*, Литвиновскаго однокласснаго сельскаго, Верхоленскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Литвиновъ* и Кубанскаго сельскаго, крестьянинъ Никифоръ *Климовъ*, попечитель Кузьминскаго начальнаго народнаго училища, Клинскаго уѣзда, крестьянинъ, Иванъ *Пытуховъ* и крестьянинъ дер. Шувой, Богородскаго уѣзда, Оома *Комаровъ* и *Станиславской*: членъ попечительнаго совѣта Бердянской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Дмитрій *Петрановъ*, Нерчинскій второй гильдіи купецъ Иванъ *Котяковъ*, кяхтинскій купеческій сынъ Яковъ *Вабкинъ*, купецъ Павловскаго посада, Богородскаго уѣзда, Иванъ *Соколовъ*, попечитель Балахнинскаго Николаевскаго училища, сынъ купца Иванъ *Щенетильниковъ*, почетный блюститель Отраднаго женскаго училища, купецъ Прокофій *Назаровъ*, служитель Казанскаго ветеринарнаго института, запасный унтеръ-офицеръ Романъ *Трухинъ*, служители Кіевской четвертой гимназіи: запасный унтеръ-офицеръ Василій *Савчукъ* и отставной ефрейторъ Константинъ *Кондратенко*, запасные унтеръ-офицеры: исполняющій обязанности эконома Харьковской второй гимназіи Петръ *Передельскій* и служитель Казанской татарской учительской школы Сенегатулла *Разматуллинъ*, сидѣлка при акушерско-гинекологической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета, вдова унтеръ-офицера Любовь *Сотомленко*, разсыльный Вологодскаго Александровскаго реальнаго учи-

лица отставной ефрейторъ Михаилъ *Стриловъ*, почетные блюстители училищъ: двухклассныхъ: Роговскаго, урядникъ Павелъ *Король*, Темирчоевскаго, урядникъ Иванъ *Хоринъ* и Новолабинскаго Александро-Николаевскаго, урядникъ Владиміръ *Гладышевъ*, Опокойнаго однокласснаго, урядникъ Павелъ *Гетмановъ* и Еланскаго станичнаго приходскаго, Донской области, казакъ Василій *Гавриловъ*, служитель Императорскаго С.-Петербургскаго университета запасный барабанщикъ Александръ *Бурко*, разсылный С.-Петербургской одиннадцатой гимназіи, запасный канониръ Ефимъ *Малановъ*, швейцаръ Тульской гимназіи, запасный каптенармусъ Ѳедоръ *Зеленовъ*, служители гимназій: Рижской Александровской отставной рядовой Антонъ *Ромейко* и Одесской пятой, запасный рядовой Аполлонъ *Поржницкій*, отставные рядовые: служитель при канцеляріи Тульской гимназіи Петръ *Блювъ*, швейцары реальныхъ училищъ: Николаевскаго Александровскаго, Емельянъ *Тищенко* и Выборгскаго Писандръ *Куклинъ* и служитель Пензенскаго городского четырехкласснаго училища Иванъ *Николаевъ*, писецъ департамента народнаго просвѣщенія, мѣщанинъ Николай *Прусовъ*, мастеръ словолитни при типографіи Императорскаго Казанскаго университета мѣщанинъ Александръ *Яковлевъ*, наборщики типографіи того же университета: мѣщанинъ Александръ *Кузнецовъ*, мѣщанинъ Галей *Ахметовъ* и Казанскій цеховой Порфирій *Самойловъ*, служитель Казанскаго ветеринарнаго института, мѣщанинъ Григорій *Чемовъ*, служитель С.-Петербургской первой гимназіи, изъ мѣщанъ Николай *Павловъ*, столярный мастеръ Оренбургскаго ремесленнаго училища, мѣщанинъ Иванъ *Гладковъ*, завѣдывающій матеріально-инструментальнымъ складомъ при Бакинскомъ механико-строительно-техническомъ училищѣ, мѣщанинъ Александръ *Воронцовъ*, учительница рукодѣлія Асхабадской женской гимназіи, изъ мѣщанъ, Прасковья *Кумова*, учитель пѣнія Екатеринославскаго втораго реального училища, изъ мѣщанъ, Александръ *Плиперъ*, служитель Кременчугскаго городского четырехкласснаго училища, мѣщанинъ Егоръ *Ермолаевъ*, почетные блюстители училищъ: Баладинскаго приходскаго, Донской области, мѣщанинъ Михаилъ *Ѳоминъ* и Угловскаго однокласснаго образцоваго начальнаго, Валдайскаго уѣзда, мѣщанинъ Герасимъ *Андроновъ*, попечитель Писарщинскаго начальнаго училища, Кременчугскаго уѣзда, изъ мѣщанъ, Иванъ *Маклаковъ*, кяхтинскій мѣщанинъ Александръ *Бородинъ*, минусинскій мѣщанинъ Петръ *Иорданскій*, завѣдывающій садомъ и огородомъ Череповецкаго женскаго профессиональнаго начальнаго училища, саксонско-германскій поддан-

ный, Федоръ *Валлеръ*, служитель гимназій Императора Александра III въ гор. Болградѣ Спиридонъ *Теодоровъ*, почетные блюстители училищъ: Бековичскаго сельскаго приходскаго жителя селенія Бековичъ Чокай *Шамурзавъ*, Zubovo-Балковскаго сельскаго, поселенинъ Иванъ *Каненъ*, Погайскаго двухкласснаго приходскаго, поселенинъ Георгій *Анцеловскій*, и сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія: Деревскаго однокласснаго, Оргеевскаго уѣзда, однодворецъ Иванъ *Куконъ* и двухклассныхъ Аккерманскаго уѣзда: Пваловско-Болгарскаго, поселенинъ Илья *Каранстровъ* и Кулевческаго, поселенинъ Игнатій *Поповъ*, членъ попечительства Zubovo-Балковскаго сельскаго училища, поселенинъ Петръ *Роньсъ*, служителя при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ: крестьянинъ Михаилъ *Филиповъ*, крестьянинъ Антонъ *Каменецкій*, крестьянинъ Василій *Воробьевъ* и крестьянинъ Петръ *Балинскій*, староста церкви Вѣрненской мужской гимназій, крестьянинъ Иванъ *Хашимъ*, учитель пѣнія Тираспольской женской гимназій, крестьянинъ Иванъ *Черкаченко*, швейцаръ при Кіевской четвертой гимназій, крестьянинъ Иванъ *Романенко*, служители гимназій: С.-Петербургской первой, изъ крестьянъ, Константинъ *Фроловъ* и, изъ крестьянъ, Михаилъ *Ловыинъ* и Тульской, крестьянинъ Павелъ *Хмельковъ*, учитель столярно-модельнаго ремесла Бакинскаго механико-строительнаго техническаго училища, крестьянинъ Яковъ *Маишовъ*, садовникъ Кутаисской учительской семинаріи, крестьянинъ Иванъ *Геенава*, служитель Орловскаго городского училища, крестьянинъ Евсевій *Одеровъ*, поваръ при кухнѣ пансіона Тульской гимназій, крестьянинъ Яковъ *Ильинъ*, почетный блюститель Бакаловскаго приходскаго училища, Донской области, крестьянинъ Иванъ *Колотиловъ*, попечители училищъ: Тростянскаго сельскаго, Жиздринскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Брулевъ*, Керскаго сельскаго начальнаго, Нижне-Ломовскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Овечкинъ*, Чахевскаго, начальнаго народнаго, Чердынскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифъ *Батусовъ*, Шувойскаго начальнаго народнаго, Богородскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Филатовъ*, Пиколо-Погостинскаго приходскаго, крестьянинъ Яковъ *Селзневъ* и Сумскаго сельскаго земскаго, крестьянинъ Василій *Жаревинъ*, крестьянинъ Михаилъ *Волынъ*, крестьянинъ Алексѣй *Гороховъ*, крестьянинъ Тимофѣй *Максимовъ*, крестьянинъ Лука *Матвѣенко* и крестьянинъ Ефимъ *Яценко*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе,

6-го декабря 1903 года, ученика Черниговской гимназіи Петра *Рознятовскаго* и ученика Поповичевскаго частнаго училища, Кубинской области, Петра *Чернаго*, за совершенные ими подвиги челоуѣколюбія, *серебряною медалью съ надписью „за спасеніе пошибавшихъ“* для ношенія въ петлицу, на *Владимірской лентѣ*.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(5-го декабря 1903 года, № 90). *Уволяется* отъ службы, согласно прошенію чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, членъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при свѣтѣйшемъ синодѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гильдебрандтъ*, съ 1-го ноября, съ мундиромъ, первой изъ означенныхъ должностей присвоенныхъ.

(12-го декабря 1903 года, № 92). *Назначаются*: директоръ Измаильской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Смирновъ*—директоромъ Измаильской гимназіи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ политической экономіи *Каблуковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ политической экономіи и статистики.

Утверждаются: въ званіи камергера Высочайшаго двора, статскій совѣтникъ князь *Оболенскій* и въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, надворный совѣтникъ *Мухановъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Аткарскаго, а второй—Черниговскаго, оба, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ ихъ въ придворныхъ званіяхъ.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія ассистентъ Императорскаго лѣснаго института, ученый лѣсоводъ 1-го разряда, титулярный совѣтникъ *Марченко*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Новой Александріи, по лѣсоустройству, лѣсной таксаціи и лѣсоуправленію, съ 1-го ноября.

Умерший исключается изъ списковъ, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Бражниковъ*, съ 21-го ноября.

(19-го декабря 1903 года, № 95). По департаменту народнаго про-

свѣщенія. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ коллежскіе регистраторы, канцелярскій служитель *Артемьевъ*—съ 10-го іюня 1903 г.

Переименовывается въ титулярные советники, со старшинствомъ, дѣлопроизводитель VIII класса, подпоручикъ запаса гвардіи *Пацъ-Поларнацкій*—съ 4-го августа 1903 г.

(23-го декабря 1903 года, № 96). Назначаются: заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Одесской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ *Вьрманъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи, статскій совѣтникъ *Сченсновичъ*—директорами: первый—Оеодосійской гимназіи, а второй—Несвижской учительской семинаріи.

Утверждаются: коллежскій совѣтникъ *Терещенко* и отставной капитанъ гвардіи *Шереметевъ*—почетными попечителями: первый—Глуховской гимназіи, а второй—вновь Ливенскаго реального училища, оба—согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ народныхъ училищъ Черняговской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Евстафьевъ*.

Утверждаются въ чинѣ коллежскаго советника, со старшинствомъ: исправляющіе должность экстраординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковского, *Замьскій*—съ 20-го апрѣля 1903 г. и Томскаго, *Малиновскій*—съ 1-го сентября 1898 г.

(30-го декабря 1903 года, № 100). Назначается кандидатъ Императорскаго университета *Булочкинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Московской десятой гимназіи, съ 12-го ноября, на три года.

Утверждаются въ чинѣ, коллежскаго советника, со старшинствомъ, исправляющіе должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, инженеръ-технологіи: *Рошчевскій* и *Сабекъ*, оба—съ 1-го января 1902 г.

(7-го января 1904 года, № 3). Назначаются: заслуженный преподаватель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, статскій совѣтникъ *Костырко-Стоцкій*—директоромъ того же института, съ 1-го января; помощникъ инспектора Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ *Пьяницкій*—инспекторомъ того же училища; преподаватель Томской Маріинской женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Германовъ*—директоромъ Томскаго учительскаго института; приватъ-доцентъ Императорскаго Повороссійскаго университета, магистръ геологіи, титулярный

совѣтникъ *Ласкаревъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ минералогіи и геологіи.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: надворные совѣтники: старшій лѣсной ревизоръ Тамбовской губерніи, ученый лѣсоводъ 1-го разряда *Сурожъ* и преподаватель Варшавскаго политехническаго института Императора Николая II, магистръ ботаники *Морковинъ* — адъюнкты-профессорами института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи: первый—по лѣсоупотребленію и энциклопедическому курсу лѣсныхъ наукъ, съ 1-го декабря 1903 г., а второй—по физиологіи растений съ ученіемъ о микроорганизмахъ, съ 1-го января 1904 г.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шалопитковъ*, съ 1-го января, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, инспекторъ Императорскаго Московскаго технического училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Циркуновъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

III. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНІЯ, УТВЕРЖДЕННЫЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9. (21-го іюня 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-маіора Виктора Пантелеймоновича Ваховскаго при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи сто руб.*, завѣщаннаго генералъ-маіоромъ Викторомъ Пантелеймоновичемъ Ваховскимъ, учреждаются при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ три стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ бумагахъ 4% ренты и хранится въ Севастопольскомъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность реального училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе дѣтей бѣдныхъ родственниковъ В. П. Ваховскаго,

при отсутствіи таковыхъ за дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ 49-го пѣхотнаго Брестскаго полка, а если таковыхъ не будетъ, то выборъ стипендіатовъ изъ числа воспитанниковъ училища принадлежитъ усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 4. Могушіе образоваться отъ взноса платы за ученіе остатки отъ стипендіальнаго капитала причисляются къ сему капиталу для увеличенія съ теченіемъ времени числа стипендій имени Ваховскаго.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могуція возникнуть при примѣненіи сихъ условій положенія о стипендіи недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

§ 7. Въ случаѣ преобразования Севастопольскаго реальнаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе иного типа, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначенію, въ случаѣ же закрытія Севастопольскаго реальнаго училища—стипендіальный капиталъ передается въ другое учебное заведеніе по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

10. (27-го іюня 1903 года). *Положеніе о стипендіи при Мариупольской мужской гимназій имени бывшаго нотаріуса въ селѣ Павловкѣ, Мариупольскаго уѣзда, Георгія Антоновича Сенеева.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *дѣвять тысячъ руб.*, пожертвованнаго мѣщаниномъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Сенеевымъ, учреждается при Мариупольской Александровской гимназій стипендія имени племянника жертвователя, бывшаго нотаріуса въ селѣ Павловкѣ, Мариупольскаго уѣзда, Георгія Антоновича Сенеева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственной 4% ренты, хранится въ Мариупольскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназій, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну установленнаго сбора, употребляются прежде всего на взносъ платы за ученіе стипендіата, а образующіеся за сими остатки или выдаются стипендіату по окончаніи имъ гимназическаго курса, если онъ будетъ продолжать дальнѣйшее образованіе въ высшемъ учеб-

номъ заведеніи, или, въ противномъ случаѣ, поступаютъ на обмундированіе бѣднѣйшихъ учениковъ.

Примѣчаніе. Если стипендіатъ лишится стипендіи до окончанія имъ курса въ гимназій, то причитающаяся на его долю сумма упомянутыхъ въ п. 3 остатковъ поступаетъ также на обмундированіе бѣднѣйшихъ учениковъ или на выдачу имъ учебныхъ пособій.

§ 4. Право какъ избранія стипендіата изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій, православнаго исповѣданія, отличнаго поведенія и оказывающихъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, такъ и лишенія стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіата, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія гимназій въ учебное заведеніе каковаго-либо другаго типа, стипендія переходитъ въ это послѣднее учебное заведеніе.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (6-го іюля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Корниловыхъ при пансіонѣ Тобольской мужской гимназій.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованныхъ Анной Всеволодовной Корниловой, учреждается при пансіонѣ Тобольской мужской гимназій одна стипендія имени Корниловыхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствѣхъ государственной 4% ренты, по тысячѣ рублей каждое, хранится въ Тобольскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неотъемлемую ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала употребляются на содержаніе въ пансіонѣ названной гимназій одного стипендіата имени Корниловыхъ.

§ 4. Право пользованія стипендіею принадлежитъ одному изъ учениковъ гимназій, успѣвающему въ наукахъ при отличномъ поведеніи, христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія и происхожденія:

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется Аннѣ Всеволодовнѣ Корниловой и ея правопріемникамъ. Въ случаѣ, если прекратятся прямые наслѣдники къ имуществу г-жи Корниловой, право избранія стипендіата переходитъ къ педагогическому совѣту Тобольской гимназіи.

Примѣчаніе. При освобожденіи стипендіи сообщается объ этомъ немедленно А. В. Корниловой или ея правопріемникамъ для избранія новаго стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей на налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Тобольской мужской гимназіи въ другое какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ на тѣхъ же основаніяхъ переходитъ въ вѣдѣніе сего послѣдняго.

12. (18-го іюля 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Г. Я. Быковскаго при Харьковской 3-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ остатковъ въ суммѣ *восьми тысячъ руб.*, образовавшихся отъ пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Г. Я. Быковскимъ капитала въ сто тысячъ руб. на стипендіи при 3-й Харьковской гимназіи, учреждается при сей гимназіи одна стипендія имени Г. Я. Быковскаго.

§ 2. Проценты съ упомянутаго капитала (8000 руб.), въ количествѣ 300 руб. въ годъ, помѣсячно выдаются одному изъ учениковъ 3-й Харьковской гимназіи христіанскаго исповѣданія, безъ различія происхожденія, отличнаго поведенія и успѣвающему въ наукахъ.

§ 3. Право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Харьковской 3-й гимназіи.

§ 4. Оставленіе на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по не уважительнымъ причинамъ лишаетъ ученика стипендіи.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи причисляются къ общимъ остаткамъ отъ стипендій имени Быковскаго.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (13-го сентября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени мануфактуръ-совѣтника Якова Емельяновича Башкирова при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двести пятьдесятъ руб., собраннаго служащими мануфактуръ-совѣтника Я. Е. Башкирова, Нижегородской городской думой учреждается при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенный фондъ, находится въ вѣдѣніи названнаго реального училища и подлежитъ храненію въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ въ Нижегородскомъ губерискомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Нижегородскаго реального училища.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за право ученія одного стипендіата въ Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ въ теченіе всего курса, могущіе же засимъ образоваться остатки отъ процентовъ выдаются стипендіату на учебныя пособія.

Примѣчаніе. Стипендія сохраняется за избраннымъ стипендіатомъ какъ въ случаѣ перехода его въ средне-механико-техническое училище, состоящее при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, такъ и оставленія стипендіата на второй годъ въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ Якову Емельяновичу Башкирову, а послѣ его смерти Нижегородской городской думѣ, при чемъ при назначеніи стипендіатовъ Нижегородской городской думой преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи должны пользоваться дѣти лицъ, состоявшихъ на службѣ у Я. Е. Башкирова въ его торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ или состоящихъ на службѣ у его наслѣдниковъ въ таковыхъ же предпріятіяхъ.

§ 5. Въ случаѣ закрытія Нижегородскаго Владимірскаго реального училища стипендіальный капиталъ съ тѣмъ же назначеніемъ переходитъ въ другое подобное учебное заведеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, по усмотрѣнію Я. Е. Башкирова, а послѣ его смерти, по усмотрѣнію Нижегородской городской думы.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (14-го сентября 1903 года). *Положеніе о капиталѣ, пожертвованномъ въ пользу Кіевскаго реальнаго училища Елизаветой Михайловной, Пелагеей Ивановной и Михаиломъ Ивановичемъ Терещенко.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Въ память долголѣтняго пребыванія И. Н. Терещенко въ званіи почетнаго попечителя Кіевскаго реальнаго училища вдовою Е. М. Терещенко и ея дѣтьми Пелагеей Ивановной и Михаиломъ Ивановичемъ Терещенко пожертвованъ въ пользу сего училища капиталъ въ *тридцать тысячъ руб.* съ присвоеніемъ ему наименованія капитала имени И. Н. Терещенко.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Кіевскаго реальнаго училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстной конторѣ государственнаго банка.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала дѣлятся на двѣ части: проценты съ двадцати тысячъ выдаются въ видѣ пособій нуждающимся ученикамъ Кіевскаго реальнаго училища, проценты же съ остальныхъ 10.000 руб. преподавателямъ, служащимъ и служившимъ въ семь училищъ и всѣмъ вообще лицамъ, состоявшимъ и состоящимъ на службѣ въ этомъ учебномъ заведеніи, а также осиротѣвшимъ семействамъ всѣхъ поименованныхъ лицъ, при чемъ каждой вышеозначенной части процентовъ съ капитала ведется особый счетъ.

§ 4. Выдача пособій производится по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, при чемъ назначеніе пособій лицамъ, служащимъ въ училищѣ, и ихъ семействамъ опредѣляется закрытой баллотировкой; опредѣленіе совѣта считается окончательнымъ и измѣненію не подлежитъ.

§ 5. Могушіе почему-либо образоваться остатки причисляются въ той части процентовъ, по которой они образовались.

15. (11-го октября 1903 года). *Положеніе о единовременныхъ пособияхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталѣ, завѣщанный Тульскимъ купцомъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Ванькинымъ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *двадцать пять тысячъ руб.*, завѣщаннаго Тульскимъ купцомъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Ванькинымъ, учреждаются единовременныя пособия для выдачи студентамъ

на взыскъ платы за слушаніе лекцій въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

§ 2. Пособія эти въ размѣрѣ установленной платы за слушаніе лекцій оказываются бѣднѣйшимъ студентамъ Московскаго университета — уроженцамъ Тульской губерніи, безъ различія факультетовъ и производятся по полугодно. Пособіе можетъ быть оказываемо и уроженцамъ другихъ губерній, если не будетъ въ числѣ студентовъ нуждающихся туляковъ.

§ 3. Назначеніе студентамъ пособій зависитъ отъ правленія университета, на основаніи существующихъ правилъ и утверждается попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

§ 4. Причитающаяся плата съ лицъ, кому назначено пособіе, не выдается на руки, а перечисляется правленіемъ университета въ соотвѣтствующіе источники.

§ 5. Полученіе пособія не налагаетъ на студента никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе оказаться въ концѣ года остатки отъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала, за неназначеніемъ въ пособіе всей суммы процентовъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, обращаются на увеличеніе основнаго капитала и получаютъ назначеніе, указанное въ § 1 сего положенія.

16. (13-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина губернскаго секретаря Николая Ивановича Сатина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ завѣщаннаго дворяниномъ Николаемъ Ивановичемъ Сатинымъ капитала въ семь тысячъ руб., заключающагося въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, учреждается одна стипендія имени завѣщателя при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

§ 2. Стипендія эта назначается для студентовъ Московскаго университета безъ различія факультетовъ и вѣроисповѣданій.

§ 3. Назначеніе стипендіи производится правленіемъ университета на основаніи существующихъ правилъ о стипендіяхъ.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіаль-

наго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи и по другимъ причинамъ, должны быть обращены въ капиталъ для увеличенія размѣра ежегодной стипендіи.

17. (14-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Ермоловой на завѣщанный Лидіей Валеріановной Дроздовой капиталъ Императорскому Московскому университету.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ завѣщаннаго Лидіей Валеріановной Дроздовой капитала въ *два тысячи руб.* учреждается одна стипендія имени Ермоловой при Московскомъ университетѣ.

§ 2. Стипендія эта назначается студенту Московскаго университета, изъ бѣдныхъ дворянъ, безъ различія факультетовъ и вѣроисповѣданій.

§ 3. Избраніе стипендіатовъ зависитъ отъ правленія университета на основаніи существующихъ правилъ о назначеніи стипендій.

§ 4. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе оказаться остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи и по другимъ причинамъ, должны быть обращены въ капиталъ для увеличенія размѣра ежегодной стипендіи.

18 (31-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Павла Герасимовича Тюпѣва при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ руб.*, пожертвованнаго по духовному завѣщанію умершаго статскаго совѣтника Павла Герасимовича Тюпѣва (внесеннаго вдовою надворяго совѣтника Вѣрою Іововною Волховской), учреждается при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ, а проценты съ капитала выдаются стипендіатамъ, которыми должны быть *дѣти* служащихъ или служившихъ въ Одесскомъ нотаріальномъ архивѣ, гдѣ служилъ жертвователь, или же, въ случаѣ упраздненія этого

учрежденія, въ томъ учрежденіи, которое замѣнитъ нотаріальный архивъ.

Примѣчаніе. Не имѣютъ права на стипендію дѣти лицъ, оставившихъ службу въ нотаріальномъ архивѣ ранѣе выслуги 5 лѣтъ.

§ 3. Право избранія стипендіата предоставляется предсѣдателю и прокурору Одесскаго окружнаго суда, совмѣстно со старшимъ нотаріусомъ, или представителемъ учрежденія, которое замѣнитъ нотаріальный архивъ.

§ 4. Стипендія имени жертвователя предоставляется студентамъ медицинскаго факультета, оказавшимъ хорошіе успѣхи въ наукахъ и одобрительнаго поведенія и представившимъ свидѣтельство о несостоятельности.

§ 5. По представленію факультета стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и плохихъ успѣховъ.

§ 6. Избранному стипендіату выдается стипендія помѣсячно, не свыше трехсотъ рублей въ годъ, а неизрасходованные проценты съ капитала обращаются въ процентныя бумаги для увеличенія капитала на учрежденіе новыхъ стипендій имени жертвователя, которыя могутъ быть послѣдовательно предоставляемы студентамъ факультетовъ физико-математическаго, юридическаго и историко-филологическаго во всемъ согласно настоящему положенію и въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей въ годъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19 (31-го октября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Петра Степановича Елисеѣви при С.-Петербургской первой гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ шестьсотъ руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Степаномъ Петровичемъ Елисеѣвымъ, учреждается при С.-Петербургской первой гимназій одна стипендія имени сына жертвователя, Петра Степановича Елисеѣва.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму 10.600 руб. по номинальной цѣнѣ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ

спеціальныхъ средствъ гимназій и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за содержаніе одного пансіонера въ С.-Петербургской первой гимназій.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ учениковъ отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ усгѣховъ.

§ 5. Преимущественное право пользованія стипендіей принадлежитъ сыновьямъ лицъ, служащихъ и служившихъ въ С.-Петербургской первой гимназій.

§ 6. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту С.-Петербургской первой гимназій.

§ 7. Въ случаѣ малоусгѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіата педагогическій совѣтъ гимназій можетъ во всякое время передать стипендію другому ученику, удовлетворяющему условіямъ, изложеннымъ въ п. п. 4 и 5.

§ 8. Могушіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала присоединяются къ оному.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (3-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго коллежскаго совѣтника Степана Тимофеевича Чучкина при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго вдовою коллежскаго совѣтника Августою Ивановной Чучкиной, учреждается при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета стипендія имени коллежскаго совѣтника Степана Тимофеевича Чучкина въ размѣрѣ двухсотъ двадцати восьми рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Назначеніе стипендіи предоставляется правленію Императорскаго Томскаго университета.

§ 4. Преимущественное право на полученіе стипендіи имѣютъ

нисходящія линіи мужского колѣна племянниковъ Августы Ивановны Чучкиной—Владимира Георгіевича и Николая Георгіевича Костырко, если таковыя представляютъ въ правленіе университета надлежащія доказательства о происхожденіи ихъ изъ рода Костырко. При поступленіи въ университетъ заявленія отъ лицъ, происходящихъ изъ рода Костырко, правленіе университета назначаетъ стипендію одному изъ бѣдныхъ, русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, студентовъ II курса медицинскаго факультета, обнаружившему во время пребыванія въ университетѣ отличное поведеніе и вполнѣ хорошіе успѣхи. Студентъ какъ изъ рода Костырко, такъ и не изъ рода Костырко, не оказавшій послѣ назначенія стипендіи хорошихъ успѣховъ и отличнаго поведенія, теряетъ право на полученіе стипендіи, и вмѣсто него правленіе университета избираетъ другого студента, отвѣчающаго изложеннымъ выше условіямъ.

§ 5. Выдача стипендіи, назначенной правленіемъ университета студенту не изъ рода Костырко, производится до тѣхъ поръ, пока студентъ, получившій эту стипендію, будетъ обнаруживать отличное поведеніе и успѣхи и поступленіе въ университетъ лица изъ рода Костырко не лишаетъ этого студента права на полученіе стипендіи, которая была назначена ему до поступленія въ университетъ потомка Костырко.

§ 6. По окончаніи университетскаго курса стипендіатъ, если пожелаетъ продолжать занятія въ университетѣ для полученія ученой степени, можетъ пользоваться назначенной ему въ бытность студентомъ университета стипендіей еще отъ одного до двухъ лѣтъ, получая эту стипендію впередъ за каждое полугодіе.

§ 7. Право пользованія стипендіею какъ при прохожденіи университетскаго курса, такъ и по окончаніи его не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Свободные отъ незамѣщенія стипендіи остатки идутъ на увеличеніе годового размѣра стипендіи.

21. (9-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго оружнаго интенданта Казанскаго военнаго округа генерала-отъ инфантеріи Федора Карловича Коль при Императорской Казанской первой гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двести рублей, пожертвованнаго отставнымъ генераль-маіоромъ В. И. Эсмон-

товымъ, учреждается при Императорской Казанской первой гимназiи одна стипендія имени генерала-отъ-инфантеріи Коль.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственн-ныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназiи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе и на выдачу ученику, пользующемуся стипендіей, единовременныхъ пособій.

§ 4. Право пользованія сею стипендіей принадлежитъ ученикамъ Императорской Казанской первой гимназiи изъ дѣтей чиновниковъ интендантскаго вѣдомства Казанскаго военнаго округа.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется высшему интендантскому учрежденію въ гор. Казани.

§ 6. Въ случаѣ упраздненія въ гор. Казани интендантскихъ учрежденій, назначеніе стипендіата производится педагогическимъ совѣтомъ гимназiи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіального капитала причисляются къ оному.

§ 8. Право пользованія стипендіей не налагаетъ на стипендіатана никакихъ обязательствъ.

22. (11-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захарія Васильевича Коленко при Херсонской мужской гимназiи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, собраннаго почитателями бывшаго директора гимназiй и училищъ Херсонской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захарія Васильевича Коленко, учреждается при Херсонской мужской гимназiи стипендія имени З. В. Коленко въ память двадцатипятилѣтія со дня его кончины.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты на номинальную сумму въ одну тысячу руб. и наличныхъ деньгахъ въ суммѣ трехъ рублей, хранится въ Херсонскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Херсонской гимназiи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала обращаются на взносъ платы за ученіе въ Херсонской гимназіи одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, преимущественно изъ дѣтей лицъ, служившихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія въ Херсонской губерніи, а также на выдачу ему пособій. При равныхъ матеріальныхъ условіяхъ соискателей стипендіи, предпочтеніе отдается ученику, лучшему по поведенію и успѣхамъ.

§ 4. Стипендія выдается на руки родителямъ стипендіата или лицамъ, ихъ замѣняющимъ, два раза въ годъ—въ сентябрѣ и февралѣ мѣсяцахъ, по ассигновкамъ директора гимназіи.

§ 5. Выборъ стипендіата производится ежегодно педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, на основаніи собранныхъ мѣстными властями подробныхъ свѣдѣній о состоятельности соискателей стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ, если по вступленіи въ дѣйствіе положенія о сеѣи стипендіи, стипендіальный капиталъ увеличится новыми взносами или образуется остатокъ отъ процентовъ, эти поступления и остатки присоединяются къ основному капиталу стипендіи, съ увеличеніемъ котораго увеличиваются и пособія стипендіатамъ или даже самое число стипендіатовъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

23. (11-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи бывшаго учителя рисованія и чистописанія Царицынской Маріинской женской гимназіи, губернскаго секретаря Александра Ивановича Головина при Царицынской Александровской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, завѣщаннаго бывшимъ учителемъ рисованія и чистописанія Царицынской Маріинской женской гимназіи, Александромъ Ивановичемъ Головинымъ, учреждается при Царицынской Александровской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Царицынскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ Царицынской Александровской гимназіи русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Право избранія стипендіата, а равно лишеніе его стипендіи, въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ или неодобрительнаго поведенія, принадлежитъ педагогическому совѣту Царицынской Александровской гимназіи.

§ 6. Могуще быть отъ незамѣщенія стипендіи остатки, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или причисляются къ стипендіальному капиталу, или выдаются стипендіату въ пособіе.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія съ означенной въ п. 3-мъ цѣлью.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (11-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Калишскаго губернатора, сенатора, шталмейстера Высочайшаго двора Михаила Петровича Дарагана, при Калишскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго обывателями Калишской губерніи, учреждается при Калишскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени сенатора, шталмейстера Высочайшаго двора Михаила Петровича Дарагана.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты по 500 руб. каждое, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ реального училища, и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе въ реальномъ училищѣ избраннаго стипендіата, или выдаются на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата; за отсутствіемъ же таковыхъ, самому стипендіату.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, учениковъ реального училища изъ уроженцевъ Калишской губерніи, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатъ избирается сенаторомъ, шталмейстеромъ Высочайшаго двора Михаиломъ Петровичемъ Дараганомъ, а по его смерти его сыномъ Иваномъ Михайловичемъ Дараганомъ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища. Послѣ смерти И. М. Дарагана или въ случаѣ неизбранія стипендіата М. П. или И. М. Дараганами, выборъ кандидата на эту стипендію будетъ принадлежать педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала причисляются къ оному для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Калишскаго реального училища въ какое-либо другое заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго.

§ 9. Въ случаѣ закрытія означеннаго реального училища, стипендіальный капиталъ передается по усмотрѣнію высшаго учебнаго начальства въ соответствующее учебное заведеніе съ тѣмъ же назначеніемъ.

25. (12-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго председателя правленія Пензенскаго общества взаимнаго кредита Петра Павловича Львова при Пензенской второй мужской гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Пензенскимъ обществомъ взаимнаго кредита капитала въ три тысячи рублей, учреждается при Пензенской второй мужской гимназій стипендія имени бывшаго председателя правленія названнаго общества Петра Павловича Львова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, а остающаяся затѣмъ сумма выдается на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата по полугодіямъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается совѣтомъ общества закрытою баллотировкою изъ числа учениковъ второй Пензенской гимназій, на основаніи свѣдѣній объ успѣхахъ, прилежаніи, вниманіи и поведеніи учениковъ, доставленныхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназій, при чемъ преимущество отдается дѣтямъ служащихъ въ обществѣ лицъ или недостаточныхъ членовъ общества. Въ случаѣ закрытія общества—избраніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Пензенской второй мужской гимназій.

§ 5. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію о томъ совѣта общества закрытою баллотировкою.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіального капитала причисляются къ оному.

§ 7. Въ случаѣ преобразования Пензенской второй гимназій въ среднее учебное заведеніе другого типа, стипендія переходитъ въ это учебное заведеніе; въ случаѣ же упраздненія гимназій, передается въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Пензы по соглашенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа съ правленіемъ Пензенскаго общества взаимнаго кредита, а въ случаѣ закрытія общества—по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

26. (18-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Петровича Ильашенко при Пинскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго сослуживцами и почитателями бывшаго Пинскаго уѣзнаго предводителя дворянства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Петровича Ильашенко, учреждается при Пинскомъ реальномъ училищѣ стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Петровича Ильашенко.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 3¹/₂% заклад-

номъ листъ дворянскаго земельного банка, II-го выпуска, долженъ храниться въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища и, составляя его неотъемлемую собственность, оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата; если же избранный стипендіатъ будетъ освобожденъ отъ платы за ученіе, то процентныя деньги выдаются ему на приобрѣтеніе одежды, книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендія предоставляется педагогическимъ совѣтомъ Пинскаго реального училища одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, заслуживающихъ этого по отличному поведенію и удовлетворительнымъ успѣхамъ.

§ 5. Стипендія выдается два раза въ годъ, въ началѣ каждого полугодія, родителямъ или же опекуну стипендіата, а за неимѣніемъ таковыхъ—ему самому, т. е. стипендіату, на руки.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса училища, но если онъ въ теченіе курса окажется, по своему поведенію, прилежанію и успѣхамъ, не заслуживающимъ такого поощренія, или же, если матеріальное его положеніе улучшится настолько, что онъ будетъ имѣть возможность продолжать ученіе безъ помощи стипендіи, то по опредѣленію педагогическаго совѣта, онъ въ томъ и другомъ случаѣ лишается права на полученіе стипендіи и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

§ 7. Если стипендіатъ будетъ оставленъ въ томъ же классѣ на второй годъ по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то выдача стипендіи не прекращается.

§ 8. Если съ теченіемъ времени плата за ученіе будетъ увеличена настолько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется ограничиться выдачею стипендіату приносямаго стипендіальнымъ капиталомъ дохода.

§ 9. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала обращаются въ государственныя процентныя бумаги и причисляются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 10. Въ случаѣ изытія изъ обращенія означеннаго 3½% закладнаго листа дворянскаго земельного банка, II выпуска, этотъ

листь долженъ быть замѣненъ другими соотвѣтственной цѣнности правительственными и гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 11. Въ случаѣ преобразования Пинскаго реального училища въ среднее учебное заведеніе другого типа, стипендія на изложенныхъ основаніяхъ, съ тѣмъ же наименованіемъ, переходитъ въ преобразованное учебное заведеніе; въ случаѣ же закрытія Пинскаго реального училища или того учебнаго заведенія, въ какое оно можетъ быть преобразовано, стипендіальный капиталъ передается въ другое учебное заведеніе г. Пинска, а за неимѣніемъ такового—въ Минское реальное училище, нынѣ существующее, съ тѣмъ, чтобы стипендія выдавалась преимущественно уроженцу Пинскаго уѣзда.

§ 12. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 13. Могуціе возникнуть при примѣненіи сего положенія какія-либо недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

27. (18-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени ксендза Францишка Войцѣховскаго при Виленской первой гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго ксендзомъ Войцѣховскимъ капитала въ *дѣв тысяч* руб. учреждаются при Виленской первой гимназій двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% госуларственной ренты, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Виленской первой гимназій и, составляя неотъемлемую ея собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала должны быть выдаваемы въ видѣ стипендій ученикамъ Виленской первой гимназій, родственникамъ завѣщателя Марьяну и Ивану Ивановскимъ, во все время обученія ихъ въ гимназій, а за выбытіемъ ихъ—ученикамъ Виленской первой гимназій изъ родственниковъ завѣщателя, а за отсутствіемъ таковыхъ—ученикамъ римско-католическаго исповѣданія, безъ различія сословія, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Виленской первой гимназій.

§ 4. Избранные педагогическимъ совѣтомъ гимназій стипендіаты пользуются стипендіей во все время своего пребыванія въ Виленской

первой гимназіи, при чемъ въ случаѣ, если поведеніе стипендіата будетъ признано неодобрительнымъ, онъ можетъ быть во всякое время лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 5. Стипендіи выдаются стипендіатамъ по полугодіямъ впередъ въ размѣрѣ получаемыхъ отъ капитала процентовъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Виленской первой гимназіи, стипендіальный капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое соответствующее учебное заведеніе г. Вильны, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Всякаго рода недоразумѣнія, могуція встрѣтиться при примѣненіи на практикѣ сего положенія, разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа по представленію директора гимназіи.

28. (18-го ноября 1903 года). *Правила пользованія процентами съ капитала въ 3.000 р., пожертвованнаго Новочеркасской гимназіи генералъ-маіоромъ Борисомъ Матвѣвичемъ Калининымъ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Капиталъ въ три тысячи руб., пожертвованный Новочеркасской мужской гимназіи генералъ-маіоромъ Борисомъ Матвѣвичемъ Калининымъ, именуется „капиталомъ сына генералъ-маіора Бориса Калинина“.

§ 2. Капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, употребляются ежегодно, по усмотрѣнію директора Новочеркасской гимназіи, на нужды бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по поведенію и услугамъ учениковъ гимназіи, преимущественно двухъ низшихъ классовъ, а именно: въ пособіе на взносъ платы за ученіе въ гимназіи, на приобрѣтеніе одежды, бѣлья, обуви и учебныхъ пособій, на улучшеніе питанія, на лѣченіе въ случаѣ болѣзни и т. д.

§ 4. Ежегодно перваго декабря, если это число приходится въ воскресный день, или въ ближайшій праздничный день, въ гимназическомъ храмѣ должно совершаться молитвенное поминовение сына жертвователя „отрока Бориса“, при чемъ часть процентныхъ денегъ по усмотрѣнію директора гимназій употребляется на приобретение свѣчей для гимназическаго храма, на ладонь и на другія потребности храма.

§ 5. Могушіе по какой-либо причинѣ образоваться остатки отъ ежегодныхъ процентовъ съ капитала Бориса Калинина употребляются на украшеніе и нужды гимназическаго храма по усмотрѣнію директора гимназій.

29. (26-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи почетнаго почитателя лица Павла Александровича Демидова при Демидовскомъ юридическомъ лицей.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу девятьсотъ рублей, пожертвованныхъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, и заключающихся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, учреждается при Демидовскомъ юридическомъ лицей стипендія имени Павла Александровича Демидова.

§ 2. Капиталь этого долженъ навсегда оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ процентныхъ бумагахъ въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ въ разрядѣ специальныхъ средствъ лица, подчиняясь въ расходованіи процентовъ дѣйствию общихъ правилъ о единствѣ кассъ.

§ 3. Проценты обращаются на выдачу стипендій одному изъ студентовъ лица.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ совѣту лица, при чемъ избраннымъ можетъ быть только студентъ, извѣстный совѣту по своимъ отличнымъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Студентъ, удостоенный стипендіи, пользуется оною до окончанія курса въ лицей или до выбытія изъ онаго; раньше этого онъ можетъ быть лишень совѣтомъ стипендіи, за малоуспѣшность и недобрительное поведеніе.

§ 6. Пользованіе стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіата.

30. (6-го декабря 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Павловича Воскресенскаго при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ.* (На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено, за министра народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ *два тысячи* рублей, отчисленнаго изъ суммъ запаснаго капитала общества вспоможенія бывшихъ учениковъ Московскаго частнаго реальнаго училища Воскресенскаго по постановленію общаго собранія 12-го октября 1903 года, учреждается при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Павловича Воскресенскаго въ ознаменованіе неполивнагося 2-го декабря 1903 г. 25-лѣтія пребыванія его въ должности директора названнаго реальнаго училища.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ 4 $\frac{1}{2}\%$ свидѣтельствахъ государственной ренты за № 177—2746 и 97—2255 по 1.000 руб. каждое, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ специальными средствами Императорскаго Московскаго техническаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала 5 $\frac{1}{2}\%$ государственнаго налога, опредѣляется въ 76 руб., изъ коихъ соответствующая часть употребляется какъ плата за ученіе, а излишекъ причисляется къ капитальной суммѣ стипендіи.

§ 4. Стипендія предоставляется одному изъ студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища бывшему ученику Московскаго частнаго реальнаго училища Воскресенскаго по преимуществу изъ дѣтей членовъ общества вспоможенія бывшихъ учениковъ Московскаго частнаго реальнаго училища Воскресенскаго. Но если бы изъ означенныхъ лицъ не оказалось кандидата, то $\frac{1}{2}\%$ съ капитала, получаемые за все время незамѣщенія стипендіи, причисляются къ капиталу стипендіи.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется пожизненно дѣйствительному статскому совѣтнику Константину Павловичу Воскресенскому, а затѣмъ правленію общества вспоможенія бывшихъ учениковъ Московскаго частнаго реальнаго училища Воскресенскаго.

§ 6. Право на пользованіе стипендіею предоставляется стипендіату на все время пребыванія его въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ и можетъ быть прекращено постановленіемъ учебнаго комитета училища лишь въ случаѣ неодобрительнаго поведенія

стипендіата или его малоуспѣшности въ учебныхъ занятіяхъ, обусловливаемой недостаточнымъ прилежаніемъ.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Беллярminoвъ, П. Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Изданіе 10-е, испр. С.-Пб. 1903. Стр. IV+293. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „Ишатовичъ, В. С. Концентрическій учебникъ французскаго языка. Часть III. Изданіе 13-е. С.-Пб. 1904. Стр. XVIII+294+87. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „Илюйскій, Д. Новая исторія. Курсъ старшаго возраста. (Руководство ко всеобщей исторіи. Часть III). Изданіе 28-е, вновь пересм. и доп. М. 1903. Стр. 245+1 карта. Цѣна 65 коп.“

— „Росманъ и Шмидтъ. 1) Иллюстрированный курсъ французскаго языка. Подъ ред. С. А. Минштейна обработали А. Анниковъ и Камилль Бенуа. Изданіе 2-е, испр. и доп. Выпускъ I-й: Первый годъ. С.-Пб. 1904. Стр. VI+96+49. Цѣна 75 коп. въ перепл.—2) Краткая систематическая грамматика французскаго языка, составл. примѣнительно къ «Иллюстрир. курсу франц. языка.» Подъ ред. С. А. Минштейна обработали А. Анниковъ и Камилль Бенуа. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. VII+72. Цѣна 40 коп. въ перепл.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Поливановъ, Левъ. Русская хрестоматія. Часть III для V, VI,

VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Книга 2-я. Изданіе 6-е. М. 1903. Стр. XXXV+316+136. Цѣна 1 р.“

— „*Торнау, Н. Н.* Учебный историческій атласъ. Часть I. Древняя исторія. 5-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 15+V табл. картъ. Цѣна въ накѣ 60 коп.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Вильке, Артуръ.* Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полный переводъ подъ ред. *В. В. (Жобельцина)*. (Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Томъ III). Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». С.-Пб. 1902. Стр. XVIII+644. Цѣна 5 р. въ роскошн. перепл. 6 р.“ (для старшаго возраста, а также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Герсievскій, П. И.* Краткій учебникъ политической экономіи. 2-е изданіе, испр. и доп. С.-Пб. 1903.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Горлицевъ, Д., и А. Воронецъ.* Задачи, вопросы и софизмы для любителей математики. М. 1903. Стр. VII+95. Цѣна 70 коп.“

— „*Коропчевскій, Д. А.* Первые уроки этнографіи. Изданіе К. П. Тихомирова. М. 1903. Стр. II+176. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Семья и ея задачи.* Книга для родителей и воспитателей, составленная родителями и друзьями дѣтей подъ ред. *Алекса Арестяля*. Разработанный и дополн. для русскихъ читателей переводъ съ норвежскаго подлинника *А. и П. Гинзель*. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 461. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Томшиевичъ, В. А.* Учебникъ законовѣдѣнія. Выпускъ II. С.-Пб. 1903. Стр. 245+19. Цѣна 2 р. 25 коп.“ (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки гимназій и реальныхъ училищъ, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допуститъ условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Лесбазъ, В. А.* Учебная книга географіи. Россійская Имперія. 22-е изданіе, знач. испр. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 1 р.“

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Циммеръ, Т.* Очеркъ общей педагогикн. Переводъ съ нѣм. *М. Ефремовой*, подъ ред. *М. Лихарева*. Изданіе ред. журн. «Образованіе». С.-Пб. 1903. Стр. 185. Цѣна 50 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Штоль, В. Г.* Разказы изъ исторіи для школы и дома. С.-Пб. 1884.“—**исключить**, какъ устарѣлую по содержанию, изъ „Опыта каталога ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“ и изъ „Каталога книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ читателей“.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допуститъ слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Анисовъ, М. В.* Методическая хрестоматія класснаго хороваго пѣнія. Курсъ 1-й—младшій. Витебскъ. 1903. Стр. 67. Цѣна 1 р.“ (также и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Воскресенскій, Констант.* Краткая отечественная исторія въ очеркахъ и біографіяхъ. 8-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига 1904. Стр. 95. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, преимущественно инородческихъ).

— „Гольденбергъ, Н. Ключъ къ «Русской школѣ», составленной М. Бубликовымъ и П. Гольденбергомъ. Вильна. 1903. Выпускъ 1-й. Стр. 44. Цѣна 15 коп.—Выпускъ 2-й. Стр. 44. Цѣна 20 коп.—Выпускъ 3-й. Стр. 68. Цѣна 25 коп.“ (для тѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, въ которыхъ дѣти, при поступленіи, не умѣютъ говорить по-русски).

— „Гречукинъ, С. И. Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. Изданіе 2-е, испр. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ и 2-классныхъ училищъ).

— „Дависъ, И. Элементарный курсъ практической русской грамматики. 2-е изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Стр. 90. Цѣна 15 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „Луцковъ, П. Азбука церковно-славянскаго языка и первая послѣ азбуки книга для церковно-славянскаго чтенія. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Паглядная зоологія для преподаванія естественной исторіи. Изданіе Гросманъ и Кнебель. Москва. 67 картинокъ въ листахъ. Цѣна 6 р. 70 коп.“

— „Поливановъ, Левъ. Начальная книжка для обученія русскому языку. Изданіе 12-е. М. 1903. Стр. X + 218. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ и двухклассныхъ училищъ, а также для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Царство животныхъ въ картинахъ. Изданіе Гросманъ и Кнебель. М. 1902. 16 листовъ. Цѣна 1 р. 60 коп., наклеен. на полотно въ видѣ двухъ большихъ стѣнныхъ таблицъ 3 р.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Вершинъ, Н. Въ помощь учащимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Краткій сборникъ законоположеній и распоряженій. 2-е доп. изд., К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 235. Цѣна 45 коп.“

— „Зубрилинъ, А. А. Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамскаго уѣзда. 2-я бесѣда о травосѣяніи. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Под. ред. Н. Горбунови-Посадова. Книжка 20-я). М. 1902. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Куниловъ, Ѡ. П. Хорошіе люди. Сельско-хозяйственные рассказы. Книжка 1-я. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 119.

Цѣны 20 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій, городскихъ и 2-классныхъ сельскихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной комисіи Кіевского Общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ 1-й. Кіевъ. 1903. Стр. VI + 242 + IV. Цѣна 75 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Русаневичъ, А.* Сельскія ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества. Наданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 25. Цѣна 10 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Штейертъ.* Какъ помогать скотиѣ въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ. Переводъ съ нѣм. *С. Портыкино.* (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунов-Посадова.* Книжка 17-ая). М. 1901. Стр. 152. Цѣна 40 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Яблоня. Краткое руководство къ правильной ея посадкѣ и надлежащему за ней уходу. Составлено главнымъ управленіемъ плодовыми садами Ф. Н. Шипова при с. Новинки, близъ Нижн.-Новгорода. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 35 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Рубакинъ, Н. А.* Гибель корабля «Гроеноръ». (Народы и страны. Географическая библіотека. Вып. IX). Изданіе П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Андерсенъ, Г.* Гадій утенокъ. Павозный жукъ. Переводъ *Н. И. Перемышля.* Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Четыре разсказа. 1. Еврейка. 2. На могилѣ ребенка. 3. Сонъ. 4. Сидень. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 39. Цѣна 20 коп., въ пакѣ 35 коп.“

- „Арабскія сказки. Переводъ *И. Введенскаго*. Изданіе 3-е, П. С. Аскарханова. С.-Пб. 1903. Стр. 65. Цѣна 15 коп.“
- „*Важасевъ, В. Г.* Луга и ихъ улучшеніе. Изданіе 3-е, К. П. Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“
- „*Варанцевичъ, К. С.* Спасенные буры. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 84. Цѣна 20 коп.“
- „*Велдыцкій, Н.* Михаилъ Пикитичъ Романовъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“
- „*Вьялевская, О.* Въ смертный часъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 9. Цѣна 3 коп.“
- „*Висинъ, Н.* Какъ нужно обращаться съ животными. Сборникъ стихотвореній, басенъ и статей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 126. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ училищъ).
- „*Висинъ, Н.* Русскія народныя сказки и басни о звѣряхъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 63. Цѣна 15 коп.“
- „Война. Разсказъ дяди Жоржа. Переводъ съ французскаго *Н. И. Живаго*. (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *Н. Горбунова-Посадова*). М. 1904. Стр. 50. Цѣна 45 коп.“ (также и въ учебныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).
- „*Вольногорскій, Павелъ.* О чемъ грезила елка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 18. Цѣна 5 коп.“
- „*Гоголь, Н. В.* Избранныя сочиненія. Подъ ред. и съ объясненіями *Ив. Феофанова*. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Книжка 1. Стр. 58. Цѣна 8 коп.—Книжка 2. Стр. 113. Цѣна 15 коп.—Книжка 3. Стр. 128. Цѣна 15 коп.—Книжка 4. Стр. 101. Цѣна 15 коп.—Книжка 5. Стр. 155. Цѣна 20 коп.“
- „*Горбуновъ, Н.* Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы. Изданіе 12-е, т-ва «Общественная польза». С.-Пб. 1903. Стр. 23. Цѣна 5 коп.“
- „*Дмитріевъ, М. Г.* Больничный сторожъ Хвеська. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 27. Цѣна 8 коп.“
- „*Дмитріевъ, К.* Удобреніе и обработка пароваго поля. Неурожай отъ засухъ. 3-е изданіе К. П. Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).
- „*Ефремова, О.* Рождество Христово. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 14. Цѣна 2 коп.“
- „*Зибълю, О.* Ласточки. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“

— „Забѣлю, О. Разказы о Греціи и грекахъ. № 362. М. 1900. Стр. 173. Цѣна 35 коп.“

— „Исторія Руои-моавитянки. (По Библии). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 12. Цѣна 4 коп.“

— „Кедрова, А. Четыре разказа. (Малымъ ребятамъ. Книжка 25-я). № 441. М. 1902. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „Китлингъ, Рудіардъ. Моряки. Пер. съ англ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

— „Кирютенко, А. П. Прогулка въ страну чудесъ. 2-е изданіе, М. М. Ледерле. (Иллюстрированно-научная бібліотека. Выпускъ I). С.-Пб. 1896. Стр. 54. Цѣна 40 коп.—То же. Изданіе 3-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1898. Стр. 63. Цѣна 40 коп.“

— „Колокольникова, В. Исторія одного ежа. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 26. Цѣна 8 коп.“

— „Коріель, Джонъ Россель. Діего Пинзонъ и страшное путешествіе, которое онъ совершилъ въ невѣдомый океанъ въ 1492 году. Переводъ съ англ. А. Ребиндръ. Изданіе II. П. Морена. С.-Пб. 1895. Стр. 183. Цѣна 1 руб.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Крестовые походы. Издательскій комитетъ Харьковскаго Общества грамотности. № 104. Харьковъ. 1903. Стр. 48. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Курлювъ, А. В. Божій человекъ. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души. № 19). М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Курлювъ, А. В. Полканъ Собакинъ. Изданіе 3-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 191. Цѣна 1 руб.“

— „Лавченко, С. Г. О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Изданіе 6-е, т-ва «Общественная польза». С.-Пб. 1904. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Лебедевъ, К. А. Перстъ Божій. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 59. Цѣна 15 коп.“

— „Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія. Изданіе К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 261. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Лукинъ, Клавдія. Тучки. Сборникъ разказовъ. Изданіе В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

- „*M—sing, Iv.* Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Съ франц. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 67. Цѣна 15 коп.“
- „*Мало, Гекторъ.* Въ семьѣ. Переводъ съ франц. *А. Черкасо.* Изданіе Н. Н. Морева. С.-Пб. 1898. Стр. 308. Цѣна 1 руб.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).
- „*Малышевъ, М. Е.* Какъ дѣдъ съ французомъ воювалъ. Изданіе 3-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“
- „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Аленушкины сказки. (Библіотека для семьи и школы). 6-е изданіе. М. 1904. Стр. 131. Цѣна 1 руб.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).
- „*Марриэтъ.* Приключенія Якова Вѣриго. Переработано для юношества. Переводъ *Л. П. Шелуновой.* Изданіе 3-е, Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1902. Стр. 114. Цѣна 60 коп., въ перел. 85 коп.“
- „*Меньшиковъ, А. Н.* Для чего устраняются праздники древо-насажденія въ школахъ городскихъ и сельскихъ? Вятка. 1903. Стр. 27. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).
- „*Митропольскій, Ив.* Чудесныя превращенія и другіе рассказы для дѣтей. Изданіе М. В. Ключина. М. 1904. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“ (для городскихъ училищъ).
- „*Музина-Пушкита, О. И.* Рассказы тети Оли. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 186. Цѣна 1 руб.“
- „Нѣмецкія народныя сказки. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Книжка 1-я. Стр. 39. Цѣна 10 коп. — Книжка 2-я. Стр. 65. Цѣна 15 коп.“
- „*Нюбломъ, Елена.* Водяной. Сказка. Пер. *А. и П. Ганзенъ.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“
- „*Нюбломъ, Елена.* Ожерелье королевы. Сказка. Перев. *А. и П. Ганзенъ.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 21. Цѣна 5 коп.“
- „*Нюбломъ, Елена.* Свенъ-Горя-Мало. Сказка. Переводъ *А. и П. Ганзенъ.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 4 коп.“
- „*Оксъ, В.* Весельчакъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 35. Цѣна 8 коп.“
- „*Оксъ, В.* Жанна д'Аркъ, Орлеанская дѣва. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“
- „*И—й, С.* Путешествіе по Сахаръ. По Брѹму. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Парамоновъ, А.* Вооруженіе у животныхъ и приспособленія для защиты и нападенія. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 62. Цѣна 20 коп.“

— „*Перъ Ключе и король.* (Изъ датскихъ народныхъ преданій). Съ датскаго перевелъ *А. Ганзенъ.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 17. Цѣна 4 коп.“

— „*Побѣдители бурн.* Разказы о томъ, какъ спасаютъ погибающихъ людей на морѣ. № 227. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Портыкій, С. А.* Дары моря. Откуда добываютъ жемчугъ, кораллы, перламутръ и губки. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“

— „*Разинъ, А.* Гетманъ Степанъ Остряница. Изданіе 4-е, М. В. Ключкина. (Историческая библіотека. № 2). М. 1900. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“

— „*Разинъ, А.* Разоренный годъ. Изданіе 4-е, М. В. Ключкина. (Историческая библіотека. № 1). М. 1900. Стр. 96. Цѣна 20 коп.“

— „*Размышленія христіанина, посвященныя ангелу хранителю, на каждый день въ продолженіе мѣсяца.* Изд. 8-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 248. Цѣна 40 коп.“

— „*Розенеръ, И.* Хижина дровосѣка. Перев. *З. Журавской.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“

— „*Русскіе писатели.* Маленькая хрестоматія. Выпускъ 2-й. Изд. 2-е, Н. С. Аскаرخанова. С.-Пб. 1903. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Сборникъ разказовъ, выбранныхъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ.* Переводъ *С. Вердеревской.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 37. Цѣна 10 коп.“

— „*Святловъ В.* Преданіе о хитонѣ Господномъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 42. Цѣна 12 коп.“

— „*Святловъ, В. А.* Сестра Марія. Грузинское преданіе. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 60. Цѣна 15 коп.“

— „*Святловъ, В. И.* Совѣсть. Рождественскій разказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 34. Цѣна 10 коп.“

— „*Свишниковъ, Е.* Лединой домъ. (По роману Н. И. Лажечникова). 3-е изданіе ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 159. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Свѣшникиова, Я.* Любимая книга. Съ польскаго. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Св. Четырдесятница и страстная седмица. Сборникъ статей для назидательнаго чтенія. Изданіе П. А. Смирнова. Шацкѣ. 1902. Стр. X + 343. Цѣна 1 р.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Серебрянкоу, Ѡ.* Въ низовьяхъ Волги. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Крагъ, барагъ Кутепейскихъ горъ. Перев. кн. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Медвѣженокъ Джонни. Перев. съ англ. кн. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 36. Цѣна 8 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Тито. Переводъ кн. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Уличный пѣвецъ или Приключенія воробья. Пер. кн. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 21. Цѣна 5 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* I. Ценокъ Чинкъ. II. Утка-мать и опасный переходъ. Переводъ кн. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 31. Цѣна 8 коп.“

— „Славныя дѣти. № 311. М. 1901. Стр. 62. Цѣна 3 коп.“ (также и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сно, Етпей.* Цыгане. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“

— „*Сверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* Маленькіе работники. Историческій разсказъ. Изданіе автора. № 1. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Сверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* Не всякому слуху вѣрь. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“

— „*Сверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* Трошка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 94. Цѣна 20 коп.“

— „*Тихоновоу, В.* Арабчикъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изданіе 3-е. Н. С. Аскарханова. С.-Пб. 1903. Стр. 23. Цѣна 3 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Кавказскій плѣнникъ. Изданіе 10-е, II. С. Аскарханова. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Уйди*. 1) Приключенія маленькаго графа. Переводъ *Н. И. Перельмана*. 5-е изданіе М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1899. Стр. 64. Цѣна 15 коп.—2) То же. Изданіе 6-е, М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 30 коп., въ пакѣ 45 коп.“

— „*Харузина*, *В.* Лопаря. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 38. Цѣна 10 коп.“

— „*Чижиовъ*, *Е.* Великіе люди изъ простаго званія. Изданіе *Е. Чижиова*. М. 1903. 1) Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. Стр. 23.—2) Фультопъ, изобрѣтатель пароходовъ. Стр. 23.—3) Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. Стр. 23. Цѣна каждой книжкѣ 5 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Шулькинъ*, *И.* Русскія народныя сказки. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1902. Стр. 33. Цѣна 7 коп.“

— „*Феокистовъ*, *Ив.* О львахъ. По Брѣму и другимъ источникамъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

д) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Архангеловъ*, *С. А.* Старець Серафимъ и Саровская пустынь. Изданіе *П. П. Софкина*. (Дешевая библіотека Русскаго Паломника). С.-Пб. 1903. Стр. 197. Цѣна 25 коп.“

— „*Буликовскій*, *Д. Г.* Здоровье. (Изъ сборника „На помощь“). Изданіе *М. В. Клюкина*. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Горбачевичъ*, *А.* На волосокъ отъ смерти. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. № 103. Харьковъ. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена“.

— „*Горбуновъ-Посадовъ*, *И.* Благородиѣйшіи изъ людей и другіе притчи и рассказы. № 400. М. 1901. Стр. 35. Цѣна 1½ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ*, *И.* Бѣлый гость и другіе притчи и рассказы. № 397. М. 1900. Стр. 34. Цѣна 1½ к.“

— „*Губаревичъ*, *В.* Маленькіе азіаты. Рассказы изъ бухарской жизни. Изданіе *П. П. Морева*. С.-Пб. 1900. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“

— „*Доде*, *Альфонсъ*. Три рассказа. Переводъ съ франц. *Д. Буликовскаго*. Изданіе 2-е, *М. В. Клюкина*. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Шликъ*, *Ф.* Томасъ Эльва Эдисонъ. Издательскій комитетъ

Харьковскаго общества грамотности. № 101. Харьковъ. 1903. Стр. 79. Цѣна не обозначена.“

— „*Караханъ, Ид.* На Кавказѣ. Въ гостяхъ у горцевъ и казаковъ. Изданіе Н. Н. Морева. С.-Иб. 1900. Стр. 68. Цѣна 40 коп.“

— „*Кулегаевъ, И.* Краткое описаніе Курской губерніи. Харьковъ. 1903. Стр. 56+1 карта. Цѣна. 25 коп.“ (также и въ учительскія и ученическія бібліотеки низшихъ училищъ Курской губ.).

— „*Лейкинъ, Н. А.* Въ гостяхъ у турокъ. Изданіе 7-е. С.-Иб. 1902. Стр. 584. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д.* Дорогой камень. Изданіе Н. Н. Морева. С.-Иб. 1900. Стр. 46. Цѣна 35 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д.* Дѣдушкино золото. Изданіе Н. Н. Морева. С.-Иб. 1900. Стр. 45. Цѣна 35 коп.“

— „*Мирюлинъ, М. Н.* Болѣзнь глазъ — трахома. С.-Иб. 1903. Стр. 21. Цѣна 5 коп.“

— „*Маутнеръ, Ф.* Исторія бѣднаго Оеди. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“

— „*Мищенко, П. С.* Въ горахъ Тянь-Шаня въ экспедиціи С. Н. Алфераки въ 1879 году. С.-Иб. 1903. Стр. 72. Цѣна 1 р. съ пересылкой.“

— „*Орловъ, Георгій.* Маленькимъ грамотицамъ. Женскій мірокъ. Изданіе 1—ва П. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 460+IV. Цѣна 75 коп.“

— „*Романскій, Н.* Преподобный Серафимъ, Саровскій чудотворецъ. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Съверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* I. Царевъ варгачиствъ. II. Паракита. Изданіе автора. С.-Иб. 1903. Стр. 28. Цѣна 25 коп.“

— „*Т., Н., и П. III.* Новые законы о служащихъ рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Изданіе неофіціальное. М. 1904. Стр. 86. Цѣна 25 коп.“

— „*Тигоневъ, Влад.* Баранъ-Барабанъ. Изданіе Н. Н. Морева. (Бібліотека „Родника“). С.-Иб. 1900. Стр. 29. Цѣна 20 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Три смерти. Изданіе 3-е, П. С. Аскарханова. С.-Иб. 1903. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Фалькстортъ, К.* Африканскій кожаный чулокъ. Изданіе Н. Н. Сойкина. С.-Иб. 1899. (Бібліотека романовъ [Приключенія на сушѣ и на морѣ]). Томъ I. Пѣжное сердце. Стр. 176.—Томъ II. Тангаланскій левъ. Стр. 192.—Томъ III. Корсаръ пустыни. Стр. 182. Цѣна за 3 тома 1 р. 25 коп.“

— „Фридманъ, М. Общества сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. Подъ ред. Н. Ожрова. Изданіе попечительства о народной трезвости. М. 1903. Стр. 107. Цѣна 6 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „Штейнгауэръ, Н. С. Общій курсъ географіи. Изданіе Н. Н. Карбасникова. С.-Пб. 1901. Стр. IV+120+1 карта. Цѣна 50 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— „Овчинниковъ, Н. Русская хрестоматія. Чтенія и письменныя упражненія. Изданіе Ф. Н. Трескиной. Рига. 1903. Стр. 180. Цѣна 40 коп.“ (для породческихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи устранены были опечатки).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Лебедевъ, Н. Курсъ чистописанія. Прописи русскія, французскія и нѣмецкія. Изданіе Г. Я. Юревича. Рига. 1902. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книжки подъ общимъ заглавіемъ: „Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. А. А. Ивановскаго. Изданіе С. Курнина и К°. М. 1901. 1) Чукчи. Составила Н. И. Янышинова. Стр. 32. Цѣна 10 коп. — 2) Якуты и ихъ страна. Составила Е. С. Ромодановская. Стр. 56. Цѣна 10 коп.—3) Буряты. Составила Н. Б. Веселовская. Стр. 34. Цѣна 10 коп.“ — допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— „Журналь: Путеводный огонекъ. 2-хнедѣльный журналъ подъ ред. А. А. Федорова-Давыдова. Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп.“ — разрѣшить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя бібліотеки-читальни.

— Книгу: „Бабиковъ, А. Н. На зарѣ. Изданіе Н. Н. Морева. С.-Пб. 1897. Стр. 220. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Юрьева, М. Разсказъ изъ прошлаго. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 262. Цѣна 1 руб.“ — допустить въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Золотавинъ, П. Воздухъ и климатъ и значеніе ихъ для здоровья человѣка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна не обозначена.“ — допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Желиховская, Вѣра. Розанчикъ. Волшебная сказка. Изданіе 2-е, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. 41. Цѣна не обозначена.“ — допустить въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу инженеръ-технолога П. Перлова: „Желѣзнодорожное водоснабженіе. Пособіе для учениковъ техническихъ школъ и машинистовъ водокачекъ. Томскъ. 1902 года. Цѣна 1 руб.“ — одобрить для бібліотекъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленіемъ отдѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденному его превосходительствомъ г. и. о. товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книги, изданныя П. П. Моревымъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ. Отдѣлъ критики и бібліографіи дѣтской литературы. Чтенія для народныхъ аудиторій изъ А. С. Пушкина.“ I. „Русланъ и Людмила. С.-Пб. 1899 г. Стр. 49.“ II. „Арапъ Петра Великаго. С.-Пб. 1899 г. Стр. 36.“ III. „Мѣдный Всадникъ. С.-Пб. 1899 г. Стр. 24.“ IV. „Бахчисарайскій фонтанъ. С.-Пб. 1899 г. Стр. 25.“ V. „Кавказскій плѣнникъ. Галубъ. С.-Пб. 1899 г. Стр. 44.“ VI. „Борисъ Годуновъ.

С.-Пб. 1899 г. Стр. 53.“ VII. „Скупой рыцарь. С.-Пб. 1899 г. Стр. 26.“ Цѣна каждаго чтенія 5 коп., должны быть включены въ слѣдующее изданіе „Каталога книгъ для публичныхъ народныхъ чтеній.“

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 7-го октября 1903 г. состоялось открытіе Витебскаго втораго городского 3-хъ класснаго училища, при 140 учащихся.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Приступая къ изданію каталога учебныхъ руководствъ и пособій для низшихъ училищъ, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія объявляетъ, по распоряженію г. министра, что въ этотъ каталогъ будутъ внесены только изданія, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 1894 года. Авторы и издатели руководствъ и пособій, внесенныхъ въ каталогъ министерства, изданный въ 1901 г., не представлявшіе на разсмотрѣніе ученаго комитета послѣдовавшихъ съ 1894 г. изданій, приглашаются представить таковыя не позже 1-го августа 1904 г. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, книги, внесенныя въ каталогъ 1901 г., но неизвѣстныя комитету въ изданіяхъ 1894 и послѣдующихъ годовъ, не будутъ внесены въ новый каталогъ.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

IV.

Редакція Толковой Пален.

Редакція Толковой Пален до сихъ поръ не представляются съ достаточной ясностью. Первые и единственныя свѣдѣнія мы находимъ у Тихонравова, и съ тѣхъ поръ въ большинствѣ случаевъ повторяются его замѣчанія, когда говорятъ то о первой, то о второй редакціи Пален. Накопленіе новаго матеріала и разработка новыхъ памятниковъ заставляютъ пересмотрѣть замѣчанія Тихонравова, и, если въ общемъ они и останутся въ силѣ, то въ частности неминуемо потерпятъ измѣненія, что вполне естественно. За Тихонравовымъ все-таки останется слава перваго изслѣдователя Пален, наметившаго основныя положенія. Наши свѣдѣнія о редакціяхъ Пален сводились къ слѣдующимъ положеніямъ, недавно высказаннымъ и мною, а именно: „Толковая Пален представляетъ собой изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ толкованіями, направленными къ обличенію евреевъ. Въ толкованіи и обличеніи ея главнѣйшая задача. Несомнѣнно, Толковая Пален была вызвана историческими обстоятельствами. Впослѣдствіи, когда жгучій интересъ къ полемикѣ противъ евреевъ прекратился, Толковая Пален получила значеніе просто библейскаго разсказа въ родѣ хронографу, а потому стала дополняться другими, посторонними разсказами, не шедшими къ первоначальной идѣ. Ересь жидовствующихъ въ XV вѣкѣ вызвала опять интересъ къ Толковой Пален и оказала свое вліяніе

¹⁾ *Продолженіе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ.

на нее въ томъ отношеніи, что она пополнилась талмудическими легендами. Наконецъ, она совершенно потеряла свой полемическій характеръ и вошла въ составъ историческаго сборника“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1902 г., № 3, стр. 224). Кроме того, у Тихонравова можно найти указаніе, что въ различныхъ редакціяхъ Пален въ различномъ видѣ представлены „Завѣты 12 патріарховъ“, въ полномъ и краткомъ видѣ: краткій видъ попалъ въ первую редакцію, полный—во вторую. А. Поповъ въ „Обзорѣ хронографовъ“ говоритъ о Палевъ, „слитой съ хронографомъ“, и приводитъ нѣкоторыя выписки оттуда. Но все-таки оставалось многое неяснымъ и неизвѣстнымъ: 1) сколько же, въ дѣйствительности, редакцій Толковой Пален, 2) чѣмъ онѣ между собой отличаются, 3) что за историческій сборникъ или хронографъ былъ связанъ впоследствии съ Палеемъ? Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду въ краткихъ чертахъ рассмотреть поставленные вопросы, оставляя болѣе подробное изслѣдованіе до будущаго времени.

Въ I томѣ сочиненій Тихонравова (дополненія, стр. 114 — 115) напечатаны извлеченныя изъ его бумагъ замѣчанія о редакціяхъ Толковой Пален, часть которыхъ, имѣющую отношеніе къ дальнѣйшему изложенію, я выпишу. „Древнѣйшая русская редакція Толковой Пален представляетъ намъ этотъ памятникъ съ мелкими передѣлками русскаго редактора и въ наиболѣе близкомъ видѣ къ греческому памятнику, который несомнѣнно служилъ ей оригиналомъ. Отличительнымъ признакомъ этой древнѣйшей редакціи служатъ, между прочимъ, краткость изложенія жизни Авраама и особенно исторіи Іосифа, ограничивающейся лишь тѣми событіями его жизни, въ которыхъ составитель Пален находитъ возможнымъ найти таинственныя указанія на новозавѣтныя лица и дѣянія. 2) Семья среднихъ редакцій Толковой Пален, составившихся въ первой половинѣ XV вѣка, немногочисленна и обнимаетъ тѣ ея списки, въ которыхъ отреченное „Откровеніе Авраама“, нѣкогда не имѣвшее никакого отношенія къ Толковой Палевъ, вносится въ ея составъ и рассказывается отъ лица составителя Толковой Пален. Наконецъ, 3) новая редакція Толковой Пален, относящаяся къ послѣдней четверти XV в., приимаетъ въ себя редакцію Завѣта 12 патріарховъ *полную* (а не краткую), какъ было прежде, длинный апокрифическій рассказъ о житіи пророка Моисей до исхода изъ Египта, различныя апокрифическія басни о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ, о Соломоновыхъ судахъ, о хожденіи Сифа въ рай (по Никодимову евангелію) и, пробывая между древней Пален,

разсказываетъ о ветхозавѣтныхъ событіяхъ послѣ Соломона, передаетъ апокрифическую исторію о плѣненіи Іерусалимскомъ, ведетъ историческій разсказъ далѣе и, теряя изъ виду первоначальный полемическій характеръ, переходитъ въ хронографъ. Русскимъ событіямъ и преданіямъ о Кириллѣ философѣ отводится здѣсь довольно много мѣста. На этой ступени своего развитія Толковая Палея не только позабыла свою прежнюю задачу—служить обличеніемъ жидовину,—но отчасти пришла съ нею въ полное противорѣчіе. Громадный, вѣками накопившійся матеріалъ, давилъ позднѣйшаго редактора Толковой Палеи: онъ не умѣлъ овладѣть массою разнообразныхъ свѣдѣній, съ теченіемъ времени нараставшихъ въ Палеѣ: редакторъ впадалъ часто въ хронологическія противорѣчія съ самимъ собою и объ одномъ и томъ же событіи передавалъ несогласные другъ съ другомъ разсказы. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ Палеи Толковой особенно важно внутреннее безсознательное, невольное противорѣчіе между первобытною обличительною цѣлью Палеи и ея содержаніемъ. Вся она направлена была въ одной цѣли—обличить „окалпнаго жидовина“, а между тѣмъ въ той же Палеѣ много мѣста заняли іудейскія саги и легенды, внесенныя въ Палею въ Новгородѣ и Исковѣ въ эпоху и подъ вліяніемъ жидовской ереси, въ которой примѣсь жидовскаго элемента хотя и не преобладала надъ другими тенденціями ереси, но была настолько сильна, чтобъ оставить слѣды въ современной русской словесности, и прежде всего въ Толковой Палеѣ“.

Въ настоящее время эти замѣчанія Тихонова, оставаясь въ общемъ вѣрными, въ частности, однако, требуютъ поправки. Я въ свое время указалъ, что Откровеніе Авраама вошло и въ первую редакцію Палеи, а впоследствии авторъ второй редакціи лишь распространить при помощи того же Откровенія старшій текстъ первой редакціи; см. объ этомъ далѣе. Въ третьей редакціи Палеи, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ Завѣты патриарховъ въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ предшествующихъ редакціяхъ, но, какъ будетъ показано ниже, едва ли намъ нужно говорить о полной и краткой редакціи Завѣтовъ. Завѣты существовали всегда въ одной лишь редакціи, сохранившейся въ настоящемъ своемъ видѣ въ Архивскомъ хронографѣ, откуда ихъ и слѣдовало бы издать, а въ Палеяхъ мы имѣемъ дѣло уже съ передѣлками ихъ, причемъ ихъ передѣлки происходили въ обычномъ вкусѣ авторовъ Палеи. Авторъ первоначальной Палеи просто на просто сокращалъ Завѣты и снабжалъ толкованіями, а авторъ послѣдующей Палеи (третьей по Тихонову) при передѣлкѣ имѣлъ

подъ руками полный текстъ Завѣтовъ, и частію выписывалъ текстъ краткой Палеи, частію дополнялъ недостающее изъ полного текста Завѣтовъ. Вопросъ о средней редакціи разбирается далѣе, а значенію и характеръ третьей редакціи, а также время и мѣсто ея составленія будутъ яснѣе послѣ точнаго анализа ея.

Коломенскій типъ Толковой Палеи, изданный учениками Тихонравова, теперь уже достаточно извѣстенъ. Онъ представляетъ собой, дѣйствительно, первую редакцію, и вопросъ можетъ состоять лишь въ томъ, явилась ли она изъ подъ пера одного лица, или имѣла нѣсколько недошедшихъ до насъ посредствующихъ ступеней. Рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ задачу настоящихъ замѣтокъ, но я все таки считаю нужнымъ сказать, что, по моему мнѣнію, Толковая Палея въ Коломенской редакціи есть трудъ одного лица, хотя ея источники существовали гораздо раньше ея составленія. Въ свое время я указалъ, что и названіе „Толковой Палеи“ существовало раньше и примѣнялось къ толкованіямъ Феодорита Кипрскаго на книги ветхаго завіта, и авторомъ добавлено лишь поясненіе въ видѣ словъ „яже на Іудея“. По восьми спискамъ она издана учениками Тихонравова, кромѣ того послѣ изданія стало извѣстнымъ еще достаточно количество списковъ. Отъ всѣхъ этихъ списковъ будетъ отличаться прежде всего одинъ видъ Палеи, также извѣстный уже, но представляемый пока лишь въ трехъ спискахъ: 1) Соловецкій, № 653, изъ котораго изданы нѣкоторые апокрифы Порфирьевымъ, 2) Волоколамскій № 549 (Московской Духовной Академіи), изъ котораго издано Тихонравовымъ Откровеніе Авраама, и 3) изъ собранія Вяземскаго, теперь Общества Любителей Древней Письменности въ 4°, № 190, XVI—XVII в.; послѣдній списокъ оканчивается книгой Руфь. Въ своихъ прежнихъ замѣчаніяхъ о Толковой Палей я разобралъ рассказъ объ Авраамѣ въ Соловецкой Палей и указалъ, что редакторъ ея воспользовался кромѣ Палеинаго текста тина Коломенской еще полнымъ спискомъ Откровенія Авраама. Теперь нужно сдѣлать одну поправку къ сказанному, а именно то, что Порфирьевъ въ своемъ изданіи почему-то сдѣлалъ пропускъ лл. 93а—94а своего оригинала, что соотвѣтствуетъ въ Коломенскомъ списокѣ 253,27—257,27, такъ что послѣ текста Откровенія стран. 52—53 слѣдуетъ выписка изъ Коломен. 251,25—257,27. Съ Соловецкимъ спискомъ въ отдѣлѣ исторіи Авраама вполне сходятся и Волоколамскій и Вяземскаго. — Въ изложеніи исторіи Авраама единственное отличіе указанныхъ трехъ списковъ отъ Коломенскаго типа: въ остальномъ они вполне сходятся съ послѣднимъ.

Въ виду этого обстоятельства, этотъ типъ едва ли заслуживаетъ названіе типа и тѣмъ болѣе редакціи. За исключеніемъ исторіи Авраама, попавшей, очевидно, случайно подъ руку шпеца, этотъ типъ ничѣмъ не обнаруживается стремленія къ самостоятельности. Поэтому, было бы цѣлесообразнѣе эти три списка не отдѣлять отъ списковъ типа Коломенскаго и разсматривать ихъ какъ одну редакцію, имѣя лишь въ виду, что указанные три списка представляютъ незначительное развѣтвленіе.

Несомнѣнно, особой редакціей, которая можетъ быть названа уже „второй“, будетъ та, которая получаетъ характеръ историческаго сборника. Это — та Палея, которая обыкновенно была извѣстна какъ Палея, слитая съ хронографомъ. Она извѣстна въ слѣдующихъ спискахъ:

1) Румянцевскій № 453, написанный въ 1494 г. Послѣсловіе въ ней напечатано въ описаніи рукописей Румянцевскаго музея, стр. 751—752.

2) Совершенно тождественный съ указаннымъ тоже Румянцевскій № 719.

3) Чудовской (нынѣ въ Синодальной библіотекѣ), № 348—46, XVI вѣка. Послѣднія страницы — о племенахъ Афетовыхъ — вырваны.

4) Погодинскій, 1435, XVI вѣка.

5) Синодальный № 210, первая часть котораго издана Обществомъ Любителей Древней Письменности.

Эти пять списковъ даютъ намъ совершенно особую редакцію Палеи, и выше я сказалъ, что трудно найти здѣсь центръ тяжести: послѣдній можетъ лежать или въ текстѣ Палеи, причемъ все остальное можетъ разсматриваться какъ дополненіе, или — въ хронографѣ, причемъ Палея можетъ разсматриваться только какъ составная часть послѣдняго. Я сказалъ, что за этой переработкой лучше оставить названіе „Толковой Палеи“, въ виду такого названія въ рукописяхъ. Но съ самаго начала нужно имѣть въ виду, что во второй своей части эта редакція Палеи стоитъ въ тѣсной связи съ редакціями такъ называемаго Еллинскаго Лѣтописца, а поэтому для ея разсмотрѣнія необходимо будетъ привлекать и послѣднія.

По своему содержанію эта редакція сама собою распадется на двѣ части — исторію еврейства и исторію всемірную. Еврейская исторія, пересказанная по Палеѣ первой редакціи и Библии, дополнена разнаго рода апокрифами, которые почти все уже извѣстны, будучи изданы или Тихомировымъ или Порфирьевымъ или Пышнымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы“. Анализъ ея текста

указываетъ на обычный способъ составленія подобнаго рода памятниковъ, т. е. на механическое соединеніе отрывковъ изъ различныхъ источниковъ. Но редакторъ употребилъ не мало труда на составленіе своего произведенія, такъ какъ многія страницы, какъ будетъ видно изъ описанія, представляютъ пестроту изъ небольшихъ кусочковъ.

За основаніе описанія данной редакціи Тольковой Палеи я беру списокъ Румянцевскій 453, и только въ началѣ — Синодальный 210.

Начало полной Палеи. тождественное въ общемъ во всѣхъ спискахъ, дастъ намъ чтеніе Коломенскаго, т. е. первую редакцію, которая прямо была списана авторомъ. Если мы возьмемъ за норму Синодальный списокъ, то въ предѣлахъ первыхъ 55 листовъ, соответствующихъ въ Коломенскомъ столбцамъ 1—194,3, мы найдемъ лишь слѣдующія отклоненія Синодальнаго отъ Коломенскаго:

1) Колом. 63,21, Синод. 15—а—b читается вставка, продолжающая рѣчь о фазахъ луны, подъ двумя заглавіями а) настати луны и б) правїи настати лунѣ. Въ одномъ спискѣ первой редакціи Палеи, именно въ Сялинскомъ, въ этомъ же самомъ мѣстѣ читается та же вставка, начало которой не совпадаетъ съ Синод., см. Колом. Палея 63, примѣч. 7. Не имѣя подъ руками описанія Сялинскаго списка, я ничего не могу сказать, въ какомъ отношеніи находится вставка Сялинскаго списка къ Синод., хотя и не будетъ большимъ рискомъ предположить тождество.

2) Текстъ Колом. Палеи 127,11—128,24 въ Синод. и другихъ пропущенъ.

Послѣ Колом. 194,3 въ двухъ спискахъ, Румянцевскомъ и Синодальномъ, находится вставка изъ книги Бытія 4,16—21, не читаемая въ спискѣ Погодинскомъ 1435; тутъ рассказывается о потомствѣ Каина. Пользуясь теперь изданіемъ А. В. Михайлова, можно отмѣтить и особенности текста вставки, не дѣлая никакихъ выводовъ, такъ какъ самое изданіе Михайлова безъ изслѣдованія, которое, впрочемъ, скоро, вѣроятно выйдеть, пока непонятно. По вариантамъ Палейное чтеніе въ очень многихъ случаяхъ удаляется отъ чтенія Ундольскаго № 1-й, взятаго Михайловымъ за основной, наиримѣръ—*оукѣдѣ* (Михайловъ, 25, прим. 116) = Л. Г. М. Рз. Сав.; *нарѣ* (121) = Л. Г. М. Рз. Сав.; *жикѣпї* (144) = Л. Ар. Сав. II.; *к крокѣ скотопищїи* (145—146) = Л. Ао. Ар. Г. М. Рз. Сав.; *сказакын* (151) = Ао. Г. М. Рз. Сав.; *прегосудинца* (152) = Ао. Г. М. Ар. Рз. Сав.; *коузницѣ* (158—159) = Ар. Л. Ао. Г. М. Рз. Сав.; *Нюмана* (161) = Г. М. Рз. Сав.; *жнѣ ламухокѣ* (167) = Л. Ар. Г. М. Рз. Сав.; *вредѣ* (171) Л.

Ар. Г. М. Рз. Сав.; мзкѣ (174) = Л. Ар. Г. М. Рз. Сав. Отсюда видно, что вставка взята изъ такого чтенія, которое представляется списками — Л. Ар. Аѳ. Г. М. Рз. Сав.

Послѣ Кол. 195,20 въ Синод.-Румянц. опять вставка, не читаемая въ Погодин. Вторая часть вставки *Ѡ сѣдѣнїи сѣма трїцы* издана у Тихомирова по Синодальной Палесѣ, стр. 17—18, а по Румянц. Палесѣ—Пыпинымъ, стр. 10. Но передъ ней читается небольшая вставка изъ хронографа: „*РѠ* же *Идама* *Г* сѣмъ *Канна* *Икела*, *Сифа* и *дѣк* *дщери* *Изароу* и *Сѣламѣ*. и по повелѣнїю *вѣию* дасть *имена* *всѣмъ* *звѣремъ* и *скогѣ* и *гадоимъ* и *птицамъ* и *рыбѣ* и *скои* *чадомъ* *Идама* *созахъ* *Г* *има* *дѣ*, *тако* и *Вззе*. *Икель* же *оувиныхъ* *имѣ* *Ѡ* *крѣ* *скоего* *Канна*. *Канна* *помтхъ* *сонѣ* *женѣ* *сестроу* *скою* *первѣю* *Изароу*, *Сифа* же *помтхъ* *ѣ-ю* *сестроу* *скою* *Исоуамѣ*. а *инде* *гѣмѣ* *дщери* *Идама* *первои* *има* *Каламона*, а *второи* *има* и *Декера*“. Заимствование сдѣлано изъ хроникъ Георгія Амартола, что въ изданїи Муральта находится на стр. 4,20—27. Въ славянскомъ переводѣ хроникъ Георгія (списокъ Москов. Духовн. Акад.) читается соответствующее: *Идама* *роди* *сыны* *Г*, а *дщери* *дѣѣ* *Канна*, *Икела* и *Сифа* и *Изароу* и *Исоуамоу*. *имѣ* *Идама* *по* *повелѣнїю* *вѣю* *сбори* *имена* *всѣмъ* *члвчрхожи(намъ)* и *птицамъ* и *протикнымъ* и *гадоимъ* и *рыбамъ* и *сконамъ* *чадомъ*. *скоего* же *имена* и *женѣ* *кго* *ангѣхъ* *гѣмѣ* *ре* *има*. *имѣ* *Канна* *помтхъ* *женѣ* *скою* *сестроу* *ѣ-ю* *Изароу*, *Сифа* же *ѣ-ю* *Исоуамоу*. д. 18с. d. На какой источникъ авторъ указываетъ словами „*инде гѣмѣ*“, неизвестно.

Послѣ Колом. 196,17 въ Синод.-Румянц. читается еще вставка, которой нѣтъ въ Погод., именно: „*сей* *Сифа* *нарѣ* *ѣ* *времени* *лѣтѣ* и *годы* и *мѣси* *имена* *звѣздамъ*, а *сѣнїю* и *лоуше* *Г* *самы* *нарече*“ (см. Пыпинъ, 10), что также въ основанїи можетъ имѣть текстъ Георгія Амартола—*οὗτος* *ὁ* *Σήθ* *ἔθευρε*... *τὰς* *τροπὰς* *τῶν* *ἐναυτῶν* *καὶ* *τοὺς* *μῆνας* *καὶ* *τοὺς* *ἔξδομάδας* *καὶ* *τοὺς* *ἄστρους* *ἐπέθηκεν* *ὀνόματα*... *τοὺς* *γὰρ* *ὄνομα* *φωστῆρας* *ἡλίου* *καὶ* *σελήνης* *ἐκάλεσεν* *ὁ* *θεὸς*—Муральтъ, 7,1—9.

Послѣ Колом. 198,22 опять въ тѣхъ же двухъ спискахъ, Синод.-Румянц., противъ Погодин. вставка о Ламехѣ, изданная у Тихомирова изъ Синод. Пален на стр. 24—25.

Итакъ, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ списки Синод.—Румянц. составляютъ одну группу и представляютъ сравнительно съ Погодин. осложненный уже видъ. За то же будутъ говорить и другія данныя, напримѣръ, въ исторїи Авраама. Съ Погод. 1435 сходятся въ этихъ случаяхъ и краткїй видъ Пален въ Погод. 1434.

Что касается собственно Палейнаго текста, въ разобранныхъ предѣлахъ цѣльномъ вошедшаго въ полную Палею, то онъ въ большин-

ствѣ случаевъ сходитя съ текстомъ тѣхъ списковъ, изъ которыхъ взяты варианты къ тексту Коломенскому. Такъ на стр. 8 изданія Коломен. Пален въ слѣдующихъ вариантахъ полная Пален удаляется отъ послѣдней: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17; на стр. 9—3, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30. Въ такомъ же видѣ и дальнѣйшій текстъ.

Особенности изложенія исторіи Авраама указаны мною, какъ сказано, въ раннихъ замѣчаніяхъ о Палесѣ. Теперь остается добавитъ лишь указаніе на отличія списковъ данной редакціи между собой. Съ Соловецкой Палесей волибъ сходитя Палея Погодинская, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ ней вездѣ въ выпискахъ изъ Откровенія удерживается первое лицо оригинала, тогда какъ въ Соловецкой рѣчь идетъ отъ третьяго лица, хотя не всегда это выдерживается. Погодинская Палея, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи стоитъ ближе къ первоисточнику. Ближайшее сходство съ Погодинской даетъ Палея Румянцевская, гдѣ рѣчь идетъ также отъ перваго лица, но оно не всюду выдерживается: съ выписки изъ Откровенія—Тихонр. 37, Порф. 116, монъ Замѣчанія, 25, „И кѣ оубо, рече, гѣщю Явраа̄ такома ко шцѣ Фарѣ ко дворѣ домоу его“ начинается третье лицо въ соответствии съ Соловецкимъ.

Изъ другихъ особенностей должно отмѣтить слѣдующее: 1) Есть отличіе въ чтеніи одного мѣста—Тихонр. 33, Порф. 112 между текстами: съ одной стороны, стоятъ списки Синодальный и Румянцевскій, съ другой—Погодинскій и Соловецкій, хотя между послѣдними также есть различіе въ употребленіи лица: въ Погодин.—первое, въ Синод.—третье. Въ Синод.—Румянц. текстъ въ данномъ случаѣ короче, именно:

Румянц.-Синод.

„И помышлѣ кѣ оубо своемъ и помышлѣ шкратити его на лѣтѣ свое и не козмогѣ, ноше̄ келнхъ итѣ. покѣ-да хъ̄ шцѣ̄ своемоу и пришедши тѣра-уомѣга его козкнигоу на мѣ̄ его, и шпаде глака емоу. и мѣ̄ шцѣ̄ мон и покеле лии принести сечика и принесѣ.“

Погодин.

„И помышлѣ азѣ кѣ оубѣ̄ своемъ, мко не козмогѣ̄ шкратити его на мѣ̄сто свое едѣ̄ азѣ̄ Явраамѣ, зане наше̄ тажекѣ̄ ш камена келнка. да шѣ̄ покѣдѣ̄ шцѣ̄ своемъ. и кинде со мною и шдка книзѣуокѣ̄ нахъ и да шкратитѣ̄ на лѣ̄тѣ̄ его, оупадѣ̄ глака емъ̄ ш него. и еше̄ дрѣжащѣ̄ емъ̄ лѣ̄тѣ̄ за глакѣ̄ и вѣ̄, егда кидѣ̄ шцѣ̄ мон, мко оупадѣ̄ глака емъ̄ Явраамѣ̄ ш него, рѣ̄ ко лѣ̄тѣ̄: Явраамѣ. и рекѣ̄: „се азѣ̄.“

уклоняется отъ Коломенскаго сравнительно, напริมѣръ, со спискомъ Погодинскимъ.

Въ остальномъ исторія Авраама представляетъ собой спайку Коломенскаго текста съ вставками изъ Библии. Въ порядкѣ Коломенской Палеи вставки изъ Библии суть слѣдующія:

1) Колом. 259,22 вставлено Бытія 13,1—13; 14,1—13 (Погод. 71^г, Синод. 74^с). Колом. 259,22—262 читается и въ полной редакціи, но Синодальный текстъ отстоитъ отъ Коломенскаго дальше, чѣмъ другіе списки.

2) Послѣ Колом. 262,3, т. е. послѣ разсказа о встрѣчѣ Авраама съ Мелхиседекомъ, слѣдуетъ апокрифическая вставка о Мелхиседекѣ, изданная по Румянцевской Палеѣ Пыпинымъ въ Памятникахъ т. III, стр. 20—21. То, что въ изданіи пропущено на той и другой страницѣ, читается въ Погодинской и Синодальной. За окончаніемъ этой вставки слѣдуетъ вторая—„Ифанаста архіепіпа Іагдайрпска ѿца келпнаго послѣха и прапчела павше слово ѿ Мелхиседека“. Разсказъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ. Послѣ этихъ двухъ вставокъ слѣдуетъ вставка изъ Библии—Быт. XIV,21—XV,21: „Рѣ же црѣ Содомескы къ Іафрамоу: даѣи ми лѣжи—и Хананки и Воугем“—Синод. 80^б—^д.

3) Текстъ Коломенской Палеи 262,3—263,9 замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 16,1—17,23 (Погод. 76^а—77^а, Синод. 81^а—82^а).

4) Текстъ Коломенской Палеи 272,9—273,3 (о Содомѣ) замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 19,1—38, къ которому присоединена загадка, обращенная къ Лоту его дочерью (Погод. 79^а, Синод. 84^д—86^б).

5) Послѣ 275,14 слѣдуетъ библейская вставка объ Авраамѣ и Авимелехѣ, Быт. 20,1—18 (Погод. 81^б; Синод. 87^а—88^а). Дальнѣйшій текстъ Коломенской Палеи 275,14—276,8, о рожденіи Исаака, замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 21,1—13.

6) Разсказъ объ Измаилѣ въ пустынѣ (Колом. 278,27—279,2) замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 21,14—34, съ добавленіемъ послѣ стиха 21: „и келана Изманакъ къ пСтыню Савы“. (Погод. 82^б—83^а, Синод. 88^д—89^д).

7) Послѣ Колом. 288,23 библейская вставка Бытія 23,2—20, о гробеніи Сарры (Погод. 85^а—^б, Синод. 92^б—93^а).

8) Послѣ Колом. 289,23 вставка Бытія 24,2—9, а дальнѣйшій текстъ Колом. 289,23—290,9 о женитбѣ Исаака замѣненъ библейскимъ текстомъ Бытія 24,10—67.

9) Вслѣдъ за библейскимъ текстомъ идетъ выписка изъ Колом.

290,9—14, а за перечисленіемъ сыновъ Авраама продолжается библейскій текстъ. Бытія 25, ст. 3—6, 9, а между 6 и 9 стихами читается такая вставка: *Оуби Іѳраамъ своимъ кѣшымъ. и придоша снамъ иѣныма кѣшкѣци друугъ дрѹга и вземши дѣшю Іѳраамю друуга кѣла и кхзнегона на иѣса к покон праведнѣ, глѣкѣци бышнаго кѣа (Синод. 95). Вставка изъята изъ апокрифическаго сказанія о смерти Авраама, издавнаго у Тихонова, I, 79—90. Соответствующее мѣсто въ немъ читается: „Іѳраамъ же... 8ле, предѣ дѣшю свою кротѣцѣ, мѣко къ снѣкъ смѣрть преѣажи его. тѣгда придоша агѣанъ гѣи иѣшѣхъ повѣакиѣмъ гѣишѣмъ хѣаааѣци оубѣнника кѣла и кѣкѣци друѹ друуга. и негоша дѣшю его на иѣси къ иѣ8 на покон къ кѣкѣ“ 89—90.*

Что касается библейскаго текста, вошедшаго въ разсматриваемый отдѣлъ въ довольно большомъ количествѣ, то и тутъ, пользуясь изданіемъ Михайлова, можно видѣть, что онъ, удаляясь во многихъ случаяхъ отъ текста Ундольскаго, сходится съ другими спенами. Если возьмемъ, напримѣръ, 20 главу, то въ слѣдующихъ случаяхъ Палейное чтеніе будетъ удаляться отъ Ундольскаго: *кѣаѣ* (Мих. стр. 135, прим. 5)=Ар. Г. М. Рз. Сав. Пз. Рз. С.; *оубѣнника* (12)=М. Г. Рз. Сав.; *не кѣдѣции правды* (34—35)=Л. Ар. Г. М. Рз. Сав.; *правдою* (44)=Л. Г. М. Рз. Сав.; *тоѣ* (68)=Ар. А. Вл. Кз. Рл. Рз. С. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Палейное чтеніе въ иныхъ случаяхъ представляетъ порчу оригинала, мѣняя даже смыслъ, напримѣръ: „*рѣ* же Іѳраамъ жѣнѣ свои *Саррѣ*: *сѣтра* ли *еси*“ вмѣсто Ундольскаго *рѣ* же Іѳраамъ о *Саррѣ* жѣнѣ свои: *сѣтра* ли *еси*; или—что *сѣтра* на та *еси* что *сѣтра* шѣхѣмъ *тоѣ* вмѣсто Ундольскаго—что *си* *еси* *сѣтра* на *си*, егда что *сѣтра* шѣхѣмъ *тѣѣ*, и т. д. На кого падаетъ вина въ такихъ случаяхъ—на оригиналъ ли библейскаго текста, которымъ пользовался авторъ Палей, или на послѣдняго, пока сказать затруднительно, хотя уже тотъ фактъ, что во многихъ случаяхъ въ Палейномъ текстѣ мы встрѣчаемъ такое чтеніе, которое не оправдывается всѣми вариантами, приводимыми Михайловымъ, этотъ фактъ могъ бы свидѣтельствовать въ пользу послѣдняго предположенія.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе сказаніе о Мелхиседекѣ, имѣющее въ Палей заглавіе: *О тоѣ* *Мелхиседекѣ*. Сказаніе это съ выпусками издано Пыпинымъ изъ Румянцевской Палей, стр. 20—21. Разсматривая его, мы можемъ видѣть, что оно представляетъ спайку, но крайней мѣрѣ, двухъ источниковъ, границу между которыми указалъ самъ редакторъ, сказавъ: „но мѣѣ *О* Іѳраамъ *сѣтра* на *Невро* *тоѣ* оубѣ *поѣ* *возратнѣ* и *ниѣ* *ѣ* (по *неаѣ*) *цѣрѣ* *сѣла*“. Эта Невротова повѣсть имѣетъ ближайшее сходство съ хроникой Георгія Амар-

тола, но на нее нельзя смотрѣть какъ на непосредственное заимствованіе изъ славянскаго перевода послѣдней. „Певротова повѣсть“, мѣстами сокращеніе текста хроникъ, мѣстами—полнѣе, а въ сходныхъ мѣстахъ она настолько все-таки отделяется отъ общезвѣстнаго славянскаго текста, что ставитъ затрудненіе возводить ее къ послѣдней. Анализъ тѣхъ дополненій, которыя внесены авторомъ полной Пален, достаточно доказываетъ, что послѣдній, въ противоположность автору первоначальной редакціи Пален, выписывалъ изъ своихъ источниковъ буквально, не перефразируя текста. Между тѣмъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ бы съ двумя переводами одного и того же оригинала. Это можно видѣть изъ сопоставленія (Георгій Амартоль по рукоп. Моск. Дух. Акад.).

Синод. Пален.

I. Сѣи во Некрѣ столѣх и грѣдѣ на-
класѣх покелѣ здатѣ. перкое локѣ и
локленіе и колѣнкленіе нзкѣврѣ. Пер-
солѣ старкѣнѣнна нѣ. наоучѣи ѣ и
зкѣзѣочѣѣ и зкѣздолаокѣю и нѣнолѣ
преходоу. ѿ нѣ же бланни родолаокѣю
наоучѣнѣл. начаша ражѣауѣнѣса чѣкѣ на
прехоѣенне зкѣздамѣ части нѣх на-
рицати—76 d—77 a.

Георгій Амартоль.

Почомъ нѣ нѣкѣнн гигантѣ рекѣмѣнн
полѣнкѣ, налѣ телѣу Некрѣдѣ, сѣк Хоу-
солѣ Пфѣнопѣнѣнна. тѣ созда блѣкѣлѣнѣк
градѣ и наперкѣе покѣза локѣ дѣнѣтѣ
и колѣнѣннѣ. Персолѣлѣ нѣ старкѣн.
и наоучѣкѣ и зкѣздазаконѣю зкѣздо-
лаокѣю и нѣнѣмѣл дѣнзѣннѣлѣ ѿ ра-
жѣауѣнѣлѣкѣ кѣл нѣко и что налѣ хо-
цѣтѣ нѣтѣн. о тѣхѣхъ блѣннѣ рѣтѣко-
слѣбѣю наоучѣнѣлѣкѣлѣ начаша выкѣн-
нѣлѣлѣ ѿ зкѣздаз дѣнзѣннѣ нарицати—
л. 19 d—20 a.

Греческій текстъ соответствуетъ славянскому переводу Георгія:
Μετὰ δὲ ταῦτα γέγονέ τις γίγας τοῦνομα Νεβρωδ, υἱὸς Χοῦς τοῦ Λιθίοπος,
ἐκ φυλῆς Χάμ· ὃς κτίσα· τὴν Βαβυλῶνα πόλιν καὶ πρῶτος καταδείξας κυ-
νηγίαν καὶ μαγείαν. Περσῶν ἐπρωτεύουσε, διδάξας αὐτοῦς ἀστρονομίαν καὶ ἀστρο-
λογίαν, τῇ οὐρανίῳ κινήσει τὰ περὶ τοὺς τιχτομένους πάντα ὀφθεν σημαίνοντα.
'Αφ' ὧν Ἕλληνας τὴν γενεθλιαλογίαν μαθόντες ἤρξαντο τοὺς γενομένους
ὕπὸ τὴν τῶν ἀστρῶν κίνησιν ἀναφέρειν—Мур. 7,24—8,2.

II. Но Некрѣтѣ дѣнзѣлѣ дрѣнн чѣкѣ
гигантѣтѣкѣѣ наелѣннѣ, елѣоуѣ налѣ Кропѣ
по наелѣннѣ вѣлзѣннѣнѣлѣ зкѣздамѣ. нѣ же и
спѣлѣнѣкѣ кѣлѣлѣннѣ. и ашѣннѣлѣкѣ ѿдолѣкѣкѣ и

Шкѣлѣ нѣлѣ лѣоужѣ гигантѣскаго рода
наелѣнѣлѣ Кропѣ по наелѣннѣ сѣлѣлзѣннѣмѣ
зкѣздамѣ. нѣ же спѣлѣнѣ зѣлѣо, многѣ
покинѣоужѣкѣ и оналѣлѣлѣкѣ, перкѣоѣкѣ мѣнн

повѣднкъ, первое начѣ цѣтковачн и
вѣднн тоу земаю и аванн лѣт ѿг. и
нокнню кю земаю Перскуюу наченн ѿ
Соурнн—Синод. 77 а.

цѣткованнн и окладати ннклн чѣбкн
и цѣткова перкок Феоурнню лѣт ѿг.
оклада же кю земаю Перскуюу на-
ченн ѿ Соурнн—20 б.

Эти два отрывка гораздо ближе другъ къ другу, нежели пре-
дыдущіе, и при сравненіи ихъ съ греческимъ оригиналомъ (Мур.
8, 11—17) производятъ впечатлѣніе двухъ отдѣльныхъ переводовъ.

III. И по Кронѣ кѣ цѣрь сѣх его
Ннах кѣ ѿк. тѣ же скою матеръ Се-
мирамѣ поманъ к женѣ севѣ и законн
оутгачн Пергтнн земаи поманѣ скою
мѣре и женѣ. тѣ же Ннах грѣ кванкн
соза тре дннмъ шесткѣ поутн мѣкнюща
и прозка ѿ Нннекрнн по скоемоу наменн.

По Кронѣ цѣткова Ннах сѣх кю
лѣт ѿк. тѣ скою мѣре Сеширамнн
номтѣ женѣ. законн кѣ Персолнн ном-
мачн скоюх мѣре и сестрѣ..... и
созда кѣ тоу земаи градѣ кванн зѣло
шесткованнн поутн дннн ѿ и нарѣ и
по наменн скоемоу Нннекрнн.

IV. Я ѿ Ннаа цѣтковаах ѣ Фоурѣ.
а ѿ Фнаа цѣткова ѣ Лалнн, а ѿ Лалнн
цѣтковаах ѣ Сарданнааа кванкнн. а ѿ
Сарданнааа цѣтковаах ѣ Перскѣ, и ѿ
негѣ прозкаше тѣ земаа Перскѣ. и
цѣткова лѣт ѿг и оумре.—Синод. 77 а.

По Нннопѣ цѣткова Феоурнню нѣ-
кнн наменнмъ Фоурѣ (Мур. 9, 13)...
По Нрнн цѣткова Лалнн (9, 20). По
Лалнн цѣткова Сарданнааах (9, 22),
По Сарданнаааѣ же цѣткова Перскѣ
(10, 9)... и цѣткова к ннцѣ лѣт ѿг.
тѣ кѣ наа кю прозка и Перскѣ
(10, 16—17).

Здѣсь видимъ какъ бы выборку изъ хроникн Амартола. Но при
этомъ нужно обратить вниманіе 1) на то, что слова Пален а ѿ Филлаа =
Амарт. по Нрнн = греческому μετὰ δὲ Ἄρσα, что можетъ указывать
на переводъ Палейнаго текста съ особаго оригинала, гдѣ было μετὰ
δὲ Θούρα, 2) на эпитетъ Сарданнаааа кванкнн, чего нѣтъ въ славян-
скомъ Амартолѣ, но что есть въ греческомъ (Σαρδ. ὁ μέγας). Пока
не привлечены другіе списки для сравненія, позволительно задать
вопросъ, не будетъ ли хроника переводомъ съ оригинала безъ слова
ὁ μέγας, а Палейный текстъ—переводомъ съ оригинала съ словомъ
μέγας?

V. По смѣртн того Перга кзета
дрѣгнн моу ѿ наеманн Хамока зло-
дѣецъ наменнмъ Сотрѣ, нже вѣ цѣрь
перкнн кѣ Фгнпетгтнн земаи лѣт ѿ и

По Перскннѣ же и по кременн
тѣхѣ цѣркѣ цѣткова кѣ Фгнпчѣ ѿ-нѣ ѿ
колѣкна Хамока чѣбкѣ нѣкннн злодѣѣ
наа кмоу Свгострѣ лѣт ѿ. нже и кра-

и҃сга гх ѿѿргомъ землии и поѿкди
Халдѣа и Персиѣ и Вавилона и Воуро-
и҃нскиѣю землю и кѣю Скоуѿнию.

илооу кземлѣ на Воурни облада илии
Халдѣкѣмѣ и Персомѣ даже и до Ва-
виллона. также и И҃снѣю и И҃свопнѣю
и Скоуѿнѣю.

Греческїи текстъ Георгїа Амартола почти вполне соотвѣтствуетъ славянскому переводу: Μετά δὲ Περσεία καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν χρόνους καὶ βασιλεῖς ἐβασίλευσαν Αἰγυπτίων Σώστρης ἐκ φυλῆς Χάμ, ἄνθρωπός τις πανόρρος, ὀνόματι Σέσωστρις ἔτη κ' καὶ πολεμήσας Ἀσσυρίου ἐπέταξεν αὐτοῦς καὶ τοὺς Χαλδαίους καὶ Πέρσας ἕως Βαβυλῶνος. ὡσαύτως καὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Εὐρώπην καὶ τὴν Σκοθίαν. Мур. 11,2—7. Нужно обратить вниманіе на то, что въ греческомъ текстѣ читается два раза одно и то же имя: Σώστρης и Σέσωστρις, изъ которыхъ первое встрѣчаемъ въ Палеѣномъ текстѣ, а второе—въ славянскомъ Амартолѣ, что опять указываетъ на два различныхъ оригинала, лежавшихъ въ основаніе двухъ различныхъ переводовъ.

VI. И ѿ Вогра цѣтковаалъ ѿ кѣ
Вгѣпетѣстѣи землии Фараѿ аѿ ꙗꙗ, ѿ
ниго же кѣи и҃ри Вгѣпетѣстѣи прозказашъ
Фараони дѣа и до и҃иѣ.

По Сесострѣ же цѣткова кѣ И҃своуп-
тѣ Фараонѣ иже и И҃харѣ нарицаемѣи
аѿ ꙗꙗ. ѿ того же и҃своупѣстѣи цѣтѣ
наѿени быта (строки нѣтъ).

Въ греческомъ μετά δὲ Σώστρηу = Палеѣному ѿ Во(с)тра, а Сесострѣ Георгїа Амартола находитъ себѣ соотвѣтствіе, напримѣръ, въ хроникѣ Малалы Ватросѣ иже и҃рѣ по шедѣиѣи прилахъ Вгипетѣ и оуаирѣ (2-я кн. хроникѣ Малалы 4,11)—опять два оригинала и два перевода.

VII. И҃х та аѿга кѣѣкижеа на
западнѣи странахъ идеꙗ и҃иѣ ѿ Риаиѣ
ѿѣкѣ ѿ палеѣиѣи И҃фетока иаѣа ѿ Иаѣа,
иже кѣ и҃иѣи землии цѣтѣковаалъ перкое
и граѣа гоѣа ко иаѣа а҃ны.

И҃х (прежѣ) рѣѣиѣхъ кременѣхъ И҃иѣа
Дни и҃иѣа и҃ѣиѣи кѣ западнѣи страны
ѿ колѣиѣа Иаѣета кѣ странѣ И҃гринѣ-
стѣи иаѣа кѣоу Иаѣахъ, иже и аѿ-кѣ кѣ
странѣа тои цѣтѣковаалъ, к ѣиѣи же и
градѣа кѣ иаѣа аоуѣиѣа создаѣа—22 b.

Греческїи текстъ вполне соотвѣтствуетъ славянскому Амартолу. Должно обратить вниманіе на различнїи переводъ греческаго слова ἀναφάνεται чрезъ кѣѣкижеа въ Палеѣномъ текстѣ и чрезъ и҃иѣа въ хроникѣ Амартола. И въ другихъ случаяхъ (см. выше) въ Палеѣ читается или кѣста или кѣздикижеа въ соотвѣтствїи Георгїеѣу цѣтѣкова = ἐβασίλευσε. Неоднократное употребленіе одного и того же слова кѣздикижеа или синонима кѣста указываетъ на одно и то же слово въ гре-

чешскомъ оригиналѣ, каковымъ и было, повидному *ἀνεφάνη*, тогда какъ въ соответствующихъ мѣстахъ хроники Георгія читалось *ἔβασιλευσεν*.

Здѣсь прекращается ближайшее сходство съ хроникой Георгія Амартола. У послѣдняго далѣе говорится, правда, о Сидѣ и объ Египтѣ, о которыхъ идетъ рѣчь и въ Палей, но въ другомъ видѣ: *Λιβύη δὲ ἡ θυγάτηρ τοῦ Πίκου Διὸς συναφθεῖσα τινὶ ὀνόματι Σιδῶνι ἔτεκε τὸν Βῆλ καὶ τὸν Ἀγγήνωρα. Καὶ ὁ μὲν Βῆλ ἀπελθὼν εἰς Αἴγυπτον καὶ λαβὼν τὴν γυναῖκα, ὀνόματι Σιδαν καὶ γεννήσας οὖν ἐξέλεσεν αὐτὸν Αἴγυπτον. ἐξ οὗ καὶ ἡ Αἴγυπτος τὴν ἐπωνυμίαν εἰληφεν*—Mur. 11,16—20. Палейный же текстъ, говоря о тѣхъ же лицахъ, Сиду дѣлаетъ сыномъ Египта и приводитъ повѣствованіе изъ Мелхиседеку: И вѣ же пакы кх Египетскѣи земли црѣ именованъ Египетъ. и ѿтоакъ прозваніе та земля Египетскѣи. и поцо црѣткова сѣхъ Сидъ и прѣианъ Хапанѣискѣю землю, иже евокѣ иныкѣ Палестина Иерѣимьскѣи земля, и грѣ ехза кх ики и прозба по евокѣи имени Сидонъ. погтакъ евокѣ сѣи црѣтквати к Сидонѣ Мелхунаа и кх каакѣи Хапанѣискѣи. Мелхунаа же рѣ дѣи сѣи. перкаго прозба по евокѣи имени Мелхунаа а котромѣ Мелхиседека (еже иконѣи *ἔκτῃ κἰεῖ* иенине^а)—Синод. 77^с. Надо замѣтить, что выписанное повѣствованіе вышло изъ того же источника, что и предшествующія, па что особенно можетъ указывать и упоминаніе въ хроникѣ Георгія тѣхъ же Сиды и Египта. Надо думать, что на греческомъ языкѣ существовало краткое компилятивное сказаніе, соответствующее Палейному и составленное на основаніи хроники Георгія. Входило ли оно въ составъ какой либо болѣе обширной компиляціи, сказать пока невозможно. Оно и было переведено на одинъ изъ славянскихъ языковъ и взято авторомъ полной Палей подъ именемъ „Невровтовой повѣсти“.

Разобранное повѣствованіе связывается съ другимъ, ему предшествующимъ. Последнее издано также у Костомарова. Въ началѣ три строки со ссылкой попали, очевидно, не туда. Повѣствованіе начинается со словъ: Тако ко са ггадѣ к Палѣи, а само повѣствованіе таково: Нико Ханъ рѣ Хѣта ѿфншна. Хоугѣ^и роди Крона, Кронѣ^и рѣ ФѢра, ФѢрѣ^и рѣ Некрота гиганта, иже стоаиъ здаше. по раздѣленіи мзыкѣ Некрѣ роди Мамарѣа. Мамарѣа же роди Сидѣ. Сидѣ^и роди Мелхунаа. Мелхунаѣ^и роди Мелхунаа и сего Мелхиседека црѣи и жрѣца—Синод. 76^с. Что это была за Палей—остается неизвѣстнымъ. Ссылку на Феодорпта нужно связать съ продолженіемъ за выписанной сейчасъ вставкой изъ „Палей“. Но у Феодорита, однако, нѣтъ сходнаго разсужденія.

Исторія Исаака начинается сказаніемъ объ Мамамѣ, взятымъ изъ

книги Бытія 25, 13—15 и 18 съ небольшими добавленіями въ началѣ и въ концѣ: 1) Изъмаиахъ рѣ ѿ сіѣа нже соѹ наена ѿ се, 2) Изъмаиахъ же кыкхъ лѣ рѣа и оуаре. кѣжъ житне ѣ к вгитте. Дальгѣйшіи разскажъ весь взятъ изъ Колом. Палеи, 290,27—306,14 со вставкой лишь послѣ 291,17 — Исаккъ кѣ тогда лѣ ѿ, ѣга роди Рекеа Исакка и Иакова (Синод. 96а).

Что касается Лѣствицы, то соотношеніе Коломенской и Синодальной Палеи опредѣлено г. Гинковымъ, со словъ котораго мною и сдѣлана выписка въ рецензій на книгу проф. Владимірова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1902 г., августъ, стр. 420). Исторія взаимоотношенія ихъ вкратцѣ такова. Авторъ Коломенской Палеи имѣлъ подъ руками апокрифъ въ отдѣльномъ видѣ, откуда онъ бралъ, что ему было нужно, и снабжалъ толкованіями. Авторъ полной Палеи, перерабатывая Коломенскую, имѣлъ въ своихъ рукахъ также въ отдѣльномъ видѣ „Лѣствицу“, изъ котораго и дополнялъ первый свой источникъ. Но эти добавленія остались у него безъ объясненія. Добавленія эти слѣдующія:

1) Колом. 306,14—307,28 читается безъ измѣненій, а 308,1 читается полнѣе: (тевѣ дама ю) и сѣмаи твоемоу по теѣ. и оумножи сѣма твое мно зкѣжъ нѣныа и мно пѣсокхъ моремн. и нагента сѣменемъ твоемъ кѣа земля и жноушн на неа к послѣднѣа кремена лѣ скончаніа—Синод. 101,а ср. Пыпинъ, 27 изъ Румицовой Палеи 453.

2) Коломенская 307,2—11 и вставка: „коя страстно лѣсто се—дѣа лице челоѣкѣ прѣмѣкшѣе зрака своего—Пыпинъ, 27—28; въ Коломенской Палеѣ нѣкоторыя лишь выдержки на 308,11—309,7.

3) Коломенская 309,7—21 передается буквально, а вмѣсто 309,25—будеть цѣа ѿ кажишѣхъ твоеѣхъ—читается: „агелл кохѣдащаа и нисѣдѣаа и лица посреди стениа, кѣжъкнигѣ вышнн цѣа ѿ кноѣ врата твоего Исакка и прѣмоѣ кѣа многоуты наемнхъ земнѣ—Синод. 102а—b.

4) Коломенская 309,26—310,16 передается буквально и вставка—ти вгда кѣстанѣ цѣа и соѣ—и оумоленхъ коудѣ—Синод. 102, b—с, Пыпинъ, 28, второй столбецъ.

5) Колом. 310,16—22, а съ 310,23 пропущено до 314,7, т. е. весь конецъ апокрифа.

Остальное, Кол. 314,8—332,13 выписано все, безъ пропусковъ—Синод. 107а.

Дальгѣйшая исторія Иакова, кратко переданная въ Колом. 332,15—335,28, въ полной Палеѣ передана гораздо подробнѣе изъ различныхъ источниковъ. Изложеніе Кол. Палеи уцѣлѣло все цѣликомъ,

исключая двухъ строкъ (334,10—11), но оно распространено вставками, и иногда значительными, изъ книги Бытія и изъ постороннихъ источниковъ. Изъ книги Бытія взято: 31,9—16; 32,9—12; 14—21; 26—32; 33,1—15. Вставки касаются встрѣчи Іакова съ Ісавомъ: 1) Послѣ Бытія 32,16—И раздѣлихъ двѣ полка и единыхъ поустыи прѣ^ѣ, а дрѣѣи остатки зѣ^ѣ, гла: аще приидѣ кра Іаковъ на полкахъ единыхъ, да коуѣтъ дрѣѣи въ гѣише. (Син. 108^d) ¹⁾; 2) Послѣ Кол. 334,14—кѣдѣкъ же яко не можѣтъ прогикитѣи емоу (Син. 109^d); 3) Послѣ 335,26—Гѣѣ и рѣчѣѣ положи Іаковъ къ шѣю своѣмѣ Ісаку гла, яко смѣртѣю оуадрѣ, аще оуакию кра своѣ Іакова (Син. 110^b); 4) только что приведенная вставка находится въ связи съ сейчасъ же слѣдующей, излагающей апокрифическое сказаніе объ убіеніи Ісава Іаковомъ. Послѣднее сказаніе напечатано Порфирьевымъ изъ Соловецкой Палеи № 866, стр. 228. Изъ Синодальной Палеи сказаніе имѣеть противъ Соловецкаго лишняго—начало и конецъ. Начало въ восьми строкахъ (Син. 110^c) передаетъ 36-ю главу книги Бытія, хотя послѣдними своими словами „шъ се^ѣ Ідоуаѣише и Імаакичѣ“ сходится съ Георгіемъ Амартоломъ, Мур. 75,30. Сказаніе о смерти Ісава то же, что и у Амартола (Мур. 80), но не есть переводъ послѣдняго, а представляетъ особое, нѣсколько распространенное сравнительно съ нимъ, сказаніе. Источникъ пока неизвѣстенъ. Конецъ сказанія какъ будто является продолженіемъ, но, надо сказать, — неудачнымъ, а потому, правдоподобіе разсматривать его, какъ дополненіе редактора Синод. тина Палеи, чрезъ мѣру расписавшагося. Добавленіе таково: [И плачѣиша дѣи, дождеже приидѣ Іаковъ ко вѣгилѣ—Син. Сол.]—ко Ішѣнѣѣ, егѣ кратѣа продаша, егѣ слышавъ Іаковъ Ішѣнѣа погнѣиша плакаса горко и наложиша Іакова Іаа раѣ Рахѣиши плачѣиши оуадрѣ. и по неи оуадрѣ дѣи Іакова дѣиши и выша Іакову гѣ печалѣи къ единыхъ лиѣ (Син. 110^d—111^a).

Что же касается библейскаго текста, то и здѣсь онъ, въ общемъ сходясь съ Ундольскимъ, сходится, однако, въ вариантахъ съ другими списками; напримѣръ, въ 31-й главѣ призва (Мих. 247,34) = Л. Г. Кр. М. Сав.; аще (37) = Л. Рз. В1. В2. Ген. К1. К2. Н. Т.; глаи (51) = Л.; постоуиши (59) = Л. В1. К1. Т. и т. д. Встрѣчаются въ то же время чтенія, которымъ нѣтъ соответствія въ указанныхъ у Ми-

¹⁾ Въ сокращенной Палеи русской редакціи, изданной Поповымъ по списку XVI вѣка Новгор. Софійск. библ., (Поповъ, Историч. Палеи) читается та же фраза: „и рѣ Іако. аще приидѣ Іа на еди полкѣ иссѣчи м и кѣдѣ дрѣѣи полка въ соблаженіи (стр. 29). Ближайшее отношеніе между этими двумя памятниками опредѣлить пока невозможно.

хайлова спискахъ, напримѣръ, „окца пасани“=Унд. и др., стада пѣшоу. Чтобъ видѣть способъ составленія, укажу порядокъ составныхъ частей: Кол. 332,11—333,20; Быт. 31,3—16; Кол. 333,21—334,7; Быт. 32,9—12; Кол. 334,7—9; Быт. 32,14—16; вставка 1-я (см. выше); Быт. 32,17—24; Кол. 334,12—14; вставка 2-я; Кол. 334,14—25; Быт. 32,26—32; Кол. 334,26—335,2; Быт. 33,1—3; Кол. 335,2—17; Быт. 33,4—15; Кол. 335,17—26; вставка 3-я; Кол. 335,26—28; вставка 4-я.

Уже Успенскій указалъ, что исторія Іосифа разсказана въ Палей, между прочимъ, по Ефрему Сирину. На стр. 79—80 имъ приведены параллельно сходныя мѣста—и изъ сравненія можно убѣдиться, что такое заимствованіе, дѣйствительно, имѣло мѣсто. Нѣтъ нужды, поэтому, приводить еще новыя доказательства въ пользу такого заимствованія изъ Ефрема Сирина со стороны автора первоначальной Палей. Что касается повѣствованія полной Палей, то оно представляетъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, такую же смѣсь изъ разныхъ источниковъ т. е. Колом. Палей, библейскаго текста и еще одного источника. Изъ Колом. Палей взято слѣдующее:

336,1—340,9	344,11—16	361,1—22
340,10—11; 340,11—13	344,17—20	361,23—362,3
340,22—342,22	344,23—346,7	364,20—366,7.
342,22—343,5; 8—11	348,10—13	367,12—368,7.
343,12—14	357,15—21	366,8—367,42
343,5—8; 11—19	350,1—356,2	368,8—9; 26—369,7.
343,19—28	358,20—359,18	368,9—26
344,2—10	359,18—360,26	369,7—385,14
		386,13—389,27

Библейскій текстъ вошелъ въ слѣдующемъ видѣ: 37,2—28; 37,29—30; 37,3—5; 38,1—30; 39,19—23; 40,1—19; 40,20—23; 41,1—8; 41,9—45; 41,46—57; 42,1—38; 43,1—15; 43,16—32; 43,34—44,13; 44,14—31; 45,2; 45,4—21; 45,26—28; 46,1—7; 28; 46,29—30; 46,31—32; 47,2—6; 46,8—27; 47,5—48,22; 50,22—26.

Источникомъ остальныхъ вставокъ почти исключительно было то же слово Ефрема Сирина. Слѣдовательно, мы и здѣсь наблюдаемъ то же явленіе, что и въ другихъ случаяхъ. Въ противоположность автору первоначальной Палей, который своими источниками пользовался свободно, перефразируя ихъ, авторъ полной Палей выписываетъ обыкновенно буквально, лишь изрѣдка прибавляя отъ себя по нѣскольку

связующихъ словъ. Вставки эти изъ слова Ефрема Сирина читаются въ слѣдующихъ мѣстахъ;

1) Кол. 340,9: видѣхъ же р̄ сѣнѣ Іусѣй въ закъ соудѣа — ѡ иїи не посадиша его—Син. 112а—с.

2) Кол. 340,10—11; ѡа не коидѣи—поидишите ма кратне мом — Син. 112d.

3) Кол. 340,13: ехверженѣ иїи наи к рока—изкѣгъ ко еи закисити кратни ткома продаши та—Син. 112d—114с.

4) Кол. 343,11: поверженѣ и познахомъ кен мко еи ѡдеѣа кратѣ нашего г̄ Іусѣфа—Син. 116а.

5) Кол. 343,14: и въ начаи елии кен — познахомъ мко Іусѣфова г̄—Син. 116а—b.

6) Кол. 343,19: ѡкрани снѣде їна моѣ—почто еидѣ не въ кранию.—Син. 116b.

7) Кол. 343,28: азъ ѣсамъ кина сѣрѣти ткома — глаза не прѣтаю — Син. 116с.

8) Кол. 344,10: есть ко еса целѣ—лвниное ми чадо—Син. 116 d.

9) Кол. 344,16: не жеть ко зѣкѣ—намытитїи плоти ткома—Син. 116d.

10) 344,20: Шоуѣ г̄ прова еи—разлоучени ѡ тѣкѣ—Син. 117а.

11) Послѣ Быт. 38,10: Измаатени же коупавши Іусѣфа — разлоучи штрокз еа—Син. 118с.

12) Кол. 346,7: давѣ наль Пегефрѣи цѣкоу—снѣ ми створи моѣ жи докниа—Син. 118d—120d.

13) Послѣ Быт. 40,19: ѡ гѣла сїиное ѡ земаи — приемаени вѣнца повѣдѣ—Син. 121с—d.

14) Послѣ Быт. 41,8: како ко кыша возмоган—вночеринимъ прїкнаго Іусѣфа—Син. 122d.

15) Послѣ Быт. 41,15: еи Іусѣфъ сѣдаше на колѣеници — и поклоиїи Іусѣфъ го егѣми есаможаани—Син. 123с—124b.

16) Послѣ Быт. 42,13: и единѣ оуниенихъ въ—и плачетѣ ѣ и до сего днїи—Син. 125b.

17) Послѣ Быт. 42,36: почто снѣ створисте—Венламина изъ мдрѣ моїи—Син. 126b.

18) Послѣ Быт. 43,15: вїкъ же Іусѣфъ Венламина—аргѣаго ткома ѡ шираза и гѣса—Син. 127а—с.

19) Послѣ Быт. 43,32: послушанте кратне разоума — и да шнметѣ мамни стрѣ ѡ иїи—Син. 128b—с.

20) Послѣ Быт. 44,13: и начана го многимъ прѣцинемъ — ни кѣрм емаюѣа чадѣ ткома—Син. 129а—с.

21) Послѣ Быт. 44,31: [притѣвля Іоуда кланяше и молаше и глѣ]: шъ сѣмь кѣо азъ молю та—да возвратитса къ шѣю—Син. 130a—b.

22) Послѣ Быт. 44,31: ре' же ниль Іосифъ жидокекыль изыколиз—поминаска ма къ скорпи мисен—Син. 130c; п—но шѣа братіе мои, никто же бакъ печалних коуди—ккѣргше и к рокъ—Син. 130d—131a.

23) Кол. 356,2: и притѣвля Іосифъ гкма гѣое—оградокан чѣ ли—Син. 132b—c.

24) Послѣ Быт. 45,24: сице глѣ гнх твои—лице аглѣкое твоимъ старестн—Син. 133b. Въ данномъ случаѣ нужно обратить вниманіе на прибавленіе сравнительно съ текстомъ Ефрема Сирина, повидному, со стороны самого автора Пален, именно, онъ говоритъ „написа же и грамоту къ шѣю“ и заканчиваетъ выписку изъ Ефрема Сирина словами: и едасть сню грамотѣ Вениаминюу.

Что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ заимствованіе произошло, дѣйствительно, изъ славянскаго текста Ефрема Сирина, можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго сопоставленія:

Синод. 112a: Видѣк же ре' глѣк Іосифъ къ закъ соуца, не вѣкъ ко шиноу милоукащаго п. и на молаюу га шпрати сѣ слезамн и козѣхуннеилх, козѣнх глѣ скон глѣ: почто вы гнѣбагте на ма, молю вы кѣа, сѣтавите ма мило, брѣе..

Ефр. Сириу. Вида же глѣк Іосифъ къ вѣдѣ соуца, и не вѣкъ шинѣа ктокы помнаебаахъ его, на молаюу оубо шпратитса со слезамн и козѣхуннеилх козѣнх глѣскъ сѣон и молашеа к нилх глѣа: почто га гнѣбагте, молю бакъ, сѣславите мило, да помлаюса, ш пратіа....

Относительно Завѣтовъ 12 патріарховъ въ различныхъ Палеяхъ далъ нѣсколько замѣчаній Тихонравовъ при своемъ ихъ изданіи въ Памятникахъ. Къ краткой редакціи Завѣтовъ въ Палеяхъ Коломенской и Александро-Невской онъ присовокупилъ такое замѣчаніе: „Краткая редакція Завѣтовъ, вошедшая въ составъ древнѣйшаго извода Толковой Пален, подверглась въ ней нѣкоторымъ весьма важнымъ перемѣнамъ. Редакторъ Пален сократилъ завѣты, уже существовавшіе въ полномъ славянскомъ переводѣ, и, слѣдуя полемической цѣли противъ жидовъ, вставилъ кое-гдѣ обличенія на жидовина“—стр. 145. Изъ примѣчаній въ I томѣ его сочиненій мы видимъ также, что Тихонравовъ различалъ двѣ редакціи Завѣтовъ, — краткую, вошедшую въ Коломенскую Палею, и полную, вошедшую въ Синодальную Палею и замѣнившую собой краткую редакцію. Но оста-

валось по изслѣдованіямъ, во-первыхъ, къ одному ли переводу относятся обѣ редакціи, или къ двумъ, а во-вторыхъ, если къ одному, то въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ обѣ эти редакціи, представляетъ ли какая нибудь изъ нихъ апокрифъ въ своемъ чистомъ видѣ. Сравненіе двухъ текстовъ между собою и сопоставленіе ихъ съ греческимъ (*Sinker, Testamenta XII Patriarchatum, Cambridge, 1869*), поможетъ разобраться въ этихъ вопросахъ. Особенную важность имѣютъ при этомъ варианты, взятые Тихомировымъ изъ хронографа Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ Завѣты стоятъ совершенно независимо и не имѣютъ, поэтому, никакого слѣда Палейной окраски. Я возьму для образца Завѣтъ Левія, *Тихомировъ, 158—174*.

Кол. Сил. к инаѣ* ω ηρχικετκк кидккне ккзккети и сѡ прозрετκк гла прѣ^{си}, скончанаи екоѣ^ѣ — 407,21—23. *Арх.* и егда ехрмасага рѣ^ѣ к инаѣ = καὶ ὅτε συνήχθησαν εἶπε πρὸς αὐτούς *Sinker, 138,13*.

К. С. кх радогчи зачача — 407,21 во всѣхъ спискахъ ошибочный переводъ ἐν Χαρράν συνηλήφθην (138,11) = ἐν χαρᾶ.

К. С. и роднѣга (407,25), *Арх.* роднѣга тако т. е. тамо = καὶ ἐτέχθη ἐν ἐχᾶ.

К. С. и кѣхз кхзрагтам кх доиS ѡца екоѣго — 407,21—25. Въ *Арх.* нѣтъ, кикѣ и въ греческомъ.

К. С. сестры нашия Дины — 408,2. *Арх.* сестры нашия дела Дины кх Фалморени = τῆς ἀδελφῆς ἡμῶν Δίνας ἀπὸ τοῦ Ἰμμόρ.

К. С. да гѣеѣга — 408,11. *Арх.* да гѣеѣга = ὅπως εὐθῶ — 138,21.

К. С. то гора шига наменамъ — 408,11 = τὸ τοῦ ὄρους Ἰσπιδος.

К. ектѣкѣ дкоѣ — 408,22 = φωτεινότερον παρὰ τοὺς δύο; въ *Сил.* ектѣкѣ дкоѣ и чѣкѣ — добавленіе Синод. списка.

К. С. иже еѣ^ѣ плаингги, иже парекѣга помѣи — 408,25—27. Въ греч. нѣтъ.

К. 409,8 въ *Сил.* *Арх.* вставка — и ѡ чести гѣѣа жикѣ чкон. чкѣ чн поудѣ^ѣ еѣло и киногрѣ павѣ зачѣо и ереѣро = καὶ ἐκ μερίδος Κυρίου ἢ ζωῆ σου, καὶ αὐτὸς ἔσται σου ἀγρός, ἀμπελῶν, καρποὶ χρυσοῖν ἀργυροῖν — 139,10—11, указаніе, что текстъ Синод. въ данномъ случаѣ не вышетъ изъ Колод.

К. С. бражнѣмѣ — 409,20 = τοῦ Βασιάρ — 139,18.

К. ѡ гаѣвнны бланчѣствѣи еѣго — 410,9—10. *Сил.* *Арх.* ѡ лица бланчѣствѣи еѣго кзвѣаѣга = ἀπὸ προσώπου τῆς μεγαλωσύνης αὐτοῦ ἐκλευόνται (вар. σαλευθῆζονται) — 139,23.

К. 410,17 въ *Арх.* вставка, которой нѣтъ и въ Синод., по кото-

рой ссти соотвѣтствіе въ греческомъ: и ουστασιον ωπιου и ουστασιου и κειν земаи зывающѣса и некиднаи ѱχοлиа таощеиа (Тихонравовъ, 160, примѣчаніе 10) = και τοῦ πυρός καταπτήσοντος και πάσης χτίσεως κλονουμένης και τῶν ἀοράτων πνευμάτων τηχομένων—140,3—4. Это, наоборотъ, указаніе, что Синод. чтеніе въ данномъ случаѣ вышло изъ Колом., если не предполагать случайнаго существованія у того и другого автора но экземпляру съ такимъ пропускомъ.

К. разѣлих — 411,6, *Син. Арх.* εκήτη и разоулих = βουλή και σύνεσις — 140,14.

К. С. Таче кже и кѣе и се приложи лекгин наказаніе сѣлих еконолих — 411,10—12. Въ *Арх.* и греческомъ нѣтъ.

К. С. поселі же мко ѿ епа кезпнѣккх наѣкнѣкх кышпаго — 411,23—25. *Арх.*, греческ. нѣтъ.

К. 411,27 пропускъ сравнительно съ Синод. и *Арх.* списками — Тихонравовъ, 161 (десять строкъ), греч. 140,23—141,3 (καθὼς γέγραπται—ἐν τῇ καρδίᾳ μου).

К. гѣкаже ех беликоноли кзрекнокакх на кезаконне — 411,27—28. *Син. Арх.* иначе: и εκκκѣраχса ех сѣцель мюналь и с Роукнлюиах пратоли мюналь, да ѱче сѣлих Амюрекѣ, мко же ωκρѣзатиса наль, мко козрекновѣ за кезаконне = ἐγὼ συνεβούλευσα τῷ πατρὶ μου και Ρουβήμ τῷ ἀδελφῷ μου, ἵνα εἶπη τοῖς υἱοῖς Ἐμμῶρ τοῦ περιθμηθῆναι αὐτοῦς, ὅτι ἐζήλωσα διὰ τὸ βδέλυγμα—141,3—6.

К. 412,3 вставка въ *Син. Арх.*, находящая соотвѣтствіе въ греческомъ: и потому прине шне крѣм покнша грѣ сѣтрнелъ меча (Тихонравовъ, 162) = και μετὰ ταῦτα ἐλθόντες οἱ ἀδελφοὶ ἐπάταξαν τὴν πόλιν ἐν στόματι ρουφαίας—141,7—8.

К. самыахх оуно ѿца нашь Никокк негодокане о насх 412,3—4, сильное сокращеніе противъ *Син. Арх.*, которые сходятся съ греческимъ 141,8—19.

К. 412,5—7 представляютъ пропускъ сравнительно съ *Арх. Син.* и греческимъ (*Sin.*, 141,20—25), указаніе, что Синод. въ данномъ случаѣ не вышелъ изъ Колом.; но, съ другой стороны:

К. С. и того ради гнѣкх кѣи кзиде на на и айгакх крѣпнокк поможе лии, 412,8—10, нѣтъ въ *Арх.* и греческомъ текстѣ.

Вслѣдъ за этимъ въ Колом. идетъ большое обличеніе жидовина 412,10—416,20), першедшее и въ полную Палею (Тихонравовъ, 162—164). Переходъ къ дальнѣйшему повѣствованію дѣлается при помощи вставочной фразы — сказа же и се Левгин, удержавшейся и въ полной Палей.

К. видѣние страшно о сѣльскѣ — 416,22—23, въ *Синод.* видѣние страшно, но въ *Арх.* видѣние мѣо прѣкѣ=бѣраца ѡспер τὸ πρότερον (142,1); взаимоотношеніе опредѣлѣть затруднительно.

К. 416,23 пропущено вѣда привѣхоль τὸ ὄνειδος — *Арх. Синод.* греч.

К. 416,26 пропущено: кѣ одежѣоу сѣльскѣа и кѣ кѣнѣцѣ правды и кѣ планицѣоу разоумѣа и кѣ спѣнѣоу истинноу (Тихонравовъ, 165, Sinker, 142,3—5).

К. С. сирѣчь мѣроуах — жизнь вѣчнѣю прикѣмѣть — 417,9—11. *Арх.* и греч. нѣтъ.

К. С. сирѣчь трикратѣмѣа погрѣшнѣкѣа ко нѣа ѡца и ѣна и сѣго дѣха — 417,16—18, въ греческомъ нѣтъ; относительно *Арх.* у Тихонравова нѣтъ указаній, но надо думать, что также нѣтъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ и сейчасъ далѣе. Всѣ эти вставки имѣютъ одинъ характеръ прообразовательный, именно: а) сирѣчь сѣго колѣкѣнѣа кѣ цѣркѣи ѣни — 417,20—21; б) сирѣчь нѣнаго ѣра — полѣцѣа дѣлаѣнѣтѣни поѣкѣжѣтѣа — 417,23—418,1; послѣдняго нѣтъ ни въ *Арх.* ни въ греческомъ; в) поѣтолѣа икрѣстѣкѣкѣа — по чинѣа мѣахѣнѣдѣкѣкоу икрѣстѣкѣкѣах — 418,3—9 — нѣтъ въ *Арх.* и греческомъ; г) не посредѣа по по долѣнѣи частѣи чѣла мѣоу — 418,10—11; нѣтъ въ *Арх.* и греч.; е) сирѣчь еѣуаѣлѣкѣи слѣкѣах — краѣа поѣкѣзѣаѣа — 418,11—18, въ *Арх.* и греческомъ нѣтъ; ф) τὸ по мѣчѣнѣици — кѣнѣчѣаѣа — 418,19—21; въ *Арх.* и греческомъ нѣтъ; г) се о ѡаѣнѣкѣ — ѡ наѣлѣнѣи жрѣчѣска — 419,3—5; въ *Арх.* и греческомъ нѣтъ; и) о ѣкѣ иѣдѣкѣа сѣнѣи мѣрѣа рѣѣа — 419,7 — нѣтъ; к) сирѣчь аѣлѣа кѣчѣракѣи сѣа ѣа — 419,20, *Синод.* сирѣчь аѣлѣа, въ *Арх.* и греческомъ нѣтъ.

К. С. мѣо не поѣовно кѣтѣа перѣколѣа видѣнѣю — 419,25, *Арх.* мѣо се ѡпоѣоу поѣвно еѣ=ὄτι τούτο βραβιον εχαιου εστι — 142,26—27.

Послѣ этого и въ Колом. (419,27—420,1) и въ полной Палеѣ слѣдуетъ краткое обличеніе жидовина, и дальнѣйшій рассказъ связывается съ предыдущимъ посредствомъ слова рѣѣа, чего нѣтъ въ *Арх.* и греческомъ.

К. 420,10 о жрѣчѣскѣа оучѣнѣа мѣа въ двухъ словахъ передается все то, что у Sinker'a читается 143,2—9 и что сохранилось въ *Синод.*; послѣднее чтеніе не могло выйти, слѣдовательно, изъ Коломенскаго, но слѣдующее сейчасъ же: како жрѣчи мѣа ѣтѣоу оуа мѣа кѣнѣкѣа (420,11—12), добавленіе Коломенскаго перешло и въ полную Палею (Тихонравовъ, 167); въ *Арх.* и греческомъ этой подробности нѣтъ.

К. С. чѣлѣа кѣ разѣлѣкѣнѣи — 420,14, *Арх.* греч. нѣтъ.

К. 420,15 пропускъ греч. 143,11—19, что, однако, читается въ полной Палеѣ и *Архивскомъ.*

К. С. 120,24—28 обличеніе жидовина.

К. 421,16 Тихонравовъ уже замѣтилъ (168, прим. 6), что здѣсь въ Палеяхъ допущена перестановка, тогда какъ Архивскій текстъ слѣдуетъ греческому. Указанный Коломенскій текстъ соответствуетъ на греч. *Sink.*, 145,19 и далѣе.

К. 421,18—19 *ω* писанин=ἀπό γραφῆς (145,19); повидимому, такъ и въ Архивскомъ. Тихонравовъ приводитъ вариантъ писанинъ съ добавленіемъ *чит.*, но въ виду того, что въ рукописяхъ А. К. С. Я. первой редакціи Пален (см. Кол., 421, прим. 6) читается *палемена*, надо думать, что Тихонравовъ взялъ свой вариантъ изъ *Арх.* Въ полной Палеѣ: *ω* писанин. Последнее чтеніе, конечно, есть позднѣйшее, а потому у насъ намѣчается также послѣдовательность: 1) Архивскій списокъ, 2) сокращенный Коломенскій списокъ, 3) А. К. С. Я., а отсюда уже 4) полная Палея.

К. С. 421,28 послѣ слова *μυρδ* пропускъ, приведенный Тихонравовымъ изъ *Арх.* въ вариантъ 8 (стр. 168)=греч. 145,24—26.

К. С. 422,6 большой пропускъ; изъ *Арх.* у Тихонравова, 169 (вар. 1), на греч. 145,29—146,9.

К. С. 423,11—424,9 обличеніе жидовина.

К. С. 424,13 послѣ *κςτς* пропускъ; греч. 147,2—3, изъ *Арх.* см. Тихонравовъ, 170, прим. 2.

К. С. 427,11—12 *κςκ* ко кинко *ρςζςκςκς* запекѣдхъ калх, *Арх.* и греч. нѣтъ.

Далѣе, въ Синод. слѣдуетъ то, что было выше пропущено и что соответствуетъ греч. 144,1—25: *εγδα ουκο ποῦ ζωου ἢ κςκς* — а *Ιωσιδ κς ςτ κς* *жикота мсѣ* *ουμρε* (Тихонравовъ, 172) = *ὅτε οὖν ἔλαβον γυναικα—Ιωσήφ ἐκ τούτου ὀκτοκαίδεκάτῳ ἔτει ἀπέθνε.* Въ Кол. всего этого нѣтъ, а соответствіе начинается съ греч. 145,1 = Кол. 427,13.

К. 428,1—5 *ςκμн* ко *ζκκςδ* *ζκς* *пожнечъ* — измѣненіе противъ первоначальнаго чтенія, сохранившагося въ полной Палеѣ: *μρε ουκο ςκςε* *ζκς*, *κςκ* *мжтежъ* и *печаль* *пожнече* = *ἐάν γάρ σπείρητε κακά, πῶσον τερρυήν καὶ θλίψιν θερίσητε—145,10—11.*

Изъ сдѣланнаго анализа можно видѣть способъ изложенія Завѣтовъ авторомъ полной Пален. Способъ этотъ тотъ же, что и въ другихъ случаяхъ. Первоначальный видъ Завѣтовъ мы имѣемъ въ Архивскомъ списокѣ. Авторъ первой редакціи Пален (Коломенскій списокъ) сокращалъ первоначальный видъ Завѣтовъ и снабжалъ толкованіями. Авторъ полной Пален имѣлъ подъ руками и Коломенскую Палею и Завѣты въ первоначальной ихъ редакціи и, по своему обычаю, составилъ изъ двухъ источниковъ цѣструю смѣсь. Въ основаніе положилъ

Коломенскую Палею, но, сравнивая ее съ полнымъ текстомъ Завѣтовъ, восполняя изъ послѣдняго замѣчаемые имъ пропуски. Однако, послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи онъ не былъ, и потому, нѣкоторые пропуски, правда, незначительные по объему, остались не восполненными. — Сказанное должно быть примѣнено и къ всѣмъ Завѣтамъ.

Исторія Моисея представляетъ соединеніе нѣсколькихъ источниковъ: 1) Коломенской Палеи, 2) библейскаго текста, 3) апокрифическаго сказанія о рожденіи и жизни Моисея, 4) какого-то, пока еще не опредѣленнаго сказанія о событіяхъ жизни Моисея и 5) хроники Іоанна Малалы. Вся исторія имѣетъ заглавіе „Житіе сѣго крѣпкаго прѣра Моисеа, сказаннмъ кѣтимъ его“,—заглавіе, очевидно навѣянное заглавіемъ апокрифическаго сказанія, издавнаго у Тихонравова (Памяти. отреч. ливер. I, 233 и слѣд.)—Житіе сѣго прѣра Моисеа. Начало сказанія также сходится частью съ апокрифомъ, только лишь нѣсколько подробнѣе послѣдняго. Надо думать, что начало апокрифа, издавнаго у Тихонравова, нѣсколько испорчено сравнительно съ первоначальнымъ чтеніемъ, которое надо видѣть въ Палейномъ: *Лекгнмъ кыкхъ лѣтхъ лідъ роди Прима Гауда Хекронхъ и Колга. Колгхъ кыкхъ лѣтъ ѿ рѣи Пмкрѣ. Пмкрѣ кыкхъ лѣтхъ ѿ рѣи Прона и Мартаахъ и Моисеа къ лѣтъ рѣдъ кхъ пришегткю Пизѣ къ Вгиптѣ. Апокрифическій рассказъ передаетъ почти весь и перемѣнилъ съ другими источниками. Но изданію Тихонравова въ Палею не вошли слѣдующія части: 1) стр. 240—242 и кѣ еѣа Фараѣ ѿрѣ на Вгиптѣ ѿзакѣнн законхъ—оуѣи Палаѣ ехъ патію ѿрѣкѣ Мадналекмынхъ; 2) стр. 245—кхъ дѣи же ты гѣдани Моисеа пага оуца—и рѣкхъ: нди козкратнеа кхъ Вгиптѣ; 3) 248—249—и кхъкрати кыды ѿ кхъ крокѣ—шко закѣтхъ кѣѣи кхъ Перамоу лѣдоу пѣхъ; 4) 251—и покѣдѣ Фараѣиѣ что створиахъ—до конца. Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ источникомъ именно этотъ апокрифтъ, можетъ доказывать, напримѣръ, слѣдующее небольшое сопоставленіе:*

Палея. И костахъ Моисеа нача сочити: кто пока Пмккоу Пмкѣи кхъ Вгиптѣ жика. и нача сочѣи ѿ костаѣ Пмкѣи, ка мъ изокрѣтѣи Пмкѣи. пока дѣи Пмккоа жика соучѣи. шѣа козони ко шѣю и рече: шѣе, Пмкѣи жѣкхъ ѣ. шѣи же козаѣ рѣкоу на глакѣ емъ и рече: жика и ты коѣ къ кѣ.

Тихонр. 250: И костахъ Моисеа и нача сочити кто покѣдѣ Іакѣкѣ Іосифа жика кхъ Вгиптѣ и ѿ костаѣи Іосифокухъ. како мъ изокрѣтѣи. како же сѣтъ окрѣтѣи кхъ Вгиптѣ за ѿ лѣтъ. како жѣдоке влакѣтѣа телѣи глакѣ. Иосифа покѣдѣ Іоуда Мѣѣи дѣери Іакѣкап. и шѣа же кхѣи кхъ оуѣ рече: оѣе Іосифѣ жѣкхъ егѣ. онъ же

кхзасжи рѣкѣ на гласѣ еи рече: и ты
дочко жина кѣди кх вѣкы:

Изъ библейскихъ книгъ прежде всего использована книга Исхода, изъ которой взяты слѣдующія мѣста: 3, 7—8, 10, 13—15, 18—22; 4, 1, 5; 7, 20—12, 36; 13, 17—18; 13, 20—14, 2; 16, 4—10, 12—14, 16—18, 22—26, 28—30, 32—36; 17, 1, 5—6, 12, 14—18, 27; 19, 2, 11—25; 20, 18—21; 32, 1—6; 34, 10—17, 34. Изъ Коломенской же Пален въ этихъ предѣлахъ взяты слѣдующія мѣста: 475, 26—476, 8; 477, 11—25; 478, 5—480, 22; 480, 26—482, 24; 491, 16—25; 484, 24—486, 4; 494, 16—495, 3; 495, 23—498, 17; 499, 8—15; 502, 18—28; 510, 27—511, 8; 511, 11—516, 15; 516, 20—518, 19; 518, 24—521, 24; 522, 9—524, 6; 524, 22—557, 2, при чемъ въ этомъ перечисленіи многое соединено то, что въ Паленѣ раздѣляется заимствованнымъ чтеніемъ изъ другихъ источниковъ. Встрѣчаются иногда заимствования по одной строкѣ. Для соединенія заимствованій изъ разныхъ источниковъ авторъ присоединялъ иногда—повидному, отъ себя—по нѣсколькѣ строкъ, и даже по одной. Точно также заимствования изъ различныхъ источниковъ состояли иногда изъ очень небольшихъ отрывковъ; напримѣръ, за библейскимъ текстомъ Исхода 3, 7—8 слѣдуетъ: 1) 10-й стихъ той же главы, 2) двѣ строки изъ апокрифическаго Исхода Моисея „мко сумерина кси мзмици дша ткоми, а штакими же по нѣ не пласу смач что скторичи ткои“ (Тихонр. 245), а затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ Коломенской Пален 480, 26—481, 5.

Въ заимствованияхъ изъ Коломенской Пален авторъ не ограничивался только лишь историческою частью, но выписывалъ изрѣдка и толкованіе, хотя послѣднее, быть можетъ, надо объяснять невольными выписками. Авторъ и самъ, очевидно, понималъ, что толковательная часть не составляетъ существеннаго элемента въ его трудѣ, а потому и не дорожилъ ею. Такъ, начавъ выписывать изъ Пален то, что въ изданіи читается на 485 столбцѣ съ 13-й строки (смотри же жидокские како ти к нии обнкта ѣ...), авторъ прекращаетъ выписку на 486, 4, и то, что читается далѣе до 490 включительно (о чудесахъ Иисуса Христа), обобщаетъ словами же Пален такъ: „Аногам же неизгѣнамъ чюдеса сткорикхъ плотъсканихъ сконахъ слогреніе“ и не прикниіе, но истинною“ и, прибавивъ „но на предежащиа кхзвратнмса“, обращается къ апокрифическому Исходу и далѣе—къ библейскому тексту. Такъ же авторъ обобщалъ и другой свой источникъ, библейское изложеніе; такъ, послѣ 34, 10—17 авторъ прибавляетъ—и нна аногамъ рече ѣ ѣ дѣк.

Третьимъ источникомъ является какая-то полубиблейская, полупокрифическая исторія Моисея. Въ трехъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ по краткому сказанію, которыя можно бы возвести именно къ этому источнику. Послѣ выписки изъ Колом. 478, 5—7 (хождение Моисея по пустынѣ съ овдами) прибавляется: Палица же выла к рѣкѣ его и начати любити прѣрѣти и оучашѣ ѿ дѣла Гакрипа... разсказывается, какъ архангелъ Гавриилъ научилъ всему Моисея и повѣдалъ ему о всемъ, что было до него. Затѣмъ послѣ Колом. 481, 5 разсказывается, какъ Моисей не хотѣлъ идти къ Фараону: „И азъ идеу къ сіимъ Никымъ и рѣку наик: ѿхъ шѣкъ кашіи поусти ала к каліх. и кхраниати ала начоуть: како ѣ пали емоу. что Шкѣпаю к пилих. рѣ же гѣ к Моисеи: се азъ емь с токою, тако и гѣи сыномъ Нилѣй: гѣ ѿхъ шѣкъ кашіихъ, ѿхъ Нкранока, ѿхъ Нилакока, ѿхъ Накока поусти ала к каліх. и погалоушати та“ (Рум. 453, л. 162). Наконецъ, послѣ Колом. 496; з находится объясненіе, почему евреи, выходя изъ Египта, взяли только опрѣсноки: „И кхпрокодина равы ѣни с домытѣо и с дары многои, мѣо закѣ ѣни не ко Нкраноу дѣдѣ ѿ, и испекша моу, ѿ изнекоша погрѣшники прѣсны. не оу но кокъша. изгнаша ко м Вгнитани и не многоша прѣвѣти ни крашна створѣти сове на ну.“

Пока нѣтъ возможности опредѣлить, что это была за исторія, по повидимому, это была особая исторія Моисея, носившая особое названіе. Нужно обратить вниманіе на то, что въ первомъ отрывкѣ архангелъ Гавриилъ преподавалъ Моисею „зкѣдногъ теченіе и стоухи и числа и зеліною літроу и ксакоу премоудрѣсти писати въ книгахъ доврого житиѣ“. Что это за „доврое житиѣ“? Повидимому, оно же упоминается въ разсказѣ о Моисеѣ въ особой краткой редакціи Палея, о которой я упоминалъ въ I главѣ и о которой я говорю далѣе. Именно за извѣстіемъ, что Фараонъ приказалъ губить рождающихся еврейскихъ дѣтей, читается: држиное житиѣ писати, мѣо ѿ ліца погонима Изрѣтескиа мѣница к рѣкѣ. сего рѣ ѿ ліца кх исходѣ Изрѣтескиа, а на конѣкъ к морѣ истоноша, мѣо мѣниѣкъ к рѣкѣ. „а моужь храврѣ оутоноша к морѣ за єдинѣ мѣниѣкъ. Надо думать, что здѣсь „држиное житиѣ“ есть то же самое, что и „доврое житиѣ“ полной редакціи. Но это не будетъ исторія Іосифа Флавія, такъ какъ послѣдняя, напримѣръ, въ краткой редакціи Палея отличается отъ „дровного житиѣ“, ибо далѣе говорится: „Иосифъ писѣць жидокака тако естѣ писала.“

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что нѣкоторыми изъ указанныхъ вставокъ Палея сблизается съ нашей Лѣтописью, именно, съ изложеніемъ ветхозавѣтной исторіи, вложенной въ уста философа. убѣждавшаго князя Владиміра креститься. Это было замѣчено уже

Порфирьевымъ, который, слѣдуя общему тогда взгляду на Палею, видѣлъ въ послѣдней источникъ для лѣтописнаго разсказа (Апокр. сказ. о ветхозав. лицахъ по рукоп. Солов. Библ., 4). Сходство, и притомъ, частью буквальное, замѣчается въ первомъ изъ указанныхъ выше отрывковъ, именно: Моисѣи же... приде в землю Маднамыску, и ходя по пустыни, научися отъ ангела Гавриила о бытїи всего мира, и о иврѣмъ чловѣци, и яже суть была по немъ и по потогѣ, и о смѣшенїи языкъ, аще кто колико лѣтъ быше былъ и звѣзное хоженіе и число, земельную мѣру и всяку мудрость (Ипатьевская Лѣтоп., 64). Конечно, теперь уже не можетъ быть и рѣчи о заимствованїи изъ Палеи, хотя бы въ виду того, что въ самой Палеѣ разсматриваемыя сказанїя являются позднѣйшими дополненїями. Въ свое время я указалъ, что даже тѣ соответствующія мѣста, которыя встрѣчаются въ первоначальной Палеѣ, не могутъ считаться источникомъ для Лѣтописи, но вмѣстѣ восходятъ къ одному общему источнику. Такимъ источникомъ и могъ быть особый апокрифическій разсказъ о Моисеѣ, который по частямъ и сохранился: 1) въ Лѣтописи, 2) въ полной Палеѣ и въ 3) особой краткой редакціи Палеи. Ближайшее сопоставленіе Лѣтописнаго разсказа съ Палеѣинымъ (въ краткой ея редакціи) подтверждаетъ близость того и другого. Чтобы не возвращаться къ этому вопросу дальѣ, я останавливаюсь на немъ здѣсь. Въ Лѣтописи порядокъ разсказа таковъ: а) рожденіе Моисея, б) предсказанїя волхвовъ о будущихъ бѣдствїяхъ, с) приказъ Фараона бросать еврейскихъ дѣтей въ рѣку, d) спасеніе Моисея, е) Моисей будучи 4-хъ лѣтъ срываеъ вѣнецъ съ головы Фараона и растаптываетъ, f) волхвъ напоминаетъ о своемъ предсказанїи и требуетъ предать смерти Моисея, g) Фараонъ вмѣсто этого приказываетъ губить дѣтей еврейскихъ. Совершенно въ такой же послѣдовательности передается и въ краткой Палеѣ, и сходно съ этимъ читается, какъ я уже указалъ, въ греческой хроникѣ, содержащей въ себѣ части хроники Синкелла. Соответствующій греческій текстъ, только въ болѣе краткомъ видѣ, и былъ оригиналомъ; въ послѣднемъ, вѣроятно, читалось и о томъ, какъ архангелъ Гавриилъ въ пустынѣ училъ Моисея, хотя этого разсказа въ указанномъ греческомъ текстѣ нѣтъ. Разсказъ же въ краткой Палеѣ, соответствующій лѣтописному, слѣдующій: „Сѣинокинижника икѣго козкѣти Фараонъ, ико роднаса естъ къ крѣма то икѣкомоу ииъ къ Изѣрактѣхъ, иже хощеть смирити влаастъ вѣгѣпетскоу и шратника хощеть късукатити Илѣтъ люди. тѣмже того послѣоушакъ покѣлкъ ражамѣрагоса моужика послѣ къ Изѣрактѣ не живити, но къ рѣкоу клѣтити. къ сѣхъ днѣ вѣгѣпетскѣ, вгда

Фараонъ прихъ твораше колларомъ сконихъ, тогда Фешривоуфѣн діѣн Фараона прикеде къ шѣоу сколаоу Моисѣа, мко прикиаго своего сѣа соуща ѡ лѣтѣ. шн же шконоихъ его нача ловызати, кѣниць же скон возложи емоу на галѣѡ его. шн же снелѣхъ покерже пѡ нозѣ скон нача топытати. видѣкъ же икъто Ш сѣинокижнѣхъ нѣага по галѣкѣ кѣиаше гѣа: ш цѣю, покелн, да гѣ оубнютъ. аще во сего не погоувиши, а тѣ ксего вгѣпта хоцетъ попати и цѣтко вгѣпетское сѣкрѣти хоцетъ. и цѣки молашега, да шн его погоушаах. цѣъ же не погоуша его, иѣ покелѣ, да оустакать гоуцеленне дѣтен Изрѣльтескхъ ражамѣригѣа“ (Погодин. 1434, л. 114).

У Порфирьева на стран. 228 — 230 напечатано апокрифическое сказаніе о Моисѣѣ Соловецкой Палеи № 866, которое представляет собой то же чтеніе, что и въ Погодин. 1434, но съ замѣной изъ Исторической Палеи нѣкоторыхъ подробностей. Все, что читается въ предѣлахъ „дѣта же сѣаши снѣтѣ кѣнѣхъ со галѣы цѣкъмъ (228) — и кѣиаше Моисѣн акиаихъ Ш Фараона и Ш кѣаможъ его“ (229) взято буквально изъ Исторической Палеи, но изданію Попова стр. 62 — 64. Изъ другихъ текстовъ, напечатанныхъ Порфирьевымъ изъ этой Палеи, можно видѣть, что эта Палея представляет собой ту же краткую редакцію, что и Погодинская 1434, но осложненную прибавленіемъ нѣсколькихъ апокрифическихъ рассказовъ. Объ этомъ далѣе.

Послѣднимъ источникомъ является хроника Іоанна Малалы, изъ которой заимствовано то, что въ Бонскомъ изданіи читается на стр. 65, 13—66, 8, книга III. Извѣстно, что III книга въ Архивскомъ хронографѣ не сохранилась, а въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ читаются ничтожные отрывки. Оказывается, что эти отрывки совпадаютъ съ Палейнымъ текстомъ. Изъ перваго отрывка, указанного у Попова въ Обзорѣ хронографовъ, стр. 22, удержалось только начало, именно „ѡ лѣтѣ Моисѣева цѣткоа кѣ вгѣпте Пегнионнѣ Фарао“, а второй отрывокъ передается весь, при чемъ рука заимствователя видна изъ прибавленія къ началу Малалейнаго текста (сѣѣ Пегнионнѣ цѣъ вгѣпѣкѣи) связи съ предыдущимъ въ видѣ „прѣѣ Шѣвѣнѣа сѣкъ Илѣхъ“. Далѣе читается буквально сходно съ Еллинскимъ Лѣтописцемъ: „иѣа кѣ Мѣлѣ гѣа кѣоукоати и жѣтѣѡ стгорѣхъ копрошаши Пѣѣа гѣа...“ и оканчивается отрывокъ такъ же, какъ и въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ — „иѣѡ Моисѣн написа кѣ ирѣадромѣхъ своѣ лѣтописци“ (Румянц. л. 168). Въ виду такого сходства, первое заключеніе—авторъ Палеи взялъ изъ Еллинскаго Лѣтописца. Возможно, что такъ и было, хотя нужно имѣть въ виду, что это былъ бы единственный случай заимствованія Палеей изъ первой редакціи (по опредѣленію Попова) Еллинскаго Лѣтописца. Мы

увидимъ, что полная Палея стоитъ въ близкомъ родствѣ со второй редакціей Еллинскаго Лѣтописца. Поэтому, является предположеніе, что отрывокъ настоящій, если и взятъ изъ первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца, то не авторомъ, создавшимъ полную редакцію Палея, а кѣмъ-то другимъ. Уже Поповъ обратилъ вниманіе, что нѣкоторыя начальныя статьи первой редакціи Еллинскаго Лѣтописца встрѣчаются въ прибавленіяхъ къ Толковой Палей. Теперь можно сказать болѣе опредѣленно, именно—въ приложеніяхъ къ полной редакціи Палея. Объ этомъ рѣчь будетъ далѣе, а теперь напередъ скажу, что, хотя эти прибавленія встрѣчаются во всѣхъ спискахъ полной редакціи Палея, однако они органической связи съ самою Палеей не имѣютъ. Въ виду этого, едва ли ихъ можно приписывать автору Палея. Они присоединены въ видѣ выписокъ изъ Еллинскаго Лѣтописца однимъ изъ послѣдующихъ писцовъ, а отъ такого осложненнаго списка и пошли всѣ до насъ дошедшіе. Этимъ же писцомъ вставленъ, всего вѣроятнѣе, изъ того же источника и данный отрывокъ.

Остальной рассказъ до исторіи царей составляетъ смѣсь выдержекъ изъ Коломенской Палея и изъ библейскихъ книгъ — Числъ, Второзаконія, Судей и Иисуса Навина. Выдержки изъ этихъ двухъ источниковъ или идутъ въ правильной перемежкѣ, или нѣсколько выдержекъ изъ одного источника соединяются вмѣстѣ. Изъ Палея взяты слѣдующія части:

557, 3—562, 17	648, 28—649, 21	683, 7—686, 7
562, 22—563, 10	650, 9—20	686, 10—688, 4
563, 17—24	652, 9—654, 17	688, 15—689, 24
564, 2—573, 6	655, 8—656, 6	690, 22—693, 10
573, 14—16	656, 13—659, 26	693, 10—14
573, 16—21	660, 26—662, 8	693, 23—697, 2
574, 2—16	662, 25—663, 24	697, 15—699, 19
574, 20—575, 26	664, 9—15	700, 25—28
576, 6—577, 3	668, 14—669, 12	703, 25—705, 18
577, 5—580, 4	672, 24—673, 19	720, 26—27
580, 5—587, 25	674, 2—677, 16	722, 16—22
587, 76—638, 23	678, 5—679, 4	722, 27—723, 9
638, 24—647, 21	679, 19—680, 21	724, 10—11
648, 5—9	680, 23—681, 20	729, 5—20
		734, 6—24

Между этими выдержками и вставлены выдержки изъ библейскихъ книгъ, а именно:

Числь: 22, 9—22; 22, 23—26; 22, 28—32; 22, 36—38; 23, 13—16; 23, 27—30; 24, 18—23; 26, 1.

Второзаконія: 13, 1—5; 19, 16—20; 21, 18—21; 22, 28—29; 27, 15—26.

Иисуса Навина: 1, 1—9; 1, 10—2, 3; 2, 6—4, 18; 4, 19—5, 8; 5, 9—12; 5, 16; 6, 5—19; 6, 19—25; 6, 26—7, 15; 7, 16—10, 16; 10, 20—19, 31; 20, 1—6; 20, 7—21, 27; 22, 1—34; 23, 14—24, 21; 24, 22—29.

Судей: 1, 9—36; 3, 1—4; 3, 20—30; 4, 9—31; 5, 6—31; 6, 1—6; 6, 11—16; 6, 21—32; 7, 1—22; 7, 23—11, 40; 12, 1—14, 20; 15, 1—19; 16, 1; 16, 2—3; 16, 5—21; 16, 24—31; 17, 1—21, 25.

Изъ особенностей можно замѣтить слѣдующія:

1) Въ Румянц. Палеѣ между листами 190 и 191 утеряно нѣсколько листовъ, восполняемыхъ Синод. спискомъ л. 234^a—241^b.

2) Въ Румянц. Палеѣ л. 199^c—200^a ошибочно вставлена статья „*У рѣкѣ крѣпнѣ*“; въ другихъ спискахъ ея нѣтъ.

3) Румянц. л. 202 вмѣсто одного слова „и издогга“ (Кол. 650, 16) читается: „*маже и крага заткорѣ к соулрѣ мѣжи изакозга и не вѣ камо пондѣ*“ (= Синод. 253^a—^b) = *Ис. Нав.* 2, 5.

4) Въ исторіи Самсона послѣ Судей 16, 1 читается дополнение: „*не грѣнам дѣлам дѣмна. нѣ во вы пасти дѣла кишѣ рачѣ грѣ и гнѣкѣй на екоа лю, мко выдана и протннѣй*“ (Румян., Синод. 301).

5) Между выписками Суд. 16, 3 и Кол. 722 16 вставлено: *Пѣснѣхъ иде ко паворнанихъ.*

6) За библейскимъ текстомъ Суд. 16, 25 читается небольшое добавленіе: (погтаки Самсона—межи дкою столиѣ) — *на ннхъ црѣкни и дѣскаа стомше, и оухуу мласнѣю на нѣ проанкахъ и творахуу на нѣ пороуганне екако.*

7) Молитва Самсона (Суд. 16, 30) читается противъ библейскаго текста съ небольшимъ добавленіемъ: „*да оулрѣ нѣк дѣла моя со ннпавемнннны еѣ, да не влѣѣй коулнрѣ екоѣ к пагоуѣд моеу.*“

Книга Руѣв, которая вполне сохранилась въ Палеѣ Ундольскаго № 719, (въ Румянц. утеряны листы) рассказана также по Коломенской Палеѣ и по Библии.

Исторія Саула и Давида представляетъ также смѣсь Коломенской Палеи и библейскаго текста—книгъ I и II Царствъ. Изъ Палеи взяты слѣдующіе отрывки: 737, 1—19; 737, 26—738, 14; 738, 14—18; 739, 1—745, 2; 747, 19—749, 9; 749, 9—750, 9; 753, 1—754, 2; 754, 3—4; 754, 5; 754, 10—11; 762, 8—13; 762, 14—18; 766, 6—770, 3; 772, 26—806, 11; 806, 11—19; 806, 25—807, 5; 808, 21—809, 6; 810, 17—26.

Среди этихъ отрывковъ вставлены слѣдующія мѣста изъ библейскихъ книгъ:

Царствъ I: 1, 3—10; 1, 14—26; 1, 18—27; 2, 11—8, 22; 9, 1—15, 35; 16, 1—13; 16, 15—23; 17, 1—10; 17, 32—52; 17, 53; 17, 54; 18, 6—7; 18, 8—16; 18, 20—31, 13.

Царствъ II: 1, 1—10, 19; 11, 1—2, 4; 11, 4—27; 12, 1—12; 12, 14—23; 12, 24—31; 13, 1—23, 7; 23, 8—23; 23, 24—39; 24, 1—25. Характеръ заимствованія одинъ и тотъ же: иногда заимствуются по нѣскольку страницъ, иногда—по одной-двѣ строки. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить слѣдующее чтеніе: „вѣ ко жена взорѣ довра кельми (= II Цар., 11, 2—конецъ). и погла дѣх штроры взискати жены. штрорѣ шнѣи приведоша ю и кѣзе к неи и леже с нею (= II Цар., 11, 3—начало—и 4—начало) и впаде къ грѣ (= Кол. 762, 1:). и тѣ вѣ очистилага ш нечистоты своа (= Цар., 11, 4—конецъ).

Царствованіе Давида содержитъ три постороннихъ вставки: 1) о пророкѣ Нафанѣ и сыновьяхъ Давида; 2) о наказаніи Давида чрезъ ангела и 3) о составленіи псалтири. Первая вставка такова: „Нафанъ прѣкъ ш дѣока ѣ колѣпа къ и тѣ наоучнахъ дѣа вѣію законѣ. раздѣлѣхъ, яко дѣхъ престѣнни хотѣеть оу внираке, да потѣдѣ, да вы шѣ покѣдѣ емѣ, да вы са оухраниахъ ш незаконіа. солазихъ емѣ створи сатана. на пѣти во шврѣтхъ мѣжа мѣртка и нага лежача зарѣзана, да шета тѣ, да погренеть мѣртѣца, и не дасть прѣнни къ дѣоки. и тѣ ноци оукѣ, яко сткорѣ ѣ дѣхъ оуже грѣ. и ократѣи плачаса и акы мѣжа са оувиѣ ѣ. Гѣше Нафанъ, яко мене дѣла створиѣ ѣ грѣ са. да понѣ оукѣ ѣхъ плачущѣ Нафана о грѣскъ дѣоки, саманса вѣи кхздуханѣ его и рѣ к неаѣ: понѣ минни, яко товою са ѣ створила изка си, товою да вѣдетъ нечѣлаенѣ. да шѣ шблани его и покробѣ. и тѣ намы сѣста-рѣвса оумре и погреноша и на своен земли Такашнѣ“. — Источникъ этого сказанія мнѣ неизвѣстенъ.

Вслѣдъ за исторіей Нафана перечисляются сыновья Давида отъ различныхъ женъ: „Родиса дѣки сѣвхъ ѣ к Хекронѣ. перворѣнни сѣхъ Ялѣ ш Минномани Пѣчтанни, ѣ Далуна ш Явна Кармѣскѣ, ѣ сѣхъ Явсалаѣ ш Мишханы дщере Фолмѣланы, цѣа Гесѣрьска, ѣ сѣхъ Орнѣа ш Ягмыфы, ѣ сѣхъ Исфаниаса ш Виталы, ѣ сѣхъ Вѣверѣль ш Явлы, жены дѣкы. ѣ сѣхъ Ядонѣа Ор-пѣнни. а се родниѣ къ Иерѣлѣ. ѣ сѣхъ Саломѣхъ, ѣ Іуваковѣхъ, ѣ Нафанзиекорѣ, ѣ Неанѣсѣхъ, ѣ Неафалѣ, ѣ Пненѣхъ, ѣ Нафѣхъ, ѣ Нефѣе, ѣ Неасаломѣхъ, ѣ Неадае, ѣ Неаифѣа, ѣ Соломонѣхъ“.

Вторая вставка является продолженіемъ обличенія Давида Нафаномъ. За выпиской изъ кн. II Царствъ, 12, 12 слѣдуетъ: „Нѣтѣ же, цѣю, взори шчнла и видѣ. цѣрѣ же взорѣвхъ шчнла своа и видѣ. и се анѣахъ гѣнѣ

нѣ нимѣ держа мечъ нагъ к рѣкѣ своею нѣ главою его, и нѣ црѣ анцель на земан начатъ каати гѣа: сгрѣши тѣ ѿ моему, створи сице. и рѣ Нафанъ къ Дѣв: встанн мко тѣ Шмтк сгрѣшенім твоа и не имашн оумрети къ грѣсѣ томъ за покааніе твоа. и се англъ гѣа възврати съ оружіемъ мек крокъ“. Конецъ представляет легкую перефразировку II Царствъ, 12, 13.

Что касается подробностей съ ангеломъ, то возможно, что здѣсь повліяла Историческая Палая, въ которой говорится объ ангелѣ съ мечемъ, хотя и не вполне тожественно съ нашей Палеей, именно: 1) „видѣ (Нафанъ) англа держаща нагъ мечъ и стоища съзади црѣ... и мко видѣ англа прѣ дерзость; 2) тогда прѣкъ видѣ англа Шраццанца мечъ свон“. Поповъ, Историческая Палая, 162 и 163. Греческій текстъ сходится вполне съ славянскимъ—*Васильевъ*, *Anecdota*, 283.

Наибольшимъ дополненіемъ является сказаніе о составленіи псалтири,—сказаніе, встрѣчающееся и отдѣльно, большею частью при самой книгѣ Псалтирь, напримѣръ, въ Псалтири Соловецкой библиотеки № 20 (723) л. 45—Опис. I., 33. Послѣднее начинается такъ же, какъ и въ Палей: „Бысть егда ковчегъ въ Іерусалимъ принесенъ, избра блаженныи Давидъ мудрыя отъ всѣхъ колѣнъ израиловыхъ“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я указалъ на такое же сказаніе въ Толковой Псалтири Афанасія Александрійскаго въ рукописи Бѣлградской народной библиотеки л. 145, гдѣ оно, впрочемъ, представляется нѣсколько въ укороченномъ видѣ сравнительно съ Палейнымъ, но происходитъ, несомнѣнно, изъ того же источника. Въ первой главѣ я указалъ, что въ Парижской хроникѣ № 1336, содержащей отрывки изъ хроники Георгія Синвела, читается въ соответствующемъ мѣстѣ и оригиналъ нашего Палейнаго сказанія, хотя греческій текстъ нѣсколько пораспространеннѣе славянскаго. Я сопоставлю оба текста.

Полд. 1435, л. 315.

Нѣ егда ковчегъ къ Іерлѣмъ прине-
се до рѣтѣка Хѣа за ѣа и за ѣа и
говра вѣжнныи Дѣвъ прѣвѣдрма ѿ кѣѣ
племени Інаевъ, избра ѣ мѣжа ѿ пле-
мене Левгѣиска, наже си наина: Нѣа,
Вѣа, Идѣфимъ, Вѣфанъ, и кнѣждо нѣхъ
имаше съ совою по ѣа и по двѣ мѣжа,
нже нмъ Шпѣккалѣхъ аланаѣа. се ѣа окрѣ
ваше смотреніа вымешаго прѣѣ. егда съ
измци раздѣанша ѿ столпотвореніа на

Париж. 1336, л. 72.

Καταθὼν εἰς Ἱερουσαλὴμ αὐτὴν
ἀπεκόμισε μετὰ χορείας πολλὰς. ἐκ
πασῶν γὰρ τῶν φυλῶν Ἰσραὴλ ἀνδρας
ὃ ἐπελέξατο καὶ ἐκ τῆς φυλῆς Λευὶ
δ, οἵτινες ἤρχον τῶν ᾠδῶν. ἦσαν δὲ
οὗτοι. Ἀσάφ Αἰμαὴν Αἰθαμ Ἰδιούμ.
καὶ ἕκαστῳ τούτων ἀνά δύο καὶ ἐβ-
δομήκοντα ἄνδρες εἶποντο ὑπακούον-
τες. τοῦτο δὲ τῆς ἀρτηθην γενομένης
οἰκοδομίας ὑπῆρχε σύμβολον. ὁ γὰρ

ō н дѣл мзѣма, Ѡ Сѣмѣска оубо рода
 ѣѣ, а Ѡ Хама лѣ, Ѡ Яфѣта ѣ. тō
 оубо шпрѣте кѣтѣнѣм Дѣк коелѣждо
 началниѣк пѣ н по ō н по дѣл мѣжа
 едѣѣ, на пѣноглокѣ вѣѣ прорница,
 нко на поелѣдѣлѣ лѣтѣ елѣ мзѣк
 начнѣтѣ елѣкѣтѣ нѣ едннѣгѣно. нѣ
 лѣ началниѣн пѣсѣнѣм прѣ кнѣтѣм
 етѣмѣ помѣѣ нѣ. едннѣ оубо в кнѣ-
 елѣ вѣашѣ, а ннѣ в гѣсѣн, ннѣ в прѣ-
 годница, ннѣ в рѣжанѣ трѣвѣ, поелѣдѣ
 же нѣ етѣмѣ Дѣк, дѣрѣѣ ѣалтѣрѣ. н
 когѣѣѣ нѣ етѣмѣ пѣвѣнѣземѣ лѣѣ етѣмѣ,
 да елѣ елѣгрѣшѣ лѣѣ етѣмѣ на едннѣм
 когѣждо нѣ, а дѣрѣѣн же етѣмѣ мол-
 чѣшѣ. н елѣ елѣкѣ помѣѣгѣ гѣлѣѣ алѣ-
 лѣѣ, нѣ елѣзѣтѣ хѣлѣнѣм нѣтѣннѣгѣ
 нѣ, нкоже алѣлѣ гѣтѣ. елѣ же Ѡтѣрѣтѣ
 прѣрѣчѣтѣко, ннѣ да поелѣчѣтѣ.

πῦργος φκοδόμητό ποτε, ὡς φασί τινες,
 ὑπὸ ἐβδομήκοντα δύο ὁμοφρονούντων
 ἀνδρῶν ἐκ μὲν τοῦ Σήμ κε, ἐκ δὲ
 τοῦ Χαμ λβ, ἐκ δὲ τοῦ Ἰαφὲθ ιε, οἵτι-
 νες ὀργῆς δικαίας ἐπελθούσης ἐπ' αὐ-
 τοὺς διὰ τὴν ἐπιχείρησιν εἰς ἀνομοιο-
 γλώσσιαν ἐλθόντες ὑπὸ τοῦ πνεύματος
 ἐλαυνόμενοι διεσπάσθησαν. τούτων οὖν
 τὸ πλήρωμα ἀποκαθιστάν ὁ μακάριος
 Δαβὶδ βουλόμενος ἐκάστῳ ἀρχοντι
 ὠδῶν ὅβ ἀρχοντας ἀπέναυε πρὸς ὑμ-
 νολογίαν τοῦ θεοῦ, προφητεύων, ὅτι
 πᾶσα γλῶσσα ἐπ' ἐσχάτων τῶν καιρῶν
 δοξάσει συμφόνως τὸν θεόν. οὔτοι τοί-
 νυν οἱ ὁ ἀρχοντες τῶν ὠδῶν ἐνώπιον
 τοῦ ἀγίασματος τοῦ θεοῦ ἴσαντο ὑμ-
 νοῦντες τὸν θεόν. καὶ ὃς μὲν αὐτῶν
 κυμβάλῳ ἔκρουεν, ὃς δὲ ψαλτηρίῳ, ὃς
 δὲ κινύρα, ὃς δὲ κιθάρα, ὃς δὲ κερα-
 νίη σάλπιγγι ὑψῶν ὑψουμένου κέρατος
 κυρίου. τούτων μέσος ἴστατο Δαβὶδ ἀρ-
 χων ἀρχόντων ὠδῶν, κρατῶν ἐπὶ χει-
 ρας τὸ ψαλτήριον. ... καὶ ἠνίκα ἐσκίρτα
 εἰς ἓνα αὐτῶν, οἷον φέρε εἰπεῖν εἰς
 τὸν Ἀσάφ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, οἱ ἄλ-
 λοι ἡσυχίαν ἄγοντες, λέγοντες ἀλλη-
 λούια, ὅπερ ἐρμηνεύει αἰνέσωμεν τῷ
 ὄντι θεῷ. ἠνίκα δὲ πάλιν εἰς τὸν ἕτε-
 ρον ἐνήργει, οἱ λοιποὶ κατεπαύοντο
 πνεύματι κατηρητισμένοι εἰρήνης καιρῷ
 ὑπετάσσοντο. εἶθεν καὶ ὁ μακάριος
 Παῦλος ὁρμώμενος, εἰάν δὲ ἄλλῳ ἀπο-
 καλυφθῆ, ὁ ἕτερος σιγάτω.

За этимъ слѣдуетъ краткое объясненіе, почему псалмы называются
 Давидовыми, хотя и не одинъ онѣ ихъ составлялъ: „Сего подѣлаше
 пытати, како зокутѣ псалмѣ дѣкѣ, а не единого дѣлѣ тѣрѣнѣ. но сего рѣ елѣѣ,
 тѣ елѣ замѣслилѣ н прѣ показѣ. тѣ во цѣрѣ н прѣѣкѣ, н томѣ елѣ елѣ
 елѣ елѣкѣтѣ пѣтѣрѣ, нко тō елѣ началниѣк елѣкоглокѣѣ нѣѣ“. — Вѣ соотѣвѣт-

ствующемъ греческомъ текстѣ объясненіе нѣсколько подробнѣе — см. I главу. Вставка заканчивается перечисленіемъ псалмовъ: $\epsilon\beta\tau\epsilon^{\alpha} \epsilon\tau\epsilon^{\alpha}$ $\psi\alpha\lambda\mu\acute{\omega} \bar{\rho}\eta$, $\bar{\omega}$ нѣже $\bar{\alpha}$ екстави $\bar{\Delta}\acute{\epsilon}\kappa\epsilon$, $\bar{\alpha}$ $\bar{\eta}\bar{\gamma}\bar{\alpha}$ $\bar{o}\bar{\epsilon}$, $\bar{\Theta}\bar{\mu}\bar{\alpha}$ $\bar{\lambda}$, $\bar{\Delta}\bar{\nu}\bar{\sigma}\bar{\phi}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}$, $\bar{\Theta}\bar{\phi}\bar{\alpha}\bar{\mu}\bar{\nu}$ $\bar{\lambda}$, $\bar{\Sigma}\bar{o}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}$, $\bar{\eta}\bar{\gamma}\bar{\gamma}\bar{\eta}\bar{\nu}$ и $\bar{Z}\bar{\alpha}\bar{\chi}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ $\bar{\lambda}$, $\bar{\Delta}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}$, степенными нѣтени $\bar{\eta}\bar{\kappa}$ = $\epsilon\iota\sigma\iota$ $\tau\omicron\iota\omicron\nu\omicron\upsilon\omicron$ $\omicron\iota$ $\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\varsigma$ $\bar{\psi}\bar{\alpha}\bar{\lambda}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\iota}$ $\bar{\rho}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\nu}$, $\bar{\epsilon}\bar{\xi}$ $\bar{\omega}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\sigma}\bar{\iota}$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\Delta}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\delta}$ $\bar{\upsilon}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}\bar{\upsilon}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\iota}\bar{\theta}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\varsigma$. $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\alpha}\bar{\upsilon}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\epsilon}\bar{\gamma}\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{o}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{o}$ $\bar{\epsilon}\bar{\gamma}$ $\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{o}\bar{\beta}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\Lambda}\bar{o}\bar{\sigma}\bar{\alpha}\bar{\phi}$ $\bar{\iota}\bar{\beta}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\Gamma}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\theta}\bar{o}\bar{\upsilon}\bar{\mu}$ $\bar{\iota}\bar{\beta}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\upsilon}\varsigma$ $\bar{o}\bar{\iota}\bar{o}\bar{\delta}\bar{o}\varsigma$ $\bar{K}\bar{o}\bar{\rho}\bar{\epsilon}$ $\bar{\theta}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{M}\bar{\omega}\bar{\upsilon}\bar{\sigma}\bar{\alpha}$ $\bar{\alpha}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\Lambda}\bar{\iota}\bar{\theta}\bar{\alpha}\bar{\mu}$ $\bar{\Gamma}\bar{o}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\eta}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\eta}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\Sigma}\bar{o}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\beta}$, $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\Lambda}\bar{\gamma}\bar{\gamma}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{Z}\bar{\alpha}\bar{\chi}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ $\bar{\delta}$. $\bar{\alpha}\bar{\lambda}\bar{\lambda}\bar{\eta}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\upsilon}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\beta}$ $\bar{\omega}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\beta}\bar{\alpha}\bar{\theta}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\iota}\bar{\epsilon}$.

Исторія Соломона представляетъ такой же конгломератъ различныхъ источниковъ, какъ и другія части полной Палеи. Обширный матеріалъ дали апокрифическія сказанія о судахъ Соломона, почти всѣ изданныя именно изъ Палей Тихонравовымъ и Пыпинымъ. Порядокъ разсказа о Соломонѣ въ Румянц. Палеѣ 453 слѣдующій:

1) Библейскій текстъ III Царствъ 1, 1—53.

2) Кол. 810, 27—813, 25.

3) III Царствъ 2, 5—9.

4) Кол. 813, 25—814, 11.

5) III Цар. 2, 13—35, кончая словами: $\bar{\epsilon}\bar{\kappa}$ $\bar{N}\bar{o}\bar{\phi}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}$ $\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{o}$.

6) Вставка: I Соломонѣ $\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\kappa}$ $\bar{\Delta}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\epsilon}$ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\beta}$ $\bar{n}\bar{\alpha}$ $\bar{I}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{\omega}$ и $\bar{n}\bar{\alpha}$ $\bar{N}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\kappa}\bar{o}$ $\bar{\Theta}\bar{\alpha}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{\nu}$.

7) III Цар. 2, 35—46; 4, 20—26; 4, 2—5.

8) И $\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{o}$ $\bar{o}\bar{y}$ $\bar{\Sigma}\bar{o}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\iota}\bar{\mu}$ $\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\sigma}\bar{\tau}\bar{i}$ $\bar{\kappa}\bar{o}$ $\bar{\omega}\bar{\rho}\bar{\upsilon}\bar{\gamma}\bar{\epsilon}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\kappa}$ и $\bar{\mu}\bar{\epsilon}$ $\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\kappa}$, и $\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{\epsilon}$ $\bar{\omega}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\lambda}\bar{\lambda}\bar{\alpha}$ $\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\iota}$ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\mu}$ $\bar{\omega}$ $\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\iota}\bar{\mu}$ ($\bar{\Theta}\bar{\phi}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}$) и $\bar{\delta}\bar{o}$ $\bar{z}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\iota}\bar{\alpha}$ $\bar{\iota}\bar{\nu}\bar{o}\bar{\nu}\bar{\alpha}\bar{\beta}\bar{\alpha}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{\nu}\bar{\iota}$ и $\bar{\delta}\bar{o}$ $\bar{\rho}\bar{\rho}\bar{\epsilon}\bar{\delta}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ $\bar{\Theta}\bar{\nu}\bar{\iota}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ —*Георгій Амартоль*, Мур. 141, 21—24: $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\eta}\bar{\rho}\bar{o}\bar{\alpha}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}\bar{\upsilon}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\phi}$ $\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\tau}$ $\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\mu}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\iota}\bar{\rho}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\iota}$ $\bar{\alpha}$, $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\chi}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\varsigma$ $\bar{\delta}\bar{\epsilon}$ $\bar{\chi}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\varsigma$, $\bar{\mu}$, $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\iota}\bar{\rho}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\iota}\varsigma$ $\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\mu}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}$ $\bar{\chi}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\alpha}\bar{\delta}\bar{\epsilon}\varsigma$ $\bar{\iota}\bar{\beta}$. $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\eta}\bar{\nu}$ $\bar{\eta}\bar{\gamma}\bar{o}\bar{\upsilon}\bar{\mu}\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{o}\varsigma$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\beta}\bar{\alpha}\bar{\varsigma}\bar{\iota}\bar{\lambda}\bar{\epsilon}\bar{\omega}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{o}$ $\bar{\rho}\bar{o}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\mu}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{E}\bar{\upsilon}\bar{\phi}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{o}\bar{\upsilon}$ $\bar{\epsilon}\bar{\omega}\varsigma$ $\bar{\gamma}\bar{\eta}\varsigma$ $\bar{\alpha}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\phi}\bar{o}\bar{\upsilon}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\iota}$ $\bar{\epsilon}\bar{\omega}\varsigma$ $\bar{\tau}\bar{o}\bar{\nu}$ $\bar{o}\bar{\rho}\bar{\iota}\bar{\omega}\bar{\nu}$ $\bar{\Lambda}\bar{\iota}\bar{\gamma}\bar{u}\bar{\rho}\bar{\tau}\bar{o}\bar{y}$. Затѣмъ повторяется фраза „И Соломонѣ $\bar{\epsilon}\bar{\nu}\bar{\kappa}$ $\bar{\Delta}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\epsilon}$ $\bar{\nu}\bar{\tau}$ $\bar{\kappa}\bar{\rho}\bar{\tau}\bar{\epsilon}\bar{\mu}\bar{\alpha}$ $\bar{n}\bar{\alpha}$ $\bar{I}\bar{\epsilon}\bar{\rho}\bar{\lambda}\bar{\iota}\bar{\mu}\bar{o}$ и $\bar{n}\bar{\alpha}$ $\bar{N}\bar{\iota}\bar{\delta}\bar{o}\bar{\upsilon}$ “ (см. выше). Не указываетъ ли это на то, что этой именно фразой начиналось какое-то особое повѣствованіе о Соломонѣ, бывшее у автора Палеи источникомъ?

9) Кол. 814, 15—27.

10) III Цар. 3, 4.

11) Кол. 814, 27—815, 13.

12) III Цар. 3, 8.

13) Кол. 815, 13—16.

14) III Цар. 3, 9—вторая половина стиха.

15) III Цар. 3, 11 (конецъ)—12.

16) Кол. 815, 22—822, 17.

17) Слѣдуетъ заглавіе: „Сѣ соу писаніа некѣмаи пракиан соу рѣши сѣла Соломони“ и III Цар. 3, 15—18; 4, 1—19, 27—28; опять заглавіе — Сказаніе ш созанни сѣла сѣм и III Цар. 4, 29—34; 5, 1—12.

18) Вставка (Румянц. 319^а): „Соломонъ нѣ поѣ дщери Фарашинокѣ. егда создани сѣла сѣмхъ, погаа поголх скон к нѣ гѣа: тещъ мон, присан ми по-мошь. шнхъ извѣра хъ моужъ по шстроуми мио ѡрети и тѣ лѣте, хѣ искоусити Соломону мдрѣ. егда прикедени кыша прѣ Соломона, кидѣкѣ а изда-ленца, покеле и спити саканы кѣ и. притайѣ к ии поѣ скон к Фарашиноу и рѣ: тещю мон, аще ти не к чѣ скон мѣткѣ погрѣкати, ш се ти и порты, ѡ севе же а погрѣи“. Отрывокъ изъ этого сказанія напечатанъ у Костомарова, I, 63 изъ Толстовскаго сборника 2, № 140.

19) Повѣсть о Китоврасѣ, изданная Тихонравовымъ изъ Синодальной Палеи, I, стр. 254—257; въ Румянц. Палеѣ № 453 повѣсть читается на лист. 320^б—321^б.

20) Вставка о построеніи храма: „Начаша дѣлати раки Соломони и раки Хираман. и в лѣ дъ сзда хрѣ гнѣ мѣа з а мѣа к го ѣи лѣ мѣа куала. се нѣ шемѣ. и скршишѣ хрѣ со кѣ глабѣ его и сзда и з-ю лѣ. и готовѣ пакы каменне дреко т лѣ“. Источникъ неизвѣстенъ, но послѣдняя фраза—III Цар. 5, 18.

21) III Царствъ 6, 1—7, 51 и затѣмъ:

22) Вставка, передающая то же, что и библейскій текстъ 7, 1—12. Изложеніе вполне соответствуетъ библейскому, и потому является нѣсколько страннымъ повтореніе. Единственное объясненіе можно видѣть въ томъ, что у автора Палеи былъ какой-то особый источникъ, основанный на библейскомъ текстѣ, и даже съ непосредственными изъ него выписками (но въ особомъ переводѣ съ греческаго оригинала, такъ какъ по изложенію тексты не сходятся), и авторъ не замѣтилъ, что это сказаніе о построеніи имъ выписано уже выше изъ библии. Въ этомъ удостовѣряетъ и конецъ вставки, являющийся какъ бы заключеніемъ, но не читающійся въ библейскомъ текстѣ: „и скрши Соломонъ кѣ домх скон. и въ еѣ скрши Соломонъ зина дѣ гнѣ и дѣ скон и по т лѣ, тога Соломонъ кѣ стареншны Илѣмъ скѣра кх Сионъ“.

23) III Цар. 8, 1—53, кончая словами—Ш земля ѡгипетскѣи шѣа йша.

24) Кол. 823, 14—829, 7. Въ Румянцевской Палеѣ № 719 продолжается Палеинный текстъ 829, 7—20, который въ Румянц. 453 читается нѣсколько позднѣе; но въ томъ и другомъ случаѣ въ текстѣ Палеи прибавлено: „и пригкожахоу и томѣ саломѣ констниѣ сѣ плотни кскршишю хѣду кѣу нашѣмоу“. Этимъ заканчивается текстъ первоначальной Палеи, и въ дальнѣйшемъ изложеніи у автора полной Палеи въ распоря-

женіи уже однимъ источникомъ меньше. Дальнѣйшая исторія Соломона представляетъ чередованіе библейскаго текста съ апокрифическими Судами Соломона.

25) Продолжается исторія Китовраса (л. 328^d—329^b), изданная Тихонравовымъ изъ Синод. Пален, I, 257—258.

26) III Царствъ 9, 11—14; 26—28.

27) Разсказъ подъ заглавіемъ *Ш Оужичскомъ црци* изданъ Пыпинымъ изъ Румянцевской Пален 453, стр. 54. У Тихонравова тотъ же разсказъ изданъ по Уваровской Палеѣ, стр. 271—272. Румянцевская Пален имѣетъ одну особенность противъ Уваровской, что въ послѣдней нѣтъ упоминанія—и рѣ сѣх и се въ Навходногорѣ. Разсказъ оканчивается словами: *Црѣ Соломонъ еда црци шнон има Маакатошка и все ѣ прогнал, и иде к земаю свою со штроки своимъ*—Костом. — Пыпинъ I, 54, второй столбецъ, внизу.

28) III Царствъ 10, 1—10; у Пыпина ошибочно издано вслѣдъ за предыдущимъ, какъ продолженіе апокрифическаго разсказа. Библейскій текстъ оканчивается словами—*ѣ дѣ црца Салма Соломоу, а затѣмъ*:

29) продолженіе апокрифическаго разсказа о Малкатышкѣ—Костом.—Пыпинъ, 55, второй столбецъ.

30) III Царствъ 10, 11—12; 16—22; 9, 15—22; 10, 23—29; 11, 1—3 съ дополненіемъ: *а кнѣ каше оу Соломона црѣ ш, ико ре пѣни: въ Соломонъ моу мѣдрѣ притчали и гадани и не разрешима суды словѣ дѣшми рѣшашеть пытаніѣ*—Костом.—Пыпинъ 55.

31) Суды Соломона, изданные по Румянц. Палеѣ Костомаровымъ стр. 56—58.

32) III Царствъ 11, 4—6, у Костомарова ошибочно издано какъ апокрифъ, стр. 53 и

33) Сказаніе о женитбѣ Соломона, изданное по Румянц. Палеѣ Пыпинымъ стр. 53 — 54, какъ продолженіе предыдущаго, со словъ „И црѣ Соломонъ нача просити цркви за секѣ и не даше за нѣ.

34) III Царствъ 11, 7—13, по 14 стихъ читается такъ: *И възвѣже гѣ стоужающаго и на Соломона Идера свое елѣ доможирца и възвѣи гѣ на Соломона стоужающа Идрона, гѣа Салма, ѣ Ш Парамиты Идзеркыма и црѣ Суксам гѣ (sic) елѣ, и соврашѣ къ нѣ му и ково поавѣ и прѣа Даласкѣ. и къ стоужаа Илѣви ко ека дѣи Соломона и Идорѣ Идѣменникѣ Ш семени црѣска и къгѣкъ вѣаше къ Шгипѣ ма еще с моу Идѣменскимъ и со штроки шѣа своеѣ.*

Чтобы нагляднѣе видѣть заимствованія изъ Коломенской Пален, приведу заимствованныя мѣста: 810, 27—813, 25; 813, 25—814, 11; 814, 15—27; 814, 27—815, 13; 815, 13—16; 815, 22—822, 17; 823, 14—

829, 20. Заимствованія изъ книгъ Царствъ сгруппированы будутъ ниже.

Палея Кирилло-Бѣлозерская 68/1145, изъ которой подведены варианты къ Коломенской, за окончаніемъ текста послѣдней имѣетъ продолженіе (л. 632с): *Ѣ ѿ Соломона сѹ мало ко кратцѣ списаша. мѣ рѣ писанне — пытаннѣмъ рѣшашеть — см. выше № 30, и затѣмъ идутъ суды—тѣ же, что и въ Румянц. и Синод. Палеѣ, и рассказы о женитьбѣ Соломона и о Китоврасѣ, но безъ разъединенія ихъ выписками изъ книгъ Царствъ. Можно бы на первый взглядъ думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, такъ сказать, съ болѣе древнимъ видомъ полной Палеи, который затѣмъ былъ распространенъ библейскимъ текстомъ, но—такое заключеніе было бы ошибочно. Кирилло-Бѣлозерская Палея во всемъ сходится съ Коломенской, а способъ составленія полной Палеи настолько всюду однообразенъ, что предполагаетъ одного редактора на всемъ ея протяженіи. На добавленіе Кирилло-Бѣлозерской Палеи мы должны смотрѣть, какъ на особую компиляцію о Соломонѣ, существовавшую нѣкогда отдѣльно: въ такомъ видѣ она и сохранилась въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ, понавѣ сюда случайно. Съ другой стороны, редакторъ полной Палеи имѣлъ ее своимъ источникомъ, подобно, напримѣръ, Откровенію Авраама или Завѣтамъ патриарховъ, и воспользовался ею сообразно обычной своей манерѣ.*

В. Истринъ.

(Продолженіе будетъ).

О ЗНАЧЕНИИ ЗАГАДОЧНЫХЪ СЛОВЪ: МАНИ, ӨЕКЕЛЬ, ФАРЕСЪ ВЪ КНИГЪ ДАНИЛА.

Среди различныхъ темныхъ и непонятныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта едва-ли найдется какое нибудь другое, которое въ болѣе высокой степени привлекло бы къ себѣ вниманіе филологовъ и экзегетовъ, возбудило бы столь сильную пылливость изслѣдователей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвало бы болѣе многочисленныя и болѣе разнообразныя комментаріи, чѣмъ то мѣсто въ V главѣ книги Даниила, гдѣ, въ изображеніи знаменитаго пира Валтасара, фигурируютъ эти три знаменательныхъ загадочныхъ слова, которыя такъ неразрывно связаны въ нашемъ представленіи съ паденіемъ Вавилона, что сдѣлались proverbialными, въ качествѣ таинственныхъ провозвѣстниковъ грядущей небесной кары, въ употребительной у насъ формѣ, заимствованной изъ греческаго перевода книги Даниила: ΜΑΝΗ ӨΕΚΕΛ ΦΑΡΕΣ, откуда въ славянской Библии: *Мани, Өекель, Фаресъ*.

I.

Хотя вопросъ, разсматриваемый въ настоящей статьѣ, несомнѣнно, имѣетъ чисто-филологическій характеръ, тѣмъ не менѣе, нелишнимъ будетъ предослать его разсмотрѣнію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ клинописныхъ памятниковъ и способныхъ пролить свѣтъ на историческую ситуацію, которую имѣетъ въ виду вышеприведенное загадочное изреченіе.

Прежде всего, необходимо указать на то обстоятельство, что, по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, книга Даниила была составлена въ Палестинѣ около 165 г. до Р. Хр., во время гоненія, воз-

двигнутаго на іудейскую религію сирійскимъ царемъ Антиохомъ IV Елифаномъ (175 — 164 до Р. Хр.) ¹⁾.

Такъ какъ авторъ книги Даниїла, въ отношеніи времени и мѣста, стоитъ, такимъ образомъ, довольно далеко отъ описываемыхъ имъ вавилонскихъ событій, то неудивительно, что разсказъ его содержитъ нѣкоторыя историческія неточности, и что современные изслѣдователи, благодаря дошедшимъ до насъ клинописнымъ памятникамъ, освѣдомлены во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ онъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что Валтасаръ не былъ ни послѣднимъ, ни вообще царемъ халдейскимъ; знаемъ также, что онъ не былъ сыномъ Навуходоносора. При всемъ томъ, Валтасаръ, какъ историческая личность послѣднихъ дней халдейскаго царства, несомнѣнно, существовалъ, что подтверждается клинописными памятниками.

Къ числу важнѣйшихъ документовъ историческаго содержанія, найденныхъ на мѣстѣ древняго Вавилона, принадлежитъ такъ-называемая „Набонидова хроника“; она была найдена Рассамомъ (Hormuzd Rassam) при раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія на холмѣ Касръ (kasr по-арабски—„замокъ“), который скрываетъ подъ собою остатки дворца Навуходоносора. Въ этой лѣтописи послѣдняго халдейскаго царя записаны съ большою обстоятельностью и, повидимому, также безпристрастіемъ въ хронологическомъ порядкѣ событія, предшествовавшія завоеванію Вавилона Киромъ, какъ, напримѣръ, взятіе въ плѣнъ Астиага и паденіе мидійской столицы Экбатаны, точно такъ же, какъ и сама заключительная катастрофа—взятіе персами Вавилона ²⁾.

¹⁾ О содержаніи, значеніи, литературной формѣ и времени происхожденія книги Даниїла см. Оскаръ Гольцманъ, *Паденіе Иудейскаго юсударства* (переводъ съ нѣмецкаго), Москва 1899 г., стр. 59—71. Превосходная характеристика книги Даниїла дана Смендомъ: R. Smend, *Ueber jüdische Apokalyptik*, въ *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*, 1885, S. 222 — 251. Лучшіе комментаріи къ книгѣ Даниїла составлены Берманномъ и Марти: G. Behrman, *Das Buch Daniel*, Göttingen 1894; K. Marti, *Das Buch Daniel*, Tübingen und Leipzig 1901. Новѣйшіе труды по іудейской апокалиптикѣ: статья Buttenwieser'a: *Apocalyptic Literature*, въ *The Jewish Encyclopaedia*, vol. I, New-York and London 1901; W. Bousset, *Die Religion des Judentums im neutestamentlichen Zeitalter* (Abschnitt III, Kap. 4), Berlin 1902; его же, *Die jüdische Apokalyptik*, Berlin 1903.

²⁾ „Набонидова хроника“, то есть, текстъ составленнаго для Кира повѣствованія о правленіи послѣдняго халдейскаго царя Набониды и о взятіи персами Вавилона, была впервые издана съ междустрочной транскрипціей и переводомъ въ 1882 г. англійскимъ ассириологомъ Пинчсомъ (Pinches) въ *Transactions of the Society of*

Важнымъ дополненіемъ къ „Набонидовой хроникѣ“ служить найденный также Рассамомъ въ 1879 г. при раскопкахъ на томъ же холмѣ Касръ такъ-называемый „цилиндръ Кира“, содержащій воззваніе или манифестъ Кира къ вавилонскому народу послѣ его триумфальнаго вступленія въ Вавилонъ. Этотъ документъ, составленный, очевидно, при посредствѣ жрецовъ Мардука (*Marduk*) или, какъ онъ назывался иначе, согласно своему эпитету, Бела (*Bêlu* по-вавилонски— „господинъ“), верховнаго бога Вавилона, не только раскрываетъ намъ дипломатическое искусство персидскаго царя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря тому, что Киръ упоминаетъ въ немъ имена и титулы своихъ отца, дѣда, прадѣда и прапрадѣда, дополняетъ наиболѣе достовернымъ образомъ родословную знаменитаго царскаго рода Ахеменидовъ ¹⁾.

Эти клинописные документы первокласснаго значенія проливаютъ совершенно новый свѣтъ какъ вообще на послѣдній періодъ халдейскаго царства, предшествовавшій установленію персидскаго владычества, такъ и, въ частности, на паденіе Вавилона.

Послѣдній халдейскій царь Набонидъ или Набунаидъ ²⁾ (555—539 до Р. Хр.), принявшій бразды правленія въ трудное для Халдеи время, не стоялъ на высотѣ своего положенія: это былъ слабый и миролюбивый монархъ, который гораздо болѣе заботился о культѣ боговъ, чѣмъ объ отраженіи грозной опасности, надвигавшейся на его государство со стороны персовъ. Набонидъ усердно занимался строительною дѣятельностью: вездѣ, гдѣ только онъ ни находилъ зданія храмовъ въ развалинахъ, онъ реставрировалъ ихъ или вновь сооружалъ; при раскопкахъ развалившихся зданій онъ тщательно

Biblical Archaeology, vol. VII, London 1882, p. 153—169; ср. также транскрипцію и переводъ въ изданіи Шрадера: *Keilinschriftliche Bibliothek*, III, 2, S. 129 ff.

¹⁾ „Цилиндръ Кира“ былъ впервые изданъ въ 1880 г. Пинчсомъ (*Pinches*). Клинописный текстъ составленъ на вавилонскомъ языкѣ надписи на цилиндрѣ Кира помѣщенъ въ капитальномъ изданіи Rawlinson'a: *Cuneiform Inscriptions of Western Asia*, V, 35; транскрипція и переводъ надписи — въ *Keilinschriftliche Bibliothek*, III, 2, S. 121 ff., а также, въ болѣе исправномъ видѣ, въ *Beiträge zur Assyriologie*, II, S. 209 ff.; самый цилиндръ изображенъ у C. Bezold'a, *Ninive und Babylon*, Bielefeld und Leipzig 1903, S. 73, Abb. 54.

²⁾ По-вавилонски имя это произносится *Nabû-nâ'id*, что означаетъ: „(богъ) Набу (Небо) возвышенъ“ (см. Hommel, *Geschichte Babylonien und Assyriens*, Berlin 1888, S. 778); вавилонской формѣ соответствуетъ греческая транскрипція Ναβόννηδος (= *Nabû-nâ'id*) въ фрагментахъ халдейскаго историка Веросса (около 275 г. до Р. Хр.), приведенныхъ у Юсифа Флавія (*Contra Apionem*, I, 20).

искалъ въ ихъ фундаментахъ закладныхъ цилиндровъ (въ родѣ нашихъ закладныхъ досокъ), замурованныхъ строителями храмовъ ради увѣковѣченія своей памяти, и велика была радость Набонида, если ему удавалось найтти цилиндръ государя, царствовавшего за нѣсколько сотъ и даже за нѣсколько тысячъ лѣтъ до него ¹⁾. Эта страсть къ археологическимъ раскопкамъ обратилась у него въ настоящую манію, о чемъ свидѣлствуютъ его надписи; благодаря ей, мы обязаны ему многимъ цѣннымъ хронологическими указаніями относительно древне-вавилонской исторіи ²⁾. Набонидъ отличался чрезвычайнымъ благочестіемъ; характеристическою чертою его надписей является воззрѣніе, что все дѣлается чрезъ посредство боговъ, которые открываютъ ему свою волю въ свидѣніяхъ. Особенное благоговѣніе Набонидъ питалъ къ культу бога луны Сина (Sin): онъ реставрировалъ древнія святилища этого бога въ двухъ главныхъ центрахъ его культа— въ Урѣ, въ южной Вавилоніи, и въ Харранѣ, въ сѣверной Месопотаміи. Вообще онъ отдавалъ явное предпочтеніе культамъ боговъ другихъ городовъ предъ культомъ Мардука или Бела, бога-покровителя Вавилона. Это возстановило противъ него могущественную и вліятельную партію жрецовъ Бела; непопулярности царя въ значительной степени содѣйствовало также то обстоятельство, что онъ избралъ свою резиденцію городъ Тему (Têma) и умышленно держался вдали отъ столицы, что навлекло на него негодованіе всего населенія Вавилона.

¹⁾ Набонидъ рассказываетъ въ одной надписи (*Cuneiform Inscriptions of Western Asia V*, 64, kol. II, 57—58) объ открытіи имъ, при реставраціи храма бога солнца Шамаша (Šamaš) въ Сиппарѣ (Sippar), цилиндра одного изъ царей древнѣйшей эпохи, Нарамъ-Сина (Naram-Sin), сына Саргона, царя Агаде (откуда происходитъ названіе Аккада или сѣверной Вавилоніи). По вычисленію ученыхъ Набонида, Нарамъ-Синъ царствовалъ за 3200 лѣтъ до него, то-есть, около 3750 лѣтъ до Р. Хр. (550+3200=3750). См. Pinches, *On some recent discoveries*, въ *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1882, p. 8, 12; ср. Hommel, *Geschichte Babylonien und Assyriens*, Berlin 1888, S. 166.

²⁾ Впрочемъ, извѣстный нѣмецкій ассиріологъ Винклеръ сомнѣвается въ надежности этихъ хронологическихъ указаній: по его мнѣнію, дату Саргона, царя Агаде, и его сына Нарамъ-Сина слѣдуетъ отнести, по крайней мѣрѣ, на тысячелѣтію позже, сравнительно съ датой, вычисленной учеными Набонида. См. Winckler, *Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte*, Leipzig 1889, S. 45; ср. *Die Keilschriften und das Alte Testament*. 3. Auflage, Berlin 1902, S. 17—18. Въ противоположность этому мнѣнію, С. Bezold, *Ninive und Babylon*, S. 26. признаетъ дату Саргона I, царя Агаде, и его сына Нарамъ-Сина (3800—3750 лѣтъ до Р. Хр.) вполне надежною.

Прежде чѣмъ перейти къ событіямъ, сопровождавшимъ паденіе халдейскаго царства, необходимо сказать нѣсколько словъ о *Валтасарѣ*, котораго книга Даниила называетъ послѣднимъ халдейскимъ царемъ. Въ виду того, что, за исключеніемъ книги Даниила, Валтасаръ, въ качествѣ послѣдняго царя Вавилона, не упоминается въ какихъ-либо другихъ письменныхъ памятникахъ, имя это, если не считалось просто вымышленнымъ, разсматривалось обыкновенно, принимая во вниманіе, что Навуходоносоръ называется въ книгѣ Даниила отцомъ Валтасара (Дан. V, 2, 11, 22), какъ второе имя историческаго преемника Навуходоносора — Евилмеродаха (II кн. Царствъ, XXV, 27) ¹⁾, царствованіе котораго продолжалось два года (562—560 до Р. Х.). Пѣкоторые ученые, основываясь на томъ, что Геродотъ и Бероссъ, равно какъ Птолемея канонъ, называютъ послѣднимъ царемъ Вавилона Набонида или Лабинета ²⁾, полагали, что Валтасаръ есть второе имя упомянутаго царя. Эта послѣдняя комбинація, предложенная уже Иосифомъ Флавіемъ (*Antiquitates Judaicae*, X, 11, 2), равно какъ и прочія гипотезы, должны быть окончательно оставлены. Въ настоящее время долженъ считаться вполне установленнымъ, на основаніи клинописныхъ документовъ, фактъ, что, несомнѣнно, существовалъ вавилонскій принцъ *Валтасаръ*, который былъ сыномъ Набонида, послѣдняго царя Вавилона, и при томъ, первороднымъ сыномъ, слѣдовательно, предполагаемымъ наслѣдникомъ престола. Его вавилонское имя было *Бел-шар-усуръ* (*Bêl-šar-ušur*), что означаетъ: „Белъ, царя защиты!“ ³⁾. Въ Британскомъ музеѣ имѣется глиняный цилиндръ его отца Набонида съ надписью, въ которой послѣдній обращается къ богу луны Сину съ слѣдующей просьбой относительно

¹⁾ Въ Библии онъ называется *'Ewil-Merodakh*, въ клинописныхъ документахъ (контрактныхъ табличкахъ) *Amêl-Marduk*, что означаетъ: „рабъ (или служитель) Мардука“. См. Hommel, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*, S. 772—773; ср. Winckler, въ *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, S. 110.

²⁾ *Лабинетъ* (Λαβόνητος) у Геродота (I, 188) представляетъ не что иное, какъ испорченную форму имени *Набонидъ* (Λαβόνητος = *Nabû-nâ'id* съ замѣной начального *n* черезъ *l*).

³⁾ Въ книгѣ Даниила твердо различаются два вавилонскихъ имени: имя послѣдняго царя Вавилона *Bêlšar-ušur* = *Bêl-šar-ušur*, что означаетъ: „Белъ, царя защиты!“, и имя самого пророка, данное ему при вавилонскомъ дворѣ: *Bêlšar-ušur* = *Balaš(a)ušur*, что означаетъ: „жизнь его защиты!“ (подразумѣвается какое-нибудь божество). Въ греческомъ переводѣ книги Даниила оба имени одинаково передаются черезъ *Валтасаръ*, хотя очевидно, что эта транскрипція передаетъ собственно только второе изъ этихъ именъ, т. е. *Bêlšar-ušur*.

своего сына: „что до Бел-шар-усура, первороднаго сына, отпрыска моей плоти, то вложи въ сердце его почитаніе твоего великаго божества, да не свершитъ онъ грѣха, дабы онъ насытился полнотою жизни!“ (т. е. долго жить) ¹⁾.

Этотъ клинописный документъ—единственный, въ которомъ о *Бел-шар-усуръ* свидѣлствуется, какъ о первомъ лицѣ послѣ царя, самомъ высокопоставленномъ лицѣ послѣдняго періода халдейскаго царства; это—*Валтасаръ* книги Даниила. Онъ былъ первенцомъ послѣдняго вавилонскаго царя Набонида, предполагаемымъ наслѣдникомъ престола, но отнюдь не царемъ. Мы знаемъ теперь изъ вышеупомянутой „Набонидовой хроники“, что послѣдній назначилъ своего старшаго сына главнокомандующимъ вавилонской арміей, и что въ военномъ лагерѣ наслѣдника престола имѣли продолжительное пребываніе верховные сановники государства. На контрактowychъ табличкахъ (юридическихъ документахъ), относящихся ко времени Набонида и датированныхъ по годамъ его правленія, фигурируютъ „сановники Бел-шар-усура, сына царя“, неоднократно упоминаемые, по свидѣтельству англійскаго ассиріолога Пинчса (Pinches), которому удалось найти означенныя таблички въ Британскомъ музеѣ. При такихъ условіяхъ, не удивительно, что въ книгѣ Даниила, составленной главнымъ образомъ на основаніи народныхъ преданій, въ которыхъ, какъ извѣстно, нерѣдко встрѣчаются анахронизмы и различныя историческія неточности, наслѣдникъ халдейскаго престола могъ быть названъ прямо халдейскимъ „царемъ“. Точно такъ же, если Валтасаръ называется въ книгѣ Даниила (V, 2, 11, 22) „сыномъ“ Навуходоносора, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ сыномъ Набонида, основателя *новой* династіи на халдейскомъ престолѣ, и, слѣдовательно, не имѣлъ никакого отношенія къ Навуходоносору, то это невѣрное представленіе или невѣрный способъ выраженія является столь же неудивительнымъ у автора, жившаго долгое время спустя послѣ описанныхъ событій и черпавшаго матеріалъ изъ народныхъ преданій, въ которыхъ великій халдейскій царь (Навуходоносоръ) и послѣдній представитель національной халдейской династіи (Валтасаръ) легко могли быть приведены въ непосредственную генеалогическую связь, несмотря на то, что послѣдняя находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ исторической дѣйствительностью.

¹⁾ Надпись на глиняномъ цилиндрѣ изъ Ура, см. *Keilinschriftliche Bibliothek*, III, 2, S. 97.

Что касается событій, сопровождавшихъ паденіе халдейскаго царства, то о нихъ сообщаютъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія вышеупомянутые документы — „Набонидова хроника“ и „цилиндръ Кира“. По свидѣтельству этихъ клинописныхъ документовъ, Киръ, перейдя чрезъ Тигръ въ 539 г. и вступивши въ собственно вавилонскую область, сначала разбилъ халдейское войско, подъ предводительствомъ Валтасара (*Bēl-šar-ušur*), при Описѣ (*Opis* у классическихъ писателей, по-вавилонски *Upi*) на берегу Тигра и, спустя 14 дней, занялъ безъ боя лежавшій недалеко отъ Вавилона городъ Сиппаръ (*Sippur*), послѣ Вавилона самый большой и богатый городъ Аккада (Сѣверной Вавилоніи), средоточіе культа бога солнца Шамаша (*Šamaš*). Набонидъ бѣжалъ въ Борсиппу (*Borsippa* у классическихъ писателей, по-вавилонски *Barsip*), предмѣстье Вавилона, лежавшее на противоположномъ, правомъ берегу Евфрата, гдѣ, будучи окруженъ и запертъ персами, спустя два дня, сдался персидскому военачальнику Губару (*Gubaru*)¹). Валтасаръ же съ остатками разбитаго халдейскаго войска, преслѣдуемый побѣдоносно наступавшею персидскою арміею, успѣлъ достигнуть Вавилона и укрыться за его стѣнами. Совершенно естественно, что за несокрушимыми стѣнами столицы, снабженной провіантомъ на нѣсколько лѣтъ, Валтасаръ могъ считать себя внѣ всякой дальнѣйшей опасности. Но случилось нѣчто непредвидѣнное: въ одну роковую ночь, къ которой преданіе приурочиваетъ ирръ Валтасара, персидскія войска, подъ предводительствомъ вышеупомянутаго Губару или Угбару, военачальника Кира, вступили въ Вавилонъ *безъ боя*. Этотъ фактъ, тѣмъ болѣе поразительный, что Вавилонъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ стѣнъ колоссальной толщины, благодаря которымъ онъ считался самымъ неприступнымъ городомъ въ мірѣ, можетъ быть объясненъ только *измѣною*. Только измѣна могла открыть персамъ ворота Вавилона, и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, отъ кого она исходила. Безстрастное спокойствіе, съ каковымъ жрецъ-лѣтописецъ отмѣчаетъ въ „Набонидовой хроникѣ“ взятіе Вавилона персами; особенная заботливость, которою персидскій военачальникъ Губару (*Угбару*) окружилъ главнѣйшее святилище Вавилона—Эсагилу (*Esagila*),

¹) Имя персидскаго военачальника пишется въ „Набонидовой хроникѣ“ 1 разъ *Gi-ba-ri* и 2 раза *Ug-ba-ri*. Транскрипція этого имени у классическихъ писателей указываетъ, скорѣе, на первую форму: у Ксенофонта въ Киропедіи Γωβάρης, у Плинія Старшаго, *Nat. hist.* 6, 30, *Gobares*—Gubaru. Происхожденіе формы Οὐβάρης у Ктесія (*Photii biblioth. cod.* 72, p. 36, ed. Bekker) представляется меншимъ.

храмъ верховнаго бога Мардука (Бела); наконецъ, собственное сознание Кира, ясно выраженное въ его манифестѣ къ вавилонянамъ, что самъ богъ Мардукъ (разумѣется, при посредствѣ своихъ жрецовъ) „овслъ“ его въ свой городъ Вавилонъ: все дѣлаетъ почти очевиднымъ, что во взятіи персами Вавилона принимали большое участіе жрецы Мардука. Они ненавидѣли Набонида за его пренебреженіе къ Вавилону и за явное предпочтеніе, которое онъ оказывалъ культамъ другихъ боговъ предъ культомъ верховнаго бога Вавилона. Это предпочтеніе обнаружилось и въ томъ фактѣ, что Набонидъ повелѣлъ перенести въ Вавилонъ боговъ и богинь другихъ сѣверно-вавилонскихъ городовъ. Имѣлъ ли Набонидъ въ виду, при проведеніи этого мѣропріятія, централизацію культа, сомнѣвался ли, въ виду надвигавшейся со стороны персовъ опасности, въ могуществовъ Мардука, такъ что привезенные въ Вавилонъ боги должны были служить защитой столицы, или, напротивъ, онъ хотѣлъ во-время укрыть за стѣнами Вавилона боговъ другихъ, менѣе защищенныхъ городовъ,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, Киръ, въ своемъ вышеупомянутомъ манифестѣ къ вавилонскому народу, представляетъ дѣло въ такомъ свѣтѣ, что самъ Мардукъ, разгнѣванный оказаннымъ ему, благодаря привозу другихъ боговъ, пренебреженіемъ, призвалъ персовъ и даровалъ имъ побѣду.

По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ Киръ, радостно привѣтствуемый вавилонянами, забывшими о потерѣ своей національной самостоятельности, совершилъ торжественный въѣздъ въ Вавилонъ, назначилъ Губару (Угбару) правителемъ города и повелѣлъ возвратитъ привезенныхъ въ Вавилонъ, по приказу Набонида, боговъ и богинь въ ихъ храмы и святилища, что должно было еще болѣе расположить въ его пользу могущественную и вліятельную партію жрецовъ Мардука. По извѣстію халдейскаго историка Беросса (*Βηροσός*,—около 275 г. до Р. Хр.), приведенному у Юсіфа Флавія (*Contra Apionem*, I, 20), Киръ милостиво обошелся съ послѣднимъ халдейскимъ царемъ Набонидомъ и, пощадивъ его жизнь, сослалъ его въ Карманію (нынѣшній Кирманъ), гдѣ подарилъ ему помѣстье. Что же касается участи, постигшей его сына Валтасара послѣ взятія персами Вавилона, то, хотя въ „Набонидовой хроникѣ“, при разсказѣ о паденіи Вавилона, имя его прямо не упоминается, тѣмъ не менѣе, въ одномъ, къ сожалѣнію, поврежденномъ и потому не вполне ясномъ мѣстѣ означенной хроники (3-й столбецъ, строка 22 и слѣд.), согласно новѣйшему чтенію и дополненію сохранившихся знаковъ,

идеть рѣчь объ *умерщвлении* персидскимъ военачальникомъ Губару (Угбару) „сына царя“ (mâg šaggti), подъ которымъ едва-ли слѣдуетъ подразумѣвать кого-либо другого, кромѣ Валтасара, фактъ умерщвления котораго, засвидѣтельствованный до сихъ поръ только книгою Даниила (V, 30), укладывается такъ естественно и логично въ рамки исторической ситуаціи той эпохи, что нѣтъ никакого основанія подвергать его сомнѣнію ¹⁾. По всей вѣроятности, послѣ того какъ жреческая партія, недовольная правленіемъ Набонида, измѣнически открыла персамъ ночью ворота Вавилона, Валтасаръ, мнившій себя въ совершенной безопасности за крѣпкими стѣнами столицы, былъ застигнутъ персами врасплохъ въ своемъ дворцѣ и палъ подъ смертельнымъ ударомъ самого персидскаго военачальника Губару (Угбару), который этимъ актомъ устранилъ съ дороги послѣднее препятствіе и, такимъ образомъ, очистилъ своему повелителю Киру путь къ вавилонскому престолу.

Такъ изображаютъ паденіе Вавилона вышеупомянутые клинописные документы, достовѣрность которыхъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Напротивъ, извѣстія, сообщаемыя объ этомъ важномъ событіи греческими историками Геродотомъ и Ксенофонтомъ, представляютъ смѣсь исторіи съ легендой. Такъ, рассказы названныхъ историковъ объ отводѣ Киромъ водъ Евфрата и о вторженіи персовъ въ Вавилонъ по обнаженному руслу рѣки лишены всякаго историческаго основанія. Съ другой стороны, интересно отмѣтить нѣкоторыя черты сходства, сближающія рассказы греческихъ историковъ о паденіи Вавилона съ рассказомъ книги Даниила, именно, Геродотъ (I, 191) и Ксенофонтъ (Киропедія, VII, 5, 15) сообщаютъ о взятіи Вавилона штурмомъ во время *ночной празднества*, когда вавилоняне ослабили наблюденіе за охраной городскихъ стѣнъ, — любопытная параллель къ *пору Валтасара* книги Даниила, — при чемъ Ксенофонтъ рассказываетъ еще о страшной рѣзнѣ, учиненной въ городѣ и въ царскомъ дворцѣ вавилонскими сатрапами Гадатомъ и Гобріемъ (Γωβρόαζ = *Gubaru*), перешедшими на сторону Кира, при чемъ *помощь* также и вавилонскій царь, имени котораго Ксенофонтъ, впрочемъ, не упоминаетъ, называя

¹⁾ Переводъ относящихся сюда строкъ 12—22 „Набонидовой хроники“ можно найти въ изданіи Шрадера (Kb. Schrader): *Keilinschriftliche Bibliothek*, Bd. III, S. 135, но также, напр., у Сейса (A. H. Sayce), *Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen*, S. 183 ff., или у Драйвера (S. R. Driver), *Commentary on the Book of Daniel*, 1900, p. 29 sq.

его лишь „безбожнымъ царемъ“, — параллель къ разсказу книги Даниїла объ *умерщвлении* Валтасара.

Наконецъ, что касается „Дарія Мидяннина“, который, согласно извѣстіямъ книги Даниїла, царствовалъ въ Вавилонѣ между послѣднимъ халдейскимъ „царемъ“ Валтасаромъ (Дан. VI, 1; IX, 1; XI, 1) и персидскимъ царемъ Киромъ (VI, 29), то нѣтъ возможности признать его историческою личностью. Всѣ попытки, неоднократно предпринимавшіяся съ цѣлью доказать историческое основаніе или, по крайней мѣрѣ, историческое зерно, заключающееся, хотя бы и въ сильно искаженномъ видѣ, въ извѣстіяхъ книги Даниїла о „Даріи Мидяннинѣ“, оказались безуспѣшными ¹⁾. Предложено было немало различныхъ комбинацій, болѣе или менѣе остроумныхъ, для рѣшенія этой исторической и экзегетической проблемы, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана вполне исчерпывающею и рѣшающею вопросомъ. Уже Иосифъ Флавій отождествлялъ „Дарія Мидяннина“ книги Даниїла съ Кіаксаромъ II, сыномъ мидійскаго царя Астіага; въ новѣйшее время его отождествляли съ самимъ Астіагомъ (Шрадеръ ²⁾), съ Даріемъ, сыномъ Гистаспа (Берманнъ ³⁾), съ Камбизомъ (Винклеръ ⁴⁾) и даже съ Губару (Gobruas), военачальникомъ Кира и персидскимъ намѣстникомъ въ Вавилонѣ (Листеръ ⁵⁾). Трудность усугубляется еще тѣмъ, что „Дарій Мидяннинъ“ называется въ книгѣ Даниїла (IX, 1) *сыномъ Ксеркса* (ʿAḥašwêrôš) ⁶⁾, каковымъ, въ дѣйствительности, былъ Арта-

¹⁾ Къ числу такого рода попытокъ должна быть отнесена и статья В. В. Болотова подъ заглавіемъ: „Валтасаръ и Дарій Мидяннинъ“ (опытъ рѣшенія экзегетической проблемы), помѣщенная въ *Христіанскомъ Тменіи* за 1896 г., сентябрь—октябрь, стр. 279—341. Авторъ приходитъ къ заключенію, что „Дарій Мидяннинъ“ есть Астіагъ, царь мидійскій, который, однако, въ Вавилонѣ не царствовалъ, но халдейскіе „легитимисты-эмигранты“ добровольно признали его своимъ царемъ, вслѣдствіе чего Еламъ присоединенъ былъ къ Мидіи. Царствованію „Дарія Мидяннина“ Болотовъ относитъ, приблизительно, къ 554—550 г. до Р. X. См. резюме статьи Болотова, сдѣланное самимъ авторомъ, *l. c.*, стр. 324—325, тезисы 7, 8 и 9.

²⁾ Eb. Schrader, *Darius der Meder*, въ *Riehm's Handwörterbuch des biblischen Alterthums*, 2. Auflage, Bielefeld und Leipzig 1894, S. 299.;

³⁾ G. Behrmann, *Das Buch Daniel*, Göttingen 1894, Einleitung, S. XVIII—XIX.

⁴⁾ H. Winckler, въ *Die Keilschriften und das Alte Testament* von Eb. Schrader, 3 Auflage, Berlin 1902, S. 287—288.

⁵⁾ J. M. Lister въ *The Expository Times*, 1900, p. 234.

⁶⁾ ʿAḥašwêrôš представляетъ еврейскую транскрипцію персидскаго имени *Khšajārša* = Херхес. Буква *w* (wāw) въ еврейской формѣ, вѣроятно, стоитъ вмѣсто *j* (jōd), вслѣдствіе смѣшенія этихъ двухъ сходныхъ по начертанію буквъ. см. Ed. Meyer, *Die Entstehung des Judenthums*, Halle 1896, S. 15, Anm. 2 (ʿAḥajārša = пер. *Khšajārša*).

ксерксъ, между тѣмъ какъ Дарій былъ *отцомъ* Ксеркса. На этомъ основаніи, Берманнъ, одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ книги Данила, полагаетъ, что подъ „Даріемъ Мидянниномъ“ слѣдуетъ разумѣть Дарія, сына Гистаспа, обратившагося у автора названной книги изъ *отца* Ксеркса, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, въ *сына* послѣдняго. Такъ какъ этому историческому Дарію пришлось вновь подчинить себѣ Вавилонъ, гдѣ въ 521 г. до Р. X. противъ него поднялъ возстаніе нѣкто, выдававшій себя за сына послѣдняго халдейскаго царя Набонида, то Берманнъ полагаетъ, что авторъ книги Данила смѣшалъ упомянутое завоеваніе Вавилона Даріемъ (521) съ происшедшимъ 18 лѣтъ передъ тѣмъ (539) занятіемъ Вавилона персидскимъ военачальникомъ Губару и самостоятельное правленіе Дарія съ намѣстничествомъ Губару въ Вавилонѣ во время Кира; въ результатѣ этого смѣшенія получило обозначеніе Дарія, въ качествѣ „*Мидянина*“, въ каковомъ названіи, по мнѣнію Берманна, сохранилось послѣднее воспоминаніе о Губару, который, прежде чѣмъ онъ сдѣлался намѣстникомъ въ Вавилонѣ, былъ намѣстникомъ области къ востоку отъ Арбелы, т. е. части *Мидии*. Такимъ образомъ, Берманнъ, признавая, что для „Дарія Мидянина“ нѣтъ мѣста въ исторіи, полагаетъ, однако, что здѣсь не слѣдуетъ видѣть простой вымыселъ, но „преданіе смѣшалось разнородное“ ¹⁾. Противъ этого мнѣнія возражаетъ новѣйшій комментаторъ книги Данила Марти, который признаетъ въ извѣстіяхъ названной книги о „Даріи Мидяннинѣ“ отсутствіе всякаго историческаго основанія. Происхожденіе же невѣрнаго представленія автора книги Данила о томъ, что „Дарій Мидянинъ“ царствовалъ въ Вавилонѣ между послѣднимъ халдейскимъ царемъ, каковымъ онъ считаетъ Валтасара (V, 30—VI, 1), и первымъ персидскимъ царемъ Киромъ (VI, 29), основывается, по мнѣнію Марти, съ одной стороны, на смутномъ историческомъ воспоминаніи о томъ, что персидскому владычеству въ Передней Азій предшествовало, хотя и въ значительно меньшемъ объемѣ, владычество *мидійское*, и что мидійское царство было также міровою державою, а, съ другой стороны, на хорошо извѣстныхъ автору книги Данила пророчествахъ Ветхаго Заветъ, въ которыхъ говорится, что *мидяне* завоюютъ Вавилонъ (Исаія, XIII, 17; Іеремія, LI, 11, 28) ²⁾.

Въ дѣйствительности, въ Вавилоніи никогда не было промежуточ-

¹⁾ G. Behrmann, *Das Buch Daniel*, Göttingen 1891, Einleitung, S. XVIII—XIX.

²⁾ K. Marti, *Das Buch Daniel*, Tübingen und Leipzig 1901, S. 42—43.

паго между халдейскимъ и персидскимъ *индійскаго* владычества. Эти историческія неточности—Валтасаръ, въ качествѣ послѣдняго халдейскаго „царя“, и „Дарій Мидяннинъ“, въ качествѣ его преемника, — доказываютъ, что авторъ книги Даніила имѣлъ лишь очень смутное представленіе о событіяхъ, измѣнившихъ политическое положеніе важнѣйшихъ государствъ Передней Азіи въ эпоху вавилонскаго плѣненія, т. е. въ то, именно, время, когда, по его представленію, жилъ пророкъ Даніилъ. Наконецъ, заслуживаетъ еще вниманія указаніе книги Даніила (VI, 1), что „Дарій Мидяннинъ“ перепялъ царство, т. е. вступилъ на престолъ, имѣя отъ роду около 62-хъ лѣтъ. Ниже будетъ разсмотрѣна догадка о происхожденіи этого детальнаго указанія.

II.

Послѣ того, какъ мы ознакомились съ извѣстіями клинописныхъ документовъ о паденіи Вавилона и халдейскаго царства и, сравнивъ ихъ съ рассказами о томъ же событіи книги Даніила и греческихъ историковъ Геродота и Ксенофонта, выяснили, такимъ образомъ, историческую ситуацію, которую имѣетъ въ виду упомянутое выше загадочное изреченіе книги Даніила, мы можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію вопроса о значеніи отдѣльныхъ словъ, изъ которыхъ составлено это изреченіе. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что характеристической чертой рассказа книги Даніила является представленіе, согласно которому паденіе халдейскаго царства разсматривается какъ *кара*, ниспосланная свыше за дерзкій вызовъ, который Валтасаръ, царь халдейскій, бросилъ Богу Израиля, благодаря *профанации* священныхъ сосудовъ, похищенныхъ его отцомъ Навуходносоромъ изъ Іерусалимскаго храма. Объ этой небесной карѣ возвѣщено было Валтасару загадочной надписью, начертанной таинственной рукой на стѣнѣ царскаго дворца. Изъ рассказа книги Даніила вытекаетъ, что задача, предстоявшая толкователю этой загадочной надписи, была двойкаго рода: сначала надлежало ее *прочестъ*, а затѣмъ *объяснить*.

Относительно причины, по которой халдейскіе маги и гадатели оказались неспособными не только объяснить, но даже *прочестъ* загадочную надпись, различными комментаторами книги Даніила, начиная еще съ древнихъ временъ, были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Такъ, по мнѣнію однихъ, причина эта заключалась въ томъ, что надпись была начертана употребительнымъ у каббалистовъ крип-

тографическимъ алфавитомъ *atbasch* (atbasch), въ которомъ послѣдняя буква еврейскаго (и арамейскаго) алфавита *taw* употребляется вмѣсто первой — *'aleph*, предпослѣдняя—*sin* вмѣсто второй—*bêth* и такъ далѣе; по мнѣнію другихъ, трудность чтенія зависѣла отъ того, что надпись была расположена въ видѣ трехъ параллельныхъ строкъ такимъ образомъ, что три буквы, стоящія одна подъ другою въ вертикальной линіи, должны были читаться вмѣстѣ и составлять одно слово; по мнѣнію третьихъ, трудность чтенія обуславливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что надпись была изображена какими-либо необыкновенными письменами или вавилонскими идеограммами; наконецъ, было даже высказано мнѣніе (Михаэлисъ), что надпись была начертана на задней сторонѣ находившейся противъ царя стѣны, которая чудеснымъ образомъ сдѣлалась прозрачною, такъ что надпись явилась Вальтасару перевернутою на изнанку, какъ въ зеркалѣ, что открылъ лишь Даниилъ. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ вышенприведенныя догадки и предположенія, высказанныя по этому поводу, должны быть признаны совершенно безцѣльными и лишенными всякаго реального основанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ, рѣчь можетъ идти только о томъ, въ чемъ, собственно, по *концепціи* библейскаго автора, должна была заключаться трудность чтенія надписи; но для сужденія объ этомъ вопросѣ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ и указаній, а, слѣдовательно, не оставляя строго-научной почвы, и не можемъ дать на него никакого отвѣта.

Мы должны, поэтому, ограничить нашу задачу лишь вопросомъ объ *объясненіи* загадочныхъ словъ, интерпретація которыхъ найдется всецѣло въ сферѣ возможнаго.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на фактъ, которому, не смотря на то, что онъ сразу бросается въ глаза, можетъ быть, не придавали той важности, которой онъ заслуживаетъ. Дѣло въ томъ, что *объясненіе* загадочныхъ словъ, приписываемое Даниилу, *не согласуется* строго съ его *чтеніемъ* означенныхъ словъ. Это согласованіе существуетъ только въ греческомъ и латинскомъ переводахъ египтя Даниила, въ которыхъ загадочныя слова передаются одинаково — какъ въ 25-мъ стихѣ, послѣ фразы: „и вотъ надпись, которая начертана“, такъ и въ 26—28 стихахъ, гдѣ приводится объясненіе словъ, — чрезъ *Μανη, Θεκελ, Φαρσζ, Μαν, Thecel. Phares*, а чрезъ посредство греческаго перевода и въ славянской Библии: *Мани, Θεκελ, Фаресъ*. Въ арамейскомъ же оригиналѣ книги Даниила загадочныя слова читаются въ 26—28 стихахъ: *תַּנִּיךְ תִּקְעֵל*,

pēṭēs, что соответствует греческой транскрипции: *Μανη, Θεκελ, Φαρεσ*, между тѣмъ какъ въ 25-мъ стихѣ, послѣ фразы: „и вотъ надпись, которая начертана“, означенныя слова читаются иначе, именно: *mēnē, mēnē, tēḳēl ū-pharsīn*, что можно передать по-русски, примѣнительно, по возможности, къ обычной у насъ транскрипціи загадочныхъ словъ, чрезъ: *Мани, Мани, Θεκελ у-Фарсинъ*. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ тремя словами, между тѣмъ какъ во второмъ—съ *четырьмя* или даже *пятью* словами, смотря по тому, разсматривать ли соединительный союзъ *u* или *ū*, „и“, который обыкновенно въ семитическихъ языкахъ пишется слитно съ слѣдующимъ за нимъ словомъ, за отдѣльное слово (*ū-pharsīn*), или *лѣтъ* (*upharsin*). Разсмотримъ сначала первый случай, гдѣ фигурируютъ только *три* слова. Согласно *традиционному* толкованію, основанному на массоретской вокализации, которая, впрочемъ, не лишена, въ данномъ случаѣ, нѣкоторыхъ странныхъ аномалій ¹⁾, принято было, вообще, разсматривать вышеприведенныя *три* слова арамейскаго оригинала книги Данила—*mēnē, tēḳēl, pēṭēs*—какъ *participia passiva* соответствующихъ глаголовъ и, согласно этому, переводить ихъ буквально: „*сочтено, взвѣшено, разрушено*“.

Библейскій авторъ извлекаетъ изъ этихъ словъ при помощи остроумной игры ума, основанной на игрѣ словъ, значенія, прировненные къ исторической ситуаціи, которую онъ имѣетъ въ виду. При этомъ онъ пользуется, такъ сказать, механическимъ методомъ, который съ очевидностью обнаруживается изъ нижеслѣдующей синоптической таблицы.

<i>Толкуемая слова:</i>	<i>Толкованіе 1-ой степени:</i>	<i>Толкованіе 2-ой степени:</i>
1. <i>Мани</i> (<i>mēnē</i>) = <i>сочтено</i> :	<i>сочиталъ</i> (<i>mēnāh</i>) Богъ правленіе твое	и завершилъ его;
2. <i>Θεκελ</i> (<i>tēḳēl</i>) = <i>взвѣшено</i> :	<i>ты взвѣшишь</i> (<i>tēḳiltā</i>) на вѣсахъ	и найдешь неполновѣснымъ;
3. <i>Фаресъ</i> (<i>pēṭēs</i>) = <i>разрушено</i> :	<i>разрушено</i> (<i>pēṭisāth</i>) царство твое	и предано мидянамъ и персамъ (<i>pārās</i>).

¹⁾ Въ особенности, возбуждаетъ сомнѣніе вокалізація словъ *tēḳēl* и *pēṭēs*, которыя нѣкоторые комментаторы считаютъ эквивалентами словъ *tēḳēl* и *pēṭis* (глагольная форма *pēṭīl*), вокализированными по аналогіи со словомъ *mēnē* для того, чтобы придать всѣмъ тремъ словамъ *однообразную* грамматическую форму. См. H. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 29, 2, Anm.

Это рациональное расчлененіе ясно показываетъ, что каждая изъ трехъ параллельныхъ фразъ, въ свою очередь, разлагается на три строго симметрическія части: 1) толкуемое слово; 2) первое, *буквальное*, толкованіе слова, представляющее это слово во главѣ фразы, въ различныхъ грамматическихъ формахъ; 3) второе толкованіе, слѣдующее за первымъ и истекающее изъ него, родъ *синтетическаго* парафраза буквальнаго толкованія, съ которымъ оно однообразно связано союзомъ „и“.

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, послѣднее слово *Фиресъ* (rērés) является, по мысли автора, настоящимъ *дублетомъ*, отношеніе котораго простирается одновременно какъ на глагольную форму „разрушено“ (rērisáth), въ толкованіи 1-ой степени, такъ и на собирательное имя „персы“ (rāgās), въ толкованіи 2-ой степени.

Съ другой стороны, изъ той же таблицы съ несомнѣнностью обнаруживается, что загадочныя слова въ той формѣ, въ которой они фигурируютъ въ 25-мъ стихѣ арамейскаго оригинала книги Даниила,— *Мани, Мани, Оекель у-Фарсинъ* (mēnē', mēnē', tēkēl ū-pharsīn),—никоимъ образомъ не укладываются въ схему вышеприведенной таблицы. Дѣйствительно, необходимо признать, что интерпретація загадочныхъ словъ, предложенная Данииломъ въ 26—28 стихахъ, не принимаетъ совершенно во вниманіе ни *посторонія* перваго изъ вышеприведенныхъ словъ — *Мани, Мани* (mēnē', mēnē') въ 25-мъ стихѣ, ни формы *множественнаго* числа послѣдняго слова, предшествуемаго соединительнымъ союзомъ — *у-Фарсинъ* (ū-pharsīn), въ томъ же стихѣ. Отсюда, естественно, возникаетъ вопросъ: почему же, въ такомъ случаѣ, 25-й стихъ содержитъ *четыре* вышеприведенныхъ слова, между тѣмъ какъ въ 26 — 28 стихахъ дается объясненіе лишь *трехъ* изъ этихъ словъ, и при томъ, въ формѣ, отличной отъ той, которую они имѣютъ въ 25-мъ стихѣ? Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, какъ было уже указано выше, что различіе въ чтеніи загадочныхъ словъ въ 25-мъ и 26 — 28 стихахъ существуетъ только въ арамейскомъ оригиналѣ книги Даниила, между тѣмъ какъ въ греческомъ и латинскомъ переводахъ послѣдней въ обоихъ случаяхъ фигурируютъ только *три* слова, и притомъ, въ формѣ совершенно тождественной.

Къ тому же, и съ чисто-филологической точки зрѣнія, толкованіе загадочныхъ словъ въ той формѣ, въ которой они фигурируютъ въ 25-мъ стихѣ, представляетъ весьма значительныя трудности. Особенное затрудненіе возбуждаетъ послѣднее слово *pharsin*, которое одни комментаторы принимаютъ въ смыслѣ *participium activum* отъ глагола

prā (*pērās*), „разбивать“, „разрушать“, съ окончаніемъ множественнаго числа (*in*) ¹⁾, между тѣмъ какъ другіе разсматриваютъ его—и съ гораздо болѣе основаніемъ—какъ форму множественнаго числа отъ существительнаго *prā* (*pērās*), „кусокъ“ ²⁾. Въ первомъ случаѣ, получается слѣдующій переводъ: „сочтено, сочтено, взвѣшено и разбивающіе (для разрушающіе) (?)“ ³⁾; во второмъ:—„сочтено, сочтено, взвѣшено и—куски“ ⁴⁾. Если даже допустить правильность этихъ переводовъ, которые, однако, на самомъ дѣлѣ, даже съ чисто-грамматической точки зрѣнія, не выдерживаютъ серьезной критики, то, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что и тотъ, и другой переводъ одинаково приводитъ насъ къ совершенно *безсвязной* фразѣ.

III.

При раскопкахъ, произведенныхъ Лэйярдомъ (A. H. Layard), по порученію Британскаго музея, въ 1845—1852 годахъ на мѣстѣ древней Ниневіи, между прочимъ, найдена была во дворцахъ ассирійскихъ

¹⁾ Форма *participium activum* пишеть въ библейско-арамейскомъ языкѣ долгое неизмѣнное *ā* въ первомъ слогѣ, т. е., послѣ первой коренной согласной, см. E. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 29,1; слѣдовательно, *participium activum* отъ глагола *prā* (*pērās*), съ окончаніемъ множественнаго числа (*in*), должно было бы звучать *pāpērāsīn*, а не *parāsīn*, какъ вокализуютъ это слово массореты, которые, повидному, разсматривали его не какъ причастіе, но какъ имя существительное.

²⁾ См. E. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 54, 3, а, г.

³⁾ Такъ переводитъ загадочное изреченіе еще Oskar Holtzmann, *Das Ende des jüdischen Staatswesens und die Entstehung des Christenthums*, вѣ Stado's *Geschichte des Volkes Israel*, Band II, Berlin 1888, S. 327: „*Gezählt, gezählt, geivogen und Zerbrechende*“. Переводчикъ книги Гольцмана на русскій языкъ, руководимый, повидному, желаніемъ сдѣлать фразу понятною, допустилъ здѣсь слишкомъ вольную передачу слова „*Zerbrechende*“ чрезъ „будеть сломяно“ („сочтено, сочтено, взвѣшено и *будеть сломяно*“, см. Оскаръ Гольцманъ, *Паденіе Иудейскаго іосударства*, Москва 1899, стр. 64), каковое выраженіе неправильно въ двоякомъ отношеніи: 1) оно представляетъ неточный переводъ или, лучше сказать, отступленіе отъ нѣмецкаго оригинала; 2) арамейское слово *parāsīn* никакимъ образомъ не можетъ означать: „будеть сломяно“.

⁴⁾ Такъ переводитъ загадочное изреченіе Берманъ (G. Behrman, *Das Buch Daniel*, Göttingen 1894, S. 36—37) и, съ незначительнымъ отличіемъ въ переводѣ послѣдняго слова *parāsīn*, также Кёнигъ (Ed. König, *Mené, mené, taqel upharsin*, вѣ *Neue Kirchliche Zeitschrift*, 1901, 12 Heft, S. 957): „сочтено, сочтено, взвѣшено и—(только) *раснавмесса*“ (т. е. ничего цѣлаго: намекъ на раздѣлъ халдейскаго царства между мидянами и персами).

дарей цѣлая серия государственныхъ образцовыхъ вѣсовъ. Въ Ассиріи эти вѣсы имѣли преимущественно форму лежащихъ бронзовыхъ львовъ, снабженныхъ рукояткой на спицѣ для держанія; въ Вавилоніи они имѣли въ болѣе позднюю эпоху обыкновенно форму каменныхъ утокъ, между тѣмъ какъ единственный дошедшій до насъ экземпляръ древнѣйшаго вавилонскаго вѣса эпохи Гудеа ¹⁾, изданный и объясненный нашимъ ассиріологомъ М. В. Никольскимъ ²⁾, имѣетъ овальную форму.

Въ Британскомъ музеѣ имѣются экземпляры ассиро-вавилонскаго вѣса трехъ типовъ. Къ первому типу относится бронзовый вѣсъ, въ видѣ лежащаго льва, времени Сеннахрима, царя ассирійскаго (705—681 до Р. Хр.). Надпись, выгравированная на немъ, изображена на *двухъ* языкахъ—ассирійскомъ и арамейскомъ; первая гласитъ: „дворецъ Сеннахрима; двѣ мины царскія“, вторая—„двѣ мины страны“. Ко второму типу относится вавилонскій каменный вѣсъ XII вѣка до Р. Хр., въ видѣ утки изъ зеленаго базальта, съ клинообразной надписью ново-вавилонскаго типа: „тридцать минъ указнаго вѣса; дворецъ Ирба-Мардука, царя вавилонскаго“. Памятникъ, къ третьему типу принадлежитъ персидско-вавилонскій вѣсъ времени Дарія Гистаспа, найденный въ Британскомъ музеѣ англійскимъ ассиріологомъ Бѣджемъ (W. Budge), съ надписью на *трехъ* языкахъ: персидскомъ, эламтскомъ (сузіанскомъ) и вавилонскомъ ³⁾.

¹⁾ Гудеа (Gudea), *patesi* (т. е. вассальный государь или намѣстникъ) города и области Ширпуры (Širpura) или Лагаша (Lagaš), какъ это названіе читается иначе,—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей древнѣйшаго періода вавилонской исторіи. Его дворцы и многочисленныя сооруженія, равно какъ замѣчательныя по своей художественной обработкѣ статуи изъ діорита и цилиндры съ пространными надписями, открыты были де-Сарзекомъ (de Sarzec) при раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Телло (Telloh), въ Южной Вавилоніи, въ 1876—1881 гг. Эпоха Гудеа еще не можетъ быть опредѣлена съ точностью; приблизительно, ее можно отнести ко времени около 3000 лѣтъ до Р. Хр. См. Н. Winckler въ *Die Keilinschriften und das Alte Testament* von Eb. Schrader, 3. Auflage, Berlin 1902, S. 14 u. 15; ср. Morris Jastrow, *Die Religion Babylonians und Assyriens*, Gießen 1902, S. 36, между тѣмъ какъ С. Bezold, *Ninive und Babylon*, Bielefeld und Leipzig 1903, S. 26—27, относитъ эпоху Гудеа ко времени около 4000 лѣтъ до Р. Хр.

²⁾ М. В. Никольскій, *Халдейскій вѣсъ эпохи Гудеа*, въ *Древностиахъ Восточнаго Общества* (Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества), т. I, выпускъ 1, Москва, 1889, стр. 83—88.

³⁾ *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, vol. X, 1888, p. 464.

Бронзовый вѣсъ въ видѣ льва ¹⁾ и каменный въ видѣ утки, найденные во дворцахъ ниневійскихъ царей, представляютъ одинъ и тотъ же типъ, такъ что на основаніи ихъ оказалось возможнымъ установить точное опредѣленіе ассиро-вавилонскаго вѣса вообще. Три степени ассиро-вавилонскаго (а также и еврейскаго) вѣса, *сикль*, *мина* и *талантъ*, подраздѣлялись на два вида, тяжелый и легкий; послѣдній былъ вдвое меньше перваго. Такъ, высшая степень вѣса, *талантъ*, вѣсила 60,6 килограммовъ; по отношенію къ этому *тяжелому* таланту, *легкій* талантъ вѣсилъ 30,3 килограммовъ. *Мина*, составляющая $\frac{1}{60}$ таланта, вѣсила 1010 граммовъ; половина ея или *легкая* мина—505 граммовъ. Наконецъ, *сикль*, составляющій $\frac{1}{60}$ мины, вѣсилъ 16,82 граммовъ; половина его или *легкій* сикль—8,41 граммовъ.

Названіе „мина“ (по-ассирійски *mana*, по-еврейски *mīnēh*) до сихъ поръ еще не объяснено съ точностью. По мнѣнію Шрадера (Eb. Schrader), оно едва ли семитическаго происхожденія, въ особенности, въ виду того обстоятельства, что оно встрѣчается уже въ древне-вавилонскихъ несемитическихъ надписяхъ, и, притомъ, на-ряду съ другими подобными же несемитическими обозначеніями ²⁾. Къ грекамъ названіе „мина“ перешло въ формѣ *μνᾶ* (= *mana*, вѣроятно, чрезъ посредство *арамейской* формы *mīnāh* или *mīnā'*) вмѣстѣ съ обозначаемымъ имъ вѣсомъ ³⁾.

Названіе „сикль“ (по-ассирійски *šīḫlu*, по-еврейски *šēqel*) происходитъ отъ семитическаго корня *šql*, „взвѣшивать, вѣсить“, и означаетъ собственно „вѣсъ“. Употребленіе *двуязычныхъ* надписей на вѣсахъ, найденныхъ въ Ниневіи, представляетъ фактъ, заслуживающій особеннаго вниманія. Дѣло въ томъ, что обозначеніе „по вѣсу страны“ выгравировано *по-арамейски*, слѣдовательно, показываетъ, что широкая масса ассирійскихъ подданныхъ говорила на этомъ языкѣ,

¹⁾ Изображеніе такого рода ассирійскаго вѣса можно найти у С. Bezold, *Ninive und Babylon*, S. 137; Abb. 102.

²⁾ Riolun's *Handwörterbuch des biblischen Alterthums*, 2. Auflage, Bielefeld und Leipzig 1894, s. v. *Mine* (Schrader), S. 1017.

³⁾ Мина, о которой упоминается въ Новомъ Заветѣ (Лука, XIX, 13—25), есть названіе *монеты*. Замѣчательна мина сирійскаго царя Антиоха IV Епифана, вѣсила 516 граммовъ. Кругомъ ея находится легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΜΝΑ (мина царя Антиоха божественнаго Епифана); въ среднѣ, между двумя звѣздами, изображена богиня побѣды, держащая въ правой рукѣ вѣнокъ, а въ лѣвой—пальму. См. Вигуру, *Руководство къ чтенію и изученію Вѣднн*, т. I, Москва, 1897. стр. 192, рис. 8.

между тѣмъ какъ самъ ассирійскій языкъ въ послѣдніе вѣка ассирійской монархіи, вѣроятно, занималъ лишь очень ограниченную область или, можетъ быть, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, даже совершенно вышелъ изъ народнаго употребленія, оставшіеся лишь языкомъ официальныхъ государственныхъ актовъ, религій и литературы ¹⁾. Какъ бы то ни было, *арамейскія* надписи, выгравированныя на вѣсахъ изъ Ниневіи, представляютъ значительный интересъ, такъ какъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ арамейскаго языка, восходящимъ къ VIII—VII вѣкамъ до Р. Хр., и обнаруживаютъ нѣкоторые интересныя въ лингвистическомъ отношеніи особенности, сближающія ихъ съ надписями, открытыми берлинскимъ „Восточнымъ Комитетомъ“ (Orient-Comité) въ Зенджирли (Zengîrli), въ Сѣверной Сиріи, при раскопкахъ, произведенныхъ тамъ въ 1888—1891 гг. ²⁾.

Когда Парижская Академія Надписей въ срединѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка приступила къ собиранію матеріаловъ для предпринятаго ею капитальнаго изданія—*Corpus Inscriptionum Semiticarum*, французское министерство народнаго просвѣщенія, желая, съ своей стороны, оказать содѣйствіе успѣху этого предпріятія, въ 1878 году командировало въ Лондонъ знаменитаго французскаго семптолога Клермонъ-Ганно (Ch. Clermont-Ganneau), возложивъ на него эпиграфическую миссію, заключающуюся въ изученіи и описаніи тѣхъ изъ находящихся въ Британскомъ музеѣ памятниковъ, которые представляютъ интересъ для семитической эпиграфики.

Въ теченіе этой миссіи Клермонъ-Ганно занимался, между прочимъ, изученіемъ арамейскихъ надписей на вѣсахъ, найденныхъ въ Ниневіи. Одинъ экземпляръ изъ этой серіи вѣсовъ, въ особенности, обратилъ на себя вниманіе французскаго ученаго. Это былъ бронзовый вѣсъ, въ видѣ лежащаго льва, на базѣ котораго выгравировано было слово, читавшееся до тѣхъ поръ обыкновенно *qdš* (қодешъ), „святыня“, въ соответственныхъ случаяхъ, въ значеніи: „священный“,—

¹⁾ Н. Winckler, *Die Völker Vorderasiens*, въ популярно-научной серіи *Der Alte Orient*, I, 1, S. 11, полагаетъ, что уже съ XI—IX вѣковъ до Р. Хр. въ Ассириіи и Вавилоніи употребляли въ повседневной жизни *арамейскій* языкъ. Однако, на основаніи эпиграфическихъ памятниковъ можно констатировать употребленіе *арамейскаго* языка въ Ассириіи лишь со 2-й половины VIII вѣка до Р. Хр., см. А. Šanda, *Die Aramäer*, въ той же серіи *Der Alte Orient*, IV, 3, S. 22 u. 25.

²⁾ Текстъ и переводъ этихъ надписей, съ дополненіемъ и исправленіемъ прежнихъ чтеній, см. у Mark Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*. Weimar 1898.

названіе, въ которомъ хотѣли видѣть указаніе на „священный“ вѣсъ, въ отличіе отъ обыкновеннаго, общепотребительнаго вѣса. Тщательное изслѣдованіе этого вѣса убѣдило, однако, Клермона-Ганпо въ томъ, что упомянутое слово должно читаться, на самомъ дѣлѣ, *prā* или, точнѣе, *prā* (*paraś* или, точнѣе, *prāś*)¹⁾, что значитъ: „половина“. По свидѣтельству Клермона-Ганпо, слѣпки, привезенныя имъ, по окончаніи своей миссіи, изъ Лондона и сданные на храненіе въ кабинетъ комисіи по изданію *Corpus Inscriptionum Semiticarum* (Commission du *Corpus*), удостовѣряютъ въ этомъ и позволяютъ контролировать точность этого чтенія²⁾.

Въ виду того, что левъ, на базѣ котораго выгравирована эта надпись, представляетъ вѣсъ, равный вѣсу *половины* легкой мины, было очевидно, что слѣдовало разсматривать слово *paraś* или, точнѣе, *prāś*, которое означаетъ буквально: „половина“, какъ самое наименованіе опредѣленной единицы вѣса,—*полмины* или *фараса*³⁾. Ассирійскій языкъ, въ которомъ слово *paraśu* обозначаетъ вѣсъ, равный $\frac{1}{2}$ мины, точно такъ же, какъ и арамейскій языкъ болѣе поздней эпохи, въ которомъ слово *prāś* употребляется въ томъ же самомъ смыслѣ⁴⁾, согласно подтверждаютъ вышеуказанное значеніе слова

¹⁾ Знакъ *ā* употребляется здѣсь и ниже для транскрипціи еврейскаго *א*.

²⁾ Надпись, выгравированная на этомъ вѣсѣ, была издана въ *Corpus Inscriptionum Semiticarum*, pars II, № 10. Еще раньше, чѣмъ Клермонъ-Ганпо дешифровалъ на упомянутомъ вѣсѣ слово *paraś*, знаменитый французскій ассиріологъ Оппертъ (J. Oppert) установилъ уже правильное чтеніе этого слова, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста его изслѣдованія объ образцовой единицѣ ассирійскыхъ мѣръ: „слова *paraś* и *šwir* встрѣчаются транскрибированными арамейскими буквами“, см. J. Oppert, *L'étalon des mesures assyriennes*, въ *Journal Asiatique*, 1874, II, p. 431.

³⁾ Слово *paraś* или, точнѣе, *prāś*, выгравированное на упомянутомъ ассирійскомъ вѣсѣ и соответствующее позднѣйшему арамейскому *prāś*, мы передаемъ здѣсь и ниже черезъ „фараса“, соответственно обычной въ Септуагинтѣ транскрипціи еврейскаго и арамейскаго *p* (даже въ началѣ слога и слова, гдѣ оно по массоретской пунктуаціи произносится твердо, безъ придыханія) черезъ греческое *φ*, а еврейскаго и арамейскаго *šwā mobile* (т. е. кратчайшаго гласнаго звука, транскрибируемаго здѣсь и ниже черезъ *š*—обычная транскрипція черезъ маленькое *e* надстрочное неудобна въ типографскомъ отношеніи и является излишней въ виду того, что *краткое e* можетъ быть обозначено черезъ простое *e*, безъ верхняго знака) черезъ греческое *a*, если въ слѣдующемъ слогѣ есть гласная *a*. Примеры см. у Кёнеске, *Die Behandlung der hebräischen Namen in der Septuaginta* (Programmm des Gymnasiums zu Stargard, 1885), S. 12—13 и 26, 2.

⁴⁾ Слово *prāś*, „фараса“, обозначаетъ въ арамейскомъ и ново-еврейскомъ языкахъ $\frac{1}{2}$ мины (*prāś kel mānāh*, „половина мины“, см. Buxtorf, *Lexicon chaldaicum*,

prš (pēgās), дешифрованного Клермономъ-Ганно на одномъ экземплярѣ бронзоваго вѣса, въ видѣ льва, изъ Пиневин. Это обстоятельство, въ связи съ рагѣ прочитанными на тѣхъ же вѣсахъ названіями „минны“ и „сикля“, привело Клермона-Ганно къ заключенію, что на серіи пиневинскихъ вѣсовъ фигурируютъ выгравированныя арамейскими письменами на языкѣ, близкомъ къ еврейскому, наименованія слѣдующихъ *трехъ* единицъ ассиро-вавилонскаго вѣса:

1. *min* (ср. еврейское *mānēh*) ¹⁾ = арам. *mi'* (*mēnā'*) ²⁾ = „мина“;
2. *škl* (ср. еврейское *šēqel*) ³⁾ = арам. *lql* (*lēqēl*) ⁴⁾ = „сикль“;
3. *prš* (ср. ново-евр. *pēgās*) ⁵⁾ = арам. *prš* (*pēgās*) ⁶⁾ = „фарасъ“.

Констатированіе этого факта навело, далѣе, Клермона-Ганно на мысль, что, по какому-то странному, но неоспоримому совпадению,

с. v. *pēgās*). Въ языкѣ Талмуда выраженіе *mānēh iphēgās*, „мина и фарасъ“, обозначаетъ 1½ мины. Въ различныхъ другихъ мѣстахъ, приведенныхъ въ словарь *Levy, Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch*, s. v. *pēgās*, слова *mānēh*, „мина“, и *pēgās*, „фарасъ“, противопоставляются другъ другу такимъ образомъ, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что *pēgās*, „фарасъ“ = ½ мины.

¹⁾ Слово *min*, „мина“, засвидѣтельствовано уже въ арамейскихъ надписяхъ ранней эпохи, см. S. A. Cook, *A Glossary of the Aramaic Inscriptions*, Oxford 1898, s. v. *min*; ср. M. Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, S. 313. Это арамейское слово, которое, по всей вѣроятности, должно читаться *mēnāh*, точно соответствуетъ еврейскому *mānēh*, „мина“ (Иезекиилъ, XIV, 12; Ездра, II, 69); отъ него же, очевидно, происходитъ и греческое слово *μνᾶ* (= *mēnāh*), „мина“. Сирийское *manjā*, „мина“, представляетъ только другое образованіе отъ того же корня.

²⁾ Слово *mi'*, съ вокализацией *mānā'*, „мина“, хотя и приводится Лесли въ его словарь къ Таргумамъ (*Levy, Targumwörterbuch*, Band II, S. 46), однако не встрѣчается въ указанномъ у него мѣстѣ (Иезекиилъ, XIV, 12).

³⁾ Слово „сикль“ встрѣчается въ арамейскихъ надписяхъ только въ формѣ *škl* (*šēqēl*?); поэтому начальная буква его *š* (*šin*) служить для него аббревиатурой, см. M. Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, S. 371 и, 382.

⁴⁾ Слово это въ status emphaticus встрѣчается въ Таргумѣ Онкелоса (Исходъ, XXXVIII, 26) въ формѣ *lqlā*, „сикль“.

⁵⁾ Слово *pēgās*, съ конечнымъ *š* (*sāmekh*), встрѣчается въ Мишиѣ, въ значеніи „фарасъ“ или „полмины“.

⁶⁾ Съ этимъ словомъ, безъ сомнѣнія, тождественно встрѣчающееся въ надписи на стелѣ Панамму (Panamū), найденной въ Зенджирли, въ Сѣверной Сиріи (VIII вѣкъ до Р. Хр.), слово *prš* (pēgās?), обозначающее „полмины“; именно, въ 6-й строкѣ надписи читаемъ: „полмины (въ качествѣ вѣса раио упомянутыхъ хлѣбовъ) за цѣну въ сикль“ (*prš bškl*), см. M. Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, S. 354.

приведенныя выше наименованія *трѣхъ* единицъ ассиро-вавилонскаго вѣса—*мина*, *сикль*, *фарасъ*—соотвѣтствуютъ замѣчательнымъ образомъ *трѣмъ* загадочнымъ словамъ, фигурирующимъ въ книгѣ Даниїла: *Мани*, *Фекль*, *Фаресъ*.

Дѣйствительно, нѣкоторыя фонетическія и орфографическія различія, обнаруживающіяся при сравненіи тѣхъ и другихъ названій, вполне точно объясняются хорошо извѣстными особенностями арамейской фонетики и орфографіи, которыя окончательно установились лишь въ болѣе поздней стадіи развитія арамейскаго языка, каковымъ онъ является въ литературныхъ памятникахъ, между тѣмъ какъ тотъ же языкъ, въ болѣе ранней стадіи своего развитія, извѣстной только изъ надписей, гораздо болѣе приближается, въ отношеніи фонетики и орфографіи, къ еврейскому языку ¹⁾.

Отъ вышеизложеннаго предположенія до заключенія, что упомянутыя наименованія трехъ единицъ вѣса ²⁾—*мина*, *сикль*, *фарасъ*—могли фигурировать въ арамейскомъ текстѣ загадочнаго изреченія книги Даниїла, было только одинъ шагъ. Тѣмъ не менѣе, по собственному признанію Клермона-Ганно, онъ долго не рѣшался на это и ограничился вначалѣ сообщеніемъ своей догадки нѣкоторымъ ученымъ, пока, наконецъ, по зрѣломъ размысленіи, не рѣшился отдать ее на судъ критики, „въ надеждѣ, что послѣдняя, можетъ быть, будетъ въ состояніи извлечь изъ нея какую-либо пользу даже въ томъ случаѣ, если она не приметъ ея со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями“. Выводы и заключенія, къ которымъ онъ пришелъ на

¹⁾ Такъ, буква *h* на концѣ слова *тнл* (тнѣлн), „мина“, какъ оно пишется въ древне-арамейскихъ надписяхъ, совершенно правильно замѣняется, согласно обычно-арамейской орфографіи болѣе поздней эпохи, буквою ' (aleph), въ каковой формѣ слово это фигурируетъ у Даниїла: *тн'*, что, по всей вѣроятности, должно читаться *тнѣ'*, „мина“ (массоретская вокализация *тнѣ'* подвержена серьезнымъ сомнѣніямъ). Далѣе, буква *š* (šin) въ словѣ *кш* (šēšēl?), „сикль“, которое въ древне-арамейскихъ надписяхъ встрѣчается только въ этой формѣ, столь же правильно замѣняется, согласно обычно-арамейской фонетикѣ, характеризующей болѣе позднюю стадію развитія арамейскаго языка, буквою *t* (tāw), въ каковой формѣ слово это фигурируетъ у Даниїла: *тл* (tāšēl). „сикль“ (status emphaticus *tāšēl*) встрѣчается въ Таргумѣ Онкелоса къ Псалму, XXXVIII, 26). Наконецъ, буква *š* (šin) въ словѣ *ррѣ* (rēššē?), фигурирующемъ на одномъ ассирійскомъ вѣсѣ изъ Ниневіи (*Corpus Inscriptionum Semiticarum*, II, № 10), столь же правильно переходитъ, согласно обычно-арамейской орфографіи болѣе поздней эпохи, въ *s* (šāmekh), въ каковой формѣ слово это фигурируетъ у Даниїла: *ррѣ* (rēššē), „фарасъ“ (= 1/2 мины).

²⁾ Или *монета*, ибо не слѣдуетъ забывать, что это—одно и то же въ семитическихъ языкахъ.

основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, съ обстоятельнымъ научнымъ обоснованіемъ ихъ, Клермонъ-Ганно изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Mani, Théccl, Phares et nurr Valtasara*“, напечатанной въ *Journal Asiatique* за 1886 годъ ¹⁾. Статья эта поставила вопросъ о значеніи загадочныхъ словъ, фигурирующихъ въ книгѣ Даниила, на совершенно новое основаніе и представляетъ вообще столь выдающійся интересъ для разсматриваемаго вопроса, что вполне заслуживаетъ обстоятельнаго изложенія и разсмотрѣнія.

Клермонъ-Ганно предпосылаетъ своему изслѣдованію означеннаго вопроса нѣсколько замѣчаній общаго характера. „Но имѣя притязанія,—замѣчаетъ онъ,—представить окончательное рѣшеніе этой филологической проблемы, я желалъ бы попытаться дать ей новое освѣщеніе, благодаря введенію въ нее элемента, который, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не былъ принимаемъ въ соображеніе, и который, какъ мнѣ кажется, играетъ въ ней существенно важную роль. Слѣдуетъ оговорить, что нижеизложенныя соображенія не находятся въ зависимости отъ вопроса—служащаго еще предметомъ контroversы—относительно истинной даты книги Даниила, ея историческаго значенія и среды, изъ которой могъ принадлежать ея авторъ; означенныя соображенія смогутъ сохранить свое значеніе, буде таковое за ними будетъ признано, въ каждой изъ системъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, между которыми раздѣляется, въ этомъ отношеніи, повѣншая критика“.

Исходнымъ пунктомъ Клермона-Ганно, какъ было указано выше, служитъ предположеніе, что три загадочныхъ слова, фигурирующихъ въ книгѣ Даниила,—*Mani, Théccl, Phares*,—могутъ соответствовать слово въ слово наименованіямъ трехъ единицъ вѣса — *мина, сикль, фирагъ*. По мнѣнію французскаго семитолога, помимо фонетическихъ и орфографическихъ эквивалентовъ, отмѣченныхъ выше ²⁾, самыя *паромази*, остроумно подобранныя библейскимъ авторомъ, подтверждаютъ это отождествленіе и являются какъ бы его признаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, библейскій авторъ, въ своемъ аллегорическомъ толкованіи загадочныхъ словъ, очевидно, имѣетъ въ виду семитическіе

¹⁾ Ch. Clermont-Ganneau, *Mané, Théccl, Phares et le festin de Balthasar*, вѣ *Journal Asiatique*, Série VIII, vol. 8, 1886, p. 36 sq. Статья эта перепечатана также въ издаваемомъ Клермонъ-Ганно *Recueil d'Archéologie orientale*, t. I, Paris 1888, p. 136—159. Англійскій переводъ ея помѣщенъ въ американскомъ журналѣ *Hebraica* за 1887 г., p. 87—102.

²⁾ См. стр. 316, прим. 1.

корни: *tnh* или *tn'*, „считать“, *skl* или *lkl*, „вазыщивать“ и *prš* или *prš*, „разбивать“, „разрушать“,—корни, отъ которыхъ принято производить семитическія названія *мины* (ассиро-вав. *mana*, евр. *mānēh*, араб. *mānāh* или *mānā'* = греч. *μνᾶ*), *сиклы* (ассиро-вав. *šiklu*, евр. *šēkel* = греч. *σίγλος*, у LXX и у Иосифа Флавія *σίχλος*, араб. *tiklā*) и *фараса* (ассиро-вав. *parasu*, ново-евр. и араб. *pršs*)¹⁾.

„Если бы,—замѣчаетъ Клермонъ-Ганно, — рѣчь шла только объ этихъ трехъ изолированныхъ словахъ; если бы, по несчастной случайности, арамейскій оригиналъ книги Даниїла потерялся и послѣднія дошла бы до насъ, подобно многимъ другимъ книгамъ Ветхаго Заветъ, лишь чрезъ посредство греческаго и латинскаго переводовъ; если бы, слѣдовательно, фраза представлялась намъ въ сокращенномъ видѣ, къ которому привели се эти переводы,—*Μανη*, *Θεχελ*, *Φαρσ*; ²⁾, *Мане*, *Thecel*, *Phares*,—то предложенное выше отождествленіе не представляло бы затрудненій. Но, къ счастью, арамейскій оригиналъ книги Даниїла дошелъ до насъ, и этотъ оригиналъ показываетъ намъ въ 25-мъ стихѣ не только эти три изолированныхъ слова, но цѣлую фразу изъ *лмн* ³⁾ словъ, гдѣ они играютъ роль, которую предстоитъ опредѣлить. Допустивъ, что слѣдуетъ читать три изолированныхъ слова, фигурирующихъ въ 26—28 стихахъ, не *mēnā'*, *tēkel*, *pršs*, какъ они вокализованы въ массоретскомъ текстѣ, но *mānā'* ⁴⁾, *tēkāl* ⁵⁾, *pršs*, то-есть, *мина*, *сикль*, *фарасъ*, приложимъ это чтеніе къ тѣмъ же самымъ тремъ словамъ, фигурирующимъ въ фразѣ 25-го стиха. Въ

¹⁾ Интересно при этомъ отмѣтить, что Иосифъ Флавій передаетъ три загадочныхъ слова, фигурирующихъ въ книгѣ Даниїла, не глаголами, но *существительными*, производными отъ вышеупомянутыхъ глаголовъ: *Μανη* = *ἀριθμός*, „число, счетъ“; *Θεχελ* = *σπάριος*, „овесъ“; *Φαρσ* = *λίθου*, „обломокъ, осколокъ“ (*Antiquitates Judaicae*, X. 11, 3).

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что греческая транскрипція предполагаетъ для этихъ трехъ словъ вокализацию, отличную въ некоторыхъ пунктахъ отъ вокализациі массоретскаго текста.

³⁾ Или *четыре*хъ, см. стр. 308.

⁴⁾ Клермонъ-Ганно принимаетъ для этого слова, по примѣру Леви (*Lévy, Targum-wörterbuch*, Band II, S. 46), вокализацию *mānā'*; правильнѣе, однако, локализовать его *mēnā'*, на что указываетъ греч. *μνᾶ* (= *mēnā'*), по всей вѣроятности, происходящее непосредственно отъ этого *арамейскаго* слова.

⁵⁾ Клермонъ-Ганно принимаетъ для этого слова вокализацию *tēkāl*; правильнѣе было бы, повидному, локализовать его *tēkēl*, каковую форму оно имѣетъ въ глоссаріяхъ, приложенныхъ къ грамматикамъ Марти (*Marti, Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896) и Штрака (*Strack, Grammatik der Biblisch-Aramäischen*, 3. Auflage, Leipzig 1901).

такомъ случаѣ, фраза эта представится намъ въ слѣдующемъ видѣ: *mānī', mānī', lēkāl ū-pharsīn*, то-есть, „*мана, мана, силъ и фарасы*“.

„Въ этой фразѣ, составленной изъ названій *трехъ* единицъ вѣса, прежде всего, бросается въ глаза тотъ фактъ, что, между тѣмъ какъ названія двухъ изъ нихъ—*маны* и *силы*—стоятъ въ *единственномъ* числѣ, названіе третьей единицы вѣса—*фараса*—стоитъ во *множественномъ* числѣ. Дѣйствительно, слово *pharsīn*, какъ оно вокализовано въ массоретскомъ текстѣ, представляетъ, судя по грамматической формѣ, *множественное* число отъ слова *phārs*, „*фарасъ*“¹⁾. То обстоятельство, что *фарасъ* представляетъ вѣсъ, равный $\frac{1}{2}$ *маны*, предполагаетъ уже между первымъ и послѣднимъ элементами фразы, которые въ нѣкоторомъ родѣ взаимно уравниваютъ другъ друга, — между *маной* и *фарасомъ*,—знаменательное противоположеніе, которое должно быть для насъ первымъ лучомъ свѣта въ этихъ потемкахъ, гдѣ мы начинаемъ бродить ощупью. Но мы не владемъ еще ключомъ къ логогрифу.

„Буквальный переводъ: „*мана, мана, силъ и фарасы*“ дастъ намъ столь же *безсвязный* смыслъ, какъ и традиціонный переводъ: „*сочтено, сочтено, взвѣшено и раздѣляющіе* или *(раздѣляющіе)*“²⁾. Необходимо, однако, признать, что первый переводъ имѣетъ предъ вторымъ то преимущество, что показываетъ намъ элементы, принадлежащіе, по крайней мѣрѣ, къ одной и той же ясно выраженной категоріи идей. Только мы еще не видимъ, какимъ образомъ эти элементы должны комбинироваться между собою для того, чтобы составить *логическое цѣлое, связную фразу, въ движеніи, живую*. Мы имѣемъ теперь эти элементы, такъ сказать, въ *статическомъ* состояніи; намъ необходимо привести ихъ въ *динамическое* состояніе и изслѣдовать, не связаны ли они между собою, въ дѣйствительности, грамматическими функціями, вмѣсто того, чтобы быть только сопоставленными рядомъ. Въ этомъ состоитъ истинная проблема, подлежащая разрѣшенію“.

Хотя въ арамейскомъ языкѣ нѣсколько существительныхъ при перечисленіи могутъ слѣдовать другъ за другомъ безъ посредства союза „и“, употребительнаго, въ такихъ случаяхъ, въ еврейскомъ языкѣ,

¹⁾ Marti предлагаетъ, на основаніи ново-еврейскаго языка (Минна), вокализовать это слово *phārsīn*, см. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896, II. Teil, S. 33, zu Dan. V, 25, Anm. 1; vgl. Glossar, s. v. *phārs*.

²⁾ Или: „*сочтено, сочтено, взвѣшено и—куски*“, см. стр. 310.

однако, по мнѣнію Клермона-Ганно, представляется *a priori* мало вѣроятнымъ, чтобы такого рода послѣдовательность словъ выражала, въ данномъ случаѣ, простое перечисленіе различныхъ единицъ вѣса, въ родѣ: „мина, мина, сикль и фарасы“.

Переходя, затѣмъ, къ детальному анализу фразы 25-го стиха, Клермонъ-Ганно останавливается, прежде всего, на словѣ *mānā'*, „мина“. Это слово, которымъ начинается фраза, повторено два раза: *mānā'*, *mānā'*, „мина, мина“. Исходя изъ того соображенія, что въ арамейскомъ, какъ и вообще въ семитическихъ языкахъ, повтореніе одного и того же существительнаго, безъ посредства какого-либо другого слова, представляетъ грамматическій приѣмъ, могущій выражать различныя значенія, какъ, напримѣръ, идею множества, когда существительное стоитъ во множественномъ числѣ (напримѣръ, выраженіе: „колоды, колоды“ = „много колодцевъ“), или идею раздѣльности, которая выражается нашимъ словомъ „каждый“ (напримѣръ, выраженіе: „народъ, народъ“ = „каждый народъ“), или идею распределенія (напримѣръ, выраженіе: „два, два“ = „по два“), или, наконецъ, идею различія (напримѣръ, выраженіе: „языкъ, языкъ“ = „различные языки“), Клермонъ-Ганно полагаетъ, что и въ данномъ случаѣ повтореніе слова *mānā'*, „мина“, имѣетъ аналогичное значеніе, то-есть, его слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: „каждая мина“ или „по мина“, или даже „различныя мины“, и только идею множества („много мина“) онъ устранилъ, такъ какъ слово *mānā'*, „мина“, стоитъ здѣсь въ единственномъ числѣ.

Отъ выраженія: *mānā'*, *mānā'*, которымъ начинается фраза 25-го стиха, Клермонъ-Ганно, оставивъ пока въ сторонѣ слѣдующее за нимъ слово *tāqāl*, переходитъ прямо къ послѣднему слову фразы — *paršūn*, „фарасы“. Хотя по формѣ слово это имѣетъ окончаніе множественнаго числа (—*ūn*), по Клермонъ-Ганно справедливо сомнѣвается въ томъ, чтобы это слово имѣло здѣсь значеніе множественнаго числа. И, дѣйствительно, *фарасъ*, какъ было указано выше, представляетъ вѣсъ, равный $\frac{1}{2}$ мины, откуда слѣдуетъ, что для того, чтобы составить одну мину, нужно два фараса. Въ виду присутствія, въ началѣ фразы, слова *mānā'*, „мина“, въ единственномъ числѣ, вполне естественно было бы, по справедливому замѣчанію Клермона-Ганно, предположить, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло, вмѣсто множественнаго числа, съ двойственнымъ числомъ, отличающимся, какъ извѣстно, отъ перваго въ арамейскомъ, равно какъ и еврейскомъ, языкахъ лишь очень незначительнымъ различіемъ въ вокализации, замѣтнымъ только въ массо-

ретской пунктаціи, и не слѣдуетъ ли принять для слова *prsjn*, вмѣсто массоретской вокализациі *parsîn* (множественное число), „фарасы“, скорѣе, вокализацию *parsâjin* (двойственное число), „два фараса“, что, повидимому, гораздо лучше согласовалось бы съ контекстомъ. Правда, этому какъ будто противорѣчить то обстоятельство, что въ арамейскомъ языкѣ двойственное число, повидимому, вышло изъ употребленія, что было бы, конечно, серьезнымъ возраженіемъ. Однако, этотъ языкъ сохранилъ еще нѣкоторые остатки двойственнаго числа, встрѣчающіеся даже въ самомъ языкѣ книги Данила. Вотъ нѣсколько примѣровъ несомнѣннаго употребленія *двойственнаго* числа въ тѣхъ частяхъ книги Данила, которыя написаны по-арамейски (II, 4b—VIII, 28): *bidâjin*, „въ (объихъ) рукахъ“ (Данилъ, II, 34); *raglâjin*, „(объ) ногъ“ (VII, 4); *šinnâjin*, „нобы“ (разсматриваемые какъ раздѣленные на два ряда, VII, 7)¹⁾. Сверхъ того, Клермонъ-Ганно указываетъ на одно мѣсто въ книгѣ Данила (VII, 25), гдѣ, повидимому, *множественное* число должно, по меньшей мѣрѣ, исправлять функцію *двойственнаго* числа: 'ad 'iddân wê 'iddânîn ûrhêlag 'iddân, „до періода (времени) и двухъ періодовъ и половины періода“. Слово 'iddânîn, „періоды“, въ вышеприведенномъ выраженіи, имѣющее форму *множественнаго* числа, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть по смыслу только эквивалентомъ *двойственнаго* числа того же слова—'iddânâjin, „два періода“, такъ какъ означенное выраженіе, по признанію всѣхъ комментаторовъ книги Данила, содержитъ точное указаніе опредѣленнаго періода времени: „годъ, два года и полгода“, то-есть, въ общемъ, 3¹/₂ года. На основаніи этого примѣра, Клермонъ-Ганно предполагаетъ, что и слово *parsîn*, фигурирующее въ загадочномъ изреченіи книги Данила (V, 25), не смотря на то, что оно имѣетъ форму *множественнаго* числа, слѣдуетъ разсматривать, по смыслу, какъ *двойственное* число и переводить чрезъ „два фараса“.

Слову *parsîn* предшествуетъ въ арамейскомъ текстѣ книги Данила (V, 25) буква *w* или *û*, представляющая, какъ извѣстно, соединительный союзъ „и“. Если слово *parsîn*, заключающее фразу, есть существительное, то, по мнѣнію Клермона-Ганно, слѣдуетъ предположить, что и предшествующее ему слово *têkâl*, съ которымъ оно связано союзомъ *û*, „и“, должно быть словомъ той же категоріи, то-есть, также существительнымъ. Констатировавъ, какъ было уже указано

¹⁾ Къ этимъ тремъ примѣрамъ употребленія *двойственнаго* числа въ библейско-арамейскомъ языкѣ, приведеннымъ Клермонъ-Ганно, слѣдуетъ прибавить еще два: *garndâjin*, „рога“ (Дан. VII, 7) и *mâihâjin*, „десяти“ (Ездра, VI, 17).

выше, что арамейское слово *tēxāl* или *tēxāl* ¹⁾ представляетъ въ фонетическомъ отношеніи вполне точный эквивалентъ еврейскаго слова *šēxāl*, „сикль“, Клермонъ-Ганно приходитъ къ заключенію, что, при такихъ условіяхъ, подлсающая разъясненію фраза могла бы буквально оканчиваться слѣдующими словами:—*tēxāl ū-pharsājīn*, „— сикль и два фараса“. При этомъ предположеніи остается, однако, непонятнымъ,—что, впрочемъ, признать и самъ Клермонъ-Ганно,—при помощи какого рода ассоціаціи идей *сикль* (слово это стоитъ здѣсь въ единственномъ числѣ), составляющій очень незначительную часть мины ($\frac{1}{60}$ легкой мины или $\frac{1}{100}$ тяжелой мины), могъ бы находиться въ этой столь короткой фразѣ приведеннымъ въ соотношеніе съ *двумя фарасами*, принимая во вниманіе, что фарасъ = $\frac{1}{2}$ мины. Предполагая даже, что рѣчь идетъ о простомъ перечисленіи различныхъ единицъ вѣса,—что представляется, однако, мало вѣроятнымъ,—слѣдовало бы ожидать, что такого рода перечисленіе будетъ слѣдовать въ правильно *восходящемъ* или *нисходящемъ* ²⁾ порядкѣ, и что самый малый вѣсъ, *сикль*, будетъ слѣдовать послѣ *фараса*, подобно тому какъ послѣдній слѣдуетъ послѣ *мины*, какъ наибольшей изъ упомянутыхъ трехъ единицъ вѣса. Между тѣмъ, *сикль*, на самомъ дѣлѣ, *предшествуетъ*, въ загадочной фразѣ, *фарасу*.

¹⁾ Такъ вокализуетъ Клермонъ-Ганно слово *txl* арамейскаго текста, замѣчая: „это—та форма, которую принимаютъ въ арамейскомъ языкѣ еврейскія *сезольныя* существительныя (пошѣна *segolata*); такъ, напримѣръ, евр. *kēscrh* = арам. *kēšārḥ*, „серебро“.

²⁾ Это соображеніе внушило одно время Клермону-Ганно сомнѣніе, не обозначаетъ ли слово *рѣгъс*, „фарасъ“, собственное значеніе котораго—„половина“, вѣсто $\frac{1}{2}$ мины, очень незначительный вѣсъ въ родѣ $\frac{1}{2}$ *сикля* (евр. *bēša*); однако, онъ не счелъ возможнымъ остановиться на этой мысли, такъ какъ значеніе „ $\frac{1}{2}$ мины“ для слова *рѣгъс*, „фарасъ“, слишкомъ категорически установлено ассирійскимъ и арамейскимъ лексиконами и подтверждено самымъ вѣсомъ въ видѣ льва, на которомъ выгравировано слово *рѣгъс*, „фарасъ“, и который соответствуетъ вѣсу $\frac{1}{2}$ легкой мины. При этомъ Клермонъ-Ганно указываетъ, однако, на то обстоятельство, что греческій переводъ LXX Толковниковъ, расходясь въ этомъ случаѣ съ переводомъ Осодотіона, которому слѣдовала Вульгата, равно какъ и съ самымъ арамейскимъ оригиналомъ книги Давида, называетъ три загадочныхъ слова въ порядкѣ, болѣе соответствующемъ гипотезѣ правильно *нисходящаго* перечисленія: *Мавъ*, *Фарас*, *Отхал*. Но переводъ LXX Толковниковъ представляетъ, по отношенію ко всей книгѣ Давида, такого рода отличія отъ оригинала и, видимо, такъ удаленъ отъ послѣдняго, что нѣтъ основанія принимать въ соображеніе этотъ вариантъ и признавать за нимъ, въ данномъ случаѣ, вопреки свидѣтельствамъ несравненно высшаго порядка, авторитетъ, въ которомъ ему справедливо отказывали со временъ древности.

Клермонъ-Ганно недоумѣваетъ, какимъ образомъ найти выходъ изъ этого затрудненія, которое кажется ему безвыходнымъ, и которое, въ дѣйствительности, всецѣло основывается на присутствіи соединительнаго союза *w* (*ū*), „и“, между двумя послѣдними словами загадочной фразы, *tēḳēl* и *parsīn* (*tēḳēl ū-pharsīn*). Въ виду того, что употребленіе *scriptio continua* въ древнихъ библейскихъ рукописяхъ представляетъ доказанный фактъ, Клермонъ-Ганно высказываетъ предположеніе, что компактная группа буквъ *tḳlwpʒjn*, составляющихъ два послѣднихъ слова фразы, вмѣсто того, чтобы быть разложенной, согласно чтенію массоретскаго текста, на слѣдующія двѣ группы: *tḳl* | *wʒʒjn* = *tēḳēl ūpharsīn*, „сикль и фарасы“ (или „два фараса“), на самомъ дѣлѣ, должна быть разложена такимъ образомъ, чтобы буква *ḳw*(*ū*) относилась къ первой группѣ (*tḳl*), а не ко второй (*ʒʒjn*). Въ такомъ случаѣ, мы получимъ слѣдующія двѣ группы буквъ: *tḳlw* | *ʒʒjn* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавимся отъ столь неудобнаго здѣсь соединительнаго союза *w*(*ū*) предъ послѣднимъ словомъ фразы (*ʒʒjn* = *parsīn*). Если же отнести букву *w*(*ū*) къ первой группѣ буквъ (*tḳl*), то весь строй фразы окажется совершенно измѣненнымъ. Что могла бы означать группа буквъ *tḳlw*? Принимая во вниманіе, что мы имѣемъ дѣло съ текстомъ, арамейскій характеръ котораго слишкомъ ясно выраженъ для того, чтобы не допустить никакихъ толкованій, несогласныхъ съ грамматическимъ строемъ этого языка, мы должны принять, что группа буквъ *tḳlw* можетъ выражать двѣ глагольныя формы отъ основы *tḳl* (*tēḳāl*), „взъимивать“: 1) *tēḳālū* (perfectum, 3-е лицо множественнаго числа), „они взъесли“, или 2) *tēḳālū* (imperativus), „взъсьте“. Въ такомъ случаѣ, слово *parsīn* (или *parsājin*) оказалось бы прямымъ дополненіемъ къ глагольной формѣ *tēḳālū* или *tēḳālū*¹⁾.

Комбинируя различнымъ образомъ слова, изъ которыхъ составлена загадочная фраза, и принимая ихъ въ различныхъ грамматическихъ

¹⁾ Греческая транскрипція Μανη, Φαρελ, Фарес, каково бы ни было ея абсолютное значеніе, съ точки зрѣнія подлинной вокализаціи, предполагаемъ, по крайней мѣрѣ, относительно различіе между этими тремя словами. Слова Μανη и Φαρελ, образуя группу, характеризуемую гласной *a* перваго слога, отличаются отъ слова Φαρελ, имѣющаго въ первомъ слогѣ *e* вмѣсто *a*. Если бы переводчикъ разсматривалъ слово *tḳl* какъ стоящее въ той же грамматической формѣ, какъ и слова *mn'* и *ʒʒ*, то онъ долженъ былъ бы, повидимому, транскрибировать его чрезъ Φαρελ, а не Φαρελ. „Какъ видно,—замѣчаетъ по этому поводу Клермонъ-Ганно,—указанное различіе явно соответствуетъ тому, къ которому я былъ приведенъ, разсматривая слова *mn'* и *ʒʒ* какъ существительныя, а слово *tḳl* какъ глаголъ“.

формахъ, Клермонъ-Ганно получаетъ рядъ комбинацій, находящіяся въ зависимости отъ того, стоитъ ли глаголь *tālo* въ прошедшемъ времени (*tālū*) или въ повелительномъ наклоненіи (*tālū*). Въ первомъ случаѣ, комбинаціи будутъ слѣдующія, въ зависимости отъ того, принимать ли слово *prsjū* за множественное число (*parsīn*) или за двойственное число (*parsajin*):

mānī' mānī' tālū parsīn (или *parsajin*),

„для каждой мины они взяли фарасы (или два фараса)“.

Во второмъ случаѣ, комбинаціи будутъ слѣдующія, въ зависимости отъ того же условія:

mānī' mānī' tālū parsīn (или *parsajin*),

„для каждой мины возьмите фарасы (или два фараса)“.

„Иструдно было бы умножить эти комбинаціи, — замѣчаетъ по этому поводу Клермонъ-Ганно,—но я останавливаюсь на этомъ пути, предоставляя филологамъ, болѣе меня кропотливымъ, заботу идти далѣе впередъ. Мнѣ достаточно указать имъ этотъ путь, и я ограничусь пока слѣдующимъ заключеніемъ: два крайнихъ и существенно важныхъ слова фразы Данила представляютъ названія *двухъ единицъ вѣса*, изъ которыхъ одна *вдвое больше* другой, причѣмъ оба слова приведены въ связь между собою третьимъ среднимъ словомъ, представляющимъ или названіе третьей единицы вѣса, *сикля*, или глаголь „*взвѣшивать*“, откуда происходитъ самое названіе *сикля* (собственно: „*вѣсъ*“)“.

Приведенныя выше комбинаціи, предложенныя Клермономъ-Ганно, въ качествѣ возможныхъ рѣшеній проблемы, съ достаточной наглядностью свидѣтельствуютъ о томъ, что всѣ усилія французскаго ученаго, направленные къ тому, чтобы раскрыть истинный смыслъ загадочнаго изреченія книги Данила и понять его, выражаясь его собственными словами, какъ „*логическое цѣлое, связанную фразу, въ движеніи, живую*“, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: ни одна изъ предложенныхъ имъ съ этой цѣлью комбинацій не можетъ быть названа удовлетворительною, съ точки зрѣнія требованій *логики* и *контекста*, а, слѣдовательно, и не можетъ быть принята. Такимъ образомъ, загадочное изреченіе книги Данила такъ и осталось загадкою. Раскрывши съ достойной удивленія проникательностью *составные элементы*, образующіе его, и указавши на взаимную связь, которая должна существовать между ними, Клермонъ-Ганно остановился,

однако, на полпути, не будучи въ состояніи, выражаясь его собственными словами, „привести тѣ элементы, которые мы имѣемъ, такъ сказать, въ статическомъ состояніи, въ состояніе динамическое“. Эту задачу онъ предоставилъ послѣдующимъ изслѣдователямъ. Посмотримъ теперь, насколько послѣднимъ удалось приблизиться къ рѣшенію этой проблемы.

IV.

Появленіе въ 1886 году изслѣдованія Клермона-Ганно о значеніи загадочныхъ словъ: „Мани, Фежелъ, Фаресь“ въ книгѣ Данила произвело сенсацію въ ученомъ мірѣ. Хотя въ результатъ этого изслѣдованія, какъ мы видѣли выше, вопросъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, тѣмъ не менѣе, оно имѣло чрезвычайно важное значеніе въ принципиальномъ отношеніи, такъ какъ, съ одной стороны, обнаружило съ несомнѣнностью несостоятельность *традиціоннаго* толкованія загадочныхъ словъ и, такимъ образомъ, подорвало авторитетъ его въ глазахъ ученыхъ, а, съ другой — предложило *новое* толкованіе означенныхъ словъ и, если и не нашло рѣшенія самой проблемы, то, по крайней мѣрѣ, указало ученымъ путь къ нему. Въ виду этого, неяснень интересъ, возбужденный въ ученомъ мірѣ изслѣдованіемъ Клермона-Ганно и вызвавшій появленіе ряда критическихъ статей, посвященныхъ тому же вопросу и вышедшихъ изъ-подъ пера нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся семитологовъ новѣйшаго времени.

Изъ числа послѣднихъ раньше всѣхъ высказалъ свое мнѣніе извѣстный нѣмецкій семитологъ Нѣльдеке (Theodor Nöldeke). Въ своей рецензіи, посвященной монографіи Клермона-Ганно, Нѣльдеке признаетъ, что, хотя въ результатъ изслѣдованія французскаго ученаго, слова *mēnē*, *mēnē*, *lēxāl ūpharzīn* попрежнему остались *загадочными*, какими они, впрочемъ, должны быть *a priori*, по самой своей сущности, однако послѣдній вполне доказалъ, что въ этихъ словахъ слѣдуетъ видѣть обычные наименованія различныхъ единицъ вѣса. Для объясненія этимологіи первыхъ двухъ словъ, *маны* и *сикля*, достаточно, по мнѣнію Нѣльдеке, простого значенія арамейскихъ корней *mn'* (глагольная основа *mēnā*), „считать“, и *lql* (глагольная основа *lēxāl*), „взвѣшивать“, но, что касается объясненія этимологіи третьяго слова, *фараса*, то глагольная основа *pērās*, „колоть, раскалывать“, какъ замѣчаетъ Нѣльдеке вышла изъ употребленія въ арамейскомъ языкѣ, между тѣмъ

какъ производное отъ нея существительное *pērās*, въ значеніи особой единицы вѣса, *фараса* или *полмины*, было употребительно у евреевъ еще въ талмудическую эпоху, какъ это явствуетъ изъ примѣровъ, приведенныхъ у Леви ¹⁾. По этому поводу Нёльдеке съ обычнымъ совершенствомъ, характеризующимъ его лингвистическія работы, подвергаетъ обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ о значеніи корней *prś* (съ конечнымъ *šin*) и *prš* (съ конечнымъ *sāmekh*), равно какъ и производныхъ отъ нихъ словъ, въ различныхъ семитическихъ языкахъ. Интересно также указаніе Нёльдеке, что нѣкоторые еврейскіе средне-вѣковые комментаторы книги Даніила были близки къ правильному объясненію загадочныхъ словъ, хотя и не нашли его; и съ этимъ объясненіемъ, по мнѣнію Нёльдеке, согласуются вполне точно традиціонныя формы, что Клермономъ-Ганно недостаточно принято было въ соображеніе... „Такимъ образомъ, — заключаетъ Нёльдеке свою рецензію, — загадочныя слова обозначаютъ: „мина, мина, сикль и фарасы“. Это остается, какъ сказано, *загадкою*: ни одна изъ комбинацій, предложенныхъ Клермономъ-Ганно съ цѣлью внести въ эти слова *связный* смыслъ, не удовлетворяетъ насъ. Однако *буквальный* смыслъ означенныхъ словъ не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и соотвѣтствующее ему толкованіе, данное въ 26-мъ и слѣдующихъ стихахъ“ ²⁾.

Вслѣдъ за рецензіей Нёльдеке появилась въ томъ же самомъ журналѣ— *Zeitschrift für Assyriologie*— рецензія другого нѣмецкаго семитолога, *Гоффманна* (Georg Hoffmann). Послѣдній, прежде всего, признаетъ, вмѣстѣ съ Нёльдеке, что Клермонъ-Ганно далъ ключъ къ объясненію загадочнаго изреченія книги Даніила (V, 25), хотя и не рѣшилъ самой проблемы. Съ своей стороны, Гоффманнъ предлагаетъ слѣдующее объясненіе загадочныхъ словъ: „мина, мина въ сикляхъ, и (два) фарасы“. Такимъ образомъ, Гоффманнъ соединяетъ второе *тѣнā'*, „мина“, съ слѣдующимъ за нимъ словомъ *tēkēl*, „сикль“, въ одно выраженіе: *тѣнā' tēkēl*, „мина въ сикляхъ“, служащее приложеніемъ къ первому *тѣнā'*, „мина“. Что касается выраженія: „мина въ сикляхъ“, то Гоффманнъ ссылается на Madden'a, который говоритъ: „древнія монеты всегда чеканились ниже ихъ номинальнаго вѣса“ ³⁾; вслѣдствіе этого посредствомъ повторнаго взвѣшиванія приводили въ извѣст-

¹⁾ Levy, *Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch*, s. v. *prś* (*pērās*).

²⁾ Theodor Nöldeke, *Menē tekēl upharšin*, въ *Zeitschrift für Assyriologie*, I Band, 1886, S. 414—418.

³⁾ Madden, *Jewish Coinage*, London 1864, p. 274 и *passim*.

ность, насколько дѣйствительный вѣсъ монетъ былъ ниже ихъ номинальнаго вѣса ¹⁾.

То обстоятельство, что въ 27-мъ стихѣ слово *tēxēl*, „сикль“, повторено одно, вмѣсто выраженія: *tēnā' tēxēl*, „мина въ сикляхъ“, какъ слѣдовало бы ожидать, согласно объясненію загадочныхъ словъ, предложенному Гоффманномъ, послѣдній объясняетъ тѣмъ, что центръ тяжести толкованія лежитъ на словѣ *tēxēl*, „сикль“; точно также въ 28-мъ стихѣ слово *rēgās*, „фарасъ“, стоитъ въ единственномъ числѣ, въ виду его созвучія съ словомъ *rēgās*, „персы“, вмѣсто множественнаго числа *parsin*. Послѣднее слово, судя по смыслу, несмотря на вѣдшую форму множественнаго числа, обозначаетъ, по Гоффманну, несомнѣнно, „два фараса“: это доказываетъ толкованіе, относящееся къ раздѣлу царства Валтасара между мидяниномъ (Даріемъ) и персомъ (Киромъ). Двойственное число только не произносилось, потому что оно, въ этомъ случаѣ, какъ и въ *'iddānīn* (Дан. VII, 25), равно какъ и въ соотвѣтствующемъ ему *tō'adīm* въ еврейской части книги Даниила (XII, 7), противъ аналогіи языка, какъ очень хорошо замѣтилъ Нельдеке (l. c., p. 416). Изъ присовокупленія слова *tēxēl*, сикль, къ слову *tēnā'*, мина, образующаго, согласно объясненію Гоффманна, выраженіе *tēnā' tēxēl*, „мина въ сикляхъ“, явствуетъ, что подъ *миной* и *фарасами* подразумѣваются денежные единицы или монеты, въ родѣ персидскаго таланта изъ Абидоса. Мнѣніе Нельдеке, что слово *prs* (*rēgās?*), *фарасъ*, выгравированное на бронзовомъ вѣсѣ, въ видѣ льва, изъ Ниневіи, представляетъ слово *ассирійскаго* происхожденія (*parasi*), заимствованное арамейскимъ языкомъ, подтверждается, по мнѣнію Гоффманна, тѣмъ, что для слова *prs* значеніе „половина“ удостоверяется только по отношенію къ существительному *rēgās*, *фарасъ* = $\frac{1}{2}$ мины, между тѣмъ какъ вообще слово это, соотвѣтственно значенію самаго корня, отъ котораго оно происходитъ, обозначаетъ только „часть, обломокъ“.

Что касается „смѣшенія діалектовъ“ на ассирійскихъ вѣсахъ изъ Ниневіи, на которое указываетъ Нельдеке, то Гоффманнъ находитъ это явленіе довольно понятнымъ, если принять во вниманіе, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ то же самое содержаніе выражено финикійскимъ шрифтомъ два раза, на *арамейскомъ* и *финикійскомъ* языкахъ. Такъ, напримѣръ, на одномъ вѣсѣ (Madden, l. c., p. 259) надпись: „минъ V двойныхъ страны“ выражена *по-арамейски*, затѣмъ съ поста-

¹⁾ F. Hultsch, *Griechische und römische Metrologie*, 1882, § 42, 14.

новой числительного вперед: „*илтъ мнѣ царскихъ*“—*по-финикійски*, наконецъ, то же самое—*по-ассирійски*. На пѣвоторыхъ вѣсахъ (Madden, *l. c.*, p. 261) надпись только финикійская, даже по орфографіи; тѣ же самыя единицы вѣса называются „*царскими*“ для финикійскихъ купцовъ. Такъ какъ для царскаго толмача, состоявшаго при ассирійскомъ дворѣ, арамейскій языкъ былъ понятнѣе финикійскаго ¹⁾, то онъ смѣшалъ не только орфографію, но и языкъ. Такимъ образомъ, и начертаніе *šqln* (šiqḷin), *сиқли*, съ буквой *š* (šin) въ началѣ слова, вмѣсто *ṭqln* (ṭiqḷin), *сиқли*, съ буквой *t* (tāw), можно было бы также приписать принятію въ соображеніе финикійскихъ торговцевъ слово [*сиқль* пишется по-финикійски, какъ и по-еврейски, *šql* (šéqel), между тѣмъ какъ арамейская форма того же слова пишется *ṭql* (ṭéqél?)]. Однако, не исключена также возможность, что начертаніе *šql*, вмѣсто обычно-арамейскаго *ṭql*, въ видѣ ли глагольной основы *šəqál* (=ṭéqál), *взвѣшивать*, или именной основы *šəqél* (=ṭéqél?), *сиқль* [на ассирійскихъ вѣсахъ изъ Пиневіи слово это встрѣчается обыкновенно въ формѣ множ. числа *šqln* (šiqḷin, *сиқли*), было въ такой же степени *арамейскимъ*, какъ и начертаніе относительнаго мѣстоименія, которое на тѣхъ же вѣсахъ имѣетъ форму *zī*, вмѣсто обычно-арамейской формы *dī*. Ибо какъ въ еврейскомъ, такъ и въ арамейскомъ языкѣ болѣе ранней эпохи буквы *z* (zājin), *š* (šin), *ṣ* (ṣādē), *ʿ* (ʿajin) выражали, вѣроятно, различные звуки: такъ, согласно архаической орфографіи, буква *z* могла выражать звукъ, средний между *d* и *z*, а буква *š*—звукъ, средний между *t* и *š* ²⁾.

Послѣднее замѣчаніе, какъ увидимъ ниже, заслуживаетъ вниманія; соображенія же Гоффманна относительно мнимаго употребленія на ассирійскихъ вѣсахъ изъ Пиневіи *финикійскаго* языка, одного или на ряду съ арамейскимъ языкомъ, представляются лишними основанія: тѣ формы, которыя Гоффманнъ принимаетъ за *финикійскія*, на самомъ дѣлѣ, чисто *арамейскія*, какъ, напримѣръ, начертаніе *mn* (mēnāh), *мина*, на вѣсахъ изъ Пиневіи, представляющее только болѣе древнюю орфографію формы status emphaticus (съ *h* на концѣ) ³⁾, сравнительно съ позднѣйшимъ начертаніемъ *mn'* (mēnā'), *мина*, фигурирующимъ въ цитированномъ мѣстѣ Даніила (V, 25—26) и представляющимъ обычно-арамейскую орфографію формы status emphaticus

¹⁾ См. стр. 312—313.

²⁾ Georg Hoffmann, *Namen und Sachen*. I. *Mene, mene, tekél upharsin*, въ *Zeitschrift für Assyriologie*, II. Baud, 1887, S. 45—48.

³⁾ E. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 50, Anm. 3.

(съ ' [aleph] на концѣ). Столь же неосновательно предложенное Гоффманномъ соединеніе второго *тѣнā*, *мина*, въ загадочномъ изреченіи, съ слѣдующимъ за нимъ словомъ *тѣхѣл*, *сикль*, въ одно выраженіе, служащее *приложеніемъ* къ первому *тѣнā*, *мина*, каковое объясненіе не выдерживаетъ критики даже съ чисто-грамматической точки зрѣнія, такъ какъ выраженіе *тѣнā тѣхѣл* не можетъ обозначать по-арамейски: „*мина въ сикляхъ*“, какъ принимаетъ Гоффманнъ. Вполнѣ естественно, что всѣ повѣйшіе комментаторы книги Даниила должны были затронуть вопросъ о *новомъ* толкованіи загадочныхъ словъ, предложенномъ Клермономъ-Ганно въ 1886 г., сравнительно съ *традиционнымъ* толкованіемъ. Первый изъ нихъ по времени, *Мейнгольдъ* (J. Meinhold), въ своемъ комментарий къ книгѣ Даниила, вышедшемъ въ 1889 г. ¹⁾, ограничился простымъ упоминаніемъ о *новомъ* толкованіи, которое незадолго до того начало распространяться въ ученыхъ кругахъ.

Слѣдующій по времени комментаторъ книги Даниила *Бивэнъ* (A. A. Bevan), комментарий котораго вышелъ въ 1892 году ²⁾, принимаетъ толкованіе Клермона-Ганно въ приведенной выше формѣ: „*мина, мина, сикль и фарасы*“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Бивэнъ указываетъ на то, что, подобно тому, какъ книга Даниила вообще основана на традиціяхъ, такъ и, въ частности, загадочная надпись была данной частью традиціи. Именно, Бивэнъ предполагаетъ, что загадочное изреченіе 25-го стиха не было произвольно вымышлено библейскимъ авторомъ, который навѣрно употребилъ бы прямо *pērés*, вмѣсто *ū-pharsîn*, по аналогіи съ предшествующими ему *тѣнā* и *тѣхѣл*, но заимствовано изъ какого-либо другого источника въ опредѣленной формѣ, и что толкованіе, данное въ 26—28 стихахъ, представляетъ не заботящуюся о грамматикѣ попытку придать изреченію смыслъ, приличествующій случаю. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ предположить, что только отношеніе, въ которомъ это изреченіе уже стояло къ событію, могло побудить автора книги Даниила воспользоваться имъ въ своемъ рассказѣ.

Въ противоположность названнымъ выше ученымъ, Нельдеке, Гоффманну и Бивэну, *Берлингъ* (G. Behrmann), въ своемъ коммен-

¹⁾ Samuel Oettli und J. Meinhold, *Die geschichtlichen Hagiographen und das Buch Daniel*, Nördlingen 1889 (Kurzgefasster Kommentar zu den heiligen Schriften des Alten und Neuen Testaments, herausgegeben von H. L. Strack und O. Zöckler, Abteilung VIII).

²⁾ A. A. Bevan, *A Short Commentary on the Book of Daniel*, Cambridge 1892.

таріи къ книгѣ Даниила, вышедшемъ въ 1894 г., высказывается *противъ* толкованія Клермона-Ганно ¹⁾. По мнѣнію Берманна, противъ этого толкованія можно привести слѣдующіе аргументы: 1) арамейскій языкъ болѣе древней эпохи имѣетъ еще форму *šql* (šēqēl (?))=евр. šēqel) для обозначенія *сикля*, вмѣсто позднѣйшей формы *ql* (tēqēl), какъ это удостовѣрено древнѣйшими арамейскими надписями, найденными въ Зенджирли (Zengirli), на крайнемъ сѣверѣ Сиріи ²⁾, и на мѣстѣ древней Пиневіи ³⁾; 2) при перечисленіи монетъ [явля *единицъ* *вѣса*, что одно и то же въ семитическихъ языкахъ] нельзя было бы ожидать упоминанія самой малой монеты, *сикля*, посреди двухъ болшихъ, *мины* и *фараса*; 3) нѣтъ возможности указать какую-либо причину, которая могла бы объяснить неожиданное появленіе упомянутыхъ выраженій для обозначенія денежныхъ единицъ въ загадочномъ изреченіи книги Даниила. „Такимъ образомъ,—заключаетъ Берманнъ свою аргументацію—мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ заманчивой случайностью, легко объясняющеюся, впрочемъ, тѣмъ, что выраженія: „считать“, „взвѣшивать“ и „разбивать“, отъ которыхъ взяты названія упомянутыхъ монетъ, были здѣсь наиболѣе подходящими для образнаго употребленія“. Что касается частныхъ, то Берманнъ полагаетъ, что повтореніе въ массоретскомъ текстѣ слова *тѣнѣ*, которое Септуагинта, Феодотіонъ и Иеронимъ (Вульгата) читали только одинъ разъ, объясняется тѣмъ, что на немъ лежитъ центръ тяжести всего изреченія. Далѣе, по мнѣнію Берманна, которое, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, отнюдь не представляетъ новизны, выраженія: *tēqēl* въ 25-мъ и 27-мъ стихахъ и *pēqēs* въ 28-мъ стихѣ слѣдуетъ разсматривать какъ стоящія вмѣсто *tēqēl* и *pēqēs* (глагольная форма *pē'ēl*) по причинѣ созвучія съ предшествующимъ *тѣнѣ* въ 25-мъ (bis) и 26-мъ стихахъ ⁴⁾. Наконецъ, слово *parsin* не слѣдуетъ переводить, по обыкновенію, чрезъ „разбивающіе“, какъ переводитъ его еще Гольцманнъ (Oskar Holtzmann) ⁵⁾, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы ожидать формы *pārēsīn*, а не *parsin*, какъ оно вокализировано въ массоретскомъ текстѣ; на самомъ

¹⁾ Georg Behrmann, *Das Buch Daniel*, Göttingen 1894, S. 36—37 (Nowack's Handkommentar zum Alten Testament, III. Abtheilung, 3. Band, 2. Theil).

²⁾ *Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen der Königlichen Museen zu Berlin*, Heft XI: *Ausgrabungen in Sendschirli*. I. Einleitung und Inschriften. Berlin 1893, S. 73.

³⁾ *Corpus Inscriptionum Semiticarum*, pars II, №№ 13—14.

⁴⁾ См. стр. 308, прим. 2.

⁵⁾ См. стр. 310, прим. 3.

дѣлѣ, слово это, какъ его понимали уже сирійскіе и еврейскіе толкователи, есть *существительное*, множ. ч. отъ слова *pérás, fragmentum* ¹⁾, которое часто употребляется въ Талмудѣ въ значеніи *полмины* или „*фараса*“, въ каковомъ значеніи, впрочемъ, оно встрѣчается уже въ одной древне-арамейской надписи ²⁾. На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, Берманнъ отвергаетъ *новое* толкованіе загадочныхъ словъ, предложенное Клермономъ-Ганно, и возвращается къ *традиціонному* толкованію, отчасти видоизмѣненному лишь въ отношеніи послѣдняго слова: „*сочтено, сочтено, взвѣшено и—куски*“ ³⁾.

Слѣдующій по времени комментаторъ, американскій ученый *Прайнсъ* (J. D. Prince), въ своемъ комментаріи къ книгѣ Даниила, вышедшемъ въ 1899 г. ⁴⁾ и дающемъ вообще богатѣйшій матеріалъ для объясненія V главы этой книги, приводитъ, между прочимъ, объясненіе загадочныхъ словъ, предложенное нѣмецкимъ ассириологомъ и семитологомъ *Гауптомъ* (Paul Haupt), занимающимъ кафедру семитическихъ языковъ въ одномъ изъ американскихъ университетовъ. Гауптъ принимаетъ толкованіе Клермона-Ганно, но дѣлаетъ къ нему слѣдующую существенную поправку: первое изъ двухъ тождественныхъ по начертанію словъ *тѣнѣ́*, *тѣнѣ́*, по Гаупту, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *participium passivum* отъ глагола *тѣнѣ́*, *считать*, что даетъ всему изреченію слѣдующій смыслъ: „*сочтено: мина, сикль и два фараса*“, — таковъ былъ результатъ расчета съ Вавилономъ. Указавши, далѣе, на то, что въ Талмудѣ сынъ, который стоитъ *ниже* своего отца, обозначается выраженіемъ: „*фарасъ, сынъ мины*“ ⁵⁾, Гауптъ, на этомъ основаніи, а также принимая во вниманіе странный порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ названія различныхъ единицъ вѣса въ загадочномъ изреченіи, высказываетъ предположеніе, что *мина*, самый большой вавилонскій вѣсъ, представляетъ символъ великаго вавилонскаго царя *Навуходоносора*, между тѣмъ какъ *сикль*, который настолько ниже мины по вѣсу, есть символъ *Валтасара*, и что *два фараса* обозначаютъ двойственное царство *мидо-персовъ*, которое не уступаетъ царству Навуходоносора, хотя и является раздѣльнымъ. Согласно этому объясненію, загадочныя слова представляютъ, повидимому, ходячее из-

¹⁾ E. Kautsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 54, 3, a, a.

²⁾ *Corpus Inscriptionum Semiticarum*, pars II, № 10.

³⁾ G. Behrman, l. c., S. 36—37: „*Gezählt, gezählt, gewogen und—Stücke*“.

⁴⁾ J. D. Prince, *A Critical Commentary on the Book of Daniel*, New-York 1899.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 113, note.

реченіе, которое, въ остроумной формѣ слагаемыхъ сложения: „мина (Навуходносоръ), сикль (Валтасаръ) и два фараса (мидо-персы)“, резюмируетъ исторію халдейскаго царства отъ его возвышенія при *Навуходносоръ* до паденія при *Валтасаръ* и взятія Вавилона *персами*. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Гаупта, означенное изреченіе, какъ обнаруживающее тотъ же самый неправильный взглядъ на прошлую исторію Халден, какъ и книга Даниила вообще, возникло не тотчасъ послѣ побѣды персовъ, и притомъ, въ іудейскихъ кругахъ, въ которыхъ проverbsальное употребленіе наименованій различныхъ единицъ вѣса для опредѣленія нравственнаго достоинства историческихъ личностей встрѣчается также еще и въ болѣе позднюю эпоху, какъ это явствуетъ изъ различныхъ выраженій, приводимыхъ въ Талмудѣ ¹⁾.

Слѣдующій по времени комментаторъ, англійскій ученый *Драйверъ* (S. R. Driver), въ своемъ комментарий къ книгѣ Даниила, вышедшемъ въ 1900 г. ²⁾, принимаетъ толкованіе Клермона-Ганно съ вышеуказанной поправкой Гаупта.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ оригинальная попытка объясненія загадочныхъ словъ, предложенная въ томъ же 1900 г. другимъ англійскимъ ученымъ *Листеромъ* (J. M. Lister) ³⁾. Листеръ переводитъ загадочное изреченіе книги Даниила слѣдующимъ образомъ: „считай мину, сикль и (его) части“ ⁴⁾; къ этому переводу онъ присовокупляетъ слѣдующее толкованіе: такъ какъ мина содержитъ 60 сиклей, то сумма, имѣющая быть подсчитанною, составляетъ: „мина (= 60 сиклей) + сикль + части (его)“, т. е., сикля, что даетъ въ итогѣ сумму, равную, „приблизительно, 62 сиклямъ“. На основаніи этого вывода, Листеръ высказываетъ слѣдующія соображенія: „Непосредственно за этимъ мы узнаемъ, повидимому, безъ при-

¹⁾ Levy, *Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch*, s. v. *מנה*(*mānēh*) и *פרס*(*pērsās*).

²⁾ S. R. Driver, *Commentary on the Book of Daniel*, въ *The Cambridge Bible for Schools and Colleges*, 1900.

³⁾ J. M. Lister въ *The Expository Times*, 1900, p. 234.

⁴⁾ „*Reckon a maneh, a shekel, and its parts*“. Понимать первое изъ двухъ тождественныхъ по начертанію *mēnē* въ смыслѣ повелительнаго наклоненія отъ глагола *mēnā*, *считать*, позволяеть форма *שֶׁ* (Кафра, V, 15), *imperativus* отъ *נָבֵא*, *моднмать*. Точно такъ же слово *רַגְלֵי* можетъ быть переведено чрезъ: „части“ (множ. ч. отъ *pēraś*, „часть, обломокъ“); что же касается опущенія мѣстоименнаго суффикса (прономен possessivum), легко подразумеваемого изъ связи, то примѣры подобнаго рода брахилогін, встрѣчающіеся въ еврейскомъ языкѣ, собраны Кѣнигомъ (Ed. König) въ его трудѣ: „*Stilistik, Rhetorik, Poetik*“, 1900, S. 198 ff.

чины, что Дарій Мидяннинъ имѣлъ отъ роду „около 62-хъ лѣтъ“, когда онъ принялъ бразды правленія въ Вавилонѣ. Буквальный смыслъ надписи, начертанной на стѣнѣ рукою, могъ, слѣдовательно, какъ я предполагаю, быть тайнописью, указывающею *число* или количество лѣтъ Дарія Мидяннина. Подобнаго рода тайнопись была бы вполне въ духѣ мудрости той эпохи, и, если Дарій Мидяннинъ былъ тотъ *Губару* или *Гобрій* (Gubaru = Gobruas)¹⁾, который, согласно вышеупомянутому извѣстію анналовъ Набонида, лично наналъ на „сына царя“ (т. е. Валтасара) и убилъ его, то онъ въ тотъ самый моментъ, когда показалась та тайнопись, долженъ былъ приближаться ко дворцу наследника престола, чтобы чрезъ умерщвленіе Валтасара, отецъ котораго, Набонидъ, за четыре мѣсяца предъ тѣмъ былъ взятъ въ плѣнъ, устранить съ пути послѣднее препятствіе къ занятію вавилонскаго престола его господиномъ Киромъ“. Какъ видно изъ этого изложенія, Листеръ даетъ новому толкованію загадочныхъ словъ, предложенному Клермономъ-Ганно, совершенно неожиданный оборотъ.

Слѣдующій по времени комментаторъ, швейцарскій ученый *Марти* (K. Marti), въ своемъ комментарий къ книгѢ Даниїла, вышедшемъ въ 1901 г.²⁾, также принимаетъ толкованіе Клермона-Ганно. По мнѣнію Марти, противъ обыкновеннаго перевода: „сочтено, сочтено, взвѣшено и — куски“ говоритъ, прежде всего, произношеніе *tékél* вмѣсто *tékil*, „взвѣшено“ (глагольная форма *pé'il*); предположеніе, что слово это вокализировано такъ по причинѣ созвучія съ предшествующимъ *téné'*, есть только натяжка, которая, въ такомъ случаѣ, должна имѣть значеніе также и для слова *pé'és*, гдѣ, однако, созвучіе не такъ близко. Далѣе, объясненіе загадочныхъ словъ, данное въ 26—28 стихахъ, не принимаетъ въ соображеніе *повторенія* слова *téné'* и замѣняетъ слово *ū-pharsîn* просто посредствомъ *pé'és*. Связь между точнымъ текстомъ надписи и ея толкованіемъ, слѣдовательно, не тѣсна; поэтому Марти принимаетъ предположеніе Бивэна, согласно которому загадочное изреченіе 25-го стиха не было произвольно вымышлено библейскимъ авторомъ (онъ навѣрно употребилъ бы прямо *pé'és* вмѣсто *ū-pharsîn*), но заимствовано имъ изъ какого-либо другаго источника въ опредѣленной формѣ, и что толкованіе, данное въ 26—28 стихахъ, пред-

¹⁾ Такъ называется онъ у Ксенофонта, въ Киропедіи см. стр. 301, прим. 1.

²⁾ Karl Marti, *Das Buch Daniel*, Tübingen und Leipzig 1901, S. 40—41 (Kurzer Hand-Commentar zum Alten Testament, herausgegeben von K. Marti, Abteilung XVIII).

ставляетъ не заботящуюся о грамматикѣ попытку придать изреченію смыслъ, приличествующій случаю. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ предположить, что только отношеніе, въ которомъ это изреченіе уже стояло къ событію, могло побудить автора книги Даниила воспользоваться имъ въ своемъ разсказѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Клермонъ-Ганно доказалъ, что загадочное изреченіе составлено, въ дѣйствительности, изъ названій различныхъ единицъ вѣса, не слѣдуетъ впредь, оставляя пока въ сторонѣ повтореніе слова *mēnē'*, переводить означенное изреченіе иначе, чѣмъ: „*мина, сикль и фарасы*“; такъ, въ общемъ, переводятъ его Нѣльдеке, Гоффманнъ, Биванъ, Гауптъ и Прайнсъ, между тѣмъ какъ Берманнъ склоненъ усматривать въ упомянутомъ совпаденіи съ названіями различныхъ единицъ вѣса только „заманчивую случайность“. Дѣйствительно, слово *mn'* (*mēnē'*), тождественное съ словомъ *mnh* (*mēnāh*), эпиграфически засвидѣтельствованнымъ уже для ранней эпохи ¹⁾, точно соотвѣтствуетъ еврейскому *mānāh* (Иезекиль, XIV, 12; Ездра, II, 69), „*мина*“ (ср. греч. *μνα*; въ сирийскомъ языкѣ удостовѣрено только въ формѣ *status emphaticus* *manjā*). Далѣе, слово *tēxēl* столь же несомнѣнно тождественно съ еврейскимъ *šēxel*, „*сикль*“ (*status emphaticus* его звучитъ въ Таргумѣ Онкелоса къ Исходу, XXXVIII, 26, *tiḫlā*); форма *šxl* (*šēxāl* или *šēxēl*?) въ древне-арамейскихъ надписяхъ не есть препятствіе для отождествленія слова *tēxēl* съ еврейскимъ *šēxel*, „*сикль*“. Наконецъ, слово *prś* можетъ быть формой множественнаго или даже *двойственнаго* числа ²⁾ отъ *prēs*; возможно, впрочемъ, что вокализация и того, и другого слова невѣрна ³⁾. Безъ сомнѣнія, однако, слово *prś* (*prēs* вмѣсто *prēs*) соотвѣтствуетъ встрѣчающемуся въ одной древне-арамейской надписи изъ Зенджирли (VIII вѣкъ до Р. Хр.) слову *prś* (*prēs*?), которое обозначаетъ извѣстную мѣру или вѣсъ, и выраженію *prēs*, служащему въ Мишиѣ для обозначенія *полмины*, и, не смотря на другое написаніе, съ нимъ тождественно слово *prś* (*prēs*?), выгравированное на одномъ древне-ассирійскомъ вѣсѣ изъ Ниневіи. Если сравнить взаимное отношеніе этихъ различныхъ единицъ вѣса или монетъ, то *сикль* есть шестидесятая, а въ болѣе позднее время (ср.

¹⁾ S. A. Cook, *A Glossary of the Aramaic Inscriptions*, Cambridge 1898, s. v. *mnh*.

²⁾ K. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896, § 69, a, 3.

³⁾ *Ibid.*, II. Teil: 1) *Texte*, S. 33, zu Dan. V, 25, Anm. 1; V, 28, Anm. 1; 2) *Glossar*, s. v. *prēs*, S. 78—79.

Иезекииль, XI.V, 12) пятидесятая часть *мины*; напротивъ, *prs* (pèrās), *фарасъ*, представляетъ гораздо большую часть мины, именно, *полмины*, откуда слѣдуетъ, что *prśîn*, во всякомъ случаѣ, обозначаетъ два *фараса* = 1 минѣ. Странный порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ эти названія, придаетъ, по мнѣнію Марти, большую вѣроятность приведенному выше предположенію Гаупта, согласно которому *мина* представляетъ символъ Навуходоносора, *сикль*—Валтасара, а два *фараса*—двойственного мидо-персидскаго царства. вмѣстѣ съ тѣмъ, Марти принимаетъ также предложенное Гауптомъ объясненіе перваго изъ двухъ тождественныхъ по начертанію словъ *тѣнѣ́*, *тѣнѣ́* въ качествѣ *participium passivum* отъ глагола *тѣнѣ́*, „считать“, что придаетъ загадочному изреченію слѣдующій смыслъ: „сочтено: мина, сикль и два фараса“,—таковъ былъ результатъ расчета съ Вавилономъ.

За Марти слѣдуетъ Кёнигъ (Ed. König), авторъ капитальныхъ трудовъ по библейской экзегетикѣ и филологіи. Въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Mené, tené, texel upharsin*“, напечатанной въ концѣ 1901 г. въ одномъ нѣмецкомъ богословскомъ журналѣ ¹⁾, Кёнигъ подвергаетъ обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ о значеніи загадочныхъ словъ книги Даніила.

„Въ методѣ экзегетики Ветхаго Завѣта составляетъ азбучную истину,—замѣчаетъ Кёнигъ,—что повсюду долженъ быть поставленъ вопросъ, не имѣетъ ли консонантный текстъ въ виду другое произношеніе и другой смыслъ, чѣмъ это выражено въ пунктаціи. Поэтому этотъ вопросъ по справедливости предложенъ въ новѣйшее время также по отношенію къ часто цитированнымъ словамъ: *тѣнѣ́*, *тѣнѣ́*, *тѣxel upharsin*. Именно, Марти ²⁾ недавно пытался обосновать утвержденіе, что консонантный текстъ, предлежащій въ кн. Дан. V, 25, не можетъ имѣть въ виду произношеніе и толкованіе, которыя даны загадочнымъ словамъ въ 26—28 стихахъ и, на основаніи этого, пунктаторами. Этого нельзя, однако, утверждать въ полномъ объемѣ, въ какомъ разумѣтъ это Марти. Ибо писецъ согласныхъ могъ разумѣтъ подъ словомъ *txl* 3-е лицо единственнаго числа мужескаго рода глагольной формы страдательнаго залога *téxl*, созвучной съ страдательнымъ причастіемъ (*téxl*) ³⁾; онъ могъ, однако, имѣть въ виду и созвучный съ

¹⁾ *Neue Kirchliche Zeitschrift*, 1901, 12. Heft, S. 949—957.

²⁾ K. Marti, *l. c.*, S. 40.

³⁾ Обыкновенно эта форма пишется съ буквой *š* (*šjd*); встрѣчаются, однако, формы безъ *jd*: *šhīb*, „данъ былъ“ (Дан. VII, 14, 22); *šlīm* „оконченъ былъ“ (Ездра V, 16). Такъ, именно, въ критическомъ изданіи книги Даніила Baer-Delitzsch'a (S. Baer Libri

tāḫīl непреходный глаголь *tāḫā*, съ которымъ чередуется произношеніе *tāḫēl* ¹⁾, по причинѣ созвучія словъ *mēnē*, *mēnē* и *tāḫēl*. Далѣе, Кёнигъ выполнѣ соглашается съ мнѣніемъ Марти, что писецъ согласныхъ, если бы онъ намекалъ на *pēḫēs*, какъ это выражено въ 28-мъ стихѣ, „навѣрно поставилъ бы прямо единственное число *pēḫēs*“ (вмѣсто множественнаго числа *parsīn*). „Въ этомъ онъ (т. е. Марти) правъ,—замѣчаетъ Кёнигъ,—пбо *pēḫēs* было бы созвучно съ предшествующими словами (*mēnē*, *mēnē*, *tāḫēl* *pēḫēs*), равно какъ могло бы также быть отнесено къ *раздѣлу* (*pēḫēs* вмѣсто *pēḫīs*, „раздѣлено“) халдейскаго царства между Мидіей и Персіей (*Pārās*), и странное различіе между *pēḫēs* (25-й стихъ) и *pēḫēs* (28-й стихъ) было бы устранено. Точно также не лишено значенія и доказательство Марти, что, въ отличіе отъ *mēnē*, *mēnē* (25-й стихъ), толкованіе 26—28 стиховъ принимаетъ въ соображеніе только *одно mēnē*“.

„Но совершенно другой вопросъ, можно ли изъ этихъ различій между составомъ согласныхъ, подлежащимъ въ 25-мъ стихѣ, и толкованіемъ, даннымъ въ 26—28 стихахъ, вывести больше заключеній, чѣмъ принято было раньше другими изслѣдователями. Уже прежде неоднократно указывали на то, что, подобно тому какъ книга Даниила вообще основана на традиціяхъ, такъ и, въ частности, надпись, о которой идетъ рѣчь, была данною частью традиціи ²⁾).

„Затѣмъ, уже прежде обращали вниманіе также на то, что слово *parsīn* есть существительное, и что между нимъ и словомъ *pēḫēs*, стоящимъ въ 28-мъ стихѣ, существуетъ, какъ само-собою разумѣется, формальное различіе ³⁾. Но можно ли изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ вывести заключеніе, что переданное согласными изреченіе должно имѣть существенно другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который данъ былъ ему въ толкованіи 26—28 стиховъ“?

По мнѣнію Кёнига, *противъ новаго* толкованія загадочныхъ словъ, предложеннаго Клермономъ-Ганно, можно привести слѣдующіе аргу-

Danielis, Esrae et Nehemiae textum masoreticum accuratissime expressit. Cum praefatione Franc. Delitzsch et glossis babyloniciis Fred. Delitzsch. 1882). См. E. Kautsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 29, 3. Anm.; ср. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896, II. Teil, S. 41.

¹⁾ Это видно изъ примѣровъ, статистически вполне точно собранныхъ у E. Kautsch'a, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, § 25, а, β.

²⁾ Такъ, именпо, Биванъ (A. A. Bevan), см. стр. 329.

³⁾ Такъ, именпо, Берманнъ (G. Behrman), см. стр. 331.

монты: 1) въ арамейскихъ надписяхъ для выраженія „мина“ засвидѣтельствована только форма *mlh* (mēnāh) съ буквой *h* на концѣ ¹⁾ [вмѣсто формы *ml'* (mēnā', а не mēnē'), фигурирующей въ кн. Дан. V, 25 (bis), 28], на какую форму указываетъ также сирійское *manjā* ²⁾; 2) въ арамейскихъ надписяхъ имѣется также только форма *šql* (šēqāl или šēqāl') для выраженія „сикль“, вслѣдствіе чего начальная буква этого слова *š* (šin) служитъ аббревіатурой для обозначенія *сиклей* [*š*=*šqln* (šiqīn), „сикли“; въ арамейскихъ надписяхъ это слово встрѣчается обыкновенно во множественномъ числѣ ³⁾]; 3) символическое обозначеніе мидо-персидскаго царства въ видѣ „*двухъ фарасовъ*“ кажется Кёнигу неестественнымъ. Ибо, подобно тому какъ „сикль“ указываетъ на незначительность (личныхъ) дѣяній Валтасара, такъ это должно было бы быть и съ „миной“, какъ символомъ Навуходоносора, и, въ такомъ случаѣ, выраженіе „*два фараса*“ не могло бы относиться къ царствамъ. Но, если эти „*два фараса*“ были символами для властителей мидійскаго и персидскаго царствъ, то было бы несоответственно оцѣнить Кира, по отношенію къ Навуходоносору, символомъ котораго является *мина*, въ качествѣ менѣе значительнаго властителя, символизируемаго *фарасомъ* ($\frac{1}{2}$ мины). Къ тому же, символическое обозначеніе мидо-персидскаго царства въ видѣ „*двухъ фарасовъ*“ наложило бы все-таки на него пятно и говорило бы о его раздѣльности вмѣсто того, чтобы рѣчь шла о раздѣлѣ *халдейскаго* царства. „Однимъ словомъ,—заключаетъ Кёнигъ свою аргументацію—новое толкованіе загадочной надписи, начертанной на стѣнѣ, имѣетъ свои трудности. Моя собственная попытка отнести переводъ: „*мина, мина, сикль и фарасы*“ къ Набополассару, Навуходоносору и другимъ вавилонскимъ царямъ не привела ни къ какому удовлетворительному результату“. Затѣмъ, Кёнигъ приводитъ вышеупомянутое толкованіе загадочныхъ словъ, предложенное Листеромъ, которому онъ удѣляетъ особенное вниманіе. По Листеру, слова эти означаютъ: „*считай мину, сикль и (его) части*“, что даетъ въ итогѣ сумму, равную, приблизительно, *62 сиклямъ*, въ чемъ слѣдуетъ видѣть указаніе на число или коли-

¹⁾ M. Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, S. 313.

²⁾ См. стр. 315, прим. 1 и 2.

³⁾ M. Lidzbarski, *l. c.*, S. 371 u. 382. Кёнигъ раздѣляетъ мнѣніе Борманна, что, на основаніи этихъ эпиграфическихъ данныхъ, нельзя принимать слово *lql* (*lēqāl*), въ загадочномъ изреченіи книги Данила, въ значеніи „сикль“.

чество лѣтъ Дарія Мидяннина при завоеваніи имъ Вавилона ¹⁾. „Конечно, можно считать возможнымъ,—замѣчаетъ по этому поводу Кёнигъ,—что способъ выраженія: „*сикль и (его) части*“ (*tēqél ū-pharsin*) могъ содержать намекъ на *два сикля*. Ибо подразумеваемое изъ связи притяжательное мѣстоименіе (*pronomen possessivum*) также и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ опускается, какъ понятное само-по-себѣ ²⁾. Но кто въ 538 г. въ Вавилонѣ могъ бы—я не хочу сказать: знать,—по считать многозначительнымъ, сколько было лѣтъ „Дарію Мидяннину“, и на которомъ году его жизни былъ завоеванъ Вавилонъ? Я считаю также невозможнымъ, чтобы слова загадочной надписи образовались въ позднѣйшей традиціи для указанія этого числа 62-хъ лѣтъ жизни „Дарія Мидяннина“ при завоеваніи имъ Вавилона. Но, можетъ быть, возможно нѣчто другое, о чемъ Листеръ не думалъ, именно, что чрезъ посредство предложеннаго имъ толкованія названной надписи возникло число 62 въ цитированномъ мѣстѣ книги Даніила (VI, 1). Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно почти общему признанію, раздѣляемому также и новѣйшими комментаторами книги Даніила, происхожденіе этого числа 62 неизвѣстно“... По мнѣнію Кёнига, означенное число могло произойти отъ указаннаго Листеромъ толкованія загадочнаго изреченія: „*мина (= 60 сиклей) + сикль + (его) части*“ = 60 + 1 + 1 (круглымъ счетомъ) = 62 сиклямъ, символизирующимъ число лѣтъ жизни „Дарія Мидяннина“ при завоеваніи имъ Вавилона.

Далѣе, Кёнигъ развиваетъ мысль, что долженъ былъ существовать какой-нибудь специальный поводъ для того, чтобы Валтасару его наказаніе возвращено было, именно, изреченіемъ: *tēpē', tēpē', tēqél ū-pharsin*. „Конечно,—замѣчаетъ Кёнигъ,—изреченіе: „*сочтено и т. д.*“ вполне естественно, если имѣется въ виду выразить, что наступило время *разчета* для лица и царства. Между тѣмъ, можетъ быть, форма этого изреченія стоитъ все-таки въ болѣе тѣсномъ отношеніи къ особенной ситуаціи, въ которой, по разсказу V главы книги Даніила, халдейскій царь былъ постигнутъ Божіей карой. Что такое совершилъ Валтасаръ, за что, именно, въ ту ночь должно было наступить для него наказаніе? Онъ осквернилъ храмовую утварь Бога Израиля. То обстоятельство, что Валтасаръ велѣлъ принести для

¹⁾ См. стр. 832—833.

²⁾ Примеры такого рода брахилогін въ еврейскомъ языкѣ см. у Ed König, *Stilistik, Rhetorik, Poetik*, 1900, S. 198 ff.

ширя и употребить въ качествѣ сосудовъ для питья на безнотномъ пиршествѣ похищенную Навуходоносоромъ изъ Иерусалимскаго храма священную утварь, которая до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, хранилась въ другихъ храмахъ, выставляется на видъ какъ высшая степень кощунства по отношенію къ Богу Израиля.

„Какъ только священные храмовые сосуды были поднесены къ губамъ для того, чтобы пить изъ нихъ, халдейскимъ царемъ, его вельможами, женами и наложницами, при славословіяхъ въ честь языческихъ божествъ, въ *этомъ самый моментъ* (*bah ša'athā*, Дан. V, 5) на заднемъ планѣ выступили персты человѣческой руки и начертали на стѣнѣ царскаго дворца упомянутую загадочную надпись. То же самое прямое причинное взаимоотношеніе между профанаціей утвари Иерусалимскаго храма и постигшимъ Валтасара наказаніемъ, какъ въ 4-мъ стихѣ, точно такъ же еще разъ выставляется на видъ въ словахъ Даниила въ 23-мъ и слѣдующихъ стихахъ. Три раза упоминается при этомъ храмовая утварь, и какъ называется при этомъ „утварь“?— *m'n* (*mān*). Когда Валтасаръ осквернилъ *m'n* (*mān*) Бога небеснаго, таинственная рука начертала напротивъ него на стѣнѣ дворца тѣ же самыя три буквы [только въ нѣсколько иномъ порядкѣ]: *mn'* (*mēnē'*).

„Если бы я только на одинъ моментъ вступилъ на путь смѣлой ассоціаціи идей, то я сказалъ бы, что первоначальная мысль, давшая поводъ къ тому таинственному изреченію, была слѣдующая: „утварь, утварь (была) паденіемъ и разгромомъ“ (ср. „персы“). Именно, слово *ḫl* (*téḫél*) или, какъ оно звучитъ въ формѣ *status emphaticus*, *ḫlā* или *ḫlā* часто употребляется въ Таргумахъ ¹⁾ для обозначенія понятій: „свѣтъ, западня, паденіе, гибель“ ²⁾. Въ такомъ случаѣ, и фигура *epizeuxis* ³⁾, которою начинается изреченіе, получила бы вполне естественный исходный пунктъ: *утварь*, именно, ея профанація, была бы выставлена на видъ въ качествѣ источника гибели.

„Между тѣмъ, я не иду такъ далеко, но только полагаю, что вышеупомянутое многозначительное слово *m'n* (*mān*), „утварь“, вызвало выборъ слова *mn'* (*mēnē'*), равно какъ могло также оказать вліяніе на его орфографію. Ибо бѣльшая часть страдательныхъ причастій гла-

¹⁾ Арамейскіе переводы Библии.

²⁾ Levy, *Targumwörterbuch*, II. Band, S. 551 f.

³⁾ См. собраніе библейскихъ, раввинскихъ, арабскихъ и другихъ примѣровъ фигуры *epizeuxis* у Ed. König, *Stilistik, Rhetorik, Poetik*, 1900, S. 455—457

головъ, имѣющихъ третьей коренной согласной *w* (*wâw*) или *j* (*jôd*), оканчивается въ библейско-арамейскомъ языкѣ на *h* (*hê*) ¹⁾ и, слѣдовательно, скорѣе слѣдовало бы писать *mlh* (*mêlîh*), а не *ml'* (*mêlê'*), какъ слово это пишется въ загадочномъ изреченіи (Дан. V, 25 (bis), 26). Впрочемъ, я не имѣю притязанія превзойти мудростью мудраго Даниила и, будучи далеко отъ мысли выразить этой шуткой упрекъ представителямъ новаго толкованія означеннаго изреченія, предпочитаю слѣдовать толкованію книги Даниила: „сочтено, сочтено [отзвучъ двойнаго *m'n* (*mân*), „утварь“!], взвѣшено и — (только) *распавшееся* (то-есть, ничего цѣлаго: намекъ на раздѣлъ халдейскаго царства чрезъ посредство персовъ)“.

За Кѣнигомъ слѣдуетъ извѣстный нѣмецкій ассириологъ Винклеръ (Hugo Winckler). Въ своей обработкѣ 1-ой половины (исторія и географія) вышедшаго въ 1902 г. 3-мъ изданіемъ классическаго сочиненія Шрадера: „Клинообразныя надписи и Вѣтхій Заветъ“, въ главѣ, посвященной ассиро-вавилонскимъ мѣрамъ и вѣсамъ и распространенію ихъ среди культурныхъ народовъ Передней Азии, Винклеръ затрагиваетъ также, между прочимъ, вопросъ о значеніи загадочныхъ словъ книги Даниила ²⁾.

Указавъ предварительно на то, что слово *prs* (*prêās?*), въ значеніи „фарасъ“ (= 1/2 мины), засвидѣтельствовано ассирійскимъ вѣсомъ съ двуязычной надписью ³⁾, и что ему, по всей вѣроятности, соответствуетъ слово *prs* (*prêās?*), встрѣчающееся на стелѣ Панамму, найденной въ Зенджирли ⁴⁾, Винклеръ находитъ, что слово *prs* (*prêās*), въ значеніи „фарасъ“, справедливо привлечено было къ объясненію загадочнаго изреченія книги Даниила (V, 25); но, „такъ какъ оно обозначаетъ 1/2 мины, — замѣчаетъ Винклеръ, — то отсюда слѣдуетъ, что текстъ: „мина, мина, сикль и фарасъ“ (последнее слово слѣдуетъ, понятно, читать въ единственномъ числѣ) не можетъ быть въ порядкѣ“. При этомъ Винклеръ ссылается на Берманна, который, на указанномъ

¹⁾ Ср. статистически точное сопоставленіе этихъ причастій у E. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 47, g, 1, f.

²⁾ Eb. Schrader, *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, 3. Auflage, I. Hälfte: Geschichte und Geographie von Hugo Winckler, Berlin 1902, S. 341.

³⁾ *Corpus Inscriptionum Semiticarum*, pars II, № 10. Ассирійская надпись гласитъ: 1/2 *ma-na*, „1/2 мины“.

⁴⁾ См. стр. 315, прим. 6; ср. Mark Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*, Weimar 1898, S. 354.

основаніи, отвергаетъ все новое толкованіе ¹⁾). „Отсюда прямо вытекаетъ,—заключаетъ Винклеръ,—что слово *tkl=škl* (*tékél=šékél*), „сикль“, фигурирующее въ загадочномъ изреченіи, представляетъ интерполяцію. Но, въ такомъ случаѣ, отношеніе ясно: $2\frac{1}{2}$ *мины* [„мина, мина и *фирасъ*“ = $2\frac{1}{2}$ *минамъ*] должны представлять $2\frac{1}{2}$ *года*, по истеченіи которыхъ Камбизъ, который есть осквернитель сосудовъ Валтасаръ, найдетъ смерть. Это — тѣ $2\frac{1}{2}$ года, въ теченіе которыхъ культъ остается отмѣненнымъ (Дан. VII, 25)... Это опять говоритъ въ пользу предположенія, что Валтасаръ, къ которому это относится, есть, именно, *Камбизъ*, который, лишь благодаря перетолкованію, слѣдовательно, также во второй стадіи, обратился въ Валтасара“ ²⁾). Упомянутое „перетолкованіе“ Винклеръ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Книги Даниила и Іезекииля, Ездры и Нееміи, равно какъ „историческіе романы“ [то-есть, книги: Есѣиръ, Іудифъ и Товитъ] ³⁾, благодаря позднѣйшимъ переработкамъ, подверглись такимъ измѣненіямъ, что ихъ первоначальный историческій смыслъ долгое время не могъ быть возстановленъ. Затрудненіе для возстановленія связи представляетъ установленіе хронологической послѣдовательности событій. Послѣдняя въ существенныхъ чертахъ приведена была въ безпорядокъ тѣмъ, что болѣе поздняя эпоха смѣшала вмѣстѣ извѣстныя фигуры между вавилонскими и персидскими царями, съ одной стороны, вслѣдствіе дѣйствительной ошибки, — какъ обстоитъ дѣло съ „Даріемъ Мидяниномъ“, — а съ другой, вслѣдствіе того, что она разматривала болѣе позднія фигуры какъ параллельныя явленія, относительно которыхъ она ожидала исполненія пророчествъ, переданныхъ относительно болѣе древнихъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, Навуходоносоръ въ книгахъ Іезекииля и Даниила представляетъ параллельное явленіе въ вышеупомянутомъ смыслѣ: подразумѣвается подъ нимъ *Камбизъ*. Главнымъ образомъ путаница произошла вслѣдствіе того, что имя *Камбиза* пришло въ забвеніе. Ему даны были имена *Ксеркса* (*ʾAḥašwērōš*), *Артаксеркса* (*ʾArtašāstā*) и *Дарія* (*Dārējāwēs*), при чемъ обозначеніемъ: Дарійъ „Мидянинъ“ его отличали отъ дѣйствительнаго Дарія. Такимъ же образомъ *Валтасаръ* (Дан. V, 1), сынъ Набонида, далъ свое имя *Евилмеродиху* (*Ainēl-Marduk*), сыну дѣйствительнаго На-

¹⁾ См. стр. 330—331.

²⁾ Н. Winckler, въ Schrader's *Keilinschriften und das Alte Testament*, 3 Auflage, Berlin 1902, S. 341.

³⁾ *Ibid.*, S. 297, vgl. S. 285—286.

вуходоносора; однако, на него перенесены были и черты Камбиза¹⁾. Въ результатъ такого рода „перетолкованія“, по Винклеру, получается слѣдующая схема: „Завоеватель Навуходоносоръ есть завоеватель Камбизъ. Этотъ послѣдній — сынъ Кира; поэтому осквернитель священныхъ сосудовъ обращается въ сына Навуходоносора Евилмеродаха (Amêl-Marduk). Далѣе, Навуходоносоръ отождествляется съ Набонидомъ (Nabû-nâ'id), а его сынъ — съ сыномъ Набонида Валтасаромъ“²⁾.

Далѣе, по мнѣнію Винклера, извѣстное пророчество, содержащееся въ книгѣ Даниила, VII, 25: „и противъ Всевышняго будутъ произносить высокоумныя слова и будетъ истреблять святыхъ Всевышняго, и будетъ стремиться измѣнить времена (т. е. праздники) и Законъ, и будутъ преданы (т. е. святые Всевышняго) въ руку его до времени и (двухъ) времени и половины времени“, въ первоначальной редакціи книги Даниила относилось къ Камбизу, но, благодаря позднѣйшей переработкѣ, отнесено было къ Антиоху IV Епифану. Именно, Винклеръ полагаетъ, что вслѣдствіе возмущенія, вспыхнувшего въ Иерусалимѣ, Камбизъ въ 525 г. до Р. Х., во время похода на Египетъ, послалъ отрядъ персидскаго войска къ Иерусалиму, который едва ли оказалъ ему серьезное сопротивление. Городъ не былъ разрушенъ и не былъ разграбленъ, но только іудейскій культъ былъ отмѣненъ, въ наказаніе за возмущеніе. Эта отмѣна культа продолжалась въ теченіе цѣлаго *hamištu*, т. е., пятилѣтія, которое позднѣйшая традиція перетолковала въ $\frac{1}{2}$ *hamištu*, на что указываетъ вышеприведенное выраженіе: „до времени, (двухъ) времени и половины времени“, которое, по Винклеру, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: $2\frac{1}{2}$ года, а не $3\frac{1}{2}$, какъ обыкновенно принимаютъ комментаторы. Цифра $2\frac{1}{2}$, выражающая время, въ теченіе котораго іудейскій культъ былъ отмѣненъ Камбизомъ въ Иерусалимѣ, представляетъ $\frac{1}{2}$ *hamištu*, то-есть, пятилѣтія (*lustrum*). По Винклеру, въ первоначальной редакціи книги Даниила лѣтосчисленіе производилось не по *šebû'ôt* [точнѣе, *šebû'im*], то-есть, седминамъ или семилѣтіямъ, какъ въ нынѣшнемъ текстѣ, но по *hamišât*, то-есть, пятилѣтіямъ, при чемъ исходнымъ пунктомъ взятъ былъ 562 г. до Р. Хр., когда Евилмеродахъ, сынъ и преемникъ Навуходоносора, освободилъ изъ темницы плѣннаго іудейскаго царя Іоахина и повелѣлъ оказывать ему царскія почести (II кн. Царствъ, XXV, 27), признавъ, такимъ образомъ, Іудейское

¹⁾ *Ibid.*, S. 286—288.

²⁾ *Ibid.*, S. 341, Anm. 6.

царство, если не на практикѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, возстановленнымъ ¹⁾).

По мнѣнію Винклера, указанія, содержащіяся въ книгѣ Даниила (IX, 25—27), сильно искажены, благодаря позднѣйшей переработкѣ, имѣющей въ виду эпоху Антиоха. Ихъ первоначальный смыслъ былъ слѣдующій: „Отъ времени *разрушенія* вновь выстроить Иерусалимъ (т. е. 562 г.) пройдутъ семь *hamušat* (т. е. пятилѣтій). Затѣмъ (слѣдовательно, 562—35=527 г. до Р. Хр.) помазанникъ будетъ устраненъ, и народъ государя (т. е. Камбиза) опустошитъ городъ и святилище. Конецъ его наступитъ какъ чрезъ наводненіе, и въ теченіе *всего* времени *hamuštu* онъ отмѣнитъ жертвоприношенія“ ²⁾).

Благодаря позднѣйшей переработкѣ, вышеприведенное пророчество отнесено было къ эпохѣ сирійскаго царя Антиоха IV Епифана (175—164 до Р. Хр.). Послѣдній, носящій въ книгѣ Даниила символическое названіе „*малая рога*“, 11-й эллинистическій властитель, считая отъ Александра Великаго (Дан. VII, 24), по извѣстію I книги Маккавеевъ, 1, 21, похитилъ священные сосуды и отмѣнилъ ежедневныя жертвоприношенія въ Иерусалимскомъ храмѣ въ 168 г. до Р. Хр.; съ этого времени іудейскій культъ оставался отмѣненнымъ до декабря 165 г. до Р. Хр., когда храмъ вновь освященъ былъ Іудой Маккавеемъ послѣ его побѣды надъ сирійцами. По Винклеру, указанный промежутокъ времени, составляющій, въ дѣйствительности, около 3-хъ лѣтъ, истолкованъ былъ позднѣйшей традиціей въ смыслѣ $\frac{1}{2}$ *šebū'a* [šābū'a'], то-есть, $\frac{1}{2}$ *седьмины* или семилѣтія = $3\frac{1}{2}$ *года*, и, благодаря такому толкованію, первоначальный текстъ, относившійся къ Камбизу и говорившій о цѣломъ *hamuštu*, т. е. пятилѣтіи, былъ сначала перетолкованъ въ $\frac{1}{2}$ *hamuštu* = $2\frac{1}{2}$ *года*, а затѣмъ самое *hamuštu* замѣнено было чрезъ *šebū'a* [šābū'a'], и, такимъ образомъ, получилось $\frac{1}{2}$ *šebū'a* [šābū'a'] = $3\frac{1}{2}$ *года* (Дан. VII, 25). Согласно сему, первоначальное указаніе книги Даниила (VII, 25), что по прошествіи „*двухъ времени и половины времени*“, то-есть, $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, наступитъ окончаніе времени отмѣны культа, впоследствии перетолковано было въ $3\frac{1}{2}$ *года*, при чемъ оно примѣнено было къ этой мнимой $\frac{1}{2}$ *šebū'a* [šābū'a'], въ теченіе которой іудейскій культъ былъ отмѣненъ Антиохомъ ³⁾. По мнѣнію Винклера, первоначальное указаніе, относившееся къ Камбизу, сохрани-

¹⁾ *Ibid.*, S. 284.

²⁾ *Ibid.*, S. 291.

³⁾ *Ibid.*, S. 284; vgl. S. 291.

лось въ загадочномъ изреченіи книги Даниїла (V, 25): „мина, мина [сикль] и фарасъ“, въ которомъ Винклеръ принимаетъ слово „сикль“ за позднѣйшую интерполяцію, такъ что выраженіе: „мина, мина и фарасъ“ = $2\frac{1}{2}$ минамъ, символизирующимъ $2\frac{1}{2}$ года, то-есть, $\frac{1}{2}$ *ḥamūštu*, въ теченіе котораго іудейскій культъ былъ отмѣненъ Камбизомъ. Благодаря дальнѣйшему перетолкованію *ḥamūštu* въ *šebū'a* [šābū'a], слѣдовательно, $\frac{1}{2}$ *ḥamūštu* въ $\frac{1}{2}$ *šebū'a* [šābū'a], могъ быть данъ поводъ къ интерполяціи слова *škl=tkl* (šēkēl = tēkēl), „сикль“, въ загадочномъ изреченіи книги Даниїла ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ вышеизложенныя историческія и хронологическія комбинаціи Винклера, критическое разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ задачу настоящей статьи ²⁾, имѣющей цѣлью лишь филологическое объясненіе смысла загадочныхъ словъ книги Даниїла, замѣтимъ только, что высказанное Винклеромъ замѣчаніе относительно того, что текстъ кн. Дан. V, 25 находится *не въ порядкѣ*, совершенно вѣрно; но Винклеръ напрасно старается помочь этому затрудненію предположеніемъ, что трудность происходитъ вслѣдствіе того, что слово *tkl* (tēkēl), „сикль“, представляетъ будто бы позднѣйшую интерполяцію, съ устраниеніемъ которой загадочное изреченіе получило бы вполне ясный смыслъ: „мина, мина и фарасъ“ = $2\frac{1}{2}$ минамъ. Замѣтимъ, что Винклеръ принимаетъ здѣсь слово „фарасъ“ въ единственномъ числѣ, не смотря на то, что въ текстѣ 25-го стиха оно имѣетъ окончаніе множественнаго или двойственнаго числа [окончаніе *jn = in* (pluralis) или *ājin* (dualis)]. Утвержденіе Винклера, что слово „фарасъ“ слѣдуетъ принимать здѣсь въ *единственномъ* числѣ, не смотря на его грамматическую форму, представляется лишнимъ всякаго основанія. Выше было уже указано на то, что бѣльшая часть изслѣдователей справедливо склоняется къ мнѣнію, что слово это слѣдуетъ принимать здѣсь въ *двойственномъ* числѣ, въ виду его отношенія къ *минъ* (мина = 2 фарасамъ). Несомнѣнно, далѣе, что слово „сикль“, фигурирующее въ загадочномъ изреченіи, здѣсь не на мѣстѣ, такъ какъ оно стоитъ *между* названіями двухъ высшихъ единицъ вѣса — *мины* и *фараса*; но это еще не дастъ намъ основанія выдѣлить его изъ контекста, согласно мнѣнію Винклера, какъ позднѣйшую интерполяцію, измѣнив-

¹⁾ *Ibid.*, S. 341.

²⁾ Критическій разборъ книги Винклера можно найти въ брошюрѣ K. Budde, *Das Alte Testament und die Ausgrabungen* (Vorträge der theologischen Konferenz zu Giessen, 18. Folge), Giessen 1903, S. 10—39.

шую первоначальный смыслъ фразы. Напротивъ, слѣдуетъ рассмотреть вопросъ, не представляется ли возможнымъ дать слову *ḫl* другое объясненіе, при которомъ оно могло бы составить необходимую часть фразы, не нарушая ни ея грамматической и логической связи, ни ея общаго строя.

V.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ числа всѣхъ изслѣдователей, занимавшихся вопросомъ о значеніи загадочныхъ словъ книги Данила, только двое, Берманнъ и Кёнигъ, высказались *противъ* новаго толкованія означенныхъ словъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные приняли, въ общемъ, толкованіе Клермона-Ганно, предложивъ къ нему лишь нѣкоторыя поправки. Этотъ фактъ самъ по себѣ свидѣтельствуеетъ уже о томъ, что *новое* толкованіе должно имѣть значительныя преимущества предъ традиционнымъ, если оно могло такъ рѣшительно перетянуть на свою сторону большую часть изслѣдователей. Это соображеніе усиливается еще критическимъ рассмотрѣніемъ аргументовъ, приведенныхъ обоими вышеупомянутыми изслѣдователями, Берманномъ и Кёнигомъ, *противъ* новаго толкованія.

Аргументы эти въ существенныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему:

1) Слово *mn'* (*mēnā*, вмѣсто (*mēnē'*)), фигурирующее въ загадочномъ изреченіи кн. Дан. V, 25 (bis), 28, не можетъ означать „мина“, такъ какъ въ древне-арамейскихъ надписяхъ для выраженія „мина“ засвидѣтельствована только форма *mnh* (*mēnāh*) съ буквою *h* на концѣ [Кёнигъ].

2) Слово *ḫl* (*tēḫēl*), въ томъ же изреченіи, не можетъ означать „сикль“, такъ какъ въ древне-арамейскихъ надписяхъ для выраженія „сикль“ засвидѣтельствована только форма *ḫl* (*ḫēḫā* или *ḫēḫēl*?) съ начальной буквою *ḫ* (*ḫin*) вмѣсто *l* (*tāw*) [Берманнъ и Кёнигъ].

3) При перечисленіи монетъ [или единицъ вѣса, что одно и то же въ семитическихъ языкахъ] нельзя было бы ожидать упоминанія самой малой монеты, *сикля*, посреди двухъ большихъ, *мины* и *фараса* [Берманнъ].

4) Пять возможности указать какую-либо причину, которая могла бы объяснить неожиданное появленіе упомянутыхъ выраженій для обозначенія денежныхъ единицъ въ загадочномъ изреченіи книги Данила [Берманнъ].

5) Символическое обозначеніе мидо-персидскаго царства, въ загадочномъ изреченіи, въ видѣ „*двухъ фарасовъ*“, было бы неестественно,

такъ кѣтъ, если принять, что „мина“ есть символъ Навуходоносора, а „сикль“—Валтасара, то и „два фараси“ должны были бы относиться къ историческимъ лицамъ, а не къ царствамъ [Кёнигъ].

Разсмотримъ вышеприведенные аргументы въ отдѣльности:

1) слово *mn'* (mēnā') у Даниила вполне точно соотвѣтствуетъ начертанію *mn̄h* (mēnāh), „мина“, встрѣчающемуся въ древне-арамейскихъ надписяхъ, съ обычной въ памятникахъ арамейскаго языка болѣе поздней эпохи орфографіей формы *status emphaticus* съ буквой ' (aleph) на концѣ вмѣсто болѣе древней орфографіи съ буквой h (hê), на что указалъ еще Клермонъ-Ганно ¹⁾);

2) слово *tkl* (tēkēl) у Даниила можетъ вполне соотвѣтствовать начертанію *škl* (šēkāl или šēkēl?), „сикль“, встрѣчающемуся въ древне-арамейскихъ надписяхъ, съ совершенно правильной замѣной начальной буквы š (šin) буквой t (tāw), согласно обычно-арамейской фонетикѣ, характеризующей болѣе позднюю стадію развитія арамейскаго языка, на что также указалъ еще Клермонъ-Ганно ²⁾);

3) упоминаніе, въ загадочномъ изреченіи, самой малой единицы вѣса или монеты, *сикля*, посреди двухъ большихъ, *мины* и *фараса*, представляетъ, дѣйствительно, серьезное затрудненіе, которое приводило въ недоумѣніе еще Клермона-Ганно, и изъ котораго онъ тщетно искалъ выхода ³⁾);

4) вопреки своему недоумѣнію, Берманнъ самъ указываетъ причину, которая могла бы объяснить неожиданное появленіе упомянутыхъ выраженій для обозначенія денежныхъ единицъ въ загадочномъ изреченіи книги Даниила: „такимъ образомъ, — заключаетъ Берманнъ свою аргументацію, — мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ заманчивой случайностью, легко объясняющеюся, впрочемъ, тѣмъ, что выраженія: „считать“, „взвѣшивать“ и „разбивать“, отъ которыхъ взяты названія упомянутыхъ монетъ, были здѣсь наиболѣе подходящими для *образнаго* употребленія ⁴⁾);

5) возраженіе Кёнига, что нельзя относить *мину* и *сикль* къ *Навуходоносору* и *Валтасару*, а *два фараса* — къ двойственному царству *мидо-персовъ*, какъ это предложено было Гауптомъ ⁵⁾ и при-

¹⁾ См. стр. 316, прил. 1.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ См. стр. 322—324.

⁴⁾ См. стр. 330.

⁵⁾ См. стр. 331—332.

нято также Марти ¹⁾, совершенно справедливо въ томъ отношеніи, что всѣ три названія, если видѣть въ нихъ символическія обозначенія, должны относиться къ одной и той же категоріи идей, а не къ различнымъ категоріямъ.

Такимъ образомъ, аргументы, приведенные Берманномъ и Кснигомъ противъ новаго толкованія загадочныхъ словъ, предложеннаго Клермономъ-Ганно, представляются или совершенно неосновательными, какъ 1-й и 2-й аргументы, или, по меньшей мѣрѣ, неубѣдительно, какъ 4-й и 5-й аргументы; серьезное значеніе имѣеть лишь 3-й аргументъ, но и онъ не можетъ быть выставленъ противъ самаго толкованія, такъ какъ слово *lxl*, принимаемое обыкновенно въ значеніи „сикль“ (*tēḫēl*), на самомъ дѣлѣ, находитъ себѣ другое объясненіе, какъ мы это увидимъ ниже. Итакъ, *новое* толкованіе должно быть признано безусловно заслуживающимъ предпочтенія предъ традиционнымъ толкованіемъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Клермонъ-Ганно открылъ лишь *составные элементы* загадочнаго изреченія, но не сумѣлъ привести ихъ въ такую комбинацію, чтобы составить изъ нихъ *логическое цѣлое, связную фразу*. Эту задачу онъ предоставилъ послѣдующимъ изслѣдователямъ; но и послѣдніе, какъ видно изъ вышеприведеннаго изложенія, не могли найти рѣшенія этой проблемы, не смотря на неоднократныя попытки, предпринимавшіяся въ этомъ направленіи.

Перейдемъ теперь къ детальному анализу самаго толкованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, попытаемся возстановить первоначальный текстъ и смыслъ загадочнаго изреченія. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: изъ *сколькихъ* словъ состояло первоначально загадочное изреченіе? Какъ мы видѣли выше, въ 25-мъ стихѣ V главы книги Данила, но арамейско-массоретскому тексту, оно состоитъ изъ *4-хъ* словъ (считая *ūpharsîn* за одно слово): *mēnē*, *mēnē*, *tēḫēl ūpharsîn*, между тѣмъ какъ въ 26 — 28 стихахъ той же главы — только изъ *3-хъ* словъ: *mēnē*, *tēḫēl*, *pēḫēs*. Такъ какъ толкованіе загадочныхъ словъ, переданное въ 26 — 28 стихахъ, совершенно не принимаетъ въ соображеніе *повторенія* слова *mēnē* въ 25-мъ стихѣ и, очевидно, предполагаетъ, такимъ образомъ, только *одно mēnē*, то отсюда съ несомнѣнностью слѣдуетъ заключить, что загадочное изреченіе состояло первоначально только изъ *3-хъ* словъ, то-есть, не заключало въ себѣ *повторенія* слова *mēnē*, о чемъ свидѣтельствуетъ также и

¹⁾ См. стр. 335.

греческая транскрипція: Μανη, Θεχελ, Φαρεε, указывающая только на 3 слова; повтореніе же слова *тѣнѣ'* въ массоретскомъ текстѣ 25-го стиха легко можетъ быть объяснено *диптографіей*. Что касается перваго изъ 3-хъ словъ, составляющихъ загадочное изреченіе, то выше было уже указано на то, что это слово должно быть вокализовано *тѣнѣ'* (= греч. *μνᾶ*) и означаетъ: „мина“ ¹⁾. Оставляя пока въ сторонѣ среднее слово, перейдемъ теперь прямо къ послѣднему слову загадочнаго изреченія; означенное слово имѣетъ въ 25-мъ стихѣ форму *parsîn*, а въ 28-мъ стихѣ форму *pêrês*. Въ виду этого различія, прежде всего, возникаетъ вопросъ, какую изъ этихъ формъ слѣдуетъ считать первоначальной. Петрудно доказать, что въ первоначальномъ текстѣ загадочнаго изреченія стояла, именно, форма *prsjn* (= *parsîn*), встрѣчающаяся въ 25-мъ стихѣ, а не форма *prs* (= *pêrês*), стоящая въ 28-мъ стихѣ, такъ какъ послѣдняя форма легко могла получиться изъ первой, благодаря преобразованію формы *prsjn*, по аналогіи съ предшествующими ей выраженіями *mn'* (*mênc'*) и *txl* (*têcél*), въ форму *prs* съ опущеніемъ двухъ послѣднихъ буквъ: *prs[jn]*, между тѣмъ какъ происхожденіе формы *prsjn* (= *parsîn*) изъ первоначальной формы *prs* (= *pêrês*) не можетъ быть удовлетворительно объяснено. Какъ было указано выше, большая часть изслѣдователей справедливо склоняется къ мнѣнію, что слово *parsîn*, не смотря на то, что оно имѣетъ форму множественнаго числа, слѣдуетъ принимать здѣсь, въ виду его отношенія къ *mit*, въ смыслѣ *двойственнаго* числа: „два *фараса*“ (= 1 милѣ) ²⁾.

Несомнѣнно, однако, что самая вокализация этого слова невѣрна, такъ какъ множественное число отъ слова *pêrês* должно звучать *pêrêsîn*, какъ Марти и предлагаетъ вокализовать слово *prsjn*, неправильно вокализованное въ массоретскомъ текстѣ *parsîn* ³⁾; возможно, впрочемъ, что слово *prsjn* должно быть вокализовано *pêrêsâjin*, что представило бы грамматически правильно образованную форму *двойственнаго* числа отъ слова *pêrês* и, такимъ образомъ, значеніе: „два *фараса*“, котораго требуетъ здѣсь контекстъ, получилось бы непосред-

¹⁾ См. стр. 316, прим. 1; ср. стр. 318, прим. 4.

²⁾ Въ пользу этого мнѣнія высказались: Клермонъ-Ганно (см. стр. 320 — 321), Гоффманъ (см. стр. 326—327), Гауптъ (см. стр. 331—332) и Марти (см. стр. 334—335).

³⁾ К. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896. II. Teil: 1) *Texte*, S. 33, zu Dan. V, 25, Anm. 1; 2) *Glossar*, s. v. *pêrês*, S. 78 — 79.

ственно ¹⁾. Наконецъ, что касается средняго слова *tḫl* (тѣхѣл), то очевидно, что оно не можетъ означать здѣсь „силъ“, каковое значеніе было бы совершенно неподходящимъ для слова, стоящаго между „миной“ и „двумя фарасами“; съ другой стороны, однако, нѣтъ никакихъ оснований предполагать вмѣстѣ съ Винклеромъ, что слово это представляетъ здѣсь позднѣйшую интерполяцію, измѣнившую первоначальный смыслъ фразы. Интересно отмѣтить, что изъ числа всѣхъ изслѣдователей, занимавшихся вопросомъ о значеніи загадочныхъ словъ, одинъ только Клермонъ-Ганно указалъ на то, что упомянутое слово можетъ означать здѣсь глаголъ *tḫl* (тѣхѣл), „взвѣшивать“, — указаніе, прошедшее совершенно незамѣченнымъ для послѣдующихъ изслѣдователей; но присутствіе соединительнаго союза *w(ū)*, „и“, предъ послѣднимъ словомъ фразы *parsîn* (*ū* - *pharsîn*) послужило для Клермона-Ганно непреодолимымъ препятствіемъ, помѣшавшимъ ему найти рѣшеніе проблемы. Попытка его отнести букву *w(ū)* къ предшествующему слову *tḫl*, которое, такимъ образомъ, получило бы форму *tḫlw* = *tḫlū*, „они — взвѣсили“, или *tḫlū*, „взвѣсите“, не привела ни къ какому удовлетворительному результату, и ни одна изъ предложенныхъ имъ съ этой цѣлью комбинацій не можетъ быть принята.

Между тѣмъ, нетрудно доказать, что соединительный союзъ *w(ū)*, „и“, стоящій въ 25-мъ стихѣ предъ послѣднимъ словомъ фразы *parsîn* (*ū* - *pharsîn*), является здѣсь совершенно *неумѣстнымъ*, какъ нарушающій грамматическую и логическую связь фразы. Дѣйствительно, структура загадочной фразы, состоявшей первоначально, какъ было указано выше, изъ трехъ словъ, изъ которыхъ два крайнихъ слова представляютъ названія двухъ единицъ вѣса, *мины* и *фараса*, требуетъ, чтобы отношеніе, существующее между обоими вышеупомянутыми терминами, было выражено *среднимъ* словомъ, которое, поэтому, можетъ быть только *малою*, вслѣдствіе чего соединительный союзъ *w(ū)*, „и“, предъ послѣднимъ словомъ фразы *parsîn* теряетъ всякій смыслъ. Что консонантный текстъ загадочной фразы 25-го

¹⁾ Марти принимаетъ для двойственнаго числа окончаніе *īn* въ слѣдующихъ формахъ: *'ajniīn*, „глаза“ (Дан. VII, 8), *'iddāniīn*, „два года“ (VII, 25), и *parsīn*, „два фараса“ (I, 25), см. К. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch. Aramäischen Sprache*, Berlin 1896, § 69, а, 3. Объ образованіи двойственнаго числа въ библейско-арамейскомъ языкѣ см. также Е. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1884, § 51, 1; ср. Н. Strack *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, Leipzig 1901, § 7, а.

стиха находится *не въ порядкѣ*, это видно также изъ сравненія его съ консонантнымъ текстомъ той же фразы въ 26—28 стихахъ:

1. консонантнѣй текстъ 25-го стиха: $mn' mn' t\dot{x}l w p r s j n$
2. консонантнѣй текстъ 26—28 стиховъ: — $mn' t\dot{x}l - p r s - -$
3. реконструированный консонантнѣй текстъ: — $mn' t\dot{x}l - p r s j n$

Такимъ образомъ, консонантнѣй текстъ 26 — 28 стиховъ не содержитъ ни повторенія слова *mn'*, ни соединительнаго союза *w(ū)* предъ послѣднимъ словомъ фразы *prs*; за то консонантнѣй текстъ 25-го стиха, какъ было указано выше, сохранилъ намъ первоначальную форму этого слова — *prsjn*. По всей вѣроятности, соединительный союзъ *w(ū)* внесенъ былъ въ текстъ 25-го стиха предъ послѣднимъ словомъ *prsjn* вслѣдствіе неправильнаго пониманія загадочнаго изреченія, какъ составленнаго изъ отдѣльныхъ словъ, не образующихъ *связной* фразы, но только сопоставленныхъ рядомъ. На основаніи вышеупомянутыхъ соображеній, мы можемъ реконструировать *первоначальный* консонантнѣй текстъ загадочнаго изреченія: *mn' t\dot{x}l prsjn*. Такъ какъ первое изъ этихъ трехъ словъ *mn'*-(*mēnā'*) означаетъ: „*мина*“, а послѣднее *prsjn* (*rēgāsīn* или *rēgāsājīn*) — : „*два фараса*“, то очевидно, что среднее слово должно выражать *отношеніе* между этими обоими терминами, образующими родъ уравненія: *мина* = 2 *фараса*; въ этомъ заключается уже несомнѣнное указаніе на истинное значеніе загадочнаго изреченія. Остается только объяснить грамматическую форму и значеніе средняго слова *t\dot{x}l*. Несомнѣнно, что оно означаетъ здѣсь *глагольную форму*, производную отъ корня *t\dot{x}l*, „*взвѣшивать*, *вѣсить*“; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что оно не можетъ быть здѣсь формой 3-го лица единственнаго числа мужескаго рода перфекта (*tēxāl*), такъ какъ отношеніе между *миной* и *фарасомъ*—постоянное и неизмѣнное, которое выражается глагольной формой *настоящаго* времени. Какъ извѣстно, послѣдняя форма, отсутствующая въ семитическихъ языкахъ вообще, выражается въ нихъ нерѣдко формой *причастія* (*participium activum*), въ качествѣ предиката. Этотъ способъ выраженія, въ особенности, употребителенъ въ библейско-арамейскомъ языкѣ ¹⁾. На этомъ основаніи, слово *t\dot{x}l*, представлявшее столько затрудненій для Клермона-Ганно и послѣдующихъ изслѣдователей, слѣдуетъ разсматривать какъ форму *причастія* (*participium activum*) отъ

¹⁾ К. Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, Berlin 1896, § 102, а; кромѣ приведеннаго тамъ примѣра, ср. также Дан. V, 23: „*боги, которые не видятъ* (lā hāzājīn), *не слышатъ* (lā šāmē'in) и *не знаютъ* (lā jādē'in)“.

глагольной основы *tāḥl* — *tāḥil* или *tāḥēl* ¹⁾, замѣняющаго *настоящее время*, и, соответственно этому, переводить чрезъ „*отсыитъ*“ (буквально: „вѣсящій есть“ = вѣсить). Такимъ образомъ, загадочное изреченіе получаетъ слѣдующій смыслъ:

<i>mēnā'</i>	<i>tāḥil</i>	<i>pērāsājīn</i> ,
„ <i>мана</i> “	<i>отсыитъ</i>	два <i>фараца</i> “.

Вотъ то „*логическое цѣлое*“, та „*связная фраза, въ движеніи, живая*“, которыхъ тщетно искалъ Клермонъ-Ганно, комбинируя различными образомъ открытые имъ составные элементы загадочнаго изреченія ²⁾.

Предложенное нами объясненіе какъ нельзя лучше согласуется съ толкованіемъ загадочныхъ словъ, переданнымъ въ 26 — 28 стихахъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей синоптической таблицы, въ которой арамейскій оригинальный текстъ приведенъ къ латинской транскрипціи, сопровождаемой подстрочнымъ русскимъ переводомъ:

<i>Толкуемая слова:</i>	<i>Толкованіе 1-ой степени:</i>	<i>Толкованіе 2-ой степени:</i>
1. <i>mēnā'</i> : <i>мана</i> :	<i>mēnāh 'ēlāhā malēkhūthākh</i> <i>сочинялъ Богъ правленіе твое</i>	<i>wēhašlēmāh</i> ; и завершилъ его;
2. <i>tāḥil</i> : <i>отсыитъ</i> :	<i>tāḥiltā bēmōzēnajjā</i> ³⁾ <i>ты взвѣсишь на вѣсахъ</i>	<i>wēhišlēkhāhtā</i> ⁴⁾ <i>ḥassir</i> ; и (ты) найдешь неполновѣснымъ;
3. <i>pērāsājīn</i> : <i>два фараца</i> :	<i>pērāsāth malēkhūthākh</i> <i>разрушено царство твое</i>	<i>wihībhāth lēmādhāj ūphāris</i> . и предано мидянамъ и персамъ.

Какъ видно изъ этой таблицы, толкованіе загадочнаго изреченія, переданное въ 26—28 стихахъ, основано на *аллитерации*, *парономазии* и *игрѣ словъ*. Это — черты восточнаго вкуса, свойственныя библейской поэзіи; онѣ встрѣчаются также, хотя и рѣже, въ прозѣ. Примеры *аллитерации* мы находимъ въ 1-ой и 2-ой фразахъ: *mēnā'*—

¹⁾ *Ibid.*, § 49, b.

²⁾ См. стр. 319 и 324—325.

³⁾ Чтеніе *mōzēnajjā* (status emphaticus къ dualis *mōzēnajīn*), „*отсыи*“, по Marti, *Das Buch Daniel*, S 42, предпочтительнѣе чтенія *mōzanjā* (singularis), „*чаша отсыи*“ (Bär и Ginsburg); ср. также E. Kautzsch, *Grammatik des Biblisch-Aramäischen*, § 51, 1, Anm.

⁴⁾ Въ масоретскомъ текстѣ читается *wēhišlēkhūḥat*, что по Marti, *Kurzgefasste Grammatik der Biblisch-Aramäischen Sprache*, II. Teil, S. 33, v. 27, ср. *Das Buch Daniel*, S. 42, слѣдуетъ вокализовать: *wēhišlēkhāhta* (по аналогіи съ *tāḥiltā*).

mēnāh, tāxil—tēxiltā; паропомази—въ 3-ей фразѣ: *pētāsājīn* — *pētī-sāth—pārās* (*ū-phārās*); *игры словъ*—въ 1-ой и 3-ей фразахъ: *mēnā* = „мина“ и = „сочиненіе“, *pētāsājīn* = „два фараса“ и = *pētī-sāth*, „разрушено“ + *pārās* (*ū-phārās*), „персы“¹⁾. Последнее слово имѣетъ замѣчательное созвучіе съ словомъ *pētās*, „фарасъ“, которое, благодаря этому, является, такъ сказать, фокусомъ загадочнаго изреченія; отсюда, по ассоціаціи идей, представленіе о *фарасъ* должно было вызвать представленіе о *минъ*, половину которой онъ составляетъ, а отсюда должна была непосредственно получиться формула: *мина* = 2 *фарасамъ* или, что, въ сущности, одно и то же, *мина* *всѣмъ* *два фараса*. Изъ этой формулы библейскій авторъ извлекаетъ при помощи *аллегорическаго* толкованія, основаннаго на вышеуказанныхъ приемахъ аллитераціи, паропомази и игры словъ, значенія, приравненные къ исторической ситуаціи, которую онъ имѣетъ въ виду, т. е., къ паденію Вавилона и раздѣлу халдейскаго царства между Мидіей и Персіей. По мнѣнію Клермона-Ганно, въ загадочномъ изреченіи слѣдуетъ видѣть родъ *провербiальной сентенціи*, въ которой выраженія: „мина“ и „фарасъ“ употреблены *метафорическимъ* образомъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, онъ ссылается на то, что, по образному выраженію талмудическихъ авторовъ, сынъ, который превосходитъ своего отца, есть „мина, сынъ *фараса*“,—сынъ, который уступаетъ своему отцу, есть „*фарасъ*, сынъ *мины*“, а сынъ, который равенъ своему отцу, есть „мина, сынъ *мины*“. Этому мнѣнію противорѣчитъ, однако, то обстоятельство, что въ загадочномъ изреченіи, въ томъ видѣ, какъ оно возстановлено выше, рѣчь идетъ не о „*минъ*“ и „*фарасъ*“, противоположаемыхъ другъ другу, какъ въ приведенныхъ выше выраженіяхъ, но о „*минъ*“ и „*двухъ фарасамъ*“, а это исключаетъ возможность приложенія означенныхъ выраженій къ *лицамъ*, а, слѣдовательно, отнимаетъ у изреченія характеръ *провербiальной сентенціи*. Возможно, однако, нѣчто другое, именно, что *провербiальное* употребленіе выраженій: „мина“ и „фарасъ“ обусловило самый выборъ этихъ выраженій, въ качествѣ элементовъ загадочнаго изреченія, въ которомъ они являются, впрочемъ, въ совершенно иной комбинаціи.

Въ заключительной главѣ своей монографіи Клермонъ-Ганно выска-

¹⁾ Выраженіе *pētāsājīn* („два фараса“), по *аллегорическому* толкованію, разлагается на два созвучныхъ слова, которыми начинается и оканчивается фраза: *pētī-sāth* („разрушено“) + *pārās* („персы“), такъ какъ всѣ три слова разсматриваются какъ производныя отъ одного и того же корня *prg*.

зываетъ нѣкоторыя идеи, не лишенныя интереса и значенія для разсматриваемаго вопроса; въ виду этого, нелишнимъ будетъ привести ихъ здѣсь in extenso.

„Найдутъ, можетъ быть, довольно страннымъ,—замѣчаетъ Клермонъ-Ганно по поводу предложеннаго имъ новаго толкованія загадочныхъ словъ, — что загадочное изреченіе, начертанное таинственной рукой на стѣнѣ дворца Валтасара, что этотъ приговоръ Божьяго суда, рѣшившій участь послѣдняго цари Халдон, сводится въ концѣ концовъ къ простой поговоркѣ, и притомъ, къ поговоркѣ столь банальнаго, столь прозаическаго склада... На это возраженіе легко было бы отвѣтить, указавъ на аналогію нѣкоторыхъ изреченій оракуловъ классической древности, которыя отличаются своею страннымъ или умышленной плоскостью. И къ тому же, развѣ, въ данномъ случаѣ, именно, этотъ контрастъ, это несоотвѣтствіе между незначительностью средства и величьемъ цѣли не были наиболѣе пригодными для того, чтобы живо поразить воображеніе? Въ самомъ дѣлѣ, каковъ, въ сущности, смыслъ этого повѣствованія, въ которомъ библейскій авторъ имѣетъ въ виду изобразить паденіе халдейскаго царства? Валтасаръ бросаетъ вызовъ Богу Израили, который отвѣчаетъ ему чудомъ, предвѣщающимъ ему скорую гибель: таинственная рука чертитъ на стѣнѣ дворца загадочное изреченіе, котораго не могутъ ни прочесть, ни объяснить даже наиболѣе свѣдущіе изъ халдейскихъ маговъ и гадалелей, не взирая на всю ихъ науку. Безъ сомнѣнія, это изреченіе представляетъ нѣчто непонятное, нѣчто непостижимое? Ничего подобнаго! Это просто, какъ неопровержимо установилъ израильскій пророкъ, одна изъ самыхъ обыкновенныхъ поговорокъ, общезвѣстная истина!.. Какое еще требуется доказательство для того, чтобы обнаружить ничтожество этой мнимой науки маговъ, для того, чтобы дать мѣрило этой столь превознесенной мудрости, которая оказалась несостоятельной даже предъ такой незначительной трудностью?

„Библейскій авторъ обнаруживаетъ явную тенденцію доказать несостоятельность халдейской науки. Два раза уже, въ предыдущихъ главахъ (II и IV), онъ вывелъ наружу невѣжество маговъ, обнаружившееся при истолкованіи двухъ сновидѣній Павуходоносора, ключъ къ которымъ могъ дать одинъ только Даниилъ. На этотъ разъ доказательство окончательное: маги не сумѣли распознать въ загадочной надписи банальнаго изреченія, которое у всѣхъ на устахъ. Это—первый результатъ. Но изъ этого банальнаго изреченія, которое, будучи

разъ дешифровано, должно было бы, повидному, быть понятнымъ для всѣхъ, Данилъ извлекаетъ теперь сокровенный *аллегорическій* смыслъ, который производитъ впечатлѣніе тѣмъ болѣе поразительное, что онъ является совершенно неожиданнымъ. Данилъ повторяетъ одно за другимъ слова, которыя составляютъ это изреченіе, и, пользуясь однимъ изъ излюбленныхъ приемовъ сврейскихъ пророковъ, — словами съ *двоимъ* смысломъ, — онъ извлекаетъ изъ нихъ при помощи *параномалии* значенія, приравленные къ событіямъ, которыя онъ имѣетъ въ виду. Наиболѣе пригоднымъ для этой цѣли было, конечно, послѣднее слово загадочнаго изреченія, *paršîn* или *paršâjin* [точнѣе, *rêšâjîn*], „два *фараса*“, такъ какъ оно имѣетъ то преимущество, что подаетъ поводъ къ наиболѣе соблазнительной двусмысленности относительно названія *персовъ* (*rârgâs*). Отсюда можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что именно это послѣднее слово опредѣлило выборъ самаго изреченія, въ качествѣ основной темы пророчества, относящагося къ паденію халдейскаго царства и вступленію *персовъ* въ Вавилонъ. Вся V глава книги Даниіла можетъ быть разсматриваема какъ блестящая разработка этой темы, которая является, въ послѣднемъ анализѣ, главнымъ образующимъ элементомъ всего произведенія⁴.

Наконецъ, что касается самыхъ деталей сцены пира Валтасара, изображенной съ такимъ драматизмомъ въ V главѣ книги Даниіла, т. е. дѣйствующихъ лицъ, которыя въ ней фигурируютъ, и аксессуаровъ, составляющихъ, такъ-сказать, декорацию сцены, то объясненія ихъ, по мнѣнію Клермона-Ганно, слѣдуетъ искать при помощи *икономическаго* метода.

Какъ извѣстно, Клермонъ-Ганно выдвинулъ новую теорію *икономии*, подъ которой онъ понимаетъ ученіе объ *образованіи идей* подъ вліяніемъ *пластическихъ изображеній*, болѣе или менѣе произвольно *истолкованныхъ*. Эту теорію онъ развилъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, посвященномъ объясненію изображеній на финикійской серебряной чашѣ, которая была найдена при раскопкахъ, произведенныхъ въ 1876 г. въ Италіи, близъ Палестрины, на почвѣ древняго Praeneste¹⁾; эту же теорію онъ пытается примѣнить и къ объясненію V главы книги Даниіла.

„Если мы хотимъ хорошо понять V главу книги Даниіла, — замѣчаетъ

¹⁾ Ch. Clermont-Ganneau, *L'imagerie phénicienne et la mythologie iconologique chez les Grecs*. I-re partie. *La coupe phénicienne de Palestrina*. Paris 1880.

Клермонъ-Ганно,—то слѣдуетъ внимательно перечестъ ее при свѣтѣ нѣкоторыхъ изображеній египетскаго и вавилонскаго происхожденія, которыя, по моему мнѣнію, оказали рѣшительное вліяніе на воображеніе ея автора“. Въ поясненіе своей мысли, Клермонъ-Ганно указываетъ на нѣкоторыя изображенія, встрѣчающіяся на египетскихъ и вавилонскихъ памятникахъ. Что касается египетскихъ памятниковъ, онъ обращаетъ вниманіе на изображеніе *психостазіи*, т. е., *взвѣшиванія души* усопшихъ на вѣсахъ для суда надъ ними,—изображеніе, столь часто встрѣчающееся на египетскихъ барельефахъ и въ иллюстраціяхъ къ „Книгѣ Мертвыхъ“; по мнѣнію Клермона-Ганно, къ этому изображенію должна была привести библейскаго автора весьма естественная ассоціація идей, обусловленная характеромъ самаго изреченія, въ которомъ идетъ рѣчь о *взвѣшиваніи на вѣсахъ*, какъ это явствуетъ изъ выраженія: „ты *взвѣсишь* *ни отвѣсъ* и найдешь неполновѣснымъ“ (Дан. V, 27). Что же касается вавилонскихъ памятниковъ, Клермонъ-Ганно указываетъ на изображеніе, которое очень часто встрѣчается на вавилонскихъ цилиндрахъ, и которое, за неимѣніемъ лучшаго названія, обозначается подъ условнымъ и не вполне точнымъ названіемъ „*сцены посвященія*“. „Если мы сгруппируемъ вмѣстѣ данныя этихъ двухъ пластическихъ изображеній,—замѣчаетъ Клермонъ-Ганно,—то мы получимъ самый *первообразъ* сцены пира Валтасара со всѣми его деталями и аксессуарами: царь, возсѣдающій на тронѣ въ главной залѣ дворца и пьющій изъ свинцовыхъ сосудовъ; его соотрапезники; канделябрь, освѣщающій залу пириества; надпись, начертанная на стѣнѣ; магн, стоящіе въ смущеніи предъ загадочною надписью; царица-мать, появляющаяся предъ царемъ; Даниилъ, введенный предъ царя, въ присутствіи ея объясняющій надпись и награжденный знаками отличія, обѣщанными въ качествѣ награды“. Въ виду этого, Клермонъ-Ганно склоненъ думать, что наилучшимъ комментариемъ, который можно было бы дать къ V главѣ книги Данила, была бы, съ одной стороны, *египетская* вышетка изъ „Книги Мертвыхъ“, изображающая *загробный судъ*: Озирисъ, окруженный сорока двумя судьями, возсѣдаетъ на тронѣ въ адскомъ судилищѣ; богиня Ма (богиня правосудія) вводитъ покойника; боги Горъ (Horus) и Ануписъ взвѣшиваютъ на вѣсахъ сердце покойника, которое считалось вмѣстилищемъ чловѣческихъ пороковъ и добродѣтелей; богъ Тотъ, „господинъ божественныхъ словъ, писецъ божественнаго правосудія“, записываетъ результаты взвѣшиванія и произноситъ приговоръ;—а, съ другой стороны, *вавилонскій* цилиндръ, изображающій

такъ-называемую „*сцену посвященія*“: на переднемъ планѣ—богъ, возсѣдающій на тронѣ и держащій въ рукѣ сосудъ для возліяній; противъ него—большой канделябръ; на краю сцены, загроможденной нѣсколькими фигурами въ различныхъ позахъ, выгравирована надпись; одна изъ упомянутыхъ фигуръ представляетъ богу другую фигуру. Не утверждая, что вавилонская „*сцена посвященія*“, дѣйствительно, однородна съ египетской „*сценой психостазиса*“, Клермонъ-Ганно указываетъ на то обстоятельство, что мы находимъ въ первой сценѣ двѣ характеристическія детали, напоминающія послѣднюю сцену: павіана, символнапряющаго *равновѣсіе* вѣсовъ, и предметъ, въ которомъ Ленорманъ видѣлъ вѣсы (тѣла безмена), а Мепаль—инструментъ для измѣренія, символизировающій *привосудіе*.

Какъ ни заманчивы могутъ казаться, на первый взглядъ, подобного рода сближенія, едва ли можно признать вмѣстѣ съ Клермонъ-Ганно, что египетская „*сцена психостазиса*“ или вавилонская „*сцена посвященія*“ послужила *первообразомъ* для библейской сцены пира Валтасара. Дѣйствительно, сходство между тремя названными выше сценами ограничивается только нѣкоторыми чисто-внѣшними деталями, по существу же онѣ совершенно различны. Оставляя въ сторонѣ вавилонскую сцену, значеніе которой еще не достаточно разъяснено, чтобы ее можно было привлечь къ сравненію, замѣтимъ, что египетская сцена, изображающая судъ Озириса надъ душами усопшихъ въ преисподней, не имѣетъ ничего общаго, по содержанию, съ библейской сценой, выражающей идею небесной кары, которая постигнетъ нечестивца, дерзающаго въ своемъ высокомѣрїи вознестись противъ Всевышняго. Что же касается сходства въ деталяхъ, какъ, напримѣръ, *взвѣшиваніе на вѣсахъ*, которому въ египетской сценѣ подвергаются души усопшихъ для суда надъ ними, а въ библейской—Валтасаръ, то это совпаденіе объясняется въ достаточной степени сходствомъ конкретныхъ образовъ, служащихъ у различныхъ народовъ, на извѣстной ступени ихъ культурнаго развитія, для выраженія абстрактныхъ идей. Во всякомъ случаѣ, нельзя привести никакихъ основаній, которыя указывали бы на заимствованіе библейскимъ авторомъ представленія о *взвѣшиваніи на вѣсахъ*, какъ способъ опредѣленія порочности или праведности человѣка, изъ изображеній на египетскихъ или вавилонскихъ памятникахъ. Что означенное представленіе было не чуждо библейскимъ авторамъ, объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ книги Іова (XXXI, 6): „Пусть *взвѣсятъ* меня на вѣрныхъ вѣсахъ и узнаетъ Богъ правед-

ность мою". Отсюда ясно, что иконологическое объясненіе библейской сцены, предложенное Клермонъ-Ганно, не выдерживаетъ серьезной критики, а, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній для отрицанія *оригинальности* библейской сцены какъ въ отношеніи ея художественной концепціи, такъ и основной идеи.

М. Соловейчикъ.

КЪ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХЪ РЕФОРМЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ.

(Георгій Афонскій).

I.

Среди изслѣдователей исторіи церковной и религіозной жизни христіанскихъ народовъ давно уже установилось мнѣніе, будто съ окончаніемъ иконоборческаго спора и возстановленіемъ ортодоксіи восточнохристіанская церковная жизнь приняла стереотипныя формы и замерла, тогда какъ на Западѣ постоянно шла борьба за религіозные идеалы, борьба за реформы церкви, усваивавшей средневѣковыя, феодальныя институты и становившейся аристократическимъ учрежденіемъ. Тамъ, на Западѣ, монашество и общество выступало за свободу церкви, за чистоту нравовъ, боролось съ симоніей и аристократическимъ строемъ высшаго духовенства, здѣсь, на Востокѣ, уже съ начала X вѣка монашество было индифферентно ко всему происходившему въ жизни, оно перестало уже играть роль въ исторіи. Подобный взглядъ держится, мнѣ кажется, только благодаря тому, что исторія восточныхъ церквей, въ особенности грузинской, армянской и сирійской, въ частности исторія монашества и религіозно-общественныхъ теченій еще очень мало изучена. Болѣе близкое знакомство съ исторіей всѣхъ восточныхъ церквей, болѣе внимательное изученіе соотвѣствующихъ памятниковъ представляютъ изслѣдователю если не тождественную, то по крайней мѣрѣ подобную же картину борьбы за религіозно-нравственные идеалы, за реформы духовной іерархіи, за демократизацію церкви.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ Грузіи, *одни* изъ моментовъ реформаціоннаго движенія церкви которой и будетъ представленъ ниже.

Грузинская церковь, какъ и армянская въ древній періодъ ея существованія, своимъ строго выдержаннымъ сословнымъ строемъ и характеромъ какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства напоминаетъ болѣе римскую, чѣмъ византійскую церковь; начиная отъ священника, кончая епископами и католикосомъ, всѣ принадлежали къ аристократіи, — только лица дворянскаго происхожденія ¹⁾ могли мечтать о духовной дѣятельности; въ „Картлисъ Цховреба“ начало такой аристократизаціи высшаго духовенства приурочено къ VI вѣку, царствованію Фарасмана (542—557 гг.), съ какаго времени уже „перестали призывать католикоса изъ Греціи, а сами грузины, (члены) передовыхъ фамилій стали занимать (патріаршіи престолъ)“ (редакція и. Маріи изд. Такайшвили, 187.; *Картлисъ Цховреба*, изд. З. Чичинадзе, стр. 215). Было ли это дѣйствительно такъ, получило ли привилегированное сословіе исключительное право занимать высшій духовный санъ въ странѣ именно съ момента, указаннаго лѣтописью, или совершилось это позже, сказать точно, при современномъ состояніи изученія нашихъ источниковъ, невозможно.

Характерно, во всякомъ случаѣ, то, что начиная съ VII вѣка вплоть до XI вѣка, всѣ святые мученики и учителя грузинской церкви, за исключеніемъ одного, — Або, араба по происхожденію, принадлежали къ высшему сословію: житія Давида и Константина, цари Арчила, Константина правителя (эристава), Григорія Хандзійскаго ²⁾, Иларіона Грузина, Гоброна, Іоанна и Евоимія афонскихъ ясно указываютъ на это. Къ девятому вѣку, во всякомъ случаѣ, аристократическій, сословный строй грузинскаго духовенства настолько установился и окрѣпъ, что имъ было проникнуто все мышленіе, всѣ идеалы лучшихъ представителей тогдашней церкви — духовныхъ писателей. Это прекрасно видно изъ того факта, что въ VIII—IX вѣкахъ, при редактированіи житія св. Нины писателемъ даже просвѣтительницѣ Грузин было приписано знатное происхожденіе, тогда какъ всѣ древнѣйшіе источники скорѣе указываютъ на обратное (П. Джаваховъ. Проповѣди дѣят. ап. Андрея и св. Нины. *Журналъ Министерства Народнаго*

¹⁾ Г. Д. Каричавилии ошибается, когда утверждаетъ, что священники и діаконы въ Грузіи были преимущественно изъ крестьянскаго сословія („*Грузія въ XII столѣтіи*“ на грузинскомъ языкѣ, стр. 17).

²⁾ Считавшеся утеряннымъ житіе Григорія Хандзійскаго открыто профессоромъ Н. Я. Марромъ въ Іерусалимѣ и сфотографировано. Благодаря любезности Н. Я. Марра я получилъ возможность ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ до его напечатанія.

Просвѣщенія 1901 г. № 1, стр. 88—91). Редакторъ житія былъ настолько проникнутъ аристократическимъ стремъ и происхожденіемъ современнаго ему духовенства, что отецъ и дядя Ницы могли рисоваться ему только въ образѣ высшаго государственнаго сановника и іерарха церкви; современность заставляла его, очевидно, представлять аристократическій строй даже въ древней церкви.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ мы уже застаемъ въ церкви такіе порядки, что даже въ діаконы и въ священники не могли быть посвящаемы вольноотпущенники и крѣпостные; нарушение этого принципа считалось неслыханнымъ событіемъ, дѣломъ необычайнымъ (см. изд. церковн. музея грузин. экзархата *Житіе Георгія Святотурца*, стр. 326)!..

Исключительно аристократическое происхожденіе грузинскаго духовенства, конечно, не могло не отразиться вредно на его характерѣ и направленіи. Іерархія переносила свои сословныя понятія и привычки въ церковныя отношенія и среду. Симонія давала возможность получить епископскій санъ наиболѣе богатымъ членамъ знатныхъ родовъ. Какъ духовные іерархи, они владѣли большими церковными имуществами, крѣпостями, имѣли своихъ „людей“, свою рать, которую въ случаѣ необходимости могли выставить противъ враговъ. У нихъ, однимъ словомъ, была не только духовная власть, но и свѣтская. Они принимали активное участіе въ политическихъ дѣлахъ и падалились то въ рядахъ феодаловъ, сражавшихся съ царемъ, то въ рядахъ сторонниковъ монарха.

Когда, напримѣръ, феодалы измѣнили царю Баграту и перешли на сторону византийскаго императора Василія, сдавъ послѣднему всѣ свои крѣпости, то „Савва, епископъ тбетскій, построилъ крѣпость близъ церкви Тбети и назвалъ ее „Свети“ (Столпъ). Онъ собралъ тогда „народъ“ (сі=воинство или народъ) свой и вошли въ нее самъ Савва, епископъ тбетскій, Ездра, епископъ анчіскій, и шавшетскіе дворяне и укрѣпились въ ней“ (см. *Хронику Сумбата*, изд. Е. Такайшвили, стр. 76, сравни русскій переводъ его же въ *Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа*, XXVIII в., стр. 175). Соединенныя силы грековъ и отпавшихъ феодаловъ упорно осаждали епископовъ съ ихъ людьми, но „Богъ, говоритъ историкъ, укрѣпляетъ находившихся въ той (крѣпости) „Свети“, и они, какъ преданные и истинные мученики Божьи, готовы были идти на смерть и пожертвовать собою ради своихъ земныхъ (собственно гѣлесныхъ) владыкъ“ (ibid. 77, сравн. ibid. 175).

Въ царствованіе того же Баграта возсталъ неугомонный феодалъ

Липаритъ и началъ вести свою обычную опустошительную кампанію: вывелъ изъ города Ани правителей Баграта и захватилъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ; царь поспѣшно направился на своего непокорнаго вассала. „Тогда, говоритъ грузинскій историкъ, вывелъ месховъ благодаря богатству ацкурскій (епископъ) на помощь Баграту, который стоялъ (въ оригиналѣ наст. в.) въ Хртила. Липаритъ же собралъ кахетинцевъ и подошелъ къ Покта. Но (вдругъ) ацкурскій (епископъ) бѣжалъ отъ царя Баграта и соединился (соб. сговорился) съ Липаритомъ“ (*Картлис Цховреба*, изд. Чичинадзе, стр. 326).

Еще въ первые годы вступленія этого монарха на престолъ епископы Ганы Юанигъ, вмѣстѣ съ другими дворянами области Тао, отложились и перешли на сторону византийскаго императора (см. *Картлис Цховреба*, изд. Чичинадзе, 317 и *Хроника Сумбата*, 75). Такимъ образомъ епископы не довольствовались духовной сферой влияния и съ оружіемъ въ рукахъ старались выразить свои симпатіи и антипатіи. Воплоти понятнo, что при такомъ положеніи дѣлъ духовенство не могло исполнять своихъ прямыхъ обязанностей, оно не могло стоять выше мѣстныхъ, сословныхъ или фамиліальныхъ предразсудковъ, оно не въ состояніи было являться примирителемъ враждующихъ и проводить въ жизни правила христіанской морали. Церковь постепенно отдалялась отъ народа и переставала выполнять свое непосредственное назначеніе. Но была въ Грузіи личность, которая возстала противъ такого состоянія церкви и требовала отъ духовенства осуществленія въ жизни заповѣдой Христа.

Это былъ извѣстный ученый монахъ Георгій Авоцскій, или, какъ его чаще называютъ, Святогорецъ; до послѣдняго времени изслѣдователи касались исключительно его выдающихся литературныхъ заслугъ, между тѣмъ какъ совершенно упускалась изъ виду великая *реформаторская* дѣятельность этого выдающагося чловѣка; и онъ также происходилъ изъ знатнаго рода; отецъ его, Іаковъ, былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ сановниковъ царя Георгія I, которымъ онъ былъ отправленъ съ дипломатическою миссіею въ Персію. Выполнявъ усгѣшно свою задачу, Іаковъ вернулся на родину и женился; отъ этого брака родился Георгій; когда мальчику исполнилось семь лѣтъ, родители, согласно данному обѣту, отослали его въ женскій монастырь Тадзриси, гдѣ воспитывалась и его старшая сестра; тамъ пробылъ мальчикъ три года и обучался священному писанію, послѣ чего его взяли на воспитаніе въ монастырь Хахули его двое дядей; посовѣтовавшись съ передовыми людьми того времени, дяди

рѣшили отдать маленькаго Георгія на обученіе извѣстному тогда богослову Иларіону Туалелі. Спустя немного времени, одинъ изъ дядей мальчика поѣхалъ вмѣстѣ съ феодаломъ Ферисомъ, сыномъ Джорджика, въ Византію и взялъ съ собою своего племянника Георгія; тамъ онъ пробылъ, по словамъ біографа, двѣнадцать лѣтъ, овладѣлъ въ совершенствѣ греческимъ языкомъ и получилъ въ Константинополѣ, подъ руководствомъ „мудрецовъ и риторовъ“, „несвѣтскихъ, богобоязненныхъ монаховъ“, философско-схоластическое образованіе. Когда Георгій вернулся на родину, то уже не засталъ въ живыхъ матери. Повидавшись съ отцомъ, онъ отправился къ своему второму дядѣ, въ Хахульскій монастырь, и двадцатипяти лѣтъ, по словамъ его ученика-біографа, постригся въ монахи (*Житіе*, тифлис. изд., стр. 291). Но тутъ Георгій пробылъ недолго; тайно отъ всѣхъ, бѣжалъ онъ изъ монастыря и прибылъ на Черную Гору; тамъ онъ сталъ ученикомъ извѣстнаго монаха Георгія-Молчальника; тотъ помѣстилъ своего ученика въ монастырѣ св. Романа, гдѣ онъ и провелъ три года. Вскорѣ учитель постригъ Георгія въ схимники и отправилъ въ Палестину поклониться святымъ мѣстамъ. Обѣхавъ Святую землю, Георгій вернулся вновь къ своему наставнику. Тогда Георгій-Молчальникъ посоветовалъ своему ученику приняться за переводческую дѣятельность и закончить такимъ образомъ то, что не успѣлъ сдѣлать св. Евоимій Аеонскій. Георгій долго не рѣшался, но долженъ былъ уступить, наконецъ, настойчивымъ просьбамъ своего учителя и отправиться на Аоонскую гору, въ грузинскій монастырь, гдѣ находились переводныя и редакторскія труды отца Евоимія. По приходѣ своемъ на Аеонъ, онъ принялся за изученіе всѣхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Пверскаго монастыря (*ibid.*, 299); взявъ за образецъ Евоимія, онъ началъ вести строгую, аскетическую и трудовую жизнь. На Аеонѣ всѣ обратили на него вниманіе; вскорѣ онъ былъ посвященъ во священники, деканы и регенты хора. Съ этого момента Георгій принялся за переводческую дѣятельность; предварительное знакомство съ трудами предшественниковъ облегчало ему, конечно, выполненіе намѣченной задачи; онъ зналъ, въ какомъ направленіи была начата работа, знаетъ, сколько было выполнено, и могъ ясно представить, что ему еще оставалось сдѣлать. Необходимыя въ этомъ вопросѣ указанія и приблизительный списокъ предстоящихъ переводовъ были, вѣроятно, сообщены Георгію его учителемъ, когда тотъ просилъ его продолжать начатое Евоиміемъ дѣло переводовъ и исправленій грузинскихъ литургическихъ памятниковъ. Писательская дѣятельность Георг-

гія проявилась вслѣдствіе этого въ трехъ видахъ: во-первыхъ, онъ докончилъ переводы тѣхъ произведеній, которыми были начаты еще Евѳиміемъ, но—то по недостатку времени, то по причинѣ смерти его—остались невыполненными; во-вторыхъ, онъ перевелъ тѣ изъ извѣстныхъ патристическихъ сочиненій, которыя до того не имѣлись на грузинскомъ языкѣ, или которыя нуждались, по его мнѣнію, въ новомъ переводѣ; въ-третьихъ, онъ сличилъ съ греческими текстами, исправилъ разночтенія, или отступленія, которыя ему казались тенденціозными или же случайными искаженіями, и проредактировалъ новозавѣтные памятники, переведенные въ древности съ армянскаго (ibid., 310, 294—295)¹⁾. Политическія гоненія, которымъ подвергся Иверскій монастырь за соучастіе игумена въ заговорѣ противъ императора, троекратное разграбленіе греками монастырскаго имущества и угрозы объ изгнаніи ихъ съ Аона, заставило грузингъ-монаховъ подумать о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ исторію основанія Иверскаго монастыря и борьбы грековъ съ грузинами и жизнеописаніе знаменитыхъ ктиторовъ: Іоанна, Торникія и Евѳимія, оставили въ назиданіе потомству. Братья и духовные отцы поручили взяться за изложеніе этой исторіи Георгію, и онъ согласился, начавъ, по словамъ его біографа, съ того, что „разспросилъ и разузналъ отъ учениковъ и друзей святого отца нашего, великаго Евѳимія, о безплотной и сверхчеловѣческой жизни и подвижничествѣ его отца, Іоанна, и другихъ святыхъ монаховъ, а также о построеніи этой великой лавры и объ уставѣ (собственно — распорядкѣ), который ввелъ святой отецъ.

¹⁾ Георгій Святогорецъ, несмотря на всю преемущую ему, по сообщенію біографа, скромность, хорошо сознавалъ и высоко ставилъ достоинства своихъ переводовъ. Изъ одного, не безъ юмора и остроумія написаннаго, поощенія къ своему переводу псалмовъ, ясно видно, какъ онъ ревниво относился къ точности своего произведенія: „.... я умоляю всѣхъ ... которые будете списывать, чтобы вы не переписали безъ намѣненія, все такъ же, какъ здѣсь [въ оригиналѣ] найдете, не прибавляйте и не выкидывайте ничего: мы сами все, что слѣдовало, внесли, все, что нужно было [выбросить], выпустили, какъ этого требовали [особенности] нашего языка и приемы работы, ни „и“, ни „ибо“ (доп-ани, рамет у) не выкидывайте. Разумному человѣку нужно понять, что эти „и“ и „ибо“ и намъ были извѣстны, что и [мы знали], могло ли оно или другое какое-либо слово попортить переводъ [или итѣ], и что мы не выбросили бы и не уничтожили ихъ [безъ нужды]. Если же кто-либо будетъ педолозить нашимъ съ большимъ трудомъ и полной всенкой истины выполненною работой и будетъ знать къ (каі), или гар (γάρ), или оти (ὅτι), либо Богъ и Господь, да къ тому же будетъ риторомъ или философомъ, тогда пусть онъ надъ нашимъ трудомъ не мудрствуетъ, а самъ какъ хочетъ переведетъ вновь!“ (М. Джанашиви, Груз. Литер., 108).

Евонимій“ (ibid., 299); онъ перелисталъ всѣ книги, написанныя Іоанномъ и знаменитымъ сыномъ его, перечиталъ всѣ записи, которыя могли дать интересныя свѣдѣнія для составленія ихъ біографіи и очерка литературной дѣятельности (*Житіе Іоанна и Евонимія*, изд. Тифлиса., стр. 4, 18, 30) и только послѣ этого началъ онъ писать порученное сочиненіе; оно дошло до насъ въ рукописи, писанной восемью лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Этотъ памятникъ, какъ по своимъ историческимъ достоинствамъ и богатству собраннаго въ немъ матеріала о монашеской жизни на Афонѣ, такъ вслѣдствіе своихъ литературныхъ качествъ можетъ сдѣлать честь любой литературѣ.

Эта работа была какъ бы подготовкой для дальнѣйшей дѣятельности Георгія; его высокія духовныя качества, необыкновенная эрудиція въ области церковной литературы, заставляли обращать взоры всѣхъ грузинъ-монаховъ на него; и, какъ лучший представитель, онъ былъ выбранъ единогласно въ игумены Иверской лавры (*Житіе Георгія*, ibid., 298). По вступленіи въ отправление своихъ обязанностей, онъ прежде всего постарался возстановить уставъ, данный монастырю св. Евониміемъ, и „такимъ образомъ, говорить біографъ, онъ ревностно пошелъ по стопамъ святого отца нашего Евонимія и всѣ его правила и каноны и установленія такъ возлюбилъ, какъ если бы они исходили изъ устъ Бога и были утверждены святыми апостолами“ (ibid., 299). Этотъ уставъ не дѣйствовалъ уже со временъ игумена Георгія, бывшего непосредственно послѣ Евонимія игуменомъ Иверскаго монастыря и желавшаго ввести свои правила (*Житіе Іоанна и Евонимія*, ibid., стр. 59).

При составленіи жизнеописанія знаменитыхъ ктиторовъ Иверскаго монастыря, Георгій Святгорець имѣлъ случай хорошо изучить уставъ Евонимія и оцѣнить по достоинству его хорошія стороны. Главныя черты этого устава заключались въ проведеніи полного равенства всѣхъ монаховъ и христіанско-общественныхъ началъ въ жизни. Многіе изъ людей знатныхъ или состоятельныхъ, которые приходили въ монастырь постричься, приносили съ собою большое имущество, и тѣмъ не менѣе не оставляли своихъ прежнихъ наклонностей и привычекъ, получали, послѣ кратковременнаго испытанія, отказъ въ постриженіи и въ пребываніи въ обители. „Простите, говорилъ въ такихъ случаяхъ отецъ Евонимій, мы васъ не можемъ постричь; вы — люди именитые, а мы — люди бѣдные и странники (въ духовномъ смыслѣ); разъ вы дадите деньги церкви, то вы захотите жить такъ, чтобы васъ не тревожили (собственно — жить спокойно), а мы, быть можетъ,

не сможемъ не побезпокоить, и вамъ будетъ потомъ тяжело, да и всѣмъ братьямъ..." (*Житіе Іоанна и Евеліи*, *ibid.*, 45, 46). Только тѣ изъ знати, которые могли подчиниться требованіямъ монастырскаго устава, получали охотно разрѣшеніе остаться въ монастырѣ (*ibid.*, 46, 47, 52). Людей же незнатнаго происхожденія, но трудолюбивыхъ, онъ принималъ съ удовольствіемъ, говоря: „Лучше принять такихъ, чѣмъ того, который далъ бы мнѣ [для монастыря] тысячу драхмъ“ (*ibid.*, 46).

Имѣть частную собственность было строго запрещено монахамъ, ни покупать, ни продавать, что бы то ни было, безъ соизволенія папѣ игумена не разрѣшалось; даже платье и облаченіе п то не должно было считаться собственностью одного лица, имъ могли пользоваться и другіе братья въ случаѣ надобности. Однажды отецъ Евоимій предложилъ какому-то діакону одѣть чужое облаченіе, висѣвшее въ церкви; оно принадлежало одному архидіакону знатнаго происхожденія, сдѣлавшему большой вкладъ въ монастырь. Это облаченіе было заказано имъ для себя только, и онъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо другой пользовался имъ; первый діаконовъ, которому всѣ эти обстоятельства были хорошо извѣстны, во избѣжаніе несприятностей, отказался исполнить повелѣніе игумена, прп чемъ онъ объяснилъ и причину своего неповиновенія. Тогда отецъ Евоимій позвалъ къ себѣ архидіакона и спросилъ, желаетъ ли онъ, чтобы кто-нибудь изъ его духовной братіи одѣлъ его облаченіе и совершилъ съ нимъ вмѣстѣ богослуженіе? Евоимій замѣтилъ по выраженію лица его, что тому было это не особенно пріятно. По окончаніи службы Евоимій спросилъ архидіакона: „Скажи правду, что же ты оставилъ въ міру?“—„Не безизвѣстно, святой отецъ, твоему достоинству“, отвѣтилъ архидіаконъ, „что я оставилъ родителей, братьевъ и не мало имущества и благопріобрѣтеннаго, а сколько я передалъ въ твои святыя руки, тебѣ самому извѣстно...“ Евоимій заставилъ принести огонь, сжегъ облаченіе, сказавъ, что обыкновенно говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ: „Намъ заповѣдано душу свдю положить за братьевъ своихъ, а ты эту тлѣнную вещь предпочитаешь брату своему!..“ (*ibid.*, 43—44).

Всеи братья, наконецъ, должна была принимать участіе въ различныхъ полевыхъ, садовыхъ и другихъ хозяйственныхъ работахъ. Самъ игуменъ первый подавалъ примѣръ и всегда, когда ему позволяло время, принималъ участіе въ полевыхъ работахъ (*ibid.*, 45, 47—48, 50).

Вотъ основныя черты устава отца Евонмія, который былъ возстановленъ Георгіемъ при вступленіи его въ игуменство.

Административная дѣятельность отнимала у него очень много времени: хожденіе въ Константинополь для ходатайствъ по монастырскимъ дѣламъ, объ имущественныхъ вопросахъ лавры и испрашиваніи хрисовуловъ (*И. Герцил, ibid., 302, 303*), участіе въ Протатѣ¹⁾ и, наконецъ, ежедневныя заботы о духовной братіи постоянно отвлекали Георгія отъ литературныхъ занятій. Онъ видѣлъ, что совмѣщеніе невозможно, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ игуменства рѣшилъ оставить свою должность, чтобы вновь приняться за писательскую дѣятельность (*ibid., 307*). Свое рѣшеніе, несмотря на усердныя молибы братіи, привелъ онъ въ исполненіе вскорѣ, — оставилъ игуменство, взялъ отпускную грамоту отъ императора и отправился на Черную Гору (*ibid., 308*). Но до прибытія туда Георгію пришлось побывать въ Палестинѣ, чтобы исполнить порученіе матери царя Баграта IV, раздать деньги монастырямъ въ святой землѣ; вернувшись съ поѣздки, Георгій прибылъ на Черную гору къ своему учителю и предался литературной дѣятельности. Слава объ его высокихъ подвигахъ, выдающейся эрудиціи и переводныхъ трудахъ быстро распространилась по всемъ грузинскимъ монастырямъ, находившимся въ Палестинѣ, Антиохіи и въ самой Грузіи. Его переводы во множествѣ списковъ распространялись по обителямъ, бывшимъ за предѣлами Кавказа (*ibid., 310, 316*), хотя и изъ Грузіи уже многія частныя лица заказывали для себя копіи съ его произведеній (*ibid., 311, 316*); ученики съ различныхъ мѣстъ Грузіи стекались къ нему, получали духовное образованіе и возвращались обратно на родину, гдѣ посвящали себя монастырскому служенію (*ibid., 296, 320, 328, 330*).

Еще въ бытность свою въ Константинополь царь Багратъ IV предложилъ ему занять Чкондидскую кафедру, — лучшую изъ всѣхъ епархій въ Грузіи, — которая въ то время оставалась вакантною; но тотъ на отрѣзъ отказался взять на себя церковно-административныя обязанности (*ibid., 305*). Когда же Георгій закончилъ свою переводческую дѣятельность, то царь опять послалъ къ нему изъ Грузіи приглашеніе, пріѣхать на родину и распространить въ церквахъ свои новые переводы (*ibid., 316, 317*). „Тамъ, писалъ царь Георгію, на Черной Горѣ нашихъ монастырей мало, такъ какъ страна чужая, — а мое царство обширно, велико и возвышенно (соб. высоко), въ немъ

¹⁾ Протатъ находился въ Карѣ.

очень много прославленныхъ епископскихъ церквей и монастырей; такъ да убѣдить Богъ вашу святость, чтобы вы изволили побезпоииться и мы получили бы отъ васъ благословеніе и просвѣтились, а также дабы наши церкви наполнились рѣками вашихъ боговдохновенныхъ книгъ, оживляющихъ души“ (ibid., 317).

Георгій согласился и сообщилъ объ этомъ царю Баграту, который съ радостью выслалъ одного посланца съ доньгами и необходимыми письмами къ аптioxійскому патріарху и мѣстному правителю, чтобы Георгію было дано позволеніе выѣхать на родину (ibid., 317). Взявъ благословеніе отъ своего учителя, Георгій вмѣстѣ съ однимъ своимъ ученикомъ осенью 1060 года пустился въ путь. Послѣ долгаго и затруднительнаго путешествія они достигли города Потн, откуда верхомъ доѣхали до Кутаиса.

Царь, духовенство и вельможи приняли ученаго монаха съ большимъ почетомъ. Отъ Кутаиса до Карталиніи, гдѣ въ то время находился царь, сопровождалъ его кутаисскій епископъ Иларіонъ, а придворные и архипастыри выѣхали по приказанію царя навстрѣчу. Приемъ былъ блестящій, хотя время было тогда въ Грузіи тяжелое: уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовалъ сильный голодъ; даже въ моментъ пріѣзда Георгія, несмотря на то, что голодъ уже стихалъ (ibid., 326), „можно было видѣть, рассказываетъ намъ очевидецъ, какъ нечистые, запрещенные христіанамъ (предметы) для ѣды считались великимъ даромъ“..., „желанныя и любимыя дѣтн, которыхъ родители съ мольбой выпросили у Бога, становились для нихъ предметомъ огорченія и ненависти“... (ibid., 325). Много народу погибло,—да и тѣ, „которые перенесли это ужасное зло и едва избавились отъ голодной смерти..., жили въ большомъ бѣдствіи и находились между жизнью и смертью“ (ibid., 325—326).

Въ ужасномъ положеніи засталъ Георгій своихъ двухъ племянниковъ; ему пришлось ихъ приютить; но не ихъ однимъ,—со всѣхъ сторонъ стекались къ нему голодающіе, одни приволили дѣтей и умоляли Георгія взять ихъ, другіе приходили, оставляли малышей у его дома, а сами бѣжали оттуда (ibid., 326). Такое потрясающее зрѣлище, такія ужасныя картины пришлось видѣть великому отшельнику съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Грузію.

Онъ былъ такъ подавленъ несчастіями, ему было такъ тяжело, что онъ часто плакалъ, восклицая: „Увы мнѣ, зачѣмъ пришелъ я въ эту страну, чтобы видѣть подобныя несчастія (собственно множественное число отъ *зло*)!“ (ibid., 326).

Съ отеческой любовью и попеченіемъ пріютилъ онъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ безпомощные родители оставляли на произволъ судьбы; онъ старался облегчить ихъ участь (*ibid.*, 326), кормилъ въ продолженіе пяти лѣтъ и обучалъ ихъ грамотѣ и священному писанію.

Но многимъ ли онъ могъ помочь, развѣ достаточно была его полная самоотверженія благотворительная дѣятельность въ такой серьезный моментъ народнаго бѣдствія?.. Тутъ нужны были соединенныя усилія всѣхъ имущихъ, только тогда возможно было хоть нѣсколько облегчить страданія бѣдствовавшему народу.

Такая помощь населенію могла и должна была быть организована настоярями церквей; ихъ духовный авторитетъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы вызвать въ высшихъ сословіяхъ благотворительность. Между тѣмъ Георгій Святгорецъ видѣлъ, какъ хладнокровно относилось большинство архипастырей къ народному бѣдствію, какъ глухо было оно къ страданіямъ паствы. Одни изъ нихъ въ безграничномъ тщеславіи старались увѣковѣчить свои имена драгоценными украшеніями церковной утвари, большими вкладами въ монастыри, чтобы фамиліи и имена ихъ красовались въ монастырскихъ синодикахъ и передавали потомству объ ихъ заслугахъ передъ святыми обителями (*ibid.* 323), другіе копили просто напросто деньги и богатства для личнаго удовольствія (*ibid.*, 321); а жители, ихъ паства, погибали кругомъ отъ голода!

Но со стороны тогдашнихъ епископовъ большаго ожидать нельзя было: симонія, это ужасное общественное зло, продажа высшей властью церковныхъ должностей за деньги, открывала путь къ духовной дѣятельности лицамъ только привилегированнаго сословія и людямъ состоятельнымъ; не природная склонность къ служенію церквей, не влеченіе къ религіозной жизни, но деньги и знатное происхожденіе опредѣляли при такой системѣ выборъ лица на должность епископа (*ibid.*, 321). А кого бы назначилъ священникомъ такой епископъ, если не себѣ подобнаго? а такъ шло сперху до низу все въ одномъ и томъ же духѣ (*ibid.*, 321).

И вотъ Георгій Святгорецъ, послѣдователь принциповъ Евонмія Леонскаго, которые мы теперь назвали бы демократическими, началъ вести смѣлая обвинительныя рѣчи прежде всего противъ того именно, отъ котораго зависѣла продажа епископствъ,—царю первому пришлось выслушать горькіе укоры имъ же приглашеннаго монаха: „Прежде всего, говорить біографъ, онъ паточилъ мечъ обвиненій противъ ца-

рей (pl. majestatis) изъ-за беззаконій; безъ страха, нелиценціятно. Мудро и умно (укоряль онъ) царя, чтобы тотъ не продавалъ епископствъ людямъ недостойнымъ и неучамъ, во всемъ проникнутымъ мірскимъ и выросшимъ въ неурядкѣ и въ скитаніи, а выбиралъ лицъ, достойныхъ, святыхъ, воспитанныхъ въ монашествѣ и одобренныхъ боговдохновенными учителями* (ibid., 321). Тутъ въ высшей степени характерно выраженіе „во всемъ проникнутымъ мірскимъ, лицамъ, выросшимъ въ неурядкѣ и скитаніи“—выраженіе, относящееся къ большинству тогдашнихъ епископовъ; очевидно, это были люди изъ феодалской среды, до епископства не прошедшіе серьезно даже монашества, бывшіе духовными лицами только наружно, напоказъ...

Чего же требовалъ Георгій Святгорецъ? — онъ требовалъ, во-первыхъ, назначенія епископами лицъ только изъ дѣйствительно монашескаго званія, во-вторыхъ, — необходимость согласія и одобренія выбора царя со стороны „боговдохновенныхъ учителей“; онъ требовалъ такимъ образомъ уничтоженія симоніи и ограниченія единоличнаго назначенія царемъ епископовъ необходимостью согласія духовныхъ учителей, т. е. приближенія къ требованіямъ церковныхъ канонѳв. Обличительныя рѣчи Георгія Святгорца пришлось выслушать и іерархамъ грузинской церкви; онъ укоряль этихъ духовныхъ князей и увѣщевалъ, чтобы они не совершали рукоположенія по пристрастію и не посвящали бы недостойныхъ во священники... „чтобы не копили себѣ золота и серебра, а больше всего были бы милосердны къ бѣднымъ и немощнымъ“ (ibid., 321). Нашъ знаменитый монахъ пошелъ дальше, предостерегая епископовъ отъ чрезмѣрныхъ затратъ на украшеніе монастырей и соборовъ, въ то время, когда народъ бѣдствуетъ; не это, а помощь страдальцамъ должна была быть по его мнѣнію идеаломъ духовныхъ пастырей. Вотъ что сказалъ, напримѣръ, онъ одному очень богатому и именитому епископу, котораго, по словамъ біографа Георгія, подстрекаль дѣволъ, „чтобы онъ своими обильными драгоценностями (собственно богатствомъ своихъ драгоценностей) снабжалъ и разукрашалъ церкви, дабы въ монастыряхъ были установлены (на его имя) „агапы“¹⁾, — съ какой цѣлью и сберегалъ онъ свое богатство, а на бѣдныхъ не обращалъ совершенно вниманія.—„Владыко, сказалъ ему Георгій, это есть (ничто иное, какъ) искушеніе врага (борьба дѣвола), съ той цѣлью, чтобы онъ подъ предлогомъ (соб. по причинѣ) (украшенія) церковей и „агаповъ“ убилъ тебя (твоимъ) безсердечнымъ (соб.

¹⁾ Служба объ отпущеніи грѣховъ и поминальная трапеза монахамъ.

въ безсердечномъ) отношеніемъ къ бѣднымъ; вѣдь не говорить намъ Богъ, украшайте де церкви, а то, что „я былъ голоденъ и вы меня не накормили!“ (ibid., 323) ¹⁾.

Итакъ, чрезмѣрное увлеченіе великолѣбіемъ церковей,—это искушеніе діавола... искушеніе діавола потому, что Христосъ никогда не говорилъ объ украшеніи церковей и великолѣбнн построекъ, любовь къ ближнему, состраданіе къ алчущимъ и жаждущимъ были его одной изъ главныхъ заповѣдей. Тамъ, гдѣ народъ голодалъ, грѣшно было думать и тратить деньги на украшеніе церковей,—такъ училъ наипы знаменитый подвижникъ. Трудно выбрать болѣе удачный моментъ для отгѣсненія первенства этическихъ заповѣдей въ ученіи Іисуса Христа, трудно ярче противопоставить безжизненный идеалъ средневѣковаго, сословнаго духовенства, видѣвшаго всю суть христіанства во внѣшней формальности, великому жизненному идеалу любви къ ближнему, завѣщанному Іисусомъ Христомъ!

Но Георгій Святогорець не ограничился своей ролью обвинителя духовенства, онъ выступилъ самъ въ качествѣ активнаго дѣятеля и реформатора и попытался провести въ грузинской церковной средѣ свои идеалы; онъ рѣшился нарушить аристократическія традиціи грузинскаго духовенства и первый постригъ во священники людей, происходившихъ изъ среды крѣпостныхъ и рабовъ (ibid., 326). Впечатлѣніе было необычайное, „по всему востоку (т. е. Грузіи въ устахъ аеонскаго писателя), говорить биографъ, распространился (слухъ) объ этомъ поразительномъ дѣлѣ“ (ibid., 326). До чего это было необыкновенно, ясно видно изъ того, что еще послѣ смерти Георгія Святогорца его ученикъ-биографъ находилъ нужнымъ разъяснить своимъ читателямъ правильность смѣлаго поступка своего великаго наставника: „Пусть никто не удивляется этому, потому что и патріархъ Іосифъ, который впослѣдствіи сталъ властителемъ (соб. царемъ) Египта, былъ рабомъ, а святость прославляется среди всѣхъ; а Давидъ и Амосъ,— не говоря обо всѣхъ въ отдѣльности, — не пастухами ли были они, между тѣмъ одинъ изъ нихъ сталъ царемъ, а другой—пророкомъ“ (ibid., 326).

¹⁾ Биографъ Георгія сообщаетъ, что эта фраза заимствована изъ Іоанна Златоуста (ibid.). Намъ не удалось установить, откуда именно. Въ данномъ случаѣ важно не то, что эта фраза заимствована, а то обстоятельство, что Георгій Святогорець понималъ всю глубину ея и имѣлъ смѣлость напоминать о ней средневѣковому духовенству и обществу.

Что же, собственно, сдѣлалъ Георгій Святогорецъ?—Своимъ смѣлымъ дѣйствіемъ онъ поколебалъ традиціонный строй грузинской церкви, основанный на сословныхъ принципахъ и феодальныхъ институтахъ, — онъ выдвинулъ впередъ значеніе личныхъ, а не сословныхъ достоинствъ и призналъ этимъ право за членами всѣхъ сословій получать духовный санъ, т. е. онъ сдѣлалъ попытку демократизировать грузинскую церковную іерархію. Шагъ для того времени смѣлый, — въ особенности въ Грузіи, гдѣ вся общественная жизнь покоилась на сословномъ строѣ; вѣдь и въ Западной Европѣ демократизація церкви и монашества началась только съ XIII вѣка: св. Францискъ первый сдѣлалъ попытку нарушить тамъ аристократическія традиціи римско-католическаго духовенства (А. Harnack. Das Mönchthum. Fünfte Auflage, S. 49, 50).

Пять лѣтъ провелъ Георгій Святогорецъ въ Грузіи въ такой интенсивной работѣ, реформа клира была его мечтой. Его обличительныя рѣчи имѣли вначалѣ, по крайней мѣрѣ, сильное вліяніе; самъ царь, даже католикосъ и многіе епископы, исповѣдывали ему свои грѣхи и калялись (*Житіе Георгія*, *ibid.*, 320); архіепископъ кутаисскій Иларіонъ сдѣлался его послѣдователемъ (*ibid.*, 319); народъ массами стекался къ нему, чтобы послушать наставленіе и получить благословеніе отъ него; едва оставалось у него время, чтобы принять пищу (*ibid.*, 321). Послѣ пятилѣтней напряженной дѣятельности Георгій Святогорецъ простился съ царемъ, духовенствомъ и вельможами, взявъ съ собой восемьдесятъ человѣкъ, собранныхъ имъ во время голода, и поѣхалъ обратно на Афонъ, но умеръ на пути, въ Константинополь, въ среду (*ibid.*, 336) 29-го іюня (*ibid.*, 347) 1065 года (см. Ф. Жорданія. *Хроники* т. I, 209).

Почему же оставилъ Георгій свою родину и вновь выѣхалъ въ Византію, считалъ ли онъ свое дѣло законченнымъ, или убѣдившись въ силѣ своихъ противниковъ (*ibid.*, 327), счелъ онъ невозможнымъ продолжать свою работу?.. Его біографъ, къ сожалѣнію, не дастъ намъ отвѣта. Ясно только одно, что Георгій Святогорецъ и не могъ брать на себя задачи окончательно реформировать грузинскую церковь; онъ и не могъ задаваться такой мыслью, такъ какъ на это не имѣлъ никакого права, какъ монахъ и бывший игуменъ онъ стоялъ ниже всѣхъ тѣхъ епископовъ, которыхъ онъ такъ рѣзко обличалъ; реформировать церковь и смѣстить іерарховъ могъ только духовный соборъ и никто другой. Великая заслуга Георгія заключается въ томъ именно, что онъ своей обличительной проповѣдью, отгнѣніемъ эти-

ческихъ обязанностей пастырей, требованіемъ демократизаціи духовной іерархіи, подготовилъ почву для церковной реформы, которая была проведена нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ его смерти на Руисо-урбинскомъ церковномъ соборѣ. Своей блестящей проповѣдью, своими смѣлыми дѣйствіями Георгій Святогорецъ положилъ начало великому дѣлу церковныхъ реформъ въ Грузіи.

И. Джаваховъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ ¹⁾.

Доводить ли ассоціанистическую теорію до той послѣдовательности, до какой доводится она у Спенсера или даже только у Милля или не доводить, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что для современной психологіи не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наппи воспріятія сверхъ ощущеній содержатъ въ себѣ и различныя ихъ истолкованія, часто соединенныя съ ощущеніями самою тѣсною связью, которая, какъ бы ни была подготовлена она нашею организаціею, никакъ не можетъ быть признана даже въ жизни индивидуума чѣмъ то непосредственно даннымъ, простымъ результатомъ организаціи, а несомнѣнно обусловлена предварительными процессами и постояннымъ и многократнымъ примѣненіемъ результатовъ этихъ процессовъ въ жизни сознанія. Психологія доказываетъ, что такого рода ассоціативнымъ характеромъ отличается не мало явленій и въ самомъ пространственномъ синтезѣ воспріятій. Несомнѣннымъ при этомъ остается и то, что къ такимъ самымъ тѣснымъ ассоціациямъ, которыя непосредственнымъ сознаніемъ не различаются отъ непосредственно данныхъ сочетаній, наука относится подобнымъ же образомъ, какъ относится она къ тѣмъ сочетаніямъ, которыя по взгляду эмпиризма, будучи также неразрывными ассоціациями, ошибочно принимаются за умозрительныя истины. | **Вовсе не предпринимая въ собственномъ смыслѣ методическаго изслѣдованія ихъ состоятельности, даже совѣтъ не придавая значенія тому или другому психологическому рѣшенію**

¹⁾ *Продолженіе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ.

вопроса объ ихъ происхожденіи, если это рѣшеніе прямо не указываетъ на возможность впасть въ ошибку при пользованіи ими въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, наука продолжаетъ пользоваться ими прямо какъ такимъ матеріаломъ знанія, который не нуждается ни въ какомъ методическомъ оправданіи довѣрія къ нему.

Конечно, осторожный представитель точнаго знанія въ наше время пользуется даже и при установкѣ фактовъ строгими приемами, которые включаютъ въ себѣ и фактическую провѣрку тѣсно ассоціированныхъ въ воспріятіи съ ощущеніями ихъ истолкованій. Но эта осторожность простирается лишь на тѣ истолкованія, относительно которыхъ уже на основаніи предшествующаго опыта непосредственнаго сознанія или самой же науки можно догадываться, что они при тѣхъ или другихъ условіяхъ могутъ оказаться не приложимыми, т. е. которыя вслѣдствіе расширяющагося опыта вызываютъ какія либо недоумѣнія въ безусловности своего примѣненія; и въ отношеніи къ этого рода истолкованіямъ провѣрка производится лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ можно, также на основаніи предшествующаго опыта, предполагать наличность въ данномъ случаѣ тѣхъ особыхъ условій, при которыхъ ассоціативное истолкованіе оказывается ошибочнымъ. Образъ, данный въ зрительномъ воспріятіи, осторожный изслѣдователь, конечно, не приметъ безъ провѣрки за матеріальный предметъ, коль скоро оказывается какой нибудь поводъ (хотя бы на примѣръ при спиритическихъ сеансахъ) заподозрить въ этомъ образѣ простую зрительную иллюзію. По виду, на примѣръ, на зрительномъ полѣ прикосновеніе пальца своей руки къ опредѣленному предмету и сознавая осязательное ощущеніе, ни одинъ изслѣдователь, конечно, не сочтетъ нужнымъ провѣрять мгновенно совершающуюся локализацию этого осязательнаго ощущенія на совершенно точно опредѣленномъ пунктѣ зрительнаго поля. А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта локализация осязательнаго ощущенія на точно опредѣленномъ мѣстѣ зрительнаго поля точно также не есть нѣчто непосредственно данное и обусловлена предшествующими, нѣкогда происходившими въ сознаніи и окрѣпшими въ своихъ результатахъ процессами, какъ соединеніе съ зрительно даннымъ предметомъ свойствъ предмета матеріальнаго, способныхъ быть данными только съ помощью осязательно моторныхъ ощущеній. Даже и для нашего развитаго сознанія эта локализация, по крайней мѣрѣ на сколько она оказывается совершенно точной локализацией, несомнѣнно обуславливается никакъ не исключительно только тѣми указаніями на простран-

ственное положеніе ощущенія, которыя соединены (все равно какимъ бы ни было путемъ) съ осязательно моторными ощущеніями. Она предполагаетъ, сверхъ того, данность въ зрительномъ воспріятіи того осязательнаго органа, отъ раздраженія котораго происходитъ осязательное ощущеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ она предполагаетъ и несомнѣнно требовавшую для своего возникновенія въ сознаніи предварительныхъ процессовъ твердую связь между зрительнымъ образомъ этого осязательнаго органа и тою совокупностью ощущеній, отъ него происходящихъ, которой онъ характеризуется даже и въ сознаніи слѣпорожденнаго и къ которой единственно и можетъ только пріурочиваться новое осязательное ощущеніе на основаніи указаній одного осязательно моторнаго чувства ¹⁾. Что же касается до сознанія совсѣмъ

¹⁾ В. Апри (Ueb. d. Raumwahrnehm. d. Tastsin. 1898 p. 115—117) производилъ слѣдующій опытъ. Рука экспериментируемаго лица помѣщалась между доской, на которой она лежала, и тусклымъ стекломъ, которое утверждалось надъ доскою на четырехъ подставкахъ по угламъ и поверхность котораго была раздѣлена на квадратные сантиметры. Между рукой и стекломъ вкладывалась папка для того, чтобы экспериментируемое лицо не могло сквозь стекло видѣть своей руки. Затѣмъ это лицо должно было, внимательно смотри на квадратные сантиметры, изображенные на поверхности стекла, указать другою своею рукою на тотъ пазъ этихъ сантиметровъ, подъ которымъ должна была по его мнѣнію находиться та часть лежащей подъ стекломъ и папкой его руки, о которой спрашивалъ его экспериментаторъ, напримѣръ такой то сгибъ такого то пальца, ноготь такого то пальца и прочее. При свѣрктъ подобныхъ показаній экспериментируемыхъ лицъ съ дѣйствительностью, показанія за ничтожными исключеніями оказывались не точными, хотя степени неточности, смотри по различію мѣстъ руки, которыхъ они касались, были неодинаковы; на пальцахъ онѣ колебались отъ половины сантиметра до двухъ сантиметровъ. Эти опыты производились совсѣмъ не въ интересахъ разрѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса. Но изъ нихъ во всякомъ случаѣ ясно, что совершенную точность локализациі осязательныхъ органовъ на зрительномъ полѣ въ обыкновенной жизни сознанія даетъ только наличная данность этихъ органовъ въ зрительномъ воспріятіи. Но можно задаться дальнѣйшимъ вопросомъ: не оказалась ли бы эта локализациа осязательнаго органа въ зрительномъ воспріятіи безъ наличной его данности въ этомъ воспріятіи все же болѣе точной, если бы этотъ органъ во время этой локализациі испытывалъ особое осязательное раздраженіе, которое, можно предположить, само способно представить собою для сознанія новое данное для болѣе точной локализациі и органа и его самого. Чтобы имѣть болѣе твердыя опытыя данныя для рѣшенія этого вопроса, можно видоизмѣнить описанный опытъ г. Апри слѣдующимъ образомъ. На обѣихъ сторонахъ большаго листа папки могутъ быть сдѣланы дѣленія на сантиметры, покрывающія егдлошь обѣ ея стороны и точно совпадающія одно съ другимъ. Каждый рядъ этихъ сантиметровъ одинаково какъ въ длину, такъ и въ ширину папки можетъ быть обозначенъ особымъ, однако одинаковымъ для соответствующихъ рядовъ обѣихъ сторонъ папки числомъ такъ, чтобы не представлялось затрудненій двумъ лицамъ, изъ кото-

не развитого, въ которомъ еще не образовались связи между зрительными воспріятіями своего тѣла и его органовъ съ одной стороны и другими ощущеніями, локализуемыми въ тѣхъ же органахъ съ другой,

рыхъ одно смотрѣло бы на одну сторону папки, другое на другую, находятъ квадратики, которые на обѣихъ сторонахъ лежатъ прямо другъ противъ друга, какъ скоро поименованы числа, обозначающія тѣ продолжные и поперечные ряды, которые пересекаются на этихъ квадратикахъ. Затѣмъ этотъ листъ папки можетъ быть укрѣпленъ, напримеръ, надъ столомъ вертикально на подставкахъ такъ, чтобы лицо, стоящее передъ одною стороною папки, могло свободно залестн свою правую руку на противоположную ей сторону и коснуться пальцемъ какого угодно мѣста на этой сторонѣ. При такихъ условіяхъ можно производить двоякаго рода опыты. Экспериментируемое лицо, находясь передъ одною стороною папки, можетъ намѣтить въ своихъ мысляхъ какой либо изъ нарисованныхъ на ней и находящихся не слишкомъ близко къ какому нибудь краю папки квадратныхъ сантиметровъ, громко назвать числа тѣхъ рядовъ, которые пересекаются на этомъ сантиметрѣ, и затѣмъ, фиксируя этотъ сантиметръ зрѣніемъ, попытаться, оставаясь передъ той же стороною папки, легко прикоснуться пальцемъ правой руки къ тому мѣсту папки съ ея обратной стороны, которое по его мнѣнію должно находиться прямо противъ фиксируемаго зрѣніемъ и громко обозначеннаго опредѣленными числами сантиметра. Экспериментаторъ, стоя передъ этой обратной стороною папки, конечно, легко опредѣлить, допущена ли и, если допущена, то какая именно допущена при этомъ прикосновеніи неточность. Но при тѣхъ же условіяхъ можно дѣлать и обратное, ближе подходящее къ нашей задачѣ опыты. Экспериментаторъ, стоя передъ обратной стороною папки и точно замѣтивъ числа, которыми долженъ быть обозначенъ одинъ изъ произвольно выбранныхъ ямъ сантиметровъ этой стороны (также не слишкомъ близко подходящихъ къ какому нибудь краю папки), прикладываетъ (конечно не производя колебаній въ папкѣ) къ этому сантиметру палецъ правой руки экспериментируемаго лица, которое само находится передъ лицевой стороною папки и должно найти зрѣніемъ, и затѣмъ громко обозначить числами тотъ квадратный сантиметръ на этой сторонѣ папки, подъ которымъ по его мнѣнію долженъ находиться приложенный экспериментаторомъ къ обратной сторонѣ папки палецъ правой его руки. Я дѣлалъ опыты того и другого рода надъ нѣсколькими (пятью) лицами и получилъ результатъ сходный съ результатомъ описанныхъ опытовъ г. Апри въ томъ смыслѣ, что показанія экспериментируемыхъ лицъ (за не очень значительными исключениями) оказывались неточными и неточности колебались отъ половины сантиметра до двухъ сантиметровъ, очень рѣдко превышая послѣднюю величину.—Чтобы сдѣлать для себя вполне наглядной ту мысль, что самая данность осязательнаго органа въ зрительномъ воспріятіи сопровождается точной локализацией осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ не безусловно, а только въ томъ случаѣ, когда этотъ органъ зрительно данъ съ такими признаками, по которымъ при наличныхъ условіяхъ сознаніе можетъ отчетливо отличить его отъ другихъ зрительныхъ объектовъ, какіе могутъ встрѣтиться въ районѣ, не достаточно опредѣленно указываемомъ осязательно моторными ощущеніями, я дѣлалъ такой опытъ. На листѣ папки были сдѣланы круглыя отверстія по шести миллиметровъ въ діаметрѣ каждое, расположенныя такъ, что центры ближайшихъ одно къ другому отверстіямъ находились на разстояніи полутора сантиметра

то въ такомъ сознаниіи нельзя предположить даже той недостаточно точной локализациі осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ, ко-

другъ отъ друга. Панка была укрѣплена вертикально надъ столомъ подставками по угламъ и въ такомъ разстояніи надъ поверхностью стола, чтобы въ промежуточномъ пространствѣ между панкою и поверхностью стола можно было свободно совершать тѣ движенія, которыя сейчасъ будутъ описаны. Экспериментируемое лицо подходило къ столу и закрывало глаза. Экспериментаторъ вводилъ правую руку этого лица въ пространство между поверхностью стола и панкой и настолько плотно подставлялъ конецъ указательнаго пальца этой руки къ одному изъ отверстій на панкѣ по своему выбору, чтобы отверстие оказалось закрытымъ сподна и на мѣстѣ его съ лицевой стороны панки ясно была видна закрывающая все отверстие соответствующая часть поверхности пальца. Остальная часть этой руки до плеча должны быть прикрыты такъ, чтобы зрѣніемъ нельзя было опредѣлить ея направленіе. Затѣмъ экспериментаторъ (или третье лицо) подходилъ съ противоположной стороны стола, подводилъ отсюда также подъ панку свои руки и подобнымъ образомъ закрывалъ двумя своими пальцами два другія отверстія на панкѣ, иногда смежное въ какомъ нибудь направленіи съ отверстиемъ уже закрытымъ и слѣдующее въ томъ же направленіи за этимъ смежнымъ, иногда два смежныя съ закрытымъ въ различныхъ направленіяхъ. Послѣ того, какъ это сдѣлано, экспериментируемое лицо приглашалось открыть глаза и высказать, какое изъ трехъ закрытыхъ отверстій по его мнѣнію закрыто пальцемъ его собственной руки. При этихъ опытахъ, которые, я не сомнѣваюсь, опытный экспериментаторъ поставилъ бы гораздо практичнѣе, приходилось, конечно, внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы 1) пальцы двухъ различныхъ лицъ, закрывающіе три отверстія панки, не отличались замѣтно другъ отъ друга по цвѣту, 2) чтобы они подъ панкою не прикасались одинъ съ другимъ, и 3) чтобы въ продолженіе опыта не происходило какихъ либо замѣтныхъ для глаза измѣненій въ положеніи ихъ частей, закрывающихъ отверстія. При отвѣтахъ экспериментируемыхъ лицъ на вышеприведенный обращенный къ нимъ вопросъ недостаточность простой данности въ зрительномъ воспріятіи осязательнаго органа для совершенно точной локализациі осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ оказывалась уже въ томъ, что эта локализациія при данныхъ условіяхъ нерѣдко явно терила характеръ мгновеннаго и принудительнаго факта; требовалось нѣкоторое время для отвѣта на поставленный вопросъ; бывали случаи, когда экспериментируемое лицо даже и послѣ нѣ котораго размышленія не считало возможнымъ дать категорическій отвѣтъ и колебалось въ выборѣ между двумя изъ трехъ отверстій, отдавая лишь предпочтеніе одному изъ нихъ. Неточныхъ или ошибочныхъ отвѣтовъ на каждый небольшой (состоящій изъ 12 опытовъ) рядъ опытовъ обыкновенно встрѣчалось нѣсколько; въ нихъ, правда, немногихъ рядахъ было ихъ болѣе половины общей суммы опытовъ ряда. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ ошибокъ, нужно, конечно, имѣть въ виду, что даже при подобномъ зрительномъ воспріятіи осязательнаго органа чрезъ отверстие въ панкѣ не оказалось бы никакой нерѣшимости или неточности въ локализациі осязательнаго ощущенія на зрительномъ полѣ, если бы, напримеръ, закрытымъ оказалось только одно изъ отверстій на панкѣ или если бы экспериментируемое лицо въ одномъ изъ пальцевъ, закрывающихъ три отверстія, замѣтно ранѣе извѣстную ему особенность, принадлежащую его собственной пальцу.

торая оказывается возможною для развитого сознанія, когда оно руководится одними показаніями осязательно моторнаго чувства безъ зрительнаго воспріятія осязательнаго органа. Ее нельзя предположить въ неразвитомъ сознаніи уже потому, что во всякомъ случаѣ она возможна только при согласованности и даже не однихъ лишь пространственныхъ направленій, но и размѣровъ и разстояній, какъ они даны зрительно въ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеніяхъ, съ размѣрами и разстояніями, какъ они даны въ ощущеніяхъ осязательно моторныхъ; а между тѣмъ въ человѣческомъ сознаніи эта согласованность ни въ какомъ случаѣ не первоначальна, а предполагаетъ процессъ сличенія, какъ это несомнѣнно доказывается наблюденіями надъ получившими зрѣніе слѣпородженными ¹⁾. Можно прибавить къ этому, что самые эти процессы согласованія размѣровъ предметовъ и разстояній между ними, какъ они даны зрительно, съ размѣрами и разстояніями, какъ они даны въ осязательно моторныхъ ощущеніяхъ, конечно возможны лишь на столько, на сколько сознанію удается отождествить (преимущественно чрезъ наблюденіе разнообразныхъ совпадений въ измѣненіяхъ) опредѣленные зрительные предметы съ предметами, отъ которыхъ получаютъ опредѣленные осязательно-моторныя ощущенія. Слѣдовательно, процессы согласованія размѣровъ и разстояній, данныхъ зрительно, съ данными съ помощью осязательно моторныхъ ощущеній въ свою очередь предполагаютъ уже процессы отождествленія въ сознаніи опредѣленныхъ зрительныхъ предметовъ съ предметами, къ которымъ отнесены опредѣленные осязательно моторныя ощущенія, и ассоціативное закрѣпленіе результатовъ первыхъ процессовъ предполагаетъ уже ассоціативное закрѣпленіе результатовъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ нѣтъ нужды предполагать какихъ либо еще недостаточно твердо установленныхъ общихъ психологическихъ теорій для того, чтобы утверждать, что среди того матеріала, которымъ пользуется наука, не требуя въ собственномъ смыслѣ методическаго

¹⁾ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что размѣры предметовъ и разстоянія между ними не одинаково рисуются даже по указаніямъ самого осязательно моторнаго чувства, когда органами осязательно моторныхъ ощущеній, съ которыми соединяются эти указанія, служатъ не одиѣ и тѣ же, а различныя части тѣла. Доказательствъ этого въ настоящее время общепризнаннаго факта не мало можно найти среди экспериментовъ, описанныхъ въ сейчасъ цитованномъ сочиненіи г. Апри, въ которомъ собраны результаты экспериментальныхъ изслѣдованій относительно разнообразныхъ формъ локализациі осязательныхъ ощущеній.

его обоснованія, несомнѣнно существуютъ такія сочетанія, которыя даже для индивидуальнаго сознанія представляютъ собою только ассоціативно окрѣпшій результатъ ранѣе совершавшихся познавательныхъ процессовъ и довѣріе къ которымъ, какъ бы оно ни толковалось тѣмъ или другимъ представителемъ науки, на дѣлѣ есть довѣріе къ простому непосредственно изъ всей совокупности психической жизни выносимому сознанію согласія этихъ сочетаній со всѣмъ предшествующимъ опытомъ.

Это не значить, конечно, того, что каждый представитель точнаго знанія, когда ему укажутъ на ассоціативный характеръ фактовъ, полагаемыхъ имъ въ основу знанія, ограничится въ объясненіе своего довѣрія къ нимъ ссылкой на ту необходимую мыслимость этихъ фактовъ, которую Спенсеръ выставляетъ на видъ и здѣсь точно такъ же, какъ и при сужденіяхъ, признаваемыхъ противоположной школой за сужденія умозрительно очевидныя. Подобно тому какъ послѣдователь Милля для оправданія своего довѣрія къ сужденіямъ послѣдняго рода, такъ и многіе представители точнаго знанія для оправданія своего довѣрія къ этому рода фактамъ сошлутся, конечно, на безчисленные случаи прежняго опыта, въ которыхъ должны были быть провѣрены эти ассоціаціи и которые должны считаться достаточными для оправданія этого довѣрія. И можно не сомнѣваться, что эта ссылка будетъ иллюстрироваться въ ихъ сознаніи, какъ и при опытномъ обоснованіи истинъ, считающихся за умозрительныя, неопредѣленной массой всегда готовыхъ болѣе или менѣе точныхъ воспоминаній о такихъ случаяхъ пользованія подобными фактами, гдѣ истолкованіе, ассоціативно связанное съ ними, при отчетливомъ разборѣ его въ настоящую минуту оказывается вполне оправданнымъ сопутствовавшими этимъ фактамъ или сопровождавшими ихъ другими фактами. Несомнѣнно съ другой стороны, что съ этой ссылкой можетъ соединиться и имѣющая достаточно твердыя основанія мысль, что по самымъ условіямъ человѣческой жизни факты подобнаго рода и притомъ въ такой обстановкѣ, при которой легко могла обнаружиться для сознанія истинность или ложность входящихъ въ нихъ ассоціацій, должны были въ безконечномъ количествѣ проходить передъ сознаніемъ во всѣ періоды его жизни и развитія. Но точно также несомнѣнно, что и въ отношеніи къ этимъ основаніямъ знанія, какъ и въ отношеніи къ истинамъ, претендующимъ на умозрительный характеръ, никто не предпринималъ и никто не предприметъ строгаго методическаго пересмотра и точной обстоятельной провѣрки такихъ гро-

мадныхъ массъ соответствующихъ фактовъ, которыя по самому же эмпиризму должны предполагаться въ собственномъ смыслѣ методическимъ изслѣдованіемъ, ставящимъ цѣлю возможно твердое обоснованіе послѣднихъ посылокъ знанія. Для каждаго подобная работа представится, конечно, совершенно бесполезной и даже странной и именно въ виду того, что подобныхъ фактовъ и притомъ не представлявшихъ никакихъ затрудненій для своей провѣрки должно было уже пройти чрезъ сознаніе безконечное количество и что, несмотря на то, въ сознаніи не только не сохраняется никакихъ слѣдовъ какихъ либо отрицательныхъ инстанцій, но и не можетъ быть составлено представленія о самой ихъ возможности въ тѣхъ обычныхъ для сознанія условіяхъ его дѣятельности, въ которыхъ оно оказываетъ этимъ фактамъ довѣріе, полагая ихъ въ основаніе своихъ изслѣдованій. Но такого рода, — все равно высказываемое или только подразумеваемое, — оправданіе отказа отъ строго методическаго обоснованія связанныхъ съ ассоціативными истолкованіями фактическихъ основъ знанія само показываетъ, что тотъ огромный фондъ, на которомъ хотеть опираться это довѣріе и въ которомъ отрицается существованіе отрицательныхъ инстанцій, никакъ не есть выступающая передъ сознаніемъ сейчасъ при вопросѣ о достовѣрности этихъ фактовъ неопредѣленная, ничтожная по своему количеству масса методически пересматриваемыхъ и провѣряемыхъ случаевъ, но что этимъ фондомъ служить вся безконечная масса прошедшихъ когда-либо черезъ сознаніе фактовъ; непосредственно же теперь представляемые случаи, равно какъ и мысль о неизбежности постоянной встрѣчи сознанія съ фактами, на которыхъ могла провѣряться законность довѣрія сознанія къ опредѣленной ассоціаціи, служатъ только какимъ-то требующимъ, конечно, разъясненія дополненіемъ къ ссылкѣ на эту безконечную массу, — дополненіемъ, которое какимъ-то образомъ способно содѣйствовать отстаиванію правъ этой безконечной массы на это довѣріе.

Нельзя сказать даже и того, что, не признавая ассоціанистической теоріи во всей ея послѣдовательности, мы тѣмъ самымъ обезпечиваемъ для науки по крайней мѣрѣ возможность обосновывать всѣ свои выводы на непосредственно данныхъ фактахъ, т.-е. фактически провести во всей послѣдовательности теорію достовѣрности, отрицающую научное значеніе ассоціацій.

Наученіе явленій человѣческаго сознанія убѣждаетъ насъ не въ томъ только, что между синтезами воспріятія, которые легко принимаются за непосредственно данныя сочетанія, оказываются и такія со-

четанія, которыя представляютъ окрѣпшій результатъ ассоціативныхъ процессовъ, но и въ томъ, что чѣмъ неразвитѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе способенъ онъ различать въ воспріятіи непосредственно данное отъ ассоціативныхъ примѣсей, т.-е. что сознание получаетъ самую возможность различать дѣйствительно непосредственно данное отъ тѣсно связанныхъ съ нимъ толкованій только по мѣрѣ своего собственного развитія.

Во время сна мы даже прямо картины своего воображенія, которыя несомнѣнно предполагаютъ ранѣе совершавшіеся процессы воспріятія и разнообразныя ассоціативныя связи между данными въ нихъ ощущеніями, принимаемъ за непосредственно данные факты. Этому мы не придаемъ значенія, такъ какъ по пробужденіи сличеніе дѣйствительно даннаго съ грезами легко приводитъ насъ къ сознанию, что созерцавшееся нами до пробужденія не было и не могло быть непосредственно даннымъ. Но и для этого кажущагося намъ совершенно естественнымъ и легкимъ различенія нужны развитіе и опытъ, которые должны были обнаружить и твердо установить мысль о противорѣчій грезъ дѣйствительнымъ фактамъ и которые должны были, окрѣпнувъ, легче усвоиться, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. По свидѣтельству этнографовъ у нѣкоторыхъ племенъ, остающихся въ дикомъ состояніи, существуетъ убѣжденіе, что въ образахъ фантазій, принимаемыхъ во снѣ за дѣйствительность, они имѣютъ такіе же непосредственно данные факты, какъ и въ воспріятіяхъ бодрственой жизни, и они объясняютъ грезы странствованіями души, оставляющей временно тѣло. Точно также только постепенное расширеніе опыта и обнаруживающіяся ошибки въ воспріятіяхъ ведутъ человѣческое сознание и къ стремленію различать въ самомъ воспріятіи бодрственой жизни непосредственно данное отъ ассоціативно соединившихся съ нимъ его истолкованій. Но и это различеніе, пока не дѣлается предметомъ спеціального знанія, не идетъ далеко. Развѣ человѣку научно неразвитому не представляются при зрительномъ воспріятіи хорошо знакомыхъ ему предметовъ непосредственно данными и обычно связанныя съ ними незрительныя ихъ свойства? Развѣ не возбудитъ въ немъ удивленія разъясненіе даже той мысли, что онъ при своихъ бесѣдахъ съ другими никогда не можетъ непосредственно воспринимать чужихъ мыслей и чувствованій, и развѣ не потребуетъ для такого разъясненія возбудитъ въ немъ такія сличенія и сопоставленія фактовъ, повести его путемъ такихъ выводовъ, какіе въ немъ не могли бы явиться, если бы онъ оставался окруженнымъ исключительно

людьми его знаній и его развитія? То же окажется, если обратимся къ пространственнымъ синтезамъ. Не говоря о такихъ синтезахъ, образованіе которыхъ въ нашемъ сознаніи должно относиться къ невоспоминаемой жизни духа, развѣ, напримѣръ, при ощущенія звука отъ колокола находящейся въ полѣ зрѣнія колокольни, локалізація этого звука не только въ опредѣленномъ пространственномъ направленіи, но прямо и совершенно точно на опредѣленномъ видимомъ предметѣ не представляется научно неразвитому чловѣку непосредственно данной? Какъ вообще генезисъ нашего развитаго сознанія изъ его первоначальнаго состоянія, такъ, конечно, и генезисъ воспріятія, какъ оно дано въ нашемъ развитомъ сознаніи, изъ воспріятія, какимъ оно было въ первоначальной, невоспоминаемой его жизни, есть ближайшимъ образомъ задача психологіи. Но несомнѣнно, что и то различіе въ воспріятіи непосредственно даннаго отъ ассоціативныхъ примѣсей, для котораго даетъ психологія теперь твердыя основанія, сдѣлано ею не сразу; а продолжающіяся несогласія психологовъ по всѣмъ, наиболѣе сложнымъ вопросамъ, касающимся этого различія, достаточно показываютъ, какъ далеко отстоитъ еще эта наука отъ твердаго, недопускающаго никакихъ сомнѣній разрѣшенія всѣхъ относящихся сюда задачъ. И если наука вообще, которая кладетъ въ основаніи своихъ изслѣдованій факты воспріятія, не начинается психологіею, возникла много ранѣе ея и много ранѣе почувствовала себя стоящей на болѣе твердой почвѣ, то она, конечно, и не можетъ ждать точнаго разрѣшенія всѣхъ психологическихъ проблемъ для признанія состоятельности какого бы то ни было изъ своихъ изслѣдованій, опирающихся на фактахъ воспріятія. Все это не лишаетъ, конечно, права воздерживаться отъ признанія ассоціанистическихъ взглядовъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они не могутъ представить въ свою пользу твердыхъ основаній. Однако, когда мы изъ фактовъ исторіи чловѣческаго сознанія видимъ, съ какою трудностью дается для него различіе въ воспріятіи ассоціированныхъ примѣсей отъ непосредственно даннаго, и въ самой исторіи психологіи видимъ лишь строго постепенный прогрессъ въ этомъ отношеніи и доселѣ продолжающуюся борьбу взглядовъ по этому вопросу, то какую гарантію мы имѣли бы для того, чтобы аподиктически утверждать, что за очевидностью и принудительностью такихъ сторонъ въ синтезѣ воспріятія, зависимость которыхъ отъ предшествующихъ познавательныхъ процессовъ мы доселѣ не могли открыть или твердо констатировать, не скрывается въ томъ или другомъ случаѣ вмѣсто сознанія непосредственной дан-

ности только глубоко укоренившееся довѣріе къ образовавшейся чрезвычайно тѣсной ассоціаціи? Если же такой гарантіи мы имѣть не можемъ, то вліяніе ассоціативной связи на наше довѣріе къ тому, чѣмъ наука пользуется въ качествѣ фактическаго матеріала, есть уже не только фактъ наличной жизни научнаго сознанія, но и такой фактъ, который устранить съ совершенною увѣренностью въ томъ, что онъ устраненъ вполне, наука не въ силахъ, хотя бы и ждала. Признавая незаконнымъ довѣріе къ такимъ ассоціаціямъ, которыя школа противоположная эмпиризму признаетъ за умозрительныя истины, эмпиристъ Миллевскаго направленія все же по крайней мѣрѣ можетъ указать средство, съ помощью котораго наука изъ знанія, не могущаго имѣть по его мнѣнію надлежащей достовѣрности, могла бы превратиться въ знаніе, отвѣчающее признаваемымъ имъ законными критеріямъ достовѣрности; онъ можетъ потребовать строгого опытнаго методическаго доказательства каждаго положенія, претендующаго на умозрительную очевидность. Но потребовать опытно методическаго доказательства для всего, что претендуетъ на фактическую очевидность, во избѣжаніе опасности признать ассоціацію за фактъ, конечно нельзя, такъ какъ опытное изслѣдованіе уже предполагаетъ факты, принятыя ранѣе всякаго такого изслѣдованія просто на основаніи фактической ихъ очевидности. И такъ какъ ассоціаціи, до неразрывности сливающіяся съ непосредственно даннымъ, по ученію самого же эмпиризма, должны имѣть наиболѣе общій характеръ, т.-е. касаться отношеній, постоянно и всюду встрѣчающихся въ сознаніи, то научному сознанію, если оно не расположено подвергать сомнѣнію самую возможность законной научной достовѣрности, остается только одинъ выходъ: оно должно допустить, что довѣріе къ неразрывнымъ ассоціаціямъ въ той же степени законно, въ какой законно методическое изслѣдованіе, которое вѣдь всегда вполне независимо отъ доброй воли изслѣдователя можетъ оказаться опирающимся на фактахъ, апеллирующихъ къ тому же довѣрію къ ассоціаціи.

Но предположимъ даже, что мы сочли бы себя въ правѣ со всею рѣшительностью указать на какіе либо, напримѣръ, важнѣйшіе пространственные синтезы воспріятія какъ на глѣчто несомнѣнно непосредственно данное; все же и при этомъ предположеніи остается еще мѣсто тому же вопросу: дѣйствительно ли методическое изслѣдованіе, опирающееся на фактахъ этого синтеза, можно будетъ считать совсѣмъ свободнымъ отъ всякаго довѣрія къ окружнымъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ?

Какъ ни представляется въ настоящее время запутаннымъ и не-репутаннымъ вопросъ объ объективности, наука, и по сознанию обо-ихъ представителей эмпиризма, со взглядами которыхъ мы имѣемъ теперь дѣло, имѣетъ своею цѣлью познаніе законовъ связи объектовъ и ихъ измѣненій. Это открыто признается Спенсеромъ, который отрицаетъ лишь за нашимъ сознаниемъ способность познать вѣдннее сознанию бытіе по самой его сущности и дѣйствительную природу его принадлежностей и измѣненій, въ нихъ происходящихъ, но утверждаетъ, что наука въ устанавливаемыхъ ею законахъ познаетъ дѣйствитель-ныя связи и отношенія между реальностями и ихъ измѣненіями, только познаетъ, такъ сказать, въ терминахъ не сходныхъ съ ихъ дѣйстви-тельной природой, а лишь отдаленно соотвѣтствующихъ ей. Извѣст-ная теорія Милля о постоянныхъ возможностяхъ ощущеній, правда, имѣетъ, повидимому, прямо своею цѣлью сдѣлать невозможнымъ по-нятіе о наукѣ, какъ о познаніи законовъ связи и отношеній между объектами и ихъ измѣненіями, такъ какъ ведетъ, повидимому, къ отрицанію самыхъ этихъ объектовъ. Но это не совсѣмъ такъ. Милль вынужденъ открыто признать свои постоянныя возможности ощущеній и измѣненія въ нихъ условіями феноменовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дол-женъ видѣть въ нашемъ знаніи процессъ познанія связей и отноше-ній между ними и измѣненіями, въ нихъ происходящими. А насколько несомнѣнно, что эти условія феноменовъ могутъ быть совсѣмъ неиз-вѣстны сознанию, настолько они должны оказаться независимыми отъ сознанія. Можно ли согласить эти послѣднія мысли съ признаніемъ этихъ постоянныхъ возможностей ощущеній именно только простыми возмож-ностями ощущеній, на чемъ Милль однако рѣшительно настаиваетъ,— это вопросъ, который для насъ теперь не имѣетъ значенія. Для насъ совершенно достаточно, что эмпиристы должны признать, что наука не можетъ отрицать чего-то независимаго отъ сознанія и служащаго условіемъ ощущеній и должна ставить для себя задачей познать за-коны связей и отношеній этого чего-то и измѣненій, въ немъ происхо-дящихъ. Это-то нѣчто мы и называемъ здѣсь объектомъ, совсѣмъ не спрашивая о томъ, что подъ нимъ разумѣтъ далѣе.

Устанавливать съ помощью опытно-методическаго изслѣдованія на фактахъ воспріятія законы связи и отношеній объектовъ и ихъ измѣ-неній, конечно, возможно лишь настолько, на сколько предпола-гается, что факты воспріятія имѣютъ своими условіями объекты. Только въ силу этого предположенія въ фактахъ и ихъ синтезахъ можно видѣть указаніе на объекты и ихъ отношенія. Вслѣдствіе:

этого научно методическія изслѣдованія, чтобы стоять выше всякаго довѣрія къ окрѣпшимъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ, нуждаются не только въ непосредственной данности синтезовъ воспріятія, но и въ такомъ убѣжденіи въ объективномъ значеніи этихъ синтезовъ, которое само не основывалось бы на довѣрїи къ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ и въ то же время обладало бы вышею возможною по эмпиризму для знанія достовѣрностью. На чемъ же фактически въ научномъ сознаніи должно будетъ основываться это убѣжденіе?

Милль и Спенсеръ послѣдовательно съ ассоціанистической точки зрѣнія смотрятъ на фактическую постановку объективности въ непосредственномъ сознаніи какъ на результатъ предшествовавшихъ познавательныхъ процессовъ. Но для того, кто призналъ бы основные синтезы воспріятія за синтезы непосредственно данные, конечно, оставался бы открытымъ и другой путь, онъ могъ бы признать на ряду съ непосредственной данностію самыхъ этихъ синтезовъ и непосредственность объективной постановки ихъ въ сознаніи. И этотъ путь представляетъ удобство въ томъ отношеніи, что вполнѣ послѣдовательно развитая ассоціанистическая теорія точно также не представляетъ твердыхъ безспорныхъ доказательствъ ассоціативнаго происхожденія объективной постановки предметовъ виѣшняго воспріятія, какъ не представляетъ она такихъ доказательствъ подобнаго происхожденія представленія пространства и основныхъ пространственныхъ синтезовъ воспріятія. Какъ съ этими послѣдними синтезами, такъ и съ объективной постановкой ихъ въ воспріятіи мы встрѣчаемся въ жизни индивидуума уже съ такого ранняго періода, какой только доступенъ его собственному наблюденію и съ какаго только сторонній наблюдатель психической жизни дитяти можетъ сколько нибудь точно истолковывать ея проявленія. И ни экспериментовъ, ни какихъ либо косвенныхъ выводовъ, которые бы давали вполнѣ твердыя данныя къ безспорному рѣшенію этого вопроса въ смыслѣ ассоціанистической теоріи, здѣсь не оказывается ¹⁾. Но вопросъ въ томъ: принесло ли бы

¹⁾ Новое время впрочемъ знаетъ и такія философскія системы, которыя, предполагая весь пространственный синтезъ зависящимъ отъ предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, все же постановку объективности въ сознаніи признаютъ въ извѣстномъ смыслѣ непосредственно данной. Изъ системъ, стремящихся поставить философію ближе къ точнымъ наукамъ, сюда относится, напримѣръ, система Вундта. И какихъ либо чрезвычайныхъ психологическихъ преніятей къ тому не встрѣчается даже и при этомъ возвращеніи.

признаніе непосредственности объективной постановки явленій во внѣшнемъ воспріятіи какую либо пользу для эмпиристической теоріи, отрицающей научное значеніе неразрывныхъ ассоціативныхъ связей?

Какъ скоро, признавъ за послѣднія посылки знанія опредѣленные синтезы воспріятія, мы будемъ смотрѣть на нихъ какъ на синтезы, имѣющіе объективное значеніе, то ссылка на непосредственную данность этой объективности, какъ бы эта непосредственная данность ни была твердо удостовѣрена, никакъ не окажется достаточной для удостовѣренія въ дѣйствительномъ объективномъ значеніи этихъ синтезовъ. Въдъ полъ непосредственною данностію объективной постановки синтеза мы здѣсь разумѣемъ только то, что этотъ синтезъ не только самъ возникаетъ въ сознаніи независимо отъ какихъ бы то ни было предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, но независимо отъ нихъ и совершается его постановка въ качествѣ объективнаго. Но, пользуясь подобными синтезами при установкѣ законовъ связи и отношеній между объектами и ихъ измѣненіями, мы придаемъ имъ значеніе не просто синтезовъ, которые получаютъ объективную постановку въ сознаніи независимо отъ какихъ бы то ни было предшествующихъ познавательныхъ процессовъ, а значеніе такихъ синтезовъ, которымъ должно въ дѣйствительности принадлежать нѣкоторое объективное значеніе. А это никакъ не одно и то же. Несомнѣнно, конечно, что никакого различія между этими двумя мыслями не существуетъ для сознанія очень мало развитаго или даже для сознанія, хотя и развитаго, но непосредственно погруженнаго въ процессъ воспріятія безъ рефлексіи на совокупность приобрѣтенныхъ уже знаній. Въ этихъ случаяхъ непосредственное созерцаніе синтеза въ качествѣ объективнаго не отличается отъ принятія его за объективный. Но не то оказывается, когда сознаніе сличаетъ эту непосредственно данную постановку объективности съ результатами сколько нибудь развитаго опыта.

Та объективная постановка данныхъ въ воспріятіи синтезовъ, которую мы встрѣчаемъ въ воспріятіи съ самыхъ раннихъ доступныхъ наблюденію моментовъ жизни индивидуума и которая единственно могла бы поэтому претендовать на независимость ея отъ какихъ либо ранѣе совершающихся въ человѣческомъ сознаніи познавательныхъ процессовъ, совсѣмъ не состоитъ въ признаніи зависимости данныхъ въ воспріятіи явленій отъ независимыхъ отъ сознанія объектовъ и происходящей отсюда зависимости синтезовъ воспріятія отъ объективныхъ отношеній. Она состоитъ въ созерцаніи опредѣленныхъ синте-

зовъ не только даже какъ воплоти соответствующихъ отношеніямъ независимыхъ отъ сознанія объектовъ, но прямо-таки какъ нумерически тождественныхъ съ этими объективными отношеніями, т.-е. какъ существующихъ внѣ самаго сознанія отношеній объектовъ. Сознаніе въ томъ созерцательномъ актѣ, который называется воспріятіемъ, прямо принимаетъ данныя созерцательно явленія и ихъ синтезы за внѣшнюю сознанію дѣйствительность, относя къ себѣ только созерцаніе этой дѣйствительности. Но такая постановка объективности въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается ошибочною даже для непосредственнаго сознанія, какъ скоро оно достигаетъ нѣкотораго развитія. Данные въ воспріятіи размѣры предметовъ, рассматриваемыхъ издали, только въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ признаются за ихъ дѣйствительные размѣры. Только ребенокъ, въ первый разъ катающийся на лодкѣ, сочтетъ данное въ воспріятіи, при быстромъ перемѣщеніи лодки, движеніе стоящихъ на берегу предметовъ за дѣйствительное ихъ перемѣщеніе. Только человекъ, не имѣвшій никакого представленія о зеркалахъ или только что прозрѣвшій слѣпорожденный сочтетъ пространственное положеніе видимыхъ въ зеркалѣ предметовъ въ ихъ отношеніи къ зрителю за дѣйствительное пространственное отношеніе видимыхъ въ зеркалѣ предметовъ къ зрителю. Наука идетъ въ этомъ направленіи далѣе. Она отрицаетъ данную въ воспріятіи постоянно при всевозможныхъ условіяхъ неподвижность земли, а также постоянное видимое вращеніе вокругъ нея всѣхъ небесныхъ свѣтилъ. А между тѣмъ все это такіе пространственные синтезы, которые при стремленіи ограничить притязанія ассоціанистической школы въ ученіи ея о происхожденіи пространственныхъ синтезовъ должны получить наибольшія права претендовать на непосредственную данность ихъ человѣческому сознанію. И если сознаніе, дѣлая подобныя поправки синтезовъ воспріятія, смотритъ на подлежащія исправленію синтезы какъ на совершенно естественныя иллюзіи, объясняемая частію пространственнымъ положеніемъ субъекта, рассматриваемаго въ качествѣ цѣльнаго организма, частію особыми усложненіями въ объективномъ бытіи, то все же мы не можемъ отрицать, что въ той постановкѣ ихъ объективности, которая должна считаться непосредственной и о достовѣрности которой теперь идетъ рѣчь, они ставятся какъ дѣйствительность, а не какъ иллюзіи, и что только опытъ открываетъ ихъ иллюзорный характеръ.

Но наука идетъ еще далѣе. Она показываетъ, что то, что принимается сознаніемъ при этой непосредственной постановкѣ объектив-

ности за самую глубинную действительность, есть на дѣлѣ комплексъ нашихъ ощущеній, которыя могутъ даже у различныхъ людей оказаться качественно разнородными (напримѣръ, при дальтонизмѣ) и которыя поэтому со всѣми ихъ пространственными синтезами нигдѣ не могутъ существовать кромѣ самого же сознанія. И такимъ образомъ то нумерическое отождествленіе явленій и ихъ синтезовъ съ объектами и ихъ отношеніями, которое составляетъ характеристическую черту предполагаемой непосредственно данной постановки объективности въ сознаніи, оказывается несостоятельнымъ и должно переходить въ другую мысль объ обусловленности этихъ явленій объектами и о происходящей отсюда (иногда очень сложной) обусловленности синтезовъ этихъ явленій взаимными отношеніями объектовъ. Ясно, что при установкѣ объективнаго значенія тѣхъ или другихъ синтезовъ воспріятія наша наука не руководится и не можетъ руководиться простой ссылкой на непосредственно данную объективную постановку ихъ въ сознаніи.

Правда, не смотря на явную недостоверность тѣхъ положеній объ объективности данныхъ въ воспріятіи синтезовъ, которыя прямо могли бы свидѣтельствоваться непосредственной постановкой объективности ихъ въ сознаніи, все же остается возможность утверждать, что предполагаемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтезовъ воспріятія по существу опирается на эту самую непосредственную постановку объективности въ воспріятіи. Композиція такого взгляда очень не сложна.

Не трудно различіе между непосредственно данной постановкой объективности и научнымъ взглядомъ на нее растолковать въ такомъ смыслѣ, что предполагаемое научнымъ сознаніемъ объективное значеніе синтезовъ воспріятія окажется представляющимъ собою только результатъ разнообразныхъ ограниченій, которыя должно было испытать то представленіе объ ихъ объективномъ значеніи, которое выражается въ непосредственно данной въ сознаніи постановкѣ объективности. Не трудно затѣмъ констатировать тотъ фактъ, что эти ограниченія должны были вызываться тѣми очевидными противорѣчіями, съ которыми при развивающемся опытѣ должно было неизбежно сталкиваться примѣненіе къ явленіямъ объективности въ томъ смыслѣ, какой прилагается ей непосредственнымъ сознаніемъ. Къ этимъ двумъ по существу вѣрнымъ мыслямъ присоединяютъ третью, уже довольно давно вошедшую въ обиходъ философской мысли новаго времени, именно ту мысль, что опытъ, т. е. наблюденіе надъ тече-

ніемъ этихъ синтезовъ въ сознаниі, если брать ихъ просто въ качествѣ созерцаній сознания, никогда не въ состояніи оправдать ихъ объективности. Изъ этихъ трехъ мыслей и должно вытекать, что усвояемое научнымъ сознаниемъ объективное значеніе синтезамъ воспріятія, представляя собою лишь такое ограниченіе непосредственно данной постановки объективности въ сознаниі, которое является безусловно необходимымъ въ виду противорѣчій, съ какими сталкивается она при развитіи опыта, имѣть и можетъ имѣть съ своей положительной стороны единственное оправданіе въ непосредственной данности этой постановки. Само собою понятно, что при этомъ предполагается только добавочное отрицательное сознаниі, что во всей совокупности опыта не оказывается фактовъ или выводовъ, которые стояли бы въ противорѣчій съ преобразовываемымъ понятіемъ объ объективности и вынуждали бы къ необходимости подвергать его дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ или вели бы къ полному его отрицанію.

Устранивъ вообще изъ этого нашего изслѣдованія вопросъ объ условіяхъ постановки объективности въ сознаниі, мы не будемъ входить въ обсужденіе этого взгляда ¹⁾. Пусть этотъ взглядъ будетъ совершенно вѣренъ. Для насъ достаточно здѣсь указать на то, что при такомъ взглядѣ на основаніе убѣжденія въ объективномъ значеніи фактовъ воспріятія, этимъ фактамъ, а слѣдовательно и всякому опытно методическому изслѣдованію, на нихъ опирающемуся, мы не имѣли бы никакого права давать преимущество передъ довѣріемъ къ тѣмъ результатамъ ассоціативныхъ процессовъ, которые достигли, по ученію эмпиризма, необходимой мыслимости.

Въ самомъ дѣлѣ непосредственная данность объективной постановки синтезовъ воспріятія по этому взгляду одна точно такъ же оказывается недостаточнымъ свидѣтельствомъ дѣйствительной ихъ объективности, какъ недостаточнымъ свидѣтельствомъ достовѣрности какого бы то ни было положенія оказывается одна необходимая его мыслимость, рассматриваемая какъ результатъ опыта. И необходимое дополнительное условіе въ томъ и другомъ случаѣ оказывается одно и то же. Въ обоихъ случаяхъ этимъ условіемъ служить одно и то же требованіе отсутствія какихъ-либо противорѣчающихъ показаній расширяющагося опыта. Остается сравнительнаго преимущества одного случая передъ другимъ искать въ положительныхъ условіяхъ, рассматри-

¹⁾ Такого взгляда держится изъ новѣйшихъ философовъ, напримѣръ, Вундтъ. Въ моемъ сочиненіи „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ ближайшимъ образомъ въ приложеніи къ Канту указаны недостатки этого взгляда стр. 167—176.

вномыхъ самихъ въ себѣ. Но что касается непосредственной данности объективной постановки синтезовъ воспріятія, разсматриваемой самой въ себѣ, безъ дополнительнаго требованія, то ея познавательное значеніе должно быть признано скорѣе ниже, чѣмъ выше познавательнаго значенія необходимой мыслимости, разсматриваемой какъ результатъ опыта. Если признано, что результаты опыта, т. е. предшествующихъ наблюденій могутъ обнаруживать и исправлять ошибки въ непосредственно данной постановкѣ объективности, и если къ этому опыту, способному обнаруживать и исправлять подобныя ошибки, какъ мы видѣли выше, относятся не только научно-методическія изслѣдованія, но и тѣ процессы непосредственнаго сознанія, результаты которыхъ выражаются въ ассоціаціяхъ, то какимъ образомъ познавательное значеніе неразрывныхъ ассоціацій, представляющихъ результаты постоянныхъ, обильныхъ и очень продолжительныхъ наблюденій, могло бы быть поставлено ниже значенія непосредственной данности объективной постановки синтезовъ? Нагляднымъ выраженіемъ преимущества неразрывной ассоціаціи можетъ служить то, что она, взятая безъ дополнительнаго требованія, по дѣйствительной послѣдовательности эмпиризма, могла бы, какъ мы выше видѣли, по праву быть сочтена законнымъ критеріемъ возможной для человѣческаго сознанія достовѣрности въ моменты (практически неуловимые, конечно) своего образованія, слѣдовательно на извѣстной уже стадіи развитія опытнаго знанія; между тѣмъ непосредственно данная постановка объективности, въ виду того, что нѣкоторыя ошибки въ ней подмѣчаются уже при самой ничтожной степени развитія сознанія, могла бы одна быть сочтена законнымъ критеріемъ достовѣрности только при самомъ вступленіи сознанія на нуть опыта. Къ этому можно прибавить, что опытно образовавшаяся необходимая связь представленій въ случаѣ антагонистическаго столкновенія ея съ результатами развивающагося опыта во всякомъ случаѣ должна подлежать постепенному разрушенію; а поэтому, выступая безъ дополнительнаго требованія въ качествѣ критерія истины, она можетъ вести къ ошибочному признанію достовѣрности того или другаго положенія лишь въ періодъ, когда результаты опыта, противорѣчащіе этому положенію, не успѣли еще разрушить ранѣе образовавшейся его необходимой мыслимости. Но непосредственно данная постановка объективности остается непосредственно данной, и поэтому, выступая безъ дополнительнаго требованія въ качествѣ признака достовѣрности, грозитъ угѣковѣчивать связанныя съ нею ошибки знанія.

Въ виду этого эмпиристъ только въ томъ случаѣ имѣлъ бы право отрицать научное значеніе за неразрывной ассоціаціей, когда бы онъ могъ утверждать, что научнымъ сознаниемъ объективное значеніе синтеза воспріятія принимается никакъ не на основаніи непосредственной данности объективной постановки этихъ синтезовъ, хотя бы эта постановка и дѣйствительно была непосредственна, а на основаніи методическаго доказательства такого ихъ значенія, т. е., что научное сознание методически выводитъ такое ихъ значеніе изъ наблюденій надъ самимъ теченіемъ въ психической жизни этихъ синтезовъ, разсматриваемыхъ просто въ качествѣ созерцаній сознанія. Но ничего подобнаго эмпиристъ точно такъ же и въ этомъ случаѣ, какъ въ отношеніи къ какой угодно другой истинѣ, лежащей въ самомъ основаніи знанія, утверждать не можетъ.

Представитель точнаго знанія, отрицая соотвѣтствіе объективнымъ отношеніямъ тѣхъ синтезовъ воспріятія, которые наукой различаются какъ только кажущіеся отъ тѣхъ, которымъ наука не отказывается въ объективномъ значеніи, точно такъ же, какъ отрицая нумерическое тожество вообще получающихъ объективную постановку въ воспріятіи явленій и ихъ синтезовъ съ объектами и ихъ отношеніями, всегда сочтетъ законнымъ требованіе методическаго оправданія этого отрицанія и всегда имѣетъ возможность мотивировать это отрицаніе основаніями, имѣющими значеніе для общенаучнаго сознанія, указавъ на противорѣчія противоположныхъ утвержденій твердо установленнымъ научнымъ положеніямъ. Но положительную сторону своего взгляда на объективность, т. е. соотвѣтствіе огромнаго большинства синтезовъ воспріятія объективнымъ отношеніямъ или общую мысль о зависимости непосредственно данныхъ явленій отъ объектовъ, а слѣдовательно прямую или косвенную зависимость данныхъ ихъ синтезовъ отъ объективныхъ отношеній, хотя эта мысль неизбѣжно предпологается всякимъ опытно-методическимъ изслѣдованіемъ, имѣющимъ цѣлью установить законы связи и отношеній объектовъ и перемѣнъ въ нихъ происходящихъ, ни одинъ изслѣдователь не сочтетъ нужнымъ методически обосновывать. Онъ, конечно, и затруднился бы обставить эту сторону своего взгляда такими основаніями, которыя имѣли бы твердое значеніе для общенаучнаго сознанія.

Фактическое отсутствіе въ обще-научномъ сознаніи опытнаго строгаго методическаго обоснованія объективнаго значенія синтезовъ воспріятія, лежащихъ въ основаніи всѣхъ изслѣдованій точнаго знанія, еще яснѣе, чѣмъ отсутствіе подобнаго обоснованія другихъ предположеній зна-

нія, вслѣдствіе особаго обстоятельства. Когда ставится вопросъ объ этихъ другихъ предположеніяхъ, сознание не можетъ не видѣть, что оно постоянно встрѣчается съ многочисленными фактами, которые или прямо и непосредственно соотвѣтствуютъ положенію или, хотя сами часто и представляютъ ассоціативное соединеніе ощущенія съ простымъ представленіемъ о возможности другого ощущенія, однако постоянно допускаютъ возможность фактической провѣрки ассоціации, т. е. замѣны представленія соотвѣтствующимъ ощущеніемъ. Мысль же объ этой постоянной встрѣчѣ съ фактами, или прямо служащими подтвержденіемъ сужденія или способными безъ труда превращаться въ такое подтвержденіе, легко принимается сознаниемъ (конечно, иллюзорно) за методическое изслѣдованіе. Притомъ же при такихъ условіяхъ методическое изслѣдованіе, если бы оно сочтено было научнымъ сознаниемъ дѣйствительно необходимымъ для научной состоятельности изслѣдованій, опирающихся на такія положенія, не было бы, очевидно, затруднено въ отыскиваніи для него матеріала. Другое дѣло предположеніе объ объективности (въ вышеуказанномъ смыслѣ) явленій и ихъ синтезовъ. Объекты въ смыслѣ чего-то независимаго отъ сознания, а слѣдовательно и ихъ отношенія, какъ понятно само собою, не могутъ быть даны непосредственно въ самомъ же сознаниі. А это значитъ, что такихъ фактовъ, которые могли бы служить прямыми подтвержденіями сужденія о зависимости явленій и ихъ синтезовъ отъ объектовъ и ихъ отношеній, быть не можетъ. Слѣдовательно, если это сужденіе и можетъ основываться на безконечномъ количествѣ частныхъ случаевъ, ему соотвѣтствующихъ, то эти частные случаи сами могутъ быть доказаны только путемъ какихъ-либо косвенныхъ, быть можетъ, очень сложныхъ выводовъ, которыхъ, конечно, только послышки могутъ быть устанавливаемы съ помощью непосредственно данныхъ фактовъ. И вотъ мы видимъ, что для обще-научнаго сознания совсѣмъ остаются неясными даже и тѣ послышки, установка которыхъ могла бы вести къ установкѣ объективнаго значенія того или другого явленія или синтеза; а слѣдовательно, остаются неопредѣленными и тѣ ряды фактовъ, съ помощью которыхъ могутъ устанавливаться нужныя для выводовъ послышки. Понятно, что при такихъ условіяхъ о методическомъ обоснованіи объективнаго значенія синтезовъ воспріятія въ фактически существующей наукѣ не можетъ быть и рѣчи.

Конечно, нѣтъ никакой необходимости объяснять это обстоятельство непремѣнно тѣмъ, что придаваемое научнымъ сознаниемъ объек-

тивное значеніе даннымъ въ воспріятіи явленіямъ и ихъ синтезамъ въ самомъ дѣлѣ выждется съ положительной стороны исключительно на довѣріи къ непосредственной постановкѣ объективности въ сознаніи въ выше указанномъ смыслѣ. Возможно предположить, что опытъ даетъ и положительное оправданіе этому объективному значенію, т. е. что довѣріе къ нему сознанія находитъ себѣ опору въ безчисленныхъ проходящихъ чрезъ сознаніе фактахъ, способныхъ съ помощью косвенныхъ и сложныхъ процессовъ оправдывать его, и только вслѣдствіе какихъ то теперь непонятныхъ для насъ причинъ совершенно отчетливое и раздѣльное представленіе объ этихъ фактахъ и процессахъ оказывается для насъ затруднительнымъ. Но вѣдь и въ этомъ случаѣ методическаго изслѣдованія, оправдывающаго объективное значеніе явленій и ихъ синтезовъ, все же не существовало бы въ обще-научномъ сознаніи, и мы довѣріе науки къ этому значенію должны бы были объяснять какъ окрѣпшій ассоціативно результатъ не проведенныхъ методически познавательныхъ процессовъ. А слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, какъ и при ссылкѣ на непосредственную постановку объективности, мы не имѣли бы права, не отрицая научнаго значенія за существующимъ знаніемъ, отрицать научное значеніе неразрывныхъ ассоціацій.

Правда, философы эмпиризма, признающіе объективную постановку синтезовъ воспріятія результатомъ познавательныхъ процессовъ, стараются установить тѣ сложные ряды посылокъ, которые по ихъ мнѣнію ведутъ сознаніе къ усвоенію этимъ синтезамъ объективнаго характера. Но о послѣдовательномъ проведеніи идеи методическаго изслѣдованія, о строго методическомъ обоснованіи самихъ этихъ посылокъ путемъ тщательнаго обслѣдованія громадныхъ массъ фактовъ здѣсь, конечно, точно также нѣтъ рѣчи (даже и у Милли), какъ нѣтъ ея при обоснованіи другихъ положеній, служащихъ послѣдними посылками знанія. Да и въ какомъ смыслѣ самыя эти общія описанія конструкціи предполагаемыхъ доказательствъ объективности можно было бы отнести къ общенаучному сознанію? Самый составъ этихъ выводовъ оказывается у обоихъ философовъ эмпиризма различнымъ; и на ряду съ этими философскими воззрѣніями, по которымъ дѣйствительно предполагаются ряды процессовъ, ведущихъ сознаніе къ довѣрію въ объективное значеніе данныхъ въ сознаніи явленій, не перестаютъ существовать и другія философскія міровоззрѣнія, по которымъ это довѣріе какъ непосредственнаго сознанія, такъ и сознанія научнаго къ объективному значенію явленій и ихъ синтезовъ должно объясняться совсѣмъ иначе: здѣсь выступаютъ, какъ было сказано, и взгляды, по которымъ су-

поственная положительная сторона въ этомъ дѣлѣ сводится къ непосредственности объективной постановки явленій въ сознаніи; продолжаетъ отстаивать себя въ различныхъ формахъ и кантіанизмъ, отождествляющій объективность созерцанія съ подчиненіемъ его апіорнымъ синтезамъ; существуютъ и другіе взгляды. Конечно, и при различіи философскихъ направленій какъ и взглядовъ, относящихся къ одному и тому же направленію, ничто не мѣшаетъ какому-нибудь изъ нихъ давать правильное представленіе дѣла. Но пока продолжается борьба между всѣми этими взглядами, мы не можемъ ни объ одномъ изъ нихъ сказать, что именно имъ руководится, хотя бы и теперь только, общенаучное сознаніе въ своемъ довѣріи къ этой объективности, а слѣдовательно не можемъ и сказать не только того, что это довѣріе теперь основано на строго послѣдовательно проведенномъ методическомъ изслѣдованіи, но даже и того, что при немъ теперь по крайней мѣрѣ отчетливо сознается тотъ составъ вывода, методическое осуществленіе котораго переводило бы это довѣріе въ методически оправданное убѣжденіе.

Такимъ образомъ эмпиризмъ едва ли можетъ отрицать, что наука фактически не доводитъ опытно-методическаго изслѣдованія до всей его послѣдовательности и даже въ различныхъ отношеніяхъ встрѣчаетъ къ тому неодолимыя препятствія. И это слѣдуетъ сказать одинаково, идетъ ли дѣло о положеніяхъ, которыя противоположной школой считаются за истины умозрительно очевидныя, или объ установкѣ фактовъ; и все это долженъ признать не только тотъ, кто проводитъ во всей послѣдовательности ассоціанистическую теорію, но и тотъ, кто недовѣрчиво относился бы къ такимъ выводамъ этой теоріи, которые не всѣми раздѣляются. Но въ такомъ случаѣ эмпиристическая теорія, очевидно, должна бы была отрицать налично существующее знаніе, если бы въ силу своей собственной послѣдовательности она должна была требовать признанія наивысшей возможной для человѣческаго сознанія достовѣрности исключительно за результатами въ собственномъ смыслѣ методическаго изслѣдованія. А поэтому мы должны еще разъ всмотрѣться внимательнѣе, дѣйствительно ли подобное требованіе составляетъ неминуюмую послѣдовательность эмпиристической теоріи?

М. Каринскій.

КЪ ВОПРОСУ О РОДИНѢ ЛЕГЕНДЫ О СВ. ГРАЛѢ¹⁾.

Въ Толковой Палеѣ по рукописи XVI вѣка разсказывается о томъ, какъ царица юга, „ужская“, Сивелила (Сивилла) приходила искушать Соломона загадками. Соломонъ съ своей стороны испытывалъ ея мудрость (эпизодъ объ отпаденіи волосъ, покрывавшихъ ноги царицы), „и бесѣдова съ нею царь наединѣ. Хитреци его и книжници рѣкоша: съвокупися баше съ нею, и зачешши отъ него и иде въ землю свою и родить сына“²⁾. Въ Палеѣ 1494 года имя ей Малкатъка (Малькатка); зачавъ отъ Соломона, „роди сынъ, и се бысть Навъходоносоръ“³⁾. Малкатка, очевидно, араб. халд. *malcata*, евр. *malika*, царица; имя Навуходносора, какъ сына Соломона и царицы Савской, указываетъ на смѣшеніе съ другимъ преданіемъ, въ которомъ царица Савская дѣйствительно являлась матерью Навуходносора⁴⁾. Въ первой редакціи Откровеній Меодія Патарскаго разсказывается, что по смерти Сеннахерима (Σενναρίφ), убитаго сыновьями, въ Вавилонѣ воцарились сынъ его Σαραδοῦμ (перв. слав. переводъ: Сарьдошнъ) и „Ναβουχοδονόσωρ ὁ ἐκ πατρὸς γενόμενος Λοτζία (вар. Λουζία, Λουσία, перв.

¹⁾ Въ моей работѣ: Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Гралѣ (Извѣстия Имп. Ак. Наукъ, I, кн. 4-я) уже высказаны были нѣкоторые положенія, подробности развитія въ настоящей статьѣ. Она примыкаетъ, по содержанию, къ повѣстивной мною въ Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ, т. V, кн. 2, стр. 393 слѣд. (Гдѣ сложилась легенда о св. Гралѣ?) и въ Arch. f. slav. Philologie, B. XXIII (Zur Frage über die Heimath der Legende vom hlg. Gral).

²⁾ *Тихонравова*, Памятники отреченной литературы, I, 272—273.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, III, стр. 54—55.

⁴⁾ Pseudo-Ben Sira ed. Steinschneider стр. 216; Munk, 2-й Таргумъ, стр. 23; Epstein, Beiträge стр. 122; Schechter, The riddles of Salomon in rabbinic literature въ Folk-lore, I, № 3 (Sept. 1890), стр. 350.

слав. переводъ: ωττ ωττца Лозик; втор. слав. переводъ: Лоузіа; въ лат. текстѣ: *Luzin*) καὶ ἐκ μητρὸς βασιλείσης Σαβά“. Непосредственно слѣдующія строки отвѣчаютъ на вопросъ, какимъ образомъ Навуходоносоръ очутился на вавилонскомъ престолѣ: ἦνίκα εἰσῆλθε Σεπερί τοῦ πολεμῆσαι μετὰ τοῦ βασιλέως Ἰνδίας καὶ ἕως Σαβά καὶ ἠρήμωσα πολλὰς χώρας, καὶ συνεξῆλθεν αὐτῷ Ναβουχοδονόσορ, ἐκείνου δηλονότι συναγαγόντος αὐτοῦ, καὶ διὰ τὴν αὐτοῦ σοφίαν καὶ δυναστείαν ἐδόθη αὐτῷ ἡ Βαβυλωνός ¹⁾.

Но имя Навуходоносора, данное сыну Соломона, объясняется не однимъ лишь генеалогическимъ сближеніемъ (по царюѣ Савской), а, какъ я считаю вѣроятнымъ, и сходствомъ одного основнаго мотива въ легендарныхъ enfances Навуходоносора и Соломонова сына.

Повѣсть о дѣтствѣ Навуходоносора служитъ введеніемъ къ такъ называемой „Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ“ ²⁾. Въ Вавилонѣ царить Аксерксъ; желая соблюсти городъ отъ посѣтившаго его мора, онъ велѣлъ высылать въ лѣсъ всѣхъ, пораженныхъ недугомъ, признакомъ котораго было красное пятно на лбу; западныя свидѣтельства говорятъ о проказѣ. Въ этомъ-то лѣсу и найденъ былъ Навуходоносоръ. Разсказъ объ его обрѣтеніи въ Повѣсти таковъ: „обрѣтоша на соснѣ сову, да тутъ же подъ сосною младенецъ, да у той же соснѣ козу дикую. И тѣ люди, не знающе, какъ младенцу имя дати, и нарекоша совѣ имя Носоръ, а козѣ имя Аха, а младенцу имя Навходъ (вар. Паходъ); и даша младенцу (т. е. имя) изъ [о]боева въ трюю: Навходъносоръ“. Русскій Азбуковникъ толкуетъ это имя: ноу—сова, ходо—коза, носоръ—прокаженный. Указанія академика Жданова на Менокки (1574—1655; *Brevis explicatio sensus littera totius scripturae*) и Пантеонъ Готфрида изъ Витербо служатъ къ разъясненію какъ этимологін, такъ и легенды: Менокки читалъ *in aliquibus historiis*, что новорожденный Навуходоносоръ (*de novo.... natus*) былъ заброшенъ въ лѣсъ, гдѣ надъ нимъ сидитъ сова, его питаетъ коза, находитъ подъ деревомъ прокаженный. Сова на ихъ (?)

¹⁾ Сл. *Истрикъ*, Откровеніе Мелодія Патарскаго и апокрифическія Видѣнія Данила въ византійской и славяно-русской литературѣхъ (М. 1897), тексты, стр. 16, 88, 105.

²⁾ О ней сл. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (Славянскій Сборникъ, т. II, отд. I, стр. 125, 140—141); то же въ *Arch. f. slav. Philol.*, II, стр. 129; 308 слѣд.; Сказанія о Вавилонѣ, скиннѣ и св. Градѣ I. с.; отчетъ о книгахъ *Истрика*, *Caratoli*, *Wallis Budge* и др. въ *Византійскомъ Временикѣ*, 1897 г., № 3—4, стр. 19 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

языкъ зовется *nabu*, коза—*chodo*, прокаженный—*nosor*; отсюда названіе мальчику. У Готфрида та же легенда, въ прозаическомъ и стихотворномъ изложеніяхъ: Навуходносоръ оказывается *natus ex incerto coitu*, но *ex quadam regiae propaginis foemina* (въ стихахъ: *foemina moecha*); имя его составлено изъ трехъ: *nabus autem est bubo*, *chodir—sarra*, *nosor* (въ стихахъ: *nosora*)—*lepra*. Таково значеніе этихъ словъ *in lingua armena et chaldaea*; авторъ слышалъ этотъ рассказъ отъ армянъ ¹⁾. Брунетто Латини отрицаетъ царское происхожденіе Навуходносора, утверждая только, что онъ *nasqui d'avoutire celéement*.

По смерти Аксеркса Навуходносоръ избранъ царемъ, потому что надъ нимъ однимъ вскипѣлъ рогъ съ муррой, поставленный въ городскихъ воротахъ ²⁾. Навуходносоръ устроилъ вокругъ Вавилона великаго змѣя; къ нему и примыкаетъ дальнѣйшее развитіе повѣсти, изъ которой Навуходносоръ исчезаетъ.

Общія черты легенды о немъ слѣдующія: онъ царскаго рода по матери, подкинутъ въ лѣсу, признанъ царемъ по бывшему надъ нимъ чудесному знаменію.

Въ одномъ спискѣ „Повѣсти“ мы встрѣчаемся съ такимъ варьянтомъ начальнаго эпизода: царица Савская приходитъ къ Соломону (чудо съ волосами), соединяется съ нимъ, вернувшись къ себѣ родить сына. „И призва къ себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, и повелѣ ему отроча своего въ Вавилонскіе предѣлы отвести, на лѣсу положити повелѣ“. Рассказъ переходитъ затѣмъ къ Аксерксу и избранію Навуходносора ³⁾.

Мальчикъ, заброшенный въ лѣсу, принадлежитъ повѣсти о Навуходносорѣ, ей же „вавилонскіе предѣлы“, вмѣсто Соломоновы, которые мы ожидали бы встрѣтить. О сынѣ Соломона рассказывалось, что мать, родившая его вдали отъ отца, направила его, уже юношу, въ отцовское наслѣдье, гдѣ Соломонъ призналъ его и вѣнчалъ на царство. Такая легенда могла легко контаминироваться съ рассказомъ о Навуходносорѣ подкидышѣ. Легенда такого именно состава принадлежитъ къ національнымъ преданіямъ Эііопіи.

¹⁾ *Ждановъ*, Русскій былевой эпосъ, стр. 42 слѣд.

²⁾ Одно изъ легендарныхъ знаменій избранничества, котораго мнѣ приходилось не разъ касаться. См. также Этнограф. Обзоріе, XXII, стр. 122—123, № 5.

³⁾ *Ждановъ*, I. с., стр. 580—581.

I.

Эѳіопская легенда о сынѣ Соломона и царицѣ Савской.

Древніе списки эѳіопскихъ царей называютъ перваго изъ нихъ Арве, „змѣемъ“; онъ царствовалъ 400 лѣтъ и убитъ нѣкимъ Angabo; за нимъ упоминаются еще три царя, наконецъ Makedâ, съ сыномъ которой отъ Соломона водворилась въ Абессиніи вторая соломоновская династія.

Представленіе царя-змѣя, можетъ быть, отраженіе древнѣйшихъ туземныхъ вѣрованій, пережившихъ эпоху водворенія въ Абессиніи семитскихъ сабеевъ, но оно знакомо было и послѣднимъ: по лѣтописи Діонисія изъ Tell Mahre основателемъ Эдессы, Orhai, былъ сынъ змѣя, Неууâ. Въ христіанскомъ освѣщеніи змѣй явился символомъ демонической силы, язычества, сраженнаго Христовой вѣрой; не оттого ли разсказъ объ убійствѣ Арве отнесенъ абессинскимъ преданіемъ ко времени царей Saladôba и Al-Amédâ изъ соломоновской династіи, при которыхъ девять преподобныхъ явились изъ областей Рима и Египта, чтобы „исправить вѣру“? Они и участвуютъ въ истребленіи царственнаго чудовища: его длина 170 локтей, ширина—четыре, зубы въ локоть, глаза—огонь, брови черны, какъ воронъ, весь онъ какъ бы сдѣланъ изъ свинца и бронзы, на головѣ рогъ длиною въ три локтя. Когда змѣй ходитъ изъ города въ городъ, грохотъ слышенъ за восемь дней пути; передъ нимъ шествуютъ князья, за нимъ правители областей. Ему приносятъ въ жертву красивую дѣвушку, облеченную въ богатая одежды. Святые молятъ Бога, чтобы онъ послалъ Эѳіопіи спасителя изъ рода Давида, и онъ является въ лицѣ Калеба. Народная фантазія развила роль дѣвушки, выставленной на пожраніе змѣю, по извѣстному шаблону легенды о змѣеборцѣ. Особое мѣсто занимаетъ разсказъ, внесенный въ одинъ изъ списковъ царей, непосредственно соединяющій убіеніе Argé отъ руки Angabo съ началомъ соломоновской династіи: змѣя умертвилъ Agabos и его дочь, царица Azielb; участіе принимаютъ и святые, послѣ чего царевна отправляется къ Соломону. Въ варьянтѣ у Лудольфа девять странниковъ увидѣли на верхушкѣ дуба, подъ которымъ они отдыхали, царевну, спасшуюся туда отъ преслѣдованія змѣя; на нихъ капнули слезы. Узнавъ о причинѣ ея гореванія, они отыскали змѣя и убили его знаменіемъ креста, но на ногу царевны, подошедшей

посмотрѣть на чудовище, упала капля его крови, и нога распухла. Тогда, по совѣту странниковъ, царь посылаетъ свою дочь для исцѣленія къ Соломону ¹⁾.

Въ слѣдующей легендѣ она названа Македой (иначе: negesta Azeb), ея городъ—Makedae mons, и мотивъ ея путешествія къ Соломону иной. Легенда эта составляетъ эпизодъ романической хроники, извѣстной подъ названіемъ Кебра Нагастъ (слава царей), время составленія которой до сихъ поръ не опредѣлено. Отдѣльныя части могли принадлежать древнему абессинскому преданію, какъ, напримеръ, интересующій насъ эпизодъ. Преторіусъ возводитъ его къ VII—VIII вѣку на томъ основаніи, что самое позднее историческое воспоминаніе въ немъ относится къ 615 году (увозъ персами древа Креста), византійскіе императоры еще представляются въ дружественныхъ отношеніяхъ къ эіопскимъ и родословная тѣхъ и другихъ принязана къ Соломону. И въ то же время арабизмы дошедшаго до насъ текста указываютъ на позднѣйшую переработку, можетъ быть, X вѣка ²⁾.

Въ XIX—XX главахъ Кебры-Нагастъ разсказывается, что константинопольскій патріархъ Dematius нашелъ въ храмѣ св. Софіи писаніе, гласившее, что всѣ земныя царства принадлежатъ римскому и эіопскому императорамъ: первый владѣть всѣмъ, что къ сѣверу отъ средоточія Іерусалима, второй всѣмъ, что къ югу. Оба они отъ сѣмени Соломона, римскій царь—его сынъ ³⁾, эіопскій—его же сынъ, первородный. Какъ онъ родился, о томъ и слѣдуетъ разсказъ, извлеченный изъ найденной книги (гл. XXII—XXXII).

Эіопской царицѣ Македѣ разсказываетъ о вѣщей мудрости Соломона купецъ Тамринъ, долго пребывавшій при его дворѣ, и у нея явилось страстное желаніе увидать его. Когда она къ нему прибыла, возблагодарила Того, кто сподобилъ ее коснуться порога Соломона,

¹⁾ Сл. Conti Rossini, Note etiopiche вѣ Giornale della soc. asiatica italiana v. X, 1896—1897, p. 143—146 (II Leggende tigray I); L'omilia di Jôhannes, vescovo d'Aksum, in onore di Garinâ, вѣ Actes du onzième congrès international des orientalistes. Quatrième section (Paris. 1898), p. 147 слѣд.; La leggenda etiopica di re Arwê вѣ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari v. XX, fasc. IV, стр. 521—525, 529; Турусъ, Исслѣдованія въ области агиологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи, С.-Пб. 1902 г., стр. 60—61, прим. 2 слѣд.; Ludolph, Historia Aethiopiae l. II, c. 3, 1—14.

²⁾ Сл. Praetorius, Fabula de regina Sabaca apud Aethiopes. Halis Saxonum 1870; Gabrieli, Fonti semitiche di una leggenda salomonica вѣ Bessarione, an. IV, v. 7 (1899—1900), p. 71 sqq.

³⁾ Или ому Adramius, сл. Praetorius l. c. стр. 29, прим. 1.

услышать его голосъ; а онъ говоритъ ей: Богъ Израиля даровалъ мнѣ то, о чемъ я просилъ Его и молилъ, тебя же, Его не знающую, мудрость собственнаго сердца побудила взыскавъ меня, смиреннаго раба Господа Бога моего, хранителя Его алтаря, служителя ковчега Заѡѡта Бога Израиля (*domina nostra arca legis Dei Israelis*), святаго небеснаго Сіона.

Наставительныя бесѣды Соломона съ царицей обратили ее, солнцеклонницу: Ковчегъ Заѡѡта, ниспосланный съ неба, созданный раньше всего созданія (*ante totam creationem creata est*), будетъ святыней ей и ея потомству (*haec arca Dei Israelis sit mihi domina mea*).

Когда Македа⁴ собралась въ обратный путь, Соломонъ раздумался: что если Господь дастъ ему отъ нея потомство? Былъ Соломонъ великій женолюбъ, но не по сладострастію, а потому что памятовалъ реченное Господомъ Аврааму: Умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской.

Слѣдуетъ разсказъ, какою хитростью побудилъ Соломонъ царицу отдаться ему ¹⁾. Въ ту же ночь ему было сновидѣніе: солнце сошло съ неба и озарило Израиль, но затѣмъ удалилось въ Эіопію и не переставало свѣтить въ ней. Царь ожидалъ, что оно вернется въ Израиль, но оно явилось въ большемъ, чѣмъ когда-либо, блескѣ надъ страню Іуды. А Израиль не видѣлъ его, не шествовалъ въ его сіяніи, и солнце имъ пренебрегло, а Израиль воздвигъ на него гоненіе, пытался затмить его, потушить, такъ, чтобы оно никогда не вставало,—и поставилъ стражу къ его гробу. Но оно снова поднялось, откуда его не ждали, и освѣтило весь міръ отъ моря Эіопскаго до Римскаго; и оно пренебрегло Израилемъ и возсѣло на свой древній престолъ.

Отпуская царицу, Соломонъ подарилъ ей перстень; если будетъ у тебя отъ меня потомство, сказалъ онъ ей, перстень будетъ ему знаменіемъ; коли родится сынъ, пусть явится ко мнѣ. Онъ сообщаетъ царицѣ содержаніе бывшаго ему видѣнія о солнцѣ, зачѣтомъ въ Израиль и удалившемся, чтобы освѣтить Эіопію; можетъ быть, она будетъ благословенна отъ тебя, говоритъ онъ царицѣ, то вѣдаетъ Господь.

По возвращеніи къ себѣ царица родитъ сына, названнаго Вăунă-Нѣкѣмъ; въ генеалогическихъ росписяхъ абессинскихъ царей имя пишется 'Ебнă I Нăкімъ; то и другое обозначаетъ по арабски: сынъ

¹⁾ Такъ и въ пересказѣ у Лудольфа.

мудраго. Его эіопское имя Mēnilēk; по Кебра-Нагастъ онъ воцаряется подъ именемъ Давида ¹⁾).

Въ дальнѣйшихъ главахъ Кебра-Нагастъ разсказывается о томъ, какъ сынъ Соломона похитилъ изъ Іерусалима ковчегъ завѣта и вмѣстѣ съ Азаріей устроилъ церковныя дѣла Эіопіи; слѣдуетъ исторія Соломона, повѣсть о еврейскихъ событіяхъ перемѣшана съ эіопскими легендами, и хроника кончается раздѣломъ вселенной между царями Эіопіи и Рима ²⁾. За неимѣніемъ точнаго перевода съ эіопскаго текста пользуемся для занимающаго насъ эпизода пересказомъ Amélineau, источникомъ которому послужила какаля-нибудь (арабская?) версія Кебра-Нагастъ ³⁾. Отличія его текста отъ сообщеннаго выше, тамъ, гдѣ они по содержанію совпадаютъ, объясняются наслоеніемъ посторонняго легендарнаго матеріала.

Разсказъ начинается съ построенія Соломонова храма въ связи съ легендой о крестномъ древѣ ⁴⁾. Камни не поддаются каменотесамъ, не тешутся; Соломонъ выискиваетъ средство: велитъ поймать птенца гигантскаго рока и посадить подъ мѣдный котель. Мать птенца ищетъ и находитъ его, но не въ силахъ освободить; тогда она приноситъ изъ райскаго вертограда древесный обломокъ, найденный подъ однимъ деревомъ, и бросаетъ его на котель; котель разсѣлся, птенецъ освобожденъ, а каменотесы получили возможность обрабатывать тѣмъ деревомъ камень.

Услышала о премудрости Соломона царица Темана и пришла поклониться ему. Мать ея, будучи беременной, видѣла во снѣ красивую козу и особенно залюбовалась ея ногами; оттого у родившейся дѣвочки одна нога оказалась козьею. Когда Соломонъ узналъ объ ея приходѣ, велѣлъ поставить себѣ престоль среди двора, а во дворъ напустить воды; когда царица шла къ нему, приподняла подолъ, и Соломонъ убѣдился во очію въ ея недостатокъ. Но на дворѣ лежалъ и принесенный птицей обломокъ; царица наступила на него, и ея

¹⁾ Cf. Dillmann, Zur Geschichte des axumitischen Reichs вЪ Zs. der deutschen morgenländischen Gesellschaft, VII B., стр. 341, прим. 2; Basset, Etudes sur l'histoire de l'Éthiopie вЪ Journal Asiatique, 7-e série, t. XVII, стр. 414.

²⁾ Basset, l. c., t. 18, стр. 129—30.

³⁾ Amélineau, Contes et romans de l'Égypte chrétienne, стр. 144 слѣд.

⁴⁾ Объ этихъ легендахъ см. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Крестовѣ, стр. 106 слѣд., 170 слѣд.; Разысканія X, стр. 371 слѣд., 382—3. Cf. Kampers, Mittelalterliche Sagen vom Paradiese und vom Holze des Kreuzes Christi. Köln, 1897.

нога приняла естественный видъ. Тогда Соломонъ рассказываетъ царицѣ, что такое это дерево, а она, узнавъ о его чудесномъ свойствѣ, велитъ возложить на него серебряный обручъ; то же сдѣлалъ и Соломонъ, такъ что ко времени Спасителя обручъ набралось тридцать; они достались Іудѣ въ награду за его предательство, а на томъ деревѣ распятъ былъ Христосъ.

Въ пересказѣ (или въ текстѣ) Amelineau произошло смѣшеніе: обломка, принесеннаго изъ райскаго сада и раздробляющаго камни (евр. шамиръ), съ райскимъ деревомъ, будущимъ древомъ распятія, по которому въ крестной легендѣ проходитъ царица Савская-Сивилла. Если въ оригиналѣ этого смѣшенія не было и самъ Соломонъ объяснялъ царицѣ предназначеніе дерева, то такая версія оказалась бы, можетъ быть, древнѣе данной въ крестной легендѣ, гдѣ о крестѣ вѣщаетъ царица. Здѣсь, наоборотъ, поучалась бы она, еще не смѣшавшись съ Сивиллой.

Далѣе рассказъ впадаетъ въ колею знакомаго намъ: Соломонъ хитростью овладѣваетъ царицей; гѣтъ пророческаго сна, но есть передача перстня. Царица удаляется и родитъ сына, котораго нарекла Давидомъ. Когда онъ выросъ, онъ допрашиваетъ мать о своемъ отцѣ; она называетъ Соломона, вручаетъ сыну перстень и велитъ ѣхать въ Іерусалимъ, взявъ съ собой дары и воиновъ: онъ увидитъ отца въ его величій и мудрости, и тотъ, по обѣщанію, поставитъ его царемъ. Сынъ прибылъ въ Іерусалимъ; когда Соломону донесли, что явился какой-то царь, онъ велѣлъ своимъ воинамъ встрѣтить его, но самъ не призналъ сына, когда тотъ былъ уже у входа во дворецъ. Между тѣмъ юноша увидѣлъ взнузданнаго отцовскаго коня, вскочилъ на него и обнажилъ мечъ. Вѣсть объ этомъ огорчила Соломона, и при встрѣчѣ съ сыномъ онъ не могъ воздержаться отъ гнѣва. А тотъ говоритъ: владѣлецъ этого перстня далъ мнѣ свое царство, когда я былъ еще въ утробѣ матери. Признаніе совершается, и Соломонъ вѣнчаетъ сына вѣнцомъ царя Давида.

Въ храмѣ Господнемъ былъ кивотъ завѣта, гдѣ находился жезлъ Аарона, мѣры манны, обложенныя золотомъ и одѣтыя шелкомъ. Въ этомъ кивотѣ представлялось народу нѣчто дивное: когда священнослужители кончали свое молитвословіе и народъ начиналъ молиться, простираясь передъ Всемогушимъ, ковчегъ поднимался въ воздухъ; это было знакомъ, что молитва доходитъ къ Богу; если же ковчегъ не трогался, всѣ были увѣрены, что произошло это по ихъ грѣхамъ, и принимались просить и плакать, пока чудо не совершалось.—

Однажды Давидъ объявилъ отцу, что намѣренъ увезти эту святыню въ свою страну: на пути она будетъ ему защитой, его воинамъ помощью въ битвѣ. Соломонъ въ началѣ противится, но потомъ говорить: если ужъ на то воля Божія, то пусть похищась, не предупреждая его и съ нимъ не прощаясь, потому что священники заставить его поклясться, что онъ о томъ ничего не знаетъ, а онъ не желаетъ принести ложной клятвы. Сынъ велитъ тайкомъ изготовить ковчегъ, совершенно подобный настоящему; подмѣна совершается при помощи четырехъ священниковъ, которые участвуютъ и въ увозѣ святыни. Когда ея хватились, за бѣглецами послана была погоня, но тѣ мчались, какъ вѣтеръ, гонящій облака. Такъ Байна Хекемъ вернулся къ матери, которая уступила ему свою власть; съ тѣхъ поръ Эіопіей стали править потомки Соломона, вѣчно владѣющіе ковчегомъ завѣта.

Варьянтъ этого эпизода у Лудольфа представляетъ нѣкоторыя отличія. Когда Менелику исполнилось 15 лѣтъ, онъ пожелалъ увидѣть отца, на котораго походилъ и внѣшностью; Соломонъ любилъ его, потакалъ ему, и когда юноша пожелалъ ввести въ своемъ отечествѣ религиозный культъ евреевъ, отправилъ въ Эіопію священниковъ, левитовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, разныхъ мастеровъ и вмѣстѣ съ ними Азарію, сына первосвященника Садока. Они-то и похитили, по наущенію Менелика, ковчегъ завѣта, а на его мѣсто поставили изваяніе архангела Михаила, который покрыли покровомъ, снятымъ съ ковчега. Увозъ святыни ознаменовался трехдневнымъ землетрясеніемъ, но лишь по вторичномъ осмотрѣ Святая Святыхъ догадались о похищеніи. Погоня за Менеликомъ настигла его уже въ предѣлахъ Эіопіи, и онъ заявилъ, что не намѣренъ оставить ковчегъ у себя и вернуть его, лишь только мастера сдѣлаютъ, по его подобию, другой такой же. Но въ Іерусалимѣ онъ отсылаетъ новый ковчегъ, а настоящій удержалъ. Оставалось прійскать для него подходящее мѣсто; куда его ни приносили, всюду земли начинала колебаться, когда же водворили его на одномъ островкѣ посреди рѣки, вода разступилась ¹⁾. Здѣсь Менеликъ построилъ храмъ, названный Сіономъ, и возникъ городъ Аксумъ. Эіопія приняла Моисеевъ законъ; первымъ первосвященникомъ сталъ Азарія.

¹⁾ По другимъ преданіямъ цари Abreha и Azbeha построили Аксумскій храмъ „на водѣ, по приказанію Господа“, либо самъ Христосъ извлекъ землю, потребную для построенія священнаго города Абессиніи, изъ подъ воды, покрывавшей всю страну. Сл. Conti Rossini, Note etiopiche, I. c. стр. 144, 146.

II.

Легенды о еврейскихъ блаженныхъ.

Передъ нами фантастическая легенда, покоящаяся на почвѣ древнихъ религіозныхъ отношеній.

Среди сабеевъ Іемена, на которыхъ (съ 300 г.) абессинскіе цари Аксума простирали свою власть, рано пустило корни іудейство, но уже при Констанціи II (337—61) гимьяриты были христіанами, а въ половинѣ IV-го вѣка раздалась проповѣдь христіанства и въ Абессиніи, потому что разсказъ объ обращеніи эвнуха царицы Кандаки и дѣятельности ап. Матвѣя долженъ быть отнесенъ къ области легендъ. Фрументій (эв. Фрементосъ, авва Салама) и Эдесій (Сидрахъ) первые принесли благовѣстіе народу, „часть котораго жила въ еврейскомъ законѣ, другая поклонялась змѣю“, но болѣе широкое распространеніе христіанства должно быть отнесено къ концу V-го вѣка, когда, по преданію, прибыли (въ 480-мъ году) изъ Рима-Византіи и Египта девять преподобныхъ, которые „исправили вѣру“—Житіе одного изъ нихъ, Исаака Гарима, написанное Іоанномъ Аксумскимъ, указываетъ на области, изъ которыхъ они пришли: Константинополь, Антиохія, Киликія, Кесарія. „Исправленіе“ вѣры совершилось въ духъ монофизитства, господствовавшего въ Египтѣ, Сиріи и Іеменѣ; на вліяніе сирійскаго христіанства указываетъ и абессинская церковная номенклатура и переводъ евангелія, сдѣланный съ принятаго въ Сиріи текста.

Распространеніе христіанства въ Эіопіи отвѣчало политическимъ цѣлямъ Византіи и аксумскихъ царей, но вызывало противодѣйствіе народной партіи, въ которой были и сабеи, и іудействующіе, тогда какъ аксумскіе цари воевали съ Іеменомъ, пока Caleb Elesbaas не одержалъ въ 525 г. окончательной побѣды надъ гимьяритскимъ владыкой Dhû-Nuwaš'омъ, гонителемъ христіанъ въ Неждранѣ. Благодаря нерадивымъ отношеніямъ александрійскаго патріархата къ юной эіопской церкви, въ промежутокъ между проповѣдью Фрументія и пришествіемъ девяти святыхъ сабеизмъ снова поднималъ голову; тому свидѣтельствомъ описанные Бентомъ памятники, въ формѣ обелисковъ и пирамидъ съ алтаремъ у ихъ базы, болшею частію посвященнымъ солнцу. Поднялись и іудействующіе, о которыхъ хронологическіе перечни царей говорятъ въ связи съ дѣятельностью Фрументія.

Когда появилось въ Абессиніи іудейство, процвѣтавшее среди іеменскихъ гамьяритовъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, лѣтописное извѣстіе объ іудействующихъ временъ Фрументія и лишено историческаго значенія, но реформы Евстазія (XIV в.), введеніе имъ субботствованія и реабилитация Вотхаго Завѣта указываютъ на готовыл мѣстныя условія, которыя и помогли развиться крайнему монофизитству. Въ политической исторіи страны іудейство сыграло свою роль: партія іудействовавшихъ фалаша была на столько сильна, что въ началѣ X-го вѣка возможенъ былъ переворотъ, надолго устранявшій отъ престола соломоновскую династію. Борьбою съ царьками воинственныхъ фалаша полны лѣтописи XVI-го вѣка; и теперь еще число іудействующихъ превышаетъ миллионъ. Они по преимуществу земледѣльцы, но знакомы и съ ремеслами и нерѣдко поступаютъ добровольно въ абессинское войско. Точно исполняя правила очищенія и соблюдая субботу строже другихъ евреевъ, они не придаютъ большого значенія праздникамъ и жертвоприношеніямъ и не имѣютъ никакого понятія ни о Мессіи, ни о талмудѣ. Ихъ названіе *falascha* означаетъ „пришельцы“, другое, *kaila*—не переходитъ, т. е. черезъ рѣку, чего они не дѣлаютъ въ субботній день. Искаженіе-ли это или источникъ повѣрья о Самбатіонѣ? Они и теперь рассказываютъ о своемъ происхожденіи то же, что говорится въ житіи Габра-Іасуса, подвижника XIV вѣка, ученика Евстазія: онъ проповѣдовалъ евангеліе въ области Элфразъ, „и пришли на ученіе его чада іудейскія, которыя вышли изъ Іерусалима изъ-за испытанія, которое постигло ихъ въ царствованіе Тита и Веспасіана, и переселились въ страну эіопскую. Здѣсь они размножились и наполнили землю и заняли Элфразъ. Они увѣрвали и крестились по его проповѣди“. Святой исцѣвлялъ „водою молитвы“ еврейку, въ чрево которой вползъ змѣй; царь Эіопіи пожелалъ увидѣть исцѣвленную, на которой и женился; сыновей отъ нея онъ воспитывалъ въ монастырѣ Габра-Іасуса, они сдѣлались монахами и священниками и настоятельствовали послѣ своего наставника ¹⁾.

Легенда фалаша одна изъ многихъ, возводящихъ начала абессин-

¹⁾ Richard Andree, *Zur Volkskunde der Juden*, стр. 81—8, A. v. Katta, *Reise in Abyssien im Jahre 1836* (Stuttgart 1838), стр. 99; Тураевъ, *Исслѣдованія*, стр. 178—9. Проф. Тураевъ не сообщаетъ содержанія житія Габра-Мацфасъ-Кедусъ, иначе, Аббо, потому что оно представляетъ болѣе матеріала для изслѣдователя фольклора, чѣмъ для историка. Аббо путешествуетъ въ Іерусалимъ, возвращаетъ царя и восстанавливаетъ его на престолѣ; съ нимъ вмѣстѣ прибыли въ Абессинію Аморы, населявшіе Іудею. Ст. I. с., стр. 78 слѣд.

скаго іудейства къ еще болѣе ранней порѣ. Онѣ принадлежать къ группѣ сказаній о судьбѣ десяти израильскихъ колѣнъ. Вопросъ этотъ издавна занималъ воображеніе и находилъ рѣшенія: онъ поднимается уже въ 4-й книгѣ Эздры, въ апокрифическомъ посланіи Варуха; этихъ евреевъ смѣшали потомъ съ потомками Рехавы, гимнософистами и брахманами Александріи; они вошли эпизодически въ романъ объ Александрѣ и дали канву для отреченныхъ христіанскихъ житій ¹⁾. Въ еврейской легендарной литературѣ они извѣстны съ VI—VII вв. Хроника Jerahmeel'я даетъ послѣдовательно три разсказа о евреяхъ въ Kush и Navila (Эіопія): 1) сыны Моисея уведены Навуходоносоромъ въ Іерусалимъ; имъ велятъ пѣть сіонскія пѣсни, а они откусываютъ себѣ пальцы, чтобы не бряцать на струнахъ. Облако переноситъ ихъ съ ихъ стадами въ Navila, гдѣ ихъ окружила рѣка, влекшая одни камни и останавливавшаяся лишь по субботамъ (Sabbatyon, Sabbatianus). У нихъ не водятся нечистыя животныя и дикіе звѣри; 2) О левитахъ, сынахъ Моисея, разсказывается то же; Саббатіонъ окружаетъ ихъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой море. Никто не общается съ ними, кромѣ племенъ Дана, Нефталима, Гада и Ассура, живущихъ по ту сторону рѣкъ Кушъ; ихъ отдѣляетъ отъ нихъ Саббатіонъ. Родъ Дана удалился сюда, не желая повиноваться приказу Іеровоама, чтобы они сражались съ Ровоамомъ и жителями Іерусалима. Они поселились по ту сторону рѣки Pishon среди племенъ Kush, платившихъ имъ дань. По смерти Сеннахерима колѣна Гада, Ассура и Нефталима присоединились къ нимъ ²⁾; 3) Буря занесла купца Elchanan'a въ Kush-Navila, гдѣ онъ встрѣтилъ евреевъ изъ колѣна Данова; жители — эіопы. Разсказъ тотъ же, что и въ предыдущемъ варьянтѣ.

¹⁾ Для слѣдующихъ далѣе сообщеній я пользуюсь матеріалами, собранными мною въ: Изъ исторіи романа и повѣстп I, гл. V и VII и въ статьѣ Византійскаго Временника, указанной выше, стр. 9 и 39. Новая свѣдѣнія даетъ Гастеръ изъ компилятивной хроникѣ Jerahmeel'я, соответствующіе эпизоды которой онъ относитъ къ VI—VII вв. Сл. Gaster, The chronicles of Jerahmeel (London 1899), гл. LXI—III текста съ примѣчаниями и стр. II предисловія. Со времени моего изслѣдованія James напечаталъ еще текстъ житія Зосимы; авторъ указываетъ на существованіе его сирійскаго и арабскаго переводовъ; первый, приписанный Якову изъ Эдессы, будто бы переведенъ съ еврейскаго на греческій, а съ греческаго на сирійскій. Сл. Texts and Studies ed. by Armitage Robinson v. III № 3: Aposgrupha anecdota стр. 86 слѣд.

²⁾ Въ хроникѣ Jerahmeel'я I. с., стр. 182, разсказывается, что Сеннахеримъ, услышавъ о возстаніи эіопскаго царя Tirhakah, пошелъ на него, взявъ съ собой колѣна Іуды и Симеона, которыхъ потомъ и скрылъ за горами мрака по ту сторону Эіопскихъ рѣкъ.

Этими легендами пользовался въ IX-мъ вѣкѣ ибкій Eldad ben Mahli въ рассказѣ о своемъ путешествіи въ Kush и Havila. Колѣно Дана выселилось въ Эіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Іеровоамѣ; впоследствии къ нему присоединились три другія. На ихъ границѣ, по ту сторону Саббатіона, живутъ сыны Моисея, Bene-Mosche, потомки тѣхъ левитовъ, которые повѣсили свои гусли на ивахъ Евфрата и откусили себѣ пальцы, чтобы не пѣть сіонскія пѣсни на неосвященной землѣ. Облако перенесло ихъ въ Havila, гдѣ ихъ окружилъ Саббатіонъ, влекущій въ теченіе шести дней камни, въ субботу же покоящійся въ густомъ туманѣ. Никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальные колѣна сносятся съ сынами Моисея лишь издали, не имѣя возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя.

Хожденіе Зосимы говоритъ не о сынахъ Моисея, а о рехавитахъ. Когда пророкъ Іеремія провидѣлъ нашествіе иноплемениковъ, сталъ увѣщевать людей, чтобы они отвратились отъ дѣлъ беззаконія. Услышавъ это, Рехавъ, сынъ Аминадава ¹⁾, держитъ ту же проповѣдь своему роду: пусть воздержатся отъ хлѣба, вина и елея (слав. текстъ: и общенія съ женами) и совлекутъ одежды свои, пока Господь не услышитъ ихъ молитвы. Они послушались, и гнѣвъ Божій отвратился отъ Іерусалима. Обвиненные передъ другимъ царемъ, рехавиты ввержены въ темницу, но ангелы являются ночью и приносятъ ихъ къ рѣкѣ; они идутъ по ней (слав. по ея теченію), пока не достигли назначеннаго имъ мѣста; тогда исчезла вода въ той рѣкѣ; вода, вышедшая изъ бездны, оградила землю, и отъ нея до неба стало облако. Этихъ-то сыновъ Рехавы посѣтилъ пустынный Зосима. Сорокъ дней идетъ онъ по пустынѣ, затѣмъ принимаетъ его на себя верблюдоу (или левъ), далѣе вѣтеръ несетъ его къ рѣкѣ Эвмилу (Ἐβμηλος, Ἐβμη-λῆς) и облачной стѣнѣ. Ни черезъ ту, ни черезъ другую не пройти; тогда два дерева вырастаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ Зосимѣ возможность перебраться въ страну блаженныхъ. Они говорятъ ему о своемъ житіи, которое и вручаютъ ему на прощаньи, начертанное на каменныхъ доскахъ (слав. доски опочанья). Они безъ грѣха, хотя и не безсмертны, питаются земными

¹⁾ Ионадавъ, Іеремія 35; въ греч. текстѣ легенды у Васильева, *Anecdota graeco-byzantina*, стр. 171: Ἀμναδάμ, вар. Ἰοναδάμ; такъ и въ вариантахъ текста у James'a, I. c., стр. 102 § VIII. Въ хроникѣ Jerahmeel'a генеалогія Рехавы другая: у Моисея сыновья Gerzhom и Eliezer, сынъ послѣдняго Rehabja, о которомъ въ писаніи сказано: и умножились постоянно сыны Рехавы.—Ихъ города осадилъ Новуходносоръ.

плодами и водой отъ корни дерева, сладчайшей меду; когда постомъ деревья перестаютъ давать плодъ, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну времянь года, много счета времени они не вѣдаютъ, не знаютъ ни собственности, ни утвари, ни жилья. Кто изъ нихъ пойметъ жену, живеть съ ней, пока не будетъ у него двое чадъ, а затѣмъ разлучается съ нею, и оба пребываютъ въ чистотѣ. Молятся они дено и ноцно, ихъ слышать ангелы на небесахъ и вѣщаютъ имъ о людскихъ дѣлахъ; и за людей они молятся.

Въ этомъ „житіи“ нѣтъ ничего специфически христіанскаго; упоминаніе Воскресенія Христова принадлежитъ, вѣроятно, христіанской перелицовкѣ; запретъ общаться съ женами—славянскому переводчику; въ греческомъ текстѣ онъ касается общенія съ другими людьми, т. е. грѣховными. Рехавиты женятся, у каждаго изъ нихъ не болѣе двухъ чадъ, изъ которыхъ одно назначается для брака, другое пребываетъ въ дѣвствѣ. Это напоминаетъ эпизодъ романа объ Александрѣ, гдѣ амазонки разъ въ году соединяются съ брахманами, при чемъ мальчики остаются у отцовъ, дѣвочки уходятъ съ матерями. Въ одномъ спискѣ греческаго житія Зосимы XVI вѣка его рехавиты прямо отождествляются съ брахманами, какъ и въ пересказѣ Александрія у Иосиппона: Александръ достигъ „горь мрака“, гдѣ солнце не свѣтитъ, и намѣревался дойти до сыновей Ионадава, сына Рехавова, и до колѣнъ, обитающихъ за горами мрака, но птицы съ человѣческими лицами говорятъ ему, что ему не вступить въ землю рабовъ Божіихъ, на островъ, гдѣ обитаютъ Божіе святые, сѣмя Авраамово. Если въ эоіопской передѣлкѣ Псевдокаллисена блаженные, посѣщенные Александромъ, названы потомками Снеа, о которыхъ „говоритъ пустынный Зосима“, то это, быть можетъ, варьянтъ знакомаго намъ житія ¹⁾); наоборотъ, въ эоіопской легендѣ о Герасимѣ, дублетѣ Зосиминой, святой отправляется къ блаженнымъ, о которыхъ вычиталъ въ „книгѣ царя Александра“.

На легендѣ о Герасимѣ и ея отношеніяхъ къ житію Зосимы я остановлюсь подробнѣе.

Іеремія вверженъ въ смрадную яму за обличеніе царя идолослужителя Седекіи. Здѣсь его питаетъ Авимелехъ, и пророкъ вѣщаетъ ему, что онъ не увидитъ кары, уготованной Господомъ царю и на-

¹⁾ См. эпизодъ о сынахъ Снеа въ сербской Александріи. См. Изъ исторіи романа и повѣсти I гл. V.

роду Израиля. По прошествіи трехъ дней и трехъ ночей ангель восхитилъ Іеремію и поставилъ его предъ лицомъ Господа, который велѣлъ ему пойти въ Іерусалимъ, взять изъ Сіонскаго храма святыню ковчега и спрятать въ пещерѣ на Оливной горѣ¹⁾; вывести изъ города всѣхъ, живущихъ въ страхѣ Божиѣмъ и весь родъ Іереміи съ женами и дѣтьми. Ангелы ведутъ ихъ на морской островъ, тамъ гора, гдѣ нѣтъ ни труда, ни печали, ни голода, ни жатвы, ни жары, ни холода, ни грабежа, ни угнетенія, ни лжи, ни прелюбодѣянія, а миръ и любовь. Здѣсь и поселились блаженные, денно и ношно славословя Творца.

Между тѣмъ Дарій отослалъ іудеевъ послѣ семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣна въ Іерусалимъ, а Александръ вступаетъ въ него и казнить священниковъ, отказавшихся выдать ему порфиру. Священники убили Захарію на порогѣ храма, разсѣвшемся и поглотившемъ его тѣло; съ тѣхъ поръ изъ порога сочилась кровь—до явленія Александра. Онъ облачается въ порфиру, но тотчасъ же снимаетъ ее, смиряясь передъ волей Всевышняго.—Далѣе онъ направляется къ странѣ блаженныхъ, съ которыми бесѣдуетъ: они изъ колѣнъ Леви и Іуды, родичи Іереміи.

Христова вѣра распространилась по всей землѣ, всюду стали Божьи церкви, умножилось монашество, и вотъ ивкій инокъ Герасимъ, жившій въ пещерѣ за Іорданомъ, прочелъ о блаженныхъ „въ книгѣ царя Александра“ и возгорѣлся желаніемъ лицезрѣть ихъ.—Слѣдующій далѣе рассказъ совпадаетъ въ основныхъ чертахъ и планѣ съ хожденіемъ Зосимы: Герасима несетъ левъ, вмѣсто рѣки и облака—море; дерево склоняется передъ путникомъ, принимаетъ его на свою вершину, склоняется и другое, стоявшее въ морѣ, и, нагнувшись въ другую сторону, ставитъ его на островъ блаженныхъ. Герасимъ говоритъ

¹⁾ По сказанію у Епифанія (по Маккав. II гл. 2, ст. 4—8) Іереміи повелѣлъ скинии и ковчегу слѣдовать за нимъ, когда онъ восходилъ на гору, съ которой Моисей видѣлъ нازلдіе Божіе; найдя тамъ пещеру, Іереміи ввѣстъ туда скинью, ковчегъ и жертвенникъ каменный и загородилъ входъ. Мѣсто это останется неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердясь, не соберетъ сонма народа. Тогда Господь покажетъ его, и явится слава Господня и облако, какъ явилось при Моисѣѣ. Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I стр. 343—4 и прим. Рассказъ этотъ развитъ въ особомъ апокрифѣ, гдѣ о камнѣ, гдѣ скрыта была святыня, сказано: ἔστι δὲ ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ, ὅπου τὸ πρόταρον ἢ χφετό; κατεσκιάσθη μετὰ τῶν ἄλλων. Сл. Vassiliev, Anecdota I, стр. 317, слѣд. и René Basset, La livre de Baruch et la légende de Jérémie въ его Les apocryphes éthiopiens.

имъ о себѣ, о распространеніи христіанства, блаженные о своемъ происхожденіи, родѣ жизни и библейскихъ пророчествахъ о Христѣ, которыя Герасимъ подтверждаетъ пересказомъ евангельскихъ событій. Библейско-христіанскія воспомнанія съ любовью развиты; въ хожденіи Зосимы ихъ нѣтъ. Къ подробности о деревьяхъ, перестававшихъ давать плоды, присоединена другая: что на время поста вода въ морѣ (рѣкѣ?) высыхаетъ, и оно снова наполняется съ наступленіемъ Воскресенья Христова. Это напоминаетъ чередованіе теченія и покоя Саббатіона; по Иосифу Флавію (*De bello Judaico* 7, 5, 1) Саббатіонъ наполнялся водою лишь въ субботу.

Зосиму хожденія я сблизилъ съ Зосимой житія св. Маріи Египетской, написаннаго патріархомъ Софроніемъ († 644). Онъ былъ родомъ изъ Киликіи, жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такою святостью, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самоувѣніе: есть-ли на свѣтѣ инокъ, который могъ бы наставить его, въ дѣлѣ иноческаго подвига, чему-нибудь, чего бы онъ самъ не зналъ, чего бы не творилъ? Тогда нѣкто предсталъ ему, велитъ идти за Іорданъ, въ обитель, лежавшую такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства совсѣмъ не знали о ея существованіи. Описывается идеалъ иноческаго житія, посвященнаго молитвѣ и псалмопѣнію, далекаго отъ всѣхъ мірскихъ помысловъ. Здѣсь остался Зосима, найдя себѣ сотрудниковъ *καλῶς τὸν θεῖον νεοσχημασμένους παράδεισον*. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти отшельники справляли такъ, что, перебравшись по ту сторону Іордана, расходились по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаются нѣрѣдко одними злаками. Вместе съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню. Онъ жаждетъ встрѣчи съ какимъ-нибудь мужемъ, который просвѣтилъ бы его, и встрѣчается съ Маріей Египетской.

Герасимъ эіопской легенды говоритъ о себѣ, что онъ родомъ изъ Греціи, пришелъ въ Іерусалѣмъ, крестился въ Іорданѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крещенъ былъ Спаситель, и жилъ въ пещерѣ за Іорданомъ, затѣмъ въ обители, называемой „домомъ св. Іоанна“, гдѣ засталъ 59 иноковъ; вернувшись отъ блаженныхъ, онъ написалъ свое хожденіе и положилъ его въ церкви св. Іоанна.

Всѣ эти мѣстности легко опредѣлить: пещеру за Іорданомъ можно искать гдѣ-нибудь по близости пещеры Предтечи, о которой говорятъ старые паломники; по сю сторону рѣки лежалъ монастырь Іоанна Крестителя съ большой церковью Іоанновой или Троицкой; другая,

малая церковь во имя Предтечи стояла на мѣстѣ крещенія Спасителя. Герасимъ эеіопской легенды жилъ въ какой-то обители, и здѣсь его синкаллъ познакомилъ его съ „книгой царя Александра“; подѣ церковью св. Іоанна, куда положенъ былъ рассказъ о хожденіи, можно разумѣть большую церковь Іоаннова монастыря; въ сосѣдствѣ находились монастыри св. Герасима и преподобнаго Зосимы. „На Іорданѣ жъ есть монастырь великъ зѣло Іоанна Предтечи, говоритъ Игнатій Смолнянинъ, . . . тамо Марья Егупетцаа переходила Іорданъ ко Зосимѣ, яко по суху Оттуду недалече, съ пять поприщъ близъ Содомскаго моря, есть монастырь святаго Герасима, у него-жъ звѣрь левъ жилъ; есть и гробъ св. Герасима, за олтаремъ есть, а звѣрь той левъ, что ему работалъ, въ ногахъ у него погребенъ лежитъ“. Архимандритъ Агреевскій помѣщаетъ въ трехъ верстахъ отъ св. Продрома обитель св. Герасима, „емоуж левъ послужи“; „видохъ въ гробницу, идеже кладусь святини отца изъ Предтечева монастыря, рассказываетъ нашъ паломникъ, инокъ Зосима, и ту бихомъ челомъ и целовахъ мощи святыхъ старцевъ и святаго старца Зосиму, иже Марию Египтянину причащаль. И оттолъ видохъ въ Герасимовъ монастырь, ему жъ левъ поработа, ижъ при Ердане поприще едино“.

Сосѣдство именъ Зосимы и Герасима знаменательно для тождества соединенныхъ съ ними хожденій.

Св. Герасимъ изъ Ликии, о которомъ говорятъ наши паломники, родился въ христіанской семьѣ, съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ монастырѣ, посѣтилъ святыни Іерусалима, велъ отшельническую жизнь въ окрестностяхъ Мертваго моря. Въ одной милѣ отъ Іордана, въ долину Іерихона, онъ основалъ обитель, киновію для послушниковъ, тогда какъ старцы жили каждый въ своей кельѣ, питаясь хлѣбомъ, водой и финиками, обходясь безъ огня, занимаясь плетеніемъ вервий и корзинокъ; лишь по субботамъ и воскресеньямъ они сходились въ киновію къ причастію, вкушали варева и немного вина и, сдавъ работу, уносили каждый свою долю пищи на недѣлю. Самъ Герасимъ постился еще строже. Рассказывается о томъ, какъ ему чудеснымъ образомъ возвѣщена была кончина св. Евеміи и какъ однажды, гуляя по берегу Іордана, онъ встрѣтилъ льва, который подаль ему лапу, наболѣвшую отъ занозы; святой вынулъ ее, и съ тѣхъ поръ левъ сталъ послушнымъ ему животнымъ: его назвали Іорданомъ, по приказанію святаго онъ возить воду съ рѣки на потребу инокамъ и издыхаетъ съ горя на могилѣ св. Герасима († 475), котораго похоронили въ полумилѣ отъ церкви.—Мотивъ анекдота объ Андроклѣ,

примѣнившійся къ стилю житія; въ эіонскомъ хожденіи Герасимъ ѣдстъ на львѣ.

Я не касаюсь дальнѣйшаго развитія легенды о блаженныхъ на еврейской почвѣ ¹⁾; меня интересуетъ ея еврейско-христіанская разновидность, представляемая хожденіями Зосимы и Герасима. Они подвижники, оба изъ малоазіатскихъ областей (Киликія, Ликия), ищутъ идеала святости и находятъ его у еврейскихъ блаженныхъ, называются у нихъ: они приносятъ имъ вѣсть, которую тѣ давно знали по пророкамъ. Подъ легендой чувствуется дѣйствительный историческій фонъ: такъ могли приходиться къ абессинскимъ еврействующимъ общинамъ монофизитскіе проповѣдники изъ Киликіи, Антиохіи, Египта, наставляли и поучались.

III,

Эіонская религіозно-политическая утопія.

Это бросаетъ свѣтъ на своеобразный синкретизмъ абессинскаго религіознаго міросозерцанія и церковной обрядности, въ которой библейскіе мотивы сквозятъ въ конкретности христіанскихъ, нерѣдко архаическихъ образовъ ²⁾. Въ планѣ христіанскаго храма чувствуется ветхозавѣтная скинія, минорные нагѣвы псалмовъ отзываются синагогой, музыкальные инструменты, употребляемые при церковныхъ

¹⁾ Я имѣю въ виду еврейскую Александрію, пересказанную и комментированную г. Гаркави и переведенную Гастеромъ, который считаетъ ее значительно древнѣе XII вѣка. См. А. Веселовскій, Гастеръ и Гаркави, Новые данныя для исторіи романа объ Александрѣ; Gaster, An old hebrew romance of Alexander (Journal of the Roy. Asiat. Soc. July 1897). Для XII вѣка сл. еще показаніи Веніамина Тудельскаго.

²⁾ Для слѣдующаго обзорнія сл. Ignazio Guidi, L'Abissinia antica въ Nuova Antologia 1896, 16 giugno, стр. 605 слѣд. (съ указаніемъ предыдущей литературы); Reinisch, Ein Blick auf Aegypten und Abissinien, Wien, 1896; Deramey, Introduction et restauration du christianisme en Abissinie въ Rev. de l'histoire des religions. t. XXXI, № 2; Долганевъ, Страна Эіонъ, С.-ПБ. 1896, стр. 8, 12, 25, 78, 114, 117—8, 129—30, 131—2, 134—5; Тураевъ, Абиссинія (оттискъ изъ Православной богословской энциклопедіи, изд. подъ редакціей проф. Лопухина С.-ПБ. 1900 г.), стр. 34—5, 57, 60, 62, 63, 73; Jehan Soudan, Notre Dame d'Israël въ Revue des Revues 1897, № 4, 15 Février стр. 301, слѣд.; Hackspill, Die aethiopische Evangelienübersetzung въ Zs. für Assyriologie XI B., стр. 150 слѣд.; Saineano, L'Abyssinie dans la seconde moitié du XVI siècle. Lpz. Bucarest 1892, стр. 39—40 и прим. 2 на стр. 39.

торжествахъ—библейскіе, какъ и многія личныя и географическія имена (Сіонъ, Синай, Фаворъ, Іорданъ); 28-ое число каждого мѣсяца посвящено памяти Авраама, Исаака и Іакова и т. п. Приготовление веществъ для таинства евхаристіи носить отпечатокъ древности и реалистическаго символизма. Совершается оно въ „бетълегемъ“=„домъ хлѣба, небольшой хижинѣ, обведенной высокой силошной стѣной, примыкающей къ восточной сторонѣ храма; черезъ восточныя врата и переносятся св. дары изъ бетълегема, отвѣчающаго шшному жертвеннику. Приготовленіемъ даровъ завѣдуетъ, въ сослуженіи съ очередными священниками и дьяконами, состоящій при всякомъ храмѣ аскетъ—назорей (назрая), живущій въ бетълегемѣ: всѣ они садятся за приземистый столикъ, на которомъ положены двѣ мѣры пшеницы и вѣтвь виноградныхъ гроздьевъ. Назорей приступаетъ къ дѣлу съ благоговѣніемъ и трепетомъ, медленно и торжественно: насыпаетъ пшеничныя зерна въ горячую воду, снимаетъ размокшую кожицу съ каждого зернышка, выбирая спѣлыя и полныя; очищенныя моетъ въ теплой водѣ, перемѣняя ее три раза, отираетъ ихъ полотенцемъ, просушиваетъ на огнѣ и толчетъ на чисто вымытомъ жерновѣ; муку сыпаютъ въ горшокъ и подбавляютъ туда воды и закваски. Все это размѣшивается поочередно дьяконами, а назорей мѣситъ тѣсто, изготовляетъ изъ него хлѣбы и печетъ ихъ. Съ той же обстоятельной торжественностью совершается и приготовленіе вина; въ теченіи всѣхъ этихъ актовъ назорей нѣсколько разъ обращается за благословіемъ къ священнику, наблюдая, чтобы начало каждого дѣйствія освящалось крестнымъ знаменіемъ и словами священника: Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Весь обрядъ читается, какъ великое таинство, „мистирь“, и народъ глубоко вѣритъ, что хлѣбъ и вино, приготовленные въ бетълегемѣ, ниспосылаются самимъ Богомъ съ небесъ и что въ бетълегемѣ происходитъ чудо, подобное тому, какое совершилось въ Виледемѣ въ пещерѣ, гдѣ родился отъ Дѣвы Маріи Спаситель міра, спехшій съ небесъ.

Такимъ же захватывающимъ реализмомъ отличается ритуаль Великой Пятницы. Служба совершается въ храмѣ, въ обстановкѣ, обычной для страстной седмицы: двери алтаря заперты, иконостасъ окутанъ въ черное. Въ полдень, по данному знаку, толпа выходитъ изъ церкви, въ которой будетъ совершаться тайна, „мистирь“; когда по нѣкоторомъ времени двери растворятся настежь и народъ, благоговѣбно ждавшій, вновь нахлынетъ въ храмъ, зрителямъ представляется слѣдующее: на царскихъ вратахъ виситъ человѣческая фигура

въ остественную величину съ распростертыми руками, голова плотно обвита пеленой, концы рукавовъ цвѣтнаго хитона связаны веревкой такъ, что рукъ не видно, ноги, начиная отъ колѣнъ, закрыты длиннымъ столомъ, со скатертью, спускающейся до земли; на столѣ всѣ храмовыя драгоценности, иконы, кресты, евангелія, чаши, диски, кадильницы и т. д. Съ воплемъ „чирі алайсонъ“ всѣ повергаются на землю, а священники поютъ печальныя пѣсни въ честь Распятаго. Въ девять часовъ (по нашему въ три), когда молящіяся, вторично очистившіе церковь, вступаютъ въ нее вновь, зрѣлище представляется другое: въ царскихъ дверяхъ два священника, изображающіе собой Иосифа и Никодима, держатъ повитую фигуру мертвеца; народъ трижды поклоняется до земли, священники, при пѣніи погребальныхъ пѣсенъ, обносятъ фигуру вокругъ алтаря; когда внесутъ ее въ алтарь, царскія двери затворяются; чинъ погребенія совершенъ.

Этой матеріальности обряда отвѣчаетъ такая же вещественность символа и чуда. Примѣры даютъ житія абессинскихъ угодниковъ. Маба-Сіонъ избралъ себѣ особеннымъ праздникомъ день распятія Господа. „Если бы Онъ не умеръ за насъ, развѣ Онъ воскресъ бы?... Чѣмъ память смерти Господа нашего ниже памяти воскресенія Его?“ И онъ „сталъ размышлять о распятіи и просилъ Бога показать его ему, чтобы онъ могъ съ большимъ чувствомъ совершать установленный праздникъ. И онъ былъ перенесенъ на Крапіево мѣсто, и видѣ распятаго Господа повергъ его; отъ ужаса онъ сталъ, какъ мертвый, но Господь, сойдя со креста, поднялъ его“. Онъ творитъ память распятія 27-го числа каждаго мѣсяца; готовясь къ празднику, самъ мололъ, мѣсилъ и пекъ хлѣбы, рубилъ дрова и носилъ ихъ на плечахъ и головахъ, уподобляясь Господу нашему, понесшему древо крестное, да спасетъ созданіе свое. Людямъ, стекавшимся къ нему, онъ давалъ вкусить отъ тѣхъ хлѣбовъ и напоялъ ихъ чашей; „хлѣбъ памяти“ совершалъ чудеса; одинъ монахъ, открывъ сосудъ, куда онъ положилъ хлѣбъ памяти, увидѣлъ вмѣсто него Богоматерь съ младенцемъ¹⁾. Отъ великой любви къ Господу Маба-Сіонъ захотѣлъ понести страсти его, но язвы на рукахъ и ногахъ были открыты постороннему

¹⁾ Вариантъ къ чудесному явленію младенца вмѣсто гостія. См. мою статью: Zur Frage über die Heimath der Legende vom hlg. Gral, стр. 14 отдѣльнаго оттиска; Kalužniacki, Die Legende von der Vision Amphilogs und der *Δύο; ἱστορικὸς* des Gregorios Decapolites въ Arch. für slav. Philologie XXV Band, 1 Heft. См. еще Ждановъ, I. с. стр. 335, прим. 1.

взору, и онъ вбилъ камнемъ два острыхъ шила въ свои колѣна. И Господь возлюбилъ его, Самъ явился къ нему во время совершенія литургіи и посвятилъ его, какъ посвятилъ Стефана архидіакона и Михаила архангела и св. Іоанна по чину ихъ. Въ другой разъ святой вознесся въ Іерусалимъ небесный, гдѣ присутствуетъ при совершеніи небесной литургіи ¹⁾. Такое восхищеніе къ престолу Божию рассказывается и о Самуилѣ Вальдебскомъ: когда однажды онъ съ Габра-Маскалемъ въ часъ обѣда сотворилъ молитву, съ неба спустился къ нимъ столъ; они ѣли и благодарили Господа; при совершеніи таинства спускаются съ неба хлѣбы и чаша ²⁾, какъ къ свв. Абія-Эгзіз и Амда-Микаэлю ³⁾. Габра Эндрейсъ служитъ обѣдню, Духъ Святой сходитъ въ видѣ бѣлаго голубя, чтобы освятить дары, и садится на дискось. „И поколебалась святая трапеза и поднялся порошокъ и наполнилась чаша вина божественнаго до края своего“ ⁴⁾.

Особое мѣсто занимаетъ въ абессинскомъ церковномъ обиходѣ почитаніе ковчега: таботь, таоть. Еврейскій ковчегъ завѣта—это престоль на носилкахъ, въ нижней части котораго былъ ящикъ для храненія скрижалей. Незримый престоль Іеговы былъ на Синаѣ, уходилъ въ пустыню, евреи устроили престоль-ковчегъ, дабы Господь могъ пребывать съ ними въ ихъ далекихъ странствованіяхъ. Позже этотъ престоль-ковчегъ хранился въ храмѣ Соломона: на немъ покоился Господь, здѣсь на золотой трапезѣ Ему приносили жертвы и Онъ милостиво взиралъ на пляски, совершавшіяся при звукахъ арфъ и псалтырей, въ Его славу и утѣшеніе; здѣсь изрекалъ Онъ законы своимъ избранникамъ, и когда ковчегъ несли въ битву впереди войска, Іегова-вождь присутствовалъ незримо (кн. Чисель 7, 89).

Таково, въ сущности, представленіе о ковчегѣ и въ эіопской легендѣ объ его увозѣ сыномъ Соломона, но онъ уже полонъ христіанскихъ преобразованій. Символь охваченъ новымъ зодержаніемъ: ковчегъ Моисея, таботь Мусе, сталъ ковчегомъ Божьей Матери, таботь Марьямъ; это вообще ея христіанскій символъ. По знакомому намъ преданію іерусалимскій ковчегъ водворенъ былъ въ Сіонѣ, древнемъ монастырѣ Аксума; храмъ, въ которомъ будто бы хранились скрижали, сгорѣлъ въ XVI вѣкѣ, но еще и теперь внутри монастыр-

¹⁾ *Turaess*, Исслѣдованія, стр. 211 слѣд.

²⁾ *Ibid.*, стр. 192—4, прим. 1; стр. 186.

³⁾ *Ibid.*, стр. 111, 206.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 200.

ской ограды стоитъ ветхая церковь, скрытая за высокою деревянною стѣною; никто не осмѣливается проникнуть въ нее, за исключеніемъ одного престарѣлаго архимандрита, обязанность котораго ежедневно кадитъ передъ ковчегомъ: подойдя къ завѣсу, отдѣляющей Святаѣ Святыхъ, и просунувъ черезъ нее руку съ кадильницей, онъ трижды совершаетъ каженіе, „зря вспять“. За завѣсу же входитъ разъ въ годъ епископъ, чтобы помолиться и наблюсти чистоту.—Мраморную доску XIII вѣка, хранившуюся въ Сіонскомъ соборѣ, выдавали за скрижаль.

Важнѣе слѣдующее преобразование ковчега; названіе таботъ присвоено абессинскому алтиминсу, деревянной доскѣ, съ изображеніями евангелистовъ по угламъ и съ крестомъ по срединѣ. Она лежитъ на престолѣ, завернутая въ шелковый платъ. На нее ставятся дары и она является необходимымъ условіемъ для совершенія литургіи. На праздникъ Крещенія народъ переселяется на берегъ рѣки или озера, и служба совершается въ палаткѣ, скиніи, на престолѣ которой приносятъ таботъ изъ ближайшей церкви. Торжественный выносъ табота отличается совершенно библейскимъ колоритомъ: впереди идетъ священнослужитель, помавал систромъ¹⁾, и приплясываетъ, дѣлая прыжки вспять. На этотъ разъ таботъ—рака или ящикъ, обитый фіолетовымъ бархатомъ съ филигранными, золотыми или серебряными украшеніями; въ немъ хранится списокъ священныхъ книгъ и двѣ скрижали съ десятью заповѣдями; его несутъ священнослужители въ богатыхъ эпитрахильяхъ и стихаряхъ; ихъ головы окутаны газомъ; вокругъ нихъ другіе бьютъ въ литавры (pagarith), играютъ на арфахъ (bagana, inziga), на еврейскихъ флейтахъ (эмбильта), двигаясь въ тактъ подъ грохотъ длинныхъ трубъ особой формы, teleket.

Такъ игралъ и плясалъ когда-то передъ ковчегомъ царь Давидъ; и какъ у израильтянъ ковчегъ завѣта несомъ былъ впереди войска и въ эіопской легендѣ сынъ Соломона чаетъ отъ него помощи на войнѣ, такъ и въ современной Абессиніи, когда выступаютъ въ походъ, передъ войскомъ несутъ таботъ, на стражѣ котораго находятся отборныя бойцы; когда предводитель извѣщаетъ, что таботъ въ опасности, всѣ дерутся до послѣдней крайности, побѣждаютъ, либо погибаютъ всѣ до послѣдняго.

¹⁾ Аб. dsanadel, родъ великн или камертона, рога котораго изнутри уставлены поперечными проволоками съ напизанными на нихъ металлическими кольцами, издающими звонъ при сотрясеніи.

Въ такой-то синкретической средѣ сложилась легенда о происхожденіи второй абессинской династіи отъ Соломона. Въ лѣтописяхъ имя императора сопровождается обозначеніемъ: „отъ сѣмени Соломонова“; его миропомазаніе совершается въ Сіонскомъ соборѣ въ присутствіи двѣнадцати законовѣдovъ, ведущихъ свой родъ отъ спутниковъ царицы Савской. Хроника XVI вѣка даетъ живописную подробность: съ восточной стороны собора, куда императоръ шель вѣнчаться, его путь оказывался прегражденнымъ: двѣ красивыя дѣвушки, „дщери Сіона“, держали поперекъ дороги толстую веревку, при каждой изъ нихъ старуха, съ саблей въ рукѣ. На вопросъ одной изъ нихъ, кто онъ такой, императоръ отвѣчалъ: Я потомокъ Евна-Накім'а, Соломона, Давида; по третьему вопросу онъ разрубалъ веревку. По истинѣ, ты царь Сіона, восклицала старуха, и при словословіи дщерей Сіона и священниковъ императоръ вступалъ въ храмъ, чтобы возсѣсть на престолъ Давида.

Онъ не только свѣтскій властитель, но и церковный законодатель, сзываетъ соборы и предсѣдательствуетъ на нихъ; миропомазаніе даетъ ему право входить въ алтарь; бывали случаи, что цари Абессиніи совершали церковное служеніе. Какъ властитель ковчега, онъ оплотъ предвозвѣщеннаго ковчегомъ христіанства; на царской печати изображенъ съ одной стороны греческій крестъ въ кругѣ съ надписью внизу: Владычца Богородица, съ другой левъ Іуды, держащій въ правой лапѣ державу съ крестомъ; вокругъ имя негуша и слова: Оплотъ Израиля ¹⁾. Титулъ абессинскаго царя: „царь царей Эіопіи, левъ отъ колѣна Іудана“.

Какъ императоръ соединяетъ въ своемъ лицѣ прерогативы свѣтской и духовной власти, такъ и нэвридъ (набръ-эдъ), настоятель Сіонской церкви и вмѣстѣ свѣтскій владыка соборныхъ помѣстій и города, считающійся потомкомъ первосвященника Азаріи ²⁾: онъ носитъ драгоценныя священническія одежды—и діадему, присвоенную лишь императору и заслуженнымъ лицамъ царскаго рода; діадема эта, называемая расъ-оркъ (золотая голова), дѣлается изъ золотистой лъвиной гривы, распускающей изъ подъ золотой кольцеобразной оправы и производящей впечатлѣніе солнечныхъ лучей.

¹⁾ Иначе: вѣнчанный левъ съ хоруговью, вокругъ надпись: Левъ отъ племени Іуды побѣдиль.

²⁾ Къ роду Азаріи и его потомковъ, проповѣдниковъ въ Абессиніи Монсева закона, приписываютъ и почитѣннаго эіопскаго святого Такла Хайманотъ. Сл. Тураевъ, Исслѣдованія, стр. 97—8.

Пресвиторъ Іоаннъ извѣстнаго средневѣковаго сказанія, царящій въ трехъ Индіяхъ, въ предѣлахъ которыхъ обитають и десять израильскихъ колѣнъ, окруженныхъ зыблущейся каменною рѣкою,—такой же „царь царей“—и пресвитеръ. Если это представленіе и не сложилось на основаніи эіопскихъ данныхъ, то совершившееся поздне приуроченіе его къ Эіопіи могло быть приготовлено, между прочимъ, ея своеобразнымъ синкретизмомъ свѣтской и духовной власти.

Идея ролигознаго и династическаго избранничества, выразившаяся въ эіопскомъ сказаніи о ковчегѣ, захватила въ свой районъ и міровую фигуру Александра. Уже Псевдокаллистенъ приурочилъ его въ Египту, сдѣлавъ его сыномъ Нектанеба; другія египетско-библейскія приуроченія находились въ источникахъ такъ называемой сербской Александрии ¹⁾. За народнымъ приуроченіемъ послѣдовало религиозное: Александръ явился послѣдовательно вѣрующимъ въ Бога Израйля, чающимъ Христа, поклонникомъ корана. Особенно развито христіанское освященіе въ сирійской легендѣ (514—515 годовъ) и эіопскомъ христіанскомъ романѣ; въ послѣднемъ эта идеализація коснулась и его отца Филиппа: прочтя въ звѣздахъ о грядущемъ воплощеніи и распятіи Спасителя, онъ отъ великой скорби бросился въ море и причтенъ къ лику св. мучениковъ, какъ Ананія, Азарія и Мисаилъ; когда Александръ скончался, громовой голосъ вѣщаетъ: „приди съ миромъ въ царствіе небесное“, появилась духовная рука, сіявшая, какъ солнце, и душа Александра вознеслась къ вѣчной славы“. Въ эіопскихъ святцахъ читаемъ подъ 29 Генбота: „я представленіе Александра царя, сына Филиппа. Богъ молитвами его да помилуетъ насъ. Аминь“ ²⁾.

Разумѣется, эіопскій романъ устранилъ волхва-Нектанеба: Александръ сынъ Филиппа отъ Олимпіады. Къ ней-то и примкнула эіопская династическая сага.

Псевдомеодіевскія Откровенія, составленіе которыхъ, вѣроятно въ

¹⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти I, гл. VII. Я особенно имѣю въ виду эпизодъ о Іереміи-Гермесѣ. Перенесенію костей Іереміи въ Александрію приписано въ сербскомъ романѣ Александру; въ одной армянской апокрифической статьѣ (изъ книги Варуха), содержаніе которой указано James'омъ, онъ перенесены въ Іерусалимъ асирійскимъ царемъ Nophthaim'омъ. Сл. Texts and studies I, с., Aposcrapha anecdota II, стр. 61.

²⁾ См. мою статью о книгѣ г. Истрина и др., I, с., стр. 5 слѣд. отдѣльнаго оттиска, и Тураевъ, Исслѣдованія, стр. 10.

Сирии, относятся къ 676—8 годамъ (Гутшмидтъ), либо къ послѣднимъ годамъ Константина IV ¹⁾, были популярны въ Эѳіопіи. Слѣды эѳіопской интерполяціи видны въ эпизодѣ о Навуходоносорѣ: сынъ царицы Савской, онъ становится властелиномъ Вавилона; за нимъ слѣдуютъ мидянинъ Дарій и Киръ персидскій. Такъ смѣшались вавилоняне съ эѳіопами, мидяне съ персами, „καὶ περικρατεῖς γεγόνασιν οἱ ἐκ Βαβυλῶνος τῆς τε Αἰθιοπίας καὶ Σαβᾶ καὶ τῶν βασιλέων τῶν ἐθνῶν“ и т. д. Въ непосредственно слѣдующихъ строкахъ, также принадлежащихъ интерполяціи, вавилоняне забыты и говорится объ эѳіопяхъ: „Ἄκουε τοῖνον αὐθις σὺν ἀκριβείᾳ πολλῇ πῶς ἐστερωθήσαν αἱ βασιλείαι, πόσαι τέσσαρες βασιλείαι ἀλληλαῖς συνήφθησαν, Ἀιθίοπες Μακεδόσαι καὶ οἱ Ῥωμαῖοι Ἕλλησαν, οἱ τέσσαρες ἄνεμοι τῆς ὑπ' οὐρανῶν, οὓς ἐθεάσατο Δαυτὴλ σωσείοντας τὴν μεγάλην θάλασσαν. Филиппъ македонскій женится на дочери Фола, царя эѳіопскаго, Χουσιθ (гlossa къ тексту: τὴν Χουσιθ λεγομένην μετονομασθεῖσαν παρ' Ἑλλήτων Ὀλυμπιάδα); у нихъ сынъ Александръ. По его смерти Хузиеа вернулись къ отцу; когда Визъ, создавшій городъ Визу, попросилъ у него руку его дочери, Фоль повезъ ее къ нему съ большимъ торжествомъ. У Виза и Хузины дочь, нареченная по имени города Византией. Она выходитъ за римскаго царя, по имени Ἀρμάλειος (вар. Ῥώμυλος) ὁ Ἀρμαλεὺς (лат. т. Romyllus qui et Armaleus), у нихъ три сына: Армалей воцаряется въ Римѣ, Οὐρβανόςъ въ Визѣ, Клавдій въ Александріи. „Κατεκράτησεν οὖν τὸ σπέρμα τῆς Χουσιθ θυγατρὸς Φῶλ βασιλέως Αἰθιοπίας τῆς τε Μακεδόνων καὶ Ρωμαίων καὶ Ἑλλήνων. ἔστι δὲ νῦν ἡ βασιλεία τῶν Ρωμαίων ἤγγουν Ἑλλήνων ἐκ σπέρματος τῶν Αἰθιόπων αὐτῆ προφθάσασα χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ κατὰ τὴν προφητικὴν ἐκφαντορίαν. προθεωρήσας γὰρ ὁ μακάριος Δαβὶδ ἐν τοῖς τοῦ πνεύματος ὄμμασι, προῖδων, ὅτι Χουσιθ θυγάτηρ Φῶλ μέλλει ἐξαναστῆσαι τὴν βασιλείαν τῶν Ρωμαίων, προφῆτευσεν λέγων· „Αἰθιοπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ

¹⁾ Къ Откровениямъ Псевдомеодія, составомъ которыхъ я занимался въ своихъ „Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875 г., апрѣль, стр. 283 слѣд., и май, стр. 18 слѣд.; сл. тамъ же 1878 г. январь, 173 слѣд.: отчетъ о книгѣ Zezschwitz'a), присоединилось съ тѣхъ поръ указанное выше изслѣдованіе В. Истрина. См. отчеты о немъ въ *Byz. Zeitschrift* IX стр. 222 слѣд. (Gleze), въ *Hist. Jahrbuch d. Görres-Gesellschaft* 20, 1899 г., стр. 417—21 (Kampers), въ *Theologische Literaturzeitung* 1890, № 19, стр. 537—40, въ *Zs. für Kirchengeschichte* hrsg. v. Th. Brieger XX B., стр. 287 (Bousset). Латинскій текстъ Откровенія издавъ былъ Sackur'омъ въ его *Sibyllinische Texte und Forschungen*, 1898 г. стр. 59 слѣд.

θεῶν. τινες οὖν φήθησαν ὅτι διὰ τὴν τῶν Αἰθιοπῶν βασιλείαν αἰνιττόμενος ὁ ἅγιος Δαβὶδ ταῦτα εἶρηκεν, ἀλλ' ἐψεύθησαν τὴν ἀλήθειαν οἱ ταῦτα νοήσαντες· ἡ γὰρ ἐκ τοῦ σπέρματος τῆς Αἰθιοπίας συνσταμένη βασιλεία αὕτη κέκτηται τὸ μέγα καὶ σεβάσμιου ξύλου τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ τοῦ ἐν μέσῳ τῆς γῆς παγέντος ¹⁾).

Идея міровой имперіи Александра приурочена здѣсь къ эіопской династїи, и какъ въ Кебра-Нагастъ вселенная подѣлена между сыновьями Соломона, такъ здѣсь между сыновьями Хузины. Власть эта прообразовательно христіанская.

Особенно ярко высказывается эта идея въ концѣ Откровенїи, въ грандіозной сценѣ, когда передъ явленїемъ антихриста послѣдній императоръ, взойдя на Голгоуу, возложить свой вѣнецъ на крестъ, послѣ чего и крестъ и вѣнецъ вознесутся на небо. И давно прослѣдиль отраженіе этого мотива въ средневѣковыхъ и современныхъ преданїяхъ объ arbre sec, arbre seul, византийскомъ μονόδερον, μονοδένδριον, сухомъ древѣ, вокругъ котораго произойдетъ послѣдняя міровая битва и на котороу царь повѣситъ свой щитъ или вѣнецъ; либо дерево зазеленѣетъ: символъ обновленїя христіанства или, въ эсхатологическомъ смыслѣ, его конечное торжество въ символѣ сухого древа—древа раслятїя. Многія изъ нынѣ живущихъ и опредѣленно приуроченныхъ сказанїи этого рода носятъ явные слѣды своего книжнаго происхожденїя ²⁾).

Когда явится антихристъ, рассказываетъ Псевдомеодїи, ἀναβήσεται ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων ἄνω εἰς Γολγοθᾶ, ἐνθα ἐπάγην τὸ ξύλον τοῦ σταυροῦ, εἰς τὸν τόπον, ὅπου προσηλώθη ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ θεὸς ἡμῶν καὶ τὸν ἐκούσιον ὑπὲρ ἡμῶν ὑπέμεινε θάνατον. καὶ ἀρεῖ ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων τὸ στέμμα αὐτοῦ καὶ ἐπιθήσει αὐτὸ ἐν τῷ σταυρῷ καὶ ἐκπετάσας τὰς χεῖρας αὐτοῦ εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ παραδώσει τὴν βασιλείαν αὐτοῦ τῷ θεῷ καὶ πατρὶ, καὶ ἀναληφθήσεται ὁ σταυρὸς εἰς τὸν οὐρανὸν ἅμα τῷ στέμματι τοῦ βασιλέως, διότι ὁ σταυρὸς, ἐν ᾧ ἐκραμάσθη ὁ κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς διὰ

¹⁾ См. лат. текстъ: siquidem etenim ex semine Aethiopisse constituto regno hoc constructum est magnum et venerabilem lignam sanctum et honorificum et vivificationis crucis; in medio terraeconfixum est.

²⁾ См. моя выше указанныя Опыты. Ко многимъ вопросамъ, затронутымъ въ моемъ послѣдованїи 1875 года, вернулся недавно Kampers, Kaiserprophetien und Kaisersagen im Mittelalter. München 1895; онъ же: Mittelalterliche Sagen vom Paradiese und Holze des Kreuzes Christi, Köln, 1897; Bassermann, Veltro, Gross-Chan und Kaisersage in Neue Heidelberger Jahrbücher, Jahrg. XI, Heft 1, стр. 28 слѣд.

τὴν κοινὴν σωτηρίαν, αὐτὸς μέλλει φανήσεσθαι ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἐν τῇ παρουσίᾳ αὐτοῦ εἰς ἔλεγχον τῶν ἀπίστων. Тексты не забываютъ повторить при этомъ пророчество Давида и сказанное о Хузиоѣ, ибо отъ ея сѣмени „αὐτῆ ἡ βασιλεία Αἰθιοπίων ἤγουν Ρωμαίων ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ φθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ“.

По сирійской „Книгѣ Пчелъ“ греческій царь, который во времена антихриста воззоидеть на Голгоѳу и возложить на крестъ свой вѣнецъ, будетъ потомокъ Kúshath, дочери Pil, царя Зоіоніи ⁴⁾.

Эта генеалогическая сказка, вторгшаяся въ Откровенія Меводія, очевидно, эіопскаго происхожденія: она предполагаетъ прочно сложившееся представленіе объ Зоіоніи, какъ предъизбранномъ сосудѣ христіанства, и досказываетъ эту идею до сцены на Голгоѳѣ. Въ соломоновской легендѣ ковчегъ завѣта, увезенный сыномъ Соломона и царицы Савской, символизируетъ водвореніе въ Зоіопію вѣры въ истиннаго Бога, но солнце, удалившееся изъ Израиля въ Зоіопію, снова возсіяетъ оттуда надъ странюю Іуды; и это совершается въ родѣ Хузиоы эіоплянки.

Между эпическимъ цикломъ Соломона и Александра не разъ происходили контаминаціи, отдѣльныя повѣсти являлись то съ тѣмъ, то съ другимъ именемъ ⁵⁾. Въ нашемъ случаѣ идеальной почвой для такого процесса было еврейско-христіанское преображеніе Александра, но поводъ сближенія лежалъ не въ немъ, а въ его матери эіоплянкѣ. Роли Хузиоы не понять внѣ эіопской соломоновской легенды. Она создана по типу царицы Савской, не тождественна съ Македой ⁶⁾; если Македа легенды объ увозѣ—македонянка, какъ предполагаетъ Drouin ⁴⁾, а Фоль—Поръ, какъ думаетъ Sackur ⁵⁾, то эти отоже-

¹⁾ См. Macler, Les apocalypses apocryphes de Daniel, Rev. de l'histoire des religions XVII année, t. XXXIII, № 3, Mai—Juin, стр. 314, прим. 2. Сл. The book of The Bee ed. Wallis Budge, p. 130. По эіопскимъ преданіямъ абессинскій царь Калебъ, удалившійся въ монастырь послѣ своей побѣды надъ іудойствовавшими Іемена, послалъ свой вѣнецъ въ Іерусалимъ, чтобы повѣсить его надъ входомъ въ гробницу Христову. См. Praetorius, l. c., стр. 29, прим. 3 на стр. 28—29. О символическомъ значеніи вѣнца, возлагаемаго на распятіе, сл. Sackur, Sybillinische Texte u. Forschungen стр. 43 слѣд. 163 слѣд.

²⁾ См. между прочимъ мой отчетъ объ Истринѣ l. c. стр. 35 слѣд.

³⁾ Какъ предполагаетъ Kampers, Mittelalterliche Sagen vom Paradiese und vom Holze Christi стр. 97.

⁴⁾ Drouin, Les listes royales éthiopiennes et leur autorité historique, Revue archéologique. Nouv. ser., 23-e année. t. 41 (1882), стр. 102.

⁵⁾ l. c. стр. 30.

ственія ничего не рѣшаютъ въ вопросѣ: почему именно къ эіопской царевнѣ и ея роду пристало пророчество Давида объ Эіопіи, представляющей „рукою свою къ Богу“.

IV.

Галаадъ.

Нѣсколько гипотезъ, которыя я предложу далѣе въ объясненіе легенды о Гралѣ, основаны на данныхъ, собранныхъ въ предыдущихъ главахъ. Начну съ одного эпизода Grand St. Graal, причемъ я считаю нужнымъ сообщить въ схематическомъ изложеніи содержаніе романа объ Іосифѣ Аримаѣеиномъ (Joseph d'Arimathie) и той части Grand Saint Graal, которая послужила миѣ предметомъ другого сообщенія ¹⁾.

Въ Joseph d'Arimathie Іосифъ устраиваетъ трапезу въ память трапезы Тайной вечери; самъ садится на мѣсто Христа, по правую руку его своякъ Hebron. Между ними пустое мѣсто, мѣсто Іуды, оно будетъ пустовать, пока жена Hebron'a не родитъ ему сына. Певѣрующій Моисей, сѣвшій на запретное мѣсто, проваливается. У Hebron'a двѣнадцать сыновей, всѣ они будутъ служить Господу, но властвовать надъ братьями будетъ дѣвственникъ Alain: онъ отправится съ проповѣдью христіанства на западъ, туда же пойдетъ и Hebron, которому Іосифъ передастъ святую чашу и тайну Граля. Тамъ онъ дождется сына своего сына, которому и поручитъ св. Граль. Всѣхъ его хранителей будетъ трое—въ ипосказательное знаменованіе св. Троицы. Далѣе текстъ колеблется въ опредѣленіи родственныхъ отношеній Hebron'a къ слѣдующему за нимъ хранителю Граля; надо придержаться опредѣленія: le fils de son fils, разумѣя подъ первымъ не Alain—вѣдь онъ дѣвственникъ. Западъ, куда должны отправиться Hebron и Alain, остается неопредѣленнымъ.

Другая легенда о ранней христіанской діаспорѣ, вышедшей изъ Палестины, сообщается въ одномъ эпизодѣ Grand St. Graal: Іосифъ Аримаѣеиискій съ сыномъ Josephе, родными и друзьями, идутъ за Евфратъ, мѣсто ихъ проповѣди—Месопотамія съ городами Orcaus (Эдесса) и Sarras (Харранъ), гдѣ они крестятъ народъ и его властителей Evalach'a, въ крещеніи Mordrains или Mogdanis, и Sérarpe, въ крещеніи.

¹⁾ См. указанную выше статью: Zur Frage и т. д.

Nasciens. Когда христіанство водворилось на почвѣ туземнаго сабейства ¹⁾, Иосифъ со своими снова переходитъ черезъ Евфратъ. Куда въ начальномъ разсказѣ направлялся далѣе его путь—мы не знаемъ; французскій романъ переноситъ его и его спутниковъ прямо въ Британнію, гдѣ, послѣ цѣлаго ряда испытаній и искушеній, очутились и новообращенные Mordrains и Nasciens и—изъ Joseph d'Arimathie Петръ и семья Nebron'a. Ею мы и займемся.

О ней до тѣхъ поръ не было рѣчи въ романѣ, она не упомянута въ разсказѣ о просвѣтительномъ подвижничествѣ въ Orcaus и Sarras. Теперь (Nucher III, 199 слѣд.) мы снова видимъ Иосифа (Joseph'e'a) à la taule dou Saint Graal, между нимъ и Bron'омъ пустое мѣсто, но это мѣсто Иисуса Христа, и займетъ его Онъ или его посланецъ; снова проваливается повѣрный Моисей и изъ двѣнадцати сыновей Bron'a Иосифъ избираетъ Alain'a, пожелавшаго пребывать въ цѣломудрін, служителемъ Граля; по смерти Иосифа онъ будетъ его хранить, а за нимъ тотъ, кого онъ самъ назначитъ, и его потомство. Слѣдуетъ за тѣмъ повторенный изъ Joseph d'Arimathie эпизодъ съ рыбой, но въ иной постановкѣ и въ примѣненіи не къ Nebron'у, а къ Alain: Граль всѣхъ напиталъ, кромѣ грѣшниковъ, и они взмолились къ Иосифу; тогда онъ велитъ Alain'у закинуть сѣть и пойманную рыбу раздѣлить на три части, одну положить по срединѣ стола, двѣ другія по концамъ. По молитвѣ Alain Граль совершаетъ чудо умноженія пищи, всѣ насыщены, а Alain'у положили съ тѣхъ поръ имя „богатаго ловца“ (le riche pescéor), которое осталось за всѣми хранителями Граля; кромѣ Alain всѣ носили царскій вѣнецъ.

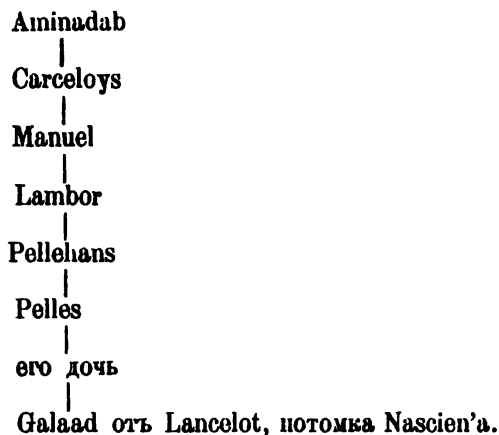
Когда Иосифъ почувствовалъ приближеніе смерти (стр. 282 слѣд.), онъ

¹⁾ Въ дополненіе къ сказанному по этому поводу въ моей статьѣ Zur Frage сл. къ стр. 39—40 отдѣльнаго оттиска (Kadi) Ira Maurice Price, Le Panthéon de Goudéa, Rev. de l'histoire des religions t. XLIII, № 3, Mai-Juin, p. 304 (Kadi, вѣроятно, валампитское божество, введенное въ Вавилонію); къ стр. 40, 56 (Astaphath) Bousset, Die Himmelsreise der Seele въ Archiv für Religionswissenschaft, IV B., 3 Heft, стр. 272 слѣд. ('Αστάφατος; офитской диаграммы у Оригена=Афродита, Istar; она считалась дѣвою; обращаясь къ ней мистъ говорилъ: πάρος με παρθένου' πνεύμα κα-καδαρμένον. Сл. надписи на гностической чашѣ: Σαβαωθ, 'Αβρααζ παρ 'Ασταφην. Авторъ предпологаетъ, что 'Ασταφην, въ магическихъ формулахъ и 'Αστράφασι,—искаженіе Ас-тарты); къ стр. 42 (Cappa), Hoffmann, Aramäische Inschriften am Nêrab bei Aleppo. Neue und alte Götter въ Zs. f. Assyriologie XI B. X, стр. 299 (имя жены Авраамовой Sarai, Saga, евр. вѣстительница, обличено было съ ассир. Nikkal-Sarratu, на-званіемъ богини мѣсяца въ Гарранѣ).

передалъ Граль Alain'у, который идетъ куда направить его Господь; съ нимъ его братья, изъ которыхъ одинъ, его любимецъ Josué, еще ребенокъ, и сто человекъ родственниковъ; они населятъ какую нибудь пустынную землю (*aucune tière gaste*) и стануть тамъ служить Иисусу Христу. Они приходятъ въ *Tière Foraine* (вар. *Fourgenne*), гдѣ было много народа (*menue gent*), мало о чемъ имѣвшаго понятие кромѣ земледѣлія. Ихъ царь *Calafes*, пребывавшій въ городѣ *Maulte* (вар. *Malte*), былъ пораженъ проказой и Alain обѣщаетъ исцѣлить его силою Граля, если онъ оставитъ свою „сарацинскую“ вѣру, истребить идоловъ и разрушить ихъ храмы. *Calafes* все это исполняетъ, крестится, и проказа съ него спадаетъ; его обуяла такая ревность о Господѣ, что онъ велитъ предать смерти всѣхъ, кто не хотѣлъ принять крещеніе. Его христіанское имя *Alphasan*, *Aurhasain*. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы святая чаша осталась въ его странѣ и обѣщаетъ выдать свою дочь за брата Alain'a, Josué, который и унаслѣдуетъ его на царствѣ. Для Граля построенъ крѣпкій замокъ, а въ немъ великолѣпный дворецъ; когда зданіе было кончено, на его дверяхъ обрѣли надпись по халдейски: „этотъ замокъ будетъ называться *Corbenic*“, что означаетъ „святая чаша“. Она помѣщена въ высокому покоѣ воулѣ дворца. *Palais* здѣсь, очевидно, въ томъ же значеніи, какъ и въ харранскомъ эпизодѣ *Grand st. Graal: palais esperiteus*¹⁾; замѣтимъ, что въ сирійскомъ одно и то же слово отвѣчаетъ понятіямъ *palatium* и *templum*.

Въ воскресенье чашу перенесли во дворецъ, гдѣ совершенъ бракъ Josué, при чемъ Граль всѣхъ чудесно питаетъ. *Alphasan*, оставшійся на ночь во дворцѣ, увидѣлъ, проснувшись, что Граль стоитъ на серебряномъ престолѣ, и какой-то незнамый мужъ, въ облаченіи пресвитера, служитъ обѣдню, слышно славословіе и шелестъ незримыхъ крыльевъ, точно со всѣхъ концовъ свѣта слетѣлись птицы. Когда славословіе кончилось и Граль былъ унесенъ въ свой покой, какой то огненный мужъ поразилъ царя въ бедра (*parmi les cuisses ambedeus*) въ наказаніе за то, что онъ осмѣлился пребывать въ мѣстѣ, гдѣ служатъ Гралю. Пусть знаютъ, что всѣ, кто вступитъ въ *palais aventureux*, если онъ не избранникъ (*s'il n'est outrément boins chevaliers*), умреть или будетъ постыженъ. *Alphasan* умираетъ черезъ десять дней; послѣ него воцаряется Josué; послѣдовательность его потомковъ такая: у него сынъ

¹⁾ Zur Frage I. с., стр. 43, 44.



Въ Joseph d'Arimathie Hebron, второй хранитель Граля, передасть его сыну своего сына; всѣхъ хранителей будетъ три; объ ихъ судьбѣ мы ничего не знаемъ, потому что de-Boron не успѣлъ досказать своего романа. Въ анализованномъ нами отрывкѣ Grand St. Graal, принадлежавшемъ въ общихъ чертахъ, какъ я полагаю, къ де-борионовскому преданію, Hebron могъ также стоять первоначально на второмъ мѣстѣ, на третьемъ, какъ въ Joseph d'Arimathie, его внукъ, то есть, по нашей генеалогіи Aminadab, начинающій Иосифо-Соломоновскую династію. Наипъ текстъ устраняетъ Hebron'а для Alain, о которомъ сказано, что онъ поручитъ храненіе святыни кому пожелаетъ; но эта черта не разработана далѣе; чтобы найти третьяго, послѣдняго хранителя, мы должны перенестись къ самому концу родословной, къ дѣвственному Галааду, которому въ исторіи Граля присвоена особая, я сказалъ бы, эсхатологическая роль. Рядъ именъ, отдѣляющихъ его отъ Alain'а, указываетъ на удлинненіе исторической перспективы, что понятно въ переработкѣ эсхатологическихъ сказаній: въ древней традиціи послѣдняго хранителя могли ожидать ранѣе.

Josué женится на дочери Calafe Alphasan, въ которомъ профессоръ Гейнцель усмотрѣлъ эіопскаго царя Caleb'а Eleshaas'а (эо. Kâleb Ela Atsbeha, арм. хрошк.: Elisbahas, Elesbowan; греч. Ἐλεσβαάσ и др.; св. Елесвой нашей церкви). Калебъ Элесбаасъ, т. е. „благословенный“ (замѣтимъ, что Alphasan „христіанское“ имя), былъ извѣстный ревнитель вѣры, сокрушившій іудействовавшихъ сабеевъ Іемена. „И въ другой разъ ходилъ онъ войною въ Савы, пройдя по морю, какъ по суху, говорится о немъ въ эіопскомъ календарѣ подъ 15-е мал: раз-

сѣялъ евреевъ и поставилъ алтарь Господу, а первороднаго сына своего Esra'el послалъ туда царемъ: по его желанію онъ долженъ былъ царить на колесницѣ невидимый (какъ Іегова въ походномъ ковчегѣ?); онъ послалъ его противъ тѣхъ, кто не зналъ закона Божія; не было тамъ никого, кто бы строилъ дома, жили въ шатрахъ... А Gabra-Masqa'ю (рабъ креста), младшему сыну, онъ велѣлъ царить открыто, ибо онъ любитъ его; назвали его Negûsza-Tzejôn, и онъ возсѣлъ на престолъ отца своего“.

Калебъ сталъ типическимъ rex christianissimus эоіонскаго сознанія: латинская Passio Matthaei перенесла его черты на одного изъ древнихъ эоіонскихъ царей, Aeglippus - Aglebûl ('Aglibôl), будто бы крещеннаго апостоломъ Маттеемъ ¹⁾, и мы видѣли, что, наоборотъ, легенда отнесла его къ временамъ языческаго змѣя, въ убіеніи котораго участвуютъ девять монофизитскихъ преподобныхъ. Такъ и Calafe романа представляется еще язычникомъ, а къ нему приходитъ семья христіанскихъ проповѣдниковъ съ символомъ Граля, для котораго сооружается храмъ-дворецъ, чудесно названный Corbenic, что по халдейски значить „святая чаша“; такъ по показанію романа; Гастеръ связываетъ это слово съ еврейскимъ или халдейскимъ corbona: жертва, жертвоприношеніе, но слич. сир.: св. дары, эоіонск. курванъ: причастіе.—Calafe царитъ въ городѣ *Malte*; не въ городѣ ли *царицы* (Савской), евр. *malika* (Saba) ²⁾, араб. халд. *malkata*—царица?

Откуда пришелъ Alain съ своими людьми—на это отвѣтить трудно. Мы знаемъ, что Grand St. Graal не упоминаетъ объ ихъ присутствіи въ Orcaus и Sarras, откуда Іосифъ и Nasciens переселились въ Британнію; здѣсь впервые упоминается и родъ Hebron'a. Между тѣмъ отношенія между нимъ и родомъ Nascien предполагаются такія тѣсныя, что послѣдній носитель Граля выйдетъ изъ того и другого—и съ нимъ Граль снова перенесется въ Sarras. Если эта родовая комбинація принадлежитъ редактору Gr. St. Graal'я, легко понять выборъ именно Сарраса; но и болѣе древнее сказаніе о родѣ Hebron'a требовало появленія третьяго и послѣдняго хранителя чаши, послѣ чего святыня могла возвратиться къ мѣсту, откуда она была увезена.

Обратимъ вниманіе на имена въ генеалогіи Josué: его сынъ отъ эоіонской царевны носятъ библейское имя Аминадавъ („мой родъ бла-

¹⁾ Gutschmid, Bemerkungen zu Tabari, Kleine Schriften III, p. 160—1; Lipsius, Die apocryphen Apostelacten u. Apostellegenden II B., 2 Hälfte, p. 137—8.

²⁾ Steinschneider у Rösch, Die Königin von Saba, стр. 47.

городенъ"), встрѣчающееся и въ родословной Иисуса Христа; въ греческомъ и славянскомъ текстахъ легенды о Зосимѣ это имя стоитъ вмѣсто Ионадава. Затѣмъ Мануиль и Галаадъ—Gilead¹⁾).

Галаадъ по своему предку Josué изъ рода Иосифа-Брона, по отцу изъ рода Nascien; наши соображенія, построенныя на эеіопской генеалогической легендѣ и на показаніяхъ романа, приводятъ къ заключенію, что, со стороны матери, онъ считался потомкомъ Соломона.

Роль „Соломонова корабля“ въ Gr. St. Graal служить подтвержденіемъ этой гипотезы²⁾. На него вступаетъ Nasciens въ пору очистительныхъ испытаній, которымъ онъ подвергается, и то, что онъ видитъ, для него прообразовательно. По этому поводу разсказывается легенда о кораблѣ. Соломонъ, котораго жена обманывала, сталъ ненавистникомъ женщинъ; на всемъ свѣтѣ онъ не нашелъ ни одной порядочной. Однажды ночью, когда онъ возлежалъ и сѣтовалъ, чей то голосъ велитъ ему не жаловаться и не дивиться, что жена его огорчаетъ: это наслѣдіе нашей праматери; но не слѣдуетъ и презирать женщинъ, ибо если первая жена принесла человѣку столько горя, то явится другая, которая дастъ ему радость большую, чѣмъ была невзгода, такъ что одна жена исправитъ учиненное другой; и она будетъ изъ Соломонова рода.

Соломонъ довѣдался своей мудростью изъ писаній и пророчествъ о грядущемъ явленіи Богородицы Дѣвы и его тревожитъ теперь вопросъ: будетъ ли она матерью (?) и послѣдней въ его родѣ (se çou seroit mère et fins de son lignage). Божественный голосъ поучаетъ его: не Пречистая Дѣва будетъ послѣдней въ его родѣ, а витязь, который превзойдетъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ доблестью и рыцарствомъ, какъ солнце превосходитъ луну своимъ свѣтомъ, Josué—всѣхъ своей храбростью. А Josué былъ тогда именитѣйшимъ на свѣтѣ витяземъ³⁾. И вотъ Соломона печалитъ мысль, что ему не видать своего далекаго потомка, а ему хотѣлось бы оповѣстить его, что онъ зналъ о его пришествіи. Жена Соломона, хитрѣе которой не было никого на выдумки, даетъ ему совѣтъ: построить корабль, который продержался бы на водѣ, не подвергаясь порчѣ, въ теченіе 4000 лѣтъ. Когда онъ былъ готовъ, въ него поставили роскошное ложе, въ продольныя рамки котораго вдѣланы были по срединѣ двѣ вертикальныя

¹⁾ См. Zur Frage, стр. 34 и 59.

²⁾ См. Gr. St. Graal II, стр. 443 слѣд.

³⁾ Въ вариантѣ текста Josué отнесенъ ко времени ожидаемаго витязя, о кото-

жерди, другъ противъ друга, одна бѣлая, другая зеленая, соединенныя между собой третьей, поперечной, краснаго цвѣта. Эти жерди вырублены изъ краснаго, бѣлаго и зеленаго древа жизни; рабочіе на то не рѣшались, но царица настояла; когда ихъ рубили, изъ нихъ потекла кровь; кто посмотритъ на нихъ, вспомнеть о смерти Авеля; подъ нимъ онъ былъ зачатъ и убитъ ¹⁾. Въ изголовье одра Соломонъ положилъ вѣнецъ царя Давида, который предназначалъ своему потомку; въ ногахъ мечъ Давида, на пядь вытасченный изъ ноженъ: кто осмѣлится извлечь его, умретъ злою смертью, гласитъ халдейская надпись на лезвѣ. По указанію жены Соломонъ придѣлалъ къ нему новую головку, рукоятъ и ножны изъ драгоценныхъ, невиданныхъ камней, чудодѣйственныхъ змѣй и рыбъ, но перевязъ жена сдѣлала неприглядную, пеньковую, такую тонкую, что, казалось, ей не сдержатъ меча; будетъ время, дѣва перемѣнитъ ее на другую, драгоценную, сдѣланную изъ того, что ей на свѣтъ всего милѣе; и какъ дѣва, нѣбю-

ромъ сказано, что онъ будетъ дѣвственникъ и такъ же превзойдетъ доблестью своего шурина (serorge) Josué, какъ та дѣва—жену Соломона.

¹⁾ На отношеніе этой легенды къ циклу повѣстей о трехъ крестныхъ древахъ я указывалъ не разъ (Разысканія V, стр. 136 слѣд.; Сказанія о Вавилонѣ I. с. стр. 687—8). Въ одной пріаждской апокрифической статьѣ, напоминающей своимъ началомъ и содержаніемъ вступительную сцену и содержаніе нашего стиха о Голубиной книгѣ, сохранились разбросанные отрывки той же легенды. Поучаетъ собравшихся на Сіонѣ епископовъ и королей (слѣд. mille évêques et sept mille seize rois et cinquante mille rois suprêmes) гласитъ съ небесъ: „la langue toujours nouvelle“, ан. Филлиппъ: Есть четыре дерева на землѣ, avec l'intelligence et la forme humaine sur le feuillage, à savoir l'arbre sciulis qui est auprès du fleuve Orthanain et entre les deux sources de Orthanain il y a encore deux noms ior et dan pour cet arbre là et il produit trois fruits chaque année, à savoir un fruit bleu, un fruit rouge et un fruit blanc (Orthanain = Иорданъ, ior и dan его легендарные источники, имена которыхъ ошибочно приурочены къ дереву). Второе древо—древо жизни, Адамъ и Ева вкусили отъ его плода, за что и были изгнаны изъ рая; каждый годъ оно приноситъ по плоду, на семь дней пути отъ него слышенъ его шелестъ, и нѣтъ пріятнѣе пѣнія, когда оно славословитъ Создателя. Третье дерево Alaïr въ Аравіи, четвертое въ еврейской странѣ на югъ отъ горы Sinabile; прозваніе его „жатва“, его не обрѣтали отъ начала свѣта до времени страстей Господнихъ, изъ его вѣтвей вырубленъ крестъ во спасеніе міра. Кто отвѣдаетъ его плода, не испытываетъ ни болѣзни, ни усталости, ни старости, свѣтъ солнца играетъ на его золотыхъ листьяхъ, его вершина поетъ на 72 лада, 75 родовъ птицъ сидятъ на немъ, снѣжнобѣлыя, съ золотыми крыльями, глаза изъ драгоценныхъ камней; онъ славословитъ Господа, и нѣтъ слаще ихъ пѣснь. Изъ текста статьи оказывается, что ан. Филлиппъ поучаетъ евреевъ. Cf. Rev. Celtique, Octobre 1903, Dottin, Le Teanga Bithna du Manuscrit de Rennes, стр. 385 слѣд., 392—3.

шая явиться, исправить содѣланное нашей праматерью, такъ другая исправить учиненное мною.

Соломонъ кладетъ подъ вѣнецъ свое посланіе къ будущему вѣтязю. Ночью ему видѣлось, будто кто-то спустился съ неба въ сонмѣ славословящихъ ангеловъ, окропилъ корабль со словами: *ceste nef est fiance de ma nouvelle maison* и велѣлъ начертать на борту: *Moult sera faus qui cest escrit trespasera*; на корабль можетъ ступить лишь человекъ, полный вѣры, „кто отступить отъ нея какъ бы то ни было, того и я отступлюсь, и не будетъ ему отъ меня ни поддержки, ни помощи, гдѣ бы не предался онъ невѣрью“. Соломонъ очнулся, хочетъ обратиться къ тѣмъ, кого видитъ теперь на яву, но не въ силахъ. Твое желаніе исполнено, слышится голосъ, ибо рыцарь, твой послѣдній потомокъ, вступить на этотъ корабль, возьметъ мечъ, который ты ему уготовилъ, и узнаетъ о тебѣ всю истину; и никто не вступить на корабль, коли не будетъ такимъ, какимъ слѣдуетъ. Голосъ свыше и надпись на борту предупреждаютъ Соломона—не входить; между тѣмъ поднялся вѣтеръ и угналъ корабль.

Эпизодъ о Соломоновскомъ кораблѣ—вариантъ къ извѣстной легендѣ о построеніи Соломонова храма, къ которому не пригодилось райское древо распятія. Соломоновъ храмъ былъ прообразомъ Христовой церкви, корабль однимъ изъ его постоянныхъ христіанскихъ символовъ; въ его сооруженіи было мѣсто и для райскаго древа Авеля, крестнаго. Текстъ романа пространно объясняетъ аллегорическое значеніе корабля-церкви, ложа-алтаря, жердей бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ, какъ символовъ дѣвства, милосердія, терпѣнія (*virginité, carité, pascience*). Я усмотрѣлъ въ ложѣ и жердяхъ сложный образъ распятія-алтаря. Связь Соломона съ исторіей крестнаго древа извѣстна; рассказъ о потирѣ Соломона, обставленный пророчествами о крестѣ, въ пространномъ житіи Константина Философа, относится къ тому же кругу прообразований ¹⁾; въ *Peregrinatio Silviae* рассказывается, что въ іерусалимской церкви Гроба Господня въ страстную пятницу при вынесеніи св. креста дьяконъ выносилъ перстень Соломона и рогъ, изъ котораго получали помазаніе ветхозавѣтные цари ²⁾.

Видѣніе Соломонова корабля-церкви имѣетъ для автора Gr. St.

¹⁾ См. мон Розысканія № V, стр. 136 слѣд.; Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ, стр. 687—8.

²⁾ *Itinera hierosolymitana* rec. P. Geiger, *Corpus scriptorum latinorum* etc. v. 25. стр. 88.

Graal'я не только символическое, но и генеалогическое значеніе, раскрывающееся постепенно.

Mordrain-Evalach видитъ сонъ, касающійся сына его шурина Nasciens, Célidoine'a: se véoit que uns grans las li saloit fors del ventre et del lac si naissoient neuf fluns moult bel et moult grand, et dont li huit estoient auques d'un grant et d'une profondèce, mais chil qui estoit tous daarrains estoit de lot et de profond plus grand que tout li autre en semblance et si estoit si roys et si bruiant que il n'estoit nule riens qui le péust souffrir. Chil fluns estoit si troublés el commencement et si espés com boe, et el mi liu estoit si clers et si nés comme pierre précieuse, et si rois et si bruiant comme vous aves oït; et encor estoit-il, en la fin, d'autre manière, car il estoit à cent doubles plus cler et plus biaux que il n'estoit en miliu, et si estoit si dous à boire que nus ne s'en péut saouler, et encore avoec tout chou estoit si soés courans que nule noise n'en issoit ne nus escrois, ançois estoit si soués li siens cours et si paisibles, que à cascun qui le véist, samblast bien que il ne se méust. Après esgardoit, si véoit un homme venir viers le chiel, qui portoit le tesmong dou vrai crouchefis. Et quant il estoit venus au lac, si lavoit ses piés dedens et ses main en cascun des huit fluns autressi. Въ ркп. F сръ-дуеть: et quant il estoit venus à nuevisme, si entrai tuz dedens et si lavoit ses piés et ses mains et tout son corps mont bien ¹⁾).

Nasciens, мы знаемъ, вступилъ на Соломоновъ корабль и видѣлъ его чудеса, но былъ извергнутъ за колебаніе въ вѣрѣ ²⁾). Въ другой разъ онъ опять очутился на немъ, вытасилъ мечъ Давида, но онъ сломался въ его рукахъ въ битвѣ съ исполиномъ, ибо Nasciens былъ повиненъ въ какомъ нибудь грѣхѣ ³⁾). Когда онъ снова покоился на кораблѣ, какой-то мужъ въ пурпурной одеждѣ предсталъ ему во снѣ и вѣщаетъ, что Nasciens никогда не вернется въ Сарраць, а явится туда, болѣе, чѣмъ черезъ триста лѣтъ, послѣдній его потомокъ на Соломоновомъ кораблѣ; то будетъ лучший рыцарь своего времени, угодный Богу и людямъ. На вопросъ Nascien'a о судьбѣ его рода, старецъ говоритъ, что онъ вскорѣ о томъ узнаетъ. Nascien'у казалось, что старецъ удалился и, вернувшись, оставилъ въ его рукѣ хартію. Видѣніе продолжается: сынъ Nascien'a, Célidoine, выводитъ передъ нимъ, одного за другимъ, девять человекъ; всѣ въ царской одеждѣ,

¹⁾ L. c., II, 323—4; сл. стр. 377.

²⁾ Ib., II, 484 слѣд.

³⁾ Ib., III, 3 слѣд.

лишь восьмой въ образѣ некрасиваго, жалкаго пса, казалось, едва державшагося на ногахъ, пожиравшаго все, что извергалъ изъ себя. Они преклоняются передъ Nascien'омъ, восьмой подходит послѣ другихъ и обращается въ льва, но въица на немъ не было. Хартія, оставленная старикомъ, написанная наполовину по еврейски, наполовину по латыни, начиналась словами: *des menistres et des compaignons Jhésu-Crist et des chevaliers est li premiers Naschiens et li autres Ché-lidoines*. Слѣдуютъ имена; я приведу ихъ съ вариантами изъ другихъ эпизодовъ нашего романа, изъ *Queste* и *Ланцелота* ¹⁾.

<i>Grand St. Graal.</i>	<i>Id.</i>	<i>Id.</i>	<i>Queste</i>	<i>Lancelot</i>
Narpus	Narpus	Narpus	Warpus	1. Margus (голландск. текстъ, француз. 1583: Narpus).
Nachiens	Naschiens	Nacieins	Chrestiens	2. Naschiens.
Elyans li Gros	Helains li Gros	Elains li Gros	Alain li Gros	3. Cham. (голл. т.; фр. Ch'm le gros).
Isaïes	Izaïes	Isaïes	Elias (узльск. текстъ Izaïes)	4. Helyas
Joanaans	Jonas	Jonaans	5. Jonas
Lancelos	Lanselos	Lancelos	Lancelot	6. Lancelot
Bans	Bans	Baus	Baus	7. Bans
Lancelot	Lanselos	Lancelos	Lancelos	8. Lanselot
Galaad	Galaad	Galaad	Galaad	9. Galaad
(Hucher III, 117 стр.)	(III, 302—3)	(id. III, 351: Histoire de Grimand)		

Серія именъ дѣлится на двѣ группы, вторая перенесена изъ романа о Ланцелотѣ. Мы на ней остановимся.

О шестомъ потомкѣ Cólidoine, Ланцелотѣ первомъ, сказано ²⁾, что онъ будетъ увѣнчанъ на землѣ и на небѣ, ибо будетъ исполненъ жалости и состраданія; о восьмомъ, Ланцелотѣ второмъ: *Chou sera chil qui plus enduerra paine et travail que nus n'aura enduré devant lui, ne que nus n'enduerra après. Chil sera droit chiens, dès ques en la fin de celui istra li IX-ismes, qui sera fluns troubles comme boe et espés ou coumencement et en mi liu clers et nés; mais en la fin ert à cent doubles plus clers et plus nés que el coumencement. Et sera dous à boire que à paines s'en pora nus saouler; en lui me baignerai-jou tous. Chil*

¹⁾ Сл. Jessie L. Weston, *The legend of Sir Laucelot du Lac* (1901) стр. 177.

²⁾ III, стр. 117 стр.

sera roys couronés et aura nom Galaad. Chil passera de bontet et de cevalerie tous cex qui de devant lui aurant estet et qui après lui venront. Chil metra à fin les aventures qui avenront en la terre à aventure et sa volentés li conduira.—Nascien'a приводятъ въ недоумѣніе образы льва и пса, и рѣки, поочередно грязной и свѣтлой; какой-то старецъ толкуеть ему иносказаніе и изъ толкованія оказывается, что до Ланцелота 2-го всѣ лица генеалогіи имѣли львиный образъ: люди, полные доблести и Господней благодати, крѣпкіе духомъ и вѣрой, они такъ же высятся надъ грѣшниками, какъ левъ надъ звѣрjami; песь—образъ грѣховнаго человѣка. Въ связи съ этимъ стоитъ символическое значеніе рѣки: A chou que il apiert espés et troublés el coumencement, sénéfic que il (Галаадъ) fut concéus et engenrés en péchiet mortel del wistimes (Ланцелотъ) qui sera keux et luxuricus; et sera sa naissanche autressi comme cèlee, pour çou que il ne sera pas engenrés de mère mouillier et ne mie selonc le coumandement de sainte glyse, ne mais si vilnent comme en fournicasion et en autre péchiet mortel; et pour chou apiert-il fluns troublés et espès; mais en mi liu de son éage il coumenchera à ranner. Lors sera il si rades et si courans, chou est à dire, ke lors sera-il si plains de grant cevalerie et de grand prouèche, que il passera tous les autres et tous ses lignage de prouèce terrienne et du bontet de cors, car il sera virgènes tous les jours de sa vie et la fins de lui sera plus mierveilleuse que de cevalier mortel, qui à son tans soit; n'en verra-on plus qui semblables i soit, kar il sera plus gras-sieus viers Diu et viers le siècle que nus autres, et nepourquant il trespassera ains que chil dont il sera descendus ne sera ¹⁾).

Этимъ ограничиваются указанія Gr. St. Graal на отношенія Ланцелота 2-го къ матери Галаада. Подробности даетъ одно изъ продолженій романа о Lancelot du Lac, которое Paulin Paris выдѣлилъ подъ названіемъ Agravains ²⁾).

¹⁾ Въ эпизодѣ Gr. St. Graal'я, встрѣчающемся лишь въ двухъ рукописяхъ (Nucher III, стр. 311 слѣд. печатаетъ его подъ заглавіемъ: Histoire de Grimaud) Насциену видится во снѣ, что изъ чрева Célidoine истекаетъ девять рѣкъ, въ восьми изъ нихъ люди съ песьими головами, въ девятую спускается съ неба человѣкъ съ крестомъ въ рукѣ. Объясненіе такое: тѣ люди грѣшили въ юности, но затѣмъ омыли съ себя грѣховную скверну; если девятая рѣка грязна при началѣ и свѣтла посреднѣй, то потому, что послѣдній потомокъ Nascien'a и Иосифа будетъ тѣломъ смертенъ, но le sneurs de lui seroit esprituelz. Car il seroit nez de toz péchés mortelz et virges de cuer et de cors. Это видѣніе рассказываетъ въ Queste пустыльникъ Ланцелоту въ связи съ исторіей Иосифа, Joseph'e'a и Nascien'a.

²⁾ P. Paris, Les romans de la Table Ronde, V, стр. 297 слѣд.

Вѣрный своей грѣшной любви къ Жиневрѣ, Ланцелотъ встрѣчаетъ въ одну изъ своихъ поѣздокъ даму, которая увлекаетъ его съ собою общаніемъ показать ему нѣчто чудесное въ замкѣ Corbenic. По пути онъ видитъ на одномъ кладбищѣ гробницу съ надписью: *Ceste tombe ne sera levée devant que li liepars i metra main, de qui li grans lions doit essir; et cil la levera. Et lors sera engendrez li grans lions en la belle fille au roi de la Terre Foraine.* Ланцелотъ вскрываетъ гробницу, изъ которой показывается страшный змѣй съ огненной пастью. Онъ убиваетъ его послѣ долгой борьбы, и его ведутъ съ почетомъ во дворецъ, гдѣ Пеллесь, послѣдній потомокъ Josué, которому (?) Josephе вручилъ чашу св. Граля, признаетъ въ немъ желаннаго витязя: либо самъ онъ положить конецъ необычайнымъ приключеніямъ, ежедневно совершающимся въ странѣ, либо его сынъ. Но этотъ сынъ, будущій хранитель Граля, долженъ быть изъ рода Josué-Пеллеса; у Пеллеса—дочь-красавица Елена, но Ланцелотъ такъ любитъ Жиневру, что никогда не склонится на другую любовь. Пока Пеллесь толкуетъ объ этомъ съ нянькой дочери, Brisane'ой, Ланцелотъ видитъ голубку, влетѣвшую въ окно съ золотымъ кадиломъ въ клювѣ; покой наполнился благоуханіемъ, всѣ присутствовавшіе пали на колѣни. Голубь пролетѣлъ въ сосѣдній покой, а въ залѣ всѣ усаживаются за убранные столы и молятся. Входитъ дочь Пеллеса съ сосудомъ въ рукахъ, имѣвшимъ видъ потира, и трапезы наполняются яствами, какихъ только можно было пожелать. Какъ приглянулась вамъ эта дѣвица? спрашиваетъ Ланцелота Пеллесь, когда дочь удалилась. Красивѣе дѣвицы я не видѣлъ; я говорю о дѣвицѣ, не о дамѣ, отвѣчаетъ Ланцелотъ. Онъ думалъ о Жиневрѣ. Въ согласіи съ Пеллесомъ Бризана поднимается на хитрость, говоритъ Ланцелоту, что Жиневру видѣли недавно и что слѣдующую ночь она проведетъ въ замкѣ, въ двухъ льѣ отсюда; она сама беретъ проводить его къ ней. Ланцелотъ соглашается; тогда Бризана даетъ ему волшебнаго зелья, и онъ принимаетъ дочь Пеллеса за Жиневру. *Et cele qui riens ne desirroit fors avoir celui de qui terrienne chevalerie est enluminée, le reçoit lieé et joieuse; et il li fit tel joie come il savoit fere à sa dame la roine Genievre. Ensi sunt mis ensemble li meillors chevaliers et la plus bele pucele et del plus haut lignage qui fust lors; et se désirront par diverses entencions: car ele nele fet mie por eschaufement de chair, més por le fruit recevoir dont tos li païs devoit revenir à sa première beneurté... Et de cete flor perdue fu restorez Galaad, li vierges, li resoignés chevaliers, qui les aventures del saint Graal mist à fin et s'asist el perilleus lou de*

la Table ronde. Et tot ainsi com li nons de Galaad avoit esté perdu en Lancelot par eschaufement de luxure, tot ensi fu recovrés en cestui pas abstinence de char. Car il fut vierges en volenté en euvre jusqu'à la mort.

Лишь только прошло вліяніе волшебнаго зелья и Ланцелотъ позналъ свою ошибку, онъ готовъ былъ убить дѣвушку, но ея красота обезоружила его, и онъ бѣжитъ. Послѣ цѣлаго ряда приключеній онъ снова при дворѣ короля Артура, куда является и Елена съ сыномъ. Здѣсь романъ прибѣгаетъ къ double emploi: Бригана устраиваетъ такъ, что Ланцелотъ видится съ Еленой, тогда какъ его ожидала Жиневра. Когда это открылось, Елена принуждена удалиться, Ланцелотъ изступился ума, странствуетъ безъ цѣли, пока не прибрель въ Corbenic, гдѣ его признали и св. Граль исцѣлилъ его. Нѣкоторое время онъ живетъ на островѣ, въ сосѣдствѣ съ Corbenic'омъ, прежде чѣмъ показаться при дворѣ Артура.

Между тѣмъ Галаадъ, оставшійся въ Британніи, воспитывается въ монастырѣ. Ему скоро пятнадцать лѣтъ; отшельникъ, которому онъ былъ порученъ, извѣщаетъ Артура, что при дворѣ его явится юный рыцарь, которому предназначено совершить великіе подвиги.

Здѣсь къ разсказу Agravain примыкаетъ романъ о Queste du St. Graal, изъ содержанія котораго я извлеку лишь главные темы, касающіяся нашей.

Наканунѣ Иванова дня посланница короля Пеллеса является ко двору Артура и ведетъ Ланцелота въ монастырь, гдѣ онъ находитъ своихъ двухъ братьевъ, Beort'a и Lionel'я, а монахиня показываетъ ему юношу Галаада. Посвятивъ его въ рыцари, Ланцелотъ возвращается съ товарищами; на вопросъ братьевъ, не сынъ ли его тотъ юноша, онъ ничего не отвѣчаетъ. У короля Артура Круглый Столъ, устроенный Мерлиномъ на подобіе трапезы Іосифа; Мерлинъ же на пророчилъ, что исканіе Граля удастся лишь тремъ витязямъ, двумъ дѣвственникамъ и одному цѣломудренному. За этимъ столомъ былъ запретное мѣсто, на которое никто не могъ сѣсть кромѣ того, кому оно было предназначено; теперь на немъ является надпись, гласящая, что избранникъ явится — и старикъ приводитъ Галаада, отъ сѣмени Давида и Іосифа. На этотъ разъ Ланцелотъ признаетъ его своимъ сыномъ. Галаадъ вытаскиваетъ мечъ, воткнутый въ приплывшій камень: его извлечетъ лишь храбрѣйшій въ свѣтѣ витязь. Вечеромъ является Граль въ сіяніи, несомый невѣдомо кѣмъ, распространяя благоуханіе и наполняя трапезы явствами. Gauvain, Ланцелотъ, Персеваль и другіе

рыцари Артура даютъ обѣтъ посвятить одинъ годъ и одинъ день исканію Граля; Персеваль оказывается ближнимъ родственникомъ Персевала по Пеллесу.—Приключенія искателей рассказываются въ разбивку: въ одномъ аббатствѣ Галааду достается щитъ Эвалаха-Mordgains, на которомъ, по Gr. St. Graal'ю ¹⁾, Иосифъ сдѣлалъ знаменіе креста; щиту этому суждено быть въ рукахъ послѣдняго потомка Nascien'a. Далѣе Галаадъ встрѣчаетъ Персевала и Ланцелота, которые, не признавъ его, бьются съ нимъ и побѣждены. Ланцелотъ отдыхаетъ у часовни, гдѣ больной рыцарь получилъ исцѣленіе чудомъ Граля—и онъ не спрашиваетъ о чудѣ; голосъ велитъ ему не осквернять болѣе мѣста, гдѣ пребываетъ святыня; онъ огорченъ до слезъ и кается пустынною въ своемъ великомъ грѣхѣ: любви къ Жиневрѣ.—Персеваль видитъ въ одномъ монастырѣ ветхаго старца Mordrain, о которомъ британскій эпизодъ Gr. St. Graal'я рассказывалъ, что онъ былъ наказанъ слѣпотой за желаніе лицезрѣть тайны Граля (очевидно, дублетъ къ ослѣпленію Nascien'a) ²⁾ и осужденъ пребывать въ немощномъ состояніи до появленія послѣдняго витязя изъ своего рода. За все это время (400 лѣтъ или 104 года) онъ питается лишь гостією.—Пустынникъ толкуетъ Ланцелоту бывшее ему видѣніе, касающееся рода Nascien'a: пересказывается въ краткихъ чертахъ саррацскій эпизодъ Gr. St. Graal'я и сообщается, въ связи съ символикой девяти рѣкъ, извѣстная намъ генеалогія Галаада ³⁾.—Галаадъ, Персеваль съ сестрой и Bors на Соломоновомъ кораблѣ; Галаадъ и Персеваль дѣвственники, Bors цѣломудренъ. Говорится, какъ въ Gr. Saint Graal'ѣ, о чудесахъ корабля съ легендой о его построеніи, сестра Персевала рассказываетъ о мечѣ Давида, который сломался въ рукахъ Nascien ⁴⁾; король Пеллесъ вынулъ его изъ ноженъ, за что кошке пронзило его бедра; онъ исцѣлится лишь съ явленіемъ къ нему Галаада. Въ исполненіе пророчества Соломоновой жены ⁵⁾ сестра Персевала замѣняетъ скромную перевязь меча другой, сдѣланной изъ ея волосъ.

Между тѣмъ Ланцелотъ пріѣхалъ въ Corbenic, гдѣ хранился св. Граль и священникъ совершалъ службу. Онъ входитъ, не смотря на предупрежденіе, и ему кажется, что во время возношенія у свя-

¹⁾ См. Zur Frage, стр. 49.

²⁾ Ib., стр. 56.

³⁾ См. выше, стр. 431.

⁴⁾ См. выше, стр. 430.

⁵⁾ См. выше, стр. 428—9.

щеника въ рукахъ человѣческое тѣло ¹⁾); онъ хочетъ подойти ближе, но жгучій вѣтеръ сшибаетъ его съ ногъ и онъ нѣмствуетъ въ теченіи двухъ недѣль. Король Пеллесъ обрадованъ его прїѣздомъ, за трапезой св. Граль всѣхъ чудесно питаетъ, но исканіе для Ланцелота кончено, вѣщаетъ ему одна изъ дѣвушекъ.

Галаадъ и его спутники покинули Соломоновъ корабль и странствуютъ; на рукахъ Галаада умираетъ Morgrains; затѣмъ Галаадъ, Персеваль и Боръ являются въ Corbenic, гдѣ ихъ ждетъ король Пеллесъ съ сыномъ Eliczer'омъ и девять рыцарей, искателей Граля. Приносятъ на деревянномъ ложѣ больного вѣчнаго мужа, который привѣтствуетъ Галаада, какъ своего давно ожидаемаго избавителя. Всѣ удаляются, кромѣ искателей Граля; ихъ двѣнадцать, по числу апостоловъ. Тогда четыре ангела сносятъ съ неба человѣка въ епископскомъ облаченіи и помѣщаютъ его передъ престоломъ, на которомъ стоитъ св. Граль; на челѣ мужа начертано, что онъ Josephе (сынъ Іосифа Аримаѣйскаго), первый христіанскій епископъ. Онъ колѣнопреклоняется передъ престоломъ, открываетъ дверцы ковчега, откуда выходятъ ангелы: двое со свѣчами, одинъ несетъ платъ изъ краснаго бархата, другой держитъ въ одной рукѣ копье, въ другой сосудъ, куда стекала кровь, капавшая съ острія. Свѣчи поставлены на престолѣ, ангель склоняетъ копье надъ сосудомъ, въ который сбѣгаетъ кровь, Іосифъ покрываетъ чашу платомъ. Во время совершенія таинства спустился съ неба образъ огнеликаго младенца и вѣдрился въ гостію, принявшую человѣчскій видъ. Іосифъ исчезаетъ, а изъ чаши показывается мужъ съ окровавленными руками, ногами и тѣломъ; онъ причащаетъ Галаада и его товарищей. Граль—это сосудъ Тайной Вечери, вѣщаетъ онъ, Галаадъ узнаетъ его полиѣе въ Саррасѣ, куда онъ перенесется, ибо Британія (Logres) недостойна его; въ Саррасѣ послѣдуютъ за нимъ лишь Галаадъ, Персеваль и Боръ, но передъ тѣмъ Галаадъ долженъ исцѣлять болящаго короля, помазавъ его ноги кровью, стекающей съ копыя.

Галаадъ съ товарищами садится на Соломоновъ корабль, гдѣ уже очутился св. Граль; онъ чудесно питаетъ ихъ въ темницѣ, куда ввергнулъ ихъ властитель Сарраса, Escogant. По его смерти воцаряется Галаадъ; онъ велитъ сотворить надъ Гралемъ древо (ковчегъ?) изъ золота и драгоцѣнныхъ камней и каждое утро молится передъ святыней. Прошелъ годъ; когда однажды утромъ Галаадъ пошелъ на

¹⁾ См. Zur Frage, стр. 47—48.

молитву, увидѣлъ мужа въ епископскомъ облаченіи, совершавшаго мессу; это Joseph. „Приступи, рабъ Божій, и ты узришь то, чего такъ долго жаждало сердце“. Трепетъ обуялъ Галаада, и онъ узрѣлъ. „Благодарю тебя, Господи, что Ты исполнилъ мое сердечное желаніе: теперь я воистину вижу чудеса св. Граля и молю Тебя послать мнѣ кончину и душу мою принять въ райскія селенія“. Онъ умираетъ; рука съ неба взяла св. Граля и копье и унесла; ихъ больше никогда не видѣли.

Разсказъ Agravain и Queste позволяетъ слѣдующіе выводы:

1) Онъ предполагаетъ существующей схему Gr. St. Graal, уже перенесенную въ британскія отношенія. Локализациа пошла и далѣе: круглый столъ, на подобіе Іосифовой трапезы, является и у Артура (Merlin), за нимъ мѣсто, запретное для всѣхъ, кромѣ избранника Граля. Граль обобщился, сталъ въ ряду загадочныхъ диковинокъ, которыя манили рыцарей Круглаго Стола къ трудному подвигу. Его ищутъ многіе: Галаадъ и Gauvain, Персеваль и Ланцелотъ.

2) Любовь Ланцелота къ Жиневрѣ уже стала существеннымъ мотивомъ его романа. G. Paris призналъ этотъ мотивъ относительно позднимъ, онъ объявляется впервые въ 1160—1170 годахъ ¹⁾, могъ существовать и нѣсколько ранѣе. По моему, онъ объясняется, по какому поводу имя Ланцелота было привлечено, въ пору британизации легенды о Гралѣ, въ генеалогію Nascien'a. Я полагаю, что въ основѣ лежала иная версія разсказа, которую мы и теперь можемъ вычитать изъ настоящей, контаминированной: отецъ будущаго избранника Граля согрѣшилъ невольно, безсознательно, его заставили согрѣшить въ виду высокой цѣли, и дѣвушка отдается ему въ томъ же чистомъ сознаниіи, что отъ нея у него родится избавитель. Это грѣхъ во спасеніе. Такъ въ эеіонской легендѣ о ковчегѣ, о Соломонѣ сказано, что онъ любилъ женщинъ не по похоти, а для умноженія своего „сѣмени“, по слову Господню Аврааму, такъ въ христіанскомъ толкованіи и поступокъ Тамары объясняется ея желаніемъ имѣть потомство отъ Іуды ²⁾. Въ Agravain'ѣ Елена дѣйствуетъ по такимъ же побужденіямъ; Ланцелотъ грѣшенъ своей любовью къ Жиневрѣ, но не погрѣшилъ

¹⁾ G. Paris, Romania X. стр. 465 слѣд.; Miss Weston l. c. стр. 6.

²⁾ См. завѣтъ Іуды въ Завѣтахъ двѣнадцати патриарховъ: Тамара отдалась Іудѣ „не прелюбодѣйства ради“, а потому что „хоташе отъ рода Авраамова чадотвореніе имати“.

измѣной ей: онъ отдается вліянію волшебнаго зелья; оттого изъ грязнаго пса онъ становится львомъ, рѣка Галаада, мутная въ началѣ, свѣтлой и прозрачной. При нѣкоторыхъ натяжкахъ Ланцелотъ съ его любовью могъ быть привлеченъ къ схемѣ чуждаго ему разсказа, но далѣе внѣшняго смѣшенія дѣло не пошло, сдѣлать Ланцелота идеальнымъ типомъ, подѣ статью Галааду, мѣшаль установившійся его образъ; Gr. St. Graal внесъ его имя на мѣсто какого-то другого; можетъ быть, также Галаада? Въ *Agravaïn* говорится, что Ланцелотъ утратилъ имя Галаада послѣ того какъ предался похоти; въ *Grand St. Graal* онъ замѣнилъ его именемъ Ланцелота—въ честь своего дѣда ¹⁾. Этотъ дѣдъ, Ланцелотъ 1-й, несомнѣнно, новообразованіе, неудачно созданное по типу Галаада, чтобы приготовить его, а такъ какъ Ланцелотъ 2-й повлекъ за собой своего традиціоннаго отца *Bans*, то и получила въ генеалогіи серія именъ: Ланцелотъ, *Bans*, Ланцелотъ. Что разсказывается о Ланцелотѣ 1-мъ, похоже на *conte dévot*: такого набожнаго мужа, какъ онъ, не сыскать было въ его царствѣ. Онъ полюбилъ чистою любовью красавицу, жену герцога, двоюроднаго брата короля *Célideine*, такую же добродѣтельную, какъ онъ, носившую власяницу. Они видѣлись ежедневно, проводя время въ служеніи Господу. Злые языки истолковали это иначе, донесли мужу, и тотъ рѣшилъ отомстить за свой позоръ: на страстной недѣлѣ Ланцелотъ пошелъ въ лѣсъ къ пустыннику, исповѣдался у него и простоялъ службу; когда, возвращаясь, онъ нагнулся, чтобы напиться изъ источника, мужъ снесъ ему голову, которая упала въ воду. Герцогъ хочетъ достать голову, но вода закипѣла и обожгла ему руки, а на пути домой ему говорятъ, что среди бѣла дня его замокъ погрузился въ непроглядную тьму. Онъ сбѣжитъ къ себѣ и убитъ въ дверяхъ упавшими сверху камнями. А источникъ, гдѣ погибъ Ланцелотъ, продолжалъ кипѣть до пришествія Галаада; изъ гробницы Ланцелота въ часъ, когда совершилось его убійство, истекали капли крови, исцѣлявшія раны. Первые испытали его цѣлебное свойство два льва, поранившіе другъ друга въ дражѣ; съ тѣхъ поръ они лежали на стражѣ гробницы, никого къ ней не подпуская, пока не убилъ ихъ Ланцелотъ 2-й ²⁾.

Мы попытаемся теперь предложить нѣсколько заключеній о первичномъ составѣ легенды о Галаадѣ.

Въ *Joseph d'Arimathie* святыня Граля хранится въ одномъ родѣ;

¹⁾ Gr. St. Graal, III, 353.

²⁾ Grand St. Graal, III, стр. 303 слѣд.; P. Paris I. c. стр. 321—322.

всѣхъ хранителей три: Иосифъ, Неврон и его внукъ, котораго онъ дождется, чтобы передать ему тайну Граля. Какъ представлялась послѣдующая его исторія, прекращалась ли она вообще, являлся-ли послѣдній властитель Граля такимъ же дѣвственникомъ, какъ Галаадъ — остается неизвѣстнымъ.

Въ легендѣ о Галаадѣ носителей также три: Joseph (=Josephi), Alain и Галаадъ, который явится къ своему дѣду, болящему Пеллесу, и уврачуеъ его, но конечную тайну Граля повѣдаетъ ему самъ Господь. Мотивъ „спроса“, такъ хорошо знакомый изъ Парцивала Вольфрама фонъ Эшенбахъ, очевидно позднѣй: родовой стражъ Граля самъ приходилъ къ ожидавшему его отравленію, спроса ожидаютъ отъ тѣхъ, которые ищутъ его сердцемъ, но оцупью. Спросъ — указаніе на то, что родовое значеніе Граля уже ослабѣло.

Между первымъ и послѣднимъ его блюстителемъ въ Grand St. Gaaal прошли поколѣнія, въ теченіи которыхъ къ роду Иосифа присталъ родъ Соломона, въ лицѣ дочери Calafe-Alfasan, и родъ Nascien'a въ лицѣ, которое замѣнилъ впоследствии Ланцелотъ. Галаадъ соединилъ въ себѣ всѣ три генеалогическія линіи, но основныя черты повѣсти о немъ воспроизводитъ, въ другомъ порядкѣ, схему легенды о Соломонѣ и его сынѣ.

1. Царяца Савская прѣзжаетъ къ Соломону, у котораго хранится святыня ковчега; зачала отъ него сына,
2. Она удаляется; сынъ воспитывается у нея,
3. Сынъ ѣдетъ искать отца,
4. Увозитъ ковчегъ.

Въ Gr. st. Gaaal святыня хранится въ родѣ жены,

1. Къ ней прѣзжаетъ Ланцелотъ; зачатіе Галаада,
2. Ланцелотъ удаляется; сынъ остается у матери,
3. Мать съ сыномъ ѣдутъ къ отцу,
4. Сынъ увозитъ св. Граль.

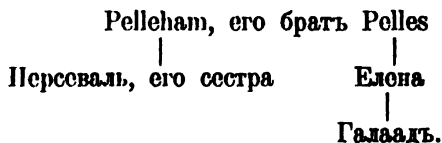
Послѣдній эпизодъ разработанъ согласно съ общимъ настроеніемъ легенды о Галаадѣ: онъ водворяетъ св. Граля на мѣсто, откуда онъ былъ увезенъ; въ представленіи Gr. st. Gaaal'я — въ Саррась. Тамъ совершается послѣднее откровеніе Граля, и такъ какъ Галаадъ послѣдній его хранитель, святыня взята на небо. Невольно припоминается легенда о послѣднемъ царѣ изъ эіопскаго рода, который въ концѣ дней повѣситъ свой вѣнецъ на крестное голгоеское дерево, послѣ чего вознесутся на небо и крестъ и царская стемма.

V.

Feirefiz.

Въ числѣ искателей Граля посчастливилось герою сказки о „протачкѣ“, пристроившейся къ циклу романовъ Круглаго Стола. Герой этотъ — Персеваль, онъ отгвснилъ Галаада, постепенно вторгаясь въ его генеалогію, пока не создалъ себѣ новой. Въ Perceval-Didot (= Petite Queste) онъ сынъ Alain, котораго Joseph d'Arimathie знаетъ дѣвственникомъ; такъ и въ Chevalier au Il épees (v. 2604 li fil Alain); въ Perceval-Rochat онъ приходитъ къ отцу Alain li Gros и королю рыбаю (Brons), которому и наследуетъ; въ Perlesvaus его отецъ Elaine (Vilain, Villein, Vilan, Julien = Alain) li Gros, дядя Pelles.

Рядомъ съ вторженіемъ въ генеалогію Joseph d'Arimathie—такое же въ родословную Grand st. Graal'я, на что указываетъ и имя Пеллеса. Въ Queste видно, какъ устривается это родство: тетка Персевала говоритъ ему о Пеллесѣ, какъ объ ихъ родственникѣ; въ генеалогіи Галаада по Gr. St. Graal передъ Пеллесомъ, его дѣдомъ, стоитъ имя Pelleham; по Queste Персеваль и его сестра оказываются его дѣтми, Пеллесъ ихъ дядей. Если такъ, то въ приведенной выше (стр. 425) таблицѣ слѣдуетъ, быть можетъ, не мѣняя послѣдовательности царствованій, установить такіа родовыя отношенія:



Стремленіе къ сближенію Галаада съ Персевалемъ обнаруживается въ Queste и тѣмъ, что съ извѣстнаго момента Персеваль носитъ Галаадовъ мечъ, и непонятной мистической ролью, въ какой является сестра Персевала. Мы знаемъ, что жена Соломона сдѣлала для Давидова меча простую перевязь, которую какая-то дѣва замѣнить драгоценной, сдѣланной изъ того, что ей на себѣ всего дороже. Мы настроены на символизмъ, отвѣчающій общему характеру легенды о соломоновскомъ кораблѣ — и недоумѣваемъ, почему на сцену явилась сестра Персевала, дѣлающая новую перевязь — изъ своихъ волосъ. Далѣе о ней разсказывается только, что она пожерт-

вовала своей кровью и жизнью для исцѣленія прокаженной, и ея тѣло было отвезено въ Саррасъ для погребенія въ Palais spirituel ¹⁾.

Все это кажется присочиненнымъ для параллелизма, чтобы прикрѣпить Персевала къ роду Граля. Разночтеніе имени Pelleham'a осталось въ генеалогіи Персевала: въ Prophecies Merlin его отецъ Pellinor ²⁾, такъ и въ Merlin-Huth ³⁾, въ Livre Artus ⁴⁾, въ Тристанъ ⁵⁾; въ Domanda do santo Gral: Pelinor ⁶⁾.

Можно не считаться съ именами, которыя даютъ отцу Персевала Sir Perceval (Percival, Percivelle) и введеніе въ Conte du Graal (Bliocadgrans); продолжатели Chrestien de Troyes связаны были его умолчаніемъ: въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ его поэмы отецъ Персевала не названъ, равно какъ и его мать, сестра болящаго короля-рыбари (владельца Граля). У Вольфрама имъ даны имена, но поддержанныя никакой другой традиціей: отецъ Gahmuret, мать Herzeloyde, сестры короля Amfortas'a, хранителя Граля; при нихъ обширная генеалогія, также обставленная нетрадиціонными именами.

Однимъ изъ источниковъ Вольфрама былъ Chrestien de Troyes, другимъ—утраченная поэма какого-то Куôt'a, котораго онъ зоветъ провансальцемъ: Куôt la schantiure нашель книгу о Парцивалѣ на языческомъ языкѣ (heidensch geschriben) и пересказалъ его по французски (416 ⁷⁾); въ другомъ мѣстѣ (453 — 5) о немъ говорится, будто онъ обрѣлъ въ Толедо сказаніе о Гралѣ, написанное языческими письменами; написалъ его Flegetânis, поклонявшейся тельцу, язычникъ со стороны отца, но Соломонова рода (по матери); былъ онъ большой звѣздочетъ и въ звѣздахъ прочелъ тайну Граля. Ознакомившись съ его писаніемъ, Куôt принялся искать въ латинскихъ книгахъ, гдѣ бы могъ находиться цѣломудренный (kiusche) народъ, поклонники Граля; перечелъ разныя хроники въ Британніи (ze Bretâne),

¹⁾ Сестра Персевала упоминается у Gautier v. 25810 слѣд., Gerbert, Potvin VI, 175 слѣд.; Didot-Perceval у Nucher I, стр. 445, 451, 472; Perlesvaus, Potvin I, 3, 140 слѣд.; 171 слѣд.; Tristan ed. Löseth, ind. 533.

²⁾ Zs. f. romanische Philologie XVI, 106, Anm. 2.

³⁾ I, 160, 174 слѣд., 177 слѣд., 191, 258, 261; II, 74, 137 слѣд. Сл. G. Paris et Jacob Ulrich, Merlin I, p. LVIII. Упоминается Pelleham, но въ другой роли, l. c. II p. 22, 241 прим. изъ Malory=Pelles Queste'm.

⁴⁾ Zs. für franz. Sprache u. Litterat. XVII, 67: version P.

⁵⁾ ed. Löseth, Ind. a. v. Pelinor.

⁶⁾ ed. Reinhardtstöttner p. 59.

⁷⁾ Смыслъ сдѣланъ на отдѣлы по изданію Ernst'a Martin'a, Wolframs von Eschenbach, Parzival und Titurel I (1900).

Франціи и Ирландіи—и нашелъ искомую повѣсть въ Анжѹ. Къ Анжѹ онъ и приурочилъ Парцивала: онъ сынъ Gahmuret'a Анжуйскаго и Herzeloide. Все это онъ могъ узнать изъ какихъ нибудь европейскихъ источниковъ; что Парциваль являлся въ его разсказѣ, тому свидѣтельствомъ Вольфрамъ (805, 827, о Куот'ѣ сл. еще 776); если онъ утверждаетъ въ одномъ случаѣ (416), что Парциваль найденъ въ „языческой книгѣ“, то это, можетъ быть, невольное смѣшаніе: у язычника Флегетаниса Куотъ могъ найти и что другое, и Куот'у, вѣроятно, принадлежитъ контаминаціи Парцивала съ его дублетомъ, Feirefiz'омъ.

Разбирая далѣе поэму Вольфрама, я видѣлю изъ нея эпизоды Парцивала, въ его отношеніяхъ къ Гралю, — и Фейрефиса. Пересказывая первый, я буду держаться текста Chrestien'a, которому Вольфрамъ слѣдовалъ довольно близко до эпизода Orgueilleuse включительно, и ограничусь лишь указаніемъ на отличія разсказа у Вольфрама; далѣе пользуюсь текстомъ послѣдняго.

Персеваль А. (Вольфрамъ: Herzeloide потеряла на войнѣ мужа и воспитываетъ сына Парцивала въ лѣсномъ уединеніи и въ невинности сердца и желаній, изъ боязни, чтобъ онъ не увлекся свѣтомъ и соблазнами рыцарской жизни). Однажды въ лѣсу Персеваль видитъ проѣзжихъ рыцарей, разыскивавшихъ Артура, и вернувшись къ матери, говоритъ ей, что и онъ хочетъ быть рыцаремъ. Когда ея отговоры не помогли, она отпускаетъ его въ бѣдномъ одѣяніи, давъ ему на дорогу нѣсколько совѣтовъ практической мудрости, которые онъ тотчасъ и пускаетъ въ дѣло съ наивной, излишней точностью. Такъ же неловко ведетъ онъ себя при дворѣ Артура и тотчасъ же проявляетъ свою силу, сразивъ одного вражьяго рыцаря, въ dospѣхахъ котораго и удалется. По пути рыцарь Gornemant (Gurnemanz Вольфрама) принимаетъ его въ своемъ замкѣ, обучаетъ его военному искусству и рыцарскому вѣжеству; одинъ изъ его совѣтовъ существенъ для схемы всего романа: Gornemant наставляетъ его не быть слишкомъ любопытнымъ, не торопиться разпросомъ. Персеваль освобождаетъ отъ осады племянницу Gornemant'a, Blancheflour (у Вольфрама: Condwir âmârs), домогается ея любви (у Вольфрама: женится на ней), но покидаетъ ее: ему хочется повидать мать. Онъ прибылъ къ рѣкѣ, видитъ въ челнокѣ двухъ мужчинъ (у Вольфрама: одного), изъ которыхъ одинъ, удививъ рыбу, предлагаетъ ему остановиться на ночлегъ въ его замкѣ. Персеваль ввели въ большой покой, посреди котораго покоился на ложѣ почтенный старецъ, кругомъ него рыцари. Входитъ конюшій, неся копьѣ, съ острія котораго сочится кровь, затѣмъ двое

съ свѣточами, наконецъ дѣвушка съ сіяющимъ Гралемъ въ рукахъ, за ней другая съ серебрянымъ блюдомъ. Процессія прошла мимо Персеваля, скрылась въ сосѣдней комнатѣ,—а онъ не спросилъ, что это? За тѣмъ принесли доску изъ слоновой кости, положили ее на козлы, сѣли за столъ, и за каждымъ блюдомъ являлся Граль. Персеваль не спрашиваетъ, помня завѣтъ Гонемана.

У Вольфрама 231 слѣд. подробности другія: окровавленное копье, несомое конюшимъ, двѣ дѣвушки съ свѣтильниками, двѣ ставятъ передъ старцемъ козлы изъ слоновой кости, четыре идутъ съ большими свѣчами, четыре несутъ доску, вырѣзанную изъ граната (*grâ-nât jâchant*) такъ тонко, что сквозъ нее просвѣчиваетъ солнце; ее возлагаютъ на козлы, она служитъ трапезой хозяину. Снова четыре дѣвушки со свѣчами, за ними еще двѣ несутъ на полотенцахъ два острыхъ серебряныхъ ножа ¹⁾; наконецъ Граль, предносимый свѣточами, онъ въ рукахъ царевны *Repanse de schoye*.

236. man sach die maget an ir tragen
 pfellel von Arâbl.
 uf einem grünen achmardi
 truoc si den wunsch von pardis,
 bêde wurzela unde ris.
 daz wa eins dinc, daz hiez der Grâl,
 erden wunsches überwal

 der grâl was von sôlher art:
 wol muos er kiusche sin bewart,
 die sin ze rehte solde pflegn:
 die muose valsches sich bewegn.

Граль ставятъ передъ хозяиномъ замка. Когда впоследствии процессія снова прошла мимо Парцивала въ сосѣдній покой, онъ увидѣлъ тамъ возлежавшаго на ложѣ красиваго старца, бѣлаго, какъ луиъ (у *Chrestien*'а эта подробность упоминается позже въ рассказѣ дяди-отшельника Персеваля). Парциваль все время воздерживается отъ вопросовъ.

Далѣе нити рассказа у *Chrestien*'а и Вольфрама сходятся. Пиршество кончилось и всѣ разошлись; когда Персеваль проснулся утромъ, въ замкѣ не было ни души, словно все вымерло, у воротъ онъ находитъ своего коня, копье и щитъ и выѣзжаетъ по опущенному

¹⁾ Франц. *tailleoir* (блюдо, сосудъ), который является у *Chrestien*, Вольфрамъ принялъ за ножъ.

подъемному мосту. Встрѣча съ двоюродной сестрой: она узнаеть отъ него, что онъ провелъ ночь въ замкѣ Граля, влaствитель котораго былъ тотъ самый рыбакъ, котораго Персеваль видѣлъ на рѣкѣ; раненый копьемъ въ оба бедра, онъ находитъ удовольствіе лишь въ уженіи рыбы. Видѣлъ Персеваль и Граль, и окровавленное копье — и не спросилъ, что это? Отъ этого вопроса болящій ждалъ исцѣленія. Великій отъ этого урокъ и больнои на тебѣ грѣхъ! говорить кузина.—Вольфрамъ зоветъ се Сигуной, болящаго короля Amfortas; замокъ Граля Munsalvaesche, въ землѣ Terre de Salvaesche.

Персеваль сидитъ за Круглымъ Столомъ Артура, когда является какая-то уродливая женщина (у Вольфрама: Kundrie la Surziere) и проклинаятъ его за то, что онъ воздержался отъ вопроса. Персеваль не успокоится, пока не узнаеть тайну Граля; онъ выгнъжастъ на понски.

Исповѣдью у пустытника, который оказывается его дядей, кончается у Chrestien'a роль Персеваля; въ слѣдующихъ стихахъ его неконченной поэмы, которыми еще пользовался Вольфрамъ, онъ болѣе не выступаетъ.

У Вольфрама пустытникъ, также дядя Парциваля, носить имя Trevrizent. Онъ поучаетъ племянника относительно Munsalvaesche, гдѣ живутъ хранители Граля, templeise:

469 Si lebet von einem steine:
des geslâhte ist vil reine....
er heizet lapis exillis.
von des steines kraft der fênis
verbrinnet, daz es zaschen wirt:
diu asche im aber leben birt.
Sus rêrt der fênis mûse sin
unt git dar nâch vil liechten schîn,
daz er schoene wirt als ê.

Кто узреть Граля, въ тотъ день не умреть; постоянное его лице-зрѣніе содержитъ человѣка въ юности. Der stein ist ouch genant der grâl.—470: каждую страстную пятницу голубь съ неба кладеть на него облату,

dâ von der stein empfaechet
swaz guots ûf erden draebet
von trinken unt von spise,
als den wunsch von pardise:
ich mein swaz d'erde mac gebern.
der stein si fürbaz mër sol wern

swaz wildes underm luſte lebt,
ez fliege od loufe, unt daz ſwebt.
der rêterlichen bruoderschaft,
die pfrûende in git des grâles kraft.

Въ 471 разскаывается о происхожденіи Граля—камня: ангелы

di newederhalb gestuonden,
dô striten beguonden
Lucifer und Trinitas,
swaz der selben engel was,
die edelen unt die werden
muosen ûf die erden
zu dem selben steine.
der stein ist immer reine.
ich enweiz op got ûf si verkôs,
ode ob ers fürbaz verlôs.
waz daz sn recht, er nam se wider.
des steines pligt iemer sider
die got derzuo benande
unt in sn engel sande.

Короче было сказано объ этомъ уже въ 454 со словъ Флегетаниса:

ein schar in (т. е. Граль) ûf der erden liez:
die fuor ûf über die stirne hôch.
op die in unschult wiſder zôch,
sit muoz sn pflegn getouftiu frucht
mit alsô kiuschlicher zuht.

Нейтральные ангелы снесли Граль на землю; что его сторожать теперь крещенные люди, это хронологическое указаніе, не противоположеніе; помиловалъ ли тѣхъ ангеловъ Господь, это онъ вѣдаетъ, но они die edelen unt die werden. Судя по 798 они представляются пребывающими у Граля, именно какъ нейтральные, чающіе, не осужденные на мученіе, но и не удостоенные неба.

Имена призванныхъ къ служенію Граля показываются въ надписи на его ободкѣ, и они являются въ Munsalvaesche отовсюду, въ дѣтскомъ возрастѣ, мужчины и женщины, и здѣсь возрастаютъ, въ сердечной чистотѣ, въ блюденіи святыни; изъ ихъ числа Господь избираетъ по своему усмотрѣнію властителя для страны, которая оказалась бы его достойной и въ которой властителя не стало (471, 494).

Trevrizent поясняетъ племяннику и другія отношенія Munsalvaesche: чистая дѣва носительница Граля, Repanse de schoye, сестра Trevrizent'a (477), король-рыбарь Amfortas—его братъ; въ юности

онъ былъ преданъ свѣту, Амуръ былъ его боевымъ крикомъ, онъ совершалъ подвиги во имя любимой дамы, но

swelch grâles hërre ab minne gert
anders dan diu schrift in wert,
der muoz es komen ze arbeit
und in siufzebaeriu herzeleit.

Однажды онъ сразился съ рыцаремъ язычникомъ, искавшимъ завладѣть Гралемъ, убилъ его, но остріе вражьяго копья осталось у него въ ранѣ. Съ тѣхъ поръ онъ хвораетъ, никакія средства не помогаютъ ему, но лицезрѣніе Граля не даетъ ему умереть. И вотъ на Гралѣ явилась надпись, что въ Munsalvaesche явится рыцарь, и если онъ поставитъ вопросъ о значеніи совершающагося воеругъ него таинства, Amprfortas исполнится и его царское достоинство перейдетъ къ вопрошающему (478—84).—Что до старца, котораго Парцивалъ видѣлъ въ сосѣднемъ покоѣ, то это его прапрадѣдъ Титурель,

(501) dem wart alrèst des grâles van
bevolhen durch schermens rât.
ein siechtuom heizet pògrât
treit er, die leme helfelòs.
sine varwe er iedoch nie verlòs,
wand er den grâl sò dicke siht:
dâ von mager ersterben niht.

Послѣдній, неконченный эпизодъ Крестьяна, героемъ котораго является Gauvain, досказанъ Вольфрамомъ по другому источнику. Эпизодъ кончается поединкомъ и рядомъ браковъ. Видъ чужой, счастливой любви вызываетъ у Парцивала память о его *Condwir âmûrs*: онъ такъ давно се оставилъ.

Sol ich nach dem grâle ringen,
sò muoz mich immer twingen
ir kiuschlicher umbevanc,
von der ich schiet, des ist ze lanc (732).

Быть свидѣтелемъ веселья и носить печаль въ сердцѣ—это не питаетъ мужества; но что ему предпринять—пусть рѣшитъ его доля, ему все равно, что бы съ нимъ ни случилось: Господь не жалеетъ ему радости. Будь его любовь къ женѣ изъ тѣхъ, которыя расторгаются, онъ нашель бы, быть можетъ, другую,

nu hât ir minne mir benomn
ander minne und freudebaeren trôst.
Ich pin trôrens unerlòst (733).

Онъ облачается въ свои доспѣхи и ѣдетъ.

Б) Парциваль за столомъ Артура; явленіе *Cundrie la surziere*, той самой, которая проклала Парциваля за воздержаніе отъ вопроса; она проситъ извинить ее и вѣщаетъ, что на чудесномъ камнѣ оказалась надпись: Парциваль будетъ царемъ Граля, спроситъ Амфортаса, и тотъ, исцѣленный, уступить ему власть (781).—Парцивала принимаютъ въ *Munsalvaesche*; *Amfortas* ждалъ его. Гдѣ Граль? спрашиваетъ его Парциваль, всѣ увидятъ, объявится ли надо мною Господня благодать! Онъ горячо молится передъ святыней и когда обратился къ дядѣ съ вопросомъ: *Oeheim, waz wirret dier?* (795), тотъ всталъ совсѣмъ здоровый, въ невиданной красѣ.

Вѣсть о случившемся дошла до *Condwîr âmûrs*, и она направляется въ *Munsalvaesche* съ двумя сыновьями, которыхъ родила отъ Парциваля. Онъ ѣдетъ ей навстрѣчу, но по пути посѣщаетъ дядю Тревризенга, который винится передъ нимъ: когда-то онъ говорилъ ему о нейтральныхъ ангелахъ, пребывающихъ у Граля, оставляя открытымъ вопросъ, помилованы они или нѣтъ. Они отвержены навсегда; если онъ говорилъ иначе, то „*durch ableitens List*“, чтобы поддержать Парциваля, не лишитъ его надежды на милость Божию ¹⁾. Граль нельзя заслужить, отвоевать, благодать посылается свыше; если бы Тревризенгъ зналъ, что Парциваль осудитъ себя на трудный подвигъ искупленія, онъ отговорилъ бы его. Теперь все сложилось иначе, тѣмъ выше награда Парциваля: *nu kêrt an diemuot inern sin* (798).

Встрѣча съ *Condwîr âmûrs* и сыновьями происходитъ въ лѣсу. Одного изъ нихъ, *Kardeiz'a*, Парциваль тотчасъ же вѣнчаетъ на царство: онъ будетъ властвовать надъ странами, доставшимися въ наслѣдіе отъ *Gahmuret'a*, и *Kardeiz* тотчасъ же ѣдетъ въ свою область, а Парциваль съ женою и сыномъ *Loherangrin'омъ* водворяется въ *Munsalvaesche*, какъ царственный хранитель Граля.

Я пересказалъ по Вольфраму легенду о Парцивалѣ, не вступая въ разборъ психологическаго содержанія, которое авторъ вложилъ въ типъ своего героя. Легенда эта слѣдуетъ очень близко легендѣ о Персевалѣ у Кретьена; тамъ, гдѣ рассказъ Кретьена обрывается, у

¹⁾ Такъ я понимаю текстъ; иначе Springer (*Zu Wolfram's Parzival* въ *Abhandlungen zur german. Philologie, Festgabe für Richard Heinzel*, p. 371; см. *Schönbach* въ *Gött. Gel. Anz.* 1891, I B., p. 433). Я не отрицаю, что этотъ отказъ отъ прежняго мнѣнія (или колебанія), какъ не ортодоксальнаго, могъ быть подсказанъ Тревризенгу Вольфрамомъ.

Вольфрама былъ какой-нибудь другой источникъ, можетъ быть, Кіотъ. У него онъ могъ найти и незнакомый Кретьену мотивъ, объясняющій, почему мать Парцивала воспитываетъ его въ уединеніи, ревниво оберегая отъ соблазновъ рыцарской жизни: ея мужъ погибъ на войнѣ. Мотивъ этотъ былъ не безызвѣстенъ: его знаетъ *Peredur* и *sir Percuwell*; имъ воспользовался авторъ пролога къ роману Кретьена, гдѣ отецъ Персиваля названъ *Bliocadran*¹⁾. У Вольфрама его имя *Gahmuret*, *Gagnuret*, *Gamuret* взято, вѣроятно, у того же Кіота, вмѣстѣ съ рассказомъ о немъ и его сынѣ, *Feirefiz*'ѣ, братѣ Парцивала. Рассказъ этотъ присталъ къ схемѣ Парцивала такимъ вышнимъ образомъ, что можетъ быть выдѣленъ изъ него безъ нарушенія цѣлостности впечатлѣнія.

Feirefiz. Повѣсть о Гамуретѣ служить какъ бы введеніемъ къ Парцивалу. Анжуйскій принцъ Гамуретъ прибылъ въ страну *Zazamanc*, гдѣ жители черны, какъ полночь; они „*moere und moerinne*.“ Ихъ царица *Belacâne* любила *Isehart*'а, влaстителя *Azagouc*'а, таково же мавра, какъ она; для нея совершалъ онъ бранные подвиги; она хотѣла испытать его чувства, и, по ея желанію, онъ выѣзжаетъ безъ латы—и погибаетъ въ поединкѣ съ *Prôthizilas*'омъ, который и самъ палъ въ бою. Она оплакиваетъ своего милаго, а между тѣмъ его родня возводитъ на нее обвиненіе, будто она велѣла убить его; ея городъ, *Pâtelamunt*, осажденъ, когда случайно *Gahmuret* является на выручку. Они увлекаются другъ другомъ, она становится его женой, онъ влaстителемъ *Zazamanc*'а. Всѣмъ мила ему *Белакана*, но его тяготитъ мысль, что ему нѣтъ теперь мѣста для бранныхъ подвиговъ (90; сл. 97: *dô si mich ûf von strite bant*), и тайкомъ отъ нея, онъ удаляется на кораблѣ. Въ письмѣ, которое онъ оставилъ женѣ, онъ говоритъ, что будь онъ съ ней въ христіанскомъ бракѣ, онъ постоянно горевалъ бы о ней (55 *waer dîn ordn in mîner ê, so waer mir împner nâch dir wê*); и теперь онъ горюетъ. Онъ сообщаетъ ей, изъ какого онъ рода, пусть передастъ это ихъ сыну; еслибъ она захотѣла принять крещеніе, онъ снова былъ бы съ нею.

Опечаленная *Белакана* родитъ сына, цвѣтомъ бѣлаго и чернаго вмѣстѣ; она назвала его *Feirefiz*.

Все это рассказано въ строфахъ 1—58, 26; слѣдующія (58, 27 до 114, 4) переносятъ насъ въ Европу. Побѣдой на турнирѣ Гаму-

¹⁾ Въ *Perlesvaus* герой воспитывается въ уединеніи, но отецъ его еще живъ, когда онъ выѣзжаетъ на подвиги.

реть завоевываетъ себѣ сердце и руку *Herzeloude* и женится на ней. Калифъ Багдадскій, у котораго онъ раньше служилъ, опять зоветъ его на помощь противъ одолѣвавшихъ враговъ; онъ ѣдетъ и предательски убить. Когда вѣсть о томъ дошла до *Herzeloude*, она удалилась въ пустынную мѣстность, гдѣ и воспитываетъ своего сына *Парцивала*, оберегая его и строго запретивъ своимъ что-либо говорить о рыцарствѣ.

Здѣсь примыкаетъ эпизодъ А легенды о *Парцивалѣ*, въ теченіе котораго мы изрѣдка узнаемъ, что случилось съ *Фейрефисомъ*. Въ *Tribalibôt* (*Palibothra* Солина) и *Thabronit* царствуетъ *Secundille*, въ странѣ несмѣтныхъ сокровищъ, диковинокъ и чудесныхъ людей. Изъ ея областей похищенъ камень-самосвѣтъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, можно видѣть все совершающееся на разстояніи шести миль (589 слѣд.) Руку и царство *Секундиллы* добылъ своею рыцарскою доблестью *Feirefiz*; когда дошли до нея слухи о чудесномъ *Гралѣ* и его властителѣ *Amfortas'ѣ*, ей захотѣлось достать о немъ вѣсти, и она послала ему въ даръ двухъ уродовъ, какіе водились у нея: знахарку *Cundrie* и ея брата *Malcraetiere*. *Cundrie* и служить звеномъ между мірами *Фейрефиса* и *Парцивала*: она входитъ въ интересы *Грала*, какъ его вѣстница, обличаетъ *Парцивала* за то, что не поставилъ рокового вопроса; знаетъ его генеалогію, родство съ *Фейрефисомъ*, отъ нея знаютъ о томъ и другіе (см. 316, 317, 328, 433, 439, 442, 517, 519, 519—580). Когда *Парцивалъ* и *Фейрефисъ* встрѣтятся, ихъ взаимное признаніе совершится вскорѣ.

Фейрефисъ является на сцену лишь въ 735, въ концѣ отдѣла А эпизода о *Парцивалѣ*. *Парцивалъ* выѣзжаетъ—и встрѣчается съ невѣдомымъ рыцаремъ. Они вступаютъ въ бой; когда *Фейрефисъ* назвалъ себя анжуйцемъ, *Парцивалъ* говорить, что настоящій анжуецъ—онъ; слышалъ онъ, правда, что у него есть братъ на языческой чужбинѣ, онъ узналъ бы его по примѣтамъ, о которыхъ ему сказывали—и онъ проситъ *Фейрефиса* обнаружить свое лицо. А какія примѣты? спрашиваетъ тотъ.—Точно записанный пергаментъ, черное и бѣлое въ перемежку.—Это я и есть, говоритъ *Фейрефисъ*, поднимая забрало; а приѣхалъ онъ, чтобы увидать отца, оставившаго его сиротою; слышалъ онъ, что лучшаго рыцаря нѣтъ. Здѣсь мы впервые и, можетъ быть, не случайно, узнаемъ, что *Belacâne* умерла съ горя (750); но нѣтъ и *Гамурета*; эта вѣсть печалитъ *Фейрефиса*.

Братья ѣдутъ къ *Артуру*, сидятъ за его столомъ; тутъ примыкаетъ эпизодъ В *Парцивала*, въ развитіи котораго участвуетъ и *Фей-*

рефисъ. вмѣстѣ съ братомъ онъ ѣдетъ въ замокъ Граля, присутствуетъ при его чудесахъ, но самой святини не видитъ, потому что онъ язычникъ. Красота носительницы Граля, *Repanse de schoye*, плѣняетъ его: онъ готовъ креститься, забыть Секундиллу; послѣ крещенія Граль объявился ему, онъ женится на *Repanse de schoye* и ѣдетъ съ ней во владѣнія Секундиллы, которая умерла кстати. Фейрефисъ утверждаетъ въ Индіи, что тамъ зовется *Tribalibôt*, христианскую вѣру, до тѣхъ поръ слабо распространенную, его сынъ—пресвитеръ Юаннъ; это имя носили и всѣ его наслѣдники.

Таковъ сюжетъ „Фейрефиса“ въ обработкѣ Kiota-Вольфрама. Попробуемъ привести его къ болѣе простымъ очертаніямъ.

1. Витязь Гамуретъ пріѣзжаетъ издалека въ страну, гдѣ жители язычники, чернокожіе мавры; страна назвала *Zazaman*; названіе со-сѣдной, *Azagouc*, *Martin* сблизжало съ эіопскими *Azachaei* Солина. Можетъ быть, мы вправѣ видѣть въ эіопской царицѣ *Belacâne*—царицу Савскую, араб. *Balkis* (*Bilkis*), *Balama*. Ея городъ носятъ названіе *Pâtelanunt*: вѣроятно *Patenaë* (*patellae*) *mons*, гора патены, дискаса, которому христианская символика (и *Joseph d'Arimathie*) дала значеніе камня на гробницѣ Христа (*Honor. Augustodun. Gemma Animas* I. I с. XLVII: *patena lapidem designat*), которая въ свою очередь преобразуетъ алтарь.—Припомнимъ, что въ эіопской легендѣ о Соломонѣ и ковчегѣ городъ Македы, эіопской царицы, названъ *Maecade mons*.

2. *Feirefiz* такой же *δευνήτης*, какъ Галаадъ, сынъ Ланцелота и Елены, дочери властителя Граля, и также покинуть отцомъ. Елена съ сыномъ ѣдетъ искать его, какъ Фейрефисъ Гамурета. Встрѣчи съ отцомъ нѣтъ, потому что у Вольфрама Гамуретъ уже умеръ, согласно той версіи легенды о Персевалѣ, по которой его отецъ убитъ раньше его рожденія ¹⁾. вмѣсто того говорится о враждебной встрѣчѣ съ братомъ, но я считаю вѣроятнымъ, что въ первичной легендѣ о Фейрефисѣ, еще не слитой съ схемой Персеваля, сынъ не только искалъ отца, но и сходилъ съ нимъ. Указаніе на существованіе такого именно мотива даетъ эпизод нидерландскаго Ланцелота, героемъ котораго названъ *Morien* ²⁾; онъ сынъ *Agloval'*я, брата Персеваля. Авторъ романа отрицаетъ мнѣніе, будто *Morien* былъ сыномъ

¹⁾ См. выше стр. 448.

²⁾ Сл. *Morien*, a metrical romance, rendered into english prose from the mediaeval dutch by Jessie L. Weston, London, Natt, 1901.

самого Персеваля, на томъ основаніи, что послѣдній—дѣвственникъ; это точка зрѣнія той поры развитія легенды о Гралѣ, когда образъ Персеваля слагался по типу Галаада. Въ одномъ намятникѣ послѣдней четверти XII вѣка (Black book of Carmarthen) говорится о „гробницѣ *Мора* (Mor), волнцественнаго, непоколебимаго, властителя, высокаго столба битвы, сына Peredur'a Pendawic'a“¹⁾. Моръ-Моріанъ, мавръ.

Передавая далѣе схему Моріана, мы не будемъ считаться съ именами Agloval'я и Персеваля. Первое встрѣчается въ Domanda do santo Gral (и въ какой нибудь версіи франц. Queste, ея источникѣ), въ Merlin-Nuth и въ прозаическомъ романѣ о Тристанѣ; у Manessier, одного изъ продолжателей Chrestien, Gloval li Galois—отецъ Персеваля; въ 2-й части Livre Artus Agloval—сынъ Pellinor'a и братъ Персеваля, какъ въ Morgien'ѣ²⁾.

Моріанъ прижитъ Агловаломъ (=Персевалемъ) отъ мавританской принцессы, сердце которой онъ прельстилъ своею красотою и доблестью и которую покинулъ для подвиговъ (исканіе Ланцелота). Въ его отсутствіе она родила сына, чернаго, какъ смоль; когда онъ выступаетъ впервые, онъ въ черномъ вооруженіи, на ворономъ конѣ. Его мать и онъ обезчещены, лишены наслѣдья по законамъ страны, и вотъ онъ ѣдетъ отыскивать отца, поклялся биться со всякимъ встрѣчнымъ, чтобы дознаться вѣстей объ отцѣ, котораго хочетъ заставить, даже страхомъ смерти, вернуться къ матери и жениться на ней. Когда отецъ и сынъ объяснились, Агловаль не отказывается; если онъ не вернулся ранѣе, то потому только, что его удержали другія дѣла, да и теперь еще онъ не оправился отъ ранъ; но онъ готовъ сдержать данное слово. И онъ ѣдетъ съ сыномъ и Персевалемъ, которому сиовидѣніе, бывшее его брату, пророчитъ, что онъ будетъ въ числѣ тѣхъ, которые обрѣтутъ св. Граль. Бракъ совершается, и мать Моріана провозглашена царицею маврскаго государства.

Барчъ объяснилъ имя Feirefiz'а изъ его образа у Вольфрама: онъ—черный, въ бѣлыхъ пятнахъ, пестрый: vair (varius) fils, что дало бы Feirtiz; но Моріанъ черный. Ближе фонетически было бы:

¹⁾ F. Lot, Celtica, Romania № 95, стр. 336—7.

²⁾ Freymond, Beiträge zur Kenntniss d. altfranz. Artusromane in Zs. für franz Sprache und Litteratur XVII, H. 1 und 3, стр. 67 слѣд., 98 слѣд.

veire fils, по истинѣ сыиъ! Такъ Agloval призналъ Моріана, Galmuret могъ признать Фейрсефса.

3. Моріанъ возвращается къ матери съ отцомъ; этимъ кончается посвященный ему эпизодъ нидерландскаго Ланселота. Галаадъ ѣдетъ съ отцомъ Ланселотомъ въ царство матери, гдѣ находился Граль, становится его властителемъ и переноситъ его на востокъ (въ Саррасъ). Какъ разубинилась первоначально легенда о Фейрсефсѣ? У Вольфрама отца его нѣтъ въ живыхъ, умерла и мать, и самъ онъ возвращается не въ землю мавровъ, а въ царство Секундаллы, гдѣ послѣ него водворяется его сынъ, пресвитеръ Іоаннъ. Диковинки Секундаллы, какъ колонна-зеркало, какъ чудесные уродцы, напоминаютъ его знаменитую Эпистолію ¹⁾. Чудеса христіанской Индіи пресвитера Іоанна могли замѣнить другія, приуроченныя къ царству Belasâne; старое смѣшеніе Индіи съ Эіоіоніей извѣстно.

И предположить, что Pâtelamunt—гора патены, дискаса. Это была бы такая же pars pro toto, какъ въ представленіи Граля у Вольфрама: въ процессіи, имъ описанной, несутъ кдалы изъ слоновой кости, затѣмъ доску, вырѣзанную изъ граната, сквозь которую просвѣчивало солнце; это алтарный камень, антиминосъ, который и возлагаютъ на козлы; на этотъ алтарь ставятъ Граля, образъ котораго такъ и остается неопредѣленнымъ: когда далѣе о немъ говорится, рѣчь идетъ о камнѣ, алтарный камень заслонилъ и поглотилъ представленіе чаши. Камень этотъ спесенъ ангелами; я давно сопоставилъ съ нимъ красный камень, служившій алтаремъ въ церкви св. Іоанна на Сіонѣ: lapis quidam rubeus qui erat pro altari, et idem lapis transportatus fuit de monte Synai per manus angelorum ad preces beati Thomae de India revertentis ²⁾. По русскому наломнику Зосимъ это былъ тотъ камень (камни), на которомъ Господь (Христосъ) бесѣдовалъ съ Моисеемъ на Синаѣ; пречистая Богородица захотѣла его увидѣть, и ангелы перенесли его на Сіонъ ³⁾; по Исх. 24, 9 подъ стопами Господа было *ἕνεκεν ἔργου πλίνθου σαφείρου*; по талмудическому преданію, сохранившемуся у Свида и Елифанія, изъ этого сапфира вырублены были скрижали Ветхаго Завета; Got selb in eim saphire Môysi mit schrift was gebende... al diu gebôt, говоритъ авторъ второго Титуреля, вотъ почему и всѣ алтари въ описанномъ имъ храмѣ Граля были сапфирные.

¹⁾ См. напр. § 71 въ изданіи Царике.

²⁾ Philippi, Descriptio Terrae sanctae, сл. Разъсканіи, III, стр. 7—8.

³⁾ I. с., 17.

Доски скрижалей и алтарная соединились по идеѣ прообразованія; *σαφειρος; πορφυριστων* отвѣчаетъ *granät jächant'* у алтарной доски у Вольфрама ¹⁾.

Разсказъ о снесеніи камня—Граля приуроченъ у него (въ его источникѣ), хотя и довольно неопредѣленно, ко времени паденія ангеловъ. Въ эіопской легендѣ о Соломонѣ и Македѣ Ковчегъ завѣта, Бога Израиля, святого небеснаго Сіона, созданный раньше всего созданія, ниспосланъ съ неба. Еврейское преданіе соединяетъ съ нимъ представленіе камня, камня основанія (*Eben shatya*): онъ въ средоточіи міра, на немъ поклонялся Іаковъ, когда ему было сновидѣніе о лѣствицѣ; онъ находился въ Іерусалимскомъ храмѣ въ Святая-Святыхъ, на немъ стоялъ ковчегъ съ скрижалями; отъ него исходило Израилю изобиліе пищи, въ пору перваго разрушенія Іерусалима скрижали въ немъ скрылись.

Мы попытались собрать главные мотивы, которые, по моему мнѣнію, могли бы быть вмѣнены древней легендѣ о Фейрефисѣ: она отвѣчаетъ схемѣ легенды о Галаадѣ. И какъ къ послѣдней примкнула сказка о Персевалѣ, такъ случилось и съ темой о Фейрефисѣ, но съ другимъ результатомъ: у Вольфрама Фейрефисъ отошелъ на задній планъ, интересъ отданъ Персевалу, онъ уже сталъ полноправнымъ, родовымъ искателемъ Граля, какимъ являлся потомокъ *Hebron'a*; но представленіе Граля камнемъ отразило, быть можетъ, символку, ископни принадлежавшую легендѣ о сынѣ эіопской царицы. Служители Граля у Вольфрама—*Kiot'a*, его *templeise*, живущіе въ какой-то заповѣдной, окруженной тайной, области, на охранѣ святыни, которая ихъ чудесно питаетъ и къ которой направлены тревожныя исканія рыцарей—несомнѣнно идеализованные храмовники; но за наслоеніями, которымъ могъ подвергнуться этотъ образъ, невольно вспоминаются тѣ „блаженные“ блюстители ветхозавѣтнаго откровенія и его христіанскихъ прообразованій, вѣками отчуждившіеся отъ міра, къ которымъ влекло еврейскихъ странниковъ и которыхъ находили порой христіанскіе анахореты.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ L. c., стр. 20—1.

ОДИНЪ ИЗЪ ИСТОЧНИКОВЪ СТОГЛАВА.

Въ Стоглавѣ за оглавленіемъ и короткимъ упоминаніемъ о томъ, кто былъ и что дѣлалось на соборѣ 1551 года, слѣдуетъ пространное и вычурное предисловіе (глава 2-я). Первая фраза этого предисловія—не что иное, какъ начало статьи „Отъ Шестоденца избрано о животѣхъ“, входящей въ полную редакцію Мѣрила Праведнаго ¹⁾, только распространенное нѣсколькими вставками. Приведу параллельно текстъ этой фразы по статьѣ о животѣхъ и Стоглаву ²⁾.

Отъ Шестод. избр. о животѣхъ ³⁾.

Богъ, прехитрый Творецъ всея твари и великій Промысленникъ человѣческому животу и спасенію, во всеї своей твари,

Стоглавъ ⁴⁾.

Премилостивый и милосердый Богъ ⁵⁾, прехитрый ⁶⁾ *Содѣтель* всея ⁷⁾ твари *видимыя и невидимыя*, великій Промысленникъ человѣческому животу ⁸⁾ и спасенію,

¹⁾ Статья „Отъ Шестоденца избрано о животѣхъ“ напечатана мною по древнѣйшему Троицкому списку Мѣрила Праведнаго XIV в. См. „Древности. Труды Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества“, т. III. М. 1902, стр. 45 слл.

²⁾ Выписку изъ Стоглава привожу по подаію Субботина (Цѣвскія вопросы и соборныя бѣдѣты... М. 1890); варианты—изъ изданій Кожанчикова (Стоглавъ. С.-Пб. 1863) и Калачова (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. 1860—1861, кн. V, отд. II, С.-Пб. 1863). Правописаніе подлинниковъ не считаю нужнымъ сохранять.

³⁾ Слова, которыхъ нѣтъ въ Стоглавѣ, напечатаны курсивомъ.

⁴⁾ Слова, которыхъ нѣтъ въ статьѣ о животѣхъ, напечатаны курсивомъ.

⁵⁾ + „в“ Кал.

⁶⁾ + „д“ Кож., Кал.

⁷⁾ „всякія“ Кал.

⁸⁾ „житію“ Кож.

и въ скотѣхъ, и въ звѣрехъ и въ птицахъ, и въ рыбахъ, и въ гадѣхъ, и въ жювеличицкѣхъ, вложилъ всѣмъ естественныя норовы, человѣкомъ наученіе, како *которыя* подражати добрыя норовы, а лукавыя и нечистыя норовы отметати и гнусны имѣти всегда.

и во всей своей твари, *якоже на небесъ, въ солнць и въ ¹⁾ луть, въ ²⁾ звѣздахъ, такоже и на земли и въ мори* и во птицахъ, и въ звѣрехъ, и въ скотѣхъ, и въ рыбахъ, и въ гадѣхъ *положилъ всѣмъ естественныя нравы, себѣ на послушаніе ³⁾, человѣкомъ же въ наученіе, како подражати ⁴⁾ навькнути ⁵⁾ челоуыци ⁶⁾ добрыя нравы ⁷⁾, а лукавыя и ⁸⁾ нечистыя нравы отметати и гнусны имѣти всегда.*

Въ статьѣ о животѣхъ эта фраза тѣсно связана съ остальнымъ содержаніемъ статьи, представляющей перечень добрыхъ и лукавыхъ животныхъ норововъ, „человѣкомъ наученіе, како *которыя* подражати добрыя норовы, а лукавыя и нечистыя норовы отметати“... Въ Стоглавѣ же она оказалась не у мѣста, въ чемъ признается и самъ составитель Стоглава, говоря: „Мы же оставимъ нынѣ о прочихъ твореніихъ, вмалѣ о солнць изречемъ“ и пр. (слѣдуетъ сравненіе чувственного солнца съ разумнымъ, т. е. съ Богомъ). Чтобы какъ нибудь связать её съ разсужденіемъ о солнць разумномъ и солнць чувственномъ, вставлены въ неё слова „якоже на небесѣ, въ солнць“... и пр., но очень неудачно: что такое — добрыя или лукавыя нравы солнца, луны, звѣздъ, земли, моря?...

Статья „Отъ Шестоденца избрано о животѣхъ“ отдѣльно отъ Мѣрила Праведнаго до XVII вѣка не встрѣчается. Полная редакция Мѣрила Праведнаго возникла не позже XIV вѣка и въ XVI вѣкѣ несомнѣнно еще была въ употребленіи ⁴⁾. Слѣдовательно, отцы собора 1551 года или составитель Стоглава могли пользоваться этимъ Мѣриломъ Праведнымъ, и надо думать, что и вступительная фраза

¹⁾ нѣтъ Кож.

²⁾ „и во“ Кал.

³⁾ „себѣ на послуженіе“ Лаврск., Акад., Кал.; „на послуженіе себѣ“ Кож.

⁴⁾ „пождати“ Кал.

^{5—7)} „и навькнути челоуыкомъ добрымъ нравомъ“ Кож.

⁸⁾ нѣтъ Кал.

⁹⁾ Ср. Московскій Синодальный списокъ 1587 года.

Стоглава взята именно оттуда. Если такъ, то врядъ ли составитель Стоглава раскрывалъ Мѣрило Праведное только для одной этой фразы, а не пользовался имъ, какъ юридическимъ сборникомъ, и въ другихъ мѣстахъ. Въ Стоглавѣ есть ссылки на нѣкоторыя каноническія и др. статьи, входящія между прочимъ и въ Мѣрило Праведное.

Н. Дурново.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Sombart. DER MODERNE KAPITALISMUS. B. I. DIE GENESIS DES KAPITALISMUS. B. II. DIE THEORIE DER KAPITALISTISCHEN ENTWICKLUNG. Leipzig. 1902, S. XXXIV+669+646.

Задача, которую ставит себѣ Зомбартъ въ своемъ двухтомномъ трудѣ о капитализмѣ — построение теоріи экономической науки на основаніи того фактическаго матеріала, который даетъ экономическая жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ. Теорія—говоритъ онъ— есть ничто иное, какъ объясненіе фактовъ дѣйствительности, установленіе взаимодѣйствія между ними, обобщеніе ихъ и сведеніе къ основнымъ причинамъ, которыми они вызываются. А причины экономическихъ явленій заключаются, въ свою очередь, въ психологін людей, въ тѣхъ мотивахъ, которыми они руководствуются въ своей дѣятельности. Но мотивы эти разнообразны въ различные періоды; они, правда, разнообразны и въ одномъ и томъ же періодѣ, но въ каждый періодъ экономической жизни можно выдѣлить изъ всей массы явленій типическія явленія и ихъ характерныя признаки, можно найти главные, основные мотивы, которыми вызываются эти типическія явленія; наоборотъ, при сравненіи различныхъ періодовъ между собою, оказывается, что типическія явленія и основные мотивы дѣйствія слишкомъ различны между собою, чтобы ихъ можно было, въ свою очередь, свести къ одной общей формулѣ; въ результатѣ такого искусственнаго объединенія получилось бы нѣсколько общихъ истинъ, которыя по своей отвлеченности очень мало бы пролили свѣта на явленія социальной жизни. Такимъ образомъ, по мнѣнію Зомбарта, одной общей теоріи не можетъ быть; задачей экономиста является

установленіе нѣсколькихъ теорій, для каждой отдѣльной эпохи экономической жизни, при томъ на почвѣ исторической психологій — науки будущаго, которая должна выяснитъ основныя, господствующіе въ каждую эпоху мотивы экономической дѣятельности людей. (Введеніе).

Зомбартъ отказывается дать объясненіе для всѣхъ эпохъ экономической исторіи, установитъ для каждой изъ нихъ господствующіе мотивы дѣятельности; онъ ограничивается изслѣдованіемъ экономической жизни западно-европейскихъ народовъ въ средніе вѣка и въ новое время, при чемъ его цѣлью является не только опредѣлитъ социальную психологій каждой эпохи и вытекающія изъ нея типическія для данной эпохи явленія, но прослѣдить вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенную смѣну ихъ, переходъ отъ одной эпохи къ другой. Онъ находитъ два основныя мотива дѣйствій въ экономической жизни: съ одной стороны, стремленіе къ удовлетворенію собственныхъ потребностей, дѣятельность, направленную къ приобрѣтенію цѣнностей для покрытія нуждъ чловѣка, а съ другой—стремленіе къ обогащенію, къ достиженію возможно большаго богатства, независимо отъ существующихъ потребностей. Эти мотивы являются основными, центральными въ социальной психологій эпохи, ибо ими опредѣляется направленіе экономической жизни, характеръ производства и распределенія цѣнностей. И факты экономической исторіи дѣйствительно свидѣтельствуютъ, по мнѣнію Зомбарта, о томъ, что эти два принципа смѣняютъ другъ друга, что каждый изъ нихъ господствовалъ въ извѣстный періодъ исторіи (т. I, стр. 60 и сл.). Необходимо поэтому различать періодъ до-капиталистическій, когда всѣ отрасли хозяйства имѣютъ характеръ ремесла, когда производство въ количественномъ и качественномъ отношеніи опредѣляется потребностями чловѣка или группы лицъ, періодъ переходный, и періодъ капиталистическій, гдѣ вся жизнь проникнута стремленіемъ къ извлеченію возможно большей прибыли, и это стремленіе является рѣшающимъ въ производствѣ и потребленіи. Зомбартъ обѣщаетъ выяснитъ переходъ отъ капитализма къ третьей формѣ, къ социализму, въ слѣдующихъ томахъ своего труда.

Этимъ Зомбартъ возвращается къ Марксу. Онъ отвергаетъ всѣ другія схемы развитія экономической жизни, говоря, что онѣ систематизируютъ экономическія явленія, исходя отъ вышнихъ признаковъ, тогда какъ критеріемъ ихъ подраздѣленія можетъ быть только тотъ духъ, по выраженію Зомбарта, который воплощенъ въ экономическихъ явленіяхъ различныхъ эпохъ, а онъ выражается въ тѣхъ

основныхъ мотивахъ, которыми опредѣляются дѣйствія чловѣка, въ тѣхъ цѣляхъ, на достиженіе которыхъ направлена его дѣятельность (т. I, стр. 55—58). Зомбартъ при этомъ указываетъ и на различіе между схемой развитія явленій экономической жизни Маркса и его собственной: „онъ старается замѣнить образныя выраженія Маркса точнымъ опредѣленіемъ понятій; неорганическій, революціонный взглядъ Маркса на ходъ развитія соціальной жизни превращается у Зомбарта въ органическій, эволюціонный, который болѣе соотвѣтствуетъ современному состоянію науки“ (т. I, стр. 72). Въ сравненіи съ Марксомъ мы находимъ у Зомбарта шагъ впередъ и въ другомъ направленіи: объективнаго отношенія при изученіи развитія явленій Марксъ не могъ достигнуть, какъ онъ ни стремился къ нему; его субъективный взглядъ повсюду проскальзываетъ, налагаетъ свою печать на характеристику эпохи. Между тѣмъ Зомбартъ дѣйствительно вполне объективно излагаетъ факты экономической жизни, онъ относится съ полнымъ спокойствіемъ къ описываемымъ имъ явленіямъ, усматривая въ нихъ результаты всего предшествующаго развитія, никого не восхваляя и не порицая. Конечно, у него нѣтъ того широкаго полета мысли, который такъ характеренъ для Маркса, у него нѣтъ и желанія соединять анализъ внутреннихъ, лежащихъ въ глубинѣ, моментовъ экономической жизни съ развитіемъ вѣннихъ институтовъ, который провелъ Марксъ, давшій не только ходъ развитія промышленности, но и старавшійся установить формы развитія цѣнности и прибыли. Но что является главнымъ недостаткомъ Зомбарта, недостаткомъ, заимствованнымъ имъ у Маркса, это — стремленіе подвести всѣ явленія жизни подъ искусственно созданную имъ схему. Посмотримъ, насколько эта схема является удачною, какіе получаютъ результаты при группировкѣ явленій экономической жизни среднихъ вѣковъ и новаго времени, соотвѣтственно установленной имъ классификаціи, ибо эта группировка является содержаніемъ его труда.

Какъ извѣстно, періодъ среднихъ вѣковъ считается именно той эпохой, когда экономическая дѣятельность людей направлена лишь къ удовлетворенію собственныхъ потребностей, а не къ накопленію богатствъ, не къ извлеченію возможно болѣе прибыли изъ затраченнаго въ производствѣ капитала. Такъ характеризовалъ средневѣковую эпоху Марксъ и такой взглядъ существуетъ и въ настоящее время, хотя и съ нѣкоторыми поправками. Марксъ и самъ уже указывалъ на то, что торговля составляетъ нѣкоторый диссонансъ въ экономической жизни среднихъ вѣковъ, ибо въ области торговли какъ деньгами,

такъ и товарами, существовало и тогда уже стремленіе къ полученію возможно бѣльшей прибыли: торговецъ становился между производителемъ товара и потребителемъ его и обогащался насчетъ и того, и другого. Въ послѣднее время обратили вниманіе на явленія подобнаго же рода въ области средневѣковой промышленности: уже въ XIII—XV столѣтіяхъ въ шерстяномъ, шелковомъ, льняномъ производствѣ между производителемъ и потребителемъ становился посредникъ — предприниматель, который скупалъ произведенные товары и поставлялъ ихъ на рынокъ: его дѣятельность была также направлена не къ удовлетворенію собственныхъ потребностей, а къ извлеченію возможно бѣльшей прибыли изъ капитала. Наконецъ, изслѣдованія по исторіи ремесла привели къ тому результату, что и въ средневѣковомъ ремеслѣ стремленіе къ обогащенію было нерѣдко довольно значительно: рядомъ съ очень бѣдными членами цеха были и очень богатые для того времени, насчитывавшіе по нѣскольку тысячъ гульденовъ, франковъ, фунтовъ стерлинговъ и т. д. имуществъ; среди цеховъ выдавались своимъ богатствомъ мясники, булочники, кузнецы. (См. объ этомъ Eulenburg въ *Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*, В. III. Martin-Saint-Lém. *Histoire des corporations de métiers*. Т. II. Ch. V, а также мое изслѣдованіе о средневѣковомъ ремеслѣ въ *Jahrbücher für National-Oekonomie*. 1900). Такимъ образомъ стремленіе лишь къ удовлетворенію потребностей, а не къ накопленію богатствъ, можетъ относиться, очевидно, только къ средневѣковому сельскому хозяйству, которое, впрочемъ, являлось въ тѣ времена наиболѣе важной отраслью хозяйства.

Зомбартъ, напротивъ, находитъ, что въ средніе вѣка и въ области промышленности, и въ области торговли все носило ремесленный характеръ, иначе говоря, производилось лишь столько, сколько нужно было для покрытія потребностей; наоборотъ, землевладѣльцы накапливали значительныя богатства и въ ихъ рукахъ образовались первые крупныя капиталы, которые затѣмъ были примѣнены въ области промышленности и торговли и придали капиталистическій характеръ всей экономической жизни. По отношенію къ цеховому ремеслу Зомбартъ признаетъ, что о равенствѣ имуществъ ни среди цеховъ вообще, какъ цѣлаго, ни внутри каждаго отдѣльнаго цеха и рѣчи быть не можетъ (стр. 80), а существуютъ крупныя различія; но затѣмъ совершенно забываетъ объ этомъ и въ слѣдующей главѣ утверждаетъ, что ремесленникъ стремится лишь къ снисканію средствъ существованія для себя и своей семьи, но не болѣе (стр. 86); тогда какъ накопленныя

цеховыми мастерами имущества (стр. 80—82) лучше всего свидетельствуют о томъ, что они шли гораздо дальше, и изъ той монополии, которой они обладали, старались извлечь больше того, что нужно было имъ для жизни. Что же касается работы мастера на торговца, такъ называемой домашней промышленности, гдѣ работа производится на дому и сбывается скупщику-предпринимателю, то Зомбартъ вовсе отрицаетъ существованіе этой формы производства въ средніе вѣка (стр. 98 и сл.). Онъ находитъ, что о домашней промышленности можно говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ находится въ зависимости отъ торговца, когда онъ работаетъ по его заказу, получаетъ плату впередъ и пользуется кредитомъ у торговца (стр. 203); до тѣхъ поръ, пока цеховой мастеръ только сбываетъ купцу произведенные имъ товары и вмѣстѣ съ тѣмъ еще работаетъ на собственный счетъ, сбывая часть товаровъ непосредственно мѣстному потребителю, онъ сохраняетъ свою самостоятельность и мы имѣемъ дѣло по прежнему съ ремесленникомъ, хотя бы товары и производились главнымъ образомъ для экспорта. Господствующая теорія не дѣлаетъ подобнаго различія между работой по заказу торговца и продажей ему продукта, когда послѣдній уже изготовленъ, различія, которое вообще крайне трудно установить; она признаетъ также несущественнымъ то обстоятельство, обрабатываетъ ли мастеръ матеріалъ, пріобрѣтенный имъ самимъ или полученный отъ скупщика, и пользуется ли онъ кредитомъ у послѣдняго или нѣтъ, ибо и тотъ, и другой моментъ можетъ только усилить уже и безъ того существующую зависимость отъ скупщика. Зомбартъ приводитъ, между прочимъ, въ видѣ примѣра, что въ области льняной промышленности Силезіи еще въ XVIII вѣкѣ мастера производили на собственный счетъ и затѣмъ сбывали скупщику готовый продуктъ, а не работали по его заказу, что они обрабатывали собственный матеріалъ,—словомъ, еще въ эту эпоху въ льняной промышленности существовали самостоятельные ремесленники (стр. 102). Между тѣмъ изъ изслѣдованія того же Zimmermann'a (*Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien*), на котораго онъ ссылается, видно, что эти „ремесленники“ были совершенно порабощены скупщиками, что они принуждены были работать за ту цѣну, которую опредѣляли скупщики и при которой рабочіе жили впроголодь. Очевидно, что зависимость опредѣляется не столько возможностью или невозможностью обрабатывать собственный матеріалъ, сколько совершенно иными условіями—условіями рынка труда, положеніемъ рабочихъ при продажѣ ими рабочей силы. Точно также едва ли

можно называть самостоятельными ремесленниками тѣхъ мастеровъ, которые лишь въ видѣ исключенія производятъ непосредственно на потребителя, вообще же работаютъ за счетъ скупщика. Зомбартъ разсуждаетъ непослѣдовательно и въ томъ отношеніи, что зависимость отъ торговца является у него критеріемъ дѣленія формъ производства на ремесло и капиталистическую домашнюю промышленность. Съ его точки зрѣнія, единственнымъ критеріемъ могло бы быть лишь то, какаѣ цѣль преслѣдуется при той или другой формѣ производства, а въ этомъ отношеніи оказывается, что стремленія скупщика направлены къ возможно большому обогащенію, независимо отъ того, кому принадлежатъ обрабатываемый мастеромъ матеріалъ, пользуется ли онъ кредитомъ у торговца и т. д.; всѣ эти виды производства носятъ рѣзко выраженный капиталистическій характеръ. Наконецъ, даже въ томъ случаѣ, если бы къ домашней промышленности можно было отнести лишь одинъ изъ видовъ ея, именно тотъ, гдѣ мастеръ (кустарь) работаетъ по заказу скупщика, на его матеріалѣ и получаетъ отъ него заработную плату, а не цѣну за товаръ, то и тогда мнѣніе Зомбарта, что домашней промышленности въ средніе вѣка не существовало, не соответствовало бы фактамъ. Шерстяная и шелковая промышленность итальянскихъ городовъ (см. Doren. Florentinische Wirtschaftsgeschichte, Ajano. Venetianische Seidenindustrie im Mittelalter, Sieveking, Genueser Seidenindustrie im XIV—XIV Jahrh.) носила именно такой характеръ; точно также въ желѣзномъ промыслѣ Нюрнберга (Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren), въ производствѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Ульмѣ (Nübling. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter) мы находимъ именно эту форму домашней промышленности. И въ итальянскихъ, и въ южно-германскихъ городахъ сырье принадлежитъ купцу, и мастеръ находится въ полной зависимости отъ него. Во фламандской и брабантской промышленности (и въ Парижѣ) уже въ XIII вѣкѣ купцы принимаютъ за недѣльную плату голодныхъ рабочихъ (Pirenne. Histoire de la Belgique. T. I.). Изъ того, что среди этихъ рабочихъ происходятъ постоянные бунты, еще не вытекаетъ, что они обладаютъ политической силой, какъ полагаетъ Зомбартъ; наоборотъ, эти бунты во время часто повторяющихся періодовъ безработицы (то же и во Флоренціи въ XIV вѣкѣ) скорѣе свидѣтельствуютъ объ ихъ печальномъ положеніи и невозможности улучшить его инымъ путемъ.

„Ничего не можетъ быть неосновательнѣе—говорить Зомбартъ—какъ представлять себѣ средневѣковую Европу населенною капиталистически настроенными и расчетливыми купцами. И она въ глубинѣ

своей души менѣ всего думаютъ объ обогащеніи, и имъ ничего иного не нужно, какъ пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ жизни“ (т. I, стр. 174). Поэтому средневѣковая торговля носить ремесленный характеръ. Число торговцевъ было очень велико, между тѣмъ какъ количество товаровъ было незначительно (стр. 168—169). Это вытекаетъ, по мнѣнію Зомбарта, съ одной стороны изъ малой вмѣстимости судовъ, которые къ тому же принадлежали нѣсколькимъ лицамъ, съ другой стороны при незначительности торговыхъ оборотовъ. Но при этомъ Зомбартъ забываетъ, что одно и то же лицо нерѣдко имѣло долю во многихъ корабляхъ. Точно также указывая не назначительную цифру оборота того или другого торговца въ данной области торговли, онъ упускаетъ изъ виду, что этотъ торговецъ занимался сбытомъ и другихъ товаровъ; это особенно важно по отношенію къ торговлѣ хлѣбомъ, которая производилась въ средніе вѣка въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, почему торговцы хлѣбомъ одновременно торговали и шерстью, сукномъ, восточными пряностями. Взявъ одни только обороты въ области хлѣбной торговли, мы получаемъ неправильное представленіе о характерѣ средневѣковаго обмѣна. Съ другой стороны и приводимыя Зомбартомъ цифры вовсе не подтверждаютъ его вывода. Если въ концѣ XIII вѣка изъ Англій въ Италію вывозилось около 4 тысячъ тюковъ шерсти ежегодно (стр. 166), то это вовсе не такъ мало: по Balducci-Pegolotti цѣна англійской шерсти въ то время колебалась отъ 4 до 28 фунтовъ стерлинговъ за тюкъ, цѣнность 4 тысячъ тюковъ равняется слѣдовательно не менѣ чѣмъ 40 тысячамъ фунтовъ стерлинговъ (около 400 тысячъ рублей)—для того времени сумма огромная. Цѣнность всего вывоза изъ Англій составляла въ 1354 году свыше 27¹/₂ тысячъ фунтовъ стерлинговъ (Doren, стр. 74: см. также Kunze. Hanse-Acten aus England, p. 360).

Зомбартъ прилагаетъ къ средневѣковой торговлѣ современный масштабъ и поэтому находитъ размѣры ея минимальными. Вслѣдствіе этого обороты ганзейскихъ городовъ въ нѣсколько сотъ тысячъ марокъ ежегодно въ XIV вѣкѣ (ср. Stieda. Revaler Zollbücher und Quittungen des XIV Jahrh. п. LVII) кажутся ему ничтожными; по поводу факта, что торговецъ деньгами (христианинъ) въ Писто въ началѣ XV вѣка заключалъ по 26 сдѣлокъ въ день, онъ указываетъ на то, что въ настоящее время учрежденіе для выдачи ссудъ въ большомъ городѣ выдаетъ въ десять разъ больше ссудъ ежедневно (т. I, стр. 272). Для историка едва ли такой взглядъ на прошлое является правильнымъ, ибо крупнымъ въ каждую эпоху слѣдуетъ называть то, что

превынасть обычныя въ эту эпоху размѣры; но и для установленія того факта, имѣла ли средневѣковая торговля капиталистическій характеръ, важно опредѣнить (по крайней мѣрѣ согласно принятому Зомбартомъ критерию) не ея размѣры сравнительно съ современной торговлей, а то обстоятельство, стремились ли торговцы лишь къ пріобрѣтенію того, что необходимо было имъ для удовлетворенія потребностей или они совершали гораздо больше оборотовъ и извлекали гораздо большую прибыль, чѣмъ это было необходимо для ихъ собственнаго существованія. Имущество въ размѣрѣ 15—30 тысячъ гульденовъ, которое мы находимъ у аугсбургскихъ купцовъ въ XV вѣкѣ (т. I, стр. 171), довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ больше того, что необходимо для существованія челоуѣка. Зомбартъ отрицаетъ и высокій уровень прибыли въ средневѣковой торговлѣ. Мы не имѣемъ возможности провѣрить приводимыя имъ цифры, ибо онъ не производитъ всѣхъ вычисленій передъ нами, а сообщаетъ лишь полученные имъ результаты (т. I, стр. 228—231). Изъ вычисленій же Doren'a (*Florentiner Wirtschaftsgesch. B. I.*) видно, на примѣръ, что на шерсти, привозимой во Флоренцію, торговцы наживали отъ 70—90 до 100—125 процентовъ. Но что всего важнѣе, это то, что мнѣніе Зомбарта о низкой прибыли въ средніе вѣка противорѣчитъ его же указанію на фактъ; который нынѣ можно считать установленнымъ, именно на то, что средневѣковая торговля развилась изъ пиратства и въ теченіе продолжительнаго времени была тѣсно связана съ нимъ, и на то, что и впослѣдствіи торговцы пользовались монополіей при закупкѣ товаровъ (т. I, стр. 189—190, 232). Изъ этихъ обоехъ моментовъ очевидно вытекаетъ, что уровень прибыли долженъ былъ быть очень высокъ. Впрочемъ отчасти и Зомбартъ съ этимъ соглашается, но ограничиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: высокая прибыль получалась лишь въ колониальныхъ предпріятіяхъ (т. е. въ торговлѣ съ Востокомъ) или въ крупныхъ банкирскихъ домахъ, при чемъ однако тѣ лица, которыя обогащались въ торговлѣ и пріобрѣтали значительныя капиталы, обладали капиталами еще раньше, до того какъ они занялись торговыми оборотами, такъ что крупныя капиталы возникли не въ торговлѣ, а совершенно помимо ея, путемъ накопленія земельной ренты.

Дѣло въ томъ, что Зомбартъ различаетъ два класса торговцевъ въ средніе вѣка: профессиональныхъ купцовъ съ одной стороны и лицъ другихъ состояній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются торговлей съ другой стороны. Къ послѣднимъ относятся бургомистры и

ратманы городовъ, феодалы и патриціи и наконецъ духовенство, церкви и монастыри. Этими лицами и учрежденіями совершались всѣ наиболѣе крупныя торговыя операціи и къ нимъ не относится то положеніе, которое Зомбартъ устанавливаетъ выше относительно профессиональныхъ купцовъ, что обороты ихъ были незначительны и прибыль низка. Первоначально некупеческія сословія только временно и случайно занимаются торговлей, но къ концу среднихъ вѣковъ они вполнѣ посвящаютъ себя этому дѣлу и вкладываютъ накопленные ими капиталы въ торговыя предпріятія. Зомбартъ всячески старается доказать, что эти капиталы приобрѣтены ими не въ торговлѣ, а въ другой области, именно въ землевладѣніи (т. I, стр. 290 и слѣд.), чтобы изъ этого придти къ выводу, что средневѣковая торговля, кто бы ею ни занимался, не имѣла капиталистическаго характера, не давала избытка за покрытіемъ необходимыхъ потребностей человѣка, что капиталъ и капитализмъ возникли въ совершенно иной сферѣ. Но доказать, что богатства, накопленные феодалами, бургомистрами, духовенствомъ, занимавшимися торговлей, не были результатомъ ихъ торговой дѣятельности, очевидно крайне трудно. Зомбартъ останавливается на однихъ лишь городскихъ дворянскихъ родахъ, князей же и духовенство онъ оставляетъ безъ вниманія. При этомъ онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ доказываетъ, что всѣ лица, занимавшіяся торговлей въ значительныхъ размѣрахъ, принадлежали вмѣстѣ съ тѣмъ къ городскимъ патриціямъ, и полагаетъ, что этимъ онъ установилъ тотъ фактъ, что капиталы, употребленные ими въ торговлѣ, не являются результатомъ ихъ торговой дѣятельности, а представляютъ собою накопленную земельную ренту (т. I, стр. 299—324). Такой выводъ отнюдь не представляется необходимымъ и единственно возможнымъ: изъ принадлежности лицъ, обладающихъ крупными капиталами, къ городскимъ патриціямъ, еще вовсе не слѣдуетъ, что эти капиталы накоплены ими въ качествѣ землевладѣльцевъ, а не въ качествѣ купцовъ; съ одинаковымъ правомъ можно утверждать и противное. Весь вопросъ въ томъ, что предшествуетъ, владѣніе ли крупными земельными участками или занятіе торговлей. Зомбартъ не доказалъ, чтобы первое являлось болѣе раннимъ. Между тѣмъ нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ именно о томъ, что городскіе патриціи сначала производили торговыя операціи, а затѣмъ уже, достигнувъ этимъ путемъ значительныхъ богатствъ, приобрѣли обширныя помѣстья. Въ этомъ смыслѣ высказывается по крайней мѣрѣ Schulte въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о торговыхъ сношеніяхъ между запад-

ной Германіей и Италіей въ средніе вѣка (2 тома. Лейпцигъ. 1900). Онъ указываетъ на то, что дворянскіе и рыцарскіе роды южногерманскихъ городовъ, Констанца, Равенсбурга, Пюрнберга, Базеля, Ульма, точно также какъ патриціи Венеціи, Флоренціи, Генуи первоначально не находили ничего постыднаго въ занятіи торговлей, и только съ конца XV вѣка они во многихъ германскихъ городахъ преобразили торговля операциіи, приобрѣли замки и стали феодальными дворянами. Впрочемъ черезъ посредство третьихъ лицъ они попрежнему участвовали въ торговлѣ, ссужая купцовъ своими капиталами. Точно также и въ ганзейскихъ городахъ бургомистры и ратманы принадлежатъ къ патриціямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ большомъ количествѣ занимаются торговлей и при томъ уже въ очень раннія времена; да и могъ ли кто либо кромѣ купцовъ занимать эти должности въ такихъ городахъ какъ Любекъ, Гамбургъ, Штетинъ, Данцигъ, все богатство которыхъ основывалось на торговлѣ? Помѣстное дворянство, не производившее торговыхъ операциіи, здѣсь играло очень незначительную роль. Что же касается духовныхъ и свѣтскихъ властей, королей и князей, церкви и монастырей, то изъ данныхъ возникновенія торговли вытекаетъ, что они принимали участіе въ ней съ самаго начала, а не только впоследствии. Надо имѣть въ виду, что торговый обмѣнъ въ раннія времена средневѣковья производился въ районѣ, расположенномъ на границѣ нѣсколькихъ территорій, что онъ происходилъ между общинами, представителями которыхъ являлись короли и князья, совершался на площади передъ церковью или въ самой церкви, какъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ приостанавливались враждебныя дѣйствія. Тогда становится понятнымъ, почему духовенство съ одной стороны и князья съ другой первоначально монополизировали весь торговый обмѣнъ и почему они и впоследствии принимали въ немъ значительное участіе. (См. мою статью о хлѣбной торговлѣ въ средніе вѣка въ „Народномъ Хозяйствѣ“ 1900 г.).

Но еще болѣе слабымъ является положительное доказательство Зомбарта въ пользу того, что первоначальный капиталъ есть продуктъ накопленныхъ земельныхъ рентъ. Какъ извѣстно, сельскохозяйственная рента получалась въ средніе вѣка въ натурѣ, а для накопленія капиталовъ денежная форма составляетъ необходимое условіе. Едва ли и рента съ городской недвижной собственности могла получаться въ тѣ времена въ значительныхъ размѣрахъ, и Зомбартъ, который очень скептически относится къ цифрамъ торговыхъ оборотовъ, когда онѣ оказываются крупными, почему-то слишкомъ довѣряетъ такого рода

заявленіямъ, какъ то, что въ Венеціи въ 1423 году цѣнность домовъ равнялась 7 милліонамъ дукатовъ, а рента 500 тысячъ дукатовъ (т. I, стр. 318).

Зомбартъ совершенно отрицаетъ возможность происхожденія денежныхъ капиталовъ изъ другихъ источниковъ, и даже на вопросъ, откуда получились тѣ капиталы, которые евреи давали взаймы, онъ отвѣчаетъ, что евреи сохранили тѣ богатства, которыми они обладали до паденія Рима (стр. 270). Здѣсь явнѣ всего обнаруживается несостоятельность его теоріи, ибо до переселенія народовъ евреи богатствами не обладали, а приобрѣли ихъ въ торговой дѣятельности въ VIII — XII вѣкахъ, когда они почти не имѣли конкурентовъ въ торговлѣ. Увеличился капиталъ въ звонкой монетѣ — говоритъ Зомбартъ — въ эпоху открытій и заокеанскихъ компаній, главнымъ образомъ путемъ насильственного отнятія сокровищъ у туземныхъ жителей и обращенія ихъ въ рабство (т. I, гл. XIII). При этомъ Зомбартъ указываетъ, что такой же характеръ носили и колониальныя предпріятія итальянскихъ городовъ, Генуи, Венеціи, Флоренціи, Пизы, въ средніе вѣка, что и здѣсь рядомъ съ торговлею шло насильственное присвоеніе имущества туземныхъ жителей въ Малой Азіи, Сиріи, Палестинѣ (стр. 331 и сл.). Но если это такъ, то отсюда вытекаетъ, что не только увеличеніе уже возникшихъ изъ поземельныхъ рентъ капиталовъ, но и первое появленіе ихъ, по крайней мѣрѣ въ итальянскихъ городахъ, могло произойти этимъ путемъ.

Такимъ образомъ доказательства Зомбарта едва ли могутъ быть названы удачными, едва ли можно считать доказаннымъ, что въ исторіи западно-европейскихъ народовъ существовалъ такой періодъ, когда люди стремились къ достиженію только того, что имъ необходимо было для удовлетворенія своихъ потребностей, но не болѣе. Наоборотъ приходится признать, что въ средневѣковой промышленности, а въ особенности въ торговлѣ, обнаруживалось сильное стремленіе къ обогащенію. Выставленнаго Зомбартомъ положенія нельзя признать даже и въ той формѣ, въ какой онъ высказываетъ его въ другомъ мѣстѣ (т. I, стр. 388), говоря, что дѣятельность, направленная къ извлеченію прибыли, хотя и существовала въ средніе вѣка, но была въ тѣ времена лишь чѣмъ-то временнымъ и случайнымъ. Онъ ссылается на то, что въ торговыхъ книгахъ гамбургскаго ратмана Вико фонъ Гельдерсена (XV вѣка) и любекскаго бургомистра Иоганна Витгенборга (XIV вѣка), дошедшихъ до насъ и недавно издан-

ныхъ, записано всего по 20—30 торговыхъ сдѣлокъ въ годъ, т. е. торговые обороты совершались ими лишь разъ въ двѣ недѣли. Зомбартъ выводитъ изъ этого, что торговля являлась для нихъ очевидно случайнымъ занятіемъ, постоянная же дѣятельность ихъ была иная. „Что же бы эти люди дѣлали все остальное время—воскликаетъ онъ—если бы они были профессиональными купцами?“ (стр. 293). Зомбартъ упускаетъ изъ виду, что каждая торговая операція отнимала въ тѣ времена очень много времени, такъ какъ купцу приходилось самому отвозить товаръ въ мѣста назначенія и что переѣзды съ одной ярмарки на другую при неудовлетворительности путей сообщенія совершались крайне медленно. Андреасъ Риффъ, который жилъ даже не въ XIV, а въ XVI вѣкѣ, посѣщалъ ежегодно около 30 ярмарокъ и большую часть своей жизни провелъ на сѣдлѣ. Но и независимо отъ этого Зомбартъ здѣсь снова мѣритъ жизнь того времени на современный масштабъ, исходитъ изъ того предположенія, что человекъ все свое время затрачиваетъ на производительную дѣятельность: если же онъ посвящаетъ какому либо дѣлу немного времени, то это занятіе является для него очевидно случайнымъ или въ лучшемъ случаѣ побочнымъ, рядомъ съ другимъ главнымъ занятіемъ. Однако въ противоположность той лихорадочной дѣятельности, которую мы наблюдаемъ въ современной жизни и которую Зомбартъ прекрасно изображаетъ въ своемъ сочиненіи (т. II, стр. 85 и сл.), жизнь того времени шла довольно медленно и вяло, и такой характеръ носила въ частности и торговля въ средніе вѣка, такъ что и тѣ торговцы, которыхъ Зомбартъ именуетъ профессиональными, совершали не больше оборотовъ, чѣмъ Гельдерсенъ или Виттенборгъ. Различіе между XIX вѣкомъ и средневѣковымъ періодомъ заключается въ томъ, что накопленіе капиталовъ совершалось въ тѣ времена гораздо медленнѣе, съ большими перерывами, ибо значительная часть добытой прибыли шла на личное потребление, продавалась и пропивалась; только истратившись такимъ образомъ, люди снова брались за дѣло, которое имъ вновь давало доходъ. Поэтому-то извлеченіе прибыли изъ капитала, составляя нормальное явленіе въ промышленности и торговлѣ среднихъ вѣковъ, отнимало однако, какъ и всякое занятіе того времени, далеко не все время и производилось не непрерывно, а съ извѣстными промежутками. А въ сельскомъ хозяйствѣ оно происходило еще медленнѣе: здѣсь почти весь доходъ затрачивался на потребление землевладѣльца и его дворни, какъ это мастерски изобразилъ еще Лассалъ въ своемъ „Шульце-Деличъ“.

Но отсюда еще не вытекаетъ, что доходъ землевладѣльца рав-

нялся лишь тому, что необходимо для удовлетворения необходимых потребностей. Зомбартъ дѣлаетъ большую ошибку, допуская лишь двоякую возможность: либо приобретение средствъ пропитанія, либо извлеченіе прибыли для накопленія капитала. Возможенъ еще и третій случай: стремись къ полученію какъ можно большаго дохода, человекъ не капитализируетъ его, а потребляетъ. Исторія экономической жизни свидѣтельствуетъ о томъ, что первый мотивъ, который Зомбартъ считаетъ характернымъ для среднихъ вѣковъ, не господствовалъ никогда, всегда являясь лишь исключеніемъ, а не общимъ правиломъ, что люди всегда стремились къ наживѣ. Что же касается двухъ другихъ мотивовъ дѣятельности, то и они не чередуются въ исторіи, а дѣйствуютъ одновременно, съ той только разницей, что въ прежнія времена накопленіе съ цѣлью потребенія являлось болѣе частымъ явленіемъ, чѣмъ въ настоящее время, почему, какъ уже сказано, накопленіе капиталовъ и совершалось гораздо медленнѣе. Но отсюда уже ясно, что дѣленіе экономической исторіи на періодъ до-капиталистической и капиталистической въ зависимости отъ того, являются ли главнымъ мотивомъ стремленіе къ удовлетворенію потребностей или къ накопленію капитала, не можетъ быть принято, ибо и въ ту и въ другую эпоху производительная дѣятельность опредѣлялась стремленіемъ къ обогащенію.

Несостоятельность этой схемы еще болѣе подтверждается явленіями экономической жизни послѣдующихъ періодовъ. Переходному періоду, который доходитъ, по Зомбарту, до половины XIX вѣка, удѣлено впрочемъ очень мало вниманія, хотя Зомбартъ и располагалъ большимъ матеріаломъ, относящимся къ этому періоду. Подробно онъ останавливается на экономическихъ явленіяхъ второй половины XIX вѣка, главнымъ образомъ на хозяйственной жизни Германіи. Разсматривая различныя стороны экономического быта, онъ повсюду находитъ огромное вліяніе капитализма: интересами капиталиста, его стремленіемъ къ извлеченію возможно большей прибыли опредѣляется весь строй современной жизни. Но вопросъ заключается въ томъ, складывается ли жизнь помимо вліянія капиталиста наиболѣе выгоднымъ для него образомъ или онъ самъ создаетъ эти условія для своей успѣшной дѣятельности. Зомбартъ утверждаетъ, что онъ создаетъ эти условія, а между тѣмъ приводимые имъ факты говорятъ нѣчто иное. Оказывается, что развитіе техники, которое имѣетъ первостепенное значеніе для роста капитализма, было вызвано не потребностями экономической жизни, а успѣхами въ области естествен-

ныхъ науки, сдѣланными въ XVIII вѣкѣ, которые и дали возможность примѣнить науку къ производству и замѣнить эмпирическій методъ научнымъ (т. II, стр. 60). Переселеніе изъ селъ въ города и ростъ городовъ объясняется также, какъ онъ указываетъ, не только тѣмъ, что развитіе капитализма затрудняетъ добываніе средствъ существованія въ селахъ и маленькихъ городахъ, но и стремленіемъ къ индивидуальной свободѣ и независимости, которое влечетъ массы населенія въ большіе города (т. II, стр. 234 и сл.). Если современная мода, мѣняющаяся по нѣскольку разъ въ теченіе года, вызывается характеромъ современнаго человѣка, нервною людей нашего времени, которымъ надоѣдаетъ однообразіе и которымъ необходимо, чтобы все окружающее ихъ мѣняло свой видъ какъ можно чаще (т. II, стр. 329 и сл.),—если реформа въ области вкуса, происходящая въ Германіи, всецѣло вызвана инициативой художниковъ (т. II, 302 и сл.), а будущее въ этой области принадлежитъ технику и наиболѣе совершенное должно стать для насъ и наиболѣе красивымъ (стр. 307—308)—то едва ли можно утверждать, что вся современная жизнь регулируется интересами капитализма. Говоря, что современное право есть продуктъ капитализма, Зомбартъ въ то же время не придаетъ праву большого значенія въ дѣлѣ развитія капитализма, указывая на то, что это развитіе совершалось и до измѣненія правовыхъ нормъ и въ борьбѣ фабрики съ ремесломъ играло незначительную роль (т. II, стр. 32—41); главная сила фабрики—техника, а она не была вызвана потребностью капитализма; онъ лишь сумѣлъ приспособить технику соответственно своимъ выгодамъ.

Современное право—говоритъ Зомбартъ—есть совокупность нормъ, устанавливающихъ свободу личности; оно создаетъ полную свободу самоопредѣленія въ сферѣ хозяйственной дѣятельности человѣка (т. II, гл. I). Мечтою капиталиста является монополія при сбытѣ товаровъ, т. е. уничтоженіе конкуренціи со стороны другихъ капиталистовъ и въ то же время полная свобода въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ и ремесломъ. Но въ виду того, что приходится выбирать одно изъ двухъ—или полную свободу, или стѣсненіе дѣятельности и тутъ и тамъ, то капиталистъ предпочитаетъ свободу отношеній во всѣхъ сферахъ (т. II, стр. 29 сл.). Указываемыя Зомбартомъ правовыя основы современной экономической жизни, однако, не соответствуютъ дѣйствительности во второй половинѣ XIX вѣка, которую онъ имѣетъ въ виду. Въ странахъ, далеко ушедшихъ по пути экономического развитія, индивидуальный рабочий договоръ замѣняется коллектив-

нымъ, и нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что будущее принадлежитъ именно этой послѣдней формѣ установленiя размѣровъ заработной платы. Съ другой стороны, цѣлый рядъ условiй въ рабочемъ договорѣ уже регулируется государствомъ путемъ законодательства о трудѣ. Слѣдовательно, свободная конкуренция, о которой говоритъ Зомбартъ, въ отношенiяхъ между капиталистами и рабочими въ значительной степени ограничена. Точно также и конкуренция среди капиталистовъ при сбытѣ товаровъ сужена, благодаря союзамъ предпринимателей, трестамъ и синдикатамъ. Вышательство государства въ экономическую жизнь, которое въ первой половинѣ XIX вѣка было доведено до минимума, во второй половинѣ XIX столѣтiя стало снова увеличиваться, и съ каждымъ годомъ оно охватываетъ все новыя и новыя сферы дѣятельности: воздѣйствiе государства, распространявшееся первоначально лишь на фабричную промышленность, охватило затѣмъ и кустарную промышленность, и ремесло, и торговлю. Особенностью законодательныхъ мѣръ во всѣхъ этихъ областяхъ экономической жизни является ихъ социальный характеръ, желанiе прийти на помощь слабому въ борьбѣ съ сильнымъ, рабочему въ борьбѣ съ предпринимателемъ. Оно проникнуто мыслью поставить извлеченiе прибыли съ капитала въ извѣстныя рамки. Въ этомъ ограниченiи капитализма въ его стремленiи къ обогащенiю и заключается характерная особенность экономической жизни второй половины XIX вѣка. Стремленiе къ наживѣ существовало во всѣ времена, накопленiе капиталовъ, хотя и гораздо медленнѣе, совершалось уже въ среднiе вѣка; но тѣ препятствiя, которыя оно встрѣчаетъ со стороны рабочаго класса, составляютъ явленiе совершенно новое, предыдущимъ столѣтiямъ невѣдомое, да и въ тѣ времена невозможное.

Благодаря обилiю фактическаго матеріала, которымъ пользовался Зомбартъ, разнообразiю затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, оригинальности взглядовъ автора и его умѣнiю заинтересовать читателя даже при разсмотрѣнiи наиболѣе сухихъ вопросовъ, новый трудъ Зомбарта несомнѣнно составляетъ событiе въ экономической литературѣ. Съ частными выводами автора можно вполнѣ согласиться. Отдѣльныя главы представляютъ собою крайне интересныя изслѣдованiя того или другаго вопроса (напримѣръ, т. I, глава XIII о торговлѣ въ эпоху открытiй, глава XVII о препятствiяхъ развитiю капитализма; т. II, глава II о развитiи техники, глава VIII о ростѣ городовъ, книга 2, отдѣлъ 3 о потребленiи, главы о борьбѣ фабрики съ ремесломъ, особенно главы XXXVI—XXXVII и т. д.). Но общiе выводы его вызываютъ много

возраженіи, взгляды его на развитіе экономической жизни, какъ на развитіе капитализма, нельзя признать правильнымъ. Намъ кажется, что Зомбартъ, помимо своей воли, блестяще доказалъ, что принятая имъ схема развитія, которая является въ настоящее время господствующей, не выдерживаетъ критики, должна быть замѣнена другой. Зомбартъ правильно исходитъ изъ социальной психологіи различныхъ эпохъ экономической жизни, но социальная психологія характеризуется не только тѣмъ однимъ моментомъ, на которомъ онъ останавливаетъ свое вниманіе, но цѣлымъ рядомъ условій, опредѣляющихъ человѣческую дѣятельность. И при дѣленіи экономической исторіи на періоды, слѣдуетъ исходить не изъ общаго для всѣхъ періодовъ стремленія людей къ обогащенію, а изъ тѣхъ путей, которые они избираютъ для осуществленія своей цѣли, изъ тѣхъ средствъ, которыми они пользуются, и изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ эта цѣль достигается, — ибо въ этихъ измѣняющихся условіяхъ экономической дѣятельности отражается социальная психологія каждой эпохи.

І. Фулшеръ.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Б. Л. Модзалевскаго*. С.-Пб. 1903.

Анна Евдокимовна Лабзина, урожденная Яковлева (род. 1758 † 1828), была женою извѣстнаго въ литературѣ мистика А. Θ. Лабзина, но ея воспоминанія относятся къ ранней порѣ ея жизни, къ дѣтству и первому замужеству за Александромъ Матвѣевичемъ Карамышевымъ, неслышавшимъ въ свое время минералогомъ. Издатель записокъ обращаетъ вниманіе на то, что принадлежащія женщинамъ мемуары XVIII вѣка относятся исключительно къ высшему кругу русскаго общества: воспоминанія же А. Е. Лабзиной знакомятъ насъ съ жизнью женщины средняго дворянскаго семейства. Написаны эти воспоминанія просто и откровенно, читаются съ интересомъ, но знакомятъ съ личною жизнью А. Е. Лабзиной гораздо больше, чѣмъ съ людьми ея времени. Воспитанная въ покорности и благочестіи, несчастливая по первому браку, мистически настроенная во время составленія своихъ записокъ, Анна Евдокимовна не могла дать много бытовыхъ и историческихъ подробностей, такъ какъ была натурой пассивной, замкнутой, привыкшей углубляться въ себя, забывать окружающее, не замѣчать его. Поэтому воспоминанія избилуютъ разго-

ворами съ рѣчами настолько длинными, что на послѣдніи необходимо смотрѣть какъ на литературное произведеніе. Написаны воспоминанія Лабзиной, когда ей было уже 52 года, и послѣ смерти перваго мужа, о которомъ всего больше говорится въ воспоминаніяхъ, прошло лѣтъ 20.

Къ сожалѣнію, изъ записокъ мы не узнаемъ ничего объ образованіи Лабзиной. По воспитаніе она получила замѣчательное. Примѣры христіанской доброты и любви къ ближнему, которые она видѣла въ своей семьѣ, въ родѣ помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ, воспитанія сиротъ, вѣроятно, были нерѣдки въ то время, но немногіе читатели ожидали бы встрѣтить примѣненія въ простой русской дворянской семьѣ 60-хъ, 70-хъ годовъ XVIII вѣка такихъ „повыхъ“ принциповъ воспитанія, которые примѣнялись къ Аннѣ Евдокимовнѣ. Она говоритъ: (мать) „меня учила разнымъ руководствіямъ и тѣло мое укрѣпляла суровой пищей и держала на воздухѣ, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногахъ, кромѣ нижнихъ чулокъ и башмаковъ, ничего не имѣла; въ самые жестокіе морозы посылала гулять пѣшкомъ, а тепло мнѣ все было въ байковомъ копотѣ. Ежели отъ снѣгу промокнуть ноги, то не приказывала снимать и перемѣнять чулки: на ногахъ и высохнуть... Мать моя давала мнѣ довольно времени для игры лѣтомъ и приучала насъ къ бѣганью; и я въ десять лѣтъ была такъ сильна и проворна, что нонче и въ пятнадцать лѣтъ не вижу, чтобъ была такая крѣпость и въ мальчикѣ... У меня любимое занятіе было бѣганье и лазить по деревьямъ, и какъ бы высоко дерево ни было,—то непременно влѣзу... Пища моя была: щи, каша и иногда кусокъ солонины, а лѣтомъ — зелень и молочное... Важивали меня верстѣ по двадцати въ крестьянской телѣгѣ, заставляли верхомъ ѣздить и на поле пѣшкомъ ходить—тоже верстѣ десять... (Мать) учила меня плавать въ глубинѣ рѣки и не хотѣла, чтобъ я чего-нибудь боялась,— и я одиннадцати лѣтъ могла переплывать большую и глубокую рѣку безо всякой помощи; плавала по озерамъ въ лодкѣ и сама весломъ управляла; въ саду работала и гряды сама дѣлывала, полола, садила, поливала“ (стр. 18 и 19). Если нѣкоторыя стороны этого воспитанія и могутъ получить мѣстное объясненіе, то въ общемъ нельзя не допустить западно-европейскаго происхожденія взглядовъ на воспитаніе, которое здѣсь описано. Рядомъ съ этимъ въ воспитаніи Анны Евдокимовны мы видимъ и старую русскую библейскую суровость: мать любила ее, но „не показывала часто большихъ ласкъ“ (21 стр.); „большого брата упрямый нравъ ее (т. е. мать) очень огорчалъ, и

она его жестоко наказывала" (20 стр.).—Для характеристики старинной русской благочестивой семьи очень интересны рассказы Анны Евдокимовны о дѣятельной помощи, которую оказывала ей мать заключеннымъ въ тюрьмѣ. Это не была благотворительность, какъ мы понимаемъ ее теперь, но это было дружественное и челоуѣколюбивое сближеніе съ „несчастливыми“ (такъ назывались они уже тогда; см. стр. 40), въ основѣ котораго лежало понятіе о христіанскомъ братствѣ людей. Семья Яковлевыхъ была настолько проникнута чувствами добраго отношенія къ людямъ, что въ ихъ жизни происходили по временамъ удивительные случаи побѣды искренней доброты надъ сильной злобой. Такъ 50 башкирцевъ, которые пріѣхали отнять у Яковлевыхъ землю, послѣ ласковой и гостепріимной встрѣчи, которую имъ сдѣлала мать Анны Евдокимовны (отецъ ея померъ рано, когда ей было всего 5 лѣтъ), уѣзжаютъ не врагами, а защитниками. Такъ атаманъ разбойничьей шайки почуветь у Яковлевыхъ лишь только для того, чтобы они не были ограблены разбойниками.—13-ти лѣтъ (такъ!) Анна Евдокимовна вышла замужъ, по желанію матери, за челоуѣка, къ которому сердце ея „не чувствовало ни привязанности, ни отвращенія, а больше страхъ въ немъ дѣйствовалъ“ (31 стр.). Мужъ оказался замѣчательно распущеннымъ челоуѣкомъ, чего однако Анна Евдокимовна на первыхъ порахъ супружеской жизни не замѣчала подѣтской неопытности и невинности (стр. 85). Впрочемъ, онъ любилъ свою жену, но, принадлежа „къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ ¹⁾“, не придавалъ отношеніямъ къ женщинѣ, брачнымъ или небрачнымъ, никакого моральнаго значенія и, смотря на вгѣбрачную любовь какъ на невинное „временное удовольствіе“, не только совѣтовалъ и женѣ завести любовника, но даже настойчиво, съ раздраженіемъ и насиліемъ требовалъ этого отъ нея, избравъ въ концѣ концовъ предметомъ для предполагаемой любви своего племянника.

Послѣднія страницы воспоминаній изображаютъ эту борьбу Анны Евдокимовны съ мужемъ за свою женскую непорочность, въ которой онъ видѣлъ только вліяніе глупыхъ наставницъ и упрямство.—Обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя подробности семейнаго быта: мужъ называлъ Анну Евдокимовну „ты“, она говорила ему „вы“ (стр. 34, 36 и др.). Она находилась въ полномъ повиновеніи мужа. Дяди, прося ее писать его семьѣ, совѣтуетъ всякій разъ спрашивать

¹⁾ Изъ отзыва о немъ А. .Л. Витберга (стр. 7).

на это разрѣшенія мужа, а написанное показывать ему или свекрови (44 стр.). Мужъ требовалъ, чтобы жена въ постъ ѣла скоромнос, находи, „что глупо думать, чтобъ былъ въ чемъ нибудь грѣхъ“ (47 стр.).— Относительно старой общественной жизни мы найдемъ нѣкоторыя подробности въ концѣ воспоминаній. Для кружка, къ которому принадлежалъ мужъ Анны Евдокимовны, эта жизнь опредѣляется словами: „карточные игры, пьянство, распутныя дѣвки“ (63 стр.).—Изъ бытовыхъ же подробностейъ мы отнесемъ и наивные рассказы Анны Евдокимовны о томъ, какъ они съ мужемъ получали крупныя взятки, въ чемъ, повидимому, Анна Евдокимовна не видѣла худа и въ болѣе позднее время (68 стр.). Анна Евдокимовна разъ сказала мужу: „Одного только не достасть—сада; желала бы я имѣть“. Черезъ нѣсколько времени передъ окномъ дома появился „садъ большой, съ деревьями и цвѣтами и дорожки подѣланы“. Все это было сдѣлано въ одну ночь, при чемъ работами руководилъ садовникъ, „котораго сынъ былъ въ командѣ у моего мужа“. И домъ, и садъ имъ ничего не стоили (стр. 68 и 69). Въ Иркутскѣ, какъ только Карамышевы пріѣхали и познакомились съ властями, имъ „губернаторъ прислалъ карету съ лошадьми, пока мы не заведемъ своихъ; купечество прислало все нужное для дома, повѣренныя—водки и вигъ, двѣ коровы и даже сѣна и разныхъ домашнихъ птицъ; и я ничего не покупала“ (80 стр.).— Изданы воспоминанія А. Е. Лабзиной прекрасно: снабжены объясненіями, подстрочными и въ концѣ, портретами автора воспоминаній и А. Ѳ. Лабзина, указателемъ собственныхъ именъ; въ предисловіи даны обстоятельныя біографическія свѣдѣнія объ Аннѣ Евдокимовнѣ и ея первомъ мужѣ и сдѣлана оцѣнка записокъ, съ которой, послѣ прочтенія книги, соглашаешься вполне (стр. 3 и 13—14).

В. Чернышевъ.

Отвѣтъ академику и профессору А. И. Соболевскому.

На его рецензію моей книги „Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1903 г., № 9).

Прежде всего я долженъ поблагодарить А. И. Соболевскаго за то вниманіе, съ которымъ онъ отнесся къ моей работѣ, дважды удостоивъ ее своихъ возраженій: сначала на публичномъ диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ рецензіи, помѣщен-

ной въ сентябрьской книжкѣ Ж. М. П. Пр. за 1903 годъ. Такъ какъ я вообще не согласенъ съ замѣчаніями моего рецензента по самому ихъ существу, то я считаю своей обязанностью дать въ печати отвѣтъ на тѣ наиболѣе существенные пункты, которые имъ указаны въ журнальномъ отзывѣ о моемъ трудѣ.

А. И. Соболевскій пишетъ на стр. 160: „В. К. Поржезинскій интересуется по преимуществу языками литовскимъ и латышскимъ, которые не имѣютъ исторіи (по памятникамъ) и могутъ быть изучаемы только сравнительно. Отсюда у него особенное понятіе о жизни языка вообще и о смѣнѣ старыхъ образованій новыми въ частности, которое привело его къ невѣрному исходному пункту изслѣдованія и отразилось на всемъ его трудѣ. Всякій историкъ языка отлично знаетъ, что новыя образованія въ языкѣ (и въ числѣ ихъ формы) сначала живутъ рядомъ со старыми образованіями и заимствуютъ отъ нихъ ихъ значеніе, а потомъ болѣе или менѣе полно вытѣсняють старыя образованія и замѣняютъ ихъ въ ихъ функціяхъ въ языкѣ. В. К. Поржезинскій смотритъ иначе. По его мнѣнію, старыя образованія (онъ имѣетъ въ виду формы возвратнаго залога) сначала исчезаютъ изъ языка, утрачиваются языкомъ, потомъ слѣдуетъ періодъ въ жизни языка, когда языкъ обходится безъ старыхъ образованій и не имѣетъ еще новыхъ, наконецъ уже онъ создаетъ эти послѣднія“.

Во-первыхъ, историческій и сравнительный методы изслѣдованія языковъ нисколько не противоположны другъ другу. Дѣло въ томъ, что, изучая факты языка въ ихъ преемственной связи, поскольку они отразились въ письменныхъ памятникахъ, мы примѣняемъ сравнительный методъ такъ же, какъ примѣняемъ его къ изученію тѣхъ стадій въ исторіи даннаго языка, которыя не фиксированы письменностью и восстанавливаются нами путемъ сравнительнаго изученія его нарѣчій и совокупности этихъ послѣднихъ въ ихъ отношеніи къ другимъ родственнымъ языкамъ. Такимъ образомъ историческое изслѣдованіе языка по необходимости является сравнительнымъ.

Во-вторыхъ, понятіе „исторія языка“ охватываетъ собою не только тѣ періоды въ его жнани, которые засвидѣтельствованы въ письменныхъ памятникахъ въ широкомъ смыслѣ этого термина, но и тѣ періоды, которые лежатъ далеко за предѣлами письменной традиціи.

Въ-третьихъ, тѣ мѣста моей книги, на которыя ссылается А. И. Соболевскій въ примѣч. къ стр. 161 въ подтвержденіе моего „особеннаго понятія о жизни языка вообще и о смѣнѣ старыхъ обра-

зованій новыми“, ничего не говорятъ объ этомъ. И въ этихъ, и въ многихъ другихъ мѣстахъ моей книги, гдѣ упоминается объ утратѣ старой формы залога, о появленіи новой формы залога и о вопросахъ, связанныхъ съ указанными явленіями, имѣется въ виду именно форма, т. е. грамматическая форма залога, а для всякаго лингвиста ясно, что грамматическая словообразовательная форма съ известнымъ значеніемъ не можетъ быть смѣшиваема съ неграмматическимъ выраженіемъ. Въ жизни балтійскихъ языковъ была эпоха, когда старое образованіе формы возвратнаго залога уже было утрачено, и когда еще не образовалась новая форма залога, хотя существовали неграмматическія выраженія, ее замѣнявшія. Отдѣльныя образованія формы возвратнаго залога, полученной изъ индо-европейскаго праязыка, продолжали сохраняться, но уже безъ прежняго значенія (стр. 108 сл.)

На стр. 165 А. И. Соболевскій говоритъ: „Нашъ взглядъ на исторію формъ возвратнаго залога противоположенъ взгляду В. К. Поржевицкаго. Мы полагаемъ, что форма возвратнаго залога (т. е. съ значеніемъ возвратнаго залога), составленная изъ соединенія глагольной формы съ формою мѣстоименною, возникла въ славяно-литовскій періодъ и тогда еще вполне или отчасти вытѣснила изъ употребленія существовавшую рядомъ съ нею древнюю индо-европейскую форму возвратнаго залога, при чемъ ея мѣстоименный элементъ былъ свободенъ, т. е. могъ находиться отдѣльно отъ собственно глагольнаго элемента“. Это утвержденіе, основанное на вышеприведенныхъ соображеніяхъ о возникновеніи новыхъ формъ и исчезновеніи старыхъ, я не могу принять уже по той причинѣ, что оно ничѣмъ не доказано. Во-первыхъ, нельзя объяснять исторію фактовъ языка, исходя изъ общихъ соображеній, безъ детальнаго изслѣдованія каждаго вопроса въ отдѣльности. Во-вторыхъ, положеніе, „что новыя образованія въ языкѣ (и въ числѣ ихъ формы) сначала живутъ рядомъ съ старыми образованіями и заимствуютъ отъ нихъ ихъ значеніе, а потомъ болѣе или менѣе полно вытѣсняютъ старыя образованія и замѣняютъ ихъ въ ихъ функціяхъ въ языкѣ“ (положеніе, кстати сказать, заключающее въ себѣ ошибку: нельзя, понятно, смѣшивать разныя образованія одной и той же формы съ разными формами) къ данному случаю не примѣнимо. Рецензентъ имѣетъ въ виду, какъ видно изъ самаго положенія и изъ пояснительныхъ примѣчаній, тѣ случаи, когда въ языкѣ существуетъ нѣсколько различныхъ образованій известной формы въ зависимости отъ известныхъ различій самихъ основъ въ

ихъ настоящимъ или въ ихъ прошломъ. Впрочемъ понятно, что одни образования вліяютъ на другія и появляются такіе дублиеты, какъ указанные въ примѣч. „мѣстовъ“, „дѣловъ“ и „мѣсть“, „дѣль“, изъ которыхъ одинъ можетъ вытѣснить другой. Въ моемъ же изслѣдованіи рѣчь идетъ о случаѣ иного рода: объ утратѣ цѣлой грамматической категоріи въ одномъ образованіи и созданіи съ теченіемъ времени изъ извѣстнаго словосочетанія новаго ся образованія, аналогичнаго прежнему по значенію.

Перехожу теперь къ наиболее существеннымъ частнымъ возраженіямъ.

На стран. 164 А. И. Соболевскій пишетъ: „В. К. Поржезинскій... обнаруживаетъ модное въ русской лингвистической литературѣ стремленіе оперировать съ неслоговыми звуками“, а на стр. 165 говоритъ: „Въ то время, какъ другіе мучаются надъ разными яксами пра-языка, въ родѣ schwa, сонантовъ плавныхъ и носовыхъ, у нашего счастливаго лингвиста даже „подвижность“ неслоговыхъ гласныхъ пра-языка— вещь вполне установленная“...

Что касается неслоговыхъ звуковъ, то я позволю себѣ указать слѣдующее: А. И. Соболевскій думаетъ, что „крайне рискованно говорить не только объ *ijj*, и т. п., но даже объ *ji* или *ij*, такъ какъ эти послѣднія сочетанія „не могли существовать въ языкѣ“, на самомъ дѣлѣ, однако, сочетаніе *ij* извѣстно и въ русскомъ языкѣ напр. въ словѣ „синій“, сочетаніе *ijj* существуетъ напр. въ англійскомъ языкѣ въ словѣ, которое пишется какъ *ye* (см. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5-te Aufl., 1901, § 417, гдѣ между прочимъ говорится и о сочетаніи *i*). Далѣе, въ поясненіе термина „подвижность неслоговой части дифтонга съ долгой слоговой гласной въ индо-европейскомъ пра-языкѣ“ замѣчу, что такъ называется явленіе, состоявшее въ томъ, что упомянутые дифтонги въ концѣ слова теряли въ индо-европейскомъ пра-языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ свою неслоговую часть. Наконецъ, я не могу не выразить своего удивленія по поводу рѣзкаго отзыва о такихъ вопросахъ, которые, очевидно, лежатъ слишкомъ далеко отъ сферы спеціальныхъ занятій историка русского языка.

На стр. 163 А. И. Соболевскій высказываетъ свой взглядъ на свойства памятниковъ прусскаго языка и упрекаетъ меня въ неосторожномъ съ ними обращеніи. Однако, и самъ я на стр. 86 въ томъ самомъ абзацѣ, часть котораго цитируется въ рецензіи, указываю на то, что къ показаніямъ упомянутыхъ текстовъ слѣдуетъ относиться

съ осторожностью. Переводъ катихизисовъ съдѣланъ дѣйствительно очень плохо, но при всѣхъ недоразумѣніяхъ и ошибкахъ онъ даетъ все-таки кое-какой надежный матеріалъ. Въ тѣхъ случаяхъ, которые мы имѣемъ въ виду, находятся въ текстѣ сочетанія глагола съ формою винит. *sien*, *sin* и энклитическимъ *si* (форма дат. ед. ч.), именно, на стр. 24 *Ench.* мы читаемъ *sien en mans griekisi*. Примѣры мы находимъ у Нессельмана на стр. 159—160 (у меня по недосмотру напечатано 150). На основаніи случаевъ этого рода я сдѣлалъ заключеніе о томъ, что въ прусскомъ языкѣ не было словообразовательной формы возвратнаго залога, такъ какъ 1) далеко не вездѣ *sien*, *sin* „рабски“ передаетъ нѣмецкое *sich* (ср. напр. на стр. 20—1 *Ench.*: *audäst sien*, соответствующее *geschichte* нѣмецкаго текста), и мы имѣемъ право видѣть, хотя бы въ части такихъ выраженій факты самого прусскаго языка; 2) изъ сопоставленія между собою отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ являются разсматриваемыя сочетанія, слѣдуетъ, что въ живомъ языкѣ это были именно еще сочетанія: въ прусскомъ языкѣ они не могли изолироваться, такъ какъ *sien sin* употреблялись и въ качествѣ самостоятельныхъ мѣстоименій. Я сознаюсь, что мнѣ слѣдовало бы дать въ соответствующемъ мѣстѣ моей книги болѣе подробную аргументацію, и считаю своимъ долгомъ поблагодарить А. Н. Соболевскаго за то, что своими возраженіями онъ обратилъ мое вниманіе на этотъ пунктъ.

На стр. 163 А. И. Соболевскій говоритъ: „Хотя бы мнѣніе о значеніи энклитикъ и о дѣленіи мѣстоименныхъ формъ на энклитическія и не энклитическія, котораго держится авторъ, такъ мало основательно, что данныя противъ него у всѣхъ передъ глазами“. Далѣе критикъ ссылается на то, что литовскія образованія типа *arsinti* имѣютъ удареніе „на той своей части, которая восходитъ къ формѣ возвратнаго мѣстоименія“; однородны въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, русскія формы типа *взялся* *взялся* и болгарскія типа *възъмнѣлъ*. На самомъ дѣлѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ перенесеніе ударенія съ другаго слога. Что касается лит. *arsinti*, то удареніе перенесено здѣсь съ основы по тому же закону, по которому оно перенесено и въ невозвратномъ *arsinti* и т. п., о чемъ между прочимъ свидѣтельствуетъ краткость *a* подъ удареніемъ, а этого не могло бы быть, если бы здѣсь мѣсто ударенія было старое.

На стр. 164 говорится о неправильности слѣдующаго опредѣленія: „тамъ, гдѣ глаголъ имѣетъ только одну форму, однородную съ одною изъ формъ залога, само собою разумѣется, нѣтъ никакой фор-

мы залогъ“, при чемъ указывается, что „русскія формы *люди, шелъ* владѣють грамматическимъ значеніемъ: первая множ. ч., вторая прошедш. вр., потому что они въ употребленіи связаны съ формами *человѣкъ*, единственнаго числа, и *иду*, настоящаго времени“. Положеніе, здѣсь оспариваемое, вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ принятаго мною опредѣленія формы залогъ, а этою послѣднею я называю вслѣдъ за Ф. О. Фортунатовымъ такую словообразовательную (по значенію) форму глагола, которою обозначаются извѣстныя различія въ отношеніи признака, обозначаемаго глагольною основою, къ субъекту этого признака. Слѣдовательно, требуется, чтобы *одна и та же* глагольная основа являлась по крайней мѣрѣ въ *двухъ* соотносительныхъ формахъ залогъ, иначе такой формы данная основа не имѣетъ. Что касается такихъ случаевъ, какъ русск. *люди, шелъ*, то мы имѣемъ здѣсь фактъ иного порядка, именно отъ извѣстныхъ основъ могутъ не употребляться нѣкоторыя образования той или другой формы, при чемъ, однако, здѣсь существуетъ данная форма, хотя и въ недостаточномъ видѣ (въ данныхъ примѣрахъ форма числа представлена формою множ. ч. и форма времени—формою прошедшаго времени), между тѣмъ какъ въ русскихъ *кладу* и *ложусь* совсѣмъ нѣтъ формы залогъ согласно съ вышеуказанными разъясненіями; правда, эти глаголы въ извѣстныхъ отношеніяхъ однородны съ глаголами, имѣющими форму залогъ, однако, это обстоятельство не должно все-таки сбивать насъ съ толку.

На стр. 161 А. Н. Соболевскій говоритъ, что „всякій знакомый сколько-нибудь съ сравнительнымъ синтаксисомъ индо-европейскихъ языковъ (хотя бы по труду Дельбрюка) знаетъ, что это явленіе (т. е. винит. прямого дополненія при глаголахъ съ значеніемъ „одѣться“) обычно не въ одномъ литовскомъ языкѣ, что оно съ достаточнымъ основаніемъ можетъ быть возведено къ обще-индо-европейскому пра-языку“. На самомъ дѣлѣ, Дельбрюкъ на стр. 383 указываетъ, что при глаголахъ съ значеніемъ „отнимать“ въ древнеиндійскомъ и греческомъ яз. является двойной винительный, а при глаголахъ „раздѣвать“ для такого употребленія двойного винительнаго есть нѣсколько примѣровъ въ юмеровскомъ языкѣ, изъ которыхъ только одинъ доказателенъ; за этими глаголами послѣдовали глаголы съ значеніемъ „одѣвать“. Вотъ и все.

Дѣло идетъ здѣсь о *невозвратныхъ* глаголахъ. Что же касается ссылки стр. 162 на конструкцію двойного винительнаго дѣлаго и части, то и здѣсь дѣло идетъ о *невозвратныхъ* глаголахъ. Какъ понимаетъ

Дельбрюкъ винит. при ἀμφιέννομαι — „одѣваюсь“, не вполне ясно, такъ какъ онъ говоритъ только то, что при страдат. конструкціи остается изъ двухъ винительныхъ одинъ. Факты, приведенные Дельбрюкомъ, не даютъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы считать конструкцію рассматриваемаго типа принадлежностью уже индо-европейскаго пра-языка, а что касается специально балтійскихъ языковъ, то мы должны искать происхожденія упомянутаго оборота въ нихъ самихъ, такъ какъ сама возвратная форма глаголовъ въ ея теперешнемъ образованіи не является наслѣдіемъ пра-языка.

В. Поржезинскій.

Замѣтка на „Отвѣтъ“ В. К. Поржезинскаго.

В. К. Поржезинскій какъ нельзя болѣе правъ, говоря, что историческій и сравнительный методы изслѣдованія языка не противоположны одинъ другому. По нашему мнѣнію, лингвистомъ можетъ быть лишь ученый, равно владѣющій и тѣмъ и другимъ методомъ, наученный опытомъ и сравненія, и изслѣдованія по памятникамъ. Но практика показываетъ, что специалисты по сравнительному языковѣдѣнію (а въ Россіи даже и специалисты по русскому языку) обыкновенно бываютъ исключительно сравнителями, не умѣющими даже стать на историческую точку зрѣнія, не только воспользоваться опытомъ историковъ. Отсюда ихъ смѣлость въ построеніи обще-индо-европейскихъ, обще-славянскихъ и т. д. звуковъ и формъ; тогда какъ историкъ затрудняется дать точныя свѣдѣнія о московскомъ говорѣ XIV вѣка, сравнитель воздвигаетъ зданіе индо-европейской фонетики съ такою деталію, какъ „подвижность неслоговой части дифтонга“; тамъ, гдѣ историкъ видитъ возможность сдѣлать десятокъ равно правдоподобныхъ предположеній, сравнитель дѣлаетъ одно и смотритъ на него чуть ли не какъ на аксіому.

В. К. Поржезинскій принадлежитъ къ типичнѣйшимъ сравнителямъ. Не смотря на наши возраженія, онъ все продолжаетъ вѣрить, что форма съ значеніемъ возвратнаго залога когда-то исчезла изъ языка, затѣмъ былъ періодъ въ жизни языка, когда въ немъ не было формы съ этимъ значеніемъ, затѣмъ языкъ опять получилъ форму, кажется, тождественную съ исчезнувшюю по значенію; онъ никакъ не можетъ понять, что на основаніи Эхиридиона можно говорить какъ о народномъ прусскомъ лишь о томъ, что не объясняется вполне легко

вліяніемъ нѣмецкаго языка; онъ утверждаетъ, что въ литовскомъ *arsīmu* произошло именно „перенесеніе“ ударенія съ другого слога, а не потеря ударенія формою *īmu*, хотя не отрицаетъ, что форма *si* могла быть съ удареніемъ.

В. К. Поржезинскій доказываетъ существованіе дифтонга *ii* ссылкой на Сиверскъ. Очевидно, при своей обычной вѣрѣ авторитетамъ, онъ никогда не думалъ, возможно ли произнесеніе какого угодно дифтонга при сохраненіи одной и той же артикуляціи (я при одномъ, конечно, выдыханіи); точно также, повидимому, онъ никогда не наблюдалъ за своими органами, произнося конецъ слова *третій*; иначе, онъ замѣтилъ бы разницу въ артикуляціи при произнесеніи *i* съ одной стороны и *й* (т. е. *j*) съ другой.

О частностяхъ „Отвѣта“ В. К. Поржезинскаго мы не считаемъ нужнымъ распространяться. Читатель „Отвѣта“ самъ легко оцѣнитъ и достоинство существованія „данной формы, хотя и въ недостаточномъ видѣ“, и вообще всю — увы — схоластику, выдаваемую за науку.

А. Соболевскій.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга V. Съ приложеніемъ 21 рисунка и 3 плановъ. Владиміръ 1903 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Открывается лежащій передъ нами выпускъ „Трудовъ“ Владимірской ученой архивной комиссіи изслѣдованіемъ Д. Н. Березкова—„О храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества (XII—XIII вѣковъ)“. Какъ извѣстно, Владиміро-суздальскіе храмы имѣютъ въ нашей церковной археологій особое значеніе, и они уже давно стали привлекать и привлекаютъ вниманіе ученыхъ изслѣдователей и любителей старины. Создалась, такимъ образомъ, обширная литература по этому вопросу, немалая часть которой относится и къ первоначальной исторіи храмовъ. Но несмотря на свою обширность, она особенно по отношенію къ первымъ вѣкамъ существованія владимірско-суздальскихъ храмовъ заключаетъ въ себѣ много еще неустановленнаго, спорнаго.

„Подвести итоги всему, что было написано по поводу нашихъ владимірскихъ памятниконъ, и хотя нѣсколько разобраться въ тѣхъ результатахъ, къ какимъ пришла въ изслѣдованіи ихъ археологическая наука“, — и задаться цѣлю г. Березковъ въ разсматриваемомъ нами изслѣдованіи храмовъ.

Отъ цѣлаго ряда церквей XII—XIII вѣка до настоящаго времени сохранились лишь очень немногія: въ Кидекинѣ и Черяяславѣ (самаго первоначальнаго типа), во Владимірѣ—Успенскій соборъ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, Дмитріевская церковь въ Юрьевѣ, и нѣк. др. Особенное вни-

маніе досліджувателів остановили на себѣ болѣе сохранившійся и болѣе богатий драгоцѣнными церковними пам'ятниками Успенскій соборъ во Владимирѣ, который въ дослідованіи г. Бережкова и разобранъ всесторонне, но далеко нельзя сказать, чтобы окончательно. Во всякомъ случаѣ его дослідованіе представляетъ собою подробный сводъ научнаго матеріала о владиміро-суздальскихъ храмахъ и одинъ изъ лучшихъ путеводителей въ рѣшеніи многихъ вопросовъ нашей древнѣйшей церковной архитектуры и живописи. Въ приложеніи къ дослідованію находимъ между прочимъ девять рисунковъ фресокъ Успенскаго собора, изображающихъ странный судъ.

Всѣмъ за дослідованіемъ г. Бережкова помѣщенъ: „Воспоминанія студента (1850—1864 гг.)“ И. И. Архангельскаго, касающіяся времени его пребыванія во владимірскихъ духовныхъ: училищѣ и семинаріи и сравнительно мало вносящія чего-либо новаго.

Слѣдующій отдѣлъ „Трудовъ“—„Матеріалы“—отличается такимъ же богатствомъ содержанія, какое мы замѣчали и въ первыхъ выпускахъ единственнаго въ своемъ родѣ повременнаго изданія Владимирской ученой архивной комиссіи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ находимъ „Опись дѣлъ архива владимірскаго губернскаго правленія. Дѣла канцеляріи владимірскаго губернатора XVIII вѣка“—продолженіе уже давно начатаго г. А. В. Селивановымъ описанія; въ этомъ продолженіи описано 13 дѣлъ за 1797 г., довольно интересныхъ по содержанію и притомъ большинство съ такою подробностью, что въ нихъ историкъ можетъ почерпнуть не мало матеріала для исторіи бытовой того времени и особенно состоянія крѣпостничества.

За описью слѣдуютъ: „Матеріалы для исторіи Муромскаго Троицкаго женскаго монастыря“, извлеченные г. Травчетовымъ изъ архива бывшаго муромскаго духовнаго правленія и относящіяся къ 1764—1805 гг. Среди нихъ есть и подробныя описи монастырской ризницы; въ приложеніи помѣщенъ: описаніе 1624 г. приходской Троицкой въ гор. Муромѣ церкви (обращенной потомъ въ монастырь), выписки изъ гѣтописи монастыря за 1775—1798 г. и повѣсть „о чудесѣхъ Честнаго и Животворящаго Креста Господня“, перевезеннаго изъ Вильны въ Муромъ „сыномъ боярскимъ арзамасцемъ Василиемъ Микулинымъ“.

Далѣе находимъ сообщенную г. В. Т. Георгіевскимъ „Опись Покровскаго женскаго монастыря“, 1651 г. и „Разборъ и описаніе дѣлъ перелаславскаго духовнаго правленія“, г. М. В. Загорскаго (окончаніе). Въ заключеніе „Матеріаловъ“ помѣщена статья г. И. В. Малиновскаго: „Потаенный расколъ содержателя Гусевской хрустальной фабрики, близъ села Селимова Владимирской губерніи, орловскаго купца Льова Васильева Мальцева (1761—1763 гг.)“, извѣстнаго дѣятеля въ XVIII столѣтіи въ сферѣ заводско-фабричной промышленности въ Россіи вообще и основателя знаменитой Гусевской хрустальной фабрики Меленковскаго уѣзда Владимирской губерніи, державшагося „старой вѣры“. Статья составлена по архивному дѣлу и заключаетъ въ себѣ матеріалъ какъ для исторіи раскола во Владимирской губерніи, такъ и для исторіи быта и жизни заводскаго мастерового второй половины XVIII вѣка.

Наконецъ, въ „Приложеніяхъ“ къ „Трудамъ“ находимъ „Отчетъ о дѣятельности комиссіи за 1902 г.“ и „Родъ дворянъ Поливановыхъ“, А. В. Селиванова.

Нарбскова. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вѣковъ. Казань. 1903.

Выставка южно-русскихъ древностей, устроенная при послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, отличалась разнообразіемъ, полнотой и видное мѣсто среди предметовъ старины занимали памятники церковные. Недавно изданный „Альбомъ“ проф. С. К. Рѣдина прекрасно подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о значеніи подобныхъ выставокъ. Но можно ли на основаніи одной только выставки говорить о цѣломъ направленіи въ русскомъ искусствѣ.—вопросъ другой. Намъ кажется, что въ силу одного этого книжка г. Нарбскова теряетъ всю свою цѣнность. Помимо того, что описанные имъ предметы болѣе или менѣе случайны и могутъ только въ слабой степени иллюстрировать южно-русское искусство XVII—XVIII вѣка, авторъ не обладаетъ достаточной подготовкой. Онъ или пользуется чужими мнѣніями, злоупотребляя ссылками и не всегда идущими къ дѣлу справками, или же высказываетъ не вполне основательныя самостоятельныя сужденія. Неизвѣстно, напримѣръ, для чего онъ приводитъ на двухъ страницахъ (стр. 109—110) предисловіе къ первопечатному Апостолу московскаго изданія 1564 года, въ то время, какъ эта книга не имѣетъ ровно никакого отношенія къ „южно-русскому религиозному искусству XVII—XVIII вѣковъ“ и, кромѣ того, предисловіе было напечатано очень много разъ. И наоборотъ, изданія западно-русскія онъ только перечисляетъ, говоря подробно опять о такой извѣстной книгѣ, какъ Острожская Библия. Наиболѣе обширный и интересный отдѣлъ въ книгѣ г. Нарбскова — „Южно-русская иконопись“. И если бы авторъ не выходилъ изъ предѣловъ простого описанія самыхъ памятниковъ, давая возможно больше матеріала, то этотъ отдѣлъ могъ бы быть полезенъ для многихъ. Отсутствие рисунковъ также лишаетъ книгу извѣстной цѣнности.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ.

— *Богородицкій, В. А.* Очеркъ фязіологии произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ. Казань 1903. 43 стр. Цѣна 40 коп.

— *Ею же.* Курсъ сравнительной грамматики аріевропейскихъ языковъ. Тетрадь первая. Введеніе. (Съ таблицей). Изданіе 2-е дополненное. Казань 1904. 87 стр. Цѣна 75 коп.

— *Ею же.* О крымско-татарскомъ нарѣчьи. (Диалектологическія замѣтки, вып. 5-й). Казань 1903. 23 стр. Цѣна 25 коп.

— С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы за 25 лѣтъ. 1878—1903. Очерки и матеріалы. Изданіе Комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ. Съ планами зданій курсовъ, видами аудиторій, кабинетовъ, библиотеки, обсерваторіи, компаты въ общежитіи, столовой и пр. С.-Пб. 1903. 260+180 стр. Цѣна 2 р.

— Научные результаты экспедиціи, снаряженной Императорскою Академіей Наукъ для раскопки мамонта, найденнаго на рѣкѣ Березовкѣ, въ

1901 году. Томъ I. Съ 33 таблицами рисунковъ. С.-Пб. 1903. 156 стр. Цѣна 10 р. 80 коп.

— *Щепкинъ, Вячеславъ*. Славянская книга. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Съ приложеніемъ трехъ фотографическихъ снимковъ. С.-Пб. 1903. 235 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. (Памятникъ старославянскаго языка. Томъ I, вып. 2-й).

— *Шахматовъ, А. А.* Исслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка. Части I и II. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1903. 140+V+184 стр. Цѣна 2 руб. (Исслѣдованія по русскому языку. Томъ II, вып. 3-й).

— *Ужтомскій, кн. Эстеръ*. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. С.-Пб. 1904. 128 стр.

— *Проскурниковъ, Т. В.* А. В. Суворовъ, бѣгъ гениальный русскій полководецъ. Бѣгородъ 1903. 16 стр. Цѣна 10 коп.

— Уставъ благотворительнаго общества для открытія и поддержанія бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ для сельскаго населенія С.-Петербургской губерніи. С.-Пб. 1903. 13 стр.

— *Семеновъ, Н.* Новая усовершенствованія въ области элементовъ Эвклида. Необходимыя присокупленія ко всѣмъ учебникамъ начальной геометріи. Выпускъ первый. Москва 1904. 11 стр. Цѣна 35 коп.

— Корочанская Александровская гимназія. Историческая записка тридцатипятилѣтія ея существованія. 1868—1903. По порученію педагогическаго совѣта составилъ *Т. В. Проскурниковъ*. Бѣгородъ 1903. 112 стр.

— Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. Прибавленіе къ выпуску 6-му. (Хроника и библиографія, вып. 4). С.-Пб. 1903. 122 стр. Выпускъ 7-й, съ 21 таблицъ и 26 рисункъ. С.-Пб. 1903. 99 стр. Выпускъ 8-й, съ 6 табл. и 83 рисункъ. С.-Пб. 1903. 115 стр. (Цѣна выпуска 1 руб. 50 коп., прибавленія—50 коп.).

— Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Примурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ V. Выпускъ II. 1902. С.-Пб. 1903. 210 стр. Томъ VI. Выпускъ I. 1903. С.-Пб. 1903. 154 стр.

— *Мижусевъ, П. Г.* Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. С.-Пб. 1903. 44 стр. Цѣна 25 коп. Изданіе журнала „Русская Школа“.

— *Шпаковский, Н.* Изъ русской исторіи. Борьба со стеньгой. Ревель 1903. 24 стр.

— *Ело же.* Двѣ годовщины: 19-го февраля 1861—19-го февраля 1903 г. 16-го мая 1703—16-го мая 1903 г. Ревель 1903. 26 стр.

— *Шарль Рабо.* Огненная земля. (По Отто Норденшельду). Переводъ съ французскаго *И. Н. Южаковой*. Подъ редакціей и со вступительной статьёй *Д. А. Корончевскаго* „Человѣкъ на крайнемъ югѣ“. Съ 18-ю рисунками и

картою. XIX+65 стр. Цѣна 40 коп. (Рассказы о различныхъ странахъ и народахъ. Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Данько, Николай*. Типы студентовъ. Этюдъ. Выпускъ I. С.-Пб. 1904. 32 стр. Цѣна 25 коп.

— *Сokolovъ, Н. М.* Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенции. С.-Пб. 1904. 527 стр. Цѣна 2 руб.

— Сборникъ за умотворенія. наука и книжнина, издава българското книжовно дружество. Книга XIX, нова редица книга първа. София 1903. 369+88+29+104+38+192+92+131 стр. Цѣна 5 лева.

— *Гуданъ, А.* Приказки въ Одессъ. Результаты специального изслѣдованія. Изданіе *Ф. М. Максимова*. Одесса. 1903. 55 стр. Цѣна 20 коп.

— *Бурмеръ, А.* врачъ. Вредное влияние длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. С.-Пб. 1904. 87 стр. Цѣна 30 коп.

— Отчетъ Харьковской общественной библиотеки за семнадцатый годъ ея существованія и ея филиальнаго отдѣленія за третій годъ его существованія. Харьковъ 1903. 89+IV стр.

— *Скворцовъ, И. П.* О физико-химическихъ условияхъ жизни и здоровья. С.-Пб. 23 стр. (Извлечено изъ „Журн. Рус. Общ. охраненія народ. здравія“).

— *Его же.* Динамическая теорія и приложеніе ея въ жизни и здоровью. Москва 1903. 48 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Фармацевтическій Вѣстникъ“).

— *Его же.* О воспитаніи и нравственности. С.-Пб. 1903. 46 стр. (Изданіе журналу „Русская Школа“).

— *Науескій, Д.* О древнѣйшей „советской повѣсткѣ“ Казанскаго университета. 6 стр. Цѣна 20 коп.

— *Его же.* Академическій словарь латинскаго языка. (Thesaurus linguae latinae Academiæ quinquæ germanicæ). Критико-библиографическая записка. Казань 1904. 25 стр. Цѣна 35 коп.

— *Моисъ, Филиппъ.* Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кватро-ченто. Переводъ съ французскаго *К. С. Шеварсона*. С.-Пб. 1904. 592 стр. Цѣна 4 руб.

— Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1902 годъ. Кіевъ 1903. 58+40+53+23+95+20+18+95+98+8+7+7 стр.

— *Летт, Oscar von.* Das TRIADON, EIN SANIDISCHES GEDICHT MIT ARABISCHER ÜBERSETZUNG. I. Text mit drei Tafeln. С.-Пб. 1903. XVII+251 стр. Цѣна 2 руб. 40 коп.

— *Louis de la Vallée Poussin.* Mūlamadhymakakārikās (Mādhyamikasūtras) de Nāgārjuna avec la Prasannapadā Commoutaire de Candrakīrti. С.-Пб. 1903. 112 стр. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica. IV).

— *Spreyer, Dr. J. S.* Avadānacataka A century of edifying tales, belonging to the Ипауāна. С.-Пб. 1903. Отъ 97 до 192 стр. Цѣна 1 руб. (Bibliotheka Buddhica. III).

— *Соколовъ, К.* Очеркъ исторіи и современнаго значенія генераль-губернатора. Отъ 111—179 стр. и отъ 40—76 Отгискъ изъ „Вѣстника Права“.

— *Роджерсъ, А. К.* Краткомъ введеніе въ исторію новой философіи. Переводъ С. С. Зелинскаго, подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. Москва 1904. XX+224 стр. Цѣна 1 руб. (Библиотека для самообразованія XXVIII. Изданіе 1-ва Н. Д. Уштина).

— *Ждановъ, Левъ.* Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ. С.-Пб. 1904. 250 стр. Цѣна 2 руб.

— Санкт-Петербургъ. Историческая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ. Съ тремя фототипіями. С.-Пб. 1904. 112 стр. Цѣна 50 к. (Отдѣльный отгискъ изъ журнала „Историческій Вѣстникъ“).

— *Соколовъ, Н. М.* Русскіе святые и русская интеллигенція. (Опытъ сравнительной характеристики). С.-Пб. 1904. 73 стр. Цѣна 50 коп.

— Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга тринадцатая. Москва 1903. 546 + 82 стр. Цѣна 3 руб.

— *Канонниковъ, Н.* Овъ истинной плотности химическихъ соединеній и ея отношеніяхъ къ ихъ составу и строенію. С.-Пб. 1903. 184 стр. Цѣна 3 руб. 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 6).

— *Liapounoff, A.* RECHERCHES DANS LA THÉORIE DE LA FIGURE DES CORPS CÉLESTES. С.-Пб. 1903. 37 стр. Цѣна 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 7).

Выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIX, № 2. 1903. Сентябрь. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires, VIII-e Série. Classe physico-mathématique). Т. XIV, № 5. *J. Sykora.* Observations sur l'aurore boréale effectuées pendant l'hivernage 1899—1900 de l'expédition russe à Konstantinofka, Spitzberg. II. Observations directes et photographiques des aurores boréales. Avec 7 planches. 1903. Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

3) Томъ XIV, № 6. *Н. Канонниковъ.* Овъ истинной плотности химическихъ соединеній и ея отношеніяхъ къ ихъ составу и строенію. 1903. Цѣна 3 р. 60 к.=9 Mk.

4) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1903. Томъ VIII-го книжка 3-я. 1903. Цѣна 1 р. 50 к.

- 5) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I. 1903.
- 6) Памятники старославянскаго языка. Томъ I. Вып. 2-й. Саввина книга. Трудъ Вячеслава Щепкина. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Съ приложеніями 4-хъ фототипическихъ снимковъ. 1903. Цѣна 1 р. 50 к.
- 7) Э. А. Волътеръ. Отчетъ о поѣздѣ по бібліотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 г. 1903. Цѣна 1 р.—2 Mk. 50 Pf.
- 8) Научные результаты экспедиціи, снаряженной Императорской Академіей Наукъ для раскопки мамонта, найденнаго на рѣкѣ Березовкѣ въ 1901 г. Т. I. Съ 33 таблицами рисунковъ. 1903. Цѣна 10 р. 80 к.—27 Mk.
- 9) Βοζαντινὰ Χρονικά. Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей В. Э. Рессля. Т. X, вып. 1—2. 1903. Цѣна за годъ 5 р.—12½ Mk—16 франк.
- 10) Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. VI. Documents sur les Toukione (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Edouard Chavannes. Avec une carte. 1903. Цѣна 3 р.—7 Mk. 50 Pf.
- 11) Bibliotheca Buddhica. III. Avadānaçataka, a century of edifying tales, belonging to the hīnayāna. Edited by Dr J. S. Speyer. II. 1903. Цѣна 1 р.—2 Mk. 50 Pf.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Щепкина, Е. КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНИ ДО 1881 г. С.-Пб. 1903, 8°. Стр. 2+II+314. Цѣна 1 р.

Въ книгѣ г-жи Щепкиной отсутствуетъ предисловіе, которое объясняло бы намѣренія автора и назначеніе его труда. Обращаясь къ самому содержанію книги, находимъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ она имѣетъ характеръ элементарный, въ другихъ предполагаетъ уже значительное развитіе читателя. Всего вѣрнѣе, кажется, можно опредѣлять трудъ г-жи Щепкиной, какъ пособіе для самообразованія, рассчитанное на взрослыхъ читателей, уже прошедшихъ элементарный курсъ исторіи.

Главная черта книги г-жи Щепкиной, составляющая ея безспорное достоинство, состоитъ въ томъ, что на первый планъ выдвинута исторія внутренней жизни Россіи: государственнаго и общественнаго строя, экономическаго быта, просвѣщенія. Изъ исторіи внѣшнихъ отношеній взяты лишь главные факты, стоящіе въ необходимой связи съ исторіей внутренней. Равнымъ образомъ сокращены до minimum'a біографіи и характеристики историческихъ дѣятелей.

Вторая особенность разбираемаго труда—стремленіе автора углубить и расширить изложеніе событій новой русской исторіи (XVIII—XIX столѣтій), сравнительно съ древней, изложеніе, вслѣдъ освѣщенное симпатіей автора къ прогрессивнымъ теченіямъ и идеаламъ. Но этотъ субъективизмъ нигдѣ не выражается въ грубо-тенденціозной формѣ.

Такова, насколько мы понимаемъ, общая схема труда г-жи Щепкиной. Имѣя въ виду положительный недостатокъ въ нашей литера-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

туръ популярныхъ и серьезныхъ очерковъ, систематически охватывающихъ и внѣшнюю и внутреннюю исторію Россіи, нельзя не одобрить намѣренія г-жи Щепкиной восполнить этотъ пробѣлъ.

Не лишена, однако, разбираемая книга и весьма крупныхъ недостатковъ.

Въ краткомъ, популярномъ очеркѣ, рисующемъ разнообразныя жизненные отношенія въ каждую отдѣльную эпоху, изложеніе, прежде всего, должно быть по возможности строго систематично. Между тѣмъ г-жа Щепкина часто перебиваетъ характеристику внутренняго состоянія Россіи въ ту или другую эпоху разсказами о войнахъ и другихъ внѣшнихъ событіяхъ, изображеніе явленій одного порядка размѣщаетъ по разнымъ главамъ, вслѣдствіе чего изложеніе ея лишено стройной послѣдовательности и систематичности. Такъ, напримѣръ, читатель найдетъ цѣльнаго изображенія внутренняго состоянія Московскаго государства въ XVII в. Данныя для этой характеристики разбросаны въ различныхъ главахъ (XVI, XVIII, XX). Разсказъ объ Уложеніи 1649 г. и сословномъ строѣ вставленъ въ исторію войнъ со Швеціей и Польшей, а свѣдѣнія о центральномъ и областномъ управленіи сообщаются въ главѣ о заграничномъ путешествіи Петра Великаго.

Очень несистематично изображена эпоха преобразованій Петра Великаго. Читатель не уловитъ по изложенію г-жи Щепкиной ни логической связи всей совокупности реформъ, ни послѣдовательности въ развитіи каждой отдѣльной реформы. Отрывочно и нестройно представлены реформы: финансовая, областная, сословная. Отсутствие строгой систематичности невыгодно отразилось и на нѣкоторыхъ другихъ частяхъ книги, на примѣръ, на характеристикѣ реформъ Екатерины II. Вообще пестрота и отрывочность изложенія — одинъ изъ крупныхъ недостатковъ книги г-жи Щепкиной.

Другимъ важнымъ недостаткомъ является обиліе неудачныхъ характеристикъ и опредѣленій, неудачныхъ или по неясности и малосодержательности или по рѣзкой односторонности, а иногда и прямо невѣрныхъ. Возьмемъ рядъ примѣровъ изъ исторіи политическаго и общественнаго быта.

Въ главѣ II (о внутреннемъ состояніи русской земли въ X—XI вѣкахъ) о власти князя сказано: „онъ *вовсе не внималъ* во внутренніе распорядки народной жизни“. Въ примѣненіи къ князьямъ XI в. это категорическое утвержденіе уже прямо невѣрно; и самъ авторъ въ слѣдующихъ строкахъ прибавляетъ: князь былъ „верхов-

ный судья спорныхъ дѣлъ и преступленій“; а въ концѣ главы говорится о княжескихъ уставахъ.

На стр. 31-й объ Андрѣѣ Боголюбскомъ повѣствуется, что онъ, „не трогая положенія старыхъ городовъ своего края, подрывалъ ихъ значеніе, устраивая новые съ затратой силъ и капитала“. Последнія слова ничего не объясняютъ.

На стр. 74-й рассказъ о состояніи Руси при Василии III заканчивается такъ: „подъ огромной, неограниченной властью, божественное значеніе которой никѣмъ не отрицалось, по прежнему все было шатко, подвижно и перемѣнчиво, какъ подвижна была вся народная масса, постоянно переселявшаяся съ мѣста на мѣсто со своими пашнями и торговыми лавочками“. Не говоря уже о неловкости выраженія: „переселявшаяся съ мѣста на мѣсто со своими пашнями“, напомнимъ, что нѣкоторые авторитетные историки считаютъ мысль о бродячествѣ населенія древней Руси „крупнымъ заблужденіемъ“ (например, Владимірскаго-Буданова, Обзоръ исторіи русск. права, 3-е изд., стр. 154).

На стр. 91-й встрѣчаемъ такіа неточныя и прямо невѣрныя выраженія:

„Писцовыя книги внимательно подчеркиваютъ крестьянъ-старожильцевъ, давно сядящихъ на той же землѣ, и считаютъ ихъ лишними права перехода“. Изъ этихъ словъ читатель можетъ сдѣлать ошибочный выводъ, что писцовыя книги сами по себѣ являлись актами, устанавливающими прикрѣпленіе крестьянъ.

„Въ XVII в. одна казна различала эти виды порабощенія“ (крѣпостное крестьянство и холопство). Если этой фразой авторъ хотѣлъ сказать, что крѣпостной крестьянинъ отличался отъ холопа только своими тяглыми обязанностями, то это невѣрно. Московское законодательство XVI—XVII вв. ясно различаетъ крѣпостничество и холопство, какъ два различныхъ по существу института.

На той же страницѣ читаемъ: „такъ въ XVI в. крестьяне цте-ряли землю и свободу и сами обращались въ движимое имущество“. Можно ли говорить о потерѣ крестьянами земли, когда сущность крѣпостничества заключалась именно въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ? Вѣдь помѣщики не были собственниками своихъ земель. Не можетъ быть также рѣчи о превращеніи крестьянина въ движимое имущество, пока законъ не смѣшалъ крѣпостныхъ съ холопами, что произошло уже въ XVIII в.

„Духовенство также принадлежало къ служилому классу“. Оста-

вленное безъ объясненій, это утверждение можетъ вызвать одни недоразумѣнія.

На стр. 163-й очень неясно изображена противоположность между принципами государственнаго управленія въ XVII в. и при Петрѣ Великомъ: „въ старину государство управлялось посредствомъ совѣщанія съ высшими чинами (дума) и съ представителями областей (земскій соборъ), и посредствомъ порученія дѣлъ особому лицу, „приказыванія“, какъ тогда говорили (;) при этомъ повсюду сверху до низу (?) соблюдалась отвѣтственность круговой порукой. При Петрѣ положено начало полицейскому управленію въ широкомъ смыслѣ, отчасти на европейскій ладъ; одно учрежденіе должно было зависть отъ другого; одинъ рядъ должностныхъ лицъ занимался наблюденіями надъ дѣятельностью другого, низшаго“. Неужели сущность „полицейскаго“ государства сводится только къ систематическому расположенію и взаимной подчиненности учреждений? На слѣдующей страницѣ сущность бюрократіи опредѣляется, между прочимъ, такой безсодержательной фразой: „среди бюрократіи каждый знаетъ свое дѣло, свою зависимость отъ высшаго и право контроля надъ низшимъ“. Вообще характеристика новой системы „полицейскаго управленія“, разбросанная на разныхъ страницахъ, вышла очень неудачной.

На той же 166-й стр. законъ 1714 г. о единонаслѣдїи ошибочно представленъ, какъ законъ о майоратѣ.

Ошибочно и логически странно разсужденіе по поводу церковной реформы Петра Великаго: „по ученію самой восточной церкви она, покоясь на неизмѣнномъ, установившемся преданїи, *не нуждается въ законодательствѣ* и потому (?) управленіе церковью вполне возможно (?) устраивать по потребностямъ страны“. Нельзя также сказать, что свѣтскій оберъ-прокуроръ былъ *непретѣннымъ членомъ* синода (стр. 172).

На стр. 178—179 очень смутно изложена исторія воцаренія Анны Иоанновны.

На стр. 187-й причина войны со Швеціей при Елизаветѣ Петровнѣ объяснена такъ: „война велась *просто* (?) изъ за Финляндія“.

Объясняя указъ о вольности дворянства, авторъ слишкомъ рѣзко настаиваетъ на безусловной свободѣ дворянства отъ службы (стр. 127). Извѣстно, что манифестъ 1762 г. обставилъ свободу службы нѣкоторыми ограниченїями и высказалъ надежду, что дворяне „побуждены будутъ не удалиться ниже укрываться отъ службы, но съ ревностью

и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную продолжать“.

На стр. 198-й требуютъ поясненія слова, что въ законодательной комисіи 1767 г. кружокъ образованныхъ и чиновныхъ дворянъ „держался правительственныхъ видовъ противъ своей рядовой провинціальной братіи“.

На стр. 223-й невѣрно показано число крестьянъ, обращенныхъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ при Александрѣ I: вмѣсто 800.000 душъ должно быть 47.000.

Едва ли читатель вынесетъ ясное представленіе о системѣ и содержаніи свода законовъ изъ слѣдующихъ словъ: „исполняя задачу времени и Высочайшую волю, Сперанскій собралъ по рубрикамъ (какимъ?) все подъ-рядъ (?): общіе законы съ административными постановленіями и съ рѣшеніями по отдѣльнымъ случаямъ; онъ не выдѣлялъ главныхъ основъ законоположеній, и работа его осталась сводомъ, а не уложеніемъ“ (стр. 253—254). Получается впечатлѣніе, что сводъ представлялъ нѣчто совершенно хаотическое, смѣшивающее по существу законъ съ министерскимъ предписаніемъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

На стр. 286-й авторъ пытается указать недостатки земской реформы, но дѣлаетъ это очень туманно: „дѣятельность земства очень важна въ русской жизни, но земскія учрежденія не введены въ общую систему государственнаго управленія, а дѣйствуютъ особнякомъ“. Лучше бы совѣтъ не затрогивать этого вопроса, чѣмъ возбуждать одно недоумѣніе.

О городской управѣ по положенію 1870 г. сказано только, что ей принадлежитъ „исключительная (?) власть“ (стр. 287). Въ разсказѣ о реформахъ императора Александра II помѣщено много хронологическихъ датъ; но почему-то опущены даты такихъ законодательныхъ актовъ, какъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и уставъ о всеобщей воинской повинности.

Много мѣста отводитъ г-жа Щепкина (и совершенно сирраведливо) вопросамъ народнаго просвѣщенія. Матеріалъ подобранъ довольно удачно; но комментаріи автора страдаютъ тѣми же недостатками, примѣры которыхъ указаны выше. Всего слабѣе очеркъ русскаго просвѣщенія въ періодъ до-татарскій. Съ излишней рѣзкостью подчеркнута отсутствіе школъ и безграмотность въ древней Руси (стр. 19, 78). Извѣстное изслѣдованіе проф. Владимірскаго-Буданова о государствѣ и народномъ образованіи могло бы дать автору твердую почву для

объективнаго освѣщенія вопроса объ элементарномъ образованіи до XVIII в.

Въ изложеніи просвѣдительныхъ предпріятій XVIII—XIX вв. можно отмѣтить рядъ болѣе или менѣе крупныхъ неточностей и неясностей.

Увлеченія рационалистовъ XVIII в. изображены прямо въ видѣ абсурда: „они думали, что разумными мѣрами можно въ нѣсколько дней улучшить бытъ цѣлаго народа“ (стр. 193).

Отмѣчая теоретичность Наказа императрицы Екатерины II, авторъ говоритъ: „впрочемъ сами великіе учителя также имѣли въ виду чело-вѣка вообще и никогда не считались съ народностями и условіями ихъ быта“ (стр. 196). По отношенію къ Монтескьё это утвержденіе невѣрно. Затѣмъ значеніе Наказа опредѣлено такой безсодержательной фразой: „Наказъ важенъ и любопытенъ, какъ отраженіе умственной жизни запада на далекомъ востокѣ“ (стр. 197).

При объясненіи реакціи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія при кн. А. П. Голицынѣ слѣдовало бы дать общую характеристику министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а не ограничиваться малопонятными и болѣе чѣмъ неточными фразами, какъ, напримѣръ: „въ это время университеты уже потеряли всѣ признаки корпоративныхъ правъ“ (стр. 241). Или: „Голицынъ въ эту пору дошелъ до убѣжденія, что всѣ науки слѣдуетъ замѣнить чтеніемъ Св. Писанія“ (стр. 244). Въ характеристикѣ общественнаго мнѣнія встрѣчаемъ такую странную фразу: „образованный кругъ былъ очень малочисленъ, но взгляды его представителей сдѣлались гораздо шире и глубже; они дѣлили людей на обособленныя группы (?), что особенно замѣтно отражалось среди журналовъ“ (стр. 242). Вообще „эпоха реакціи“ изложена сбивчиво и неясно.

Въ обзорѣ царствованія Николая I авторъ даетъ недурной очеркъ происхожденія западничества и славянофильства, но заканчиваетъ его совершенно неудачной характеристикой представителей того и другого направленія: „къ числу западниковъ принадлежали большей частью бѣдняки, писатели и ученые, жившіе своимъ трудомъ; они много работали и писали; ихъ ясныя, широкіе взгляды были понятны читающей публикѣ, потому что касались близкихъ жизненныхъ вопросовъ. Славянофилы же большей частью выходили изъ среды обезпеченнаго столбового дворянства; они занимались, чѣмъ хотѣли (?) и сколько хотѣли (?) писали немного (?). Они заглядывали то далеко назадъ въ

историческое прошлое, то увлекались въ туманную даль будущаго славянскаго міра и новаго (?) православнаго богословія“ (стр. 250).

Безнадежно запутанъ на стр. 262-й вопросъ о системѣ классическаго образованія: совершенно непонятнымъ образомъ авторъ связываетъ эту систему и съ ростомъ значенія 3-го сословія, и съ появленіемъ во 2-й половинѣ вѣка національныхъ началъ, и со стремленіемъ русскаго правительства къ поддержанію извѣстной (?) сословности.

На стр. 300-й совершенно невѣрно сказано, что положеніе о начальныхъ школахъ 1864 г. „возлагало заботу объ учреженіи школъ только на одно земство“. Этому положенію подчинены были начальныя школы всѣхъ вѣдомствъ.

На стр. 301—302-й авторъ пускается въ критику существующей системы начальнаго образованія, чрезвычайно преувеличивая значеніе вопроса о сословности. Къ тому же надо замѣтить, что подобная критика неумѣстна въ краткомъ, популярномъ руководствѣ, гдѣ она не можетъ быть надлежащимъ образомъ обоснована. А безъ достаточной аргументаціи эта критика остается непонятной читателю.

Характеризуя культурную роль русскоѣ интеллигенціи, авторъ опредѣляетъ ее такъ: „это своеобразное явленіе оказалось присущимъ русскоѣ жизни, отличавшимъ ее отъ западныхъ народностей“ (стр. 303). Не объяснивъ этой мысли, авторъ рискуетъ вовлечь читателя въ очень крупное недоразумѣніе.

Въ началѣ рецензіи мы отмѣтили, что г-жа Щепкина очень скупа на біографическія свѣдѣнія и характеристики историческихъ дѣятелей. Нельзя не одобрить этого намѣренія избавиться отъ анекдотизма, которымъ часто злоупотребляютъ составители популярныхъ книгъ по исторіи. Г-жа Щепкина впадаетъ въ противоположную крайность: сообщаемыя ею свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ совершенно недостаточны. Напримѣръ, приводя мнѣнія Крижанича, она почему-то не хочетъ назвать его имени (стр. 148). О Ломоносовѣ узнаемъ только, что онъ былъ „горячій патриотъ“. О Шуваловѣ (Ив. Ив.) упоминается только какъ о покровителѣ Ломоносова (стр. 188). Совсѣмъ не упоминаются такіе дѣятели, какъ основатели русскаго монашества, преп. Антоній и Феодосій, Посошковъ, историки XVIII в. Болтинъ и Щербатовъ. Съ другой стороны авторъ говоритъ о лицахъ, имена которыхъ безъ всякаго ущерба могли бы отсутствовать въ краткомъ очеркѣ русской исторіи: другъ П. И. Новикова, Багрянскомъ, г-жѣ Кардель, гувернанткѣ Екатерины II, писательницѣ г-жѣ Конради.

Изъ мелкихъ недостатковъ книги слѣдуетъ отмѣтить рядъ оши-

бокъ или досадныхъ опечатокъ въ хронологическихъ датахъ. Напримѣръ: дѣятельность Гедимины отнесена къ XIII в. (стр. 40), взятіе Казани къ 2-му ноября 1553 г., вмѣсто 2-го октября 1552 г. (стр. 79), Люблинскій сеймъ къ 1567 г. (стр. 80).

Наконецъ, нельзя похвалить стиля и языка г-жи Щепкиной: онъ мало выработанъ и не всегда правиленъ. Попадаютъ такія, напримѣръ, неуклюжія и неловкія фразы:

Вопросомъ о крѣпостномъ правѣ „стало заниматься Больно-экономическое общество, получившее на свою задачу, правильнѣе—задачу императрицы, такъ какъ она прислала ее: въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ,—много интересныхъ и важныхъ сочиненій“ (стр. 216).

...Въ 1869—1871 гг. *создался* проектъ *созиданія* исключительно восьмиклассныхъ гимназій... (стр. 299).

Древній Вавилонъ и его влияние на нашу культуру. Составляя *О. Н. Фрейбергъ*. Витебскъ. 1903 г. Стр. 64. Цѣна 60 коп.

Необыкновенное развитіе летучей литературы на пресловутую тему „Babel und Bibel“, заполнившее германскій книжный рынокъ, нашло себѣ отголоски и у насъ. Но въ то время, какъ въ Германіи популяризація свѣдѣній по ассириологии, если и не соблюдаетъ должныхъ границъ и выходитъ за предѣлы того, что твердо установлено въ наукѣ, все же является естественнымъ послѣдствіемъ кропотливой работы специалистовъ, создавшихъ капитальные труды и открывшихъ новую эпоху въ изученіи исторіи древняго Востока, у насъ за дѣло берутся люди, совершенно къ нему неподготовленные и едва ли способные даже на сколько-нибудь удовлетворительныя компіляціи. Между тѣмъ въ такой области, какъ исторія древне-восточныхъ цивилизацій, писанія такихъ лицъ могутъ быть особенно опасны, такъ какъ, не смотря на ежедневныя пріобрѣтенія науки, эта область требуетъ строгой провѣрки матеріала и выводовъ, а послѣднее доступно только для лицъ, имѣющихъ возможность обращаться къ источникамъ. Брошюра г. Фрейберга представляетъ одно изъ доказательствъ высказаннаго положенія. Авторъ не называетъ своихъ пособій, но опредѣлить ихъ не представляетъ затрудненія: это—брошюры Вияклера и Циммерна изъ популярной серіи „Der alte Orient“, рѣчи Делича и др. Такимъ образомъ парадоксальная теорія Вияклера о

вліяніи вавилонскихъ астральныхъ міеовъ на представленія всего образованнаго міра и не всегда надежныя, но всегда неудобныя для широкой публики и школьнаго возраста сопоставленія Циммерна предлагаются русскому учащемуся юношеству (брошюра представляетъ текстъ прочитанной авторомъ въ Витебской гимназіи публичной лекціи). Но компилируя, г. Фрейбергъ идетъ дальше самыхъ крайнихъ рационалистовъ, а мѣстами говоритъ несообразности. Напримѣръ:

Стр. 5. Куянджеская бібліотека названа „древнѣйшей въ мірѣ“ и „публичной“.

Стр. 6. „Книги Ветхаго завѣта написаны только въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Хр., послѣ вавилонскаго плѣна“. Вавилонскій плѣнъ продолжался 605 — 586 — 539, слѣдовательно послѣ него былъ не „седьмой вѣкъ“.

Что же касается написанія *всѣхъ* книгъ Ветхаго завѣта послѣ плѣна или даже въ VII вѣкѣ, то такъ далеко не заходилъ еще никто, и г. Фрейбергу не мѣшало бы обосновать свое крайнее мнѣніе.

Стр. 8. Изъ писемъ Телль-амарнской корреспонденціи „мы впервые узнаемъ, что въ XIV и XV вѣкѣ до Р. Хр. вся Палестина и Сирія находились подъ верховною властью египтянъ“. Это было извѣстно давно по египетскимъ источникамъ, каковы надписи Тутмосовъ и Аменготеповъ и др.

Стр. 10. „Вавилоняне вели оживленную заморскую торговлю съ Индіей и даже Китаемъ“. Хорошо, если бы авторъ привелъ хотя какой-нибудь оправдывающій текстъ.

Стр. 11. „Чудовище рыба—китъ, проглотившее пр. Іону — это городъ Ниневія“.

Стр. 11—12. Послѣ цитаты изъ пророка Іереміи читаемъ слѣдующій комментарий: „мы, по справедливости, должны отвергать извѣстную всѣмъ характеристику вавилонянъ, какъ подсказанную злобною ненавистью всего еврейскаго народа.... всякому пріятію видѣть, когда кто либо радуется вслѣдствіе избытка во всемъ, нежели когда онъ поневолѣ довольствуется бѣдностью и, вслѣдствіе невѣжества, кичится своею варварскою добродѣтелью“. Здѣсь же цитата изъ пророка Исаи. Автору не мѣшало бы воздержаться отъ преподаванія морали ветхозавѣтнымъ пророкамъ.

Стр. 13. „Куда Соломонъ и царь финикійскій высылали экспедицію за золотомъ? Надо полагать въ южную Африку“.

Стр. 14. „Одиссея, по всей вѣроятности, заключаетъ въ себѣ поэтическое описаніе мірового событія — плаванія вокругъ Африки,

которое, по словамъ Геродота, предпринималось по приказанію египетскихъ царей не одинъ разъ“.

Стр. 14 — 25 представляютъ пересказъ теорій Винклера (безъ указанія источника). Здѣсь, на ряду съ интересными и даже гениальными построеніями германскаго ассириолога о происхожденіи календаря, астрономіи и счисленія, учащіеся узнають и его рискованныя комбинаціи о масляницѣ, пуримѣ (миологическое объясненіе вѣсти „)соирь“, при чемъ не то, котораго стали держаться потомъ самъ Винклеръ и Циммернъ — о связи съ паденіемъ Элама), „полномъ сходствѣ“ (sic!) библейской космогоніи съ вавилонской и т. п. Здѣсь же авторъ отъ себя добавляетъ соображенія о вавилонскомъ происхожденіи игральныхъ картъ.

Стр. 27—28. Раціоналистическое толкованіе (по Винклеру) „мива“ о всемірномъ потопѣ. Отмѣтимъ также невозможную въ русской книгѣ нѣмецко-латинскую форму „Берозусъ“, а также невѣрные свѣдѣнія о клинописныхъ табличкахъ сказанія о потопѣ. Авторъ говоритъ, будто четыре изъ нихъ „хранятся въ Лондонѣ, написанныя за 2000 лѣтъ до Р. Хр., а одна, которая въ Берлинѣ, списана въ VII вѣкѣ“. На самомъ дѣлѣ XI таблица эпоса Гильгамша, содержащая исторію потопа, списана, какъ и весь эпосъ, для бібліотеки Ассурбанипала, и находится въ Британскомъ музеѣ. Отъ XX вѣка до Р. Хр. дошелъ только небольшой фрагментъ въ Оттоманскомъ музеѣ (изд. Шейлемъ). Какъ понимать выраженіе: „библейскій рассказъ есть ничто иное, какъ Iahvestic“? Авторъ пишетъ по русски и для русскихъ.

Стр. 29. Откуда извѣстно автору, какъ смотрѣли „сами вавилоняне“ на столпотвореніе, да и знали ли они сказаніе о немъ?

Стр. 30. Свѣдѣнія о бібліотекѣ Саргона Древняго почерпнуты изъ Сэйса и Рагозиной и устарѣли. Подъ именемъ Саргона ходило только громадное собраніе опіа. Къ тому же Эрехъ не былъ его „древней столицей“.

Стр. 35. Напрасно думаетъ авторъ, будто „въ послѣднее время удалось доказать, что нашъ алфавитъ имѣетъ астрономическое, слѣдовательно вавилонское происхожденіе“. Теоріи Гоммеля далеко не нашли себѣ почвы въ наукѣ и не оказались выше критики.

Стр. 39. О цилиндрѣ „представляющемъ грѣхопаденіе“ лучше не говорить, не имѣя серьезныхъ доказательствъ, равно какъ и о вавилонской субботѣ въ 7, 14, 21 и 28 дни мѣсяца. Это были тяжелые дни покаянія, а не праздники и дни отдыха и, къ тому же, нигдѣ не называются „сабатту“.

Начиная съ стр. 40 и до 46 авторъ идетъ дальше своихъ авторитетовъ и пытается примѣнить *érudition bédlamite* (выраженіе Рейнака) Винклера и Штукена къ... русской исторіи. „Послѣ того какъ Иловайскій... доказалъ неосновательность теоріи о призваніи трехъ варяговъ... не подлежитъ больше сомнѣнію, что три основателя русскаго государства тождественны съ тремя небесными братьями“ (т. е. Діоскурами и Еленой, иногда являющимися въ видѣ трехъ братьевъ, соотвѣтственно тремъ свѣтиламъ—солнцу, лунѣ и Венерѣ). „Въ самомъ началѣ русской исторіи мы встрѣчаемъ далѣе книжницу Ольгу, которая носитъ несомнѣнныя черты восточно-легендарной царицы Семирамиды-Истаръ“. Хорошо, что еще авторъ забылъ имя, данное Ольгѣ въ св. крещеніи — Елена, а то бы и она попала въ мифъ о Діоскурахъ. Впрочемъ онъ продолжаетъ (стр. 44): „Имя Ольга, древнѣе Эльга, это то же самое, что греч. Ел—ена, что вавилонская Истаръ; Ольга — славянское имя одного изъ свѣтилъ вавилонской тройцы. Эл—на вавилонскомъ, арабскомъ (*sic!*) и еврейскомъ языкахъ „Богъ“ (Элохимъ)... Удивительно ли послѣ всего этого, что русскій народъ самой красивой и самой величественной изъ своихъ рѣкъ далъ имя самой красивой своей языческой богини“.

Другихъ несообразностей перечислять не будемъ—и указанныхъ достаточно для сужденія о полной непригодности книжки для какихъ бы то ни было цѣлей.

Д-м. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школахъ и семьяхъ. Часть II. Цѣна 1 руб. С.-Пб. 1903. Стр. II + 176.

Вторая часть хрестоматіи профессора Кайгородова очень похожа на первую, настолько похожа, что иногда трудно рѣшить, почему тотъ или другой очеркъ вошелъ въ составъ второй, а не первой части.

Сборникъ состоитъ изъ естественно-историческихъ очерковъ и „поэтическаго матеріала“, какъ выражается авторъ. Что касается этого матеріала, то въ немъ такъ же, какъ и въ первой части, попадаются слишкомъ общезвѣстныя вещи, вродѣ: „Весна! выставляется первая рама“; „Люблю грозу въ началѣ мая“; „Овсяный кисель“ и т. п. Съ другой стороны авторъ относитъ къ поэтическому матеріалу свои очерки: „Какъ вороны садъ спасли“ и „Отцовскій садъ“.

Оба очерка мало подходятъ подъ это опредѣленіе. Мало поэзии въ перечисленіи сортовъ яблонь, росшихъ въ отцовскомъ саду (барбовки, антоновки, апорты, титовки, наливъ и т. д.), какъ мало ея въ разсказѣ о воронахъ, съ усѣхомъ избавившихъ садъ отъ вредныхъ

жуковъ. Можетъ быть это и поэзія, но во всякомъ случаѣ утилитарно-прикладного характера.

Очерки посвящены главнымъ образомъ птицамъ и насѣкомымъ. Впрочемъ, можетъ быть это и лучше, ибо, когда профессоръ Кайгородовъ выходитъ за предѣлы болѣе или менѣе общезвѣстныхъ данныхъ, то онъ не чуждъ ошибокъ. Такъ очеркъ „Паукъ“ надо отнести къ числу несудачныхъ. „Во рту паука двѣ острия челюсти, поляя въ серединѣ; онѣ наполнены ядовитой жидкостью“... — читаемъ на стр. 109. Челюсти паука вовсе не во рту, а надъ ртомъ и притомъ довольно далеко отъ него, да и самое наименованіе ихъ челюстями, безъ подробнаго объясненія, заставляетъ ребенка думать, что это нѣчто въ родѣ нашихъ челюстей. Конечно, онѣ вовсе не поляя и не наполнены ядовитой жидкостью, а на ихъ крючкахъ открываются протоки железъ, лежащихъ большей частью даже не въ челюстяхъ, а въ самой головогруді. Если авторъ не хотѣлъ вводить понятія о железѣ, то могъ просто сказать, что на крючкахъ этихъ сидящихъ надъ ртомъ придатковъ имѣются отверстія, черезъ которыя вытекаетъ ядовитая жидкость и т. д. Это было бы, по крайней мѣрѣ, вѣрно дѣйствительности. На нашъ же взглядъ автору представляется весьма удобный случай познакомить юнаго читателя съ понятіемъ о железѣ, сравнить отдѣленіе ядовитой жидкости съ отдѣленіемъ нашей слюны и т. д. Тогда бы автору не пришлось писать другую завѣдому невѣрность: „Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное выпускаетъ разомъ черезъ множество отверстій въ концѣ брюшка“... (стр. 109).

Совсѣмъ непонятна слѣдующая фраза: „ножекъ у него (у паука) восемь и на каждой по три лапки“ (стр. 110). Лапкой у пауковъ и насѣкомыхъ до сихъ поръ называли послѣдніе членики ножекъ, а то, о чемъ говорить профессоръ Кайгородовъ, называютъ коготками.

Означенные примѣры, какъ наиболѣе рѣзкіе, характеризуютъ отчасти очерки профессора Кайгородова вообще.

Покуда рѣчь идетъ о высшихъ или вообще общезвѣстныхъ животныхъ и притомъ главнымъ образомъ относительно ихъ образа жизни, авторъ оказывается въ своей сферѣ и владѣетъ предметомъ, но разъ онъ отступаетъ отъ торной дороги и разъ требуется проявить немного болѣе глубокаго познанія, а равно и нѣкоторую систематичность изложенія—авторъ впадаетъ въ ошибки, и обычная умѣлость изложенія его оставляетъ.

Вообще, напрасно мы стали бы искать какой-либо системы въ

объих частяхъ хрестоматіи профессора Кайгородова. Не надо смѣшивать систему съ схоластичностью пріемовъ. Самая живая и легко написанная книга можетъ имѣть и должна имѣть систему, являющуюся выраженіемъ ея общей идеи. Такой идеи не было у автора разбираемой хрестоматіи.

Въ той же статьѣ о паукахъ авторъ подчеркиваетъ, что и „въ разбойничей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви!“ (стр. 110). Конечно, это трогательно, но опять-таки невѣрно. Пауки ревниво оберегаютъ свои коконы и свою дѣтву, но только до извѣстнаго возраста, а потомъ сразу отношеніе матери къ дѣтямъ мѣняется — онъ съ такимъ же удовольствіемъ закусываетъ своими дѣтьми, какъ и Сатурнъ. И это явленіе общее для животныхъ: пресловутая любовь ихъ вовсе не любовь, т. е. не чувство, связанное съ индивидуальнымъ представленіемъ о потомствѣ, а простой инстинктъ, проявляющійся до тѣхъ поръ, покуда онъ полезенъ для интересовъ вида, и исчезающій, когда онъ ненуженъ. Конечно, профессоръ Кайгородовъ руководился весьма почтенными цѣлями, приписывая пауку добродѣтели, достойныя подражанія, но пріемы, построенные на ложномъ освѣщеніи фактовъ, всегда не педагогичны.

На стр. 145 читаемъ, что каждое насѣкомое должно „знать“, какъ ему относиться къ другимъ насѣкомымъ, и на стр. 146 читаемъ: „и растенія знаютъ своихъ друзей-животныхъ“.

Допустимъ, что ребенокъ не догадается спросить профессора Кайгородова въ лицѣ своего преподавателя, откуда же у насѣкомаго эти знанія, если оно ихъ имѣетъ при появленіи на свѣтъ, но возможно, что ребенокъ удивится, какъ растеніе можетъ „знать“ своихъ друзей. Ребенокъ путемъ простого самоощущенія убѣждается, что мы знаемъ головой и, пожалуй, спросить, гдѣ же голова у растенія, и если ея нѣтъ, то чѣмъ же оно знаетъ? Профессоръ Кайгородовъ совершенно игнорируетъ, или просто не знаетъ, состояніе вопроса объ инстинктѣ и безусловно напрасно вноситъ въ дѣтскую книжку столь мало обоснованные съ научной точки зрѣнія вопросы, какъ вопросъ о сознаніи у растеній.

Въ наукѣ много другихъ сторонъ, вполне удобныхъ для дѣтскаго пониманія, и ни одинъ натуралистъ не рѣшится выдавать ребенку за нѣчто вполне достовѣрное сознательность растеній.

Насколько мало вообще системы и послѣдовательности въ пріемахъ изложенія профессора Кайгородова, видно изъ слѣдующаго примѣра: на стр. 102 онъ стыдливо умалчиваетъ о томъ, что трутни представ-

ляютъ собой самцовъ и не совсемъ ясно поясняется, что они представляютъ „воздушную свиту матки-царицы улья“, но, говоря о колюшкѣ на стр. 105, онъ уже не считаетъ предосудительнымъ говорить о самцѣ. Вообще-то, если ребенку известна наличность на земномъ шарѣ мужчинъ и женщинъ, врядъ ли есть основаніе прятать отъ него пчелиныхъ самцовъ.

Съ внѣшней стороны изданіе прекрасное, а равно и вообще книжечка съ интересомъ можетъ быть прочтена дѣтьми. Если мы примѣнили къ ней болѣе строгій критерій, то потому, что на обложкѣ ея стоитъ имя профессора высшаго учебнаго заведенія, а по сравненію со многими книжечками этого рода она стоитъ довольно высоко.

Изъ сорока статей на долю ботаники приходится шестнадцать. Кромѣ того въ „поэтическомъ матеріалѣ“, какъ выражается профессоръ Кайгородовъ, находятся двѣ вышеупомянутыя статьи, которыя отчасти можно отнести къ ботаническимъ.

Всѣ ботаническія статьи имѣютъ главною цѣлью возбудить интересъ къ природѣ и даютъ очень мало ботаническихъ свѣдѣній. Между этими свѣдѣніями попадаются неточныя и даже совершенно невѣрныя.

Напримѣръ, въ статьѣ „Зачѣмъ растеніямъ листья?“ даются неточныя данныя о кислородѣ. „Кислородъ интересенъ тѣмъ, что къ чему бы онъ ни коснулся, онъ почти все окисляетъ, или дѣлаетъ ржавымъ, или производитъ тлѣніе, или же, наконецъ, горѣніе“ (стр. 39). Неужели же горѣніе есть результатъ простого прикосновенія кислорода? Далѣе говорится, что кислородъ необходимъ животнымъ для дыханія—для очищенія крови (стр. 40). Поглощеніе газовъ листьями нисколько не зависитъ отъ ихъ трепетаній въ воздухѣ (стр. 42).

На 97 стр. профессоръ Кайгородовъ впадаетъ въ грубую ошибку, называя плодъ земляники ягодой. Плоды земляники сухія зерновки, покрывающія сочное цвѣтоложе. Эти плоды профессоръ Кайгородовъ также совершенно невѣрно называетъ сѣменами (стр. 98).

Несмотря на указанные недостатки книгъ профессора Кайгородова, въ виду бѣдности нашей литературы, можно пожелать нѣкотораго распространенія.

Горячевъ, Д. и Воронецъ, А. Задачи, вопросы и софизмы для любителей математики (въ предѣлахъ курса среднихъ учебныхъ заведеній). Стр. VII+95. Москва. 1903. Цѣна 70 коп.

Какъ сказано въ предисловіи, составители предназначаютъ свой сборникъ для тѣхъ учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведе-

ний, которые желали бы пополнить свой досугъ рѣшеніемъ интересныхъ математическихъ вопросовъ. Имѣлось также въ виду дать справочную книжку для преподавателей, которые желали бы оживить урокъ занимательной задачей.

Книга раздѣляется на пять отдѣловъ. Первый, для учениковъ младшаго возраста, содержитъ арифметическія задачи и вопросы. Второй отдѣлъ составляютъ задачи на остальные отдѣлы элементарной математики. Въ третій—отнесены задачи, отличающіяся искусственностью или трудностью рѣшенія. Четвертый отдѣлъ составляютъ нѣкоторыя старинныя задачи, пятый—софизмы.

Задачи вообще говоря интересны и рѣшены правильно. При ближайшемъ рассмотрѣніи книги обнаруживаются однако и нѣкоторые недостатки.

Серьезный промахъ представляетъ задача № 129, которая, какъ и ея рѣшеніе, совсѣмъ не имѣетъ смысла. Авторы упустили изъ виду, что выраженіе $\sqrt{1 - \sqrt{1 - \sqrt{1 - \dots - \sqrt{1}}}}$ не стремится ни къ какому предѣлу при возрастаніи числа корней, а все время измѣняется скачками, принимая только два значенія 0 и 1 (смотря по тому, будетъ ли число корней четное или нечетное). Прежде чѣмъ говорить о выраженіяхъ вида $\sqrt{1 + \sqrt{1 + \dots}}$ надо доказать существованіе предѣловъ этихъ выраженій. Безъ этого нельзя ставить подобныхъ задачъ.

Въ задачѣ № 27 надпись на могилѣ Діофанта приведена совершенно неправильно, почему и рѣшеніе не согласуется съ даннымъ въ книгѣ. Послѣ словъ „двѣнадцатую—отрочество“ должно быть: затѣмъ по истеченіи седьмой части своей жизни Діофантъ женился. Черезъ пять лѣтъ у него родился сынъ, который прожилъ половину лѣтъ отца. Черезъ четыре года послѣ его смерти Діофантъ скончался. (Ср. Geschichte der Mathematik von Moritz Cantor. Bd. I, S. 435).

Въ нѣкоторыхъ задачахъ не высказаны ясно всѣ условія. Такъ въ №№ 30—31 не оговорено, что позволительно класть гири на обѣ чашки вѣсовъ, между тѣмъ, какъ задача безъ этого условія существенно мѣняется. Въ задачѣ № 38 не высказано условіе, что оставленные дома часы были снова заведены. Въ задачѣ № 93 не сказано, отчего зависитъ стираніе монеты и сообразно этому отвѣты могутъ быть разные. Въ задачѣ № 111 надо было прибавить „въ какой системѣ счисленія?“, безъ чего задача перестаетъ быть математической

и дѣлается загадкой, на которую можно отвѣчать, напримѣръ, и такъ: если подразумѣвать въ новой части $+48$.

Въ рѣшеніи задачи № 36 появляются совершенно новыя условія, о которыхъ въ задачѣ нѣтъ ни одного слова. Съ такимъ же правомъ можно было бы рѣшать эту задачу и такъ: второй и третій разношники получили въ подарокъ отъ покупателей столько денегъ, что выручили одинаковую сумму съ первымъ.

Неясно сформулированы задачи №№ 51 и 82.

Задача № 16 слишкомъ легка и неправдоподобна: несомнѣнно не удастся считать въ одну минуту по сто чиселъ въ среднемъ.

№№ 35 и 37 представляютъ загадки, не имѣющія съ математикой ничего общаго кромѣ того, что въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя числа.

Въ рѣшеніи задачи № 150 опечатка: должно быть 3 дюйма, а не 5 дюймовъ.

Большія сомнѣнія вызываетъ помѣщеніе старинныхъ задачъ, въ особенности приходится отмѣтить дурной тонъ шуточныхъ задачъ №№ 171, 172 и 175. Мы полагаемъ, что разбираемый сборникъ ничего не потерялъ бы, если бы весь этотъ отдѣлъ былъ исключенъ. Прибавимъ, что полторажды, полчетвертажды и т. д. значить не $1\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ и т. д., а $1\frac{1}{2}$ *раза*, $3\frac{1}{2}$ *раза* и т. д.

Последній отдѣлъ—софизмы—составленъ весьма хорошо.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРУДЫ АКАДЕМИКА А. Н. ПЫПИНА ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(По поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности).

(1853—1903).

Въ области изученія исторіи русской литературы за послѣднія десятилѣтія немного можно указать научныхъ дѣятелей, труды которыхъ, при вышнемъ обиліи и разнообразіи, глубокой научности и эрудиціи—отличались бы вмѣстѣ съ тѣмъ такой общедоступностью, изяществомъ изложенія, какъ труды А. Н. Пыпина. Принужденный рано сосредоточиться на журнальной работѣ, А. Н. Пыпинъ въ теченіе всей своей многолѣтней научной дѣятельности всегда умѣлъ соединять общедоступность изложенія, необходимую для журнальной статьи, съ полной серьезностью и обстоятельностью разработки спеціального трактата. Оставаясь публицистомъ, А. Н. Пыпинъ въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ десятилѣтій фактически, вмѣстѣ съ многими другими, стоялъ во главѣ всего нашего научнаго движенія, былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ работниковъ въ постепенномъ ходѣ нашихъ позднѣйшихъ научныхъ изученій, — участвуя въ немъ не только своей, буквально неустанной, журнальной дѣятельностью, въ качествѣ ближайшаго сотрудника одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, но и обширными спеціальными научными трудами, наконецъ, цѣлымъ рядомъ капитальныхъ переводовъ. Еще въ началѣ 1870-хъ годовъ А. Н. Пыпинъ былъ избранъ нашей Императорской

Академіей Наукъ своимъ сочленомъ,—по вынужденъ быть отказаться отъ избранія; много лѣтъ спустя, онъ былъ ею избранъ вторично — и на этотъ разъ занялъ давно принадлежавшее ему по праву кресло академика.

Плоды пятидесятилѣтней научной дѣятельности академика Пыпина столь обширны и разнообразны, эта дѣятельность на своемъ пятидесятилѣтнемъ протяженіи такъ неосдѣлнно слита со всѣмъ ходомъ поступательнаго движенія нашихъ историко-литературныхъ и вообще историческихъ изученій за позднѣйшее время,—что въ настоящей статьѣ мы, конечно, не можемъ имѣть ни малѣйшаго намѣренія хоть сколько нибудь полно и всесторонне ее очертить; мы имѣемъ въ виду отмѣтить лишь важнѣйшіе ея факты, остановиться лишь на важнѣйшихъ его трудахъ въ области исторіи русской литературы, чтобы въ общихъ чертахъ напомнить русскому образованному обществу, чѣмъ оно обязано въ своемъ научномъ и общеобразовательномъ развитіи маститому публицисту и академику.

Научная дѣятельность академика А. П. Пыпина, начавшаяся въ печати съ 1853 года, и по началу и по дальнѣйшему своему характеру, стояла въ тѣсной связи съ тѣмъ общимъ необычайнымъ подъемомъ во всей области нашей исторической науки, который съ такою силой обнаруживается у насъ съ конца „сороковыхъ годовъ“. Конецъ сороковыхъ—начало пятидесятихъ годовъ является временемъ самаго рѣшительнаго „перелома“ въ развитіи русской исторической науки; эти годы проводятъ наиболѣе рѣзкую грань между прежнимъ, старымъ содержаніемъ и характеромъ нашей науки и новымъ, всѣмъ дальнѣйшимъ ея развитіемъ: рѣзкая грань—и въ содержаніи, объемѣ, и во всѣхъ направленіи, методахъ и приѣмахъ научнаго изслѣдованія. Съ конца сороковыхъ, начала пятидесятихъ годовъ у насъ какъ-то разомъ и необычайно быстро не только расширяется самый матеріалъ, подлежащій изученію,—но возникаютъ совершенно новыя точки зрѣнія и на приѣмы этого изученія, совершенно новые взгляды на объемъ и задачи той или другой спеціальной научной области. Цѣлый рядъ общихъ условій—и вѣшнихъ и внутреннихъ—подготовилъ и создалъ этотъ „переломъ“; цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ, частныхъ — способствовалъ его расширенію и упроченію. Въ ряду тѣхъ и другихъ наиболѣе могучимъ факторомъ здѣсь было замѣчаемое около этого времени болѣе близкое, непосредственное соприкосновеніе нашей науки съ западной.

Это сближеніе теперъ—съ конца „сороковыхъ годовъ“—было осо-

бно важнымъ и цѣннымъ. Къ этому времени на западѣ въ области исторической науки совершился своего рода „переломъ“—и въ содержаніи, объемѣ и въ методахъ изученія, во всей постановкѣ научныхъ изслѣдованій; во всѣхъ сферахъ исторической науки обнаружилось особенно сильное оживленіе — которое также и здѣсь, на западѣ, проводило рѣзкую грань между старымъ научнымъ направлениемъ и новымъ. Принципъ строгаго историческаго изученія къ этому времени въ западной наукѣ уже окончательно упрочивается и разомъ обогащается самыми широкими пріобрѣтеніями, въ самыхъ различныхъ областяхъ историческаго изслѣдованія, быстро раздвигая и самую площадь научныхъ изученій, радикально пзмѣняя и пріемы изученія научнаго матеріала.

Громадная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежала уже старымъ романтикамъ. Западно-европейскій романтизмъ конца XVIII—начала XIX вѣковъ былъ вообще во многихъ отношеніяхъ исходнымъ пунктомъ позднѣйшихъ историческихъ изученій, и въ частности „колыбелью исторіи литературы“, какъ науки, въ широкомъ значеніи этого слова. „Романтики“ впервые вызвали къ жизни германскую средневѣковую старину; эстетическому чувству общества и народа впервые указали на забытыя сокровища родной исторіи, и тѣмъ самымъ не только необычайно раздвинули рамки старыхъ эстетическихъ изученій, но вмѣстѣ съ этимъ впервые фактически доказали недостаточность и узкость самой эстетической мѣрки, всю односторонность старой эстетики, „хотѣвшей подвести подъ одинъ уровень всѣ времена и народы“. И вообще, при всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ „романтической шеолы“—она выдвинула цѣлый рядъ совершенно новыхъ научныхъ воззрѣній, производившихъ „коренной переворотъ“ въ господствовавшихъ до нея старыхъ взглядахъ на исторію и поэзію, и такимъ образомъ очистила путь для новѣйшей историографіи. Изъ смутныхъ, неопредѣленныхъ сочувствій романтиковъ родной старинѣ, среднимъ вѣкамъ и рыцарству, изъ инстинктивныхъ увлеченій ихъ народной поэзіей, „самыми подлинными“ народными произведеніями, изъ ихъ вниманія къ особенностямъ народнаго быта, жизни, къ народнымъ вѣрваніямъ, наконецъ, изъ этихъ романтическихъ увлеченій востокомъ и восточной поэзіей и т. д. и т. д. — изъ всего этого уже рано вытекаетъ то могучее, разомъ охватившее самыя различныя области, научное движеніе, которое становится затѣмъ общей почвой новѣйшей исторической науки. Одной изъ отличительныхъ чертъ предшествовавшаго романтизму „классическаго“ періода было общее

пренебреженіе къ исторіи, равнодушіе къ историческимъ знаніямъ; въ періодъ романтическаго броженія мы замѣчаемъ впервые крутой поворотъ именно въ область исторіи. Съ возникновеніемъ интересовъ къ мѣстной народной литературѣ, къ народной пѣснѣ и всей поэзіи, съ новыми знакомствами въ области востока и т. д.—вопросъ о болѣе широкой исторической критикѣ возникалъ самъ собой, сами собой снимались съ очереди вопросы старой эстетики, уступая свое мѣсто взглядамъ и изученіямъ болѣе широкимъ и плодотворнымъ. Впрочемъ, самою собой разумѣется,—многое дѣлалось и помимо школы, шло рядомъ съ ней. Не малая заслуга принадлежитъ здѣсь, напримѣръ, извѣстной книгѣ Вольфа (1793),—выводы которой „подобно молніи“ разрядили давностигустившуюся научную атмосферу и разомъ открыли въ области историческихъ изученій совершенно новые горизонты. „Смѣлая мысль превратитъ Гомера, этотъ величавый образъ, завѣщанный вѣками въ самыхъ подробныхъ чертахъ, въ собирательное понятіе, сдѣлать творенія Гомера результатомъ длиннаго историческаго процесса—эта гениальная мысль не могла немедленно же не вызвать цѣлый міръ новыхъ представленій о свойствахъ первобытной народной поэзіи, а вмѣстѣ съ этимъ о свойствахъ развитія народной жизни и вообще, общихъ законахъ историческаго процесса. Когда на пѣсни Гомера взглянули какъ на самородное произведеніе творчества цѣлаго народа въ древнѣйшую эпоху его жизни, само собой явилось стремленіе подмѣтить тотъ же естественный процессъ и въ другихъ областяхъ исторической народной жизни,—въ сферѣ образованія государства, какъ это сдѣлалъ Пибуръ, въ области права, какъ Савиньи, языка, какъ это сдѣлали братья Гриммы, потомъ В. Гумбольдтъ, народныхъ вѣрваній и сказаній, какъ тѣ же братья Гриммы, Лахманъ и т. д. и т. д. Такъ постепенно—въ силу цѣлага ряда условій—въ наукѣ явилось стремленіе „открывать разумную органическую послѣдовательность тамъ, гдѣ прежде видѣли одинъ безсвязный агрегатъ отдѣльныхъ фактовъ, рядъ отдѣльныхъ созданій личнаго произвола“ ¹⁾....

„Исторіи литературы“, въ смыслѣ болѣе или менѣе связнаго историческаго изложенія литературныхъ памятниковъ—не существовало у насъ не только въ XVIII, но долгое время и въ XIX вѣкахъ. Самое слово *литература* появляется въ нашемъ языкѣ, кажется, около половины XVIII столѣтія, и долгое время не приобретаетъ права гражданства. До самаго конца XVIII в. слово это чаще всего замѣняется словами: *стиготворство, краснопись, изящныя писмена*, или просто

¹⁾ Ю. Фенкель. Братья Гриммы. „Атеней“, 1858, № 47—48.

письмена, письменность. На первыхъ порахъ съ этимъ словомъ соединяется понятіе крайне неопредѣленное,—оно то сближается съ „наукой“, „просвѣщеніемъ вообще“, то низводится до степени „грамотности“; позднѣе отождествляется съ приведенными сейчасъ словами: „стихотворство“, „изящныя письмена“. Чаше другихъ вмѣсто „литература“ употреблялось „стихотворство“; „стихотворство“ въ соединеніи съ „краснорѣчіемъ“—вполнѣ исчерпывали понятіе, соединяющееся теперь съ словомъ „литература“. *Стихотворство, стихотворческий*, обыкновенно замѣняли вышшія: „поэзія“, „поэтический“. Въ критическихъ отзывахъ, печатавшихся у насъ въ половинѣ или концѣ XVIII столѣтія, весьма обычны выраженія: „нѣсколько строфъ можно признать за *стихотворческую*“ и т. п. Карамзинъ въ своемъ „Московскомъ Журналѣ“ (1791—1792), кажется, впервые сталъ употреблять слово *литература* въ смыслѣ „изящной словесности по преимуществу“. Въ статьяхъ Карамзина вообще уже нерѣдко встрѣчаются выраженія: „россійская *литература*“...; „науки и *литература*“...; „древняя и новая *литература*“... и т. д. Съ этого времени слово „литература“ входитъ въ общее употребленіе, впрочемъ, еще долгое время отождествляясь съ словами: *словесность, письменность*...

Во все продолженіе XVIII вѣка и долгое время въ XIX на памятникъ „литературный“ у насъ смотрѣли исключительно съ точки зрѣнія эстетики; не возникало самой мысли о какомъ-либо „историческомъ“ его значеніи. Университетскія лекціи по русской литературѣ обыкновенно состояли въ чтеніи отрывковъ изъ „образцовыхъ“ писателей,—при чемъ подъ произведеніями „литературы“, „словесности“, разумѣли собственно произведенія поэзи, краснорѣчія и исторіи; самыя отрывки совершенно терялись среди подобныхъ же отрывковъ изъ писателей „классическихъ“, т. е. греческихъ и латинскихъ. Литература русская и не выдѣлялась изъ ряда другихъ; „исторія литературы“ замѣнялась теоріей словесности,—и въ университетахъ полагался собственно „профессоръ эловенціи“... Эстетическая теорія Баумгартена († 1762) уже рано дѣлается извѣстной у насъ; Шварцъ, сотрудникъ Павликова, уже пользуется сочиненіями Баумгартена. Во второй половинѣ XVIII вѣка эстетика признается у насъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ высшаго образованія. Въ планѣ университетскаго преподаванія, выработанномъ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, эстетикѣ отводится одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. „Предметъ ея,—говорится здѣсь,—возвышеніе духа, образованіе вкуса и развитіе стремленій къ истинному и прекрасному“. По университет-

скому уставу 1804 года, кафедре исторіи русской литературы называется кафедрой „краснорѣчія, стихотворства и російскаго языка“. Лишь уставомъ 1835 года въ русскіе университеты впервые введена была „россійская словесность и исторія російской литературы“. Эстетическая точка зрѣнія—общая почва, на которой стоятъ наши историко-литературныя изученія почти до самыхъ 30—40-хъ годовъ XIX столѣтія, до знакомства нашихъ изслѣдователей съ взглядами Гримма. Шторхъ, Сониковъ, Кенненъ смотрятъ на задачи исторіи литературы съ чисто библиографической точки зрѣнія,—имѣютъ въ виду собственно не „исторію литературы“ народа, а его литературную или вообще письменную производительность. Ихъ интересуетъ книга сама по себѣ; „литература“ понимается ими, какъ книгопечатаніе или какъ письмо,—и „исторія литературы“ чаще всего не идетъ дальше каталога... Первые проблески здѣсь болѣе широкихъ взглядовъ были отзвукомъ наиболѣе раннихъ у насъ вѣяній романтическихъ.

Для характеристики господствовавшихъ у насъ въ первыхъ годахъ XIX вѣка понятій о „литературѣ“ и ея „исторіи“—весьма любопытной является небольшая статья одного изъ тогдашнихъ нашихъ ученыхъ—гвкоего Анастасевича: „О словесности (литературѣ)“, помѣщенная въ „Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности“ за 1815 годъ (часть первая, Казань, 1815, стр. 296—308). Для иллюстраціи къ сказанному считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько цитатъ. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ крайнюю неопредѣленность, смутность господствующихъ понятій, соединяемыхъ съ словомъ „литература“, „словесность“. „Кто не говоритъ и не пишетъ о словесности?“ замѣчаетъ онъ въ началѣ статьи. „Иногда унижаютъ „словесность“ до однихъ *упраженій въ языкѣ и словъ*,—а иногда возвышаютъ ее на степень *всеучености* и требуютъ отъ словесника, чтобы онъ былъ обстоятельно знакомъ со всѣми отдѣленіями наукъ и человѣческихъ знаній... Когда въ прочихъ частяхъ наукъ, иронически продолжаетъ авторъ, согласно принято за важное правило: *дѣло мастера боится*,—въ словесности и въ томъ, что до нее касается, каждый почитаетъ себя какъ бы уполномоченнымъ, а мечтанія свои неоспоримою истиною“... Въ виду этого, авторъ цѣлью своей статьи ставитъ—выяснить „столь сбивчивое понятіе о словесности“. Авторъ отождествляетъ слово *литература* съ словомъ *словесность*, и употребляя одно ихъ этихъ словъ, нерѣдко ставитъ при немъ, для поясненія, въ скобкахъ другое (какъ равно и въ отношеніи къ слову: *словамъ*,—которое авторъ отождествляетъ съ словомъ *литераторъ*).

По мнѣнію Анастасевича, слово *литература* имѣеть „три главныя значенія: 1) словесность одного или многихъ народовъ; 2) словесность одной науки, одного искусства, или всѣхъ наукъ и искусствъ вообще; 3) риторика, пѣгика и всѣ сочиненія, подлежащія суду ихъ“. Оставляя въ сторонѣ два послѣднія понятія, изъ которыхъ во второмъ разумѣется собственно теорія словесности, служившая въ то время главнымъ основаніемъ литературной критики,—авторъ статьи главнымъ образомъ останавливается на подробномъ выясненіи перваго указаннаго значенія слова „словесность“ или „литература“, и здѣсь замѣчаетъ: „Словесность одного народа въ пространѣйшемъ значеніи объемлетъ *всѣ безъ изытїя умнопроизведенїя*, во все время его существованїя на природномъ или чужомъ, живомъ или мертвомъ, языкахъ писанныя, хотя бы, впрочемъ, писатели сего народа находились въ одной странѣ и подъ однимъ правительствомъ или въ разныхъ государствахъ... Въ тѣсномъ смыслѣ *словесность*—тогда называемая *изящною*—заключаетъ произведенія поэзіи, риторики, исторіи и философіи, *изященными общепонятнымъ образомъ* на природномъ языкѣ: *ибо въ нихъ то наипаче изображается духъ вѣка и народа*“.

„Въ сихъ разныхъ отношенїяхъ, продолжаетъ авторъ, на званіе *словесника* (литератора) можетъ имѣть право единственно тотъ, кто прїобрѣтъ не только возможно обстоятельное свѣдѣніе о лучшихъ письменныхъ умнопроизведенїяхъ какого-либо народа, по собственному своему наблюденію, но и весь подвигъ на поприщѣ наукъ того жъ народа съ самаго начала обозрѣлъ философскимъ окомъ *внутренней и вѣшной исторїи словесности* онаго жъ народа“... Въ примѣчаніи авторъ поясняетъ: „*Внутренняя исторїя*—здѣсь разумѣется историческое познаніе объ однихъ письменныхъ творенїяхъ, о писателяхъ, относительно къ жизни и свѣдѣнїямъ въ наукахъ, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ они писали, и наконецъ, ко всему тому, что приготовляетъ къ порядочному полученію пользы отъ трудовъ и произведенїй ихъ къ наслаженію оными. *Внутренняя исторїя* содержитъ въ себѣ основательное знаніе о началѣ, возрастанїи, процвѣтанїи и упадкѣ словесности въ разныхъ отрасляхъ ея. Оба сіи отдѣленїя составляютъ вмѣстѣ *общую ученую исторїю* и порознь обыкновенно называются *біографією* и *библіографією* (описаніемъ жизни и творенїй ученыхъ) и *исторїєю наукъ*“...

Такимъ образомъ, употребляя уже нерѣдко въ своей статьѣ выраженіе: „исторїя словесности“, Анастасевичъ термину этому придаетъ значеніе еще чрезвычайно смутное и сбивчивое, хотя въ общемъ уже

весьма далекое отъ каталога, простаго перечня книгъ... По взгляду Анастасевича, „исторія литературы“ отождествляется частью съ „біографіями“ писателей и „библіографією“, это—такъ называемая *вѣтвилая исторія* словесности; частью съ исторіей просвѣщенія, образованія, науки,—съ такъ называемою *внутреннею исторією словесности, исторією наукъ, просвѣщенія*. „Вѣтвилая“ и „внутренняя“ исторія словесности составляютъ „общую ученую исторію“... Вѣсь эти понятія еще крайне неопредѣленны,—но въ нихъ нельзя не видѣть основной мысли о тѣсной связи „исторіи литературы“ съ общей исторіей образованія, духовнаго развитія народа. Чрезвычайно любопытно указаніе автора на важнѣйшую, по его мнѣнію, сторону „вѣтвилой словесности“,—по мнѣнію автора, послѣдняя „нашаче“ изображаетъ „духъ вѣка и народа“...

Въ области исторіи русской литературы наиболѣе ранними трудами—начиная съ первой четверти XIX ст.—были труды митр. Евгенія Болховитнинова, Кеннена, Строева, Востокова. Это были частныя, единичныя труды, весьма различныя и по общему характеру и по научному значенію,—но заключавшія въ себѣ, можно сказать, все будущее нашей науки. Нося почти исключительно бібліографическій или біографическій характеръ,—труды эти направлены были главнымъ образомъ къ собранію самаго матеріала, который долженъ былъ подлежать изученію, который долженъ былъ составить содержаніе будущей науки,—къ извлеченію его „изъ подъ архивной пыли“ или же даже прямо „спасенію отъ гибели“... Будущая наука обязана была названнымъ ученымъ не только цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ спеціальныхъ изысканій, но прежде всего—простымъ сохраненіемъ, береженіемъ наиболѣе цѣннаго матеріала, разысканіемъ и сохраненіемъ множества рукописей величайшей научной цѣнности. Заслуга—не малая и вообще, въ особенностн же у насъ... Какова была иногда судьба нашихъ старыхъ письменныхъ памятниковъ, наглядно рисуется, напримѣръ, слѣдующій разсказъ изъ жизни митр. Евгенія, передаваемый академикомъ Срезневскимъ въ его „Воспоминаніяхъ“. Приводимъ въ подлинникѣ разсказъ Срезневскаго,—разсказъ относится къ первымъ годамъ по назначенію митр. Евгенія въ Новгородъ, къ первому посѣщенію имъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря (въ 1804—1805 гг.): „Впередъ отъ (митр. Евгенія)—разсказываетъ Срезневскій—далъ знать въ монастырь о своемъ пріѣздѣ, и этимъ, разумѣется, заставилъ начальство обители нѣсколько посуетиться и прибрать нѣкоторыя изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе чинный порядокъ. Взять въ монастырь отъ мотъ

одною изъ двухъ дорогъ: или верхней, болѣе проѣзжею, но скучною, или нижнею, близъ Волхова, менѣе удобною, но занимательною. Онъ поѣхалъ нижнею—противъ ожиданій монастырскихъ. Близъ самаго монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, *пхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока*. Его заняло, что везетъ инокъ въ рѣкъ; онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что въ возу *разный соръ и хламъ*, который просто кинуть въ кучу навозную нельзя, а надобно *бросить въ реку*. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ вышелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожку, увидѣлъ *порванные книги и книжные листы*, и затѣмъ велѣлъ иноку воротиться въ монастырь. Въ монастырѣ онъ сказалъ начальствующимъ, что если они считаютъ хламъ на возу ни на что негоднымъ соромъ, то готовы, значить, и уступить его тому, кто имъ будетъ дорожить, что онъ самъ дорожить имъ. И затѣмъ сталъ перебирать его, и выбралъ на первый разъ не мало *кожаныхъ книгъ и тетрадей*, общая порыться въ остальномъ въ другое время. Нѣкоторыя изъ отобранныхъ имъ тетрадей оказались послѣ драгоценными остатками древности, *между прочимъ даже и XI вѣка*. Такими оказались, по изслѣдованіямъ Востокова: листы изъ *Псалтыри*, отрывокъ изъ *житія св. Кондрата*, отрывокъ изъ *житія св. Феодимъ*... (Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. V, перв. пол., стр. 23—24).

Одновременно съ собираніемъ матеріала дѣлаются и первыя попытки научной группировки и спеціальнаго изученія. Главными трудами мигр. Евгенія являются два словаря—*Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви* (2 ч. С.-Пб., 1818; второе изданіе—С.-Пб., 1827) и *Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи* (2 ч. Москва, 1845)... Кеппенъ увлечается общей областью славянской археологій, этнографіи и лингвистики,—и между прочимъ является наиболѣе раннимъ посредникомъ между русскими и западными учеными. Въ отношеніи собственно исторіи литературы, наиболѣе важнымъ трудомъ Кеппена были извѣстные *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи* (Выпускъ I: *Обзорные источники для составленія исторіи россійской словесности*. С.-Пб., 1819. Выпускъ II: *Библиографическіе листы*, 1825 года,—вышло 43 номера; изданіе возобновилось въ 1827 году, но было уже менѣе содержательнымъ). Нельзя мимоходомъ не сказать двухъ словъ объ этихъ „Матеріалахъ“. „Обзорные источники“ для исторіи русской литературы наглядно показываетъ,—какъ еще неясно для дѣятелей самое представленіе объ объемѣ и содержаніи „исторіи литературы“, какъ

трудно имъ выдѣлнить эту спеціальную область изъ общей массы изучаемаго матеріала. Понятія „просвѣщеніе“ и „словесность“ для нихъ слишкомъ неопредѣленны, расплывчаты. Подъ „просвѣщеніемъ“ Кеппенъ разумѣетъ вообще „культуру“ (Cultur); къ „исторіи просвѣщенія“ относитъ не только „исторію словесности“, не только „исторію искусствъ, художествъ“,—но и „ремесла“, даже „мануфактуру, фабрики“, наконецъ, всю „народную промышленность!“... Въ понятіе „словесность“ Кеппенъ включаетъ все, относящееся къ слову, письменности, печати,—присоединяя сюда и „книжную торговлю!“... „Исторію словесности“ Кеппенъ дѣлитъ—на исторію учености (или просвѣщенія въ тѣсномъ смыслѣ), на исторію самихъ ученыхъ, и исторію предметовъ, имѣющихъ особенное вліяніе на просвѣщеніе, какъ напримѣръ: книгопечатанія и книжной торговли“,— „конхъ распространение много способствуетъ умственному и нравственному образованію народа...“ „Библиографическіе листы“ носятъ тотъ же энциклопедическій характеръ; рядомъ съ статьями по изученію русской литературы, славянской письменности, идутъ статьи по медицинѣ, политической исторіи, естествознанію, военному искусству, музикамѣ,—даже по хозяйству!.. Труды Калайдовича и Строева сосредоточиваются преимущественно на разысканіи и описаніи памятниковъ письменности, уцѣлѣвшихъ по монастырямъ и старымъ бібліотекамъ,—отчасти на ихъ изданіи, благодаря просвѣщенному вниманію къ этому знаменитаго графа Н. П. Румянцева. Уже въ 1818 году Калайдовичъ и Строевъ приступаютъ къ описанію обширнаго рукописнаго собранія графа (Ф. А. Толстого,—описаніе продолжается около семи лѣтъ и увѣнчивается появленіемъ въ печати обширнаго труда: *Обстоят. описаніе славяно-россійскихъ рукописей б-ки гр. Толстова* (М., 1825), труда, „отворившаго двери въ тайники рукописныхъ древностей допетровской Руси“... Нѣсколькими годами позднѣе,—въ отношеніи къ фактическому описанію уцѣлѣвшихъ наличныхъ матеріаловъ старой русской литературы, классическимъ вкладомъ въ только что возникшую нашу науку былъ трудъ Востокова: *Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцеваго Музеума* (С.-Пб., 1842). Трудъ этотъ стоялъ на точкѣ зрѣнія уже несравненно болѣе широкой: къ біблиографическому описанію присоединялось основательное, часто всестороннее филологическое обслѣдованіе памятника, изученіе его со стороны языка, указаніе его литературныхъ источниковъ, сличеніе съ подлинникомъ и т. д. и т. д. Трудъ Востокова вводитъ насъ уже въ преддверіе „40-хъ годовъ“...

Около этого времени у насъ выступаетъ цѣлый рядъ новыхъ научныхъ дѣятелей, — съ несравненно болѣе широкой программой историческихъ изученій, чѣмъ это было еще такъ недавно, передъ этимъ, съ несравненно болѣе глубокой подготовкой, съ обширнымъ запасомъ ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ западной наукой... Буслаевъ, Кавелинъ, Срезневскій, Кудрявцевъ, Грановскій, Соловьевъ, Катковъ, Певолинъ, Калачовъ и т. д. и т. д.—одновременно и разомъ въ самыхъ различныхъ областяхъ русской исторической науки полагаютъ новыя начала. „Русская народность“ разомъ дѣлается предметомъ самыхъ разностороннихъ и усиленныхъ изученій,—при чемъ разомъ, одновременно идутъ и научныя изученія имѣющагося подъ руками матеріала и новыя, болѣе широкія его собранія. Рядомъ съ прежними, уже давно начавшимися трудами собственно *этнографическими*, рядомъ съ прежними собраніями и изученіями въ области *старой письменности*, преимущественно церковной, духовной — изученія съ особой энергіей обращаются на фактическое собраніе уцѣлѣвшихъ памятниковъ *народной поэзіи*, на обслѣдованіе сохранившагося объема древнерусской письменности,—не только церковной, проповѣдной, но во всемъ томъ объемѣ, какъ она уцѣлѣла... Одновременно съ этимъ идутъ работы по изученію *языка*, книжнаго и народнаго, несравненно болѣе широкія изученія *народной мивологии*, —изученія въ области *обычнаго права, исторіи церкви*, остававшейся дотолѣ совершенно запретной области русскаго *раскола*, — ставятся широкіе теоретическіе вопросы объ общемъ ходѣ развитія русской народности и государственнаго начала, объ отношеніяхъ русскаго народа къ „западной цивилизаціи“ и т. д. и т. д. Ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, моменту особеннаго духовнаго подъема въ нашемъ обществѣ, движеніе быстро усиливается благодаря ослабленію около этого времени и чисто внѣшнихъ стѣсненій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ русской наукой и литературой... Въ научныхъ и литературныхъ кружкахъ идетъ „оживленная и новая работа. Рядомъ съ возбужденными общественными интересами, которые вызывались событіями — крымской войной, новымъ царствованіемъ, ожиданіемъ реформъ—въ ту пору складывался и тотъ живой, можно сказать, страстный интересъ къ изученію старины и народности, который уже векорѣ сталъ прочнымъ направленіемъ и внесъ новое содержаніе какъ въ историческую науку, такъ и въ общественное сознаніе. Старшее поколѣніе давало своими трудами плодотворныя возбужденія. Въ исторической области

появлялись тогда первые томы *Исторіи Россіи* Соловьева, Забѣлигъ печатали первые очерки *Домашняго быта русскихъ царей*, Калачовъ издавалъ свой замѣчательный *Архивъ*; Аванасевъ начиналъ первое научное изданіе *Русскихъ народныхъ сказокъ*, углублялся въ мифологическія изслѣдованія по слѣдамъ Буслаева, и въ то же время готовилъ матеріалы *Библиографическихъ Записокъ*; Срезневскій начиналъ свои археографическія изысканія въ *Извѣстіяхъ*; въ особенности въ полномъ развитіи были изслѣдованія Буслаева "...¹⁾). Все это и самой массой фактическаго матеріала и массой новыхъ теорій, объясненій, гипотезъ—не могло не производить „переворота“. На одной изъ первыхъ статей Кавелина, написанной по поводу появленія извѣстнаго труда Терещенко (*Бытъ русскаго народа*. С.-Пб., 1847), представителя нашей старой науки,—наглядно можно видѣть, какъ далеко отстояло, въ области, напримѣръ, этнографіи, это „старое“ отъ выступавшаго теперь новаго направленія науки, какая широкая бездна лежала между прежними полу-инстинктивными увлеченіями „народностью“, этими, чаще всего неясными, романтическими увлеченіями въ область народнаго прошлаго,—и новыми строго-научными требованіями, заявлявшимися теперь на почвѣ западной науки...

Какую широту и разносторонность, вмѣстѣ съ значительной долей самостоятельности, приняли къ концу 40-хъ и половинѣ 50-хъ годовъ наши историко-литературныя изученія,—показываютъ еще болѣе труды Буслаева. Научныя разысканія Буслаева въ области памятниковъ народнаго творчества—русскихъ, славянскихъ и западно-европейскихъ—на первыхъ порахъ чаще всего обращаются къ изученію мифологическихъ элементовъ русской старины, насколько эти элементы скрываются въ языкѣ, въ сохранившихся остаткахъ народныхъ обрядовъ, въ народныхъ преданіяхъ и повѣртіяхъ, особенно же въ памятникахъ собственно поэтическаго народнаго творчества, въ сказкахъ, былинахъ, заговорахъ и т. д. Изслѣдованія Буслаева въ общемъ стояли здѣсь на почвѣ гриммовскаго метода. Отсюда нерѣдко общая научная дѣятельность Буслаева понималась исключительно, какъ примѣненіе къ *русскимъ* древностямъ гениальныхъ изученій Гримма въ области *германской* старины: Буслаевъ выставялся какъ бы лишь послушнымъ ученикомъ Гримма. Представленіе—фактически опровергаемое всѣмъ наличнымъ характеромъ ученыхъ работъ Буслаева. Буслаевъ—лучшій

¹⁾ *Ипполитъ*, „Исторія русской этнографіи“, pass.; ето же, о Тихонравовѣ,—„Вѣстникъ Европы“, 1894, стр. 416—454 и др.

выразитель всего совершавшагося въ русской наукѣ „переворота“, во всей широтѣ и разнообразіи возникшихъ у насъ съ этого времени научныхъ теченій въ сферѣ историко-литературной, — представитель всей развивающейся у насъ далѣе, съ начала 40-хъ годовъ, *филологической науки*, съ самыми разнообразными ея развѣтвленіями, — далеко не одного мѣологическаго въ ней направленія... Прежде всего, не надо забывать, что Буслаевъ сумѣлъ удержаться отъ тѣхъ крайностей, въ которыя уже очень скоро впадала и западно-европейская и русская гриммо-мѣологическая наука. Буслаевъ никогда не увлекался, или очень рѣдко, крайностями мѣологическихъ толкованій. Буслаевъ и вообще не особенно высоко цѣнилъ мѣологію природы — „съ ея безсодержательными объясненіями, которыя она полагала на всевозможныя мѣологическія и эпическія личности“... Рядомъ съ остатками *мѣологическими*, Буслаевъ уже очень рано начинаетъ допускать другіе элементы въ народной поэтической старинѣ, — *географическіе, историко-бытовые, книжные* и т. п. По взгляду Буслаева, древнія мѣологическія воззрѣнія въ нашемъ эпосѣ чаще всего являются уже въ позднѣйшемъ, какъ бы преломленномъ, видѣ, съ значеніемъ мѣстнымъ, историко-бытовымъ, географическимъ и т. п. Въ послѣдующемъ развитіи своихъ изысканій, этимъ, болѣе позднимъ, элементамъ Буслаевъ отводитъ все болѣе большее мѣсто. Буслаевъ особенно часто указывалъ на *вліянія книжныя*. Онъ особенно часто и съ особенною настойчивостью останавливался на тѣсныхъ связяхъ устной народной поэзіи съ памятниками письменности, — выдвигая въ этомъ случаѣ вопросъ, остававшійся до того совершенно незатронутымъ. Привлеченіе сюда, въ сферу изученія устныхъ произведеній русской народной поэзіи, обширнаго круга письменныхъ памятниковъ древней Руси, тщательное изученіе ихъ въ связи съ произведеніями устно-поэтической нашей старины — особенная заслуга Буслаева. Въ позднѣйшихъ работахъ Буслаевъ, какъ извѣстно, гриммовскую теорію окончательно призналъ устарѣвшей, и нерѣдко въ своихъ изъясненіяхъ становится уже на почву болѣе поздней, бенфеевской теоріи, являясь въ этомъ случаѣ ближайшимъ предшественникомъ нашихъ позднѣйшихъ изслѣдователей. (Ср. академика Веселовскаго, Славян. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и пр., С.-Пб., 1872, стр. IX; академика Соболевскаго, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, февраль, стр. 424—427).

Какъ мы замѣтили, „переломъ“, совершенный въ сферѣ историко-литературныхъ изученій, выразился одновременно какъ расширеніемъ

научнаго матеріала, такъ, по слѣдамъ западной науки, и измѣненіемъ самыхъ приѣмовъ изученій. Новое движеніе прежде всего направилося на всестороннее обследованіе той же *старой письменности*, которая и прежде была предметомъ внимательнаго изученія нашихъ изслѣдователей: теперь къ этой письменности впервые прилагались болѣе широкіе запросы и требованія новой науки. Раньше всего на первый планъ выступаютъ опыты широкаго *филологическаго изученія*. Разумѣемъ съ одной стороны такіе труды, какъ уже упомянутое *Описаніе Румянцевскаго Музеума* Востокова, *Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки* Горскаго и Невоструева, примыкавшіе отчасти еще къ трудамъ болѣе старымъ,—съ другой труды, стоявшіе уже непосредственно на почвѣ позднѣйшихъ филологическихъ изученій западной науки, какъ изслѣдованіе Каткова въ области русскаго языка (1845), какъ извѣстный трудъ Буслаева *О вліяніи христіанства на славянскій языкъ* (1848) и др. ш.

Рядомъ съ общирными филологическими разысканіями,—къ древней письменности предъявляются болѣе широкіе запросы чисто литературные. Письменность впервые съ особымъ вниманіемъ изучается въ ея отношеніяхъ къ міровоззрѣнію народной массы, къ области непосредственно-народной поэзіи. Въ ряду дошедшихъ старыхъ письменныхъ памятниковъ впервые стали цѣнить не одно церковное поученіе, лѣтопись, вообще памятники чисто церковной письменности, но и другія ея области, до того времени совершенно игнорировавшіяся изученіемъ, между тѣмъ—какъ теперь оказалось—стоявшія къ народной массѣ часто гораздо ближе, чѣмъ первые. Изученія впервые направились на эту „неофициальную“ сторону древне-русской письменности,—на факты, отражающіе въ ней міровоззрѣніе массы, отзвуки стараго мѣла, позднѣйшаго народнаго вѣрованія, сказаній, вообще факты народнаго поэтическаго творчества, народной поэзіи. Ионскіи въ этомъ смыслѣ возникали сами собою. По взгляду Якова Гримма, народный мѣлъ и сказаніе до того проникали нѣкогда жизнь и литературу, что ихъ отголоски можно иногда услѣдить въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ слова: его собственныя изслѣдованія доказали это въ области нѣмецкой народной мѣнологіи, права и вообще нѣмецкихъ древностей; русскіе послѣдователи школы естественно своимъ изученіямъ должны были дать то же направленіе... Это былъ естественный и самый вѣрный путь для новыхъ изученій, и начатыя попытки на самыхъ первыхъ же порахъ увѣнчались блестящими успѣхами“. Передъ изслѣдователями открылись цѣлыя области древнерусской

письменности,—гдѣ струя поэтической народной старины, народно-поэтического содержания пробивалась съ особой силой, обширныя области памятниковъ книжныхъ, бывшихъ или вполнѣ народными или стоявшихъ въ ближайшихъ соотношеніяхъ съ мотивами народной поэзіи. Это были остававшіяся дотолѣ совершенно неизвѣстными двѣ обширныя области древнерусской литературы—область *отреченныхъ книгъ*, древнерусскихъ апокрифовъ, и область *святскихъ повѣстей и сказаній*...

Рядомъ съ изученіемъ письменности древней развивается особый интересъ къ литературѣ позднѣйшей. Около середины и конца пятидесятихъ годовъ у насъ впервые съ особенной силой обнаруживается научное вниманіе къ фактамъ новой русской литературы — XVIII и XIX вв., какъ отраженіе общихъ, болѣе широкихъ взглядовъ на задачи и цѣли историко-литературныхъ изученій—помимо ослабленія съ половины 50-хъ годовъ и чисто внѣшнихъ, цензурныхъ ограниченій и стѣсненій для научныхъ изслѣдованій. Одновременно, цѣлымъ рядомъ изслѣдователей, начинаются внимательныя изученія болѣе поздней литературной исторіи,—все настойчивѣе и шире развивающіяся въ болѣе позднихъ трудахъ. На первыхъ порахъ, впрочемъ, изученія носятъ еще нерѣдко характеръ узко *биографическій* или *библиографическій*, особенно часто послѣдній. Библиографія вообще часто отводится самое широкое мѣсто; многими изслѣдователями она понимается не какъ вспомогательная дисциплина,—напротивъ, сама по себѣ принимается какъ бы конечной цѣлью изслѣдованія... Это была, конечно, уже крайность. Извѣстенъ насмѣшливый отзывъ нашего знаменитаго критика объ этомъ научномъ направленіи. „Начали дорожить—замѣчаешь мимоходомъ Добролюбовъ въ одной изъ своихъ статей—каждымъ малѣйшимъ фактомъ биографіи и даже библиографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ онѣ измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подиись *A* или *B* въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе,—вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любопытные предметы ея изслѣдованій, споровъ, сожалѣній... Цѣлыми годами труда самаго кропотливаго не добывалось ровно никакихъ результатовъ: публику душили ссылками на *ММ* и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, а она часто и не знала даже, о чемъ идетъ

дѣло. Мы помнимъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ двое ученыхъ—старый и молодой—ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина: *на четыре стороны* или *сторони*; помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ-за одного вздорнаго стихотворенія съ подписью *Д—тъ*, не зная, кому приписать его—Дельвигу или Дальбергу. Да мало ли что можно вспомнить изъ того времени, въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ отчаяніемъ скуки. И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій“.... („Соч.“ Добролюбова, т. I, С.-Пб., 1871, стр. 1 — 3). Нельзя не признать однако еще болѣшихъ крайностей въ этомъ послѣднемъ мѣствѣ. Если бы нашему критику суждено было пожить подольше, онъ, вѣроятно, отказался бы отъ своихъ насмѣшекъ и своего заключенія.... „Изъ этихъ споровъ и изслѣдованій“, напротивъ, вышло очень много. Справедливо указывалось тогда же, что „библіографія вызывается движеніемъ литературы и науки, потребностью знать то, что, когда и гдѣ было писано и печатано, гдѣ что хранится, куда обращаться за источниками для ученыхъ работъ“... Какъ знаніе вспомогательное, библіографія „необходима для всѣхъ наукъ, такъ какъ всякому ученому необходимо знать по крайней мѣрѣ болѣшую часть сочиненій въ области специальныхъ его занятій. Напротивъ того, незнакомство съ литературою библіографической можетъ быть причиной важныхъ ученыхъ ошибокъ, можетъ вызвать бесполезное изслѣдованіе по предмету, о которомъ прежде было писано съ большимъ успѣхомъ, можетъ породить пропуски, непростительные въ серьезномъ трудѣ, и — что всего хуже—есть корень невѣдѣнія литературной исторіи народа. Все это—продолжасть зачитывать библіографіи—чувствуется въ нашей литературѣ: правда, наша книжная старина начинаетъ поменьшеку разрабатываться, но сколько разъ выдавалось у насъ за новостъ то, о чемъ было обстоятельно писано много лѣтъ тому назадъ въ какой-нибудь старой книгѣ, въ забытомъ номерѣ давнишняго журнала, сколько разъ наши изслѣдователи являлись до-нельзя отсталыми относительно западной науки. И все это отъ того, что наши ученые подчасъ не знакомы со своею наукою библіографически“.... („Атепей“, 1858, № 43, стр. 505). При всѣхъ крайностяхъ, въ которыя нерѣдко впадали наши тогдашнія біографическія и библіографическія разысканія, они дали и самые благотворные результаты. Изученіе—хотя иногда и слишкомъ узкое, тѣсное — „обратило вниманіе на массу явленій, которыя оставляла въ сторонѣ эстетическая критика, но которыя были испол-

нены интереса для внутренней исторіи общества и тѣхъ сложныхъ путей, какими шло его самосознаніе“.... Слишкомъ мелочныя, повидимому, библиографическія разысканія—стояли на совершенно новой точкѣ зрѣнія на предметъ, исходили изъ интересовъ, совершенно чуждыхъ прежней, эстетической, оцѣнкѣ литературнаго факта. Многие, что казалось совершенно неважнымъ и неинтереснымъ для историка-эстетика—часто представляло живѣйшій интересъ для историка образованія, нравовъ, быта... „Теперь, черезъ тридцать лѣтъ—читаемъ въ 1891 году—результаты этой работы оказываются крупнымъ приобрѣтеніемъ, сильно измѣнившимъ наши историко-литературныя представленія. Изысканія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, раскрыли цѣлый рядъ любопытныхъ явленій внутренней жизни общества, съ начала XVIII вѣка и до новѣйшаго времени; точнѣе выясняется смѣна эпохъ и направленій, вліянія свроейской литературы; собрано множество фактовъ для исторіи образованія и нравовъ, восстановлено множество фактовъ, остававшихся неизвѣстными, какъ напримѣръ, обширная литература мемуаровъ прошлаго вѣка, впервые оцѣнено исторической значеніе дѣятелей, прежде едва упоминаемыхъ, какъ Повиковъ, значеніе масонства и т. д. Рядомъ съ этимъ развивался вообще интересъ къ старой исторіи“... Болѣе ранними и цѣнными здѣсь были—вмѣстѣ съ первой печатной работой Пыпина—исслѣдованія Галахова, Булича, Гаевского, Тихонравова, Аонасьева...

Новые болѣе широкіе требованія и взгляды, возникавшіе въ области историко-литературныхъ изученій, неизбежно производили рѣшительное измѣненіе и въ общей постановкѣ всей науки:—выдвигали совершенно новые взгляды на объемъ, содержаніе, конечныя задачи „исторіи литературы“, какъ науки.

Отличительной чертой старой эстетической исторіи литературы было пренебреженіе къ эпохамъ переходнымъ; историки-эстетики „не любили подвергать анализу тревожныхъ, не пришедшихъ въ гармонію историческихъ элементовъ; эпохи начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса“. Эстетическое изученіе стояло внѣ всякаго отношенія къ исторіи, исторической послѣдовательности литературныхъ произведеній. Для историка-эстетика не существовало, напримѣръ, простонародной литературы,—очень мало или даже никакого интереса не представляла старая письменность... Совершенно другіе взгляды выдвигались теперь. Покойный академикъ Тихонравовъ ранѣе другихъ формулировалъ характеръ новыхъ направленій въ области историко-литературныхъ изу-

ченій,—какъ они сложились у насъ къ половинѣ 50-хъ годовъ. „Въ настоящее время—писалъ онъ въ 1858 г., въ предварительномъ оповѣщеніи о предпринимаемомъ имъ изданіи „Лѣтописей русской литературы и древности“—, исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ историческихъ. Она перестала быть сборникомъ *эстетическиъ разборовъ* избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и отрехшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле *положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній*,—поставивъ себѣ задачу уяснить *историческій ходъ литературы*, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова *постепенное развитіе народнаго сознанія*, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать, какъ явленіе исключительное, внѣ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему только чисто эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ прежнихъ „исторіяхъ“ литературы... Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія литературы стала дорожить тѣми подробностями, которыя способствуютъ уясненію этого вопроса; отсюда любовь къ *полнымъ изданіямъ писателей*, къ собранію *биографическихъ данныхъ*, къ изданію *рукописей*, рѣдкихъ скорпечатныхъ книгъ и т. д. Самое подробное и обстоятельное изученіе *народнаго быта* по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея произведеніями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миниатюристами и граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ *исторіей искусства*. Одинъ и тотъ же духъ вѣстъ и въ литературѣ и въ искусствѣ, и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно внѣ полнаго пониманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи; потому блистательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширенію исторіи литературы. Успѣхи *языковѣдствія* не остались въ свою очередь безъ вліянія на исторію литературы. Выросшая на основѣ общихъ индо-европейскихъ преданій, народныхъ

вѣрованій, языка—*словесность народная* можетъ быть вполне понимаема только въ связи съ изученіемъ мѣологии, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ“. („Библиографическія Записки“, II, М., 1859, стр. 55—57).

Такъ постепенно, но самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнился основной взглядъ на задачи историко-литературныхъ изученій, на методъ и приемы изслѣдованія, на самый объемъ предмета. Старая эстетика смѣнилась *исторіей*...

Таковъ былъ общій ходъ нашихъ историко-литературныхъ изученій, ихъ конечные результаты къ половинѣ 50-хъ годовъ, — когда стали появляться первыя работы А. Н. Пышина. Послѣднія возникаютъ на широкой почвѣ тѣхъ новыхъ научныхъ взглядовъ, которые вырабатываются у насъ къ этому времени въ области „исторіи литературы“, какъ науки, и которые затѣмъ служатъ основнымъ русломъ всего послѣдующаго теченія всей русской исторической науки. Труды А. Н. Пышина — рядомъ съ трудами цѣлаго ряда другихъ, выступившихъ теперь молодыхъ научныхъ силъ—едва ли не составляли здѣсь наиболѣе сильную, могучую волну...

Разнообразіе научныхъ интересовъ, окружавшихъ молодого ученаго, могущественное вліяніе общаго научнаго возбужденія—сказывается уже на разнообразіи первыхъ работъ А. Н. Пышина: эти работы одновременно идутъ въ области русскаго языка, славяно-русской палеографіи, древне-русскихъ апокрифовъ, свѣтской повѣсти и сказаній, въ области памятниковъ народной поэзіи, въ области русской литературы XVIII вѣка, наконецъ—по самой теоретической постановкѣ вопросовъ изученія исторіи русской литературы... Разумѣемъ наиболѣе раннія, быстро появляющіяся одна за другой въ печати, статьи А. Н. Пышина: *Словарь къ первой новгородской лѣтописи* („Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русскаго языка“, т. II. С.-Пб., 1854, стр. 34—99); *Матеріалы для славянской палеографіи изъ „Опис. Румянц. Музеума“* Востокова („Уч. Записки Имп. Ак. II.“, кн. II, С.-Пб., 1856, стр. 1—58), сводъ палеографическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ трудѣ Востокова, до сихъ поръ не потерявшій значенія; *Очерки изъ старинной русской литературы* („Отеч. Зап.“ 1855 года); *О романахъ въ старинной русской литературѣ* („Современникъ“, 1854, декабрь, стр. 59—110); *Старинные апокрифы* („Отеч. Зап.“, 1857, № 11); критическая статья, по поводу „Русскихъ народныхъ сказокъ“ *Афанасьева* („Отеч. Зап.“, 1856,

№№ 4—5); *Владимиръ Лукинъ* (кандидатская диссертация Пыпина, отрывки изъ которой, помѣщенные въ „Отеч. Зап.“, 1853, №№ 4—5, были первой печатной работой будущаго академика); наконецъ, критическая статья А. Н. Пыпина на книгу Милюкова: „Очеркъ исторіи русской поэзіи“ (С.-Пб., 1858).

Своимъ содержаніемъ всѣ эти работы говорили не только о широкомъ пониманіи задачъ предмета,—но и о совершенно новой его постановкѣ. Уже въ этихъ первыхъ работахъ нельзя не видѣть постоянного вниманія изслѣдователя къ историческому факту, стремленія къ выясненію историческаго значенія и внутренняго органическаго развитія изучаемаго историко-литературнаго явленія, къ уясненію за паличностью факта его внутренняго значенія и мысли. Уже здѣсь изслѣдователь выдвигаетъ важное культурное значеніе нашей старой переводной повѣсти, поднимаетъ вопросъ о влияніи Востока на древне-русскую литературу, приступаетъ къ изученію русской журналистики XVIII вѣка, цѣлую монографію посвящаетъ выясненію литературной дѣятельности очень малозвѣстнаго писателя... Критическая статья о книжкѣ Милюкова являлась любопытной иллюстраціей столкновенія старыхъ литературныхъ взглядовъ съ новыми. Милюковъ былъ представителемъ нашей старой эстетической школы, и въ своемъ „Очеркѣ“ въ сущности повторялъ взгляды, высказанные еще Бѣлинскимъ. Слабость историческаго начала, чтобы не сказать полное его отсутствіе, характеризующее взгляды нашей эстетической критики сороковыхъ годовъ, особенно типично сказывалась въ совершенномъ отрицаніи всякихъ связей новой, послѣ-петровской, литературы съ старой письменностью—и въ вытекающей отсюда оцѣнкѣ и этой допетровской письменности и всей нашей народной поэзіи. Въ своей статьѣ А. Н. Пыпинъ главнымъ образомъ останавливается на разборѣ этихъ двухъ основныхъ пунктовъ старой критики... „Не ищите сходства въ „Ширахъ“ князя Владимира—читаемъ въ книжкѣ Милюкова—ни съ пѣснями объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго Стола, ни съ поэмами о Карлѣ Великомъ, носящими на себѣ печать среднихъ вѣковъ, ни съ Шибелунгами, этой героической поэмой, вполне проникнутой духомъ нѣмецкаго рыцарства и отличающейся обдуманной цѣлостію плана и изящнымъ выраженіемъ. Въ нашей пѣснѣ видимъ совершенно иной характеръ...“ — „Сходства съ Шибелунгами и поэмами о Карлѣ Великомъ и нельзя искать въ нашихъ пѣсняхъ—возражалъ Пыпинъ—потому что эти поэмы и пѣсни о Владимировыхъ богатыряхъ—явленія, совершенно разнородныя: однѣ—литературныя

произведенія, выросшія на почвѣ народной, но по исполненію болѣе или менѣе искусственныя, другія—непосредственныя проявленія поэтического чувства народа, не тронутыя и не собранныя въ одно цѣлое талантливой рукой образованнаго поэта...“ Переходя ко второму пункту, Пыпинъ замѣчалъ: „Быстрый успѣхъ реформы служить лучшимъ доказательствомъ тому, что реформа встрѣтила общество уже приготовленнымъ къ катастрофѣ, которая должна была похоронить старину на вѣки. Люди, бывшіе усердными помощниками Петра, не всѣ же были легкомысленные и пустые, которымъ ничего не стоило отступить отъ старыхъ привычекъ; они могли сочувствовать цѣли, которую указывала имъ реформа... Мы не привыкли всматриваться въ литературныя явленія стараго времени, но мы могли бы замѣтить, что литература XVII вѣка довольно рѣзко отдѣляется отъ прежней письменности...“ и т. д. („Атеней“, 1858, № 25, стр. 555).

Спеціальныя изученія А. И. Пыпина уже рано сосредоточиваются въ области древней русской литературы, преимущественно въ двухъ, только что начинавшихся тогда изученіемъ, ея областяхъ: древнерусскихъ апокрифовъ, древне-русскихъ „отреченныхъ книгъ“, и области старинныхъ русскихъ повѣстей и сказаній.

Область древне-русскихъ апокрифовъ до самаго начала пятидесятихъ годовъ оставалась совершенно незатронутой изученіемъ,—самыя памятники оставались совершенно неизвѣстными. Все, что было сдѣлано здѣсь, ограничивалось отрывочными замѣчаніями, разбросанными въ „Описаніи Румянц. Муз.“ Востокова. Первые серьезныя изслѣдованія, въ слѣдъ за Буславскимъ, принадлежали здѣсь Тихонравову и Пыпину, труды которыхъ начались почти одновременно; впрочемъ, изслѣдованія Пыпина въ печати появились раньше. Статья А. И. Пыпина: *Древняя русская литература. I. Старинные апокрифы. II. Хожденіе Богородицы по мукамъ* („Отеч. Зап.“, 1857, ноябрь) была первой спеціальной работой, посвященной древне-русской апокрифической письменности, первой попыткой указать историко-литературное значеніе славяно-русской апокрифической литературы. Авторъ особенно подчеркиваетъ значеніе этой области древне-русской письменности,—въ противовѣсъ увлеченіямъ мнѳологической теоріей. Статья представляла общую характеристику древне-русскихъ „отреченныхъ“ памятниковъ,—съ присоединеніемъ спеціального изслѣдованія одного изъ нихъ, до сихъ поръ столь популярнаго въ нашемъ народѣ, извѣстнаго „Хожденія Богородицы по мукамъ“. Въ послѣднемъ отношеніи статья—столь обстоятельна, что, по замѣчанію позднѣйшаго

историка литературы, „и теперь, исключая мелочей, почти нечего прибавить къ общимъ соображеніямъ автора“...

Въ интересахъ научнаго изученія, необходимо было прежде всего фактическое, непосредственное знакомство съ вновь открытой областью,—и въ этомъ отношеніи наиболѣе значительный починокъ принадлежалъ также А. Н. Пышину: разумѣемъ изданная подъ его редакціей *Ложныя и отреченныя книги русской старины* (С.-Пб., 1862), одинъ изъ томовъ предпринятыхъ тогда на средства гр. Куселева-Безбородко „Памятниковъ старинной русской литературы“ (т. I—IV, С.-Пб., 1860—1862). Изданный томъ представлялъ собой довольно обширное собраніе произведеній древне-русской апокрифической литературы, тѣмъ болѣе цѣнное, что было первымъ собраніемъ этого рода произведеній нашей старой письменности, первымъ опытомъ обнародованія книжной области, лишь только что начинавшей быть извѣстною, да и то больше по слухамъ... Изданіе А. Н. Пыпина было встрѣчено необыкновенно суровой критикой Тихонова („Рус. Вѣстн.“, 1862, январь, стр. 415—446). Обширная критическая статья указывала дѣйствительно на многіе существенные недочеты изданія. Тихоновъ, какъ мы уже замѣтили, самъ занимавшійся въ это время спеціальнымъ изученіемъ области древне-русскихъ апокрифовъ, справедливо доказывалъ, что „въ основу исторіи отреченной русской литературы“ должна быть положена критическая разработка *индекса* запрещенныхъ книгъ. „Г. Пышину—писалъ рецензентъ—прежде всего слѣдовало выяснитъ себѣ объемъ и содержаніе русской отреченной литературы, на основаніи русскаго „индекса“ и полемическихъ указаній въ другихъ памятникахъ русской литературы, — въ „Стоглавѣ“, „Домостроѣ“, писаніяхъ Максима Грека и др... Къ сожалѣнію, г. Пыпинъ въ своемъ изданіи часто оставлялъ руководство „индекса“ — и печаталъ въ своемъ сборникѣ такія книги, которыя русская старина не считала ни „ложными“, ни „отреченными...“ Г. Пыпинъ руководствуется какими-то особенными соображеніями при опредѣленіи истинности и ложности древнихъ русскихъ памятниковъ... Г. Пыпинъ не обращалъ особеннаго вниманія на составъ и значеніе тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ выписывалъ свои „отреченныя книги“, — и потому не одинъ разъ сокращеніе и выписку принималъ за самую книгу... Большая часть ложныхъ книгъ, извлеченныхъ г. Пыпинымъ изъ „Пален“ — продолжаетъ авторъ рецензіи — представляетъ памятники не въ настоящемъ, истинномъ видѣ ихъ, а въ самой обезображенной и изуродованной формѣ—то съ огромными посторонними

наростами, то въ жалкихъ отрывкахъ. А между тѣмъ самой легкой критики рукописей достаточно было для того, чтобы избѣжать этого легкомысленнаго искаженія нашей старой отреченной литературы. Самое бѣглое, поверхностное сравненіе разныхъ списковъ „Пален“ убѣдило бы г. Пыпина, что та редакція „Пален“, которою онъ пользовался, есть результатъ длинной литературной исторіи этого памятника на русской почвѣ...“ И т. д. и т. д. Мы не безъ цѣли привели эти выдержки изъ рецензій: самая строгость и требовательность ихъ подрывала ихъ основательность. Безспорно, самой лучшей постановкой дѣла является то, когда изданію памятника предшествуетъ всестороннее его изученіе. Но это приложимо лишь къ отдѣльнымъ, единичнымъ памятникамъ, да и то бываесть не всегда осуществимо; чаще всего изданіе матеріала по необходимости должно предшествовать спеціальному изученію, — обуславливаетъ его собою. Последнее является даже неизбѣжнымъ въ случаѣ особой обширности матеріала, — какъ это и было именно здѣсь... Недостатки изданія Пыпина были результатомъ крайней недостаточности всей тогдашней научной разработки затронутой области, — результатомъ полнаго отсутствія такой разработки. Вновь открытая область была столь обширной и столь сложной для изученія, что быстро ориентироваться въ ней не было никакой возможности; приходилось по неволѣ идти оцупью и брать то, что прежде всего попадалось подъ руку. Для науки было огромнымъ приобрѣтеніемъ и то, что давалось изданіемъ. Какъ уже мы замѣтили, — это было первое болѣе или менѣе обширное собраніе у насъ подлинныхъ древне-русскихъ апокрифныхъ текстовъ, — и задачей лишь послѣдующихъ спеціальныхъ изученій могло явиться указаніе, гдѣ въ этихъ текстахъ „сокращеніе или выписки“ и гдѣ „самая книга“. Эти послѣдующія изученія, — какъ теперь мы видимъ изъ современнаго состоянія научной разработки этого вопроса, — фактически доказали, въ какой степени недостаточно было здѣсь „самой легкой критики...“ Въ послѣднемъ, впрочемъ, вѣроятно, уже скоро убѣдился и самъ суровый критикъ: предпринятое имъ изслѣдованіе „Отреченныхъ книгъ древней Руси“, приложеніемъ къ которому должны были быть изданные имъ въ 1863 г. „Памятники отреченной русской литературы“, — какъ извѣстно, осталось не доконченнымъ... „Длинная литературная исторія „Пален“, при цѣломъ рядѣ изслѣдованій, начинается фактически выясняться лишь въ самое послѣднее время... Нельзя въ значительной степени не согласиться и съ частнымъ возраженіемъ, которое дѣлалъ тогда же А. И. Пыпинъ на укоры Тихо-

правова въ недостаточномъ пользованіи указаніями „индекса“: Пыпинъ справедливо возражалъ, что „индексы“ не всегда и могутъ служить мѣриломъ апокрифовъ, такъ какъ, съ одной стороны, заключаютъ произведенія, не извѣстныя въ нашей письменности, съ другой — не представляютъ такихъ названій апокрифовъ, какія даетъ наша литература. Какъ историкъ культуры, а не теологъ, Пыпинъ и позволилъ себѣ ввести въ объемъ славяно-русской апокрифической литературы нѣсколько произведеній, не упоминаемыхъ въ „индексахъ“; другія отнести къ апокрифамъ не по заглавію, а по внутреннимъ признакамъ. (Ср. Владимірова, Научное изученіе апокрифовъ-отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ, стр. 15). Нельзя мимоходомъ не замѣтить и того, что и самый „индексъ“ древне-русскихъ отреченныхъ книгъ, на важности изученія котораго такъ настойчиво указывалъ въ рецензін Тихопратовъ, — въ своей литературѣ наиболѣе обстоятельнымъ трудомъ, явившимся тогда же, обязанъ былъ А. Н. Пыпину (*Изслѣдованіе для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ. „Лѣтопись занятій археогр. комиссін“, 1861, вып. I, стр. 1—55*); болѣе подробное изслѣдованіе исторіи „индекса“, предпринятое самимъ Тихопратовымъ, къ сожалѣнію, не было доведено до конца, не получило окончательной обработки... Вообще, научное изученіе обширной области древне-русскихъ апокрифовъ на первыхъ порахъ фактически едва ли не болѣе всего обязано было раннимъ трудамъ А. П. Пыпина ¹⁾).

Одновременно идутъ обширныя изслѣдованія молодого ученаго въ области древне-русскихъ свѣтскихъ повѣстей и сказаній, — отчасти мы уже упоминали относящіяся сюда его статьи: *О романахъ въ старинной русской литературѣ* („Современникъ“, 1854, декабрь, стр. 59—110); *Очерки изъ старинной русской литературы. I. Сказка „Тысячи и одной ночи“ въ русскомъ переводѣ XIII—XIV в.* („Отеч. Зап.“, 1855, т. ХСVIII, стр. 109—150); II. *Русскія редакціи среднетюльковскихъ сказокъ объ Александрѣ* („Отеч. Зап.“, 1855, т. СII, стр.

¹⁾ Кромеъ названныхъ, сюда относятся слѣдующія раннія работы А. Н. Пыпина: *Народные стишки и пѣсни, извлеченныя изъ рукописей*. „Отеч. Зап.“, 1858, т. СХVI, стр. 301—340. *Ложныя и отреченныя книги русской старины*. „Рус. Слово“, 1862, № 2, стр. 42—88. *Замѣтки о рукописной литературѣ простого народа. I. Старовѣрческій стишокъ объ Андрѣ Демисовѣ*. „Библіог. Зап.“, 1858, т. I, стр. 49—55. *Грозовникъ* (рукопись Имп. Вѣнской библіотеки). „Архивъ“ Калачова, 1860, кн. I, стр. 8—12. *Для исторіи ложныхъ книгъ*. (Трепетнякъ. Дни добрые и злые. Раевя). „Архивъ“ Калачова, 1860, II, отд. V, стр. 15—27.

1—44); III. *Старинный переводъ „Римскихъ Дьявій“*. IV. *Нѣсколько новеллъ Боккаччо въ русской литературѣ XVII в.* („Отеч. Зап.“, 1857, т. CX, стр. 443—465); *Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ* („Извѣстія II отд. Ак. Наукъ“, т. IV, стр. 337—353; *Дополненіе къ названной статьѣ*,—т. V, 1856, стр. 61—64); *Шемякинъ судъ* („Архивъ историч. и практич. свѣд.“, Калачова, 1859, IV, стр. 1—10), — завершившіяся вскорѣ появленіемъ обширнаго классическаго труда: *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ* („Учен. Зап., II отд. Ак. Наукъ“, т. IV, С.-Пб., 1858). Отдѣльно—С.-Пб., 1857). Останавливаемся нѣсколько лишь на этомъ изслѣдованіи.

Авторъ начинаетъ съ общаго выясненія важности научныхъ изученій взятой имъ области,—до того времени совершенно вычеркивавшейся изъ общихъ рамокъ нашей литературной исторіи. „Въ литературѣ не развитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ — говорить изслѣдователь — иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, которыя иногда рѣзко высказываютъ свои выводы, но не останавливаются на одной идеѣ, эти неопредѣленные стремленія фантазій, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапные порывы и дѣйствительная неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности безсознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится отрывать ея невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются *симптомы жизни* въ литературѣ, начинающей свое существованіе...“ Рядомъ съ симптомами жизни, свидѣтельствовавшими объ общемъ историческомъ развитіи въ сферѣ народной мысли,—изслѣдователь указываетъ и другія любопытныя стороны въ исторіи нашей старинной повѣсти: „Она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; она занимала читателя своимъ болѣе

или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны, повѣсть наша представляеть не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала...“ Авторъ такъ намѣчаетъ главные вопросы своего изслѣдованія: „Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато разцвѣтшая въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? Насколько было въ ней начала самостоятельнаго, или — если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинилась чужому вліянію и пользовалась чужими богатствами — гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій?...“

Изслѣдователь прежде всего отмѣчаетъ особенную бѣдность въ этомъ отдѣлѣ нашей старой письменности произведеній „самобытно-русскихъ“, указывая здѣсь же и причину этой бѣдности: отсутствіе въ нашей древней литературѣ, съ первыхъ же моментовъ ея возникновенія, тѣсной, органической связи съ произведеніями живой устной народной поэзіи. „Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, — напротивъ, наша народная словесность, какъ болгарская и сербская, издавна заключилась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе... Извѣстныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободнаго выраженія началъ народно-поэтическихъ...“ Отсутствіе повѣсти самобытно-русской, оригинальной — открывало тѣмъ болѣе большой просторъ произведеніямъ этого рода иноземнымъ, переводнымъ: отсюда обширная популярность за весь древній періодъ нашей литературы произведеній этого рода переводныхъ, наплывъ въ ней разнаго рода иноземныхъ повѣстей и сказаній, въ которыхъ находила нищу любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ рассказамъ нашихъ древнихъ грамотниковъ. Первыми, болѣе ранними, здѣсь были повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы, отпоспвшіяся къ древнѣйшему періоду нашей письменности. Византійская литература легко могла удовлетворять потребностямъ старо-славянской письменности. „Она стояла тогда на границѣ между литера-

турами западной Европы и востока. Византия, съ одной стороны, общала арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы, творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократя, Птоломеея, Платона; съ другой — сама знакомялась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ. По связямъ съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанія западно-европейскія...“ Для насъ ближайшую роль играло здѣсь посредничество южныхъ славянъ,—принесшихъ намъ на первыхъ же порахъ цѣлый рядъ подобныхъ произведеній.

Отличительная черта болѣе раннихъ древне-русскихъ повѣстей нашихъ (переходившихъ приблизительно до XIV—XV вѣковъ) состояла, по наблюденіямъ изслѣдователя, въ томъ, что онѣ „принимасмы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей“, и потому на нихъ уже скоро сказался „русскій оттѣнокъ“; „въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтами или упоминаніями о русскомъ бытѣ и съ выраженіями господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени...“ Иной характеръ носитъ наша переводная повѣсть болѣе поздняго времени. „Произведенія письменности южно-славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ количествѣ, уже около XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность: читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи... Поэтому XIV — XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки болѣею частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь — изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаружившаго болѣею любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти: оставаясь, какъ и прежде, переводною, по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, порешла и къ собственнымъ попыткамъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византии не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ грековъ, приносившихъ съ собою разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Въ замѣнъ того, образовались новыя

литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы...“ Впрочемъ, прямыхъ, непосредственныхъ связей съ западною Европою и теперь почти не было: новая переводная повѣсть шла къ намъ съ Запада черезъ Польшу. Значеніе польской литературы въ этомъ отношеніи, сначала едва замѣтное, дѣлается все болѣе могущественнымъ къ XVII-му столѣтію,—являясь въ это время „такимъ же главнымъ источникомъ стариннаго популярнаго чтенія, какъ прежде византійскій или южно-славянскій...“

Переходившіе къ намъ черезъ Польшу западные повѣсти и романы, представляя для историка интересъ и сами по себѣ, по своей роли въ нашей литературѣ,—любопытны и по отношенію къ средне-вѣковой романтической литературѣ. Большая часть и византійскихъ, и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежатъ къ кругу поэтическихъ созданій, такъ называемыхъ „странствующихъ“ (*wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи происхожденія — восточнаго или западнаго, азіатскаго или европейскаго — „странствующие рассказы сходны были въ одномъ: своей всеобщей извѣстности; каждое болѣе или менѣе интересное сказаніе или повѣсть расходилось повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою фязіономію, „получали длинную литературную исторію, не лишнюю характеристическихъ особенностей... Памятники русской старинной письменности *еще на одну степень* раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи... Иногда болѣе позднее русское сказаніе, относящееся къ этой области, подтверждаетъ родство съ преданіями византійскими, — указываетъ на извѣстность въ византійской литературѣ тѣхъ или другихъ преданій Востока и т. д. Изученіе относящихся сюда русскихъ старинныхъ сказаній является, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ, иногда существеннымъ, общей литературной исторіи „странствующихъ рассказовъ“.

Попытки нашей самостоятельной повѣсти были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія между прочимъ и потому, что повѣсть постоянно подчинялась требованіямъ историческаго изложенія. Во множествѣ старинныхъ историческихъ повѣстей, жизнеописаній или сказаній о замѣчательныхъ событіяхъ, перѣдко можно замѣтить участіе народно-поэтическаго преданія; но всегда оно затемняется рутинною сухостью изложенія, и смѣшанное съ чисто историческимъ рассказомъ, не получало отдѣльнаго развитія, такъ что эти сказанія

имѣютъ почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повѣсти, принадлежащія вполне области фантази—или составлены по чужимъ образцамъ или же безцвѣтны по мысли и изложенію, несмотря на нѣкоторые приемы, свойственные народной поэзи... Примѣровъ легкой, забавной повѣсти, взятой изъ русскаго быта, въ родѣ *Сказанія о Саватѣ Грудцкомъ*, *Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ*—„до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляютъ цѣлаго направленія. Эти повѣсти вообще любопытны по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣленны, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму“...

Въ XVII столѣтіи явилось желаніе воспользоваться и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повѣстями и сказаніями стали записывать и свои. Такъ, извѣстный *Стихъ о Голубиной книгѣ* уже встрѣчается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожалѣнію, подобныя попытки обнаруживались рѣдко и не передали намъ народныхъ сказаній въ той одеждѣ, какую носили они два вѣка тому назадъ и раньше: сказки и былины явились впервые въ XVIII столѣтіи въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, но за то пострадали отъ книжниковъ и передѣльвателей. Какъ много замѣчательныхъ подробностей могли бы сохранить старинные списки, можно судить по прекрасному тексту повѣсти *О Горѣ-Злочастіи*.

Связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ—во все продолженіе нашей древней литературы продолжала оставаться въ общемъ крайне слабой и случайной. „Народный эпосъ во всю эту эпоху сберегался только въ устахъ самого народа...“ Впрочемъ, связи и отношенія все же были, — хотя чаще всего чисто внѣшнія. Какъ элементы книжные входили въ содержаніе народного эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовывалось въ иныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда. Чужія повѣсти иногда особенно привлекали къ себѣ вниманіе русскіхъ читателей по какимъ-нибудь отдѣльнымъ чертамъ своего содержанія, получали особенную популярность, распространяясь въ массѣ списковъ, продолжавшихъ постоянно подновляться. При постоянномъ переписываніи, не только внѣшнія подробности сглаживались подъ русскія формы, но и самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. Въ большинствѣ случаевъ, усвоеніе переводной повѣсти на этомъ и останавливалось. По въ отдѣльныхъ случаяхъ усвоеніе чужого произведенія шло и гораздо дальше, — герои переводныхъ повѣстей изображались

тѣми же красками, какъ богатыри народныхъ сказозъ и былинъ. Такъ, итальянскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ русскую народную *Сказку о Юзѣ королевичѣ*... Особенно много заимствованныхъ рассказозъ заключаютъ въ себѣ наши лубочныя изданія,—съ XVIII вѣка занимающія у насъ такое важное мѣсто въ народномъ чтеніи.

Съ другой стороны, чисто-народныя произведенія подвергались вліянію книжному. Въ произведенія народнаго творчества легко могли проникать тѣ или другія отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія,—повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ и т. п. содержаніе, столь привлекательное для народной фантазіи, которымъ полны были такіе средневѣковые сборники, какъ „Физиологъ“ и другія бывшія столь же популярными произведенія западной средневѣковой литературы, и которое легко переходило отсюда въ пѣсню, былинну, сказку... Иногда народная поэзія заимствовала изъ книжныхъ преданій и повѣстей цѣлыя сюжеты,—когда эти сюжеты слишкомъ близко затрогивали народное чувство, слишкомъ близко стояли къ общему религіозному настроенію народной массы. Отсюда—собраніе цѣлой области *духовныхъ стихозъ*. Наконецъ, на народную поэзію могла вліять и непосредственно *книжная* повѣсть: этимъ объясняется, что въ нашихъ былинахъ Владимірова цикла рядомъ съ народными богатырями выступаютъ иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ „Полканъ-богатырь“, или встрѣчаются такія заносныя отдѣльныя черты, какъ „мечъ-кладенецъ“ въ сказкахъ и т. п.

Какъ видимъ изъ изложеннаго, изслѣдователь захватываетъ матеріаль „старинной русской повѣсти“ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По плану изслѣдователя, въ область „старинной русской повѣсти“ должны бы были войти два главные вопроса: одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмѣщавшаго въ себѣ различныя сказанія среднихъ вѣковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Въ виду крайней недостаточности матеріалозъ (въ то время) по отношенію къ эпосу чисто-народному,—изслѣдователь „ограничивается“ въ своихъ изслѣдованіяхъ „только“ матеріалами старинной рукописной литературы повѣстей или популярнаго чтенія... Нѣтъ нужды замѣчать объ обширности взятыхъ границъ. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ содержаніемъ труда: передъ нами подробное обследованіе всего рукописнаго матеріала нашихъ старинныхъ повѣстей и сказаній,—насколько послѣдній былъ извѣстенъ въ то время, обширная и документальная его исторія, въ связи съ предшество-

вавшими судьбами каждой взятой повѣсти въ литературѣ западно-европейской. Авторъ начинаетъ съ повѣстей византійскихъ и южно-славянскихъ, съ сказаній объ *Александрѣ Македонскомъ* и *повѣстей о Троянской войнѣ*; далѣе переходитъ къ *Слову о Акирѣ премудромъ*, сказанію о *Индійскомъ царствѣ*,—къ сказаніямъ о *Вавилонскомъ царствѣ*, обширному цѣлку сказаній о *Соломонѣ*,—*Слову о 12-ти снагъ Мамеря царя*, *Исторіи Варлаама и Иосафата*, вообще притчамъ религіозно-нравственнаго содержанія, далѣе—къ баснямъ *Видная* или *Стефаниту* и *Ихтилату*, переводамъ Эзопа, къ такимъ сборникамъ, какъ *Зрѣлище житія человеческого*, представляющимъ крайнее развитіе морализаціи въ области старой западно-европейской басни, когда мораль уже „не слѣдитъ строго за сохраненіемъ разсказа и дѣлаетъ примѣненія, которыя вовсе не вытекаютъ изъ басни“,—далѣе къ *Римскимъ Дѣліямъ* и отдѣльнымъ разсказамъ изъ того же сборника, *Зерцалу Великому* и вообще историческимъ разсказамъ правоучительнаго содержанія. Авторъ, наконецъ, переходитъ къ обширному отдѣлу рыцарскихъ романовъ,—*книгѣ о Мелюзинѣ*, *Исторіи Петра Златые-Ключи*, *Аноллонъ король Турскомъ*, *Исторіи о Бовѣ королевичѣ*,—къ такимъ переводнымъ произведеніямъ, переходившимъ къ намъ одновременно съ первыми, какъ *Семь Мудрецовъ*, *Анофематы*, обширный отдѣлъ „смѣхотворныхъ повѣстей“ и „фацецій“... Передъ нами чуть не вся средневѣковая западно-европейская беллетристика,—насколько она отразилась въ русской старинной „повѣсти“. Оставляя ваясь съ особыми подробностями на ея западно-европейской генеалогіи, изслѣдователь не забываетъ постоянно указывать ея чисто-русскія примѣненія, русскія интерполяціи и варианты, нерѣдко весьма характерные. Здѣсь же по пути изслѣдуются произведенія болѣе оригинальнаго происхожденія, а отчасти и чисто-русскія,—стоявшія или болѣе или менѣе въ зависимости отъ приходившаго иноземнаго матеріала или бывшія только параллельными ему, болѣе или менѣе самостоятельныя „опыты русской повѣсти“, какъ *Сказаніе о Савви Грудцынѣ*, *Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ*... Въ заключеніи авторъ удѣляетъ нѣсколько страницъ произведеніямъ народной словесности, *сказкамъ* и *былинамъ*, попавшимъ въ наши старыя рукописи, нашимъ первымъ записямъ подобныхъ произведеній; сюда же присоединяетъ цѣлый рядъ такихъ произведеній, какъ *Повѣсть о Горь-Злочастіи*, *Шемякинъ судъ*, *Повѣсть о Ермѣ и Омѣ*,—о которыхъ нельзя не замѣтить, что они могли бы съ большимъ правомъ занять свое мѣсто въ предшествовавшихъ частяхъ очерка... Огромность обследованнаго

матеріала, повидимому, подъ конецъ иѣсколько утомила изслѣдователя: послѣднія страницы его классическаго „Очерка“ производятъ впечатлѣніе добавочныхъ черновыхъ замѣтокъ, обработать которыя, повидимому, не успѣлъ авторъ...

Трудъ Пыпина сдѣлалъ эпоху въ изученіи взятаго отдѣла нашей старой литературы. Передъ русской наукой разомъ открылась цѣлая невѣдомая область,—одновременно подвергнутая и самому тщательному, документальному изученію. По обширности захваченнаго къ изученію матеріала, по эрудиціи и тщательности изученія,—трудъ Пыпина являлся событіемъ для всей тогдашней нашей науки, только что начинавшей становиться на ноги, совсѣмъ не приученной къ подобнаго рода изслѣдованіямъ... „Очеркъ“ Пыпина не только во все послѣдующее время являлся исходнымъ пунктомъ для каждой спеціальной работы въ области нашей старинной повѣсти,—но продолжаетъ исполнѣ сохранять это значеніе и до сихъ поръ; сохранить, повидимому, и на очень еще долгое время...

Наиболѣе ранней работой А. Н. Пыпина въ области новой русской литературы была упомянутая его кандидатская диссертация: *Владимиръ Лукинъ* („Отечественныя Записки“, 1853, № 4—5). Монографія и до сихъ поръ остается лучшимъ изслѣдованіемъ, посвященнымъ этому второстепенному, но любопытному писателю нашего XVIII вѣка (позднѣ статьи Пыпина были перепечатаны, съ небольшими сокращеніями, при изданіи „Соч.“ Лукина,—С.-Пб., 1867). Изслѣдованіе, какъ оно было помѣщено въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—открывается общими, новыми для того времени, соображеніями о необходимости изученія не только однихъ „великихъ“ писателей, но и второстепенныхъ. „Для полнаго пониманія развитія нашей литературы—говоритъ авторъ—недостаточно останавливаться на тѣхъ только писателяхъ, которые считаются представителями извѣстныхъ ея періодовъ. Конечно, произведенія ихъ могутъ дать намъ общее понятіе о состояніи литературнаго и умственнаго движенія въ эти періоды, но тѣмъ не менѣе это понятіе будетъ общее, несовсѣмъ опредѣленное, и для большей его точности и отчетливости мы должны обращаться и къ тѣмъ писателямъ, которые стоятъ на второмъ, даже на третьемъ планѣ. Нельзя и несправедливо было бы думать, что изслѣдованія о такихъ писателяхъ бесплодны и неинтересны; напротивъ, часто въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ факты очень любопытные, разработка которыхъ можетъ объяснить для насъ въ подробностяхъ то, что мы прежде знали только въ общихъ чертахъ... Стоя отдѣльно,

эти явленія кажутся чѣмъ-то случайнымъ, ничтожнымъ; собранные, поставленные на ряду съ другими подобными фактами, они представляютъ такую же характеристическую особенность своего времени, какъ и многое важное въ исторіи литературы, потому что они произошли изъ тѣхъ же дѣйствующихъ причинъ, того или другого состоянія общественнаго образованія. Фактическое изученіе литературы, не оставляющее безъ вниманія самыхъ мелкихъ подробностей, много расширить наши свѣдѣнія и объ исторіи нашей литературы и вообще нашего образованія“. Справедливо замѣчая, что немного еще сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи,—авторъ изслѣдованія намѣчаетъ въ области новой русской литературы цѣлый рядъ вопросовъ, выдвигавшихся новымъ направленіемъ историко-литературныхъ изученій: „Попріще для такихъ изысканій еще очень обширно. Мы не имѣемъ исторіи русской критики, не имѣемъ полной исторіи театра; не появлялась даже и мысль о томъ, чтобы нарисовать картину старинныхъ нашихъ литературныхъ нравовъ, театральныхъ обычаевъ—этой обыденной стороны въ жизни и старыхъ и новыхъ нашихъ писателей; мы вообще жалуемся на недостатокъ *біографическихъ* свѣдѣній о нихъ и проч.,—а между тѣмъ, оставляемъ неразработаннымъ то, что есть еще у насъ подъ руками, оставляемъ безъ вниманія то, что можно еще слышать отъ живыхъ свидѣтелей далекихъ литературныхъ эпохъ, и не думаемъ о томъ, что преданія гибнутъ безъ возврата, а старыя книги исчезаютъ мало-по-малу изъ обращенія. Вопросы о разныхъ частностяхъ исторіи нашей литературы остаются все еще безъ отвѣта и для ихъ-то разрѣшенія должно быть основаніемъ фактическое изученіе литературы. Нужно ближе, нежели сколько было до сихъ поръ, ознакомиться съ массою нашей литературы, изслѣдовать ее *библиографически*, только не по старой методѣ, выставившей заглавіе книги и годъ напечатанія и оставившей въ сторонѣ содержаніе, то-есть самое главное: нужно привыкнуть быть въ этой массѣ, освоиться съ тѣми *идеями*, которыя въ разное время въ ней господствовали“... Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ дѣлаетъ любопытную иллюстрацію болѣе раннихъ нашихъ изученій въ области новой литературы, полного отсутствія въ нихъ всякой научной критики,—указывая на труды одного изъ такихъ изслѣдователей, нѣкоего Макарова, предшественника Пыпина по изученію того же Луккина. Упомянувъ о статьѣ Макарова, посвященной Лукину,—А. И. Пыпинъ замѣчаетъ, что онъ „почти ничего“ не могъ почерпнуть изъ нея, и продолжаетъ: „Статья Макарова о русскихъ писателяхъ прошедшаго

столѣтія вообще такого рода, что ими чрезвычайно трудно пользоваться; то же надобно сказать и о статьѣ, имѣющей предметомъ Лукина. Въ ней даже, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, господствуютъ обыкновенные недостатки Макарова: невѣрности, неточности, противорѣчія самому себѣ. Первѣдо онъ ошибался даже тамъ, гдѣ ошибиться очень трудно: переназначивалъ факты, о которыхъ есть положительные свѣдѣнія, извѣстныя ему самому, перемѣшивалъ ихъ, такъ что безъ другихъ извѣстій трудно понять его рассказы, соединялъ два разные факта въ одинъ, или одинъ разлагаетъ на два и т. п. Тому, кто знакомъ съ его методой, очень естественно сомнѣваться, вѣрно ли передаетъ онъ и то, о чемъ говоритъ: „слышалъ отъ такого-то“...

Послѣ изслѣдованія о Лукинѣ, А. Н. Пыпинъ возвратился къ изученію новой русской литературы лишь много лѣтъ спустя, съ началомъ своихъ работъ въ „Вѣстникѣ Европы“, съ которымъ труды нашего ученаго связаны вообще самымъ неразрывнымъ образомъ: всѣ они, почти безъ исключенія, съ возникновеніемъ этого журнала (1866 г.), печатались здѣсь, въ видѣ журнальныхъ статей. Наибольше ранними были изслѣдованія по русскому масонству. Вопросъ этотъ сталъ предметомъ научныхъ изученій сравнительно поздно, и до сихъ поръ остается обследованнымъ лишь эпизодически. Въ ряду историковъ литературы А. Н. Пыпинъ первый указалъ важное историческое значеніе русскаго масонства,—какъ на „одно изъ первыхъ самостоятельныхъ проявленій нашего общества въ смыслѣ увлеченій нравственной тенденціей, обнимавшее весьма значительную часть общества, упорно державшееся въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ“... Въмѣстѣ съ немногими другими, изслѣдованія А. Н. Пыпина ¹⁾ были здѣсь наибо-

¹⁾ Разумѣемъ статьи А. Н. Пыпина: *Русское масонство до Новикова* („Вѣстн. Евр.“, 1868 г., № 7); *Русское масонство въ XVIII вѣкѣ* (ib., 1867 г., № 2) и особенно *Материалы для исторіи масонскихъ ложъ въ Россіи* (ib., 1872 г., янв., февр. и июль). Последнее изслѣдованіе представляетъ собой изученіе обширнаго рукописнаго матеріала, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ и Румянцовскомъ и Московскомъ музеяхъ, относящагося къ русскому масонству и оставшагося до того времени почти цѣлостнымъ научнымъ изученіемъ. Трудъ представляетъ въ себѣ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ, документальныхъ данныхъ по исторіи русскаго масонства—какъ стараго, въ XVIII вѣкѣ, такъ и новаго, въ царствованіе императора Александра I, до момента запрещенія масонскихъ ложъ въ 1826 г. Между прочимъ, въ статьяхъ акад. Пыпина сполна приводятся любопытныя письма Новикова, лишь мелькомъ упомянутыя Етвевскимъ. Указывая на богатство затронутыхъ матеріаловъ, г. Пыпинъ замѣчаетъ, что своими статьями онъ

дѣе цѣнными, — не только по своей документальности, но и общей широтѣ научныхъ выводовъ. Исслѣдованія акад. Пыпина предшествовали здѣсь главнымъ образомъ обширной монографіей Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты (М., 1867). М. П. Лонгиновъ былъ извѣстный знатокъ нашей литературы, особенно новой, XVIII и XIX вѣковъ; ему принадлежалъ цѣлый рядъ документальныхъ историческихъ статей о нашихъ писателяхъ XVIII и XIX вѣковъ, — имъ собрана масса матеріаловъ для изданій полныхъ собраній ихъ сочиненій; названная сейчасъ его монографія о русскихъ „мартинистахъ“ и до сихъ поръ остается весьма цѣннымъ вкладомъ по вопросу о русскомъ масонствѣ и въ частности въ литературѣ о Новиковѣ. Но всѣ эти труды — преимущественно виѣшняго, почти исключительно библиографическаго характера. Лонгиновъ мало интересуется внутренней стороной изучаемыхъ имъ литературныхъ явленій, — или попытки его въ этомъ отношеніи чаще всего лишены должной научной широты. И въ названной книгѣ о „мартинистахъ“ — стараясь объяснить историческое происхожденіе масонства и его значеніе, Лонгиновъ подробно говоритъ о западныхъ франкмасонахъ, мистикахъ, теософахъ, алхимикахъ, иллюминатахъ; касаясь алхимиковъ, начинается съ „древней“ Греціи, съ элевзинскихъ таинствъ, съ еврейскихъ ессеевъ, говоритъ объ „аравитянахъ“, о разныхъ Алмазоровахъ, Рамзесахъ; переходя къ среднимъ вѣкамъ и добираясь наконецъ собственно до „масоновъ“, Лонгиновъ съ полнымъ довѣріемъ ведетъ происхожденіе ихъ таинствъ и всей ихъ мудрости отъ луча свѣта, который озарялъ рай, и который освѣтилъ Адама въ страгѣ изгнанія, рассказываетъ о построеніи Соломонова храма, о томъ, какъ — около X вѣка — „образовалась корпорація изъ художниковъ и рабочихъ каменщиковъ, имѣвшая сходство съ существовавшей при постройкѣ Соломонова храма и, подобно послѣдней — признаваемая многими за учрежденіе, *положившее основаніе* новѣйшему франкъ-масонству“... Въ томъ же родѣ, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина — у Лонгинова и новѣйшая исторія масонства: онъ набираетъ именъ и кличекъ, прибавляетъ какіе-нибудь эпитеты, и это объясняетъ ему все: одинъ — истинный масонъ и порядочный человѣкъ; другой — ложный масонъ и потому негодяй; третій — иллюминатъ и, слѣдова-

нѣтъ въ виду сдѣлать лишь „общее указаніе“ на ихъ интересъ и важность; матеріалы эти однако и теперь, спустя 30 лѣтъ, остаются изученными лишь въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это сдѣлано „общимъ указаніемъ“ А. Н. Пыпина...

тельно, извергъ и т. п. „Направленія“ у Лонгинова происходятъ очень просто: „является неизвѣстно откуда человекъ и выдумываетъ направленіе, и затѣмъ набираетъ послѣдователей, какъ набираютъ грибы“... Палагая масонскую дѣятельность Новикова, — Лонгиновъ весьма старательно собираетъ факты, нерѣдко даже нагромождаетъ ихъ цѣлыми кучами; но очень мало заботится о томъ, чтобы такъ или иначе уловить ихъ внутренній смыслъ и значеніе. Онъ даже какъ будто не чувствуетъ и надобности въ этомъ. Цѣлые десятки страницъ книги Лонгинова заняты тщательными перечнями нашей масонской печатной литературы конца XVIII вѣка; каталогъ этотъ въ данномъ отношеніи и до сихъ поръ остается едва ли не наиболѣе подробнымъ и обстоятельнымъ,—и это, конечно, заслуга, имѣеть цѣну, какъ имѣютъ цѣну всякіе обстоятельные каталоги. Но въ книгѣ Лонгинова оставлены совсѣмъ незатронутыми вопросы, которые должны являться наиболѣе существенными для историка литературы, и которые именно ставятъ здѣсь задачей своихъ изученій Пыпинъ: „Какимъ образомъ въ русскомъ обществѣ, столь мало развитомъ и только что разбуженномъ реформой, еще съ половины прошлаго столѣтія могло начаться движеніе, которое могло приобрести при Новиковѣ такіе обширные размѣры? Какой былъ смыслъ этого движенія, что привлекало въ немъ людей русскаго общества и привязывало къ нему? Какіе были его результаты и какіе могли бы явиться еще, если бы оно не было прервано? Вообще, къ какому роду общественной дѣятельности принадлежали стремленія Новикова, и были ли они, въ цѣломъ, полезны или вредны?..“ Эти и подобныя вопросы, относящіеся къ внутренней исторіи русскаго общества — и не затрагиваются обширной книгой Лонгинова. На эту широкую общественно-историческую почву вопросъ о масонствѣ ставятъ—послѣ Ешевскаго—впервые труды А. Н. Пыпина.

И вообще внутреннее, духовное развитіе русскаго общества, развитіе въ немъ „національнаго самосознанія“—въ широкомъ смыслѣ этого слова, насколько это „самосознаніе“ выражается въ развитіи просвѣщенія, науки, поэтической литературы, публицистики, въ общемъ ходѣ и расширеніи общественной мысли — вотъ главная, основная точка зрѣнія историко-литературныхъ изученій академика Пыпина. Въ своихъ научныхъ изысканіяхъ — академикъ Пыпинъ съ особой силой выдвигаетъ мысль о ближайшей связи литературы народа съ общей исторіей его общественнаго и политическаго развитія. „Исторія литературы“ въ работахъ нашего знаменитаго ученаго чаще

всего является исторіей общественнаго развитія, исторіей общаго національнаго роста; литературное произведеніе въ его глазахъ прежде всего и больше всего важно, какъ отраженіе того или другого теченія въ исторіи развитія общественныхъ понятій, какъ фактъ культурно-политическаго развитія народа. Въ своихъ трудахъ академикъ Пыпинъ нерѣдко и теоретически указываетъ на это общественное значеніе литературы, на эту неразрывную связь ея съ общественной жизнью, съ характеромъ и складомъ общественности; настаивая на необходимости изученія нашей литературы именно съ этой стороны, онъ справедливо указываетъ на измѣненія въ этомъ отношеніи и въ самомъ характерѣ литературныхъ произведеній позднѣйшаго времени. „Исторія литературы, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ, входитъ въ цѣлую исторію общества, и на литературѣ мы имѣемъ возможность слѣдить возростаніе общественнаго самосознанія. И безъ сомнѣнія эта сторона предмета и имѣетъ наибольшую историческую важность. Въ наше время литература рѣдко поднимается до высшаго совершенства художественной красоты, гдѣ произведеніе является широкой объективной картиной человѣческой природы или цѣлаго общества, картиной, имѣющей болѣе прочное значеніе, чѣмъ временный интересъ обыкновенныхъ явленій литературы. Литература больше связана теперь съ непосредственными явленіями общественной и политической жизни; она подаетъ объ нихъ свой голосъ въ поэтическомъ произведеніи, какъ въ публицистикѣ. Любимой формой изящной литературы стала романъ и повѣсть,—вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая жизнь изображается прямо, въ области фантазіи, въ публицистикѣ, которая высказываетъ ея интересы, служитъ отголоскомъ ея борьбы, и отсюда, въ литературѣ поэтической, элементъ реальный становится еще сильнѣе. Если и чисто художественное, объективное произведеніе должно служить не только идеѣ красоты, но и идеѣ добра и правды, и слѣдовательно быть орудіемъ общественнаго улучшенія; то произведенія менѣе объективныя связываются съ общественной жизнью еще болѣе тѣснымъ образомъ: онѣ, быть можетъ, дѣйствуютъ менѣе возвышенными средствами, но съ болѣею страстью, съ болѣею силою убѣжденія и съ болѣею непосредственнымъ впливомъ на умы. Общественныя и поэтическія достоинства писателя и произведенія могутъ не всегда совпадать, и легко могутъ имѣть различную цѣну для той исторіи литературы, о какой мы говоримъ, — исторіи съ общественной точки зрѣнія. Это сопоставленіе литературы съ непосредственной жизнью, собственно говоря, только и можетъ указать дѣйствительное

значеніе историческаго прогресса литературы". Для оцѣнки этого историческаго прогресса, историкъ литературы долженъ брать въ расчетъ—„цѣлыя условія существованія литературы, общественную обстановку, въ которой ей приходилось дѣйствовать, ея дѣйствительный (часто, за полной невозможностью, не высказанный на словахъ) смыслъ. Только опредѣленіе этихъ общихъ условій указываетъ настоящую жизненную цѣну литературы, указываетъ ея объемъ, возможность и размѣры ея вліянія и т. д.“.

Съ точки зрѣнія такого изученія литературы особенно замѣчательными являются труды А. Н. Пыпина: *Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I* („В. Евр.“, 1870—1871; отд. изданіе — С.-Пб., 1872; второе изданіе — С.-Пб., 1885; третье изд. — С.-Пб., 1900); *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ и. до 50-хъ* („В. Евр.“, 1872—1873; отд. изд. — С.-Пб., 1873; второе изд. — С.-Пб., 1890) и *Бѣлинскій, его жизнь и переписка* („В. Евр.“, 1874—1875; отд. изд. — С.-Пб., 2 т., 1876). Двѣ первыя, по своему содержанию, тѣсно связаны между собой, представляя въ общемъ довольно цѣльную исторію нашего литературнаго и общественнаго развитія за первую половину XIX вѣка.

Въ *Исторіи общественнаго движенія при Александрѣ I*—авторъ подробно говоритъ о томъ новомъ направленіи, которое приняла вся наша общественная мысль съ вступленіемъ на престолъ императора Александра I, — о тѣхъ широкихъ планахъ преобразованій и дѣйствительныхъ реформъ, которыми полна была первая половина этого царствованія и которыми встрѣтили въ рускомъ обществѣ два совершенно противоположныхъ теченія: прогрессивное, сочувствовавшее предпріятнымъ реформамъ и предначертаніямъ, и теченіе консервативное, совершенно имъ враждебное, отрицавшее или совѣмъ ихъ полезность или въ значительной степени ее ограничивавшее. Представителемъ перваго былъ Сперанскій; втораго — Карамзинъ. Съ чрезвычайною яркостью, можно сказать, художественностью, и вмѣстѣ полной научной документальностью — рисуетъ изслѣдователь передъ читателемъ борьбу этихъ противоположныхъ направленій, страстную борьбу столкнувшихся тенеръ противоположныхъ общественныхъ мнѣній и взглядовъ, того общаго глубокаго броженія, которое совершалось во всемъ рускомъ обществѣ, въ его высшихъ слояхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и въ душѣ юнаго монарха, — можетъ быть, лучшаго, наиболѣе типичнаго представителя современнаго ему русскаго образованнаго общества, всего пережившагося страной историческаго момента. Передъ читателемъ съ

необычайной рельефностью возстаёт рядъ историческихъ событій и случайныхъ обстоятельствъ, давшихъ подъ конецъ такой рѣшительный перевѣсъ одному изъ борющихся направлений, — это необычайное возбужденіе умовъ въ періодъ отечественной войны и послѣ 12-го года, это широкое общественное возбужденіе послѣ 1815 года, и какъ результатъ всего этого — характеръ послѣднихъ годовъ царствованія... Время было болѣе чѣмъ когда „переходное“, — и гдѣ, на чьей сторонѣ, была „правда“, даже на отдаленнѣ историческаго промежутка сказать не всегда легко въ отношеніи къ такимъ историческимъ моментамъ; тѣмъ труднѣе разобраться современникамъ, переживавшимъ событія... Для изслѣдователя, впрочемъ, нѣтъ колебаній. Оканчивая свой трудъ, Пыпинъ замѣчаетъ: „Либеральное направленіе, созрѣвшее къ концу этого періода, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочныя корни въ общественномъ сознаніи. Люди, представлявшіе либеральное движеніе, испытали трагическую судьбу въ катастрофѣ 1825 года: противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе; цѣлое поколѣніе исчезло изъ общества, но идеалы его остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали жить и развиваться въ ихъ средѣ. Періодъ, наступившій теперь, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ, слишкомъ неблагоприятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его... Но внутри работѣ мысли продолжалась: идеалы предыдущаго поколѣнія сохранили свою привлекательность и приобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и новаго практическаго опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя симпатіи, которыя усиливали интересъ къ ихъ идеямъ. Несмотря на всѣ неблагоприятныя внѣшнія условія, нравственное сознаніе общества выросло и укрѣплялось, такъ что, въ пятидесятихъ годахъ, новое царствованіе встрѣтило въ умахъ подготовленную почву для общественныхъ реформъ, которыя были имъ начаты. Возвратившіеся „декабристы“ должны были увидѣть исполненіе многихъ желаній, которыя они штили въ свою молодую пору. Два далекія одно отъ другаго поколѣнія и два далекіе періода сближались въ новыхъ явленіяхъ, совершавшихся въ русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, судебное преобразование, возникновеніе земской самодѣятельности, начатки свободной печати — были историческою нитью, которая связывала съ нашимъ временемъ этихъ людей начала столѣтія. Исторія признаетъ за ними заслугу общественно-политиче-

скаго пониманія, которое указывало имъ эти и другіе вопросы нашего внутренняго развитія; немногіе представители освободительныхъ идей въ свое время, они мало могли сдѣлать для ихъ практическаго осуществленія, но они приготовляли будущее, потому что вызывали вниманіе къ нуждамъ народа, указывали на средства общественнаго преобразованія и, наконецъ, своимъ нравственнымъ мужествомъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ давали примѣръ искренности и глубины убѣжденія“...

Внутренней важности и интересности взятой эпохи вполне отвѣчаютъ достоинства научной обработки. Передъ нами не только цѣлый рядъ совершенно новыхъ освѣщеній, но и новыхъ фактовъ, долготѣ остававшихся неизвѣстными не только публикѣ, „образованной массѣ“ читателей, но и специалистамъ. Содержаніе „очерковъ“ чаще всего оперируетъ надъ матеріаломъ, который только что начиналъ тогда появляться у насъ къ печати, притомъ въ спеціальныхъ, мало кому доступныхъ, или даже извѣстныхъ, изданіяхъ; очень мало извѣстный, чаще совсѣмъ не извѣстный, значительно обогащенный самостоятельными изученіями и изслѣдованіями автора, историческій матеріалъ—разомъ являлся теперь сгруппированнымъ въ такой широкой и яркой картинѣ, съ такимъ широкимъ пониманіемъ дѣла, что трудъ представлялъ собой все значеніе научной новизны, являясь и „сводомъ фактовъ“ и громаднымъ запасомъ „обобщеній“ и программой для дальнѣйшихъ изученій... „Цѣль наша — замѣчалъ авторъ мимоходомъ въ одномъ мѣстѣ о своей книгѣ — была только выставить первыя общіе очерки вопросовъ, которые должны нѣкогда стать передъ публикой; мы хотѣли способствовать распространенію необходимыхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ образованной массѣ читателей. Это не больше, какъ первыя приготовленія къ будущему вполне научному рѣшенію этихъ вопросовъ“... Эти указанія слишкомъ скромны въ отношеніи къ собственному труду — и слишкомъ преувеличенны въ смыслѣ выраженныхъ здѣсь ожиданій касательно быстроты хода нашихъ научныхъ изученій, вообще русскоѣ исторической науки... „Первыя общіе очерки вопросовъ“, „первыя приготовленія“, „необходимыя свѣдѣнія“ — и теперь, черезъ 30-тъ лѣтъ, для русскаго образованнаго читателя остаются единственнымъ научнымъ трудомъ, изъ котораго онъ можетъ обстоятельно познакомиться съ цѣлою эпохой столь близкаго къ нему историческаго прошлаго, — и до сихъ поръ составляютъ собою въ научной литературѣ вопроса почти все, что вообще извѣстно и доступно „образованной массѣ“ чи-

читателей“ по затрогиваемымъ въ книгѣ вопросамъ... Трудъ А. П. Пыпина могъ бы быть капитальнымъ приобрѣтеніемъ и во всякой другой наукѣ, несравненно болѣе богатой и быстрѣе развивающейся, чѣмъ русская; тѣмъ болѣе значеніе оны имѣлъ у насъ, въ наукѣ вообще бѣдной самостоятельными изученіями, несвободной и туго двигающейся... И теперь, спустя 30 лѣтъ по своемъ появленіи, книга Пыпина въ рядѣ новыхъ послѣдующихъ изданій — продолжаетъ сохранять все свое значеніе и не имѣетъ около себя ничего, что могло бы ее хоть сколько-нибудь замѣнить „для образованной массы читателей“...

Сказанное нами сейчасъ о первой изъ названныхъ выше книгъ академика Пыпина въ весьма значительной долѣ относится и ко второй. О нашей литературѣ за періодъ съ 20-хъ по 50-е годы писалось не мало; но все это чаще всего лишено было широкаго историческаго освѣщенія, трактовалось почти исключительно на почвѣ чисто литературной, при чемъ самые литературные факты разсматривались чаще всего съ такъ называемой эстетической точки зрѣнія. А. П. Пыпинъ, какъ изслѣдователь названной эпохи, впервые съ особой яркостью указалъ, что литературное развитіе имѣетъ и другіе интересы, помимо эстетики, — что „исторія литературы входитъ въ цѣлую исторію общества, и на литературѣ мы имѣемъ возможность слѣдить за возрастаніемъ общественнаго самосознанія“... *Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ* представляютъ первую попытку изложить наши „литературныя мнѣнія“ 20 — 50 гг., какъ показатель именно этого „возрастанія общественнаго самосознанія“... Авторъ прежде всего останавливается на романтизмѣ, преимущественно на его тенденціяхъ общественныхъ, гдѣ онъ являлся направленіемъ у насъ почти исключительно консервативнымъ; далѣе переходитъ къ подробной характеристикѣ такъ называемой системы „официальной народности“, — наиболѣе рѣзкой формулировкѣ окончательнаго сложившихся къ этому времени нашихъ общественно-консервативныхъ понятій; затѣмъ довольно подробно говоритъ о тѣхъ наиболѣе раннихъ обнаруженіяхъ критическаго и прогрессивнаго направленія нашей литературы и общественной мысли, представителями которыхъ у насъ сначала выступилъ Чаадаевъ, нѣсколько позднѣе „западники“ и „славянофилы“, еще позднѣе — Бѣлинскій, литературныя мнѣнія котораго получили окончательную выработку тоже не вдругъ, но которыя подъ конецъ уже вполне опредѣленно поставили задачи литературнаго и общественнаго развитія... Параллельно и въ

связи съ развитіемъ мысли теоретической—шло развитіе литературы художественной. Исследователь подробно отмѣчаетъ возникавшія у насъ тамъ и здѣсь условія, которыя въ концѣ концовъ завоевали болѣе прочное положеніе и для нашей литературы и для развитія всей общественной мысли... „Ходъ того направленія литературы, за которымъ мы въ особенности слѣдили въ настоящихъ очеркахъ — говорить въ концѣ своей книги авторъ — былъ весьма послѣдовательнымъ развитіемъ одной основной идеи — постепенно выроставашаго общественнаго сознанія, критики существующаго порядка вещей, интереса къ народной массѣ, какъ основанію національнаго цѣлаго... Литература съ различныхъ сторонъ приходила къ мысли о народѣ: она прониклась любопытствомъ и сочувствіемъ къ его исторіи, къ его настоящему; хотѣла сблизиться съ нимъ, и на первое время старалась ознакомиться съ нимъ по крайней мѣрѣ тѣми средствами, какія были для нея возможны... Это было возвращеніе тѣхъ же идей, какія одушевляли лучшихъ людей двадцатыхъ годовъ, — но идей, очищенныхъ временемъ и развитыхъ новыми изученіями: онѣ были теперь болѣе или совершенно независимы отъ вліяній европейскаго либерализма, были болѣе свободны отъ платонической романтики, направлялись на дѣйствительные вопросы народнаго блага, приобрѣтали общественный смыслъ“... („Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. С.-Пб., 1873, стр. 475).

Съ „Характеристиками литературныхъ мнѣній“ тѣсно связанъ третій изъ названныхъ нами обширныхъ трудовъ академика Пыпина по исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія первой половины XIX вѣка—*В. Г. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка*. (2 т. С.-Пб., 1876 г.). Трудъ посвященъ изученію личности и литературной дѣятельности Бѣлинскаго, но общее содержаніе его далеко не исчерпывается этой спеціальной задачей. Біографическій матеріалъ вставленъ здѣсь въ такую широкую рамку, что біографія на многихъ страницахъ превращается въ исторію всей литературной эпохи. Впрочемъ, по многимъ причинамъ, зависящимъ отъ самаго характера трактуемыхъ вопросовъ,—многое остается невыясненнымъ и недоконченнымъ: исследователь не могъ имѣть полной свободы въ распоряженіи біографическимъ матеріаломъ, и извѣстныя части картины „должны были неизбежно остаться бѣлымъ пятномъ“... „Біографія Бѣлинскаго — писалъ въ 1876 году въ предисловіи къ своему труду Пыпинъ—еще не допускаетъ ни полноты фактовъ, ни даже полноты теоретической характеристики... Литература до сихъ поръ еще не могла

вполнѣ изобразить тѣхъ временъ, ни даже назвать историческихъ лицъ.... Къ сожалѣнію, это замѣчаніе все свое значеніе сохраняетъ и до сихъ поръ. Главными матеріалами Пыпину служили *тѣмъ* Бѣлинскаго,—матеріаль, бывший до того времени совершенно не доступнымъ въ печати, который остается неизданнымъ вполнѣ и до сихъ поръ, и который впервые былъ тогда собранъ самимъ А. Н. Пыпинымъ. Уже однимъ этимъ опредѣляется научное значеніе труда. Последнее опредѣлится еще болѣе, если припомнить, что послѣдующія 27-мъ лѣтъ, истекшія со времени появленія разсматриваемаго труда—до сихъ поръ очень мало прибавили къ тому, что было дано уже тамъ. Только въ самые послѣдніе годы стало выходить „полное собраніе“ сочиненій Бѣлинскаго, съ весьма обстоятельными примѣчаніями, нерѣдко значительно освѣщающими и личность писателя и его сочиненія; къ сожалѣнію, изданіе еще не окончено... Сдѣланное академикомъ Пыпинымъ опредѣленіе историческаго значенія Бѣлинскаго въ развитіи нашей литературы, его отношенія къ позднѣйшему движенію, тогда же вызвало любопытныя возраженія Кавелина; на нихъ тогда же отвѣчалъ Пыпинъ,—но затронутый вопросъ остался вопросомъ.

Рядомъ съ тремя названными сейчасъ трудами А. Н. Пыпина, необходимо поставить четвертый, едва ли не самый монументальный—*Исторію русской этнографіи* [четыре тома, С.-Пб., 1890—1892]. Необходимо имѣть въ виду то чрезвычайно широкое развитіе „этнографіи“, какъ отдѣльной, самостоятельной отрасли знанія, какое стали пріобрѣтать этнографическія изученія въ составѣ другихъ наукъ за послѣднее время, — чтобы вполнѣ оцѣнить содержаніе и характеръ названнаго труда. Какъ замѣчено было академикомъ Бестужевымъ-Рюминимъ, этнографія принадлежитъ къ числу такихъ отраслей знанія, которыя развились преимущественно въ XIX вѣкѣ,—когда вліяніе возраждающагося чувства національности, сказавшагося въ романтизмѣ, вниманіе къ интересамъ массъ и т. д. быстро усилили этого рода изученія, а общее научное движеніе придало ему научную форму. Въ XIX вѣкѣ этнографія вступаетъ въ тѣсную связь съ цѣлымъ рядомъ специальныхъ отраслей знанія, — *лингвистикою*, указывающей связь развитія языка съ развитіемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ,—*археологіею*, изучающею въ вещественныхъ памятникахъ древніе обычаи и вѣрованія, слѣдъ которыхъ нерѣдко сохраняется въ современности,—*исторіею*, которая все болѣе и болѣе стремится обратиться въ изображеніе народной жизни въ вѣковыхъ ея измѣненіяхъ, — съ

только что возникающему теоріею развитія общества [соціологію]; являются попытки основать эту послѣднюю исключительно на этнографіи; наконецъ этнографія тѣсно спланивается съ антропологіею — естественной исторіей человѣка, и т. д. Взаимодѣйствіе разныхъ отраслей знанія вноситъ въ каждую изъ нихъ свѣжую струю и усиливаетъ требованіе научности въ каждой изъ нихъ. Съ своей стороны и этнографія, изучая народы въ ихъ настоящемъ состояніи, даетъ матеріалъ для всѣхъ этихъ наукъ, и безъ ея помощи не могутъ существовать ни лингвистика, ни антропологія, ни соціологія, ни наконецъ исторія, коль скоро пониманіе народнаго духа въ его развитіи, во времени становится главною ея цѣлью. („Отчетъ о тридцати четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова“. С.-Пб., 1892, стр. 2—3). Съ этой широкой точки зрѣнія на задачи своего труда смотритъ и самъ авторъ. „Матеріалъ этнографіи, замѣчаетъ академикъ Пыпинъ— народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію народности. Обзоръ ея исторіи есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія.... Въ трудахъ по этнографіи особенно обпаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ—говорить оны въ заключенія своего труда— что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное самосознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло“... Съ этой точки зрѣнія, широкое распространеніе того, что добыто этнографіей, обобщеніе ея результатовъ—составляетъ безспорно насущную потребность и науки и общественной жизни, и сознаніе этого составляетъ особую заслугу А. П. Пыпина, предпринявшаго обширный трудъ -- обзрѣть историческое развитіе *русской этнографіи*, представить въ общей исторической картинѣ ходъ общественнаго и національнаго самосознанія, развитіе русской народности... Въ ближайшемъ смыслѣ задачей было — изложить развитіе русской науки и литературы въ связи съ состояніемъ общества. Такимъ образомъ основная задача и этого труда—въ общемъ та же, которая ставилась авторомъ и въ трехъ предшествовавшихъ, болѣе раннихъ его трудахъ. Чтобы нагляднѣе видѣть обширность охваченнаго матеріала, широту задачи, поставленной себѣ изслѣдователемъ, необычайную эрудицію автора при ея выполненіи—приведемъ самое сжатое обзрѣніе содержанія труда, его двухъ первыхъ томовъ, посвященныхъ изложенію этнографіи великорусской (третій томъ посвященъ Малороссіи; четвертый—Бѣлороссіи и Сибири).

Авторъ устанавливаетъ прежде всего общій взглядъ на значенію научнаго просвѣщенія, принесеннаго къ намъ въ началѣ XVIII вѣка, въ развитіи народнаго самосознанія, дѣлая общее обозрѣніе развитія этнографическихъ изученій съ начала XVIII вѣка, давшихъ въ конечномъ результатѣ болѣе или менѣе значительное сближеніе общества съ народомъ, и подробно характеризуетъ существовавшія у насъ въ XVIII вѣкѣ „понятія о народности“. Далѣе, выходя изъ того положенія, что отношеніе науки къ жизни было „раціоналистическое и утилитарное“, авторъ слѣдитъ за развитіемъ того и другого, преимущественно раціоналистическаго; представителей послѣдняго онъ видитъ между прочимъ въ Татищевѣ и Болтинѣ, въ трудахъ которыхъ изслѣдователь тщательно отмѣчаетъ вліяніе европейской науки. Очерчивается дѣятельность кн. Щербатова и Миллера и характеризуется дѣятельность академическихъ и столичныхъ ученыхъ. Затѣмъ, далѣе, съ особой обстоятельностью излагается исторія нашего литературнаго языка со времени реформы,—подробно говорится о трудахъ Ломоносова, Тредьяковскаго, прот. Алексѣева и тогдашнихъ ученыхъ учреждений. Характеристика занимаетъ цѣлую отдѣльную главу, которая, какъ справедливо замѣтилъ академикъ Бостужевъ-Рюминъ, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги. Здѣсь собраны и проверены наблюденія, уже сдѣланныя, съ цѣлымъ рядомъ новыхъ, самостоятельныхъ соображеній самого автора. Глава заканчивается общими выводами о вліяніи науки на русское общество XVIII вѣка. Переходя ко временамъ Александра I, авторъ особенно останавливается на Карамзинѣ, сравнивая его взгляды на народъ съ взглядами Радищева. Осуждая воззрѣнія Карамзина общественныя и историческія, авторъ ставитъ Карамзина, какъ историка, выше Щербатова. Переходя къ романтизму Жуковскаго, авторъ даетъ подробную характеристику стремленій къ „народности“ въ поэзіи этого писателя,—указывая, въ какой степени народный элементъ, къ которому такъ стремился Жуковский—измѣнился у него подъ вліяніемъ романтическихъ взглядовъ. Конецъ главы посвященъ обзору дѣятельности историковъ и археологовъ, составлявшихъ кружокъ гр. Румянцева; авторъ съ особой подробностью останавливается на Калайдовичѣ. Въ дальнѣйшихъ главахъ разсматривается дѣятельность Надеждина, Сахарова, Снегирева, Пассека, Даля, и цѣлаго ряда другихъ болѣе мелкихъ представителей нашей этнографіи въ періодъ 20—40-хъ годовъ. Особенно подробно характеризуется дѣятельность Надеждина. Послѣдняя глава I-го тома трактуетъ о „этнографическихъ элементахъ

въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ“. Исслѣдователь имѣетъ въ виду отраженіе этнографическихъ изученій и взглядовъ въ нашей поэзіи и беллетристикѣ 20—40 годовъ, преимущественно въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя. Общія взгляды автора формулируются приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Народная стихія, которая являлась у Пушкина, какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, а въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ, затѣмъ у Гоголя укрѣпляется въ могущественномъ реализмѣ,—у преемниковъ его выражается въ любящемъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка“.

Второй томъ начинается характеристикой 40-хъ годовъ. Въ первой главѣ авторъ останавливается на дѣятельности отечественныхъ ученыхъ, возвратившихся въ ту пору изъ-за границы,—на вліяніи европейской школы, исторической и филологической, при чемъ въ частности разсматривается дѣятельность Соловьева, Кавелина, Калачова, Забѣлина, Буслаева и Афанасьева. Слѣдующая глава посвящена характеристикѣ 50-хъ гг.; авторъ говоритъ объ общемъ расширеніи къ этому времени научныхъ изученій, о дѣятельности Бодянского, Рыбникова, Якушкина, Шейна и Максимова,—съ особой подробностью останавливаясь затѣмъ, въ слѣдующей главѣ, на трудахъ Буслаева, и въ новой, дальнѣйшей, на трудахъ Афанасьева. Пятая глава представляетъ общіе выводы о движеніи нашихъ историко-литературныхъ изученій съ конца 40-хъ и въ 50-хъ годахъ; затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ дѣятельности акад. Тихонова, Котляровскаго, Потебни, В. В. Стасова и П. А. Лавровскаго. Дальнѣйшая глава трактуетъ о „новой исторической литературѣ по отношенію къ изученію народности“, заключая въ себѣ довольно полный обзоръ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣдніе годы русскую историческую науку—о первоначальномъ бытѣ русскаго племени, происхожденіи русскаго государства, характерѣ московскаго періода, значеніи реформъ Петра Великаго и т. д. Слѣдующая глава посвящена спеціально дѣятельности К. С. Аксакова. Дальнѣйшія три посвящены „новымъ изслѣдованіямъ“ и „спорнымъ вопросамъ о русскомъ народномъ эпосѣ“, характеристикѣ трудовъ академиковъ А. Н. Веселовскаго и П. В. Ягича, общему обзору изученій народной жизни за послѣднія десятилѣтія и подведенію добытыхъ результатовъ. Наконецъ, въ двухъ послѣднихъ

главахъ II-го тома авторъ переходитъ опять къ литературѣ, къ изображенію народа въ области нашихъ позднѣйшихъ художественныхъ произведеній. Съ особой подробностью изложеніе останавливается на народничествѣ, — на произведеніяхъ Мельникова, Кохаповской, изъ позднѣйшихъ, Успенскаго и Златовратскаго...

Передъ нами — вся позднѣйшая исторія нашей науки и литературы, — подробная исторія русской „народности“, развитія русскаго общественнаго, національнаго самосознанія, — насколько оно выразилось въ наукѣ и художественной литературѣ.

Другія, болѣе широкія, популярныя задачи преслѣдуетъ *Исторія русской литературы* (4 тома, С.-Пб., 1898—1899; 2-е изд., С.-Пб., 1902—1903). Трудъ не представляетъ собой строго-научной, систематической „исторіи литературы“, полнаго строго-научнаго пересмотра всего литературнаго матеріала и систематическаго его изложенія; книга не даетъ „итоговъ“ въ точномъ, строгомъ смыслѣ слова. Какъ рядъ „очерковъ“, помѣщавшихся въ журналѣ на протяженіи болѣе 20-ти лѣтъ, трудъ, конечно, и не могъ дать этого, хотя при отдѣльномъ изданіи очерки были вновь пересмотрѣны и пополнены. Авторъ, впрочемъ, и ставитъ собѣ задачи другія. Его цѣлью было не столько произвести такой новый пересмотръ всему научному матеріалу, подвести строго-научный „итогъ“ всему сдѣланному, — сколько познакомить широкую публику съ общимъ характеромъ производящихся здѣсь работъ и изысканій, помочь ориентироваться въ нихъ образованному читателю, перенести ихъ результаты изъ кабинета спеціалиста въ среду „образованной массы читателей“. Какъ справедливо было замѣчено, исторія русской литературы — „наука для многихъ“; но ея „серьезная популяризація“ можетъ быть выполнена лишь серьезнымъ ученымъ, лишь глубокимъ ученымъ и знатокомъ дѣла, обладающимъ къ тому же всеѣмъ изяществомъ легкаго популярнаго изложенія. Именно такой „серьезной популяризаціей“ является разсматриваемый трудъ академика Пыпина. Общій характеръ своихъ „очерковъ“ указываетъ самъ авторъ въ предисловіи къ послѣднему тому: „Я имѣлъ въ виду — замѣчаетъ онъ здѣсь — читателя, болѣе или мене приготвленнаго, и предполагая основные факты извѣстными, въ особенности считалъ задачей — установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событіями жизни государства, народа и общества. Этимъ опредѣлялось и расположеніе историческаго матеріала. вмѣстѣ съ тѣмъ, я старался дать указанія о настоящемъ

положенія главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ... Излишне прибавлять, что эти „внутреннія соотношенія“ и „связи“ указываются въ разсматриваемыхъ очеркахъ съ полной глубиной научныхъ знаній и изученій предмета. Палагая въ своемъ цѣломъ, въ своихъ обширныхъ четырехъ томахъ, общій ходъ нашего литературнаго развитія, ходъ русской литературы отъ ея древнѣйшихъ, примитивныхъ зачатковъ, до позднѣйшаго, „послѣ-гоголевскаго періода“, полного ея художественнаго развитія, — „Исторія русской литературы“ академика Пыпина намѣчаетъ лишь въ общихъ широкихъ контурахъ главные пункты этого длиннаго пути, даетъ общую картину историческаго движенія и роста, стараясь указать главнѣйшія, основныя черты совершавшагося движенія, — въ связи съ общимъ ходомъ исторической жизни страны, разнообразными и сложными условіями ея общественной жизни, „съ событіями жизни государства, народа и общества“. Дѣлаемыя характеристики — какъ это понятно и само собою — не всегда представляютъ результатъ какихъ-либо новыхъ, самостоятельныхъ изученій и изслѣдованій; но всегда полны высокихъ достоинствъ сами по себѣ, всегда отличаются рельефностью и яркостью, — нерѣдко 2—3-мя страницами даютъ необычайно яркое освѣщеніе цѣлой эпохѣ, цѣлому литературному періоду... Среди другихъ имѣющихся у насъ общихъ курсовъ исторіи литературы, — трудъ Пыпина занимаетъ совершенно особое, отдѣльное мѣсто, рѣзко отличаясь отъ нихъ и своимъ общимъ характеромъ, направленіемъ, отчасти и самымъ объемомъ содержанія, доводя изложеніе до 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Предоставляя этимъ курсамъ (разумѣемъ, главнымъ образомъ, книги Галахова и Порфирьева) фактическую сторону предмета, — трудъ академика Пыпина старается дать собранному литературному матеріалу широкое прагматическое освѣщеніе, указать „внутреннее соотношение“ фактовъ и явленій. Въ этомъ отношеніи „Исторія русской литературы“ Пыпина является въ высшей степени цѣннымъ и существеннымъ ихъ дополненіемъ, — не только для образованнаго читателя, но и для каждаго начинающаго спеціалиста. Особенно цѣннымъ является трудъ въ послѣднихъ томахъ, въ изложеніи литературы XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ общимъ характеромъ, основными задачами, которыя здѣсь поставлены, — эти послѣдніе томы труда А. Н. Пыпина напоминаютъ книгу Тэна по исторіи англійской литературы. Впрочемъ, нашъ авторъ хорошо сознаетъ крайности тэновской критики, — сознаетъ справедливость возраженій, сдѣланныхъ противъ него позднѣйшими историками литературы... Въ началѣ своего труда А. П.

Пыпинъ, указывая на ту сложность, которую приняли въ позднѣйшее время историко-литературнаго изученія, — замѣчаетъ: „Множество новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ предметовъ, которые найдено было нужнымъ привлечь къ „историко-литературному“ изученію, было таково, что старыя рамки этого изученія уже вскорѣ оказались слишкомъ тѣсными и непригодными“. Съ необычайнымъ расширеніемъ объема предметовъ, мало-по-малу потребовавшихъ себѣ мѣста въ изученіи литературы, — „необходимо измѣнилась самая постановка ея исторіи. Иа ея мѣсто становилось теперь что-то новое, далеко превышавшее ея прежніе размѣры; но это новое было такъ широко и разнообразно, что ученая критика и до сихъ поръ не выработала точнаго разграниченія отраслей новаго знанія и его цѣльнаго опредѣленія... Историко-литературная критика различнымъ образомъ вступала на *новые пути*, что указываетъ несомнѣнно на будущее глубокое измѣненіе цѣлаго метода...“ „Исторія русской литературы“ Пыпина общимъ своимъ характеромъ и направленіемъ старается поставить русскаго читателя на эти „новые пути“, — и въ этомъ ея большая научная заслуга.

Къ названнымъ обширнымъ трудамъ примыкалъ цѣлый рядъ ¹⁾ болѣе или менѣе случайныхъ, небольшихъ статей А. Н. Пыпина, относящихся къ нашей литературѣ и общественной мысли XVIII и XIX

¹⁾ Отмѣчаемъ нѣкоторыя въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

Крыловъ и Радищевъ. Это писалъ въ „Почтѣ Духовъ“? Вопросъ изъ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія. „Вѣсти. Евр.“, 1868, май, стр. 419—436. *Россійское Библейское Общество (1812—1826).* „Вѣсти. Евр.“, 1868, августъ, стр. 639—712; сентябрь, стр. 231—297; ноябрь, стр. 222—285; декабрь, стр. 708—768. *Г-жа Брюднеръ.* „Вѣсти. Евр.“, 1869, августъ, стр. 588—663; сентябрь, стр. 207—252. *Феофанъ Прокоповичъ и его противники.* „Вѣсти. Евр.“, 1869, июнь, стр. 791—818. *Русскія отношенія Бенгтама.* „Вѣсти. Евр.“, 1869, февраль, стр. 784—819. *Времѣна реакціи.* „Вѣсти. Евр.“, ноябрь-декабрь, стр. 247—277, 740—777. *Библейская секта двадцатыхъ годовъ.* „Вѣсти. Евр.“, 1871, мартъ, стр. 248—282. *Русскій путешественникъ въ двадцатыхъ годахъ.* „Вѣсти. Евр.“, 1872, августъ, стр. 707—737. (Письма А. Н. Тургенева). *Малорусско-галицкія отношенія.* „Вѣсти. Евр.“, 1881, январь, 407—437. *Къ спорамъ объ украинно-галицкѣ.* „Вѣсти. Евр.“, 1882, май. *Константинъ Аксаковъ.* „В. Евр.“, 1884, мартъ, стр. 145—177; апр. 589—618. *Беллетристы и народники шестидесятыхъ годовъ. И. Левитовъ.* „Вѣсти. Евр.“, 1884, августъ. *Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ.* „Вѣсти. Евр.“, 1886, май, стр. 317—351. *До-петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ.* „Вѣсти. Евр.“, 1886, июнь, июль, стр. 680—717; 306—345. *Славянскій вопросъ по взглядамъ Пв. Аксакова.* „Вѣсти. Евр.“, 1886, августъ, стр. 763—807. *Русскій романъ за границей.* „Вѣсти. Евр.“, 1886, сентябрь, стр. 301. *Исторія текста сочиненій Пушкина.* „Вѣсти.

вѣковъ—впрочемъ, иногда и эти случайныя статьи принимали видъ цѣлыхъ монографій. Не можемъ, между прочимъ, не упомянуть о двухъ статьяхъ, посвященныхъ Щедрину, вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ (*М. Е. Салтыковъ*. С.-Пб., 1890. Первонач.—въ „Вѣст. Евр.“, 1889 г.). Трудъ излагаетъ главнымъ образомъ критическую дѣятельность Щедрина въ періодъ 1863—1864 годовъ, очень мало извѣстную, но чрезвычайно любопытную не только для характеристики самого писателя, но и по своей общей исторической цѣнности—„для пониманія общественныхъ настроеній въ эпоху реформъ, частью тогда совершившихся, частью ожидаемыхъ...“ При крайне бѣдной научной литературѣ, посвященной нашимъ 60-мъ годамъ, уясненію ихъ общественнаго и литературнаго характера,—книга акад. Пыпина является особенно интересной, и желаніе напомнить рядъ статей знаменитаго писателя, почти совершенно забытыхъ (въ „полное“ собраніе сочиненій Щедрина статьи эти обыкновенно не вносятся), является большою публицистическою заслугой. Излагаемая г. Пыпинымъ статья Салтыкова тѣмъ болѣе характерна и любопытна, что относится къ тому моменту въ знаменитой „эпохѣ великихъ реформъ“, когда и въ правительствѣ, и въ обществѣ обнаружались первые признаки колебаній, „утомленія или недовѣрія“,—„когда люди безхарактерные усомнились въ собственныхъ вчерашнихъ восторгахъ...“ Въ короткій промежутокъ времени 1861—1862 годовъ нашъ „общественный барометръ“ пошелъ сильно назадъ. „Вопросы, еще недавно вызывавшіе въ литературѣ оживленные толки, отступаютъ на второй планъ; задорныя фразы о „нашемъ времени, когда“ и т. д.,—смѣняются разсудительными объясненіями о вредѣ излишней поспѣшности въ общественныхъ преобразованіяхъ, о преимуществахъ постепенности, о томъ, какъ полезно было бы дорожить опытами прошедшаго, которое было не такъ дурно, и, наконецъ, ожесточенными нападеніями на либерализмъ и вольнодумство; Тургеневъ подсказалъ тогда извѣстный терминъ „нигилизма“, которому обрадовались, какъ находкѣ, озлобленные люди, не умѣвшіе сами опредѣлить, что собственно вызываетъ

Евр.“, февраль, стр. 780—802. *Павелъ Васильевичъ Анненковъ*. „Вѣстн. Евр.“, 1887, апрѣль, стр. 884—892. *Новыя объясненія Пушкина*. „Вѣстн. Евр.“, 1887, октябрь, стр. 632—675; ноябрь, стр. 279—321. *Новыя мемуары объ Александровской эпохѣ*. „Вѣстн. Евр.“, 1887, декабрь, стр. 668—714. *Русскія сочиненія Шевченка*. „Вѣстн. Евр.“, 1888, мартъ, стр. 246. *Забитый поэтъ*. „Вѣстн. Евр.“, 1889, мартъ, стр. 153 sqq. II т. д., II т. д.

ихъ вражду въ повѣйшемъ критическомъ и отрицательномъ направленіи. Салтыковъ больше чѣмъ многіе другіе стоялъ въ средѣ самаго вопроса...“ Статьи Салтыкова касаются вопросовъ, больше всего занимавшихъ тогда общественное мнѣніе, составлявшихъ предметъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ толковъ,—напримѣръ, первыхъ студенческихъ волненій въ началѣ 60-хъ годовъ, извѣстныхъ петербургскихъ пожаровъ въ 1862 году, возникшихъ тогда же въ литературѣ безконечныхъ толковъ о „нигилистахъ“ и „мальчишкахъ“, болѣе или менѣе сомнительныхъ теченій, которыя уже тогда начали обнаруживаться въ нашей журналистикѣ, и т. д. и т. д. Всѣ эти литературныя толки имѣютъ теперь, конечно, лишь историческій интересъ,—и въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчено акад. Пыпинымъ, „изъ первой половины шестидесятыхъ годовъ нельзя назвать другого писателя, который доставилъ бы столько этого историческаго матеріала, какъ Щедринъ, въ разсматриваемыхъ его публицистическихъ статьяхъ...“

Въ заключеніе упомянемъ о позднѣйшемъ монументальномъ трудѣ академика Пыпина, предпринятомъ имъ по порученію Академіи Наукъ и столь быстро доведенномъ почти до конца—*изданіи сочиненій императрицы Екатерины II*. По быстротѣ работы этотъ трудъ—едвали не единственный въ нашей ученой литературѣ: въ теченіе одного года вышло восемь обширныхъ томовъ... Пока напечатаны томы I—IV, VII—X. (С.-Пб., 1901). Изданіе поставило своей задачей — „собрать, по возможности, въ полномъ составѣ сочиненія императрицы Екатерины II, до сихъ поръ далеко не вполне извѣстныя, возстановить по подлиннымъ рукописямъ ихъ настоящій текстъ и такимъ образомъ опредѣлить ея литературную дѣятельность“... Величайшая заслуга изданія—не только провѣрка „по подлиннымъ рукописямъ“ текста сочиненій, но цѣлый рядъ открытій въ самой области этихъ „подлинныхъ рукописей“. Въ Государственномъ Архивѣ академикомъ Пыпинымъ найдена была въ автографахъ цѣлая масса литературныхъ произведеній императрицы, остававшихся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными. Вновь открытыя автографы заключаютъ въ себѣ тексты нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ, вполне законченныхъ, вмѣстѣ съ массой отрывковъ, рядъ отдѣльныхъ сочиненій, историческихъ и литературныхъ, наконецъ, матеріалы автобіографическіе. Въ отношеніи къ сочиненіямъ, уже ранѣе бывшимъ извѣстными и напечатанными,—академикомъ Пыпинымъ здѣсь же найдено множество автографовъ, дающихъ или рядъ важныхъ вариантовъ или вообще любопытныя ука-

занія о способѣ работы императрицы, о роли ея секретарей, переписывавшихъ ея труды и т. п. Нельзя не пожалѣть, что изданіе, полагая свою главную задачу въ собраніи самаго состава сочиненій и опредѣленіи текста—заранѣе устранило болѣе или менѣе обширные историко-литературные комментаріи; но послѣдніе, конечно, значительно задержали бы выходъ самыхъ сочиненій. Впрочемъ, каждое издаваемое произведеніе сопровождается въ изданіи особыми *примѣчаніями* редактора, но рѣдко весьма обширными, и вообще — весьма цѣнными. Въ примѣчаніяхъ указываются соответствующія рукописи и первопечатныя изданія, имѣющіеся иностранные переводы, приводятся варианты, сравнительно съ печатающимся текстомъ по имѣющимся автографамъ, бѣловымъ или черновымъ, и другимъ сохранившимся спискамъ, дѣлаются замѣтки библіографическія и отчасти историко-литературнаго характера, приводятся относящіеся къ печатаемымъ текстамъ матеріалы изъ различныхъ современныхъ изданій, изъ писемъ императрицы, изъ „Дневника“ Храповицкаго, дѣлаются замѣтки по языку и т. д. и т. д. Особенно цѣнны приводимые въ примѣчаніяхъ сполна тексты автографовъ, соответствующіе печатающимся текстамъ, а равно и другіе рукописные или печатные матеріалы, найденные академикомъ Пыпинымъ, имѣющіе ближайшее отношеніе къ издаваемымъ произведеніямъ, иногда весьма обширныя. Помимо „примѣчаній“, въ первомъ томѣ находится обширное *введеніе*, посвященное характеристикѣ особыхъ условій касательно литературной дѣятельности Екатерины II и обзору имѣющейся научной разработки вопроса о ея сочиненіяхъ; въ седьмомъ — специальное изслѣдованіе о томъ, „кто былъ авторомъ *Антидота*“. Помимо всего, — въ концѣ труда редакторомъ предполагается „собрать впечатлѣнія и выводы, которые представляются при изученіи этого необычайнаго историческаго матеріала“....

Какъ мы уже въ началѣ замѣчали, своей статьей мы вовсе не имѣли въ виду, да, разумѣется, и не могли — хоть сколько нибудь полно и всесторонне очертить научную дѣятельность академика Пыпина, болѣе или менѣе обстоятельно характеризовать научное значеніе его ученыхъ трудовъ въ области исторіи русской литературы; для этого нужно бы было написать цѣлую монографію. По самой задачѣ нашей, — мы должны оставить совершенно въ сторонѣ даже такіе монументальные труды А. П. Пыпина, какъ *Исторія славянскихъ литературъ* (2 тома, 1886), — обширныя и многочисленныя статьи его по изученію славянства, цѣлый рядъ другихъ статей, помѣщавшихся въ

„Вѣстникъ Европы“, отчасти и въ другихъ изданіяхъ; не входитъ въ нашу задачу и характеристика длиннаго ряда его переводовъ и т. д. ¹⁾ Мы надѣемся, однако, что и сказаннаго здѣсь вполне достаточно, чтобы видѣть общій характеръ ученыхъ трудовъ нашего знаменитаго ученаго,—ихъ обиліе, разнообразіе, ихъ громадную важность не только въ смыслѣ спеціально-научномъ, въ спеціальной области научныхъ изученій собственно исторіи русской литературы, но и въ болѣе широкомъ, чисто общественномъ,—ихъ значеніе въ общемъ поступательномъ движеніи нашего общественнаго развитія, столь неразрывно связанномъ съ расширеніемъ въ обществѣ образованія и серьезныхъ знаній,—въ общемъ развитіи того „національнаго, общественнаго самосознанія“, вопросъ о которомъ всегда занимаетъ такое видное мѣсто въ научныхъ изслѣдованіяхъ академика Пыпина. Къ трудамъ нашего маститаго ученаго и публициста съ гораздо большимъ, намъ кажется, правомъ можетъ быть отнесено сказанное имъ самимъ объ одномъ изъ позднѣйшихъ нашихъ ученыхъ дѣятелей: „Онъ не спеціализировался на какомъ либо одномъ вѣкѣ, одной области литературы; напротивъ, его интересы шли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ,—и вездѣ онъ искалъ въ произведеніяхъ литературы *отголоски жизни*, и не только жизни такъ называемаго общества, но и народной массы“....

А. Архангельскій.

¹⁾ Недавно вышелъ подробный списокъ трудовъ академика А. И. Пыпина, составленный по порученію II отдѣленія Академіи Наукъ ко дню его юбилея Барсковымъ (С.-Пб., 1903). Изъ переводовъ А. И. Пыпина особенно длиннымъ былъ переводъ *Исторіи всеобщей литературы XVIII в.* Геттера (С.-Пб., 1866—1872, 3 т.).

КОММЕРЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ МИЛАНЪ.

(Università commerciale Luigi Bocconi).

Потребность въ коммерческомъ образованіи чувствуется всѣмъ свѣтомъ. Всюду возникаютъ постоянно разнообразныя коммерческія учебныя заведенія. И у насъ, въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ дѣло коммерческаго образованія перешло въ руки министерства финансовъ, коммерческими училищами усѣялась вся обширная русская территория. Но мы до сихъ поръ имѣемъ только низшія и среднія заведенія коммерческаго типа. Вопросъ объ образованіи въ Россіи коммерческаго института возникъ только въ самое недавнее время, поднятъ въ печати и затронутъ, кажется, министерствомъ финансовъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ работала долгое время комиссія преподавателей объ основаніи въ Одессѣ высшаго коммерческаго института. Была масса засѣданій, труды которыхъ не увѣичались успѣхомъ. А что Россіи нужно высшее коммерческое учебное заведеніе, въ томъ едва ли кто будетъ сомнѣваться.

Въ Италіи ясно сознали необходимость въ образованіи высшаго коммерческаго учебнаго заведенія. Осуществителемъ идеи о коммерческомъ университетѣ въ наши дни явился тамъ Фердинандъ Боккони, который положилъ основаніе университету въ Миланѣ. Университетъ основанъ Боккони въ память своего сына Луиджи, павшаго на полѣ битвы при Адуѣ, въ 1898 году. Мысль учредителя состояла въ томъ, чтобы дать Милану такое учебное заведеніе, которое вполне соответствовало бы потребностямъ торговаго и промышленнаго города, какимъ является Миланъ. Для будущаго итальянской націи необходимо, говоритъ Боккони, поднять культурный уровень

нашихъ (т. е. итальянскихъ) торговыхъ и промышленныхъ классовъ созданиемъ не коммерческихъ школъ съ узкимъ профессиональнымъ характеромъ, каковыхъ не мало въ Италіи, а института съ строго научной организаціей, который бы внесъ въ коммерческое образованіе методъ и направленіе, общепринятыя во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ по истинѣ университетское образованіе. Соотвѣтственно вышеприведеннымъ требованіямъ была составлена программа преподаванія въ университетѣ и, для успѣшнаго окончанія дѣла, Боккони внесъ въ основной капиталъ коммерческаго университета имени Лунджи Боккони одинъ милліонъ лиръ.

Это высшее коммерческое заведеніе поставило себѣ задачей давать научную подготовку къ коммерческой дѣятельности. Университетъ управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ девяти лицъ, которые несутъ свои обязанности въ теченіе четырехъ лѣтъ. Совѣтъ назначаетъ ректора и профессоровъ, принимаетъ и увольняетъ всѣхъ служащихъ въ университетѣ. Онъ составляетъ общее обзорнѣе преподаванія. Отъ совѣта зависитъ также назначеніе стипендій, основанныхъ общественными учрежденіями или частными лицами.

Учебная и дисциплинарная власть находится въ рукахъ ректора, который присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта. Преподаватели образуютъ коллегію, предсѣдателемъ которой состоитъ ректоръ. Коллегія помогаетъ ректору въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, и составляетъ отдѣльныя программы преподаванія, для представленія ихъ въ совѣтъ, высказываетъ вмѣстѣ съ нимъ свои взгляды по всѣмъ вопросамъ, возбуждаемымъ совѣтомъ, а также представляетъ отъ себя совѣту предложенія, направленные на пользу преподаванія.

Въ студенты принимаются молодые люди, окончившіе лицей или техническое училище. Студенты, прошедшіе четыре курса университета и сдавшіе экзамены, получаютъ докторскій дипломъ (laurea). Иностранцы принимаются въ университетъ тогда, когда представляютъ аттестатъ, дающій имъ право поступить въ ихъ отечественный университетъ. То же самое правило примѣняется къ итальянцамъ, окончившимъ ученіе за границей. Пріемъ вольнослушателей и размѣръ платы съ нихъ за ученіе всецѣло зависитъ отъ совѣта. Студенты обязаны платить за право ученія 400 лиръ въ годъ, внося плату въ два срока.

Въ университетѣ будетъ даваться научная подготовка тѣмъ молодымъ людямъ, которые желаютъ занять высокое положеніе въ коммерческомъ мірѣ, управлять собственными торговыми дѣлами, если уже

принадлежать къ семьямъ коммерсантовъ, или же думаютъ управлять большими торговыми предпріятіями другихъ.

Новая школа должна быть проникнута національнымъ духомъ и отличаться университетскимъ направлениемъ. Сообразно съ высшимъ значеніемъ школы программы преподаванія приспособлены къ изученію высшихъ коммерческихъ наукъ. Новая школа не является напраснымъ повтореніемъ юридическаго факультета. Она имѣетъ собственную фizioномію, свое собственное направленіе и свой собственный *raison d'être*.

Возникла она въ главномъ центрѣ промышленности и торговли Италіи—въ Миланѣ, гдѣ мѣстныя условія могутъ лишь содѣйствовать ея процвѣтанію. Торговая жизнь Милана крайне интенсивна.

Курсъ ученія четырехлѣтній и ведется по слѣдующей программѣ:

Курсъ экономическихъ наукъ.

Основы политической экономіи на первомъ и второмъ курсѣ по 3 часа въ недѣлю.

Исторія и оцѣнка (*critica*) важнѣйшихъ экономическихъ учрежденій на 3-мъ и 4-мъ курсѣ по 3 часа въ недѣлю.

Наука о финансахъ и бухгалтерія. Основныя начала статистики на первомъ курсѣ 3 часа въ недѣлю.

Статистика народонаселенія на второмъ курсѣ 3 часа въ недѣлю.

Исторія коммерціи на третьемъ курсѣ 3 часа въ недѣлю.

Коммерческая географія на первомъ курсѣ 3 часа, а на второмъ 2 часа въ недѣлю.

Спеціальныя курсы на третьемъ курсѣ три часа въ недѣлю, а на четвертомъ 9 часовъ.

Курсъ техническихъ наукъ.

Политическая ариѣметика по 3 часа въ недѣлю на первыхъ двухъ курсахъ.

Бухгалтерія по 3 часа въ недѣлю на первыхъ двухъ курсахъ.

Банковая практика по 3 часа въ недѣлю на третьемъ курсѣ и по 4 часа на четвертомъ курсѣ.

Товаровѣдѣніе по 3 часа въ недѣлю на третьемъ и четвертомъ курсѣ.

Курсъ юридическихъ наукъ.

Конституціонное и административное право 3 часа въ недѣлю на первомъ курсѣ.

Частное право 3 часа въ недѣлю на первомъ курсѣ.

Торговое и промышленное право 3 часа на второмъ курсѣ и 2 на третьемъ курсѣ.

Международное право, спеціально относящееся къ торговлѣ.

Курсъ иностранныхъ языковъ.

Языки французскій, англійскій, нѣмецкій и испанскій на первомъ, второмъ, третьемъ курсѣ по 6 часовъ, а на четвертомъ по 5 часовъ въ недѣлю.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, кромѣ новыхъ языковъ, на первомъ курсѣ полагается 21 лекція въ недѣлю, на второмъ и третьемъ курсѣ по 20 лекцій и на четвертомъ курсѣ 21 лекція.

Когда торговля и промышленность были ограничены, тогда о коммерческомъ образованіи не говорили. Торговля была въ рукахъ лицъ, занимавшихся ею лишь для удовлетворенія тогдашнихъ потребностей и, конечно, насущная нужда въ научномъ коммерческомъ образованіи не ощущалась сильно. Благодаря несложности торговыхъ сношеній, медленности сообщеній удовлетворялись, на первыхъ порахъ, вполне тѣми немногими практическими знаніями, которыя приобрѣтались въ торговыхъ домахъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ путей сообщенія, съ уничтоженіемъ преградъ, раздѣлявшихъ націи, съ усложненіемъ экономического быта народовъ и съ развитіемъ новыхъ принциповъ международного права явилась крайняя необходимость въ системѣ коммерческаго образованія.

Единственная школа, существовавшая на первыхъ порахъ въ Италіи, школа классическая, не считалась вовсе съ требованіями повѣйшей жизни и, занятая исключительно изученіемъ античнаго міра, не давала никакого матеріала для удовлетворенія потребностей новой жизни вообще, а коммерціи и подавно.

Идя на встрѣчу новымъ потребностямъ, правительство и частныя лица стали основывать техническіе институты и высшія коммерческія училища, нѣсколькими годами позже, чѣмъ за границей, отвѣчающія требованіямъ времени.

Этими пововведеніями и ограничились. Никому и въ голову не приходила мысль, что коммерческое образованіе должно имѣть характеръ и значеніе университетскаго образованія.

До сихъ поръ въ Италіи еще твердо держится убѣжденіе, что для торговаго оборота вовсе не нужны научныя знанія. Съ одной стороны, лица, не принадлежащія къ торговому классу, смѣшиваютъ коммерцію съ свободными профессіями, съ другой—сами же коммерсанты избѣгаютъ тѣхъ научныхъ знаній, которые, по ихъ мнѣнію, мнимы и не примѣнимы въ торговомъ мірѣ. Технические институты и высшія коммерческія училища вполнѣ соотвѣтствуютъ только что приведеннымъ взглядамъ на коммерческое образованіе. Технические институты въ Италіи назначены исключительно для профессиональнаго образованія и не даютъ общей подготовки къ высшему образованію и элементовъ, примѣнимыхъ къ торговому обороту. Удовлетворяютъ они лишь нуждамъ того многочисленнаго класса лицъ, у кого нѣтъ возможности или желанія продолжать и окончить высшее образованіе, которыя поступаютъ въ торговые и промышленныя дома на низшія мѣста, выполняютъ въ экономическомъ движеніи скромныя функціи, но, тѣмъ не менѣе, все-таки необходимыя.

Высшія коммерческія училища имѣютъ аналогичный характеръ. Въ нихъ также дается профессиональное образованіе, обеспечивающее непосредственное приложеніе знанія на практикѣ. Преподавая преимущественно языки, банковыя операціи, бухгалтерію, коммерческую ариметику, тѣмъ самымъ доказываютъ, что эти учебныя заведенія желаютъ дать воспитанникамъ основательныя знанія, средство для работы въ торговыхъ конторахъ. Технические институты и высшія коммерческія училища, какъ учрежденія профессиональнаго, спеціальнаго характера, принесли, безъ всякаго сомнѣнія, большую пользу странѣ и эти учрежденія, лишь съ незначительными видоизмѣненіями, должны сохраниться, такъ какъ несомнѣнно они удовлетворяютъ насущной потребности. Тѣмъ не менѣе въ Италіи сознали необходимость, на ряду съ этими профессиональными школами, создать высшее учебное заведеніе, съ широкимъ преподаваніемъ экономическихъ наукъ. Въ послѣдніе годы условія гражданской жизни Италіи значительно измѣнились, общество пришло къ сознанію всеобщаго объединенія и, преимущественно, на почвѣ экономической.

Экономическая связь всѣхъ городовъ стала настолько сложна и интенсивна, что представляетъ собою величайшее явленіе. Школа должна идти слѣдомъ за этимъ движеніемъ, чтобы имѣть возможность

удовлетворитъ новымъ требованіямъ жизни. Жизнь, въ послѣднее время, сдѣлала такіе громадныя шаги, что необходима болѣе идеальная подготовка тѣхъ лицъ, которымъ придется управлять торговлей и промышленностью. Управлять современной экономической жизнью уже не сможетъ лицо лишь съ профессиональными знаніями. Въ настоящее время пужно быть на высотѣ знанія, постичь законы, управляющіе экономическимъ міромъ. Такого результата можно достигнуть только посредствомъ широкаго развитія научнаго знанія. Слѣдовательно, нѣтъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что для активнаго участія въ современномъ грандіозномъ движеніи человѣчества необходимо высшее образование. А потому коммерческій университетъ Луиджи Боккони имѣетъ свой *raison d'être*, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду дать высшую интеллектуальную подготовку всѣмъ молодымъ людямъ, которымъ придется занять высшія мѣста въ торговлѣ и промышленности.

Коммерческое училище, которое стремится стать въ уровень съ университетомъ, не можетъ ограничиться профессиональнымъ преподаваніемъ. Новая школа должна быть прежде всего высшимъ институтомъ экономическихъ наукъ. Если прежде изученіе законовъ экономическихъ явленій было лишь достояніемъ ученыхъ, проходившихъ юридическій факультетъ и готовившихъ себя къ государственной службѣ, если до сихъ поръ негоціанты не пользовались знаніемъ экономическихъ законовъ, управляющихъ ихъ же дѣйствіями, то это находитъ себѣ оправданіе въ обстоятельствахъ времени и мѣста.

Но теперь, когда торговля сдѣлала громадный шагъ впередъ, нельзя слѣдовать прежней системѣ. Необходимо привить негоціантамъ знанія экономическихъ наукъ. И конечно имъ, негоціантамъ, болѣе, чѣмъ какому либо другому классу людей, эти законы должны сослужить службу. Должна образоваться особая категория лицъ, посвятившихъ себя исключительно торговлѣ, но въ то же самое время усвоившихъ себѣ вполне знанія, необходимая для современныхъ требованій, чего можно достигнуть лишь широкимъ изученіемъ социальныхъ наукъ. Вообще необходимо, чтобы хоть тѣ, которымъ назначено стоять во главѣ торговыхъ учрежденій, были люди, могущіе примѣнить къ жизни свои свѣтлыя научныя знанія. До послѣдняго времени изучались экономическія науки, но онѣ были достояніемъ лишь людей науки и не примѣнялись на практикѣ.

А въ настоящее время между знаніемъ и практикой установилась такая близкая связь, связь органическая и такъ абсолютно подчинена

коммерческая практика науки, что безъ широкаго знанія экономическихъ наукъ немислимо вести широкое торговое дѣло. Научное знаніе экономическихъ явленій и законовъ, ими управляющихъ, полная подготовка молодыхъ людей къ рѣшенію самыхъ высшихъ и сложныхъ экономическихъ вопросовъ вполне своевременны и безотлагательны. Все вышесказанное и привело къ учрежденію коммерческаго университета Лунджи Боккони, который не могъ упустить изъ виду знаній, необходимыхъ для студентовъ, рѣшившихся посвятить себя торговой дѣятельности. Поэтому университетъ Боккони даетъ какъ полное научное знаніе, такъ и практическія свѣдѣнія спеціальнаго характера, дѣлая изъ своихъ студентовъ лицъ, вполне подготовленныхъ къ коммерческой дѣятельности.

И. Чижевъ.

текста, наблюдаемыхъ въ амброзіанской рукописи (A) — иными словами, примѣры, относящіяся къ области *первой половины паззовскаго кодекса* (П').

1. Уже известная нашимъ читателямъ ¹⁾ большая диттографія, находящаяся въ A среди извлеченій изъ Аппіана (Appian. *Rim.* 81 p. 267,7 ed. Mend.) [ELG. p. 551, 24 sq.] и состоящая въ ошибочномъ повтореніи словъ

ῥωμαίων ἐβλασφήμου ἢ θανατῶντες ἢ ἔκφρονες ὄντες ἢ τοὺς,

какъ мы уже говорили, всего естественнѣе объясняется тѣмъ, что въ *паззовскомъ кодексе* эти слова занимали *ровно строку*, и что Дармарій, при списываніи A съ П', закончивъ эту строку и переходя къ слѣдующей, попалъ опять на нее же благодаря случайной ошибкѣ, которая весьма легко могла произойти не только вслѣдствіе общезвѣстной небрежности Дармарія, но и вслѣдствіе столь значительной длины строкъ оригинала ²⁾.

2. Polyb. XXI, 26,10 p. 1062,13 ed. Hultsch: τοῦτο δὲ τοῖς μὲν ἄλλοις οὐδ' ἔλωσ ἀπήρεσκεν, ἀλλ' ἐβούλοντο, περὶ πλείστου ποιούμενοι τὴν σφῶν αὐτῶν σωτηρίαν.

Слова οὐδ' ἔλωσ — ποιούμενοι [ELG. p. 260,19 sq.], отмѣченные разрядкой, оказываются въ A *написанными дважды*. Въ виду какъ размѣровъ этой диттографіи, такъ и отсутствія какой-либо иной внѣшней причины (напримѣръ *homoeoteleuton* или чего-либо въ такомъ же родѣ), которая могла бы обусловить такую ошибку Дармарія, мы, безъ всякихъ колебаній, утверждаемъ, что въ *паззовскомъ кодексе* слова οὐδ' ἔλωσ — ποιούμενοι занимали *ровно строку*, при списываніи которой съ Дармаріемъ случилось то же самое, что и при списываніи словъ ῥωμαίων — ὄντες ἢ τοὺς въ аппіановскомъ мѣстѣ, о которомъ у насъ была рѣчь выше (п. 1), — т. е. что, списавъ упомянутую строку П (οὐδ' ἔλωσ — ποιούμενοι) и переходя къ слѣдующей строкѣ оригинала, Дармарій случайно опять попалъ на ту же самую строку.

Точно такую же ошибку того же переписчика находимъ и въ другомъ полибевскомъ мѣстѣ, которое находится въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ только что разсмотрѣннымъ.

3. Polyb. XXI, 25,5 p. 1060,15: τῶν δὲ πλείστων αὐτοῖς ἐθέλοντὴν

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1903, августъ, 369.

²⁾ Въ cod. Peirescianus и въ ватиканскомъ палимпсестѣ длина строки равняется 19 — 20 сантиметрамъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о строкахъ *паззовскаго кодекса*, а равно и архетипа извлеченій περὶ ἐπιδουλῶν, — какъ покажемъ вполнѣ слѣдствіи.

προσχωρηθέντων μετῆλλον¹⁾ εἰς τὴν Ἀπεραντίαν. καὶ τούτων δὲ προσθε-
μένων ἐχοροσίως ἐστράτευσαν εἰς τὴν Δολοπίαν.

Вся послѣдняя фраза καὶ τούτων—Δολοπίαν [ELG. p. 258,32 sq.]
въ *A* тоже *написана дважды*. Принимая во вниманіе размѣры этой
дигтографіи, почти тождественные съ размѣрами обѣихъ дигтографій,
о которыхъ мы рассуждали выше (m. 1 и 2), мы находимъ весьма
естественнымъ объяснить возникновеніе и этой дигтографіи точно та-
кимъ же образомъ, т. е. отвести словамъ καὶ τούτων—Δολοπίαν
тоже *ровно строку* въ пазовскомъ кодексѣ и предположить, что, при
списываніи этой строки оригинала, Дармарій, впалъ въ ту же самую
ошибку, чтò и въ обонхъ предыдущихъ примѣрахъ, указанныхъ
нами.

Попутно считаемъ небезполезнымъ обратить вниманіе читателей
еще на слѣдующее обстоятельство. Возможно, что де Боору или ка-
кому-либо иному досуужему стороннику мнѣнія, что пазовскій кодексъ
былъ писанъ не въ полную строку, но въ два столбца, придеть въ
голову мысль объяснить возникновеніе только что рассмотрѣнной нами
дигтографіи *исключительно* вліяніемъ нѣкотораго сходства послѣднихъ
словъ обѣихъ фразъ Полибія, приведенныхъ въ нашей выпискѣ (εἰς
τὴν Ἀπεραντίαν и εἰς τὴν Δολοπίαν), и, на основаніи этой догадки,
утверждать, что данный примѣръ не безусловно доказываетъ правиль-
ность нашего тезиса.

На это мы возразили бы, что сходство вышеприведенныхъ окон-
чаній обѣихъ фразъ, если взять эти окончанія *полностью* (εἰς τὴν
ἀπεραντίαν и εἰς τὴν δολοπίαν), оказывается слишкомъ незначи-
тельнымъ для того, чтобы признать такого рода „homoeoteleuton“ един-
ственною причиною дигтографіи. Если же, — считаясь съ этими окон-
чаніями *по частямъ*, допустить, что отъ втораго εἰς τὴν Дармарій
ἀβεργαῖτ̄ къ первому, то дигтографія, очевидно, обнимала бы слова
Ἀπεραντίαν—ἐστράτευσαν εἰς τὴν, а не καὶ τούτων—Δολοπίαν, какъ имѣемъ
въ данномъ случаѣ. Что касается, наконецъ, homoeoteleuton ἀπεραν-
τίαν—δολοπίαν, то нетрудно понять, что объяснить *исключительно*
имъ возникновеніе разбираемой дигтографіи было бы, по меньшей мѣрѣ,
странно. Напротивъ, признать возможность воздѣйствія такого *homoeo-*
teleuton мыслимо *не иначе, какъ при условіи предположенія, что па-*
зовскій кодексъ былъ писанъ въ полную строку, — иными словами, лишь

¹⁾ Это μετῆλλον—конъектура Орспин вѣсто рукописнаго μεταθεῖν. Мы пред-
почли бы, однако, возстановитъ здѣсь чтеніе <ἔγρωσαν> μεταθεῖν.

въ случаѣ, если допустимъ, что въ паэзовскомъ кодексѣ разбираемое мѣсто было написано (въ смыслѣ разграниченія отдѣльныхъ строкъ) слѣдующимъ образомъ:

εις τὴν ἀπεραν-
τίαν. καὶ τούτων δὲ προσθεμένων ἐκουσίως ἐστράτευσαν εἰς τὴν δολο-
πίαν. οὗτοι δὲ κτλ.

Мы рѣшительно ничего не проигрываемъ и при такомъ объясненіи, такъ какъ строка *τίαν* — *εις τὴν δολο*, по своимъ размѣрамъ, тождественна съ *καὶ τούτων* — *δολοπίαν*, но все же нельзя не отдать предпочтенія нашему первому объясненію, при которомъ словамъ *καὶ τούτων* — *δολοπίαν* отводится *цѣлая строка* въ оригиналѣ (Π).

4. Procop. *De bellis* VIII, 25 p. 592,21 Bonn. (p. 122,14 Kr.): ἐν τούτῳ δὲ Γῆπαιδές τε καὶ Λαγγοβάρδοι αὖθις πολεμησεῖοντες ἐπ' ἀλλήλους ἦσαν. Γῆπαιδές τε δύναμιν τὴν ¹⁾ Ῥωμαίων δαιμαίνοντες (ἀνήκουοι γὰρ οὐδαμῇ ἦσαν, ὡς Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ὁμαιχμίαν διωμότως ²⁾ πρὸς Λαγγοβάρδας πεποιήται) φίλοι καὶ ἐύμαχοι Ῥωμαίοις γενέσθαι ἐν σπουδῇ ἔσχον.

Въ *A* слова *καὶ λαγγόβαρδοι* (sic) *αὖθις πολεμησεῖοντες ἐπ' ἀλλήλους* ³⁾ *ἦσαν* (sic) *Γῆπαιδές τε* [E.I.G p. 512,14 sq.] *написаны дважды*. Принимая во вниманіе размѣры этой диттографіи, а равно и то обстоятельство, что въ двухъ мѣстахъ подлиннаго текста находятся слова *Γῆπαιδές τε*, мы полагаемъ, что въ паэзовскомъ кодексѣ границы строкъ были приблизительно такія:

γῆπαιδές τε καὶ λαγγόβαρδοι αὖθις πολεμησεῖοντες ἐπαλλήλους ἦσαν.
γῆπαιδές τε δύναμιν τῶν Ῥωμαίων κτλ.

или, напримѣръ, таковы:

ἐν τούτῳ δὲ *γῆπαιδές τε καὶ λαγγόβαρδοι αὖθις πολεμησεῖοντες ἐπαλλή-
λους ἦσαν γῆπαιδές τε δύναμιν κτλ.*

и что подъ влияніемъ *tautoteleuton* (*γῆπαιδές τε*) Дармариф со второй изъ этихъ строкъ снова попалъ на первую.

5. Polyb. XXI, 39,2 p. 1077,11 ed. Hultsch: *παράγινονται πρόσβεις*

¹⁾ Мы возстановили въ своемъ изданіи Проконія (Kr.) это τὴν, слѣдуя ватиканскому рукописному преданію (*V* — cod. Vatic. 1690 и *w* — cod. Vatic. 152), — вмѣсто вульгаты τὴν τῶν, восходящей къ флорентійской рукописи (*L* — cod. Laurentianus 69,8). Въ *A* читается τῶν.

²⁾ Мы возстановили это διωμότως, слѣдуя рукописямъ *Γ* и *A*, вмѣсто вульгаты ἐνωμότως (*Lw*).

³⁾ Во второмъ случаѣ въ *A* эти слова написаны слитно (ἐπαλλήλους); но всей вѣроятности такимъ же образомъ они были написаны и въ оригиналѣ (Π⁴).

παρὰ τῶν Τεχνοσάγων, ἀξιοῦντες τὸν Γναῖον τὰς μὲν δυνάμεις εἶσαι κατὰ χῶρον, αὐτὸν δὲ κατὰ τὴν ἐπιούσαν ἡμέραν προσελθεῖν κτλ.

Здѣсь въ *A* послѣ слова αὐτὸν [ELG. p. 267,21] видимъ экзсун-гированную самимъ Дармаріемъ диттографію ἀξιοῦντες τὸν γναῖον (sic) и отсюда выводимъ заключеніе, что въ паэзовскомъ кодексѣ слова

ἀξιοῦντες τὸν γναῖον τὰς μὲν δυνάμεις εἶσαι κατὰ χῶρον αὐτὸν

занимали *ровно строку*, съ конца которой Дармаріи попалъ опять на нее же, но, послѣ того какъ написалъ три первыхъ слова этой строки, замѣтилъ и исправилъ эту ошибку.

6. Dextr. fr. 22 p. 197,1 sq. Dind.: καὶ ἐρομένου βασιλέως, ὃ τι σφίσι περὶ τῶν παρόντων λῶον εἶναι δοχεῖ, κτλ.

Въ *A* послѣ εἶναι [ELG. p. 385,26] находится подчеркнутое, т. е. атетированное καὶ (въ началѣ строки). Отсюда можно вывести заключеніе, что въ паэзовскомъ кодексѣ вышеприведенныя слова были раздѣлены на строки слѣдующимъ образомъ:

καὶ ἐρομένου βασιλέως, ὃ τι σφίσι περὶ τῶν παρόντων λῶον εἶναι
δοχεῖ, κτλ.

и что Дармаріи съ конца первой строки опять попалъ на нее же, но почти тотчасъ же, а именно написавъ только первое слово этой строки, замѣтилъ и исправилъ эту ошибку, оставившую такимъ образомъ послѣ себя гораздо меньше слѣдовъ, чѣмъ тѣ ошибки, которыя намъ отмѣчены въ nn. 1—5.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ диттографіями; что же касается пропусковъ подлиннаго текста эксцерпированныхъ авторовъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что редакторы Константиновскихъ историческихъ извлеченій перѣдко позволяли себѣ дѣлать болѣе или менѣе значительныя сокращенія подлиннаго текста. Отъ этихъ *намѣренныхъ* пропусковъ, обусловленныхъ различными редакціонными соображеніями, естественно, слѣдуетъ строго отличать *чисто случайные*, возникшіе либо по недосмотру самихъ редакторовъ, либо по небрежности переписчиковъ, причемъ не мѣшаетъ замѣтить, что подобныя промахи или недосмотры самихъ редакторовъ можно констатировать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ что съ ними почти совсѣмъ не приходится считаться.

Отличить намѣренныя (редакціонныя) пропуски отъ случайныхъ ошибокъ (переписчиковъ) въ большинствѣ случаевъ бываетъ довольно легко, такъ какъ надежнымъ критеріемъ является контекстъ: если

вслѣдствіе какого-либо пропуска такъ или иначе нарушается смыслъ фразы, то почти всегда можно съ увѣренностью утверждать, что этотъ пропускъ произошелъ по винѣ именно переписчика, а не редактора. Мѣстами, однако, попадаются и такіе пропуски, относительно возникновенія которыхъ, даже и при помощи контекста, нельзя сказать ничего опредѣленнаго: для точной квалификаціи ихъ, какъ редакціонныхъ или же какъ случайныхъ, приходится въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ помощи и другихъ критеріевъ, о которыхъ у насъ будетъ идти рѣчь въ своемъ мѣстѣ ниже.

Затѣмъ, что касается случайныхъ пропусковъ, констатируемыхъ въ текстѣ *A* или въ текстѣ π , т. е. третьяго тома утраченной аугстинской рукописи (cod. Escorialensis IV. II. 8), являющагося, какъ мы уже доказали выше ¹⁾, единственною непосредственною копіею второй половины пазовскаго кодекса (Π^{12}), то нельзя не обратить вниманія читателей на то обстоятельство, что было бы ошибочно считать писца обѣихъ этихъ рукописей (*A* π), т. е. Дармарія, единственнымъ виновникомъ вышеупомянутыхъ пропусковъ; напротивъ, само собою разумѣется, вовсе не были застрахованы отъ подобныхъ ошибокъ какъ писецъ пазовскаго кодекса, такъ и писецъ того кодекса, съ котораго былъ нѣкогда списанъ пазовскій ²⁾; наконецъ, въ нѣкоторыхъ — правда, лишь крайне рѣдкихъ — случаяхъ не исключается, какъ мы уже говорили, возможность предположить случайный недосмотръ и самого редактора (или редакторовъ) извлеченій *περί πρέσβεων*. При всемъ томъ, однако, едва ли можно сомнѣваться, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ случайные пропуски подлиннаго текста, констатируемые въ *A* и π , всего естественнѣе нужно объяснять именно небрежностью и поспѣшностью работы Дармарія.

Предпославъ эти замѣчанія, приступимъ къ сообщенію примѣровъ.

7. *Arrian. Pim.* 85 p. 272,1 *Mend.*: $\sigma\upsilon\chi\omega\rho\eta\sigma\alpha\iota\ \delta',\ \epsilon\iota\ \mu\grave{\eta}\ \delta\acute{\iota}\delta\omicron\tau\epsilon\ \tau\eta\nu\ \rho\acute{o}\lambda\iota\nu\ \epsilon\chi\epsilon\iota\nu,\ \epsilon\varsigma\ \gamma\epsilon\ \tau\eta\nu\ \sigma\acute{\upsilon}\chi\kappa\lambda\eta\tau\omicron\nu\ \epsilon\tau\iota\ \pi\rho\epsilon\sigma\beta\epsilon\upsilon\sigma\alpha\iota\ \pi\epsilon\rho\iota\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \delta\epsilon\tau\theta\eta\nu\alpha\iota.$

Слова $\delta',\ \epsilon\iota\ \mu\grave{\eta}\ \delta\acute{\iota}\delta\omicron\tau\epsilon$ — *πρέσβεῦσαι* [EIG. 554,18 sq.] въ текстѣ *A* пропущены и добавлены на полѣ (самимъ же Дармаріемъ). Принимая во вниманіе размѣры этого первоначальнаго пропуска и личность *homocoteleuton* ($\sigma\upsilon\chi\omega\rho\eta\sigma\alpha\iota$ — *πρέσβεῦσαι*), мы полагаемъ, что

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 540.

²⁾ Что пазовскаго кодекса нельзя считать *пра-архетипомъ* извлеченій *περί πρέσβεων*, — это мы докажемъ въ другомъ мѣстѣ.

вышесупомянутыя слова занимали въ наззовскомъ кодексѣ пространство въ двухъ строкахъ, приблизительно соответствовавшее длинѣ *υπολοι* строки II, т. е. что границы этихъ строкъ оригинала были, примѣрно, таковы:

συγχωρῆσαι δ', εἰ μὴ οἶδοτε τὴν πόλιν ἔχειν, ἕς γε τὴν σύγκλητον ἔτε
πρεσβεῦσαι περὶ αὐτῆς κτλ.

Изъ аналогичныхъ примѣровъ не мѣшааетъ отмѣтить слѣдующій: въ мюнхенской рукописи (M) извлеченій περὶ πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους, которая является непосредственно копией ватикано-пала-тинской рукописи (P), слова πρὸς τὸν φίλιππον ἀδιάλυτως. ἀλλ' εἶπερ ἐβουλήθη ποιεῖν (Polyb. XVIII, 37,4 p. 1005,11 sq. ed. Hultsch [ELG. p. 231,3 sq.]), пропущенныя въ текстѣ, добавлены самимъ же переписчикомъ на полѣ M. Въ P границы строкъ таковы (cod. Vaticanus Palatinus gr. 411 fol. 177^r vs. 7 и 8):

δεῖ πολεμεῖν πρὸς τὸν φίλιππον ἀδιάλυτως.
ἀλλ' εἶπερ ἐβουλήθη ποιεῖν τὰ παρακαλούμενα

и отсюда видно, что съ первой изъ этихъ строкъ P писецъ M (тотъ же Дармарий) соскользнулъ на вторую — подъ влияниемъ *homoeoteleuton* πολεμεῖν — ποιεῖν.

8. Appian. *Hisp.* 49 p. 101,5: ἀποδοκιμάζουσα δ' ἡ βουλή τὴν εἰρήνην καὶ χαλεπῶς φέρουσα, ὅτι μὴ, καθάπερ αὐτοὺς ¹⁾ ἡξίου Νωβελίων ὁ πρὸ Μαρκέλλου, Ῥωμαίοις αὐτοὺς ²⁾ ἐπετετρόφεσαν, [καὶ] ³⁾ Μάρκελλον

¹⁾ Византи присоединился къ мѣтнѣ Швейгхѣйзера (ed. Appian., vol. III, Lips. 1795, 262): „αὐτοὺς, post καθάπερ, commodius puto abesset“.

²⁾ Возвращаемся къ рукописному чтению αὐτοὺς, восстановленному уже Швейгхѣйзеромъ (vol. I, 160, 14; ср. vol. III, 262) вмѣсто старинной вульгаты αὐτῶς, которой напрасно отдавалъ предпочтеніе Мендельсонъ, ср. *God. Kratt, De Appiani elocutione*, Baden-Baden 1886, 22. [По примѣру Мендельсона де-Бооръ ELG. p. 529,35 тоже придерживается вульгаты].

³⁾ Намъ рещено вводить въ текстъ это καὶ, атетированное еще до Швейгхѣйзера Мюсгрэвомъ (Musgrave), какъ засвидѣтельствовала самъ Швейгхѣйзеръ, l. c., vol. III, 262. Въ ватиканской рукописи Аппіана (cod. Vaticanus gr. 141) это слово нѣтъ, а въ A оно пропущено вмѣстѣ съ предшествующими словами начиная съ ὁ πρὸ Μαρκέλλου. На нашъ взглядъ, можно было бы обойтись и безъ атетезы, — признавая это ΚΑΙ искаженіемъ подлиннаго ΚΛ., т. е. Κλ(αύδιον), — ср. *Hisp.* 48 p. 100, 18 sq. Mend., гдѣ вмѣсто вульгаты τὸν Μάρκελλον (такъ и cod. Vatic. 141) мы предпочли бы читать τὸν Κλαύδιον Μάρκελλον [ELG. p. 529,24] вслѣдъ за A, — не соглашавсь съ мѣтнѣю Швейгхѣйзера, что де это „Κλαύδιον ab Excerptore adjectum“ (vol. I, 159, 2 adn.).

αὐτοῖς ἐξοίσειν ἔφη ¹⁾ τὰ δόξαντα.

Отмѣченные разрядкой слова ὁ πρὸ Μαρκέλλου — καὶ [ср. E.L.G. p. 529,34 sq.] сохранились только въ антиановскихъ рукописяхъ, тогда какъ въ A ихъ нѣтъ. Редакторъ извлеченiй περὶ πρέσβειων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους, конечно, могъ бы сознательно выпустить какъ три первыхъ слова этой фразы (ὁ πρὸ Μαρκέλλου), такъ и послѣднее (καὶ resp. Κλαύδιον), но сознательно пропустить остальные слова (Ῥωμαίοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν), онъ, какъ совершенно ясно показываетъ контекстъ, безусловно не могъ. Такимъ образомъ, если бы допустить, что и въ паззовскомъ кодексѣ не было словъ ὁ πρὸ Μαρκέλλου — καὶ, то этотъ пропускъ пришлось бы считать результатомъ случайной ошибки писца паззовскаго кодекса или, въ крайнемъ случаѣ, случайнаго недосмотра самого редактора. Но отъ обоихъ этихъ предположенiй насъ избавляетъ то обстоятельство, что разбираемая фраза

ὁ πρὸ Μαρκέλλου, Ῥωμαίοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν, καὶ
resp. ὁ πρὸ Μαρκέλλου, Ῥωμαίοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν, Κλαύδιον

по своимъ размѣрамъ подходитъ къ тѣмъ строкамъ паззовскаго кодекса, которыя мы опредѣлили въ предшествующихъ примѣрахъ (пп. 1 — 7). Въ виду этого факта всего естественнѣе, конечно, предположить, что въ паззовскомъ кодексѣ слова ὁ πρὸ Μαρκέλλου — καὶ (resp. Κλαύδιον) занимали *ровно строку*, которую, по разсѣянности, и пропустилъ Дармарiй при списыванiи A съ паззовскаго кодекса, — перескочивъ съ конца предшествующей строки (Ναβελίων) на непосредственно слѣдовавшую (Μάρκελλον αὐτοῖς κτλ.) за разбираемой.

Можно также предположить, что въ паззовскомъ кодексѣ эти слова ὁ πρὸ Μαρκέλλου — καὶ (resp. Κλαύδιον) занимали не одну особую строку, но *приблизительно равное одной строкѣ пространство въ двухъ строкахъ*, т. е. что въ II разбираемое мѣсто было написано примѣрно слѣдующимъ образомъ :

ἔτι μὴ καθάπερ αὐτοῦς ἤξιον ναβελίων ὁ πρὸ μαρκέλλου
ῥωμαίοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν · κλαύδιον ²⁾ μάρκελλον κτλ.

¹⁾ Это ἔφη пропущено въ A, и нельзя опредѣлить, по чьей винѣ произошло этотъ пропускъ, — въ немъ можно винить и Дармарiя, и писца паззовскаго кодекса, и другихъ. [Довольно неудачно дополнилъ это слово де Буръ E.L.G. p. 529,35 послѣ ἐπετετρόφεσαν — на мѣстѣ καὶ, которое онъ почему-то заблагодарасудилъ советъ оставить безъ упоминанiя въ своемъ критическомъ аппаратѣ].

²⁾ Предпочтительнѣе поставить здѣсь κλαύδιον, а не καὶ, — именно ради homoeoteleuton, о чемъ см. ниже. — При чтенiи же καὶ скорѣе слѣдуетъ предпочесть *первое*

Въ такомъ случаѣ пропускъ подлиннаго текста въ *A*, очевидно, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что Дармарій, подѣ влияніемъ *homoteleuton* *καβαλίων* (въ *Π* могло быть написано и *καβαλίον*) — *κλαύδιον*, перескочилъ съ первой строки на вторую, — подобно тому какъ, напримѣръ, въ области извлеченій *περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς* изъ Полибія писецъ утраченной рукописи (*x*), послужившей общимъ источникомъ для мюнхенской и ватикано-палатинской рукописей (codd. *Monacensis* gr. 267 и *Vaticanus Palatinus* gr. 413), списывая *x* съ брюссельской рукописи (cod. *Bruxellensis* 11301 — 16), въ которой, между прочимъ, на fol. 70^v vs. 6 — 8 (сверху) читается (Polyb. XXXIII, 11, 6 sq.):

πράγμασιν ἔχων, καὶ τῇ φύσει διαφερόντως ἀρχί-
νους ὑπάρχων· διόπερ ἐξαγαγὼν τὴν αὐτοῦ στρα-
τιάν, καὶ παρακαλέσας κτλ.,

пропустилъ цѣлую фразу *καὶ τῇ φύσει διαφερόντως ἀρχίνους ὑπάρχων* (p. 1292, 22 sq. ed. Hultsch [ELG. p. 59, 6]), перескочивъ, какъ видимъ, съ 6 строки оригинала на слѣдующую, несомнѣнно, подѣ влияніемъ *homoteleuton* *ἔχων* — *ὑπάρχων*¹⁾.

Само собою разумѣется, что и при второмъ нашемъ объясненіи причины пропуска въ *A* вышеприведенныхъ словъ Аппіана значеніе этого аппіановскаго примѣра для рѣшенія разбираемаго нами вопроса нисколько не умаляется.

9. *Arrian. Pin.* 86 p. 272, 11: *περὶ μὲν ὧν ἡ συκλητος προσέταξε τί δεῖ πολλάκις*²⁾ *λέγειν; προσέταξε γὰρ, καὶ γρη γενέσθαι· οὐδὲ ἀναθέσθαι δυνάμεθα τὰ ἤδη κακαλευσμένα γενέσθαι.*

Вся послѣдняя фраза (*οὐδὲ — γενέσθαι* [ELG. p. 554, 28 sp.]) пропущена въ *A*; по своимъ размѣрамъ она вполне подходит къ тѣмъ строкамъ назовскаго кодекса, которыя мы опредѣлили выше, — а потому всего естественнѣе приписать и этотъ пропускъ именно ошибкѣ Дармарія аналогичной предыдущимъ, и, стало быть, признать, что пропущенныя слова занимали въ назовскомъ кодексѣ либо ровно

объясненіе, при которомъ словамъ *ὁ πρὸ Μαρκέλλου* — *καὶ* отводится особая цѣлая строка въ назовскомъ кодексѣ.

¹⁾ Съ этимъ примѣромъ мы уже познакомили читателей въ XXXV-ой главѣ нашихъ *Varia* (*Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 532; мимоходомъ исправимъ опечатку: въ 4 строкѣ сверху вмѣсто *ὑπάρχων διόπερ · ἐξαγαγὼν* слѣдуетъ читать *ὑπάρχων · διόπερ ἐξαγαγὼν*). Тутъ же встаетъ упоминемъ, что въ продолженіи той же главы — *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь — на стр. 571 въ 3 строкѣ сверху слѣдуетъ читать *ἀπορίαν* вмѣсто *ἐπορίαν*).

²⁾ Вмѣсто этого *πολλάκις* мы предпочли бы возстановить *πολλά*.

строку, либо въ двухъ строкахъ пространство, приблизительно равное одной строкѣ (ср. по этому поводу и *tautoteleuton* γενέσθαι — γενέσθαι).

10. Въ извлеченіяхъ изъ Зосима [ср. ELG. p. 379,4—8] въ *A* читается (IV отрывокъ): ἀλλάριχος δὲ οὐδὲ παρὰ τούτων ἐρεθιζόμενος ἤρειτο τὸν πόλεμον, ἀλλ' ἔτι τὴν εἰρήνην ἤτει γενέσθαι, κτλ., тогда какъ въ ватиканской рукописи Зосима это мѣсто гласитъ (Zosim. V, 36,1 p. 263,4 Mend.): Ἀλλάριχος δὲ οὐδὲ παρὰ τούτων ἐρεθιζόμενος ἤρειτο τὸν πόλεμον, ἀλλὰ ἔτι τὴν εἰρήνην ἔμπροσθεν ἐποιεῖτο τῶν ἐπὶ Σταλίχωνος σπονδῶν μνησθέντος. στείλας δὲ πρέσβεις ἐπὶ χρήμασιν οὐ πολλοῖς εἰρήνην ἤτει γενέσθαι, κτλ.

Объяснить отсутствіе въ *A* словъ ἔμπροσθεν — εἰρήνην (p. 263, 5 — 7) предположеніемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сокращеніемъ подлиннаго текста, восходящимъ къ самому редактору извлеченій, мы не считаемъ сколько-нибудь вѣроятнымъ — уже потому, что въ разбираемомъ мѣстѣ находится фраза στείλας δὲ πρέσβεις, намѣренный пропускъ которой въ извлеченіяхъ παρὶ πρέσβεωνъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, страненъ ¹⁾).

Напротивъ, въ пользу предположенія, что упомянутый пропускъ является результатомъ именно случайной ошибки, достаточно краснорѣчиво говорятъ два слѣдующихъ факта, совокупность которыхъ безусловно нельзя приписать простой случайности:

1) наличность *tautoteleuton*: εἰρήνην — εἰρήνην (p. 263, 5 и 7);

2) то обстоятельство, что пропущенный въ *A* подлинный текстъ занимаетъ пространство, равное какъ разъ *двумъ строкамъ* такой же длины, какую имѣютъ нѣкоторыя изъ строкъ паэзовскаго кодекса, опредѣленныхъ нами въ предшествующихъ примѣрахъ.

Этотъ второй фактъ весьма ясно свидѣтельствуетъ, что пропущенный въ *A* подлинный текстъ имѣлся въ паэзовскомъ кодексѣ, и что, стало быть, виновникомъ этого пропуска въ *A* является именно *Дармарій*. И дѣйствительно, если, — принимая въ соображеніе длину строкъ паэзовскаго кодекса, опредѣленныхъ нами выше, — предположить, что

¹⁾ Съ отсутствіемъ въ этомъ мѣстѣ упоминанія объ отправленіи посольства еще можно было бы помириться, если бы какое-либо соответственное указаніе уже имѣлось въ предшествующихъ словахъ разбираемаго отрывка, — но въ послѣднемъ такого эквивалента не имѣется, такъ какъ вышеприведеннымъ словамъ (ἀλλάριχος δὲ οὐδὲ κтл.) предпослана только слѣдующая фраза: Ὅτι οἱ παραβλαπτόμενοι ἐν ταῖς γυναῖξιν αὐτῶν, ὅσοι προσήκοντες ἤσαν σταλίχωνι, ἐβούλοντο ἀλλάριχῳ προσθέσθαι [ELG. p. 379,3 sq.].

разбираемое мѣсто было въ паззовскомъ кодексѣ написано, примѣрно, слѣдующимъ образомъ :

ἀλλάρχος δὲ οὐδὲ παρὰ
τούτων ἐπειθιζόμενος ἤρειτο τὸν πόλεμον, ἀλλ' ἔτι τὴν
3 εἰρήνην ἔμπροσθεν ἐποιεῖτο τῶν ἐπὶ στελεῖχωνος σκονοδῶν
μεμνημένους. στεῖλας δὲ πρέσβεις ἐπὶ γρήμασιν οὐ πολλοῖς
5 εἰρήνην ἤτει γενέσθαι, κτλ.,

то нельзя не признать, что съ третьей строки Дармарий, по столь свойственной ему небрежности, чрезвычайно легко могъ, такъ сказать, соскользнуть на пятую и, такимъ образомъ, пропустить слова ἔμπροσθεν — εἰρήνην.

По отношенію ко второй половинѣ паззовскаго кодекса (II^а), т. е. въ области извлеченій *περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς*, приисканіе примѣровъ, аналогичныхъ 10 приведеннымъ изъ II^а, оказывается сопряженнымъ съ большими затрудненіями, такъ какъ *единственная непосредственная копія* II^а, которую, какъ мы уже доказали въ своемъ мѣстѣ выше ¹⁾, является третій томъ августиновской рукописи (π — cod. Escorialensis IV. H. 8), — стала жертвой пожара въ 1671 году вмѣстѣ съ самимъ паззовскимъ кодексомъ и остальными двумя томами августиновской рукописи, и такимъ образомъ мы лишены возможности имѣть непосредственное знакомство съ текстомъ π. Правда, три или четыре непосредственныхъ копій π, которыя сохранились до нашего времени: *B* — cod. Bruxellensis 11301 — 16; *E* — cod. Escorialensis R. III. 14 + cod. Escorialensis R. III. 21, fol. 1 — 12^o; *V* — cod. Vaticanus gr. 1418, pg. 161 — 489, и *T* — cod. Parisinus gr. 2463, если только *T* не списана съ *I* ²⁾, — позволяютъ намъ съ большей или меньшей точностью реконструировать текстъ π, но все же не вполне замѣняютъ

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 495 — 540.

²⁾ [Въ XXXV главѣ нашихъ *Varia* мы были вынуждены, за неимѣніемъ копіи *E*, оставить открытымъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ *T* и *E*, причемъ, однако, мы высказались въ томъ смыслѣ, что *T* скорѣе слѣдуетъ признать копіей именно августиновской рукописи (π), нежели копіей *E* (ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 497). Въ настоящее же время можемъ съ удовольствіемъ констатировать, что сообщенія де Бооромъ коляціи *E* вполне подтверждаютъ правильность высказаннаго нами предположенія; для примѣра укажемъ *E.I.R.* p. 1, 12 *δὲ BVT*: om. *E*; p. 1, 19 *τῆς σωφροσύνης BVT*: *τῆς δὲ σωφροσύνης E* (ошибочно); p. 6, 2 *τὸ BVT*: om. *E*.]

намъ эту послѣднюю рукопись, чтò въ особенности ощутительно именно въ данномъ случаѣ. т. е. при привсканіи примѣровъ, аналогичныхъ вышеприведеннымъ.

Помимо этого неизбежнаго неудобства, о которомъ, встати сказать, намъ приходилось говорить и въ другомъ мѣстѣ, опровергая соответственное заблужденіе де Боора ¹⁾, — мы лично должны считаться и съ другимъ значительнымъ затрудненіемъ ²⁾: у насъ нѣтъ *полныхъ* коллацій *E* и *V*, т. е. тѣхъ рукописей, при помощи которыхъ и *B(T)* реконструируется текстъ π. Что касается *E*, то мы располагаемъ — благодаря любезности де Боора — только коллаціей извлеченій изъ Прокопія, а варианты *V* въ большинствѣ случаевъ извѣстны намъ лишь чрезъ посредство изданія Орсини, сообщенія котораго, какъ извѣстно, не отличаются ни желательною точностью, ни достаточною полнотою.

Вслѣдствіе только что указанныхъ неблагопріятныхъ условій нѣкоторые изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, а именно 13 — 17, нами приводятся до извѣстной степени условно ³⁾.

11. Просор. *De bellis* II, 24 p. 260, 18 ed. Bonn.: ὁ δὲ τοῦ ⁴⁾ ἱερέως ἀδελφός Валериανῶ ἐντυχὼν λάθρα Χορρόην ἐν μεγάλοις εἶναι κακοῖς ⁵⁾ ἔφασκε· τὸν τε γάρ οἱ παῖδα τυραννίδι ἐπιθέμενον ⁶⁾ ἐπαναστῆναι καὶ αὐτὸν ὁμοῦ ξὺν παντί ⁷⁾ τῷ Περσῶν στρατῷ τῇ νόσφ ἀλῶναι.

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.*, 1902. ноябрь, 540 сл.

²⁾ [Въ настоящее время это затрудненіе до *нѣкоторой степени* устраняется — за выходомъ въ свѣтъ изданія де Боора. Наша оговорка „до *нѣкоторой степени*“ обусловлена тѣмъ, что, какъ намъ извѣстно по личному опыту, ни на *полноту*, ни на *точность де-бооровскихъ коллацій отнюдь нельзя полагаться*].

³⁾ Впрочемъ условность эта весьма относительна, вслѣдствіе чего мы и не колебались считаться и съ этими примѣрами при опредѣленіи средней вѣстности строкъ названного кодекса. [Не безъ удовольствія можемъ теперь констатировать, что эта наша утѣренность оказалась совершенно основательной].

⁴⁾ *Вводимъ въ текстъ это τοῦ пропускиное въ изданіяхъ* Прокопія, но имѣющееся въ рукописяхъ (какъ Прокопія, такъ и извлеченій *περὶ πρέσβων*), которыми такимъ образомъ подтверждаются эмендаціи фанъ Гервердена.

⁵⁾ *Возстанавливаемъ подлинное размѣщеніе словъ* — εἶναι κακοῖς вмѣсто κακῶς εἶναι (какъ читается въ изданіяхъ Прокопія [*α равно и у де Боора* EIL. 103,3]), — слѣдуя четыремъ прокопіевскимъ рукописямъ, перечисленнымъ въ слѣдующемъ примѣчаніи.

⁶⁾ *Послѣ этого ἐπιθέμενον выбрасываемъ изъ текста καὶ*, которое имѣется въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Прокопія (cod. Parisinus gr. 1702, Vaticanus gr. 152, Marcianus gr. 398), но отсутствуетъ въ прокопіевской же рукописи Vatican. gr. 1001 и въ извлеченіяхъ *περὶ πρέσβων* (*BE*).

⁷⁾ Вмѣсто этого рукописнаго ξὺν παντί мы предпочли бы возстановить ξὺμ παντί.

Словъ ἐντοχῶν — τὸν τε γάρ [ELR. p. 103,2 sq.] нѣтъ въ *BE*, а слѣдовательно не было нхъ и въ августиновской рукописи (π), текстъ которой, какъ видно изъ *BE* ¹⁾, гласилъ: ὁ δὲ τοῦ ἱερέως ²⁾ ἀδελφός βαλεριανός (sic) ³⁾ οἱ παῖδες τυραννίδι ἐπιθέμενον ἐπαναστῆναι, κτλ.

Контекстъ совершенно ясно показываетъ, что пропуска словъ ἐντοχῶν — τὸν τε γάρ никоемъ образомъ нельзя объяснить намѣреннымъ сокращеніемъ подлиннаго текста, восходящимъ къ самому редактору извлеченій, а такъ какъ совокупность этихъ словъ —

ἐντοχῶν λάθρᾳ Χοσρόην ἐν μεγάλοις εἶναι καχοῖς ἔφασκε τὸν τε γάρ по своимъ размѣрамъ подходит къ опредѣленнымъ выше строкамъ паззовскаго кодекса, то ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что они занимали въ II^н *ровно строку*, которую случайно и пропустилъ Дармарій, списывая π съ II^н.

12. Procop. *De bellis* V, 7 p. 36, 3 Bonn. (p. 27, 20 Kr.): καὶ τὴν μὲν ⁴⁾ ἐπιστολὴν, ἣν σοι ⁵⁾ ἔγραψεν, ἤδη λαβὼν ἔχεις, τὰ δὲ γράμματα, ἃ τοῖς Γότθων πρώτοις ἔπεμψεν, οὐκ ἄλλοις τίσιν ἢ αὐτοῖς δώσομεν.

Слова ἤδη λαβὼν — ἔπεμψεν [ELR. p. 107,33 sq.] въ *BE* *пропущены*, а, стало быть, ихъ не было и въ августиновской рукописи (π). Контекстъ ясно показываетъ, что этотъ пропускъ является результатомъ не редакціоннаго сокращенія подлиннаго текста Прокопія, но лишь случайной ошибки. Теперь спрашивается, кого слѣдуетъ винить въ этой ошибкѣ, — писца ли паззовскаго кодекса или же писца августиновской рукописи (π), т. е. *Дармарія*. Изъ этихъ двухъ рѣшеній даннаго вопроса мы не колеблемся отдать безусловное предпочтеніе именно *второму*, — принимая во вниманіе то обстоятельство, что размѣры пропущеннаго текста какъ разъ соотвѣтствуютъ размѣрамъ строки паззовскаго кодекса, уже достаточно опредѣлившимся на основаніи цѣлаго ряда предыдущихъ примѣровъ.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что въ II^н слова ἤδη λαβὼν — ἔπεμψεν занимали либо *цѣлую отдельную строку*, черезъ которую и

¹⁾ Съ рукописями IT не приходится считаться, такъ какъ онѣ не содержатъ извлеченій изъ Прокопія.

²⁾ Вмѣсто ἱερέως въ *B* ошибочно читается βασιλέως.

³⁾ [Ошибается де Вооръ, цитируя βαλεριανός (съ острымъ удареніемъ) — ad ELR. p. 103,2].

⁴⁾ Слова καὶ τὴν μὲν, пропущенныя въ прокопіевскихъ рукописяхъ, а потому и въ изданіяхъ нашихъ предшественниковъ, мы ввели въ текстъ нашего изданія (Kr.) на основаніи рукописей извлеченій παρὶ πρόβρων.

⁵⁾ Вмѣсто ἣν σοι мы предпочли бы ἣν σοι.

перескочили Дармаріи при списываніи π съ пазовскаго кодекса, — либо они были расположены въ двухъ строкахъ, но такъ, что *homoeoteleuton* ἔγραψεν — ἔπεμψεν благоприятствовалъ возникновенію аналогичной ошибки Дармаріа ¹⁾, т. е. что въ пазовскомъ кодексѣ границы строкъ были, примѣрно, такія:

ἐπιστολὴν, ἣν σοι ἔγραψεν, ἤδη λαβὼν ἔχεις, τὰ δὲ γράμματα, ἃ
τοῖς γότθων πρώτοις ἔπεμψεν, οὐκ ἄλλοις τισὶν κτλ.

Едва ли нужно пояснять, что и при такомъ предположеніи слова ἤδη λαβὼν — ἔπεμψεν оказываются занимающими пространство, приблизительно равное *одной строкѣ* пазовскаго кодекса.

Мимоходомъ упомянемъ, что аналогичное объясненіе мыслимо и для такихъ пропусковъ — въ *BE*, а стало быть, и въ π, — какъ, напримеръ пропускъ словъ ξὺν τοῖς ἄλλοις ²⁾ στρατιώταις, οἱ δὲ ἐνταῦθα ἐπὶ φυλακῇ ἐτετάχατο (Procop. *De bellis* II, 7 p. 181,16 sq.), или — ὀλίγους μὲν τινὰς ἐπαγόμενος, τοὺς δὲ πλείστους ἐνταῦθα ἑάσας ³⁾ (ibid. p. 183,7 sq.), или фразы ἐπεὶ τὸ εὐδαιμον τῷ ἀδίκῳ ἐς ταῦτο ξυνεῖναι οὐδὰμῃ εἴωθε (Procop. *De bellis* VIII, 24 p. 588,8 sq.), — но настаивать на такомъ объясненіи нельзя, такъ какъ съ не меньшимъ, если не съ ббльшимъ вѣроятіемъ можно также предполагать во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ и *редакціонныя сокращенія* подлиннаго текста ⁴⁾. Въ виду этого мы и оставляемъ эти и имъ подобныя примѣры совсѣмъ въ сторонѣ.

13. Menandr. fr. 20 p. 50,9 ed Dind.: καὶ τοίνον ἅπαντα ὄσα ἐπεφέροντο φορτία ἀράμενοι ἔθεσαν ἐν μέσῳ. εἶτα τοῖς τοῦ λιβάνου κλάδοις πῦρ ἀνάψαντες τῇ Σχυθικῇ φωνῇ βάρβαρα ἄττα ῥήματα ὑπεψιθύριζον.

Слова ἐπεφέροντο — βάρβαρα [ELR. p. 193,1 — 3] введены въ текстъ

¹⁾ Ср. выше п. 7.

²⁾ Вводимъ въ текстъ это ἄλλοις (codd. Vaticanus 152 и 1001 и Marcianus 398), пропущенное въ парижской рукописи Прокопія (cod. Parisinus gr. 1702) и въ изданияхъ.

³⁾ Къ этимъ словамъ, быть можетъ, слѣдуетъ присовокупить и 'O (p. 183,9).

⁴⁾ Не мѣшаетъ упомянуть, что *закругленность* трехъ послѣднихъ фразъ заставляетъ насъ лично высказаться въ пользу именно послѣдняго объясненія; между прочимъ, по поводу пропуска фразы ἐπεὶ τὸ εὐδαιμον..... εἴωθε на сопоставленіе напрашиваются — несомнѣнно, уже редакторскіе — пропуски двухъ аналогичныхъ сентенцій, находящихся въ той же самой главѣ (*De bellis* VIII, 24, p. 589,2-7 *πονηροὶ γὰρ ἄνθρωποι..... τὴν μοχθηρίαν* и p. 589, 14 sq. *γνώμη..... πέφυκεν*) и, конечно, фигуровавшихъ въ извлеченіяхъ περὶ γνωμῶν изъ Прокопія.

Менандра стариннымъ французскимъ ученымъ Ту (Tour) на основаніи цитаты Свиды, который приводитъ все это мѣсто (καὶ τοίνυν — ὑπεψιδύριζον) s. v. φορτία. Въ рукописи *B* это мѣсто читается такъ: καὶ τοίνυν ἅπαντα ὅσα ἔαττα (sic) ῥήματα ὑπεψιδύριζον.

Цитата Свиды, который, какъ извѣстно, пользовался историческимъ трудомъ Менандра лишь чрезъ посредство Константиновскихъ извлеченій, а равно и характерный вариантъ *B* ἔαττα, естественно, исключаютъ возможность предположенія, что констатированный въ *B* пропускъ подлиннаго текста Менандра былъ обусловленъ случайнымъ недосмотромъ редактора извлеченій *καὶ πρὸς ἄλλων Ῥωμαίων πρὸς ἐδικούς*, не говоря уже о редакціонномъ сокращеніи подлиннаго текста. Поэтому, — если чтеніе разбираемаго мѣста въ *E* совпадаетъ съ вышеприведеннымъ чтеніемъ *B*¹⁾, — иными словами, если и въ *π* были пропущены слова (ἐ)πεφύροτο — βάρβαρα, то приходится объяснить этотъ пропускъ случайнымъ недосмотромъ либо писца паззовскаго кодекса, либо писца *π*, т. е. Дармарія.

Второму изъ этихъ послѣднихъ предположеній, несомнѣнно, слѣдуетъ отдать полное предпочтеніе предъ первымъ — въ виду того обстоятельства, что пропущенное мѣсто, по своимъ размѣрамъ, оказывается равнымъ *двумъ строкамъ паззовскаго кодекса* — примѣнительно къ уже установленной нами выше нормѣ. Отсюда мы выводимъ заключеніе, что въ паззовскомъ кодексѣ (II¹¹) разбираемое мѣсто было написано, примѣрно, слѣдующимъ образомъ:

καὶ τοίνυν ἅπαντα ὅσα ἐ-
πεφύροτο φορτία ἀράμενοι ἔθεσαν ἐν μέσῳ· εἶτα τοῖς τοῦ λι-
βάνου κλάδοις πῶρ ἀνάψαντες τῆι σκυθικῆι φωνῆι βάρβαρα
ἄττα ῥήματα ὑπεψιδύριζον, κτλ.

и что Дармарій съ конца первой изъ этихъ строкъ архетипа какимъ-то образомъ умудрился перескочить на четвертую, минуя такимъ образомъ двѣ строки оригинала, — какъ и въ п. 10, но обнаруживая при

¹⁾ [Вмѣсто „если“ — здѣсь и въ непосредственно слѣдующей фразѣ текста — теперь можно сказать „такъ какъ“, : чтеніе *E* совершенно совпадаетъ съ чтеніемъ *B*, ср. примѣчаніе де Боора къ ELR. p. 193,1—3. Намъ тѣмъ пріятнѣе констатировать этотъ фактъ, что, благодаря ему, становится на совершенно твердую почву наше объясненіе разбираемаго пропуска, приводимое ниже]. Съ рукописями *VT* и въ этомъ случаѣ не приходится считаться — за отсутствіемъ въ нихъ и менандровскихъ извлеченій.

этомъ еще менѣе простительную небрежность, нежели въ только что упомянутомъ примѣрѣ.

[Остается добавить, что первый слогъ (ε) въ monstrum εἶττα, быть можетъ, указываетъ на то, что въ назэовскомъ кодексѣ было написано ε|φερων τὸ вмѣсто ε|παφέρωντο, — ср. напр. Polyb. ELR. p. 51,18, гдѣ вмѣсто ἐλέγοντο (эмендація Орсини) въ рукописяхъ ошибочно читается ἔλεγον· τὸ (де Бооръ не точно цитуетъ ἔλεγον, τό), а также Ioseph. ELG. p. 367,31 <επ>εσπάσατο, вмѣсто чего въ A читается ἐσπάσατο.]

14. Polyb. I, 31, 6 p. 41, 22 ed. Hultsch²: ὁ μὲν γὰρ Μάρκος ὡς ἦδη κηκρατηκῶς τῶν ὄλων, ὃ τι ποτὲ συνεχώρει, πᾶν ᾤετο δεῖν αὐτοῦς ἐν χάριτι καὶ δωρεᾷ λαμβάνειν.

Въ B слова τῶν ὄλων—ἐν χάριτι [ELR. p. 19,22 sq.] написаны дважды. Если эта диттографія — цѣликомъ или хотя бы только частью (начиная съ тѣхъ же словъ τῶν ὄλων) — находится и въ рукописяхъ EV¹) или хотя только въ одной изъ нихъ, то уже не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнiю, что въ полномъ своемъ объемѣ (какъ въ B) она находилась и въ общемъ оригиналѣ всѣхъ этихъ рукописей, т. е. въ агустиновской рукописи (π). Мы не знаемъ, какъ разбираемое мѣсто Полибія читается въ EV, но, принимая во вниманіе размеры вышеуказанной диттографіи, не колеблемся остановиться на предположеніи, что въ B она цѣликомъ перешла изъ π, а не является слѣдствіемъ ошибки самого писца этой бруссельской рукописи²).

Что же касается причины возникновенія такой крупной диттографіи въ π, то именно въ виду размеровъ этой диттографіи, а равно и вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо иныхъ внѣшнихъ условій, — вродѣ homoeoteleuton, — которыя могли бы способствовать ея появленію въ текстѣ π, — всего естественнѣе объяснить ее тѣмъ, что слова τῶν ὄλων—ἐν χάριτι въ назэовскомъ кодексѣ занимали ровно строку, съ

¹) Съ рукописью T намъ и въ этомъ случаѣ не приходится считаться, такъ какъ въ ней не содержится извлеченій изъ Полибія.

²) [Съ большимъ удовольствіемъ теперь можетъ констатировать, что и это наше предположеніе оказывается совершенно правильнымъ, такъ какъ и въ E слова τῶν ὄλων—ἐν χάριτι написаны дважды, ср. примѣчаніе де Боора къ ELR. p. 19,22 sq. Что же касается отсутствія этой диттографіи въ V (по словамъ де Боора), то оно весьма естественно объясняется тѣмъ, что списывавъ эту рукопись съ π, Дармарій замѣтилъ диттографію, а потому и воздержался отъ повторенія этой ошибки въ V].

конца которой Дармаріи случайно попалъ опять на нее же, впасть такимъ образомъ въ точно такую же ошибку, какую намъ уже неоднократно приходилось отмѣчать выше (пп. 1—3, а также пп. 4 и 5).

Остается упомянуть, что для окончательнаго упроченія только что предложеннаго нами объясненія этой диттографіи, требуется установить тотъ фактъ, что и въ рукописяхъ *EV* или хотя бы только въ одной изъ нихъ имѣется такая же диттографія, причемъ безразлично, имѣется ли она въ этихъ рукописяхъ полностью (какъ въ *B*), или же ограничивается лишь какою-либо частью, — начинаясь, повторяемъ, тѣми же самыми словами (τῶν δλων κτλ.), — или даже однимъ первымъ словомъ τῶν. До установленія вышеупомянутаго факта, — для чего требуется, понятно, наведеніе справки въ вариантахъ *EV*, — какъ этотъ примѣръ (п. 14), такъ и три непосредственно слѣдующихъ за нимъ (пп. 15—17), подобно п. 13, оказываются до известной степени условными ¹⁾.

15. Polyb. IV, 35, 6 p. 44, 26 ed. Hultsch²⁾: καὶ καθόλου τὴν πρὸς πάντας ἀλογίαν ὑπέμενον, οὐ ἤκιστα δὲ ³⁾ διὰ Κλεομένη καὶ τὴν πρὸς ἐχείνον εὐνοίαν, ἐπέλπίζοντες αἰεὶ καὶ προσδοκίαν ἔχοντες τῆς ἐχείνου παρουσίας ἅμα καὶ σωτηρίας.

Въ *B* слова εὐνοίαν ἀπέλπίζοντες (*sic* — въ обоихъ случаяхъ) αἰεὶ—ἐχείνου [ср. ELR.p. 31, 15] написаны дважды, и въ виду размѣровъ этой диттографіи, мы не колеблемся объяснить ея возникновеніе такимъ же образомъ, какъ и въ предшествующемъ примѣрѣ ³⁾, — съ тою, однако, разницей противъ этого послѣдняго, что, принимая во вниманіе наличность и *homocoteleuton* ἐχείνον—ἐχείνου,

¹⁾ [Въ настоящее время эта условность оказывается уже мнимой].

²⁾ Это δὲ, сохранившееся какъ въ полибевскихъ рукописяхъ, такъ и въ извлеченіяхъ περὶ πρόβων (не сомнѣваемся, что оно имѣлось и въ назовскомъ кодексѣ, хотя намъ и неизвѣстно въ точности, какъ читается все это мѣсто въ *EV*), Гудль, слѣдуя конъектурѣ Швейгхейзера, выбросилъ изъ текста своего изданія. Благоразуміе поступилъ Бюттнеръ-Вобстъ (р. 45, 21), удержавъ это рукописное чтеніе. Мы предпочли бы однако читать οὐ ἤκιστα δὴ (ср. Thuc. VIII, 97, 2); менѣе вѣроятными намъ представляются конъектуры οὐχ ἤκιστα γε и οὐχ ἤκιστα διὰ τε Κλεομένη κτλ.

³⁾ [Правильность нашихъ соображеній подтверждается и въ этомъ случаѣ, такъ какъ и въ *EV* находится вся эта диттографія εὐνοίαν—ἐχείνου, съ тою только разницей, что въ *EV* въ диттографіи читается правильно ἐπέλπίζοντες, тогда какъ въ первомъ мѣстѣ въ обоихъ и этихъ рукописяхъ стоитъ оплбочный вариантъ ἀπέλπίζοντες, ср. примѣчаніе де Воора къ ELR. 31, 15. Чтowie π, конечно, совпадало съ чтеніемъ *EV*].

въ данномъ случаѣ мы допускаемъ возможность и нѣсколько иного объясненія.

Съ одной стороны, ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что слова

εὐνοίαν ἀπελπίζοντες ¹⁾ *ἀεὶ καὶ προεδοκίαν ἔχοντες τῆς ἐχεΐνου*

занимали въ паэзовскомъ кодексѣ *отдѣльную строку*, съ конца которой Дармарій, при списываніи π съ Π, попалъ опять на нее же.

Съ другой стороны, не менѣе возможно предположеніе, что въ паэзовскомъ кодексѣ разбираемое мѣсто было написано, примѣрно, слѣдующимъ образомъ (въ смыслѣ разграниченія строки):

ἐχεΐνον εὐνοίαν ἀπελπίζοντες ἀεὶ καὶ προεδοκίαν ἔχοντες τῆς ἐχεΐνου παρουσίας κτλ.,

и что, написавъ въ π начальное слово второй изъ этихъ строкъ оригинала (*ἐχεΐνου*), Дармарій, подъ вліяніемъ сходства этого слова съ начальнымъ словомъ предыдущей строки Π, — снова попалъ на эту послѣднюю, а потому и сталъ послѣ *ἐχεΐνου* вновь писать *εὐνοίαν ἀπελπίζοντες κтл.*

Едва ли нужно пояснять, что размѣры обѣихъ строкъ (*εὐνοίαν — ἐχεΐνου* и *ἐχεΐνον — τῆς*) совершенно одинаковы.

16. Polyb. III, 22, 4 p. 223, 10 Hultsch²: *ἐπὶ τοῖσδε φιλίαν εἶναι Ῥωμαίοις καὶ τοῖς Ῥωμαίων συμμάχοις καὶ Καρχηδονίοις καὶ τοῖς Καρχηδονίων συμμάχοις.*

Слова *καὶ τοῖς Ῥωμαίων — Καρχηδονίων* [ELR. p. 23, 28 sq.] *въ В пропущены*. Контекстъ ясно показываетъ, что такой пропускъ не могъ быть дѣломъ руки редактора извлеченій, т. е. намѣреннымъ редакціоннымъ сокращеніемъ подлиннаго текста Полибія. Съ другой стороны, размѣры пропущеннаго мѣста настолько соотвѣтствуютъ уже достаточно ясно опредѣлившимся размѣрамъ строкъ паэзовскаго кодекса, что совершенно естественно заставляють насъ объяснить этотъ пропускъ случайной ошибкой именно Дармарія (π), которая состояла въ пропускѣ *цѣлой строки оригинала Π*, содержащей слова *καὶ τοῖς Ῥωμαίων — Καρχηδονίων*. [Въ текстѣ π дѣйствительно не было этихъ словъ, какъ видно изъ отсутствія ихъ въ *EV*].

17. Polyb. XVI, 34, 2 p. 962, 24 Hultsch: *καὶ βουλόμενοι πρὸς αὐτὸν*

¹⁾ Или, конечно, *ἐπελπίζοντες*, если таково чтеніе *EV*. [Изъ сказаннаго въ предшествующемъ примѣчаніи явствуетъ, что въ Π читалось правильно — *ἐπελπίζοντες*].

τὸν Φίλιππον ποιήσασθαι τοὺς λόγους κατὰ τὰς ἐντολάς, ἐπιστήσαντες τὴν πρὸς τοὺς βασιλέας ὀρμὴν ἐξέπεμψαν τὸν προειρημένον.

Слова κατὰ—βασιλέας (р. 962, 26 sq.) в *B* пропущены, и мы, руководясь тѣми же самыми соображениями, что и въ предшествующемъ примѣрѣ, не колеблемся отвести и имъ въ пазовскомъ кодексѣ *ровно строку*, — хотя и не знаемъ вариантовъ *EV*. [Въ *EV* эти слова E.L.R. р. 40,11 — тоже пропущены, что подтверждаетъ наши соображенія].

18. Procop. *De bellis* II, 20 p. 239, 16 ed. Bonn.: οἱ μὲν οὖν Σερ-
γίουπολίται τοὺς παρὰ Χοσρόου σταλέντας τῇ πόλει δεξάμενοι τῶν καιμηλίων
πολλὰ ἔδοσαν, ἄλλο οὐδὲν εἶσιν ἀπολελεῖσθαι ἰσχυρίζομενοι, Χοσρόης δὲ
ταυτὰ οἱ ἀπογρῆν¹⁾ οὐδαμῆ²⁾ ἔφη κτλ.

Вмѣсто согласнаго чтенія прокопиевскихъ рукописей ἄλλο οὐδὲν (р. 239, 18) въ *E* находимъ ἄλλο δὲ οὐδὲν [E.L.R. р. 102,5], а въ *B* (inc. vs.) — ἄλλο (sic) δὲ οὐδὲν, и, на нашъ взглядъ, весьма естественно поставить этотъ вариантъ *BE* δὲ, — несомнѣнно, имѣвшійся и въ агустиновской рукописи (π) и являющийся лишнею прибавкою къ подлинному тексту, — въ связь именно съ такимъ же словомъ (δὲ р. 239,19), находящимся ниже, послѣ Χοσρόης, нпыми словами, — *признать это лишнее δὲ диттографіей подлиннаго*³⁾.

Затѣмъ, если принять во вниманіе пространство, отдѣляющее эту диттографію отъ подлиннаго δὲ, то можно легко объяснить ея возникновеніе въ π тѣмъ, что разбираемое мѣсто прокопиевскихъ извле-

¹⁾ Въ *E* написано ἀπὸ γρῆν, а въ *B* — ἀπὸγρῆν. Не подлежитъ сомнѣнію, что такъ же было написано это слово и въ пазовскомъ кодексѣ (скорѣе раздѣльно, — какъ въ *E*).

²⁾ Возстановляемъ это подлинное чтеніе οὐδαμῆ въ его законныхъ правахъ, за мѣни имъ вульгату οὐδαμῶς (р. 239, 19), — на основаніи прокопиевскихъ рукописей (codd. Parisinus 1702, Marcianus 398 и Vaticanus 152 и 1001). Въ *BE* читается οὐδαμῶς, и этотъ вариантъ, несомнѣнно, восходящій къ самому архетипу (Π), заста-
вляеть насъ предположить, что въ той рукописи, съ которой былъ списанъ пазов-

ский кодексъ, это слово было написано сокращенно (примѣрно, — οὐδα^μ).

³⁾ Напротивъ, считать это лишнее δὲ диттографіей перваго слога слова δεξάμενοι (р. 239, 17), — исходя изъ предположенія, что слова δεξάμενοι τῶν καιμηλίων πολλὰ ἔδοσαν, ἄλλο записали въ Π ровно строку, съ конца которой Дармарій и попалъ было на нее же, но замѣтилъ свою ошибку, написавъ только δὲ, — ставить такимъ образомъ лишнее δὲ въ связь съ δεξάμενοι нельзя, такъ какъ въ словахъ δεξάμενοι — ἄλλο содержится всего только 35 буквъ, т. е. недостаточно для полной строки пазовскаго кодекса.

чений было написано въ паззовскомъ кодексе, примѣрно слѣдующимъ образомъ (въ смыслѣ разграниченія отдѣльныхъ строкъ):

πολλά ἔδοσαν ἄλλο
οὐδὲν σφίσιν ἀπολελεῖσθαι ἰσχυρίζομενοι· χροσρότης
ὁ δὲ ταῦτά οἱ κτλ.,

и что Дармарій, при списываніи π съ паззовскаго кодекса, первоначально пропустилъ *цѣлую строку* послѣднюю (οὐδὲν — χροσρότης), а потому послѣ ἄλλο принялся было списывать ту строку оригинала, которая непосредственно слѣдовала за пропущенной, но, списавъ всего только начальное слово этой строки (ὁ δὲ), замѣтилъ свою ошибку и исправилъ ее, — между прочимъ атетировавъ въ своей копіи (π) это лишнее δὲ послѣ ἄλλο¹⁾. Возможно однако, что онъ и забылъ атетировать это δὲ, или же эта атетеза была имъ сдѣлана поспѣю, а потому ни самъ онъ нѣсколько позже, когда списывалъ *Β* съ π, ни писецъ *Β* не обратили вниманія на точки или черточку, находившуюся въ π подъ атетированнымъ δὲ, и такимъ образомъ этому лишнему словечку и удалось безпрятственно проникнуть въ текстъ обѣихъ непосредственныхъ копій (*ΒΒ*) августинновской рукописи (π).

19. Menandr. fr. 55; p. 110, 26 Dind.: μιᾶς γὰρ ἡμέρας ὁδὸν σφᾶς ἀγαθόντες ἐπὶ τὰ πρόσω, τῇ ἐφεξῆς δι' ἑτέρας ἀτραποῦ ἐς τοῦμπάλιν ἐπανῆγον, ἕως πολλῶν ἀνιερῶν αὐτοὺς ἀναπλήσαντες, ὡς καὶ ἐκάτερον ἀμέλει νόσφ βαρυτάτῃ περιπεσεῖν, ἐξώθησαν²⁾ τῆς Περσῶν.

Въ *Β* послѣ слова ἀναπλήσαντες [E.I.R. p. 216;3] находимъ ошибочное повтореніе словъ (p. 110, 27) ἐπὶ τὰ πρόσω, || τῇ ἐφεξῆς (fol. 247/248). Принимая во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что пространство, занимаемое словами ἐπὶ τὰ πρόσω—ἀναπλήσαντες (p. 110, 27—29), соотвѣтствуетъ *двумъ строкамъ паззовскаго кодекса*, съ другой стороны, — что вышеупомянутая диттографія въ *Β* осталась *не экзюгированной*, мы не колеблемся приписать эту ошибку

¹⁾ На сопоставленіе напрашивается примѣръ, приведенный выше, подъ п. 6.

²⁾ Возвращаемся къ рукописному чтенію ἐξώθησαν (*Β*), которое Диндорфъ безъ нужды замѣнилъ неудачной конъектурой Гёшеля ἐξώθησαν, не понимая, что это ἐξώθησαν является позднѣйшею формою аориста *activi*: аналогичные примѣры встречаются у Киннама, p. 193, 8 Bonn. εἰς μέσους εἰσωθήσαντες τοῦς πόλεμίους ἑαυτὸν, — у Ософана (6 примѣровъ, указанныхъ де Вооромъ въ его Index Graecitatis Theophrastae, p. 781 s. v. ὠθῶ), — у Ософилакта Симокаттскаго (5 примѣровъ, отмеченныхъ тѣмъ же ученымъ въ соотвѣтственномъ Index Graecitatis, p. 137), а, вѣроятно, также и у другихъ византийскихъ авторовъ. [На основаніи такихъ же соображеній и де Вооръ E.I.R. p. 216,4 удержалъ въ текстѣ своего изданія ἐξώθησαν].

не писцу *B*, но именно писцу августиновской рукописи (π), т. е. Дармарію, — даже и въ томъ случаѣ, если въ *E* такой диттографіи не имѣется ¹⁾).

Затѣмъ, принимая въ соображеніе наличность *homocolepton ἀγαρόντες* — *ἀναπλήσαντες*, мы считаемъ себя въ правѣ предположить, что въ паэзовскомъ кодексе границы строкъ были, примѣрно, такія:

σφᾶς ἀγαρόν-
τες ἐπὶ τὰ πρόσω, τῆ ἐφεξῆς δι' ἑτέρας ἀτραποῦ ἐς τοῦμ-
παλιν ἐπανήγον, ἕως πολλῶν ἀναρῶν αὐτοῦς ἀναπλήσαν-
τες. ὡς καὶ ἐκάτερον κτλ.,

и что, при списываніи π съ паэзовскаго кодекса, Дармаріи, послѣ того какъ написалъ *ἀναπλήσαντες*, съ четвертой строки оригинала по ошибкѣ попалъ на *вторую*, которая начиналась точно такъ же (-τες), какъ и четвертая; вторично списавъ слова ἐπὶ τὰ πρόσω, τῆ ἐφεξῆς, онъ замѣтилъ свою ошибку и, естественно, исправилъ ее, — атетировавъ диттографію въ своей копіи ²⁾, но, должно быть, экспункція была имъ сдѣлана не особенно ясно, если ея не замѣтилъ писецъ *B* (а равно и самъ же Дармаріи, когда списывалъ *E* съ той же рукописи π , — если только и въ *E* имѣется такая же диттографія).

Мы могли бы привести и еще по нѣскольку примѣровъ въ такомъ же родѣ какъ изъ первой, такъ и изъ второй половины паэзовскаго кодекса, но полагаемъ, что и этихъ 19 примѣровъ съ ихъ *двадцатью двумя строками* *II* болѣе, чѣмъ достаточно, для того чтобы убѣдиться въ *безусловной ошибочности мнѣнія де Боора*, будто паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца. По той же самой причинѣ мы не станемъ здѣсь приводить и такихъ примѣровъ, въ которыхъ строки паэзовскаго кодекса опредѣляются при помощи частичныхъ пробѣловъ, оставленныхъ Дармаріемъ въ текстѣ амброзіанской рукописи (*A*) и обусловленныхъ порчею соотвѣтственныхъ мѣсть оригинала вслѣдствіе сырости или ветхости (Pросор. *De bellis* V, 3 p. 10,13 sq. Kr., и др.); эти примѣры мы сообщимъ въ *Византійскомъ Временикѣ*.

¹⁾ Если же она находится и въ *E*, то, естественно, подтверждаетъ правильность нашего предположенія. [Въ *E* находится точно такая же диттографія, ср. примѣчаніе де Боора къ *KL.R.* p. 216.3].

²⁾ Впрочемъ можно также допустить, что онъ просто *забылъ* атетировать или всю эту диттографію, или какую-либо часть см. (ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1903, августъ. 370).

Вышеприведенные 19 примѣровъ позволяютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлять и среднюю вмѣстимость строкъ паззовскаго кодекса, — иными словами, опредѣлить количество буквъ, принадлежащее въ среднемъ на строку этого кодекса ¹⁾.

Для большаго удобства читателей мы тутъ же сопоставимъ всѣ 22 строки паззовскаго кодекса, которыя намъ удалось опредѣлить въ 19 примѣрахъ.

- п. 1. ῥωμαίων ἐβλασφήμουν ἢ θανατῶντες ἢ ἔκφρονες ὄντες ἢ τοὺς
 п. 2. οὐδ' ὄλως ἀπήρεσκεν, ἀλλ' ἐβούλοντο, περὶ πλείστου ποιούμενοι
 п. 3. καὶ τούτων δὲ προσθεμένων ἔκουσίως ἐστράτευσαν εἰς τὴν δολοπίαν
 п. 4. γήπαιδές τε καὶ λαγγόβαρδοι αὐτῆς πολεμησάοντες ἐπαλλήλους ἴεσαν·
 п. 5. ἀξιοῦντες τὸν γνάϊον τὰς μὲν δυνάμεις εἶσαι κατὰ χώραν, αὐτὸν
 п. 6. καὶ ἐρομένου βασιλέως, ὅ τι σφίσι περὶ τῶν παρόντων λῶν εἶναι
 п. 7. δ' εἰ μὴ οἶδοτε τὴν πόλιν ἔχειν, ἔς γε τὴν σύγκλητον ἔτι πρεσβεῦσαι
 п. 8. ὁ πρὸ μαρκέλλου ῥωμαίοις αὐτοὺς ἐπετετρόφεσαν, καὶ ²⁾
 п. 9. οὐδὲ ἀναθέσθαι δυνάμειθα τὰ ἤδη κεκελευσμένα γενέσθαι
 п. 10. εἰρήνην ἔμπροσθεν ἐποιεῖτο τῶν ἐπὶ στελίχωνος σπονδῶν
 μεμνημένος· στείλας δὲ πρέσβεις ἐπὶ χρήμασιν οὐ πολλοῖς ³⁾
 п. 11. ἐντοχῶν λάθρα χωρότην ἐν μεγάλοις εἶναι καχοῖς ἔφασκε· τὸν
 τε γάρ
 п. 12. ἤδη λαβῶν ἔχεις, τὰ δὲ γράμματα, ἃ τοῖς γότιθων πρῶτοις ἔπεμψεν
 п. 13. (ἐ)πεφέροντο ⁴⁾ φορτία ἀράμενοι ἔθεσαν ἐν μέσῳ· εἶτα τοῖς τοῦ λιβάνου κλάδοις πῦρ ἀνάψαντες τῇ σκυλλικῇ φωνῇ βάρβαρα

¹⁾ Съ количествомъ промежутковъ между отдѣльными словами мы не будемъ считаться, такъ какъ по отношенію къ древнимъ рукописямъ они вообще не поддаются точному учету: такъ, напримѣръ, въ cod. Poiriscianus, — который, какъ постараемся доказать въ другомъ мѣстѣ, былъ писанъ тѣмъ же самымъ писцомъ, что и паззовскій кодексъ, — почти на каждой строкѣ мы находимъ, съ одной стороны, случаи слитнаго написанія двухъ и болѣе словъ (напримѣръ, ὀδελύκωσ εἰγεγωναῖκα, ἐκείσεκαὶ ἐχρόνασπολεμῶν, μεταδεδάνατον и т. п.), съ другой стороны, — случаи раздѣльнаго написанія словъ по частямъ (напримѣръ, οὐ εσπαισ αν οὐ, κατὰ στροφῆν и т. п.), или наконецъ, и то, и другое вмѣстѣ (напримѣръ, περὶ φανεσταταγάρ, αἰ ὄντινα и т. д.).

²⁾ Съ конъектурой Клаудіои (вмѣсто καὶ) мы при счетѣ буквъ въ этой строкѣ II не будемъ считаться — по легко понятнымъ соображеніямъ.

³⁾ Считаемо нелишнимъ напомнить читателямъ, что, какъ въ этомъ примѣрѣ такъ и въ пп. 18 и 19, границы строкъ паззовскаго кодекса намѣчены лишь условно.

⁴⁾ [Или, скорѣе, — (ἐ)φερον τῶ].

- π. 14. τῶν ὄλων, ὅ τι ποτὲ συναχώραι. πᾶν φετο δεῖν αὐτοὺς ἐν χάριτι
 π. 15. εὖνοιαν ἀπελπίζοντες: ¹⁾ ἀεὶ καὶ προσδοκίαν ἔχοντες τῆς ἐκείνου
 π. 16. καὶ τοῖς ῥωμαίων συμμάχοις καὶ καρρηθῶνοις καὶ τοῖς καρρηθῶνοιον
 π. 17. κατὰ τὰς ἐντολάς, ἐπιστήσαντες τὴν πρὸς τοὺς βασιλέας
 π. 18. οὐδὲν σφίσι ἀπολελείφθαι ἰσχυρίζομενοι· χοσρόης
 π. 19. (ἀγαγόν-)
 τας ἐπὶ τὰ πρόσω, τῇ ἐφεξῆς δι' ἑτέρας ἀτραποῦ ἐς τοῦμ-
 παλιν ἐπανῆγον, ἕως πολλῶν ἀνιαρῶν αὐτοὺς ἀναπλήσαν-
 (τας).

При счетѣ буквѣ въ этихъ строкахъ паэзовскаго кодекса мы будемъ принимать во вниманіе нѣкоторыя *особенности палеографическаго письма*, а именно, во-первыхъ, считать каждое изъ сочетаній *ει, σι* и *ετ* за *одну* только букву, какъ лигатуры, соотвѣтствующія, по своимъ размѣрамъ, дѣйствительно только одной буквѣ; — во-вторыхъ, мы въ соотвѣтственныхъ случаяхъ будемъ считаться и съ присутствіемъ или отсутствіемъ нѣмой іоты (*iota muftum*), въ употребленіи которой писецъ паэзовскаго кодекса, несомнѣнно, не отличался особенною послѣдовательностью, но, какъ случится, то писалъ ее, то пропускалъ ²⁾; — въ-третьихъ, мы въ трехъ случаяхъ будемъ считаться съ возможностью *слитнаго* написанія словъ *εἰς τὴν* (π. 3), *γῆπαίδεσ τε* (π. 4) и *ἐς τοῦμπαλιν* (π. 19), т. е. съ возможностью *слитнымъ* въ этихъ случаяхъ ³⁾; — наконецъ, въ-четвертыхъ, мы будемъ считаться и съ возможностью сокращеннаго написанія *καὶ*, — принимая такое сокращеніе, понятно, за *одну* только букву. Напротивъ, съ возможностью сокращеннаго написанія *окончаній словъ* (-ων, -ας, -εσ, -ως и т. д.) мы вовсе не будемъ считаться, такъ какъ не сомнѣваемся, что и въ этомъ отношеніи паэзовскій кодексъ былъ совершенно сходенъ съ *cod. Peirescianus* и съ ватиканскимъ палимпсестомъ извлеченій *περὶ γυναικῶν*, гдѣ, какъ извѣстно, подобныя сокращенія встрѣчаются лишь въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній.

Итакъ, въ примѣрахъ ππ. 1 и 2 мы имѣемъ строки паэзовскаго кодекса *по 48 буквѣ*.

Въ π. 3 строка II содержитъ *отъ 50 до 53 буквѣ*, смотря по тому,

¹⁾ Или *ἐπελπίζοντες*.

²⁾ То же самое наблюдается, напримѣръ, и въ *cod. Peirescianus*.

³⁾ Напротивъ, съ возможностью слитныхъ написаній словъ *ἀξιοῦντες τὸν* (π. 5), *τοῖς τοῦ* (π. 13), *ἔχοντες τῆς* (π. 15) и т. п. мы не будемъ считаться.

какъ были написаны въ пазовскомъ кодексѣ слова *καὶ* и *εἰς τὴν*. При этомъ возможны такія комбинаціи:

1) если *καὶ* было написано сокращенно, а *εἰς τὴν* слитно то въ этой строкѣ содержалось 50 буквъ;

2) если *καὶ* было написано сокращенно, а *εἰς τὴν* раздѣльно, то 51 буква;

3) если *καὶ* было написано безъ сокращенія, а *εἰς τὴν* слитно, — 52 буквы; наконецъ, —

4) если *καὶ* безъ сокращенія, а *εἰς τὴν* раздѣльно, — 53 буквы.

Въ п. 4 строка II содержитъ отъ 54 до 57 буквъ, — смотря по тому, какъ были написаны слова *καὶ* и *ἡκαίδε; τε*.

Въ п. 5 — 50 буквъ.

Въ п. 6 — отъ 48 до 51 буквы, смотря по тому, какъ были написаны *καὶ* и *λφον*.

Въ п. 7 — 50 буквъ.

Въ п. 8 — отъ 39 до 41 буквы, смотря по тому, какъ было написано *καὶ* ¹⁾.

Въ п. 9 — 46 буквъ.

Въ п. 10 мы имѣемъ двѣ строки, содержащія въ общей сложности 88 буквъ, и, стало быть, на каждую изъ нихъ приходится въ среднемъ по 44 буквы.

Въ п. 11 — 53 буквы.

Въ п. 12 — 49 буквъ.

Въ п. 13 мы имѣемъ двѣ строки, содержащія въ общей сложности отъ 92 до 96 буквъ, смотря по тому, какъ были въ II написаны слова *μέσφ* и *τῆ Σχοδικῆ φωνῆ*;—въ отдѣльности же на каждую изъ этихъ строкъ приходится въ среднемъ отъ 46 до 48 буквъ.

Въ п. 14 — 45 или 46 буквъ, смотря по тому, какъ было написано *φετο*.

Въ п. 15 — 48 или 50 буквъ, смотря по тому, какъ было написано *καὶ*.

Въ п. 16 — отъ 50 до 56 буквъ, въ зависимости отъ того, какъ были написаны (три) *καὶ*.

Въ п. 17 — 44 буквы.

Въ п. 18 — 42 буквы.

Наконецъ, въ п. 19 мы имѣемъ двѣ строки, въ которыхъ въ

¹⁾ Всего остовереннѣе, конечно, допустить, что *καὶ* было написано безъ сокращенія.

общей сложности содержится отъ 84 до 86 буквъ, — смотря по тому, какъ были написаны въ паэзовскомъ кодексѣ слова τῆ и ἐς τοβιλαλι; на каждую же изъ этихъ строкъ II въ отдѣльности приходится въ среднемъ по 42—43 буквы.

Такимъ образомъ мы имѣемъ изъ паэзовскаго кодекса:

одну строку въ 39—41	букву:	п. 8,
" " "	42	буквы: п. 18,
двѣ строки по 42—44	" :	п. 19,
три " "	44	" : пп. 17 и 10,
одну строку въ 45—46	буквъ:	п. 14,
" " "	46	" : п. 9,
двѣ строки по 46—48	" :	п. 13,
" " "	48	" : пп. 1 и 2,
одну строку въ 48—50	" :	п. 15,
" " "	48—51	букву: п. 6,
" " "	49	буквъ: п. 12,
двѣ строки по 50	" :	пп. 5 и 7,
одну строку въ 50—53	буквы:	п. 3,
" " "	50—56	буквъ: п. 16,
" " "	53	буквы: п. 11 и, наконецъ,
" " "	54—57	буквъ: п. 4.

Во всѣхъ этихъ 22 строкахъ II, взятыхъ вмѣстѣ, содержится отъ 1028 до 1054 буквъ, и, стало быть, въ среднемъ на каждую изъ этихъ строкъ паэзовскаго кодекса приходится по 46—48 буквъ¹⁾.

Кромѣ того, изъ вышеприведеннаго перечня видно, что *крайне* (возможные) предѣлы колебаній количества буквъ въ отдѣльныхъ строкахъ паэзовскаго кодекса выражаются цифрами 39 и 57. Если же считаться лишь съ тѣми предѣлами, въ какихъ всего чаще происходятъ эти колебанія, то можно сказать, что такіе *нормальные* предѣлы вышеупомянутыхъ колебаній выражаются для II цифрами 41—53 или, скорѣе, 46—53.

Приблизительно то же самое мы можемъ констатировать и относительно cod. Peirescianus и ватиканскаго палимпсе-

¹⁾ 1028 : 22 = 46¹⁶/₂₂ или 46⁸/₁₁, а 1054 : 22 = 47²⁰/₂₂ или 47¹⁰/₁₁. Последнюю цифру мы позволяемъ себѣ округлить до 48.

ста — на основаніи нашихъ собственныхъ изслѣдованій и непосредственнаго знакомства нашего съ обоими этими кодексами ¹⁾).

По поводу этого факта, являющагося однимъ изъ аргументовъ въ пользу нашего мнѣнія о принадлежности *мэзовекио кодекса къ той же семьѣ рукописей, къ которой принадлежатъ и оба вышеупомянутыя кодекса, а равно и утраченный архетипъ извлеченій περί ἐπιβουλῶν* ²⁾, считаемъ нелишнимъ сдѣлать небольшую поправку къ сообщеніямъ Буассевэна относительно количества буквъ въ строкахъ турскаго и ватиканскаго кодексовъ.

По словамъ Буассевэна ³⁾, въ обоихъ этихъ кодексахъ „*unumquodque folium 32 versus* ⁴⁾ *continet 46—54 litterarum*“ (курсивъ принадлежитъ намъ), — но и это послѣднее сообщеніе (*курсивъ*) не совсѣмъ точно, такъ какъ въ обоихъ кодексахъ попадаются строки, изъ которыхъ однѣ содержатъ *меньше 46 буквъ*, а другія — *больше 54*. Такъ въ *cod. Peirescianus* мы знаемъ строки и *въ 40 буквъ* — на примѣръ (fol. 276^r vs. 32): ζακανθαίουσ· ῥωμαίουσ (sic) ταῦτα συμπράσσειν. ἔλωσ τὲ Arrian. *Hispr.* 10 p. 68,22 ed. Mend., — и *въ 44 буквы*, на примѣръ (fol. 215^r): τοὺσ τὰσ ἐπιστολάσ παρ αὐτοῦ κομίζοντασ πρὸσ τὸν βασι(λεα) Diodor. XI, 45,1 p. 288,1 ed. Vogel, — и *въ 57 буквъ*, на примѣръ (fol. 139^r vs. 3): παλαιότητοσ αὐτῶν μη δύνηται μηδε σικιρῶι πλέον τοῦ πάνυ ἀναγκαίου Cass. Dio LXXIII, 8,5 p. 289,10 ed. Boissvain, и въ *ватиканскомъ палимпсестѣ* встрѣчаемъ строки и *въ 44 буквы*, на примѣръ (pg. 24,22): κατορθωμάτων· μόνον ἐνομάζοντεσ (sic) εἶναι ταύτην ἀνδρὸσ Polyb. VI, 1,5 sq. p. 232,13 ed. Hultsch²⁾, — и *въ 57—58 буквъ*, на примѣръ (pg. 153): <“Ο>τι τῆι προτεραίαι (или, быть можетъ, προτεραία) τῶι γελίμερι γεγονὸσ ἄριστον τετόχηκεν ἐν παρασκευ(ῆι), ср. Procor. *De bellis* III, 21 p. 396,2 ed. Bonn. ⁵⁾).

Принимая во вниманіе, что оба эти кодекса писаны однимъ и

¹⁾ Что касается ватиканскаго палимпсеста, то мы, разумѣется, пользовались также изданіями Гейзе (Polybii Historiarum excerpta gnomicae... retractavit Th. Heise, Berol. 1846) и Май (Script. veterum nova collectio, II, Romae 1827).

²⁾ Объ этомъ архетипѣ у насъ будетъ сказано подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

³⁾ Cass. Dio ed. Boissvain, vol. I, praef. X и XVI.

⁴⁾ Слѣдуетъ сказать: „*uniquaque pagina 32 versus*“ или же — „*unumquodque folium 64 versus*“.

⁵⁾ Начальной буквы “Ο мы не включили въ общій счетъ буквъ этой строки, такъ какъ она была приписана на полѣ. — Кроме того не мѣшаетъ пояснить, что, при счетѣ буквъ въ этомъ и предыдущихъ примѣрахъ, мы принимали α и σ, какъ лигатуры, за одну букву.

тѣмъ же писцомъ, можно на основаніи вышеприведенныхъ примѣровъ сказать, что крайними предѣлами колебаній количества буквъ въ отдѣльныхъ строкахъ какъ турецкаго, такъ и ватиканскаго кодексовъ являются цифры 40 и 57 (58).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что примѣры подобные только что указаннымъ принадлежатъ къ болѣе или менѣе рѣдкимъ явленіямъ. и что въ большинствѣ случаевъ количество буквъ въ строкахъ турецкаго и ватиканскаго кодексовъ колеблется въ предѣлахъ *отъ 46 до 53* (скорѣе, чѣмъ до 54).

Вышеупомянутыя численныя колебанія по преимуществу обуславливаются двумя причинами: во-первыхъ, различною толщиной отдѣльныхъ буквъ, случайно преобладающихъ въ той или иной строкѣ; во-вторыхъ, — довольно замѣтнымъ иногда различіемъ почерка одного и того же писца въ разныхъ мѣстахъ одного и того же кодекса: такъ, мы уже констатировали, что, на примѣръ, въ первой половинѣ паэзовскаго кодекса (I¹) почеркъ писца постепенно становится все убористѣе ¹⁾; равнымъ образомъ намъ приходилось говорить и о томъ, что въ cod. Peirescianus извлеченія изъ Діодора писаны болѣе разгнаннымъ почеркомъ, нежели извлеченія изъ Кассія Діона.

Въ виду явной случайности и неустойчивости обонхъ вышеуказанныхъ условій и въ особенности вслѣдствіе случайности и сравнительной немногочисленности тѣхъ примѣровъ строкъ паэзовскаго кодекса, которые оказываются въ нашемъ распоряженіи, конечно, было бы слишкомъ странно придавать какое-либо значеніе ничтожной разницѣ между крайними предѣлами колебаній количества буквъ въ строкахъ паэзовскаго кодекса (39—57), съ одной стороны, и турецкаго съ ватиканскимъ (40—57 или 40—58), съ другой, а равно между нормальными предѣлами этихъ колебаній въ тѣхъ же кодексахъ (44—53 или 46—53, съ одной стороны, и 46—53 или 46—54, съ другой, — а потому мы и не колеблемся признать, что въ среднемъ вмѣстимости строкъ паэзовскаго кодекса, съ одной стороны, и турецкаго и ватиканскаго кодексовъ, съ другой, была совершенно одинакова.

¹⁾ Припомнимъ отношенія—I¹ (первая половина): $A=1:3.5$ и II¹¹ (вторая половина): $A=1:4$.

Въ cod. Peirescianus и въ ватиканскомъ палимпсестѣ на каждую страницу, какъ извѣстно, приходится по 32 строки. Нетрудно доказать, что по стольку же строкъ на страницѣ было и въ паэзовскомъ кодексѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы въ предшествующемъ изложеніи уже установили факты, что страница паэзовскаго кодекса равна страницѣ турскаго, гесп. ватиканскаго, и что вместимость строкъ этихъ кодексовъ въ среднемъ совершенно одинакова; — отсюда уже само собою слѣдуетъ заключеніе, что и число строкъ, приходящихся на страницу паэзовскаго кодекса, непременно должно было равняться тоже 32, какъ и въ турскомъ и ватиканскомъ кодексахъ.

Въ видахъ возможно болѣе полного и разносторонняго разъясненія вопроса о паэзовскомъ кодексѣ, а равно и съ цѣлью окончательно упрочить три послѣднихъ результата нашего изслѣдованія, т. е. что

1) паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ полную строку, а не въ два столбца;

2) строка паэзовскаго кодекса равна строкѣ турскаго кодекса, гесп. ватиканскаго палимпсеста, и

3) число строкъ, пришедшихся на страницу паэзовскаго кодекса, тождественно съ числомъ строкъ (32) на страницѣ турскаго кодекса, гесп. ватиканскаго палимпсеста, —

считаемъ нелишнимъ, во-первыхъ, подвергнуть разсмотрѣнію нѣсколько такихъ примѣровъ, которые, на первый взглядъ, могли бы послужить точками опоры для опровергнутаго нами де-бооровскаго мнѣнія, что де паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца; — во-вторыхъ, находимъ небезнолезнымъ сообщить нѣсколько примѣровъ, относящихся къ опредѣленію длины и вместимости строкъ утраченнаго архетипа извлеченій *περί ἀποφουλῶν* на основаніи вариантовъ обѣихъ непосредственныхъ копій послѣдняго, сохранившихся до нашего времени. Эта вторая серія примѣровъ, между прочимъ, интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ полную аналогію тѣмъ примѣрамъ, которые были приведены нами выше изъ обѣихъ половинъ паэзовскаго кодекса.

Приступая къ разсмотрѣнію первой серіи примѣровъ, которые можно назвать мнимыми точками опоры вышеупомянутаго де-бооровскаго мнѣнія, начнемъ съ двухъ слѣдующихъ, относящихся къ области извлеченій *περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* или, иными словами, къ первой половинѣ паэзовскаго кодекса (II').

1. Dexipp. fr. 22 p. 191,18 Dind.: ἐπεὶ δὲ σφίσι¹⁾ ἐκ τοῦ βασιλέως ἀπεδόθη λέγειν, διὰ τινος ἑρμηνέως ἔλεξαν τοιαῦδε. — Въ А это мѣсто читается такъ: ἐπεὶ δὲ σφίσι^{ωс} ἐκ τοῦ βασιλέως | ἀπεδόθη λέγειν διὰ τινος ἑρμηνέως. || ἀπεδόθη λέγειν ἔλεξαν τοιαῦδε (fol. 277^{ωс}/277^{ωс}), но диттография, которою начинается fol. 277^{ωс}, была своевременно замѣчена и экзпунгирована самимъ Дармариємъ.

[На откажемъ себѣ въ удовольствіи попутно отмѣтить и подчеркнуть два слѣдующихъ характерныхъ факта, относящихся къ де-бооровскому изданію. Ни о только что указанной нами диттографіи въ А, ни о вариантахъ А ἑρμηνέως. и τοιαῦδε де Бооръ ни слова не говоритъ въ своемъ аппаратѣ къ ELG. p. 381,16, — что является весьма недурной иллюстраціей къ не въ мѣру хвастливому завѣренію означеннаго издателя въ его praefatio, p. XVI: „In legationibus tamen gentium quidquid Darmarius in codice A postea correxit diligentissime observavi et adnotavi“ (разрядка и курсивъ принадлежатъ намъ). — Вышеприведенной фразѣ Дексиппа предшествуютъ слова σιγῇ ἔχειν (ELG. p. 381,15), и въ примѣчаніи де Бооръ сообщаетъ: „15 σιγῇ ΒΜ σιγοῖ ΕΡ et ut vid. А“ (разрядка принадлежитъ намъ), — между тѣмъ это σιγοῖ читается и въ А совершенно ясно; примѣры подобные этому — съ „ut videtur“, „videtur“, „incertum“ и тому подобными выраженіями, въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь замаскировавшими неполноту или небрежность де-бооровскихъ колляцій, — насчитываются сотнями въ критическомъ аппаратѣ де Боора, и если къ этому добавить, цѣлый рядъ разнаго рода другихъ ошибокъ или неточностей, касающихся вариантовъ рукописнаго преданія и обусловленныхъ небрежностью де Боора (между прочимъ попадаются и такіе варианты, которые оказываются просто сочиненными самимъ де Бооромъ, ср. его примѣчаніе къ Arrian. ELG. p. 551,25 и наше замѣчаніе въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, августъ 373), — то въ общемъ получается въ высокой степени поучительная иллюстрація къ слѣдующей аттестаціи, которую весьма скромно выдаетъ своему изданію самъ де Бооръ (praefat. p. XX sq.): „certa spes est hoc me effecisse ut quid in libris legatur ubique extra ullam dubitationem constet. Hoc quasi fun-

¹⁾ Не видимъ необходимости читать δὲ σφίσι, какъ это дѣлаютъ всѣ надатели [до де Боора ELG. p. 381,15].

damento ut niti possint singulorum scriptorum editores possintque supersedere in posterum omnes libros denuo perlustrare, libros cum alios tum Ambrosianum diligentissime excussi“. и проч. (разрядка принадлежит намъ)].

2. Prisc. fr. 12 p. 326,8 Dind.: εὖ δὲ καὶ αὐτὸν φόντα καὶ τὸν πατέρα Μουνδίουχον διαδεξάμενον διαφυλάξει τὴν εὐγένειαν. — Въ *A* послѣ διαφυλάξει [ELG. p. 581,24] Дармарій сперва написалъ δι, по и эту диттографию сейчасъ же атетировалъ (подчеркнувъ ео).

Возможно, что де Боору или кому-либо иному заблагодарасудителся сослаться на эти примѣры, приводя ихъ въ подтвержденіе догадки, что паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца, и объясняя возникновеніе 'обѣихъ этихъ диттографій Дармарія предположеніемъ, что де въ первомъ случаѣ строка одного изъ столбцовъ паэзовскаго кодекса содержала слова

ἀπεδόθη λέγειν· διὰ τινος ἐρμηνέως,

а во второмъ случаѣ —

(Μουν)δίουχον διαδεξάμενον διαφυλάξει

или, если угодно, только два слова —

διαδεξάμενον διαφυλάξει.

и что де съ конца этихъ строкъ архетипа Дармарій, по небрежности или разсѣянности, aberrat къ ихъ же началамъ, — впадая такимъ образомъ въ обѣихъ случаяхъ въ такую же ошибку, какою мы объясняемъ возникновеніе диттографіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ *A*, разсмотрѣнныхъ нами выше.

Нетрудно, однако, было бы убѣдиться въ чрезмѣрной шаткости подобныхъ соображеній: при наличности *длиныхъ* строкъ архетипа (19—20 сантим.) весьма естественно допустить возможность тѣхъ ошибокъ Дармарія, о которыхъ мы говорили выше, по при строкахъ *двое меньшихъ* такое объясненіе причины возникновенія диттографіи оказалось бы уже слишкомъ натянутымъ. Къ тому же весьма легко объяснить возникновеніе диттографіи въ обѣихъ разбираемыхъ мѣстахъ совершенно иначе: въ первомъ случаѣ (Dexipp. p. 191,20) диттографія, очевидно, возникла просто подъ влияніемъ *homocoleclon βασιλέως* — ἐρμηνέως, находясь къ тому же въ известной связи и съ переходомъ Дармарія въ этомъ мѣстѣ на *новую страницу A* ¹⁾; что

¹⁾ По поводу ссылки на последнее обстоятельство, благопріятствовавшее возник-

же касается второй диттографии (Prisc. p. 326,9), то не подлежит, ни малѣйшему сомнѣнiю, что она возникла просто механически — подѣ влиянiемъ непосредственнаго сосѣдства двухъ словъ, начинающихся слогомъ δι (διαδεξάμενον διαφολάξαι).

3. Затѣмъ не мѣшаетъ упомянуть, что въ уже извѣстномъ (п. 8) нашимъ читателямъ аниановскомъ мѣстѣ (Arrian. *Hisp.* 49) по поводу пропуска въ A словъ ὁ πρὸς Μαρκέλλου, Ῥωμαῖοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν, [καὶ] — де Бооръ или какой либо-иной сторонникъ мнѣнiя, что назовскiй кодексъ былъ писанъ въ два столбца, могъ бы предположить, что слова ὁ πρὸς Μαρκέλλου и καὶ были выпущены изъ текста извлеченiй περὶ πρέσβων ἑθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους самимъ редакторомъ, и что остающаяся фраза —

Ῥωμαῖοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν

занимала въ назовскомъ кодексѣ ровно строку въ одномъ изъ столбцовъ, которую де и пропустилъ по случайному недосмотру Дармарiй, списывая A съ Π'.

Такой догадкѣ мы могли бы противопоставить ссылку на тотъ, едва ли случайный, фактъ, что совокупность пропущенныхъ въ A словъ

ὁ πρὸς Μαρκέλλου, Ῥωμαῖοις αὐτοῦς ἐπετετρόφεσαν, καὶ

оказывается воишѣ подходящей по своимъ размѣрамъ къ цѣлому ряду другихъ пропусковъ подлиннаго текста экцерпированныхъ авторовъ въ A и аугустиповской рукописи (π), а потому вышеизложенной догадкѣ, естественно, слѣдуетъ предпочесть то объясненiе, на которомъ мы остановились выше (п. 8), — уже въ виду того обстоятельства, что при немъ устраняется необходимость осложнять данный

повенiю диттографiи въ A, можно отмѣтить рядъ аналогичныхъ диттографiй, встречающихся въ брюссельской рукописи извлеченiй περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς (B) при переходѣ переносчика на новую страницу или же съ одной строки на другую, какъ, напримеръ, (fol. 34/35) ὅποτερον αὐτοῖς φαίνεται, τοῦτ' ἐκβαλεῖν (слѣдуетъ диттографiя φαίνεται, экцерпированная самимъ переносчикомъ) ἐκέλ.σοε Polyb. III, 33,3 p. 234,17 Nu.². (fol. 64/65) ψήφισμα τῶν ἀρχαίων ὑπὲρ|τῶν (ἀρχαίων) τιμῶν Polyb. XVIII, 7,8 p. 1174,25; — τοῖς ἔλλησιν, προορώμενος (τοῖς ἔλλησιν) τὸ μέγεθος κτλ. Polyb. XVIII, 6,4 p. 1173,10; — διορθώσασθαι τήν τῶν δικαστῶν ἀμαρτίαν καὶ καθήλου (τήν τῶν δικαστῶν) τήν πρὸς εὐμένη κτλ. Polyb. XVIII, 7,12 p. 1175,11; — πρέσβην χειροτονεῖ καὶ ὡς τὸν γ[γ]άνον (χειροτονεῖ) ἐξέπαυθεν Theophyl. Simoc. p. 272,10 ed. de Boor, и т. д. — Не мѣшаетъ напомнить, что рукопись (π), копiей которой является B, была писана не въ два столбца, но въ полную строку.

вопросъ безпочвеннымъ въ сущности предположеніемъ какихъ-либо редакціонныхъ сокращеній подлиннаго текста разбираемаго апіановскаго мѣста.

Сверхъ того нельзя не видѣть, что при условіи правильности предположенія, что паэзовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца, всѣ остальные случаи диттографій и пропусковъ въ Δ и π допускали бы лишь крайне натянутыя объясненія, во всѣхъ отношеніяхъ значительно уступающія тѣмъ, которыя оказываются совершенно естественными при условіи предположенія, что паэзовскій кодексъ былъ написанъ *въ полную строку*. Не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ совершенно аналогичныхъ примѣровъ, относящихся къ утраченному архетипу извлеченія *περὶ ἐπιβουλῶν*, о которомъ у насъ будетъ подробнѣе сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

Еще интереснѣе непосредственно слѣдующіи примѣры, которыйи относится уже къ области извлеченія *περὶ πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοῦς* или, иными словами, ко *второй половинѣ паэзовскаго кодекса* (Π^α).

4. Procop. *De bellis* II, 7 p. 182,17 ed. Bonn.: ἐτόγγανε γάρ Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς Ἰωάννην τε τὸν Ῥουφίνου καὶ τὸν Ἰουλιανὸν τὸν τῶν ἀπορρήτων γραμματεῖα πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας (ἀσχηρῆτις καλοῦσι τὸ ἀξίωμα τοῦτο Ῥωμαῖοι σήκηρητα γὰρ καλεῖν τὰ ἀπόρρητα νενομίχασιν), οἳ δὴ ἐς Ἀντιόχειαν ἀφικόμενοι ἔμενον, Ἰουλιανὸς τε, τῶν πρέσβων ἄτερος, κτλ. ¹⁾.

Въ извлеченіяхъ *περὶ πρέσβων* [E.I.R. p. 97,2 sqq.] мы видимъ нѣсколько пропусковъ подлиннаго текста Прокопія, а именно пропущенными оказываются: 1) слово *βασιλεὺς* p. 182,17; — 2) фраза *πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας* 182,18 sq.; — 3) слово *τοῦτο* 182,19 и 4) вся фраза *σήκηρητα — νενομίχασιν* 182,20.

Изъ этихъ пропусковъ первый и четвертый, несомнѣнно, являются дѣломъ рукъ самого редактора извлеченія *περὶ πρέσβων*, которому, кстати сказать, принадлежить, по всей вѣроятности, и вставка члена *ὁ* передъ *Ἰουστινιανός*. Третій пропускъ можно тоже приписать самому редактору, но можно также думать, на примѣръ, и о случайной ошибкѣ писца того кодекса, съ котораго былъ списанъ II; было бы ошибочно,

¹⁾ Многоходомъ замѣтимъ, что слова *ἀσχηρῆτις — νενομίχασιν* мы заключили въ скобки, соответственно чему измѣнили и интерпункцію. Кроме того мы, слѣдуя согласному чтенію codd. Ambrosian. G 14 sup., Vatican. 152 и 1001, и Marcian. 398, *восстановили* съ мекетъ *τὸ ἀξίωμα τοῦτο* (p. 182,19) вмѣсто вулгаты *τοῦτο τὸ ἀξίωμα*, восходящей къ cod. Parisin. gr. 1702.

однако, винить въ этомъ пропускѣ несиа наззовскаго кодекса, — не говоря уже о Дармаріи (π), — такъ какъ фактъ отсутствія того же слова (τοῦτο) и въ цитатѣ Свиды — s. v. γραμματέας (gl. 2): τὸν τῶν ἀπορρήτων γραμματέα ἀτηρητὴς καλοῦσι τὸ ἀξίωμα Ῥωμαῖοι ¹⁾, — дѣлаетъ въ высокой степени вѣроятнымъ предположеніе, что этого слова не было и въ общемъ источникѣ Π и той рукописи извлеченій περί πρέσβων, которою пользовался Свида.

Что же касается *второго пропуска*, то контекстъ разбираемаго мѣста безусловно исключаетъ возможность отнесенія этого пропуска къ категоріи редакціонныхъ сокращеній подлиннаго текста. Сторонникъ мнѣнія, что наззовскій кодексъ былъ писанъ въ два столбца, могъ бы предположить, что слова

πρέσβαις παρὰ χοσρόην σταίλας

занимали въ одномъ изъ столбцовъ Π ровно строку, которую и пропустилъ Дармарій, списывая съ этого кодекса третій томъ агустиновской рукописи (π), — но мы не колеблемся безусловно отвергнуть такое объясненіе этого пропуска, руководясь тѣми соображеніями, которыя были нами изложены при разсмотрѣніи непосредственно предшествующаго примѣра.

Съ своей стороны, мы ни мало не затруднились бы признать Дармарія (π) неповиннымъ и въ этомъ пропускѣ, — допуская такимъ образомъ возможность предположенія, что словъ πρέσβαις παρὰ Χοσρόην σταίλας не было и въ наззовскомъ кодексѣ. Мало того, мы и вообще склоняемся въ пользу этого предположенія, принимая во вниманіе съ одной стороны, отсутствіе какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ — вроде, напримѣръ, homocotelenion, — какія могли бы способствовать пропуску вышеприведенныхъ словъ именно Дармаріемъ при списываніи агустиновской рукописи (π) съ наззовскаго кодекса; съ другой стороны, — вслѣдствіе цѣлага ряда причинъ, которыми весьма естественно могло быть обусловлено отсутствіе словъ πρέσβαις παρὰ Χοσρόην σταίλας не только въ самомъ наззовскомъ кодексѣ, но и въ тѣхъ источникахъ, къ которымъ этотъ кодексъ восходитъ.

Такъ, прежде всего возможно предположеніе, что уже въ текстѣ того прокопьевскаго кодекса, которымъ пользовался редакторъ извлеченій περί πρέσβων, слова πρέσβαις παρὰ Χοσρόην σταίλας были случайно

¹⁾ Восстанавливаемъ интерпункцію послѣ слова γραμματέα, которую уничтожилъ въ своемъ изданіи Беригарди, а за нимъ и Беккеръ, — очевидно, не обративъ должнаго вниманія на контекстъ.

пропущены переписчикомъ — напимѣрь потому, что послѣдній, списывая съ рукописи, писанной въ два столбца, по случайному недосмотру, перескочилъ черезъ цѣлую строку, содержащую эти четыре слова.

По поводу такого объясненія считаемъ небезполезнымъ отмѣтить вполнѣ аналогичный фактъ, извѣстный намъ изъ области полибіевскихъ извлеченій — тоже περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνικοῦς. Этимъ фактомъ является пропускъ приблизительно такого же количества подлиннаго текста Полибія [ср. B.R. p. 40,25], а именно словъ τρίτον ὅτι Ῥωμαῖος. ἐγὼ δὲ, какъ думаетъ Гульчъ (Polyb. XVI, 34,6 sq. p. 963,14), или μάλιστα δ' ὅτι Ῥωμαῖος. ἐγὼ δὲ, какъ думаетъ Бюттнеръ-Вобетъ (p. 357,8 sq.), или, наконецъ, δ' ὅτι Ῥωμαῖός ἐστιν. ἐγὼ δὲ μάλιστα, какъ дополняемъ это мѣсто мы сами ¹⁾. Этихъ словъ нѣтъ не только въ текстѣ Константиновскихъ извлеченій περί πρέσβων, но и въ архетипѣ (cod. Vaticanus Urbinus gr. 102) такъ называемыхъ „*Excerpta antiqua*“ изъ того же Полибія, и фактъ этой общности пропуска, естественно, приводитъ насъ къ заключенію, что вышеупомянутыя слова были пропущены и въ томъ полибіевскомъ кодексѣ, къ которому, какъ къ общему источнику, восходятъ *Excerpta antiqua* и Константиновскія извлеченія περί πρέσβων изъ Полибія. Мимоходомъ можно замѣтить, что размѣры этого пропуска наводятъ на мысль, что та рукопись, съ которой былъ списанъ вышеупомянутый полибіевскій кодексъ, была писана въ два столбца, и что пропущенныя слова занимали въ ней либо ровно строку, либо въ двухъ строкахъ пространство приблизительно равное одной строкѣ, — но пастанвать на такомъ предположеніи было бы неосторожно, такъ какъ, и при написаніи этой рукописи въ полную строку, писецъ копія могъ легко пропустить вышеуказанныя слова оригинала, — такъ сказать, соскользнуть съ перваго μάλιστα на второе.

Возвращаясь къ разбираемому проконіевскому мѣсту, мы должны затѣмъ упомянуть, что не исключена возможность объяснить пропускъ словъ πρέσβαις παρὰ χορρόην ἐτείλας и случайнымъ недосмотромъ редактора этихъ извлеченій, а именно возможно, что въ томъ проконіевскомъ кодексѣ, которымъ пользовался этотъ редакторъ, фраза

¹⁾ Не мѣшаетъ пояснить, что мы восстанавливаемъ это полибіевское мѣсто слѣдующимъ образомъ: μάλιστα <δ'>, ὅτι Ῥωμαῖός ἐστιν. „ἐγὼ δὲ μάλιστα“ μὲν ἀπὸ Ῥωμαῖος“ ἔφη κτλ., — и что уже Рейске предлагалъ читать <τὸ δὲ τρίτον (или μάλιστα δὲ) ὅτι Ῥωμαῖός. Δύοτι> μάλιστα μὲν κтл., а слова ἐγὼ δὲ дополнять Швейгхѣйзеръ.

πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας стояла не послѣ слова γραμματέα, какъ это видимъ во всѣхъ прокопьевскихъ рукописяхъ, дошедшихъ до нашего времени, но послѣ слова νομομάχων ¹⁾, и что, вычеркивая по редакционнымъ соображеніямъ, фразу ετήρηται γὰρ καλεῖν τὰ ἀπορήρητα νομομάχων, редакторъ случайно вычеркнулъ и четыре непосредственно слѣдовавшихъ за нею слова (πρέσβεις — στείλας), которыя такимъ образомъ и не попали въ пра-архетипъ извлеченій περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνηκούς.

Въ-третьихъ, ничто не помѣшало бы намъ предположить, что пропускъ словъ πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας произошелъ по вѣкѣ писца той рукописи (назовемъ ее — Ω), съ которой былъ списанъ паэзовскій кодексъ, причемъ такая ошибка писца Ω могла быть обусловлена тѣмъ, что непосредственный источникъ (Vorlage) рукописи Ω былъ писанъ въ два столбца, и что пропущенныя слова занимали въ одномъ изъ этихъ столбцовъ *ровно строку*.

По поводу всѣхъ трехъ вышеизложенныхъ объясненій причины, вслѣдствіе которой фраза πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας могла отсутствовать и въ паэзовскомъ кодексѣ, не мѣшаетъ упомянуть, что ни одному изъ нихъ *не противоречитъ* и вышеприведенная цитата Свида, несомнѣнно, восходящая къ тексту именно извлеченій περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνηκούς, а не непосредственно къ какой-либо прокопьевской рукописи. Нельзя, однако, въ фактѣ пропуска и у Свида словъ πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας усматривать положительнаго аргумента въ пользу вышеизложенныхъ объясненій, такъ какъ извѣстно, что и самъ Свидя нерѣдко производилъ разнаго рода сокращенія въ цитуемыхъ имъ текстахъ древнихъ авторовъ.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, возможно предположеніе, что пропускъ словъ πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας въ паэзовскомъ кодексѣ былъ обусловленъ случайнымъ недосмотромъ *самого писца этого кодекса*. Если остановиться на этомъ послѣднемъ объясненіи, то, принимая во вниманіе, съ одной стороны, размѣры даннаго пропуска, съ дру-

¹⁾ Цитати сказати, таке роз'ясненіє словъ — ετήρηται γὰρ τὸν τῶν ἀπορήρητων γραμματέα (ετήρηται νομομάχων) πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας, οἱ δὲ καὶ . . . — даже заслуживало бы предпочтенія предъ вульгатой въ томъ отношеніи, что при немъ поспитательная вставка ετήρηται νομομάχων непосредственно примыкаетъ къ поспитаемому термину. [Новидному. такими же соображеніями руководился де Вооръ, возстановляя текстъ извлеченій слѣдующимъ образомъ: καὶ Ῥωμαίων τὸν τῶν ἀπορήρητων γραμματέα (ετήρηται καλοῦν τὸ ἔθνος Ῥωμαίων) <πρέσβεις παρὰ Χοσρόην στείλας> B.L.R. p. 97,3 sqq.].

гой, — отсутствие homoeoteleuton или каких-либо иных условий вышшаго характера, которыя могли бы способствовать чисто механическому возникновению такой ошибки переписчика, — всего естественнѣе допустить, что тотъ кодексъ (Ω), копіей котораго является Π, былъ писанъ не въ полную строку, какъ Π, но въ два столбца, и что слова *πρέσβεις παρά Χοσρότην σταίλας* занимали *ровно строку* въ одномъ изъ столбцовъ этого кодекса Ω.

Остается добавить, что въ другомъ своемъ изслѣдованіи мы стараемся доказать, что этимъ непосредственнымъ источникомъ (Ω) назовскаго кодекса всего естественнѣе признать именно пра-архетипъ извлеченій *περί πρέσβεων*, т. е. рукопись самого редактора этихъ извлеченій. Тутъ же кстати упомянемъ, что, на основаніи хронологическихъ ¹⁾ и иныхъ соображеній, намъ представляется въ высокой степени вѣроятнымъ, что другою непосредственною копіей того же самаго пра-архетипа (Ω), а, стало быть, и, такъ сказать, роднымъ братомъ назовскаго кодекса является тотъ кодексъ извлеченій *περί πρέσβεων*, которымъ пользовался *Свида*.

Изъ всѣхъ четырехъ вышеизложенныхъ объясненій причины, обусловившей отсутствіе уже въ назовскомъ кодексѣ словъ *πρέσβεις παρά Χοσρότην σταίλας* мы лично склонны отдать предпочтеніе именно *четвертому*. Само собою разумѣется при этомъ, что такое объясненіе мы распространяемъ и на всѣ аналогичные случаи тѣхъ *случайныхъ* (не редакціонныхъ) пропусковъ подлиннаго текста экцерпированныхъ авторовъ, которые констатируются въ обѣихъ непосредственныхъ копіяхъ назовскаго кодекса, т. е. въ амброзіанской рукописи (A) и въ третьемъ томѣ аугустиновской (π), и, по своимъ размѣрамъ, приблизительно соотвѣтствуютъ половинѣ строки назовскаго кодекса, иными словами, — содержатъ, примѣрно, *отъ 20 до 27 буквъ*. Если не всѣ безъ исключенія случаи такихъ пропусковъ подлиннаго текста, то громадное большинство ихъ, на нашъ взглядъ, можно съ полною увѣренностью признать результатомъ случайныхъ недосмотровъ и ошибокъ не Дармарія (Aπ), но именно писца самого назовскаго кодекса — въ особенности, если, какъ это видимъ и въ только что рассмотрѣнномъ примѣрѣ, нѣтъ ни homoeoteleuton, ни какихъ-либо иныхъ вышшихъ условий, которыя могли бы способствовать механическому возникновению подобныхъ пропусковъ въ вышеупомянутыхъ дармаріевскихъ копіяхъ назовскаго кодекса.

¹⁾ Ср. *Krumbacher, Gesch. der byzantin. Litteratur* ², 563.

Напротивъ, при наличности *homocoteleuton* или аналогичныхъ послѣднему видѣнныхъ условій не исключается возможность считать виновникомъ пропуска не писца П, но именно Дармарія (Δπ) — даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣры пропуска вполне соответствуютъ длинѣ половины строки паэзовскаго кодекса (20 — 27 буквъ). Если же при наличности *homocoteleuton* или аналогичныхъ условій имѣемъ дѣло съ такимъ пропускомъ *несколькихъ словъ*, размѣры котораго не достигаютъ только что указанной нормы, — какъ, напримѣръ, въ *Arrian. Pim.* 90, гдѣ послѣ фразы τὸ δὲ πρόσταγμα τῆς βουλῆς δεῖ γενέσθαι въ Δ пропущены слова (р. 276,9 Mend.) καὶ αὐτίκα γενέσθαι (15 — 17 буквъ), — то въ такой ошибкѣ, на нашъ взглядъ, скорѣе слѣдуетъ винить Дармарія (Δ), нежели писца паэзовскаго кодекса ¹⁾.

Наконецъ, что касается (случайныхъ) пропусковъ *отдельныхъ словъ*, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывается возможнымъ съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ установить, по чьей винѣ — т. е. по недосмотру ли самого писца паэзовскаго кодекса или же вслѣдствіе небрежности Дармарія (Δπ) — возникли такіе пропуски. Вообще же намъ думается, что, принимая во вниманіе общеизвѣстную небрежность и спѣшность работы Дармарія, какъ переписчика, въ большинствѣ и этихъ ошибокъ скорѣе слѣдуетъ винить именно его, чѣмъ писца паэзовскаго кодекса, и что такое объясненіе въ особенности приложимо къ случаямъ пропусковъ словъ болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ — вродѣ, напримѣръ, *Procop. De bellis VI*, 22 p. 238,2 sq. ed. Bonn. (р. 200,6 Kr.) ἀφικουμένους (om. Δ), *ibid.* p. 236,5 Bonn. (р. 198,7 Kr.) κατὰ νόνας resp. καταμόνας (om. Δ), *Arrian. Pim.* 38 p. 224, 4 Mend. συντίθεσθαι (om. Δ) и т. п.

Теперь познакоимъ читателей съ нѣсколькими примѣрами диттографіи и пропусковъ подлиннаго текста, которые встрѣчаются въ обѣихъ непосредственныхъ копіяхъ утраченнаго архетипа извлеченій *περὶ ἐπιβουλῶν* и позволяютъ намъ съ безусловною достоверностью установить два факта, а именно:

1) что этотъ архетипъ (для краткости мы будемъ обозначать его буквою W) — подобно паэзовскому кодексу и обоемъ уцѣлѣвшимъ

¹⁾ [Вставили пропущенную фразу въ текстъ извлеченій *ELG.* p. 556.35, де Нооръ замѣчаетъ: „Зδ καὶ αὐτίκα γενέσθαι om. [omnes codices] s. homocotel. nescio utrum cecceptoris an librarii incuria“].

архетипамъ извлеченій *περί ἀρετῆς καὶ κηλίας* (cod. Peirescianus) и *περί ὑπομῶν* (cod. Vaticanus gr. 73)—быль писанъ въ полную строку, и

2) что вмѣстимость строкъ *W* въ среднемъ совершенно одинакова съ вмѣстимостью строкъ трехъ остальныхъ вышеупомянутыхъ кодексовъ.

Считаемъ нелишнимъ тутъ же пояснить читателямъ, что ниже слѣдующіе примѣры диттографій и пропусковъ подлиннаго текста, попадающихся въ обѣихъ копіяхъ *W*, нами сообщаются не только потому, что они, — оказываясь совершенно аналогичными тѣмъ диттографіямъ и пропускамъ, которые были нами отмѣчены въ 19 первыхъ примѣрахъ изъ обѣихъ непосредственныхъ копій (*A π*) паэзовскаго кодекса, — *eo ipso* подтверждаютъ правильность нашихъ выводовъ относительно длины и вмѣстимости строкъ *Π*, — но и потому, что, приводя тутъ же и доказательства въ пользу обоихъ вышеуказанныхъ результатовъ нашихъ изслѣдованій, касающихся *W*, мы намѣрены такимъ образомъ совершенно пресѣчь де Боору возможность объявить съ присущимъ ему своеобразнымъ остроуміемъ и эти результаты нашихъ изслѣдованій „ничѣмъ не обоснованными гипотезами“, — съ какою именно цѣлью, это попытку и безъ разъясненій....

Прибѣгнуть къ такому средству огражденія нашей собственности насъ вынуждаютъ два слѣдующихъ обстоятельства:

1) то, что означенный *vir doctissimus* не постѣснился продѣлать точно такую же операцію надъ основнымъ результатомъ нашихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій *περί πρέσβων ἐθνικῶν πρός Ῥωμαίους*, — съ безпримѣрною развязностью искажая (несомнѣнно, *ad maiorem suam gloriam*) истинные факты, о чемъ мы уже достаточно подробно говорили въ своемъ мѣстѣ выше ¹⁾; — не говоримъ уже о томъ, что де Бооръ систематически замалчиваетъ и другіе положительные результаты нашихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій *περί πρέσβων*, а равно и заслуги другого своего предшественника, Эриста Шульце, — такъ какъ эти крайне неприглядные факты, при всей ихъ характерности, кажутся совершенно ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ безпримѣрнымъ въ ученой литературѣ фактомъ, о которомъ мы упомянули выше;

2) то, что, по всей вѣроятности, де Бооръ въ недалекомъ будущемъ издастъ извлеченія *περί ἐπιβουλῶν*, вслѣдствіе чего ему, естественно, придется такъ или иначе коснуться вопроса о ру-

¹⁾ *Varia*, гл. XXXV (Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 553—556).

копійному преданіи этихъ извлеченій, а въ непосредственной связи съ этимъ и вопроса объ особенностяхъ утраченнаго архетипа ихъ (*W*).

Прежде чѣмъ приступить къ сообщенію обѣщанныхъ примѣровъ, считаемъ небезполезнымъ предпослать нѣсколько словъ относительно обѣихъ копій *W*, а равно и о томъ рукописномъ матеріалѣ, который находится въ нашемъ распоряженіи.

До нашего времени, какъ извѣстно, сохранились двѣ непосредственныхъ копій *W*, а именно — *парижская рукопись* (cod. Parisinus gr. 1666, fol. 97^r — 146^r), въ которой содержатся только извлечения изъ Іоанна Антиохійскаго, да и то не всѣ ¹⁾, — и *эскориальская рукопись* (cod. Escorialensis I. Q. 11), которая содержитъ извлечения изъ Николая Дамаскина, Іоанна Антиохійскаго, Іоанна Малалы, Георгія мниха, Діодора, Полибія и Діонисія Галкарнасскаго, т. е., повидимому, все, что имѣлось въ оригиналѣ (*W*). Кстати замѣтимъ, что эскориальскую рукопись мы ради краткости будемъ обозначать буквой *E*, а парижскую — буквой *P*.

Съ вариантами (большей части) рукописи *E* мы знакомы лишь чрезъ посредство изданій Карла Мюллера ²⁾, Федеръ ³⁾, Буассевэна ⁴⁾, и Моммзена ⁵⁾, а съ рукописью *P* имѣемъ и непосредственное знакомство, такъ какъ благодаря любезности дирекціи Парижской Национальной бібліотеки мы получили возможность сличить эту рукопись въ Юрьевѣ нѣсколько времени тому назадъ, — причѣмъ, кстати сказать, и сами убѣдились въ значительной неполнотѣ и неточности коллаціи Крамера, который издалъ въ 1839 году извлечения изъ Іоанна Антиохійскаго, содержащіеся въ *P* ⁶⁾.

Теперь обратимся къ примѣрамъ.

1. Ioann. Ant. fr. 37 ed. Müll. (FHG. IV, 554 col. 2), p. 7,24

¹⁾ Недостають конца этихъ извлеченій, — начиная со словъ τῆς προτέρας ἐπιτομῆς (см. Müller, Fragm. histor. Graec., V, 27 col. 2).

²⁾ Müller, FHG., voll. II — V.

³⁾ Excerpta e Polybio, Diodoro, Dionysio Halic. atque Nicolao Damasceno . . . e cod. Escorialensi a se transcripta ed. cum notis maximam partem criticis C. Aug. I. Feder, pars I, Darmstadii (1849). — Болѣе полнымъ изданіемъ Федеръ (Darmst. 1848 — 1855) мы не имѣли возможности пользоваться.

⁴⁾ Cass. Dio ed. Boissacain, III, 752 sqq.

⁵⁾ Hermes, VI (1872), 326 sqq.

⁶⁾ Cramer, Anecd. Graeca Paris., II, 3 — 86. Не жѣлаеть упомянуть, что какъ Мюллеръ (FHG., IV), такъ и Буассевэнъ приводятъ варианты *P*, заимствуя ихъ именно изъ этого изданія Крамера.

Стам. ¹⁾: καθ' ὃν χρόνον ἡ πόλις ἀπελύθη τῆς τυραννίδος ἑπτὰ μὲν δυναστῶν ἐφεξῆς ἀνασχομένη, τρία ²⁾ δὲ καὶ μ' καὶ σ' κατὰ μοναρχίαν ἔτη πολιτευσαμένη, συνεσταλμένων αὐτῇ τῶν τῆς ἀρχῆς ὄρων ³⁾ ἔτι ⁴⁾, οὐ πέρα τε σταδίων ρ', ἔνθα δὴ μήριστον, ἐκτισμένων. ἐντεῦθεν ἐγένοντο β' κόνισσοι ⁵⁾, οὓς οἱ ⁶⁾ Ἕλληνες ὑπάτους διὰ τὴν ὑπεροχὴν ἐκάλεσαν.

Въ рукописи *P* находимъ двѣ диттографіи, своевременно замѣченныя и атетированныя самими же переписчиками, а именно:

1) послѣ словъ τῆσ | ἀρχῆσ (р. 7,27 Ст.) зачеркнуто и кромѣ того экспунтировано χίαν, т. е., очевидно, послѣдній слогъ слова μοναρχίαν (р. 7,26), и

2) за словомъ ἐκτισμένων (р. 7,28) слѣдуетъ атетированное точно такимъ же образомъ ὑπερ (безъ ударенія), — т. е., очевидно, первая половина слова ὑπεροχὴν (р. 7,29).

Эти диттографіи *P* даютъ намъ возможность совершенно точно опредѣлить границы *трехъ строкъ W*, а именно, на нашъ взглядъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что соответствующая часть вышеприведеннаго мѣста была раздѣлена въ *W* на строки слѣдующимъ образомъ ⁷⁾:

- | | |
|-------|---|
| 1 | |
| | καὶ $\bar{\mu}$ καὶ $\bar{\sigma}$ καταμοναρχ- |
| (a) 2 | χίαν ἔτη πολιτευσαμένη. συνεσταλμένων αὐτῇ τῶν τῆσ ἀρχῆσ |
| (b) 3 | ὄρων ἔτη. ὑπερατε. σταδίων ρ'. ἔνθαδὴ μήριστον ἐκτισμένων. |
| (c) 4 | ἐντεῦθεν ἐγένοντο β' κόνισσοι οὓς οἱ Ἕλληνες ὑπάτους διατῆν |
| 5 | ὑπεροχὴν ἐκάλεσαν: |

Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что первая диттографіа (χίαν послѣ ἀρχῆσ) возникла потому, что, списавъ вторую строку оригинала (a), писецъ *P*, по ошибкѣ, принялся было списывать ее вновь, такъ какъ съ конца ея (ἀρχῆσ) попалъ было опять на нее же,

¹⁾ Считаю не лишнимъ цитовать и по Крамеровскому изданію, такъ какъ въ немъ отмѣчены и строки, чего нѣтъ въ изданіи Мюллера.

²⁾ τρία *P*. — Возможно, что въ *W* и здѣсь была написана цифра (7̄).

³⁾ ὄρων (безъ ударенія) *P*, а не ὄρων, какъ цитуетъ Крамеръ, а за нимъ и Мюллеръ.

⁴⁾ ἔτη *P*.

⁵⁾ Исправляемъ удареніе въ этомъ словѣ. Крамеръ и Мюллеръ оставляютъ рукописное чтеніе κόνισσοι (*P*).

⁶⁾ Это σ пропущено въ изданіи Мюллера, — по всей вѣроятности, случайно.

⁷⁾ Воспроизводимъ всѣ ореографическія и ныма особенности *P*, по которымъ можно составить себѣ достаточно ясное представленіе и объ особенностяхъ самого архетипа *W*.

принять ее за новую строку. Что же касается *второй диттоγραφίης* (ὕπερ послѣ ἐκτισμένων), то нельзя не видѣть, что она была обусловлена первоначальнымъ пропускомъ цѣлой строки оригинала (с): съ конца *третьей* строки *W* писецъ *P* перескочилъ было на *пятую*, но, какъ видимъ, замѣтилъ и исправилъ свою ошибку, успѣвъ списать лишь половину перваго слова этой пятой строки.

2. Ioann. Ant. fr. 119, 3 Müll. (FHG. IV, 584 col. 1), p. 32, 20 Ст.: καὶ ἐπιτηρήσας ἡμέραν, ἐν ᾗ ὁ βασιλεὺς πανδημεῖ ¹⁾ ἐορτάς ἐπιτελεῖ ²⁾, καὶ πάντες τὰ ἑαυτῶν σχήματα διήλλαττον ³⁾ ὡς ἐβούλοντο, καιρὸν ἐπιτήδειον νομίσας λαβὼν τε δορυφόρου σχῆμα ⁴⁾ ἐπαπήδησε διαχρήσασθαι τὸν Κόμοδον ⁵⁾.

Въ *P* послѣ слова καιρὸν (p. 32, 22 Ст.) находимъ атетированную ⁶⁾ диттоγραφίην πάντες τὰ ἑαυτῶν (sic). Отсюда мы выводимъ заключение, что слова (p. 32, 21 sq.)

πάντες τὰ ἑαυτῶν σχήματα διή(λ)αττον ὡς ἐβούλοντο, καιρὸν

занимали въ *W* *ровню строку*, съ конца которой писецъ *P* поначалъ было опять на нее же.

Въ дальнѣйшихъ примѣрахъ мы ради краткости ограничимся сообщеніемъ лишь самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, такъ какъ имѣемъ въ виду подвергнуть эти примѣры болѣе подробному разсмотрѣнію въ другомъ мѣстѣ.

3. Ioann. Ant. fr. 130, 3 Müll. (FHG. IV, 588 col. 2), p. 40, 22 Ст.: αὐτὸς δὲ τὰ πλείστα διέτριβεν ἐν τοῖς βασιλικοῖς ⁷⁾ προαστείοις <καὶ> ⁸⁾ τοῖς παραλίοις τῆς Καμπανίας κτλ.

Слова πλείστα — παραλίοις (p. 40, 22 sq.) въ *W* занимали *ровню*

¹⁾ πανδημεῖ *P*.

²⁾ Конъектура ἐπιτελεῖ легка, но едва ли необходима.

³⁾ διήλαττον *P*.

⁴⁾ δορυφόρου σχῆμα *P*.

⁵⁾ Возстановляемъ *accusativum* τὸν Κόμοδον вмѣсто явно ошибочнаго рукописнаго чтенія τῷ κομόδῳ (*P*), удержаннаго издателями; ср. в Herodian. I, 10,6, p. 22, 21 Mend. ἤλπισε γὰρ.... αἰφνιδίως ἐπιπεσὼν τὸν Κόμοδον διαχρήσασθαι, гдѣ, встать сказать, издатели безъ особенной необходимости замѣняютъ рукописное чтеніе διαχρήσασθαι конъектурой Этьена διαχρήσασθαι.

⁶⁾ Во набѣжаніе повтореній замѣтимъ, что *ось* указываемыя нами диттографіи въ *P* атетированы *самимъ переписчикомъ*.

⁷⁾ βασιλικοῖς *P*.

⁸⁾ Это καὶ, пропущенное въ *P*, дополнено уже Мендельсономъ (см. *Appendix* въ его изданіи Геродіана, p. 229, 6). — Если этого слова нѣтъ и въ рукописи *E*, то слѣдуетъ предположить, что оно было пропущено и въ самомъ архетипѣ (*W*).

στροκυ, какъ показывается атетированная диттоγραφία πλησιστα διέτριβεν, находящаяся въ *P* послѣ слова παραλίους.

4. Ioann. Ant. fr. 131, 3 Müll. (FIG. IV, 589 col. 2), p. 42, 13 Cr.: διὰ ξίφους ἐχώρησεν¹⁾ καὶ τὸν ἀδελφὸν ἐπὶ τοῖς στήθεσι τῆς μητρὸς καταφυγόντα διεχρήσατο.

Въ *P* послѣ слова μητρὸς (написаннаго сокращенно — $\overline{\mu\rho\sigma}$) атетирована диттоγραφία διαξίφους ἐχώρησεν | καὶ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что слова

διαξίφους ἐχώρησεν καὶ τὸν ἀδελφὸν ἐπὶ τοῖς στήθεσι τῆς $\overline{\mu\rho\sigma}$

въ *W* занимали *ровно στροκυ*.

5. Ioann. Ant. fr. 199, 2 Müll. (FIG. IV, 613 col. 2), p. 72, 16 Cr.: ἐπὶ τῷ ἀμαρτήματι ἀνηρέθη μὲν ἐκεῖνος, ἡ δὲ τῶν βασιλείων ἐλαθεῖσα Ἐρχουλάνῳ καταγγυᾶται²⁾.

За словомъ ἐλαθεῖσα въ *P* слѣдуетъ атетированная диттоγραφία довольно крупныхъ размѣровъ, а именно — τήματι ἀνηρέθη μὲν ἐκεῖνος ἡ δὲ (sic). Отсюда видно, что слова (ἀμαρ)τήματι ἀνηρέθη — ἐλαθεῖσα въ *W* занимали *ровно στροκυ*.

6. Ioann. Ant. fr. 201, 4 Müll. (FIG. IV, 615 col. 1), p. 74, 20 Cr.: τὸν βασιλέα ἐν αἰτία ἐτίθετο τοῦ φόνου τοῦ Ἀετίου ἔνεχα. καὶ μετιέναι αὐτὸν ἄμεινον ἐδίδασκεν.

Послѣ слова ἐδίδασκεν (p. 74, 21) въ *P* находимъ атетированную диттоγραφίю φόνου — τοῦ αε|τίου ἔνεχα и выводимъ отсюда заключение, что слова φόνου — ἐδίδασκεν занимали въ *W* *ровно στροκυ*.

7. Polyb. XV, 25, 11 p. 913, 1 ed. Hultsch: πρῶτον μὲν διμήνου τὰς δυνάμεις ὠφωνίασεν³⁾, πεπεισμένος τὸ παρὰ τοῖς πολλοῖς μίσος ἀμβλύειν⁴⁾ διὰ τῆς πρὸς τὸ λυσιστελές ὀρμῆς αὐτῶν, κτλ.

Въ рукописи *E* за словомъ πολλοῖς слѣдуетъ экзсуппированная самимъ переписчикомъ диттоγραφία δυνάμεις, которая, такимъ образомъ, и свидѣтельствуетъ, что слова δυνάμεις — πολλοῖς (p. 913, 2 sq.) въ *W* занимали *ровно στροκυ*, съ конца которой палецъ *E* попалъ было опять на нее же, впадая такимъ образомъ въ ту же са-

¹⁾ Мюллеръ читаетъ ἐχώρησεν, что, однако, вовсе не необходимо.

²⁾ ἐρχουλάνῳ καταγγυᾶται *P*.

³⁾ Поправка Вюттнеръ-Вобста (p. 297, 19) ὠφωνίασεν вовсе не необходима.

⁴⁾ Подобно Вюттнеръ-Вобсту (p. 297, 19) мы возвращаемся къ рукописному чтению ἀμβλύειν (*E*). Въ конъектурѣ Набера ἀμβλυοῦν, которую Гульчъ ввелъ въ текстъ своего изданія (p. 913, 3), нѣтъ никакой надобности, — ср. *I. Stich*, De Polybii dicendi genere (*Acta seminarii philol. Erlang.*, II). 182 sq.

μυю описѣку, какую мы уже неоднократно копстатировали въ копіяхъ Дармарія и въ *P*.

8. Ioann. Ant. fr. 169 Müll. (FHG. IV, 603 col. 1), p. 61, 24 Cr.: γνώμην δὲ ἐποιεῖτο καιροῦ πρὸς ἐπιβουλὴν ἀφικόμενος τοῦ κατακτεῖναι τὸν Κωνσταντῖνον¹⁾. πολλὴ δὲ τις κατεῖχεν εὐνοια τοὺς στρατιώτας εἰς τὸν Κωνσταντῖνον²⁾ διὰ τε τὰ ἄλλα καὶ τὴν ἐν πολέμοις εὐτοχίαν.

Въ *P* послѣ словъ κατακτεῖναι τὸν κωνσταντῖνον (p. 61, 25 Cr.) находится атетированная диттоγραφία διὰτε | τὰἄλλα (sic), — очевидно, обусловленная первоначальнымъ пропускомъ словъ πολλή — εἰς τὸν Κωνσταντῖνον (p. 61, 26 sq.), которые и занимали въ *W* либо отдельную строку, либо пространство въ двухъ строкахъ, приблизительно равное цѣлою строкъ *W*.

9. Ioann. Ant. fr. 211, 1 Müll. (FHG. IV, 618 col. 2), p. 80, 25 Cr.: Οὐρβικήφ δὲ τῷ τῶν θείων ἀδελῶν προκοίτῳ ἔχ τινος περιπετειᾶς γνωρισθεῖς καὶ τὴν ὅλην αὐτῷ περιουσίαν διωκτικῶς καὶ πρὸς γε τῇ Βηρίνῃ ψχειωμένος κτλ.

За словомъ προκοίτῳ въ *P* слѣдуетъ атетированная диттоγραφία — περιουσίαν διωκτικῶς καὶ πρόσγε τῇ βῆ (sic), — очевидно, обусловленная первоначальнымъ пропускомъ *цѣлою строки оригинала (W)*, которая содержала слова ἔχ τινος — αὐτῷ (p. 80, 26 sq.).

10. Ioann. Ant. fr. 98 Müll. (FHG. IV, 578 col. 1), p. 26, 27 Cr.: ὅπερ ἀκηκῶς Βιτέλλιος Σαβῖνον τὸν ἀδελφὸν Βεσπασιανοῦ ἐν τῷ Καπιτωλίῳ προσφυγόντα συγκατέπρησε τῷ ἱερῷ. κινήσεως δὲ ἐντεῦθεν μεγίστης γενομένης, ἐπειδὴ καὶ ὁ τοῦ³⁾ Βεσπασιανοῦ στρατὸς ἐγγίζειν ἔμελλε τῇ πόλει, συνδραμόντες ἅπαντες κρατοῦσι τὸν Βιτέλλιον καὶ προσάγουσι τοῖς Βεσπασιανοῦ στρατιώταις καὶ κατακρίνουσιν⁴⁾ αὐτὸν τελευτῆς ἀσχήμονος κτλ.

Послѣ *перваго* βεσπασιανοῦ (p. 26, 28 Cr.) въ *P* находится атетированная диттоγραφία στρατιώταις καὶ κατακρίνουσι (sic!). Отсюда видно, что съ *перваго* βεσпασианоῦ писецъ *P* первоначально соскользнулъ

¹⁾ κωνσταντῖνον (i corr. ex i) *P*.

²⁾ κωνσταντῖνον *P*.

³⁾ τοῦ *E*: το (sic) *P*. Этотъ вариантъ *P*, — очевидно, являющийся результатомъ *палеографической* ошибки переписчика, — ускользнулъ отъ вниманія Крамера, а потому остался неизвѣстнымъ какъ Мюллеру, такъ и Буассевоу (Cass. Dio, vol. III, 759, 10 adn.).

⁴⁾ κατακρίνουσῖ *P* (въ *серединѣ строки*). Отсюда видно, что и въ *W* было написано κατακρίνουσῖ, причемъ это слово стояло въ концѣ строки.

на *третье* (р. 26, 32 sq.), пропустивъ тажымъ образомъ слова ἐν τῷ Καπιτωλίῳ — τοῖς Βεσπασιανοῦ (р. 26, 28 — 32), т. е., очевидно, *пространство приблизительно равное четыремъ строкамъ оригинала (W)*.

Не сомнѣваемся, что въ *W* разбираемое мѣсто было раздѣлено на строки слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

βιτέλλισ, σαβί-
νον τὸν ἀδελφὸν βεσπασιανοῦ ἐν τῷ καπιτωλίῳ προσφυγόντα
συγκατέκρησε τῷ ἱερῷ· κινήσεως δὲ ²⁾ ἐντεῦθεν μεγίστησ γενου-
μένησ· ἐπειδὴ καὶ ὁ τοῦ βεσπασιανοῦ στρατὸς ἐγγίξειν ἔμελλε
τῇ πόλει, συνδραμόντες ἅπαντες κρατοῦσι τὸν βιτέλλιον καὶ
προσάγουσι τοῖσ βεσπασιανοῦ στρατιῶταισ· καὶ κατακρίνουσῖ

11. Dionys. Halic. XII, 4 p. 178, 4 Kiessl.: οἱ δὲ κοινωνήσαντες τῆς συνωμοσίας ἀφειμένοι τοῦ φόβου χαίρειν τε προσεποιούντο καὶ τὸ συνέδριον τῶν βουλευμάτων ἐπήνουν.

Въ *E* находимъ *два* диттографіи, экзсунгированныхъ самимъ же переписчикомъ, а именно: 1) оῦν послѣ слова κοινωνήσαντες и 2) καὶ τὸ послѣ τῆς. Обѣ эти диттографіи легко могли возникнуть при слѣдующемъ разграниченіи строкъ оригинала (*W*):

οἱ δὲ κοινωνήσαντες
τῆς συνωμοσίας ἀφειμένοι τοῦ φόβου χαίρειν τε προσεποι-
ούντο καὶ τὸ συνέδριον κтл.

12. Dionys. Halic. XX, 4 p. 257, 25 Kiessl.: καὶ τὴν Ταραντίνων πόλιν ἐν ὑποψίαις ἔχοντες ἐδεήθησαν τοῦ Φαβρικήϊου δύναμιν τῇ πόλει λιπεῖν κтл.

Въ *E* за предлогомъ ἐν слѣдуетъ экзсунгированная самимъ переписчикомъ диттографія τῇ ³⁾, которая, очевидно, была обусловлена первоначальнымъ пропускомъ словъ ὑποψίαις — δύναμιν, занимавшихъ въ *W* либо отдѣльную строку, либо пространство въ двухъ строкахъ, приблизительно равное цѣлой строкѣ *W*.

13. Ioann. Ant. fr. 84 Müll. (FHG. IV, 572 col. 1/2), p. 23, 1 Cr. — ср. Cass. Dio ed. Boissevain, vol. III, 753 — ἄλλοι τε ἐκ τῶν σαρ-

¹⁾ Воспроизводимъ и здѣсь орфографическія и иныя особенности написанія этого мѣста въ *P*.

²⁾ δὲ согг. ex di *P* (sic).

³⁾ Сличая *E*, Мюллеръ не замѣтилъ этой экзсунгціи и потому въ своемъ изданіи ошибочно исправилъ это диттографическое τῇ въ таῖς (FHG. II, p. XL col. 1 ἐν таῖς ὑποψίαις).

κῶν αὐτοῦ ἐγείσαντο· εὐθέως τε τὴν γυναῖκα καὶ τὴν θυγατέρα διε-
χυρήσαντο.

Вся послѣдняя фраза εὐθέως — διεχυρήσαντο пропущена въ *P* (а потому ся пѣтъ и въ изданіяхъ Крамера и Мюллера), — очевидно, потому, что писецъ *P* либо перескочилъ черезъ *цѣлую строку оригинала (W)*, въ которой содержались эти слова, либо соскользнулъ подъ вліяніемъ *homocoleuton* (ἐγείσαντο — διεχυρήσαντο) съ одной строки *W* на непосредственно слѣдующую, — если пропущенная фраза была разбѣшена въ двухъ строкахъ *W*, — занимая, какъ показываютъ ея размѣры, пространство приблизительно равное цѣлою строкѣ оригинала.

14. Ioann. Ant. fr. 218e, 2 Müll. (FIG. V, 37 col. 2): ὁ δὲ γαμ-
βρὸς αὐτοῦ Πρίσχος ἄμὴ ὑποφέρων ὁρᾶν τοὺς τε ἀδίκους φόνους καὶ
τὰ κακὰ τὰ ὑπὸ Φωχᾶ γινόμενα ἔγραψε(ν) πρὸς Ἡράκλειον τὸν
πατρίκιον καὶ στρατηγὸν Ἀφρικῆς.) ὥστε ἀποστεῖλαι Ἡράκλειον τὸν
υἱὸν αὐτοῦ κτλ.

Въ *E* послѣ слова Πρίσχος читается ὥστε ἀποστεῖλαι κтл. ¹⁾, и уже Мюллеръ, а за нимъ и Моммзенъ ²⁾ дополнили изъ Теофапа фразу ἔγραψεν — Ἀφρικῆς (р. 456, 9 ed. Bonn.), а мы изъ того же источника добились и непосредственно предшествующія слова μὴ ὑποφέρων — γι-
νόμενα (Theoph. p. 295, 27 sq. ed. de Boor).

Этотъ крупный пропускъ въ *E* мы объясняемъ тѣмъ, что писецъ *E* случайно перескочилъ черезъ *два строки оригинала (W)*, въ кото-
рыхъ содержались слова μὴ ὑποφέρων — Ἀφρικῆς ³⁾. На сопоставленіе съ этой ошибкой писца *P* напрашивается аналогичная ошибка Дар-
марія (π), которую мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ выше (п. 13), го-
воря о пропускѣ въ августиновской рукописи (π), словъ (ἐ)παφέροντο —
βάρβαρα въ извлеченіяхъ изъ Меландра fr. 20 p. 50, 10-12 Dind.

Вышеприведенныя 14 примѣровъ съ ихъ *двадцатью строками W* достаточно краснорѣчиво подтверждаютъ наше мнѣніе, что и утра-

¹⁾ Въ *P* этого отрывка пѣтъ.

²⁾ *Hegtes*, VI. 365.

³⁾ Считаю не лишнимъ пояснить читателямъ, что хотя въ де-бооровскомъ изда-
ніи Теофапа читается ἔγραψε (р. 295, 28), причѣмъ нигдѣ не отмѣчается вариантъ
ἔγραψεν, мы предпочли считаться и съ этимъ послѣднимъ вариантомъ, такъ какъ, съ
одной стороны, намъ по собственному опыту извѣстно, что ни на поляху, ни на
точность де-бооровскихъ коляцій не всегда можно полагаться; съ другой стороны, —
потому, что если даже допустить, что во всемъ рукописномъ преданіи Теофапа
имѣется только первый вариантъ (ἔγραψε), то и такой фактъ не исключаетъ возмож-
ности предположенія, что въ рукописяхъ *Ioanna Ammonioi*scano, а равно и въ *II*
читалось ἔγραψεν.

ченный архетипъ извлеченій περί ἐπιβουλῶν былъ писанъ въ полную строку.

Что же касается вмѣстимости строкъ *W*, то изъ 20 строкъ этого кодекса, которые намъ удалось опредѣлить выше, содержится

въ одной	39 — 40	буквъ: п.	9,
” ”	40 — 43	буквы: п.	13,
въ трехъ по	43	” : пп.	5, 7, 12,
въ одной	44	” : п.	1b,
” ”	45	буквъ: п.	11,
” ”	46 — 47	” : п.	1a,
” ”	46 — 48	” : п.	6,
” ”	47 — 48	” : п.	2,
въ пяти по	47 — 49	” : пп.	4 и 10,
въ двухъ по	50 — 54	буквы: п.	14,
въ одной	51	буква: п.	1c,
” ”	51 — 52	буквы: п.	8 и, наконецъ,
въ одной	51 — 54	буквы: п.	3.

Во всѣхъ 20 строкахъ, взятыхъ вмѣстѣ, содержится отъ 923 до 954 буквъ, и, стало быть, въ среднемъ на каждую изъ этихъ строкъ *W* приходится по 46 — 48 буквъ ¹⁾, т. е. по совершенно такому же количеству буквъ, какое въ среднемъ приходится на строку наззовскаго кодекса.

Крѣпѣе (возможные) предѣлы колебаній количества буквъ въ отдѣльныхъ строкахъ *W* (39 — 54) почти одинаковы съ констатированными относительно наззовскаго кодекса (39 — 57), а равно и относительно cod. Peirescianus и ватиканскаго палимпсеста (40 — 58); то же самое слѣдуетъ сказать и по поводу *нормальныхъ* предѣловъ упомянутыхъ колебаній (въ *W* 46 — 51, въ II 46 — 53, въ обоихъ уцѣлѣвшихъ кодексахъ 46 — 53 или 46 — 54).

Едва ли нужно пояснять, что вышеприведенныя цифры вполнѣ оправдываютъ наше общее заключеніе, что вмѣстимость строкъ *W* въ среднемъ совершенно одинакова съ вмѣстимостью строкъ всѣхъ остальныхъ вышеупомянутыхъ кодексовъ.

Остается добавить, что въ другомъ своемъ изслѣдованіи, которое имѣетъ появиться въ скоромъ времени, мы постараемся доказать, что

¹⁾ 923: 20 = 46³/₂₀, а 954: 20 = 47⁴/₂₀ или 47,7. Последнюю цифру мы позволили себѣ округлить до 48.

объемъ листа *W* въ среднемъ тоже совершенно равенъ объему листа трехъ остальныхъ кодексовъ, — что на страницъ *W* было тоже по 32 строки, — что орографическія и инныя особенности *W* совершенно совпадаютъ съ особенностями *II* и турецкаго кодекса, и что вообще всѣ эти четыре кодекса (*II*, *W*, cod. Peirescianus и ватиканскій палимпсестъ) были писаны однимъ и тѣмъ же писцомъ ¹⁾, приблизительно въ срединѣ X вѣка, и входили въ составъ того самаго экземпляра (полнаго) собранія Константиновскихъ историческихъ извлеченій, который былъ изготовленъ для самого инициатора этой грандіозной энциклопедіи, т. е. для императора Константина Багрянороднаго.

Возвращаясь къ сочиненію де Боора, мы должны замѣтить, что теперь намъ осталось подвергнуть критическому разсмотрѣнію всего только три-четыре страницы этого сочиненія ²⁾. Разбору этихъ страницъ мы посвятимъ непосредственно слѣдующую главу нашихъ *Varia* — такъ сказать, *honoris causa*: дѣло въ томъ, что въ предѣлахъ этой части де-бооровскаго элбората мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ особенно яркихъ иллюстрацій крайней неосмотрительности и односторонности сужденій и вообще неподготовленности де Боора къ рѣшенію затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, относящихся къ области рукописнаго преданія извлеченій *περί πρῶτων ἐθνικῶν*, — неподготовленности тѣмъ болѣе странной, что означенный ученый отнюдь не является новичкомъ и въ этой области, такъ какъ въ послѣднюю ему уже приходилось забираться чуть ли не цѣлую четверть вѣка тому назадъ ³⁾.

Въ заключеніе не откажемъ себѣ въ удовольствіи сопоставить результаты *нашихъ* изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій *περί πρῶτων ἐθνικῶν πρός Ῥωμαίους* съ результатами *де-бооровскихъ* „изысканій“, — для того чтобы дать возможность читателямъ яснѣе представить себѣ, сколько сумбура и разнаго рода ошибокъ сумѣлъ внести де Бооръ и въ эту область —

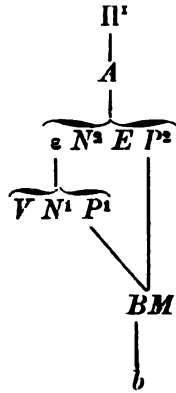
¹⁾ Этого писца мы склонны отождествить съ монахомъ Авраміемъ (*Ἀβραμῆος*), который въ 990 году написалъ парижскую рукопись Дороея (cod. Parisinus gr. 1089), ср. ея факсимиле у *Омона*, *Fac-similés des mss. grecs datés de la Biblioth. Nationale du IX-e au XIV-e siècle*, Paris 1890 - 1891, pl. VIII¹².

²⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 150 — 154.

³⁾ Ср. по этому поводу *Sitzungsber. der philos. - philol. und der histor. Classe der Münchener Akad.* 1883, II, 87 сл., а равно и *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 932.

несмотря на то, что въ его распоряженіи имѣется весь рукописный матеріалъ, оказывающійся необходимымъ для правильнаго и окончательнаго рѣшенія даннаго вопроса.

Результаты нашихъ изслѣдованій въ вышеупомянутой области можно графически изобразить посредствомъ слѣдующей стеммы рукописей:



гдѣ Pi¹ — первая половина назоваемаго кодекса (*cod. Escorialensis I. O. 4, fol. 1^r—188^r*);

A — *cod. Ambrosianus N 135 sup.*;

e — совокупность двухъ первыхъ томовъ августиновской рукописи (*codd. Escorialenses IV. H. 6 и 7*);

E — *codd. Escorialenses R. III. 21* (за исключеніемъ 12 первыхъ листовъ) и *R. III. 13*;

V — *cod. Vaticanus gr. 1418, pg. 1—158*;

N¹ — *cod. Neapolitanus III. B. 15, pg. 1—486* (приблиз.);

N² — " " " " " " *pg. 487* (прибл.)—652¹⁾;

P¹ — начало перваго тома трехтомной ватикано-палатинской рукописи (P), а именно *cod. Vaticanus Palatinus gr. 411, fol. 5—112* (приблизительно);

P² — *codd. Vaticani Palatini gr. 411* (за исключеніемъ P¹), 410 и 412;

B — *cod. Bruxellensis 11317—21*;

¹⁾ Не мѣшаетъ пояснить, что этотъ конецъ неаполитанской рукописи (N²) выше мы обозначали буквой n.

M — cod. *Monacensis* gr. 185;

b cod. *Bruxellensis* 8761, fol. 41—66¹).

Кромѣ этихъ рукописей извлеченій περί πρέσβων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους; намъ извѣстны еще двѣ рукописи, а именно:

1) *a* — cod. *Ambrosianus* G 7:2 inf., fol. 27^a—29^a, гдѣ содержатся незначительныя части извлеченій изъ Аппіана *Рим.* 56—59 p. 240,6—243,21 Mend. [ELG. p. 540,14—552,16]: ὀλαδάς ἐπιφύωνον ἐστίν и изъ Полибія XXII, 1 p. 1087,7—1088,9 Шу. [ELG. p. 273,24—274,18]: Ὅτι κατὰ... τῶν ἀγαθῶν, и

2) Φ — парижская рукопись *M. 232*, хранящаяся въ національномъ архивѣ (Archives Nationales) и содержащая собственноручныя выписки *Combéfi's'a* изъ парижскаго изданія извлеченій περί πρέσβων (Paris. 1648)²).

Последней рукописи (Φ), по легко понятной причинѣ, мы не отвели мѣста въ вышеприведенной стеммѣ; что же касается рукописи *a*, то, за неимѣніемъ ся колляцій, мы въ настоящее время не имѣемъ и возможности воиогдѣ точно установить, съ какой именно рукописи были она списана; во всякомъ случаѣ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что для критики текста извлеченій изъ Аппіана и Полибія эта рукопись не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ является копіей либо *M*, либо (?) *N*, причемъ аппіановское мѣсто, повидимому, могло быть списано и съ *B*.

По поводу вышеприведенной стеммы остается напомнить читателямъ о возможности частичнаго упрощенія ся при условіи признанія *всей* ватикано-палагинской рукописи ($P = P^1 + P^2$) непосредственною копіей *A*, — о чемъ мы уже говорили въ концѣ XXXV главы нашихъ *Varia*³).

Результаты *де-бооровскихъ* изысканій мы можемъ графически изобразить посредствомъ такой стеммы⁴):

¹) По поводу этой рукописи ср. наши замѣчанія въ *Varia*, гл. XXXV (Ж. М. Н. Пр. 1902, ноябрь, 497 сл.).

²) За болѣе подробными свѣдѣніями относительно Φ отсылаемъ къ *Византійскому Временнику*, VIII (1901), 511 сл.

³) Ж. М. Н. Пр. 1902, декабрь, 577—581 и 583.

⁴) Необходимо пояснить, что, такъ какъ де Бооръ почему то воздержался въ *Sitzungsber.* 1902, отъ графическаго изображенія результатовъ своихъ изысканій въ данной области, то и эту стемму (подробно той, которую мы сообщали въ Ж. М. Н. Пр. 1902, ноябрь, 505) пришлось составить намъ самимъ, — для того чтобы дать возможность читателямъ составить себѣ такимъ образомъ болѣе

Содержаніе

ТРИСТА-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1904 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

	Стран.
(7-го ноября 1903 года, № 82)	3
(17-го ноября 1903 года, № 84)	4
(24-го ноября 1903 года, № 86)	—
(1-го декабря 1903 года, № 89)	5
(5-го декабря 1903 года, № 90)	101
(12-го декабря 1903 года, № 92)	—
(23-го декабря 1903 года, № 96)	102
(30-го декабря 1903 года, № 100)	—
(7-го января 1904 года, № 3)	—

Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(24-го ноября 1903 года, № 87)	6
(1-го января 1904 года, № 1)	43

Циркуляры министерства народного просвѣщенія.

1. (9-го октября 1903 года, № 31513). О введеніи въ V классъ гимназій домашнихъ письменныхъ работъ по русскому языку	7
1. (5-го ноября 1903 года, № 34439). О разрѣшеніи опредѣлять въ гимназій и прогимназій сверхштатныхъ учителей природовѣдѣнія изъ лицъ, окончившихъ курсъ физико-математическаго факультета по отдѣленію естественныхъ наукъ	—
3. (5-го ноября 1903 года, № 34883). О правѣ законоучителей учебныхъ заведеній вѣдомства министерства на зачетъ въ срокъ службы на пенсію прежней епархіальной службы	8

Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народного просвѣщенія.

1. (18-го мая 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ильича Щуцкаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	10
2. (8-го іюля 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Прокофьевича Васильева при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	—
3. (13-го сентября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени профессора, доктора Венцеля Грубера и жены его Августы Груберъ, при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	11
4. (10-го октября 1902 года). Положеніе о стипендіи имени Владимира Филипповича Томаса при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	12
5. (18-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени мануфактуръ-совѣтника Якова Емельяновича Башкирова при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ	13
6. (18-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени потомственной почетной гражданки Анны Григорьевны Гусаревой при Московскомъ промышленномъ училищѣ въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II	14
7. (18-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени врача Богословскаго горнаго округа Ивана Ивановича Бѣлавина при Турьинскомъ горномъ училищѣ	15
8. (27-го ноября 1902 года). Положеніе о стипендіяхъ имени предводителя дворянства Чистопольскаго и Мамадышскаго уѣздовъ Владимира Ивановича Лубовича, учрежденныхъ въ память двадцатипятилѣтія его службы	16
9. (21-го іюня 1903 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-маіора Виктора Пантелѣймоновича Ваховскаго при Севастопольскомъ Константиновскомъ реальномъ училищѣ	103

10. (27-го іюня 1903 года). Положеніе о стипендіи при Мариупольской мужской гимназій имени бывшего нотаріуса въ селѣ Павловкѣ, Мариупольскаго уѣзда, Георгія Автоновича Сенокова	104
11. (6-го іюля 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Корниловыхъ при пансіонѣ Тобольской мужской гимназій	105
12. (18-го іюля 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Г. Я. Бывкова при Харьковской 3-й гимназій	106
13. (13-го сентября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени мануфактуръ-совѣтника Якова Емельяновича Башкирова при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ	107
14. (14-го сентября 1903 года). Положеніе о капиталѣ, пожертвованномъ въ пользу Кіевскаго реального училища Елизаветой Михайловной, Пелагеей Ивановой и Михаиломъ Ивановичемъ Терещенко	108
15. (11-го октября 1903 года). Положеніе о единовременныхъ пособияхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталѣ, завѣщанный тульскимъ купцомъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Ванькинымъ	—
16. (13-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина губернскаго секретаря Николая Ивановича Сатина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	109
17. (14-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Ермоловой на завѣщанный Лидіей Валеріановной Дроздовой капиталъ Императорскому Московскому университету	110
18. (31-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Павла Герасимовича Тюнѣва при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ	—
29. (31-го октября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Петра Степановича Елисѣева при С.-Петербургской первой гимназій	111
20. (3-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго коллежскаго совѣтника Степана Тимофеевича Чучкина при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	112
21. (9-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени бывшего окружнаго интенданта Казанскаго военнаго округа генерала-отъ-инфантерій Федора Карловича Коль при Императорской Казанской первой гимназій	113
22. (11-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захарія Васильевича Коленко при Херсонской мужской гимназій	114
23. (11-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи бывшего учителя рисованія и чистописанія Царицынской Мариинской женской гимназій, губернскаго секретаря Александра Ивановича Головина при Царицынской Александровской гимназій	115
24. (11-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени бывшего Калишскаго губернатора, сенатора, шталмейстера Высочайшаго двора Михаила Петровича Дарагана, при Калишскомъ реальномъ училищѣ	116

25. (12-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя правленія Пензенскаго общества взаимнаго кредита Петра Павловича Львова при Пензенской второй мужской гимназій	117
26. (18-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Петровича Ильшеніево при Пинскомъ реальномъ училищѣ	118
27. (18-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени всендза Франциска Войцѣховскаго при Виленской первой гимназій	120
28. (18-го ноября 1903 года). Правила пользованія процентами съ капитала въ 3.000 руб., пожертвованнаго Новочеркасской гимназій генералъ-майоромъ Борисомъ Матвѣевичемъ Калининимъ	121
29. (26-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи почетнаго попечителя лицея Павла Александровича Демидова при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ	122
30. (6-го декабря 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Павловича Воскресенскаго при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ	123

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 17 и 124

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 22 и 126

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію. 29 и 137

Открытіе училищъ 31 и 138

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 31 и 138

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Очеркъ I	1
С. П. Розановъ. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ	92
В. И. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIV—XXV (продолженіе)	137

А. А. Шахматовъ. Новая хронологическая дата въ исторіи русской литературы	174
В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. IV (продолженіе)	257
И. И. Соловейчикъ. О значеніи загадочныхъ словъ: Мави, Фекель, Фаресь въ книгѣ Даниила	295
И. А. Джаваховъ. Къ исторіи церковныхъ реформъ въ древней Грузіи	358
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школъ новаго эмпиризма по вопросу объ истиннахъ самоочевидныхъ (продолженіе)	378
А. Н. Веселовскій. Къ вопросу о родинахъ легенды о св. Грагль	395
Н. Н. Дурново. Одинъ изъ источниковъ Стоглава	454

Критика и библиографія.

И. Н. Смирновъ. Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Органъ за всестранно изучаване на етнографска България. Т. I—XVIII. София. 1889—1901 (окончаніе)	180
М. Г. Попруженко. С. А. Бьлюкуровъ. Юрій Крижаничъ въ Россіи. Москва. 1902.	221
В. Н. Бенешевичъ. А. И. Алмазовъ, проф. Каноническіе отвѣты Гоасафа, митрополита Ефесскаго. (Малонзвѣстный памятникъ права греческой церкви XV в.). Текстъ и переводъ съ предварительнымъ очеркомъ и примѣчаніями. Одесса. 1903. — Неизданные каноническіе отвѣты патриарха Луки Хрисоверга и митрополита Нила. Одесса. 1903.	231
П. Д. Драгановъ. <i>Vesel in Askerca</i> . Ruska Antologija. 1902	244
I. M. Булишеръ. <i>Sombart</i> . Der moderne Kapitalismus. В. I. Die Genesis des Kapitalismus. В. II. Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. Leipzig 1902.	457
В. И. Чернышевъ. Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. С.-Пб. 1903	472
В. К. Поржезинскій. Отвѣтъ академику и профессору А. И. Соболевскому	475
А. И. Соболевскій. Замятка на „Отвѣтъ“ В. К. Поржезинскаго	481
— Книжныя новости	245 и 482

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература.

Е. А. Лебедевъ. Учебная книга географіи. Россійская Имперія	1
Э. Коверскій. Карта Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ	3
И. Беллярминовъ. Курсъ всеобщей исторіи	4
В. В. Битнеръ. Народный университетъ	7

	Стран.
<i>L. Feuille et L. Martin. Précis de grammaire française.</i>	10
<i>Щежкина, Е.</i> Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ вре- менъ до 1881 г.	13
<i>О. Н. Фрейберъ.</i> Древній Вавилонъ и его вліяніе на нашу культуру .	20
<i>Дм. Кайгородовъ.</i> Изъ родной природы	23
<i>Горячевъ, Д. и Воронцовъ, А.</i> Задачи, вопросы и софизмы для люби- телей математики	26

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>Ө. А. Лютеръ.</i> Краткій отчетъ о дѣятельности общества класси- ческой филологіи и педагогика за 1898—1899, 1899—1900, 1900—1901 и 1902—1902 учебный годъ	1
<i>Ю. А. Куляковскій.</i> Памяти Моммзена	39
<i>П. А. Земятченскій.</i> В. В. Докучаевъ (<i>некрологъ</i>)	62
<i>А. С. Архангельскій.</i> Труды академика А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы	73
<i>Н. Е. Чижовъ.</i> Коммерческій университетъ въ Миланѣ	126

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

<i>Гр. И. И. Толстой.</i> Культь Аполлона на Воспорѣ и въ Ольвип .	1
<i>А. В. Цикитскій.</i> Критическія замѣтки (<i>продолженіе</i>)	16
<i>М. Н. Крашенинниковъ.</i> <i>Vagia</i> (<i>продолженіе</i>)	31 и 49

Объявленія 1—16

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>Щепкина, Е.</i> Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ вре- менъ до 1881 г.	13
<i>О. Н. Фрейбергъ.</i> Древній Вавилонъ и его вліяніе на нашу культуру .	20
<i>Дж. Кайгородовъ.</i> Изъ родной природы	23
<i>Горячевъ, Д. и Воронцовъ, А.</i> Задачи, вопросы и софизмы для любителей математики	26

ОБВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>А. С. Архангельскій.</i> Труды академика А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы	73
<i>Н. Е. Чижевъ.</i> Коммерческій университетъ въ Миланѣ	126

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

<i>М. Н. Брашенинниковъ.</i> <i>Varia (продолженіе)</i>	49
---	----

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 11—14

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го февраля).



ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 и 1903 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по высшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“; но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г.: безъ доставки 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1994**

